

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес и Маринскія мостами, д. № 90-1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Ересь жидовствующих . . . . . И. ПАНОВА.
Русско-Византійскіе отрывки . . . . . В. ВАСИЛЬЕВСКАГО.
Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія
ихъ Турками . . . . . В. КАЧАНОВСКАГО.

Критическія и библиографическія замѣтки:

- Сочиненія Аполонова Григорьева. Томъ первый. Изданіе Н. Н. Страхова. . . . . А. ГАЛАХОВА.

- Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Составилъ Григорій Геннадіи. Томъ первый . . В. САИТОВА.

- Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Составилъ М. Колосовъ. Изд. 4-е, измѣненное и дополненное. . . . . А. СМЕРНОВА.

- Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Гуревичъ. Томъ I. . . . . Н. И.

- Mélusine, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages, dirigée par MM. H. Gaidoz et E. Rolland (Мелюзина, журналъ по мифологіи, народной словесности, преданіямъ и обычаямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Гедоза и Э. Роллана). . . . . А. ВЕСЕЛОВСКАГО.

- Обученіе пѣнію въ народной школѣ . . . С. МИРОПОЛЬСКАГО.

- О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ . . . . . М. ИВАНОВСКАГО.

- Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ . . . . . В. СМЕРНОВА.

- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) ветеринарные институты, в) низшія училища . . . . .

Отдѣлъ классической филологіи и ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

PSlav 318.10

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (12-го октября 1876 года). *О наименованіи реальнаго училища, собирающагося на средства церковнаго совета евангелическо-лютеранскаго общества въ г. Саратовъ „Александро-Маріинскимъ“.*

Церковный совѣтъ евангелическо-лютеранскаго общества въ гор. Саратовѣ, на средства коего исключительно содержится преобразованное въ 1873 г. изъ церковнаго Александро-Маріинскаго училища реальное училище, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, чрезъ посредство окружнаго начальства съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на сохраненіе за симъ училищемъ, и по преобразованіи его въ реальное, наименованія „Александро-Маріинскаго“ въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, за министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ Ливадіи, Всемилостивѣйше на сіе соизволилъ.

2. (12-го октября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Вольскомъ реальномъ училищѣ.*

Фридрихсгамскій купецъ Александръ Кудиновъ представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія одинъ 5⁰/₁₀₀ билетъ государственнаго банка, на сумму въ тысячу руб. съ одиннадцатью неотрѣзанными при немъ купонами, съ ходатайствомъ объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала, при Вольскомъ реальномъ училищѣ

одной стипендіи имени умершаго коммерціи совѣтника Алексѣя Сапожникова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, за министра народнаго просвѣщенія, товарища министра, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ: какъ на принятіе пожертвованнаго фридрихсгамскимъ купцомъ Александромъ Кудиновымъ капитала въ одну тысячу руб., такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при Вольскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія коммерціи совѣтника Алексѣя Петровича Сапожникова, учрежденная фридрихсгамскимъ купцомъ Александромъ Алексѣевичемъ Кудиновымъ“.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го октября 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта А. П. Хрущева при Омской женской гимназій почетныхъ гражданъ Поповыхъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й день февраля 1876 года, на проценты съ капитала въ 2.800 руб., собраннаго чинами и сословіями Семипалатинской области, учреждается въ память бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири, генералъ-адъютанта А. П. Хрущева, при Омской женской гимназій почетныхъ гражданъ Поповыхъ, стипендія его имени для одной воспитанницы сего заведенія, съ полнымъ содержаніемъ ея въ мѣстномъ женскомъ пріютѣ „Надежда“.

2) Означенный капиталъ, по обращеніи въ 5% государственные билеты, причисляется къ спеціальнымъ средствамъ Омской женской гимназій и остается неприкосновеннымъ, а изъ слѣдующихъ съ него процентовъ употребляется: 110 руб. на уплату за годичное содержаніе стипендіатки въ Омскомъ пріютѣ „Надежда“ и 30 руб. за право обученія ея въ гимназій обязательнымъ и необязательнымъ предметамъ.

3) Еслибы стипендіатка обучалась въ женской гимназій однимъ только обязательнымъ, или же не всѣмъ необязательнымъ предметамъ, то могущіе чрезъ это образоваться остатки отъ процентовъ обращаются въ сумму на первоначальное ея обзаведеніе въ означенномъ пріютѣ.

4) Назначеніе стипендіатки преимущественно изъ уроженокъ недостаточнаго состоянія и дочерей служащихъ въ Семипалатинской области, принадлежитъ генераль-губернатору Западной Сибири, по представленію о томъ военнаго губернатора Семипалатинской области.

5) Смѣщеніе воспитанницы со стипендіи за безуспѣшность или неодобрительное поведеніе производится по опредѣленіямъ педагогическаго совѣта женской гимназій, съ утвержденія генераль-губернатора.

2. (25-го ноября 1876 г.). *Положеніе о Константино-Варваринской стипендіи, учрежденной при Московскомъ учительскомъ институтѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 26-й день іюля 1876 года, при Московскомъ учительскомъ институтѣ учреждается стипендія на проценты съ капитала, состоящаго въ одномъ закладномъ листѣ Московскаго земельного банка, на сумму пятьсотъ рублей, пожертвованнаго почетнымъ попечителемъ института, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Константиномъ Третьяковымъ.

2) Стипендіи этой присвоивается наименованіе Константино-Варваринской.

3) Капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Московскаго учительскаго института и составляетъ неотъемлемую собственность сего заведенія.

4) Проценты съ означеннаго капитала, въ количествѣ тридцати рублей, выдаются ежегодно по жребію одному изъ бѣднѣйшихъ, окончившихъ курсъ воспитанниковъ института, кореннаго русскаго происхожденія.

5) Выборъ воспитанниковъ для допущенія къ жребію представляется педагогическому совѣту института.

3. (25-го ноября 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени Впры Гуморьевны Елминской, при Рижской женской Ломоносовской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 19-й день ноября 1876 г., изъ про-

центовъ съ капитала, пожертвованнаго командиромъ 1-го осаднаго инженернаго парка, полковникомъ Оедоромъ Еллинскимъ и состоящаго въ билетѣ на вѣчный вкладъ въ 670 р. изъ 6% въ годъ III-го Рижскаго общества взаимнаго кредита № 16, учреждается при Рижской женской Ломоносовской гимназій „стипендія имени Вѣры Григорьевны Еллинской“.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 40 р. 20 к. въ годъ, производится одной изъ бѣдныхъ и способныхъ дѣвицъ названной гимназій, отличающейся, по засвидѣтельствованію педагогическаго совѣта гимназій, хорошими успѣхами въ наукахъ и одобрительнымъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіатку изъ числа способныхъ ученицъ принадлежитъ попечительному совѣту Рижской женской Ломоносовской гимназій.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, проценты съ капитала, остающіеся въ экономіи, также обращаются въ пособіе стипендіаткѣ.

§ 5. Означенный капиталъ въ 670 р., составляя неприкосновенную собственность Рижской женской Ломоносовской гимназій, хранится, вмѣстѣ съ спеціальными ея суммами, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 6. Деньги, выданныя ученицѣ въ счетъ стипендіи, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются ею обратно, и стипендіатка не подлежитъ за пользованіе стипендіею никакимъ обязательствамъ.

III. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го октября 1876 года (№ 20). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 9-го октября 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Лисовъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, на три года, съ 27-го сентября 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовскій*—въ званіи за-

служеннаго ординарнаго профессора сего университета, съ 16-го августа 1876 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Мартенсъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ международнаго права, съ 18-го октября 1876 года.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ финансоваго права *Линжумъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ финансоваго права, съ 9-го октября 1876 года.

Профессоръ Берлинскаго университета *Личъ* — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи.

Исправляющій должность инспектора Сѣдлецкой мужской гимназій, преподаватель оной *Абрамовичъ* — директоромъ Мариампольской мужской гимназій, съ 1-го октября 1876 года.

Инспекторъ Одесской первой прогимназій, надворный совѣтникъ *Пятницкій* — директоромъ Симферопольской гимназій.

Титулярный совѣтникъ *Рыбицкій* — почетнымъ попечителемъ Ялтинской мужской прогимназій, на три года, съ 1-го іюля 1876 года.

Исправляющій должность директора народныхъ училищъ Рязанской губерніи *Кормилицынъ* — въ сей должности.

Инспекторъ Пензенской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Дарионовъ* — директоромъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи.

Исправляющіе должность директоровъ учительскихъ семинарій: Новинской, коллежскій совѣтникъ *Деймидовичъ* и Новоторжской, надворный совѣтникъ *Барановъ* — въ сихъ должностяхъ.

Исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, губернскій секретарь *Крейтеръ* — въ сей должности, съ 26-го октября 1876 года.

Помѣщики: *Кологривовъ*, *Обросимовъ*, *Бибиковъ*, *Завистовскій*, *Риттихъ*, *Римско-Корсаковъ*, *Карцовъ*, купцы: *Гусаревъ*, *Засѣдателевъ* и *Аксеновъ* — членами попечительства Ливенскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщается: директоръ Симферопольской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Даль* — директоромъ Керченской Александровской гимназій.

Оставаются на службѣ: на два года: директоръ Пермской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Грацинскій*, съ 24-го августа 1876 года.

По 15-е сентября 1879 года: директоръ училищъ Эстляндской губерніи, статскій совѣтникъ *Галымбекъ*.

На пять мѣтъ: директоръ Одесскаго коммерческаго училища, статскій совѣтникъ *Орбинскій*, съ 17-го августа 1876 года.

Директоръ Кронштадтской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Янишъ*, съ 21-го августа 1876 года.

Директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цановъ*, съ 7-го сентября 1876 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовскій*, съ 15-го сентября 1876 года.

Директоръ С.-Петербургской третьей гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лемонюсъ*, съ 1-го октября 1876 года.

Продолжается срокъ командировки съ ученою цѣлю: исправляющему должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Смирнову* — на одинъ мѣсяцъ и восемнадцать дней, въ С.-Петербургъ и Дерптъ.

Командируется съ ученою цѣлю: доцентъ Императорскаго университета св. Владимира *Хрущовъ* — на три мѣсяца, въ С.-Петербургъ и Москву.

Продолжается срокъ отпуска: ординарному профессору Императорскаго университета св. Владимира, статскому совѣтнику *Модестову* — на двадцать дней, въ С.-Петербургъ.

Увольняются въ отпускъ за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Губманъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Андреевскій* — на зимнее вакаціонное время 1876 года.

Учитель Виленской прогимназій *Пянкинъ* — на два мѣсяца, по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировымъ посредникамъ Велижскаго уѣзда: 1-го участка, князю *Друцкому-Соколинскому* и 2-го участка, *Горленко* и потомственному почетному гражданину, Ейскому 1-й гильдіи купцу *Мордовцеву* — за усердіе ихъ на пользу народнаго образованія.

Исключается изъ списковъ умершихъ: директоръ Тульскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Ладовскій*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу: *Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures de gymnases et des écoles*. Par Aimé Guill Kergoff. Moscou 1873. Цѣна 1 руб.—допустить какъ учебное пособие при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

2) Изданіе: „Систематическій атласъ растений“, составленный И. Г. Губнеромъ и содержащій на 32 таблицахъ 400 видовъ растений и 200 рисунковъ, съ отдѣльнымъ (краткимъ пояснительнымъ) текстомъ. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 3 руб.—признать прекраснымъ пособиемъ при преподаваніи ботаники въ реальныхъ училищахъ, а равно и вездѣ, гдѣ преподается естественная исторія.

3) Книгу: „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“. Составилъ Ѳ. Гиларовъ, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Москва, 1876 г. — одобрить какъ учебное руководство.

4) Книгу: „Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ“. Составили А. Маминъ и К. Буренинъ. Изданіе 4-е, дополненное. Москва, 1875 г.;—одобрить и включить ее въ каталогъ руководствъ для гимназій, учительскихъ институтовъ, а также для 6-ти классовъ реальныхъ училищъ и для 6-ти классовъ семиклассныхъ реальныхъ училищъ.

5) Книгу: „Французская хрестоматія, со статьями для перевода съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полного спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній“. Сост. Н. Фену. Изд. 6-е. С.-Пб., 1876 г.,—внести въ каталогъ руководствъ и пособій, одобренныхъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Цѣна 1 руб. 35 коп., учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.

6) Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ Ѳ. Брандтъ. С.-Пб., 1876 г. Цѣна 90 коп. — одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для

преподаванія нѣмецкаго языка въ низшихъ классахъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

7) Книгу: „*Исторія русской словесности*“. Состав. *И. Порфирьевъ*. Часть I. Древнѣйшій періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра I-го. Изд. 2, исправленное и дополненное. Казань, 1876 г. — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при чтеніи и разборѣ литературныхъ образцовъ и при историческомъ обзорѣ нашей литературы въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

8) Книги: 1) „*Элементарная грамматика русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ училищъ*“. Составилъ *Н. Баталинъ*. Москва, 1876 г. Цѣна 45 к. — одобрить какъ руководство, для I-го и II-го классовъ гимназій и прогимназій. 2) „*Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ*“. Сост. *Н. Баталинъ*. Москва, 1876 г. Вып. I-й. Для пригготовительнаго и I-го класса гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 40 коп. Вып. II-й. Для II-го класса гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 50 к. — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книги: 1) „*Записки по методикѣ русскаго языка*“, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ, преподавателями Черниговской земской учительской семинаріи *П. Н. Соломиной*. Отдѣлъ I-й. Методика обученія грамотѣ. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное. 2) „*Записки по методикѣ русскаго языка*“. Отдѣлъ II-й. Методика объяснительнаго чтенія. С.-Пб., 1876 г. — первую изъ означенныхъ книгъ допустить какъ руководство въ учительскія семинаріи и институты и библіотеки начальныхъ училищъ, а послѣднюю — одобрить, какъ учебникъ, для учительскихъ семинарій и институтовъ и для библіотекъ начальныхъ училищъ.

2) Составленную *А. Полосскимъ* книгу подъ заглавіемъ: „*Подосиновники*“. Повѣсть. Изд. 2-е. С.-Пб., 1874 г. Цѣна 20 к., — признать возможнымъ допустить въ библіотеки народныхъ школъ.

3) Выпущенная редакціею „Досугъ и Дѣло“ четыре изданія: 1) Первая часть „Книжки для чтенія“. Составилъ С. Павловичъ. С.-Пб., 1875 г. Цѣна 50 к. 2) „День и ночь въ Севастополѣ. Сцены изъ боевой жизни“ (изъ записокъ артиллериста). С.-Пб., 1875 г. 3) „Чай и его польза“. Е. Рейнбота. Изъ народныхъ чтеній Высочайше утвержденной комисіи. С.-Пб., 1875 г. Цѣна 15 к., съ пересылкою 20 к. и 4) „Что такое соль и идъ ее берутъ“. Е. Рейнбота. Изъ народныхъ чтеній Высочайше утвержденной комисіи. С.-Пб., 1875 г. Цѣна 10 к., съ пересылкою 13 к., — признать возможнымъ допустить въ бібліотеки низшихъ училищъ городскихъ и сельскихъ.

4) Составленную преподавателемъ Московскаго учительскаго института Кузьминимъ книгу подъ заглавіемъ: „Русская хрестоматія для городскихъ и уездныхъ училищъ“, — одобрить какъ пособіе для уездныхъ и городскихъ училищъ.

5) Книгу Е. Васильевской: „Отдыхъ. Два разказа для дѣтей“. С.-Пб., 1874 г. — рекомендовать для бібліотекъ гимназій и прогимназій, какъ чрезвычайно пригодную для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

6) Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, рассмотрѣвъ совмѣстно съ приглашеннымъ художникомъ Рейнгардомъ портретъ Государя Императора, исполненный масляными красками по способу, изобрѣтенному художникомъ К. Добровольскимъ, опредѣленіемъ своимъ, утвержденнымъ г. министромъ, постановилъ: приобрѣтеніе означеннаго портрета рекомендовать учебнымъ заведеніямъ вѣдомства сего министерства. Цѣна портрету: на панкѣ—4 р., на холстѣ съ подрамкомъ—5 р. за экземпляръ ¹⁾.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра, въ 19-й день текущаго ноября, Высочайше разрѣшить соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Полоцкой учительской семинаріи пор-

¹⁾ Размѣръ портрета — 17 вершковъ длины и 14 вершковъ ширины; адресоваться съ заказами слѣдуетъ къ г-ну Добровольскому въ С. Петербургъ, Англіискій проспектъ, д. № 41, кв. 5.

трета попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Сергіевскаго.

— Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ, отъ 7-го января 1875 года, Діонисій Вихржицкій все свое движимое и недвижимое имущество, за исключеніемъ библіотеки и семейныхъ портретовъ, и по удовлетвореніи похоронныхъ и другихъ необходимыхъ издержекъ, раздѣлилъ на сорокъ равныхъ частей, изъ коихъ:

1) Проценты отъ двадцати частей отказалъ на стипендію для одного ученика высшаго учебнаго заведенія въ г. Калишѣ, римско-католическаго вѣроисповѣданія, происходящаго отъ бѣдныхъ, въ городѣ Калишѣ живущихъ, родителей.

2) Пять частей отказалъ родному своему брату Іосифу Вихржицкому, мѣсто жительства коего неизвѣстно; въ случаѣ же его смерти — въ пользу института глухо-нѣмыхъ и слѣпыхъ, въ Варшавѣ, для одного глухонѣмаго мальчика бѣдныхъ родителей изъ г. Калиша.

Вслѣдствіе представленія о семъ г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 22-го истекшаго ноября, за № 9702, г. министр народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 4-го сего декабря за № 13726, утвердилъ означенные отказы съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ.

— Вслѣдствіе отношеній гг. генералъ-губернаторовъ Восточной и Западной Сибири и представленій начальствъ Одесскаго, Кіевскаго, Харьковскаго, Московскаго, Каванскаго, Оренбургскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, съ начала 1876/7 учебного года, плату за ученіе: въ Омской и Тобольской гимназіяхъ — въ приготовительномъ классѣ по *десяти* руб., а въ прочихъ классахъ по *пятнадцати* руб. въ годъ; въ Иркутской прогимназіи по *семи* руб. въ годъ; въ Троицко-Савскомъ реальномъ училищѣ по *двадцати пяти* руб. въ годъ; въ Евпаторійской и Ялтинской прогимназіяхъ — въ приготовительномъ по *двадцати* руб. и въ прочихъ классахъ по *тридцати* руб. въ годъ; въ Херсонскомъ реальномъ училищѣ по *сорока* руб. въ годъ; въ Златопольской прогимназіи — въ приготовительномъ классѣ по *шестнадцати* руб. и въ прочихъ классахъ по *двадцати пяти* руб. въ годъ; въ Бѣлоцерковскомъ реальномъ училищѣ по *тридцати* руб. въ годъ; въ Лебедянской прогимназіи — въ приготовительномъ классѣ по *восьми* руб. и въ прочихъ классахъ по *двѣнадцати* руб. въ годъ; въ реальныхъ училищахъ: Скопинскомъ — по *двадцати пяти* руб., Вольскомъ — по *пятнадцати* руб. и Пермскомъ — по *трид-*

цати руб. въ годъ; въ параллельныхъ отдѣленіяхъ: II класса Минской и I-го класса Гродненской гимназій и двухъ при II и одномъ при III классахъ Виленскаго реальнаго училища по *шестидесяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика; въ Θεодосійской прогимназій въ приготовительномъ классѣ по *двадцати пяти* и въ прочихъ классахъ по *тридцати* руб. въ годъ.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала будущаго 1877 года плату за ученіе въ 1-мъ С.-Петербургскомъ реальномъ училищѣ по *пятидесяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Сергіевской посадской прогимназій: въ приготовительномъ классѣ по *двѣнадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *восемнадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Маріупольской мужской гимназій: въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *тридцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Полтавскомъ реальномъ училищѣ по *двадцати пяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала 187^{6/7} учебнаго года плату за ученіе въ Воронежскомъ реальномъ училищѣ по *двадцати пяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Открытіе училищъ.

Согласно увѣдомленію г. генералъ-губернатора Восточной Сибири, 19-го минувшаго сентября открыта Енисейская прогимназія, въ составѣ приготовительнаго и двухъ низшихъ классовъ.

— 30-го августа 1876 г. въ Глазовѣ открыта женская прогимна-

зія, на первое время, въ составѣ двухъ классовъ; при открытіи гимназій желающихъ поступить для обученія было до 60 дѣвочекъ. къ 1-му же октября цифра эта увеличилась до 80 слишкомъ учащихся.

— 17-го сего ноября, по совершеніи преосвященнымъ Веніаминомъ благодарственного молебствія, попечителемъ Харьковскаго учебного округа открыто въ городѣ Воронежѣ реальное училище, въ присутствіи губернатора, губернскаго предводителя дворянства, представителей всѣхъ сословій и многочисленнаго общества. Въ новоучрежденное училище принято учениковъ: въ третій классъ 39, въ четвертый—20 и въ пятый 19, а всего 78 человѣкъ.

— Согласно увѣдомленію генералъ-губернатора Восточной Сибири, 20-го сентября открыто Троицко-Савское реальное училище въ составѣ трехъ низшихъ классовъ. Учениковъ принято въ 1-й классъ 39, во 2-й—18 и въ 3-й—13.

— 24-го минувшаго октября, попечителемъ Казанскаго учебного округа открытъ въ городѣ Казани учительскій институтъ, въ который поступило 24 человѣка, изъ нихъ двое пансіонерами Саратовскаго Александровскаго училища и двое своекоштными, а остальные въ число казенныхъ воспитанниковъ.

— 19-го сентября текущаго года открыто крестецкое городское трех-классное училище, въ присутствіи начальника Новгородской губерніи, предводителя дворянства, городского головы и значительнаго числа почетныхъ членовъ земства, городского общества и родителей учащихся. Всѣхъ учащихся въ училищѣ состоитъ 81 чел., а именно: въ I классѣ—37, во II—35 и въ III въ первомъ отдѣленіи — 9, такъ какъ второе будетъ открыто въ будущемъ учебномъ году.

— 29-го сентября текущаго года открыто Угличское трехклассное городское училище.

— 13-го минувшаго октября, открыты въ г. Симбирскѣ два городскихъ приходскихъ училища, мужское и женское, въ которыя поступило ко дню открытія 50 мальчиковъ и 26 дѣвочекъ. На содержаніе училищъ назначено городскимъ обществомъ ежегодно до 2 т. р.

— Открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища: 24-го октября въ с. Тесовѣ, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., при 19 ученикахъ, 17-го октября, въ с. Липицахъ, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, при 62 ученикахъ; 24-го октября, Царско-сельскаго уѣзда, С.-Петербургской губ., Владимірскія - Алексан-

дровскія, мужское и женское училища, при 45 ученикахъ и 24 ученицахъ; 14-го ноября въ с. Рождественѣ, Царскосельскаго же уѣзда, при 76 мальчикахъ и 24 дѣвочкахъ; 15-го ноября, въ с. Мошнягахъ-Еленовѣ, Балтскаго уѣзда, Подольской губ. Преобразованы: одноклассное училище въ с. Чійшій, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губ., въ двухклассное, при 40 учащихся; 9-го октября, одноклассное училище, въ с. Усольѣ, Соликамскаго уѣзда, Пермской губ., въ двухклассное, при 182 ученикахъ; 24-го сентября, одноклассное училище въ м. Пучежѣ, Костромской губ., въ двухклассное, при 66 ученикахъ.

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХЪ.

XV вѣкъ ознаменовался для Россіи событіями, имѣвшими рѣшительное вліяніе на весь послѣдующій ходъ ея историческаго развитія. Въ ряду ихъ не послѣднее мѣсто принадлежитъ и такъ называемой „ереси жидовствующихъ“. Если освобожденіе отъ татарскаго ига и соединеніе всѣхъ, до того времени разрозненныхъ, сѣверо-русскихъ областей въ одну политическую единицу подъ властію государя Московскаго положило начало будущему могуществу Россіи, то происходившее параллельно съ нимъ въ средѣ тогдашняго русскаго общества движеніе, однимъ изъ важнѣйшихъ фазисовъ котораго была ересь жидовствующихъ и борьба съ нею, впервые потрясло вѣковыя наслоенія религіозно-церковнаго формализма, задерживавшаго всякій дальнѣйшій поступательный ходъ русской жизни, спасло русскую народную мысль отъ застоя, въ значительной мѣрѣ подготовило ее къ воспріятію европейской культуры и было однимъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ проявленій ея самостоятельности. Нося въ себѣ зачатки будущаго умственнаго и религіозно-нравственнаго прогресса, движеніе это замѣчательно еще и въ другомъ отношеніи: въ немъ нашло себѣ выраженіе все, что успѣла выработать древне-русская христіанская цивилизація въ болѣе чѣмъ пятивѣковой періодъ своего существованія, весь запасъ идей, весь умственный капиталъ древне-русскаго общества.

Но при всемъ своемъ историческомъ значеніи, движеніе это принадлежитъ къ числу самыхъ сложныхъ явленій нашей исторіи. Возникнувъ первоначально на религіозно-церковной почвѣ, ересь жидовствующихъ была результатомъ дѣйствія тѣхъ же самыхъ факторовъ, существованію которыхъ обязано происхожденіе большей части подобнаго рода явленій, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, именно—недостатку и односторонности умственнаго и религіозно-нрав-

ственнаго развитія общества. Она явилась какъ реакція крайнему развитію церковно-обрядоваго формализма и другимъ недостаткамъ въ существующемъ строѣ религіозно-церковной жизни. Разсматриваемое подъ этимъ угломъ зрѣнія, явленіе это несомнѣнно имѣетъ религіозный характеръ и въ этомъ отношеніи находится въ непосредственной генетической связи съ предшествовавшимъ ему антицерковнымъ движеніемъ, сказавшимся въ ереси стригольниковъ. Но если, съ одной стороны, принять въ соображеніе ту тѣсную связь церковно-религіозныхъ интересовъ съ интересами социальными-политическими, какою характеризуется древне-русская жизнь, а съ другой — то обстоятельство, что ересь появилась какъ разъ въ самый разгаръ борьбы двухъ политическихъ системъ — отжившаго свой вѣкъ удѣльно-вѣчеваго строя съ только что окрѣпнувшимъ единодержавіемъ, то нельзя не признать, что движеніе это необходимо должно было принять политическую окраску, которую оно, какъ показываетъ его исторія, дѣйствительно и приняло. При этомъ не нужно забывать, что вся духовная дѣятельность древне-русскаго человѣка исключительно сосредоточивалась на религіи: въ ней находилъ онъ не одно удовольствіе своимъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ, но и единственную пищу для ума; религія служила точкой отправленія для его теоретическаго мышленія; здѣсь же искалъ онъ и послѣднихъ результатовъ его. А если смотрѣть на ересь съ этой точки зрѣнія, то она съ такимъ же правомъ можетъ быть названа явленіемъ умственно-теоретическимъ, какъ и политико-религіознымъ.

Таковы общія характеристическія черты явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ ереси жидовствующихъ. Прослѣдить начало и постепенное развитіе ереси въ средѣ современнаго ей православно-русскаго общества, указать въ его жизни тѣ элементы, которые давали жизненную силу ереси или задерживали ея развитіе, очертить всѣ перипетіи отношеній къ ней церкви и общества — задача сколько любопытная, столько же и трудная, но ея осуществленіе безусловно-необходимо для уясненія истиннаго характера и постепеннаго хода умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія Русскаго народа.

Столь же любопытно, но еще болѣе затруднительно объяснить „ересь жидовствующихъ“, какъ теоретическую доктрину. Что такое была эта ересь со стороны своего внутренняго содержанія? Былъ ли это только агрегатъ отрицательныхъ мнѣній, направленныхъ противъ существующаго религіозно-церковнаго строя, или жъ

она отличалась болѣе положительнымъ характеромъ? Участіе въ образованіи ея иновѣрнаго элемента не подлежитъ сомнѣнію; въ пользу этого говорятъ всѣ современныя ей свидѣтельства. Что же это былъ за элементъ, какъ далеко простиралось его вліяніе на ересь, и въ чемъ оно выразилось? Была ли ересь чистымъ іудействомъ, какъ думаютъ одни изслѣдователи, или, какъ утверждаютъ другіе, іудаизмъ былъ въ ней лишь случайною примѣсью, не имѣвшею ничего общаго съ сущностью еретической доктрины, выросшей на русской народной почвѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ условій? Все это вопросы, рѣшеніе которыхъ не можетъ не интересовать всѣхъ, кто слѣдитъ за ходомъ культурно-историческаго развитія русскаго народа, но на которые современная историческая наука еще не дала положительнаго отвѣта.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ попытку прослѣдить возникновеніе и постепенное развитіе ереси жидовствующихъ въ связи съ современнымъ ей религіозно-церковнымъ, политическимъ и интеллектуальнымъ состояніемъ Руси, очертить характеръ отношеній къ ней православнаго общества, и наконецъ, опредѣлить ея внутреннее содержаніе, какъ религіозно-теоретической доктрины. Мы не имѣемъ притязанія на безусловную новостъ и оригинальность поставленной нами для себя задачи. Въ нашей исторической литературѣ есть уже нѣсколько весьма почтенныхъ трудовъ, въ большей или меньшей степени касающихся предмета нашего изслѣдованія; но отличительныя свойства всѣхъ ихъ таковы, что они, или затрогиваютъ избранный нами предметъ лишь между прочимъ, и притомъ на столько, на сколько это входитъ въ ихъ первоначальную задачу, не разсматривая его со всѣхъ сторонъ и со всѣми необходимыми подробностями, или же изслѣдуютъ его съ извѣстной, прежде установленной точки зрѣнія и при этомъ не обладаютъ достаточною долей научнаго объективизма въ отношеніи къ лицамъ и событіямъ эпохи, или наконецъ, не изчерпываютъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ источниковъ, изъ которыхъ можно заимствовать свѣдѣнія объ изслѣдуемомъ предметѣ ¹⁾. Думаемъ,

¹⁾ Кромѣ общихъ трудовъ нашихъ церковныхъ и гражданскихъ историковъ, таковы: преосв. Филаретъ (Ист. Р. Ц., III, 106—120) и Макарій (Ист. Р. Ц., VI, 195—203; 328—329), Карамзинъ (Ист. Р. Ц. IV, 82—85; 90—105), Соловьевъ (Ист. Росс., V) и Костомаровъ (Р. Ист. въ жизнеоп., II, 311—341; Сын.-р. Народопр., II, 446—448), ереси жидовствующихъ еще касаются: г. Иконниковъ въ своемъ сочиненіи: «О культурномъ значеніи Византии» (стр. 390—425) и г. Хамбниковъ—

что все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ новое специальное изслѣдованіе о ереси жидовствующихъ не безполезнымъ въ нашей исторической литературѣ.

I.

Состояніе Новгорода во второй половинѣ XV столѣтія. — Появленіе ереси. — Кто былъ Схарія? — Еврейство въ XV в. — Характеръ и первые успѣхи еретической пропаганды въ Новгородѣ.

Вторая половина XV вѣка была роковымъ временемъ въ судьбѣ Великаго Новгорода: она ознаменовалась коренными перемѣнами въ его политической и церковной жизни. Уже съ давнихъ поръ, еще со временъ Іоанна Калиты, Московскіе князья настойчиво заявляли свои верховныя права на Новгородъ и стремились лишить его политической автономіи; однако, распри и несогласія ихъ со своими удѣльными родичами долго препятствовали имъ исполнить свое намѣреніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ Московскій князь Василій Темный успѣлъ избавиться отъ своихъ опасныхъ и безпокойныхъ соперниковъ, какъ скоро одни изъ удѣльныхъ князей смиренно покорились своему могущественному московскому родичу, а другіе непокорные принуждены были, оставивъ свои удѣлы, бѣжать въ Литву, уничтоженіе политической независимости Новгорода сдѣлалось не болѣе какъ вопросомъ времени. И дѣйствительно, только увѣщанія Новгородскаго архіепископа Іоны, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ въ Москвѣ, и послѣдовавшая скорѣе затѣмъ смерть Василія предотвратили отъ Новгорода послѣдній ударъ, который готовился на-

въ изслѣдованіи: «О вліяніи общества на организацію государства» (стр. 187—140). Есть нѣсколько отдѣльныхъ монографій объ Іосифѣ Волоколамскомъ, тоже въ большей или меньшей степени касающихся и нашего предмета. Между ними первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ историко-литературному труду г. Хрущова: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкого»; потомъ можно указать на церковно-историческое изслѣдованіе свящ. Н. Булакова: «Преп. Іосифъ Волоколамскій», разсматривающее дѣятельность пр. Іосифа преимущественно какъ организатора монашества и лишь въ краткихъ чертахъ касающееся дѣятельности его какъ борца противъ ереси. Изъ сочиненій, специально посвященныхъ изслѣдованію ереси жидовствующихъ въ нашей исторической литературѣ существуетъ только одно: «Опытъ изслѣдованія ереси Новгородскихъ еретиковъ или жидовствующихъ», г. Сервицкаго (помѣщено въ *Пр. Обзор.* 1862 г., т. VIII); но авторъ его пользовался далеко не всѣми существующими историческими источниками, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о ереси, и притомъ взглянулъ на предметъ съ слишкомъ односторонней точки зрѣнія.

пести ему великій князь, тяготившійся тѣмъ, что Новгородъ не чтитъ его, какъ слѣдуетъ. Понятно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ непріятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ позаботиться объ этомъ. Уничтоженіе вольностей Новгорода и подчиненіе его Москвѣ стало завѣтнымъ желаніемъ Іоанна по вступленіи его на великокняжескій столъ. Рука объ руку съ такими стремленіями Московскихъ князей, шли попытки и со стороны ихъ вѣрныхъ союзниковъ, всероссійскихъ митрополитовъ, лишить новгородскую церковь той доли автономіи, которую она съ XII в. успѣла пріобрѣсти и удержать за собою. Чѣмъ настойчивѣе были притязанія князей, тѣмъ болѣе и болѣе усиливалось домогательство митрополитовъ, обобщавшихъ дѣло церкви съ дѣломъ политики ¹⁾). Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, которому угрожалъ этотъ двойственный союзъ, не могли не видѣть, что противъ сына Василіева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ могущественнаго князя Московскаго, замышлявшаго нанести послѣдній ударъ Новгороду, былъ еще другой такой же могущественный великій князь Литовскій, который тоже назывался Русскимъ; къ нему отъѣзжали изъ сѣверо-восточной Руси и находили у него защиту всѣ князья недовольные, лишенные своихъ вотчинъ или угрожаемые княземъ Московскимъ; къ нему обратились и Новгородцы въ послѣдній рѣшительный часъ. Но Литовскій князь былъ католикъ; отложиться отъ православнаго Московскаго князя и поддаться литовскому латиннику, отложиться отъ Московскаго митрополита и признать свою зависимость въ церковномъ отношеніи отъ митрополита Кіевскаго, подозрительнаго по своему поставленію, ученика Исидорова, — въ глазахъ большинства тогдашняго сѣверно-русскаго населенія значило измѣнить православію и перейти на сторону латинства. Поэтому мысль о подданствѣ Литвѣ встрѣчала сопротивленіе въ привязанности Новгородцевъ къ мѣрѣ своихъ предковъ, и Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, нашла себѣ могущественнаго союзника, сулившаго ей вѣрную побѣду: этимъ союзникомъ было православіе. Образовались двѣ сильныя политическія партіи. Одна изъ нихъ, во имя политической свободы, искала протектората Литвы; другая, во имя единства вѣры,

¹⁾ Это, между прочимъ, прекрасно выразилъ въ посланіи къ Новгородцамъ митрополитъ Филиппъ; см. Акт. Истор., I, № 280—281.

стояла за сохраненіе союза съ Москвою. На сторону первой стало все, что было въ Новгородѣ свободолюбиваго и свободномыслящаго; сторону послѣдней держали ревнители отцовскихъ преданій, люди вѣры по преимуществу, ставившіе интересы православія выше всего. И такъ, кромѣ борьбы съ вѣншнимъ врагомъ, появилась въ Новгородѣ внутренняя рознь, завязалась въ самомъ сердцѣ его борьба ожесточенная и рѣшительная, окончательно отдавшая Новгородъ въ руки врага его, великаго князя Московскаго. При тѣсной связи въ тогдашнее время политическихъ интересовъ съ религіозными и при особенной солидарности ихъ въ данномъ случаѣ, борьба эта естественно должна была перейти изъ сферы политической въ сферу религіозно-церковную. Почва для такой борьбы была достаточно подготовлена предшествовавшимъ антицерковнымъ движеніемъ, выразившимся въ ереси стригольниковъ. Еретичество не заявляло себя теперь открыто, можетъ быть, благодаря преслѣдованіямъ, а можетъ быть, и потому, что теперь всѣ умственные силы общества поглощены были другими потребностями—интересами самозащиты въ виду угрожающей опасности политическаго уничтоженія; но противоцерковныя идеи продолжали жить въ народѣ; церковный миръ былъ нарушенъ; довѣріе къ церковной власти, болѣе чѣмъ когда-либо, было поколеблено, тѣмъ болѣе, что эта власть держалась принциповъ, враждебныхъ существующему строю политической жизни; нуженъ былъ только случай, чтобъ антицерковное движеніе пробудилось вновь и съ новою силой. И такой случай не замедлилъ представиться.

Въ ноябрѣ 1470 года, скончался Новгородскій владыка Іона, равно уважаемый въ Москвѣ и Новгородѣ, защитникъ послѣдняго предъ великимъ княземъ Московскимъ. Черезъ десять дней послѣ его смерти, посадники, тысяцкіе и весь Великій Новгородъ, поставивъ вѣче у св. Софіи, изъ трехъ кандидатовъ выбрали по жребію на архіепископскую кафедру архіерейскаго ризничьяго Теофила, изъ партіи, не желавшей разрыва съ Москвою. Съ своей стороны, и литовская партія выставила своего кандидата—Пимена, ключника архіепископскаго, и хотѣла послать его для посвященія въ Кіевъ. Но большинство воспротивилось такому нарушенію издавна установившагося порядка архіепископскаго избранія¹⁾, и избраніе Теофила состоялось, не смо-

¹⁾ Нарушеніе состояло въ томъ, что Пименъ избранъ былъ не по жребію и хотѣлъ принять посвященіе отъ Кіевского митрополита, не признаваемаго Новгородскою церковію.

тра на то, что онъ, какъ сторонникъ мира съ Москвою, не могъ быть пріятель партіи враждебной Москвѣ¹⁾. Въ это же время, чрезъ два дня послѣ смерти архіепископа Іоны, пріѣхалъ въ Новгородъ братъ Кіевскаго князя - намістника Семена, Михайлъ Олельковичъ или Александровичъ, выпрошенный литовскою партіей Новгорода у короля Казимира для усиленія себя и для угрозы Москвѣ. Это былъ послѣдній изъ такъ-называемыхъ „кормленыхъ“ князей, какихъ прежде часто приглашали къ себѣ Новгородцы, уступая имъ извѣстные доходы съ нѣкоторыхъ своихъ волостей²⁾. Выѣстъ съ княземъ Михайломъ прибылъ въ Новгородъ изъ Кіева же ученый Еврей, по имени Схарія, и здѣсь, по всеобщему хаосу споровъ и толковъ, началъ распространять новое еретическое ученіе. Онъ совратилъ сперва одного попа, по имени Дениса, потомъ послѣдній привелъ къ нему другаго попа, по имени Алексѣя, имѣвшаго приходъ на Михайловской улицѣ. Вскорѣ пришли изъ Литвы и другіе Евреи — Іосифъ Шмойло-Скорявей и Моисей Ханушъ. Алексѣй и Денисъ сдѣлались такими ревностными послѣдователями новой вѣры, что съ своими учителями пили и ѣли и отъ нихъ учились жидовству, и не только сами учились, но учили своихъ женъ и дѣтей. Ревность ихъ къ жидовской вѣрѣ дошла до того, что они пожелали даже принять обрѣзаніе; но Жиды не позволили имъ сдѣлать это, но велѣли держать іудейство тайно, а явно прикидываться христіанами, и только какъ бы уступая настояніямъ своихъ прозелитовъ, переименовали имя Алексѣю и назвали его Авраамомъ, а жену его — Саррою. Послѣ того личности Евреевъ ступеньваются, и дальнѣйшею пропагандою занимаютъ ихъ прозелиты попы Алексѣй и Денисъ. Первый научилъ жидовству зятя своего Ивана Максимова, отца его попа Максима и многихъ другихъ изъ поповъ, діаконівъ и простыхъ людей; а второй, въ числѣ другихъ, обратилъ Софійскаго протопопа Гавріила и Гридю Ключа, а Гридю Ключъ — Григорья Тушина, отецъ котораго пользовался въ Новгородѣ большимъ вліяніемъ. Съ теченіемъ времени пристало къ ереси множество другихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ³⁾.

Такъ передаетъ о началѣ новой ереси въ Новгородѣ писатель-современникъ, оставившій намъ краткую исторію и подробное опро-

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, V, 10—11.

²⁾ Костомаровъ, Русск. ист., II, 256.

³⁾ «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго, изд. Казанск. д. акад., стр. 44—45.

верженіе ея. Но что за личность былъ самъ Схарія, и чему онъ училъ съ такимъ громаднымъ успѣхомъ? О Схаріи осталось у писателей, современныхъ ему, слишкомъ мало свѣдѣній для того, чтобы можно было сдѣлать изъ нихъ опредѣленное заключеніе о его личности и ученіи; тѣмъ не менѣе и эти немногія свѣдѣнія бросаютъ на него нѣкоторый свѣтъ и могутъ служить основаніемъ для нѣкоторыхъ весьма вѣроятныхъ предположеній относительно Схаріевой пропаганды. Тотъ же писатель-современникъ ереси сообщаетъ о Схаріи, что онъ жилъ въ городѣ Кіевѣ, хорошо былъ знакомъ съ княземъ Михайломъ Одельковичемъ, съ которымъ виѣсть и пріѣхалъ въ Новгородъ, и что этотъ Жидовинъ былъ „наученъ всякому злодѣйству изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологіи“. Но этимъ и ограничиваются извѣстія о Схаріи у Іосифа Волоцкаго. Постараемся дополнить ихъ изъ другихъ источниковъ.

Еврейство появилось въ Кіевѣ весьма рано ¹⁾; оно проникало сюда съ двухъ сторонъ: съ сѣверо-запада изъ Литвы и Польши и съ юго-востока изъ Крыма. Откуда жъ изъ этихъ двухъ странъ былъ Схарія? Есть основаніе предполагать, что Схарія переехалъ въ Кіевъ изъ Крыма. Къ 1487—1488 гг. относится переписка Іоанна III съ Евреемъ Захаріемъ Скарою, жившимъ въ Тамани, который просилъ разрѣшить ему переселиться въ Москву. Этотъ Скара называется княземъ Таманскимъ, и какъ видно изъ его письма, былъ богатъ: когда онъ ѣхалъ первый разъ въ Москву, то на пути былъ ограбленъ молдавскимъ воеводою Стефаномъ. Возвратясь въ Тамань, Скара продолжалъ хлопотать о переездѣ въ Россію. Его привлекало туда покровительство Іоанна III иностранцамъ, а въ Москвѣ онъ, вѣроятно, думалъ заняться торговлею ²⁾. Сходство имени этого лица съ именемъ того,

¹⁾ Уже къ Владимиру Св. приходили Жиды изъ Хазаріи или Тавриды и предлагали ему свою вѣру (*Филаретъ*, И. Р. Ц., т. I, ст. 19); Θεοδοσίη Печерскій велъ съ ними пренія о вѣрѣ (*Макарій*, Ист. Р. Ц., II, стр. 323). Въ 1096 году Евреи въ Кіевѣ поселяли уже цѣлую улицу. Въ 1113 году своею жадностію къ деньгамъ они возбудили противъ себя бунтъ въ народѣ, и тогда многіе изъ нихъ заплатились жизнію. Въ 1124 г. «погорѣша Жидова» (Воскр. Л., I, 257—263; *Филаретъ*, *ibid.*, стр. 28).

²⁾ Переписка помѣщена въ *Запискахъ Одесскаго Общ. Исторіи*, V, 272—274. Она состоитъ изъ трехъ писемъ: первое изъ нихъ — грамота великаго князя къ жиду Захаріи Скарѣ о свободномъ проѣздѣ его въ Россію, отъ 18-го октября 1487 г.; второе — къ великому князю отъ Таманскаго князя Захаріи Гуйгуренса о позволеніи ему пріѣхать въ Россію, отъ 8-го іюня 1487 г.; третье — отвѣтная грамота

которое занималось пропагандою въ Новгородѣ ¹⁾, наводитъ на мысль о тождествѣ ихъ. Близость Схарія Новгородскаго къ князю Олельковичу, на которую обращаетъ вниманіе Іосифъ, заставляетъ предполагать, что и онъ, подобно „Таманскому князю“, тоже выдавался изъ среды своихъ соплеменниковъ. Въ пользу нашего предположенія о тождествѣ Схарія Новгородскаго и „Таманскаго князя“ говоритъ и самая просьба Схаря о дозволеніи переселиться въ Москву: въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ онъ, человѣкъ практическій, сталъ бы такъ настойчиво ходатайствовать о переселеніи въ страну отдаленную, неизвѣстную и до того времени почти совсѣмъ недоступную для иностранцевъ, еслибъ онъ педварительно не изучилъ на мѣстѣ условій тамошней жизни? Если онъ домогался этого, то значитъ, ему удалось уже прежде побывать если не въ самой Москвѣ, то по близости отъ нея, ознакомиться со всѣми подробностями, выгодами и невыгодами тамошней жизни. Нѣтъ ничего вѣроятнаго, что это было то самое лицо, которое, прибывъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV в., занималось тамъ пропагандою. Правда, Татищевъ въ своей „Исторіи“ подъ 1491 годомъ говоритъ, что Схарія былъ казненъ Іоанномъ III вмѣстѣ съ другими защитниками свободы Новгорода; но мнѣніе его едва ли можетъ быть принято, во первыхъ, потому, что оно выражено слишкомъ неопредѣленно ²⁾, и неизвѣстно, на какихъ данныхъ основано и во вторыхъ, потому, что всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства современниковъ ереси ни слова не говорятъ о Схаріи, хотя иногда и перечисляютъ по имепамъ казненныхъ еретиковъ и новгородскихъ мятежниковъ; не вѣроятно, чтобъ Іосифъ Волоколамскій, съ такою подробностью описывавшій смерть и казнь еретиковъ ³⁾, прошелъ молчаніемъ казнь главного виновника ереси, котораго онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, на-

великаго князя Таманскому князю Захарію съ изъявленіемъ согласія на его просьбу, отъ 18-го марта 1488 г. Были ли Захарія Схаря и Захарія Гуйгурисъ одно и то же лицо? Сходство именъ, одинаковость мѣстожительствъ, хронологическая послѣдовательность и однопредметность содержанія переписки даютъ право отождествить Схару съ Гуйгурисомъ.

¹⁾ Схарія въ памятникахъ называется Схаргіна (Степ. кн., I, 476), Схоргіна (рукоп. хронографъ библіотеки преосв. Макарія, № 85, л. 350, Схарина (Татищевъ, Ист. Росс., V, 109) и наконецъ, Скаріа, Схаріи (Іос. Волоцк.).

²⁾ Вотъ подлинныя слова Татищева: «еще той врагъ съ иными казенъ бысть отъ великаго князя Івана Васильевича всея Руссіи, но еще не угасе огнь той ядовитый» и пр. Татищевъ, Ист., IV, 109.

³⁾ Просвѣтитель, стр. 54—57.

дѣлать самыми рѣзкими эпитетами. Гораздо возможнѣе предположить, что Схарія съ своими товарищами-единоплеменниками, во время безпорядковъ, возникшихъ въ Новгородѣ, какъ лицо прикосновенное къ нимъ, бѣжалъ отсюда и опять поселился на мѣстѣ своей родины, въ Крыму. Когда же смуты, волновавшія Русскую землю, утихли, и началось спокойное развитіе государства, онъ считъ выгоднымъ снова переселиться на Русь, но уже не въ Новгородъ, утратившій тогда свое политическое и промышленное значеніе, а въ Москву, сдѣлавшуюся центромъ обширнаго государства.

Итакъ, связь всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ даетъ основаніе думать, что распространитель ереси въ Новгородѣ было лицо, тождественное съ тѣмъ, которое впоследствии жило въ Крыму и переписывалось съ Іоанномъ III, или по крайней мѣрѣ, что оно принадлежало къ одной фамиліи съ нимъ. Вѣроятное опредѣленіе мѣста первоначальнаго отечества Схаріа даетъ возможность съ такою же вѣроятностію опредѣлить и то направленіе въ іудействѣ, какого держался Схарія, и идеи котораго онъ пропагандировалъ въ Новгородѣ. Іосифъ Волоцкой говоритъ, что Схарія наученъ былъ чародѣйству и черпюкнижью, звѣдозаконію и астрологіи — выраженіе самое общее, и потому мало объясняющее настоящій вопросъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что это названіе въ то время примѣнялось ко всякой книгѣ, не находящейся въ спискѣ „истинныхъ“, и какъ извѣстно, получало иногда самое широкое толкованіе ¹⁾. Изъ словъ Іосифа можно только заключать, что Схарія обладалъ обширною эрудиціей, а какого рода была эта эрудиція — отсюда не видно. Вопросъ объ этомъ можетъ быть рѣшенъ только посредствомъ указанія того направленія въ іудействѣ, которое въ данное время было господствующимъ въ мѣстѣ родины Схаріа, въ Крыму.

Въ іудействѣ въ средніе вѣка существовало нѣсколько направленій, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга своими индивидуальными чертами. Одни изъ Евреевъ, кромѣ Библии, признавали и преданія, собранныя и чрезвычайно умноженныя составителями Талмуда; они получили названіе *талмудистовъ*. Другіе отвергали преданія и при-

¹⁾ Въ спискахъ отреченныхъ книгъ, между прочими, помѣщались землемѣріе и астрономія (*Правосл. Собесѣдн.* 1858 г., июль, стр. 458). Знакомство Максима Грека съ философіей признано было еретичествомъ (дѣло Макс. Гр. въ *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1847 г., VII).

знавали только Библию, то-есть, Ветхий Заветъ, для изъясненія котораго, по ихъ мнѣнію, достаточно одного разума: это были чистые библисты, получившіе въ половинѣ VIII в. названіе *караитовъ* или *караимовъ*. Третьи, не переставая быть вѣрующими и допуская откровеніе, предоставляли однако же разуму большое участіе въ дѣлахъ вѣры; они хотѣли оправдать главные пункты своего вѣрованія пачалами самаго разума; хотѣли согласить законодательство Моисея съ господствовавшей философіей и положили основаніе наукъ, которыя по средствамъ и по дѣлу, была совершенно подобна схоластикѣ, арабской и христіанской; Евреи такого образа мыслей не составляли особой секты, по въ свою очередь, дѣлились на нѣсколько группъ, смотря по тому, какому философскому направленію отдавали предпочтеніе. Наконецъ, независимо отъ этого, существовало въ іудействѣ и оригинальное религіозно-философское направленіе: то были Евреи-*каббалисты*, выработавшіе оригинальную религіозно-философскую систему, представляющую соединеніе идеи разума съ религіознымъ преданіемъ и извѣстную подъ именемъ *каббалы*¹⁾. Какое же изъ этихъ направленій господствовало въ Крыму, и къ какому изъ нихъ принадлежалъ Схарія съ своими товарищами? Еврейство въ Крыму было чрезвычайно древне. Нѣкоторые, сохранившіеся въ Крыму, памятники доказываютъ, что оно существовало тамъ еще въ VIII в. Но древніе Крымскіе Евреи не были ни талмудистами, ни караимами въ собственномъ смыслѣ, какъ это доказали открытія, сдѣланныя евпаторійскимъ караимомъ Фирковичемъ и одесскимъ раввинистомъ Штерномъ. По заключенію этихъ ученыхъ, то были чистые библисты, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія ни о талмудизмѣ, ни о караимствѣ, каковы ихъ соплеменники во внутренней Азіи, Китаѣ и Тибетѣ, не знающіе ни какого другаго источника религіи, кромѣ Библии. Караимство проникло въ Крымъ въ концѣ перваго тысячелѣтія нашей эры, и только съ этого времени крымское еврейство приняло сектаторскій характеръ; талмудисты же переселились туда только въ XII в. и уже застали тамъ караимовъ. Къ тому же, еслибы крымское еврейство было талмудическое, то распространеніе его между иновѣрцами и инородцами было бы невозможно, такъ какъ всякая пропаганда воспрещается Талмудомъ, а Крымскіе Евреи издавна занимались ею; доказательствомъ этого служило царство Хазарское, образовавшееся изъ прозелитовъ іудей-

¹⁾ Религ. философія Евреевъ, въ *Прав. Соб.* 1870 г., августъ, стр. 300 — 303; *Григорьевъ*, Религіозныя секты въ Россіи.

ства, которое было здѣсь господствующею вѣрою; Хазарскіе Евреи являлись и къ Владиміру съ предложеніемъ принять ихъ вѣру. Пропаганда Схаріи въ Новгородѣ прямо указываетъ на его крымское происхожденіе и на сродство его направленія съ направленіемъ крымскаго еврейства ¹⁾. Съ XIV в. замѣчается переселеніе караймовъ въ Литву и Польшу, гдѣ имъ позволено было селиться, и даже даны были особыя привилегіи ²⁾.

Въ XV вѣкѣ между караймами, въ главныхъ центрахъ караймства, обнаруживается замѣчательное умственное движеніе. До тѣхъ поръ они стояли на низкой степени умственного развитія; но съ XV вѣка усиливается приливъ еврейскаго населенія въ предѣлы Византіи вслѣдствіе предшествовавшихъ преслѣдованій на Западѣ. Особенно же оказалъ большое вліяніе на улучшеніе быта Евреевъ эдиктъ Баязета II, предоставившій имъ права гражданства. Начался приливъ Евреевъ, особенно изъ Германіи. Въ числѣ переселенцевъ появились и ученые. Евреи начали издавать въ Константинополѣ книги. Спокойствіе, наступившее съ этого времени для Евреевъ, значительно сблизило караймовъ съ пришлыми учеными, хотя послѣдніе и принадлежали къ таумудистамъ. Подъ ихъ руководствомъ образовалось нѣсколько ученыхъ изъ караймовъ, и научныя занятія сдѣлались преобладающими въ ихъ обществѣ. Во главѣ этого умственного движенія, въ срединѣ XV вѣка стоялъ раввинъ Куматно. Онъ изучалъ математику, астрономію, механику и естественныя науки, какъ можно предположить по множеству переводовъ, сдѣланныхъ имъ по этимъ предметамъ, и по его оригинальнымъ сочиненіямъ. Кромѣ того, онъ занимался толкованіемъ Библии, и какъ большая часть тогдашнихъ ученыхъ, считалъ математику и естественныя науки необходимыми для уразумѣнія Священнаго Писанія. Только значеніе послѣдняго онъ понималъ иначе, чѣмъ его современники. „Комментарій мой“, говоритъ ученый раввинъ, — основанъ на началахъ филологіи и уясненъ законами логики; гдѣ нужно, есть указанія на науки естественныя, а при случаѣ и на астрономію. Точно также не чужды онъ наукъ математическихъ и теологій. Кромѣ того, я стараюсь не удаляться отъ надлежащаго смысла текста, не увлекаясь при этомъ никакими авторитетами, развѣ только въ необходимомъ случаѣ, гдѣ

¹⁾ Древности сирейскія и древніе еврейскіе памятники въ Крыму, въ Зап.-Одесск. Общ. Истори., I, 441—448; Григорьевъ, *ibid.*, 29—31.

²⁾ Шерштинъ, Луцкъ и его древности.

имѣю дѣло съ традиціей, освященною вѣками". Желая быть полезнымъ своему народу, Куматяно сдѣлался преподавателемъ какъ талмудистскому, такъ и караимскому юношеству. По его мнѣнію, въ воспитаніи юноши одно изъ первыхъ мѣсто должны занимать науки математическія, особенно же астрономія, въ связи съ науками естественными. И дѣйствительно, въ это время Евреи не занимались никакою наукою такъ усердно, какъ астрономіей. Этому много содѣйствовалъ самъ іудаизмъ, такъ какъ опредѣленіе новолуній, праздничныхъ цикловъ и календарной системы должно быть основано на прочныхъ астрономическихъ выводахъ. Въ особенности выразилась дѣятельность еврейскихъ астрономовъ въ составленіи такъ называемыхъ астрономическихъ таблицъ, бывшихъ въ большомъ употребленіи у Арабовъ и вообще въ средніе вѣка ¹⁾.

Это умственное движеніе въ средѣ еврейства особенно важно для насъ, потому что въ немъ принимали дѣятельное участіе и византийскіе караимы. При постоянныхъ сношеніяхъ крымскихъ караимовъ съ этими послѣдними, легко объяснить, какъ разсматриваемое умственное движеніе должно было отразиться на ихъ понятіяхъ; а это значительно объясняетъ пониманіе того элемента, который сообщилъ новгородской ереси названіе жидовствующей. Это не былъ чисто іудейскій элементъ, который, при торговыхъ отношеніяхъ Новгорода къ Литвѣ и Германіи, могъ бы оказать вліяніе на него гораздо прежде, а скорѣе — научно-раціоналистическое направленіе, которое развилось въ іудействѣ къ этому времени, и къ которому, по всей вѣроятности, принадлежалъ новгородскій пропагандистъ Схарія. Умственное движеніе въ еврейскомъ мірѣ сообщилося со временемъ литовскимъ и польскимъ Евреямъ. Такъ, въ 1507 году, по свидѣтельству Густынской лѣтописи, неизвѣстный Еврей диспутировалъ противъ христіанства и опровергалъ его на основаніи Священнаго Писанія, за чтò и былъ сожженъ ²⁾. Но Схарію, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, слѣдуетъ считать уроженцемъ Крыма; титулъ „князя Таманскаго“ онъ могъ носить въ качествѣ главы туземныхъ караимовъ, называвшагося „пази“ (князь), а впоследствии — синонимическимъ „галахамъ“; а его выдающееся общественное положеніе, или по крайней мѣрѣ, происхожденіе даетъ право полагать, что онъ

¹⁾ Гурландъ, Новые матеріалы для исторіи еврейской литературы, стр. 1—9, 16—27, 40.

²⁾ П. С. Р. Л., II, 365.

получилъ соотвѣтствующее тому образованіе. Это подтверждается и источниками.

Изъ исторіи ереси видно, что Схарія хорошо владѣлъ діалектикой, зналъ Священное Писаніе и даже отцовъ церкви. Геннадій говоритъ, что еретики сильно дѣйствовали на христіанъ астрономическою рукописью „Шестокрылія“, предсказывая на основаніи ея небесныя явленія ¹⁾. Въ то время, когда на каждое физическое явленіе смотрѣли какъ на воплѣтъ случайное, служащее только предназначеномъ общественныхъ бѣдствій, возможность предсказывать явленія должна была сильно дѣйствовать на общество. Въѣстъ съ астрономическими рукописями у еретиковъ были въ употребленіи и математическія — землемѣріе или геометрія, которыя по своимъ замысловатымъ фигурамъ и начертаніямъ могли казаться волшебными книгами. Изъ одного близкаго по времени хронографа видно, что ученые Евреи образовали вокругъ себя большое общество изъ духовныхъ лицъ и гражданъ, которые учились у нихъ волшебнымъ книгамъ ²⁾. Съ такимъ же характеромъ представляется и дальнѣйшее распространеніе ереси: ей сочувствовали лица, занимавшія видныя мѣста въ обществѣ и отличавшіяся образованностію. Что касается чисто-религіозныхъ убѣжденій Схаріи и его соплеменниковъ пропагандистовъ ереси, то весьма вѣроятно, что они держались того свободно-философскаго направленія въ іудействѣ, какое въ то время господствовало въ крымскомъ караимствѣ, и представителемъ котораго былъ ученый раввинъ Куматіано: такъ можно думать на томъ основаніи, что во всемъ ученіи жидовствующихъ не видно слѣдовъ Талмуда; напротивъ, въ толкованіи ими мѣстъ Священнаго Писанія преобладаетъ раціонально-діалектическій методъ ³⁾, и Геннадій для борьбы съ еретиками вооружается между прочимъ логикою ⁴⁾, а Іосифъ Волоколамскій, для опроверженія ересеученія, весьма часто употребляетъ діалектическій способъ доказательствъ.

¹⁾ Гурляндъ, *ibid.*; *Труды Вост. Отд. Арх. Общ.*, 1866 г., стр. 19—21; Посл. Геннадій къ Іовскаю въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1817 г., VIII. Рукопись «Шестокрылія» заключаетъ въ себѣ астрономическія таблицы, составленныя еврейскими астрономомъ Иммануиломъ-бенъ-Іаковомъ.

²⁾ Хронографъ Румянц. Музея, № 461, л. 248, рукоп. начала XVI в.

³⁾ См. въ 1-мъ словѣ Просвѣтителя (стр. 81—91) объясненіе еретиками негосподствующихъ мѣстъ, заключающихъ въ себѣ указаніе на тронность лицъ въ Богѣ.

⁴⁾ Посл. къ Іовскаю.

Нельзя думать, чтобы Схарія и его товарищи Скарявей и Ханушъ прибыли въ Новгородъ со спеціальною цѣлью пропагандировать тамъ свое ученіе; вѣроятно, ихъ привлекли туда выгоды торговли, которою издавна славился Новгородъ. Это также видно, изъ упомянутого выше, почти современнаго ереси памятника, гдѣ прямо говорится, что Евреи пришли туда именно для торговли ¹⁾. Но какъ Евреи-уроженцы Крыма, они были пропагандистами по традиціи. Не удивительно поэтому, что, встрѣтивъ въ Новгородѣ религіозное броженіе, существовавшее тамъ со временъ стригольниковъ и теперь особенно усиленное политическими распрями, они занялись тамъ и религіозною пропагандой. Они начали съ духовенства, съ которымъ, вѣроятно, прежде всего и вошли, по роду своихъ занятій, въ сношеніе: ибо извѣстно, что въ Новгородѣ, въ то время, въ рукахъ духовенства было завѣдываніе мѣрами и вѣсами ²⁾. Въ то время исходилъ существовавшій тогда пасхальный кругъ, и приближалась къ концу седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, съ окончаніемъ которой, по существовавшему тогда всеобщему повѣрью, должны были послѣдовать второе пришествіе Христова и кончина міра. Вопросъ объ этомъ, глубоко волновавшій все тогдашнее русское общество, не могъ не занимать и новгородское духовенство. Вступивъ въ сношенія съ учеными Евреями, нѣкоторые изъ новгородскихъ священниковъ, тоже люди мыслящіе и начитанные, воспитанные на свободныхъ мнѣніяхъ, пущенныхъ въ обращеніе стригольниками, и какъ всѣ тогдашніе грамотники, любившіе при случаѣ подписутировать о вѣрѣ, естественно подѣлились съ своими собесѣдниками волновавшимъ ихъ вопросомъ и дали имъ случай высказать на этотъ счетъ собственное мнѣніе. Евреи, конечно, прежде всего постѣяли доказать неосновательность существовавшаго повѣрья о скорой кончинѣ міра и указывали при этомъ на разность христіанскаго лѣтосчисленія отъ іудейскаго, по которому конецъ седьмой тысячи долженъ былъ наступить нѣсколько поздиѣе, чѣмъ по христіанскому; потомъ, какъ знатоки математики и астрономіи, особенно искусные въ опредѣленіи новолуній, праздничныхъ цикловъ и вообще календарной системы, они охотно подѣлились съ своими новыми знакомыми этими свѣдѣніями и научили ихъ состав-

¹⁾ «15 лѣто 6979 г. былъ въ Новгородѣ князь Михаилъ Олеговичъ изъ Литвы, а съ нимъ Жидове торюмъ...», говорится въ хронографѣ Рум. М. № 461, л. 248 на оборотѣ.

²⁾ Гумисорочичъ, О посадникахъ новгородскихъ.

лять пасхалию. И первые еретики дѣйствительно выказывали себя единственными знатоками этого дѣла. „Когда изойдетъ седьмая тысяча, тогда и мы будемъ надобны“, говорилъ попъ Алексѣй въ присутствіи Геннадія ¹⁾. Но отъ критики библейскаго лѣтосчисленія и отъ опредѣленія времени праздниковъ легко было перейти и къ самому значенію праздниковъ, подвергнуть критикѣ событія повозавѣтной исторіи. Это они пезамѣтно и сдѣлали. Наши грамотѣи-самоучки, уже предварительно поколебленные въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, не въ состояніи были устоять противъ діалектики своихъ ученыхъ диспутантовъ, постоянно опиравшихся притомъ на букву Писанія, и легко поддались ихъ вліянію. Въ скоромъ времени они не только сдѣлались жаркими послѣдователями идей учено-либеральныхъ Евреевъ, но и научились отъ нихъ искусству, успѣшно пропагандировать ихъ въ обществѣ.

Подобно своимъ наставникамъ-Евреямъ, первые еретики вели себя чрезвычайно хитро и распространяли свое ученіе, пользуясь благоприятными обстоятельствами: предъ людьми, твердыми въ православіи, казались сами не только православными, но и страшными врагами всѣхъ еретиковъ, щедро разсыпали на нихъ проклятія и публично обвиняли въ ереси собственныхъ обличителей; клясться и увѣрять въ своемъ православіи у нихъ не считалось грѣхомъ. Но зато, при всякомъ удобномъ случаѣ, они соврацали слабыхъ, и чтобы привлечь ихъ къ ереси, полагали разными ихъ порокамъ. Главною цѣлію ихъ было проводить на священническія мѣста своихъ единомышленниковъ, чтобы чрезъ нихъ распространять свое ученіе, и въ большинствѣ случаевъ это имъ удавалось. Вскорѣ, не только въ городахъ, но и въ селахъ, были на священническихъ мѣстахъ еретики, и они увлекали мірянъ, не свѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, то ласковымъ обращеніемъ, то всякаго рода послабленіями. Согреѣшитъ ли кто и прійдетъ каяться, такой попъ прощаетъ грѣшника вопреки церковнымъ правиламъ, не страшаетъ его вѣчными муками, или же успокоиваетъ встревоженную совѣсть кающагося тѣмъ, что на томъ свѣтѣ ничего не будетъ. Кромѣ этого, еретики постоянно выказывали себя глубокими книжниками и мудрецами; они хвалились, что у нихъ есть такіа священныя книги, которыя, при всеобщемъ невѣжествѣ,

¹⁾ Посланіе къ Іовелѣу, стр. 3-я.

были незнакомы большинству: имъ легко было приводить изъ нихъ мѣста и давать имъ произвольныя толкованія ¹⁾).

Такъ впервые зародилось и развилось то движеніе, которому суждено было надолго волновать умы русскаго общества и имѣть громадное вліяніе на весь послѣдующій ходъ его умственнаго и религіознаго развитія.

II.

Паденіе Новгорода.—Перемены въ управленіи Новгородскою церковію.—Архіепископъ Геннадій; свѣдѣнія о его личности и отношенія къ нему митрополита Геронтія.—Состояніе Новгородской церкви во время вступленія въ управленіе ею Геннадія.—Открытіе ереси Геннадіемъ.—Первыя мѣры противъ еретиковъ и причины ихъ неуспѣшности.—Посланія Геннадія къ епископамъ и ихъ послѣдствія.—Смерть митрополита Геронтія.

Между тѣмъ какъ первые еретики тайно работали надъ распространеніемъ ереси, Новгородъ, изнемогшій въ непосильной борьбѣ съ Москвою, принужденъ былъ покориться великому князю. Лучшие изъ его сыновъ пали въ бою, были казнены или заточены, или же отведены въ ссылку — въ Москву и другіе города, а на мѣсто ихъ переселены туда московскіе люди. Въ Москву же, въ январѣ 1480 года, отвезенъ былъ за свое сочувствіе народному дѣлу и Теофилъ, послѣдній Новгородскій владыка, избранный по старинѣ—изъ кандидатовъ, выставленныхъ вѣчемъ, и тамъ принужденъ былъ подписать отреченную грамоту ²⁾. Новгородская епархія осталась праздною и оставалась такою въ продолженіе трехъ лѣтъ; а это давало полный просторъ еретической пропагандѣ. Только на четвертый годъ, въ 1484 году, въ Москвѣ приступлено было къ избранію архіепископа для Новгорода, но уже не изъ Новгородцевъ, а изъ природныхъ Москвитянъ, и притомъ людей угодныхъ великому князю. По новгородскому обычаю, тамъ ждали жребій, кому изъ трехъ предназначенныхъ быть архіепископомъ Великаго Новгорода. Жребій палъ на старца Троицко-Сергіева монастыря Сергія, бывшаго прежде протопопомъ Успенскаго собора въ Москвѣ. Понятно, что этотъ первый изъ присланныхъ въ Новгородъ владыкъ былъ не совсѣмъ благосклонно принятъ Новгородцами. Московскіе лѣтописцы говорятъ, что Новгородцы не хотѣли покориться Сергію, потому что онъ „не по ихъ мысли ходилъ“: не

¹⁾ Посланіе къ Іоасау, стр. 1—2; Просвѣтитель, 59—60.

²⁾ Хронографъ. Румянц. Музея, № 457; Рукопись Синод. Библиотеки, № 164 а. 191.

могли ничего сдѣлать надъ нимъ явно, они-де волшебствомъ отняли у него умъ, говоря, что Іоаннъ чудотворецъ наказалъ его. Новгородскіе же и псковскіе лѣтописцы разказываютъ, будто бы Сергій сталъ притѣснять игуменовъ и священниковъ, ввелъ обременительныя пошлины, позволилъ себѣ неуважительно относиться къ мѣстнымъ новгородскимъ святымъ, и будто бы съ этихъ поръ потерялъ онъ разумъ¹⁾. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что онъ возбуждалъ противъ себя вообще негодование въ Новгородѣ и мѣстѣ, чѣмъ чрезъ годъ (въ 1484 г.), разстроенный физически и нравственно, принужденъ былъ оставить архіепископство. Потрясенному же Новгороду нуженъ былъ на первый разъ пастырь стойкій и дѣятельный, и таковою вскорѣ нашелся въ лицѣ архіепископа Геннадія.

При избраніи Сергія, однимъ изъ кандидатовъ въ архіепископы былъ Чудовскій архимандритъ Геннадій, но жребій не палъ на него; теперь онъ былъ назначенъ въ архіепископы Новгородскіе безъ жребія (12-го декабря 1484 г.). Мы не знаемъ ни мѣста его рожденія, ни его юности. Осталось только извѣстіе, что фамильное прозвище его было — Ганозовъ или Гонзовъ, и что, вступивъ въ монашество, онъ былъ ученикомъ Савватія Соловецкаго и потомъ возведенъ въ санъ архимандрита Чудовскаго монастыря въ Кремлѣ²⁾. Въ лѣтописи въ первый разъ говорится о немъ, какъ объ архимандритѣ Чудова монастыря, по поводу участія его въ спорѣ митрополита Геронтія съ великимъ княземъ о хожденіи „по солонѣ“, въ которомъ Геннадій, вмѣстѣ съ знаменитымъ владыкою Ростовскимъ Вассіаномъ Рыломъ, держалъ сторону великаго князя и говорилъ противъ митрополита. Споръ этотъ, любопытный для характеристики времени и самихъ спорившихъ, происходилъ лѣтомъ 1479 года, при освященіи только что отдѣланнаго Аристотелемъ Фіоравенти Успенскаго собора. Мнѣніе о томъ, что надобно, при освященіи храма, ходить по солнцу было возбуждено нѣкоторыми поспѣвшими Аеоны и было признано митрополитомъ Геронтіемъ, какъ опасная новизна. „Митрополитъ свидѣтельство приводя, егда престолъ діаконъ кладетъ въ олтарѣ, на правую руку ходитъ съ кадиломъ; а они (Геннадій и Вассіанъ) свидѣтельства никоего не принимаху, но глаголаху: Солнце праведное Христосъ на ада наступи и смерть связя и души свободи, и того ради, рече,

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 243—244; V, 41—42.

²⁾ *Шеюиревъ*, Ист. Р. Словесности, IV, ст. 129; *Костомаровъ*, Р. Ист., II, 311.

исходятъ на паску, то же прообразуютъ на утрени¹⁾). Такъ излагается сущность спора у лѣтописца. Черезъ два года съ небольшимъ въ октябрѣ 1481 года, споръ этотъ опять возобновился: на сторонѣ митрополита стало большинство клира и мірянъ, а на, сторонѣ великаго князя были только преемникъ Вассіана Рыло Іоасафъ и тотъ же Геннадій. На этотъ разъ споръ окончился открытымъ разрывомъ между митрополитомъ и великимъ княземъ. Митрополитъ, не желая уступить, оставилъ посохъ въ церкви и уѣхалъ въ Симоново съ мыслию снять свой санъ, если великій князь „не добіетъ ему челомъ“. Іоаннъ III, какъ человѣкъ дальновидный и осторожный, умѣлъ всегда уступить во-время и на этотъ разъ сообразилъ, что ему невозможно идти противъ всего тогдашняго книжнаго міра, и потому поспѣшилъ примириться съ митрополитомъ, предоставивъ ему совершать крестные ходы по своей волѣ, „какъ было въ старину“. Состязаніе между духовною и свѣтскою властями окончилось, такимъ образомъ, къ торжеству первой. Тѣмъ не менѣе митрополитъ не могъ не питать неудовольствія на Геннадія за то, что онъ человѣкъ, безусловно подвластный ему, осмѣлился заявить себя противъ него, своего непосредственнаго и верховнаго начальника; митрополитъ искалъ случая отплатить ему за это, и такой случай вскорѣ представился. Геннадій разрѣшилъ въ своемъ монастырѣ пить и ѣсть въ Крещенскій сочельникъ до Богоявленской воды на томъ основаніи, что этотъ день приходился въ воскресенье. Митрополитъ нашелъ здѣсь нарушеніе устава и потребовалъ Геннадія въ себѣ. Геннадій, опасаясь гнѣва митрополита, искалъ защиты у великаго князя. Митрополитъ самъ отправился къ великому князю и потребовалъ выдачи архимандрита. Великій князь и на этотъ разъ уступилъ митрополиту. Геронтій поступилъ съ Геннадіемъ со всею жестокостью, обычною въ то время: послѣдняго заковали и посадили въ ледникъ подъ митрополичью палатой, и только заступничество великаго князя и другихъ благожелателей спасло Геннадія отъ дальнѣйшихъ истязаній со стороны митрополита²⁾).

Вотъ и все, что мы знаемъ, о Геннадіѣ, до поставленія его на Новгородскую архіепископскую кафедру. Но ужъ и этихъ немногихъ эпизодовъ изъ его жизни достаточно, чтобы судить о его личности. Это былъ человѣкъ стойкій, самостоятельный, энергическій, не лю-

¹⁾ П. С. Р. Л., VI, 221, 223.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 236.

бывшій скрывать свои убѣжденія и слѣпо преклоняться предъ авторитетомъ, хотя бы это сопряжено было для него съ непріятностями и пожертвованіями. Такая личность какъ нельзя болѣе соответствовала обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась тогда Новгородская церковь; а положеніе ея было самое печальное: На ряду съ только что придавленными, но еще далеко не заглухнувшими политическими страстями, господствовало раздраженіе противъ Московской митрополіи за плѣненіе архіепископа Теофила и за лишеніе новгородской паствы права выбирать себѣ владыку по старинѣ. Въ духовенствѣ новгородскомъ издавна коренилась нелюбовь къ московской духовной власти; теперь это чувство еще болѣе усилилось послѣ отнятія сель и деревень отъ монастырей и церквей новгородскихъ на великаго князя. Умственный и нравственный уровень духовенства, долго остававшагося безъ дѣятельнаго надзора епархіальной власти, былъ слишкомъ низокъ: нѣкоторые невѣжественные попы, діаконы и клирики отличались безбоязненною дерзостію и своеволіемъ, и допускали страшныя безчинства въ отиравленіи своихъ прямыхъ обязанностей ¹⁾. Здѣсь же, среди этихъ открытыхъ безпорядковъ, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе быстро росло и развивалось другое, болѣе опасное зло, грозившее поколебать церковь въ самомъ ея основаніи. Зло это была ересь, сѣмена которой, еще за 15-ть лѣтъ до поставленія Геннадія, впервые заронены были въ новгородскомъ духовенствѣ ученимъ Евреемъ Схаріей и его сообщниками. Изъ тѣсныхъ кружковъ новгородскихъ книжниковъ она, предъ прибытіемъ Геннадія на свою кафедру, мало по-малу стала проникать въ невѣжественныя народныя массы и заявлять себя здѣсь въ самыхъ грубыхъ, самыхъ возмутительныхъ для людей вѣрующихъ формахъ. Столько лѣтъ спокойно благоденствующимъ еретикамъ, конечно, надобно скрываться и носить маску смиренія и благочестія; разросшееся зло просилось наружу. Съ распространеніемъ ереси, въ числѣ ея приверженцевъ явились люди, которые уже не считали необходимымъ держаться такого поведенія и аккуратности, какими отличались первые еретики, или можетъ быть, по тогдашнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, не находили притворства болѣе нужнымъ. Какъ бы то ни было, но все чаще и чаще встрѣчались примѣры самаго грубаго кощунства и поруганія христіанской святыни, случаи самой необузданной безнравственности, какая возможна только для людей совершенно поправшихъ автори-

¹⁾ II. С. Р. Л., IV, 158.

тетъ вѣры и церкви. Еретики не только истребляли кресты и иконы, но и выдумывали различные способы оскорбленія этихъ священныхъ предметовъ: кусали ихъ, бросали въ скверныя мѣста; спали на иконахъ и мылись на нихъ, обливали ихъ нечистотами, писали срамныя вещи на иконахъ и на крестахъ, навязывали послѣдніе воронамъ на хвостъ и въ добавокъ оскорбляли иконы словами и непристойными тѣлодвиженіями ¹⁾.

Въ такомъ печальномъ положеніи засталъ Новгородскую церковь ея новый владыка. Но Геннадій былъ не такой человѣкъ, который могъ бы легко примириться съ существующимъ зломъ и дать ему спокойно расти и укрѣпляться. Онъ вступилъ съ еретичествомъ въ долгую и ожесточенную борьбу и неустанно велъ ее во все время своего архіепископства, до тѣхъ поръ, пока не смѣнилъ его на этомъ поприщѣ другой великій мужъ нашей церкви, преподобный Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоцкій. Въ памятникахъ нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ принялся Геннадій за свою новую паству, которая не хотѣла покориться его предшественнику, и вѣроятно, отнеслась съ недовѣріемъ и къ нему самому, какъ избраннику Москвы; остается также неизвѣстнымъ, въ чемъ особенно проявлялась его пастырская дѣятельность въ первые два года его архіепископства. Несомнѣнно извѣстно только одно, что Геннадій не разомъ напалъ на слѣды ереси; онъ узналъ о существованіи ея уже спустя два года по прибытіи своемъ въ Новгородъ. Первое свѣдѣніе о ереси дошло до архіепископа почти случайно: четверо еретиковъ, поссорившись въ нетрезвомъ видѣ упрекнули другъ друга въ нечестивыхъ дѣлахъ и обнаружили ересь. Услышавъ объ этомъ, Геннадій немедленно далъ знать митрополиту и великому князю, и получивъ отъ нихъ приказаніе не допускать распространенія ереси, началъ дѣлать обыскъ. Во время обыска одинъ изъ показавшихся еретиковъ, поимъ Науимъ, отрялъ архіепископу всѣхъ и все и принесъ даже псалмы, которые пѣли еретики въ своихъ тайныхъ собраніяхъ ²⁾. Геннадій велѣлъ брать подозрѣваемыхъ и отдавалъ ихъ на поруки до окончанія слѣдствія. А такъ какъ четверо изъ взятыхъ на поруки вскорѣ за тѣмъ бѣжали въ Москву, то онъ отправилъ туда къ князю и митрополиту, при особомъ посланіи, все

¹⁾ Посланіе Геннадію къ еп. Ниѳонту Суздальскому и Прохору Сарскому (напечатаны въ изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Волоколамскаго, г. Хрущова: Источники стр. XVI—XVIII и XXII—XXIII).

²⁾ Посланіе къ Іоасауу.

слѣдственное дѣло о еретикахъ, называемое въ лѣтописяхъ „подлинниками“ или „подлинными списками“ архіепископа Геннадія. Выѣстъ съ подлинниками Геннадій препроводилъ къ митрополиту и „тетрадь“, почему они (еретики) молились по жидовски, и гдѣ „псалмы превращены на ихъ обычай“ ¹⁾. Это было въ августѣ или сентябрѣ 1487 года ²⁾.

Въ Москвѣ не горячо взялись за дѣло о еретикахъ, танули его и не давали Геннадію отвѣта. Медленность эту можно объяснять прежними не совсѣмъ дружественными отношеніями Геннадія къ митрополиту Геронтію. Митрополитъ до сихъ поръ не могъ забыть оппозиціи Геннадія въ спорѣ его съ великимъ княземъ и естественно пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать ему что-нибудь непріятное. Но еслибы даже не существовало этого обстоятельства, то митрополитъ все-таки, при настоящихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, едва ли былъ въ состояніи сдѣлать многое въ пользу дѣла, за которое такъ горячо принялся Геннадій. Прежде духовная и свѣтская власти шли рука объ руку: первая содѣйствовала возвышенію и усиленію послѣдней; а послѣдняя, въ замѣтъ этого, платила первой сыновнимъ почтеніемъ и оказывала ей при случаѣ поддержку. Теперь отношенія между ними существенно измѣнились. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, мірская власть, достигнувъ апогея своего могущества, не только не нуждалась въ опеки со стороны духовной власти, но и стремилась подчинить послѣднюю, паравнѣ съ другими органами общественной жизни, своему верховному господству и въ значительной степени достигла этого. Тотъ же самый митрополитъ, который такъ еще недавно, въ гордомъ сознаніи своего вѣковаго могущества, требовалъ челобиты отъ самого великаго князя и дѣйствительно получилъ его, теперь, по свидѣтельству современника, дрожалъ отъ страха предъ державнымъ и смиренно подчинялся его волѣ, опасаясь удаленія своего съ митрополичьей кафедры, о которомъ уже совѣщался великій князь съ уважаемымъ имъ старцемъ Пансіемъ Ярославовымъ. Великій же князь имѣлъ свои причины затягивать дѣло о еретикахъ и смотрѣть на ересь совсѣмъ иначе, нежели смотрѣлъ на нее Геннадій. Между тѣмъ какъ Геннадій, ничего не подозревая, чинилъ обыскъ еретиковъ въ Новгородѣ и слалъ грамоты о нихъ къ митрополиту и великому князю, ересь успѣла пе-

¹⁾ Посланіе къ Прохору.

²⁾ Апты Археогр. Экспед., I, № 380; Абыы Историч., I, № 285.

рейдти въ Москву и свить себѣ гнѣздо даже въ самомъ царскомъ дворцѣ; жаркими приверженцами ея сдѣлались люди, самые приближенные къ великому князю и его вліятельные совѣтники ¹⁾. Эти лица, безъ сомнѣнія, съумѣли убѣдить великаго князя, что архіепископъ Новгородскій преувеличиваетъ дѣло, и что ересь вовсе не такъ вредна и опасна, какъ представляетъ ее онъ въ своемъ донесеніи. Послѣ этого становится понятнымъ, почему грамоты Геннадія такъ долго оставались въ Москвѣ безъ всякаго результата.

Не получая отвѣта ни отъ великаго князя, ни отъ митрополита, Геннадій къ концу 1487 года обратился съ посланіемъ о содѣйствіи къ Сарскому епископу Прохору, жившему въ Москвѣ на Крутицахъ. Геннадій увѣдомлялъ Прохора, что въ Новгородѣ появились еретики, которые мудрствуютъ по жидовски, держатъ Маркіанскую и Мессіанскую ереси, всячески скрываются, называя себя православными, что слѣдственное дѣло о нихъ отослано къ князю и митрополиту, — выражалъ свои недоумѣнія относительно окончанія пасхальнаго круга и седьмой тысячи, пространно доказывалъ вѣрность христіанскаго библейскаго глѣтосчисленія и испорченность современнаго іудейскаго, наконецъ, просилъ его ходатайства предъ великимъ княземъ о принятіи мѣръ противъ поругателей святыни ²⁾. Но такъ какъ отвѣта ни со стороны великаго князя, ни отъ митрополита все не являлось и не было принято никакихъ мѣръ противъ ереси, а между тѣмъ дерзость еретиковъ возросла до невѣроятной степени, то Геннадій, въ январѣ слѣдующаго 1488 года, обратился съ новыми посланіями къ бывшимъ тогда въ Москвѣ епископамъ Нифонту Суздальскому и Филовею Пермскому, прося ихъ печаловаться предъ великимъ княземъ и митрополитомъ, „чтобы они потщились тому дѣлу исправленіе учинити, занеже нынѣ како продлилося то дѣло; обыскъ ему не крѣпко чинится.... еретикамъ ослаба пришла, уже нарушаются христіанству“ ³⁾. Въ обоихъ этихъ посланіяхъ Геннадій описываетъ ужасныя для слуха вѣрующихъ поступки еретиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ племянникомъ еретика Гриди Клоча, занесеннаго Геннадіемъ въ подлинныя списки, и вообще рисуетъ мрачную картину самаго грубаго кощунства ихъ надъ христіанскою святыней.

Посланія Геннадія къ епископамъ оказали желанное дѣйствіе.

¹⁾ Просвѣтит., 53.

²⁾ Хрущовъ, Источн., стр. XVI—XVIII.

³⁾ Хрущовъ, Источн., XXII—XXIII.

Если единичный голос Новгородскаго владыки оставался не услышаннымъ, то совокупный голосъ нѣсколькихъ архипастырей еще имѣлъ силу предъ „державнымъ“. Дѣло приняло быстрый ходъ: оно разсматривалось на соборѣ; трое изъ еретиковъ—попы Григорій Семеновскій и Ересьиъ Никольскій и сынъ попа Григорья — Самсонко дьякъ признаны были соборомъ достойными изверженія и отлученія отъ церкви и подлежащими проклятію за то, что хулили Христа Сына Божія и пречистую Богоматерь, ругались свитымъ иконамъ, жидовскую вѣру величали, а нашу православную хулили; великій князь, съ своей стороны, подвергъ ихъ торговой казни „по царскимъ правиламъ“. Четвертый изъ судимыхъ соборомъ, Гридя дьякъ „не дошелъ еще по правиламъ градскія казни, потому что на него одинъ свидѣтель, попъ Наумъ“. Въ февралѣ того же 1488 года, князь и митрополитъ ужъ извѣщали объ этомъ Геннадія и поручали ему, чтобъ онъ продолжалъ обыскъ еретиковъ „съ великимъ прилежаніемъ и со многими извѣщеніемъ, какъ велѣно по Божественному Писанію“, и тѣхъ, которые покаются, подвергалъ церковной епитиміи, а не раскаянныхъ и вообще тѣхъ, которые окажутся достойными „градскія казни“, отсылалъ бы „по царскимъ правиламъ“ для градской казни къ великокняжескимъ намѣстникамъ Якову и Юрію Захарьевичамъ Кошкинымъ: „Да обыскивалъ бы еси, сыну, то дѣло прилежно“, заключалъ свою грамоту митрополитъ,—„чтобы христіанство въ возмущеніи не было, а церковь Божія безмятежна была“¹⁾. Изъ этого не видно, чтобъ Геронтій стоялъ за ересь. Но его, строгаго ревнителя буквы, никто изъ современниковъ и не обвиняетъ въ сочувствіи ей, а только въ слабости, безпечности и въ излишнемъ страхѣ предъ „державнымъ“, въ страхѣ, заставлявшемъ его забывать свои прямыя обязанности. Такъ смотрѣлъ на него его знаменитый современникъ, Іосифъ Волоцкой: „И самъ же (Геронтій) убо христіанская мудрствуя, о прочихъ же ни мало попечеса, погибающимъ, увь мнѣ! Христовѣмъ овцамъ еретическимъ ученіемъ, или грубостію одержимъ, или не радше о семъ, или бояшеса державнаго“²⁾.

Снабженный полномочіями отъ великаго князя и митрополита и надежными помощниками въ лицѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, бояръ Кошкиныхъ, Геннадій снова ревностно принялся за розыскъ еретиковъ и повелѣ дѣло весьма удачно: открыто было множество

¹⁾ Акты Истор., I, № 285; П. С. Р. Л., VIII, 218.

²⁾ Просв., 53.

еретиковъ; одни изъ еретиковъ покаялись и были осуждены архіепископомъ на церковную эпитимію, а не покаявшихся и продолжавшихъ хвалить жидовскую вѣру онъ передавалъ намѣстникамъ для торговой казни и письменныя показанія ихъ препроводилъ къ великому князю и митрополиту. Но въ Москвѣ теперь не обратили никакого вниманія на донесенія Геннадія и „положили дѣло ни за что“, какъ самъ онъ вскорѣ писалъ къ Ростовскому архіепископу Іоасафу (25-го февраля 1489 г.). Слабый духомъ и тѣломъ, уже приближающийся къ смерти, митрополитъ Геронтій „не подокучилъ о томъ великому князю“, и еретикамъ никакого конца учинено не было ¹⁾. Весною 1489 года Геронтій скончался.

III.

Ересь въ Москвѣ.—Избраніе на митрополичью кафедру Зосимы и его непріязнь къ Геннадію. — Новыя безчинства еретиковъ въ Новгородѣ; чернецъ Захаръ и его нападки на Геннадія. — Посланія Геннадія къ Зосимѣ и собору владыкъ. — Соборъ 1490 г.; его приговоръ надъ еретиками и приведеніе его въ исполненіе Геннадіемъ. — Состояніе умовъ послѣ собора; мнѣніе о кончинѣ міра; его происхожденіе и произведенное имъ смущеніе; какъ воспользовались этимъ еретики. — Новый борецъ противъ ереси.

Со смертію митрополита Геронтія, обстоятельства еще болѣе обратились не въ пользу Геннадія и защищаемого имъ дѣла православія. Ревностному Новгородскому владыкѣ предстояла новая борьба и на этотъ разъ уже не съ скрытымъ недоброжелательствомъ, не съ тайною интригой, а съ открытыми врагами, завербовавшими въ свои ряды такихъ лицъ, отъ которыхъ прямо зависѣла судьба самого Геннадія. Но и на этотъ разъ энергическій борецъ за существующій религіозно-церковный строй съ торжествомъ вышелъ изъ борьбы, хотя торжество его, по прежнему, не было полнымъ и продолжительнымъ.

Въ это время центръ ереси окончательно перенесенъ былъ въ Москву, и она успѣла организовать въ крѣпко-сплоченное общество. Еще за девять лѣтъ до того (въ 1480 г.) поплъ Алексѣй и поплъ Денисъ привезены были самимъ великимъ княземъ изъ Новгорода въ Москву и опредѣлены были первый — протопопомъ въ Успенскій соборъ, а послѣдній — попомъ въ Архангельскій. Алексѣй и Де-

¹⁾ Акты Арх. Экспедиціи, I, № 380; *Ист. Общ. И. и Др.* 1847 г., VIII, отд. IV, стр. 2.

нись не принадлежали къ тому разряду грубыхъ еретиковъ, о которыхъ говорено было выше. Оба они были первыми учениками Схаріи и привлекли къ себѣ вниманіе великаго князя своимъ умомъ и книжнымъ образованіемъ. Вѣрные традиціямъ своего учителя, они понимали, какъ имъ должно было вести себя въ Москвѣ, и вели себя тамъ чрезвычайно осторожно — „танхуса, яко же зміевъ въ скважнѣ“, по выраженію Іосифа, казались кроткими, праведными и воздержными, но въ то же время тайно распространяли еретическое ученіе и вели дѣло пропаганды такъ искусно, что Геннадій, въ продолженіе пяти лѣтъ, до отъѣзда своего изъ Новгородъ, не зналъ о существованіи ереси. Вскорѣ имъ удалось образоватъ около себя учено-литературный кружокъ изъ мѣстныхъ грамотниковъ, раздѣлявшихъ ихъ мнѣнія. Между прочимъ они привлекли къ своей ереси Симоновскаго архимандрита Зосиму и чернеца Захарію, при дворѣ великаго князя знатнаго дьяка Ѳедора Курицына съ братомъ его Иваномъ Волкомъ, дьяковъ крестовыхъ Истому и Сверчка и изъ купцовъ — Семена Кленова. Зять протопопа Алексѣя, Иванъ Максимовъ, свелъ въ ересь даже невѣстку великаго князя Елену, какъ впоследствии сознавался самъ Іоаннъ Іосифу Волоцкому ¹⁾. Все это были большею частію люди, занимавшіе видное положеніе въ обществѣ и по своему времени образованные, а нѣкоторые изъ нихъ занимались даже литературою. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ дьякъ великаго князя Ѳедоръ Курицынъ, не разъ исполнявшій дипломатическія порученія; такъ онъ ѣздилъ посломъ въ Валахію для устройства брака великаго князя Ивана Младого Ивановича съ Еленою, дочерью воеводы Стефана, и неоднократно былъ въ Литвѣ и Венгріи ²⁾. Курицынъ, также какъ и протопопъ Алексѣй, по словамъ преп. Іосифа, прилежалъ „звѣдозаконію, многимъ баснотвореніямъ, астрологіи, чародѣйству и чернокнижію“ ³⁾. Кромѣ этого современнаго свидѣтельства о многосторонней учености Курицына, суще-

¹⁾ Просвѣтителѣ, 51—52; Посл. Іосифа къ Митрофану въ *Чт. Общ. Н. и Др.* 1847 г., I, отд. IV.

²⁾ Есть извѣстіе, что Курицынъ, во время своего посольства въ Валахію, проѣзжалъ черезъ Крымъ; онъ былъ даже въ плѣну у Турокъ и освобожденъ Мевли-Гиреемъ (см. Дипломатическую переписку между русскими великими князьями и бывшими въ Крымѣ татарскими князьями—*Зап. Одесск. Общ. Ист.*, V, 195—197). Можетъ быть, онъ еще въ это время познакомился съ Схаріей и его ученикомъ...

³⁾ Просвѣт., 53.

ствуется предположеніе, что онъ перевелъ повѣсть о Дракулѣ Волошскомъ ¹⁾; ему же несомнѣнно принадлежитъ и переводъ апокрифическаго Лаодикійскаго посланія, какъ это доказываетъ послѣсловіе его, изъ котораго видно, что списыватель его былъ именно дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ ²⁾. Неизвѣстно, когда занимался этими сочиненіями Курицынъ, но они говорятъ намъ о его наклонности къ вольномыслию, такъ какъ въ Лаодикійскомъ посланіи встрѣчаются, напримѣръ, такіа выраженія: „душа самовластна, заграда ей вѣра“... Замѣчательны эти сочиненія еще и въ томъ отношеніи, что по нимъ мы можемъ судить о характерѣ той учености, какою обладали грамотники, принадлежавшіе къ этому учено-литературному кружку. О Семенѣ Кленовѣ тоже сохранилось извѣстіе, что онъ письменно излагалъ свои религиозныя убѣжденія ³⁾. Въ этомъ же кружкѣ находились какой-то Ивась Черный, о которомъ современникъ замѣчаетъ, что онъ книги пишетъ, и еще какой-то Мартынка, вывезенный Курицынымъ изъ Угорской земли ⁴⁾. Но самыми вліятельными изъ еретиковъ были протопопъ Алексѣй и Ѳеодоръ Курицынъ. Они, по словамъ современника, такое дерзновеніе имѣли къ державному, какъ никто иной, и служили твердымъ оплотомъ ереси. Самъ великій князь зналъ о ереси своихъ любимцевъ, и не смотря на то, продолжалъ къ нимъ свое благоволеніе ⁵⁾. Кружокъ собирався у Ѳеодора Курицына. Еретики разсуждали о вѣрѣ, и по выраженію современника, поучались на православныхъ ⁶⁾.

Такимъ образомъ, въ то время, когда Геннадій, при содѣйствіи великокняжескихъ намѣстниковъ, дѣятельно разыскивалъ еретиковъ въ Новгородѣ, каралъ ихъ духовно и предавалъ намѣстникамъ для тѣлесныхъ истязаній, въ то же самое время въ Москвѣ ересь спокойно процвѣтала, пользуясь покровительствомъ великокняжескаго двора. Услышавъ, что въ Москвѣ еретики живутъ въ ослабѣ, туда же бѣжали и новгородскіе еретики, даже тѣ изъ нихъ, которые раскаялись предъ Геннадіемъ и „дѣйства свои писали сами на себя сво-

¹⁾ *Востоковъ*, Описаніе Румиц. Музея, стр. 512.

²⁾ Посланіе помѣщено въ сборникѣ бібліотеки С.-Петербур. Дух. Акад. (бывш. Ерило-Вязовск.), № 1098.

³⁾ Посланіе Іосифа на еретика Кленова, напечат. у *Хрущова* въ прилож., стр. 263.

⁴⁾ Посл. Геннадій къ собору владыкъ.

⁵⁾ Просв., 53; Посланіе къ Митрофану.

⁶⁾ Посланіе къ собору владыкъ.

ими руками", и тамъ не только стали пользоваться полною свободою, но имѣвшіе священныи санъ даже служили въ московскихъ церквахъ вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ. Но и здѣсь, какъ въ Новгородѣ, ересь, сдѣлавшись достояніемъ невѣжественной массы, начала заявлять себя въ самыхъ грубыхъ формахъ; даже одинъ изъ главныхъ представителей ереси, попъ Денисъ, не удержался отъ извѣстнаго и, если вѣрить извѣстію, сообщаемому Геннадіемъ, во время богослуженія плясалъ за престоломъ и наругался надъ крестомъ ¹⁾.

Между тѣмъ, по смерти Геронтія, митрополитчья кathedra оставалась праздною. Одновременно съ митрополитомъ умеръ и старѣйшій ересіархъ, протопопъ Алексѣй. Предъ смертію онъ „своимъ волхованіемъ“ подоиде „державнаго“ поставить на митрополитчій престолъ человека своей партіи, Симоновскаго архимандрита Зосиму, и великій князь поддался внушеніямъ своего любимца. Въ сентябрѣ 1490 года состоялся выборъ: духовныя власти избрали Зосиму митрополитомъ, зная, что этого хочетъ „державный“. Геннадіа не пригласили на соборъ: онъ хотѣлъ ѣхать, но самъ великій князь приказалъ ему оставаться на мѣстѣ подъ предлогомъ какихъ-то „великихъ дѣлъ“; отъ него потребовали только письменнаго согласія или такъ-называемой „повольной грамоты“. Геннадій не противился выбору Зосимы, потому что не зналъ о его еретичествѣ; но сильно оскорбился тѣмъ, что ему не позволили лично присутствовать на соборѣ. Ясно было, что здѣсь дѣйствовала враждебная Геннадію еретическая партія. Самъ Зосима, какъ сторонникъ еретиковъ, само собою разумѣется, — не могъ не питать вражды противъ Геннадія и лишь только успѣлся на митрополитчьемъ столѣ, тотчасъ же потребовалъ отъ Геннадія исповѣданія вѣры, какое обыкновенно давали архіереи при своемъ поставленіи. Это значило, что Геннадія подозреваютъ въ неправовѣрїи. Почти одновременно съ этимъ требованіемъ великій князь и митрополитъ, каждый отъ себя, прислали Геннадію грамоты, требуя его согласія на поставленіе Коломенскаго владыки, но не сообщали ему имени поставляемаго. Геннадій не могъ не видѣть, что противъ него ведется врагами его интрига, что его хотятъ обмануть, и что такъ или иначе здѣсь дѣйствуютъ еретики, хотя онъ еще и далеко былъ отъ мысли заподозрѣвать въ ереси самого митрополита. Онъ настроѣнъ отказался дать новое исповѣданіе вѣры и съ негодованіемъ отвергъ всякое подозрѣніе въ неправовѣрїи; равнымъ обра-

¹⁾ Акты Арх. Экспедиц., I, № 380; Просвѣтитель, стр. 576.

зомъ онъ не захотѣлъ дать и безымянной отписи на поставленіе Коломенскаго владыки изъ опасенія, чтобы выборъ не палъ на кого-либо изъ сообщниковъ еретиковъ. „Азъ записи даю такія законныя, какъ оныя братья наши давали“, писалъ Геннадій къ собору епископовъ ¹⁾. Вскорѣ случай далъ Геннадію возможность убѣдиться, что въ Москвѣ дѣйствительно существовала сильная еретическая, а слѣдовательно — враждебная ему партія. Продолжая, по прежнему, разыскивать еретиковъ, Геннадій допрашивалъ возвращавшагося изъ Москвы Самсонка и на допросѣ узналъ отъ него подробности о кружкѣ Ѳеодора Курицына и о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя бывали у великокняжескаго дьяка. „Самсонко молвилъ: ходилъ есмь за все къ Ѳеодору Курицыну, діаку великаго князя, и приходитъ де въ нему Алексѣй протопопъ, да Истома, да Сверчокъ, да Ивашко Черный, чтò книги пишетъ, да поучаются де на православныхъ; да пріѣхалъ де съ Ѳеодоромъ Курицынымъ Угрянинъ—Мартынкомъ зовутъ“. Самсонко, какъ показало слѣдствіе, оказался еретикомъ и преданъ былъ гражданскому суду. Его пытали. Въ Москвѣ стали говорить, что Геннадій мучилъ Самсонку. „Азъ ли того Самсонка мучилъ“, принужденъ былъ оправдываться Геннадій,—вѣдь пыталъ его сынъ боярской великаго князя, а мой только былъ сторожъ, чтобы посула никто не взялъ“ ²⁾. Послѣ этого въ Москвѣ перестали довѣрять его обыскамъ.

Не замедлило вспыхнуть съ новою силой еретическое движеніе и въ Новгородѣ. Сдавленное на время строгими мѣрами, принятыми Геннадіемъ, еретичество, при благопріятной для него переменѣ обстоятельствъ, снова заявило себѣ тамъ самымъ неслыханнымъ кощунствомъ надъ православно-христіанскою святыней. Теперь еретики смѣло надѣялись на свою безнаказанность. Среди многихъ нечестивыхъ поступковъ ихъ особенно выдавался по своей возмутительности поступокъ подъячаго Алексѣя Костина, который, напившись пьянъ, влѣзъ въ часовню, „да снявъ съ лавицы икону Пречистые, на нее скверную воду снускалъ и инныя иконы въ верхъ ногами переворачивалъ“ ³⁾. Сильно возмущала Геннадія неслыханная дерзость еретиковъ, теперь остававшаяся безнаказанною, да и послѣдніе болѣе всего

¹⁾ Посл. къ собору владыкъ: *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., апрѣль, 479—481; въ полномъ видѣ помѣщено у *Хрущова* (по частямъ), стр. 115—121; Посл. къ Зосимѣ въ Акт. Арх. Экспедиціи, I, № 380.

²⁾ Посланіе къ собору владыкъ.

³⁾ *Просвѣтит.*, стр. 573.

ненавидѣли Новгородскаго владыку. Но особеннымъ врагомъ его былъ чернецъ Захаръ. Онъ былъ прежде настоятелемъ Нѣмчиновскаго Успенскаго монастыря въ Новгородской области ¹⁾. Однажды явились къ Геннадію чернецы этого монастыря и донесли ему, что чернецъ Захаръ сманилъ ихъ къ себѣ въ монастырь отъ князя Ѳеодора Бѣльскаго, у котораго они служили въ дѣтихъ боярскихъ, и вотъ уже три года, какъ онъ не даетъ имъ причастія и самъ не причащается. Геннадій призвалъ къ себѣ Захара и спрашивалъ: правда ли то, что говорятъ о немъ чернецы. „Грѣшенъ есмь“, отвѣчалъ Захаръ. Геннадій сталъ его укорять и наставлять, а Захаръ сказалъ, что не у кого причащаться. „Поны по мздѣ ставлены, продолжалъ онъ, — митрополитъ же и владыки тоже по мздѣ ставлены... Прежде митрополиты ходили въ Царсградъ за посвященіемъ и патріарху деньги давали; а теперь митрополиты даютъ боярамъ тайно посулы; и владыки митрополиту даютъ деспыги“. Геннадій за такіе отзывы призналъ Захара стригольникомъ и сослалъ его въ пустынь на Горьнечно; но вскорѣ послѣ того онъ получилъ отъ великаго князя грамоту о томъ, чтобы наказать Захара и отпустить его въ монастырь. Геннадій опять призвалъ Захара и взялъ отъ него клятвенную запись отъ его руки въ томъ, что онъ впредь будетъ причащаться и изберетъ какъ для себя, такъ и для братіи, духовника. Захаръ, давъ такую запись, вмѣсто своего монастыря отправился въ Москву и не только остался тамъ цѣлъ и невредимъ, но и приобрѣлъ себѣ сильную поддержку въ лицѣ тамошнихъ знатныхъ еретиковъ, а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ даже сдѣлался главой ихъ ²⁾. Подъ защитою своихъ сильныхъ покровителей Захаръ началъ нападать на Геннадія и хотѣлъ окончательно подорвать его авторитетъ; онъ обвинялъ его самого въ ереси, и разсылалъ въ Новгородъ и другіе города грамоты, въ которыхъ всячески старался очернить личность Новгородскаго владыки ³⁾.

Сильное распространеніе ереси въ Москвѣ, страшная дерзость и кощунство еретиковъ и особенно послѣдній поступокъ инока Захара, въ высшей степени оскорбительный для пламеннаго ревнителя православія, побудили Геннадія съ новою энергіей взяться за дѣло иско-

¹⁾ Пынь погость Нѣмчиново Псковской епархіи, Холмскаго уѣзда — на р. Довати, въ 250 верстахъ отъ Новгорода и въ столькихъ же отъ Пскова.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 158. Здѣсь Захаръ названъ главой, прочіе еретики — его товарищами.

³⁾ Посланиіа къ Зосимѣ и къ собору владыкъ.

рененія ереси. Теперь онъ уже зналъ, что центръ ереси, источникъ ея силы не у него въ Новгородѣ, и что не отсюда грозила опасность православію, а въ самой Москвѣ среди лицъ, близкихъ къ государю, и вотъ противъ этого-то центра онъ и направилъ теперь свою дѣятельность. На вышеупомянутыя требованія митрополита Геннадій отвѣчалъ посланіемъ ¹⁾. Въ немъ онъ, кромѣ прямого отвѣта на требованія митрополита, говоритъ о еретикахъ и кратко излагаетъ весь ходъ дѣла о ереси и то, на чемъ оно остановилось. Геннадій прямо указываетъ на Ѳедора Курицына, какъ на главнаго заступника еретиковъ и ходатая за нихъ, жалуется и на чернеца Захара, упрекаетъ великаго князя за нежеланіе призвать его, Геннадія, въ Москву. Отъ самого Зосимы Геннадій требуетъ созванія собора на еретиковъ, смѣло указываетъ митрополиту на великія обязанности первосвятителя и убѣждаетъ его самого быть строгимъ обличителемъ ереси и ходатайствовать объ искорененіи ея предъ великимъ княземъ не только своего ради спасенія, но чести ради государства. „А только государь нашъ, сынъ твой великій князь того не обещеть“, писалъ Геннадій,—„а тѣхъ не казнить, ино какъ ему съ своей земли та срамота свести? Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держать: сказывалъ ми посолъ цезаревъ про Шпанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и азъ съ тѣхъ рѣчей списокъ тебѣ послалъ. И ты бѣ, господине, о томъ великому князю пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чти для государя великаго князя“.

Но Геннадій уже по опыту зналъ, какъ мало значилъ теперь его единичный голосъ въ Москвѣ. Самыя настойчивыя, самыя убѣдительныя требованія его, обращенныя къ митрополиту, могли остаться безъ вниманія, такъ какъ и прежде того Геннадій уже не разъ писалъ въ Москву, присылалъ разные доносы и улики противъ еретиковъ, а имъ въ Москвѣ не давали хода: очевидно, люди, принадлежащіе къ ереси и приближенные къ великому князю, представляли ему Геннадія человѣкомъ вздорнымъ и неуживчивымъ и этия подорывали довѣріе къ нему власти. Поэтому Геннадій, одновременно съ посланіемъ къ митрополиту, поспѣшилъ принять еще и другія, болѣе дѣйствительныя мѣры. Онъ прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ средству, которое разъ уже было испытано имъ и въ значительной мѣрѣ достигло желанной цѣли. Изъ грамотъ великаго князя и митрополита

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 380.

онъ зналъ, что въ Москвѣ собираются ставить новаго владыку для Коломны, и слышно было—хотятъ соборовать о вѣрѣ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Гспнадій, одновременно съ отвѣтными грамотами князю и митрополиту, написалъ соборное посланіе къ архіепископу Тихону Ростовскому и къ епископамъ Нифонту Суздальскому, Вассіану Тверскому, Прохору Сарскому и Филовею Пермскому ¹⁾. Всѣ эти іерархи, еще со времени поставленія митрополита, находились въ Москвѣ, и ими хотѣли воспользоваться для хиротоніи Коломенскаго владыки. Въ своемъ посланіи Геннадій объясняетъ владыкамъ, почему онъ не согласился дать отпись на поставленіе Коломенскаго архіерея, и совѣтуетъ не сдѣлать поставленіемъ его, пока не покончится дѣло о еретикахъ: „Писано вѣдь въ правилѣхъ святыхъ апостолъ, како владыку поставити, а ваши архимандриты, протопоны и попы соборные съ еретики служили, ино вѣдь иному отлученіе, а иному отверженіе писано“. Подробно разказавъ о страшномъ кощунствѣ Алексѣя Костина и другихъ еретиковъ и о своей борьбѣ съ Захаромъ, Геннадій проситъ себѣ защиты отъ него и указываетъ на Курцизна, какъ на печальника еретиковъ, достойнаго проклятія. О соборѣ, на которомъ хотѣли заводить пресію о вѣрѣ, онъ говоритъ: „И вы бы на то не дерзнули, запече изложена намъ православная вѣра“. Въмѣсто безплодныхъ преній о вѣрѣ Геннадій настоятельно требуетъ учинить такой соборъ, который, послѣ строгаго допроса и обыска еретиковъ, предастъ бы ихъ проклятію и жесточайшей казни, такъ какъ они, давъ въ Новгородѣ покаяніе и принявъ епитимію, бѣжали въ Москву и вопреки клятвѣ опять сдѣлались еретиками. „Да пытали бы ихъ накрѣпко о томъ, кого они прельстили, чтобы было вѣстно, занеже ихъ искоренять, а уже отрасли есть. Да не плошите“, убѣждаетъ Геннадій епископовъ,—„станьте крѣпко, чтобы глѣвъ на насъ не пришелъ, да не како челоуѣкоугодницы обрящемся и со Іудею Христа продающе: они иконы шепчють, рѣжють, Христу поругаются, а мы ихъ учреждаемъ, да ихъ волѣ сходимъ“...

Посланіе Геннадія къ владыкамъ и на этотъ разъ оказало немедленное дѣйствіе. Зосима, какъ видно, не противился открытію собора, лишь бы предметомъ соборныхъ занятій не былъ судъ надъ еретиками. Онъ хотѣлъ ограничить его занятія простыми состязаніями о вѣрѣ, въ которыхъ надѣялся на несомнѣнную побѣду своей партіи. Но митрополитъ невольно долженъ былъ уступить общему требова-

¹⁾ *Правосл. Соб.* 1863 г., апрѣль, 479—481; *Хрущовъ*, *ibid.*, 115—121.

нiю архіереевъ и большинства духовенства, единогласно требовавшихъ суда надъ еретиками; а это еще и въ то время была такая великая нравственная сила, съ которою опасно было считаться не только митрополиту, но и самому великому князю, сдѣлавшемуся теперь абсолютнымъ самодержцемъ, и они принуждены были уступить. Соборъ открылся 17-го октября 1490 года. Геннадіа опять не пригласили, и архіереи рѣшили приступить къ дѣлу безъ Геннадіа, хотя онъ просилъ ихъ добиваться, чтобъ его непременно призвали на соборъ. Кромѣ архіереевъ, здѣсь было нѣсколько монастырскихъ настоятелей, священниковъ и старцевъ, и между ними знаменитые въ то время подвижники Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій (Майковъ). О ходѣ дѣла на соборѣ Татищевъ, на основаніи неизвѣстнаго намъ источника, разсказываетъ слѣдующее: Въ то время, какъ большинство собора послѣ долгаго разсмотрѣнія и испытанія, единогласно потребовало сожженія еретиковъ, митрополитъ воспротивился этому и сказалъ: „Достойтъ ѿ (еретиковъ) проклятiю предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, зане мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обратити къ покаянію“¹⁾. И мнѣніе митрополита одержало верхъ. Извѣстіе это вполне сообразно съ обстоятельствами дѣла: голосъ митрополита не былъ единоличнымъ; того же взгляда на ересь, хотя и по другимъ мотивамъ, держались и знаменитые старцы Нилъ и Паисій, какъ это доказываетъ дальнѣйшая исторія ереси, и ихъ голосъ не могъ не имѣть рѣшительнаго вліянія на мнѣнія большинства членовъ собора. Рѣшеніе это не могло быть непріятно и великому князю, находившемуся тогда подъ вліяніемъ партіи, сочувствовавшей еретикамъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло другихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о дѣланіяхъ этого собора; лѣтописи сохранили намъ, и то въ самыхъ общихъ чертахъ лишь приговоръ его надъ еретиками. Основываясь на показаніяхъ, присланныхъ Геннадіемъ, и на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, собранныхъ въ Москвѣ, соборъ обвинилъ повгородскаго протопопа Гавріила, священниковъ Дениса, Максима (Ивановскаго), Василья (Покровскаго), дьяконовъ Макара и Самуила, зятя Денисова Васюка, чернеца Захарію и дьяковъ Гридю и Самсонку въ томъ, что они старались развратить чистую и непорочную вѣру въ Бога, въ Троицѣ славимаго, и погубить православное христіанство, отвергли божество Іисуса Христа, Его воплощеніе отъ Пресвятой Дѣвы.

¹⁾ *Татищевъ*, Ист. Росс., IV, 109—111.

Маріи и воскресеніе, считая Его пророкомъ подобнымъ Моисею, а не равнымъ Богу Отцу; ругались святымъ иконамъ, называя ихъ, наравнѣ съ идолами, дѣлами рукъ человѣческихъ; совершали литургію по принятіи пищи и питья и ни во что считали тѣло и кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи, держались больше ветхаго заветъа и праздновали пасху по іудейски; въ среду и пятокъ ѣли мясо и молоко и совершали другія еретическія дѣла и многихъ простыхъ людей прельстили своими ересями. Обвиняемые ни въ чемъ не хотѣли сознаться предъ великимъ княземъ и владыками, „и быша, яко во изступленіи ума“. Соборъ лишилъ ихъ священнаго сана, предалъ проклятію и осудилъ на заточеніе ¹⁾). Нѣкоторыхъ изъ нихъ—неизвѣстно кого именно, но вѣроятно тѣхъ, которые были изъ Новгорода, отправили къ Геннадію въ Новгородъ. Архіепископъ приказалъ встрѣтить ихъ за 40 верстъ отъ города, надѣтъ на нихъ вывороченную одежду, посадить на вьючныхъ лошадей лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями и въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: „се есть сатаннино войско“. Въ такомъ видѣ ввели ихъ въ городъ. Со связанными руками они сидѣли, обращенные лицами на западъ, „да зрять въ уготованный имъ огнь“. Владыка приказалъ встрѣчающимся съ ними плевать на нихъ и говорить: „Се враги Божіи и христіанстѣи хульници!“ Послѣ такого обряда на головахъ ихъ сожжены были берестовые шлемы. „Сіи сотвори добрый онъ пастырь, хотя устрашити нечестивыя и безбожныя еретики, и не токмо симъ, но и прочимъ ужаса и страха исполненъ позоръ, поне на сихъ зряще уцѣлому-дрятся“, замѣчаетъ по этому поводу современникъ, передавшій намъ это извѣстіе. По свидѣтельству Іосифа, Денисъ, вскорѣ послѣ своего осужденія и заточенія, умеръ, за мѣсяцъ предъ смертью лишившись разсудка. Такая же участь постигла и Захара ²⁾).

Послѣ собора и приведенія въ исполненіе приговора его надъ еретиками, торжество православія еще далеко не было полнымъ; для искорененія ереси по прежнему сдѣлано было не много. Соборное осужденіе постигло только самыхъ грубыхъ, невѣжественныхъ еретиковъ, которые позволяли себѣ открыто ругаться надъ православною святыней и хулить православную церковь и ея догматы; но еретическая интеллигенція, самыя живыя и дѣятельныя силы ереси, еще ничѣмъ не были ослаблены и даже затронуты. Въ лицѣ Зосимы ересь возсѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 158—159; VIII, 220; Просвѣт., 55.

²⁾ Просвѣтит., 56—57.

дала на митрополичьей кафедрѣ, въ лицѣ Курицына и великокняжеской невѣстки Елены властвовала въ гражданскомъ обществѣ и при дворѣ. Другіе болѣе важные, интеллигентные еретики — братъ Ѳеодора Курицына Волкъ, Семенъ Кленовъ, Иванъ Максимовъ, тоже избѣжали преслѣдованія и жили спокойно въ Москвѣ, пользуясь защитой своихъ высокопоставленныхъ единомышленниковъ. Послѣ мѣръ, принятыхъ на соборѣ, еретическое движеніе притихло, но не надолго. Вскорѣ одно чисто случайное обстоятельство дало новую пищу ереси, возбудило насмѣшки еретиковъ надъ православными и послужило новымъ поводомъ для нихъ еще болѣе расширить область своего отрицанія.

Въ XV вѣкѣ сильно безнормала умы всего тогдашняго русскаго общества страшная мысль о скорой кончинѣ міра, которую ждали съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ, въ 1492 году. Этотъ мрачный призракъ созданъ былъ не русскимъ умомъ, а зародился еще съ самыхъ первыхъ временъ христіанства и перешелъ къ намъ съ Востока. Одно мѣсто въ извѣстномъ посланіи Варнавы о прообразовательномъ значеніи семи дней творенія въ отношеніи ко времени всего существованія міра ¹⁾ дало нѣкоторымъ поводъ предполагать кончину міра сначала съ концомъ шестой, а потомъ седьмой тысячи. Въ концѣ II и въ началѣ III вѣка эту же мысль высказалъ и Иринеи: „Во сколько дней созданъ міръ, чрезъ столько же лѣтъ послѣдуетъ и кончина его“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ²⁾. Эта же мысль послѣдовательно проводилась и въ дальнѣйшіе вѣка ³⁾. По окончаніи шестой тысячи, пытливыя гаданія перенесены были, какъ на Востокъ, такъ и на Западъ, на семьмитысячный годъ. Слова Соломона: „даждь часть седьмымъ же и осмымъ“ толковали въ томъ смыслѣ, что существованію рода человѣческаго на землѣ назначено семь вѣковъ, и это съ осмымъ настанетъ вѣчность (подъ вѣками разумѣли тысячи). Никифоръ Каллистъ, историкъ половины XIV вѣка, въ своемъ синаксарѣ на мясопустную недѣлю, извѣстномъ у насъ уже въ XV вѣкѣ (на него ссылается и Іосифъ Волоцкій), прямо выражаетъ мысль современниковъ о свѣтопреставленіи: „глаголется же, яко седьми тысящъ лѣтъ будетъ приходъ Его“ (Иисуса Христа). Основывали это мнѣніе и на

¹⁾ Epistol. Barnab., c. 15, у Котельера, стр. 44; *Прав. Соб.* 1860 г., ноябрь, 334.

²⁾ Iren., *Adversus haeres.*, V, c. 28.

³⁾ *Правосл. Соб.*, *ibid.*, 355—342.

мистическомъ толкованіи чиселъ, означавшихъ имена Моисея, Христа и Креста. А такъ какъ это мнѣніе близко касалось пасхалии, то ее потому и не смѣли простираť далѣе седьмитысячнаго года, и за этимъ роковымъ годомъ въ особомъ кружкѣ писали такой скорбный возгласъ: „горе, горе достигшимъ до конца вѣковъ!“ ¹⁾). Мнѣніе о седьмитысячномъ существованіи міра, распространенное въ греческой церкви, чрезъ переводы церковной письменности перешло и къ намъ. Оно встрѣчается уже въ довольно древнихъ памятникахъ, а въ XIV и особенно XV вѣкахъ дѣлается почти всеобщимъ ²⁾). Мнѣніе это раздѣляли святители Фотій и Филиппъ ³⁾; его не чужды были Геннадій и Іосифъ Волоцкій ⁴⁾). И наша пасхалия, по примѣру греческой, кончалась седьмитысячнымъ годомъ, за которымъ, по свидѣтельству Геннадія, было написано: „Здѣ страхъ, здѣ скорбь; аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и наконецъ явися, въ неже чаемъ и всемірное Твое пришествіе“ ⁵⁾). Слова эти, по отзыву того же свидѣтеля, смущали умы не только простыхъ, но и образованныхъ людей: „Ино о томъ молва была въ людяхъ, не токмо простыхъ, но и преимушихъ; о семъ многимъ сомнѣніе бысть“ ⁶⁾). Это и понятно: тогдашній грамотникъ, равно благоговѣвшій предъ всякою буквою церковной письменности, какъ предъ словомъ Божиимъ, боялся не только простаго предсказанія пасхалии о близкой кончинѣ міра, но и конца пасхалии, такъ какъ въ его глазахъ пасхалия была тоже словомъ Божиимъ, непосредственно божественнымъ произведеніемъ, искони даннымъ въ руководство людямъ для опредѣленія времени празднованія пасхи—на 7000 лѣтъ, а не прошествіи седьмой тысячи, съ концомъ пасхалии, необходимо послѣдуетъ и кончина міра ⁷⁾).

Вопреки всеобщему ожиданію 1492 годъ прошелъ спокойно, и кончины міра не послѣдовало. Тяжелый призракъ исчезъ, но къ несчастію для православныхъ и къ радости еретиковъ, исчезъ не безслѣдно: впечатлѣніе, произведенное окончаніемъ пасхалии, не утратило

¹⁾ *Пиперт*, *Karls des Grossen Calendar*, стр. 331.

²⁾ *Шевырева*, *Ист. Рус. Словесности*, III, 181, 339 и 356.

³⁾ *Акты Историч.*, I, 281.

⁴⁾ *П. С. Р. Л.*, III, 141—146; *Вогородичникъ*, рукопись Іосифова Волоколамскаго монастыря, № 437.

⁵⁾ *Рукоп. библ. С.-Петербург. Духов. Академіи* (бывш. Соѣйск.); № 1421, стр. 129.

⁶⁾ *Ibid.*

⁷⁾ *Просвѣтит.*, 396.

своей силы въ извѣстномъ отношеніи и послѣ того, когда время показало несостоятельность тѣхъ выводовъ, которые дѣлали изъ этого обстоятельства. Простой народъ уже какъ бы сроднился съ мыслию что конецъ пасхалии находится въ роковой связи съ кончиною міра; мысль о близкомъ свѣтопреставленіи все еще продолжала господствовать въ умахъ тогдашняго православнаго общества, и православнымъ богословамъ еще долго приходилось разубѣждать православныхъ въ неосновательности господствовавшего мнѣнія ¹⁾. Нужно было успокоить взволнованные умы и составить пасхалию на будущее время. И вотъ въ самомъ началѣ осьмой тысячи лѣтъ, въ сентябрѣ 1491 года, повелѣніемъ великаго князя и съ согласія митрополита собрался въ Москвѣ соборъ изъ всѣхъ русскихъ святителей, въ томъ числѣ и Новгородскаго—Геннадія, который постановилъ „учинити пасхалию на осьмую тысящу лѣтъ..., по преданію святыхъ отецъ, иже въ Никен седьмаго собора“. Митрополитъ поручилъ привести это постановление въ исполненіе Геннадію, и Геннадій составилъ пасхалию на 70 лѣтъ восьмой тысячи, предпославъ ей предисловіе, объясняющее несправедливость различныхъ толковъ о свѣтопреставленіи и неизвѣстность его по слову Божию ²⁾.

Еретики, какъ нельзя лучше, воспользовались господствовавшимъ повѣрьемъ о близкой кончинѣ міра и начали, по поводу его, открыто глумиться надъ православными съ тѣмъ, чтобы, поколебавъ одно вѣрованіе, ниспровергнуть и другія. „Какъ же это“, говорили они, — „семь тысячъ лѣтъ окончились, и пасхалия изошла, а Христосъ не приходитъ? И апостолы написали, что Христосъ родился въ послѣднее время, а вотъ уже полторы тысячи лѣтъ проходитъ по рождествѣ Христовѣ, міру же все конца нѣтъ; стало быть, апостолы неправду писали. Говорятъ и святые отцы, что Христосъ скоро прійдетъ, а его все нѣтъ? Ефремъ Сиринъ написалъ: пророчества и писанія скончались, и ничего не осталось дожидаться, кромѣ пришествія Господа нашего Іисуса Христа. Но вотъ уже тысяча сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Ефремъ Сиринъ, а втораго пришествія все нѣтъ“... ³⁾ Самъ Зосима, являясь православнымъ въ глазахъ православныхъ, не счи-

¹⁾ 8-е, 9-е и 10-е слова Просвѣтителя направлены сколько къ опроверженію еретическихъ нападокъ, столько же имѣютъ цѣлю разсѣять существовавшій предрасудокъ о близкой кончинѣ міра.

²⁾ Рукон. Акад. библ., № 1421, л. 61; *Карамзинъ*, Ист., VI, прим. 618 и 620.

³⁾ *Просв.*, 47, и слова VIII, IX и X.

таль нужнымъ скрываться въ кругу своихъ единомышленниковъ и въ частныхъ бесѣдахъ. Если вѣрить Іосифу, онъ занимался еретическою пропагандой, и „обрѣтая простѣйшихъ, наполялъ ихъ ядомъ жидовскимъ“. Это былъ, по словамъ того же свидѣтеля, человѣкъ преданный обжорству, пьянству и всякимъ чувственнымъ удовольствіямъ: „и объедался, и упиваяся, и свинскимъ житіемъ живый“, и по тому самому склонный къ безвѣрію и матеріализму. Во время своихъ оргій, когда вино дѣлало его откровеннымъ, онъ произносилъ самыя дерзкія хулы на Іисуса Христа, Богородицу и всѣ церковныя установленія, говорилъ, что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ, что иконы и кресты все равно, что болваны, что евангельскія преданія, апостольскіе уставы и всѣхъ святыхъ писанія—все вздоръ, и даже доходилъ до отрицанія воскресенія мертвыхъ. „А что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ?“ говорилъ онъ.—„Ничего такого нѣсть; умеръ кто инъ, то умеръ, по тамѣста и былъ“... Когда нѣкоторые изъ православныхъ начали обличать Зосиму за отступничество и безнравственную жизнь, то однихъ изъ обличителей онъ отлучалъ отъ причастія, другихъ—священниковъ и діаконовъ—лишалъ сана, говоря, что не должно осуждать ни еретика, ни отступника, и если святитель будетъ даже еретикъ, но если кого отлучить, то за его приговоръ послѣдуетъ судъ Божій; на третьихъ, наконецъ, жаловался и клеветалъ онъ предъ государемъ, вслѣдствіе чего они отсылались въ заточеніе, заключались въ оковы и темницы и лишались имѣній. Не смотря на то, время отъ времени стали появляться не только устные, но письменныя обличенія противъ еретиковъ ¹⁾).

На основаніи вышеизложенной характеристики личности митрополита Зосимы, оставленной намъ его современникомъ, едва ли можно еще предполагать, чтобы Зосима держался ереси: ибо трудно допустить, чтобы человѣкъ, исключительно поглощенный чувственностью и отвергающій даже будущую жизнь, держался какихъ бы-то ни было религіозныхъ убѣжденій; скорѣе можно признать, что онъ внутренно относился ко всѣмъ возможнымъ религіознымъ вѣрованіямъ совершенно индифферентно, но наружно долженъ былъ становиться, естественно, на сторонѣ той вѣроисповѣдной доктрины, которая меньше давила его своимъ внѣшнимъ авторитетомъ и допускала большую нравственную разнузданность. Отъ этого онъ готовъ былъ смотрѣть сквозь

¹⁾ Просвѣтит., 58—59, 61—62.

пальцы на всякую ересь и говорилъ на соборѣ: не слѣдуетъ казнить еретиковъ и разыскивать ихъ. Само собою разумѣется, съ своей стороны, и еретики льстили его страстямъ и поспѣшили воспользоваться имъ, какъ орудіемъ, для своихъ цѣлей. Особенно успѣшно, прикрываясь святительскимъ авторитетомъ Зосимы и за одно съ нимъ, дѣйствовалъ кружокъ Курицына, въ составъ котораго входили, кромѣ братьевъ Курицынскихъ, Сверчокъ, Иванъ Максимовъ, Семенъ Кленовъ и другіе грамотники. Вѣрные традиціямъ первыхъ ересearchовъ, эти еретики вели свою пропаганду тоже чрезвычайно искусно: встрѣчая людей благоразумныхъ и знающихъ Священное Писаніе, они не осмѣливались проповѣдывать имъ прямо свое ученіе, но старались криво толковать имъ разныя мѣста изъ ветхаго и новаго заветъа и такимъ образомъ мало по малу склоняли этихъ людей 'къ ереси; въ то же время они пускали въ ходъ и свою свѣтскую ученость: „баснословія нѣкая и звѣдозаконія учажу, и по звѣздамъ смотрѣти и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто же суще и непотребно человѣкомъ“; простыхъ же людей они прямо учили ереси. Плодомъ столь искусно веденной пропаганды было сильно всеобщее возбужденіе умовъ: скептическое отношеніе къ вѣрѣ сильно распространилось; критика Священнаго Писанія, толки и споры о религиозныхъ предметахъ сдѣлались стихіей тогдашняго общества. Еретическое движеніе все болѣе и болѣе разрасталось и грозило охватить все современное ему общество; православіе находилось въ страшной опасности. „И толико бысть смущеніе въ христіанѣхъ“, замѣчаетъ по этому поводу современникъ,—„якова же никогда же быша, отняли же солнце благочестія начать возсіати въ Русской земли“¹⁾.

Ревностный Новгородскій архіепископъ не ослабѣвалъ въ своей дѣятельности противъ еретиковъ, но предоставленный саму себѣ, потерявшій всякое вліяніе въ Москвѣ, стѣсненный въ своихъ дѣйствіяхъ въ Новгородѣ, онъ ясно видѣлъ, что дѣятельность его болѣе не можетъ быть успѣшна, что для успѣха дѣла теперь необходимо былъ другой человѣкъ, который пользовался бы довѣріемъ и уваженіемъ въ глазахъ великаго князя и былъ бы въ состояніи побудить послѣдняго дѣйствовать въ пользу православія. Кромѣ этого долговременный опытъ убѣдилъ Геннадія, что для успѣшной борьбы съ ересью недостаточно однихъ преслѣдованій и розысковъ, но необходимо еще дѣйствовать противъ еретиковъ тѣмъ же духовнымъ оружіемъ, ка-

¹⁾ Просв., 59—60.

кимъ владѣли они сами. А жидовствующіе, для распространенія своего ученія, пользовались книжнымъ образованіемъ и особенно знаніемъ Священнаго Писанія, преимущественно ветхаго завѣта, книгами котораго они владѣли, между тѣмъ какъ у православныхъ, даже у него, Новгородскаго владыки, не было этихъ книгъ ¹⁾. Сознаніе всего этого побудило Геннадія призвать къ себѣ на помощь знаменитаго въ то время основателя и игумена Волоколамскаго монастыря Іосифа Санина и поручить ему вести борьбу съ ересью. Дѣятельность самого Геннадія, хотя тоже въ высшей степени замѣчательная и плодотворная, съ этихъ поръ уже не относится непосредственно къ исторіи ереси: всѣ заботы его сосредоточиваются теперь на переводѣ и кодификаціи книгъ Священнаго Писанія и на возвышеніи умственнаго и нравственнаго уровня подвѣдомственнаго ему духовенства ²⁾.

---

¹⁾ Посл. къ Іосифу, стр. 5.

²⁾ Макарій, Ист. Р. Ц., VII, 177—189.

Илья Пановъ.

(Продолженіе будетъ.)

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ОТРЫВКИ ¹⁾.

V.

Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Миридоніянъ.

Исполняя принятое въ одной изъ прежнихъ нашихъ статей намѣ-
реніе, мы сдѣлаемъ сводъ историческихъ извѣстій, относящихся къ
путешествію апостола Андрея по сѣвернымъ берегамъ Понта, а также
и апокрифическихъ сказаній о „хожденіяхъ“ этого апостола. Сопо-
ставленіе источниковъ того и другаго рода необходимо, какъ для
рѣшенія вопроса о дѣйствительности самаго факта, такъ и для объ-
ясненія мотивовъ, по которымъ онъ могъ быть приуроченъ въ част-
ности къ Русской землѣ. Что позднѣйшія, болѣе подробныя, повѣство-
ванія о путешествіяхъ апостола Андрея, замѣчающіяся въ памятни-
кахъ византійской церковной литературы VIII и слѣдующихъ вѣковъ,
находятся въ зависимости отъ апокрифическихъ источниковъ — это
не подлежитъ сомнѣнію и давно признано: но очень возможно, что
и нѣкоторыя изъ первоначальныхъ краткихъ свѣдѣній у церковныхъ
писателей болѣе ранняго времени ведутъ свое начало изъ того же
источника. На оборотъ, странное сказаніе о посѣщеніи Русской земли
Первозваннымъ апостоломъ, внесенное въ нашу первоначальную лѣ-
топись, никакъ не можетъ быть считаемо изобрѣтеніемъ или пустою
выдумкою мѣстнаго тщеславія, но по крайней мѣрѣ, въ основѣ своей
согласно съ воззрѣніями византійской учености XI-го столѣтія, и
слѣдовательно находится въ той или другой связи съ древнѣйшими
преданіями.

I.

Мы должны начать съ краткихъ извѣстій объ апостольскомъ
удѣлѣ Первозваннаго Андрея, которыя находятся у Евсевія Кесарій-

¹⁾ См. *Журн. Мин. Н. Пр.* за іюнь 1876 года.

скаго и Евхерія Ліонскаго: первый изъ этихъ отцевъ принадлежалъ Востоку и жилъ въ IV столѣтіи († 340), другой принадлежалъ Западу и умеръ въ половинѣ V вѣка († 449). Что же касается болѣе древнихъ свидѣтельствъ отцевъ III вѣка, Оригена и Ипполита, то относительно ихъ можетъ существовать большое сомнѣніе.

Въ церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго мы читаемъ слѣдующее:

„Когда святые апостолы и ученики Господа нашего Іисуса Христа разсѣялись по всей вселенной, то *Θομα, какъ говоритъ преданіе (ὡς ἡ παράδοσις περὶέχει)*, получилъ въ жребій себѣ *Παρεῖο, Андрей же — Скиою*, а *Ιωαννῆς*—Азію, гдѣ онъ и провелъ свою жизнь въ Ефесѣ, и потомъ скончался. *Πετρὸς, какъ извѣстно*, проповѣдывалъ въ Понтѣ и Галатіи, Вифиніи, Каппадокіи и Азій Иудеямъ, находящимся въ разсѣяніи, а наконецъ онъ прибылъ въ Римъ и здѣсь былъ распятъ внизъ головою, пожелавъ самъ пострадать именно такимъ образомъ. Что же слѣдуетъ сказать о Павлѣ, который совершилъ благовѣстіе отъ Іерусалима до Иллирика, и потомъ пострадалъ при Неронѣ! Это сказано *буквально (κατὰ λέξιν)* у Оригена въ третьей части его толкованій на Бытіе“.

Замѣчаніе, сдѣланное въ концѣ приведеннаго отрывка, вызываетъ слѣдующій, не лишенный значенія, вопросъ: кому принадлежитъ ссылка на преданіе, Оригену или самому Евсевію; то-есть, гдѣ именно начинаются слова, приводимыя Евсевіемъ изъ Толкованій перваго на книгу Бытія? Вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ справкою съ сочиненіями Оригена, потому что въ нихъ даннаго мѣста не сохранилось, и оно дошло до насъ только въ этой ссылкѣ позднѣйшаго писателя. Но за то нѣкоторые рукописи Церковной исторіи Евсевія, удежавшія особенную условную отмѣтку или значекъ предъ словами: „Петръ“ и т. д., даютъ основаніе предполагать, что именно отсюда начинается буквальная выписка изъ Оригена. При этомъ предположеніи получается въ приведенномъ отрывкѣ вполнѣ естественное противоположеніе извѣстія, взятаго изъ письменнаго источника, устному преданію ¹⁾.

Евхерій съ небольшимъ дополненіемъ почти буквально повторяетъ

¹⁾ См. примѣч. въ изданіи *I'stiniхena*: «Quo fortasse spectat nota—Φ. Neque enim, ut recte vidit Valesius, ὡραῖον hoc loco (передъ словами Πέτρος и т. д.) posse illam significare, cum nulla elegantia in eo possit reperiri, sed fortasse hanc notam esse quam Isidorus vocet φ et ρ., qua moneamur intendendum esse sollicite, undeam incipiant verba Origenis».

слова Евсевія: „Для благовѣствованія слова Божія апостолы направились во всѣ части вселенной, какъ повѣствуетъ исторія (*quantum narrat historia*), Вареоломей устремился въ Индію, Тома къ Парянамъ, Андрей смягчилъ проповѣдію Скивовъ“ ¹⁾).

Ни тотъ, ни другой изъ обоихъ отцевъ не даютъ никакихъ прямыхъ данныхъ для ближайшаго опредѣленія, какую именно Скиюю они разумѣютъ? То обстоятельство, что Евсевій въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Скивами называетъ Готовъ, жившихъ при Черномъ морѣ, не можетъ, конечно, имѣть рѣшительнаго значенія въ данномъ случаѣ. По всей вѣроятности, онъ, какъ и Евхерій, соединялъ здѣсь съ именемъ Скиюя такое же неопредѣленное представленіе, какъ неопредѣленно было самое преданіе.

Затѣмъ слѣдуютъ источники другаго рода, то-есть, списки или каталоги, перечисляющіе имена апостоловъ съ краткими замѣчаніями о мѣстахъ ихъ дѣятельности или смерти. Нѣтъ сомнѣнія, что эти небольшія сочиненія, удовлетворяющія разнообразнымъ и настоятельнымъ потребностямъ практическимъ, ведутъ свое происхожденіе изъ временъ самой глубокой древности; но за то именно такого рода сочиненія весьма рѣдко сохраняютъ неприкосновеннымъ свой первоначальный составъ и характеръ. Подвергаясь измѣненіямъ и передѣлкѣ, они все-таки удерживаютъ надписаніе о принадлежности первоначальному виновнику ихъ составленія. Извѣстно, что списки епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, носящіе имя императора Льва VI, и слѣдовательно относящіеся къ началу X вѣка, называютъ не только Русскую митрополию, но даже, въ нѣкоторыхъ изводахъ, Литовскую. Опираясь свои выводы на такого рода источникахъ, безъ предварительнаго изученія ихъ различныхъ редакцій, значить — добровольно идти на встрѣчу заблужденіямъ и ошибкамъ. Сверхъ того, именно въ даннаго рода произведеніяхъ всего скорѣе возможны совершенно ложныя надписанія, сдѣланныя не только съ сознательною цѣлью, но иногда, можетъ быть даже чаще, совершенно добросовѣстно.

Списки или каталоги апостоловъ, считаемыя наиболѣе древними, носятъ имена Ипполита Римскаго, Дорофея Тирскаго, Софронія и Епифанія Кипрскаго. Каталогъ съ именемъ Ипполита называется: *Ἰππολύτου περί ζωδῶν ἀποστόλων*. Поб̄ ἑκατος ἀντὼν ἐχήρουσαν καὶ ποῦ ἐτάλειώθη (О двѣнадцати апостолахъ: гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ и гдѣ

¹⁾ *Migne, Patrologia latina, L, 809.*

скончался). Сколько мы знаемъ (см. *Migne*, *Patrologia latina*, X, 521), въ спискахъ этого каталога стоитъ просто имя Ипполита, безъ всякаго дальнѣйшаго прибавленія. Но извѣстны два Ипполита, писавшіе по гречески, и притомъ такого рода сочиненія, въ которыя естественно могъ входить и каталогъ апостоловъ: Ипполитъ Римскій и гораздо позднѣйшій Ипполитъ Оиванскій. Первый, какъ теперь думаютъ, былъ собственно антипапою современнымъ Калисту (отъ 220 до 235 года)¹⁾ и оставилъ нѣсколько сочиненій, которыя перечислены въ извѣстной надписи, найденной при его статуѣ (она приведена, между прочимъ, у И. И. Срезневскаго во введеніи къ изданію свазаній объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ), и въ каталогѣ Іеронима при его имени. Ни въ томъ, ни въ другомъ перечисленіи нѣтъ указанія ни на каталогъ двѣнадцати апостоловъ, ни на каталогъ семидесяти, также приписываемый, хотя уже совершенно ложно, Ипполиту Римскому,—и этого пропуска нельзя объяснять небольшимъ объемомъ этихъ трудовъ, потому что ихъ важность была бы понятна сама собою. Можно предполагать а priori, что списокъ двѣнадцати апостоловъ входилъ въ хронику Ипполита, отмѣченную и въ надписи между его сочиненіями. Дѣйствительно, въ хронографѣ 354 года, который, какъ теперь извѣстно изъ классическаго изслѣдованія Моммсена²⁾, сохранилъ въ своемъ составѣ большую часть хроники Ипполита, а затѣмъ и въ хроникѣ пасхальной, также имѣющей нѣкоторыя отношенія къ Ипполитовой хроникѣ, существуетъ ожидаемый каталогъ двѣнадцати апостоловъ. Также, какъ и списокъ римскихъ епископовъ, онъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Ипполиту. Однако, это совсѣмъ не тотъ каталогъ, какой намъ теперь извѣстенъ съ именемъ Ипполита. Одинъ содержитъ простое перечисленіе именъ двѣнадцати апостоловъ (*nomina apostolorum*), а другой—указаніе на мѣста ихъ проповѣди и кончины ихъ. На основаніи приведеннаго соображенія, каталогъ, которому въ изданіяхъ усвоено имя Ипполита, долженъ принадлежать другому Ипполиту, именно Ипполиту Оиванскому.

Ипполитъ Оиванскій (или Оивскій) есть авторъ хроники (*χρονική συντάξις*), доселѣ извѣстной только въ отрывкахъ. Но характеръ

¹⁾ *Döllinger*, *Hippolitus und Kalist*, pag. 249; *Lipsius*, *Chronologie der römischen Bischöfe*, pag. 41; ср. *Сервій*, *Полный мѣсяцесловъ Востока*, II, стр. 34 замѣтокъ.

²⁾ Ueber den Chronographen vom Jahre 354, въ *Abhandlungen der philolog. histor. classe der kōnigl. Sächsisch. Gesellschaft der Wissensch.*, Bd. I, 1850.

ея и отсюда опредѣляется довольно ясно въ томъ отношеніи, что она была сборникомъ разныхъ выписокъ и полезныхъ свѣдѣній ¹⁾. Каталогъ апостоловъ съ отиѣтками, касающимися ихъ дѣятельности и кончины, могъ занимать въ ней совершенно подходящее мѣсто. Но когда жилъ авторъ этой новой хроники? У него встрѣчается ссылка на извѣстаго агиографа Симеона Метафраста, притомъ какъ на лицо, еще находящееся въ живыхъ. Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Симеонъ Метафрастъ жилъ и трудился въ первой половинѣ X вѣка ²⁾.

Между тѣмъ точно также не подлежитъ сомнѣнію, что каталогъ съ именемъ Ипполита, и притомъ такого характера и заглавія, какъ существующій въ нашихъ изданіяхъ со времени Комбефиза, то-есть, съ историческими отиѣтками, былъ въ употребленіи гораздо ранѣе X столѣтія. Георгій Амартолъ (pag. 336), писатель IX вѣка, ссылается на сочиненіе *Ипполита Римскаго* о проповѣди и кончинѣ апостоловъ и дѣлаетъ изъ него выписку объ апостолахъ Іоаннѣхъ. Всѣхъ сомнѣній эта ссылка, конечно, не уничтожаетъ, — напротивъ того, даже возбуждаетъ новыя недоумѣнія, но все-таки ясно, что Ипполита Фиванскаго, о которомъ много толковали прежніе ученые, тоже слѣдуетъ оставить въ сторонѣ при поискахъ за авторомъ много разъ упомянутаго каталога. Но согласенъ ли, по крайней мѣрѣ, текстъ тѣхъ строкъ, которыя Амартолъ привелъ изъ сочиненія Ипполита Римскаго, съ соответствующимъ мѣстомъ въ отдѣльномъ и полномъ каталогѣ Ипполита, изданномъ Комбефизомъ? И этого сказать нельзя. По нашему Ипполитовскому каталогу апостолъ Іоаннъ написалъ евангеліе на островѣ Патмосѣ, а по Ипполитовскому каталогу Амартола — въ городѣ Ефесѣ; въ одномъ названъ Траянъ, а въ другомъ Нерва. Чтò жъ изъ всего этого слѣдуетъ? Мы полагаемъ то, что Ипполитовыхъ каталоговъ было много, что редакціи ихъ были очень различны, и что нѣкоторыя изъ нихъ, только по достойной уваженія традиціи, сохраняли надписаніе, напоминающее о первоначальномъ каталогѣ Ипполита Римскаго.

Все-таки слѣдуетъ признать, что существующій каталогъ съ именемъ Ипполита если и не принадлежитъ третьему вѣку, то и не слишкомъ далеко отстоитъ отъ него, то-есть, по всѣмъ признакамъ древнѣе остальныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Вліяніе покри-

¹⁾ См. *Migne, Patrologia graeca*, CXVII, 1025 и слѣд.

²⁾ См. *Rambaud, L'empire Grec au X siècle*, pag. 93—104.

фической литературы „хожденій“, которое уже такъ явно выступаетъ на видъ въ подобномъ трудѣ Епифанія Кипрскаго, въ немъ мало замѣтно и не такъ осязательно. Примѣромъ могутъ служить извѣстія о Симонѣ Кананитѣ, объ апостолахъ Матѳеѣ и проч. Что же касается апостола Андрея, то о немъ читается слѣдующее: Ἀνδρέας Σκώθαις, Θράκαις κηρύξας, ἐσταυρώθη Πάιν τρας τῆς Ἀχαΐας ἐπὶ ἀλαίας ὀρθίως καὶ θάπτεται ἐκεῖ (Андрей послѣ проповѣди Скиоамъ, Ἐρακίицамъ, былъ распятъ на масляномъ древѣ вверхъ главою въ Патрахъ Ахэйскихъ).

Скионъ здѣсь тѣ же, что и въ преданіи Евсевія Кесарійскаго. Эракійцы нѣсколько подозрительны, и какъ будто, имѣютъ видъ глоссы или дополненія къ первоначальному тексту, потому что это слово не соединено съ предыдущимъ никакимъ союзомъ. Остальное пока не вызываетъ замѣчаній.

По порядку древности, хотя бы и мнимой, долженъ быть разсмотрѣнъ каталогъ *Дорооея Тирскаго*, сообщаемый намъ позднѣйшимъ его — не то переводчикомъ, не то редакторомъ — подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Церковное списаніе. О семидесяти ученикахъ господина Дорооея, епископа Тирскаго, древняго мужа, духоносца и мученика, пострадавшаго во времена Лицинія и Константина императоровъ“¹⁾.

Затѣмъ 1) слѣдуетъ предисловіе, излагающее болѣе подробно жизнь Дорооея: „Онъ оставилъ много сочиненій на римскомъ языкѣ и еллинскомъ, такъ какъ былъ знаткомъ въ обоихъ. Послѣ смерти Діоклетіана и Лицинія (sic) онъ прибылъ въ свою епархію и управлялъ церковію Тирскою до тиранніи Юліана. Такъ какъ хотя и не явно, но тайно Юліанъ чрезъ посредство властей истреблялъ христіанъ, то Дорооей удалился въ городъ Одессъ (τὴν Ὀδησσὸν πόλιν), гдѣ и былъ схваченъ властенаачальниками Юліановыми и умеръ вслѣдствіе мученій за исповѣданіе Христа въ глубокой старости, именно достигнувъ ста и семи лѣтъ“.—2) Изъ числа многочисленныхъ сочиненій Дорооея сообщается прежде всего каталогъ семидесяти, съ разными замѣчаніями о нихъ, гдѣ уже помѣщенъ Стахій, епископъ Византіи, поставленный Андреемъ.—3) Потомъ идутъ новыя сообщенія отъ неизвѣстнаго намъ лица: „Все это блаженный Дорооей, будучи въ Римѣ (?), изложилъ въ своихъ запискахъ (или комментаріяхъ) на римскомъ языкѣ, а мы заимствовали (ἐρανισάμενοι) отсюда, и пе-

¹⁾ При изданіяхъ Пасхальной хроники и между прочимъ *Migne*, t. XCII, 1060 и слѣд.

реведя на еллинскій языкъ, сообщили во всеобщее свѣдѣніе“. Тутъ же оказывается, что въ сочиненіяхъ Дорооея можно было найдти не только перечисленіе семидесяти съ именемъ Стахіа, какъ епископа Византіи, но и довольно полную исторію всѣхъ его преемниковъ до Митрофана, который былъ современникомъ Константина и болѣе достовѣрными источниками отмѣчается какъ *первый* епископъ Византіи или Константинополя. Неизвѣстный намъ компиляторъ утверждаетъ съ видимою настойчивостію, что все, чтò онъ разказалъ о предшественникахъ Митрофана, онъ нашелъ въ латинскихъ сочиненіяхъ Дорооея и даже, въ консульство Филоксена и Проба, представилъ это самъ (ἀνταβλήθησαν παρ' ἡμῶν) Римскому епископу Іоанну, когда тотъ прибылъ въ Константинополь. При этомъ случаѣ возникъ будто бы споръ между Константинопольскимъ епископомъ и папой Іоанномъ о первенствѣ при сослуженіи въ день Рождества; когда послѣдній ссылаясь на то, что Римъ получилъ епископа ранѣе Константинополя, то его доводамъ противопоставлено было сочиненіе Дорооея, изъ котораго слѣдовало на оборотъ старшинство Византіи, то-есть, старшинство по времени учрежденія епархіи. Іоаннъ будто бы призналъ такое старшинство и, слѣдовательно, авторитетъ Дорооея, и сталъ ужъ опираться на другаго рода старшинство, то-есть, на старшинство по достоинству основателей—на первенство между апостолами Петра. — 4) За симъ сообщается, что въ концѣ сочиненія Дорооея находился также списокъ двѣнадцати апостоловъ, съ указаніемъ, гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ, и этотъ списокъ приводится вполнѣ и буквально.—5) Наконецъ, мы читаемъ новыя увѣренія, что все до сихъ поръ сообщенное дѣйствительно взято изъ сочиненія Дорооея и собрано было имъ изъ книгъ еллинскихъ и еврейскихъ, а было написано по латыни. А въ самомъ концѣ (опускаемая впрочемъ новыя отступленія) называется ужъ имя лица, потрудившагося надъ извлеченіемъ изъ Дорооея: „Пресвитеръ Прокопій, отличающійся жизнію и словомъ благочестія, встрѣтившись съ историческими сочиненіями Дорооея, все это оставилъ намъ (кому?) письменнo. Итакъ, да будетъ ему благодарность за его труды, и безсмертная слава“.

Здѣсь почти все сомнительно. Прежде всего сомнительно то, чтобы когда-нибудь существовалъ Дорооей, епископъ Тирскій. Такъ какъ онъ жилъ при Діоклетіанѣ и Константиנѣ и уже при первомъ подвергся гоненію, то слѣдуетъ ожидать, что онъ непремѣнно будетъ упомянутъ въ Церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго. Между тѣмъ, кромѣ

Дороея Никонидійскаго, принадлежавшаго къ числу придворныхъ Діоклетіана, пострадавшихъ въ началѣ гоненія, Евсевій упоминаетъ (VII, стр. 36, *Heinrich*, pag. 366) только пресвитера Антиохійскаго Дороея и говоритъ о немъ слѣдующее: „Читая добрую любовь къ Священному Писанію, онъ позаботился объ изученіи еврейскаго языка, такъ что умѣлъ читать написанное по еврейски. Онъ принадлежалъ къ числу людей, наиболѣе образованныхъ (*μάλοτα ἐλευθέρων, liberatissime educatorum*), и не былъ чуждъ салинской науки; по естеству, однако, онъ былъ евнухомъ, что было у него природнымъ качествомъ, такъ что вслѣдствіе этой странности императоръ приблизилъ его къ себѣ и далъ ему почетную должность надзирателя надъ пурпурнымъ заведеніемъ въ *Тиръ*. Мы сами слышали его, когда онъ разумно объяснялъ писаніе въ церкви“. Не трудно признать въ этомъ послѣднемъ Дороеѣ первообразъ того, несомнѣнн правдоподобную исторію котораго мы прочитали выше. Правда, эта же исторія буквально повторена въ хроникѣ Теофана и въ греческихъ менологіяхъ (въ позднѣйшихъ даже по два раза подъ двумя разными днями), но изъ этого можно вывести только то заключеніе, что сочиненіе Проконія появилось на свѣтъ ранѣе 818 года, когда писалъ Теофанъ. Но удивительно при этомъ то, что Теофанъ, знакомый съ многими трудами Дороея (такъ какъ и онъ повторяетъ фразу о его сочиненіяхъ греческихъ и латинскихъ, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ съ обоими языками и даже специально указываетъ на сочиненіе объ епископахъ Византійскихъ), не воспользовался имъ для исторіи константинопольской епископской кафедры, ничего не говоритъ о посѣщеніи Византіи или ея предмѣстія Андреемъ, о поставленіи Стахіа, и въ довершеніе всего называетъ первымъ епископомъ Византіи Митрофана (подъ 5799 годомъ: Βολαντίου ἐπισκόπου πρώτου Μητροφανός ἔτος α'), слѣдуя въ этомъ болѣе древней Пасхальной хроникѣ (кончающейся 628 годомъ), гдѣ также Митрофанъ названъ первымъ епископомъ Византіи (подъ 313 годомъ). На всѣхъ анахронизмахъ, которыми изобилуетъ „церковное списаніе“, на всѣхъ противорѣчіяхъ съ несомнѣнною исторіей, какія встрѣчаются въ замѣчаніяхъ о жизни епископовъ отъ Стахіа до Митрофана, который здѣсь названъ братомъ императора Проба ¹⁾, не мѣсто останавли-

¹⁾ Это противорѣчитъ показанію Вониска въ біографіи Проба (*Scriptores historiae Augustae*), замѣчающаго, что потомки Проба поселялись въ Италіи, около Вероны, тогда какъ по «списанію» выходитъ другое.

ваться. Трудно повѣрить, чтобы такимъ сочиненіемъ можно было произвести впечатлѣніе на Римскаго епископа Іоанна. Самый разказъ о посѣщеніи Іоанномъ Византіи, конечно, соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи; оно, мы знаемъ, относится ко времени императора Юстина и Остготскаго короля Теодериха, къ 524 году. Но весьма трудно согласить дѣйствительныя историческія подробности этого посѣщенія съ повѣствованіемъ нашего автора о спорѣ между епископами стараго и новаго Рима (см. *Кудрявцевъ*, Судьбы Италіи, стр. 45 и слѣд., особенно выписки изъ Анастасія въ примѣчаніяхъ). Сверхъ того, какъ самый 28-й канонъ Халкидонскаго собора 451 г., признавшій за епископомъ Византіи второе мѣсто послѣ Римскаго, такъ и дальнѣйшая исторія споровъ, возникшихъ по его поводу между обоими престолами, несомнѣнно убѣждаютъ, что до времени императора Юстиніана, который своею 131-ю новеллой окончательно подтвердилъ упомянутый канонъ, никто не думалъ ссылаться на апостольскую древность Константинопольской кафедры, и папы не имѣли нужды опровергать такіе доводы, какихъ никто не выставлялъ. Они твердили только, что мірское, случайное обстоятельство, по которому Константинополь сдѣлался столицею государства и резиденціей императора, не достаточно для признанія за Константинопольскою кафедрою патріаршескаго достоинства и равенства съ Римскою.

Все это заставляетъ насъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что „церковное писаніе“ Дороея есть позднѣйшая поддѣлка, и что самые каталоги, ему приписанные, вовсе не относятся къ IV вѣку, ни даже къ VI, а ко времени гораздо болѣе позднему, хотя и могутъ быть основаны на другихъ болѣе древнихъ сочиненіяхъ такого же содержанія. Извѣстно, что мнимо-Дороеевскій каталогъ 12 апостоловъ почти совершенно тождественъ съ тѣмъ, который приписывается Епифанію Кипрскому, и какъ увидимъ, съ гораздо большимъ основаніемъ. Оба же они вмѣстѣ сходны съ тѣми отиѣтками объ апостолахъ, которыя приписываются Софронію. Мы скажемъ сначала объ этомъ послѣднемъ, такъ какъ онъ нѣсколько старше Епифанія; а затѣмъ приведемъ параллельно ихъ показаніе объ апостольскомъ удѣлѣ Андрея.

Софроній († 390) былъ другъ блаженнаго Іеронима и перевелъ на греческій языкъ его сочиненіе „De viris illustribus“, то-есть, каталогъ церковныхъ писателей, какъ объ этомъ и замѣчено самимъ авторомъ каталога, помѣстившимъ въ концѣ исчисленіе другихъ трудъ

часть СЛХХХІХ, отд. 2.

довъ своего переводчика. Въ этомъ изчисленіи, конечно, не упоминается о какомъ-либо самостоятельномъ спискѣ апостоловъ, принадлежащемъ Софронію, или о какихъ-либо дополненіяхъ, сдѣланныхъ послѣднимъ къ сочиненію Іеронима. Между тѣмъ въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, который былъ въ рукахъ гуманиста Еразма, оказались въ греческомъ текстѣ каталога писателей значительныя вставки, тѣмъ болѣе замѣтныя, что въ нихъ говорится о такихъ лицахъ, которые не оставили послѣ себя никакихъ сочиненій и потому, согласно съ первоначальнымъ планомъ труда Іеронимова, совсѣмъ не должны были входить въ него. Безъ достаточныхъ основаній вставки были приписаны переводчику, то-есть, Софронію. На самомъ дѣлѣ онѣ могутъ принадлежать какому-либо позднѣйшему переписчику, и такъ именно заставляютъ предполагать тѣ изъ нихъ, которыя для насъ пужны. Статья объ апостолѣ Андрѣ представляетъ такое близкое родство съ другими каталогами апостоловъ, несомнѣнно обращававшимися въ отдѣльномъ видѣ, что всего естественнѣе предполагать заимствованіе дополнителя изъ этихъ послѣднихъ; а что еще важнѣе, эта самая статья однимъ очень знающимъ византійскимъ писателемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, прямо приписывалась другому лицу.

Каталогъ апостоловъ, принадлежавшій или приписываемый современнику Іеронима и Софронія, св. Епифанію Кипрскому, носилъ, по сообщеніямъ ученыхъ, которые имѣли въ рукахъ рукописи, слѣдующее заглавіе: „Епифанія, епископа Кипрскаго о святыхъ апостолахъ, гдѣ каждый изъ нихъ проповѣдывалъ, и о томъ, гдѣ они скончались, гдѣ лежатъ ихъ святыя мощи и въ какихъ мѣстахъ“ (таково заглавіе въ рукописи Парижской бібліотеки, указанной Дюканжемъ). Что касается содержанія, то оно, по свидѣтельству тѣхъ же самихъ ученыхъ, вовсе не разнится отъ мнимо-Дороевскаго сочиненія. Это приводило бы насъ къ весьма удовлетворительному предположенію, что истиннымъ авторомъ апостольскаго каталога, который находится въ „церковномъ списаніи“, былъ дѣйствительно св. Епифаній Кипрскій. Но есть одно обстоятельство, которое противорѣчитъ такому заключенію, и вопреки рукописямъ или сообщеніямъ о рукописяхъ, заставляетъ думать, что настоящій каталогъ Епифанія скорѣе сохранился въ другомъ сочиненіи, именно въ предполагаемыхъ дополненіяхъ Софронія къ сочиненію блаженнаго Іеронима. Мы имѣемъ ссылку на каталогъ св. Епифанія, сдѣланную лицомъ, которое прямо утверждаетъ о себѣ, что у него въ рукахъ находилось подлинное сочине-

ніе Епифанія Кипрскаго. Такъ какъ византійскій писатель, котораго мы разумѣмъ, жилъ въ VIII вѣкѣ, то нужно признать, что его рукопись была наиболѣе древняя. Судя по упомянутой ссылкѣ, имѣющей характеръ буквальной выписки, оказывается, что въ статьѣ объ апостолѣ Андреѣ у Епифанія Кипрскаго читались такіа слова, какихъ нѣтъ въ каталогахъ, надписанныхъ именами Дороеея и Епифанія, и которыя читаются только въ статьѣ Софронія, хотя, впрочемъ, и здѣсь сходство неполное.

Общій результатъ относительно всѣхъ четырехъ каталоговъ сводится къ тому, что древность ихъ можетъ быть признаваема только условно и вовсе не опредѣляется ихъ надписаніемъ, что если существовали древнѣйшія редакціи, принадлежавшія дѣйствительно Ипполиту и Епифанію, то онѣ не дошли до насъ, и что тѣ, которыя мы теперь имѣемъ, никакъ не представляютъ твердаго и неизмѣннаго церковнаго преданія, идущаго отъ времени близкаго къ апостольскому.

Приводимъ теперь тѣ статьи трехъ послѣднихъ каталоговъ, которыя ближе насъ касаются.

Въ каталогѣ Дороеея и тождественнаго Епифанія Кипрскаго объ апостолѣ Андреѣ читается:

„Андрей, братъ его (то-есть Петра) прошелъ все побережье Визаніи и Понта, Фракіи и Скивовъ (sic), благовѣствуя Господа. Потомъ пришелъ въ Великій Севастополь, гдѣ укрѣпленіе Апсаръ и рѣка Фазисъ, гдѣ живутъ внутренніе Эѳіопы. Погребенъ въ Патрахъ Ахейскихъ, распятый Егіатомъ“.

Ἀνδρέας, ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, πᾶσαν τὴν παραλίαν τῆς Βιθυνίας τε καὶ Πόντου, Θράκης τε καὶ Σκυθίας (Σκυθίας?) διήλθεν εὐαγγελιζόμενος τὸν κύριον. Μετέπειτα ἐπορεύθη ἐν Σεβαστοπόλει τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἡ παρεμβολὴ Ἀφάρου καὶ ὁ Φάσις ποταμὸς, ἐνθα οἱ ἐσώτεροι Αἰθίοπες κατοικοῦσιν. Ἐτάφη ἐν Πάτραις τῆς Ἀχαιῆς, σταυρωθεὶς ὑπὸ Αἰγιαίου.

Объ апостолѣ Матѳеѣ (отличаемомъ отъ Матѳея).

„Матѳеѣ, сопричисленный къ одиннадцати апостоламъ вмѣсто Іуды, проповѣдавъ Христа въ первой Эѳіопіи, тамъ же кончилъ жизнь и погребенъ“.

Въ дополненіяхъ къ сочиненію Іеронима, приписываемыхъ Софронію, статья объ апостолѣ Андреѣ читается такъ:

„Андрей, братъ его (Петра), какъ передали намъ предки, — проповѣдалъ евангеліе Господа нашего Іисуса Христа: Скивамъ и Сидианамъ и Саккамъ, и проповѣдалъ въ Севастополѣ Великомъ, гдѣ на-

ходится укрѣпленіе Апсара и рѣка Фазисъ, гдѣ живутъ внутренніе Эѳіопы. Погребенъ же онъ въ Патрахъ Ахейскихъ, преданный распятію Егіатомъ, царемъ Едесскимъ" (?).

Ἀνδρέας ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, ὡς οἱ πρὸ ἡμῶν παραδεδώκασιν, Σκύθαις καὶ Σογδιανῶς καὶ Σάκκαις ἐκήρυξε τὸ εὐαγγέλιον, τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἐν Σεβαστοπόλει ἐκήρυξε τῇ μεγάλῃ, ὅπου παρεμβολὴ Ἀφάρου καὶ Φάσις ὁ ποταμὸς, ἐνθα οἰκοῦσιν Αἰθίοπες οἱ ἐσώτεροι. Θάπτεται δὲ ἐν Πάτραις, σταυρῷ παραδοθείς ὑπὸ Αἰγυπτίου βασιλέως Ἐδεσσηνῶν.

А объ Матѳѣ: „Матѳѣ, бывъ однимъ изъ семидесяти, избранъ вмѣсто Иуды; проповѣдалъ евангеліе во второй Эѳіопіи, гдѣ укрѣпленіе Апсара и гавань Исса (Ἰσοῦ Λιμῆν), людемъ, которые были дикими. Тамъ же онъ почилъ и погребенъ доднесь" (ἕως σήμερον).

Ссылка на Епифанія Кипрскаго, о которой мы упомянули, находится у сомненнаго ему монаха, написавшаго въ VIII вѣкѣ житіе апостола.

„По словамъ святаго Епифанія, онъ зналъ изъ преданія, что блаженный апостолъ Андрей училъ Скиѳовъ, Косогдіанъ (и Согдіанъ) и Горсиновъ, въ Севастополѣ Великомъ, гдѣ находится укрѣпленіе Апсара и гавань Исса и рѣка Фазисъ" и т. д.

Τοῦ δὲ ἁγίου Ἐπιφανίου λέγοντος, ὡς ἐκ παραδόσεως ἔχειν, τὸν μακάριον ἀπόστολον Ἀνδρέαν διδάξει Σκύθας Κωσογδιανούς (—καὶ Σογδιανούς) καὶ Γορσυνούς ἐν Σεβαστοπόλει τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἐστὶν ἡ παρεμβολὴ Ἀφάρου καὶ Ἰσοῦ Λιμῆν καὶ Φάσις ποταμός.

Изъ словъ, отмѣченныхъ курсивомъ, обнаруживается, что каталогъ, который былъ въ рукахъ Епифанія, имѣлъ большее сходство съ тѣмъ, который теперь приписывается Софронію, чѣмъ съ другими, то-есть, съ каталогами псевдо-Дорофея и Епифанія Кипрскаго.

Въ мѣсяцесловѣ императора Василія, редакція котораго относится къ концу X или началу XI вѣка, статья объ апостолѣ Андрѣѣ, напротивъ, имѣетъ большее родство съ послѣдними, но только она подверглась нѣкоторому искаженію вслѣдствіе непониманія.

„Апостолъ Андрей — проповѣдывалъ по всему побережью Вонніи и Понта, Θρακίи и Σκυθίи. Послѣ того отправился въ Севастополь Великій, въ которомъ рядомъ впадаютъ (?) рѣки Псаръ и Фазисъ (ἐν τῇ παρεμβάλλουσιν ὁ Ψάρος καὶ ὁ Φάσις οἱ ποταμοί). Внутри (—по эту сторону) этого Фазиса живутъ Эѳіопы. Потомъ отправился въ Патры Ахейскіе" и т. д.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ каталогахъ читается, что „апостолъ

Матѣй умеръ въ *Эвѣотіи* *вѣтшиней*, гдѣ укрѣпленіе Апсаръ и рѣка Фазисъ; проповѣдавъ тамъ евангеліе“ ¹⁾).

II.

Апокрифическія сказанія объ апостолахъ Андреѣ также древни или даже еще древнѣе, чѣмъ тѣ краткія свѣдѣнія, которыя находятся у церковныхъ писателей и въ спискахъ апостоловъ. Евсевій, сообщающій намъ первое несомнѣнное свидѣтельство о существованіи преданія, по которому Скиѣя являлась апостольскимъ удѣломъ Первозваннаго ученика Христова, въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ о „*Дѣяніяхъ Андрея и Іоанна и другихъ апостоловъ*“ (*Ἀνδρέου καὶ Ἰωάννου καὶ τῶν ἄλλων ἀποστόλων πράξεις*). Онъ относитъ эти сочиненія къ тому же разряду, какъ евангелія Петра и Θомы, то-есть, къ числу подложныхъ книгъ, не принимаемыхъ церковію и носящихъ на себѣ явную печать еретическаго происхожденія. Ихъ содержаніе и направленіе до такой степени противорѣчили истинному ученію, что Евсевій называетъ сочиненія „нелѣпыми и нечестивыми“, а содержаніе ихъ „лживыми выдумками еретиковъ“ (*αἰρετικῶν ἀνδρῶν ἀναπλάσματα*) ²⁾. Епифаній Кипрскій, въ сочиненіи объ ересяхъ, ближе обозначаетъ ту неправомыслящую среду, въ которой имѣли наибольшій ходъ произведенія такого рода, и преимущественно „такъ называемыя дѣянія Андрея“. Такою средою были секты гностическаго происхожденія, послѣдователи которыхъ находились въ Писидіи, Фригіи и другихъ областяхъ Азіи и отличались, кромѣ дуалистическихъ воззрѣній, преувеличеннымъ аскетизмомъ: они отвергали бракъ, вкушеніе животной пищи и считали „нестыжаніе“ или совершенную бѣдность необходимымъ условіемъ христіанскаго совершенства. По другимъ извѣстіямъ, Дѣянія апостола Андрея принадлежали къ сочиненіямъ, обращавшимся среди манихеевъ, еретиковъ, которые во многихъ пунктахъ ученія сходи-

¹⁾ Текстъ, приведенный въ примѣчаніи Дюканжа къ пасхальной хроникѣ (I, pag. 34 Париж. изд.) Что касается до значенія слова *παρεμβολή*, то глоссы объясняютъ его какъ *κλῆτρον*, *ἐτραπέζιον*, *τάφρος*. По объясненію Прокопія (*de bello Gotth.*, pag. 465, 13), Апсарунтъ (*Ἀψαρούς*), что, конечно, тоже самое, какъ и Апсаръ, есть древній Апсиртъ, гдѣ по мѣстному преданію, былъ убитъ братъ Медин, и находился онъ въ Лезикѣ. Во время Прокопія существовали только развалины этого прежде многолюднаго города; въ виду этого, быть можетъ, лучше было бы слово *παρεμβολή* передавать выраженіемъ «градъ». Впрочемъ мы еще возвратимся къ географическимъ указаніямъ каталоговъ.

²⁾ *Histor. ecclesiast.*, III, 26 (*Heinich.*, pag. 131)

лись съ гностиками. Названный у патріарха Фотія еретикъ манихейскаго толка, Агапій, питалъ большое довѣріе къ „такъ называемымъ Дѣяніямъ апостоловъ и особенно (къ Дѣяніямъ) Андрея“ и въ нихъ почерпалъ свою самоувѣренность. Тотъ же самый патріархъ Фотій въ другомъ мѣстѣ своей бібліотеки (Cod. CXIV) называетъ по имени автора, которому приписывались любимыя еретиками сочиненія. „Прочитана была книга такъ называемыя *хожденія апостоловъ*, въ которыхъ содержались дѣянія Петра, Іоанна, *Андрея*, Θωмы и Павла. Написаны они, какъ показывасть самая книга, Левкіемъ Хариномъ“ ¹⁾. Нужно думать однако, что названный здѣсь Левкій (=Леуцій) Харинъ, о которомъ есть и другія свѣдѣнія, представляющія его то гностикомъ, то манихеемъ, только олицетворяетъ своимъ именемъ отдѣлъ и родъ богатой и широкораспространенной литературы, едва ли ведущей свое начало отъ одного извѣстнаго автора. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобъ его имя могло стоять въ заглавіи тѣхъ экземпляровъ сборника хожденій, которые обращались въ рукахъ самихъ еретиковъ. Судя по указаніямъ западныхъ, латинскихъ церковныхъ писателей IV и V вѣковъ, современные имъ манихеи, многочисленные въ Италіи, Африкѣ и Галліи, приписывали сочиненіямъ такого рода наиболѣе высокое и священное происхожденіе. Епископъ Брешіанскій Филастріи, жившій въ царствованіе Θεοδοσία Великаго сообщая намъ характеристику апокрифической манихейской литературы, весьма ясно указываетъ на этотъ ея признакъ лженадписанности. „Тайныя, то-есть, апокрифическія сочиненія“, говоритъ онъ, — „хотя и могутъ быть читаемы ради назиданія (погισι сауса), но не всѣми, а только совершенными, потому что въ нихъ много еретическихъ прибавленій; такъ манихеи имѣютъ апокрифы о блаженномъ апостолѣ Андрѣѣ, то-есть, *дѣяніи*, которыя онъ совершилъ на пути отъ Понта въ Γρεцію, и которыя (будто бы) *описали тогда ученики, сопровождавшіе апостола*, а также дѣянія Іоанна Евангелиста и равнымъ образомъ Петра апостола. Здѣсь разказывается о знаменіяхъ и чудесахъ, сотворенныхъ апостолами, о томъ, какъ говорили (по человѣчески) скоты, собаки и дикіе звѣри, и о томъ, какъ души человѣческія превращались въ души собакъ и скотовъ“ ²⁾.

¹⁾ Ἀνεγνώσθη βιβλίον αἱ λεγόμεναι τῶν ἀποστόλων περίοδοι, ἐν αἷς, περιείχοντο πράξεις Πέτρου, Ἰωάννου, Ανδρέου Θωμᾶ, Παύλου. Γράφει δὲ αὐτάς, ὡς ἐηλοῖ τὸ αὐτὸ βιβλίον, Λευκίος Χαρίνος.

²⁾ Scripturae autem absconditae, id est apocrypha, etsi legi debent morum causa

Блаженный Августинъ, упоминая о „Дѣяніяхъ Андрея“ говоритъ, что они написаны Леуціемъ, но какъ будто дѣянія апостоловъ — *in actis conscriptis, quos tanquam actus apostolorum scribit*; смыслъ послѣд-
няго выраженія объясняется другимъ замѣчаніемъ автора, что если бы дѣянія Андрея и Іоанна дѣйствительно принадлежали апостоламъ, то были бы приняты церковію (*quae si illorum essent recepta essent ab ecclesia*). Современникъ Августина, Еводій, прямо утверждаетъ, что акты Леуція, изъ которыхъ онъ приводитъ нѣсколько любопыт-
ныхъ частныхъ относительно мученія апостола Андрея въ Ахаіи, были написаны отъ имени апостоловъ (*sub nomine apostolorum*). Папа Иннокентій I (402—417) въ письмѣ къ Екзуперію, епископу Тулуз-
скому, перечисляя книги, которыя не принимаются церковію, но под-
лежать осужденію, выражается подобнымъ же образомъ: *Cetera autem quae vel sub nomine Mathiae sive Jacobi minoris vel sub nomine Petri et Joannis, quae a quodam Leucio scripta sunt [vel sub nomine Andreae, quae a Nexocharide (al. Xenocharide) et Leonida philosophis] vel sub nomine Thomae, et si qua sunt talia, non solum repudianda, verum etiam poveris esse damnanda*. Отсюда видно, что сочиненія, припи-
сываемыя папою Леуцію, носили имена апостоловъ Петра, Іоанна, Матѣя; но относительно произведенія, украшеннаго именемъ апо-
стола Андрея, папа Иннокентій, если только ему принадлежатъ слова, отмѣченныя скобками и читаемыя не во всѣхъ рукописяхъ ¹⁾, нѣ-
сколько разногласитъ съ другими показаніями и называетъ дѣйстви-
тельными его авторами какого-то философа Леонида и Нексахорида. Затѣмъ епископъ Астурійскій, Туррибій, указываетъ на то, что дѣя-
нія Іоанна и Андрея, принадлежація „святотѣстственнымъ устами“
Леуція, особенно были уважаемы манихеями и родственными имъ
присциллианстами ²⁾. Въ декретѣ папы Геласія (496 г.) объ отречен-

---

a perfectis, non ab omnibus legi debent, qui non intelligentes multa addiderunt et tulerunt, quae voluerunt haeretici. Nam Manichei apocrypha beati Andreae apo-
stoli, id est actus quos fecit veniens de Ponto in Graeciam, quos conscripserunt
tunc discipuli sequentes apostolum, unde et habent Manichei et alii tales Andreae
beati et Joannis actus Evangelistae beati et Petri similiter apostoli, in quibus, quia
signa fecerunt magna et prodigia, ut pecudes et canes et bestiae loquerentur, etiam
et animas hominum tales, velut canum et pecudum similes imputaverunt esse hae-
retici perditii. (*Migne, Patrol. lat., XII, 1200*).

¹⁾ См. *Thilo, Acta ss. Apostolarum Andreae et Matthiae prolegom.*, pag. V.

²⁾ Per cujus (i. e. haeresis) auctores vel per maximum principem Manem ac dis-
cipulos ejus libros omnes apocryphos vel comp s vel infectos esse manifestum

ныхъ книгахъ Леуцій называется ученикомъ діавола, и въ числѣ книгъ, имъ написанныхъ, поименованы акты апостола Андрея.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что часто осуждаемая литература не только имѣла капоническое значеніе для еретиковъ гностическихъ, а потомъ манихейскихъ сектъ, но находила себѣ многочисленныхъ читателей и среди вѣрнаго церкви православнаго люда. Именно тѣ ея качества, которыя отчасти были причиною строгихъ противъ нея осужденій, должны были содѣйствовать ея популярности. Фантастическій и сказочный характеръ разказа, богатый аппаратъ чудесъ, видѣній, явленій ангеловъ, многочисленный и сложный персоналъ дѣйствующихъ лицъ, всѣ эти признаки, обличающіе гностическій вкусъ, составляли въ то же время качества, привлекательныя для народной и суевѣрной массы. Совѣты, которые стремились ограничить кругъ читателей Леуція Харины болѣе образованною и трезвою средою людей избранныхъ или совершенныхъ, едва ли достигали своей цѣли, и только указываютъ на существованіе противоположнаго явленія. Впрочемъ, и самыя осужденія, часто произносимыя противъ еретическихъ „дѣяній“ и „хожденій“, не всегда были рѣшительны и безусловны и касались болѣе идей, въ нихъ развиваемыхъ, чѣмъ фактовъ, въ ней повѣствуемыхъ. Самъ Туррибіій Астурійскій, которому принадлежитъ выраженіе о святотатственныхъ устахъ Леуція, осуждалъ въ отреченныхъ книгахъ, о которыхъ онъ говоритъ, далеко не все. „Нѣтъ сомнѣнія“, пишетъ онъ,—„что тѣ чудеса и дѣянія, которыя приписываются въ апокрифахъ святымъ апостоламъ, или дѣйствительно были, или могли быть, но разсужденія и мнѣнія злонамѣреннаго содержанія, которыя имъ приписываются, составляютъ явныя вставки, сдѣланныя еретиками“. Подобнымъ же образомъ выражается и блаженный Иеронимъ въ письмѣ, которое впрочемъ, не всѣми считается подлинно ему принадлежащимъ: „Леуцій, написавшій дѣянія апостоловъ, о дѣлахъ, которыя совершены были чрезъ нихъ Господомъ говорилъ правду, но относительно ученія многое солгалъ“¹⁾. Такимъ

---

est, specialiter, autem *actus* qui vocantur *S. Andreae* vel illos qui vocantur *S. Iohannis*, quos sacrilego *Leucius* ore coucripsit ---, ex quibus *Manichei* et *Prisallinistae* vel quaecunque illis secta est germana, omnem haeresin suam confirmare nituntur.

¹⁾ См. у Тило и Тиендорфа. Ut autem mirabilia ill atque virtutes quae in apocryphis scripta sunt sanctorum apostolorum vel esse vel potuisse esse non dubium est, ita disputationes assertionesque illas sensuum malignorum ab haereticis constare esse insertas. (Туррибіій). Слова изъ письма Иеронима или псевдо-Иеронима буквально повторены въ слѣдующей ссылкѣ.

образомъ являлась настоятельная потребность въ исправленныхъ и очищенныхъ изданіяхъ еретическихъ книгъ, въ которыхъ бы все, что казалось вреднымъ и соблазнительнымъ для слуха правовѣрныхъ, было устранено и вычеркнуто заботливою рукою. Такъ поступилъ тотъ неизвѣстный составитель апостольской исторіи, которая читается въ двухъ средневѣковыхъ кодексахъ Вольфенбюттельской библіотеки. Во главѣ изданія стоитъ письмо псевдо-Мелитона, епископа Лаодикійскаго, гдѣ излагается сейчасъ указанный взглядъ на „дѣянія“ апостоловъ Іоанна, Андрея и Ѳомы, сочиненныя нѣкоторымъ Леуціемъ. Онъ говорилъ правду о дѣяніяхъ апостольскихъ и ложь относительно ихъ ученія; именно онъ заставляетъ апостоловъ учить, что существуютъ два начала, а это отвергается церковію ¹⁾. Въ предисловіи къ дѣяніямъ апостола Андрея въ тѣхъ же кодексахъ неизвѣстный авторъ сообщаетъ намъ, что кромѣ Священнаго Писанія, кромѣ каноническихъ апостольскихъ дѣяній, въ его рукахъ были отдѣльныя сказанія о каждомъ апостолѣ. Въ частности, онъ нашелъ книгу о дѣяніяхъ апостола Андрея, которая вслѣдствіе своего многословія (то-есть, ради рѣчей, влагаемыхъ въ уста апостола и содержащихъ еретическія мнѣнія), иными осуждается, какъ апокрифическая; поэтому онъ нашелъ нужнымъ сократить ее, извлекая только то, что относилось къ фактамъ и чудеснымъ дѣйствіямъ апостоловъ, и опуская остальное. Такимъ образомъ онъ надѣялся и доставить удовольствіе читателямъ и устранить основанія порицателей ²⁾. Подобный приѣмъ, усвоенный и многими другими средневѣковыми писателями, не только очень простъ, но и могъ казаться совершенно правильнымъ. Предполагалось, что еретики не могли всего выдумать, что существовали нѣкогда вполне православныя книги, въ которыхъ всѣ назидательныя исторіи уже были изложены совершенно безукоризненно, что существовали дѣянія и хожденія апостоловъ, описанныя или самими апостолами, или ихъ учениками, которые потомъ подверглись искаженію и злонамѣренной порчѣ со стороны еретиковъ. Стоило только очистить эти сочиненія отъ лишней и вредной примѣси, чтобы возстановить ихъ въ перво-

¹⁾ *Volo sollicitam esse fraternitatem vestram de Leucio quodam, qui scripsit apostolorum actus — — —: qui de virtutibus quidem quas per eos dominus fecit vera dixit, de doctrina vero multa mentitus est. Dixit enim docuisse duo principia, quod execratur ecclesia Christi. Cp. Thilo, l. c., и Tischendorf, proleg. ad acta Apostol. Apocriph., pag. XLIII.*

²⁾ Запутанный и многословный текстъ мы приводимъ въ подлинникѣ. Онъ можетъ быть читаемъ въ prolegomena къ изданію актовъ Андрея и Матея у Тило.

начальной чистотѣ и возвратитъ имъ тотъ авторитетъ, который принадлежалъ имъ первоначально. Лучшимъ и древнѣйшимъ образцомъ такого рода опытовъ считается апостольская исторія, приписываемая Авдію, Вавилонскому епископу, и относимая къ VI вѣку. Тѣ части этого сочиненія, которыя изложены болѣе подробно и содержатъ дѣянія апостоловъ Андрея, Іоанна и Ѳомы, составляютъ не болѣе какъ сокращеніе соответствующихъ апокрифическихъ сказаній Леуція Харипа, при чемъ опущено все что могло казаться еретическимъ, соблазнительнымъ или же слишкомъ несообразнымъ. Первоначальный видъ гностической легенды и слѣды гностическихъ идей гораздо болѣе сохранились въ тѣхъ апокрифическихъ редакціяхъ, которыя составляютъ въ настоящее время сборникъ Тишендорфа. Но и здѣсь мы имѣемъ почти всегда редакціи позднѣйшія, уже прошедшія чрезъ православыя руки и горнило, подвергшее ихъ значительному очищенію. Именно акты св. Андрея, относящіеся къ его проповѣди и мученической смерти въ Ахаіи, если ихъ сравнить съ тѣмъ, что читалъ въ нихъ нѣкогда Еводій, служатъ наиболѣе разительнымъ тому доказательствомъ.

Апокрифическія сказанія, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является апостолъ Андрей, въ настоящее время извѣстны слѣдующія: 1) Дѣянія Андрея и Матеія въ странѣ анеропофаговъ; 2) Дѣяніе святыхъ апостоловъ Петра и Андрея; 3) Дѣянія и мученіе святаго апостола Андрея. Первый памятникъ давно извѣстенъ и находится во всѣхъ новыхъ сборникахъ апокрифическихъ апостольскихъ дѣяній. Второй въ первый разъ былъ напечатанъ, но не вполне — Вугомъ (Woog) по рукописи Бодлеевой бібліотеки. Издатель не рѣшился сообщить въ печати то, что показалось ему слишкомъ нелѣпнымъ и зазорнымъ. Затѣмъ Тило перепечаталъ въ своемъ изданіи актовъ св. Андрея и Матеія не полный отрывокъ Вуга. Въ изданіи Тишендорфа онъ наконецъ явился вполне, то-есть, на столько, на сколько полна была рукопись. А она не только не имѣетъ конца, но—чего не замѣтили названные издатели—представляетъ значительный пропускъ въ срединѣ, обнаруживающійся совершенною неясностію и безсвязностію разказа. Къ счастью, пропускъ можетъ быть восполненъ при помощи русской редакціи сказанія, изданной въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“ г. Тихонравова. Уже другими было замѣчено, что напечатанное здѣсь „Хожденіе апостоловъ Петра, Андрея, Матеѣя, Руфа и Александра“ есть переводъ отрывка, напечатаннаго Тишендорфомъ; слѣдуетъ прибавить только, что переводъ этотъ, сдѣланный

весьма неумѣло и не имѣющій окончанія, указываетъ на существованіе другихъ болѣе полныхъ греческихъ списковъ хожденія, чѣмъ рукопись Бодлеевой бібліотеки. Третье сказаніе — „Дѣянія и мученіе св. апостола Андрея“, изложено въ формѣ посланія пресвитеровъ и діаконовъ Ахейской церкви, бывшихъ очевидцами событія, но несомнѣнно представляетъ передѣлку сочиненія, авторомъ котораго считался Леуцій Харинъ. Оно было издано Вугомъ и затѣмъ перепечатывается въ разныхъ новыхъ изданіяхъ¹⁾. Сверхъ того, существуютъ (въ изданіи Типендорфа) весьма краткіе отрывки изъ актовъ Павла и Андрея и актовъ Вареоломея, въ которыхъ также является на сценѣ и апостолъ Андрей. Мы считаемъ полезнымъ ближе ознакомиться съ содержаніемъ этихъ сказаній; всѣ они, за исключеніемъ актовъ Павла и Андрея, находятся въ очевидной взаимной связи и первоначально составляли, по видимому, одно цѣлое, обозначаемое заглавіемъ „Хожденія“ или „Дѣянія апостола Андрея“.

1. Хожденіе въ страну анеропофоговъ (или Мирмидонянъ).

(Это наиболѣе длинное сказаніе мы передаемъ въ извлеченіи, стараясь однако удержать всѣ подробности и важныя частности).

Матейю выпалъ жребій идти въ страну анеропофоговъ (по нѣкоторымъ спискамъ: кромѣ анеропофоговъ, ему достались также страны Мидянъ и Парянтъ). Люди этой страны не ѣли хлѣба и не пили вина, но питались человѣческимъ мясомъ и пили человѣческую кровь. Всякаго человѣка, который приходилъ въ ихъ городъ, они задерживали, лишали зрѣнія и поили его очарованнымъ напиткомъ, дѣйствіе котораго заключалось въ томъ, что человѣкъ лишался человѣческаго сердца и разума и начиналъ ѣсть сѣно и траву, подобно животнымъ. Матейю, послѣ своего прибытія въ страну, подвергся общей участи, но съ тѣмъ только различіемъ, что послѣ принятія напитка ни сердце, ни умъ его не измѣнились, и онъ продолжалъ славить Бога и молиться къ Нему. За горячею молитвою послѣдовало утѣшеніе и подкрѣпленіе; въ темницѣ, гдѣ заключенъ былъ апостолъ, возблисталъ свѣтъ и раздался голосъ, обѣщающій

¹⁾ *Presbyterorum et diaconorum Achaiae de martyrio S. Andreae epistola encyclica.*—Cura C. Chr. Woog. Lipsiae, 1749. Здѣсь присоединены и вышеозначенный отрывокъ хожденія Петра и Андрея.

избавленіе послѣ двадцати-семи дней заключенія, то-есть за три дня до того роковаго срока, въ который для всякаго захваченнаго пришельца наступала очередь послужить пищей анеропофаговъ. Въ этотъ день палачи пришли въ темницу, и прочитавъ дощечку, прикрѣпленную къ рукѣ Матеія, съ обозначеніемъ времени его поступленія, какъ это всегда дѣлалось, ради болѣе легкаго разчета времени, сказали: „Еще три дня, и мы выведемъ его изъ темницы и съѣдимъ его“. Матеей, притворившійся спящимъ, слышалъ это.

Но въ этотъ же день Господь явился апостолу Андрею, который находился въ другой странѣ (не названной въ нашемъ источникѣ), и повелѣлъ ему идти во владѣнія анеропофаговъ, гдѣ его брату грозила опасность черезъ три дня лишиться жизни. Андрей сначала отказывался, считая невозможнымъ поспѣть въ такой короткій срокъ; но Господь, напомнивъ ему о своемъ всемогуществѣ, назначилъ ему утро слѣдующаго дня для прибытія къ морскому берегу (слѣдовательно, Андрей училъ на другомъ берегу того моря, на которомъ находилась и страна людѣдовъ), гдѣ онъ долженъ былъ найти готовый корабль, а самъ вознестися на небо.

Андрей явился въ назначенное время на берегу, вмѣстѣ со своими учениками, и увидѣлъ небольшое судно съ тремя корабельщиками; онъ не догадался, что это былъ Господь съ двумя ангелами, принявшими человѣческій видъ. Вступивъ въ разговоръ съ кормчимъ, то-есть, съ самимъ Господомъ, Андрей узналъ, что онъ нашелъ себѣ попутчиковъ, и получилъ позволеніе вступить на корабль. Онъ счелъ, однако нужнымъ заранѣе объяснить, что ни онъ, ни его товарищи не въ состояніи уплатить перевозной платы и даже не имѣютъ при себѣ пропитанія. На вопгосъ кормчаго, выразившій удивленіе, Андрей отвѣтилъ, что онъ ученикъ Христа, который далъ двѣнадцать избраннымъ имъ апостоламъ заповѣдь не брать съ собою въ путь ни денегъ, ни хлѣба, ни сумы, ни одежды. Послѣ того кормчій принялъ путниковъ на свой корабль съ большею радостію, чѣмъ бы, по его словамъ, это было въ отношеніи ко всякому имущему человѣку. Затѣмъ онъ велѣлъ принести три хлѣба, чтобы странники могли подкрѣпить себя пищею;⁹ но ученики Андрея, при видѣ бурнаго моря, смутились и не могли воспользоваться приглашеніемъ, не могли даже промолвить слова въ отвѣтъ на него. Тогда кормчій посоветовалъ Андрею оставить отроковъ, незнакомыхъ, очевидно, съ моремъ, на сухомъ пути до возвращенія корабля изъ плаванія. Но когда Андрей обратился съ такимъ предложеніемъ къ своимъ спут-

никамъ, то они не захотѣли отстать отъ своего учителя и такимъ образомъ сдѣлаться чуждыми благъ, которыя далъ имъ Господь. Въ ободреніе имъ Андрей разказываетъ исторію укрощенія бури Иисусомъ. Во время плаванія Андрей вступаетъ въ разговоръ съ кормчимъ и выражаетъ удивленіе къ его необыкновенному искусству въ управленіи кораблемъ; шестнадцать разъ онъ плавалъ по морю и теперь ѣдетъ въ семнадцатый, а такого искусства еще не видывалъ. Съ своей стороны, кормчій спрашиваетъ объ Иисусѣ: „Мы слышали“, говоритъ онъ,—„что онъ явилъ свое божество предъ своими учениками, по отчего не увѣровали въ него Іудеи? Можетъ быть, онъ не сотворилъ знаменій предъ ними?“ Андрей свидѣлствуетъ объ исцѣленіи слѣпыхъ, глухихъ и прокаженныхъ, о насыщеніи пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами: все это совершилось въ виду всего народа. „Но быть можетъ, онъ не далъ знаменій предъ архіереями, и оттого они не увѣровали въ него?“ — „Нѣтъ, и предъ архіереями онъ сотворилъ знаменія, и не только явно, но и тайно“. Настоятельные распросы кормчаго заставили Андрея разказать исторію съ двумя каменными сфинксами, которые стояли во храмѣ—одинъ по правую, другой по лѣвую сторону, и о которыхъ Христосъ сказалъ, что они представляютъ подобіе Херувима и Серафима на небѣ. Чудо съ сфинксами, сотворенное въ присутствіи четырехъ архіереевъ, состояло въ томъ, что одинъ изъ нихъ, по слову Иисуса, сошелъ внизъ со своего подножія и заговорилъ человѣческимъ голосомъ, обличая невѣріе Іудеевъ и свидѣлствуя о божественности Христа и о превосходствѣ храма (τὰ ἱερὰ) предъ синагогой, а когда и это оказалось недостаточнымъ, то сфинксъ, по приказанію Иисуса, отправился въ землю Хананейскую, на поле Мамврійское, и разбудилъ почивавшихъ тамъ двѣнадцать патріарховъ; всѣ они вышли изъ гробовъ, но только трое должны были послѣдовать за нимъ и обличили архіереевъ.

Корабль уже приближался къ твердой землѣ: тогда Христосъ, который скрывался подъ видомъ кормчаго, склонился главою на одного изъ ангеловъ и какъ бы заснулъ. Андрей, послѣдовавшій его примѣру, погрузился въ глубокой сонъ, и въ такомъ состояніи перенесенъ былъ ангелами, по приказанію Господа, на берегъ, гдѣ былъ оставленъ вблизи города анеропофоговъ. Послѣ того Иисусъ удалился съ своими ангелами на небеса.

На другое утро Андрей пробудился и разбудилъ своихъ спящихъ товарищей; теперь онъ понялъ, кто былъ его вчерашній собесѣд-

никъ, и ученики его, которымъ онъ высказалъ свою догадку, съ своей стороны, припомнили и сообщили ему, что они ничего не слышали изъ его разговора съ кормчимъ, такъ какъ въ это время они были погружены въ глубокій сонъ, и во время этого сна спустились съ неба орлы и унесли души ихъ въ рай на небесахъ. Тамъ они видѣли Христа, окруженнаго ангелами; предъ нимъ стояли апостолы, и Господь говорилъ ангеламъ, чтобъ они во всемъ слушались апостоловъ. Андрей возрадовался великою радостію и сталъ молиться, чтобы Господь простилъ ему то, что онъ принялъ его за простаго человѣка, и чтобы снова явился ему. Моленіе его было услышано; Господь явился ему въ видѣ прекраснаго маленькаго мальчика и сказалъ, что вина его заключается не въ томъ, что онъ не узналъ своего Господа, а въ томъ, что онъ не изъяснилъ тотчасъ же готовности идти въ страну антропофаговъ, и вотъ теперь онъ самъ увидѣлъ, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. При этомъ Господь повторилъ повелѣніе идти въ городъ для освобожденія Матеіа и предсказалъ Андрею, что его тамъ ожидаютъ большія мученія, которыя онъ долженъ перенести мужественно, помня своего распятаго Учителя.

Андрей вошелъ въ городъ со своими учениками, оставаясь незримымъ для жителей. Онъ достигъ темницы, предъ дверями которой стояли стражи; но послѣ его молитвы, стражи пали на землю мертвыми, а двери сами открылись, когда онъ начерталъ на нихъ знаменіе креста. Войдя въ темницу, Андрей увидѣлъ Матеіа сидящаго и поющаго хвалу Богу; апостолы привѣтствовали и цѣловали другъ друга. На вопросъ Матеіа: какъ онъ здѣсь очутился, Андрей разказалъ ему о явленіи Господа. Вслѣдъ затѣмъ онъ замѣтилъ трехъ заключенныхъ вмѣстѣ съ Матеіемъ мужей, которые были наги и ѣли траву. Это зрѣлище поразило Андрея, и онъ воскликнулъ: „Господи, нѣ чѣмъ согрѣшили эти люди, что они уподобились бесмысленнымъ скотамъ?“ Потомъ, обращаясь къ сатанѣ, онъ сказалъ: „Горе тебѣ, діаволу, врагу Бога и ангеловъ его! Чѣмъ сдѣлали эти люди, что ты навелъ на нихъ такое наказаніе. Доколѣ ты будешь враждовать на родъ человѣческій: ты вывелъ Адама изъ рая и научилъ людей плотскому преступному совокупленію, вслѣдствіе чего Господь разгнѣвался и послалъ потопъ на землю....“ Послѣ этого Андрей сотворилъ молитву, возложилъ руки свои на лица слѣпыхъ людей, находившихся въ темницѣ, и тѣ прозрѣли; потомъ налагалъ руку на сердца ихъ, и въ нихъ воротилось человѣческое чувство. Всѣхъ изъ-

цѣленныхъ было 270 мужчинъ и 49 женщинъ; Андрей велѣлъ имъ идти въ нижнюю часть города, гдѣ они найдутъ смоковницу, плодами которой могутъ питаться, пока онъ самъ не прійдетъ къ нимъ. Освобожденные боялись показаться въ городѣ, думая, что жители опять схватятъ ихъ, но апостолъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что даже собаки не будутъ лаять на нихъ. Матей съ своими учениками направился, по указанію Андрея, съ другой стороны города, по вслѣдъ затѣи, по повелѣнію того же апостола, явилось облако и перенесло Матея, учениковъ его и учениковъ самаго Андрея на гору, на которой находился апостолъ Петръ, и тамъ они остались.

Андрей же вошелъ въ городъ и сѣлъ позади мѣднаго столпа, на которомъ стояла статуя, ожидая что будетъ. Случилось, что палачи пошли въ темницу, чтобы, по обычаю, взять на этотъ день нѣсколько человѣкъ для съѣдѣнія. Но они нашли стражу мертвою, а темницу пустою, и донесли объ этомъ властямъ города. Тѣ были повергнуты извѣстіемъ въ большое смущеніе. Однако они распорядились, чтобы принесены были, по крайней мѣрѣ, трупы мертвыхъ стражей, которые и должны были послужить пищею на текущій день. Что же касается будущаго времени, то рѣшено было завтра же собрать городскихъ старцевъ и заставить ихъ метать жребій между собою, пока не наберется семи человѣкъ, необходимыхъ для суточнаго пропитанія, и такъ поступать въ теченіе неопредѣленнаго времени, доколѣ не представится возможности снарядить юпошей въ морской походъ на окрестныя области для захвата плѣнниковъ. Распоряженіе, данное палачамъ, было исполнено, и мертвые стражники были принесены на городскую площадь. Но такъ какъ жители города нуждались не только въ пищѣ, но и въ питъѣ, то нужно было сначала пустить изъ нихъ кровь, какъ это дѣлалось съ убиваемыми иностранцами. По срединѣ города находилось для сего особеннаго рода приспособленіе, устроенное такъ, что кровь убиваемыхъ стекала въ большой бассейнъ, изъ котораго жители города черпали ее и потомъ пили. Но когда Андрей увидѣлъ приготовленія палачей, душа его возмущалась, и по его молитвѣ, руки палачей, готовые поднять сѣкиры на умершихъ уже людей, опустились, и сѣкиры изъ нихъ выпали. Власти города поражены были удивленіемъ и сказали, что должно быть здѣсь пахотятся тѣ волшебники, которые уже освободили узниковъ изъ темницы. Они разсуждали: „Что намъ теперь дѣлать? Пойдемъ и соберемъ старцевъ въ городѣ, такъ какъ мы томились жаждою“.—Собраны были немедленно старики въ числѣ 217-ти,

и по жребію изъ нихъ было выбрано семь человѣкъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ вымолилъ позволеніе замѣнить себя своими собственными дѣтьми:—сыномъ и дочерью. Дѣти подняли плачь и говорили служителямъ: „Не убивайте насъ въ такомъ юномъ возрастѣ, но оставьте насъ до болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, и тогда убейте насъ.“ Ибо въ этомъ городѣ былъ обычай, что умирающихъ не предавали погребенію, но ѣли ихъ“. Служители, однако, готовились уже приступить къ исполненію своего дѣла. Но Андрей снова обратился съ молитвою къ Богу, и опять случилось то же, что и въ первый разъ. Увидѣвъ это, власти заплакали громкимъ плачемъ. Но вотъ, когда они не знали, что дѣлать, явился среди ихъ дьяволъ въ образѣ старика и сталъ имъ говорить: „Горе вамъ, вы теперь умрете безъ пищи. Къ чему вамъ овцы и быки: этого вамъ недостаточно... Въ городъ пришелъ одинъ чужеземецъ, по имени Андрей: ищите и убейте его, а если нѣтъ, то онъ уже не дастъ вамъ дѣлать то, что вы до сихъ поръ дѣлали“. Самъ дьяволъ не въ состояніи былъ указать имъ мѣста, гдѣ находился апостолъ, ибо это былъ Аманъ, такъ названный потому, что былъ слѣпъ, особенно въ отношеніи къ святымъ. Онъ слышалъ голосъ Андрея, укорявшій его, но его самого не видѣлъ. Горожане, по внушенію дьявола, затворили ворота и стали искать святаго, но тоже не видѣли его. Тогда Господь явился Андрею и сказалъ ему: „Возстань и покажись имъ, чтобы они узнали силу мою и безсиліе дѣйствующаго въ нихъ дьявола“.

Андрей явился предъ толпой и сказалъ: „Вотъ я тотъ, кого вы ищите“. Народъ бросился и схватилъ его, чтобы предать его казни. Но явилось сомнѣніе, какой родъ ея слѣдуетъ избрать для преступника: если снять съ него голову, то это не будетъ мученіемъ; если сжечь, то нельзя будетъ воспользоваться имъ для пищи. Тогда одинъ человѣкъ, по внушенію вошедшаго въ него дьявола, присовѣтовалъ слѣдующее: „Возьмемъ, навяжемъ веревку на шею его и станемъ волочить его по всѣмъ улицамъ и площадямъ города, а когда онъ умретъ, раздѣлимъ его тѣло“. Совѣтъ былъ принятъ. Въ продолженіе двухъ дней волочили апостола по всѣмъ улицамъ и площадямъ, такъ что куски его тѣла оставались на землѣ, и кровь текла на нее какъ пода; а на ночь отводили его въ темницу, связавъ назадъ руки. Здѣсь, вечеромъ на другой день, явился предъ Андреемъ дьяволъ съ семью демонами и насмѣхался надъ его безсиліемъ, даже хотѣлъ убить его; но увидѣвъ на челѣ его печать, которую далъ ему Господь, демоны испугались и не смѣли приблизиться къ нему, но за то издали вслѣ-

чески издѣвались надъ нимъ, такъ что это было причиною большой печали для апостола и даже слезъ.

На третій день повторились прежнія истязанія, и святой воззвалъ къ Господу: „Господи, зачѣмъ ты оставилъ меня! Вспомни, что ты былъ три часа на крестѣ и воззвалъ къ Отцу, а я подвергаюсь мученіямъ въ продолженіе трехъ дней. Гдѣ слова твои, Господи, которыя ты сказалъ намъ, что ни одинъ волосъ съ головы нашей не пропадетъ? Воззри, что сдѣлалось съ моею плотію и моими волосами“. Тогда Іисусъ явился Андрею и повелѣлъ ему обернуться назадъ; и Андрей увидѣлъ, что гдѣ пали его волосы и куски тѣла, тамъ выросли большія плодоносныя деревья. Когда же наступилъ вечеръ, то Господь явился ему въ темницѣ и изцѣлилъ всѣ его рапы, такъ что онъ сдѣлался здоровъ по прежнему.

Здѣсь же, посреди темницы, Андрей увидѣлъ столбъ, на которомъ стоялъ истуканъ, сдѣланный изъ алебаstra, и обратился къ этому истукану съ заклинаніями во имя креста, предъ которымъ трепещетъ небо и земля. Вслѣдствіе того каменный истуканъ, какъ этого желалъ апостолъ, вдругъ сталъ испускать изъ своихъ устъ воду, какъ будто изъ трубы; вода все поднималась, стала затоплять городъ и достигла такой высоты, что многіе потонули. Когда увидѣли это на слѣдующее утро анеропофаги, то они спѣшили спастись бѣгствомъ и стали оставлять городъ. Но по молитвѣ апостола, Христосъ послалъ архангела Мухамма на огненномъ облакѣ, которое окружило городъ, такъ что никто не могъ отсюда выйти; а между тѣмъ вода внутри достигала уже по горло людямъ. Тогда только жители преступнаго города раскаялись и приняли рѣшеніе идти и освободить чужестранца, и въ то же время стали призывать его Бога, чтобы онъ остановилъ воду. Андрей тогда повелѣлъ каменному истукану прекратить водоизверженіе, и при этомъ сказалъ ему: „Если граждане этого города увѣруютъ, то я построю церковь и поставлю въ ней тебя за то, что ты оказалъ мнѣ эту услугу“. Когда апостолъ вышелъ изъ темницы, то вода стала сбѣгать предъ его стопами, а народъ, видя это, кричалъ: „Помилуй насъ“. Явился и тотъ старикъ, который предалъ на съденіе собственныхъ дѣтей и также говорилъ: „Помилуй меня“. Но апостолъ отвѣчалъ ему: „Какъ ты говоришь: помилуй меня,—когда ты не пожалѣлъ своего сына и дочь. Во истину говорю тебѣ: какъ скоро сойдетъ эта вода, ты низвергнешься въ пропасть вмѣстѣ съ 14-ю палачами, убивавшими людей каждый день“. И когда его слово сбылось, то страхъ народа еще болѣе усилился.

Апостолъ вслѣдъ затѣмъ воскресилъ всѣхъ, которые лишились жизни во время наводненія. Такъ какъ городъ теперь увѣровалъ во Христа, то Андрей начерталъ изображеніе церкви и повелѣлъ построить ее. Крестивъ обращенныхъ и преподавъ имъ заповѣди Христовы, Андрей, не смотря на всеобщія просьбы и слезы, оставилъ было городъ. Но на пути встрѣтился ему, въ образѣ отроцати, Христосъ и повелѣлъ ему возвратиться, чтобы провести въ городъ еще семь дней для утвержденія жителей въ вѣрѣ.

Изложенное нами сказаніе передается въ „Апостольскихъ исторіяхъ“ псевдо-Авдія въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ:

„Послѣ вознесенія Господня, когда апостолы начали проповѣдывать слово Божіе въ различныхъ странахъ, Андрей апостолъ началъ возвѣщать Господа Иисуса Христа въ Ахейской провинціи. Въ то же самое время апостолъ Матеей, онъ же и евангелистъ, проповѣдывалъ слово спасенія городу Мирмидону; но жители этого города, съ неудовольствіемъ и досадою принимая то, что они слышали о дѣяніяхъ нашего Икупителя, и не желая предать разрушенію свои храмы, выкололи глаза апостолу, обременили его цѣпями и заключили въ темницу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по истеченіи нѣсколькихъ дней убить его. Прежде чѣмъ это было исполнено, ангелъ, посланный Господомъ, сказалъ апостолу Андрею, чтобы онъ поспѣшилъ въ городъ *Мирмидонъ* и освободилъ своего брата изъ мрака темницы. Онъ отвѣчалъ ему: „Господи, я не знаю пути: куда же я пойду?“ Но получилъ въ отвѣтъ: „Иди къ морскому берегу, тамъ найдешь корабль, и тотчасъ вступи на него, а я буду твоимъ путеводителемъ“. Андрей повиновался, и взошедши на отысканный корабль, при вѣяніи благоприятныхъ вѣтровъ счастливо приплылъ къ городу. Вступивъ въ городъ, онъ тотчасъ отправился въ общественную тюрьму; пашедши тамъ Матѣя вмѣстѣ съ другими узниками, онъ горько восплакалъ, и сотворивъ молитву, произнесъ: „Господи Иисусе Христе, котораго мы съ вѣрностію проповѣдуемъ, и во имя котораго переносимъ такъ много!... Отверзи очи раба твоего, дабы онъ могъ идти на проповѣдь слова твоего“. И тотчасъ сотряслось это мѣсто, и свѣтъ возсіялъ въ темницѣ, и отверзались очи апостола, а цѣпи всѣхъ узниковъ сломались, а колодки, въ которыхъ заключены были ихъ ноги, раскололись. Послѣ этого всѣ восхваляли Господа, говоря: „Великъ Богъ, котораго проповѣдуютъ рабы его“. Такимъ образомъ выведены были Андреемъ изъ темницы всѣ, которые были въ ней содержимы, и каждый отправился во свояси; Матеей вмѣстѣ съ ними также удалился. Самъ апостолъ

Андрей остался въ *Мирмидонѣ* и проповѣдывалъ жителямъ слово Господа, но жители не хотѣли его слушать, и схвативъ Андрея, волочили его со связанными ногами по улицамъ города. Среди этихъ мученій, когда уже текла кровь и волосы вырывались, апостоль обратился съ такою молитвою ко Господу: „Открой, Господи Иисусе Христе, очи сердець ихъ, да познають Тебя, истиннаго Бога, и престануть отъ сего злодѣянія, и не поставь имъ этого во грѣхъ, ибо не вѣдять, что творять“. Когда онъ произнесъ эти слова, внезапно напалъ на жителей этого города большой страхъ, такъ что, освободивъ апостола, они признали свой грѣхъ, говоря: „Мы согрѣшили противъ праведнаго“. Они склонились къ ногамъ апостола и просили объ отпущеніи ихъ преступленія и объ указаніи имъ пути спасенія. Поднявъ ихъ, онъ сталъ проповѣдывать Господа Иисуса Христа и показавъ чудеса, которыя онъ совершилъ въ этомъ мірѣ, и то, какъ онъ своею кровію искупилъ этотъ міръ, уже погибающій. Такимъ образомъ, снискавъ Господу жителей города, апостоль крестилъ всѣхъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа во отпущеніе грѣховъ. Сотворивъ это, онъ удалился въ свою область“.

Въ житіи Андрея, отысканномъ въ Волфенбюттельскихъ сборникахъ, равно какъ и въ Золотой легендѣ Якова de Voragine, повторяется почти буквально та же самая сокращенная повѣсть, съ упоминаніемъ Мирмидона¹⁾. У послѣдняго замѣчается только та отмѣна, что Андрей отправляется для освобожденія Матеѣя не изъ Ахаіи, а изъ Скіоіи. Далѣе, мы находимъ у Ордерика Виталіа, писателя XII вѣка, указаніе на книгу, которая содержала въ себѣ замѣчательныя сказанія объ апостолѣ Андрѣ, остановившія на себѣ вниманіе историка, такъ что онъ счелъ нужнымъ привести изъ нея довольно значительное извлеченіе. Въ книгѣ, авторъ которой былъ, по словамъ самаго Ордерика, ему неизвѣстенъ, рѣчь шла опять о путешествіи Андрея къ *Мирмидонянамъ*, а самый разказъ Ордерика даже своими выраженіями очень близко передаетъ вышеизложенное повѣствованіе Авдія²⁾.

Что касается Авдіева разказа о путешествіи апостола Андрея къ *Мирмидонянамъ*, то не смотря на измѣненіе именъ, на появленіе имени Матеѣя евангелиста вмѣсто Матеѣя, на устраненіе многихъ подробностей, не смотря на то, что въ немъ нѣтъ рѣчи о людяхъ,

¹⁾ Волфенбюттельскіе отрывки см. у Тило и Тисендорфа.

²⁾ См. *Migne, Patrolog. latina*, t. 188, pag. 139.

питающихся человѣческою плотію, и о метаніи жребія, и явленіе Христа обращено въ явленіе ангела, — все-таки нужно признать, что этотъ разказъ есть простая передѣлка апокрифическаго источника съ намѣреннымъ устраненіемъ всего страннаго и неудобнаго. Что же касается имени города Мирмидона или его жителей Мирмидонянъ, то нужно полагать, оно уже читалось въ самыхъ гностическихъ актахъ, какъ другое названіе анеропофаговъ. Въ апокрифическомъ сказаніи о Матѣѣ, о которомъ будетъ сказано ниже, тотъ же самый городъ человѣкоядческій, въ которомъ дѣйствовали Андрей, именуется Мирною (Μύρνη); но въ позднѣйшихъ греческихъ житіяхъ, которыя встрѣчаются въ Минеяхъ, а равно и у Никифора Каллиста (XIV в.) Мирна замѣняется едва ли не болѣе правильнымъ чтеніемъ Мирмины (Μορμίνη). Въ одномъ краткомъ описаніи святыхъ мѣстъ, приложенномъ къ Бордосскому дорожнику (*Itinéraire Burdigalense*), памятнику приблизительно VI вѣка, упоминается также городъ Мирмидона (*Myrmidona*), гдѣ апостолъ Андрей освободилъ Матѣя, и объясняется, что въ этомъ городѣ, отождествляемомъ и прочемъ съ Синопомъ, всѣ его обитатели имѣли обыкновеніе ѣсть себѣ подобныхъ, и что ради того они сидѣли на улицахъ, поджидая, какъ будто въ видахъ гостепріимнаго состраданія, странствующихъ иноземцевъ ¹⁾.

Наиболѣе полную и близкую передачу сюжета, изложеннаго въ хожденіи апостола Андрея къ анеропофагамъ, мы находимъ въ одномъ древнемъ памятникѣ крайняго запада, именно, въ англо-саксонской поэмѣ объ Андрѣ. Ея издатель, Я. Гриммъ, еще не имѣя въ рукахъ цѣльнаго апокрифа, который тогда не былъ изданъ, пришелъ однако къ убѣжденію, что источникомъ для поэмы служилъ не какой-либо сравнительно краткій разказъ въ родѣ псевдо-Авдіева, а непременно болѣе пространный и уже заключавшій въ себѣ всѣ существенныя подробности, читаемыя въ поэмѣ ²⁾. Теперь оказывается, что за исключеніемъ мелкихъ бытовыхъ красокъ, заимствованныхъ естественно изъ окружающей среды, за исключеніемъ ясовыхъ копій, которыя употребляются даже при ослѣвленіи апостола

¹⁾ *Revue Archéologique*, X, 110 (1864 г.). *Myrmidona* — omnes qui ibi manebant homines pares suos comedebant, nammodo tanta misericordia ibi est ut ad stratas (l. stratas) sedcant peregrinos suscipiendos. Здѣсь же говорится о Корсунѣ и о мощахъ Климента.

²⁾ См. *Andreas und Helene*. Herausg. von *Jacob Grimm*. Cassel, 1840, предисловіе.

и вообще постоянной склонности любоваться оружіемъ, за исключеніемъ характеристичныхъ для мѣстнаго быта описаній бури и мореплаванія, за исключеніемъ стремленія видѣть въ самыхъ апостолахъ воинственныхъ героевъ, да развѣ еще одного непонятаго мѣста (о сфинксахъ) и распространенія нѣкоторыхъ рѣчей ради стиха все остальное есть самый точный снимокъ съ греческаго подлинника. Удержаны даже цифры: здѣсь и тамъ семь стражей, пораженныхъ смертію при дверяхъ темницы, 49 женщизнъ, превращенныхъ чародѣйскимъ напиткомъ во образъ звѣринный и потомъ снова возвращенныхъ Андреемъ къ человѣческому чувству и пищѣ. Только число мужчинъ, испытавшихъ ту же участь и такіа благодѣянія, не одинаково: въ одномъ источникѣ 240, а въ другомъ 270. Если бы мы захотѣли повторить изложеніе содержанія поэмы, сдѣланное Яковомъ Гриммомъ, то оказалось бы во многихъ мѣстахъ почти буквальное сходство съ вышеприведеннымъ изложеніемъ гностическаго хожденія. Ради нѣкотораго ознакомленія съ этимъ любопытнымъ памятникомъ, относящимся, по мнѣнію Гримма, къ VIII вѣку или къ началу IX, мы приводимъ только начало его въ нѣмецкомъ переводѣ Грейна ¹⁾:

Traun! wir erfuhren, wie in der Vorzeit lebten
 zwölf hochberühmte Helden unter des Himmles Sternen
 Kempen Gottes in dem Kampf erlag,
 wenn sie die Helmzeichen hieben, ihre nachkraft nimmer
 seit sie zerstreut, wie ihnen bestimmte Loos
 der Hochkönig des Himmels, der Herr selber,
 Das waren Wehrmänner weitkund auf Erden,
 kühne Volksführer, im Kriegszug tapfer
 hochberühmte Helden, wenn Hand und Schildrand
 auf dem Heersfeld den Helm beschützten.
 Dieser Helden einer war der heilige Mattheus,
 der zuerst bei den Jüden das Evangelium
 durch Wunderkunst begarn mit Worten zu schreiben,
 dem der erlauchte Herr das Loos bestimmte
 hinaus auf das Eiland, wo der Ausländer keiner
 bisher noch konnte Heimath finden
 und Glück genießen: grimm ereilte sie
 oft auf dem Heersfeld die Hand der Mörder.
 All war das Markland mit Mord bewunden,
 Durch Feindes Falschheit, die Volkstatt der Männer,
 der Helden Heimsitz; nicht hatte dort
 die Bewohner in dem Lande Wasser Trunk

¹⁾ Grein, Dichtungen der Angelsachsen, stabsreimend übersetzt, Göttingen, 1859.

noch Brodes Speise zum Gebrauche: es genossen Blut und Fell
 das Fleischkleid der Männer der fernher gekommenen
 die Leute in dem Lande. So war's ihr Landesbrauch,
 dass ohne Unterschied sie der Ausländer jeden,
 wenn Nahrung ihnen Not war, sich nahmen zur Speise,
 alle die das Eiland von aussen suchten.
 Das war des Volkes friedloses Zeichen
 der unseligen Stärke, dass sie der Augen Gesicht,
 des Hauptes Gemme hasset und schwertgrimm
 grausam zerstörten mit der Geere Spitzen.
 Drauf brauten dann die Zauberer bitter zusammen,
 durch Arglistkünste unheimlichen Trank
 der das Bewusstsein der Männer wandte im Busen,
 die innersten Gedanken: es ward umgekehrt der Sinn,
 dass sie nicht jamernde sehnten nach dem Jubel der Männer
 die Grimm gierigen Helden, sonder Gras und Heu
 die vor Mangel an Munkost müden plagte.
 Da war Mattheus zur weitberühmten Burg
 gelangt in die Stadt: Lärm war dort gewaltig
 in dem Volk der *Memedonier* dem frevelvollen и т. д.

Итакъ, и въ этомъ памятникѣ глубокой древности антропофаги
 иначе именуются *Мирмидонянами*—не только въ приведенномъ мѣстѣ,
 но и постоянно. Сверхъ того, въ одномъ мѣстѣ (стихъ 432-й) земля ихъ
 названа *царствомъ Эоіоновъ*, страню черныхъ людей (*Aelmugna rice*),
 что должно находиться въ той или другой связи съ Эоіоніей каталоговъ.

2. Хожденіе въ страну варваровъ.

Случилось, что апостолъ Христовъ Андрей вышелъ изъ города
 челоѣкоядцевъ (*ἀνθρωποφάγων*), и вотъ облакъ свѣтлый восхитилъ его
 и отнесъ его на гору, гдѣ возсѣдали Петръ, Матей и Александръ.
 Когда онъ увидѣлъ ихъ, то они привѣтствовали его съ большою ра-
 достію. Тогда Петръ говорить ему: „Братъ Андрей! Посѣялъ ли ты
 слово истинны въ странѣ челоѣкоядцевъ, или нѣтъ?“ Отвѣчаетъ ему
 Андрей: „Во истину, отецъ мой Петръ, твоими молитвами. Но много
 зла сдѣлали мнѣ люди этого города; ибо волочили меня на площади
 люди этого города въ продолженіе трехъ дней, такъ что моя кровь
 обагрила всю площадь“. Говоритъ ему Петръ: „Мужайся во Господѣ,
 братъ Андрей, и теперь отдохни отъ труда твоего. Ибо если добрый
 земледѣлецъ трудомъ своимъ воздѣлаетъ землю, и она приноситъ
 плодъ, то трудъ его тотчасъ превратится въ радость. Если жъ онъ
 потрудится, а земля его не принесетъ плода, то онъ часто имѣетъ

двойной трудъ". Когда онъ это говорилъ, то явился имъ Господь Иисусъ Христосъ во образѣ отроцати и рекъ имъ: „Радуйся, Петръ, епископъ всей церкви моей! Радуйся, Андрей! Мужайтесь и боритесь сверхъ человѣчества, сонаслѣдники мои. Во истину глаголю вамъ: вы подвергаетесь трудамъ сверхъ человѣчества въ мірѣ семъ, но держайте; я успокою васъ въ первый часъ отдохновенія въ царствѣ Отца моего. Итакъ, возставъ, идите въ градъ варварскій и проповѣдайте въ немъ; и я съ вами буду въ чудесахъ, бываемыхъ въ немъ чрезъ посредство рукъ вашихъ". И цѣловавъ ихъ, Господь возшелъ на небо.

Петръ же и Андрей, Александръ и Руфъ и Матей пошли во градъ варварскій. Когда они приблизились ко граду, Андрей сказалъ Петру: „Отче Петръ, имѣемъ ли мы снова подвергнуться мукамъ въ городѣ этомъ, какъ и въ странѣ челоуѣкоядцевъ? Говорить ему Петръ: „Не знаю. Но вотъ предъ нами старецъ, сѣющій на полѣ своемъ. Если мы поспѣшимъ къ нему и скажемъ ему: дай намъ хлѣба, и если онъ дастъ намъ хлѣба, то мы уразумѣемъ, что не подвергнемся мукамъ въ городѣ этомъ. Если же скажетъ намъ, что не имѣетъ хлѣба, то изъ этого узнаемъ, что опять ожидаетъ насъ мученіе". Когда они приблизились къ старцу, то говоритъ ему Петръ: „Радуйся, земледѣлецъ"! Земледѣлецъ отвѣчаетъ имъ: „Радуйтесь и вы, купцы". Говорить ему Петръ: „Есть ли у тебя хлѣбъ, чтобы ты могъ снабдить имъ сихъ отроковъ, такъ какъ мы дошли до крайности" (ὁστέριθιμεν). Отвѣчаетъ имъ старецъ: „Подождите немного и присмотрите за волами и раломъ и нивой; а я пойду въ городъ и принесу вамъ хлѣбъ". Говорить ему Петръ: „Если ты окажешь намъ страннопріимство, то мы присмотримъ за волами и нивою". Старецъ отвѣчаетъ: „Да!" Говорить ему Петръ: „А воли ваши ли?" Старецъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, но мы наняли ихъ". Говорить ему Петръ: „Иди въ городъ". И пошелъ старецъ въ городъ. И возставъ, Петръ препоясалъ одежду свою и срачицу и говоритъ Андрею: „Не приличествуетъ намъ покоиться и быть праздными, когда старецъ ради насъ трудится, оставивъ дѣло свое". Тогда Петръ, взявшись за рало, началъ сѣять жито. Андрей же былъ позади воловъ и говоритъ Петру: „Отче Петръ! зачѣмъ и ты трудишься, когда мы здѣсь". Тогда Андрей, взявши у Петра рало, сталъ сѣять говора...

(Здѣсь слѣдуетъ пропускъ въ греческомъ текстѣ, восполняемый русскою редакціей хожденія, которая и слѣдуетъ):

И рече къ Петру: „Брате, чѣмъ трудъ возлагаеши? Ты бо еси пастырь

и отецъ всѣмъ намъ, то ли ты трудитися хочещи". И пріимъ Петръ ишеницу и благослови ю и сѣяше на селѣ старче. Руфъ же и Александръ и Матѣи бѣша одесную воловъ хожаку, и благословиша и рѣша: „Приди роса небесная благая и вѣи вѣтръ добрый. И облакъ да обросить и да придуть и почіють на нивѣ сѣи". И абіе по словесѣхъ сихъ скоро сѣянная нива прозябе, и бысть исполнена съ класемъ. И пришедъ старецъ съ хлѣбы и видѣ ниву возрастшу. И положи хлѣбы, скоро паде къ ногамъ ихъ. И рече: „Владыки бози вы есте". И рече ему Петръ: „Возстани, человѣче. Мы нѣсмъ бози, но посланники есмы Божіи. Избра насъ насъ Богъ и дарова намъ ученія благая да научимъ человѣки. Аще кто приметъ ученіе, смерти избудетъ [и] жизнь вѣчную получить въ царствіи небеснемъ. Аще хочещи и ты быти причастникъ Божій, а нашъ другъ, то шедъ на кажи жену свою и дѣти своя въ заповѣдяхъ Божіихъ пребивати,— и внидеши во царствіе Божіе". И рече имъ старецъ: „Аще вся сія соблюду, могу ли азъ таковая чюдеса творити, яко же вы творите на нивѣ моей". И рече Петръ: „Право глаголю тебѣ: аще соблюдеши вся сія, и сотвориши, еже хочещи". И рече старецъ: „Азъ печали не имамъ о сихъ чудесахъ. Но оставляю вся сія и пойду по васъ, аможе вы идѣте". И рече ему Петръ: „Не тако есть, но шедъ дай воли у кого взялъ еси, и возвѣсти женѣ своей и дѣтемъ, аже видѣвъ и разумѣвъ благодать Божію въ насъ, и устрои домъ свой; мы же шедъ почіемъ въ дому твоємъ, да почивъ и идемъ во градъ". Тогда старецъ пріимъ снопъ нивы тоя и обѣси на рамѣ своемъ и поймъ воли поиде во градъ, апостоли же поидоша въ домъ его. И видѣша гражене носяща снопъ и глаголаша ко старцу: „Откуда обрѣте нынѣ снопъ класенъ, скажи намъ,— яко и нѣсть нынѣ время жатвѣ". Онъ же не отвѣща имъ ничтоже, подвизашеся борзо въ домъ свой и тицашеся на устроеніе дому своего апостоломъ Христовымъ: того ради не отвѣщеваше ни ко единому ихъ. И яша его твердо и ведоша ко старѣйшинамъ града того. Они же видѣша чудо и удивишася, и рекоша: „Гдѣ еси взялъ?" Онъ же не хотѣимъ повѣдати. Они же претяху ему глаголюще: „Аще не повѣси право, то злою смертію умрети имаша, гдѣ еси обрѣлъ снопъ класенъ не во время жатвѣ". Онъ же рече имъ: „Азъ не убоюсь смерти вашея; азъ бо во истинну обрѣтохъ благодать. Да еще хотите разумѣти, истину, приведу къ вамъ пришедшая ко мнѣ человѣки. Яко быша на нивѣ моей, и азъ орахъ, они же пришедше со страны и просиша у мене хлѣба. Азъ же имъ рѣкохъ: поблюдите рала моего и

волу; азъ шедъ во градъ и принесу вамъ. И яко азъ придохъ на ниву мою и принесохъ имъ хлѣбъ, и обрѣтохъ пшеницу созрѣвшу, и бысть класъ. Азъ же то видѣхъ чудо и молихся имъ, дабы почили въ дому моемъ. И аще хотите ихъ видѣти, пождите ту, они бо почиваютъ въ дому моемъ, и азъ приведу ихъ къ вамъ". И тако отиде отъ нихъ. И приде дьяволъ всѣя въ сердца старѣйшинамъ, и собравшася вси, глаголюще другъ ко другу: „О горѣ памѣ! сіи человѣцы отъ Галилеи сѹть и оскверняютъ человѣцы; отъ ереси Пазаринина сѹть, и различаютъ мужа отъ жены, а жены отъ мужей. Да бы не вопли по градъ нашъ!" Ипѣи же глаголаху: „Токмо пять мужей; да шедъ убьемъ ихъ". Ини глаголаху: „Мы слышахомъ, имѣютъ учителя глаголемаго Иисуса, и чтѣ хотятъ, то и творятъ, и его же просятъ, и послушаетъ ихъ. И егда прогнѣваемъ я, то погубятъ градъ нашъ безъ останка, или потопъ наведутъ на градъ нашъ. И чтѣ сотворимъ человѣкомъ симъ?" Единъ же отъ нихъ исполнися ереси и рече имъ: „Аще хотите, послушайте мене; и не дадимъ влѣсти во градъ нашъ". Они же глаголаша ему: „Чтѣ имаши сотворити?" Онъ же рече имъ: „Слышите о человѣцѣхъ сихъ, яко ненавидятъ женска полу: да послушайте мене, обращете блудницу добрѣйшу паче всѣхъ, и ту поставимъ посредѣ вратъ градныхъ нагу, и украсимъ ю бисеромъ и помажемъ главу ея мастію. Они же воззрѣвше на ню и погибнутъ и не внидутъ во градъ нашъ". Они же скоро обрѣтоша жену любодѣйцу и снаша съ нея одежу, и украсиша ю златомъ и бисеромъ, яко научени быша, и поставиша ю посредѣ вратъ градныхъ, удуже хотѣще внити апостоли. И приближишася ко вратомъ апостоли, и увѣдѣша жену нагу и разумѣвше духомъ святымъ. И рече Андрей: „Видите ли, братіа, како вниде сотона въ сердца женѣ сей, да хоцетъ насъ искусити, и повелите ми, да пожню ея вашими молитвами". И рече ему Петръ: „Имѣши власть на ней, твори еже хоцеша". И ста Андрей глаголя: „Господи Иисусе Христе! Пустѣ Михаила архистратига, да обиситъ жену сію за власы на аерѣ, дондеже внидемъ во градъ сей, и проповѣдаемъ слово Божіе; и егда изыдемъ изъ града, и да снідетъ со аера". И абіе по словесѣхъ сихъ восхити ю ангелъ и повѣси за власы. И увѣдѣша гражене то чудо и удивившася глаголюще: „Оле видѣхомъ чудо велико". Тогда возони гласомъ великимъ глаголюще: „Да не имутъ покоя князя града сего, яко предаша мя на муку сію, азъ бѣхъ недостойна со всѣмъ градомъ симъ видѣти апостолъ Христовыхъ, входящихъ во градъ сей. Отпущаю (?) грѣхи вѣрующимъ въ ня. Да

изыдутъ ноцію изъ града сего, яже ми обрѣтохся живущей блудно, въ пагубѣ азъ отъ днешняго дне. Апостоли Господни, помолитесь о мнѣ, да избуду отъ страсти сія, се бо апостоли Христови многихъ свобожаете отъ страстей, и всякъ недугъ и всяку язву изцѣляете въ людѣхъ. Молитесь о мнѣ и свободите мя отъ многихъ грѣховъ, да отбѣжу отъ тмы прелести и похоти діавола и приду въ дивный его свѣтъ...”

(Еще слѣдуютъ нѣсколько строкъ, очень дурно переведенныхъ, и затѣмъ русская редакція прерывается; мы возвращаемся къ греческому тексту).

Тогда многіе изъ народа увѣровали во Христа ради слова жены той, и припадаѣи къ ногамъ апостоловъ, поклонялись имъ. Они же возлагали руки на нихъ и больныхъ въ городѣ исцѣляли, слѣпныя же подавали зрѣніе, глухимъ слышаніе, демоновъ изгоняли. Весь народъ славилъ Отца и Сына и Святаго Духа.

Былъ же въ городѣ одинъ богатъ, по имени Онисифоръ. Увидѣвъ знаменія, бываемыя чрезъ апостоловъ, онъ говоритъ имъ: „Если я увѣрю въ Бога вашего, то получу ли и я силу сотворить знаменіе, какъ вы?“ Отвѣчаетъ ему Андрей: „Если отречешься отъ всего имѣнія твоего и отъ жены своей и отъ дѣтей своихъ, какъ и мы отрелись, тогда и ты будешь творить знаменія“. Услышавъ это, Онисифоръ исполнился ярости, и взявъ свой поясъ (λέντον = lintum, περικεσμία), бросилъ его на шею Андрея и сталъ бить его, говоря: „Ты — чародѣй (μαγъ), какъ ты заставляешь меня оставить жену мою, дѣтей и имѣніе?“ Тогда Петръ, обратившись и видя, что онъ бьетъ Андрея, говоритъ ему: „Человѣкъ, перестань бить Андрея!“ Говоритъ ему Онисифоръ: „Вижу, что ты разумнѣе его. Итакъ, скажи мнѣ, долженъ ли я оставить жену мою, дѣтей и имущество: чтó ты на это скажешь?“ Отвѣчаетъ ему Петръ: „Одно слово рѣку тебѣ: удобнѣе есть верблюду войти чрезъ игоныя уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе“. Услышавъ это, Онисифоръ еще болѣе исполнился гнѣва и ярости, и взявъ поясъ съ выи Андрея, бросилъ ее на выи Петра и такимъ образомъ волочилъ его, говоря: „Во истину ты великій волшебникъ (μάγος), большій того; ибо не входитъ верблюдъ сквозь отверстіе иглы. Если же ты покажешь мнѣ это чудо, то я увѣрю въ Бога вашего, и не только я, но и весь городъ; если же нѣтъ, то сильно будешь наказанъ посреди города“. Услышавъ это Петръ очень опечалился и потомъ, вставъ и воздѣвъ руки къ небу, молился говоря: „Владыко Господи Боже нашъ! Услышь меня въ часъ

сей; (иначе) они уловятъ насъ на словахъ твоихъ. Ибо ни пророкъ, ни патріархъ не глаголали, возвѣщая объясненіе ихъ, дабы мы узнали это толкованіе; они же теперь требуютъ отъ насъ сего толкованія съ дерзновеніемъ. Итакъ, ты, Господи, не презри насъ, ибо ты еси воспѣваемый отъ херувимовъ“.

Когда онъ сказалъ это, явился Спаситель, въ образѣ отрочати двѣнадцатилѣтняго, нося на себѣ похотняную бѣлую одежду (ὀρθόων), и рекъ имъ: „Держайте и не бойтесь, избранные мои ученики, ибо я съ вами есмь всегда. Пусть будетъ принесена игла и верблюдъ“. И сказавъ это, вознесся на небеса. Былъ въ этомъ городѣ одинъ торговецъ (πανταπώλης), увѣровавшій въ Господа чрезъ апостола Филиппа. Услышавъ это, онъ побѣждалъ и сталъ искать иглы, имѣющей большое отверстіе, желая сдѣлать угодное апостоламъ. Узнавъ это, Петръ говоритъ: „Сынъ, не ищи большой иглы; ибо не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь. Но лучше принеси намъ тонкую иглу. Когда жъ игла была принесена, и вся толпа городская собралась на зрѣлище, Петръ взглянувъ увидѣлъ идущаго верблюда и сказалъ, чтобы подвели его. Тогда онъ утвердилъ иглу въ землю и воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Во имя Іисуса Христа, распятаго при Понтіи Пилатѣ, повелѣваю тебѣ, верблюдъ, пройти чрезъ иглины уши“. Тогда отверстіе иглы отворилось на подобіе воротъ, и верблюдъ прошелъ чрезъ оное, и весь народъ видѣлъ это. Говоритъ опять Петръ верблуду: „Войди опять чрезъ иглу“. И вошелъ верблюдъ во второй разъ. Онисифоръ, увидѣвъ это, говоритъ Петру: „По истинѣ, ты великій волшебникъ; и я не повѣрю, если не пошлю самъ и принесу иглу и (приведу) верблюда“. И призвавъ одного изъ дѣтей своихъ, говоритъ ему тайно: „Иди и доставь мнѣ сюда верблюда и иглу. Найди такую жену оскверненную, и принудивъ ее, приведи сюда; ибо люди эти суть волшебники“. Но Петръ, духомъ своимъ узнавъ тайну, говоритъ Онисифору: „Пошли, приведи верблюда и женщину, и принеси иглу“. Когда жъ это было исполнено, то Петръ, взявъ иглу, укрѣпилъ ее въ землю; а женщина сидѣла на верблудѣ. Тогда говоритъ Петръ: „Во имя Господа нашего Іисуса Христа распятаго повелѣваю тебѣ верблюдъ, чтобы ты вошелъ чрезъ эту иглу“. Тотчасъ отворилось отверстіе иглы и сдѣлалось какъ ворота, и вошелъ чрезъ него верблюдъ. И говоритъ Петръ верблуду: „Войди опять чрезъ нее, дабы всѣ видѣли славу Господа нашего Іисуса Христа, и да увѣруютъ въ него нѣкоторые“. Тогда верблюдъ снова вошелъ чрезъ иглу. Онисифоръ, увидѣвъ это, воскликнулъ, говоря: „Во истину, великъ

Богъ Петра и Андрея, и я отнынѣ вѣрую во имя Господа нашего Иисуса Христа. Итакъ, послушай нынѣ рѣчей моихъ, Петръ. Я имѣю пивы, виноградники и поля; имѣю двадцать-семь литръ золота и пятьдесятъ литръ серебра; имѣю также многихъ рабовъ. Отдаю бѣднымъ все, что есть у меня, только чтобъ и я могъ сотворить чудо, какъ и вы". Петръ же опечалился, какъ бы силы не оказались для него не дѣйственными, такъ какъ онъ не принялъ еще печати во Христѣ. Когда онъ объ этомъ размышлялъ, голосъ съ неба говоритъ ему: „Повелѣваю тебѣ, сдѣлай ему что онъ хочетъ, и я исполню его желаніе". Говоритъ ему Петръ: „Иди, сынъ, сотвори, какъ и мы"... Онисифоръ подошелъ и сталъ предъ верблюдомъ и иглой и сказалъ: „Во имя..."

На этомъ кончается отрывокъ изъ дѣяній апостоловъ Петра и Павла *во градѣ варварскомъ*. Дальнѣйшія приключенія апостоловъ въ варварской странѣ остаются для насъ совершенно неизвѣстными. Мы знаемъ только, что городъ варваровъ не былъ послѣднею гранью путешествія апостола Андрея въ далекихъ фантастическихъ странахъ, гдѣ жили челоуѣкоядцы и варвары. Изъ коптскихъ отрывковъ „Дѣяній Вареолема", изданныхъ Цоегой и перепечатанныхъ Тишендорфомъ, мы знакомимся съ новымъ театромъ хожденій Андрея и его странниковъ.

3. Хожденіе въ страну Хазареновъ.

„Господь, явившись Вареолему, повелѣваетъ ему идти къ Пароянамъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ Македановъ или *Хазареновъ*. Вслѣдъ затѣмъ онъ приходитъ къ Андрею и повелѣваетъ ему, чтобъ онъ изъ земли *Варваровъ* направился къ *Казаренамъ*, отстоящимъ на сорокъ дней пути, и оттуда отправился съ Вареолемомъ къ Пароянамъ и Еламитами, и между прочимъ сказалъ: „Я пошлю вамъ челоуѣка изъ земли Кинокефаловъ (собачьихъ головъ), у котораго голова песья, и при его посредствѣ увѣрую въ меня".

Изъ другаго (втораго) сборника: „Андрей съ учениками Руфомъ и Александромъ отправляется изъ *города Варварскаго* въ область *Кадареновъ* (sic) и приходитъ къ морю, гдѣ на берегу является ему китъ, поглотившій некогда Іону; онъ поглощаетъ его вмѣстѣ съ его учениками, и скрывъ въ утробѣ своей въ продолженіе трехъ дней, переноситъ къ берегу Кадареновъ изъ области города *Рохонъ*" (Rochon).

Изъ перваго сборника: „Андрей, высаженный на берегу *Казаре-*

новъ близъ города Іериха (Jericho, то-есть, Рохона по другому списку), полагають, что онъ еще находится въ землѣ Варваровъ, пока не узналъ точнѣе о положеніи мѣстъ съ прибытіемъ Вареоломея, направляющагося въ Македанъ изъ Іериха, гдѣ онъ проповѣдывалъ евангеліе“.

Изъ втораго кодекса: „Андрей и Вареоломей изгоняють идоловъ изъ города, которымъ правилъ проконсулъ Галліонъ, и трижды брошенные въ огонь, выходятъ невредимыми. Послѣ того они разсѣкаются посредствомъ пилъ, и послѣ сожженія раздробленныхъ частей, пепелъ ихъ повергается въ море, гдѣ онъ поглощается китами; послѣ того идолы возвращаются въ городъ. По истеченіи трехъ дней Богъ заставляеть кита, чтобъ онъ изрыгнулъ апостоловъ“.

Изъ втораго сборника въ концѣ: „Когда народъ сидѣлъ въ театрѣ, кинокефалъ, названный христіаниномъ, пожираеть двухъ львовъ и наводитъ на всѣхъ такой ужасъ, что они начинаютъ бѣжать изъ города; но тѣ же апостолы окружають городъ огненною стѣною, чтобы никто не могъ выйти. Тогда тѣснимые и кинокефаломъ, и огнемъ, жители съ мольбами обращаются къ апостоламъ, по повелѣнію которыхъ кинокефалъ обращается въ отрока смиреннѣйшаго нрава. Вареоломей даетъ ему имя Пистосъ (Вѣрный), обѣщая ему небесное царство и безсмертную славу, ибо при помощи его этотъ народъ былъ обращенъ къ вѣрѣ,—и держить рѣчь къ народу, что они спасутся, если, оставивъ идоловъ, исповѣдуютъ Святую Троицу. Тогда весь народъ принимаетъ вѣру къ негодованію жрецовъ идольскихъ“.

4. Мученіе Апостола Андрея въ Ахаіи,

Если существовало особое сказаніе о томъ, что апостолъ Андрей совершилъ на пути отъ Понта въ Ахаію, изложенное въ формѣ разказа его учениковъ, то отъ него не дошло до насъ никакихъ остатковъ. Впрочемъ можетъ быть, что страны, лежавшія на пути отъ Чернаго моря въ Грецію, были тѣ самыя области антропофаговъ и другихъ свирѣпыхъ или чудовищныхъ людей, о которыхъ идетъ рѣчь въ сохранившихся отрывкахъ Андреевой саги, и что именно приключеніемъ въ этихъ областяхъ были описаны очевидцами, тогда какъ въ другихъ отдѣлахъ разказъ былъ веденъ отъ имени самого апостола. Только въ послѣдней части хожденій Андрея, именно въ сказаніи объ его мученической смерти въ Ахаіи, сохранилась та форма, которая первоначально существовала въ сочиненіяхъ Леуція Ха-

рина. Это сказаніе носитъ такіа надписанія, которыя прямо указываютъ на принадлежность его къ болѣе обширному цѣлому. Въ надписаніяхъ говорится о „Дѣліяхъ“ и смерти апостола Андрея, или о „Хожденіяхъ и мученіи“ апостола Андрея, а въ самомъ сказаніи мы читаемъ только о послѣдней его судьбѣ или о кончинѣ въ Патрахъ Ахейскихъ. Притомъ даже въ границахъ теперешняго содержанія, обнимающаго одну Ахаію, настоящая редакція апокрифа все-таки многое оставляетъ недостаточно мотивированнымъ и темнымъ, то-есть, указываетъ на очевидныя пробѣлы, особенно въ началѣ.

Пресвитеры и діаконы церквей Ахаіи, обращенные къ истинной вѣрѣ апостоломъ Андреемъ, въ формѣ окружнаго посланія ко всѣмъ церквамъ Христовымъ на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ пишутъ о томъ, что они видѣли собственными глазами: Проконсулъ Ахаіи Егеатъ (Αἰγάτης), вошедши въ городъ Патры, сталъ принуждать вѣрующихъ къ идолослуженію. Апостолъ Андрей, увидѣвъ это, явился къ нему съ обличеніемъ и проповѣдью. Долгая бесѣда апостола съ проконсуломъ кончилась тѣмъ, что послѣдній приказалъ заключить Андрея въ темницу. Но это вызвало волненіе во всей провинціи; народная толпа, собравшаяся во всѣхъ сторонѣхъ, грозилъ проконсулу убійствомъ и пыталась освободить апостола, выломавъ двери его темницы. Апостолъ усмирилъ возстаніе, напомнивъ народу о христіанскомъ долготерпѣніи, тишинѣ и покорности и о маловажности земнаго страданія въ сравненіи съ вѣчнымъ. На другое утро Егеатъ снова приказалъ привести къ себѣ Андрея и уже съ своей стороны старался склонить его къ перемѣнѣ вѣры, такъ какъ его примѣръ долженъ былъ несомнѣнно подѣйствовать на обольщенный имъ народъ и повести къ возстановленію поклоненія идоламъ. „Не оставалось ни одного города въ Ахаіи, въ которомъ храмы не были бы покинуты и не запустѣли“, жаловался проконсулъ. Отвѣтъ на безумное праглагошеніе, сопровождаемое разными приманками и обѣщаніями дружбы и почестей, былъ таковъ, какого и слѣдовало ожидать. Раздраженный проконсулъ подвергнулъ апостола пыткамъ и разнымъ истязаніямъ, а когда это не подѣйствовало, сталъ грозить распятіемъ на крестѣ и потомъ дѣйствительно привелъ угрозу въ исполненіе. Приведенный къ орудію казни, Андрей обратился къ кресту съ восторженнымъ привѣтствіемъ, снялъ съ себя одежду, раздѣлилъ ее между братіей вѣрующей и пригласилъ палачей исполнить ихъ дѣло. Согласно съ приказаніемъ, полученнымъ отъ проконсула, палачи не пригвоздили къ кресту рукъ и ногъ апостола, а только привязали

ихъ веревками, потому что Егеать хотѣлъ, чтобы послѣ долгихъ мученій тѣло еще живаго апостола было разтерзано псами.

Вися на крестѣ, Андрей улыбнулся, и это замѣтилъ Стратоклъ, находившійся въ среди двадцатитысячной толпы вѣрующихъ, бывшихъ зрителями казни. Нужно сказать, что выше не было никакого упоминанія о Стратоклѣ, и только послѣ узнаемъ мы, что это былъ братъ проконсула, обращенный Андремъ къ вѣрѣ во Христа. Теперь онъ вопрошилъ своего учителя о причинѣ его улыбки и получилъ въ отвѣтъ, что причина ея была мысль о тщетѣ усилій Егеата.... Затѣмъ послѣдовала бесѣда съ окружающимъ народомъ, и она продолжалась въ теченіе трехъ сутокъ, при чемъ никто изъ вѣрующихъ не думалъ уходить. На четвертый день народъ снова возмутился, и явившись къ проконсулу, требовалъ освобожденія праведнаго мужа, неправильно осужденнаго на казнь. Егеать сначала упорствовалъ, но грозный видъ двадцатитысячной толпы, готовой перейти къ насилію, испугалъ его, и онъ далъ обѣщаніе исполнить волю народную, даже самъ отправился ко кресту съ этою цѣлію. Апостолъ былъ предупрежденъ о приближеніи Егеата и о его намѣреніи. Жены, находившіяся около креста, въ числѣ коихъ находилась и Максимиλλα, опять выше не упомянутая, возрадовались; но апостолъ обратился къ пришедшему проконсулу съ воззваніемъ, что онъ пришелъ напрасно и не можетъ освободить того, кто уже давно свободенъ. Палачи, а за ними и вѣрующіе, пытались снять его со креста, но не могли этого сдѣлать, потому что руки ихъ были поражены безсиліемъ. Вслѣдъ затѣмъ апостолъ обратился къ Богу съ молитвой о дарованіи ему кончины, такъ какъ пришло время тому. Возблисталъ свѣтъ, какъ будто молнія, и это продолжалось въ теченіе получаса, пока апостолъ не испустилъ духа. Послѣ кончины апостола Максимиλλα при помощи Стратокла сняла тѣло апостола и ночью предала его погребенію въ собственной гробницѣ и съ великою честію. „Она была въ разводѣ съ Егеатомъ ради его звѣрскаго права и беззаконнаго поведенія; избравъ жизнь честную и спокойную, она прилѣпилась къ любви Христовой и блаженно проводила жизнь съ братіей“.

Егеать старался отклонить ее отъ этого обѣщаніями отдать въ ея власть все свое имущество, но когда это не произвело дѣйствія, то задумалъ принести цезарю жалобу на нее и на весь народъ. Но прежде чѣмъ онъ исполнилъ свое намѣреніе, онъ погибъ жалкимъ образомъ, низвергнутый съ высокаго мѣста діаволомъ. Братъ его, Стра-

токлъ, велѣлъ похоронить его вмѣстѣ съ самоубійцами и ничего не захотѣлъ взять изъ оставшагося наслѣдства.

Изъ вышеупомянутаго мѣста въ сочиненіи Еводія „О вѣрѣ“ противъ Манихеевъ, а также на этотъ разъ изъ псевдо-Авдія, мы отчасти можемъ судить о томъ, что именно опущено изъ первоначальной редакціи сказанія, которое мы представили въ краткомъ, но точномъ извлеченіи. Мы приводимъ слова Еводія, а потомъ отрывокъ изъ Авдія въ подлинномъ, латинскомъ текстѣ:

„Attendite in actibus Leucii quos sub nomine apostolorum scribit, qualia sunt quae accipitis de Maximilla uxore Egetis, quae cum nollet marito debitum reddere, cum apostolus dixerit Uxori vir debitum reddat, similiter et uxor viro: illa supposuerit marito suo ancillam suam Eucliam nomine, exornans eam, sicut ibi scriptum est, adversariis lenociniis et fucationibus, et eam nocte pro se vicariam supponens, ut ille nesciens cum ea tamquam cum uxore concumberet. Ibi etiam scriptum est quod cum eadem Maximilla et Iphidamia simul issent ad audiendum apostolum Andream, puerulus quidam speciosus, quem vult Leucius vel deum, vel certe angelum intelligi, commendaverat eas Andreae apostolo et perrexerit ad praetorium Egetis, et ingressus cubiculum earum finxerit vocem muliebrem quasi Maximillae murmurantis de doloribus sexus feminei et Iphidamiae respondentis: quae colloquia cum audisset Egetes, credens eas ibi esse, discesserit“.

Небольшой, приводимый ниже отрывокъ изъ Авдія Вавилонскаго относится къ началу дѣятельности апостола въ Ахаин: „Interea dum haec fierent apud Patras, contigit ut abeunte Proconsule in Macedoniam, Maximilla uxor verbis salutaribus instructa, in tantum beato apostolo adhaereret, ut reversus Praeses parum abfuerit, quin uxorem et magnam insuper hominum multitudinem in praetorio cum apostolo audientes verbum salutis invenisset. Quod praesentiens beatus apostolus flexit genibus, ne patiaris, inquit, Domine, ingredi proconsulem in hunc locum donec omnes egrediantur exinde. Quod cum fecisset, antequam Proconsul praetorium fuisset ingressus, accidit illi voluntas purgandi ventris: cumque secessum petisset et moras innecteret, s. apostolus singulis manus imponens et consignans cruce, eos abire permisit, novissime autem se signans et ipse, discessit. Maximilla autem jam et antea et post illa tempora saepe domum, ubi apostolus morabatur, cum aliis christianis ingrediebatur et verbum Domini audiebat. Qua ex re factum est, ut rarius marito suo commisceretur. Quod ille aegre ferens, et caussam in apostolum conjiciens, Andream accersit...“

Далѣе совершенно сходно съ апокрифомъ.

Нужно прибавить, что и позднѣйшія повѣствованія о смерти апостола Андрея не только во всемъ главномъ согласны съ апокрифическимъ сказаніемъ, но даже часто обнаруживаютъ подробности, которыя въ немъ первоначально должны были непремѣнно стоять на своемъ мѣстѣ, и только послѣ, въ нашей редакціи сказанія, изгладились. О Максимилѣ, напримѣръ, большею частію прямо говорится, что она, послѣ своего обращенія Андреемъ, отказалась раздѣлять брачное ложе со своимъ супругомъ Егеатомъ, и что это именно было прямою причиною гоненія со стороны послѣдняго: черта, которая, какъ извѣстно, носитъ еще слѣдъ гностической тенденціи.

Что касается Матеія, который былъ виномъ путешествія апостола Андрея во градъ челоѡкоядцевъ, то послѣдняя судьба его разказана въ особомъ апокрифѣ, носящемъ заглавіе „Дѣяніе и мученичество св. *Матѣя апостола*“: такъ значитъ во всѣхъ изданіяхъ и въ рукописяхъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчь идетъ о томъ же самомъ лицѣ, которое въ другомъ хожденіи называлось Матеіемъ. Для насъ важно здѣсь только начало. Когда св. апостолъ и евангелистъ находился въ уединеніи *на юръ*, ему явился Христосъ и сказалъ ему: „Нинѣ, Матеѣй, возьми этотъ жезлъ мой, сойди съ горы и ступай въ Мирну (*Μίρνη*), городъ челоѡкоядцевъ, и посади его въ землю (то-есть, жезлъ) у преддверія той церкви, которую основали ты и Андрей: какъ скоро ты его посадишь, онъ превратится въ большое и высокое дерево, и разстинутся вѣтви его на 30 локтей, и плодъ каждой вѣтви будетъ отличенъ отъ другихъ на видъ и на вкусъ, и съ вершины дерева будетъ стекать медъ во многомъ количествѣ, а отъ корня его выйдетъ большіой источникъ, напоющій окрестную страну, и въ немъ будутъ мыться анеропофаги и вкушать отъ плода деревьевъ виноградъ и медъ, и измѣнятся тѣла ихъ, и видъ ихъ превратится въ такой, какъ у другихъ людей, и устыдятся наготы тѣлъ своихъ, и одѣнутся въ одѣжды отъ агнать овечьихъ (*ἀπὸ τῶν χρίων τῶν προβάτων*), и уже не будутъ ѣсть всякую нечистоту“. Когда апостолъ Матеѣй пришелъ во градъ челоѡкоядцевъ, то ему на встрѣчу вышли епископъ Платонъ, поставленный, очевидно, ранѣе апостоломъ Андреемъ, и духовенство (клиръ). Матеѣй исполнилъ повелѣніе Господа относительно жезла и сталъ крестить обращающихся. Онъ крестилъ жену царя, по имени Фулвану, и его сына, называемаго Фулваномъ, въ водѣ источника, изшедшаго изъ-подъ корня того чудеснаго древа, которое выросло изъ посаженнаго въ землю жезла. Царь, тоже по

часть CLXXXIX, отд. 2.

имени Фулванъ, былъ раздраженъ собственно не крещеніемъ своей жены и родныхъ, а тѣмъ, что они послѣ того сдѣлались неразлучны съ Матеѣмъ.—Опускаемъ дальнѣйшія подробности и замѣтимъ только, что апостолъ Матеѣй скончался вслѣдствіе мученій въ этой самой странѣ челоѣкоядческой.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БАЛКАНСКІЕ СЛАВЯНЕ, ВЪ ЭПОХУ ПОКОРЕНІЯ ИХЪ ТУРКАМИ.

Юш да видиш, добар побратиме,
Ту неслоге Српске од старине!

(В. С. Караџићъ, Српске пјесме, Кн. V. М. 1.
«Постанак књаза у Црнојгори»).

Оба славянскія государства, существовавшія въ средніе вѣка на Балканскомъ полуостровѣ—царство Сербское и Болгарское, имѣли одинъ общій характеръ, свойственный всѣмъ политическимъ организациямъ среднихъ вѣковъ: все, что ни происходило тогда въ Западной Европѣ, въ маломъ видѣ повторяется въ южно-славянскихъ государствахъ. Монархія Душана, подходя подъ общій обликъ всѣхъ тогдашнихъ монархій, въ основѣ своей имѣетъ раздѣльность сословій: *властельство* (дворянство), *духовенство* и *народъ*; власти имѣютъ большія привилегіи, которыя доставили имъ возможность усилиться до такой степени, что они въ силахъ были вести борьбу съ королями за свои сословные интересы. Исторія не представляетъ намъ примѣра борьбы сербскаго духовенства съ кралами. Оно, напротивъ того, находится въ исключительномъ положеніи, которое предоставили имъ Сербскіе короли, благодаря духу вѣка: въ Законникѣ царя Стефана Душана читаемъ, что всѣ церкви освобождены отъ „всѣхъ работъ малыхъ и великихъ“ ¹⁾ и несутъ одну повинность—„понос“, да и то только тогда, когда проѣзжаетъ самъ царь ²⁾; на нихъ работаютъ „люди церковные“: „И що соу села црковнаа и люде црковны, да негрѣдоу оу неропшинѣ царствами ни на сѣно, ни на шрапѣ, ни на винограды, ни на

¹⁾ Законникъ Душана по изданію Шафарика (Památky dějného písemnictví Jihoalování) статья 26.

²⁾ Ibid., ст. 23: «Цркованъ поноса да нѣсть, развѣ кѣда грѣдетъ како царь, тѣдаи да га днжоутъ».

единою работоу, ни малоу ни великоу. «отъ всѣхъ работъ освободи царство ми. *тъкмо да работаю цркви*» ¹⁾). Вслѣдствіе той же потребности вѣка, мы видимъ, что Сербскіе кралеи строятъ монастыри—„задушбины“, дѣлають разныя надачи имъ съ цѣлю имѣть своихъ молитвенниковъ, какъ при жизни, такъ и по смерти, и съ тѣмъ вмѣстѣ оставить о себѣ добрую память въ народѣ. Составители сербскихъ житій и лѣтописей тщательно передали намъ свѣдѣнія объ этихъ благочестивыхъ дѣяніяхъ Сербскихъ кралеи. Каждый Сербскій король считалъ своею нравственною обязанностію выстроить великолѣпную задушбину, да такую, по выраженію народнои пѣсни,

Да ю нигда у свѣту нема!
Нек се знаде царска задушбина,
Нек се знаде: есмо царовали! ²⁾.

Или въ пѣснѣ о построеніи Лазаремъ Гробельеновичемъ задушбины Раваницы:

Нек се сјаје, нек се моје знаје! ³⁾

Великіе сербскіе власти слѣдовали примѣру своихъ королей; для этого мы имѣемъ меньше данныхъ, но несомнѣнно, что это такъ было, съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, что властелинъ не могъ, безъ согласія царя, записать монастырю или церкви свою баштину ⁴⁾.

Говоря о властельскомъ сословіи, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о характерѣ его въ періодъ до Душана и послѣ Душана. Властельское сословіе, по своему матеріальному богатству, было въ состояніи отстаивать свои сословные интересы; но въ періодъ до Душана, оно пикогда не заявляло себя съ стремленіями сдѣлаться вполне независимымъ. Преслѣдуя свои сословные интересы, оно, въ періодъ до Душана, главнымъ образомъ отстаивало сербскую народность, на которую Греки оказывали не разъ уже прежде столь сильное вліяніе, что оно грозило совершеннымъ поглощеніемъ ея. Отсюда понятны протесты властелей противъ политики Сербскихъ кралеи, подвергавшихся греческому вліянію, которое успѣвало проникать въ

¹⁾ Законникъ Душана, ст. 35.

²⁾ Пѣсня помѣщена въ собраніи сочиненій А. О. Гильфердина, т. III: Босна, Сербія и Герцеговина, стр. 108.

³⁾ В. С. Караджичъ, Српске народне пјесме, кн. II, № 36 «Зидане Раваницы».

⁴⁾ Miklosich, Monumenta Serbica №. CXXV; Григоровичъ, Очеркъ путешес. по Европ. Турціи, №№ 24, 33 и 36.

сербскій дворъ чрезъ браки Сербскихъ королей съ греческими принцессами. Стефанъ Душанъ, принявъ титулъ самодержавнаго царя, не могъ допустить существованія такого властельскаго сословія съ его прежними потомственными правами; оно не удовлетворяло его видамъ, не было въ достаточной мѣрѣ подготовлено, чтобы великому монарху можно было на него положиться въ предпринимаемыхъ имъ преобразованіяхъ. Душану слѣдовало для его цѣли выдвинуть новое властельское сословіе, которое держалось бы не на потомственныхъ правахъ, а на личныхъ доблестяхъ. Такимъ образомъ, являются отдѣльныя личности съ правами на властельство, которыхъ самъ царь Стефанъ Душанъ возвышаетъ и отличаетъ пожалованіемъ новоучрежденнаго ордена св. Стефана; изъ нихъ онъ избираетъ высшихъ начальниковъ, первыхъ лицъ послѣ царской особы. Чрезъ посредство только такихъ лицъ Душанъ находилъ возможную централизацию своей обширной монархіи. Можно сказать, что борьба сербскаго боярства съ королями, длившаяся долгое время въ періодъ до Душана, подъ желѣзною рукою сего послѣдняго прекратилась съ того времени, какъ онъ лицамъ, имъ же отличеннымъ, ввѣрилъ въ управленіе отдѣльныя обширныя области. Эти его намѣстники были представителями личной особы самого царя, дѣйствовали въ интересахъ царскихъ, а не своихъ личныхъ. На первыхъ порахъ мысль Душана о централизациі своей монархіи пришла въ исполненіе, и навѣрное, этотъ порядокъ вещей съ теченіемъ времени сдѣлался бы вполне естественнымъ и необходимымъ въ воззрѣніяхъ всего властельскаго сословія, еслибы дольше пробыло оно подъ желѣзною рукою Стефана Душана. Но великій повелитель, при столь благоприятныхъ для утвержденія величественной южно-славянской монархіи обстоятельствахъ, неожиданно умеръ въ 1355 г., въ походѣ съ 80,000 войскомъ на Константинополь. Благодаря энергической дѣятельности и несомнѣннымъ военнымъ талантамъ Стефана Душана, владѣніе Неманичей достигло апогея его могущества и славы. Незначительное Сербское государство, въ періодъ предъ вступленіемъ Душана на сербскій престолъ (собственная Сербія, Зета и Хлумъ [въ Боснѣ]), подъ управленіемъ сего послѣдняго распространяетъ свои предѣлы далеко на югъ—во владѣнія Византійской имперіи: Албанія, сѣверная часть Эпира, Этолія, Фессалія и вся Македонія сдѣлались достояніемъ рода Немани. Отъ Венгріи Душанъ отнялъ Срѣмъ. Въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Сербскому царю находились Болгар-

ское царство, Боснійскій банъ, часть Далмаціи и Дубровникъ (?) ¹⁾. При такихъ-то условіяхъ у Душана возникъ очень важный планъ—основать одно Восточное царство. Походомъ на Константинополь онъ рѣшилъ покончить съ полумертвою Византіей; но судьба не дозволила ему выполнить этотъ величественный планъ. Для его осуществленія потребовалось бы столѣтіе, быть можетъ, два или три, и ко времени окончательнаго покоренія Турками южныхъ Славянъ, очень вѣроятно, установились бы прочныя связи между всѣми частями новой монархіи. Къ тому не мало способствовало бы и единство православной вѣры, которую исповѣдывали Сербь, Болгаре и Греки. А учрежденіемъ намѣстничествъ мудрый монархъ уже въ то время, въ половинѣ XIV вѣка, положилъ начало правильному развитію основанной имъ монархіи. Напрасно многіе въ раздѣлѣ Душаномъ его монархіи на намѣстничества видятъ причину ея паденія; еслибы, дѣйствительно, въ этомъ раздѣлѣ заключалась главная причина паденія, слѣдствія обнаружались бы—если не одновременно со смертію Душана, то несомнѣнно въ первые два-три года, когда юной монархіи пришлось вынести тяжелое испытаніе: въ 1356—1357 годахъ Греки въ союзѣ съ Турками дѣлаютъ нападеніе на сербскіе предѣлы, но испытываютъ совершенное пораженіе ²⁾; въ то же время на схизматиковъ-Сербовъ собирается 100.000 крестоносное войско ³⁾, но дальновидный Венгерскій король Людовикъ I Великій нашелъ необходимымъ обратить эти силы прежде на союзницу Сербіи—Венецію, которая уже отправила было вспомогательное войско сербскому правителю. Въ эти тяжелые дни испытанія для юной монархіи всего легче могли обнаружиться слабыя стороны ея: тогда немедленно послѣдовало бы неудержимое отпаденіе присоединенныхъ областей, стоявшихъ подъ управленіемъ отдѣльныхъ намѣстниковъ; но мы видимъ, что областные намѣстники, въ первые годы послѣ смерти Душана, остаются вѣрными исполнителями воли умершаго монарха. Въ чемъ же, спрашивается, кроется причина, по которой единодушіе намѣст-

¹⁾ Естественно, такимъ образомъ, что отнимъ съ судьбою Сербскаго царства соединилась судьба всѣхъ прочихъ южно-славянскихъ областей.

²⁾ Въ Трошошской лѣтописи (*Гласник оружтва србске словесности*, св. V, стр. 70) читаемъ: «Таме ирци ощутивше смерть силлага Стесана дають вѣдомость туркомъ, который чрезъ ихъ земли на Македонію и предѣлы сербскія наступитъ, иже волакишии сретаеъ и разбиваеъ всю силу ихъ».

³⁾ Fessler (*Geschichte von Ungarn*, въ передѣлѣ Клейна ч. II, стр. 134) заимствуетъ это свидѣніе у Fleury, *Hist. eccles.* XXIV, 147 и Katona, X, 100.

никовъ вскорѣ нарушилось, вслѣдствіе чего гибнеть и великое дѣло царя Душана? Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что только опасность извнѣ заставила намѣстниковъ на первыхъ порахъ дѣйствовать согласнo; миновала же опасность, и своекорыстные цѣли ихъ не замедлили обнаружиться. Нельзя, конечно, винить и Душана, что сербское властельство не успѣло еще свыкнуться съ новымъ порядкомъ вещей; на это нужно было время, или по крайней мѣрѣ, достойный преемникъ Душана, который охранялъ бы съ энергіей этотъ новый порядокъ вещей, и всего этого судьба лишила юную монархію. Возвышенные и отличенные самимъ Душаномъ, его намѣстники остались съ тѣми же властельскими понятіями, какія такъ недавно преобладали въ Сербской землѣ, и къ тому, въ добавокъ, съ нѣкоторою примѣсью новыхъ идей, которыя совершенно измѣнили это новое властельское сословіе; оно имѣетъ въ виду не интересы отечества, а свои личныя выгоды. Въ то время, какъ старое властельское сословіе утратило силу, новое, то-есть, главные представители его — намѣстники, устремили свои взоры на другую цѣль — на присвоеніе себѣ независимой власти, а самый сильный изъ нихъ, Вукашинъ — на обладаніе самимъ престоломъ Немани. Цѣль ихъ была достигнута.

Во время борьбы властельства съ королями, Сербскій народъ живетъ своею отдѣльною жизнію: онъ почти не принимаетъ участія въ этой борьбѣ. Говоримъ „почти“, потому что народъ не игралъ никакой самостоятельной роли: онъ выходилъ на ратный бой на той или другой сторонѣ, смотря къ тому, на чьей землѣ жилъ — на церковной, властельской или царевой. Хотя вся земля именовалась „царева земля“¹⁾, все-таки каждый властель въ собственной землѣ правилъ какъ полный собственникъ, и люди, проживавшіе на его землѣ, должны были нести повинности главнѣйшимъ образомъ по отношенію къ своему ближайшему господину; этотъ же послѣдній, признавая надъ собою верховное главенство короля, долженъ былъ выставять, въ случаѣ общей войны, извѣстное число ратниковъ. Иначе можно сказать, народъ не имѣлъ политическаго значенія, и это было утверждено закономъ. Въ Законникѣ Стефана Душана читаемъ статью, которою устраняется всякая возможность участія народа въ государственныхъ дѣлахъ: „сѣброва сѣбора да нѣсть, кто ли се обрѣщеть сѣборникъ, да

¹⁾ Законникъ Душана, статьи, 119, 154, 194.

моу се оушн оурѣжита, и да се осмоудеть подвочіе" ¹⁾). Обреченный установившимися обычаями, которые впоследствии получили силу закона, на полное безучастіе въ государственныхъ дѣлахъ, Сербскій народъ предался мирнымъ занятіямъ—хлѣбопашеству, скотоводству. Положеніе земледѣльческаго класса въ Сербскомъ государствѣ того времени далеко оставляло за собою положеніе земледѣльческихъ классовъ во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ. Совершенное благосостояніе земледѣльческаго класса у южныхъ Славянъ привлекло въ нихъ землю иноземцевъ не въ видахъ только коммерческихъ, но и съ тѣмъ, чтобы тамъ поселиться. Въ одной грамотѣ ²⁾ Стефана Дечанскаго, отца Душанова, читаемъ, что онъ заселилъ опустѣвшія земли „отходцами изъ чужой земли“; а Григорій Цамблакъ въ „житіи“ Стефана Дечанскаго ³⁾ свидѣтельствуетъ, что въ Сербіи было такое благосостояніе, „іако и мнози изъ далече своа отчѣства оставляти и тамо прѣходити“. Конечно, покидалъ свое отечество, свой замокъ не баронъ или графъ, а народъ нуждающійся, народъ, ищущій средствъ къ жизни; прибывавшіе въ южно-славянскія земли иностранцы не занимали, такимъ образомъ, въ новой землѣ правительственныхъ должностей, а предавались тому роду занятій, которыя требовали побольше рабочихъ силъ. Такой недостатокъ рабочихъ силъ ощущался больше всего при обработкѣ земли и разработкѣ рудниковъ. На сколько успѣшно въ Сербіи производилась разработка рудниковъ уже въ первой половинѣ XIV вѣка, свидѣтельствуетъ французскій путешественникъ Броккардъ, посѣтившій Сербію въ 1332 году, въ сочиненіи: „Directorium ad raryagium faciendum“ ⁴⁾. Представляя Филиппу Валуа планъ новаго крестоваго похода для освобожденія Іерусалима, Броккардъ дѣлаетъ замѣчаніе о Сербіи слѣдующаго рода: „Сербія имѣетъ пять золотыхъ рудниковъ и пять серебряныхъ, страна плодородная, богатая, настоящее украшеніе“; онъ побуждаетъ короля обратить все свое вниманіе на занятіе этой страны, для чего, говоритъ, потребуется и немного военныхъ силъ — всего лишь 1.000 всадниковъ и 6.000 пѣхотинцевъ. Увлечшійся Французъ предполагалъ съ такимъ незначительнымъ войскомъ покорить Сербію въ

¹⁾ Ibid. ст. 61, стр. 35.

²⁾ Miklovich, Monumenta Serbica, № LXII.

³⁾ Гласник србског ученог друштва, св. XI, стр. 67.

⁴⁾ Выдержки изъ этого сочиненія сдѣланы Іоанномъ Крстичемъ въ статьѣ: «О историчной важности упомена старіи путника неки» (Гласник, св. VI, стр. 211).

тотъ самый моментъ, когда бразды правленія Сербскимъ государствомъ принялъ (1331 г.) великій и геніальный король Стефанъ Душанъ!

Вспомнимъ, что мы сказали о сербскомъ властельскомъ сословіи и Сербскомъ народѣ. Мы видѣли, что въ то время, какъ власти пользовались большими правами, народъ оставался съ тѣмъ однимъ правомъ, что не былъ внѣ закона. За всѣ свои дѣйствія онъ подвергался строгой отвѣтственности предъ судомъ закона — и значительно большей, нежели тѣ же самые власти. За что „властелинъ“ подвергался денежному штрафу, за то „себръ“ наказываемъ былъ самымъ жестокимъ образомъ ¹⁾. Богадѣльни при монастыряхъ и церквахъ были переполнены нищими, но такого рода, которые обвиняли не отъ того, что отъ природы лишены были они возможности снискивать себѣ пропитаніе, а по силѣ закона: рѣшеніемъ жестокаго суда одинъ, въ полномъ цѣлѣ силъ, наказанъ за проступокъ лишеніемъ руки, другой — лишеніемъ глазъ, а иной, языка, и потому должны попрошайничать. Съ размноженіемъ нищихъ, усилилась милостыня богатаго, привилегированнаго класса. Милостыня эта выражалась въ равной мѣрѣ въ устройствѣ богадѣленъ при монастыряхъ и церквахъ, какъ и въ отдѣльномъ подаваніи. Исторія сохранила намъ фактъ, до какой степени преемникъ Сербскаго князя Лазаря, сынъ его деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, былъ щедръ на эти подаванія. Въ Трношской лѣтописи ²⁾ читаемъ слѣдующее: „скажетсѣ ѿ превеликой милостыни (сего) Стефана, како-всегда, егда живаше въ мирѣ, по всѣмъ ноци прешблеховашесѣ и хождаше по улицахъ оубогихъ и всѣкаго оудовольствоваше“. Дальнѣйшія слова лѣтописи—отвѣтъ нищаго на укоръ деспота Стефана, за чѣмъ онъ крадетъ часть другихъ нищихъ, принимая самъ подаваніе три раза,—очень характерны и показываютъ намъ—если можно только на этомъ одномъ свидѣтельствѣ дѣлать заключеніе—взглядъ народа на милостыню богатаго класса: „ѿ бо серебро твое и часть братій моихъ краду, тиже серебромъ тимъ крадешъ царство небесное“. Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ — невольпо рождается вопросъ — была условливаема эта щедрая милостыня не только деспотъ Стефана Лазаревича, о коемъ лѣтопись сохранила такой щекотливый фактъ, но и всѣхъ вообще Сербскихъ королей и всего привилегированнаго класса?

¹⁾ Законникъ Душана, статьи 46, 47, 81.

²⁾ Гласник, св. V, стр. 98.

Самый естественный отвѣтъ на этотъ вопросъ: духъ времени. Множество монастырей и при нихъ богадѣленъ свидѣтельствуютъ сколько о набожности народа, столько же и еще болѣе о безнравственномъ состояніи его. По средневѣковымъ понятіямъ, грѣхъ, содѣянный сегодня съ вечера, можно на другое утро загладить извѣстнаго рода покаяніемъ. Эта щедрая милостыня — явленіе, не исключительно принадлежавшее Сербскому государству, а присущее всѣмъ средневѣковымъ европейскимъ государствамъ.

Какое же заключеніе можно сдѣлать изъ этихъ фактовъ? Нельзя ли по нимъ составить себѣ понятіе о томъ уровнѣ нравственнаго и умственнаго состоянія, на коемъ Сербскій народъ находился въ моментъ наплыва въ его земли Турокъ? Суровость закона обуславливается неувѣжествомъ и грубостію нравовъ. Всякій, читая Законникъ Душана, не можетъ не видѣть, что въ сербскомъ обществѣ того времени господствовала грубость нравовъ. Такія преступленія, какъ убійство ¹⁾, воровство, разбой ²⁾, насиліе ³⁾, пьянство ⁴⁾, поджигательство ⁵⁾, наѣздъ ⁶⁾, подлогъ ⁷⁾, открытое присвоеніе чужой собственности, побѣги ⁸⁾ и другія, свидѣтельствуютъ о первоначальной грубости народа, а не о развращеніи, при которомъ бываетъ иной родъ преступленій. Равнымъ образомъ, простота судебныхъ разбирательствъ, при помощи различныхъ доказательствъ — пороты и присяжныхъ ⁹⁾, свода ¹⁰⁾, служитъ доказательствомъ патріархальности, а съ тѣмъ вмѣстѣ неиспорченности общества. Мы не имѣемъ свода болгарскихъ узаконеній, подобнаго Законнику Душана; по по двумъ хрисовуламъ ¹¹⁾, даннымъ Болгарскими царями Хиландарскому монастырю (1-й данъ Константиномъ Асѣнемъ, а 2-й, отъ 1348 г., Іоанномъ Александромъ Асѣнемъ), можемъ сдѣлать вѣрное заключеніе, что нравственное

¹⁾ Законникъ Душана, статьи: XXV, XLII, XLIV.

²⁾ Ibid., статьи: LXXI, LXXII (122—27), XCIV.

³⁾ Ibid., ст. XVI.

⁴⁾ Ibid., ст. CII.

⁵⁾ Ibid., ст. XLVI.

⁶⁾ Ibid., ст. XLVII.

⁷⁾ Ibid., ст. LXVIII.

⁸⁾ Ibid., ст. LXX, XCIV и § 205.

⁹⁾ Ibid., ст. LXXIV, 163, XCI.

¹⁰⁾ Ibid., ст. 79, 143, 193.

¹¹⁾ Списаны пров. Тригоровичемъ и изданы въ Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи, стр. 39—40.

состояніе Болгаръ ничѣмъ не разнилось отъ состоянія Сербовъ: такова же грубость нравовъ господствовала въ Болгарскомъ царствѣ, какъ и въ Сербскомъ. Въ первомъ хрисовулѣ упомянуты слѣдующія дѣла, подлежащія суду игумена: *вражда, разбой, конска кража, при-селица*; во второмъ вообще упомянуты „*любы мамы и юльми: фунъ* (φόνος), *распустъ, разбой, конскы тать*“.

Въ то время, какъ простой народъ погрязалъ въ грубости, высшіе слои сербскаго общества стали перенимать развращенные нравы испорченнаго греческаго общества. Болѣзненная изнѣженность совершенно перемѣнила прежнее дѣятельное властельское сословіе. Довольно прочесть двѣ пѣсни изъ Сборника Кароджича №№ 27 и 28, чтобы видѣть, какъ мѣтко охарактеризовалъ народъ свое изнѣженное властельство. Обѣ пѣсни представляютъ пиръ у царя Душана, въ которомъ принимаютъ участіе четыре патріарха, девять владыкъ, двѣнадцать визировъ (намѣстниковъ) и много другихъ господарей:

Док се царе виномъ накајно,
Слуге њнега изъ стола дигоше,
Узеше га за оба пауза,
Однијеше га у ложницу,
Простријеше три мека душека, ¹⁾
У душеке цара положише.

Спать же долго: уже заутрени отошла, и къ обѣднѣ звонятъ—тогда только слуги поднимаютъ его изъ „мека душека“, отводятъ въ „бѣлую церковь“ къ обѣднѣ; а послѣ обѣдни опять царь садится за серебряный столъ и пьетъ съ сербскими господами „ракію“. Въ угоду своему повелителю, не желая подвергнуться опалѣ, сербскіе господа ни въ чемъ не прекословятъ ему и одобряютъ противозаконное требованіе царя—взять въ жену свою сестру Кандасію; они предъ лицомъ самодержавнаго не имѣютъ никакого голоса, за то прекрасно льстятъ, а царь, въ свою очередь, относится къ нимъ недоувѣрчиво. Трудно опредѣлить, на сколько вѣрно переданъ тутъ фактъ, касающійся образа жизни Стефана Душана; несомнѣнно вѣрное заключеніе изъ пѣсни можно вывести то, что реформы царя Душана не нашли себѣ сочувствія въ народной массѣ.

Къ довершенію бѣды, образованіе стояло на низкой степени. Благотворное вліяніе просвѣтительной дѣятельности перваго сербскаго архіепископа, св. Саввы, перваго (по выраженію сербскихъ книжни-

¹⁾ Постель, матрацъ.

ковъ) наставника всей Сербской земли ¹⁾, съ теченіемъ времени прекратилось: на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, въ XIV и XV вѣкахъ, едва осталось два пункта, гдѣ сохранилось прежнее процвѣтаніе письменности—это Аеоны и Терновъ ²⁾.

Сербскому государству, такимъ образомъ, грозила великая опасность: при дальнѣйшемъ подобномъ ходѣ дѣлъ оно неизбежно должно было склониться къ паденію.

Нельзя не предположить—и это предположеніе будетъ имѣть значительную долю вѣроятности, что гениальный Душанъ понялъ это безвыходное положеніе Сербскаго государства, и потому, по вступленіи на престолъ, съ величайшею энергіей сталъ принимать мѣры для отстраненія предстоявшей гибели. Мы уже выше сказали, какъ онъ уничтожилъ старое, горделивое, бесполезное властельство, какъ онъ выдвинулъ личности, не имѣвшія потомственныхъ правъ на властельство, но заслужившія ихъ своими талантами. Значить, Стефанъ Душанъ понялъ, что только распространеніе, въ самомъ скоромъ времени, просвѣщенія въ сербскомъ обществѣ можетъ предотвратить неизбежную гибель. Это послѣднее заключеніе если еще не такъ ясно вытекаетъ изъ факта возвышенія Душаномъ новаго, пригоднаго для его плановъ властельства, то съ логическою послѣдовательностію можетъ быть выведено изъ слѣдующаго свидѣтельства Аппендины, что въ 1421 году несогласія между сербскимъ деспотомъ Стефаномъ Лазаревичемъ и Дубровникомъ дошли до такой степени, что Дубровницкая республика воспретила *сербскимъ дубушкамъ учиться въ женскихъ дубровницкихъ монастыряхъ* ³⁾. Начало такого воспитанія восходитъ ко времени правленія Стефана Душана. Полагаемъ такъ на томъ основаніи, что знаменитый сербскій писатель современникъ деспота Стефана, родомъ Болгаринъ изъ Терновскаго округа ⁴⁾, Константинъ Философъ, въ тщательномъ ⁵⁾ „жи-

¹⁾ *Starine*, кн. III: Коричная книга сербскаго письма XIII—XIV вв. по рукописи Новоіерусалимскаго монастыря; описана И. И. Срезневскимъ.

²⁾ Книги Константина Философа о правопису, по изданію Даничича въ *Starina*, кн. I, 1869 г., гл. 35, р. 38.

³⁾ *Appendini: Notizie storico-critiche sulla Repubblica di Ragusa*, para I. p. 229.

⁴⁾ Книги Константина Философа о правопису (*Starine*, I) гл. 1, стр. 1.

⁵⁾ См. мое изслѣдованіе: «Сербскія житія и летописи, какъ источники для исторіи южныхъ Славянъ, въ XIV и XV вв.» (*Славянский Сборникъ* 1876 г. т. III, отд. I).

тин" сего деспота не дѣлаетъ ни одного намека на этотъ многозначительный фактъ. Еслибы, дѣйствительно, такой образъ воспитанія впервые возникъ при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ, то Константинъ Философъ не преминулъ бы упомянуть о немъ. Да наконецъ, всякое сомнѣніе по этому поводу устраняетъ свидѣтельство одной дубровницкой лѣтописи, по списку Стуллича, что „*Стефанъ Душанъ 1351 года требовалъ отъ Дубровницкой республики молодыхъ образованныхъ людей; требованіе Душана было исполнено: отправлено было трое ученыхъ, которые играли важную роль въ его юсударствѣ*“¹⁾.

Поднятое Стефаномъ Душаномъ просвѣщеніе стало опять распространяться въ предѣлахъ Сербскаго государства, хотя, впрочемъ, далеко не въ прогрессивной послѣдовательности. Какъ на самый разительный фактъ, являющійся слѣдствіемъ благотворнаго вліянія поднятаго царемъ Душаномъ просвѣщенія въ Сербскомъ государствѣ, мы укажемъ на „слова“ княгини Евѣмїи, вдовы деспота Углеши, вышитыя золотомъ на шелковомъ покровѣ мученику, павшему въ Косовской битвѣ, князу Лазарю Гребельяновичу²⁾. А. О. Гильфердингъ, при всемъ своемъ строгомъ, хотя не совсѣмъ вѣрномъ приговорѣ о сербской письменности XIV и XV вв., высказался за несомнѣнное достоинство этого памятника³⁾. Подъ управленіемъ просвѣщеннаго и любившаго науки Сербскаго деспота Стефана Лазаревича (1389—1427 гг.), просвѣщеніе въ Сербскомъ государствѣ достигло значительныхъ результатовъ, сколько то можно заключать изъ свидѣтельства одной сербской лѣтописи („Стефанъ же деспотъ... многа писанїа прѣвѣдъ отъ грѣцескихъ писанїи, паче иныхъ прѣжде бывшихъ того“)“⁴⁾

изъ появленія въ тогдашней сербской литературѣ такихъ произ-

¹⁾ В. Макушевъ, Исследования объ историч. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, стр. 323: «1351. Il Rè di Bosnia domandò dai Ragusei gentiluomini giovani, e li furono mandati 3 savj, i quali ebbero grande autorità nel suo regno». Читатели тутъ нисколько не должны смущать отсутствіе имени Стефана Душана и титулъ «il rè di Bosnia»: дальнѣйшія слова той же лѣтописи: «1355. Mori il Rè di Bosnia, a 18 di Ibre», которыя несомнѣнно должно понимать по отношенію къ Стефану Душану, могутъ служить основаніемъ для вѣроятнаго предположенія, что призывалъ къ себѣ дубровницкихъ ученыхъ никто иной, какъ тотъ же Стефанъ Душанъ.

²⁾ Schafarik, Památky děvního písem. Jihoslav, p. 27—28; у Гильфердинга, Собраніе соч., т. III: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 196.

³⁾ См. Собраніе соч. А. О. Гильфердинга, т. III, стр. 196.

⁴⁾ Schafarik: Památky děvního písemnictví Jihoslovanský, отд. IV, стр. 62, — лѣтопись Карловачская.

веденій, которыя служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что въ ней совершился въ это время поворотъ къ лучшему ¹⁾. Кромѣ упомяну- таго уже произведенія Константина Философа „Животъ деспота Сте- фана“, стоитъ упоминанія еще одинъ трудъ того же Константина: „Книга Константина Философа о правопису“. Это послѣднее про- изведеніе писано имъ при жизни деспота Стефана и по вчинанію этого миролюбиваго правителя ²⁾. Оставляя въ сторонѣ всѣ его замѣ- чанія по грамматикѣ, упомянемъ здѣсь только о томъ, что прямо относится къ нашей цѣли и можетъ служить намъ нѣкотораго рода даннымъ для составленія понятія объ умственномъ и нравственномъ состояніи тогдашняго сербскаго общества. Изъ него мы узнаемъ, что на попрѣшѣ сербской письменности въ то время трудились „многіе добрые сербскіе издатели“ ³⁾; что у южныхъ Славянъ въ то время уже было извѣстно имя „Русскихъ“ и другихъ славянскихъ пле- менъ ⁴⁾, и наконецъ, тоже очень важное свидѣтельство слѣдующа- го рода: „*ѣако соуть нѣции, рѣше, отъ христѣанъ мнѣните, древнѣе „Еллинскѣе обычае, и по захоу сльнца не дають огнь, ни и по что поутрѣбно, и дѣни въ коихъ давати въ коихъ ми не износити из домоу своею ничьсоже, и вѣнимають ерештамы ови зли ови добри“. вѣнимають же и гласы пѣтламы, вранамъ, лисицамъ и инаа таковаа, чѣхъже аште не останутъ се, боуди анавема, анавема, анавема“* ⁵⁾. Изъ сего послѣдняго свидѣтельства можно сдѣлать такое заключеніе, что сербское общество XV вѣка нисколько не разнится по своимъ воз- зрѣніямъ отъ общества XIV столѣтія: оно оставалось также невѣжествен- но и сохраняло многіе остатки древнихъ своихъ языческихъ воззрѣній. Оно и понятно, почему такъ мало просвѣтился Сербскій народъ въ пе- ріодъ почти цѣлаго столѣтія. При усиленіи просвѣщенія въ Сербскомъ

¹⁾ Главными водителями въ этомъ дѣлѣ были книжники изъ Леона и Тер- нова: см. книги Константина Философа о правопису (*Starine*, кн. I, гл. 38, стр. 38).

²⁾ Ibid., гл. 38, стр. 40.

³⁾ Ibid., гл. II.

⁴⁾ Ibid., гл. 4: Константинъ Философъ въ своемъ трудѣ высказываетъ мнѣ- ніе, бывшее, по всей вѣроятности, въ его время въ ходу, о составленіи книж- наго славянскаго языка изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій: русскаго, сербскаго, болгарскаго, чешскаго, хорватскаго и босанскаго; онъ полагаетъ, что переводъ церковныхъ книгъ былъ сдѣланъ, собственно, на русскій языкъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ словъ изъ другихъ славянскихъ нарѣчій.

⁵⁾ Книги Константина Философа о правопису, гл. 29, стр. 34.

государствѣ, Стефанъ Душанъ имѣлъ, кажется, въ виду, главнымъ образомъ, высшее сословіе, а не „себровъ“. Уже одно узаконеніе: „себрова събора да несть“ ¹⁾ даетъ намъ право дѣлать заключеніе, что Стефанъ Душанъ, слѣдуя требованіямъ своего вѣка, не могъ допустить формальнаго просвѣщенія „себровъ“, что могло бы вызвать въ нихъ стремленіе къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ законъ воспрепятствовалъ это участіе. Стефанъ Душанъ въ этомъ отношеніи остался вѣренъ установившимся изстари обычаямъ, которые при его отцѣ Стефанѣ Дечанскомъ получили еще силу закона. Образованіе, дававшее права сыновьямъ „поповскимъ“ (ибо дѣти власселей всегда оставались съ своими правами), не давало никакихъ правъ сыновьямъ „меропха“; въ грамотѣ Стефана Дечанскаго ²⁾ читаемъ: если поповскіе сыновья изучаютъ „книгу“, пусть остаются съ своимъ отцемъ на „своѣмъ ждрѣби“, если же не изучаютъ, да будутъ „меропхами“; „меропшичъ“ же хотя бы и изучилъ „внигу“, да остается „меропхомъ“. При такомъ узаконеніи, едва ли могло подвигнуться впередъ народное просвѣщеніе. Возникшія затѣмъ, по смерти Стефана Душана, споры между сербскими намѣстниками и несчастная для Сербовъ и всего славянскаго міра Косовская битва (1389 г.) не могли не парализовать постепеннаго развитія установленнаго Душаномъ порядка вещей. И не смотря на все это, мы встрѣчаемъ факты, свидѣтельствующіе, что въ XV вѣкѣ, въ правленіе деспота Стефана Лазаревича, жившаго въ мирѣ съ Турецкими султанами, просвѣщеніе въ Сербскомъ государствѣ нѣсколько поднялось. Конечно, слова Константина Философа могутъ имѣть отношеніе и къ народной массѣ, и къ высшему сословію, но все же появленіе въ литературѣ важныхъ произведеній и затѣмъ свидѣтельство Аппендини даютъ намъ право дѣлать подобное заключеніе. Мало произведеній дошло къ намъ: большая часть истреблена или хранится еще въ рукописяхъ разныхъ европейскихъ бібліотекъ. Только благодаря миролюбивой политикѣ деспота Стефана, который къ тому же былъ родственникомъ султана Баязета (такъ какъ этотъ былъ женатъ на сестрѣ его), сербская народность могла создать два-три произведенія оригинальныхъ, а въ большинствѣ случаевъ давала лишь переводы съ греческаго да копии съ рукописей прежняго періода.

Сербское государство, возвеличенное царемъ Стефаномъ Душа-

¹⁾ Законникъ царя Душана, статья 61.

²⁾ Miklovich, Monumenta Serbica, N. LXXXVI, стр. 99.

ножъ (который первый изъ рода Неманичей принялъ титулъ „царя Сербіи и всѣхъ завоеванныхъ земель“), получаетъ съ того времени большую извѣстность у своихъ сосѣдей. Съ того времени началось болѣе близкое знакомство съ Сербамъ, дошедшее наконецъ до подражанія въ одеждѣ сербской модѣ. Едва ли не правдоподобно будетъ, что только слава сербскаго оружія заставила Грековъ въ половинѣ XIV вѣка носить одну часть одежды по образцамъ сербскому и болгарскому¹⁾. Сообщаетъ этотъ фактъ писатель византійскій, современникъ Стефана Душана, Никифоръ Грегоръ, писавшій свою исторію въ періодъ 1351—1359 гг., и потому нѣтъ никакого основанія скептически къ нему относиться. Полная вѣроятность свидѣтельства Никифора Грегора подтверждается свидѣтельствами и другихъ источниковъ, что образцы одежды южныхъ Славянъ въ то время, въ XV вѣкѣ, были въ модѣ у нихъ сосѣдей. Чибраріо въ своемъ трудѣ „Della economia politica del medio evo“ сообщаетъ фактъ, что въ Италіи, по временамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носили одежду по славянскому образцу (alla Schiavonell)²⁾.

¹⁾ Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Nicephorus Gregoras, vol. III, Воннае. 1855 г.: Τὸ δ' ἐν τῇ φαίῃ καὶ περὶ τῶν ἐνδυμάτων, ὅσα καὶ τοῦτοις παρηγοιομήθη, καὶ ὅπως ἐκτετόπισται τοῦ γυναικίου τε καὶ νυνήθεα πολιτεία, ὥς μὴδὲ γινώσκασθαι ἐτι ὅτις Ῥωμαίων καὶ ὅτις τῶν ἄλλων ἐκόντων γενῶν. οὐτε γὰρ Περσικὴ τις ἀκρατος ἢ στολὴ γέγονεν ἤδη Ῥωμαίοις, οὐτε Λατινικὴ τελείως, οὐτε μὲν τις Γοτθικὴ καθάπαρ, οὐτε εἰ τις Τριβαλλῶν (Сербовъ) καὶ ἄμα Μωσῶν (Βолгаръ) καὶ Παίονων. ἀλλ' ἐκ πασῶν τὸ διὰ πασῶν εἶχειν τῆς μουσικῆς ἐκείνης ἀρμονίας καὶ ἀρετῆς ἐπὶ τῶν ἡμετέρων ἀντέστραπται χρόνον ἐρ' ἅπαν τοῦναντίον μίγμα καὶ συμφόρημα. Какъ бы ни понимать эти слова Грегора, то-есть, слава ли оружія царя Стефана Душана заставила слабыхъ и извѣженныхъ Грековъ носить одежду по сербской и болгарской модѣ, или же вслѣдствіе извѣженности и развращенія, Греки стали перенимать обычаи сосѣднихъ народовъ, въ томъ числѣ и южныхъ Славянъ, — само по себѣ свидѣтельство это нисколько не теритъ важности для исторіи послѣднихъ; въ этихъ словахъ, все-таки, усматривается вліяніе не испорченныхъ нравственно южныхъ Славянъ на извѣженныхъ Грековъ. Тутъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что эту «сѣшанную» одежду носить не вышше только слои византійскаго общества, всегда прежде всѣхъ подвергавшіеся деморализаціи, а *весь народъ, все государство* (политεία). Ничего подобнаго имъ не встрѣчаемъ у южныхъ Славянъ: не народъ, на комъ видется національность, а вышше слои сербскаго общества (больше при дворѣ) подражаютъ модѣ византійской; народъ же, напротивъ того, сильно вооружается противъ этой новизны, что выразилось и въ его эпосѣ.

²⁾ *Mijatovic*, Студије за историју ерпске трговине (Гласник, кн. XXXII, стр. 212).

Возвеличено было Душаномъ Сербское царство, но не надолго; съ его смертію вся слава померкла. Раздоры областныхъ намѣстниковъ ослабили юную монархію до такой степени, что она должна была испытать вскорѣ торжество турецкаго оружія, между тѣмъ какъ недавно сама угрожала Константинополю. Пораженіе Сербовъ на Марицѣ (1371), въ правленіе краля Вукашина, и самое главное—на Косовомъ полѣ (1389 г.), въ коемъ палъ мученикъ за Сербскую землю князь Лазарь Гребельяновичъ, находятъ себѣ главную причину въ разрозненности сербскихъ намѣстниковъ. Заправителями слѣдовали области, особенно новопріобрѣтеныя, и такимъ образомъ, съ разрозненностію намѣстниковъ совпала разрозненность областей. Исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ тому. По справедливому замѣчанію А. О. Гильфердинга, „духъ несогласія и распри составляютъ одно изъ отличительныхъ свойствъ Сербскаго племени“ ¹⁾. Это же вѣрно подмѣтилъ и Сербскій народъ, когда въ своихъ юнацкихъ (богатырскихъ) пѣсняхъ поетъ:

Још да видиш, добар побратиме,
Ту неслоге Српске од старине! ²⁾

или:

О несрећо, вазда ли си дуга,
Особито у српском народу,
Не брат брата оће да изгуби
Без давије ³⁾ и без исповјести! ⁴⁾

Со смертію Лазаря на Косовомъ полѣ прекратилась самостоятельность Сербскаго государства. Въ исторіи окончательнаго паденія Сербіи (1459 г.), Босны (1463 г.) и Герцеговины (1483 г.) и распространія Турокъ въ Европѣ Косовская битва (1389 г.) составляетъ замѣчательную эпоху: въ этой битвѣ Турки въ открытомъ полѣ показали превосходство своего легкаго войска предъ тяжело вооруженными рядами арміи европейской и тѣмъ положили начало послѣдовательному утвержденію своей силы на европейской территоріи; а Сербы на Коссовомъ полѣ бились за охрану своего народнаго, или даже, можно сказать, всеславянскаго достоинства. Вѣрность послѣдняго мнѣнія выяснится изъ дальнѣйшихъ словъ. Вспомнимъ только, что столь важные памятники (не по внѣшней формѣ, конечно, а по содержа-

¹⁾ *Русская Бесѣда* 1858 г., кн. I: Боснія, стр. 69.

²⁾ В. С. Караджичъ, Српске народне пјесме, кн. V, № 1: Постанак књаза у Црној гори, стихъ 413, стр. 15.

³⁾ Жалоба, обвиненіе.

⁴⁾ В. С. Караджичъ, Срп. нар. пјесме, кн. V, № 1, ст. 1724, стр. 58.

нію), каковы два „житія“ Стефана Немани, написанныя сыновьями его Стефаномъ Первовѣнчаннымъ и архіепископомъ Саввою (каждый особо), и трудъ архіепископа Даніила II „Животи кральева и архіепископа“, явились въ періодъ до паденія Сербскаго государства; но ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ періодъ послѣ Косовской битвы: кромѣ произведеній Константина Философа: „Живот деспота Стефана Лазаревича“ и „книги Константина Философа о правопису“, нельзя указать ни на одно произведение, которое сколько-нибудь объясняло бы жизнь Сербскаго народа. Турецкій гнетъ, начавшійся съ Косовской битвы, не далъ проявиться сербскому просвѣщенію, и непроницаемая тьма, въ теченіе пяти столѣтій, покрыла земли южныхъ Славянъ. Самое важное событіе изъ исторіи Сербскаго народа—Косовская битва, не нашла себѣ отраженія въ сербской письменности. Въ произведеніяхъ, специально предназначенныхъ описанію этой битвы, мы не находимъ никакихъ данныхъ для исторіи; въ такихъ произведеніяхъ, какъ „житіе кнеза Лазаря“ и сказаніе, имѣющее форму могильной надписи на полѣ сраженія: „*Cie рѣчи писанѣ бѣше на стѣни мраморноу на Косову*“, преобладаетъ одна фразеологія. Все здѣсь ограничивается одними общими мѣстами.

Въ періодъ, слѣдовавшій за Косовскою битвою, подъ правленіемъ миролюбиваго деспота Стефана Лазаревича (1389—1427 гг.) Сербское государство получило важныя преимущества предъ силой Османовъ. Въ это время оно опять нѣсколько окрѣпло; но недалновидный деспотъ не сумѣлъ воспользоваться этими преимуществами. Вмѣсто того, чтобы всѣми мѣрами стараться ослабить Турокъ, онъ употребляетъ всѣ свои усилія къ поддержанію ихъ. Обязанный къ тому договоромъ ¹⁾, заключеннымъ послѣ Косовской битвы между нимъ и султаномъ Баязетомъ, онъ со своими храбрыми сербскими воинами вездѣ является на помощь турецкому оружію: въ 1391 — 1392 гг. онъ помогъ Баязету покорить Болгарію; вслѣдъ затѣмъ (1392 г.) онъ въ

¹⁾ Условія этого договора слѣдующія: 1) Стефанъ Лазаревичъ долженъ быть союзникомъ Баязета во всѣхъ походахъ сего послѣдняго, при чемъ сербскія войска должны стоять подъ знаменемъ Баязета; 2) Стефанъ выдастъ за султана свою сестру и 3) онъ будетъ давать ежегодно дань изъ серебряныхъ рудниковъ. Объ этомъ повѣствуютъ: визант. лѣтоп. *Добхас*, сар. IV, р. 17, турецкій лѣтописецъ *Сеадеддинъ*, р. 160, сербскіе источники: *Житіе деспота Стефана Лазаревича* (*Гласник*, св. XXVIII, стр. 386) и *Троношская лѣтопись* (*Гласник*, св. V, стр. 93); въ послѣдней читаемъ: «Сербъ должны 1) выставять султану 30.000 воиновъ и 2) давать 20.000 златницъ».

союзъ съ султаномъ сдѣлалъ нападеніе на Венгрію (Mabry) и затѣмъ на Босну ¹⁾; въ 1395 г. онъ сражался на сторонѣ султана въ Валахія, при Ровинахъ ²⁾, гдѣ погибли сербскій юнакъ, сынъ краля Вукашина Марко Кралевиць, Константинъ и Драгашъ; въ 1396 г. Стефанъ сражался у Никополя на сторонѣ Баязета противъ Венгерскаго короля Сигизмунда. Затѣмъ въ 1402 г. Стефанъ, по условію договора, является на помощь Баязету противъ Тамерлана въ Азіи. Въ этой битвѣ на Анкирскихъ поляхъ Сербь совершили чудеса храбрости; они съ своимъ деспотомъ Стефаномъ могли и хотѣли спасти султана Баязета: они смѣло прорываютъ ряды Скиновъ, приближаются къ Баязету въ самую критическую для него минуту и совѣтуютъ ему бѣжать отъ неминуемаго плѣна; но тотъ не внимлетъ благоразумному совѣту и потому попадаетъ къ Тамерлану въ плѣнъ. Деспотъ Стефанъ, между тѣмъ, видя дѣло проиграннымъ, уходитъ съ поля сраженія, при чемъ захватываетъ съ собою сына Баязетова Мусульмана, котораго и возводитъ на престолъ Османа. Со смертію Баязета дѣла Турокъ приняли самый невыгодный оборотъ: начались раздоры въ средѣ сыновей Баязета; претендентами являлись лица и не изъ династїи Османа. Тогда-то слѣдовало деспоту Стефану употребить всю свою энергію, всѣ свои военные таланты и юныя силы храбрыхъ сербскихъ воиновъ для возстановленія нѣкогда величественной монархіи царя Стефана Душана. Особенно въ этотъ періодъ, со смерти султана Баязета, было всего легче свергнуть ненавистное турецкое иго. При точно такихъ же условіяхъ, въ первые годы послѣ Косовской битвы, когда султанъ Баязетъ спорилъ съ братомъ Якубомъ (Сабуціемъ-Дуки) за престолъ, это сверженіе было несвоевременно, такъ какъ Сербское государство было сильно ослаблено пораженіемъ на Коссовомъ полѣ; но во время распрей сыновей Баязета (1402—1413 гг.) оно было въ самую пору, и навѣрное, было бы сдѣлано, еслибы въ сербскомъ лагерѣ было единодушіе, которое въ то время было нарушено происками Византійскаго двора. Да впрочемъ, въ періодъ историческаго существованія Сербскаго племени, единодушіе никогда и не бывало и не свойственно было этому племени, по національному его характеру. Внутреннія несогласія въ средѣ сербскихъ владѣтелей, которые не переставали преслѣдовать свои личныя цѣли, послужили главною причиною тому,

¹⁾ Житіе деспота Стефана Лазаревича.

²⁾ Тамъ же.

что деспотъ Стефанъ остался глухъ къ сигналу для низверженія ига, данному распрями въ турецкомъ лагерѣ.

Тревожимый братомъ Вукомъ и Бранковичами (Вукомъ и его сыновьями), деспотъ Стефанъ Лазаревичъ по необходимости долженъ былъ гдѣ нибудь искать для себя точку опоры и заблагоразсудилъ найти ее въ Турецкихъ султанахъ. По этой-то причинѣ онъ оставался такъ вѣренъ клятвѣ, данной султану Баязету: поддерживалъ законнаго претендента на турецкій престолъ даже въ то время, когда всѣ прочіе союзники оставляли его. Изъ этого послѣдняго факта нельзя не видѣть, что за отношенія были между деспотомъ Стефаномъ и остальными сербскими владѣтелями; отношенія эти были чрезвычайно враждебныя, и Турки, для личной своей выгоды, всевозможными мѣрами поддерживали ихъ. При такомъ порядкѣ вещей, дѣло Сербовъ и всѣхъ южныхъ Славянъ было проиграно окончательно. Какъ скоро Турки укрѣпились въ Скоплѣ, на Родопѣ, во всей гористой Фессаліи, Филиппополѣ и Адрианополѣ, рѣшено было подчиненіе имъ всей Сербіи. Главный принципъ Турецкихъ султановъ состоялъ въ томъ, чтобы поставить подъ свои знамена христіанскія войска и при своемъ дворѣ имѣть христіанъ. Уже Баязетъ окружалъ себя толпою сербскихъ, валашскихъ, албанскихъ, венгерскихъ, нѣмецкихъ, болгарскихъ и италіянскихъ юношей и дѣвушекъ ¹⁾. Эта молодежь, захваченная въ рабство, получала послѣ свободу и составляла изъ себя главное войско Турокъ (янычары), которое должно было сражаться противъ своихъ же родичей ²⁾. Сербскіе бояре, которые переходили къ Туркамъ, были хорошо принимаемы султаномъ; эти-то бояре, извѣстные въ исторіи византійскаго лѣтописца Лаоника Халкондила подъ именемъ *καλατζής* ³⁾, заняли мѣста пашей въ Азіи, а паши поселились въ Европѣ. Если вполнѣ вѣрно, свидѣтельство Халкондила, то сербское боярство наложило на себя неизгладимое пятно. За то Сербскій народъ остался вѣренъ своей народности: онъ геройски отстаивалъ свои права, но только вездѣ его преслѣдовало несчастіе; бой на Коссовомъ полѣ и Анкирскихъ поляхъ служилъ лучшимъ выраженіемъ стойкости Сербскаго народа, какъ это отмѣтили даже турецкіе источники. По свидѣтельству турецкаго лѣтописца Нешри, двое сербскихъ воиновъ, захваченные въ плѣнъ Турками, на вопросъ послѣднихъ, гдѣ нахо-

¹⁾ Corpus scriptorum Historiae Byzantinae: Δοῦκας, cap. XV, и Χαλκωνδύλης.

²⁾ Ibid.

³⁾ Χαλκωνδύλης.

дится сербское войско, и не убѣждалъ ли Лазарь съ поля битвы, услышавъ о приближеніи турецкой силы, съ полнымъ самопожертвованіемъ и рѣшимостью, доказывающими великую привязанность къ своему національному князю, отвѣчаютъ: „*Да развѣ долженъ предъ вами Лазарь бѣжать! Онъ только ждетъ васъ!*“¹⁾.

Сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, при своемъ миролюбивомъ характерѣ, былъ вполне доволенъ, что послѣ битвы на Анкирскихъ поляхъ (1402 г.), онъ получилъ больше самостоятельности и даже, если можно вполне довѣриться свидѣтельству двухъ сербскихъ источниковъ—Тронашской лѣтописи²⁾ и Житомишличскаго хронографа³⁾, никому не платилъ дани. Вѣроятная истинность этого свидѣтельства, хотя бы и отчасти, можетъ быть доказана тѣмъ, что деспотъ Стефанъ Лазаревичъ въ 20-хъ годахъ XV в. почувствовалъ себя на столько сильнымъ, что вступилъ въ борьбу съ Венеціей за послѣдіе правителя Зеты⁴⁾, Бальши III Страшиміра, умершаго въ Скадрѣ 1421 г. Венеція въ то время ужъ успѣла занять многія мѣстности изъ владѣній Бальши III. Стефанъ Лазаревичъ потребовалъ возвращенія ихъ. Завязался споръ, длившійся до самой смерти деспота Стефана. По смерти же деспота, Венеція не имѣла никакого соперника и потому сдѣлалась какъ бы законною наслѣдницею владѣній Бальши III, ибо мать сего послѣдняго отказалась отъ этого наслѣдія. Оставшійся дѣйствительный законный наслѣдникъ Бальши III, сынъ или, вѣрнѣе, двоюродный братъ его *Стефанъ Бальшичъ* (Черноевичъ) получилъ только небольшую область между Кроей и Лешемъ; сыновья же его *Иванъ* и *Койко* потеряли и эту малую область при сильномъ напорѣ

¹⁾ *Брличъ*, Извори српске повѣстнице изъ турскијехъ споменика, 1857 г. стр. 63.

²⁾ *Гласникъ*, кн. V, стр. 96.

³⁾ *Гласникъ*, кн. XXXII, стр. 271.

⁴⁾ Зета (сѣверная часть Албаніи), единственная область, не подпавшая турецкой власти сейчасъ же послѣ Косовской битвы; впервые она испытала силу Турокъ въ 1392 г., въ правленіе Юрія II Страшиміровича Бальши. Область эта изстари составляла удѣлъ Сербскихъ государей; отъ Сербіи отдѣлилась въ царствованіе слабого Уроша V, сына Душанова. На развалинахъ владѣній Бальшичей возникла нынѣшняя *Черногорія*. Еще раньше отдѣлилась отъ Сербскаго государства *Боснія*, тоже во время правленія влады Уроша V, при Боснійскомъ банѣ Стефанѣ Твердѣ Владиславичѣ, который получилъ 1376 г. королевскій титулъ отъ Венгерскаго короля Людовика I. *Герцеговина*, какъ отдѣльное герцогство, съ особымъ самостоятельнымъ воеводою, выдѣлилась изъ Боснійскаго королевства въ 1444 году.

Георгія Кастріоты (Скандербег), образовавшаго въ Албаніи сильное государство, которое до его смерти († 1468 г. 17-го января) было оплотомъ противъ натиска постоянно усиливавшейся османской силы на южно-славянскія земли.

Сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, такъ ревностно отстаивавшій противъ Венеціи свои права на наслѣдіе Бальшичей, не обратилъ своего оружія на Турокъ, когда, по смерти султана Мехмета († 1421), повторился тотъ же случай, который произошелъ послѣ смерти Баязета. Византійскій императоръ Мануилъ выставилъ было законному преемнику Мехмета, Мурату II, соперника сначала въ лицѣ псевдо-Мустафы, а затѣмъ (1424 г.) въ лицѣ брата Муратова, Мустафы. Главная причина, удержавшая Стефана Лазаревича и на этотъ разъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ султана, заключалась, кажется, въ недовѣріи его къ вѣроломной и своекорыстной политикѣ Византійскаго двора, тѣмъ болѣе, что у него были и свои домашніе недоброжелатели и соперники. Вслѣдствіе этой новой причины, вслѣдствіе того, что въ то время уже нельзя было разчитывать на какую бы то ни было помощь со стороны безсильнаго Византійскаго императора, ставшаго притомъ турецкимъ данникомъ, деспотъ Стефанъ сблизился съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ и заключилъ съ нимъ въ 1426 г. союзъ въ формѣ, близко подходящей къ покровительству Венгерскаго двора надъ Сербіей, чтобъ имѣть защиту отъ насилія Турокъ. Роковымъ было для Сербскаго государства это покровительство венгерскаго короля. Съ этого времени начинается непримиримая вражда Турокъ къ Сербамъ, ускорившая окончательное покореніе Сербіи. Турецкій султанъ Муратъ II, столь обязанный деспоту Стефану за его посредничество при заключеніи перемирія (1424 г.) на два года съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ, пришелъ въ ярость, когда узналъ о союзѣ деспота съ тѣмъ же королемъ. Турецкая политика всегда домогалась разъединенія своихъ сосѣдей и съ своей стороны съ однимъ держала миръ, между тѣмъ какъ съ другимъ, въ то же самое время, вела войну. Но спрашивается: какую пользу извлекли изъ этого покровительства Сербы? Въ чемъ состояло это покровительство? Въ томъ, что Венгрія присоединила къ своимъ владѣніямъ Бѣлградъ и по-дунайскія крѣпости, обявала сербскихъ деспотовъ, уравнившихъ съ прочими венгерскими баронами въ правахъ относительно участія въ дѣлахъ венгерской короны, выставять войско сей послѣдней „juxta possibi-

litatis (eorum) exigentiam" ¹⁾, а Сербская земля сдѣлалась театромъ кровопролитныхъ войнъ, и ея народъ, вслѣдствіе нетерпимости латинской пропаганды, попалъ въ презрѣніе и былъ поставленъ на ряду съ погибшими еретиками, послѣ того какъ онъ, руководимый своимъ патріархомъ, не призналъ на Флорентійскомъ соборѣ папской власти. Такъ, папа Каликстъ III выразился въ 1458 году: „Очевидно, что эти Греки, эти Сербы и прочіе еретики, находясь внѣ церковнаго общенія, не надежны для борьбы съ невѣрными; только сила католиковъ можетъ одолѣть султановъ" ²⁾. Но тѣ же надежные католики—Венгерцы, со своимъ королемъ Ладиславомъ, не въ силахъ были въ 1455 г. взять столицу Сербіи Смедерево, не смотря на всѣ свои усилія и даже хитрость.... ³⁾.

Переговоры о передачѣ Венгріи Бѣлграда, начавшіеся при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ, окончились въ 1433 г., въ правленіе преемника Стефанова, деспота Юрія I Бранковича (1427—1456). Передача Бѣлграда произвела тяжелое впечатлѣніе на Сербскій народъ: пораженный столь неожиданною потерей важной части своей земли, и притомъ съ той стороны, гдѣ было меньше опасности отъ Турокъ, онъ пришелъ въ уныніе; сербскія лѣтописи повѣствуютъ о многихъ знаменіяхъ, предвѣщавшихъ злое для всей Сербіи ⁴⁾. Въ замѣнъ за Бѣлградъ Сербы получили мѣстности въ предѣлахъ венгерской короны. Промѣнъ Бѣлграда и прислѣвшее къ тому же времени вѣнчаніе Юрія деспотскою короною (1435 г.), присланною Византійскимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ чрезъ Георгія Филантропина ⁵⁾, послужили новымъ толчкомъ султану Мурату II для вторженія во владѣнія Сербскаго деспота. Султанъ Муратъ II, въ договорѣ своемъ съ Юріемъ I

¹⁾ *Racki*, Odnosaj srbskih despota i doseljenika napramo kruni i kraljevin hrvatskoj i ugarskoj (съ 1426—1503 г.) (*Knisevnik*, II, стр. 482).

²⁾ *Raynaldus*, *Annal. eccles.*, т. X р. 83—84.

³⁾ Этотъ фактъ сообщаетъ Θεодоръ Спаудугино въ своемъ сочиненіи: «Discurso dell' origine de' principi turchi (издано у *Sansovino* въ его *Historia univers*, р. 191. на оборотѣ). Спаудугино былъ современникъ, и потому можно ему вѣрить; онъ говоритъ: «Et all' hora era grandissima guerra trà il Despoto Jurgo di Servia, et il Rè d' Ungheria, per modo che l' uno l' altro s' harebbe mangiato il fegato. Percioche il Rè d' Ungheria nelle case appartenenti alla religion Christiano seguiva le ceremonie de' Latini et il Jurgo Despota di Servia servava quelle de' Greci.... Затѣмъ онъ описываетъ осаду Смедерева Венгерцами.

⁴⁾ *Schafarik*, *Pamätku*, стр. 77; лѣтопись Бранковича въ *Arhiv*, кн. III, и лѣтопись въ *Гласн.*, св. I.

⁵⁾ *Corp. script. Hist. Byz.* Лобъас, стр. XXX, р. 207.

Бранковичемъ 1428 г., по которому послѣдній получилъ отъ султана дозволеніе на постройку крѣпости Смедерева (куда, послѣ передачи Вѣлграда, перенесъ свою резиденцію), — поставилъ условіе, чтобы Сербы не держали союза съ Венгерскимъ королемъ; а теперь, послѣ нарушенія этого условія, онъ увидѣлъ настоятельную необходимость — наказать деспота за нарушеніе этого договора. Походъ султана противъ Сербскаго деспота увѣнчался полнымъ успѣхомъ: деспотъ испытывалъ нападеніе за нападеніемъ, пока наконецъ и новая его столица Смедерево не попала въ руки Турокъ (1439 г.). Помощь Венгерскаго короля, на которую деспотъ, по смыслу договора 1426 г., рассчитывалъ, явилась уже въ то время, какъ сильный турецкій гарнизонъ засѣлъ въ стѣнахъ новоустроенной крѣпости. Сербія была страшно опустошена и вѣрпа управленію Турахапа, который былъ пашею Сербіи и Фессалии. Во время этого же похода Турокъ на Сербію, испытала ихъ нападеніе и Боснія. Король Босніи Твердо, въ видахъ предотвращенія на будущее время вторженій Турокъ, обѣщалъ платить султану ежегодно 25.000 червонцевъ, и султанъ Муратъ II на столь выгодныхъ условіяхъ вызвалъ Турокъ изъ Босны.

Съ этого времени, со времени занятія Турками Смедерева, деспотъ Юрій I Бранковичъ играетъ самую жалкую роль до конца своей жизни. Будучи самъ безсильнъ отразить Турокъ, онъ долженъ былъ пресмыкаться предъ Венгерскимъ королемъ Ладиславомъ и со слезами просить у него помощи противъ опаснѣйшаго своего врага, обѣщая съ своей стороны доставить всѣ средства на снаряженіе войска ¹⁾. Слезамъ его внялъ Венгерскій король, и послѣ общаго совѣщанія, въ которомъ много говорилъ папскій легатъ Юліанъ Цезарини, рѣшилъ готовиться къ походу противъ Турокъ. Счастливый исходъ этого похода возвратилъ деспоту Юрію значительную часть утраченныхъ владѣній. По миру, заключенному въ Сегединѣ (1443 г.), Сербія со всѣми ея городами, занятыми уже Турками, а именно: Смедерево, Голубацъ, Севсринъ, Зерновъ, Крушевацъ, Островица, Рудникъ, Лесковацъ, Новобрдо, Зелеградъ, Ковинъ и нѣсколько другихъ, съ частью Албаніи, которая принадлежала Сербіи, была возвращена Сербскому деспоту Юрію I Бранковичу, который обязывался за это вносить султану половину своихъ доходовъ. Но нисколько не облегчилъ этотъ миръ плачевное положеніе Болгаріи. Лишенная давно (1392 г.) своего національнаго правителя, она прежде всѣхъ южно-славянскихъ

¹⁾ Bonfinius, *Reg. Hungar. decades* X dec. III, стр. 465; *Corp. script. Hist. Byz.*: Χαλκωνδύλης, edit. Paris., lib. VI, стр. 162 и Δούκας.

земель сдѣлалась добычею Турокъ; за ними жъ осталась она и по Сегединскому миру. Валахія осталась подъ верховною властію Венгерскаго короля. Такимъ образомъ, за одинъ разъ султанъ Муратъ II лишился всѣхъ сѣверныхъ пограничныхъ провинцій, въ которыхъ была вся надежда, все будущее Османскаго государства. Для Турокъ Сегединскій миръ былъ роковымъ: его нужно было или нарушить, или допустить окончательное уничтоженіе турецкаго владычества въ Европѣ; съ великимъ недовольствомъ заключилъ Муратъ II этотъ миръ, вынужденный къ тому крайнею необходимостію, такъ какъ, въ то же самое время Скандербегъ поднялъ противъ него всю Албанію, а въ Малой Азіи возобновилось возстаніе Карамана. Но по теченію тогдашнихъ обстоятельствъ, замѣчаетъ Цинкейзенъ ¹⁾, авторъ „Исторіи Османскаго государства“,—Сегединскій миръ никоимъ образомъ не могъ быть соблюденъ: онъ былъ политическою ошибкою, послѣдствіемъ которой не замедлили обнаружиться его нарушеніемъ. Нарушила миръ первая Венгрія, что привело къ столкновенію Венгерскаго короля Владислава съ Муратомъ у Варны (1444 г.). Сербскій деспотъ Юрій I Бранковичъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ условіями Сегединскаго мира, и потому не могъ сочувствовать нарушенію его. Не зная, какой исходъ получитъ эта новая война съ Турками, и больше опасаясь новыхъ вторженій султана, чѣмъ гнѣва христіанскихъ державъ, деспотъ Юрій принимаетъ въ этой войнѣ самую вѣроломную политику: пообѣщавъ выставить на помощь Владиславу свое войско, онъ не только что не выслалъ его, но и воспретилъ Скандербегу съ 30.000 храбрыхъ Албанцевъ пройти чрезъ Сербію на помощь Владиславу. Византійскій императоръ Іоаннъ Палеологъ тоже не явился на помощь, хотя тоже далъ обѣщаніе въ этомъ смыслѣ. Можно, поэтому, считать обоихъ этихъ государей виновниками пораженія Владислава у Варны. Особенно много погрѣшилъ противъ христіанства и славянства самъ же представитель южныхъ Славянъ, деспотъ Юрій I. Не воспретитъ онъ Скандербегу съ его 30.000-нымъ храбрымъ войскомъ соединиться съ Владиславомъ, исходъ Варпской битвы павѣрное былъ бы иной: дѣло христіанства, и быть можетъ всего славянства приняло бы другой оборотъ. До конца своей жизни деспотъ держался той политики, что слѣдуетъ лучше держать сторону султана, нежели сторону Венгерскаго короля. Такъ, въ походѣ Гуніада на Турокъ (1448 г.),

¹⁾ *Zinkeisen*, Geschichte des osmanischen Reiches, I, стр. 650.

деспотъ Юрій наноситъ ему значительный вредъ не только своимъ отказомъ отъ участія въ походѣ, но и захватомъ въ плѣнъ этого героя, когда тотъ проселочными дорогами пробирался въ свои владѣнія, послѣ своего пораженія на злосчастномъ Коссовомъ полѣ; желая заискать предъ султаномъ, деспотъ предлагалъ выдать ему своего плѣнника, но Муратъ съ презрѣніемъ отвергъ эту двойную измѣну. Нельзя ли отыскать ближайшую причину такого поступка Сербскаго деспота по отношенію къ Гуніаду? Причина эта кроется въ томъ, что Гуніадъ желалъ пріобрѣсти нѣкоторыя мѣстности изъ владѣній деспота въ предѣлахъ венгерской короны. Деспотъ Юрій, тѣмъ самымъ, такимъ образомъ, и съ сѣвера, и съ юга, долженъ былъ держать сторону того, кто больше былъ опасенъ, кто могъ скорѣе уничтожить его призрачную самостоятельность: страхъ турецкаго оружія заставилъ его примкнуть къ султану; но онъ не предвидѣлъ того, что съ постепеннымъ усиленіемъ турецкой силы уничтожится прежде всего его самостоятельность, такъ какъ онъ ближайшій сосѣдь: прежде чѣмъ утвердиться въ предѣлахъ Венгріи, султану нужно было окончательно покорить Сербію. Руководимый точно такими же соображеніями, деспотъ Юрій помогаетъ преемнику Мурата II, Мегемету II, при завоеваніи Константинополя (1453 г.). По свидѣтельству византійскаго лѣтописца Францы ¹⁾, деспотъ Юрій оказалъ здѣсь султану большую помощь; Франца, между прочимъ, разказываетъ, что Сербы тайно послали султану много денегъ и войска, такъ что Турки хвастливо говорили Грекамъ: „Вотъ-де на васъ и Сербы!“

Послѣдствія недалеконвидной политики деспота Юрія I Бранковича не замедлили обнаружиться. Вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя, султанъ Мехметъ II обратилъ (1455 г.) свои силы на Сербію и Венгрію. Юрій отдѣлался было отъ Турка обѣщаніемъ увеличить свою дань. Такимъ образомъ, еще на четыре года была оставлена тѣнь самостоятельности Сербскаго государства; но мало пользы и едва ли не больше вреда принесли эти годы сербской народности, если вспомнимъ только то, что Сербія, раздираемая расприми сыновей Юрія, была наконецъ (1458 г.) подарена вдовою Лазаря Юрьевича, Еленою Палеологъ, папѣ Каллисту III. Елена, слѣдуя совѣту католика Восточнаго короля Стефана Томашевича, которому предложила руку своей дочери Маріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и престолъ Немани, — полагала такимъ образомъ найти себѣ защит-

¹⁾ Corpus script. Hist. Вуз.: Франтѣйс, стр. 326.

никовъ отъ Турокъ; но напрасна была надежда: папа охотно принялъ даръ и послалъ своего легата Іоанна Карафажи (Анжело) въ Сербію для того, чтобы онъ формальнымъ образомъ принялъ пограничныя крѣпости ¹⁾, но защитниковъ отъ насилій Турокъ Сербія не получила, хотя папа и поручилъ эту защиту Венгерскому королю Матвѣю ²⁾. Елена сдѣлала большую ошибку, послѣдствія которой сейчасъ же обнаружались; своею склонностію къ католицизму она вооружила противъ себя Сербскій народъ: нѣсколько вліятельныхъ власселей въ Смедеревѣ, побуждаемые ревностію къ защитѣ православной вѣры своихъ отцовъ, выступили во главѣ движенія противъ нея и призвали на престолъ Немани Михаила Абоговича, не царскаго рода и не сербской крови; Стефанъ же Юрьевичъ, братъ Лазаря, вѣроятно, въ то время былъ на чужбинѣ. Хитростію Елены Абоговичъ былъ сверженъ и на сербскій престолъ призванъ Стефанъ Юрьевичъ. Въ началѣ 1459 г. и онъ былъ сверженъ и изгнанъ изъ своего отечества ³⁾, а на сербскій престолъ сѣлъ давній союзникъ Елены, Стефанъ Томашевичъ. Такимъ образомъ онъ соединилъ подъ своимъ правленіемъ Боснію и Сербію; но пользы отъ этого было мало, такъ какъ самъ Стефанъ Томашевичъ былъ человѣкъ неспособный, малодушный и къ тому же нечестный: ему суждено было править Сербіей и Босніей, ему же суждено было и окончательно передать эти двѣ области въ руки Турокъ; за передачу Смедерева, столицы Сербіи (1459 г.), онъ получилъ отъ Турокъ огромную сумму золота ⁴⁾, а за передачу столицы Боснии, Яицы (1463 г.), онъ заслужилъ отъ султана награду—смерть ⁵⁾. Въ 1483 г. подобную же участь испытала и Герцеговина, въ правленіе сыновей герцога Стефана Коссирича — Владислава и Владка. И такъ, Турки утвердились на развалинахъ величественной монархіи Стефана Душана. Раздоры племенъ, подъ водительство ихъ правителей, распри власселей и ихъ своекорыстныя стремленія — непремѣнная черта въ характери-

¹⁾ *Raynaldus*, *Annal. eccles.*, стр. 145.

²⁾ *Zinkeisen*, *Geschichte des osm. Reiches*, II, стр. 113.

³⁾ *Schafarik*, *Památky*, стр. 79, стихи 8—9.

⁴⁾ *Zinkeisen*, *Gesch. d. Osm. Reiches*, II, стр. 116.

⁵⁾ По свидѣтельству однихъ источниковъ (*Χαλκωνδύλης*, lib. X, стр. 290), султанъ отрубилъ Стефану Томашевичу голову; по свидѣтельству турецкихъ источниковъ и польскаго лѣтописца Длугоша (*Hist. Pol.*, lib. XII, II, стр. 323), онъ былъ пораженъ стрѣлами, а по другимъ источникамъ: Боннини, *des. III*, lib. X, р. 546), Истванон (*lib. V.*) и Леуцлавій (стр. 54), съ него была содрана кожа.

стиѣ всѣхъ южно-славянскихъ племенъ, да затѣмъ католицизмъ, не мирившійся съ православіемъ,—вотъ та помощь, съ которою Турки завоевали эти плодородныя области. Вспомнимъ также, что Турки XV вѣка совсѣмъ не тѣ, что нынѣ: по свидѣтельству писателей XV и XVI вѣковъ ¹⁾, „Турки того времени народъ свѣжій, неустрашимый, неутомимый, воинственный, честный, великодушный и вѣротерпимый, въ чемъ испорченные и извѣженные Европейцы далеко имъ уступали; ихъ военное искусство, отчаянная храбрость и вѣрность султану удивляла современниковъ“.

И не смотря на столь хорошія качества Турокъ и на благоприятное для нихъ теченіе обстоятельствъ, мы видимъ, что они болѣе ста лѣтъ борются съ Славянами Балканскаго полуострова, пока успѣваютъ совершенно подчинить ихъ своей власти. Значитъ, стойкость славянской народности была велика. Правда, не дружною массой отбивалось славянское населеніе Балканскаго полуострова отъ Турокъ, ибо этому мѣшали упомянутыя уже выше обстоятельства, но все же оно, несомнѣнно, сильно заявляло себя въ дѣлѣ охраны родной земли. Народъ хотя и изъятъ былъ изъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, принималъ близко къ сердцу счастье и горе, успѣхъ и неудачи своихъ правителей и мѣтко угадалъ причину того и другаго. Если мы обратимся къ народнымъ пѣснямъ южныхъ Славянъ, то увидимъ, какая мысль руководила народомъ. Искренно преданный роду Стефана Немани, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ великою скорбію переносилъ распри Неманичей; онъ искренно желалъ прекращенія этихъ междоусобій; и горой стоялъ за внутреннее спокойствіе государства, при коемъ только и возможно благоденствіе народа. Народный пѣвецъ вложилъ въ уста Стефана Дечанскаго, когда его сынъ Стефанъ Душанъ потребовалъ раздѣла Сербскаго государства, такую рѣчь:

Зашто, сине, да се днелимо?
Шта си у царству пожелно?
У честиту дому Неманића
Доста царства, доста господства,
Доста пиwa, доста ѣдива!
Ако си се слакомно, сине,
Ти да узмешъ на Призрену царство,
На поклонѣ ти царство и господство
И на поклонѣ земле и градове,

¹⁾ В. Макушевъ, Очеркъ исторіи и современнаго положенія задунайскихъ Славянъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1876 г.

И на поклонъ седамъ кула блага
И на поклонъ седамъ тарапана
И на поклонъ народъ Србадна!

„Ничего я съ тебя не требую, но заклинаю тебя Богомъ: блюди народъ, какъ свою голову!“ ¹⁾

Не видно ли изъ этихъ словъ, что народъ Сербскій искренно желалъ прекращенія междоусобій своихъ государей? Изъ этихъ словахъ народъ выразилъ, чего онъ желалъ отъ своихъ правителей! И все это, чего онъ желалъ и что получилъ въ правленіе царя Стефана Душана, исчезло со смертію сего великаго государя. Смерть Душана народъ вѣрно представилъ въ своихъ пѣсняхъ роковою для величественной Сербской монархіи. По смерти Душана, поетъ народъ,
—Турки

«Преварише Мирчету Стефана,
Прихватише Душаново царство,
И Србију и Уруменију,
Нашу Босну и Херцеговину,

только

Црнегоре узет не моглоше» ²⁾.

Періодъ со смерти Стефана Душана до вступленія Лазаря Гребельяповича народъ въ своихъ пѣсняхъ представилъ для себя злосчастливымъ. Въ пѣснѣ „Смрт Душанова“ ³⁾ народъ представилъ, сколько зла причинили ему его намѣстники, давшіе полный просторъ своимъ своекорыстнымъ стремленіямъ по смерти Душана. Хотя тутъ вся вина свалена на ненавистнаго народу краля Вукашина, при всемъ томъ тутъ же усматриваются характерныя черты своекорыстныхъ стремленій и всѣхъ вообще областныхъ сербскихъ намѣстниковъ ⁴⁾. Въ этой пѣснѣ народъ поетъ: „Въ теченіе 16-лѣтняго правленія“

Бољико је зулум (неправда) поставио (Вукашинъ)
Што ношаше сиротинъа раја,
Што ношаше од свиле (шелкъ) халъине (одежда),
Тад обуче сукнене халъине.

¹⁾ Пѣсня помѣщена въ сочиненіяхъ А. О. Гилефердинга, т. III: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 108.

²⁾ Петрановић, Српске народне пјесме кн. III: № 2-й Смрт Душанова.

³⁾ В. С. Караџић, Српске народне пјесме, кн. III. № 33.

⁴⁾ Какъ на примѣръ подобныхъ своекорыстныхъ стремленій намѣстниковъ, укажемъ на вниманіе намѣстникомъ Жаркомъ пошлины съ дубровницкихъ купцовъ и даже грабешъ (Miklosich Mon. Serb., № CLVIII), вопреки постановленію царя Уроша V, отъ 1356: что ни дарица (мать Уроша), ни самъ царь (Урошъ) «нищо да им се не узме безъ куна» (ibid. № CXXXIV).

Испытывая на себѣ столь тяжелый гнетъ намістниковъ, народъ не могъ не желать воцаренія законнаго наслѣдника, сына Душанова, Уроша V. Только подъ правленіемъ Неманичей онъ считалъ возможнымъ наслаждаться спокойствіемъ и благоденствіемъ. Поэтому, когда читаемъ пѣсни сборника Караджича, №№ 33 и 34 (кн. II), въ которыхъ поется, какъ Марко Кралевичъ рѣшаетъ споръ между его отцомъ Вукашиномъ, дядями и Югъ - Богданомъ, съ одной стороны, и молодымъ Урошемъ, съ другой,—въ пользу сего послѣдняго, невольно рождается мысль объ искренней преданности народа слабому Урошу V; сводомъ доказываетъ онъ его права: призываетъ сначала попа Недѣлку, который присутствовалъ при завѣщаніи Душана, а затѣмъ Марка Кралевича, Душанова логовета. Изъ рѣчи Марка Кралевича (въ той же пѣснѣ) и благословенія, которое произноситъ Урошъ V:

Кумъ мой, Марко, Богъ тебѣ на помощи!
 Чтобъ лицо твое сіяло въ душѣ,
 А копье въ бою не уставало!
 Чтобъ слыиѣе не было юнака
 И пока луна и солнце свѣтять,
 О тебѣ жива была бы память!» (переводъ О. Ѳ. Миллера).

довольно ясно видно, что народъ всѣми силами поддерживалъ законнаго царя. Самый фактъ, передаваемый пѣсней, можетъ быть заподозрѣнъ, ибо исторія не представляетъ для этого никакихъ данныхъ; но для насъ важно воззрѣніе народа. Исторія свидѣтельствуемъ намъ одно только, что люди добрые совѣтовали Урошу удалить Вукашина и предупреждали его о замыслахъ сего послѣдняго, но Неманичъ не внялъ этому совѣту; какъ жена Углеши не вѣрять, что ее похоронятъ живьемъ, чтобы такимъ образомъ довершить построеніе Скадра (сюжетъ другой пѣсни „Зиданье Скадра“ въ сборникѣ Караджича), такъ и Урошъ V, слишкомъ довѣрясь Вукашину, не обратилъ вниманія на совѣты искренно преданныхъ ему людей: „Удали родъ Мрнявчевичей!“

Съ превращеніемъ рода Немани, народныя симпатіи перенесены на имя славнаго и святаго князя *Лазаря Гребельяновича*, потому ли, что, по народному преданію, самъ царь Душанъ принималъ большое живое участіе въ судьбѣ этого честнаго и мужественнаго героя, по женской линіи потомка Немани ¹⁾, или потому, что съ его именемъ

¹⁾ Тролошская лѣтопись (*Гласник*, св. V, стр. 60): «вторая (дочь) по отцѣ (по смерти отца Милутина) выдана за воеводу *прибца Гребалановича*, архикаршила милутинова, отъ неѣе родилася лаваръ великій князь и краљъ расійстий.»

связано величайшее событіе сербской исторіи — Косовская битва, въ коей онъ палъ жертвою за спасеніе сербской народности. Пѣсни, касающіяся этого событія, составляютъ особый циклъ, называемый сербскими пѣвцами „Лазарица“. Весело начинаются пѣсни этого цикла — юностію князя Лазаря; но какъ элегически, какъ трогательно заканчиваются онѣ скорбію дѣвушки, отыскивающей падшаго на ратномъ полѣ жениха („Косовка дјевојка“ № 51, сборникъ *Караджича*, II)! по замѣчанію Каррьера, „представляетъ сцену одну изъ самыхъ потрясающихъ и прекрасныхъ во всей эпической поэзіи; она представляетъ намъ всю гомеровскую ясность, всю германскую или индійскую глубину чувства сербской народной пѣсни“.

Со времени Косовской битвы имя Турокъ стало ненавистно сербской памяти, равно какъ и имя виновника пораженія Сербовъ—Вука Бранковича. Во множествѣ пѣсенъ на Турокъ, и въ особенности, на Вука сыплются проклятія. За то имя Лазаря вспоминается съ душевною любовью. Фактъ объ измѣнѣ Вука Бранковича на Коссовомъ полѣ исторически не доказанъ; одинъ сербскій памятникъ XV в. замѣчаетъ объ этомъ: „Не вѣмъ что истинное рещи о семь, изданъ ли кимъ отъ своего бывъ хранѣнія, или паче соуду божию о семь събившесе“. Равно и Константинъ Философъ, касаясь этого событія въ „житіи деспота Стефана Лазаревича“, дѣлаетъ такое же замѣчаніе: „Богъ тако попустивши“. Свидѣтельства эти нисколько не выясняютъ событія и показываютъ только, какъ сербскіе книжники заимствовали изъ народнаго преданія матеріалъ для своихъ твореній. Народное самолюбіе заставило Сербовъ представить въ своихъ пѣсняхъ паденіе славнаго своего царства предназначеннымъ судьбою Въ пѣснѣ: „Пропастъ царства српскога“ ¹⁾ народъ поетъ, какъ птица соколъ принесъ ласточку, то-есть, письмо отъ св. Богородицы изъ Іерусалима, въ которомъ предлагалось Лазарю выбирать одно изъ двухъ: царство небесное, или земное; Лазарь избралъ лучше царство небесное и потому потерялъ царство земное. И пѣсню эту народъ съ полною вѣрой и надеждою на Бога заканчиваетъ слѣдующими словами:

Све је свето и честито било,
И миломе Богу приступачно.

Равнымъ образомъ, во множествѣ пѣсенъ поется: „Староставниа книги пишућу, что Турки прійдућу и займућу все Сербское государ-

¹⁾ В. С. *Караджичъ*, Српске народне пјесме, кн. II. № 46.

ство, вслѣдствіе вѣроломства самихъ же Сербовъ". И эту измѣну, по причинамъ неизвѣстнымъ, народъ свалилъ на Вука Бранковича. Во всей сербской народной поэзіи имя Вука Бранковича сдѣлалось синонимомъ измѣнника. Замѣчательно, что исторически подтверждаемое служеніе Марка Кралевича султану не порицается народомъ. Народный эпосъ, какъ бы оправдывая это служеніе, воспѣваетъ, что проклатіе Вукашина надъ своимъ сыномъ Маркомъ: „Сынъ Марко, убей тебя Богъ! не имѣть бы тебѣ гроба и порода! не выпасть бы душѣ твоей, пока не наслужишься ты у царя турецкаго!" и благословеніе Уроша выше приведенное, сбылись: Марко Кралевичъ служитъ Туркамъ и при всемъ томъ считается первымъ сербскимъ юнакомъ, защитникомъ беззащитныхъ отъ турецкихъ притѣсненій. Единственный во всемъ сербскомъ эпосѣ укоръ ему встрѣчается въ одной пѣснѣ (сбор. Караджича, II, № 40), въ которой представлено сватовство Марка Кралевича вмѣстѣ съ двумя другими юнаками — Милошемъ и Релей, къ красавицѣ Роксандѣ, сестрѣ Леки капитана. Въ отвѣтъ на предложеніе Леки: „выбирай кого угодно изъ этихъ троихъ сербскихъ воеводъ", Роксанда произноситъ слѣдующія порицательныя слова на Марка:

«Са Турцима бије и сијече,
Ни ће имат' гроба ни укуца....
Што ће мене код дјеноте моје
Видем љуба турске придворнице?»

Марко Кралевичъ воспѣвается какъ великій юнакъ и сербскимъ, и болгарскимъ эпосомъ; тотъ и другой эпосъ воспѣваетъ Марка какъ защитника христіанскаго народа и врага Турокъ. Если Марко и служитъ Туркамъ, то вынужденный къ тому обстоятельствами, какъ вассалъ султана и ближайшій изъ всѣхъ сербскихъ областныхъ правителей (жилъ въ городѣ Прилишѣ) сосѣдъ Турокъ; но въ то же время онъ близко къ сердцу принимаетъ участь своихъ соплеменниковъ. Вотъ что сообщаетъ составитель „житія деспота Стефана" Константинъ Философъ: передъ битвою на Ровинахъ (1395 г.) Марко, находясь на сторонѣ султана, обратился къ своему сотоварищу Константину, сыну Деана, съ слѣдующею рѣчью: „Азъ глаголю и молю господа еже христіаномъ быти помощники, азъ же пръвыи въ мертвыхъ на рати сѣи да боуду" ¹⁾. Константинъ Философъ, вѣроятно, заимствовалъ это свидѣніе изъ преданія, которое вращалось въ то время въ народѣ; но заподозрѣвать историческое значеніе этого

¹⁾ Гласник, св. XXVIII, стр. 393.

преданія нѣтъ никакого основанія. Едва ли не правдоподобно будетъ, что молва народная послужила источникомъ для болгарскаго эпоса, въ коемъ Марко представленъ погибшимъ отъ турецкихъ стрѣлъ. Болгарская пѣсня „Смерть Марка Королевича“ ¹⁾ представляетъ, какъ Марко въ Валахїи тяжело раненъ Турками и приближается къ кончинѣ: „Заря занялась изъ прекрасной Влашской земли; не было-то ясная заря, но была мать Марка. Ужь какъ искала она Марка-юнака, на пути встрѣтила ясное солнце: добрая встрѣча, ясное солнце! — Далъ бы тебѣ Господь добро, Марко-мале (мать Марка)! Марко-мале, куда думаешь идти?—Мать ему тихо отвѣчаетъ: Ой ты, ясное солнце, которое ходишь въ вышинѣ и смотришь вдаль! не видишь ли Марка юнака?—Ясное солнце тихо отвѣтило: Ой ты, Марко-мале! не ищи Марка-юнака: Марко-юнакъ долу — внизу — въ землѣ крайней (въ Валахїи); онъ бьется съ турецкимъ войскомъ: когда Турки Марка поражаютъ—небо оглашается, — когда Марко Турокъ бьетъ—земля и небо трясутся. — И нанесли Марку Турки 70 опасныхъ ранъ. Легъ Марко подъ бѣлый шатеръ; надъ нимъ вьются черные орлы; Марко тихо имъ возговорилъ: Ой вы, черные орлы, не вейтесь, не бейтесь—моихъ кровей не пить вамъ. — Черные орлы тихо отвѣтили кралоу Марку: Ой ты, краль Марко! мы не вьемся — не бьемся изъ-за твоей крови, но Богу молимся за твое юнацкое здоровье.—На это Марко-краль отвѣтилъ орламъ: идите, идите, долу внизъ — въ крайнюю землю, наѣшьте турецкаго мяса, напейтесь турецкой крови“.

Сербскій эпосъ представляетъ, что Марко, послѣ трехъ сотъ лѣтъ жизни, умеръ на Урвинѣ-планинѣ, подъ двумя развѣсистыми елями, своею естественною смертію. Въ пѣснѣ „Смрт Марка Крадевића“ ²⁾ величественно представлено, какъ Марко готовится къ смерти и какъ наконецъ испускаетъ свой богатырскій духъ. Но особенно замѣчательны слѣдующія слова, произнесенныя Маркомъ въ то время, какъ бросалъ онъ въ море свой буздованъ (палицу): „Когда выдетъ палица моя изъ моря, тогда только явится подобный мнѣ мужъ!“ Народъ, выразивъ въ этихъ словахъ свое воззрѣніе на Марка Крадевича, какъ на самаго сильнаго изъ всѣхъ юнаковъ всѣхъ временъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ тутъ и свое безвыходное положеніе. Этими

¹⁾ Сборникъ болгарскихъ пѣсней *Безсонова во Временникъ* 1855 г., кн. 22, № XVI.

²⁾ В. С. Караджичъ, *Српске народн. пјесме*, кн. II, № 74.

словами народъ сказалъ: „Нѣтъ Марка-Кралевица—нѣтъ нашего защитника!“ Но по болгарскому преданію, этотъ защитникъ не умеръ, а до сихъ поръ живетъ на одномъ пустынномъ островѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ ¹⁾. А по другому преданію, этотъ защитникъ „иначе Марко Кралевицъ только спитъ въ какой-то пещерѣ; его конь Шарацъ ѣстъ понемногу мохъ, а сабля его повѣшена: когда конь stravитъ весь мохъ, а сабля упадетъ, тогда Марко проснется и выйдетъ опять на свѣтъ“. Онъ станетъ опять защищать свой народъ отъ враговъ Турокъ: своею саблей уничтожить ненавистное имъ иго....

---

¹⁾ Сборникъ болгарскихъ пѣсней братьевъ *Миладиновичъ*, стр. 528.

Владиміръ Качановскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сочиненія Аполлона Григорьева. Томъ первый. Изданіе Н. Н. Страхова. С.-Пб. 1876.

Имя А. А. Григорьева давно извѣстно. Статьи его въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно съ 1851 г., составляютъ и по количеству, и по значенію, не маловажный фактъ, который въ исторіи нашей критики по справедливости займетъ достодолжное себѣ мѣсто. Онъ принималъ живое и дѣйтельное участіе въ обновленномъ *Москвитинѣ* (съ 1851 г.), какъ одинъ изъ членовъ такъ называвшейся тогда молодой редакціи этого журнала, раздѣляя редакціонныя труды съ А. Н. Островскимъ, Т. И. Филипповымъ, Е. Н. Эдельсономъ и Б. Н. Алмазовымъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ періодъ времени отъ 1851 по 1864 годъ Григорьевъ вѣрнѣе хранилъ преданіе Бѣлинскаго и сознательнѣе относился къ поэтическому творчеству, чѣмъ позднѣйшіе цѣнители и судьи литературы, претендовавшіе чуть не на кровное родство съ Бѣлинскимъ.

У Григорьева были и данныя и благопріобрѣтенныя средства для того дѣла, которому онъ посвятилъ себя. Природная даровитость, природное же и весьма сильное чувство къ изящному, гдѣ бы послѣднее ни являлось, университетское образованіе, знаніе иностранныхъ языковъ и большое знакомство съ иностранными литературами давали ему возможность разносторонне овладѣвать предметомъ своихъ сужденій. Особеннаго вниманія и похвалы заслуживаетъ одно изъ его свойствъ, сильно въ него вложенное, прилежно имъ самимъ развитое и никогда его не покидавшее. Это—вполнѣ искреннее, вполнѣ уважительное отношеніе къ искусству и его представителямъ. Онъ преданъ былъ тому и другимъ до восторженнаго, часто крайняго поклоненія, которое, въ силу своей крайности, даже переступало за предѣлы истины. „Художественное произведеніе“, говоритъ онъ,—„для меня есть откровеніе великихъ тайнъ души и жизни, единственное

порѣшеніе общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ (стр. 406)... Все *новое* вносится въ жизнь только искусствомъ: оно одно воплощаетъ въ созданіяхъ своихъ то, что невидимо присутствуетъ въ воздухѣ эпохи" (стр. 613).

Но съ другой стороны, въ умѣ и чувствѣ г-на Григорьева было *заложено* (выражаясь его словомъ) и такое свойство, которое много вредило ему въ жизни и нерѣдко сбивало его съ прямого пути въ критикѣ. Это свойство заключалось въ порывистости, эксцентричности увлеченій. Онъ увлекался не только сердцемъ, но и умомъ, можетъ быть—еще чаще умомъ, чѣмъ сердцемъ. Головная восторженность обратилась у него почти въ хроническое состояніе. Онъ самъ признавался въ такомъ грѣхѣ (если слово „грѣхъ“ здѣсь уместно), какъ видно изъ перваго письма его къ Ѳ. М. Достоевскому (въ „Парадоксахъ органической критики“), гдѣ, между прочимъ, говорится: „На меня даже на время аскетическое настроеніе напало, чему ты, зная мою — ну хоть *юловную*, если не сердечную *отзывчивость*, насколько, конечно, не удивишься“ (стр. 631). Пользуясь такою отзывчивостью, не трудно было другимъ по произволу двигать Григорьева въ ту или другую сторону, и еще легче было ему самому двигать себя, волноваться. А это не могло не оставлять слѣдовъ почти на каждомъ трудѣ его. Всѣ недостатки его критическаго пера удобно объясняются сказанною характеристическою особенностью, хотя она и не мѣшала постоянно добросовѣстному отношенію къ дѣлу.

Въ чемъ же заключаются эти недостатки?... Объемъ статей Григорьева всегда превышалъ должную мѣру, почему и называли ихъ широковыщательными. Напримѣръ, статья: „Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа „Дворянское гнѣздо“, наполнена обильными выписками изъ этого романа, не потому, конечно, чтобы увеличить сумму журнальнаго гонорара (сребролюбіе не было слабостью критика), а просто потому, что критику нравились приведенныя имъ мѣста и онъ собственнымъ удовольствіемъ хотѣлъ подѣлиться съ читателями, хотя послѣдніе знали романъ не хуже его. Весьма часто любилъ Григорьевъ повторяться, въ иныхъ случаяхъ потому, что повторенія необходимы для полнѣйшаго уясненія мысли, а въ другихъ—рѣшительно безъ всякой надобности. Не досказывать, то-есть, не дописывать было тоже въ обычаѣ критика. Статья „О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ“ (*Москвитинъ*, 1855 г.) осталась не только безъ конца, но даже безъ обѣщаннаго продолженія въ слѣдующемъ номерѣ (стр. 128). Рядъ статей „Объ отноше-

нѣхъ литературы къ жизни съ Пушкина" (*Время*, 1861 г.) остановился на Гоголѣ. Эта ненаписанная глава о Гоголѣ, по признанію самого критика, *путала* все дѣло, порождала множество недоумѣній: „Мысль, не выясненная, не досказалась даже въ первомъ своемъ моментѣ“ (616). Всего нужнѣе было, въ интересахъ главной задачи г. Григорьева, объяснить сущность и законы такъ названной имъ органической критики. Онъ и приступилъ къ дѣлу въ письмахъ къ Ѳ. М. Достоевскому (*Эпоха*, 1864 г.). Но эти два письма, говоря словами автора, — только пропиленіе къ задуманному заданію, только присказка, а сказка обѣщалась впереди. Къ сожалѣнію, смерть въ этомъ случаѣ помѣшала исполнить обѣщанное, но въ другихъ случаяхъ неисполненіе отлагалось по причинамъ, неизвѣстнымъ читателю. Охотникъ былъ г. Григорьевъ и до отступленій, вызывавшихся большею частію также головнымъ восторгомъ: чтò нравилось ему лично въ моментъ писанія статьи, то предлагалъ онъ и публикѣ. Такъ, второе письмо къ Ѳ. Достоевскому объ органической критикѣ на половину занято переводомъ отрывковъ изъ книги В. Гюго о Шекспирѣ, переводомъ очень хорошимъ, но отвлекающимъ отъ предмета и даже не идущимъ къ нему. Весь смыслъ главной тирады, въ томъ, что Рабле сдѣлалъ великое открытіе, нашелъ находку — „брюхо“ (стр. 634), разумѣя подъ этимъ словомъ міръ XVI вѣка, когда „*totus homo fit excrementum*“ (стр. 636). Указанныя своеобычности, запутывая изложеніе, возбуждали жалобы на непонятность и темноту, въ чемъ не записался самъ авторъ (стр. 451—452). Недоумѣніе увеличивалось сверхъ того новыми терминами, каковы, на примѣръ: *вѣяніе* вмѣсто *вліяніе*, *заложеніе* вмѣсто *задатокъ*, поэзія *растительная*, то-есть, безличное, народное творчество, въ противоположность творчеству личному, искусственному, *допотопныя* таланты или таланты *допотопныхъ формаций* въ силу чего Полежаевъ и Марлинскій суть допотопныя образованія въ отношеніи къ Лермонтову, а Лажечниковъ есть допотопное образованіе въ отношеніи къ Островскому. Новая терминологія могла соотвѣтствовать понятію автора, но было бы лучше замѣнить ее другою и тѣмъ не давать поводовъ къ журнальному глумленію, которое заключило, что Лажечниковъ, Полежаевъ и Марлинскій — если вѣрить Григорьеву — существовали до потопа. Наконецъ, прибавимъ вычурность, или какъ называли ее въ свое время, экстравагантность выраженій, которая, по собственному заявленію г. Григорьева, была у него нерѣдкою (стр. 307) и возбуждала комическія ощущенія въ читателѣ. Для примѣра укажу нѣсколько мѣстъ. Писемскій, въ комедіи

„Комикъ“, является только *половиною* Гоголя. Человѣкъ животный уподобляется звѣрю. Это бы еще ничего, но критикъ приставляетъ такому животнo-человѣку хвостъ. Такимъ образомъ, Вепштейвъ (въ комедіи Писемскаго „Тюфякъ“) есть „звѣрь, звѣрь съ нашимъ роднымъ и вѣжно нами любимымъ хвостомъ, и Писемскій почти-что хлѣбъ и лелѣетъ это, по истинѣ столь драгоцѣнное украшеніе“ (стр. 371). Такимъ же образомъ и творецъ „Недоросля“, фонъ-Визинъ—„дикій человѣкъ, человѣкъ, такъ сказать, съ хвостомъ звѣриннымъ, любящій и лелѣющій свой хвостъ съ примѣрнымъ попеченіемъ, какъ еще многіе изъ насъ доселѣ его холятъ и лелѣютъ“ (стр. 495—496). Поправился критику Досужевъ (въ „Доходномъ мѣстѣ“, Островскаго), и вотъ въ девяти строкахъ повторяется у него одно и то же слово (*карась*) шесть разъ: „Изъ университетовъ напитков выходили или Бельтовы и Рудины, то-есть, вообще лица, не дослуживающія 14-ти лѣтъ и 5 мѣсяцевъ до пряжки; или Лаврецы и Лежневы, можетъ быть менѣе, но тоже не дослуживающіе до пряжки; или Досужевы, живущіе на счетъ *карасей* и за-просто съ *карасями* (то-есть, съ земщиной), знаніемъ, съ одной стороны, нравовъ и обычаевъ *карасей*, а съ другой—знаніемъ отвлеченнаго и темнаго для *карасей* закона и умѣньемъ справляться съ этимъ отвлеченнымъ для *карасей* міромъ въ пользу *карасей*, которые ихъ за то любятъ, холятъ и уважаютъ, и ублажаютъ, то-есть, наши юристы въ настоящемъ смыслѣ этого слова“ (стр. 395).

Я началъ съ недостатковъ или неудачныхъ сторонъ критическо й манеры г. Григорьева, которыя вредили его статьямъ во мнѣніи журналовъ и публики; обращаюсь теперь къ существенному—къ содержанію и значенію его критики вообще.

Критическіе труды Григорьева, начавшись съ 1851 г., шли, такъ сказать, параллельно съ драматическою дѣятельностью Островскаго ее они имѣли постоянно въ виду, ея анализу они посвящались преимущественно. Какъ для Бѣлинскаго главнымъ предметомъ критики служили Пушкинъ и Гоголь, такъ для критики Григорьева главнымъ предметомъ служилъ Островскій. Первая комедія этого писателя: „Свои люди—сочтемся“ приобрѣла ему быструю извѣстность. Мнѣнія о ней слились въ одну лестную похвалу: ее даже приравнивали къ „Ревизору“, а въ авторѣ видѣли преемника Гоголя. Но съ появленіемъ новыхъ піесъ Островскаго журнальные отзывы измѣнились, такъ какъ обнаружилось, что, сочувственно относясь къ непосредственному быту въ лицѣ его представителей, комикъ въ то же время

выставлялъ въ невыгодномъ свѣтѣ личности другаго быта, котораго больше или меньше коснулась цивилизація. Такой переѣмъ во взглядѣ и слѣдовало ожидать при существованіи въ то время двухъ ученій:—славянофильскаго и западнаго, которыя почитались прямо противоположными. Журналы, стоявшіе на сторонѣ втораго ученія, и слѣдовательно, дорожившіе европеизмомъ, неблагосклонно отнеслись къ комедіямъ: „Бѣдная невѣста“, „Не въ свои не садись“, не смотря на ихъ чрезвычайный успѣхъ на сценѣ. Молодая же редакція *Москвитянина*, напротивъ, приходила все въ пущій и пущій восторгъ при каждомъ новомъ произведеніи Островскаго. Григорьевъ взялъ на себя защиту и разъясненіе драматической его дѣятельности. Въ этомъ состояла главнѣйшая задача критика, который, однакожь, захватывалъ въ кругъ своихъ сужденій и многія другія литературныя явленія какъ отдаленныя, такъ и ближайшія.

Журнальная критика, не сочувствовавшая образу мыслей, проводимому въ драмахъ Островскаго, носила по всей справедливости названіе исторической. Григорьевъ понялъ, что для противодѣйствія этой критикѣ въ ея исходномъ пунктѣ и конечныхъ выводахъ, слѣдовало, какъ говорится, начать съ начала, то-есть, доказать не только ея односторонность, но и ложность принципа, въ которомъ она коренилась. Доказательства должны были истекать изъ понятія о сущности искусства. А какъ искусство есть художественно-правдивое воспроизведеніе жизни, то съ вопросомъ о немъ неразрывно связывался вопросъ о самой жизни: послѣдній даже долженствовалъ предшествовать первому. Григорьевъ такъ и поступилъ.

Статьи: „Критическій взглядъ на основы, значеніе и приемы современной критики искусства“ (*Библиотека для чтенія* 1858 г.) и „Послѣ Грозы, Островскаго“ (*Русскій Міръ*, 1860 г.) содержатъ въ себѣ наиболѣе матеріала для ознакомленія съ мыслями Григорьева. Извлекаемъ отсюда главнѣйшія его положенія. Первая статья написана видимо подъ влияніемъ сочиненій Шеллинга, отпосынящихъ ко второму періоду его ученія — къ философіи положительной. „По этому ученію“, говоритъ Григорьевъ, — „и народамъ, и лицамъ возвращается ихъ цѣльное, самоотвѣтственное значеніе; они не приносятся въ жертву кумиру отвлеченнаго духа человѣчества и его развитія. Развиваются народныя организмы, нося въ себѣ слѣды болѣе или менѣе отдаленной принадлежности къ первоначальному единству рода человѣческаго, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. Единство между этими организмами, единство неизмѣн-

ное, никакому развитію не подлежащее, отъ начала одинаковое, есть правда души человѣческой. Чистѣйшая форма ея, идеаль. пребываетъ и пребываетъ отъ вѣка. Онъ есть вѣчная правда, неизмѣнный критеріумъ различенія добра и зла, права и не-права. Не онъ, стало быть, не вѣчная правда судится и измѣряется вѣками, эпохами и народами, а вѣка, эпохи и народы судятся и измѣряются по мѣрѣ храненія вѣчной правды души человѣческой и по мѣрѣ приближенія къ ней (стр. 210).... Такому принципу развитія идеи въ извѣстныхъ, такъ сказать, типическихъ циклахъ, въ извѣстныхъ мірахъ, связанныхъ между собою преемственнымъ единствомъ, по имѣющихъ свое самостоятельное значеніе, свое типовое бытіе, противоположенъ гегеліанскій принципъ вѣчнаго, нескончаемаго развитія идеи, ведущій, въ концѣ концовъ, къ узкому поклоненію всякому послѣднему моменту развитія съ постояннымъ и постоянно повторяющимся отрицаніемъ всѣхъ предшествовавшихъ моментовъ (стр. 337).... При формулѣ вѣчнаго развитія нѣтъ абсолютной истины, нѣтъ, стало быть, и красоты безусловной и добра безусловнаго. Но какъ на такомъ положеніи душа никонимъ образомъ успокоиться не можетъ (ей нуженъ идеаль, нужна крѣпкая основа), то послѣднее звено развитія, послѣдняя относительная истина признается за критеріумъ. Является теорія, построенная на произвольномъ критеріумѣ, и на основаніи ея произносятся окончательные приговоры, смѣняющіеся другими окончательными, ожидающими на смѣну третьихъ, четвертыхъ окончательныхъ и такъ далѣе *usque ad infinitum* (стр. 211).... Искусство есть отраженіе жизни. Вѣрность, художественная правда этого отраженія зависитъ отъ вѣрности отношенія поэта къ жизни. Поэтъ тогда только учитель народа, когда онъ судитъ и рядитъ жизнь во имя идеаловъ, жизни самой присущихъ, а не имъ, поэтомъ, сочиненныхъ (стр. 454).... Искусство есть представленіе идеальнаго. Но идеаль не развивается: онъ есть высшее, совершенное, прекрасное, всегда какъ нравственно, такъ и эстетически одинаково понимаемое. Онъ всегда остается одинъ и тотъ же, всегда составляетъ единицу, норму души человѣческой (стр. 224).... Искусство относится къ жизни съ идеаломъ, подходитъ къ явленіямъ съ высшею, то-есть, нравственною мѣрою, сложенною изъ созерцаній коренныхъ, глубочайшихъ основъ и разумныхъ законовъ жизни. Великіе художники боролись не съ этою мѣрою, не съ идеаломъ, а съ мѣрою случайною, съ идеаломъ, извлеченнымъ изъ минутныхъ, жалкихъ или порочныхъ законовъ дѣйствительности (стр. 142).... Критика искусства должна подчиняться тому же критеріуму, которому

подчиняется искусство. Одно есть отраженіе идеальнаго, другая — разьясненіе отраженія. Законы, которыми отраженіе разьясняется, извлекаются не изъ отраженія, всегда, какъ *явленіе*, болѣе или менѣе ограниченнаго, а изъ сущности самаго идеальнаго. Между искусствомъ и критикой есть органическое родство въ сознаніи идеальнаго: она осмысливаетъ анализомъ тѣ же органическія начала жизни, которымъ искусство сообщаетъ плоть и кровь синтетически* (стр. 229).

На основаніи выписанныхъ положеній Григорьевъ и раскрываетъ какъ недостатки исторической критики, подвергавшей поэтическія произведенія разбору и оцѣнкѣ, такъ и самыя поэтическія произведенія.

Капитальная ошибка исторической критики, съ его точки зрѣнія, заключалась въ томъ, что она, судя о созданіяхъ искусства, постоянно искала цѣлей, вѣѣ ихъ лежащихъ. Живыя творческія созданія она цѣнила по столько, по сколько они служатъ той или другой, поставленной теоріей, цѣли. Причина всему этому, говоритъ Григорьевъ, лежала въ томъ, что вмѣсто дѣйствительной точки опоры — души человѣческой — она брала точку воображенную, предполагала чѣмъ-то дѣйствительнымъ отвлеченный духъ человѣчества. По самому существу воззрѣнія она не имѣла критеріума и не вносила свѣта идеала въ созерцаемое. Но какъ жить безъ идеала нельзя и обходиться безъ критеріума невозможно, то она создавала ихъ произвольно и прилагала ихъ безошадно. Отсюда въ критикѣ часто являлись толки, большею частію къ дѣлу не относящіеся, а по поводу дѣла высказывающіе тѣ или другія общественныя и нравственныя теоріи. Критикъ нерѣдко превращался въ публициста. Иначе и быть не могло. Когда идеаль не лежитъ въ душѣ человѣческой, а поставленъ произвольно, теоретически, тогда онъ непремѣнно долженъ гнуть факты подъ свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится въ жертву все вчерашнее, тѣмъ болѣе все третьегоднешее и все предшествовавшее представляется только ступенями къ нему (стр. 576).

Такой отзывъ объ исторической критикѣ я нахожу не только строгимъ, но и невѣрнымъ. Упрека, который дѣлаетъ ей Григорьевъ, не избѣжала-бъ и критика, взявшая себѣ критеріумомъ душу человѣческую. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта вторая критика стала бы судить и ридить произведенія искусства не по душѣ, а по понятію о душѣ. Понятія же о томъ или другомъ предметѣ у разныхъ людей не тождественны, а различны, иногда даже противоположны. Слѣдо-

вательно, смотря по личнымъ воззрѣніямъ и культурному состоянію эпохъ, выработалось бы не малое число разнообразныхъ понятій о сущности души. Каждое понятіе развилось бы въ теорію, и у каждой теоріи имѣлся бы свой идеалъ. Различные идеалы, прилагаемые къ суду надъ произведеніями поэзіи, непременно породили бы различные о нихъ приговоры. Изъ другаго источника и по другой причинѣ оказалось бы то же явленіе, которое Григорьевъ преслѣдовалъ въ исторической критикѣ. Чтò же мы въ такомъ случаѣ выиграли? Историческая критика, не смотря на ея односторонность или тенденціозность, по крайней мѣрѣ удовлетворительно сдѣлала свое дѣло, то-есть, принесла несомнѣнную пользу во многихъ отношеніяхъ. Самъ Григорьевъ не отрицаетъ этого. Если она, увлекаясь тѣмъ или другимъ идеаломъ, гнула подъ него факты, если иногда она мало цѣнила поэтическое значеніе нѣкоторыхъ произведеній, замѣчая въ нихъ несогласіе съ общественными и нравственными теоріями, построенными на воспринятомъ ею идеалѣ, то съ другой стороны, она знакомила публику съ идеалами, которые вырабатывались движеніемъ цивилизаціи, слѣдовательно, служила цивилизаціи. Такой заслуги не слѣдуетъ забывать человѣку, если онъ благодарность ставитъ въ ряду хорошихъ человѣческихъ чувствъ. Но могутъ возразить: идеалы, которые критикъ ставилъ во главу своихъ сужденій, были фальшивы. Это совершенно другой вопросъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы преслѣдовать фальшивость идеаловъ, а не самые идеалы. И тѣ идеалы, которые построены на понятіи о душѣ человѣческой, легко могутъ оказаться ложными.

Какая же критика должна выступить на смѣну исторической или теоретико-исторической?

Григорьевъ называетъ эту совершенно-новую критику *органической*, иначе: *идеально-художественною*, и творцемъ ея почитаетъ Карлейля, называя его „мечтателемъ - поэтомъ - философомъ - историкомъ-пророкомъ“. Основной принципъ ея—учиться у жизни на ея органическихъ явленіяхъ. Опредѣляется органическій взглядъ такимъ образомъ: „Онъ есть не что иное, какъ простой, не теоретическій взглядъ на жизнь и ея проявленія въ наукѣ, искусствѣ и исторіи народовъ“ (стр. 627). Но это опредѣленіе скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное: оно не высказываетъ никакихъ точныхъ признаковъ, а только противопоставляетъ теоріи простоту, не давая знать, чтò разумѣется подъ послѣднимъ словомъ. Простота простотѣ рознь; инымъ простота хуже воровства, по нашей поговоркѣ. Въ другомъ мѣ-

стѣ говорится слѣдующее: „Существеннѣйшая разница органическаго взгляда отъ взгляда односторонне-историческаго состоитъ въ томъ, что первый признаетъ за свою исходную точку творческія, непосредственныя жизненныя силы—иными словами, не одинъ умъ съ его логическими требованіями и порождаемыми необходимо этими требованіями теоріями, а умъ и логическія его требованія *плюсъ* жизнь и ея органическія проявленія“ (стр. 624). Это, конечно, поопредѣленнѣе, но не на столько, чтобы не требовало болѣе подробнаго и яснаго формулированія. Къ сожалѣнію, Григорьевъ не развилъ своей мысли, но изложилъ законовъ органической критики — почему? отвѣтъ дается имъ самимъ: „Доказавши несостоятельность критики чисто-эстетической и критики исторической, я высказалъ, какъ требованіе, необходимость критики органической. Законовъ ея я не излагалъ, да и не могъ изложить, по той простой причинѣ, что выполнялъ только отрицательную задачу и выставилъ требованіе какъ простое требованіе, не обязываясь сообщать непременно этому требованію плоть и кровь. Въ извѣстныя эпохи, къ которымъ въ особенности принадлежитъ наша ¹⁾, выполненіе отрицательныхъ задачъ чрезвычайно легко, выполненіе положительныхъ очень трудно... Не всякій, могущій выставить требованіе, способенъ *опредѣлить* это требованіе. Требованіе есть истина зарождающаяся, истина, смутно, хотя можетъ быть—и сильно сознаваемая, однимъ словомъ—вѣра, а не полное, опредѣленное знаніе“ (стр. 333—334). Какъ бы то ни было — такъ или иначе—а нельзя не повторить сожалѣнія, что поставленный вопросъ остался не рѣшеннымъ, ибо нельзя же назвать рѣшеніемъ ни двухъ указанныхъ статей („Критическій взглядъ на основы, значеніе и приемы современной критики“ и „Послѣ Грозы, Островскаго“), ни третьей („Нѣсколько словъ о законахъ и терминахъ органической критики“, въ *Русскомъ Словѣ* 1859 г.), служащей прибавленіемъ къ первой статьѣ о Тургеневѣ и содержащей въ себѣ отвѣдъ жур...

...тъ, глумившимся надъ *допотопными* талантами и *растительною* поэзіей; ни даже четвертой („Парадоксы органической критики“, въ *Эпохѣ* 1864), такъ какъ она только что начата и не была, за смертію автора, кончена. Благодаря критика за то, что есть, а именно за возбужденіе вопроса, за заявленное требованіе, нельзя, однакожъ, не замѣтить, что онъ заплатилъ дань тому самому, въ чемъ обвинялъ историческую критику, — увлеченію теоріей. Теорія эта, какъ выше сказано, навѣяна Шеллингомъ, но увлеченный или не могъ, или не

¹⁾ Письмо въ 1859 году. А. Г.

уснѣлъ сладить ни съ ея разработкой, ни съ ея приложеніемъ къ оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній.

Тѣми же положеніями, съ которыхъ Григорьевъ взглянулъ на историческую критику, руководствуется онъ во взглядѣ и на произведенія поэзіи. Главнѣйшій недостатокъ этихъ произведеній находитъ онъ въ совершенной разрозненности ихъ съ жизнью, въ произвольномъ искаженіи дѣйствительности для проведенія извѣстныхъ мыслей. Такъ какъ, разсуждаетъ онъ,—народъ есть цѣльный, самостоятельный и самоотвѣтственный организмъ, то поэтъ, какъ выразитель сущности, духа этого организма, тогда только бываетъ истиннымъ, когда онъ народный. Народность, въ смыслѣ національности, есть, слѣдовательно, мѣрило достоинства поэтическихъ произведеній. Мысль воопшѣ справедливая, но собственно не новая. Не говоря ужъ о Нѣмцахъ, для которыхъ она давнымъ давно сдѣлалась *tritum per tritum*, у насъ Вѣлинскій очень обстоятельно показалъ значеніе народности и двоякое ея значеніе: обширное (народность вообще или національность) и тѣсное (народность частная или простонародность). Не выборъ предмета важенъ, — продолжаетъ Григорьевъ, „а отношеніе къ предмету. Съ точки зрѣнія отношеній литературы къ народности, иначе—постояннаго стремленія литературы къ сознанію народности, и измѣряетъ онъ значеніе литературныхъ явленій. Онъ различаетъ отношенія косвенное и прямое: въ косвенномъ поэтъ смотритъ на жизнь сквозь призму идеаловъ, внѣ ея лежащихъ; въ прямомъ — созерцаетъ идеалы, присущіе самой жизни. Первое отношеніе порождаетъ отрицаніе дѣйствительности, разладъ съ нею; второе даетъ примиреніе съ жизнью, ясное уразумѣніе ея смысла. Творчество каждаго поэта сообщаетъ намъ новыя откровенія о народной жизни, о ея типовыхъ особенностяхъ, иначе — выговариваетъ *новое слово*... Значеніе этого термина Григорьевъ долго держалъ подъ великимъ секретомъ, ключъ отъ котораго носилъ, такъ сказать, при себѣ въ карманѣ, что частію производило недоумѣніе, а частію вызывало насмѣшки надъ творцемъ таинственнаго термина. Наконецъ, въ 1855 году, объявилась тайна неожиданпымъ образомъ: оказалось, что *новое слово* есть самое старое слово — народность (стр. 119), къ которой поэзія становится въ прогрессивно-вѣрнѣйшія отношенія; такъ наприимѣръ, „словомъ“ Гоголя было выставить пошлость пошлаго человѣка, уничтожить самообольщеніе, привести насъ къ полному христіанскому сознанію (стр. 15). Начало прямыхъ отношеній русской поэзіи къ дѣйствительности Григорьевъ ведетъ отъ взгляда на жизнь Ивана Пет-

ровича Вѣлкина (стр. 228), то-есть, отъ повѣстей Пушкина, изданныхъ въ 1830 г. подъ псевдонимомъ Вѣлкина. Въ драмахъ Островскаго прямое отношеніе, по убѣжденію Григорьева, достигло высшей степени, благодаря коренному русскому міросозерцанію, здоровому и спокойному, юмористическому безъ болѣзненности (стр. 63). „Новое слово“ Островскаго есть отношеніе къ русской жизни, прямое, непосредственное, ровное, человѣчное, съ религіознымъ культомъ существенно-народнаго“. Я нахожу такую характеристику „новаго слова“ неопредѣленною. Чтѣо разумѣть подъ совершенною непосредственностію отношенія поэта къ жизни? То ли, чтѣо разумѣлъ Алмазовъ, представляя себѣ идеальнаго поэта, который изображаетъ человѣка совершенно объективно, совершенно - искренно, *математически* (!)-вѣрно дѣйствительности? Но тогда мы вмѣсто художественнаго воспроизведенія получили бы дагерротипный портретъ, фотографическую карточку. Самъ Григорьевъ говоритъ, что абсолютная непосредственность въ наше время невозможна. Чтѣо же возможно? За отвѣтъ на этотъ вопросъ можно принять слѣдующія строки на стр. 58: „Тотъ только истинный художникъ въ наше время, кто, установивши возможное равновѣсіе идеала и дѣйствительности въ душѣ, относится къ дѣйствительности во имя вѣчныхъ и разумныхъ требованій идеала, ищетъ разрѣшенія благородныхъ, возвышенныхъ задачъ, хотя съ другой стороны—вглядывается пристально въ дѣйствительность, воздастъ должную справедливость ея разумнымъ законамъ, умѣетъ отличить въ ней самобытное, коренное отъ пришлаго или наноснаго“. Все это слишкомъ обще. Было бы желательно видѣть яснѣе, почему критикъ придаетъ такую высокую цѣну слову Островскаго, то-есть, его драмамъ. Конечно, стремленія нашего времени направляются къ наибѣе дѣйствительнѣйшему, наибѣе наглядному представленію простѣйшей, ежедневнѣйшей дѣйствительности (стр. 309); но независимо тѣхъ или другихъ отношеній къ дѣйствительности, необходимо принимать въ соображеніе и степень поэтическаго таланта. Съ одной и той же точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ иной талантъ прозрѣваетъ въ него глубже и открываетъ въ немъ больше, иной прозрѣваетъ мельче и видитъ меньше. Нѣтъ спора, что комедіи Островскаго — очень замѣчательный фактъ нашей драматической поэзіи, но съ другой стороны безспорно и то, что своимъ успѣхомъ онѣ много обязаны превосходному ихъ исполненію на Московской сценѣ. На сценѣ Александринаскаго театра, при отсутствіи въ настоящее время талантливыхъ артистовъ, нѣтъ

желанія смотрѣть эти комедіи. Какое впечатлѣніе производятъ онѣ независимо отъ сценической постановки, именно въ чтеніи? Такое ли, какъ „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“, или не такое? Вотъ вопросъ, на который пусть отвѣтятъ читатели. По моему мнѣнію, драма, которая *всегда* читается съ большимъ удовольствіемъ, охотно, выше той драмы, которая, при артистическомъ ея выполненіи, всегда смотрится съ удовольствіемъ, но *не всегда* охотно читается. Къ драмамъ перваго рода принадлежатъ драмы Шекспира, къ которымъ приравнять или выше которыхъ ставить комедіи Островскаго, какъ это сдѣлалъ Алмазовъ (Соч. Григ., I, стр. 471)—забавно и по малой мѣрѣ преждевременно: надо подождать суда исторіи. Прибавлю къ этому, что тѣ непосредственныя, прямыя, гуманныя отношенія къ дѣйствительности, за которыя такъ восхваляется Островскій, могутъ, однакожъ, быть толкуемы и въ смыслѣ отрицательномъ, совершенно противоположномъ тому, въ какомъ ихъ понималъ Григорьевъ, какъ мы и видимъ въ статьѣ Добролюбова о произведеніяхъ Островскаго.

Впрочемъ, можно не соглашаться съ Григорьевымъ, можно съ нимъ спорить о томъ или другомъ, но нельзя не отнестись къ его критической дѣятельности съ уваженіемъ, какъ къ дѣятельности человека мыслящаго, знающаго и честно обращавшагося съ своими мыслями и знаніями. На произведенія искусства смотрѣлъ онъ независимо позднѣйшихъ, современныхъ ему критиковъ: онъ не подчинился реализму, не пошелъ въ походъ противъ поэзій. На самаго Бѣлинскаго не побоялся онъ взглянуть такъ, какъ другіе не рѣшались бы глядѣть: при всемъ сознаніи его заслугъ, онъ указалъ и недостатокъ его критики. Всѣ сочиненія, вышедшія въ свѣтъ по смерти Бѣлинскаго, разсматривались имъ обстоятельно: не говорю ужъ объ Островскомъ, который нашелъ въ немъ какъ бы присяжнаго истолкователя. Онъ вѣрно изложилъ сущность трехъ категорій произведеній, явившихся послѣ Гоголя. И. С. Тургеневъ, прочитавъ разборъ „Дворянскаго гнѣзда“, призналъ за своимъ критикомъ талантъ съ новымъ направленіемъ. Подъ приговорами Григорьева о Лермонтовѣ, Гончаровѣ, Писемскомъ, Некрасовѣ нельзя не приложить руки; по крайней мѣрѣ я прикладываю руку. Заклучу тѣмъ, съ чего началъ мой отчетъ: собраніе критическихъ статей А. Григорьева составляетъ вѣскій вкладъ къ литературу нашей критики, заключаая въ себѣ немалый матеріалъ, который, съ одной стороны, увеличиваетъ число эстетическихъ понятій, а съ другой — опредѣленіями дѣятель-

ности Пушкина, Гоголя, Лермонтова и другихъ писателей, имѣть право войти и несомнѣнно войдетъ въ исторію нашей словесности.

А. Галаховъ.

Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Составилъ Гуморій Геннади. Томъ первый: А—Е. Берлинъ. 1876.

Книга, заглавіе которой приведено выше, вызвана неудовлетворительнымъ состояніемъ нашей библиографіи. Последнее обстоятельство всѣмъ хорошо извѣстно, и потому каждый согласится съ тѣмъ, что говорить по этому поводу г. Геннади, какъ бы желая оправдать появленіе въ свѣтъ своего труда. Цѣль послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы собрать главнѣйшія и нужнѣйшія данныя по русской библиографіи, дать въ сжатомъ видѣ справочную книгу, въ которой можно было бы найти краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и книгахъ, и указать источники и матеріалы болѣе подробныхъ о нихъ свѣдѣній. Имѣя такую цѣль, г. Геннади предпринялъ на широкихъ основаніяхъ составить словарь русскихъ писателей и ученыхъ за два столѣтія съ возможно полными и обработанными біографіями, но скоро, конечно, убѣдился, что такая работа не по силамъ одному человеку. Предоставивъ рѣшеніе этой задачи будущему, г. Геннади захотѣлъ прежде удовлетворить насущной потребности, ограничившись само-нужнѣйшими краткими указаніями и сузивъ размѣры труда до возможной сжатости, чтобы скорѣе окончить и издать его.

Взглянемъ же на основныя черты его плана.

Въ Словарь вошли имена умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ русскихъ писателей и ученыхъ, о которыхъ составитель имѣлъ свѣдѣнія до 1874 года. Относительно тѣхъ, о которыхъ не имѣлось некрологическихъ свѣдѣній, заключительною гранью взять 1825 годъ. Кромѣ умершихъ, помѣщены и находящіеся въ живыхъ, но такіе, которые начали печатать до 1825 года, какъ напримѣръ, Ѳ. П. Глинка. Слово „русскій“ принято въ обширномъ смыслѣ. „Исключивъ“, говоритъ г. Геннади, — „авторовъ русско-польскихъ, армянскихъ, латышскихъ и т. п., печатавшихъ въ Россіи, потому что мыѣмъ незнакомы ихъ языкъ и литературы, и упомянуть только нѣкоторыхъ жившихъ и печатавшихъ въ Россіи писателей изъ уроженцевъ Прибалтійскихъ губерній, потому что для нихъ есть уже обширный Schriftsteller-Lexicon Рекке и Напѣрскаго, — я помѣщалъ всѣхъ печатавшихъ на русскомъ, или въ

Россіи, даже иностранцевъ, если они служили въ Россіи или были русскими подданными. Также помѣщены ученые, ничего не печатавшіе, но служившіе въ русскихъ ученыхъ или учебныхъ учрежденіяхъ. Таковы: педагоги, натуралисты, инженеры, вообще принадлежащіе къ сословію ученыхъ, медики, профессора, ректоры и префекты семинарій, которые почти всегда и преподаватели. Кромѣ того, я помѣстилъ нѣсколько лицъ потому, что они участвовали въ развитіи нашего просвѣщенія и литературы своею службой и вліяніемъ (министры народнаго просвѣщенія, президенты академій наукъ и т. п.), или своею издательскою дѣятельностью (напримѣръ П. П. Бекетовъ, П. В. Голубковъ, и др.), наконецъ своимъ меценатствомъ и научными коллекціями и бібліотеками (А. С. Власовъ, Демидовы, Т. О. Большаковъ и т. п.)⁴. Сверхъ того, тутъ же помѣщенъ каталогъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ.

Таковъ суженный планъ словаря, но и въ этомъ видѣ онъ представляется предпріятіемъ весьма обширнымъ. Это скорѣе энциклопедія исторіи просвѣщенія въ Россіи, чѣмъ спеціальныи словарь писателей и ученыхъ. Предшествовавшія явленія въ этомъ родѣ, какъ напримѣръ, Опытъ историческаго словаря Н. И. Новикова, Словарь митрополита Евгенія, Обзоръ русской духовной литературы Филарета Черниговскаго не могутъ и сравниться съ трудомъ г. Геннади по обширности плана. Это качество новаго Справочнаго словаря составляетъ и его достоинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его недостатокъ. Чѣмъ шире планъ словаря, тѣмъ больше найдется людей, которые будутъ нуждаться въ немъ. Но за то составителю его труднѣе будетъ удовлетворить всѣхъ полнотою и точностію свѣдѣній.

Не касаясь области естествознанія, медицины, архитектуры и т. п., мы рассмотримъ словарь г. Геннади главнымъ образомъ со стороны словесности и исторіи. Въ этихъ отдѣлахъ, при первомъ знакомствѣ съ книгою г. Геннади, мы замѣтили не мало разнаго рода недостатковъ. Чтобы не быть голословными, укажемъ на факты. Такъ, мы вовсе не нашли въ словарѣ слѣдующихъ именъ:

Анатолій, епископъ Могилевскій и Мстиславскій († 1872 г.), хотя свѣдѣнія о немъ напечатаны г. Геннади въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., № 12, стр. 1095.

Ардымскій—псевдонимъ Ф. Ф. Вигеля. За этою подписью есть его статья: „Свѣтопись“ въ сборникѣ Н. В. Сушкова: *Раутъ* 1854 г., стр. 31 (см. Московскій университетскій благородный пансіонъ—Н. В. Сушкова. М. 1858 г., стр. 14).

Борковский, Константинъ, авторъ „Торжественнаго Слова“ М. 1762 г. ¹⁾).

Волковъ. Насчитывая 14 Волковыхъ, г. Геннади пропустилъ между ними одного очень виднаго: Дмитрія Васильевича (1718—1785), тайнаго секретаря императора Петра Ѳеодоровича. Въ литературѣ этотъ Волковъ извѣстенъ какъ переводчикъ VI, X, XI, и XII главъ Мармонтелева „Велизарія“ ²⁾ и авторъ пяти-актной комедіи: „Воспитаніе“ М. 1774 г. (*Сопиковъ*, № 5320). ³⁾ Это произведеніе повторено впрочемъ въ словарѣ г. Геннади два раза—на стр. 167 подъ именемъ Волковъ, и на стр. 168, подъ именемъ: Волковъ Д. О Д. В. Волковъ есть статья *С. А. Рудаковой* въ *Русской Старинѣ* 1874 года, т. IX, стр. 163—174. Письмо его къ Г. Г. Орлову помѣщено въ томъ же изданіи, т. XI, стр. 479. Два другихъ письма къ тому же лицу напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1874 г. № 8, стр. 336—346.

Грузиновъ, Осипъ Петровичъ. Покойный М. Н. Лонгиновъ замѣчаетъ объ немъ по поводу одного стихотворенія М. Ю. Лермонтова, что оно написано къ умершему О. П. Грузинову, автору нѣлѣпнѣйшихъ стихотвореній, изданныхъ въ Москвѣ въ 1830 году подъ названіемъ; „Цѣвница“ ⁴⁾. Кромѣ того, Грузинову же принадлежатъ: „Были и повѣсти“ М. 1840 г. и „Мечты и звуки поэзіи“. М. 1842 г.

Даниловскій Н. Ему принадлежитъ: „Даира, восточная повѣсть“, переводъ съ французскаго языка, выдержавшая два изданія: М. 1766 и 1794 ⁵⁾. У Сопикова она значится подъ №№ 3071—3072, имя переводчика означено Н. Дан..... Также обозначено оно и въ Словарѣ г. Геннади.

Ефимовичъ, Кондратій Дмитріевичъ, артиллерійскій поручикъ († 1847), авторъ драмъ: Владиміръ Заревскій, въ 5 д. С-Пб. 1846 г. ⁶⁾, Отставной музыкантъ и княгиня, Вертеръ и Шарлота, Кощей и др. Кромѣ того, Ефимовичъ участвовалъ въ *Иллюстраціи* и *С.-Пбурьскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ писалъ критическія статьи о театрѣ. О немъ см. не-

¹⁾ Новиковъ и московскіе Мартинисты—*М. Н. Лонгинова*, М. 1867 г., стр. 052.

²⁾ Исторія русской словесности *Галахова*, т. I стр. 445.

³⁾ *Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*, т. XI, № 1, стр. 37, статья *М. Н. Лонгинова*: «Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ 1749—1774 гг.».

⁴⁾ *Русская Старина*, т. VII стр. 300.

⁵⁾ *Утро*, литературный и политическій сборникъ, изд. *М. П. Полюдинымъ*, М., 1866 г., стр. 432: «Примѣч. къ ст. о дѣтствѣ Карамзина».

⁶⁾ У *Межова* въ Сист. каталогѣ книгъ Базунова она значится подъ № 10941 безъ имени автора.

крологи—въ *Финскомъ Вѣстникѣ* 1847 г., т. XXIII, въ отдѣлѣ Смѣси, и въ *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ* того же года, т. XI.

Неизвѣстно, на какомъ основаніи не помѣщены также нѣкоторые писатели, умершіе въ 1873 году, краткія свѣдѣнія о которыхъ напечатаны г. Генпади въ *Русскомъ Архивѣ* 1875 г. № 12. Такимъ образомъ не находимъ въ словарѣ: В. Г. Бенедиктова, Варлаама архіепископа Черниговскаго, А. М. Волкова и И. Д. Галанина. Изъ педагоговъ мы замѣтили пропущеннымъ Дикаго, о которомъ есть цѣлая особая книга: Андрей Ивановичъ Дикій, Кіевъ, 1870 г. — Здѣсь находятся: біографическія свѣдѣнія о Дикомъ, сочиненія, оставшіяся послѣ кончины его, и переписка. Въ концѣ книги приложены рѣчи, произнесенныя надъ гробомъ покойнаго.

Кромѣ полноты перечня писателей, весьма трудною задачею біографіи является вѣрное распредѣленіе сочиненій между авторами однофамильцами. Иногда къ сходству фамиліи присоединяется и одинаковость именъ. Какъ трудно, напримѣръ, надлежащимъ образомъ распредѣлить произведенія двухъ Григорьевыхъ: оба Петры, оба актеры и почти современники. Очень легко спутать имена и приписать одному произведенію другаго. И такого рода ошибки мы замѣтили въ Справочномъ Словарѣ г. Генпади. „Эротическія стихотворенія“ принадлежащія князю Григорію Гагарину, приписаны его однофамильцу князю Гавріилу. Очевидно, здѣсь повторяется ошибка В. Г. Анастасевича въ составленной имъ Смирдинской росписи. Но въ первыхъ, уже Н. В. Сушковъ ¹⁾ приписываетъ эти стихотворенія князю Григорію, въ вторыхъ, послѣдній извѣстенъ писаніемъ стиховъ, а князь Гавріиль, сколько извѣстно, не писалъ ихъ, исключая сочиненной имъ себѣ эпитафіи, которая напечатана въ Словарѣ достопамятныхъ людей *Д. И. Бантишъ-Каменскаго*, т. II, 1836 г. стр. 6; третьихъ, „Эротическія стихотворенія“ противорѣчатъ общему характеру трудовъ князя Гавріила: онъ сочинялъ акаѣисты, службы святымъ и нравственныя разсужденія. Кстати скажемъ здѣсь и о хронологіи. Годъ смерти князя Гавріила Гагарина у г. Генпади показанъ 1807, а годъ рожденія не показанъ вовсе. Въ Россійской же Родословной книгѣ князя *И. В. Долгорукова*, часть I, стр. 245, находимъ, что онъ родился 9-го января 1745 г., а умеръ 19-го января 1808 г. При имени князя Григорія Гагарина не указано отчество его: Ивановичъ и ни одной статьи о немъ. Изъ вышепаванной книги Н. В. Сушкова знаемъ, что этотъ Гагаринъ

¹⁾ Московскій университетскій благородный пансіонъ. М. 1858, стр. 78.

былъ воспитанникомъ Московскаго университета и почетнымъ членомъ (безъ прозвища) Арзамасскаго общества. Извѣстно также, что князь Григорій Ивановичъ принималъ участіе въ журналахъ: *Пріятное и полезное препровожденіе времени* и *Утренняя Заря*. Вообще, сколько мы замѣтили, г. Геннадіи рѣдко пользуется книгою Сушкова, важною по сообщаемымъ въ ней свѣдѣніямъ; то же можно сказать и про Росс. Родословную книгу кн. П. В. Долгорукова. Въ ней, на примѣръ, сказано ¹⁾: Князь Павелъ Сергѣевичъ (Гагаринъ), генералъ-поручикъ, родился 13-го іюня 1747 г., умеръ 2-го декабря 1789 г., а у г. Геннадіи мы находимъ: Гагаринъ князь Павелъ, и болѣе ничего. Прибавимъ еще, что упомянутый князь печаталъ свои произведенія въ *Чтеніяхъ для вкуса* и въ *Аонидахъ*.

Относительно Гагарина, означеннаго въ Справочномъ словарѣ буквами: П. Г., авторъ „Тридцати дней“, замѣтимъ, что это никто иной, какъ сынъ князя Гавріила Петровича, Павелъ Гавриловичъ, генералъ-адъютантъ, родившійся 8-го января 1777 года, умершій 2-го апрѣля 1850 года ²⁾, и о которомъ говорится въ Словарѣ *Бантышъ-Каменскаго* (изд. 1836 г., часть II, стр. 6—7, въ запискахъ Н. И. Греча (*Русск. Архивъ* 1873 г., № 5, стр. 687) и въ „Старой записной книжкѣ, начатой въ 1813 г.“ (*Русскій Архивъ* 1875 года, № 2, стр. 202).

Что касается перечня отдѣльно изданныхъ сочиненій авторовъ, упоминаемыхъ въ Справочномъ словарѣ, то мы нашли здѣсь также не мало пропусковъ и недомолвокъ. Укажемъ для примѣра на слѣдующія:

Въ статьѣ объ *В. Е. Ададуровѣ* не сказано, что вторая часть Эйлерова руководства къ Арифметикѣ вышла въ 1760 году ³⁾.

Въ перечнѣ трудовъ *М. И. Антоновскаго* не указаны: Пѣсни о избавленіи Сербіи; соч. въ Вѣдѣградѣ, на русскомъ и сербскомъ языкахъ. С.-Пб. 1806 г. (*Сопиковъ*, № 9378 безъ имени автора), Опытъ историческаго доказательства о происхожденіи Россіянъ отъ Ара-ратцовъ, какъ отъ перваго народа послѣ всемірнаго потопа, соч. Г. Драмелъ. Перев. съ франц. яз. С.-Пб. 1785 г. (*Смирдинъ*, № 2634 безъ имени переводчика). Кромѣ того, Антоновскій въ 1782 году былъ главнымъ издателемъ *Вечерней Зари* ⁴⁾.

¹⁾ Росс. родословная книга, т. I, стр. 243.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 247.

³⁾ *Оборники отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*, т. XIV, стр. 420, № 69.

⁴⁾ 1-е акад. изд. сочиненій Державина, т. V, стр. 437.

П. Н. Арановъ, кромѣ поименованныхъ г. Геннадіи сочиненій, издалъ вмѣстѣ съ Д. Новиковымъ литературно-музыкальный альманахъ *Гадугу* на 1830 годъ, (Реестръ русскимъ книгамъ И. Глазунова. С.-Пб. 1845, № 5146).

Барковъ, авторъ „Мира героевъ“, „Житія князя А. Кантемира“ и пр. (по отчеству Семеновичъ, а не Ивановичъ). При немъ не означена книга: Сочиненія и переводы И. С. Баркова съ біографическимъ очеркомъ автора. С.-Пб. 1872 г.

Батюшковъ К. Н. Въ числѣ его трудовъ мы не нашли „Прогулки по Москвѣ“ (*Русскій Архивъ* 1869 г., стр. 1191), хотя г. Геннадіи перечисляетъ произведенія Батюшкова, напечатанныя въ другихъ журналахъ. Нѣтъ также „Рѣчи митрополита Платона“ въ переводѣ на франц. языкъ. С.-Пб. 1801 г. ¹⁾ Перечисляя изданія, гдѣ напечатаны произведенія Батюшкова, г. Геннадіи не упоминаетъ *Цѣтника*, гдѣ находится множество стихотвореній нашего поэта безъ подписи, или съ подписью: 1. 12., *Сѣверною Вѣстника*, *Драматическаго Вѣстника*, гдѣ Батюшкову принадлежатъ произведенія за подписью NNN, и *Полярной Звѣзды* 1825 г., гдѣ есть „Цвѣты изъ греческой аналогіи“ съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи.

Бутовскій И. Г. Его переводъ „Исторіи крестовыхъ походовъ“, соч. Мишо, вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1841 г. С.-Пб. 5 частей.

Глинка Ѳ. Н. Пропущена брошюра въ стихахъ: „Москвѣ благотворительной“, М. 1841.

Гоголь Н. В. Римъ, отрывокъ. М. 1842 г.

Вознесенскій, Е. М. священникъ. Воспоминанія о путешествіяхъ Высочайшихъ особъ, благополучно царствующаго Императорскаго дома Романовыхъ, въ предѣлахъ Костромской губерніи, въ XVII, XVIII и текущемъ столѣтіи. Кострома, 1859 г.

Волковъ Ѳ. Г. Въ числѣ трудовъ, приписываемыхъ ему, г. Геннадіи не упоминаетъ о переводѣ комедіи Мольера: „Сициліанецъ“ ²⁾ въ 1 д. С.-Пб. 1766 г. (Сопиковъ, № 5613 безъ имени переводчика).

Вороновъ Е. И. Перевелъ съ французскаго Исторію музыки соч. Штаффорда съ примѣчаніями, поправками и прибавленіями Фетиса. С.-Пб. 1838 г. (Ольгинъ № 3629).

Гавріиль, архіепископъ (Василій Розановъ). Въ числѣ его произведеній не упомянуты: Слова поучительныя. С.-Пб. 1821 (*Смирдинъ*,

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1867 г., стр. 1348.

²⁾ Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Академ. наукъ, т. XI, стр. 24.

№ 504) и Слово на день св. Александра Невского С.-Пб. 1825 (тѣмъ же, № 553).

Григорій Н. И. Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности. Читано 2-го января 1814 г. въ торжественномъ собраніи Импер. публичной библіотеки по случаю ея открытія. Напечатано въ описаніи этого открытія (*Смирдинъ*, № 2751) и отдѣльно ¹⁾. Кстати было бы упомянуть, что Григорій писалъ подъ псевдонимомъ: „Житель Тентелевой деревни“ ²⁾. (*Сынъ Отечества* 1816 г. № 27, статья: „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады Ленора“) и издалъ въ 1822 году „Кавказскій Плѣнникъ“ Пушкина и „Шильонскій узникъ“ Жуковского ³⁾.

Городчаниновъ Г. Н. Выписываемъ полное заглавіе рѣдкой брошюры, не упомянутой г. Генпади: Опытъ риторическаго разбора одной строфы изъ седьмой торжественной оды г. Ломоносова, сдѣланной кол. ас. Г. Городчаниновымъ при назначеніи его въ званіе адъюнкта-профессора російской словесности въ Импер. Казанскій Университетъ. С.-Пб. 1806.

Грамматинъ Н. Ѳ. Не указано изданіе его стихотвореній. С.-Пб. 1829 г. 2 части (Реестръ русскимъ книгамъ *И. Глазунова*. С.-Пб. 1845 г., № 6142).

Грековъ Н. П. Ролла, поэма *А. Мюссе*. М. 1864 г.

Грибовскій А. М. Собраніе разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко двору донесеній, съ подлинниковъ присылаемыхъ въ Академію наукъ для напечатанія при вѣдомостяхъ; 2 ч. С.-Пб. 1789—1791 г. (*Сопиковъ*, № 10988 безъ имени автора) ⁴⁾.

Дамаскинъ (Семеповъ-Рудневъ). Слово въ день святыхъ-апостоловъ Петра и Павла, и на всерадостное тезоименитство Его Имп. Высоч. благов. государя цесаревича и вел. князя Павла Петровича и т. д. М. 1783 г. ⁵⁾

Дивовъ П. Г. Рѣчь, говоренная предъ совѣтомъ въ публичномъ собраніи при выпускѣ кадетовъ изъ корпуса 1785 года февраля 18-го дня.

¹⁾ *Галаховъ*, Исторія русской словесности, т. II, стр. 267.

²⁾ *Галаховъ*, Истор. Христоматія, т. I, стр. 563.

³⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 1177.

⁴⁾ *Галаховъ*, Истор. христоматія, т. I, стр. 563.

⁵⁾ Полное заглавіе см. въ Матеріалахъ для бібліографіи *Я. Березина-Ширлева*, книга VIII, стр. 21.

Доморукъ, князь Ал. Из. Не указано изданіе сочиненій его въ прозѣ и стихахъ съ портретомъ автора, 3 тома, М. 1859 г.

Доморукъ, князь П. В. Россійская родословная книга, 4 части. С.-Пб. 1854—1857 г.

Евгеній Болховитиновъ. Краткій словарь славянскій. С.-Пб. 1784 г. (Смирдинъ, № 5944). — Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи. Воронежъ 1800 г. (тамъ же, № 3672).

Екатерина II. Обидагъ, восточная повѣсть на нѣмецкомъ языкѣ; русскій переводъ Семена Ивановича Великаго. С.-Пб. 1787 г. у Сопикова, № 6942, ни авторъ, ни переводчикъ не указаны. См. *Русскій Архивъ* 1871 г., № 7 и 8, стр. 1271).

Екимовъ П. Храмъ древности и т. д. перев. на рос. языкъ, въ С.-Петербургѣ. 1771 г. (полное заглавіе см. въ Матеріалахъ для бібліографіи *Я. Березина-Ширяева*, книга VIII, стр. 42—43). Въ каталогахъ не указано имени переводчика; оно открывается изъ *С.-Пб. ученыхъ въдомостей* 1777 г., по изданію *А. Н. Неустроева*, стр. 34.

Ешевскій С. В. Не указаны Сочиненія его, изданныя въ трехъ частяхъ *К. Солдатенковымъ*, М. 1870 г. съ біографическою статьею, составленною *К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ*.

Мы привели такъ много примѣровъ столько же изъ желанія подкрѣпить наши слова, сколько и во исполненіе просьбы г. Геннади, выраженной имъ въ предисловіи къ Справочному Словарю. Но желая остаться въ предѣлахъ рецензій, мы ограничились только болѣе важными.

Перечисляя сочиненія писателей и ученыхъ, г. Геннади прекрасно сдѣлалъ, включивъ сюда же и переписку. Указываются не только отдѣльно изданные сборники писемъ, но и письма, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію указанія Справочнаго Словаря въ этомъ случаѣ совершенно случайны. Напримѣръ, указывается письмо *К. Н. Батюшкова* къ *К. А. Карамзиной*, напечатанное въ *Утрѣ* Погодина 1866 г., а письмо къ *Н. М. Карамзину*, напечатанное тамъ же не указано. Также пропущены письма *Батюшкова* къ *М. Н. Загоскину* (*Раутъ*, часть III, стр. 314), къ *В. А. Жуковскому* (*Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 1711, и 1875 г. № 11, стр. 343), къ *И. М. Муравьеву-Апостолу* (напечатано какъ приложение къ книгѣ *М. Н. Муравьева: „Обитатель предмѣстья“*, С.-Пб. 1815), къ *П. О. Грамматину* (*Библиогр. Записки* 1859 г., № 11). Въ перепискѣ *Н. И. Гнѣдича* мы не нашли его писемъ къ *В. К. Кюхельбекеру* (*Русская Старина*, т. XIII.

стр. 358), къ Г. Р. Державину (1-е акад. изданіе сочиненій послѣдняго, т. VI. 201. 202), къ М. Н. Загоскину (*Раутъ*, часть III, стр. 297, 299, 301), къ В. А. Жуковскому (*Русскій Архивъ* 1875 г., № 11, стр. 364). Изъ писемъ *Е. Р. Дашковой* не указаны: къ Г. Р. Державину (1-е акад. изданіе сочиненій его, т. V, стр. 534 — 562), къ императору Павлу Петровичу (*Русскій Архивъ* 1871 г., № 9, стр. 1486), къ П. С. Потемкину (*Русскій Архивъ* 1875 г., № 2, стр. 195). Особенно много пропусковъ мы замѣтили въ перепискѣ *И. И. Дмитріева* и митрополита *Евгенія*. Въ статьѣ о первомъ не указаны письма его къ А. Х. Востокову (*Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*, т. V, вып. 2, стр. XXIII), къ Д. И. Языкову (тамъ же, стр. XVIII), къ М. Н. Загоскину (*Раутъ*, часть III, стр. 315), къ В. А. Жуковскому (*Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 1691 и 1871 г., № 3, стр. 409), къ А. И. Тургеневу (*Русскій Архивъ* 1871 г., № 3, стр. 428) и къ Г. Р. Державину (1-е акад. изд. его соч., т. VI, стр. 372). Изъ писемъ митрополита *Евгенія* не упомянуты: два письма его къ графу Д. И. Хвостову (*Библіогр. Записки* 1859 г., № 8), множество писемъ къ Г. Р. Державину (1-е акад. изд. соч. его, т. VI, стр. 170, 185, 186, 197, 262, 312, 321, 345, 347, 394) письмо *Евгенія* изъ Тифлиса (*Друзь Простѣщенія*, 1805 г., т. I, 30), выдержки изъ дружескихъ писемъ къ В. И. Македону (*Русск. Архивъ* 1870 г., стр. 769), письмо къ епископу Паренію (тамъ же 1875 г., № 11, стр. 315).— Нѣтъ въ Словарѣ и писемъ *А. И. Ермолаева* къ митрополиту *Евгенію* (*Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. наукъ*, т. V., вып. I, стр. 238, 241, 244) и къ А. Х. Востокову (тамъ же, вып. II, стр. 25, 34, 85, 93, 251 и III). При имени *А. П. Ермолова* не упоминается о перепискѣ его съ разными лицами, напечатанный въ *Русской Старинѣ*, т. V, стр. 431; т. VI, стр. 290, 493, 501, 538, т. VII, стр. 95.

Свѣдѣнія, которыя мы находимъ о лицахъ, попавшихъ въ Справочный словарь г. Геннади, весьма сжаты, сухи и ограничиваются преимущественно хронологическими и официальными данными. О личностяхъ извѣстныхъ, напримѣръ, Державинѣ, Дашковой и т. п., сказано, разумѣется, больше; о другихъ—меньше; иногда, какъ выше мы видѣли, напримѣръ, Павлѣ Гагаринѣ, ничего не сказано. Причину этому мы уже знаемъ. Тѣмъ дороже должны быть при этомъ указанія на статьи, въ которыхъ находятся болѣе подробныя свѣдѣнія, а иногда и обработанныя біографіи писателей и ученыхъ. Но на эту сторону труда обращено, кажется, всего меньше вниманія. По крайней мѣрѣ мы встрѣтили здѣсь больше всего неполноты. Оставляя въ

сторонѣ источники, въ которыхъ находятся случайныя и краткія свѣдѣнія о лицахъ, каковы, напримѣръ, различные мемуары, письма и т. п., мы, чтобъ ограничить предѣлы нашей статьи, укажемъ на слѣдующія:

Аврамовъ, М. П. О немъ: Посошковъ и Аврамовъ въ *Библіотекъ для Чтенія* 1864 г., февраль.

Анненковъ, Н. Н. О немъ: Генераль-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, очеркъ служебной дѣятельности. С.-Пб. 1862 г.

Бахтинъ, И. И. (1756—1818). Въ *Русской Старинѣ* т. I, стр. 132, есть замѣтка о немъ г. Семевского.

Болотовъ, А. Т. Пропущена статья *М. П. Болотова*: „А. Т. Болотовъ. Воспоминаніе о послѣднихъ годахъ его жизни“ (*Русская Старина*, т. VIII, стр. 738).

Гавриилъ (Петровъ), митрополитъ С.-Петербургскій. Матеріалы для его біографіи, собранные и объясненные *И. И. Григоровичемъ* (*Русскій Архивъ* 1869 г., стр. 1569).

Гамалія, С. И. О немъ статья *Н. Рябова*: Еще нѣсколько свѣдѣній о Н. И. Повиковѣ и С. Гамаліѣ (*Библіот. Записки* 1858 г. № 3).

Гютовъ, А. И. О немъ см. *Отечест. Записки* 1820 г., часть III № 5, стр. 36.

Добролюбовъ, И. А. Не указана критическая статья г. Зиринъ въ *Библіотекъ для чтенія* 1862 г., июль.

Грибоѣдовъ, А. С. Статья *П. А. Каратыгина*: А. С. Грибоѣдовъ. (*Русская Старина*, т. V, стр. 423).

Даль, В. И. См. воспоминаніе о немъ съ извлеченіями изъ его писемъ, *Я. К. Грота* (*Сборникъ отд. русск. яз. и словесн.*, т. X).

Ермоловъ А. П. Не указаны статьи о немъ въ *Русской Старинѣ*, т. VI, стр. 475 и 539, а также въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 г., № 5, стр. 985.

Повторяемъ, что мы здѣсь указываемъ только на нѣкоторыя статьи, въ заглавіи которыхъ прямо выставлено о комъ онѣ писаны, не упоминая о тѣхъ, гдѣ говорится о комъ-нибудь изъ писателей подъ другимъ заглавіемъ. Такъ объ И. И. Вецкомъ сообщается много интереснаго въ памятныхъ запискахъ Г. И. Ржевской (*Русскій Архивъ* 1871 г., № 1, стр. 14). Выше, говоря о пропускахъ въ перечнѣ сочиненій писателей, мы упоминали вмѣстѣ съ тѣмъ и о пропускахъ ихъ біографій, напримѣръ, С. В. Ешевскаго. Еще нѣсколько

пропусковъ въ этомъ родѣ намъ прійдется указать ниже, по другому поводу.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о той части Справочнаго словаря, гдѣ говорится о книгахъ за время съ 1725 по 1825 г. Включая ихъ въ свой Словарь, составитель его руководствовался между прочимъ очень счастливою мыслию, что со временемъ объяснятся многіе анонимы, псевдонимы и сокращенія. Но для этого необходима провѣрка по самымъ книгамъ. Положиться же на каталоги, въ которыхъ не соблюдается необходимая библиографическая точность, невозможно. Г. Геннадіи, въ предисловіи къ своему труду, указываетъ на примѣры разнорѣчій, недомолвокъ и ошибокъ каталоговъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ, который попался намъ на глаза при бѣгломъ просмотрѣ этой части Справочнаго словаря. На стр. 180 помѣщена книга: Всеволодъ и Велеслава, происшествіе, сохранившееся въ письмахъ. С.-Пб., 1807 г., 12°. Заглавіе, очевидно списанное съ какого-нибудь каталога (*Соп.*, № 2586, *Смирд.*, № 8353). Точное заглавіе книги таково: Всеволодъ и Велеслава; происшествіе, сохранившееся въ письмахъ 30 е. 8 а. 7 б. 4 с. d + 70 б. 50 а. 30 е. 29 с. 8 б. 8 г. f + 400 б. 100 с. b. 40 а. 10 f. 5 г. 2 h. 2 е; въ С.-Петербургѣ. Напечатано въ Императорской типографіи, 1807 г., въ 12°, 869 стр.—Таинственный алгебраическій многочленъ не приведенъ въ каталогахъ, а изъ него, между тѣмъ, открывается имя издателя книги. По нашей догадкѣ, плюсы отдѣляютъ одно слово отъ другаго; цифры означаютъ буквы церковно-славянской азбуки; латинскія буквы означаютъ порядокъ, въ какомъ надо поставить цифры, то-есть, такъ: 8. 7. 4. 1. 30; 50. 8. 20. 70. ¹⁾ 30. 1. 8; 40. 400. 100. 1. ²⁾ 2. 10. 5. 2. Подставляя вмѣсто цифръ соотвѣтствующія имъ буквы, получимъ: издалъ(ъ) Николай Муравіевъ(ъ). Догадка наша подтверждается тѣмъ, что въ указателѣ Смирдинской росписи подъ именемъ Николая Назаровича Муравьева отмѣченъ № 8353, подъ которымъ въ каталогѣ значится указанная нами книга, но безъ имени издателя.

Такихъ мелкихъ, но необходимыхъ для библиографической полноты открытій можно было бы сдѣлать много, имѣя подъ руками или самыя книги, или точныя обозначенія ихъ.

При буквяхъ, говорить г. Геннадіи, подъ которыми скрыты непа-

¹⁾ Въ книгѣ опечатка. Вмѣсто 70 б должно быть 70 d.

²⁾ Тоже опечатка. Вмѣсто b должно быть d.

звавшіе себя авторы, взята во вниманіе послѣдняя буква. Стало быть, книга, на которой обозначены буквы: К. Ф. Б., должна быть въ Словарѣ подъ Б. К. Ф. Но мы не нашли тамъ одной книжки прошлаго столѣтія, замѣчательной между прочимъ по своей безнравственности. Это—Повѣсть забавная о двухъ Туркахъ въ бытность ихъ во Франціи. Пер. съ франц. на издѣвненіе (sic) К. Ф. Б. 3-е изданіе. С.-Пб. печат. въ типографіи у Ф. Мейера 1794 г. 8°. Двѣ части подъ одной нумераціей, стр. 372 *Смирдинъ*, № 9200, *Сотиковъ*, № 8382—8385, указано 4 изданія).

Источники моего Словаря, замѣчаетъ г. Геннади, — разумѣется, очень разнообразны. Главнѣйшимъ матеріаломъ служили словари писателей и энциклопедіи, біографіи и некрологи, наконецъ—каталоги книгъ. Не касаясь вопроса о полнотѣ этихъ источниковъ, которые назвать всѣ очень трудно, укажемъ на одинъ фактъ: хотя мы, какъ сказано выше, интересовались главнымъ образомъ областію исторіи и словесности, но заглянули и въ отдѣлъ философіи. Въ статьяхъ подъ именами: А. М. Брянцевъ, архим. Гавріилъ (Воскресенскій), А. И. Галичъ, Ѳ. А. Голубинскій, мы не нашли указаній на извѣстный Философскій лексиконъ г. *Гогоцкаю*, въ которомъ содержатся свѣдѣнія и о нашихъ немногихъ отечественныхъ философахъ. Такъ какъ у г. Гогоцкаго на буквы А—Е приведены только четыре вышеупомянутыя лица, то мы говоримъ съ увѣренностію, что г. Геннади не пользовался Философскимъ лексикономъ. Не можемъ такъ рѣшительно сказать про другіе источники, такъ какъ замѣтили, что иногда одни изъ нихъ указаны, а иногда — нѣтъ. Это обличаетъ отсутствіе строгой системы въ трудѣ г. Геннади. Возьмемъ для примѣра Историческую христоматію г. *Галахова*. На нее сдѣланы ссылки въ статьяхъ: К. Н. Батюшковъ, Д. В. Дашковъ, А. П. Беницкій, А. Х. Востоковъ и др., но не указаны свѣдѣнія, приводимыя г. Галаховымъ объ Августинѣ Виноградскомъ, Ѳ. Н. Глинѣ, А. С. Грибоѣдовѣ, кн. Н. Б. Долгорукой, В. Г. Барскомъ, Димитріѣ Сѣменовѣ, Геденѣ Криповскомъ, кн. Е. Р. Дашковой, А. О. Аблесимовѣ, М. И. Веревкинѣ. Г. Геннади пользовался Исторією російской академіи — *М. И. Сухоминова* и указываетъ на нее въ статьяхъ: о Дашковой, митроп. Гавріилѣ, еписк. Дамаскинѣ и др., но не упоминаетъ въ статьѣ объ Аполлосѣ Байбаковѣ. Мы посчитали почти равное количество лицъ изъ Словаря *Бантышъ-Каменскаю*, при которыхъ въ однихъ случаяхъ упомянутъ Словарь достопамятныхъ людей, а въ другихъ опущенъ. Къ послѣдней категоріи относятся статьи объ Н. М. Амбодикѣ,

А. О. Аблесимовъ, Г. И. Вазилевичъ, И. С. Барковъ, М. И. Вереvкинъ, А. Г. Владиміинъ, С. Г. Гмелинъ, кн. А. Н. Голицынъ, С. К. Грейгъ, Н. А. Демидовъ, Г. Р. Державинъ, Димитрій Ростовскомъ, И. А. Дмитревскомъ, кн. Н. В. Долгоруковой. Такой произволъ въ указаніяхъ мы замѣтили и относительно *Русскаго Архива* и *Русской Старины*. Мало воспользовался, по нашему мнѣнію, г. Геннади и образцовымъ въ библіографическомъ отношеніи изданіемъ сочиненій Державина *Я. К. Грота*. Это видно, напримѣръ, изъ статей о П. Л. Вельяминовъ (т. I, стр. 670), П. П. Дубровскомъ (т. VI, стр. 316—317), А. И. Голицынъ (т. IV, стр. 724), Н. П. Брусиловъ (т. VI, стр. 93), Г. В. Гераковъ (т. VI, стр. 289). То же можно сказать и о Воспоминаніяхъ И. М. Снегирева, Запискахъ Н. И. Греча, Литературныхъ воспоминаніяхъ И. И. Панаева, статьѣ Н. А. Попова: Придворные проповѣдники въ царствованіе Елисаветы Петровны (*Лѣтописи русской литературы и древности*, изд. г. Тихонравова, т. II).

Неизвѣстно—чѣмъ руководствовался составитель Справочнаго словаря, указывая въ однихъ случаяхъ и не указывая въ другихъ на одинъ и тотъ же источникъ. При отсутствіи обработанныхъ біографій, такая неполнота и случайность указаній на источники и пособия—недостатокъ весьма важный.

Принимая во вниманіе практическія соображенія г. Геннади, мы не осуждаемъ плана Справочнаго словаря. Познакомившись съ нимъ, всякій уже будетъ знать, что найдетъ полныя указанія только относительно отдѣльно изданныхъ произведеній писателей и ученыхъ. Указывать всѣ произведенія ихъ, помѣщенные въ журналахъ, составитель Словаря не взялся по уважительнымъ причинамъ. Однако, при нѣкоторыхъ писателяхъ сдѣланы указанія на главнѣйшія ихъ журнальныя статьи. Но такія указанія журнальныхъ статей совершенно бесполезны для изслѣдователя по своей случайности въ выборѣ, такъ какъ неизвѣстно, что считалъ г. Геннади главнѣйшимъ, и что не заслуживающимъ вниманія.

Такимъ образомъ, кто захотѣлъ бы собрать свѣдѣнія о какомъ-нибудь писателѣ, положимъ, хоть для составленія его біографіи, тотъ не можетъ положиться на книгу г. Геннади и долженъ по прежнему тратить время на поиски.

Слѣдовательно, трудъ г. Геннади сравнительно съ прежними явленіями въ этомъ родѣ не составляетъ прогресса. Не замѣняя собою ихъ, новый Словарь отличается разработкою библіографическаго матеріала не столько, такъ сказать, въ глубину, сколько въ ширину,

имѣя несравненно болѣе обширный планъ. Итакъ, главный недостатокъ Справочнаго словаря по нашему мнѣнію—отсутствие строгой системы и небрежное отношеніе къ дѣлу.

Но было бы несправедливо ограничиться лишь указаніями на одні слабые стороны разбираемой книги. Не предполагая давать дополненія къ ней, мы дѣлали общія указанія на ея недостатки и приводили случайные примѣры ихъ. Все это не скрыло отъ насъ и достоинствъ труда г. Генпади. Къ числу ихъ мы относимъ объясненіе множества анонимовъ и псевдонимовъ и указаніе на иностранные подлинники нашихъ переводовъ, особенно прошедшаго столѣтія. Сверхъ того, весьма много сдѣлано для сравненія, и слѣдовательно, исправленія нашихъ важнѣйшихъ каталоговъ ¹⁾. Дѣло немаловажное, на которое давно ужъ обращалъ вниманіе нашихъ библіографовъ покойный М. Н. Лонгиновъ. Наконецъ, еще достоинство труда г. Генпади: это, какъ мы уже выше сказали, обширность плана. Она дѣлаетъ его книгу пригодною для большаго числа людей, чѣмъ узко-спеціальные словари. Чтобы высказать все, что мы успѣли замѣтить въ разбираемой книгѣ, упомянемъ еще о ея вѣрности: она удовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ. Не указанныхъ опечатокъ мы замѣтили очень мало (Веревицкѣ см. Веревицкѣ, Бортянскій см. Бортянскій).

Въ заключеніе скажемъ наше послѣднее слово. Разобранная нами книга — полезное приобрѣтеніе русской библіографической литературы. Остается только желать, чтобы г. Генпади воспользовался указаніями, которыя, вѣроятно, вызоветъ его трудъ, и привелъ бы его къ концу.

Владиміръ Саитовъ.

Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Составилъ М. Колосовъ. Изд. 4-е, измѣненное и дополненное. Варшава. 1875

Г. Колосовъ, какъ составитель учебниковъ, обладаетъ счастливымъ даромъ излагать предметъ: учебники его отличаются сжатостію и ясностію, точностію и опредѣленностію. Такова между прочимъ его

¹⁾ Но повторяются и старыя ошибки. Напримѣръ, «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ» М. 1787 г.—на основаніи указаній Сопикова (№ 9427) приписанъ А. Дружерукову, а не Гавріилу Дружерукову, о которомъ см. книгу г. Булича: Сумароковъ и современная ему критика. С.-Пб. 1854 г., стр. 104.

„Теорія поэзіи“, къ сожалѣнію уже не находящаяся въ продажѣ; такими же достоинствами отличается и появившаяся въ нѣсколькихъ изданіяхъ его „Старославянская грамматика“. Последнее четвертое ея изданіе вышло съ небольшими перемѣнами сравнительно съ прежними. Авторъ удержалъ почти тотъ же порядокъ изложенія и тотъ же характеръ объясненій, а перемѣны состоятъ въ томъ, что онъ вводилъ въ свой учебникъ новыя научныя положенія; особенно много такихъ дополненій въ отдѣлѣ фонетики; въ словообразованіи же и формахъ перемѣны менѣе значительны. Вслѣдствіе всего этого новыя изданія грамматики г. Колосова всегда выигрывали въ научныхъ достоинствахъ, но не въ одинаковой степени были онѣ пригодны въ отношеніи практическомъ, въ примѣненіи къ преподаванію и обученію по нимъ. Хотя авторъ въ новыхъ изданіяхъ и увеличивалъ количество примѣровъ и задачъ для упражненій, число ихъ все-таки не достаточно; сверхъ того, слѣдовало бы измѣнить и способъ изложенія нѣкоторыхъ правилъ. Постараемся представить нѣсколько подробнѣе наши замѣчанія по этому поводу.

§ 8. При перечисленіи іотированныхъ гласныхъ слѣдовало бы представить для примѣра хоть по одному слову, въ которомъ встрѣчался бы тотъ или другой іотированный звукъ. Особенно это необходимо при такихъ гласныхъ, которые въ соединеніи съ іотой даютъ новый цѣльный звукъ, какъ напримѣръ, при іотированныхъ *ѣ* и *ю*. Если означенное правило и будетъ усвоено учениками, оно все-таки не удержится въ ихъ памяти.

Въ § 9 говорится, что *ѣ* и *ю* въ настоящее время въ русскомъ языкѣ употребляются только въ окончаніи словъ для обозначенія твердаго или мягкаго произношенія согласной. Такое объясненіе недостаточно. Куда жъ отнести слова *тѣма*, *дѣячскъ* и т. п. и множество предложныхъ словъ, въ родѣ—*объявить*, *изъявительный*? Объ употребленіи *ѣ* въ предлогахъ въ славянскомъ языкѣ тоже не упомянуто въ означенномъ параграфѣ, хотя въ вопросахъ, помѣщенныхъ въ концѣ его, требуется умѣнье писать по славянски слѣдующія слова: *соборъ*, *воскреснутъ*, *встать* и т. п. Въ томъ же параграфѣ замѣтили мы слѣдующіе недостатки:

Говоря объ употребленіи глухихъ на мѣстѣ бѣглыхъ въ русскомъ языкѣ, издатель приводитъ примѣры только изъ единственного числа именъ существительныхъ; слѣдовало бы привести примѣры и изъ множественнаго числа, а также изъ именъ прилагательныхъ, и кромѣ того, указать формы косвенныхъ падежей съ замѣчаніемъ, что *ѣ* и *ю*

употреблялись во всѣхъ падежныхъ формахъ даннаго слова, а не въ тѣхъ только, гдѣ встрѣчаются бѣглыя *о* и *е*.

Въ правилѣ объ употребленіи *з* и *ѣ* при плавныхъ нужно бѣ оговорить, что это бываетъ въ коренныхъ слогахъ; въ слогахъ же, подобныхъ тому, какой встрѣчается въ словѣ *полѣ*, *ѣ* вмѣсто *о* не ставится, ибо здѣсь *л* не относится къ корню.

Кромѣ того, слѣдовало бы сгруппировать всѣ случаи постановки глухихъ въ славянскомъ языкѣ. По нашему мнѣнію, хорошо бы представить подобную группировку въ такомъ видѣ:

1) *з* и *ѣ* въ славянскомъ языкѣ писались въ словахъ, въ которыхъ *о* и *е* въ русскомъ языкѣ бываютъ бѣглыми; а бѣглыми они бываютъ въ именахъ существительныхъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа и въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, напримѣръ, *любѣ*, *ледѣ*, *оконѣ*, *бременѣ*, — и въ прилагательныхъ краткаго окончанія: *друженьѣ*, *низокѣ*. Употреблялись они не только въ этихъ падежахъ и формахъ, но и во всѣхъ остальныхъ: *любѣ*, *мѣду*, *окнѣ*, *бременѣ*, *друженьѣ*, *низкѣ*.

2) При плавныхъ *р* и *л*, когда въ русскомъ языкѣ слоги *ол*, *ор* и *ер* — коренные (за исключеніемъ полногласія): *трѣ*, *плѣ*, *прѣ*.

3) *ѣ* употребляется всегда въ предлогахъ: *въ*, *отъ*, *изъ*, *съ*, *безъ* стоять ли они отдѣльно, или сливаются съ словами, а также въ слитныхъ предлогахъ: *въз* и *съзъ*, *низъ*, *разъ*.

4) Въ средипѣ немпогихъ словъ, въ которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни гласной чистой, ни бѣглой въ какой-либо формѣ, какъ напримѣръ, въ словахъ *князь*, *вдова*. Въ славянскомъ языкѣ здѣсь были глухіе гласные, гласные же звуки встрѣчаются и въ родственныхъ языкахъ въ подобныхъ словахъ, а это показываетъ, что въ славянскомъ языкѣ такіа слова произносились, какъ и въ родственныхъ, съ гласнымъ звукомъ въ корнѣ: *кѣнѣзь*—*konung*, *вѣдова*—*vidua*.

Въ § 10 также слѣдовало бы сгруппировать всѣ случаи употребленія юсовъ въ славянскомъ языкѣ. Въ педагогической практикѣ часто приходится встрѣчаться съ слѣдующимъ явленіемъ. Учащіеся почему-то пріучаются думать, что гдѣ въ русскомъ языкѣ *о* и *е*, тамъ въ славянскомъ должны быть *ѣ* и *ѣ*, а гдѣ *у* и *я* — тамъ *ѣ* и *ѣ*. Съ этимъ явленіемъ всегда приходится бороться, приходится постоянно твердить, что *о* и *е*, *у* и *я* были особые, самостоятельные звуки въ славянскомъ языкѣ и встрѣчаются чаще глухихъ и юсовъ. Причина такого явленія, по нашему мнѣнію, кроется въ способѣ изложенія правилъ о глухихъ и юсахъ въ существующихъ граммати-

кахъ. Въ учебникѣ г. Колосова, хотя и сказано, что на мѣстѣ нашего *о* въ древнемъ языкѣ можетъ быть *о* или *э*, на мѣстѣ *е*—или *е*, или *ь* (стр. 6), но эти слова стоятъ не на видномъ мѣстѣ и при чтеніи, должно быть, теряются изъ виду; о преобладаніи же въ славянскомъ языкѣ *у* и *я* предъ *ж* и *л* вовсе не сказано.

Правила употребленія юсовъ въ славянскомъ языкѣ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы сгруппировать такъ:

1) Если въ настоящемъ или будущемъ времени встрѣтятся *ж* или *л*, которыхъ нѣтъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, то въ послѣднемъ и въ словахъ, происходящихъ отъ того же корня, въ славянскомъ языкѣ пишутся юсы—*ж* на мѣстѣ русскаго *у*, *л*—на мѣстѣ *я* и *а*: *жати*, *жму* и *жну*—*жати*, *жатель*, *дѣти*, *дѣмъ*, *клати*, *кльнѣ*, *клатва*, *начати*, *начну*—*начало*=*начати*, *начало*.

2) Если въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ встрѣчается *ж*, котораго нѣтъ въ именительномъ, то окончаніе послѣдняго не *я*, какъ въ русскомъ, а *л*: времени *время*=*врѣмѣл*.

3) Если въ русскомъ языкѣ въ близкихъ по значенію словахъ замѣчается переходъ *у* въ *я*, тамъ въ славянскомъ непременно юсы: *трясти*, *трусъ*=*трѣсти*, *трѣсъ*.

4) Юсы въ славянскомъ языкѣ пишутся на мѣстѣ русскихъ *у* и *я* въ тѣхъ словахъ, которымъ соотвѣтствуютъ въ родственныхъ языкахъ слова одного съ славянскимъ корня, имѣющія на мѣстѣ русскихъ *у* и *я* гласный съ носовымъ, а въ польскомъ носовые *ą* и *ę*: *кѣназь*—*konung*, *пѣть*—*fünf*, *голъбъ*—*columba*, *рѣка*—*rzeka*, *дѣбъ*—*dąb* (здѣсь не требуется точнаго соотвѣтствія *ен*, *ым*—малому юсу (*л*), а *э* и большому юсу (*ж*),—былъ бы только гласный съ носовымъ).

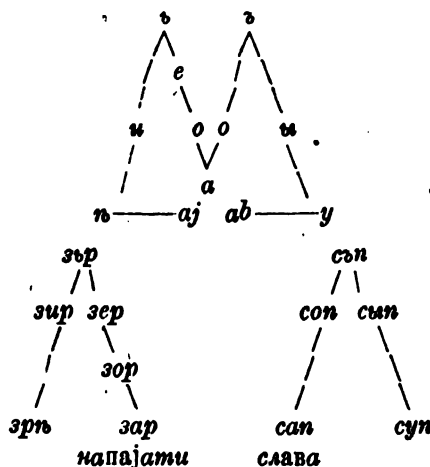
5) Юсы употребляются еще въ нѣкоторыхъ падежныхъ окончаніяхъ глагольных формъ и въ причастныхъ суффиксахъ: *водѣл*, *землѣл*, *глаголюѣтъ*, *несѣтъ*, *хвалѣтъ*, *читаѣущи*, *хвалѣущи* (это яснѣе будетъ видно въ отдѣлѣ формъ).

Въ § 11 намъ кажется не точнымъ выраженіе: и передъ гласными звуками юсы теряли носовое произношеніе и разлагались на составныя части". Вѣдь и по разложеніи носовое произношеніе остается въ согласныхъ *ж* и *л*. Хотя это произношеніе иного характера, чѣмъ въ юсахъ, но объясненіе этого повело бы слишкомъ далеко и было бы уклоненіемъ прямой задачи учебника—выясненія только факта разложенія. Не лучше ли было бы выразить правило такъ: носо-

вые передъ гласными переставали быть особымъ цѣльнымъ звукомъ и разлагались на составные свои элементы.

Въ §. 13 новаго изданія грамматики много прибавленій сравнительно съ прежними. Цѣль прибавленій, какъ видно, возможно яснѣе представить законъ возвышенія звуковъ, такъ чтобы учащіеся навсегда удержали его въ памяти. Этой цѣли должны содѣйствовать представленные здѣсь примѣры для упражненій и вопросы. Но педагогическая практика показываетъ, что при всемъ этомъ усвоеніе учащимися степеней возвышенія дается туго, и усвоенное не долго держится въ памяти ихъ. По нашему мнѣнію, это зависитъ отъ того, что въ учебникѣ примѣры не отличаются рельефностію. Во множествѣ представленныхъ здѣсь примѣровъ учащійся теряется и почти ни на одномъ не можетъ остановившись. Желательно, чтобы при правилахъ было по одному примѣру, а въ отдѣлѣ упражненій можно представить ихъ нѣсколько. Но какъ въ славянскомъ языкѣ мы не нашли такого слова, которое можно было бы провести по всѣмъ ступенямъ возвышенія, то считаемъ возможнымъ брать при объясненіи факты языка разновременные, оговоривъ это въ примѣчаніи. Можно бы, напримѣръ, при объясненіи возвышенія отъ ѣ взять корни: мър, зър, а отъ ѣ — съп: мрътвьць, умирати, мръти, съмерть, моръ, мара (сл. Восток.); зръѣлый, възирати, зръти, зеркало, зорити, зарн; съпати, сопѣти, сапъ, засыпать, насупиться.

Самую же таблицу возвышенія звуковъ для большей наглядности лучше бы представить не въ прямыхъ линіяхъ, а въ треугольных фигурахъ:

Въ § 16 въ примѣрахъ помѣщены слова бить — бой, край, почи-вать — покой. При первыхъ двухъ словахъ слѣдовало бы обозначить параграфы, къ которымъ относятся эти слова, — тогда самое правило могло бы повторяться и дольше держалось бы въ памяти; а послѣднее слово — почивать лучше было бы отнести къ концу фонетики, къ упражненіямъ на предыдущіе параграфы: когда сдѣлается извѣстнымъ смягченіе согласныхъ, ученики разберутъ это слово съ двухъ сторонъ—по отношенію къ коренной гласной и къ согласной.

Въ § 18 въ первыхъ строкахъ на 19-й страницѣ замѣчается неполнота опредѣленія: „Гортанные смягчаются тогда, когда за ними слѣдуетъ узкій гласный. Слѣдовательно *з*, *ж*, *ш* не могли соединяться съ гласными — *е*, *и*, *ь*, *а* и со всѣми іотированными; современный русскій языкъ соединяетъ гортанные съ узкими гласными, не смягчая первыхъ въ шипящіе и свистящіе, напримѣръ *шбнуть*, *Кіевъ*, *хитрость*“. Далѣе слѣдуетъ въ скобкахъ: какъ написать эти слова по старо-славянски? На основаніи предыдущаго объясненія можно только написать такъ: *збнуть*, *цѣвъ*, *ситрость* все равно какъ, вѣсто нашего о человекѣ, по славянски писалось о человекѣ, о рѣкѣ—о рѣцѣ. Изъ этого ясно видно, что впереди недостаетъ положенія, что въ славянскомъ языкѣ гортанные сочетаются только съ твердыми гласными, каковы: *э*, *о*, *у*, *а*, *ѣ* и *ы*; послѣ этого можно требовать, какъ писать слова *шбкій* и пр.

Далѣе въ слѣдующемъ за симъ примѣчаніи требуется пріискать примѣры смягченія гортанныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ. Это требованіе почти не выполнимо и излишне въ учебникѣ.

За симъ авторъ изчисляетъ случаи смягченія гортанныхъ въ шипящіе и свистящіе предъ коренною гласною, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибавляя, что одно бываетъ въ словообразованіи, другое—въ формахъ.

Въ этомъ перечисленіи мы не видимъ никакой пользы, а напротивъ, положительный вредъ. Съ одной стороны, здѣсь неумѣстно говорить о словообразованіи и формахъ, когда объ нихъ рѣчь впереди, съ другой стороны—и при знаніи послѣднихъ нѣтъ нужды обременять памяти учащихся, возводя въ правило то, что можно поставить въ примѣчаніи; напримѣръ, при склоненіи существительныхъ замѣтитъ, что только въ звательномъ падежѣ гортанные смягчаются въ шипящіе, а въ прочихъ въ свистящіе. Что касается того, предъ какими гласными гортанные смягчаются въ свистящіе или шипящіе, то и это излишне. Въ учебникѣ довольно сказать, что они смягчаются въ тѣ

и другіе предъ всѣми мягкими, исключая *л* предъ которыми они смягчаются только въ шипящіе. Къ *л* у г. Колосова присоединено и *с*, но это напрасно: *лице* отъ *ликъ* указываетъ, что и предъ *с* гор-
танные могутъ смягчаться въ свистящіе.

Въ § 18 предлагается дѣленіе согласныхъ на звучные и отзвучные. По отношенію къ славянскому языку это дѣленіе имѣетъ мало значенія. Другое дѣло въ русскомъ языкѣ: тамъ оно необходимо. Вслѣдствіе исчезновенія глухихъ гласныхъ, въ немъ согласные отзвучные очутились рядомъ съ звучными и на оборотъ, а подобное сочетаніе нетерпимо ни въ одномъ языкѣ; поэтому и въ русскомъ въ подобныхъ случаяхъ происходитъ ассимиляція звуковъ. Въ однихъ случаяхъ въ русскомъ языкѣ принято правописаніе историческое: *легкій*—*льгѣйши* (выгов. *лехкій*), *ѣдкій*—*ѣдѣкъ* (выгов. *ѣткій*, *низкій*—*низѣкъ* (выгов. *нискій*, *лафка*, *прозѣба*, *молодѣба*, *лошеѣа*); въ другихъ—фонетическое: *искрошить* въ славянскомъ *изъкроштити*, *исхитити* (*изъхитити*), *иссушить*, *испятнать*, *истребить*.

Въ славянскомъ языкѣ, при существованіи гласности глухихъ, въ суффиксахъ ассимиляція не было и быть не могло, а при слияніи предлога съ какимъ либо словомъ, ѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ выпадалъ. Если же, для объясненія этихъ немногихъ случаевъ, необходимо было дѣленіе, то ужъ и нужно бы въ самомъ дѣлѣ объяснить ихъ. Между тѣмъ въ § 23 примѣры на неполную ассимиляцію приводятся только изъ русскаго языка. Равнымъ образомъ нѣтъ ссылокъ на § 18 и въ упражненіяхъ и вопросахъ, хотя въ приведенныхъ отрывкахъ изъ Остромирова евангелія есть случаи неполной ассимиляція въ слѣдствіе исчезновенія ѣ въ предлогѣ: стр. II—*искуситель*, III стр. 1 — *исцѣлѣнъ*, VII, 18 стр.—*ищистисѣ*. Такъ какъ авторъ во многихъ мѣстахъ вноситъ въ своей учебникъ сравнительный элементъ, то не мѣшало бы термины „звучный и отзвучный“ пояснить другими, разпространенными въ сравнительномъ языковѣдѣніи, каковы: *mediae*—мягкіе, *mediae*—средніе, то-есть звучные, и *tenues*—твердые, тонкіе, то-есть, отзвучные.

Въ примѣчаніи къ § 18 говорится о разницѣ въ образованіи словъ смятеніе и смущеніе; лучше было бъ эти слова отнести къ отдѣлу упражненій.

На стр. 24 предлагается слѣдующая задача: написать слово *кросая* такъ, чтобы вмѣсто звуковъ овл стояли ихъ производные. Мы не понимаемъ этой задачи. Вѣроятно, здѣсь опечатка, какихъ весьма много въ этомъ изданіи; не смотря на то, перечисленія ихъ вовсе не при-

ложено ни въ началѣ, ни въ концѣ книги, какъ обыкновенно дѣлается; а учебникъ съ ошибками поселяетъ недоувѣріе къ нему въ учащихся и отнимаетъ у нихъ охоту заучивать то, что можетъ оказаться опечаткой.

Въ отдѣлѣ словообразованія мы ожидали перечисленія хоть не многихъ вставочныхъ суффиксовъ, по крайней мѣрѣ такихъ, изъ которыхъ видны были бы особенности славянскаго правописанія, какъ напримѣръ, *ѣм*, *ѣн*, *ѣж*, *ѣк*, и т. п. Между тѣмъ здѣсь о суффиксахъ упомянуто очень кратко: приводится въ примѣръ одинъ образовательный суффиксъ *р* въ словѣ *даръ*, по которому учащійся едва-ли опредѣлитъ, что такое *ѣж* въ словѣ *рѣдѣжъ*, *ѣн* въ словѣ *силѣнъ*.

Въ отдѣлѣ склоненій существительныхъ именъ и прилагательныхъ краткихъ, по нашему мнѣнію, не достаетъ образца смѣшаннаго склоненія. Авторъ, кажется, думаетъ, что оно дѣлается извѣстнымъ при склоненіи сравнительной степени (стр. 45) и причастій (стр. 47). Но нужно замѣтить, что тогда вниманіе учащихся слѣдуетъ обратить главнымъ образомъ на способъ образованія послѣднихъ и на особенности окончаній въ именительныхъ падежахъ. При этомъ же придется имъ усвоить также довольно трудныя формы косвенныхъ падежей. Между тѣмъ усвоеніе послѣднихъ вслѣдъ за изученіемъ правильныхъ падежныхъ окончаній не составило бы большаго труда. Правильныя окончанія еще живы въ памяти учащихся; слѣдуетъ только пояснить, что слова, имѣющія предъ родовымъ окончаніемъ *пи́пяціе*, *жд* и *ц*, склоняются по мягкому склоненію; но въ тѣхъ падежахъ, въ которыхъ встрѣчается іотированный звукъ, послѣдній теритъ іотъ, и они остаются съ окончаніемъ на твердую гласную.

По нашему мнѣнію, лучше также было бы представить одну общую таблицу окончаній всѣхъ четырехъ склоненій, чѣмъ помѣщать на каждое по примѣру. Тогда равница въ окончаніяхъ представлялась бы нагляднѣе, и повтореніе учащимися могло бы происходить скорѣе. Время, употребленное на прочтеніе примѣровъ, съ большою пользою было бы употреблено на усвоеніе особенностей въ окончаніяхъ того или другаго склоненія. Въ предлагаемой нами таблицѣ въ скобкахъ нужно обозначить особенности нѣкоторыхъ падежей, напримѣръ; родительнаго на *у* и *ю*, дательнаго на *ови* и *еви* и т. п., въ мягкомъ склоненіи іотированныя слѣдовало бы писать раздѣльно, чтобы было видно, какая останется твердая вслѣдствіе исчезновенія іота послѣ *пи́пящихъ*, *ц* и *жд*.

Въ учебникѣ глаголъ поставленъ послѣ именъ. Въ этомъ мы ви-

днѣ большое неудобство. Во первыхъ, безъ знанія глагольных формъ трудно приступить къ переводу текста, при чтеніи текста приходится обращать вниманіе на однѣ формы. Сосредоточеніе вниманія учащихся на одномъ этомъ наводитъ на нихъ утомленіе. Не то бываетъ, если съ указаніемъ особенностей въ формахъ, доказываются также особенности рѣчи славянской по отношенію ея къ русской. Съ другой стороны при существующемъ распредѣленіи матеріала приходится дѣлать нѣкоторые объясненія преждевременно. Такъ при именахъ прилагательныхъ въ учебникѣ говорится о склоненіи причастій; но при этомъ необходимо сказать и о производствѣ ихъ, при чемъ всегда чувствуется, что это неумѣстно, хотя и необходимо.

Къ новому изданію припечатаны отрывки изъ Остромирова евангелія. Приложение необходимое, но подборъ мы считаемъ не вполне удовлетворительнымъ. Въ самомъ началѣ помѣщены такія главы, которыя имѣютъ довольно трудныя на первый разъ синтаксическія особенности, какъ напримѣръ, дательный самостоятельный падежъ. Съ другой стороны, всѣ отрывки напечатаны съ особенностями Остромировскаго правописанія, то-есть, съ нѣкоторыми отбѣнками древне-русскаго выговора словъ. Последнее для первыхъ главъ мы считаемъ положительно вреднымъ въ практическомъ отношеніи. Учащимся сразу приходится усваивать особенности двухъ нарѣчій. При этомъ часто бываетъ, что они хорошо не усваиваютъ ни тѣхъ, ни другихъ и остаются съ такимъ возрѣніемъ, что изученіе славянскаго языка очень трудно, что особенностей очень много, они очень незначительны, очень мелочны, такъ что только путаешься въ нихъ. Чтобы устранить подобное возрѣніе въ учащихся, нужно во время усвоенія ими особенностей славянскаго языка не говорить объ особенностяхъ древне-русскаго и текстъ давать читать только исправленный по славянски. Лучше было бы, если бы въ началѣ текстъ состоялъ изъ краткихъ изреченій или даже однихъ словъ; на такомъ текстѣ усвоились бы фонетическія особенности славянскаго языка. При изученіи глагола можно давать читать и цѣльныя главы изъ Остромирова евангелія, но все-таки подобрать на этотъ разъ такія, въ которыхъ встрѣчаются больше глагольныя формы, главы же, въ которыхъ чаще встрѣчаются падежныя формы, — поставить послѣ, для изученія по нимъ склоненій существительныхъ, прилагательныхъ и причастій.

А. Смирновъ.

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ *Я. Гуревичъ*. Томъ I. С.-Пб. 1876.

Вмѣсто скудости неожиданное обиліе! До сихъ поръ не было у насъ ни одной полной хрестоматіи по новой исторіи, а въ послѣднее время появилось ихъ двѣ! О томъ что такое одна изъ нихъ, составленная г. Овсянниковымъ, читатели могли видѣть изъ подробнаго разбора ея, помѣщеннаго въ нашемъ журналѣ: давно уже ничего болѣе безобразнаго, и по выбору статей, и по ихъ переводу, не появлялось въ нашей далеко не богатой исторической литературѣ, а между тѣмъ у нѣкоторыхъ періодическихъ изданій хватило духу восхвалять эту жалкую компиляцію, тогда какъ о хрестоматіи, заглавіе коей выписано выше, они хранятъ по большей части упорное молчаніе. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо она заслуживаетъ самого благосклоннаго приема не только со стороны нашихъ педагоговъ, но и вообще со стороны публики. Авторъ ея, г. Гуревичъ, не задолго предъ симъ издалъ курсъ исторіи Греціи и Рима, за который ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія была присуждена ему малая Петровская премія. Новымъ трудомъ своимъ, а именно хрестоматіей, о которой идетъ рѣчь, онъ еще разъ доказалъ, какъ основательно подготовленъ онъ къ своему дѣлу и какую существенную пользу можетъ принести и учащимъ, и учащимся.

Хрестоматія г. Гуревича должна состоять изъ двухъ томовъ, а въ настоящее время вышелъ только первый ея томъ, обнимающій событія приблизительно до конца XVI вѣка. Первое, что бросается въ глаза, это—обширные размѣры означеннаго тома, болѣе 800 страницъ убористой печати! Невольно возникаетъ сомнѣніе—въ состояніи ли воспользоваться воспитанники нашихъ учебныхъ заведеній сборникомъ столь значительнаго объема. Сомнѣнія исчезаютъ, однако, если обратить вниманіе на то, какую цѣль имѣлъ въ виду составитель, и какимъ планомъ руководился онъ при ея достиженіи. Впервые, хрестоматія предназначена не для учениковъ только, но и для преподавателей; г. Гуревичъ оказалъ важную услугу особенно тѣмъ изъ нихъ, которые занимаютъ мѣста въ провинціальныхъ гимназіяхъ, гдѣ—по справедливому его замѣчанію—гимназическія бібліотеки не всегда представляютъ достаточный выборъ матеріала для историческаго чтенія. Но, вѣторыхъ, и для учащихся разбираемая нами книга вполне пригодна. Конечно, гораздо легче можно было бы составить хрестоматію меньшаго размѣра; въ хрестоматію эту могли бы войти статьи, болѣе или менѣе удачно выбранныя, но при этомъ

нельзя было бы избѣжать отрывочности, поверхностнаго и частаго перескакиванія отъ одного явленія къ другому. Г. Гуревичъ имѣлъ, напротивъ, въ виду, какъ говорить онъ въ своемъ предисловіи,—предложить такую хрестоматію, каждый отдѣлъ коей „представлялъ бы непрерывную цѣльную картину постепеннаго и послѣдовательнаго развитія наиболѣе выдающихся явленій, давая такимъ образомъ возможность преподавателямъ приучать учениковъ къ болѣе внимательному многостороннему изученію извѣстной эпохи, или по крайней мѣрѣ, извѣстнаго явленія“. Изъ того, что хрестоматія его обширна, не слѣдуетъ заключать чтобы помѣщенные въ нее статьи отличались большимъ размѣромъ; напротивъ онѣ кратки—каждая изъ нихъ содержитъ не болѣе 4—10 страницъ,—и притомъ отличаются извѣстною законченностью; но полнота происходитъ отъ того, что по тому или другому отдѣлу составитель посвящаетъ цѣлый рядъ статей, которыя даютъ достаточно матеріала для сопоставленія и сравненія между собою различныхъ личностей, дѣйствовавшихъ на одинаковомъ поприщѣ, а также болѣе или менѣе однородныхъ явленій. Съ первыхъ же страницъ разбираемой нами книги вполне ясно, какую задачу старался разрѣшить ея составитель: обыкновенно изложеніе новой исторіи начинаютъ съ эпохи изобрѣтеній и открытій, а онъ предпослалъ этой эпохѣ обширный отдѣлъ (около 100 страницъ), изображающій, вошедшими въ него статьями, переходъ отъ средневѣковой жизни къ новой, останавливающій вниманіе читателя на такихъ явленіяхъ, какъ упадокъ папства, феодализма и рыцарства послѣ Крестовыхъ походовъ, возвышеніе средняго сословія и городовъ въ связи съ развитіемъ торговли и промышленности и усиленіе королевской власти. Точно также и въ другихъ отдѣлахъ, посвященныхъ, напри- мѣръ, развитію реформаціи въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, главнымъ образомъ руководитъ имъ мысль „выставить это явленіе какъ продуктъ общей совокупности условій народной жизни, одновременно и самостоятельно возникавшій въ каждой изъ упомянутыхъ странъ, а не какъ результатъ лишь инициативы нѣсколькихъ реформаторовъ и чисто личныхъ мотивовъ“. Въ виду такой цѣли, нельзя было довольствоваться очерками различныхъ событій и лицъ, но нужно было присоединить къ нимъ много другихъ, которыя уясняютъ связь между событіями и проводятъ параллель между главнѣйшими дѣятелями, способствуютъ надлежащей оцѣнкѣ cadaго изъ нихъ. За то если ученикъ прочтетъ внимательно если даже не всѣ, а хоть нѣко-

торные изъ отдѣловъ хрестоматіи г. Гуревича, онъ вынесетъ изъ этого чтенія существенную пользу.

Въ виду задачи, предложенной себѣ составителемъ хрестоматіи, приходилось ему многія статьи, заимствованныя изъ иностранныхъ авторовъ, не переводить буквально, а видоизмѣнять и сокращать. Исполнено это имъ въ высшей степени удовлетворительно. Конечно, нельзя и требовать, чтобы въ сборникѣ столь обширныхъ размѣровъ все отличалось одинаковымъ достоинствомъ, но несомнѣнно, что значительное большинство статей не оставляетъ желать ничего лучшаго. Съ цѣлью познакомить учениковъ старшихъ классовъ гимназій со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ лучшаго русская историческая литература, г. Гуревичъ не мало заимствовалъ изъ нея: въ книгѣ своей онъ помѣстилъ отрывки изъ произведеній Грановскаго, Кудрявцева, Новикова, Ешевскаго, Визинскаго, Петрова и нѣкоторыхъ другихъ писателей.

Вообще „Историческая Хрестоматія“ г. Гуревича какъ нельзя лучше выполняетъ свою задачу, и мы не можемъ не пожелать ей полнаго успѣха. Цѣна за нее, принимая въ соображеніе размѣры книги, назначена весьма умѣренная.

Mélanges, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages, dirigée par MM. H. Gaidos et E. Rolland (М. мюзина, журналъ по миеологии, народной словесности, преданіямъ и обычаямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Гедоза и Э. Роллана). Paris. 1877. Première année. № 1.

Съ прекращеніемъ миеологическаго журнала, основаннаго Вольфомъ и продолжавшаго издаваться подъ руководствомъ Маннгардта, наука „демонпсихологін“ осталась безъ органа. Между тѣмъ интересъ къ ней въ обществѣ сталъ интензивнѣе, а задачи ея—многостороннѣе. Изданіе Вольфа и Маннгардта, открывало доступъ сравнительному матеріалу, но специальность его направленія сказывалась не въ одномъ только заглавіи: *Zeitschrift für deutsche Mythologie*. Съ тѣхъ поръ приложеніе сравнительнаго метода къ изученію народной поэзіи (въ широкомъ смыслѣ) расширило кругозоръ, обновило жажду собирателей, вызвало толкователей къ новымъ подвигамъ обобщенія. Между тѣмъ и собирателямъ, и толкователямъ негдѣ спѣться. У первыхъ нѣтъ органа, который направлялъ бы ихъ поиски, воздерживая ихъ отъ повтореній; у послѣднихъ — нѣтъ возможности найтись среди массы фактовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, иногда въ изданіяхъ, въ ко-

торыхъ ихъ присутствія и не подозрѣваешь—въ альманахахъ, сочиненіяхъ по археологiи и ботаникѣ, въ филологическихъ журналахъ и т. п. Кто не имѣлъ въ рукахъ *Записокъ Кельтской академіи (Mémoires de l'Académie Celtique)*, тому не придетъ въ голову, что онъ найдетъ въ нихъ цѣлый рядъ полезныхъ свѣдѣній по народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ. Всякій, занимающійся народною литературой, знаетъ по опыту, какъ трудно достигается въ этой области библиографическая полнота при отсутствіи такого журнала, какимъ обѣщается быть *Мелюзина*.

Изслѣдованія по древнимъ мифологіямъ востока и классическихъ странъ, со включеніемъ того удивительнаго искусства Греціи, въ которомъ движется и дышетъ цѣлый міръ боговъ; изслѣдованія по мифологiи болѣе юныхъ, сосѣднихъ намъ народовъ; вѣрованія дикихъ Африки и Австралiи, еще переживающихъ первые вѣка человѣческой мысли; народная литература Франціи и другихъ странъ, то-есть, сказки, баллады, пѣсни, поговорки, загадки, народные праздники и танцы, обычаи, преданія, суевѣрія,—таковы общія рубрики, которыя ставитъ себѣ *Мелюзина*. Болѣе подробной программы нѣтъ: лучшею программой будетъ самъ журналъ, говорятъ издатели, перепечатывая вслѣдъ затѣмъ критическій отзывъ Г. Париса о сборникѣ пѣсенъ Бюжо (Bujeaud), помѣщенный въ *Revue Critique* 1866 года (22-го мая). Такъ какъ этотъ отзывъ является въ роли руководящей статьи, положенія которой принимаются издателями, то мы и принимаемъ его какъ полу-программу и полу-объщанія.

„Франція, можетъ быть, послѣдняя страна Европы, обратившаяся къ изученію и обнародыванію произведеній народной поэзіи“, говоритъ Парисъ.—„Долгое время мы увлекались народно-поэтическими произведеніями другихъ странъ, греческими и бретанскими пѣснями въ изданіяхъ Форіэля и Вильмаркэ, и говорили съ презрѣніемъ о томъ, что въ томъ же родѣ находилось у насъ самихъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ Фортюль замыслилъ составить и напечатать полный сборникъ народныхъ пѣсенъ; его идея, не оцѣненная даже людьми, близко къ нему стоявшими, была оставлена послѣ его смерти; если ей и осуждено осуществиться, то не въ той полнотѣ, какъ онъ замыслилъ. Тѣмъ не менѣе его начинъ не остался безъ послѣдствій, вызвавъ въ провинціи любовь къ народнымъ пѣснямъ и такіе сборники, какъ Тарбе (Tarbé), Пюммегра (Poumeigre), Бюжо, Шамфлеры (Champfleury) и другіе. Собираніе пѣсенъ—вещь не легкая: не всякій собираетъ, кто хочетъ, то-есть, собираетъ такъ, какъ того тре-

буеть строго-научное пониманіе данныхъ народной поэзіи. Есть люди въ провинціи, съ сильно развитою собирательскою стрункой, готовые силы, но не достаточно направленные къ дѣлу. Ихъ слѣдуетъ направить, надо дать имъ ученый маршрутъ,—и г. Парисъ дѣлаетъ это, специально по отношенію къ народнымъ пѣснямъ. Иппа изъ его наставленій были бы не безполезны и у насъ. Прежде всего ставится требованіе безусловной точности въ передачѣ пѣсни: не только не слѣдуетъ пытаться восполнить существующіе въ ней пропуски, не предупредивъ о томъ читателя, но не позволительно *воспроизводить* ее чрезъ сводъ собранныхъ вариантовъ и пересказовъ. Варианты необходимо собирать въ возможной полнотѣ, особливо для эпическихъ пѣсенъ. То же требованіе прилагается и къ напѣванъ: пусть записываютъ одну мелодію, не измѣняя ее и не обставляя ее аккомпаниментомъ. Способъ, пріемы пѣнія также заслуживаютъ вниманія: ихъ надо отмѣтить, какъ то сдѣлано было г. Бюжо для западныхъ провинцій Франціи. Полезны также свѣдѣнія о томъ, въ какой именно деревнѣ, какъ часто, отъ какого лица была слышана та или другая пѣсня. Въ послѣднемъ отношеніи замѣтки о полѣ и возрастѣ могутъ быть не безразличны: старухи, напримѣръ, часто сохраняютъ пѣсни, которыя кругомъ нихъ забыты, и въ передачѣ пѣсенъ—древнія формы языка. Что касается комментарія, то наиболѣе краткій будетъ выѣстъ съ тѣмъ и лучшимъ: онъ долженъ ограничиться указаніемъ на сходныя пѣсни, уже помѣщенные въ другихъ сборникахъ, истолкованіемъ старинныхъ обычаевъ, преданій и т. п. Въ заключеніе г. Парисъ предлагаетъ приблизительный планъ или перечень рубрикъ, по которымъ удобнѣе всего распредѣлять собранный пѣсенный матеріалъ. Такъ, напримѣръ, отдѣляя эпическія пѣсни отъ лирическихъ, онъ открываетъ для первыхъ три второстепенныя рубрики: пѣсни историческія, легендарныя и анекдотическія, а въ лирикѣ отличаетъ пѣсни обрядовыя отъ любовныхъ, сатирическихъ и дидактическихъ. Бюжо и Сюимеуръ въ своихъ собраніяхъ предлагаютъ другое дѣленіе; ни одно изъ нихъ не претендуетъ на научную полноту, и многое въ нихъ подлежитъ отмѣнѣ. Весь вопросъ въ томъ, какое изъ нихъ представить наиболѣе удобный кадръ для начинающаго собирателя, передъ которымъ раскрылись богатства народной поэзіи.

Все, сказанное Парисомъ о собираніи пѣсенъ, можетъ быть примѣнено, съ нѣкоторыми отличіями и къ собиранію преданій, сказокъ и т. д. Что и въ этой области починъ Фортюля, и можетъ быть, со-

ревнованіе съ нѣмецкою наукой принесли свои плоды во Франціи, свидѣтельствомъ тому служатъ сборники областныхъ сказокъ Бладе (Bladé) и Коскена (Cosquin), далеко оставившіе за собою опыты, напримѣръ, Сенакъ-Монко (Сенас-Монсаут).

Журналъ *Мелюзина*, первый нумеръ котораго лежитъ передъ нами, будетъ служить органомъ всей этой собирательской и комментаторской дѣятельности. Какъ широко этнографически ставить онъ свою задачу, можно видѣть изъ состава перваго номера, гдѣ рядомъ съ замѣткой о „Народныхъ мелодіяхъ востока“ помѣщена выдержка изъ „Исторіи Болгаръ“ Иречка—о славянской мифологіи, и нормандскія народныя преданія (Traditions populaires de la Neuville-Chant D'oiseil) чередуются съ началомъ статей о старинныхъ французскихъ областныхъ костюмахъ и съ креольскою и бретонскою сказками. Я остановлюсь на послѣдней (Le voleur avisé), одномъ изъ многочисленныхъ вариантовъ разказа о „хитромъ ворѣ“, извѣстномъ уже Геродоту (I. II, с. 121), а на Руси привязавшимся къ имени Ивана Грознаго (см. мою замѣтку въ *Древней и Новой Россіи* 1876 г. № 4, стр. 317—320). Бретонская сказка сообщается въ двухъ вариантахъ, при чемъ издатель, Люзель, замѣчаетъ, что во второмъ недостаетъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, напримѣръ, эпизода о козѣ,—очевидно заимствованныхъ изъ другаго сказочнаго цикла. Интересно, что именно эпизодъ о козѣ встрѣчается и въ русской сказкѣ о Шибаршѣ. Въ бретонскомъ разказѣ царь розыскиваетъ хитраго вора Эфлама (Efflam), который не только ускользаетъ отъ него, но и успѣваетъ украсть тѣло своего отца у солдатъ, его сторожившихъ. Подпоивъ солдатъ, онъ переодѣваетъ ихъ монахами, а монаховъ сосѣдняго монастыря—солдатами. Царь поднимается на новую хитрость: онъ велитъ объявить по всему городу, что его любимица, бѣлая коза, будетъ выставлена на слѣдующій день на площади противъ дворца, и что если вору удастся увести ее, она станетъ его собственностью. Эфламъ крадетъ козу, убиваетъ ее и велитъ сестрѣ приготовить ее въ пищу и никому не давать ни кусочка. Между тѣмъ царь призвалъ къ себѣ слѣпнаго нищаго и посылаетъ его по городу: пусть проситъ у каждаго дома дать ему мяса, и коли дадутъ, тотчасъ же попробуетъ. Если бы мясо оказалось козлинымъ, нищему велѣно сдѣлать на томъ домѣ крестъ меломъ и обо всемъ донести. Позабывъ наказъ брата, сестра подала нищему кусокъ козлинаго мяса, а тотъ сдѣлалъ на дверяхъ дома условный крестъ. Эфламъ

замѣтилъ это, и допросивъ сестру, пошелъ писать такіе же кресты на всѣхъ дверяхъ города. Такимъ образомъ онъ спасается.

Русская сказка также говоритъ о томъ, что Шибарша, спонивъ солдатъ, укралъ у нихъ тѣло своего покойнаго дяди. Царь прибѣгаетъ къ новой уловкѣ: велитъ втереть въ рога козлу алмазныя вещи и водить по Москвѣ; ежели кто поглядитъ на него или подивится, того хватать. Шибарша сажаетъ въ коробъ птицъ и говоритъ, что везетъ къ царю птицъ заморскихъ. Караульные просятъ его показать птицъ; на его отказъ они начинаютъ рубить коробъ: птицы разлетѣлись, а караульные принялись ихъ ловить. Тѣмъ временемъ Шибарша увелъ козла, мясо котораго велѣлъ теткѣ сварить; затѣмъ, убивъ старуху нищую, онъ отнесъ ея тѣло ночью къ царскимъ палатамъ, приморозилъ къ снѣгу и рога положилъ. Караульные доносятъ царю, что старуха рога принесла, а сама оказалась мертвою.

Нищая старуха, очевидно, отвѣчаетъ слѣпому нищему бретонской сказки, сохранившей этотъ эпизодъ съ большою ясностью, чѣмъ русская, въ дальнѣйшемъ развитіи которой встрѣчаются какъ-бы параллели къ знакамъ меломъ и безцѣльному пересодѣванью солдатъ монахами, и наоборотъ: „Тогда царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ по кабакамъ поставить пива и вина и казны довольно насыпать: кто будетъ наклоняться или пристально глядѣть, того и хватать. Шибарша насолилъ сапоги и пошелъ по кабакамъ, и той казны къ нему подъ сапоги много прилипало. Спился Шибарша и заснулъ; усмотрѣвъ на его подошвахъ приставшія къ нимъ деньги, караульные обрили ему полголовы и полбороды, чтобы не ушелъ. Шибарша проснулся раньше другихъ, обрилъ полголовы и полбороды у пьяныхъ караульныхъ. Стали искать Шибарши: такихъ обритыхъ много ссыкали, а вора не поймали“. Русская и бретанская сказка восполняютъ другъ друга.

Пѣснями настоящій нумеръ *Мелюзини* не богатъ. Я укажу на одну *ronde du Puy: Le Roi de Savoie*, въ четверостишіяхъ, съ двухстрочнымъ refrain. Она начинается такъ:

C'était le roi de Savoie,
C'est le roi des bons enfans,
Il s'était mis dans la tête
De détrôner le sultan.
Et rantanplan, gare, gare, gare,
Et rantanplan, gare de devant.

Онъ вышелъ на войну съ арміею изъ восьмидесяти крестьянъ, вмѣсто артиллеріи—монашескіе ослы, да и тѣ навьючены съѣстными

припасами. Взобрались они на гору: какъ великъ Божій свѣтъ! Не-
большую рѣчку они приняли за океанъ, и какъ увидѣли непріятеля—
давай Богъ ноги!

Sauve qui peut, allons nous en,
Et gantaplan и т. д.

Каждая вторая строфа начинается двумя послѣдними стихами
предыдущей.

Выпускъ кончается рядомъ небольшихъ критическихъ отчетовъ
о книгахъ, подлежащихъ вѣдѣнію *Мелюзина*.

Мелюзина—фей мѣстнаго французскаго повѣрья—и извѣстнаго
романа, первая редакція котораго появилась въ 1389 году. Надо по-
желать журналу, принявшему ея имя, такой же живучести, какою
пользуется мѣстное преданіе о ней, но живучести не мѣстной, а
международной. Вспомнимъ, что романъ Мелюзинъ обошелъ испанскую,
нидерландскую, нѣмецкую, датскую, шведскую, чешскую и польскую
литературы, а изъ послѣдней перешелъ и въ старую русскую писмен-
ность ¹⁾

---

¹⁾ *Мелюзина* выходитъ два раза въ мѣсяцъ, тетрадами въ 16 страницъ, въ
4-ю долю листа. Подписная цѣна для Франціи 15 фр., для другихъ европейскихъ
государствъ 16 фр.

А. Веселовскій.

ОБУЧЕНИЕ ПѢНІЮ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

I.

Пѣніе на Руси до-Петровской, дома и въ школѣ. — Современный упадокъ народно-музыкальнаго творчества. — Необходимость мѣръ для его подъема.

Пѣніе всегда составляло и составляетъ живой и неизъемлемый элементъ народной нашей жизни. Каждому человѣку, вмѣстѣ съ даромъ слова, прирождена потребность — въ пѣніи выражать свое внутреннее состояніе, настроеніе духа, возбужденіе чувства. У русскаго народа потребность эта развита въ высокой степени. „Покажите мнѣ народъ, пишетъ Гоголь, у котораго было бы больше пѣсень. Наша крайна звенитъ пѣснями. По Волгѣ же, отъ верховья моря, на всей ереницѣ влекущихъ барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни течутъ изъ рукъ въ руки кирпичи и вырастаютъ города. Подъ пѣсни абъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ“.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ нашего народнаго творчества пѣсня занимаетъ видное мѣсто. Миѳическій „гость богатый“ Садко такъ мастерски игралъ на „гусляхъ звончатыхъ“, что царь морской 12 лѣтъ „мушой радѣлъ“ послушать его игры, и послушавъ, безраздѣльно отдѣлился чарующему вліянію музыки: такъ образно народъ выражаетъ силу музыки, ея покоряющее вліяніе. Византійскіе историки называли Славянъ пѣснолюбивыми еще въ IV вѣкѣ. „Греки, повѣствуютъ они, взяли въ плѣнъ (въ войнѣ съ ханомъ Аварскимъ) трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, кифары или гусли. Императоръ спросилъ: кто они? Мы Славяне, отвѣчали плѣнники... безъ оружіемъ мы обходиться не умѣемъ, но только играемъ на гусляхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мирную, спокойную“. Императоръ дивился тихому нраву этихъ людей, великому росту и крѣпости ихъ, затѣмъ, угостилъ ихъ и далъ способъ возвратиться на родину“. При расконкахъ древ-

нѣйшихъ кургановъ, какъ извѣстно, найдены были остатки древнихъ музыкальныхъ инструментовъ, бывшихъ въ употребленіи у Славянъ. „Бандура подорожная“ для стариннаго казака, виѣстъ съ люлькой (трубкой), составляла сокровище. Въ числѣ славныхъ доблестей героя народной былинны Василя Буслаевича выдается его искусство пѣнія: „А и пѣтъ у насъ такого пѣвца супротивъ Василя Буслаевича“. „Вѣщій“, то-есть, мудрый, посвященный въ тайны природы, „баянъ“ служилъ предметомъ благоговѣйнаго уваженія всего народа — отъ простаго селянина до державныхъ князей, которыхъ славу онъ воспѣ-валъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится, что когда баянъ начиналъ „пѣснь свою творити, своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладате, онѣ же сами княземъ славу рокотаху“, и мысль поэта облетала міръ сизимъ орломъ подъ облакомъ, сѣрнимъ волкомъ подубровѣ. Въ лицѣ „баяна“ народъ чтилъ проявленіе своего творческаго духа. На дальнемъ сѣверѣ доселѣ сохранились „сказатели“ былинъ, остатокъ глубокой древности; на югѣ еще понинѣ существуютъ „кобзари“, народныя пѣвцы, воплощающіе въ себѣ потребность народа — въ пѣснѣ, въ былинѣ, въ пѣвучемъ разказѣ запечатлѣвать свое историческое прошлое.

Пѣніе входило въ народную жизнь повсюду и составило лучшее народное удовольствіе. Въ большіе годовые праздники, въ храмовыя торжества, особенно лѣтомъ и весною, молодежь на Руси издревле водила хороводы подъ пѣсни. Начинаясь съ осени, они продолжаются до красной горки; представляя собою остатки языческой древности, быть можетъ, составляя обрядныя дѣйствія временъ идолопоклонства, хороводы эти являются общенародными играми, гдѣ пѣсня играетъ самую видную роль. На Троицынъ день дѣвицы въ вѣнкахъ, съ громкими пѣснями, исполняютъ завѣтные обряды; на святкахъ отъ глубокой древности употреблялись при гаданіяхъ такъ-называемыя „Подблюдныя“ пѣсни; большинство старинныхъ забавъ (напримѣръ, золото хоронить) сопровождалось пѣснями; и теперь на работу идетъ народъ и возвращается съ работы съ пѣсней на устахъ. Охота къ музыкѣ у русскаго народа издревле была такъ велика, что церковь нерѣдко возставала противъ этого пристрастія, осуждая даже музыкальныя орудія, каковы: гудокъ, балалайка, волынка, гусли, свирѣль, рожокъ, фіолы и проч. Изстари обученіе грамотѣ шло объ руку съ пѣніемъ.

Въ древней пѣсни про Василя Буслаевича говорится, что мать его

«Отдала учиться грамотѣ,
Грамота ему въ наукъ пошла;

Посадила его перомъ писать,
 Письмо Василю въ наукъ пошло;
 Отдала его пѣтѣю учить,
 Пѣтъ Василю въ наукъ пошло»...

Впрочемъ, и церковь наша покровительствовала пѣнію, но только религіозному ¹⁾.

Въ опредѣленіяхъ „Стоглава“, по поводу упадка училищъ на Руси, пишется, что прежде „по всей земли училища многи бывали, грамотѣ и писать, и пѣть и чести гораздыхъ было много“. Говорятъ о Киевскомъ женскомъ училищѣ, основанномъ въ 1086 г. княгиней Анной, на 300 дѣвицъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что обучали дѣвицъ грамотѣ, писанію, пѣнію, пивенію и инымъ полезнымъ ремесламъ“. Словомъ, несомнѣнно, что пѣніе составляло необходимый предметъ обученія въ древне-русской школѣ. Конечно, пѣніе это, какъ и все наше древнее до-Петровское ученье, носило церковно-религіозный характеръ; но освященіе пѣнія церковію еще болѣе возвышало послѣднее въ глазахъ народа. Въ древнихъ памятникахъ церковной письменности нашей мы находимъ въ защиту пѣнія ссылки на ветхій заветъ, на примѣръ Христа и Апостоловъ. „Видимъ и въ петхомъ законѣ, пишетъ Тарасій Земка въ предисловіи къ тріодѣ изд. 1631 г., пѣсни благодаренія Богу; видимъ и въ новѣй благодати, якоже ангелъ Господень и при Рождествѣ Христовѣ воспѣтъ (Лук. II, 1). Такжеже пѣсни Богородицы, Захаріи и Анны обрѣтаются. Апостоли же первѣйшіе церкви не токмо сами употребляху пѣнія, и съ Христомъ еще суще, Евангелистамъ послухоу, и въспѣвъше изыдоша въ гору Еліонскую; но и прочіимъ пѣти узакониша. Якоже Апостолъ Павелъ во двою посланію вѣрныхъ на се увѣщаетъ“. Далѣе приводится ссылка на практику первенствующей церкви христіанской. „Отъ нихъ же (апостоловъ) пріять церковь, прежде яже во Египтѣ, якоже Филонъ Евреинъ историкъ повѣствуетъ сице: христіанстѣи, рече, философи, ихже дѣрлаутѣи, сі есть, служитель божіихъ наречетъ, не токмо въ Божественномъ писаніи поучаются, но и новыя имны, стихи и славословія всякимъ родомъ тяжчайшихъ числъ и риемовъ слагаютъ“).

Руководясь примѣрами древней церкви, въ цѣляхъ богослужебныхъ

¹⁾ Далѣе есть снѣвати духовныя пѣсни, а нежеи свѣщія, срамотныя, бѣсовскія». *Трактатионъ*, «Перво многоцѣнное» 1699 г. Сильвестръ въ «Домостроѣ» пишетъ, что когда начнутъ гусли гудѣти всякое, и пласаніе, и скаканіе, и всякія игры и пѣсни бѣсовскія, тогда якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отындутъ и ангелы Божіи отъ тоя срадныхъ бесѣды и возрадуются бѣси».

и въ духѣ народномъ, древне-русская школа высоко ставила обученіе искусству пѣнія. Но съ теченіемъ времени школьное преподаваніе пѣнія стало приходить въ упадокъ отъ пренебреженія имъ, а въ то же время и въ народно-музыкальное творчество стала входить порча. По деревнямъ уже нерѣдко теперь можно слышать разгульныя, безобразныя пѣсни фабричныя, бурлацкія, рядомъ съ „гармоникой“, анти-музыкальнымъ инструментомъ, губительно вліяющимъ на музыкальное чувство народа. Можно сказать, что порча пѣсни народной идетъ рука объ руку съ порчею народныхъ нравовъ: въ фабричныхъ мѣстностяхъ, гдѣ говорятъ: стыдъ не дытъ, глазъ не ѣстъ, гдѣ торговля стала синонимомъ плутовства, трудно услышать живую, свѣжую народную пѣсню, во всей ея безыскусственной прелести. Она сохранилась еще въ глуши, въ мѣстахъ, свободныхъ отъ развѣдающаго вліянія торгашества и разврата.

Настало время позаботиться о томъ, чтобы богатая музыкальная даровитость народа нашего выступила на добрый, вѣрный путь, съ котораго сбиваютъ его дурныя вліянія разгульной фабричной жизни; пришла пора подумать о томъ, чтобы предохранить молодое поколѣніе отъ порчи вкуса и извращенія художественнаго инстинкта ¹⁾. Въ этомъ отношеніи великую услугу можетъ оказать школа. Важность этой задачи очевидна,—она сама собою вытекаетъ изъ того значенія, какое музыка имѣетъ не только для школы, но и для народной жизни.

II.

«*Harmonice factus non est, qui non delectatur harmonia.*»
Comenius.

Вліяніе музыки на духовную жизнь человека.—Национальное значеніе пѣнія.—Благотворное практическое его вліяніе на досугъ народныхъ.—Художественное значеніе пѣсни.—Вліяніе подъема пѣнія въ школахъ на улучшеніе пѣнія церковнаго.—Общее заключеніе.—Польза школы.

1) Педагогическое значеніе музыки вообще и пѣнія въ особенности обуславливается могущественнымъ вліяніемъ чувства на нашу духовную жизнь. Музыка есть языкъ чувства по преимуществу, не только въ личномъ смыслѣ, но и въ общечеловѣческомъ; воплощая въ себѣ радость и горе, надежды и мечты, стремленія и цѣли, убѣжденія и чаянія народа, пѣсня служитъ выраженіемъ существенныхъ элементовъ внутренней жизни человѣка и народа, захватываетъ

¹⁾ Больше обстоятельное изложеніе этого предмета читатели найдутъ въ ст. нашей «Музыка и пѣніе въ народной школѣ», помѣщенной въ „Нар. Школѣ“.

глубокія основы того и другаго. Оттого подъ звуки родной пѣсни такъ много переживается человѣкомъ, такъ много пробуждается въ немъ воспоминаній о пережитомъ. Дѣйствуя на чувство человѣка, музыка облагораживаетъ его, дѣлаетъ его доступнѣе для всего человѣческаго. Если принять во вниманіе, что чувство служило и служитъ средоточіемъ нашего внутренняго существованія, то станетъ понятнымъ, отчего, подъ вліяніемъ музыки, люди становятся лучше, добрѣе, гуманнѣе. Посредствомъ пѣнія мы можемъ выразить самыя глубокія душевныя состоянія, самыя задушевныя чувства, благороднѣйшія стремленія. Морализующее значеніе пѣнія состоитъ вовсе не въ томъ, что оно поучаетъ (это не его дѣло), а въ томъ, что оно настраиваетъ человѣка выше, дѣлаетъ сердце его доступнѣе человѣческимъ движеніямъ.

2) Пѣніе можетъ имѣть высокое національное значеніе для развитія народа. Въ основѣ народно-музыкальнаго образованія должна лежать родная пѣсня, родныя молитвы. Но откуда изъяслась эта пѣсня? Пѣсня народа—не случайное явленіе; она есть идеальное воплощеніе исторіи народа, носительница живыхъ основъ національнаго воспитанія. Въ пѣснѣ народъ выражаетъ свое пережитое прошлое, свои воззрѣнія на жизнь, свои задушевныя чаянія и надежды, свои страданія и минуты радостей. Пѣсня служитъ для народа однимъ изъ элементовъ, объединяющихъ его въ родную семью. Извѣстно, какую могущественную роль играли хоровыя общества Германіи въ дѣлѣ внутренняго объединенія германскаго племени. Примѣръ этотъ весьма внушителенъ. Пѣсня можетъ вдохновлять народъ къ великимъ подвигамъ; въ ней хранятся преданія о доблестяхъ предковъ, она есть хранительная сила для народности.

3) Музыкальное образованіе народныхъ массъ имѣетъ и чисто практическое значеніе для народной жизни. Облагораживая чувство, развивая свѣжіе, здоровые инстинкты, наполиня досугъ народа въ праздники, пѣніе могло бы служить сильнымъ отвлекающимъ средствомъ отъ кабаковъ и пьянства. Теперь праздникъ не несетъ народу радости, чистаго удовольствія, но служитъ только для разгула, гдѣ исчезаютъ трудовые гроши, и губить здоровье. Чуждый всякаго эстетическаго развитія, невѣжественный, безграмотный народъ не знаетъ, куда дѣть досугъ въ праздничное время; безъ дѣла трудовому человѣку сидѣть скучно и вотъ отправляется онъ въ кабакъ. И такъ, не имѣя возможности пользоваться удовольствіями изысканными, благородными, народъ предается развращающему и гибельному пьянству.

Великую службу сослужила бы школа, развивъ вмѣстѣ съ любознательностью и приобрѣтеніемъ грамотности, любовь къ пѣнію и способность находить въ немъ удовольствіе.

4) Пѣніе имѣетъ далѣе чисто-художественное значеніе. Въ нашей народной натурѣ лежатъ глубокіе, неисчерпаемые источники художественнаго развитія, о чемъ весьма ясно свидѣлствуетъ наша чудная народная пѣсня. Кто знаетъ,—быть можетъ, правильное музыкальное образованіе пробудило бы въ народѣ такіа художественныя силы, о какихъ мы теперь, при полномъ отсутствіи эстетическаго образованія народа, и понятія не имѣемъ.

5) Наконецъ, введеніе правильнаго обученія пѣнію, съ одной стороны, содѣйствовало бы улучшенію нашего церковнаго пѣнія, съ другой служило бы поддержкою для школы. Многочисленные опыты положительно утверждаютъ, что народъ съ необыкновеннымъ расположеніемъ относится къ пѣнію, и гдѣ при школѣ возникали хоры, участвующіе въ богослуженіи, тамъ школа приобрѣтала высокой авторитетъ и горячія симпатіи со стороны народа.

И такъ, введеніе пѣнія во всѣ народныя школы желательно столько же въ интересахъ школы, сколько въ видахъ просвѣщенія и улучшенія народной жизни. Предстоитъ вопросъ: какимъ способомъ вѣрнѣе, легче и надежнѣе достигнуть этой цѣли?

Прежде чѣмъ обратимся къ изложенію способовъ обученія пѣнію, отвѣтимъ на нѣкоторые вопросы относительно введенія этого предмета въ народныя школы.

III.

А. Можно ли сдѣлать пѣніе общеобязательнымъ предметомъ въ школѣ, для всѣхъ учащихся, когда способность къ музыкѣ есть достоинствѣ немногихъ натуръ, составляетъ нѣчто прирожденное чело-вѣку, что не дается никакою наукою?

Въ недавнее время взглядъ этотъ господствовалъ въ нашихъ школахъ и ему пѣніе отчасти обязано своимъ упадкомъ. Ошибочность его въ настоящее время доказана опытомъ, такъ какъ пѣніе нынѣ существуетъ, въ большинствѣ учебныхъ заведеній, для *всѣхъ* и ведется сравнительно успѣшно.

Еслибы рѣчь шла объ особенныхъ дарованіяхъ къ музыкѣ, приведенное возраженіе имѣло бы смыслъ; дѣйствительно, не каждый можетъ быть талантливымъ композиторомъ, не каждый въ состояніи достигнуть блестящей способности художественно-музыкальнаго исполненія; но когда говорятъ объ элементарно-мъ обученіи пѣнію, возраженіе

теряетъ всякое значеніе. Для этой цѣли не нужно особенныхъ дарованій, не надо и обширныхъ голосовыхъ средствъ. Кто можетъ говорить, тотъ можетъ и пѣть. За исключеніемъ болѣзненности, крайней хилости организма и патологическихъ случаевъ лишенія слуха и голоса, всякій ребенокъ можетъ научиться не хитрому искусству пѣнія. Приведенные случаи рѣдки, какъ всякія уродства. Посмотрите на народъ нашъ, Великоруссовъ и особенно Малоруссовъ: ихъ никто не учитъ, но поютъ положительно всѣ молодые парни, дѣвки; пѣніе составляетъ лучшее ихъ удовольствіе.

Замѣтимъ при этомъ, что при поврежденіи органовъ рѣчи, для косноязычныхъ и заикающихся, пѣніе служитъ однимъ изъ вѣрныхъ средствъ для исправленія голоса и произношенія. Не надо забывать, что голосъ и слухъ, какъ и другія способности, подлежатъ развитію и могутъ быть выработаны путемъ методическаго обученія и систематическихъ упражненій.

В. Съ какого времени слѣдуетъ начинать обученіе пѣнію?

Дѣти, какъ извѣстно, начинаютъ пѣть очень рано. Засыпая подъ звуки пѣсенъ еще въ колыбели, ребенокъ свыкается съ тихимъ, спокойнымъ ихъ напѣвомъ. Уже здѣсь начинается слухъ дитяти развиваться, хотя ребенокъ еще не различаетъ въ пѣсни отдѣльныхъ звуковъ, но воспринимаетъ пѣсню, какъ нѣчто цѣлое.

Съ развитіемъ организма, съ укрѣпленіемъ голосовыхъ органовъ, съ навыками въ рѣчи является мало по малу и навыкъ въ пѣніи, который у ребенка, также какъ и рѣчь, образуется путемъ подражанія. Пяти—шестилѣтній ребенокъ уже подпѣваетъ матери и часто, стараясь подражать взрослымъ, выводитъ голосомъ мелодіи, несъема, впрочемъ, нестройныя, изъ которыхъ можно видѣть, что хотя въ ребенкѣ уже есть возможность пѣнія, но чувство тональности и музыкальнаго воспріятія находится еще въ загадочномъ состояніи. Наблюдая за постепеннымъ развитіемъ голосовыхъ средствъ ребенка, мы можемъ убѣдиться, что кромѣ особенныхъ случаевъ музыкальной даровитости, всегда являющейся исключеніемъ, дѣтскій голосъ формируется не раньше 8—9-ти лѣтняго возраста. Съ этого времени, а не прежде, слѣдуетъ и начинать ученіе пѣнію.

Хотя въ такъ-называемыхъ дѣтскихъ садахъ дѣтей учатъ пѣнію и раньше, что, при извѣстномъ выборѣ пьесъ, возможно, тѣмъ не менѣе собственно школьное обученіе пѣнію прежде указаннаго возраста мы не советуемъ.

С. По слуху или по нотамъ слѣдуетъ обучать пѣнію?

На этотъ вопросъ можно услышать различные отвѣты относительно народной школы, гдѣ при краткости времени, нѣтъ и хорошо подготовленныхъ учителей пѣнію. Одни говорятъ, что если обучать пѣнію, то непременно по нотамъ, иначе не стоитъ и учить; народъ безъ нотъ и самъ поетъ такъ, что у него еще можно поучиться. Другіе же, ссылаясь на краткость времени, полагаютъ, что школа выполнить свое назначеніе, если разовьетъ и правильно поставитъ голосъ посредствомъ упражненій и передастъ со слуха („по наслышкѣ“) нѣсколько религіозныхъ, патріотическихъ и народныхъ пѣснопѣній. Что на это сказать?

Мы полагаемъ, что самый вопросъ поставленъ фальшиво.

Обучать пѣнію толково, правильно иначе нельзя, какъ обучая и по слуху и по нотамъ. Никто не спрашиваетъ, какъ обучать грамотѣ — по слуху, съ голоса, или по буквамъ, по книгѣ? А между тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ цѣль однородна: звуковая грамота ведетъ къ умѣнью читать книгу, музыкальная грамота даетъ умѣнье читать ноты.

Пѣніе по слуху и пѣніе по нотамъ представляютъ двѣ стадіи въ обученіи этому искусству. Какъ при обученіи грамотѣ дѣло начинается съ устныхъ предварительныхъ упражненій, такъ и при обученіи пѣнію слѣдуетъ начинать упражненіями съ голоса. Затѣмъ и въ дальнѣйшемъ обученіи пѣніе съ голоса служитъ вспомогательнымъ средствомъ для усвоенія мелодій, пока ученикъ не научится читать ноты также свободно, какъ читаетъ онъ книгу, и интонировать такъ вѣрно и свободно, какъ произносить легко и непринужденно членораздѣльные звуки рѣчи. Итакъ, возраженіе уничтожается единствомъ того и другаго способа: пѣть съ голоса и по нотамъ. Это-то же, что учиться говорить и читать.

D. Одинокое или хоровое пѣніе должно вести въ народной школѣ?

Слѣдуетъ, по нашему убѣжденію, обучать тому и другому.

Одинокое пѣніе проще, конечно; оно представляетъ начальный способъ для развитія основныхъ элементовъ пѣнія; но безъ хорового оно является одинокимъ, не законченнымъ. Народъ не знаетъ гармоніи; пѣніе униссономъ у него преобладаетъ; однако же и онъ, по мѣрѣ умѣнья, прилагивается къ многоголосному пѣнію и вводитъ его въ свои пѣсни, руководясь инстинктомъ. Школа должна облегчить возможность пѣть гармонически цѣлой массѣ, съ раздѣленіемъ на голоса.

Но здѣсь представляются возраженія: а) для хороваго пѣнія въ народной школѣ нѣтъ времени; б) оно трудно и не по силамъ ученикамъ; в) предполагая художественное развитіе въ пѣвцахъ, оно является въ школѣ недостижимымъ; наконецъ д) гдѣ взять голосовъ для хора въ школѣ?

Всѣ эти возраженія не основательны, хотя ихъ и приходится слышать даже отъ учителей пѣнія. а) Если въ народной школѣ есть вообще мѣсто пѣнію, то и хоровому пѣнію и время есть и мѣсто, потому что это не отдѣльныя занятія, а совмѣстныя. Начинаясь одиночнымъ, пѣніе мало по малу само собою, въ силу раздѣленія голосовъ и общей потребности участвовать въ общемъ дѣлѣ самостоятельно, переходитъ въ пѣніе хоровое. б) Что касается трудности послѣдняго, то затрудненіе лежало (и лежитъ) не въ существѣ дѣла, а въ неумѣлости учителей пѣнія. Если ученикъ основательно и бойко можетъ одинъ пропѣть мелодію, то совершенно непонятно, почему ту же мелодію онъ не можетъ пропѣть, когда другой голосъ ему подпѣваетъ? Совершенно напротивъ, у дѣтей замѣчается обыкновенно потребность именно пѣть не одиночно, а хоромъ. Наблюдая за обученіемъ пѣнію въ школахъ, я всегда находилъ, что пѣніе на два, на три голоса доставляло имъ величайшее удовольствіе и они съ необыкновенною охотою выполняли пьески хоровыя. Говорятъ, что хоровое пѣніе не по силамъ ученикамъ, но какое пѣніе? Есть и одиночныя пьесы (solo, aria), которыя никакимъ ученикамъ начальной школы не подъ силу, но можно ли отсюда заключать, что и всякое пѣніе не по силамъ ученикамъ? Все дѣло въ выборѣ, въ постепенности перехода отъ легкаго къ трудному. Есть не мало такихъ пьесъ, которыя въ хоровомъ исполненіи не представляютъ трудностей и для дѣтей. Выборъ — дѣло учителя. в) Противники введенія хороваго пѣнія въ школахъ указываютъ еще на то, что дѣти не могутъ-де обладать художественнымъ развитіемъ, безъ котораго невозможно пѣніе хоровое. И здѣсь преувеличеніе. На первой степени изящества выполненія въ музыкѣ является правильность, вѣрность пѣнія; если ученики будутъ на первый разъ имѣть въ виду только это качество пѣнія, то и тогда явится уже нѣкоторый ансамбль при хоровомъ выполненіи пьесъ; техническая выдержка, тонкіе оттѣнки, изящество, высшая художественность выполненія составляютъ результатъ долгихъ упражненій и было бы также странно требовать отъ дѣтей этихъ качествъ при пѣніи, какъ странно было бы при чтеніи отъ начинающихъ учиться грамотѣ требовать тонкой, выработан-

ной декламациі. Да наконецъ, если у дѣтей нѣтъ „художественности“, если чувство изящнаго у нихъ еще не развито, то надо позаботиться о развитіи его, а хоровое пѣніе представляетъ одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для этой цѣли. 1) Спрашиваютъ еще, гдѣ взять голоса для хороваго пѣнія? Какъ будто дѣло идетъ о приглашеніи пѣвцовъ для оперныхъ представленій! Голоса всегда подъ руками: чѣмъ же выполняется одиночное пѣніе, какъ не голосами? Скажутъ: они не обширны. Обширныхъ голосовъ въ элементарномъ пѣніи и не требуется; обыкновенные дѣтскіе сопрано и альтъ весьма достаточны для выполненія дѣтскихъ пѣсенокъ на 2 и 3 голоса. Итакъ, есть и время, и средства, и полная возможность для введенія хороваго пѣнія въ народную школу.

Не надо забывать при этомъ благотворнаго вліянія хороваго элемента музыки на воспитаніе юношества. Вліяніе это обнаруживается а) навикомъ къ дружному, совокупному дѣйствію; б) сознаниемъ необходимости дѣйствовать не порознь, но вмѣстѣ, общими силами достигать цѣли; в) привычкою тщательно выполнять свою собственную дѣятельность, согласуя ее съ дѣятельностью другихъ; г) взаимнымъ соревнованіемъ въ общемъ дѣлѣ и д) наконецъ, усвоеніемъ чувства мѣры, такта, гармоніи, которая благотворно отражается на внутреннемъ существѣ человѣка. „Кого не улаживаетъ гармонія, тотъ не достигъ гармоніи въ себѣ“, говоритъ великій славянскій мыслитель-педагогъ.

IV.

О методѣ обученія пѣнію въ начальной школѣ.

„Музыкальная грамота“ даже до послѣдняго времени считается чѣмъ-то особенно труднымъ, не всякому доступнымъ. На самомъ дѣлѣ это лишь предразсудокъ, печальное послѣдствіе дурной школы, плохаго преподаванія, а отчасти пренебреженія къ дѣлу. Доселѣ представители музыкальной педагогіи вовсе не заботились о разработкѣ простѣйшаго метода обученія этому искусству; о приготовленіи же искусныхъ учителей его въ народныя школы только теперь начинаютъ подумывать. А отъ мысли до дѣла не далеко.

Сама по себѣ „музыкальная грамота“ вовсе не головоломная хитрость. „Всякая музыка есть ничто иное“, пишетъ кн. Одоевскій, „какъ рядъ соединеній семи основныхъ величинъ и ихъ производныхъ“; точно также, какъ всякій рѣсупокъ, какъ всякое зданіе есть соединеніе прямой и кривой линій; какъ всякая живопись есть сое-

диненіе семи основныхъ цвѣтовъ; какъ, наконецъ, вся математика есть соединеніе 10-ти основныхъ чиселъ" ¹⁾).

Профессоръ Ларошъ, въ предисловіи къ руководству для обученія пѣнію по способу Шеве, пишетъ: „Можетъ показаться парадоксомъ несомнѣнная истина, что все музыкальное знаніе и умѣнье сводится къ одному главному признаку: къ умѣнію интонировать“, то-есть, „къ искусству представлять себѣ въ воображеніи и, по мѣрѣ физическихъ средствъ, брать голосомъ звукъ, изображенный условнымъ знакомъ на бумагѣ, или названный изустно“. Такимъ образомъ, вся музыка, говоря техническимъ языкомъ, „основана на интервалахъ“. Если взять во вниманіе, что основныхъ звуковъ 7, причемъ 8-й составляетъ удвоенное повтореніе перваго, что основныхъ интервалловъ тоже 7, а остальные производные, то усвоеніе „музыкальной грамоты“ уже и по этому не должно бы казаться труднымъ. Въ нашей буквенной азбукѣ мы имѣемъ болѣе 30-ти основныхъ звуковъ, но овладѣваемъ искусствомъ чтенія пѣсли въ 2, 3, 4. Судя по этому, на усвоеніе собственно чтенія нотъ не падо бы болѣе пѣсли; между тѣмъ, на дѣлѣ и въ дѣлѣ курсъ ученія ученикъ рѣдко овладѣваетъ искусствомъ читать ноту съ листа, какъ книгу. Гдѣ причина столь страннаго явленія?

Причинъ много; но одна изъ важнѣйшихъ — дѣтское состояніе методики этого предмета, который всегда преподавали „техники“ и о которомъ въ педагогикѣ только недавно стали говорить. Мысль, что „учитель пѣнія долженъ быть и хорошимъ педагогомъ“ ²⁾, составляетъ приобрѣтеніе столь новое, что оно еще не успѣло войти въ общее сознаніе и отразиться благотворными результатами на подьемѣ преподаванія этого искусства и успѣхахъ его изъ школъ. Другое препятствіе лежало въ нотациі, благодаря которой чтеніе нотъ приобрѣталось съ великою трудностію, а печатаніе нотъ обходилось крайне дорого. Улучшенія необходимо произвести во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Существуетъ два метода преподаванія пѣнія: синтетическій и аналитическій.

По синтетическому способу ученики сначала заучиваютъ отдѣльные музыкальные звуки, въ видѣ гаммы, затѣмъ переходятъ къ болѣе

¹⁾ Ен. В. О. *Одоевскій*, «Муз. грамота для немусыкантовъ». М. 1868 г., стр. 5.

²⁾ «Der Gesanglehrer muss ein guter Pädagoge sein».

сложнымъ музыкальнымъ упражненіямъ, далѣе къ цѣлымъ пѣсамъ, разучиваніемъ которыхъ и завершается приобрѣтеніе музыкальной техники.

По аналитическому способу дѣло идетъ совершенно обратнымъ путемъ. Учащіеся сначала, съ голоса, усваиваютъ нѣсколько простенькихъ пѣсенокъ, которыя и служатъ матеріаломъ для обученія. Сначала дѣти, какъ въ рѣчи, такъ и въ пѣсни, не различаютъ сознательно элементовъ ихъ, но принимаютъ ихъ какъ нѣчто цѣлое. Подъ руководствомъ учителя, ученики разлагаютъ это цѣлое на его элементы, на отдѣльные звуки, которые и различаются по высотѣ, силѣ, продолженію. Такимъ образомъ въ синтетическомъ способѣ обученіе, начинаясь съ элементовъ, восходитъ къ цѣлымъ пѣсамъ; а въ аналитическомъ, начинаясь съ цѣлыхъ пѣсень, нисходитъ къ элементарнымъ звукамъ.

Всѣ наши руководства для обученія пѣнію составлены по синтетической методѣ; аналитическій способъ для нашихъ учителей и составителей руководствъ пѣнія доселѣ остается неизвѣстнымъ и мы не имѣемъ ни одного учебника, составленнаго по этому способу. Этому нельзя не подивиться, такъ какъ аналитическій методъ и есть единственный вполне элементарный способъ обученія пѣнію.

Синтетическій методъ умѣстенъ при спеціальномъ обученіи музыки; по независимо отъ его малоприспособности въ начальной школѣ, обработка этого способа доселѣ у насъ была крайне плоха, въ чемъ всякаго можетъ убѣдить даже бѣглый пересмотръ учебниковъ пѣнія. Въ школахъ этихъ стереотипно повторяется одно и то же: всюду сначала дается понятіе о нотной системѣ, о гаммѣ, затѣмъ трактуется о ключахъ, объ интервалахъ, о знакахъ музыкальных украшеній, о діезахъ, бемоляхъ, о тактѣ, паузахъ, синкопахъ, при чемъ даются безконечные ряды упражненій во всѣхъ тонахъ въ мажоръ и миноръ, совершенно напоминающіе массы складовъ, которыми наполнялись наши старинныя азбуки и которыя способны вызвать только скуку и отвращеніе въ учащихся. Примѣры давались рутинно-однообразные, — ничего свѣжаго, живаго въ этихъ „школахъ“ нельзя и найти. Соответственно мертвой, рутинной обработкѣ учебниковъ, шло и самое преподаваніе пѣнію. Понятно послѣ этого, почему пѣніе давалось не многимъ, считалось какою-то премудростью, которую трудно одолѣть, и почему по выходѣ изъ школы пѣніе сейчасъ забывалось, не оставляя по себѣ никакого слѣда.

Въ виду совершеннаго отсутствія въ нашей педагогической ли-

тературѣ изложенія правильного элементарнаго обученія пѣнію, представляется не излишнимъ изложить его здѣсь хотя въ главныхъ чертахъ. Въ существѣ своемъ обученіе пѣнію совершенно аналогично съ обученіемъ грамотѣ (о чемъ уже сказано выше); поэтому представляется возможнымъ облегчить, упростить и сократить его, примѣнивъ къ нему тѣ приемы рациональнаго обученія, которые такъ упростили и облегчили обученіе грамотѣ.

V.

Приемы для начальнаго обученія пѣнію въ народной школѣ.

Обученіе пѣнію, какъ и обученіе грамотѣ, должно начинаться съ предварительныхъ упражненій. Цѣль ихъ заключается а) въ знакомствѣ съ голосовыми средствами дѣтей, съ ихъ подготовкой къ пѣнію; б) въ приговорительномъ развитіи слуха, такта, интонаціи, голоса; въ умѣннѣ различать высокіе и низкіе тоны; в) въ заготовленіи матеріала для дальнѣйшаго обученія; 2) въ приобрѣтеніи дѣтьми навыка писать первыя семь цифръ, которыя будутъ служить для письма потѣ далѣе; д) въ ознакомленіи дѣтей съ школьными порядками.

Первыя впечатлѣнія суть самыя сильныя, а потому учитель съ первыхъ же поръ долженъ всячески постараться расположить дѣтей къ дѣлу, внушить довѣріе къ себѣ и пробудить увѣренность, что учиться пѣть—дѣло не хитрое. Познакомившись съ учениками, пусть спроситъ, не знаютъ ли они какой пѣсенки? Какая изъ пѣсенъ имъ нравится? Надо прежде всего развязать языкъ дѣтей, вызвать въ нихъ непринужденное, свободное отношеніе къ дѣлу, побѣдить свойственную дѣтямъ робость и вызвать въ нихъ соревнованіе. Для упражненія въ интонаціи надо предлагать поодиночно „попадать въ голосъ“ учителя; необходимость такта, мѣры, сама собою явится при исполненіи пѣсенокъ. Выборъ послѣднихъ долженъ приспособляться къ дальнѣйшей работѣ, при чемъ важно, чтобы пѣсенки заключали ясно и отчетливо простую діатоническую гамму, по возможности, въ предѣлахъ тетра хорда или интервала квинты. Писанье цифръ идетъ параллельно съ устными упражненіями.

Въ основу всего обученія долженъ быть положенъ аналитико-синтетическій методъ, при чемъ фактъ всегда долженъ предшествовать выводу, примѣръ — правилу, частности — обобщеніямъ.

Послѣ предварительныхъ упражненій, самое важное—навести учениковъ вопросахъ такъ, чтобы они сами сдѣлали разложеніе (анализъ) извѣстной имъ пѣсенки съ голоса на звуки (ноты). Здѣсь особенно важна умѣлость, находчивость, изобрѣтательность учителя. Отъ удачи въ самостоятельномъ анализѣ первой пѣсенки много зависитъ дальнѣйшій успѣхъ обученія.

Для анализа необходимо выбрать такую пѣсенку или молитву, гдѣ постепенное восхожденіе звуковъ выдѣлялось бы весьма определенно. Мы советуемъ начинать съ молитвы, потому что это придаетъ болѣе серьезный характеръ занятіямъ, хотя выборъ зависитъ совершенно отъ учителя. Разумѣется, молитва, предназначенная для анализа, предварительно твердо усвоится учениками съ голоса. Для образца можно взять, напримѣръ, „Достойно есть“, которое въ цѣфирпой нотации будетъ имѣть такое начало:

1 2 3 4 4 4 3 2 1

До-стой-но есть яко во истину и пр.

Когда дѣти пропоютъ съ голоса молитву ¹⁾, разъ — другой, учитель обращаетъ вниманіе ихъ, что молитву можно со словъ записать на доскѣ (предполагается, что ученики уже могутъ писать устную рѣчь подъ диктовку). Вызвавъ одного ученика къ классной доскѣ, другаго заставляетъ вслухъ диктовать молитву, которая и пишется на доскѣ ученикомъ. Написанное ученики читаютъ.

Послѣ этого учитель спрашиваетъ учениковъ, нельзя ли также подъ диктовку записать на доскѣ и голосъ (пѣніе) молитвы? Пусть ученики подумаютъ сперва сами, не догадается ли кто, въ чемъ дѣло. Остановливаясь на первой фразѣ молитвы, учитель заставляетъ ученика пропѣть ее попротяжнѣй, а другихъ прислушиваться, одинаковы ли тоны (звуки) берутся голосомъ (съ различіемъ звуковъ по высотѣ) ученики уже познакомились на предварительныхъ упражне-

¹⁾ Если учитель желаетъ начать съ пѣсенки, то для анализа очень удобна такая, напримѣръ, пѣсенка:

1 2 3 4 5 5 6 5 4 3 2 0 1 2 3 4 5 3 5 4 3 2

Трав-ка зе-ле-нѣетъ, Солнышко блеститъ, Ласточка весною Въ рошу къ намъ

1

летитъ.

Мелодія этой пѣсенки весьма отчетливо представляетъ гамму въ предѣлахъ квинты.

нѣхъ). Въ избранной молитвѣ постепенность возвышенія тоновъ для уха весьма осязательна. Для большей наглядности учитель чертитъ, напримѣръ, такую фигуру:

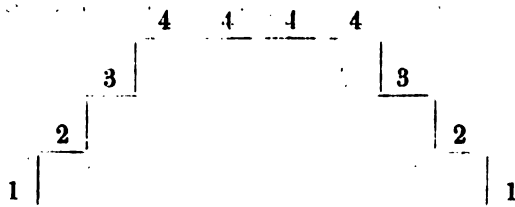

До—стой—но есть, я—ко—во—и—сти—ну

гдѣ каждому тону соотвѣтствуетъ особая ступенька. Дѣти поютъ текстъ подъ тактъ учителя, при чемъ одинъ ученикъ, стоя у классной доски, показываетъ, по слогамъ, соотвѣтствующую каждому тону ступень на чертежѣ. Для лучшаго усвоенія восхожденія тоновъ, можно и слѣдующія фразы изобразить такимъ же образомъ; а потомъ, вмѣсто текста, надо заставить пѣть по чертежу звукъ а, сохраняя мелодію.

Послѣ этого легко разложить мелодію на отдѣльные звуки, при чемъ дѣти отвѣтятъ на вопросы: сколько всѣхъ слоговъ въ первой фразѣ? Сколько соотвѣтствуетъ имъ тоновъ (нотъ)? Какой звукъ выше, какой ниже? и пр.

Такъ какъ изображать ноты приведеннымъ чертежомъ неудобно (громоздко), то учитель предложитъ отмѣтить звуки цифрами, при чемъ сперва и ставить ихъ на соотвѣтственныхъ ступеняхъ фигуры:

До—стой—но есть, я—ко во исти—ну...

Если затѣмъ, вмѣсто столь сложной фигуры (представляющей лишь вспомогательный чертежъ), написать просто однѣ цифры:

1 2 3 4 4 4 4 3 2 1,

До-стой-но есть я-ко во истину...

подписавъ текстъ молитвы, то дѣтямъ уже будетъ ясно, что единицею изображается первый звукъ, двумя — второй, тремя — третій и

т. д. Такимъ образомъ каждая цифра (условно, конечно) получить для дѣтей значеніе опредѣленнаго звука, причемъ цифра въ то же время съ точностью обозначаетъ и разстояніе каждаго звука отъ основнаго тона (интерваллъ отъ тоники), что для пѣнія въ высшей степени важно.

Далѣе должна слѣдовать музыкальная диктовка. Сперва ученикъ пишетъ подѣ диктовку мелодію разобранной молитвы, потомъ учитель даетъ для диктовки другія мелодіи подобныя (напримѣръ, „Взбранной Воеводѣ“... „Повелѣнное тайно приѣмъ“... и т. под.), причемъ одинъ поетъ медленно мелодію, а другой ее записываетъ. Упражненіе въ музыкальной диктовкѣ, неизвѣстное старымъ школамъ, составляетъ необходимую принадлежность раціональной метода обученія пѣнію.

Затѣмъ учитель приглашаетъ учениковъ на слухъ отгадывать, какой тонъ выше и ниже; на сколько ступеней выше или ниже, причемъ отвѣчающій показываетъ какими цифрами изобразить данные тоны. Такъ какъ всѣ упражненія сперва идутъ въ предѣлахъ тетрахорда, то ученики скоро освоятся со всѣми его звуками и легко выучатся писать подѣ диктовку (это особенно важно), на слухъ, не только звуки въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ восхожденія и нисхожденія, но и въ раздробъ; равнымъ образомъ, по данной цифрѣ опредѣлять и выполнять голосами извѣстный звукъ.

Всякое движеніе впередъ основывается непременно на изученномъ предварительно съ голоса матеріалѣ. Напримѣръ, для изученія полной діатонической гаммы ученики могутъ усвоить хоть такой стихъ:

1 2 3 4 5 6 7 $\dot{1}$ $\ddot{1}$ 1 1 1 7 6 5 4 3 2 1. || 1 $\dot{1}$ |

Великъ и чуденъ Во-шій свѣтъ, куда ни глянь, предѣловъ ему нѣтъ. Натъ!

Послѣ сказаннаго учитель легко пойметъ, какъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, чтобы вывести изъ него, при участіи дѣтей, понятіе о гаммѣ и т. д. ¹⁾

Давая примѣры музыкальнаго анализа и первыхъ приѣмовъ обученія, мы имѣли въ виду лишь нагляднѣе охарактеризовать путь новой методы; но каждый учитель можетъ изобрѣсть множество другихъ

¹⁾ Въ настоящее время мы готовимъ по новой методѣ обученія одиночному и хоровому пѣнію практическое полное руководство съ упражненіями, которое предполагается издать подѣ названіемъ «Музыкальная грамота для школъ». Здѣсь приводятся только основныя этой методы.

пріемовъ для этой цѣли, лишь бы сохранилось существо метода. Методъ долженъ быть одинъ, а пріемовъ — неисчерпаемое множество; пріемъ анализа восполняется синтезомъ, самостоятельность ученика постоянно стоитъ на первомъ планѣ.

VI.

Нѣсколько общихъ замѣчаній дополняютъ очеркъ новаго метода элементарнаго обученія пѣнію.

1) Въ основу всего хода обученія должны полагаться простыя, но изящныя мелодіи, съ текстомъ, доступныя ученикамъ, съ постепенно увеличивающимися трудностями въ отношеніи интервалловъ, такта, движенія (темпа) и объема голоса (діапазона).

2) Устные и письменныя работы идутъ рука объ руку, но первыя предшествуютъ вторымъ. Чтò ученикъ сзумѣетъ паязустъ пропѣтъ, то онъ долженъ умѣть и написать съ голоса.

3) Теоретическія свѣдѣнія по музыкѣ сообщаются постепенно, по мѣрѣ и въ предѣлахъ дѣйствительной, практической въ нихъ нужды при выполненіи изучаемыхъ мелодій, и сейчасъ закрѣпляются новыми примѣрами. Такимъ образомъ нѣтъ нужды говорить о дополнительныхъ октавахъ къ основной гаммѣ, когда ихъ не встрѣчается въ мелодіи, или толковать о темпахъ въ $\frac{3}{8}$, $\frac{3}{4}$ и проч., когда мелодіи изучаются въ двухдольныхъ тактахъ. Прежде передача такихъ свѣдѣній начиналась съ первыхъ уроковъ, и ученику толковали о снѣкопахъ, о треляхъ, когда онъ еще не навнѣкъ въ выполненіи простой гаммы въ четвертяхъ, чтò усвоилось одною памятью, а разсудокъ и представленіе подавляло.

4) Особенно важно для успѣха пѣнія, чтобы дѣти научились представлять всякій данный звукъ въ умѣ. Къ этой цѣли наилучшимъ средствомъ служить музыкальная диктовка и чтеніе нотъ (по цифрамъ). Оба эти упражненія должны идти постоянно черезъ весь курсъ ученія. Ученики должны совершенно свободно по слуху отгадывать интерваллы и писать ихъ сами; каждая цифра (нота) должна служить для нихъ знакомъ дѣйствительной вещи (звука). Упраженія здѣсь могутъ быть разнообразны. Пусть одинъ ученикъ, взявъ тонику, называетъ вслухъ ту или другую ноту, а другіе со слуха ее поютъ, третьи ее записываютъ и т. д. Главное, чтобы при каждой задачѣ ученикъ непремѣнно соображалъ, внималъ, вслушивался въ звукъ и воспроизводилъ или отыскивалъ его совершенно сознательно. Только при та-

часть CLXXXIX, отд. 3.

комъ способъ обученіе пѣнію получить развивающій, образовательный характеръ и дать блестящіе результаты.

5) Рядомъ съ мелодіями (молитвы, гимны, пѣсни) должны идти упражненія въ сольмизаціи (выполненіе музыкальных звуковъ по цифрамъ съ названіями нотъ: *до, ре, ми*, и проч.) и вокализахъ (выполненіе упражненій на одні гласныя). Второе важно для выработки собственно голоса, а первое — для отчетливаго, яснаго выговора.

6) Всѣ упражненія должны имѣть осмысленный характеръ изъясненныхъ мелодій, а не быть рутинно-однообразными имитаціями различныхъ чисто механическихъ сочетаній музыкальных звуковъ, напоминающихъ бессмысленные склады старинныхъ азбукъ.

7) Какъ скоро дѣти утвердятся въ правильномъ и отчетливомъ выполненіи простенькихъ пѣсень, средняго темпа ¹⁾, простаго дѣленія въ тактѣ, въ предѣлахъ гаммы, научатся отчетливо различать и выдерживать изученные звуки, слѣдуетъ переходить къ пѣнію двухголосному. Для перехода отъ одиночнаго къ хоровому пѣнію могутъ служить каноны, которые представляютъ менѣе трудностей при выполненіи по самому своему построенію.

Всѣ подробности относительно передачи техники выполненія, теоретическихъ свѣдѣній по музыкѣ и проч., принадлежатъ уже практическому руководству, учебнику пѣнія, а потому мы ихъ здѣсь оставляемъ, считая сказанное достаточнымъ для того, чтобы учитель усвоилъ существо новой методы, въ которой обученіе переходитъ въ самообученіе и все опирается на самостоятельность и соображеніе ученика. Затѣмъ намъ остается сказать о нотаци, которая въ обученіи пѣнію имѣетъ несомнѣнно важное значеніе.

VII.

Существуетъ нѣсколько способовъ нотаци, то-есть, способа изображать музыкальные звуки условными знаками (нотами).

Такъ, есть нота древне-церковная крюковая (безлинейная система), теперь сохранившаяся лишь въ старыхъ рукописяхъ; есть нота квадратная, которая и теперь употребляется въ церковныхъ обиходахъ (въ альтовомъ ключѣ); есть нота круглая, иначе называемая „нота-

¹⁾ Слишкомъ медленный темпъ, вообще чрезмѣрно долгія ноты положительно неудобны для первыхъ упражненій, такъ какъ учащійся еще не научился, владѣть дыханіемъ; умѣнье выдерживать долгіе тоны составляетъ искусство которое пріобрѣтается лишь упражненіемъ.

ліанская", — это самый распространенный способ нотации; есть нота буквенная, которая употребляется для обученія музыкѣ слѣпыхъ, для чего печатается выпуклыми буквами; наконецъ, есть нота цифровая (или цифирная), которая употребляется при элементарномъ преподаваніи пѣнія ¹⁾.

Круглая нотопись итальянская составляетъ универсальную азбуку музыки, посредствомъ которой печатается почти вся масса произведеній музыкальных. Система эта довольно проста и всѣмъ извѣстна: на пяти линіяхъ ноты изображаются круглыми (бѣлыми и черными) знаками, причемъ для верхнихъ и нижнихъ октавъ употребляются прибавочныя черты сверху и снизу. Оставляя эту нотопись для спеціального техническаго изученія музыки и для печати обширныхъ и сложныхъ музыкальных произведеній (гдѣ она, безспорно, не только умѣстна, но и незаменима), мы отдаемъ рѣшительное преимущество въ элементарномъ обученіи пѣнію нотописи цифирной. Достоинства ея въ этомъ отношеніи очевидны; они состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Цифирная нотация упрощаетъ передачу музыкальных звуковъ, сводя все разнообразіе тональностей къ двумъ основнымъ (*с dur* и *a mol*), и всю разнообразную массу звуковъ къ 7-ми главнымъ тонамъ.

2) Такъ какъ цифра, выражая собою опредѣленный звукъ, въ то же время точно обозначаетъ интервалъ его отъ звука основнаго, то при цифирной нотации дѣти скорѣе могутъ понять и усвоить отношеніе между музыкальными звуками.

3) Цифирная нотация одинаково доступна учителю и ученикамъ. Семь цифръ написать всякій умѣетъ; не надо при письмѣ ихъ никакихъ приспособленій, въ классѣ достаточно мѣла и доски, дома — пера и бумаги, чтобы написать всякую пѣсню.

4) Цифирная нотация уничтожаетъ необходимость разныхъ ключей, которые затрудняютъ изученіе музыкальной грамоты и сбиваютъ учащихся съ толку.

5) Цифирная нотация представляетъ всѣ преимущества для совокупнаго класснаго преподаванія пѣнія; особенно она удобна для музыкальной диктовки и навыка въ чтеніи нотъ. Вообще при цифирной нотѣ легко и удобно производить самыя разнообразныя упражненія, при общемъ участіи всѣхъ учениковъ.

---

¹⁾ «Цифровую» нотопись не слѣдуетъ смѣшивать съ «цифрованными басомъ»; послѣдній составляетъ отрасль гармоніи, а первая есть простое изображеніе музыкальных звуковъ цифрами.

6) Цифирная нотація, — справедливо замѣчаетъ профессоръ Ларошъ, — отчетливо обозначаетъ гамму и обращается не къ памяти пѣвца, но исключительно къ гармоническому инстинкту человѣка, къ врожденному ему чувству тональности⁴.

7) Цифирный способъ начертанія нотъ приспособленъ къ самому обширному распространенію, вслѣдствіе своей общедоступности. Въ то же время примѣненіе этой нотописи неминуемо удешевило бы музыкальныя изданія до 50%, — обстоятельство немаловажное тамъ, гдѣ идетъ дѣло о распространеніи музыкальнаго образованія въ массахъ. Ни съ чѣмъ несообразная дороговизна нашихъ нотныхъ изданій служила и долго еще будетъ служить положительнымъ препятствіемъ для обширнаго распространенія музыки въ народныхъ школахъ.

Система цифирной нотаціи проста до послѣдней степени: семи основнымъ тонамъ діатонической гаммы соотвѣтствуютъ семь цифръ, которыя и носятъ названіе обычныхъ нотъ гаммы:

1,	2,	3,	4,	5,	6,	7;
до	ре	ми	фа	солъ	ля	си

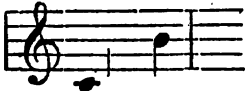
октава и слѣдующая отъ нея гамма вверхъ изображаются тѣми же семью цифрами, съ прибавленіемъ надъ ними точки вверхъ; нижняя октава имѣетъ то же цифирное обозначеніе съ точкой внизъ. Знаки молчанія обозначаются нулями; діезы отмѣчаются перечеркиваніемъ ноты справа на лѣво, бемоли — перечеркиваніемъ слѣва направо.

Вотъ и вся нехитрая наука, всякому понятная, всякому доступная.

Говорятъ, этой нотописи не достаетъ наглядности. Мнѣніе ошибочное. Въ этой системѣ наглядности гораздо болѣе, чѣмъ въ круглой нотописи. Истинная наглядность состоитъ въ показаніи самаго предмета, въ его естественномъ видѣ, доступно внѣшнимъ чувствамъ, непосредственному наблюденію. Такимъ предметомъ при обученіи пѣнію является музыкальный звукъ; глазомъ его видѣть нельзя, только ухо можетъ его воспринять и анализировать. Такимъ образомъ, наглядность звуковъ — это само пѣніе. Всякій внѣшній знакъ только условно можетъ служить для обозначенія извѣстнаго звука. Будетъ ли то линія, точка, буква, цифра, все это лишь знаки вещи, а не самая вещь. По отношенію же къ знакамъ можетъ быть рѣчь не о наглядности (ибо каждый видимый знакъ нагляденъ), но о болѣе или менѣе близкомъ соотвѣтствіи знака изображаемому пред-

мету. Въ этомъ отношеніи цифры обладаютъ несомнѣнными преимуществами.

Когда я вижу, напримѣръ, на линейной системѣ *до* и *си*

, то я знаю только, что это *до* и *си* что *си* во-

обще выше *до*; но чтобы опредѣлить, насколько именно выше, надо счесть линіи и промежутки между ними, тогда лишь можно и сказать съ точностью отвѣтъ ¹⁾. Совсѣмъ иное дѣло при цифровой нотации. Когда я вижу 1 и 7, то не только знаю, что это *до* и *си*, но прямо, съ точностью вижу, что *си* выше *до* на семь тоновъ, или, что то же, одновременно съ опредѣленіемъ нотъ отдѣльно по цифровой системѣ усвоиваю и ихъ интерваллы.

Что же касается до возраженія, что при изученіи пѣнія посредствомъ цифровой нотописы ученикамъ придется побѣждать двѣ трудности: научившись пѣть по цифрамъ, придется разучиваться и снова учиться пѣть по нотамъ, то возраженіе это основано на недоразумѣніи или лучше на положительномъ незнакомствѣ съ дѣломъ.

Отношеніе между цифровой нотописью и круглою, по линейной системѣ, то же, что между азбукой гражданской и церковной. Никому не придетъ въ голову утверждать, что кто выучился читать гражданскую печать, тотъ для чтенія по славянски долженъ „разучиваться“ и снова учиться азбукѣ. Читающему гражданскую печать ровно ничего не стоитъ научиться чтенію по церковной печати. Не менѣе будетъ легко умѣющему читать ноту цифирную перейти къ чтенію ноты круглой. И по цифровой, и по всякой другой нотации, при правильномъ обученіи, изучаются тѣ же музыкальные звуки и ихъ отношенія (интерваллы) и кто основательно изучилъ послѣдніе, для того ровно ничего не значитъ переходъ отъ однихъ знаковъ къ другимъ. Напротивъ, сравненіе различныхъ нотаций можетъ послужить только къ болѣе отчетливому усвоенію самаго предмета.

Приведенное возраженіе исходитъ отъ людей, практически дѣломъ не занимавшихся, но судящихъ о немъ умозрительно. Употребленіе цифръ при обученіи пѣнію теперь до того общепринято, что даже обучающіе по круглой нотации прибѣгаютъ къ цифирнымъ

¹⁾ Конечно, для привычнаго глаза затрудненіе это не существуетъ, но рѣчь идетъ о дѣтяхъ, которые только начинаютъ учиться пѣнію; рѣчь идетъ о преподаваніи элементарномъ.

задачамъ и упражненіямъ. Равнымъ образомъ, и обучающіе по цифирной нотации не чуждаются линейной системы и употребляютъ ее для нѣкоторыхъ сравненій и поясненій. Противорѣчія тутъ никакого нѣтъ и быть не можетъ, потому что въ обоихъ случаяхъ предметъ остается тотъ же.

С. Миропольскій.

О ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЯХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ ВЪ НАЧАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Одна изъ самыхъ важныхъ, и по нашему понятію, самыхъ трудныхъ задачъ учительской семинаріи это — разумное и вполне цѣлесообразное веденіе практическихъ занятій семинаристовъ въ начальномъ училищѣ. Важность этихъ занятій неоспорима. Намъ, правда, случалось слышать отъ нѣкоторыхъ лицъ слѣдующаго рода отзывъ: „Къ чему при семинаріи училище для практики? Какъ ихъ (семинаристовъ) учили, такъ и они будутъ учить другихъ“. Но подобныя мнѣнія уже отжили свой вѣкъ. Недавно еще говорили и писали, что и учителя семинаріи для насъ не нужны, что и безъ нихъ можно набрать учителей для народныхъ школъ, сколько угодно. Оставляя безъ опроверженія, какъ опровергнутая самою жизнью, такого рода мнѣнія, мы ограничимся здѣсь только повтореніемъ той общезвѣстной истины, что теорія ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить практики. Теорія можетъ сообщить лучшіе способы въ обученіи дѣтей чтенію, письму и счисленію; можетъ указать общія, основанныя на новѣйшихъ научныхъ выводахъ, правила обученія и воспитанія дѣтей и средства къ болѣе успѣшному, всестороннему ихъ развитію, но никакъ образомъ она не въ состояніи предусмотрѣть всѣхъ тѣхъ до безконечности разнообразныхъ явленій, которыя представляетъ жизнь народной школы. Вполнѣ ознакомиться съ ними и научиться подчинять ихъ своей волѣ (а это необходимо, — въ школѣ не должно быть ничего не предусмотрѣннаго, случайнаго) народный наставникъ можетъ только на практикѣ. Правда, практика здѣсь требуется не однолѣтняя. Учительская семинарія не въ состояніи сдѣлать своего воспитанника вполне опытнымъ наставникомъ. Тѣмъ не менѣе хорошо уже и то, если она на дѣлѣ познакомитъ воспитанника своего съ народною школою; если онъ, подъ руководствомъ своихъ воспи-

тателей, станеть твердо на ноги и, получивъ въ послѣдствіи мѣсто наставника, явится въ своемъ училищѣ не конфузливый новичкомъ, невѣдущимъ съ чего начать и на чемъ кончить, а человѣкомъ, не только имѣющимъ навыкъ къ веденію школьнаго дѣла, но и порядочно знакомымъ уже со всѣмъ строемъ народной школы. Кто, подъ руководствомъ опытнаго мастера, съ помощью необходимыхъ столярныхъ инструментовъ, успѣлъ сдѣлать хотя самую простую, незатѣливую домашнюю мебель, уже несравненно въ столярномъ ремеслѣ выше того, кто почти не держалъ въ рукахъ этихъ инструментовъ, хотя въ теоріи отлично знаетъ ихъ употребленіе. То же самое можно сказать и о народномъ наставникѣ. Пусть онъ наилучше будетъ подготовленъ теоретически къ своему дѣлу, но если онъ, будучи еще въ семинаріи, не успѣлъ испробовать своихъ познаній и своихъ педагогическихъ способностей на практикѣ, то не скоро потомъ онъ совладаетъ съ своимъ училищемъ и много придется ему потерять и времени, и силъ, и трудовъ совершенно безплодно! Не даромъ пословица говорить: „дѣло мастера боится“. А быть такимъ мастеромъ, котораго дѣло боялось бы, безъ надлежащаго практическаго съ нимъ ознакомленія, рѣшительно невозможно.

И такъ, полагаемъ, совершенно достаточно сказаннаго доселѣ относительно важности и необходимости практическихъ занятій семинаристовъ въ начальномъ училищѣ, которое, съ этою именно цѣлію и учреждается при каждой учительской семинаріи. Эта статья составляетъ существенную часть программы семинаріи, какъ спеціальнаго учебнаго заведенія для приготовленія учителей въ элементарныя народныя школы.

Но сколько важна и необходима практическая подготовка семинаристовъ къ будущей ихъ учительской дѣятельности, столько же почти и трудна исполнѣ цѣлесообразная ея постановка. Въ доказательство этого можно привести примѣръ изъ жизни Молодечненской семинаріи. Въ продолженіе ея десятилѣтняго существованія система практическихъ занятій воспитанниковъ въ начальномъ училищѣ мѣнялась уже нѣсколько разъ, и та, которой она держится въ настоящее время, едва ли, по указанію опыта, не подвергнется еще измѣненіямъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось, что въ ней чего-то недостаетъ, а чего именно — это видно будетъ изъ послѣдующаго.

Вотъ краткій очеркъ веденія практическихъ занятій въ Молодечненской учительской семинаріи. Воспитанники перваго выпуска

вовсе лишены были педагогической практики по слѣдующей причинѣ. Во второмъ году существованія семинаріи не было наставника начальнаго училища. Мѣсто его предоставлено было мѣстному приходскому священнику, который, имѣя и безъ того много занятій по своему многолюдному приходу, поручилъ все дѣло обученія и воспитанія въ училищѣ причетнику, весьма мало подготовленому. Вотъ почему практическія занятія въ первомъ семинарскомъ курсѣ ограничились только тѣмъ, что директоръ, пригласивъ однажды воспитанниковъ и наставниковъ семинаріи въ училище, показалъ, какъ слѣдуетъ обучать грамотѣ по звуковому способу. Не можемъ удержаться, чтобъ не разказать случившагося при этомъ курьеза. Первоначально вызванъ былъ мальчикъ, уже порядочно умѣвшій читать. На требованіе произнести звуки ббб... ддд... и т. д., онъ безъ затрудненія это исполнилъ. По одинъ изъ наставниковъ семинаріи предложилъ вызвать для практики новичка, только что поступившаго въ училище. Вызвали его и стали требовать, чтобъ онъ произнесъ ббб... ддд... Мальчикъ смотрѣлъ—смотрѣлъ въ лицо педагогу и наконецъ разсмѣялся, но требуемыхъ звуковъ не произнесъ, за что былъ обозванъ идіотомъ и отосланъ назадъ за парту. А вотъ такихъ-то идіотовъ и приходится народному наставнику учить грамотѣ. Случай этотъ показываетъ, между прочимъ, сколько нужно умѣнья и терпѣнья, чтобы теорію примѣнять къ дѣлу.

И такъ, Молодечненскіе семинаристы перваго выпуска должны были удовольствоваться одною теоріею обученія и воспитанія. По устраненіи священника и его помощника отъ завѣдыванія училищемъ, практическія занятія въ немъ семинаристовъ велись слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ нихъ цѣлый день занимался преподаваніемъ въ училищѣ, въ присутствіи двухъ очередныхъ своихъ товарищей. На слѣдующій день одинъ изъ этихъ ассистентовъ поступалъ въ преподаватели, а ассистентомъ вмѣсто него дѣлался слѣдующій по порядку. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока каждый изъ воспитанниковъ выпускнаго класса не побывалъ практикантомъ отъ двухъ до трехъ разъ. Между тѣмъ какъ по три семинариста занимались такимъ образомъ въ училищѣ, въ классѣ ученіе шло своимъ чередомъ. Система эта имѣла, очевидно, большіе недостатки. Съ одной стороны, каждый изъ семинаристовъ-практиковъ лишился въ теченіе трехъ дней возможности слушать лекціи своихъ наставниковъ, а слѣдовательно, и той пользы, которую выносили отсюда его товарищи, а съ другой—эти послѣдніе лишились возмож-

ности слѣдить за дѣятельностью практиканта въ училищѣ и достоинства или недостатки его преподаванія обращать себѣ въ назиданіе.

Но такая система практическихъ занятій существовала только до введенія въ дѣйствіе новаго положенія о семинаріяхъ, по которому къ прежнимъ двумъ семинарскимъ классамъ прибавленъ еще третій — практической по преимуществу. Затѣмъ введена была другая система, состоявшая въ томъ, что стали назначать изъ учениковъ 3-го класса по три и даже по четыре практиканта, а остальные раздѣлялись на столько же группъ, изъ коихъ каждая обязана была слѣдить за преподаваніемъ своего товарища. При этомъ присутствовалъ и тотъ наставникъ, по предмету коего производилась практика. Очередь повторялась нѣсколько разъ въ теченіе учебнаго года въ начальномъ училищѣ и только подъ конецъ его каждый изъ семинаристовъ выпускнаго класса обязанъ былъ на двухъ или трехъ урокахъ заниматься со всѣми тремя отдѣленіями училища единолично, въ присутствіи, конечно, всѣхъ своихъ сотоварищей и одного изъ наставниковъ семинаріи. Практическихъ уроковъ бывало всего до десяти въ недѣлю.

Система эта имѣла свои выгоды и невыгоды. Хорошо въ ней было то, что практикантъ, имѣя предъ собою только одну группу учениковъ, не развлекался и ему было легче на первыхъ порахъ управиться съ этою одною группой, чѣмъ съ цѣлымъ училищемъ. И для учащихся было хорошо, потому что ни одна группа ихъ не оставалась безъ наставника, а слѣдовательно и обученіе могло идти успѣшнѣе. Но неудобно было то, что при совмѣстномъ занятіи трехъ или даже четырехъ практикантовъ въ училищѣ и притомъ, когда двумъ или тремъ изъ нихъ приходилось заниматься даже въ одной комнатѣ, происходилъ невыносимый шумъ, такъ что требовалось большихъ усилій, чтобы ученики могли слышать слова учителя, и наоборотъ; да и наставникъ-руководитель, при такомъ порядкѣ, не могъ услѣдить надлежащимъ образомъ за тремя или четырьмя преподавателями-практикантами. Система эта въ 1875 году была отмѣнена. Теперь семинаристы выпускнаго класса сразу приступаютъ къ занятіямъ въ начальномъ училищѣ со всѣми тремя его отдѣленіями, въ назначенные по семинарскому росписанію часы, именно: одинъ занимается обученіемъ дѣтей, а остальные слѣдятъ за этимъ, причемъ присутствуетъ и тотъ наставникъ, чей по росписанію приходится практической урокъ.

Что касается другихъ учительскихъ семинарій, то мы по имѣемъ

почти никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ у нихъ ведется это важное дѣло. Только семинаріи Полоцкая и Бѣлгородская сообщили печатно кое-какія свѣдѣнія о практическихъ занятіяхъ своихъ воспитанниковъ, но свѣдѣнія эти не даютъ яснаго понятія ни о системѣ сказанныхъ занятій, ни о результатахъ, посредствомъ ихъ достигнутыхъ. А очень жаль, что учебныя заведенія этого рода, коихъ уже не мало въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, хранятъ упорное молчаніе о столь важномъ предметѣ. Скромность, положимъ, вещь похвальная, но не въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, гдѣ опытъ однихъ можетъ предохранить отъ увлеченій и ошибокъ другихъ дѣятелей на томъ же поприщѣ. Въ виду новости, а слѣдовательно и трудности сказаннаго дѣла, весьма желательно было бы, чтобы какъ учительскія семинаріи, такъ и вообще сходныя съ ними, по предмету своей спеціальности, учебныя заведенія, почаще обмѣнивались свѣдѣніями о томъ, какъ у нихъ ведутся и какими сопровождаются результатами практическія занятія въ училищѣ воспитанниковъ, приготовляемыхъ этими заведеніями къ учительской должности.

Быть можетъ, мы ошибаемся, и другимъ это дѣло не кажется столь важнымъ и труднымъ, какъ намъ. Дѣйствительно, на первый взглядъ, ничего въ немъ нѣтъ особенно мудренаго. Показать воспитанникамъ семинаріи на практикѣ, какъ они должны учить дѣтей, а потомъ смотрѣть такъ ли они ведутъ дѣло, какъ показано, вотъ, повидимому, и все. Но если вникнуть въ этотъ предметъ поглубже, то представится не мало вопросовъ, изъ коихъ нѣкоторые, при настоящихъ условіяхъ нашей народной школы, едва ли могутъ быть и рѣшены вполне удовлетворительно. Вотъ эти вопросы.

1) Какъ нужно смотрѣть на начальное при семинаріи училище: какъ на матеріалъ для педагогическихъ экспериментовъ, или же, какъ на учебное заведеніе, изъ котораго обучающіеся дѣти выносили бы всю ту пользу, какой слѣдуетъ ожидать отъ подобнаго рода заведеній, независимо отъ практическихъ занятій въ немъ семинаристовъ?

2) Должна ли семинарія, при веденіи практическихъ занятій въ своемъ училищѣ, строго держаться его программы и росписанія, или же можетъ измѣнять ихъ по своему произволу, какъ найдетъ для себя удобнѣйшимъ, примѣнительно къ *своему* классному росписанію? При томъ каждый ли семинаристъ выпускнаго класса долженъ исполнить всю недѣльную программу училища, или же можно удовольствоваться и отдѣльными практическими уроками, которые по семинарскому росписанію назначены такими?

3) Какъ распредѣлить практическія занятія въ училищѣ такимъ образомъ, чтобы, не смотря на нихъ и даже благодаря имъ, шло рядомъ и дальнѣйшее умственное развитіе практикантовъ; чтобы время, проводимое ими въ училищѣ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые сами не преподають, а только наблюдаютъ за преподаваніемъ товарищей, не было потеряно безплодно?

4) Кто долженъ распоряжаться выборомъ и распредѣленіемъ учебного матеріала для практическихъ занятій и какое участіе въ занятіяхъ практикантовъ должны принимать, съ одной стороны, наставникъ начальнаго училища, а съ другой—директоръ и наставники семинаріи?

5) Какъ должны вестись и обсуждаться отчеты объ этихъ занятіяхъ и какіе должны быть практическіе результаты общихъ о нихъ разсужденій семинарскаго совѣта; а равно какое должны принимать участіе въ этомъ семинаристы-практиканты и ихъ товарищи?

Мы не беремъ на себя обязанности рѣшить категорически предложенные вопросы, какъ потому, что не считаемъ себя достаточно для этого опытными въ педагогической практикѣ, такъ и потому, что, какъ уже замѣчено выше, рѣшеніе *всѣхъ* предложенныхъ вопросовъ едва ли пока и возможно. Мы желаемъ только высказать нѣкоторыя соображенія по занимающему насъ предмету, соображенія, основанныя на наблюденіяхъ, которыя мы имѣли возможность, въ теченіе не одного десятиа лѣтъ, производить и надъ нашими начальными училищами вообще и въ частности надъ практическими занятіями воспитанниковъ Молодечненской семинаріи въ состоящемъ при ней училищѣ. Если наши соображенія хотя сколько нибудь облегчатъ путь къ рѣшенію предложенныхъ вопросовъ, или вызовутъ по крайней мѣрѣ сужденія о занимающемъ насъ предметѣ со стороны лицъ болѣе насъ свѣдущихъ въ педагогію; то мы будемъ считать цѣль настоящей статьи достигнутою.

I. Для чего учреждаются при учительскихъ семинаріяхъ элементарныя училища? Для того ли только, чтобы воспитанники семинаріи имѣли возможность производить надъ учащимися въ этихъ училищахъ свою педагогическую практику? Такое ли здѣсь ихъ назначеніе, какъ, на примѣръ, клиники при медицинскомъ факультетѣ университетовъ, или садовъ и огородовъ для опытовъ при агрономическихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Нѣкоторые дѣйствительно такъ и смотрятъ на училище при семинаріи, оправдывая свой взглядъ тѣмъ, что если оно и будетъ нѣ-

которымъ образомъ принесено въ жертву неопытности семинаристовъ-практикантовъ, если оно по этой причинѣ въ учебномъ отношеніи нѣсколько и потеряетъ, за то училища, въ которыхъ эти самые практиканты будутъ впоследствии наставниками, будутъ избавлены отъ увлеченій съ ихъ стороны, промаховъ и ошибокъ, неизбежныхъ въ такомъ случаѣ, когда наставникъ принимается за свое дѣло безъ предварительной практической къ нему подготовки. Нельзя отрицать, что такой взглядъ заслуживаетъ отчасти уваженія. При началѣ каждаго новаго дѣла нельзя обойтись безъ нѣкотораго рода потерь.

Когда нашему безсмертному Суворову замѣчали, что на маневрахъ у него не обходится безъ несчастныхъ случаевъ, онъ говорилъ: „чтожъ,—пять, десять человѣкъ убью, за то пятьдесятъ тысячъ выучу“. Такой способъ ученія въ суворовскія времена, можетъ быть, былъ и хорошъ, но теперь — въ концѣ XIX столѣтія онъ былъ бы уже анахронизмомъ. Теперь желательно, чтобы даже въ полевомъ ученіи выучивались искусно, быстро маневрировать десятки тысячъ солдатъ и ни одинъ изъ нихъ не былъ при этомъ убитъ. Это желаніе также справедливо, какъ и то, чтобы, при патологическихъ опытахъ студентовъ медицинскаго факультета, никто изъ больныхъ, поступающихъ въ университетскую клинику, не подвергался явной опасности лишиться жизни, или остаться на весь вѣкъ калѣкою, вслѣдствіе неумѣлаго леченія медиковъ-студентовъ. Нѣчто подобное можно сказать и объ училищѣ при семинаріи. Желательно, чтобы воспитанники ея приобрѣтали здѣсь на практикѣ возможно лучшую подготовку къ своей будущей дѣятельности, но чтобы въ то же время училище, служащее поприщемъ для практики, ничего не теряло отъ этого ни въ какомъ отношеніи. Напротивъ, желательно, чтобы оно, благодаря совмѣстнымъ трудамъ семинаристовъ и ихъ руководителей, было на самомъ дѣлѣ образцовымъ, какъ его нерѣдко называютъ. И намъ кажется, что оно можетъ и должно быть такимъ. Предположеніе это основывается у насъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) Состоя при семинаріи, какъ специально-педагогическомъ учебномъ заведеніи, начальное училище можетъ имѣть несравненно больше всякихъ учебныхъ пособій, чѣмъ другое подобное сельское или городское училище, стоящее особнякомъ. б) Оно находится подъ постояннымъ контролемъ начальства семинаріи, тогда какъ всѣ другія училища, состоящія въ вѣдомствѣ дирекцій народныхъ училищъ, могутъ подлежать инспекторской ревизіи одинъ, два или три раза въ теченіе

учебнаго времени въ году. Инспекторъ, при своей кратковременной ревизіи училища, никакъ не можетъ составить себѣ такого яснаго и совершенно вѣрнаго о немъ понятія, какъ еслибы оно находилось подъ постояннымъ непосредственнымъ его надзоромъ.

в) Одинъ наставникъ, какимъ бы онъ ни отличался умѣньемъ и любовью къ своему дѣлу, занимаясь ежедневно въ продолженіе шести часовъ съ 50—80-ю и болѣе учениками и притомъ не съ однимъ, а одновременно съ тремя отдѣленіями, распадающимися обыкновенно въ свою очередь на нѣсколько фракцій, можетъ утомиться ¹⁾, физически обезсилѣть, а семинаристъ-практикантъ совсѣмъ иное дѣло. Ему предстоитъ заниматься въ училищѣ всего одинъ часъ. Неужели въ теченіе этого одного учебнаго часа, при полнотѣ молодыхъ силъ и при той подготовкѣ, какую должна доставлять ему вся система семинарскаго преподаванія, онъ не въ состояніи преподавать свой урокъ наилучшимъ образомъ? Неужели, при помощи своихъ руководителей-педагоговъ, семинаристъ не можетъ приготовиться къ своему часовому практическому уроку такъ, чтобы онъ, и по содержанію своему, и по формѣ, былъ безупреченъ и чтобы учащимся принесть всю ту пользу, какой послѣдніе вправѣ требовать отъ него? Кажется, это дѣло совершенно возможное. Все здѣсь зависитъ, съ одной стороны, отъ усердія семинаристовъ-практикантовъ въ приготовленіи къ своему уроку, а съ другой — отъ умѣнья, опытности и усердія ихъ наставниковъ - руководителей по части практики.

Мало того. Намъ кажется, что неудачные, неумѣльные опыты преподаванія семинаристовъ въ училищѣ рѣшительно не должны быть допускаемы. Независимо отъ сопряженной съ такими опытами потери времени для обучающихся дѣтей, они положительно вредны и для самихъ практикантовъ. Практика должна убѣдить ихъ, что тѣ приемы обученія, которые имъ рекомендованы, какъ самые цѣлесообразные, что тѣ правила методики и дидактики, которыя имъ преподааны, какъ вѣрное ручательство за успѣхъ, дѣйствительно исполнѣ практичны и плодотворны, и что, руководствуясь ими, дѣйствительно можно достигнуть въ обученіи дѣтей блестящихъ результатовъ. И съ какимъ удовольствіемъ практикантъ видитъ, что трудъ его не пропагъ даромъ, что дѣти исполнѣ усвоили имъ преподанное, что его преем-

¹⁾ По крайней мѣрѣ пишущій эти строки, въ продолженіе 15-ти лѣтняго преподаванія въ училищѣ закона Божія, испытывалъ это на себѣ. Каждый часовой урокъ болѣе утомлялъ его, чѣмъ трехъ-часовыя занятія въ семинаріи.

нику въ практикѣ не придется возвращаться назадъ и, какъ говорится, начинать съ начала, а можно будетъ сдѣлать шагъ впередъ, также съ надеждою на успѣхъ! Какимъ живительнымъ образомъ это должно дѣйствовать на молодаго человѣка, начинающаго испытывать свои силы на поприщѣ учительства! Какъ это должно возбуждать въ немъ довѣріе и къ себѣ, и къ семинаріи, приготовляющей его къ учительскому званію! Наоборотъ: неудачный опытъ сегодня, столь же неудачный завтра и т. д., не можетъ ли охладить въ практикантѣ душевную энергію и тѣмъ самымъ вредно отозваться на послѣдующей его учительской дѣятельности? Онъ долженъ принятись за нее съ полною вѣрою въ себя, основанною на томъ убѣжденіи, что онъ твердо поставленъ на ноги воспитавшею его семинаріею, что ему слѣдуетъ только неуклонно идти впередъ указаннымъ ею путемъ и успѣхъ его дѣятельности вполне обезпеченъ.

И такъ, замѣченное въ Вѣлгородской семинаріи явленіе, что дѣти скорѣе выучивались грамотѣ, когда занимался съ ними одинъ учитель, нежели въ то время, когда занимались этимъ дѣломъ семинаристы-практиканты, мы считаемъ и не желательнымъ и не нормальнымъ. Мы положительно утверждаемъ, что училище при семинаріи, не смотря на производящуюся въ немъ учебную практику, можетъ и должно быть во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Давно сказано, что для ученика довольно, если онъ станетъ такимъ, какъ его учитель. На основаніи этого правила наставнику, получившему образованіе въ учительской семинаріи, естественно слѣдуетъ стараться поставить свое училище, въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи, на той высотѣ, на какой находится образцовое училище при семинаріи, слѣдовательно, оно и должно быть такимъ на самомъ дѣлѣ, чтобы можно было ставить его въ образецъ для другихъ подобныхъ училищъ, въ коихъ будутъ наставниками ея питомцы.

Но здѣсь мы должны отмѣтить одинъ фактъ, который парализуетъ надлежащее развитіе нашихъ элементарныхъ школъ и чрезвычайно тормозитъ ходъ въ нихъ обученія. Это — разновременное поступленіе дѣтей въ училище. Оно начинается въ сентябрѣ и продолжается вплоть до февраля, а иногда и дальше, такъ что нѣкоторые дѣти учатся, или по крайней мѣрѣ посѣщаютъ училище, въ теченіе учебнаго времени, какихъ нибудь шесть—семь недѣль.

Уже одно существованіе въ училищѣ трехъ отдѣленій сильно затрудняетъ учителя и вредитъ успѣху ученія. Какъ угодно, а заниматься одновременно съ тремя отдѣленіями и съ одинаковою во

всѣхъ нихъ пользою — очень трудно. Сколько мы могли убѣдиться на опытѣ, только въ томъ отдѣленіи, въ которомъ самъ учитель, согласно росписанію, занимается лично, обученіе идетъ обыкновенно съ успѣхомъ, а что касается двухъ остальныхъ, то приходится довольствоваться уже и тѣмъ, если дѣти сидятъ смирно и не мѣшаютъ заниматься другимъ, но и это рѣдко бываетъ. И такъ, если пользу, приносимую учителемъ въ томъ отдѣленіи, въ которомъ онъ занимается самъ, изобразить единицею, то въ остальныхъ двухъ отдѣленіяхъ придется уменьшить ее по-крайней-мѣрѣ на половину и слѣдовательно, ежедневно изъ шести часовъ нормальнаго времени ученія, два часа пропадаютъ для учащихся почти даромъ. Надобно притомъ замѣтить, что съ каждымъ вновь поступающимъ ученикомъ или ученицей учителю необходимо заняться самому. А какъ же онъ можетъ исполнить это, когда ему слѣдуетъ по росписанію заниматься со вторымъ или третьимъ отдѣленіемъ? Между тѣмъ эти новички поступаютъ и сегодня, и завтра и т. д. Какъ же быть съ ними? Приходится или оставить ихъ на время безъ вниманія, или же, занявшись съ ними, предоставить самимъ себѣ прочихъ учениковъ. При прежнемъ способѣ обученія грамотѣ въ такихъ случаяхъ выручали учителя старшіе ученики, а при нынѣшней методѣ—это невозможно. Если такимъ образомъ разновременное поступленіе дѣтей въ училище чрезвычайно затрудняетъ учителя, то для семинаристовъ-практикантовъ оно служитъ рѣшительнымъ камнемъ преткновенія. Семинаристъ приготовился, напримѣръ, вести наглядную бесѣду съ двумя старшими отдѣленіями, а младшему обязанъ дать на это время работу. Но какую работу онъ дастъ новичкамъ, поступившимъ въ училище часъ тому назадъ? Впрочемъ, затрудненіе это существуетъ относительно не одного только перваго отдѣленія. Оно встрѣчается также при занятіяхъ со вторымъ и третьимъ отдѣленіемъ. Обученіе каждому предмету должно идти послѣдовательно, систематически. Преподаваемое сегодня основывается на томъ, что преподано вчера. И вотъ учитель ведетъ свое дѣло, примѣрно, съ 1-го сентября, ведетъ уже недѣли двѣ-три, или даже мѣсяцъ, а тутъ вдругъ являются новые ученики въ одно изъ старшихъ отдѣленій, или въ то и другое вмѣстѣ. Какъ-же распорядиться съ этими вновь прибывшими учениками? Не останавливать же ради ихъ тѣхъ, которые поступили въ училище въ свое время и ушли далеко впередъ? Этимъ, между прочимъ, объясняется то ненормальное явленіе, что инныя дѣти нѣсколько зимъ ходятъ въ училище и не выучиваютъ

ся даже читать порядочно. Вообще, скажемъ оный, разновременное поступленіе дѣтей въ училище служить страшнымъ тормазомъ въ дѣлѣ обученія и никакъ не позволяетъ вести его правильно и съ надлежащимъ успѣхомъ. Это же самое препятствуетъ правильной постановкѣ практическихъ занятій такъ, чтобы они и учащимъ, то-есть, семинаристамъ-практикантамъ, и учащимся приносили надлежащую пользу и не были бы для тѣхъ и другихъ по большей части напрасною тратою времени. А между тѣмъ, какъ намъ кажется, очень возможно было бы устранить сказанное затрудненіе, по крайней мѣрѣ, относительно училища, существующаго при семинаріи. Стояло бы только начальству ея обратить на это серьезное вниманіе и, назначивъ крайній срокъ для принятія дѣтей въ училище, послѣ того не принимать никого больше; затѣмъ, практическія занятія начинать тогда только, когда комплектъ учащихся опредѣлится окончательно. Недостатка въ учащихся, и при такомъ, повидимому, стѣснительномъ условіи, бояться нечего. Предоставленная окончившимъ съ успѣхомъ курсъ начального училища льгота при отбываніи воинской повинности служить сильною побудительною причиною для поселенъ къ отдачѣ дѣтей въ училище и только хозяйственные обстоятельства не позволяютъ инымъ отпустить ихъ туда своевременно. Но мы увѣрены, коль скоро дѣло будетъ твердо поставлено, коль скоро родители обучающихся дѣтей убѣдятся, что нельзя посылать ихъ въ училище когда вздумается, то они будутъ отдавать ихъ туда въ назначенный срокъ. Пусть по этой причинѣ будетъ и меньше учащихся, за то успѣхъ обученія будетъ вѣрнѣе, за то скорѣе достигнется цѣль училища и окажется возможнымъ хотя состоящее при семинаріи училище поставить на надлежащую высоту, какъ въ учебномъ, такъ и въ дисциплинарномъ отношеніи, что въ свою очередь благотворно отзовется на практической подготовкѣ семинаристовъ къ учительской должности.

И такъ, начальное училище при семинаріи, какъ само по себѣ, такъ и по отношенію къ ней, будетъ вполне соответствовать своему назначенію только при томъ условіи, если учащіеся будутъ поступать въ опредѣленный срокъ и комплектъ ихъ въ теченіе всего учебнаго времени будетъ постоянно одинъ и тотъ же. Въ противномъ случаѣ оно будетъ только матеріаломъ для педагогическихъ опытовъ, и то плохимъ.

II. Второй вопросъ состоитъ въ томъ, должна ли семинарія, при веденіи практическихъ занятій въ училищѣ, строго держаться его

часть CLXXXVIII, отд. 3. 3

программы и росписанія уроковъ, или можетъ измѣнять то и другое, какъ будетъ находить удобнымъ для себя?

Вопросъ этотъ рѣшается просто. Такъ какъ воспитанники учительской семинаріи предназначаются въ наставники начальныхъ училищъ, то и должны они еще въ семинаріи практически ознакомиться съ веденіемъ учебно-воспитательнаго дѣла, именно въ такомъ видѣ, какъ оно должно вестись въ тѣхъ училищахъ, согласно утвержденнымъ для нихъ программамъ и инструкціи. Слѣдовательно, семинаріи свои практическіе уроки въ училищѣ обязана исполнить примѣнять къ его программамъ и росписанію, иначе сказать, училище, учрежденное при ней, какъ относительно учебнаго матеріала и объема преподаванія, такъ и относительно прочихъ установленныхъ порядковъ, ни въ чемъ не должно разниться отъ прочихъ такихъ же училищъ.

Окончившій курсъ семинаристъ, при поступленіи на должность народнаго наставника, долженъ вступить въ свою школу какъ хозяинъ въ новый домъ, который можетъ быть просторнѣе или тѣснѣе, богаче или бѣднѣе прежняго, но въ которомъ условія и требованія жизни остаются тѣ же, и тѣ же, ожидаютъ его, уже знакомыя ему, занятія. Это условіе заставляетъ также желать, чтобы воспитанники выпускнаго класса семинаріи прослѣдили весь годичный курсъ начального училища: частію занимаясь въ немъ сами, частію наблюдая за преподаваніемъ своихъ товарищей. Въ результатъ должно выйти нѣчто цѣльное, т. е. окончившій курсъ семинаристъ долженъ вынести ясное представленіе о томъ, съ чего начинается, какъ продолжается и на чемъ оканчивается ученіе въ начальной школѣ, въ теченіе ея учебнаго сезона.

Но здѣсь представляется нѣкоторое затрудненіе относительно выполненія программъ, по коимъ должно производиться обученіе въ начальной школѣ. Программы эти довольно обширны и выполнить ихъ надлежащимъ образомъ, въ теченіе трехъ - лѣтнаго курса, который, считая время дѣйствительнаго ученія, состоитъ изъ какихъ-нибудь 13—15-ти мѣсяцевъ, весьма затруднительно, особенно, если принять еще во вниманіе крайнюю умственную неразвитость крестьянъ, дѣти коихъ составляютъ главный контингентъ народной школы. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, что сказанныя программы должны остаться мертвою буквою, что выполненіе ихъ невозможно въ будущемъ, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ наша народная школа поставлена теперь. Поэтому и въ настоящее

время результаты обученія во всякомъ начальномъ училищѣ, а тѣмъ болѣе въ состоящемъ при семинаріи, какъ образцовомъ, должны быть не проблематическіе, а въ дѣйствительности на столько близкіе къ результатамъ, требуемымъ программой каждаго учебнаго предмета, на сколько это доселѣ возможно. Семинаристъ долженъ убѣдиться собственнымъ опытомъ, что именно, при достаточномъ усердіи и умѣнии, можно сдѣлать, какихъ можно достигнуть успѣховъ по предметамъ ученія, примѣрно въ продолженіе недѣльныхъ занятій съ дѣтьми, слѣдуя училищному росписанію уроковъ. А возможно ли составить себѣ хотя приблизительное объ этомъ понятіе по отрывочнымъ, не имѣющимъ между собою почти никакой связи и послѣдовательности, практическимъ урокамъ? Да и вообще намъ кажется, что такіе уроки не достигаютъ цѣли, для которой они назначаются.

Вотъ напримѣръ, для церковно-славянскаго языка въ начальномъ училищѣ положено по росписанію четыре урока въ недѣлю,—по два въ каждомъ изъ двухъ старшихъ отдѣленій (въ младшемъ этотъ языкъ не преподается), а практическій урокъ по этому предмету въ Молодечненской учительской семинаріи бываетъ въ теченіе недѣли только одинъ и постоянно въ одномъ третьемъ отдѣленіи. Можетъ ли семинаристъ на этомъ одномъ урокѣ провѣрить правила методики преподаванія славянскаго языка? Разумѣется, нѣтъ. Практика ограничивается здѣсь только чтеніемъ, да переводомъ на русскій языкъ отрывковъ изъ Евангелія или Часослова, съ указаніемъ притомъ нѣкоторыхъ грамматическихъ особенностей славянскаго языка. А какъ приняться за первоначальное обученіе этому предмету, съ какими трудностями оно бываетъ сопряжено, какъ устранять ихъ или преодолевать,—этого практика не показываетъ. Такимъ образомъ практическій урокъ церковно-славянскаго языка принимаетъ чисто формальный характеръ. То же самое почти можно сказать и относительно другихъ предметовъ. Совсѣмъ иное было бы дѣло, еслибы семинаристъ упражнялся въ преподаваніи не на отрывочныхъ только урокахъ, а имѣлъ возможность прослѣдить практически весь годичный курсъ обученія въ начальномъ училищѣ, еслибы онъ былъ заинтересованъ здѣсь ходомъ ученія въ такой же мѣрѣ, какъ въ своемъ собственномъ училищѣ. Тогда-то онъ и могъ бы составить себѣ общее представленіе о преподаваніи каждаго изъ учебныхъ предметовъ начальной школы, а это, въ свою очередь, имѣло бы не маловажное значеніе для дальнѣйшей его учительской дѣятельности.

И такъ состоящее при семинаріи училище должно сослужить ей

не фиктивную, а дѣйствительную службу, почему и должно составить предметъ особенной ея заботливости. Практическія занятія въ немъ воспитанниковъ семинаріи должны быть въпомъ ея дѣятельности и главнымъ критеріемъ состоятельности всей учебно-воспитательной ея системы. По нашему мнѣнію дѣльный практическій урокъ семинариста, вполне понятный и усвоенный учащимися, стоить всѣхъ его теоретическихъ отвѣтовъ на экзаменѣ, гдѣ онъ весьма часто говоритъ бойко и толково, но болѣе или менѣе чужое, усвоенное по книгѣ или по запискамъ преимущественно памятью. Оттого-то и языкъ здѣсь слышится книжный, совсѣмъ не такой, какимъ наставникъ начальнаго училища долженъ бесѣдовать съ обучающимися дѣтьми и преподавать имъ предметы ученія. Напримѣръ, на экзаменѣ по педагогикѣ въ Молодечненской семинаріи воспитанники выпускнаго класса такъ и сыплютъ терминами, въ родѣ слѣдующихъ: силлогизмы, софизмы, сориты, дилеммы, индукція, дедукція, интенсивно, абсолютно, абстрактно, конкретно и т. д. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такой языкъ свойственъ крестьянскому мальчику, который три-четыре года тому назадъ ходилъ за стадомъ домашнихъ животныхъ, или за бороною, и готовится быть учителемъ такихъ же какъ самъ крестьянскихъ дѣтей?

Неужели можно заключить, что онъ готовъ уже къ своей будущей учительской дѣятельности изъ того, что умѣетъ бойко проговорить цѣлыя тирады изъ логики, психологій, дидактики, фізіологій; знаетъ имена всѣхъ замѣчательныхъ германскихъ педагоговъ и можетъ сказать: кто изъ нихъ въ какомъ году родился и какой педагогической системы былъ представителемъ? Можно ли заключить изъ того, что семинаристъ употребляетъ выраженія, напримѣръ, такого рода: „онъ (семинаристъ-практикантъ) велъ дѣло свое *раціонально*“, вмѣсто того, чтобы сказать—*разумно, толково*; или, „я *контролировалъ* занятія и въ двухъ другихъ отдѣленіяхъ“ (на практикѣ въ училищѣ), вмѣсто того, чтобы сказать *проверялъ* и т. п.,—можно ли говорить—заключить, что онъ уже настоящій педагогъ?

А между тѣмъ дѣйствительное знаніе, а не кажущееся только, дѣйствительное умственное развитіе, а не механическое, формальное, составляетъ для будущаго народнаго наставника условіе, *sine qua non*.

Если же умственное развитіе, въ соединеніи съ достаточнымъ запасомъ необходимыхъ научныхъ свѣдѣній, имѣетъ первостепенную важность въ приготовленіи молодыхъ людей къ должности народнаго

наставника, то практическія занятія въ училищѣ, при непродолжительности курса учительской семинаріи, не будутъ ли отнимать слишкомъ много времени у класснаго преподаванія предметовъ семинарской программы? Это приводитъ насъ къ обсужденію третьяго изъ предложенныхъ нами вопросовъ, относительно практическихъ занятій семинаристовъ въ начальномъ училищѣ.

III. Еслибы учительская семинарія, при своихъ практическихъ урокахъ, имѣла въ виду сообщить своимъ воспитанникамъ только внѣшнюю выправку, то-есть, приучить ихъ къ быстротѣ въ распоряженіи учебными пособиями и ловкости въ приемахъ обученія, то на это, конечно, и не потребовалось бы, и не слѣдовало бы терять, много времени. Нѣсколько практическихъ уроковъ въ этомъ родѣ и—молодой человѣкъ, уже немного развитой предварительнымъ ученіемъ, очень легко могъ бы усвоить себѣ внѣшнюю сторону педагогическаго искусства и счумѣлъ бы показать себя, гдѣ слѣдуетъ, въ самомъ выгодномъ для себя свѣтѣ.

Но дѣло въ томъ, что задача учительской семинаріи гораздо шире и возвышеннѣе. Цѣль ея, посредствомъ приготовленія дѣльных наставниковъ для начальныхъ училищъ, хотя исподоволь, мало по малу, способствовать умственному и нравственному преуспѣванію простаго народа, способствовать распространенію въ немъ разумнаго, правлаго воззрѣнія на окружающій міръ и на свои общечеловѣческія, религіозныя и гражданскія обязанности. Общество, принося значительныя жертвы на содержаніе учительскихъ семинарій, имѣетъ право требовать отъ нихъ не педагоговъ-диллетантовъ, а умѣлыхъ и честныхъ тружениковъ, которые способны были бы предаться своему дѣлу съ любовью, съ самоотверженіемъ и находить для себя награду главнымъ образомъ въ пользѣ, приносимой ихъ трудами дѣлу народнаго образованія. Иначе не зачѣмъ было бы и учреждать учительскія семинаріи. Всякій грамотный и толковый человѣкъ могъ бы быть наставникомъ-распространителемъ грамотности въ народѣ и даже не затруднился бы усвоить себѣ новѣйшіе способы обученія, которые, правду сказать, и не заключаютъ въ себѣ никакой особенной мудрости. Вотъ напримѣръ, въ первомъ курсѣ Молодечненской семинаріи, вся практика, какъ сказано было выше, ограничилась только тѣмъ, что директоръ познакомилъ воспитанниковъ съ приемами въ обученіи дѣтей грамотѣ по звуковому способу, и тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ и досихъ поръ считаются порядочными наставниками, въ смыслѣ распространителей грамотности. Но то, чѣмъ на первыя порохъ при-

ходило бы довольствоваться по необходимости, не можетъ служить нормою для дальнѣйшей дѣятельности учительской семинаріи. Задача ея все-таки стоитъ на своей высотѣ, каковы бы ни были временныя отъ нея отклоненія. Какимъ же способомъ она можетъ быть разрѣшена хотя приблизительно?

Для выполненія первой половины своей задачи, то-есть, для надлежащей умственной подготовки своихъ воспитанниковъ къ учительскому званію, семинарія должна преподавать имъ твердое, основательное и по возможности ясное знаніе тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ программу народной школы. Пусть кругъ познаній семинаристовъ будетъ и не обширенъ, но за то пусть ничего не останется въ немъ лишняго, недостаточно уясненнаго, поверхностнаго, не обратившагося, такъ сказать, въ ихъ плоть и кровь. Гоняться за многопредметностію, или же за излишними, не имѣющими прямого отношенія къ требованіямъ народной школы, подробностями по предметамъ ученія значить—не понимать задачи учительской семинаріи. Какое, напримѣръ, могутъ имѣть отношеніе къ будущей учительской дѣятельности семинаристовъ біографическія свѣдѣнія о времени и мѣстѣ рожденія извѣстныхъ германскихъ педагоговъ и о томъ, кто изъ нихъ какой системы воспитанія былъ представителемъ? Разнымъ образомъ, какую пользу могутъ принести будущему народному наставнику свѣдѣнія о томъ, кто изъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ какого держался, или держится и теперь, метода въ обученіи грамотѣ — аналитическаго или синтетическаго (хотя, мимоходомъ сказать, иной изъ нихъ можетъ быть не имѣлъ случая испробовать на практикѣ свой излюбленный методъ)? Семинаристъ можетъ не знать ничего подобнаго, но если имѣя надлежащее понятіе о различныхъ методахъ обученія, онъ умѣетъ пользоваться ими такъ, чтобы дѣло шло сколь возможно быстрѣе и успѣшнѣе, то для него совершенно достаточно. Но такое умѣнье обуславливается соотвѣтственнымъ умственнымъ развитіемъ самого будущаго учителя. Въ этомъ отношеніи практика можетъ принести готовящемуся въ семинаріи къ учительской должности существенную пользу. Давно сказано, что мы — уча другихъ, учимся сами. И дѣйствительно, никогда теоретическія свѣдѣнія, по какому бы то ни было предмету, не могутъ получить въ нашемъ сознаніи такой ясности, какъ въ то время, когда придется передавать ихъ другимъ. При малѣйшей сбивчивости, неясности пониманія предмета, преподаватель или станетъ въ тупикъ, или ударится въ пустословіе.

Что же касается другой половины задачи учительской семинарии, то-есть нравственной подготовки воспитанниковъ къ учительской должности, то здѣсь-то болѣе всего и нужна практика въ обширномъ смыслѣ; иначе сказать, весь строй семинарской жизни и дѣятельности долженъ способствовать развитію и воспитанію въ молодыхъ людяхъ, готовящихся къ учительскому званію, чувства нравственнаго долга предъ Богомъ, отечествомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго имъ доведется жить и дѣйствовать. Для возможнаго достиженія этой цѣли необходимо, чтобы отношенія учащихся къ учащимся въ семинаріи дышали совершенною искренностью и нелицемѣрною любовью, по внушенію коей первые были бы готовы на посильные труды и даже, въ случаѣ нужды, на нѣкоторое самопожертвованіе для блага послѣднихъ. Наставники семинаріи, и во главѣ ихъ директоръ, должны служить для своихъ питомцевъ образцомъ честности, прямоты въ отношеніи къ нимъ и безкорыстной любви къ своему дѣлу. Всякая здѣсь фальшь, лицемеріе, своекорыстные разчеты могутъ производить на воспитанниковъ болѣе вредное вліяніе, чѣмъ личныя нравственныя недостатки воспитателей, которые вредятъ только имъ самимъ.

Мы какъ будто отклонились немного отъ главнаго предмета настоящей статьи, но не сошли однако съ практической точки зрѣнія на него. Педагогика постоянно твердитъ, что личный примѣръ наставника имѣетъ весьма большое воспитательное значеніе относительно обучаемыхъ имъ дѣтей. Слѣдовательно, это начало прежде всего должно быть положено въ основаніе учебно-воспитательной системы семинаріи, какъ разсадника народныхъ наставниковъ: здѣсь слово никогда не должно расходиться съ дѣломъ.

Что касается въ частности практическихъ занятій въ училищѣ, то и въ нравственной подготовкѣ семинаристовъ къ будущей ихъ должности занятія эти могутъ имѣть не послѣднее значеніе. По тому усердію, по той сосредоточенности и охотѣ, съ какими семинаристы готовятся къ практическимъ урокамъ и по тому одушевленію, съ какимъ преподастъ ихъ учащимся, можно заключить, на сколько семинаріи успѣла развить въ своемъ воспитанникѣ тѣ душевныя качество и закрѣпить въ немъ тѣ нравственныя правила, которыми должна обуславливаться его дѣятельность въ школѣ, какъ воспитателя по преимуществу.

Но понятно, что если взгляды нашъ на практическія занятія въ-ренъ, если они дѣйствительно имѣютъ столь важное значеніе въ ум-

ственной и нравственной подготовкѣ семинаристовъ къ учительскому званію, то при условіяхъ, поставленныхъ нами для этихъ занятій, они поглощаютъ весь учебный годъ въ третьемъ или выпускномъ классѣ семинаріи. Но неужели отъ такого порядка можетъ произойти какая либо потеря для воспитанниковъ этого класса? Неужели только классное преподаваніе предметовъ семинарскаго курса можетъ способствовать умственному развитію учащихся и обогащенію ихъ необходимымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній? Когда больше пользы выносить для себя ученикъ, тогда—ли, какъ слушаетъ лекціи своего наставника и потомъ повторяетъ ихъ; или же, когда приобрѣтенныя уже познанія прилагаетъ къ дѣлу? Мы, съ своей стороны, на основаніи личнаго опыта и многолѣтнихъ наблюденій, приписываемъ весьма большое въ этомъ отношеніи значеніе самодѣятельности учащагося. Нужно только, чтобы эта самодѣятельность была разумно направляема наставниками—воспитателями и чтобы учащійся имѣлъ нѣкоторую научную къ ней подготовку. Для такой подготовки учительскія семинаріи имѣютъ достаточно времени, именно: три года, со включеніемъ пригготовительнаго класса; а въ три года очень возможно ознакомить воспитанниковъ съ теоріею предметовъ семинарскаго курса, на сколько это необходимо для будущаго учителя начальной школы. Слѣдовательно, весь четвертый годъ можно почти всецѣло посвятить практикѣ въ училищѣ не только безъ малѣйшаго ущерба для умственнаго развитія семинаристовъ, а напротивъ, въ интересахъ этого самаго развитія. Практика, при благоразумномъ распоряженіи ею, можетъ служить самымъ лучшимъ для него прищипомъ.

Пусть только каждый практикантъ добросовѣстно, всесторонне готовится къ своему уроку; пусть тщательно провѣряетъ каждый разъ, что сдѣлано его сотоварищемъ на предыдущемъ урокѣ, пусть вникаетъ, отъ чего произошелъ успѣхъ или неуспѣхъ предыдущаго преподаванія; пусть вдумывается серьезно, нельзя ли вести дѣло обученія лучше, чѣмъ оно было ведено до него,—и несомнѣнно, что такая самодѣятельность, при помощи и указаніяхъ опытныхъ руководителей, скорѣе расширитъ его умственный кругозоръ и приготовитъ къ веденію учебнаго дѣла самостоятельному, разумному, чуждому мертвящей рутинѣ и, слѣдовательно, вполне плодотворному.

Но могутъ замѣтить, что, при самомъ тщательномъ приготовленіи къ практическимъ урокамъ и при самомъ добросовѣстномъ ихъ выполненіи, у семинаристовъ выпускнаго класса, если они на время

практики въ училищѣ будутъ освобождены отъ теоретическихъ уроковъ, останется не мало свободного отъ занятій времени. А развѣ не нашлось бы чѣмъ его наполнить? Не говоря уже о томъ, что практикантъ обязанъ вести дневникъ своимъ занятіямъ и вносить въ него не только содержаніе и ходъ собственныхъ практическихъ уроковъ, но и общія замѣчанія объ урокахъ своихъ сотоварищей, мало ли еще сколько можно было бы дать ему соотвѣтственной работы? Напримѣръ, большая часть воспитанниковъ семинаріи, при выпускѣ изъ нея, не умѣетъ удовлетворительно излагать мысли свои на бумагѣ и всѣ они бывають ознакомлены съ отечественною литературою только поверхностнымъ образомъ. Для восполненія перваго изъ этихъ недостатковъ было бы не бесполезно назначать почаще воспитанникамъ выпускнаго класса составленіе сочиненій на темы, не выходящія изъ круга ихъ познаній и относящіяся преимущественно къ предметамъ ихъ занятій въ начальномъ училищѣ. А для бѣльшаго ознакомленія съ отечественною литературою можно было бы отдѣлать ежедневно, примѣрно, два часа вечеромъ на чтеніе какъ оригинальныхъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, такъ и переводовъ съ иностранныхъ языковъ, подъ руководствомъ, разумѣется, очереднаго наставника. Такого рода чтеніе, при соотвѣтственномъ его цѣли выборѣ сочиненій и при умѣнны руководить имъ, могло бы сдѣлаться для семинаристовъ пріятнымъ развлеченіемъ, временемъ отдыха послѣ другихъ дневныхъ занятій, которыя, не смотря на всю приносимую ими пользу, не могутъ не казаться болѣе шипящею молодыхъ людей утомительными.

Впрочемъ, учительская семинарія, какъ заведеніе чисто спеціальное, должна имѣть и особенную, своеобразную постановку своего учебно-воспитательнаго дѣла. Весь строй занятій въ семинаріи долженъ быть направленъ къ достиженію предназначенной ей цѣли, то-есть, къ приготовленію дѣльныхъ учителей для народныхъ школъ, такихъ учителей, которые не только обладали бы умѣньемъ съ успѣхомъ обучать дѣтей грамотѣ, но способны были бы, на сколько это возможно съ ихъ стороны, содѣйствовать умственному и нравственному развитію простаго народа, будучи въ то же время одушевлены полною готовностью посвятить этому дѣлу свои свѣжія, молодые силы. Вотъ почему, между прочимъ, намъ кажется, что на воспитанниковъ выпускнаго класса семинаріи слѣдовало бы смотрѣть не какъ на школьниковъ, коимъ задается обыкновенно такая работа: „вотъ тебѣ урокъ, выучи его къ слѣдующему уроку“, а какъ на лю-

часть слхххх, отд. 3.

дей, стоящихъ уже на пути къ самостоятельной учительской дѣятельности. Поэтому и работу нужно было бы давать имъ такую, которая исподоволь, практически, подготовляла бы ихъ къ этой дѣятельности.

Если же семинарія будетъ напирать главнымъ образомъ на то, чтобы нагрузить головы своихъ воспитанниковъ массою разнородныхъ, научныхъ свѣдѣній, изъ коихъ бѣольшая часть, по естественному ходу вещей, тутъ же и испаряется, то чѣмъ она будетъ отличаться отъ другихъ общеобразовательныхъ заведеній средней руки, чѣмъ она оправдываетъ свое названіе — разсадника народныхъ учителей? Вѣдь многіе и изъ окончившихъ съ успѣхомъ курсъ уѣздныхъ училищъ, или даже нигдѣ не окончившихъ курсъ ученія выдержали удовлетворительно экзаменъ въ дирекціяхъ народныхъ училищъ и теперь подвизаются на поприщѣ сельскаго учительства наравнѣ съ окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Значитъ, если при всемъ томъ учреждаются послѣднія, то отъ нихъ требуется нѣчто особенное, нѣчто болѣе сравнительно съ другими учебными заведеніями, не предназначенными спеціально къ той же цѣли. А это *болѣе*, по нашему понятію, есть не что иное, какъ твердая, разумная практическая подготовка молодыхъ людей къ учительской дѣятельности. Зпаніе всего по немножку, близко граничащее съ ничемъ-незнавѣиѣмъ, не можетъ создать хорошаго сельскаго учителя. Оно можетъ только въ молодомъ человѣкѣ, готовящемся къ этой должности, развитъ самоуѣнїе, неясныя, неопредѣленныя стремленія къ чему-то высшему и за тѣмъ недовольство своимъ положеніемъ, а при невозможности выйдти изъ него, сдѣлать его апатичнымъ и постепенно превратить его въ такого же грамотѣя, какими бываютъ бѣольшая часть сельскихъ наставниковъ, никогда не видавшихъ учительской семинаріи и попавшихъ въ это званіе по пословицѣ: „на безрыбьи и ракъ рыба“.

IV. О важности практической подготовки семинаристовъ къ будущей ихъ учительской дѣятельности сказано, полагаемъ, достаточно. Теперь естественно представляется вопросъ: кто же долженъ быть распорядителемъ ихъ практическихъ занятій въ начальномъ училищѣ? Первымъ условіемъ и цѣлью этихъ занятій поставлена нами польза обучающихся дѣтей. Она же должна служить и главнымъ критеріемъ цѣлесообразности постановки этого дѣла. А извѣстно, что когда въ веденіи какого-либо дѣла участвуетъ нѣсколько лицъ, то успѣхъ зависитъ отъ единства ихъ дѣйствія. Изъ этого, по нашему мнѣнію, выходитъ, что занятіями семинаристовъ-практикантовъ въ училищѣ

должно руководить одно лицо. Кто же долженъ быть этимъ руководителемъ или распорядителемъ занятій? Обыкновенно принимаетъ на себя этотъ трудъ директоръ семинаріи и, по нашему мнѣнію, едва ли основательно. Роль его здѣсь — только роль наблюдателя. А распорядителемъ практическихъ занятій долженъ быть наставникъ начальнаго училища, такъ какъ на немъ лежитъ отвѣтственность за успѣхъ ученія. Каждый семинаристъ на время практики въ училищѣ долженъ быть относительно наставника его нѣкоторымъ образомъ *alter ego*. Послѣдній, какъ намъ кажется, обязанъ представлять заблаговременно въ совѣтъ семинаріи росписаніе, что и по какому предмету имѣеть быть преподано въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій училища въ теченіе наступающей недѣли. Совѣтъ семинаріи, по разсмотрѣніи этого росписанія, долженъ распредѣлять по немъ практическія занятія между семинаристами. Затѣмъ, наставники семинаріи должны заняться тщательною подготовкой практикантовъ къ назначенному уроку, каждый по своему предмету, и, наконецъ на самомъ урокѣ наблюдать, такъ ли выполнено дѣло, какъ должно, нисколько не имѣшиваясь въ самое преподаваніе; наставникъ же училища обязанъ слѣдить главнымъ образомъ за тѣмъ, вполнѣ ли преподанное усвоено учащимися. Вотъ въ чемъ, по нашему понятію, должна состоять дѣятельность наставника училища и преподавателей семинаріи по предмету практическихъ уроковъ, назначаемыхъ семинаристамъ. Что роль наставника училища не должна быть только пассивною, что она не должна состоять лишь въ обученіи дѣтей въ то время, когда не занимаются съ ними семинаристы, на это указываетъ отчасти то обстоятельство, что ему назначено, по семинарскому уставу, жалованье вдвое больше, сравнительно съ таковымъ же прочихъ народныхъ паставниковъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду, что наставникомъ училища при семинаріи долженъ быть знатокъ своего дѣла, человѣкъ вполнѣ способный принять дѣятельное участіе въ практической подготовкѣ ея воспитанниковъ къ учительской должности.

V. Наконецъ, остается еще рѣшить вопросъ, какъ должны обсуждаться практическія занятія семинаристовъ въ училищѣ и какіе отсюда должны быть практическіе результаты?

Воспитаніе, по нашему понятію, вообще и особенно въ учительской семинаріи должно быть направлено не къ тому, чтобы развить въ воспитанникахъ гордую самоувѣренность въ своихъ совершенствахъ, а, напротивъ, къ тому, чтобы приспособить ихъ къ постоянному, терпѣливому, устойчивому труду, приучить ихъ относиться критически къ своей дѣя-

тельности. Вотъ почему памѣ кажется, что первый голосъ, при обсужденіи практическаго урока, долженъ быть предоставленъ самому практиканту: на сколько онъ самъ остался доволенъ своимъ урокомъ, въ чемъ онъ встрѣчалъ затрудненіе, при своемъ преподаваніи, или, напротивъ, что способствовало его успѣху и т. п. Онъ же—практикантъ долженъ высказать при этомъ свое мнѣніе о томъ, на сколько усвоенъ учащимися предыдущій урокъ, ибо каждый урокъ въ начальномъ училищѣ долженъ начинаться не иначе, какъ съ повторенія предыдущаго. Само собою разумѣется, что мнѣніе практиканта должно быть проверено съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ наставника училища, который одинъ долженъ отвѣчать за успѣхъ здѣсь ученія. Послѣ практиканта должно быть предоставлено право его сотоварищамъ высказать безъ всякаго стѣсненія свое мнѣніе объ его урокѣ. Наконецъ, члены педагогическаго совѣта тутъ же, гласно, въ присутствіи семинаристовъ выпускнаго класса, должны были бы составить окончательное сужденіе о данномъ практическомъ урокѣ и за симъ открыто внести таковое въ протоколъ.—При такомъ порядкѣ письменные отчеты какъ практиканта, такъ и его ассистента, оказались бы совершенно не нужными, а это очень важно, ибо эти отчеты, требуя много времени и труда отъ семинаристовъ, остаются только бесполезнымъ балластомъ въ архивѣ семинаріи. При такомъ порядкѣ протоколы педагогическаго совѣта получили бы смыслъ и значеніе и засѣданія его утратили бы свой однообразный характеръ. Они сдѣлались бы въ дѣйствительности педагогическими засѣданіями, а не случаемъ только для многократнаго повторенія преподавателемъ педагогики своихъ классныхъ уроковъ. Считаю не лишнимъ присовокупить, что, при обсужденіи практическихъ уроковъ семинаристовъ, долженъ быть предоставленъ не послѣдній голосъ наставнику училища, въ которомъ производилась практика.

Протоіерей М. Ивановскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УЧЕБНИКАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ТАТАРСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ.

Необходимость распространения грамотности въ народѣ признана у насъ и правительствомъ и обществомъ, и по мѣрѣ возможности уже прилагаются дѣятельныя старанія объ устройствѣ народныхъ школъ, приготовленіи для нихъ учителей, составленіи руководствъ и книгъ для народнаго чтенія. Но не мало живетъ у насъ всякихъ инородцевъ, разсѣянныхъ преимущественно въ восточныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ Россіи; надо же было и о нихъ подумать: не вѣкъ же имъ жить особнякомъ отъ первенствующаго въ государствѣ великорусскаго народонаселенія; надо же и имъ когда-нибудь плотнѣе примкнуть къ массѣ и перестать пестрить собою карту пространнаго Россійскаго государства. У насъ давно, впрочемъ, начали помышлять объ обрусѣніи инородцевъ; но только средствомъ къ этому считали въ прежнее время единственно религіозную пропаганду. Конечно, обращеніе инородцевъ въ христіанство само по себѣ есть дѣло прекрасное; но едва-ли можно приписывать ему предпочтительное, не только что исключительное, значеніе въ дѣлѣ объединенія инородческихъ элементовъ съ остальною, чисто русскою, массою народонаселенія, въ сравненіи съ языкомъ, могущество котораго въ этомъ отношеніи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Поэтому нельзя не отдать полной справедливости мнѣнію, высказанному въ засѣданіи международнаго конгресса ориенталистовъ 28-го августа профессоромъ-синологомъ В. П. Васильевымъ касательно перевода книгъ Св. Писанія на языки и нарѣчія русскихъ инородцевъ. Почтенный ученый считаетъ совершенно излишними подобныя переводы. Мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что большинство этихъ языковъ и нарѣчій принадлежитъ довольно мелкимъ по численности народамъ, не имѣющимъ никакой литературы, и потому слишкомъ скудны для выраженія высокихъ

часть CLXXXIX, отд. 4.

истиннѣ христіанскаго вѣроученія, такъ что переводить св. книги на эти языки значило бы искусственно создавать инородческую литературу, мало того — создавать до нѣкоторой степени и самый языкъ. Но къ чему ведетъ подобный трудъ? Нельзя же въ дѣлѣ пропаганды ограничиваться лишь высшими, душеспасительными цѣлями и упускать изъ виду цѣли чисто культурныя, когда и тѣ и другія легко совмѣстимы и ни мало не противорѣчатъ другъ другу. А едва ли нужно доказывать, что будущая культура нашихъ инородцевъ возможна для нихъ лишь подѣ условіемъ полнаго ихъ сліянія съ русскою народностью, въ смыслѣ единого народа, говорящаго однимъ языкомъ, или, по крайней мѣрѣ, понимающаго одинъ общій языкъ, языкъ литературный. Въ виду этого естественно возникаетъ необходимость распространенія русской грамоты среди инородцевъ, какового бы они ни были племени; забота о просвѣщеніи ихъ должна преслѣдовать именно ихъ руссификацію. Если смотрѣть на дѣло иначе, то надлежало бы, на примѣръ, Татаръ совсѣмъ оставить въ покоѣ: у нихъ, какъ у мусульманъ, грамотность распространена, пожалуй, еще больше, чѣмъ у Русскихъ, принадлежа къ числу предписаній ихъ религіознаго закона. Но государству нѣтъ дѣла до ихъ мусульманско-арабской грамотности: удовлетворяя религіознымъ потребностямъ Татаръ, она совершенно не пригодна для цѣлей государственной жизни. Татары, чтобы стать истинными членами русскаго государственнаго организма, должны знать языкъ своего государства. Составляя незначительное меньшинство всего народонаселенія имперіи, они, конечно, должны понимать языкъ, на которомъ пишутся общіе для всей страны законы, безъ знанія коихъ невозможно общеніе. Не вѣкъ же правительству наниматься съ инородцами, какъ съ дѣтьми, и всякое свое распоряженіе, всякое мѣропріятіе, клонящееся къ общей пользѣ страны, переводить на ихъ языки. Поэтому весьма естественно, что правительство энергически взялось за дѣло обученія русской грамотѣ Татаръ, наряду съ прочими инородцами. Въ этомъ нѣтъ послѣдствій на ихъ собственную, чисто мусульманскую школу: у мудлы своего они могутъ учиться арабскимъ каракулямъ и читать, ни слова не понимая, свой коранъ, а въ школахъ должны учиться русскому языку безъ всякаго отношенія къ религіи.

Примѣняя вышесказанное къ дѣлу обученія Татаръ въ учреждаемыхъ правительствомъ школахъ, мы въ правѣ ожидать, чтобы обученіе это велось именно въ интересахъ сближенія Татаръ съ массою русскаго народонаселенія. Само собою разумѣется, что все

будетъ зависѣть тутъ отъ силъ и цѣлесообразности средствъ, то-есть отъ знанія и добросовѣстности руководителей и годности учебныхъ пособій. Отвѣтомъ на послѣднее требованіе и служить, между прочимъ, два печатныя руководства къ изученію русскаго языка для Татаръ, составленныя для татарскихъ школь, учрежденныхъ и учреждаемыхъ въ Казанскомъ, Оренбургскомъ и Одесскомъ округахъ. Одно изъ этихъ руководствъ есть „Краткій практическій учебникъ русскаго языка для татарскихъ начальныхъ школь“, составленное г. И. Казасомъ (Одесса, 1873 г.); а другое — „Грамматика русскаго языка, составленная для Татаръ Восточной Россіи“ г. В. Р. (Казань, 1873 г.). Вотъ объ этихъ-то двухъ руководствахъ мы и позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, чтобы показать, въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ они цѣли, для которой предназначены ихъ авторами.

Книжка г. Казаса, какъ сказано въ предисловіи къ ней, составляетъ только первый отдѣлъ предполагаемаго цѣлаго учебника, и за этотъ отдѣлъ слѣдуетъ приниматься послѣ ознакомленія учениковъ съ русскою грамотою по букварю того же г. Казаса. Далѣе, планъ изложенія главнѣйшихъ правилъ этимологій и синтаксиса русскаго языка въ этомъ первомъ отдѣлѣ, по заявленію составителя, *практическій*. Наконецъ многое, касающееся строя русской рѣчи, отложено до втораго отдѣла и пропущено въ настоящемъ изданіи „по нѣкоторымъ педагогическимъ соображеніямъ“, говоритъ авторъ, не объясняя, впрочемъ, что именно пропущено, и какія это соображенія, руководившія имъ при составленіи перваго отдѣла, хотя они-то и могли бы служить не маловажнымъ критеріемъ для надлежащей оцѣнки учебника.

Практичность учебниковъ по языкамъ въ настоящее время понимается въ томъ смыслѣ, что матеріалъ въ нихъ долженъ быть наиболѣе удобопонятный, примѣнимый къ возрасту и потребностямъ учащихъ; онъ долженъ быть расположенъ такъ, чтобы ученики съ наименьшимъ трудомъ могли запоминать излагаемыя въ руководствахъ правила грамматики чуждаго языка. Для этой цѣли теперь обыкновенно берется какая-нибудь готовая, или придумываемая самимъ авторомъ, но непременно цѣльная статейка, дѣлится на части въ размѣрѣ того, сколько нужно на одинъ урокъ, и анализируется самымъ подробнымъ, элементарнымъ образомъ въ видѣ вопросовъ съ параллельными при нихъ отвѣтами, причемъ и тѣ и другіе составляются исключительно изъ словъ, содержащихся въ избранномъ для того

отрывкѣ. Сущность такого метода, призваннаго теперь безусловно пригоднымъ, заключается въ томъ, чтобы повтореніемъ на разные лады однихъ и тѣхъ же оборотовъ рѣчи, заставить учащихся, незаметно для нихъ самихъ, усвоить эти обороты, а постепеннымъ, вначалѣ механическимъ, заучиваньемъ наизусть отрывковъ *цѣлой* статьи окончательно закрѣпить въ ихъ головѣ добытыя путемъ катехизаціи формы чуждой рѣчи.

Прилагая означенныя требованія къ учебнику г. Казаса, мы видимъ, что онъ не совсѣмъ-то отвѣчаетъ имъ: и выборъ матеріала, и расположеніе его нельзя назвать вполне удачными. Вотъ нѣсколько примѣровъ словъ и фразъ, встрѣчающихся въ учебникѣ какъ въ русскомъ, такъ и въ татарскомъ текстѣ: „плащъ“ (стр. 85); „о (китабъ) пекъ *силь* окулуиръ (та книга *легко* читается)“ (стр. 57); „пособить — *чаре булмакъ* (собственно: найти средство)“ (стр. 63); „я знаю многихъ людей, которыхъ *многость сдѣлала несчастными*“ (стр. 82); „надъ моремъ *висли* черныя тучи“ (стр. 97); „справедливо ли то, что мы слышали сегодня о твоихъ *искреннѣйшихъ* друзьяхъ?“ (стр. 105); „счастливы тотъ, для кого годы дѣтства были и *годами ученія*“ (стр. 126); „мы не можемъ не любить ученія, *узнать приносимую имъ пользу*“ (стр. 138); „бень северимъ, ки бана икитизалы китабларъ херъ демъ *бенимъ элмеримъ алтында* булунсинларъ (я люблю, чтобы книги, которыя мнѣ нужны, всегда *находились подъ рукою*)“ (стр. 113); „не *изгадавъ* броду, не суйся въ воду“ (стр. 142); „бѣдныя люди терпятъ много *душевную* горя“ (стр. 99); „я *имѣлъ* садъ“ (стр. 59); „стѣны нашего дома *украшены картинами*, нарисованными твоимъ братомъ“ (стр. 134); „кѣмъ *были* нарисованы картины, *украшающія* стѣны вашего дома?“ (стр. 134); „каждую ночь на небесахъ мы видимъ *милліоны Божіихъ чудесъ*“ (стр. 134). Едва ли нужно доказывать, что одни изъ вышеприведенныхъ словъ и выраженій неудачны потому, что суть метафоры, свойственныя только литературной рѣчи и доступныя пониманію лишь людей зрѣлаго возраста; другія представляютъ собою какіе-то дѣланые примѣры, отзывающіеся отсутствіемъ естественности въ своемъ построеніи и какою-то риторическою вычурностью; третьи малопонятны по несоотвѣтствію съ предметами окружающей дѣтей-татарчатъ бытовой обстановки (какъ плащъ, картины, запрещаемыя закономъ мусульманскимъ); иныя взяты не въ прямомъ своемъ и общепотребительномъ значеніи (какъ пособить); наконецъ есть и просто неправильныя. Кстати сказать: ужъ если выбирать для примѣровъ

русскія пословицы, то лучше всего такія, для которыхъ находятся соотвѣтствующія и у Татаръ, а ихъ не мало: это было бы и удобно-понятнѣе для дѣтей, да и облегчило бы ихъ запоминаніе.

Но главное, что лишаетъ учебникъ г. Казаса права на названіе практическаго, это совершенное отсутствіе катехизаціи, такъ что остается понимать эту практичность, вмѣстѣ съ авторомъ, въ отрицательномъ смыслѣ—устрапенія изъ учебника какихъ бы то ни было теоретическихъ правилъ. Катехизація тутъ не восполняется фразами для перевода, составляемыми изъ помѣщенныхъ въ началѣ каждаго параграфа словъ, выборъ коихъ ничѣмъ не обусловленъ, такъ какъ фразы эти не имѣютъ никакой между собою связи, вслѣдствіе разрозненности, несгруппированности около какого-либо опредѣленнаго предмета, а потому и не совсѣмъ удобны для запоминанія. Къ такому же неудобству, думаемъ, должна вести и разбросанность словъ синонимическихъ. Такъ, напримѣръ, слова *быкъ* и *волъ* поставлены каждое особо и съ особымъ равнозначащимъ съ нимъ татарскимъ (стр. 13). Точно также на стр. 18 видимъ врозь слова *школа*—мектебъ, *училище*—мектебъ, а потомъ, на стр. 22, *классъ*—тоже мектебъ. Естественно, что повтореніе синонима каждый разъ должно вызывать въ головѣ ученика новое представленіе о предметѣ, въ сущности уже извѣстномъ ему, но каждый разъ являющемся какъ бы въ новомъ видѣ, и потому должно затруднять запоминаніе ихъ значенія. Такія же вещи, встрѣчаемыя въ руководствѣ, какъ „*ученье*—*та'лимъ* и *ученіе*—*огренмекъ*“ (стр. 62), или: „*Николай*, *Василій*—*адамъ исмлери*“ (стр. 34), легко могутъ быть поняты въ буквальномъ смыслѣ, то-есть что *ученье* значить по-татарски *та'лимъ*, а *ученіе*—*огренмекъ*, съ какою-то загадочною разницею ихъ между собою, и что „*Николай*, *Василій*“ суть слова, значащія по-татарски „*адамъ-исмлери*“ (имена людей), такъ какъ въ первомъ случаѣ нѣтъ никакого указанія на свойственную русскому языку двойственность и вмѣстѣ тождественность окончаній *іе* и *ье*, а во второмъ нѣтъ татарской транскрипціи приведенныхъ собственныхъ именъ, а вмѣсто нея стоитъ пояснительная оговорка, которую и можно счесть переводомъ тѣхъ именъ.

Нельзя отнести къ числу практическихъ приѣмовъ неурядицу въ изложеніи частей русской рѣчи и частыя повторенія одного и того же безъ видимой въ томъ нужды. Кажется, авторъ хотѣлъ сперва познакомить съ мѣстоименіями, потому что они и стоятъ у него на первомъ мѣстѣ. Но тотчасъ же оставляетъ онъ ихъ и переходитъ

къ глаголамъ и къ именамъ прилагательнымъ, а потомъ снова восемь разъ возвращается къ мѣстоименіямъ (стр. 1, 8, 9, 14, 25, 37, 45, 47, 53 и 63). Равнымъ образомъ, не видно обособленности, такъ сказать, выдѣленности, и въ изложеніи другихъ частей рѣчи: имена прилагательныя переплетаются то съ глаголами, то съ мѣстоименіями, то съ существительными и т. п., хотя въ этомъ незамѣтно никакого очевиднаго, ни теоретическаго, ни практическаго основанія, которое вызывалось бы, напримѣръ, или общностью свойствъ разныхъ частей рѣчи, или обуславливалось требованіями такъ называемаго концентрическаго метода.

Судя по тому, что ни въ одномъ параграфѣ учебника не дано никакихъ правилъ или, по крайней мѣрѣ, теоретическихъ примѣчаній къ примѣрамъ, надо полагать, что таковыя, по цѣли автора, замѣняются у него бросающимися въ глаза особенностями печатнаго шрифта въ цѣлыхъ словахъ, или только въ окончаніяхъ словъ, такъ что по этимъ-то выдающимся шрифтовымъ особенностямъ учащійся долженъ догадываться о томъ, что извѣстное слово, или окончаніе особенно замѣчательно для него, представляя собою образецъ той или другой русской грамматической формы.

Такая система намековъ на правила посредствомъ шрифта, безъ сомнѣнія, была бы очень полезна и цѣлесообразна, еслибы только она была вездѣ проведена въ руководствѣ съ надлежащею послѣдовательностью и точностью; а этого-то, къ сожалѣнію, и не оказывается. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 14 значится: *„этотъ поясъ, эта шуба“* и т. д. Тутъ, очевидно, сопоставленіе мѣстоименій съ именами существительными сдѣлано для указанія рода послѣднихъ посредствомъ нагляднаго соотвѣтствія ихъ окончаній; а между тѣмъ такой наглядности не оказывается по той причинѣ, что окончанія не напечатаны особымъ шрифтомъ, какъ бы слѣдовало ожидать по намѣченной авторомъ системѣ. А параллелизмъ этотъ былъ бы очень полезенъ именно въ трудномъ дѣлѣ сообщенія понятія о грамматическомъ родѣ именъ Татарамъ, въ языкѣ коихъ этого понятія не существуютъ, хотя, впрочемъ, эта польза не исключаетъ необходимости примѣненія и другого приѣма, котораго также мы не находимъ въ учебникѣ. Послѣдній могъ бы состоять въ приложеніи ко всѣмъ существительнымъ словъ *эрикъ* (самецъ), *димий* (самка) и, пожалуй, мы бы прибавили еще, *бамі* (дитя). При именахъ существительныхъ, обозначающихъ предметы неодушевленные, означенныя слова употреблялись бы метафорически; а для именъ предметовъ одушевлен-

ныхъ и сами Татары употребляютъ ихъ въ своемъ языкѣ для обозначенія естественнаго рода предметовъ.

Мѣстоименіе *чей* переведено въ учебникѣ татарскимъ словомъ *киминъ*, *киминиъ* (стр. 9); а *киминъ* собственно есть родительный падежъ мѣстоименія *кимъ*—„кто“, и потому русское *чей*, не имѣя вполне соотвѣтствующаго себѣ въ татарскомъ языкѣ особаго слова, лучше могло бы быть объяснено заурядъ съ мѣстоименіемъ *кто*. Это невольно чувствовалъ, кажется, и самъ составитель учебника, потому что дальше, на страницѣ 44, приводитъ примѣръ „киминиъ (чей) сеси хошъ дыръ?“; но только тѣмъ и ограничился, что при татарскомъ *киминиъ* поставилъ въ скобкахъ русское *чей*, не сдѣлавъ ни одного намека на соотношеніе обоихъ мѣстоименій.

Подобный же недостатокъ методичности замѣтенъ и въ передачѣ на татарскій языкъ различныхъ значеній русскаго глагола *быть*. Не практично уже то, что о немъ трактуется нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ учебника, хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ, въ параллельныхъ примѣрахъ, была бы виднѣе разница въ его употребленіи. Татарскій глаголъ *быть* представляетъ замѣчательную аналогію съ русскимъ въ предпочтительномъ употребленіи формы третьяго лица единственнаго числа настоящаго времени *есть* (дыръ) вмѣсто множественнаго *суть* (дырларъ), и въ значеніи служебномъ (какъ французское *est*) и въ значеніи знаменательнаго „существовать“, „находиться“ (какъ французское *il y a*). Но вмѣсто того чтобы хорошенько провести эту аналогію, авторъ почему-то обращаетъ особенное вниманіе на форму *суть*, въ иныхъ случаяхъ даже съ насиліями татарскаго синтаксиса, оставляя въ сторонѣ малоупотребительность этой формы въ русскомъ языкѣ въ значеніи связи. Такъ онъ приводитъ примѣръ: „Аи ве бѣру джанваръ дырларъ“=медвѣдь и волкъ (*суть*) звѣри (стр. 14); или еще: „арсланларъ джанларларъ дыръ“=львы *суть* звѣри (стр. 15). Здѣсь существительное *жанваръ* принимается, по духу татарскаго языка, въ значеніи отвлеченнаго собирательнаго имени, а потому не нуждается въ примѣтѣ множественнаго числа *ларъ* ни при себѣ, ни, какъ и въ русскомъ языкѣ, при вспомогательномъ глаголѣ *дыръ*=есть. Если же сказуемое должно относиться къ каждому изъ подлежащихъ въ отдѣльности, то оно хотя и ставится во множественномъ числѣ; но только аффиксъ *ларъ* обыкновенно соединяется со сказуемымъ именемъ существительнымъ, а не со вспомогательнымъ

глаголомъ, который, какъ и въ русскомъ языкѣ, остается въ формѣ единственнаго числа.

Далѣе, въ татарскомъ языкѣ не существуетъ глагола *имѣть*. Въ русскомъ языкѣ онъ также малоупотребителенъ. И въ томъ и въ другомъ онъ замѣняется оборотами съ глаголомъ *быть*. Чего же еще лучше? Между тѣмъ авторъ учебника какъ будто съ намѣреніемъ игнорируетъ эту аналогію, когда въ § 29 (стр. 59—61) даетъ цѣлый рядъ примѣровъ, содержащихъ въ себѣ глаголъ *имѣть*, вмѣсто того чтобы поставить эти примѣры параллельно съ болѣе естественными оборотами рѣчи съ глаголомъ *быть*, какъ видонизмѣненіе послѣднихъ, то-есть, вмѣсто того, чтобы ставить особнякомъ фразу „я *имѣю садъ*==бенимъ бахчамъ варъ“ лучше бы сказать: *у меня есть садъ* (я *имѣю садъ*) бенимъ бахчамъ варъ“, и т. п. Въ § 33 (стр. 79) снова трактуется о глаголѣ *быть* въ значеніи *принадлежать*, хотя такая обособенность ничѣмъ не оправдывается.

Не вдаваясь въ подробный разборъ изложенія другихъ свойствъ и формъ русскаго языка, можно замѣтить вообще, что въ руководствѣ изрѣдка встрѣчаются русскія слова и цѣлыя фразы, просто неправильно переведенныя на татарскій языкъ, или же составленныя противно русской грамматики. Такъ, напримѣръ, слово „*неученье*“ переведено потатарски *джаахилмикъ* (стр. 62), что значитъ „невѣжество“, „неученость“; отъ существ. *поясъ* множественное число сдѣлано *поясы* (стр. 14), а не *пояса*, какъ бы слѣдовало; во фразѣ „наши *зеркала* красивѣе вашихъ *зеркала*“, вопреки духу русской рѣчи, повторено слово *зеркало*, хотя и въ татарскомъ переводѣ можно было бы обойтись безъ этого повторенія; примѣры; „учитель *велмъ*, чтобы мы написали (?) эту басню“ (стр. 111) и „учительница *приказала*, чтобы мы рѣшили па завтра эту задачу“ (стр. 112) явно погрѣшаютъ противъ русскаго синтаксиса; пословицы „займомъ *богачъ* не будешь“ (стр. 106) и „не *изъдавъ* броду, не суйся въ воду“ (стр. 142) приведены въ искаженномъ видѣ.

Татарскій текстъ руководства довольно правиленъ, хотя и тутъ по временамъ встрѣчаются уклоненія, повидѣмому сдѣланныя намѣренно, въ видахъ наибольшей точности перевода русскихъ фразъ. Напримѣръ, фраза: „Я знаю, кто твой отецъ“ переведена: „Бенъ биліримъ кимъ диръ сенинъ бабанъ“ (стр. 64); или: „и Богъ любить того, кого всѣ любятъ“—„Аллахъ да северъ о кимсены, ки херъ кесъ северъ“ (стр. 104). Татары такъ не говорятъ. Для надлежащей ясности слѣдовало бы эти фразы привести параллельно въ

совершенно правильномъ, сообразномъ съ татарскою конструкціей. переводѣ; но этого не сдѣлано.

Обратимся теперь къ „Грамматикѣ русскаго языка, составленной для Татаръ восточной Россіи“ г. В. Р. Мы имѣли случай познакомиться только съ частью I,—этимологіею; не знаемъ, вышла ли въ свѣтъ вторая. Она напечатана на двухъ языкахъ, татарскомъ и русскомъ, параллельно. Прежде чѣмъ коснемся нѣкоторыхъ частностей, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ свойствѣ этого произведенія современной дидактической литературы.

Если въ учебникѣ г. Казаса недостаетъ иногда системы, то ужь никакъ нельзя сказать того же о грамматикѣ г. В. Р., которая есть воплощенная система, по крайней мѣрѣ по внѣшнему своему виду. Вся книжка раздѣлена на главы; главы—на параграфы; параграфы—на пункты. Однихъ параграфовъ на $11\frac{3}{2}$ страницахъ насчитывается 186, да на каждый параграфъ среднимъ числомъ приходится по пяти пунктовъ—чего же еще систематичнѣе? Многочисленные примѣры на многочисленныя правила, а больше на исключенія изъ правилъ, разставлены чинно, колоннами, точно цифры какого-нибудь статистическаго сборника. Для полного безпристрастія и надлежащей оцѣнки грамматики мы сочли долгомъ сперва познакомиться со взглядомъ самого автора на его произведеніе, и потому раскрываемъ сначала предисловіе. Здѣсь заявляется, что грамматика „имѣетъ цѣлю быть учебникомъ для Татаръ восточной Россіи вообще и въ особенности для шакирдовъ мусульманскихъ медресъ“. Что этимъ хотѣлъ сказать авторъ, намъ не совсѣмъ ясно. Если грамматика написана для *всѣхъ Татаръ вообще*, то, само собою разумѣется, и для шакирдовъ медресъ. Что же въ такомъ случаѣ должна значить оговорка „и въ особенности для шакирдовъ мусульманскихъ медресъ“? Такое спеціальное назначеніе грамматики повело ли къ упрощенію изложенія или, напротивъ, къ большей его умудренности? Такъ какъ медресе считаются у мусульманъ школами высшаго порядка, то слѣдовательно и ученики этихъ школъ должны быть признаны людьми высшаго развитія сравнительно со „всѣми Татарами восточной Россіи“. Кажется, авторъ держится этого мнѣнія. Оно явствуетъ, какъ увидимъ дальше, и изъ умудреннаго свойства самаго учебника. Но въ такомъ случаѣ не понятно, почему же грамматика, написанная для посвященныхъ въ таинства школы, предназначена въ то же время и „для *всѣхъ*“: что доступно круглымъ неучамъ, то, безъ сомнѣнія, должно быть понятно и подученнымъ, но не наоборотъ.

Дальше читаемъ въ предисловіи, что „первая часть, нынѣ выходящая въ свѣтъ, содержитъ въ себѣ *въ сжатомъ видѣ довольно полныя матеріалы* этимологіи русскаго языка“. Опять мы затрудняемся проникнуть на основаніи приведеннаго заявленія въ особенность свойствъ учебника: въ чемъ его полнота и въ то же время сжатость? Мы вообще не видимъ, какую задачу поставилъ себѣ авторъ, сочиняя свою грамматику, потому что онъ дальше прибавляетъ, что „для *успѣшнаго* преподаванія по этой грамматикѣ требуется *опытный учитель и руководство* для практическихъ упражненій въ грамматическихъ формахъ“, и что „такое руководство уже готовится“. Къ чему же тогда должно служить настоящее руководство, если для него нужно еще другое, да еще и опытный учитель? Логически выходитъ, что ни къ чему, если только нѣтъ какихъ-нибудь особыхъ соображеній, отъ насъ сокровенныхъ.

Каково бы ни было назначеніе учебника, мы вправѣ требовать отъ него: 1) удобопонятности изложенія свойствъ русскаго языка, чтобы татарскіе ученики какъ можно скорѣе и легче могли по нему ознакомиться съ русскою рѣчью; 2) вѣрности изложенія этихъ свойствъ—требованіе естественное, но не всегда соблюдаемое, и 3) если не образцоваго по слогу, то, по крайней мѣрѣ, безукоризненно правильнаго по языку текста самаго руководства, потому что текстъ этотъ по необходимости будетъ служить и первому хрестоматію для учениковъ, независимо отъ какого-нибудь спеціального сборника отрывковъ русскихъ произведеній для чтенія и грамматическаго разбора. Примѣняя означенныя требованія къ грамматикѣ г. В. Р., мы, къ сожалѣнію, убѣдились, что она оказывается совершенно несостоятельною предъ ними: если вѣрно правило, то оно, обыкновенно изложено такъ, что не скоро доберешься до смысла; не рѣдко встрѣчаются произвольныя измышленія вмѣсто правилъ; языкъ же текста таковъ, что часто невольно приходитъ въ голову, что „система сія (то-есть, грамматика) *сочинена чужестраннымъ человекомъ*“, выражаясь словами Тредьяковскаго, отозвавшагося такимъ образомъ въ свое время по одному аналогическому случаю. Мы стараемся подтвердить свое мнѣніе выдержками изъ разсматриваемаго руководства, большинство коихъ не требуетъ никакихъ комментаріевъ: читатель самъ можетъ судить о качествахъ ихъ, а по нимъ заключать и о достоинствѣ самаго учебника, лишь бы у него хватило терпѣнія прослѣдить вмѣстѣ съ нами всѣ курьезы, которыми переполнена грамматика г. В. Р.

„Глава I. § 1. Слово есть соединеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ зву-

ковъ, выражающихъ въ этомъ соединеніи *извѣстнаго для одного народа* понятіе“, читаемъ мы на первой страницѣ. Самое меньшее, что можно привести въ оправданіе этого страннаго правила, это то, что оно выражено не по-русски, въ противномъ случаѣ, оно нелѣпо, благодаря фразѣ, которую мы подчеркнули—*„извѣстное для одного народа“*: если можно, напримѣръ, не Французу говорить на французскомъ языкѣ, то необходимо, чтобы слова французскаго языка не только были ему извѣстны, но и понятны. Можетъ быть, это надо толковать иначе какъ-нибудь. Да, именно иначе, а какъ — за этимъ слѣдуетъ обратиться къ параллельному татарскому тексту того же правила. Пунктъ второй того же параграфа гласитъ: *„хотя звуки, производимы(е) человѣческимъ голосомъ у всѣхъ(ъ) народовъ общіе, но все-таки (у) разныхъ народовъ они принимаютъ отдѣльные отъѣнки“*. Тутъ въ пяти строчкахъ четыре опечатки, замѣтимъ между прочимъ; но и помимо этого еще приходится задуматься надъ эпитетомъ „отдѣльные“: что за свойство звуковъ хотѣлъ обозначить имъ авторъ грамматики? Едва ли поможетъ его уясненію и соответствующее ему въ татарскомъ текстѣ слово *бирдай*.

Изъ § 5 мы узнаемъ, что *„гласныя буквы имѣютъ собственный голосъ“*. Это, должно быть, метафора; въ противномъ случаѣ какая-то несообразность. Но, сколько извѣстно, и метафоры неумѣстны въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло требуетъ точности выраженія.

Въ пунктѣ третьемъ параграфа восьмага сообщается, что *„соединеніе буквъ, выговоренныхъ однимъ выдыханіемъ воздуха, называется слогомъ“*. Это опредѣленіе само за себя говоритъ, и потому мы воздерживаемся отъ всякихъ комментаріевъ.

„§ 10. Слова состоятъ изъ одного, двухъ и многихъ слоговъ, и такъ они называются по числу слоговъ односложными, двухсложными и многосложными“. Опредѣленіе въ сущности вѣрное; но какимъ языкомъ оно выражено? да еще съ полнымъ пренебреженіемъ, замѣчаемымъ впрочемъ повсюду въ учебникѣ, въ знакахъ препинанія, отчего фраза можетъ не только видоизмѣниться въ своемъ смыслѣ, но даже и потерять всякій смыслъ.

Пунктъ 3-й § 14. „Исключеніе: слово *міръ* вселенная, для отличія отъ словъ *миръ*, *согласіе*“. Выходитъ по этому правилу, что *міръ* пишется черезъ *і* для отличія не только отъ слова *миръ*, но и отъ слова *согласіе* потому что сказано отъ „словъ“. Кстати, въ томъ же параграфѣ разказывается, что „и называется осмеричнымъ, потому что означала въ славянскомъ языкѣ цифру 8“. Это Татарамъ-то, не знающимъ и

о существованіи славянскаго языка!—А дальше упомянуто и о бук вѣ і, что она называется десятеричною.

„§ 29. Послѣ буквъ ж, ч, ш, ц, большею частью не пишутъ О, но е; хотя въ нѣсколькихъ (?) словахъ е выговаривается совершенно какъ о напримѣръ: желтый, яйце, лице“. Помимо того, что небрежность печати положительно обезображиваетъ фразу и лишаетъ ее смысла (а въ опечаткахъ она, впрочемъ, не исправлена), что же это за правило, основанное на цѣлыхъ двухъ оговоркахъ: *большею частью, да въ нѣсколькихъ словахъ*? Если автору неизвѣстно, въ какихъ именно *нѣсколькихъ* словахъ е выговаривается (а мы прибавимъ — и пишется теперь) какъ о, то лучше бы здѣсь и не вставлять такого голословнаго правила, не дающаго никакого опредѣленнаго знанія. Притомъ же, кто теперь пишетъ букву е съ двумя точками?

Мы не будемъ злоупотреблять терпѣніемъ читателя и останавливать его вниманіе на всѣхъ такихъ, рѣжущихъ русское ухо, выраженіяхъ, какъ „сродственныя согласныя“ (§ 33), „для раздѣленія отдѣльныхъ мыслей“ (§ 34), или: „названія предметовъ, осязаемыхъ натию чувствами и воображаемыхъ умомъ“ (§ 391), или: „слово, употребляемое на мѣсто имени“ (§ 39, 3), а укажемъ только на такіа правила или примѣры въ учебникѣ, которые или не имѣютъ никакого смысла, или до-нельзя запутаны по невѣроятно-чудовищному языку, или просто на-просто ложны и ни на чемъ не основаны, кромѣ личныхъ соображеній ихъ сочинителя.

Параграфъ 35-й содержитъ въ себѣ простой списокъ знаковъ препинанія съ самымъ мудреннымъ переводомъ названій ихъ на татарскій языкъ, безъ всякихъ объясненій относительно ихъ употребленія, но за то съ добавленіемъ какого-то вновь изобрѣтеннаго знака, названнаго въ грамматикѣ „точка сократительная“, и параграфа. Последний знакъ особенно важенъ, надо полагать, въ виду того, что онъ самый видный въ грамматикѣ г. В. Р., тогда какъ всѣ прочіе знаки въ ней положительно игнорированы: оттого-то авторъ и не считалъ, вѣроятно, нужнымъ распространяться объ ихъ употребленіи.

Въ § 42, 1) читаемъ: „Названіе, данное многимъ подобнымъ предметамъ, смотря по общимъ имъ качествамъ, называется именемъ нарицательнымъ“. Еще лучше пунетъ второй того же параграфа: „Названіе, данное одному предмету для отличія не смотря на качество ея, называется именемъ собственнымъ“. Понимаете ли вы, читатель, эти два правила? Сомнѣваемся: по крайней мѣрѣ, для насъ это не болѣе какъ наборъ словъ, не заключающій въ себѣ никакой мысли.

На страницѣ 20-й находится таблица надежныхъ окончаній множественнаго числа именъ существительныхъ, и потомъ вдругъ слѣдуетъ такая фраза: „въ пропущенныхъ мѣстахъ двоякое окончаніе“. Это какая-то загадка для развитія остроумія въ учащихся. Догадайтесь, о какихъ это *пропущенныхъ мѣстахъ* тутъ говорится? Оказывается, что подъ этими „пропущенными мѣстами“ надо разумѣть просто черточки, поставленныя вмѣсто окончаній винительнаго падежа, вотъ и все.

На страницѣ 26-й стоитъ слѣдующее правило: „Если передъ *ея* находится *а*, то вмѣсто *е* ставится *ь*: кулекъ кулька, стрѣлецъ стрѣльца“. Замѣтите, такъ и напечатано, безъ всякихъ знаковъ препинанія; даже точки нѣтъ въ концѣ. Но что же такое представляетъ собою самое правило? Ничего, кромѣ пустословія: вѣдь *кусекъ* будетъ тоже *куська*, *пенекъ* — *пеника*, *фонарекъ* — *фонарька*, *олонекъ* — *олоньки*, и т. п.? А вѣдь тутъ нѣтъ между тѣмъ *а* передъ *е*. Вслѣдъ затѣмъ читаемъ: „Склоненіе словъ оканчивающихся на *ей* не много (?) отступаетъ отъ общаго правила: соловей соловья и т. д.“ Объ этомъ правилѣ можно сказать только, что оно очень наивно, не болѣе.

§ 56-й учитъ, что слово *вечеръ* будто бы въ предложномъ падежѣ будетъ *вечеру*—это новость.

Въ трехъ пунктахъ параграфа 62-го сообщаются удивительно назидательныя правила, потому что всѣ они начинаются словами: „у *нѣкоторыхъ* именъ“, „*нѣсколько* именъ“, да „*нѣкоторыя* слова“. Кромѣ того, послѣднее изъ этихъ правилъ содержитъ въ себѣ совершенно бездоказательную негѣпость, а именно: „*нѣкоторыя* слова образуютъ множественное число *неправильно*“. Другъ—друзья, господинъ—господа, небо (это главное)—небеса, чудо—чудеса, око—очи, ухо—уши“. Еслибы сочинитель грамматики хоть нѣсколько былъ знакомъ съ исторіею формъ русскаго языка, то онъ бы, вѣроятно, не усмотрѣлъ тутъ неправильностей.

Слова *лесъ* (стр. 30) и *дочъ* (стр. 32) суть грубыя опечатки, которыя однако же не поправлены, какъ и множество другихъ имъ подобныхъ, которыми изобилуетъ эта небрежная книга.

Въ § 65-мъ дано такое опредѣленіе: „Два слова имѣютъ кромѣ означенныхъ шести падежей *еще отдѣльный* падежъ, то-есть, звательный падежъ. Господь Господь (?)“ Слово „отдѣльный“ чрезвычайно нравится автору, но вездѣ, гдѣ только оно бываетъ употреблено имъ, тамъ фраза и остается понятна лишь ему самому. Относи-

тельно же слова *Господь* мы до сихъ поръ думали, что оно въ звательномъ падежѣ *Господи*, а не *Господь*.

Изъ § 66-го, въ которомъ сказано, что „въ русскомъ языкѣ нѣсколько словъ *употребляются* только во множественномъ числѣ напримѣръ, сутки“, выходитъ, что эти слова не то что вовсе не имѣютъ единственнаго числа, а только „употребляются“ въ одномъ множественномъ.

Въ § 68 читаемъ: „Всякое имя прилагательное имѣетъ по три окончанія (?), эти окончанія означаютъ родъ. *Смотря на родъ* того имени существительнаго, *при которомъ оно стоитъ*, имя прилагательное *перемѣняетъ* свое окончаніе напримѣръ, бѣлый (столъ) и т. д.“. Что можетъ быть безтолковѣе этого правила? Всѣ существенныя термины въ немъ таковы, что не соответствуютъ подразумеваемымъ подъ ними понятіямъ, и все правило выражено совершенно не русскимъ языкомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ § 69-мъ, мы встрѣчаемъ весьма оригинальное дѣленіе именъ прилагательныхъ *по окончаніямъ* на 1) полныя, 2) усѣченныя и 3) *притяжательныя* (sic!).

Далѣе въ § 73-мъ говорится: „Въ русскомъ языкѣ можно отбросить (?) окончанія полныхъ именъ прилагательныхъ. Тогда (?) эти имена прилагательныя называются *усѣченными* (?)“. Впервые, автору, взявшемуся обучать Татаръ русскому языку, еще неизвѣстно, что ни одна порядочная русская грамматика не употребляетъ теперь термина *усѣченный*, какъ устарѣлаго и, главное, ложнаго и ничего не выражающаго; а во вторыхъ, попробуйте *отбросить* отъ имени прилагательнаго полного его окончаніе, что тогда выйдетъ? ужъ никакъ не прилагательное, а просто усѣченное, то-есть безхвостое, слово.

На страницѣ 38-й помѣщена таблица склоненій по всѣмъ падежамъ такъ названныхъ у автора усѣченныхъ прилагательныхъ, хотя, сколько извѣстно, эти прилагательныя въ русскомъ литературномъ и разговорномъ языкѣ употребляются только въ одномъ именительномъ падежѣ: употребленіе ихъ въ прочихъ падежахъ составляетъ особенность слога народныхъ поэтическихъ произведеній. На этомъ основаніи мы сперва думали, что авторъ хотѣлъ тутъ щегольнуть народностью; а между тѣмъ онъ, оказалось далѣе, настолько разборчивъ, что въ § 97-мъ отмѣтилъ мѣстоименія *сей* и *омый* какъ такія, которыя „въ разговорномъ языкѣ не употребляются, а встрѣчаются только въ книгахъ“. Значитъ, мы ошиблись. Но въ такомъ случаѣ къ чему же автору вздумалось склонять свои усѣченныя при-

лагательныя, когда они такимъ образомъ не склоняются ни въ разговорномъ языкѣ, ни въ книгахъ? Это ему одному извѣстно.

Хороши также тѣ параграфы грамматики, въ которыхъ трактуется о степеняхъ сравненія. Вотъ, напримѣръ, § 79-й: „1) Положительная степень *не обращаетъ вниманіе на сравненіе, но выражаетъ только существованіе у предмета извѣстнаго качества.* 2) Если при сравненіи съ качествомъ предмета, *находящимся въ положительной степени,* то самое качество у другого предмета оказывается въ высшей степени, тогда имя прилагательное ставится въ сравнительной степени“. Вы видите, что авторъ старается выражаться какъ можно проще, такъ сказать собесѣдовательно; но думаетъ, что для этого достаточно говорить странными для русскаго уха метафорами, въ родѣ того что „положительная степень *не обращаетъ вниманіе* (а не вниманія)“, и дѣло въ шляпѣ; онъ и не подозреваетъ, что тутъ на каждомъ шагу сбивчивость, двусмысліе, путаница. А между тѣмъ, сколько смѣлости, сколько самоувѣренности! Такъ въ § 81-мъ авторъ поучаетъ: „а) Если имя прилагательное оканчивается на: *гой, дый, зкій, дкій,* то сравнительная степенъ образуется на *же*; напримѣръ гадкій, гаже и т. п.“. Тутъ мы впервые узнаемъ о существованіи какихъ-то доселѣ небывалыхъ окончаній именъ прилагательныхъ. Съ точки зрѣнія филологической эти новоизобрѣтенныя окончанія — непозволительная нелѣпость, потому что здѣсь звуки *г, д* и *з* принадлежать корнямъ словъ, а не окончаніямъ, чего кажется, авторъ и не подозреваетъ, такъ какъ въ слѣдующемъ пунктѣ того же параграфа онъ особо говоритъ о прилагательныхъ, оканчивающихся уже просто на *кій*, — что они имѣютъ сравнительную степенъ на *че*. Спрашивается: съ какою же цѣлью изобрѣтены авторомъ эти мнимыя окончанія? Можетъ быть, онъ возвелъ означенныя произвольныя звуко сочетанія *дкій, зкій* въ производственныя окончанія въ видахъ чисто практическихъ? Но и этого на повѣрку не оказывается, ибо измышленное авторомъ правило находится въ явномъ противорѣчій съ фактами: слова *сладкій, надкій, дерзкій, скользкій* также кончаются, на *дкій* и *зкій*, но сравнительную степенъ образуютъ не на *же*.

Отдѣлъ мѣстоименій представляетъ собою сплошной рядъ тавтологій, неточностей или происходящихъ отъ нескладности рѣчи путаницы. Для образца можно указать на § 92-й: „Если передъ третьимъ лицомъ стоитъ предлогъ, то *ставится передъ ними (?)* буква *н*“. § 93-й: „*Когда говорится о себѣ,* тогда въ русскомъ языкѣ употребляется мѣстоименіе личное возвратное“. § 96-й: „Мѣстоименіе указа-

тельное означаетъ, что мы показываемъ на извѣстный предметъ". § 101-й: „Мѣстоименіе, отвѣчающее на заданный вопросъ неопредѣленно, называется мѣстоименіемъ неопредѣленнымъ“.

Теперь переходимъ къ самому обширному отдѣлу грамматики, наиболѣе существенному въ составѣ рѣчи, а именно къ глаголу. Русскій глаголъ столь своеобразенъ въ свойствахъ своихъ, что грамматики всего болѣе расходятся именно въ опредѣленіи и классификаціи свойствъ этой части рѣчи. Многія изъ нихъ и до сихъ поръ еще остаются неизслѣдованными до послѣднихъ основаній и не приведены въ надлежащую систему. Съ грамматики Ломоносова до изслѣдованій г. Некрасова и, наконецъ, до статьи г. Вестфала (*Русскій Вѣстникъ*, октябрь 1876 г.), совершился цѣлый переворотъ въ воззрѣніяхъ на свойства русскаго глагола: отъ множества наклоненій и временъ пришли къ отрицанію всякихъ наклоненій и временъ въ русскомъ глаголѣ (г. Некрасовъ), и теперь снова хотятъ возвратиться къ прежнему множеству (г. Вестфаль), хотя съ сомнительною надеждою на успѣхъ. Такимъ образомъ передача инородцамъ свойствъ русскаго глагола встрѣчаетъ особенныя затрудненія въ ихъ неопредѣленности и въ невозможности подвести ихъ подъ систематическія категоріи. По этому самому велика должна быть заслуга того, кто, взявшись преодолѣть эти препятствія, дѣйствительно успѣлъ бы въ этомъ. Въ противномъ случаѣ, лучше ужъ, не мудрствуя лукаво, выбрать одну какую-нибудь изъ существующихъ системъ, наиболѣе сподручную на видъ, и держаться ея, не прибѣгая къ ухищреніямъ и развѣ добавляя лишь какими-нибудь комментаріями.

Понималъ ли и сознавалъ ли трудность своей задачи авторъ разсматриваемой нами грамматики, мы не знаемъ; несомнѣнно только, что онъ придаетъ весьма серьезное и важное значеніе своему собственному изложенію глагола, ибо съ какимъ-то торжественнымъ самодовольствомъ заявляетъ въ предисловіи, что „изложеніе нѣкоторыхъ частей (рѣчи), въ особенности „Глагола“ (къ чему тутъ ковычки и прописная буква?) *самостоятельная работа*.“ Съ послѣднимъ нельзя не согласиться: можно безъ преувеличенія сказать, что авторъ „самостоятельно обработалъ“ русскій глаголъ: столько тутъ произвольныхъ и бесполезныхъ выдумокъ, столько искаженій, возведенныхъ въ правила, столько небывалыхъ неправильностей, такая масса рубрикъ, категорій и совершенно противныхъ духу русскаго языка словъ и оборотовъ, что даже Русскій легко спутается и потеряется въ этихъ измышленіяхъ, а не то что Татаринъ; а между тѣмъ, что ни шагъ,

то претензія на ученое остроуміе, которымъ авторъ хочетъ щегольнуть, какъ бы въ укоръ другимъ граматистамъ, не додумавшимся до такихъ мудростей. Нѣтъ возможности и необходимости перечислять всѣ несообразности, какія встрѣчаются въ отдѣлѣ о глаголѣ: достаточно указать лишь на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся изъ нихъ.

„§ 108. Глаголь показываетъ (?) дѣйствіе или состояніе предметовъ, поэтому мы *раздѣляемъ: глаголовъ*, 1) на глаголы дѣйствительные“ и т. д. Подчеркнутыя нами слова исправлены въ опечаткахъ такъ: *глаголы раздѣляемъ*; но и поправка немногимъ лучше ошибки; въ первоначальномъ своемъ видѣ фраза вовсе не имѣетъ смысла, въ исправленномъ — лишена правильной русской конструкціи и все-таки не даетъ надлежащаго понятія о глаголѣ.

По что особенно замысловато, такъ это спряженіе, которое состоитъ въ безконечномъ перечнѣ глагольныхъ основъ. Положимъ, что понятіе основъ есть чисто филологическое; по оно съ трудомъ дается и русскимъ-то мальчикамъ; какъ же вы втолкуете его Татарамъ? Да и что пользы отъ этого въ практическомъ отношеніи, особенно, когда сложный самъ по себѣ предметъ запутывается мудреными измышленіями истолкователя. Что, напримѣръ, могло бы значить хоть это замѣчаніе автора грамматики: „Хотя основы глаголовъ безъ окончаній не употребляются въ русскомъ (?) языкѣ, все-таки ихъ надо (?) знать для правильнаго образованія временъ“? Какъ будто въ одномъ только русскомъ языкѣ основы глаголовъ не употребляются безъ окончаній: даже въ татарскомъ языкѣ, въ которомъ, вслѣдствіе его снайной природы, основа большей части глагольныхъ формъ имѣетъ и самостоятельное значеніе, все-таки мы встрѣчаемся съ основами, которыя, отдѣльно взятая, не употребляются въ смыслѣ знаменательныхъ словъ. Не будетъ ли поэтому слово *основа* для Татарина пустымъ звукомъ, если не дать предварительнаго объясненія значенія этого филологическаго термина? Объяснить же его, какъ мы сказали, чрезвычайно трудно, да и ни къ чему не ведетъ: отыскиваніе основы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ потребуетъ больше труда и времени, нежели механическое заучиванье уже готовыхъ глагольныхъ формъ, особенно по тому ухищренному способу, какой предлагается сочинителемъ грамматики. Вотъ напримѣръ какое дается правило для отыскиванья основы въ § 113: „Если въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ *тъ* находятся гласныя буквы *а, я, ъ, ы, о, у*, то основа глагола кончится на эти гласныя буквы“. Развѣ это правило безусловно вѣрно? Развѣ нѣтъ

примѣровъ, прямо ему противорѣчащихъ? Самъ авторъ наткнулся на это, и что же у него вышло? Оказалось, что вышеприведенный первый пунктъ параграфа 113-го только затѣмъ и поставленъ имъ въ качествѣ правила, чтобы дальше, въ § 127, создать совершенно произвольно массу исключеній, которыя онъ безъ дальнихъ объясненій называлъ *неправильностями*. А все произошло оттого, что сочинитель грамматики не имѣетъ понятія о различіи гласныхъ такъ называемыхъ *постоянныхъ* и *непостоянныхъ* въ глаголѣ.

Есть еще болѣе курьезныя вещи. Такъ названное у г. автора „неправильное образованіе настоящаго времени“ раздѣлено у него на изобрѣтенныя имъ самимъ *девять классовъ*, и вдругъ въ девятомъ классѣ подъ цифрою 9 (страница 72) значится такая категорія: „не подходящія подъ классы (sic!)“. Это вѣдь не болѣе не менѣе какъ *исключеніе изъ исключеній*, только.

Пунктъ 2-й того же § 113 гласитъ: „Если неопредѣленное наклоненіе кончится на *тъ* съ предыдущею *с* или *з*, или на *сти*, *эти* и *чѣ*, то основа глагола окончится на согласную букву“. Можно ли воспользоваться этимъ правиломъ, какъ оно тутъ изложено, безъ знанія фонетическаго измѣненія корневыхъ звуковъ, которые авторомъ, впрочемъ, приурочены къ окончанію? Сомнительно.

Изъ § 115 узнаемъ, что „глаголы, неокончательное наклоненіе которыхъ оканчивается на *ереть*, образуютъ прошедшее время какъ будто бы (?) основа ихъ оканчивается на согласную букву *р*, напримеръ, умереть — умеръ, умерла, ло, ли“. Спрашивается, къ чему тутъ оговорка *какъ будто бы*, когда она только извращаетъ истину? Далѣе, пунктъ 2-й: „нѣкоторые глаголы, основа которыхъ кончится на *ну* съ предыдущею гласною буквою, выбрасываютъ окончаніе (!) *ну* при образованіи прошедшаго времени, *зябнуть*—*зябъ*“. А *трянуть*, *мянуть*, *кинуть* и т. п., развѣ выбрасываютъ *ну*? Очевидно, что самъ обработыватель русскаго глагола не знаетъ, какіе это *нѣкоторые* глаголы такъ поступаютъ съ слогомъ *ну*, иначе бы онъ не сочинилъ своего голословнаго правила, которое легко было замѣнить существующимъ другимъ, гораздо простѣйшимъ и во всякомъ случаѣ не голословнымъ.

Въ числѣ глаголовъ, будто бы „неправильно“ образующихъ настоящее время, въ пунктѣ 7-мъ § 127 (страница 72) значатся и глаголы *жать*—*жму* и *жать*—*жму*, въ которыхъ буквы *и* и *м* признаны авторомъ *прибавочными* (sic!), наравнѣ съ буквою *л* въ глаголахъ *дремлю*, *каплю* и т. п. — очевидная нелѣпость. На страницѣ 75 говорится о

глаголахъ, „основы которыхъ оканчиваются (замѣтите: авторъ *всюду* говоритъ оканчиваются, а не оканчиваются) на *на* (!), *ха* (!), *да* (!) и *та* (!)“.

§ 128 содержитъ правило, курьезное по языку, которымъ оно выражено, а именно: „повелительное наклоненіе образуетъ двѣ формы; *второя* лица единственнаго и множественнаго чиселъ“. Любопытенъ слѣдующій параграфъ 129. Въ пунктѣ первомъ читаемъ: „Если передъ окончаніемъ (втораго лица настоящаго времени) ешь (ишь) находится гласная буква, тогда (а не *то*) оно перемѣняется на *й*, *йше*, на примѣръ, *двигаешь*, *двигай*, *двигайте*; *строишь*, *строй*, *стройте*“; а въ пунктѣ второмъ тотчасъ же говорится: „если передъ ешь (ишь) находится гласная (опять гласная!) буква, то оно (что?) образуется двоякимъ образомъ: глаголы, гдѣ (?) удареніе въ неокончательномъ наклоненіи на послѣднемъ слогѣ и т. д.“ Вѣроятно, это опечатка, потому что въ примѣрахъ поставлены глаголы съ *согласною* буквою передъ окончаніемъ 2-го лица настоящаго времени; но поправки не находится; а черезъ это возникло двоякое противорѣчіе—двухъ правилъ одно съ другимъ и одного съ самимъ съ собою.

§ 130 учитъ насъ, что „пять (*sic!*) глаголовъ (бить, вить, лить, пить, шить) образуютъ повелительное наклоненіе *неправильно* (*sic!*)“ . Ужь въ такомъ случаѣ надо было бы прибавить сюда еще глаголы: *речь*, *мыть*, *ковать*, *клевать* и т. п., словомъ всѣ тѣ глаголы, въ которыхъ при образованіи повелительнаго наклоненія происходитъ просто-напросто поднятіе гласной, чего, кажется, никто доселѣ не думалъ относить къ неправильностямъ.

Тракуя въ § 142 объ образованіи дѣепричастія настоящаго, сочинитель русской грамматики для Татаръ тонко различаетъ способъ *простаго народа*, образующаго вышеозначенную форму на *чи* (читаючи, пишучи) и способъ *книжнаго языка*, въ которомъ эта форма образуется окончаніемъ *я* или *а* (чита*я*, пиша*я*, уча*я*). Изъ этого правила выходитъ, что будто бы эта двойственность образованія дѣепричастія абсолютно примѣнима ко всѣмъ глаголамъ безъ различія, только съ условнымъ разграниченіемъ употребленія въ народномъ и книжномъ языкѣ. Неужели авторъ слышалъ когда-нибудь, чтобы простолюдинъ сказалъ, на примѣръ, *уча^{чи}*; а также развѣ ему не доводилось встрѣчать и въ книгахъ *пишучи* и т. п.? Зато ужь никакъ не вѣрится, чтобы кто-нибудь отъ глагола *дать* произвелъ дѣепричастіе *давая*, а отъ *узнать* — *узнавая*, какъ въ этомъ увѣряетъ авторъ въ пунктѣ

второмъ того же 142 параграфа, давши этой рубрикѣ дѣепричастіи титулъ „неправильные“ (sic!).

Опредѣленіе видовъ глагола еще безподобнѣе, и потому мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ его сполна безъ всякихъ комментариевъ. Вотъ оно: „Въ русскомъ языкѣ глаголы производятъ (?) слѣдующіе виды: § 144. 1) Видъ *опредѣленный* и видъ *неопредѣленный*. Первый показываетъ, что дѣйствіе происходитъ въ извѣстное время съ извѣстнымъ предметомъ, а второй, что оно происходитъ вообще, напр. эти птицы *летѣли* вчера черезъ нашъ садъ, я *радовался* всякій разъ, когда птицы *лѣтали* черезъ нашъ садъ„. „§ 145. Видъ *однократный* и *множественный*. Первый показываетъ, *однажды* ли или мгновенно *случалось* дѣйствіе, второй часто ли и давно ли напр. ты меня *колынулъ* иглою. Когда я былъ мальчикомъ я часто *качивалъ* себя (?) иглою въ палецъ (?)“. Правила хороши, а примѣры еще лучше.

Въ § 151 авторъ, вслѣдъ за опредѣленіемъ возвратныхъ глаголовъ, даетъ въ особомъ пунктѣ правила образованія этихъ глаголовъ, но только не въ русскомъ языкѣ, а въ татарскомъ (?), вѣроятно забывши, что онъ сочиняетъ русскую грамматику, а не татарскую. Это еще ничего; вотъ что онъ говоритъ въ пунктѣ 3-мъ того же параграфа: „Нѣкоторые глаголы употребляются только съ *прибавленіемъ* ся (сь). Эти глаголы называются *общими*, напр., *гордиться*, *надѣяться*“. Какъ прикажете понимать тутъ выраженіе „употребляются съ прибавленіемъ *ся*“? За этимъ надо обратиться къ параллельному татарскому тексту: тамъ сказано лучше, а именно, что такіе глаголы „не употребляются безъ *ся*“.

Любопытенъ также § 157, въ которомъ сказано, что „однократный видъ образуется изъ такихъ глаголовъ, значеніе которыхъ допускаетъ однократность и мгновенность дѣйствія, т. е. глаголовъ выражающихъ движеніе и звукъ (!)“. Это значитъ по-просту: однократный видъ имѣютъ глаголы однократные; а при чемъ тутъ *движеніе* и *звукъ*, это составляетъ секретъ автора, ибо онъ не пояснилъ своего тавтологическаго правила примѣрами.

Но не довольно ли? Думаемъ что довольно: перебирать всѣ странности, почему-то названныя въ совокупности своей „грамматикой русскаго языка“ значило бы просто эксплуатировать терпѣніе читателя. *Самостоятельная работа* автора въ его изложеніи русскаго глагола заключалась въ томъ, что онъ перепуталъ все—и фонетику, и логику, и выработанную уже другими грамматистами этимологию русскаго глагола. То, что въ обыкновенныхъ русскихъ грамматикахъ легко под-

водится подъ правила сочетанія и измѣненія звуковъ и основаннаго на нихъ раздѣленія глаголовъ на два спряженія, въ перетасовкѣ г. В. Р. нигде не укладывается, и отсюда у него цѣлая колонна всякихъ небывалыхъ неправильностей. Если къ тому, что уже было указано выше, мы прибавимъ еще такія любопытныя вещи, какъ напримѣръ, слова: *берегать*, *кормлять*, *возлюбить*, *возлюбивать* (страница 97); или: *жидать*, *лыгать*, *читать*, *клинать*, (стр. 116) и проч., которыя авторъ выдаетъ за формы многократнаго вида отъ глаголовъ *беречь*, *кормить*, *возлюбить*, *ждать*, *читать*, *клясть*, и проч., то мы утвердительно можемъ сказать, что русскій языкъ для г. В. Р., сочинившаго „русскую грамматику для Татаръ восточной Россіи“, столь *чуждъ*, какъ и для этихъ Татаръ, которыхъ онъ взялся учить русскому языку. Говоря откровенно, грамматика г. В. Р. вовсе и не заслуживала бы такого подробнаго разсмотрѣнія, еслибы не слѣдующее обстоятельство. Великодушно заявляя въ предисловіи о негодности своей грамматики, г. В. Р. присовокупляетъ, что онъ готовитъ другое, вспомоgetельное къ этому, руководство. Судя потому, какъ онъ „сочинилъ“ грамматику, можно вообразить, какое онъ изготovitъ другое руководство!

Мы уже высказали свой взглядъ на тѣ требованія, безусловное осуществленіе которыхъ должно составлять достоинство учебника, подобнаго грамматикѣ г. В. Р., то-есть, наилегчайшее ознакомленіе Татаръ съ русскою грамотой и стремленіе къ сближенію ихъ чрезъ это съ Русскими. Между тѣмъ оба эти требованія не только не выполнены авторомъ разсмотрѣнной грамматики, но даже какъ будто намѣренно игнорированы имъ. Если Татары, нѣсколько уже знакомые съ русскимъ языкомъ практически, захотѣли бы доучиваться по руководству г. В. Р., то они должны были бы утерять и свои послѣдніе познанія въ немъ. Если г. В. Р., сочинилъ свою русскую грамматику, имѣлъ въ виду внушить Татарамъ суевѣрный страхъ передъ русскою грамотою и на первыхъ же порахъ отбить въ нихъ всякую охоту учиться русскому языку, то его можно поздравить съ полнымъ успѣхомъ. Все, что есть сравнительно сноснаго въ грамматикѣ г. В. Р.—это татарская параллель его русскаго текста, что и неудивительно, ибо въ составленіи ея участвовала цѣлая коммисія изъ лицъ, знающихъ татарскій языкъ, и притомъ природныхъ Татаръ, имена которыхъ упомянуты въ предисловіи, какъ напримѣръ, гг. Махмудовъ, Насыровъ, Саиновъ, изъ коихъ первые два уже заявили себя раньше грамматическими печатными опытами. Но развѣ задачею составителя

русской грамматики было учить Татаръ *татарскому* же языку? Мы уже видѣли, что авторъ въ одномъ мѣстѣ на-ряду съ правилами о русскомъ глаголѣ даетъ правило объ образованіи возвратнаго залога въ языкѣ татарскомъ (страница 88, пунктъ 1-й, § 151). Прежде всего мы желали бы знать, какая цѣль, при обученіи *русскому* языку и письму, въ употребленіи *арабской* азбуки, когда Турки, эти архимусульманскіе старовѣры, сознають и открыто высказываютъ неудобство арабскаго алфавита даже для своего турецкаго языка? Развѣ не цѣлесообразнѣе было бы ограничиться, какъ въ русскомъ текстѣ грамматики, такъ и въ татарскомъ комментаріи правилъ, русскимъ алфавитомъ? Примѣненіе русской транскрипціи къ учебникамъ по разнымъ школьнымъ предметамъ, составленнымъ на татарскомъ языкѣ, служило бы переходнымъ средствомъ къ обученію Татаръ-и русскому языку. Въ этихъ видахъ мы рекомендовали бы примѣнить русскую азбуку цѣликомъ безъ всякихъ даже добавочныхъ діакритическихъ знаковъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, могутъ вести эти знаки? Къ усложненію и безъ того довольно обширнаго русскаго алфавита, а между тѣмъ все таки нѣтъ физической возможности передать всѣхъ оттѣнковъ звуковъ языка. Да развѣ у насъ въ русскомъ языкѣ всѣ звуковые оттѣнки выражаются нашими буквами? Ничуть не бывало: многія изъ буквъ имѣютъ чисто условный характеръ. Поэтому, если наприимѣръ *и* въ однихъ словахъ въ началѣ выговаривается какъ *йи*, въ другихъ къ *джи* и т. п., такъ что же вреднаго въ томъ, если вмѣсто мнимой гласной *мы*, въ русской транскрипціи, поставимъ двѣ вышеприведенныя согласныя? Скажутъ, что Татаръ, привыкшихъ произносить, наприимѣръ, русское *у* какъ французское *и*, потомъ, при обученіи русскому языку, придется *перечислять*. Тоже нѣтъ. Въ самомъ началѣ можно втолковать ученику, что эта буква имѣетъ двойственное звуковое значеніе только въ татарскомъ языкѣ, а въ русскомъ всегда произносится одинаково. А въ какихъ именно татарскихъ словахъ оно должно произноситься какъ *у* русское, и въ какихъ — какъ французское *и*, объ этомъ Татаринъ легко догадается по смыслу фразы, какъ онъ угадываетъ теперь произношеніе арабскихъ буквъ, которыя несравненно превосходятъ русскія своею звуковою неопредѣленностью. Далѣе, можетъ быть, сошлутся на то, что мусульмане - Татары питаютъ отвращеніе къ книжкамъ, напечатаннымъ русскимъ шрифтомъ, и что печатая полезныя для ихъ развитія вообще книги ихъ же арабскими буквами, можно, такъ сказать, незамѣтно приохотить Татаръ къ чтенію сочиненій не одного

только мусульманско-религіознаго содержанія, и такимъ образомъ, втиснуть ихъ въ общность образованіи и культуры съ Русскими. Но вести такую пропаганду можно и помимо школы, путемъ распространенія вышеозначенныхъ книгъ среди взрослога татарскаго населенія; не зараженному мусульманскимъ фанатизмомъ юношеству, намъ кажется, все равно — учиться ли по книжкамъ, напечатаннымъ арабскимъ шрифтомъ, или русскимъ, тѣмъ болѣе, что употребленіе русской азбуки вовсе не лишаетъ Татаръ права и возможности учиться особо своей арабской грамотѣ, для чтенія корана и произведеній татарской литературы. А развѣ путаницею алфавитовъ ослабляется закоснѣлость тѣхъ упрямецъ-фанатиковъ, которые почему-либо не желали бы учиться русскому языку? Если сочинитель грамматики, избѣгая русской транскрипціи татарскихъ словъ, деликатничалъ съ религіознымъ чувствомъ Татаръ-мусульманъ, то, скажите на милость, чѣмъ онъ руководился, трактуя въ § 15 о *сгнодъ*, *муръ* и *евангелги* (sic!), въ которыхъ будто бы *во всѣхъ* находится буква *у*, касаясь именно предметовъ религіозно-церковныхъ христіанскихъ, до которыхъ Татарамъ менѣе всего дѣла?

Но алфавитомъ не ограничивается дѣло у сочинителя грамматики. Мы знаемъ, что въ теперешнемъ татарскомъ Казанскомъ нарѣчьи есть въ обращеніи множество словъ, заимствованныхъ изъ русскаго, такъ что перѣдко во фразѣ находится одинъ только глаголъ татарскій, а прочія слова, выражающія понятія о разныхъ предметахъ обыденной жизни, все русскія, съ которыми Татары легко осваиваются. На этомъ основаніи, обучая Татарина русской грамматикѣ, развѣ не все равно — давать ли ему цѣликомъ русскіе грамматическіе термины, или переводить ихъ на грамматическіе термины какой-нибудь арабской *Кяфійѣ* (общеупотребительной арабской грамматики), какъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, татарскіе школьники (шакирди) такъ быстро и осмысленно осваиваются съ арабскою терминологіею, при господствующемъ въ медресѣ методѣ безтолковаго зубрежнiа, что переводъ этотъ долженъ облегчать имъ трудъ изученія русской грамматики? Да еще добро бы, еслибы г. В. Р. ограничился простымъ переводомъ русскихъ грамматическихъ терминовъ на арабскіе, что абсолютно невозможно при различіи нѣкоторыхъ свойствъ русской и арабской рѣчи, а то мы видимъ въ его грамматикѣ какое-то прилаживанье одной терминологіи къ другой, которое доводитъ его иногда до явныхъ и смѣшныхъ несообразностей, въ родѣ слѣдующихъ. Въ арабскомъ глаголѣ, напримѣръ, нѣтъ *видовъ*; ну и назвать бы Татарину это свойство

русскаго глагола русскимъ же словомъ *видъ*, растолковавъ ему, что оно значить. Такъ нѣтъ: это было бы уже чрезчуръ просто для нашего автора: ему больше нравится арабское слово *несъ* — родъ, сортъ. У Татаръ не существуетъ никакихъ знаковъ препинанія, поэтому, напримѣръ, для знака *кавычекъ* авторомъ придумано названіе *отурдашларъ*, которое онъ образовалъ изъ слова *отуръ* — собственно „сядь“, а въ грамматикѣ г. В. Р. „запятая“, съ суффиксомъ *дашъ*, сообщающимъ имени существительному значеніе сотоварищества, одномѣстности, какъ напримѣръ, *ѣль* — дорога, *ѣлдашъ* — спутникъ; *карынъ* — чрево, *карындашъ* — братъ и т. п. Есть вещи поистинѣ изумительныя! Положимъ, падо было дать понятіе о *страдательномъ* *заломъ*. Тутъ ужъ и арабскій терминъ оставленъ въ пренебреженіи, не говоря о русскомъ: авторъ сочинилъ свой собственный: *'азабъ равинши*, склеенный изъ арабскаго слова *'азабъ* — „мѣжа, мученіе, пытка“ (слово это съ такимъ значеніемъ приводится самимъ г. В. Р. на страницѣ 4, въ § 10) и персидскаго *равиншъ* — „походка, шествіе, манера“, такъ что вмѣстѣ эти два слова собственно значать „мучительная походка“ или „несносная манера“. Не правда ли, очень остроумно придумано?

Послѣ всего этого мы рѣшительно не понимаемъ заявленія автора, что изданная имъ часть грамматики „содержитъ въ себѣ въ сжатомъ видѣ довольно полныя матеріалы этимологій русскаго языка“. Если понимать матеріалъ въ смыслѣ лексическомъ, то русскій языкъ не такой первобытный и невѣдомый міру, чтобы была потребность еще въ собираніи его матеріаловъ. Можетъ быть, авторъ имѣлъ въ виду изъ богатаго лексическаго запаса *выжать* самую эссенцію его, имѣющую значеніе первой, пасущей потребности для Татаръ, начинающихъ учиться русскому языку? По выборъ имъ для примѣровъ такихъ словъ, какъ *Въня*, *Авдъй*, *Гордъй*, *Дньстръ*, *Печеньъ*, хотя и содержащихъ въ себѣ букву ѣ, или, указавшихъ уже нами по другому случаю, словъ: *сгнодъ*, *мвро*, *грамеліе* и т. п., совершенно опровергаетъ наше предположеніе. Если же г. В. Р. понимаетъ подъ *материаломъ* лишь формы и ихъ классификацію, которая онъ хотѣлъ, такъ сказать, намѣтить въ своемъ руководствѣ для учащихся и учащихся, то попытка его убѣждаетъ насъ въ его полномъ незнаніи русскаго языка и грамматики, равно какъ и въ отсутствіи у него какихъ бы то ни было педагогическихъ приѣмовъ и такта.

А небрежность печати! Она выше всякихъ приличій: ни правописанія словъ, ни знаковъ препинанія, — и это въ руководствѣ, пред-

назначенномъ для обученія Татаръ правильно читать и писать по-русски. Авторъ въ предисловіи благодаритъ г. Махмудова за внимательное (sic!) прочтеніе корректурныхъ листовъ этой грамматики". Если это не шутка, то благодарность, можетъ быть, касается одного лишь татарскаго текста, потому что русскій текстъ—верхъ безобразія въ типографскомъ отношеніи.

Правда, въ книжкѣ г. Казаса также есть недостатки, но, въ сравненіи съ казанскою грамматикою, она можетъ быть названа совершенствомъ. Тамъ по крайней мѣрѣ видѣнъ нѣкоторый пріемъ практическій; тамъ и русская транскрипція, и не лишнее усиліе стараніе изложить не хитро, но удовлетворительно, главнѣйшія свойства русской рѣчи, а главное—нѣтъ измышленій и явныхъ искаженій. Мы не говоримъ уже о сравнительной пригодности того или другаго изъ этихъ двухъ руководствъ для употребленія въ татарскихъ народныхъ школахъ: даже и впѣ школы грамматика г. В. Р. можетъ быть признана совершенно бесполезною.

Мы не знаемъ, что думаетъ самъ авторъ „Грамматики русскаго языка для Татаръ восточной Россіи“ о своемъ произведеніи; но намъ во всякомъ случаѣ кажется страннымъ, что онъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ буквъ В. Р. Если это изъ скромности, то ей противорѣчатъ та самоувѣренность которую, проникнута вся книга. Остается предположить, что авторъ самъ смутно сознавалъ, что взялся не за свое дѣло, но не имѣлъ мужества воздержаться отъ попытки прослыть педагогомъ, пропагаторомъ руссификаціи и культуры среди Татаръ, съ которыми у него, судя по его книгѣ, то общаго, что и русскій языкъ, и русская національность обоемъ имъ одинаково чужды.

В. Смирновъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — О состояніи и дѣйствіяхъ ветеринарныхъ институтовъ Харьковскаго, Дерптскаго и Казанскаго въ 1875 г.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ — 5, экстраординарный — 1, доцентовъ — 5, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ — 3; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ — 13, экстраординарныхъ — 3, доцентовъ — 3, лаборантовъ — 4, астрономъ-наблюдатель — 1; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ — 7, экстраординарный — 1, доцентъ — 1. Сверхъ того для всѣхъ факультетовъ состоялъ профессоръ православнаго богословія. Всего въ университетѣ, сверхъ профессора православнаго богословія, состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ — 26, экстраординарныхъ — 5, доцентовъ — 9, лекторовъ — 3, лаборантовъ — 4, астрономъ-наблюдатель — 1. Сверхъ того были 1 приватъ-доцентъ, 1 сверхштатный лаборантъ и 1 сторонній преподаватель. Изъ положенныхъ по уставу каѳедръ оставались незамѣщенными: въ историко-филологическомъ факультетѣ: сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, съ 12-го октября 1874 года, и исторіи всеобщей литературы: въ физико-математическомъ — физической географіи съ 1-го мая 1865 года; въ юридическомъ: энциклопедіи законовѣднія съ 14-го

октября 1872 года, государственного права съ 19-го іюня 1875 г., церковнаго законовѣдѣнія съ 20-го іюня того же года, и междуна-роднаго права со времени открытія университета, то-есть, съ 1-го мая 1865 года. Общее число преподавательскихъ вакансій относительно временнаго штата университета было: 1 ординарный профессоръ, 5 экстраординарныхъ, 1 доцентъ и 1 лекторъ, всего—8; въ сравненіи же съ постояннымъ штатомъ вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ имѣлось: ординарныхъ профессоровъ—3, экстраординарныхъ—8, до-центовъ—7, лекторъ—1, всего—19. По нѣкоторымъ изъ вакантныхъ каедръ чтеніе лекцій поручено преподавателямъ университета, имен-но: исторіи всеобщей литературы—ординарному профессору русской словесности Некрасову, государственнаго права — ординарному про-фессору исторіи русскаго права Леонтовичу, международнаго права—экстраординарному профессору полицейскаго права Шнилевскому, энци-клопедіи права — ординарному профессору финансоваго права Пат-лаевскому и церковнаго законовѣдѣнія — исправляющему должность профессора православнаго богословія Кудривцеву. Мѣры для замѣ-щенія вакантныхъ каедръ и вообще преподавательскихъ мѣстъ, какъ и прежде, состояли: въ объявленіи конкурсовъ, въ прямыхъ сноше-ніяхъ съ лицами, могущими занять ту или другую каедру, и въ приготовленіи способныхъ молодыхъ людей при университетѣ и за границей къ профессорскому званію.

Въ 1875 году факультеты Новороссійскаго университета имѣли засѣданій: историко-филологическій—23, физико-математическій—28, юридическій—19. Въ распредѣленіи преподаванія предметовъ прои-зошли слѣдующія измѣненія: на историко-филологическомъ факуль-тетѣ по каедрѣ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ измѣненъ порядокъ преподаванія въ томъ смыслѣ, что предметы чтеній по этой наукѣ раздѣлены на общіе и спеціальные курсы: первые — для сту-дентовъ I, вторые—для студентовъ III и IV курсовъ какъ классиче-скаго, такъ и историческаго отдѣленій. Означенные курсы обязатель-ны, а самый предметъ на классическомъ отдѣленіи будетъ считаться главнымъ, и на историческомъ — второстепеннымъ. На физико-мате-матическомъ факультетѣ технико-агрономическое отдѣленіе, по не-достатку денежныхъ средствъ и незначительному числу слушателей, закрыто, и лишь въ видѣ переходной мѣры продолжалось въ первой половинѣ года чтеніе лекцій студентамъ IV курса, дабы дать имъ возможность окончить курсъ по этому отдѣленію. Для усиленія учеб-ной дѣятельности студентовъ и для пріученія ихъ къ самостоятель-

ному труду факультетами принимались общія и частныя мѣры. Имѣя въ виду, что письменная работа, сдѣланная студентомъ по указанію преподавателя, можетъ успѣшнѣе познакомить съ методомъ науки и скорѣе дать понятіе о способахъ отношенія къ научному матеріалу, чѣмъ заучиваніе прочитанныхъ лекцій и устная передача фактовъ, заимствованныхъ изъ этихъ лекцій, — историко-филологическій факультетъ, замѣнивъ устные контрольныя испытанія для студентовъ-стипендіатовъ письменными, стремился постепенно возвысить требованія отъ письменныхъ работъ, и принята имъ мѣра контроля надъ занятіями студентовъ даетъ утѣшительные результаты. Многія студентскія работы свидѣтельствуютъ о добросовѣстномъ трудѣ и внимательномъ знакомствѣ какъ съ литературою, такъ и съ источниками предмета, — результатъ, какого трудно достигнуть при устныхъ контрольныхъ испытаніяхъ. Факультетъ пришелъ къ убѣжденію, что такимъ путемъ ему удастся достигнуть значительнаго подъема учебной дѣятельности студентовъ. Какъ частная мѣра, практикуемая отдѣльными преподавателями, заслуживаютъ упоминанія практическія занятія и спеціальныя лекціи: профессоръ Григоровичъ — велъ практическія занятія по славянскимъ нарѣчіямъ, профессоръ Юргевичъ — упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, профессора Григоровичъ и Некрасовъ и доцентъ Чепенскій — читали спеціальныя лекціи. Физико-математическій факультетъ, въ виду усиленія учебной дѣятельности студентовъ разряда естественныхъ наукъ, выработалъ проектъ спеціализаціи курсовъ этого разряда. Съ тою же цѣлю юридическій факультетъ задавалъ студентамъ письменныя домашнія работы. Кромѣ того, профессора Леонтовичъ, Цитовичъ и Шпилевскій, независимо отъ лекцій, вели практическія занятія со студентами: первый — знакомилъ студентовъ съ важнѣйшими памятниками древняго русскаго права, второй — съ казуистической стороною русскихъ гражданскихъ законовъ, и послѣдній продолжалъ занимать студентовъ разборомъ важнѣйшихъ источниковъ науки полицейскаго права.

На заданныя для соисканія наградъ темы студентами IV курса представлено 5 сочиненій: физико-математическаго факультета разряда математическихъ наукъ *Слетинскимъ* — „О развертываніи функций по синусамъ и косинусамъ дугъ кратныхъ переменной“, разряда наукъ естественныхъ *Шельтиною* — „О вліяніи теплоты на растенія“, юридическаго факультета: *Павловичемъ* — „Основныя начала русскаго желѣзнодорожнаго права“, *Черновымъ* — „Заключеніе договоровъ по

телеграфу" и *Пухальскимъ*—„Имѣетъ ли въ настоящее время практическое значеніе 2-я часть Коричей книги". Авторы этихъ сочиненій удостоены: первые два золотой медали, два слѣдующіе—серебряной, а послѣдніе—почетнаго отзыва.

Въ 1875 году преподаватели Новороссійскаго университета и другія служащія въ немъ лица напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: *Юревичъ* — напечаталъ въ IX томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей „Донесеніе о поѣздѣ въ Крымъ" и „О новѣйшихъ археологическихъ открытіяхъ въ Крыму" и приготовилъ для X тома „Объясненіе греческихъ надписей"; *Брунъ*—напечаталъ „Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и компасовымъ картамъ" и „Notice sur la Société Impériale Odessaise d'histoire"; *Шведовъ*—помѣстилъ въ журналъ Петербургскаго физическаго общества статью „Диффракція электрическихъ лучей"; *Мечниковъ* — помѣстилъ въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie статью „Embryologisches über Geophilus"; *Ковалевскій*—напечаталъ: „Ueber die Knospung der Ascidien" въ Archiv für mikroskopische Anatomie, „Ueber die Entwicklungsgeschichte der Pyrosoma" (тамъ же) и „Weitere Studien über die Entwicklung des Amphioxus, nebst einem Beitrag zur Homologie der Nervensystems der Würme und Wirbelthiere"; *Вальцъ*, вмѣстѣ съ садовникомъ ботаническаго сада Новороссійскаго университета г. Рудольфи, напечаталъ „Delectus seminum, quae hortus botanicus Universitatis Novae Rossiae mutuo commutando offert" и въ Запискахъ Новороссійскаго университета помѣстилъ статью „О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни"; *Леонтовичъ*—помѣстилъ во II томѣ Сборника государственныхъ знаній рецензію на сочиненіе Самокусова „Древніе города Россіи"; *Цитовичъ*—издалъ 2-й выпускъ лекцій по торговому праву; *Павловъ*—помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіями"; протоіерей *Войтковскій* — напечаталъ въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ „Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, сказанное въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ" и „Рѣчь при выпускѣ воспитанницъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ"; *Лининъ* — напечаталъ въ Nouvelles Annales de Mathématiques статью „Sur les systèmes de tiges articulées"; *Шмилевскій* — помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣ-

дѣнія"; *Волковъ*—помѣстилъ въ тѣхъ же Запискахъ статью „Къ вопросу объ ассимиляціи“; *Умоѡ*—написалъ статью „Allgemeine Sätze über die Vertheilung electriccher Strömungen auf krummen leitenden Flächen“, включенную профессоромъ Кирхгофомъ въ его статью „Ueber die stationären electricchen Strömungen in einer gekrümmten leitenden Fläche“, помѣщенную въ Monatsberichte der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin; доценты: *Успенскій*—помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи“; *Воеводскій*—помѣстилъ въ *Журн. Минист. Народн. Просв.* статью „Эпическое значеніе мифовъ“; *Петровъ*—помѣстилъ въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft статью „Erwiderung auf Vant-Hof's Bemerkung über meine Arbeit über die Molonsaure und Dioksimolonsäuren“; приватъ-доцентъ *Стиро*—помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета статью „О кожно-мышечныхъ рефlekсахъ“; астрономъ, наблюдатель *Блокъ*—написалъ „Hilfstafeln zur Berechnung des genauen Azimuts des Polaris“, изданное Петербургскою академіею наукъ; консерваторы: *Ращани*—помѣстилъ въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи статью „О явленіяхъ движенія въ растительномъ царствѣ и о такъ-называемыхъ плотоядныхъ растеніяхъ“; *Сталевичъ*—произвелъ вычисленія метеорологическихъ наблюденій въ 1875 году, предназначенныя къ напечатанію въ Лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ; прикомандированный къ Новороссійскому университету князь *Камтакузинъ* графъ *Сперанскій*—помѣстилъ въ Запискахъ университета статью „Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды“.—Публичныя лекціи въ 1875 г. читали: профессора: *Абашевъ*—объ условіяхъ плодородія и истощенія почвы, *Головчинскій*—о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты, *Вальцъ*—о болѣзняхъ культурныхъ растений и объ опыленіи растеній, *Мечниковъ*—по зоологіи, *Ярошенко*—по математикѣ, *Умоѡ*—по физикѣ, доцентъ *Бернштейнъ*—по анатоміи человѣка и лекторъ *Вишневскій-де-Турнефоръ*—изъ исторіи повѣйшей французской литературы.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ теченіе 1875 г. 23 засѣданія. Удостоено ученыхъ степеней и званій: а) доктора ботаники—магистръ *Волковъ*; б) кандидата—41, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—4, по физико-математическому—7, по юридическому—30; дѣйствительнаго студента—49, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—4, по физико-

математическому — 8, по юридическому — 37. Для приготовления къ профессорскому званію состояли стипендіатами при университетѣ кандидаты: *Долончевъ*—по уголовному праву, *Волинцевичъ*—по астрономіи и *Слетинскій*—по чистой математикѣ.

Командированы были за границу съ ученою цѣлію: ординарные профессора: Синцовъ — на 6 мѣсяцевъ, Мечниковъ — на 3 мѣсяца, экстраординарный профессоръ Умовъ—на 1 мѣсяць и доцентъ Кондаковъ—на 1 годъ и 5 мѣсяцевъ.

По финансовой смѣтѣ и дополнительнымъ, сверхштатнымъ кредитамъ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на содержаніе Новороссійскаго университета ассигновано было: на личный составъ—134.381 руб., на учебныя пособія и другіе хозяйственныя расходы—51.400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ—17.913 руб. 88 коп., на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ—2.500 р., на приготовленіе профессоровъ и на ученыя командировки—1.894 р. 63 коп., всего—208.089 руб. 51 коп. Изъ этой суммы израсходовано: на содержаніе личнаго состава—127.789 руб. 13 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы—57.991 руб. 87 коп., на стипендіи и пособія студентамъ—17.723 руб. 69 коп., на пособіе обществу естествоиспытателей—2.500 руб., на приготовленіе къ профессорскому званію и на ученыя командировки—1.894 руб. 63 коп., всего 207.899 руб. 32 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1876 года состояло остатка—190 руб. 19 коп., которые подлежатъ въ уплату за медикаменты для недостаточныхъ студентовъ. Спеціальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) сбора платы со студентовъ за слушаніе лекцій отъ 1874 года оставалось—957 р. 11 коп., въ теченіе 1875 года поступило—5.180 руб., израсходовано—5.281 руб. 27 коп., затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—855 руб. 84 коп.; б) сбора платы за матрикулы оставалось отъ 1874 года—7 руб. 82 коп., поступило въ 1875 году—528 руб., израсходовано—515 руб., къ 1-му января 1876 года состояло—20 р. 82 коп.; в) пожертвованныхъ капиталовъ отъ 1874 года оставалось наличными и въ процентныхъ бумагахъ—102.423 руб. 11 коп., въ 1875 году поступило—13.024 руб. 19 коп., израсходовано—4.848 р. 75 коп., къ 1-му января 1876 года состояло—110.598 руб. 55 коп., въ томъ числѣ наличными—5.198 руб. 55 коп., въ процентныхъ бумагахъ—105.400 руб. Изъ сбора за слушаніе лекцій произведены были слѣдующіе расходы: уплачено за напечатаніе „Записокъ университета“—682 руб. 20 коп., на выпускъ русскихъ и иностранныхъ

періодическихъ изданій — 1.034 руб. 26 коп., на добавочное жалованье одному ординарному профессору въ добавокъ къ содержанію изъ оклада экстраординарнаго профессора—1.000 руб., вознагражденія редактору университетскихъ Записокъ — 300 руб., жалованье сверхштатному лаборанту — 800 руб., пособій преподавателямъ университета по разнымъ случаямъ — 870 руб., вознагражденія одному приватъ-доценту—168 руб. 75 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо — 273; въ теченіе года вновь поступило — 175 (изъ гимназій — 50, изъ духовныхъ семинарій — 89, изъ другихъ университетовъ — 20, изъ Демидовскаго юридическаго лицея—10, изъ медико-хирургической академіи — 3, изъ технологическаго института — 2, изъ Пражской (въ Австріи) гимназіи—1); въ теченіе года выбыло—108, въ томъ числѣ: до окончанія курса — 29, по окончаніи курса — 79; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось — 340, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ — 77, на юридическомъ — 150, на физико-математическомъ — 113 (по разряду наукъ математическихъ — 28, по разряду наукъ естественныхъ—85). Постороннихъ слушателей было: къ началу 1875 года — 22, къ 1-му января 1876 года — 12. Изъ числа бывшихъ въ теченіе 1875 года 448 студентовъ освобождено было отъ платы — 232 (по прошеніямъ — 136 и стипендіатовъ университета—96), что составляетъ 51% общаго числа студентовъ. Стипендій назначено было въ 1875 году всего 124, въ размѣрѣ отъ 165 до 340 включительно, на сумму 26.422 руб. 95 коп., въ томъ числѣ: на 18.495 руб. — изъ суммъ государственнаго казначейства, на 3.448 руб. — изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ и 4.479 р. 55 коп. — изъ суммъ, высылаемыхъ въ университетъ разными учрежденіями. Пособія выданы 9 студентамъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 30 руб., всего 189 руб. 81 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ: книгъ русскихъ и иностранныхъ — 34.932 сочиненія 59.828 томовъ, періодическихъ изданій — 697 названій 13.047 томовъ, рукописей 112 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей — 592 листа, всего на сумму 149.180 руб. 94 коп. Въ студентской библіотекѣ: книгъ и періодическихъ изданій—3.774 названія 7.416 томовъ, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ—31 листъ, всего на 3.756 руб. 20 коп. Въ астро-

номической обсерваторіи: разныхъ инструментовъ, книгъ, журналовъ, моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 244 номера на 15.312 руб. 49 коп. Въ кабинетѣ практической механики: моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 217 номеровъ на 8.917 руб. 26 коп. Въ физическомъ кабинетѣ съ лабораторією: инструментовъ, приборовъ и химическихъ препаратовъ—511 номеровъ 632 экземпляра на 14.461 руб. 99 коп. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей — 1.430 номеровъ 1.489 экземпляровъ на 21.755 руб. 32 коп. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторією: минераловъ—8.227 экземпляровъ, геологическихъ и географическихъ картъ—10 номеровъ. Въ кабинетѣ физической географіи, книгъ, атласовъ, глобусовъ, картъ и инструментовъ — 91 номеръ 112 экземпляровъ на 2.901 руб. 96 коп. Въ метеорологической обсерваторіи: инструментовъ, снарядовъ, книгъ, атласовъ и моделей—46 номеровъ 60 экземпляровъ на 1.522 руб. 9 коп. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растений, инструментовъ, приборовъ, коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей, препаратовъ, книгъ и проч. — 49.594 номера на 4.580 руб. 19 коп. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений, кустарниковъ, травъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—1.946 номеровъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторією: книгъ и другихъ изданій—138 названій, чучелъ, препаратовъ въ спиртѣ, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—4.065 номеровъ, всего на 18.358 руб. 25 коп. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторією: скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ—380 номеровъ, книгъ и другихъ изданій—72 названія, инструментовъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей—284 номера, всего на 6.322 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ: приборовъ и лабораторной мебели—144 номера на 2.334 руб. 72 коп. Въ техническомъ кабинетѣ: разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды—274 номера 4.601 экземпляръ на 7.204 руб. 50 коп. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторією: книгъ и другихъ изданій— 26 названій, точныхъ измѣрительныхъ приборовъ, различныхъ инструментовъ, посуды, подвижной утвари и другихъ принадлежностей — 562 номера 1.404 экземпляра на 10.031 руб. 44 коп. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласовъ—170 названій, гипсовыхъ слѣпковъ: статуй, бюстовъ, барельефовъ, алтаря, обелисковъ и утвари—110 номеровъ, коллекція слѣпковъ съ работъ

изъ слоновой кости—1 номеръ 125 экземпляровъ, иконъ, картинъ и фотографій—433 номера, хромолитографій, литографій и гравюръ—90 листовъ, амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами—169 номеровъ, древнегреческихъ живописныхъ вазъ—10, оригинальныхъ скульптуръ—77 номеровъ, дактилютеки Липперта—2.000 номеровъ, мелкихъ древностей—31 номеръ, всего на 8.361 руб. 25 коп. Въ монетъ-кабинетѣ: монетъ—2.637 номеровъ, медалей—1.125 номеровъ, на 1.556 руб. 50 коп.

ВЕТЕРИНАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ.

а) Харьковский.

Изъ числа опредѣленныхъ по дѣйствующему положенію о ветеринарныхъ институтахъ 10-ти преподавательскихъ должностей, въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ въ 1875 году состояло такихъ 7. Исполненіе обязанностей по тремъ вакантнымъ должностямъ совѣтомъ поручено было наличнымъ преподавателямъ, именно: директору института, ординарному профессору Мельниченко—чтеніе одного изъ существенныхъ отдѣловъ оперативной хирургіи, ученіе о травматическомъ процессѣ мягкихъ и плотныхъ частей, а также ветеринарной медицины и родовспомогательной науки; ординарному профессору Полютѣ—чтеніе діететики, доценту Журавскому—частной патологіи и ученіе о повальныхъ болѣзняхъ, исполняющему обязанности доцента сельскаго хозяйства Павловичу—ученіе о заводахъ, исполняющему обязанности прозектора Ладину—анатомія лошади и другихъ домашнихъ животныхъ.

Совѣтъ Харьковскаго ветеринарнаго института въ теченіе 1875 года имѣлъ 16 засѣданій. Въ видахъ устраненія издавна ощущаемаго недостатка въ штатныхъ преподавателяхъ, совѣтъ постановилъ на будущее время ежегодно избирать одного изъ оканчивающихъ курсъ студентовъ для оставленія его при институтѣ въ качествѣ приватъ-доцента, и на первый разъ избранъ съ этою цѣлію окончившій курсъ съ званіемъ ветеринара стипендіатъ института *Ковалевскій*. Мѣрами для усиленія учебной дѣятельности и для поощренія студентовъ служили денежныя пособія и освобожденіе отъ платы. Совѣтомъ института удостоено: степени ветеринара—17, званія ветеринарнаго помощника—18 и ветеринарнаго фельдшера—9.

Преподаватели института издали и приготовили къ выпуску въ

свѣтъ слѣдующіе труды: директоръ, ординарный профессоръ *Мельничко*—составилъ для студентовъ III и IV курсовъ „Теоретическую зоохирургію“ и „Частную патологию и терапію“; ординарный профессоръ *Полота*—составилъ курсъ фармакологіи съ общемою терапіею и рецептурою; доцентъ *Журавскій*—составилъ и отлитографировалъ для студентовъ лекціи свои по ученію о поварныхъ болѣзняхъ, по патологической анатоміи и частной; доцентъ *Ганнотъ*—отлитографировалъ половину курса фармаціи.

Съ ученою цѣлію командированъ былъ ординарный профессоръ *Полота* въ Москву на всероссійскую выставку лошадей.

Къ 1-му января 1875 года учащихся въ институтѣ состояло—223, въ томъ числѣ: студентовъ—191, воспитанниковъ 2-го разряда—18 и фельдшерскихъ учениковъ—14; въ теченіе 1875 года вновь поступило: въ студенты—71 и въ фельдшерскіе ученики—6; выбыло: студентовъ—35, изъ нихъ по окончаніи курса—18 и не окончившихъ курса—17, воспитанниковъ 2-го разряда—18, фельдшерскихъ учениковъ—9; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось на лицо: студентовъ—227 и фельдшерскихъ учениковъ—11. Изъ числа студентовъ состояло: казенными стипендіатами—14, Кубанскаго казачьяго войска—1, земскихъ—2. Освобождено отъ платы—25 студентовъ, выдано пособіе—19-ти.

Денежныя средства Харьковскаго ветеринарнаго института въ 1875 году находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ: отъ 1874 года оставалось—6.468 руб. 54 коп., въ 1875 году ассигновано было—43.643 руб.; израсходовано: на содержаніе служащихъ—19.281 руб. 4 коп., на стипендіи и пособія студентамъ—3.603 руб. 1 коп., на содержаніе и ремонтъ помѣщеній—7.412 руб. 16 коп., на учебно-вспомогательныя учрежденія—4.954 руб. 41 коп., на разныя другіе расходы—3.853 руб. 75 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1876 года состояло остатка—11.007 руб. 17 коп.; б) сбора за слушаніе лекцій: оставалось отъ 1874 года—953 руб. 61 коп., въ 1875 году поступило—1.997 руб. 34 коп.; израсходовано: на жалованье служащимъ—1.463 руб., на разныя расходы—443 руб. 46 коп., остатка къ 1-му января 1876 года—1.044 руб. 49 коп.; в) партикулярныхъ суммъ: оставалось отъ 1874 года—1.017 руб. 16 коп., въ теченіе 1875 года поступило—1.143 руб. 52 коп., употреблено на стипендіи и пособія студентамъ—1.750 руб. 65 коп., въ остаткѣ къ 1-му января 1876 года—410 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго ветеринарнаго

института къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ — 2.734 названія 3982 тома на сумму 11.683 руб. 75 коп.; въ физическомъ кабинетѣ — 246 номеровъ на 4.420 руб.; въ химическомъ — 692 номера на 362 руб. 47 коп.; въ фармакогностическомъ — 267 номеровъ на 203 руб. 68 коп.; въ минералогическомъ — 1.666 номеровъ на 430 руб.; въ гербаріѣ и ботаническомъ саду — 6.000 номеровъ на 151 руб.; въ музеѣ анатомическаго театра — 3.813 номеровъ на 5.617 руб. 44 коп.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ — 210 номеровъ на 2.250 руб.; въ кузницѣ — 174 номера на 606 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ — 304 номера на 578 руб.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ — 186 номеровъ на 2.454 руб. 31 коп.; въ аптекѣ — 1.802 номера на 3.280 руб. 21 коп.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ — 148 номеровъ на 543 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ — 40 номеровъ на 105 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 343 номера на 1.988 руб. 40 коп.; въ клиникѣ — 72 номера на 316 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ — 2.796 номеровъ на 3.728 руб. 75 коп. Число пользованныхъ домашнихъ животныхъ въ клиникахъ института представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ постоянной клиникѣ оставалось отъ 1874 года — 24, въ теченіе 1875 года поступило — 257, всего находилось — 281; изъ этого числа выздоровѣло — 200, получило облегченіе — 38, признано неизлечимымъ — 1, пало 34, убито — 1, къ 1-му января 1876 года оставалось — 7; б) въ клиникѣ амбулаторной пользовалось — 193; в) въ поликлиникѣ — 20.

б) Дерптскій.

Къ 1-му января 1876 года штатныхъ преподавателей въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ было — 8, такъ что одна должность оставалась вакантною.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1875 году 29 засѣданій. Утверждено въ ветеринарныхъ степеняхъ и званіяхъ: магистра ветеринарныхъ наукъ — 2, ветеринарнаго врача — 6. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ заключались въ назначеніи лучшимъ изъ нихъ стипендій изъ штатной, на этотъ предметъ назначенной, суммы. За представленное на заданную въ 1875 году тему сочиненіе, удостоенъ серебряною медалью казенный стипендіатъ *Таль*. На соисканіе

награды медалью въ 1876 году, предложена задача: „Ueber die Entwicklung der Spermatozoen“.

Преподаватели Дерптскаго ветеринарнаго института и другія служащіе при ономъ лица, издали въ свѣтъ слѣдующія сочиненія и статьи: профессоръ *Иессенъ* — „Отчетъ объ опытахъ чумопрививанія рогатому скоту, произведенныхъ въ Полтавской губерніи въ 1874 году“ (Архивъ ветеринарныхъ наукъ), „Besuch der Kaiserlich—Russischen Reichsgestüte. Mit Zusätzen, Erläuterungen und Berichtigungen von S-r hohen Excellenz dem Herrn Mitgliede des Reichsraths, General-Adjutanten und Ritter M. v. Grünewaldt“, „Beitrag zur Geschichte der Kinderpest“ (Baltische Wochenschrift); профессоръ и директоръ *Ф. Унтербергеръ* — „Grossrussische Pferdeausstellung im Moskau im Jahre 1875. Vorläufige Notiz“ (Baltische Wochenschrift), „Vorschläge zu einem Währschaftsgesetz für den Pferdehandel in Russland“, „Предложеніе относительно закона объ очисткѣ при торговлѣ лошадыми въ Россіи“ (Архивъ ветеринарныхъ наукъ), „По вопросу о пользѣ и вредѣ прививанія чумы рогатаго скота“ (тамъ же); доцентъ *Земмеръ* — „Ueber die pathologische Anatomie der Kinderpest“, „Ueber die Staupe der Hunde“ (Böllinger und Franck deutsche Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie), „Ein Beitrag zur Tuberkelfrage“ (тамъ же), „Ueber die Ursache der Furunkel“ (тамъ же); исправляющій должность доцента *Бруннеръ* — „Actiengesellschaft oder Gegenseitigkeit im Versicherungswesen“ (Baltische Wochenschrift), „Untersuchungen über russische Schwarzerden“ (тамъ же), „Studien über den Aufrahmungsprocess“ (тамъ же), „Thierschau zu Dorpat“ (тамъ же), „Berichte über vergleichende Culturen mit nordischen Getreide“ (тамъ же), „Gewerbeausstellung zu Dorpat für 1876 in Aussicht genommen“ (тамъ же), „Verwendbarkeit des Wasserglases in der Bautechnik“ (тамъ же); клиническій ассистентъ *Гутманъ* — „Notizen über die in dem Dorpater und Fellinschen Kreise im Jahre 1874 herrschende Wuthkrankheit“ (Archiv für wissenschaftliche und practische Thierheilkunde и на русскомъ языкѣ въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ); магистры *Шимминъ* и *Раунахъ* — двѣ диссертациі: „Zur Frage über die Ansteckungsfähigkeit des Rotzblutes“ и „Die Resultate der letzten Rinderpestimpfungen in dem Impfinstitute Karlska“.

Командированы были съ ученою цѣлью: профессоръ *Ф. Унтербергеръ* — за-границу, а профессоръ *И. Унтербергеръ* съ двумя студен-

тами 3-го курса, Нейманомъ и Гольманомъ,—въ Москву, на конскую выставку.

Число учащихся въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1875 года состояло: студентовъ — 26, фельдшерскихъ учениковъ—5; въ теченіе 1875 года поступило: студентовъ—17 (изъ другаго ветеринарнаго института—1, изъ гимназій—8, изъ реального училища—1, изъ учительскихъ семинарій—2, изъ уѣздныхъ училищъ—5), посторонній слушатель—1 (изъ реального училища), фельдшерскихъ учениковъ—4 (изъ уѣздныхъ училищъ—3, изъ духовнаго училища—1); въ 1875 году выбыло—8, въ томъ числѣ: до окончанія курса—2 (1 студентъ и 1 фельдшерскій ученикъ), по окончаніи курса—6 (студентовъ); затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—45, а именно: студентовъ—36, посторонній слушатель—1, фельдшерскихъ учениковъ—8. Изъ бывшихъ въ 1875 году 43 студентовъ освобождено отъ платы—19, что составляетъ 44% общаго числа студентовъ. Слушавшихъ за половинную плату студентовъ не было. Изъ положенной по штату института суммы, производилось 17 стипендій, по 150 руб. каждая, всего на сумму 3.000 руб.; сверхъ того, по постановленію совѣта, 11-ти изъ этихъ стипендіатовъ выдано добавочныхъ по 84 руб. каждому.

Денежныя средства Дерптскаго ветеринарнаго института въ 1875 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатныхъ суммъ осталось отъ 1874 года—1.565 руб., въ 1875 году ассигновано по финансовой смѣтѣ—36.791 руб., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава—23.091 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія—9.200 руб., на стипендіи студентамъ—3.000 руб., на преподавателей вспомогательныхъ предметовъ—1.500 руб.; въ 1875 году израсходовано—35.625 руб. 5 коп., затѣмъ къ 1-му января 1876 года состояло въ остаткѣ—2.730 руб. 92 коп.; б) специальныхъ средствъ, въ томъ числѣ (сборъ за слушаніе лекцій, доходъ отъ клиники и аптеки и пожертвованія): оставалось отъ 1874 года—8.416 руб. 54 к., въ 1875 году поступило—1.789 руб. 18 коп., израсходовано—2.207 руб. 17 коп., къ 1-му января 1876 года состояло—8.704 р. 55 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ: книгъ, періодическихъ журналовъ, плановъ, гравюръ и чертежей—4.628 названій 9.182 тома на сумму 25,549 р. 61 коп.; въ физическомъ кабинетѣ—502 нумера на 6.082 руб. 44 коп.; въ химическомъ—220 нумеровъ на 1.292 руб. 48 коп.; въ

фармакогностическомъ—686 номеровъ на 259 руб. 57 коп.; въ минералогическомъ—3.079 номеровъ на 1.272 руб.; въ зоологическомъ собраніи—430 номеровъ на 67 руб.; въ музеѣ анатомическаго театра—2.813 номеровъ на 8.771 руб. 49 коп.; въ кабинетѣ чертежей и рисунковъ—186 номеровъ на 179 руб. 32 коп.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ—94 номера на 387 руб. 83 коп.; въ кузницѣ—82 номера на 560 руб. 98 коп.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ—19 номеровъ на 645 руб. 53 коп.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ—50 номеровъ на 601 руб. 47 коп.; въ аптекѣ; медикаментовъ—281 номеръ на 347 руб. 35 коп., посуды—на 40 руб. 70 коп.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и копытъ—375 номеровъ на 304 руб. 97 коп.; въ собраніи зубныхъ пренаратовъ—142 номера на 78 руб. 90 коп.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ—236 номеровъ на 962 руб. 77 коп.; въ клиникѣ—330 номеровъ на 2.611 руб. 68 коп. Больныхъ животныхъ къ 1-му января 1875 года оставалось—19, въ теченіе года поступило—3.101; изъ нихъ выздоровѣло—2.836, пало 76, убито—48; къ 1-му января 1876 года состояло—22; труповъ вскрыто—169; операций произведено: менѣе важныхъ—310, болѣе значительныхъ—105.

в) Казанскій.

Казанскій ветеринарный институтъ, существующій съ начала 1874 года, имѣлъ въ 1875 году два курса студентовъ и два класса учениковъ состоящей при институтѣ фельдшерской школы, и потому изъ числа положенныхъ по уставу предметовъ преподавались: для студентовъ 1-го курса—зоотомія, гистологія, фармакогнозія и русскій языкъ; для студентовъ 2-го курса—практическая зоотомія, практическая гистологія, физиологія, фармакогнозія, фармація, экстерьеръ, теорія конки лошадей и русскій языкъ. Сверхъ того студенты слушали въ мѣстномъ университетѣ: богословіе, ботанику, минералогію, зоологію съ сравнительною анатоміею, физику, химию и нѣмецкій языкъ.

Штатныхъ преподавателей состояло въ 1875 году: въ ветеринарномъ институтѣ: ординарныхъ профессоровъ—2, экстраординарныхъ—1, доцентъ—1, ученый кузнецъ—1; въ ветеринарно-фельдшерской школѣ) сверхъ состоявшихъ при институтѣ помощника прозектора, ученаго кузнеца, ассистента клиники и лаборанта фармаціи), законоучитель—1, учитель русскаго языка—1. Сверхштатныхъ

учителей въ институтѣ было 2: одинъ для преподаванія физиологій, а другой—русскаго языка съ теоріей и исторіей русскою словесности. Общее число вакансій преподавателей, со включеніемъ и ассистента клиники, обязаннаго преподавать въ фельдшерской школѣ, къ концу 1875 года было 6.

Совѣтъ Казанскаго ветеринарнаго училища имѣлъ въ теченіе 1875 года 54 засѣданія. Для поощренія студентовъ въ научныхъ занятіяхъ, нѣкоторымъ изъ студентовъ II курса, оказавшимъ при отличномъ поведеніи такіе же успѣхи въ наукахъ, выданы были единовременныя пособія, тѣ же изъ недостаточныхъ студентовъ, которые, при одобрительномъ поведеніи, подвергаясь въ установленные сроки испытаніямъ, оказали хорошіе успѣхи, освобождались отъ взноса платы за слушаніе лекцій. Контроль надъ исправнымъ исполненіемъ студентами лежащихъ на нихъ учебныхъ обязанностей порученъ былъ инспектору института, согласно утвержденной начальствомъ Казанскаго учебнаго округа инструкціи. Практическія занятія студентовъ заключались въ слѣдующее: по зоотоміи, подъ руководствомъ профессора Сопржединскаго и помощника прозектора Гришина, студенты обоихъ курсовъ занимались препарированіемъ различныхъ частей животнаго тѣла. Матеріаломъ для такихъ занятій служили, кромѣ животныхъ, павшихъ въ городѣ, животныя, приобрѣтенныя покупкою, всего на 105 рублей 72 коп. Изъ этого матеріала названными двумя лицами и нѣкоторыми изъ студентовъ II курса изготовлены были 109 препаратовъ, стоимостію на 800 руб. По гистологій, подъ руководствомъ профессора Лапге, студенты II курса занимались три раза въ недѣлю микроскопическими работами; двое изъ этихъ студентовъ занимались въ гистологической лабораторіи и внѣ назначенныхъ росписаніемъ часовъ; одинъ же изъ нихъ съ особеннымъ усердіемъ работалъ надъ изслѣдованіемъ строенія роговаго башмака копытъ домашнихъ животныхъ. По физиологій, кромѣ посѣщенія всѣми студентами II курса экспериментальнаго курса по два раза въ недѣлю, двое изъ нихъ занимались и въ физиологической лабораторіи, въ свободные отъ лекцій часы, подъ руководствомъ профессора Ковалевскаго, повтореніемъ важнѣйшихъ опытовъ, показанныхъ въ теченіе курса. По изготовленію подковъ и соотвѣстственному подготовленію копытъ къ ковкѣ упражнялись, подъ руководствомъ ученаго кузнеца Кальнинга: фельдшерскіе ученики 1-го класса—въ выдѣлкѣ подковъ изъ свинца, который, какъ мягкій матеріалъ, признанъ болѣе соотвѣстственнымъ для приобрѣтенія навыка въ работѣ, а фельдшер-

скіе ученики 2-го класса — въ выдѣлкѣ подковъ изъ желѣза и разчисткою мертвыхъ копытъ.

Изъ числа преподавателей Казанскаго ветеринарнаго института занимались учеными трудами двое: профессоръ *Кавилевскій* участвовалъ совмѣстно съ нѣкоторыми другими русскими фізіологами, въ переводѣ на русскій языкъ „Физиологіи“ Брюкке, и ученый кузнецъ *Калыгинъ* — напечаталъ въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ статью „Ветеринарныя извѣстія изъ Алтая и Монголіи“.

Для приготовленія къ профессорскому званію по зоофизиологіи и сроднымъ съ нею наукамъ находился за границею докторъ медицины *Навасинъ*. Командированъ былъ за границу съ ученою цѣлію экстраординарный профессоръ *Ламс*.

Къ 1-му января 1875 года въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ студентовъ состояло—85, въ теченіе года вновь поступило—69 (изъ гимназій—29, изъ духовныхъ семинарій—37, изъ другихъ заведеній — 3), вышло въ теченіе года — 43; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось — 111; въ ветеринарно-фельдшерской школѣ учениковъ состояло къ 1-му января 1875 года — 9, въ 1875 году поступило—9 (всѣ домашняго воспитанія), вышло—3, къ 1-му января 1876 года оставалось 15. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1875 году 154 студентовъ освобождено было отъ платы—31, что составляетъ 20% общаго числа. Слушавшихъ за половинную плату не было. Изъ студентовъ института пользовались стипендіями: 5—на средства государственнаго казначейства на сумму 1.000 руб. и 5 — на средства земствъ на сумму 1.190 руб. Фельдшерскихъ учениковъ содержалось земствами 5 человекъ на сумму 932 руб.

Денежныя средства Казанскаго ветеринарнаго института за 1875 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) штатныхъ суммъ оставалось отъ 1874 года — 8.510 руб., ассигновано на 1875 годъ — 40.291 руб. (на личный составъ—23.091 руб., на содержаніе, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы — 2.450 руб., на бібліотеку и кабинеты—2.300 руб., на вознагражденіе бібліотекарей изъ преподавателей — 150 руб., на клинику съ ветеринарной аптекой — 1.400 руб., на содержаніе служителей—1.600 руб. на кузницу — 100 руб., на канцелярскіе припасы — 150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института—400 руб., на изготовленіе моделей—100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлію — 550 руб., на стипендіи — 3.000 руб., на наемъ помѣщенія для института — 5.000 руб.); израсходовано — 41.578 руб. 21 коп., оставалось къ 1-му января 1876 года—7.225 руб.

45 коп.; б) спеціальныхъ средствъ (сбора за слушаніе лекцій): оставалось отъ 1874 года—660 руб., въ 1875 году поступило—3.040 руб., израсходовано—1.423 руб. 62 коп., къ 1-му января 1876 года состояло на лицо—2.276 руб. 38 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго ветеринарнаго института находилось къ 1-му января 1876 года въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ книгъ русскихъ и иностранныхъ—740 сочиненій 1.135 томовъ на сумму 2.530 руб. 71 коп., періодическихъ изданій—41 названіе 126 томовъ на 380 руб. 59 коп. книгъ, портретовъ, рисунковъ и чертежей—95 названій на 126 руб. 31 коп.; въ офтальмологическомъ—22 номера 162 экземпляра на 513 руб. 60 коп.; въ музеѣ анатомическаго театра—115 номеровъ 343 экземпляра на 1.075 руб. 95 коп.; въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ—41 номеръ 127 экземпляровъ на 663 руб.; въ кузницѣ—51 номеръ 185 экземпляровъ на 496 руб. 65 коп.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ—31 номеръ на 572 руб. 92 коп.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ—216 номеровъ 603 экземпляра на 3.433 руб. 77 коп.; въ аптекѣ—87 номеровъ 909 экземпляровъ на 2.625 руб. 16 коп.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ—81 номеръ 98 экземпляровъ на 314 руб. 88 коп.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—3 номера 22 экземпляра на 63 руб. 6 коп.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ—172 номера 311 экземпляровъ на 684 руб. 68 коп.; въ клиникѣ—159 номеровъ 420 экземпляровъ на 1.561 руб. 77 коп.; въ зоотомическомъ кабинетѣ—190 номеровъ 426 экземпляровъ на 1.629 руб. 54 коп.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Изъ отчета инспектора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи по осмотру имъ сельскихъ школъ въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ означенной губерніи извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Всѣхъ школъ осмотрѣно было 26, въ томъ числѣ городскихъ приходскихъ 2, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія 2 и одноклассныхъ того же министерства 1, земскихъ 17, церковноприходскихъ 3 и одна частная для дѣтей обоого пола. Приводимъ здѣсь цифры, показывающія отношеніе учащихся въ осматрѣнныхъ школахъ къ народонаселенію тѣхъ мѣстностей, гдѣ эти школы нахо-

дятся: въ Вытегорскомъ уѣздѣ приходилось 11 школъ съ 324 учащимися (243 м. и 81 ж. пола) на 15.250 жителей, въ Пудожскомъ 9 школъ съ 157 учащимися (133 м. 24 ж. п.) на 4.710, а въ Каргопольскомъ уѣздѣ 6 школъ съ 177 учащимися (134 м. 43 ж. п.) на 8.028 жителей.

Въ школахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было всего 23 законоучителя; въ двухъ законѣ Божіи преподавался наставниками изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, а въ одной не преподавался вовсе по болѣзни наставника. Жалованье законоучителямъ въ земскихъ школахъ Вытегорскаго и Пудожскаго уѣздовъ производилось по 50, а въ школахъ Каргопольскаго уѣзда по 30 р. Что касается учителей земскихъ школъ, то въ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ получаютъ они по 300, а въ Пудожскомъ уѣздѣ по 240 р.; учительницамъ земскихъ женскихъ школъ Вытегорскаго уѣзда назначено по 120 р. въ годъ; учителя и учительницы школъ церковно-приходскихъ получаютъ—по мѣрѣ возможности—незначительное вознагражденіе изъ церковныхъ суммъ или изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Вообще нужно замѣтить, что мѣстные училищныя совѣты всячески заботятся, сообразуясь съ своими средствами, о поддержаніи этихъ училищъ.

Обстановку пяти изъ осматрѣнныхъ училищъ слѣдуетъ считать вполне удовлетворительною во всѣхъ отношеніяхъ; что касается до остальныхъ, то изъ нихъ 4 недостаточно снабжены учебными пособиями, а въ 4 почти вовсе не существуетъ библіотекъ. Ремесламъ обучаютъ въ 1 школѣ, пѣнію въ 10, гимнастикѣ въ двухъ.

Учебная часть идетъ лучше всего въ двухклассныхъ и одноклассныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія. Особенно слѣдуетъ это замѣтить о Кондушской школѣ: здѣсь учащіеся втораго класса довольно основательно знаютъ священную исторію ветхаго и новаго заветъ, катехизисъ, ознакомлены съ церковными обрядами и службою; читаютъ они бѣгло и отчетливо; толково дѣлаютъ граматическій и синтаксическій разборъ, могутъ излагать письменно содержаніе прочитанныхъ ими отрывковъ; кромѣ того заучили наизусть достаточное число стихотвореній; изъ арифметики могутъ рѣшать задачи на простыя и дробныя числа, правила тройное, товарищества, смѣшенія и процентовъ. Воспитанниковъ пріучаютъ чертить съ оригиналовъ, а также чертить географическія карты съ измѣреніемъ ихъ площадей. Столь же осмысленно идутъ занятія и въ первомъ классѣ Кондушской школы. Въ истек-

шемъ году 9 учениковъ этой школы, по окончаніи ими курса, были удостоены свидѣтельства съ правами на льготу по воинской повинности. Помѣщеніе просторно, чисто и свѣтло. Въ Девятинскомъ одноклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія явились на экзамены, происходившіе въ присутствіи г. инспектора, изъ старшаго отдѣленія 22, изъ средняго 17 и изъ младшаго 17 же учениковъ; признаны были достойными получить установленное свидѣтельство объ окончаніи курса 11. Занятія въ этой школѣ, благодаря опытнымъ и усерднымъ преподавателямъ, идутъ успѣшно. По закону Божію ученики успѣли пройти болѣе того, что требуется программой одноклассныхъ училищъ, а именно всю исторію ветхаго и новаго завѣта, краткое объясненіе символа вѣры, молитву Господню и заповѣди; кромѣ того объяснены имъ таинства и порядки божественной литургіи. По русскому языку они довольно осмысленно разбираютъ составъ предложеній, ознакомлены съ видоизмѣненіями частей рѣчи, пишутъ правильно, хотя и не всѣ; по ариметикѣ рѣшаютъ задачи на цѣлыя, а отчасти и дробныя числа и приучены пользоваться счетами; исторія и географія не входятъ въ программу одноклассныхъ школъ, но, не смотря на то, учитель изложилъ ученикамъ главнѣйшія событія изъ отечественной исторіи, а также краткое географическое обозрѣніе Россійской имперіи и болѣе подробное губерніи Олонецкой. Поютъ дѣти стройно и каждый праздникъ являются съ учителемъ на клиросѣ. Гимнастическіе приборы устроилъ на свой счетъ почетный блюститель Пименовъ; занятія портняжнымъ ремесломъ не прекращаются, по желанію родителей и учениковъ, даже лѣтомъ.

Архангельское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія нѣсколько уступаетъ, относительно успѣховъ, двумъ поименованнымъ выше, что объясняется главнымъ образомъ неаккуратнымъ посѣщеніемъ дѣтьми классовъ: вліяютъ тутъ различныя причины—равнодушіе родителей, а еще гораздо болѣе расколъ. Тѣ мальчики, которые не уклоняются отъ занятій, достигли весьма удовлетворительныхъ успѣховъ. Учебныхъ пособій исполнѣ достаточно. При школѣ, для обученія кузнечному ремеслу, построена кузница со всѣми необходимыми къ ней принадлежностями.

Въ сельскихъ школахъ, принадлежащихъ земству, ученіе идетъ по большей части хорошо: объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ между прочимъ тотъ фактъ, что изъ явившихся въ прошломъ году на окончательныя испытанія 158 учениковъ 125 получили установленныя свидѣ-

тельства. Къ числу лучшихъ изъ означенныхъ школъ принадлежатъ: Тихманская, Устьвельская, Каневская, Коледозерская, Пигижемская, Кулгальская и Пудожская женская. Учебными пособиями сельскія земскія школы снабжены въ достаточномъ количествѣ, а въ послѣднее время земствомъ сдѣланъ еще значительный запасъ ихъ; кромѣ того многимъ изъ нихъ розданы книги, присланныя Комитетомъ грамотности. Недостатокъ ощущается только въ предметахъ для нагляднаго обученія.

Изъ числа осматрѣнныхъ училищъ 5 имѣютъ собственные дома, 4 помѣщаются въ домахъ, отведенныхъ имъ обществами, 13 въ наемныхъ квартирахъ, а 4 въ квартирахъ, которыя имъ уступлены бесплатно. Строго говоря, помѣщенія эти—за исключеніемъ принадлежащихъ двухкласснымъ и однокласснымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія—нельзя считать удовлетворительными, ибо они не приспособлены для потребностей школы. Въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ они лучше чѣмъ въ Вытегорскомъ по той причинѣ, что наемную плату приняло на себя земство,—въ Вытегорскомъ же присканіе квартиръ лежитъ на обязанности крестьянскихъ обществъ, которыя заботятся прежде всего о соблюденіи своихъ выгодъ.

Въ заключеніе упомянемъ о средствахъ содержанія осматрѣнныхъ училищъ. Училищамъ министерства народнаго просвѣщенія (Кондушскому, Девятинскому и Архангельскому) отпущено было въ истекшемъ году 8.130 р., въ томъ числѣ 2.021 р. изъ казны; на остальные 23 школы было израсходовано 7.020 р., а именно изъ казны 439 р., отъ земства 5.183 р., отъ сельскихъ обществъ 828 р., отъ частныхъ пожертвованій 450 р. и отъ церковныхъ попечительствъ 120 р. Средняя стоимость каждой изъ означенныхъ школъ простиралась до 331 р.

Лишь недавно получили мы довольно подробный отчетъ о состояніи народныхъ училищъ Полтавской губерніи въ 1875 году (изданный по распоряженію мѣстнаго училищнаго совѣта), изъ котораго заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Всѣхъ народныхъ школъ въ Полтавской губерніи находилось 547, въ томъ числѣ двухклассныхъ и одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія — 12, въ городахъ — 55, въ мѣстечкахъ и селахъ—478, сельскихъ воскресныхъ—2. Изъ означеннаго числа школъ

было: мужскихъ — 129, женскихъ — 15, остальные для дѣтей обоего пола.

Преподавателей было: въ двухклассныхъ и одноклассныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ — 35, а именно: законоучителей — 13, учителей — 20 и учительницъ — 2. Въ остальныхъ народныхъ школахъ — 971, въ томъ числѣ законоучителей — 468, учителей — 436 и учительницъ — 67.

Число всѣхъ учащихся простиралось до 22.269, изъ коихъ 20.806 мальчиковъ и 1.463 дѣвочки.

Всего на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи было израсходовано 115.412 руб. 84 коп. Сумма эта была получена изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ государственнаго казначейства — 4.528 руб., отъ городскихъ обществъ — 10.351 руб. 67 коп., отъ земства — 60.811 руб. 67 коп., отъ сельскихъ обществъ — 29.962 р. 17 коп., отъ церковныхъ попечительствъ — 957 руб. 40 коп., отъ частныхъ лицъ — 7.266 руб. 42 коп., отъ платы за ученіе — 1.535 руб. 50 коп.

Учебная часть въ означенныхъ училищахъ находилась вообще въ удовлетворительномъ состояніи. Не мало уже такихъ школъ, которыя, можно сказать, вполне соответствуютъ своему назначенію, въ которыхъ дѣтямъ низшаго городского и сельскаго населенія дается полная возможность пріобрѣтать полезныя для жизни первоначальныя знанія и утверждать религіозныя и нравственныя правильныя понятія, — школы, въ которыхъ учащіеся, и особенно оканчивающіе курсъ, свободно, бѣгло и осмысленно читаютъ порусски и пославянски, последовательно и связно могутъ передать прочитанное, знаютъ главныя событія священной исторіи ветхаго и новаго заветъа, свободно рѣшаютъ задачи, даже довольно сложныя, на первыя четыре дѣйствія съ отвлеченными и именованными числами; въ нѣкоторыхъ училищахъ имѣютъ они понятіе и о дробяхъ, въ состояніи письменно изложить прочитанную ими статью и составить собственную письменную работу въ формѣ, напримѣръ, письма, описанія или разказа.

Что же касается такъ называемыхъ образцовыхъ или министерскихъ училищъ, двухклассныхъ и одноклассныхъ, то въ нихъ выборъ учителей былъ вообще удаченъ, учебная часть находилась и находится въ отличномъ состояніи.

Говоря о состояніи учебной и воспитательной части въ началь-

ныхъ народныхъ училищахъ Полтавской губерніи, нельзя не замѣтить, что состояніе это оказывается наиболѣе удовлетворительнымъ въ тѣхъ именно училищахъ, которыя лучше другихъ обеспечены въ матеріальномъ отношеніи и потому имѣютъ возможность удерживать у себя болѣе подготовленныхъ и опытныхъ преподавателей, по достоинству оплачивая труды послѣднихъ. Въ числѣ такихъ училищъ на первомъ мѣстѣ стоятъ двухклассныя и одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія, а затѣмъ достаточное количество изъ содержимыхъ земствами, обществами и частными лицами, школъ.

Если дѣлать оцѣнку достоинствъ и заслугъ учителей начальныхъ народныхъ училищъ, то преимущество въ этомъ отношеніи едва ли не придется отдать лицамъ, окончившимъ курсъ въ гражданскихъ уѣздныхъ училищахъ, по той причинѣ, что почти всѣ они избираютъ учительскія должности совершенно сознательно и съ полною рѣшимостію посвятить себя надолго, или даже навсегда, учительскому званію, и, не имѣя въ виду перехода къ чему-нибудь другому, болѣе обеспечивающему ихъ, ведутъ дѣло добросовѣстно и аккуратно. Что касается окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, никто не усумнится, что и по познаніямъ и по развитію, и потому, что они специально изучали въ семинаріи педагогику и дидактику, занимаясь при томъ практикой обученія въ воскресной школѣ, они вполне могутъ быть полезными дѣателями по части народнаго образованія; но извѣстно, что учительская служба составляетъ для нихъ не конечную цѣль, а только средство къ достиженію другой цѣли, и потому большинство изъ нихъ, къ сожалѣнію, смотритъ на учительство какъ на временное только переходное состояніе; бываютъ исключенія, но они относятся лишь къ немногимъ избраннымъ молодымъ людямъ изъ этой категоріи.

Полтавское шестиклассное женское епархіальное училище также доставляетъ теперь не мало хорошо подготовленныхъ, развитыхъ и вполне достойныхъ учительницъ для начальныхъ народныхъ какъ женскихъ, такъ и мужскихъ школъ. Изъ не окончившихъ курса въ гимназіяхъ хотя и очень немного учителей, но почти всѣ они вполне удовлетворяютъ своему назначенію и хорошо выполняютъ принятыя ими на себя учительскія обязанности. Затѣмъ слѣдуютъ обучавшіеся въ духовныхъ училищахъ, преимущественно причетники, разныхъ наименованій, и лица домашняго воспитанія. Это болѣею частію, добровольные а, въ нѣкоторыхъ училищахъ, за немѣнѣемъ лучшихъ, и обязательные труженики. И они приносятъ не малую долю пользы

народному образованію; на сколько могутъ, многихъ и весьма многихъ знакомятъ съ первоначальною грамотностію, учать читать, писать, считать.... Услуга этихъ лицъ важна въ томъ отношеніи, что они, большею частію, съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго, открываютъ церковно-приходскія школы и такимъ образомъ въ своихъ мѣстностяхъ полагаютъ начало дѣлу народнаго образованія.

Къ большему совершенствованію учебной и воспитательной части много способствуютъ такъ называемые краткосрочные педагогическіе курсы для начальныхъ учителей. Въ отчетномъ году ведена была переписка объ открытіи такихъ курсовъ въ четырехъ городахъ губерніи: Кобелякахъ, Ромпахъ, Миргородѣ и Лубнахъ; но, вслѣдствіе неспоспешнаго вступленія съ ходатайствами, состоялись курсы только въ двухъ первыхъ городахъ, Кобелякахъ и Ромпахъ. Такъ какъ открытіе учительской семинаріи въ Полтавской губерніи, о которомъ долго и настойчиво шла рѣчь, въ сессію губернскаго земскаго собранія 1875 года отложено на неопредѣленное время, то ежегодные педагогическіе курсы для начальныхъ учителей представлялись единственнымъ средствомъ къ практической разработкѣ педагогическихъ взглядовъ и вопросовъ, къ усовершенствованію какъ самихъ учителей въ пріемахъ и методахъ преподаванія, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и учебной и воспитательной части въ училищахъ.

Въ 1875 году на педагогическихъ курсахъ присутствовало въ г. *Кобелякахъ* 43 учителя и 2 учительницы, въ томъ числѣ Кременчугскаго уѣзда 17 учителей и 1 учительница, Кобелякскаго 19 учителей и 1 учительница, и Константиноградскаго 7 учителей; въ г. *Ромпахъ* 43 учителя и 3 учительницы, изъ нихъ Прилукскаго уѣзда 11 учителей, Гадячскаго уѣзда 14 учителей, и Ромненскаго уѣзда 18 учителей и 3 учительницы. Всего же на педагогическихъ курсахъ въ 1875 году присутствовало 86 учителей и 5 учительницъ, получившихъ на проѣздъ и содержаніе пособіе отъ земства; кромѣ того, 3 учителя Полтавскаго уѣзда пріѣзжали въ г. Кобеляки на педагогическіе курсы на собственные средства.

Въ удовлетворительномъ состояніи находились бібліотеки сельскихъ двухклассныхъ и частію одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Изъ нихъ болѣе другихъ снабжены книгами и учебными пособіями двухклассныя образцовыя училища: Петровское, Рашевское, Бѣлоцерковское, Смѣлянское и Решеталовское; за ними слѣдуютъ одноклассныя министерскія училища: Чернухское, Студе-

ниское, Груньское и Ковалевское. Кромѣ 75 руб., употребляемыхъ ежегодно на увеличеніе бібліотекъ и учебныхъ пособій каждаго изъ двухклассныхъ образцовыхъ училищъ, министерство присылаетъ еще каждый годъ достаточное количество книгъ, какъ въ руководство учащимъ, такъ и для учащихся. Въ отчетномъ году оно отпустило на устройство книжныхъ складовъ при своихъ училищахъ, для продажи книгъ достаточнымъ ученикамъ и для безмездной раздачи бѣднѣйшимъ, одновременно 3.600 руб., по 300 руб. на каждую изъ 12-ти школъ. Изъ отчетовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и составленныхъ по нимъ статистическихъ таблицъ можно видѣть, что важнѣйшія приобрѣтенія книгъ и учебныхъ пособій, какъ для фундаментальныхъ, такъ и для ученическихъ бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ сдѣланы были по уѣздамъ: Прилуцкому, Полтавскому, Роменскому, Лубенскому, Кременчугскому, Переяславскому и Хорольскому. Приобрѣтались книги и учебныя пособія большею частію на земскія суммы (уѣзды Прилуцкій, Миргородскій, Лубенскій и Зѣньковский), а частію и на общественныя (уѣзды Полтавскій и Гадячскій).

Для снабженія училищъ необходимыми учебниками, въ уѣздахъ Золотоношскомъ и Пирятинскомъ имѣются при мѣстныхъ земскихъ управахъ склады книгъ, изъ которыхъ, по заявленіямъ преподавателей, выдаются необходимыя книги въ училища, а въ Константиноградскомъ уѣздѣ заведенъ на счетъ земства таковой же складъ книгъ при училищномъ совѣтѣ, изъ котораго продаются книги учащимся. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ для пополненія бібліотекъ обыкновенно отчисляется изъ земскихъ суммъ, по мѣрѣ надобности, извѣстная сумма, на которую приобрѣтаются книги и рассылаются по школамъ.

Изъ частныхъ лицъ въ наиболѣе удовлетворительное состояніе поставилъ, какъ училище вообще, такъ и бібліотеку и учебныя пособія училища въ особенности, относившійся всегда съ отличнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ дѣлу народного образованія землевладелецъ Лубенскаго уѣзда, с. Денисовки, В. В. Лесевичъ.

Уѣзды Лохвицкій, Лубенскій и Зѣньковский бѣднѣе другихъ относительно книгъ въ начальныхъ училищахъ. Последнему изъ этихъ уѣздовъ назначено было изъ суммы министерства, въ единовременное пособие 19-ти училищамъ, 555 руб.

Что же касается церковно-приходскихъ школъ, существующихъ въ большинствѣ случаевъ на собственные скудные средства преподающихъ въ нихъ, то, почти безъ исключеній, они ни откуда не получаютъ СЛХХХVIII, отд. 4.

лучаютъ и нерѣдко не имѣютъ никакихъ, даже самыхъ необходимыхъ, учебниковъ. Такъ какъ школы эти очень важны въ томъ отношеніи, что болѣею частію именно ими начинается всякое общественное и земское училище, то губернский училищный совѣтъ, при распредѣленіи суммы, отпускаемой министерствомъ въ пособіе начальному народному образованію (5.000 руб. ежегодно), никогда не оставлялъ этихъ школъ и достойнѣйшихъ дѣятелей въ нихъ безъ вниманія и поощренія. Этими же училищами по преимуществу выдаются книги изъ склада.

Для руководства при выпискѣ книгъ, по всѣмъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, земскимъ и городскимъ управамъ и всѣмъ начальнымъ народнымъ школамъ Полтавской губерніи, — кромѣ министерскихъ каталоговъ за прѣшніе годы — Полтавскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ разосланъ еще составленный по этимъ каталогамъ особый печатный списокъ книгъ наиболѣе полезныхъ и необходимыхъ.

Наконецъ, для свѣдѣнія и руководства училищныхъ совѣтовъ, земскихъ управъ, волостныхъ правленій, почетныхъ блюстителей, попечителей и преподавателей народныхъ училищъ Полтавской губерніи, по распоряженію Полтавскаго губернскаго училищнаго совѣта, въ 1875 году были напечатаны и разосланы безплатно слѣдующія брошюры: 1) Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, 25-го мая (6-го іюня) 1874 года Высочайше утвержденное; 2) Правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготой, опредѣленною п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности; 3) Инструкція для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія; 4) Программы преподаванія закона Божіа и другихъ учебныхъ предметовъ въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; 5) Правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ; 6) Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ Полтавской губерніи за 1874 гражданскій годъ.

Двухклассныя министерскія училища: Петровское, Рашевское, Бѣлоцерковское, Решетилковское и Смѣлянское пользуются совершенно удобными и вполне приличными помѣщеніями въ назначенныхъ имъ для сей цѣли общественныхъ домахъ. Одноклассныя же министерскія училища, болѣею частью недавно открытыя, а именно: Остапьевское и Горошинское Хорольскаго уѣзда, Групское и Ковалевское Уньков-

скаго уѣзда, Студенинское Переяславскаго уѣзда, Липово-Долиновское, Гадячскаго, и Чернухское, Лохвицкаго уѣзда, хотя тоже помѣщаются въ общественныхъ домахъ, но большая часть этихъ помѣщеній не вполне соответствуетъ своему назначенію; нѣкоторыя изъ нихъ тѣсны и не вполне удобны, а другія не имѣютъ при себѣ квартиръ для учителей. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, въ 1875 году отпущено было министерствомъ, въ пособіе обществамъ, единовременно 9.800 руб.

Городскія приходскія училища помѣщаются отчасти въ наемныхъ домахъ (Кременчугское, Зѣньковское, Гадячское, Миргородское, Кобеляцкое, Золотоношское, Лубенское и Пирятинское), отчасти въ казенныхъ при уѣздныхъ училищахъ (Роменское, Переяславское, Константиноградское, Прилукское, Хорольское и Лохвицкое). Помѣщенія эти удобны.

Земскія, общественно-земскія и общественныя училища помѣщаются въ домахъ, устроенныхъ частію земствомъ и частными лицами, или же въ общественныхъ домахъ, которые ремонтируются и отапливаются на счетъ мѣстныхъ обществъ. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ тѣсны, ветхи и неудобны, но есть между ними и отлично устроенные. Особенно много ихъ въ Прилукскомъ уѣздѣ.

Церковно-приходскія школы помѣщаются большею частію въ домахъ и квартирахъ ихъ содержателей и учителей. Помѣщенія эти въ большинствѣ случаевъ тѣсны и неудобны; но этимъ школамъ, какъ скоро учебная часть хорошо въ нихъ поставлена, являются на помощь, не только устройствомъ помѣщеній, но и назначеніемъ постоянного содержанія, мѣстнаго общества, церковныя попечительства, уѣздныя земства и частныя благотворительныя лица.

Вообще можно сказать, что большая часть пачальныхъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи имѣютъ свои собственныя, вполне удобныя и приличныя помѣщенія; но есть и такіе, которые помѣщаются еще въ домахъ наемныхъ и не вполне удобныхъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что новые училищныя дома строятся непрерывно, и большею частію бываетъ такъ, что тамъ, гдѣ въ прошломъ году стояло ветхое и тѣсное — въ настоящемъ году появляется уже отличное и образцовое помѣщеніе; въ отчетномъ году это случилось въ селѣ Озерянахъ Лохвицкаго и въ селѣ Черняховкѣ Полтавскаго уѣздовъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Первое изъ упомянутыхъ помѣщеній устроено обществомъ, при особенномъ участіи земства.

дѣльца Г. П. Галагана, а второе на средства попечительницы Черняховскаго училища Н. К. Бабаниной.

— Во второй половинѣ истекшаго года было осмотрѣно: въ Ланшевскомъ уѣздѣ 35 училищъ, въ Чистопольскомъ — 20, въ Мамадышскомъ — 22, въ Тетюшскомъ — 12, въ Свияжскомъ — 3, всего 92 училища въ пяти означенныхъ уѣздахъ Казанской губерніи.

Во всѣхъ 92 школахъ только 5 преподавателей не имѣли свидѣтельствъ на учительское званіе. Жалованье получаютъ преподаватели отъ городскихъ обществъ, отъ земства или отъ братства св. Гурія; по большей части оно установлено въ количествѣ 120 руб., но иногда, хотя и рѣдко, достигаетъ 300 руб. Законоучителямъ вознагражденіе выдается: въ Ланшевскомъ уѣздѣ по 60 руб., въ Мамадышскомъ по 45, въ Чистопольскомъ отъ 35 до 50, въ Спасскомъ по 28 руб.; въ Свияжскомъ уѣздѣ вознагражденія законоучители не получаютъ. Тѣ изъ нихъ, которые исправляютъ учительскія обязанности въ земскихъ школахъ, получаютъ вознагражденіе наравнѣ съ учителями. Наименьшій окладъ жалованья приходится на долю инородческихъ школъ.

Учащихся во всѣхъ осмотрѣнныхъ школахъ оказалось 3.711, въ томъ числѣ 3.024 мальчика и 507 дѣвочекъ.

Осмотрѣнныя училища помѣщаются или въ собственныхъ домахъ, устроенныхъ земствомъ и мѣстными обществами, или на квартирахъ. Земство и городскія общества нанимаютъ помѣщенія на весь годъ, съ платою отъ 4 до 15 руб. въ мѣсяцъ; исключеніе составляетъ лишь Чистопольское приходское училище, наемная плата коего простирается до 600 руб. ежегодно. Что касается до сельскихъ обществъ и инородческихъ учителей, то они нанимаютъ квартиры обыкновенно лишь на учебное время, съ платою отъ 10 до 30 руб. Большая часть помѣщеній далеко не удовлетворяютъ гигиеническимъ и педагогическимъ требованіямъ, — они тѣсны, холодны и сыры, не имѣютъ вентиляци и учителю приходится для очищенія воздуха зимой отворять сѣнныя двери, или, вынувъ зимнюю раму, открывать окна. Есть и такія помѣщенія, гдѣ зимнія рамы вовсе не вставляются. Кромѣ того, училищныя помѣщенія и содержатся не совсѣмъ опрятно, по большей части потому, что только при рѣдкихъ изъ нихъ есть особые служители, въ остальныхъ же заботы о соблюденіи чистоты лежатъ или на домохозяевахъ, или на церковныхъ сторожахъ, тамъ,

гдѣ училища имѣютъ собственныя помѣщенія. Городскія школы въ этомъ отношеніи поставлены въ болѣе благопріятныя условія, а изъ сельскихъ слѣдуетъ то же сказать о школахъ инородческихъ, благодаря заботливости о нихъ самихъ учителей. Главною причиною не-удовлетворительности училищныхъ помѣщений служитъ съ одной стороны то, что по большей части построены они уже давно и при увеличивающемся числѣ учащихся становятся тѣсны, а съ другой—то, что лишь въ очень немногихъ селахъ есть возможность выбрать удобную квартиру для училища; земству по неволѣ приходится довольствоваться тѣмъ, чтобы квартира не представляла слишкомъ вопіющихъ недостатковъ. Нерѣдко вина падаетъ и на мѣстныя общества, не дающія себѣ отчета во вредѣ, который можетъ причинить дѣтямъ дурное помѣщеніе. Такъ, напримѣръ, въ с. Рождественѣ, Мансуровѣ и Державинѣ Лаишевскаго уѣзда можно было имѣть очень удобныя квартиры, но общество только послѣ неоднократныхъ настояній инспектора согласилось перевести въ нихъ дѣтей. Училищныя совѣты и земства Лаишевскаго, Спасскаго и Мамадышскаго уѣздовъ рѣшили отрывать вновь училища только тамъ, гдѣ общества будутъ давать отъ себя помѣщенія, признанныя училищными совѣтами и земскими управами вполне удовлетворительными. Лучшія помѣщенія имѣютъ нынѣ школы Карпоуховская, Рыбнослободская, Казыльская и Альвединская Лаишевскаго уѣзда; городская приходская, Богородская и Новотроицкая женская Чистопольскаго уѣзда; Абдинская, Никифоровская и Арияшская Мамадышскаго уѣзда; городская женская, Базяковская, Кузнечихинская Спасскаго уѣзда. Изъ числа названныхъ школъ особенно выдаются Карпоуховская, которой помѣщеніе, съ отопленіемъ и квартирой для учителя, даетъ мѣстный землевладѣлецъ г. Мертваго, и Арияшская, устроенная Казанскимъ купцомъ И. С. Кривоносовымъ.

Ходъ учебнаго дѣла въ большинствѣ осматрѣнныхъ школъ, принимая во вниманіе внѣшнюю ихъ обстановку, можно вообще назвать удовлетворительнымъ. По большей части ученики оказываютъ очень хорошіе успѣхи въ законѣ Божіемъ: они произносятъ правильно молитвы и не затрудняются переводомъ ихъ на русскій языкъ; событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завета разказываютъ бойко, а равно и хорошо объясняютъ главнѣйшіе праздники. Только въ двухъ изъ числа осматрѣнныхъ школъ успѣхи учениковъ по закону Божію оказались слабыми. Законъ Божій проходитъ въ объемѣ, установленномъ программами, приложенными къ правиламъ для въ-

дачи свидѣтельствъ желающимъ воспользоваться льготою по воинской повинности. Во многихъ школахъ имѣются картины изъ священной исторіи и во всѣхъ слѣдующія книги: Св. Евангеліе на русскомъ и славянскомъ языкахъ, Начальное наставленіе къ православной вѣрѣ, свящ. Соколова, Объясненіе молитвъ, заповѣдей и символа вѣры его же, Объясненіе молитвъ Чемены. Обученіе чтенію ведется во всѣхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ по звуковому способу, кромѣ Мордово-Каратаевской и Ямбуртской церковно-приходскихъ школъ Тетюшскаго уѣзда, гдѣ употребляется буквослагательный способъ. Въ примѣненіи звуковаго метода господствуетъ большое разнообразіе: одни изъ учителей придаютъ этому занятію большое значеніе и употребляютъ на него много времени; у нѣкоторыхъ на первомъ планѣ ознакомленіе съ предметомъ, выдѣленіе звуковъ, а потомъ знакомство съ изображеніемъ ихъ письменно и печатно; одновременно идетъ и обученіе письму. Такъ ведутъ дѣло учителя изъ окончившихъ курсъ въ учительской семинаріи, и учительницы, обучавшіяся въ Казанской земской учительской школѣ. Другіе же преподаватели не придаютъ большаго значенія первоначальнымъ упражненіямъ и заботятся только о томъ, чтобы поскорѣе пройти всѣ звуки и приступить собственно къ чтенію, отчего звуковой способъ совершенно терлетъ свое умственное—развивающее значеніе. Нѣкоторые изъ такихъ учителей ознакомленіе дѣтей со звуками поручаютъ даже ученикамъ старшихъ отдѣленій. Какъ разнообразно первоначальное обученіе въ осматриваемыхъ школахъ, такъ разнообразны и приемы, употребляемые преподавателями при дальнѣйшемъ обученіи чтенію. Въ лучшихъ училищахъ механическое чтеніе отброшено, статьи выбираются доступныя пониманію дѣтей и содержаніе ихъ уясняется въ главныхъ частяхъ до чтенія, а въ подробностяхъ во время самого чтенія, причемъ объясняются всѣ непонятныя слова и выраженія. Въ городскихъ и земскихъ училищахъ Тетюшскаго уѣзда, въ Мамадышскомъ и Чистопольскомъ приходскихъ училищахъ и въ большей части инородческихъ школъ статью читаетъ сначала самъ учитель, а потомъ уже онъ заставляетъ читать ее и учениковъ или по частямъ, или всю, смотря по ея объему и содержанію. Въ другихъ же училищахъ, по прочтеніи статьи учениками, идетъ катехизація и пересказъ прочитаннаго однимъ, а иногда нѣсколькими учениками. Ошибки исправляются или другими учениками, или же учителемъ. Выразительности въ чтеніи требуютъ только очень немногіе изъ преподавателей. Нѣкоторые изъ нихъ сами почти

не занимаются чтеніемъ съ учениками, а ограничиваются только спрашиваніемъ заданной для приготовленія статьи. Вполнѣ толковое и хорошее чтеніе довелось г. инспектору слышать въ Богородскомъ мужскомъ училищѣ Чистопольскаго уѣзда, Красногорскомъ, Арняшскомъ и Омарскомъ женскихъ училищахъ Мамадышскаго уѣзда и Базыльскомъ мужскомъ Лаишевскаго уѣзда. Здѣсь учащіеся отчетливо и разумно читали предлагаемыя имъ статьи русской и славянской печати и бойко разказывали прочитанное. Особенно выдается въ этомъ отношеніи Арняшское училище, гдѣ большинство учащихся—иногородцы (крещенные Татары).

Обучать письму въ большинствѣ училищъ начинаютъ одновременно съ изученіемъ звуковъ: дѣти пріучаются писать сначала простые элементы буквъ, затѣмъ переходятъ къ выписыванію буквъ и списыванію съ прописей и книгъ. При обученіи письму рѣдкіе изъ преподавателей держатся какого-либо руководства, а дѣйствуютъ большею частію по личному усмотрѣнію. Вообще же обученіе письму въ смыслѣ каллиграфическомъ поставлено не совсѣмъ удовлетворительно. Кромѣ отсутствія плана въ обученіи и недостатка хорошихъ письменныхъ принадлежностей, тѣснота училищныхъ зданій и неудобное устройство классныхъ столовъ вліяютъ на обученіе письму сильнѣе, чѣмъ на обученіе другимъ предметамъ. На правописаніе обращено серьезное вниманіе. Чтобы довести учениковъ до умѣнья соблюдать орфографію, преподаватели пользуются диктовкой, списываніемъ съ книгъ писаніемъ заученныхъ на память статей и стихотвореній и изложеніемъ содержанія прочитанныхъ и объясненныхъ басенъ. Диктовка и списываніе съ книгъ приняты во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, а остальные письменныя упражненія только въ старшемъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, при такомъ способѣ преподаванія, результаты оказываются весьма удовлетворительными.

Обученіе ариметикѣ происходитъ по методѣ Грубе. Городскія училища, а также земскія сельскія въ Чистопольскомъ, Мамадышскомъ и Спасскомъ уѣздахъ снабжены классными счетами, ариметическими ящичками, и другими пособіями, а потому и преподаваніе ведется здѣсь наглядно. Въ училищахъ Лаишевскаго и Свияжскаго уѣздовъ, по неимѣнію названныхъ пособій, а равно и по меньшей подготовкѣ учителей, преподаваніе ариметики не вполнѣ успѣшно. Вообще же учащіеся предложенныя имъ задачи рѣшаютъ быстро и сознательно; почти вездѣ ознакомлены они съ монетами, мѣрами длины и вѣса. Учебниковъ по ариметикѣ нѣтъ, а для преподавателей почти

во всѣхъ школахъ существуютъ слѣдующія руководства: Методика ариметики Естусевского, сборникъ задачъ его же, Ариметика Паульсона, Ариметика Рубасова, Собраніе ариметическихъ задачъ Воленса и Томаса.

Въ инородческихъ школахъ обученіе церковному пѣнію занимаетъ видное мѣсто въ ряду учебныхъ предметовъ и, дѣйствительно, во всѣхъ изъ осматрѣнныхъ школъ дѣти поютъ весьма хорошо на своемъ родномъ и на церковно-славянскомъ языкахъ молитвы и употребительнѣйшія церковныя пѣсни. Лучше другихъ пѣніе идетъ въ Ариашскомъ инородческомъ училищѣ, Новотроицкомъ и Щербетскомъ. Затѣмъ почти во всѣхъ остальныхъ учащіеся поютъ молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія.

Въ женскихъ школахъ дѣвочки приучаются вязать чулки, шить бѣлье, вышивать полотенцы и другія вещи, необходимыя въ домашнемъ быту. Матеріалы для работъ частію приносятъ онѣ сами изъ своихъ домовъ, а частію приобретаются они учительницами на счетъ земства. Въ Тетюшскомъ городскомъ женскомъ училищѣ желающія изъ дѣвочекъ обучаются въ послѣобѣденное время башмачному ремеслу, для чего земствомъ приглашена особая учительница съ платою 120 р. въ годъ и ассигновано на учебныя пособія 80 руб.

Въ библіотекахъ осматрѣнныхъ школъ по большей части имѣются только книги для класснаго употребленія и очень немного книгъ руководительныхъ для учителей и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія для внѣ-класснаго чтенія. Лучше другихъ обставлены въ этомъ отношеніи школы Чистопольскаго уѣзда. Мамадышскій и Спасскій училищные совѣты постановили устроить при нѣкоторыхъ школахъ библіотеки, откуда учителя и учащіеся могли бы пользоваться книгами. Замѣчено было, что, несмотря на требованія относительно аккуратнаго веденія каталоговъ, во многихъ школахъ книги и пособія записываются несвоевременно и неправильно, стоимость книгъ не озаглаживается; точно также не отмѣчаются книги утраченныя или пришедшія въ ветхость, а потому точныхъ данныхъ о количествѣ и стоимости книгъ собрать почти невозможно. При осмотрѣ библіотекъ, кромѣ запутанности въ записяхъ, встрѣчается обыкновенно большая разница между книгами, внесенными въ каталоги и состоящими на лицо.

Помѣщаемъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія объ осмотрѣ начальныхъ

училищъ въ Курскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ Курской губерніи:

1) Въ Курскомъ уѣздѣ осмотрѣно было 20 училищъ и въ самомъ городѣ Курскѣ 9. Учащихся въ городскихъ школахъ: 465 мальчиковъ и 220 дѣвочекъ, въ сельскихъ — 1.108 мальчиковъ и 174 дѣвочки. Училища помѣщаются большею частію удобно; изъ 20 школъ 11 имѣютъ собственныя дома, въ томъ числѣ 6 безусловно удобныя, 3 нуждающіеся въ ремонтѣ или расширеніи, по причинѣ тѣсноты, а два училища (*Гремяченское* и отчасти *Муравьевское*) имѣютъ крайне неудобныя, тѣсныя, сырыя и холодныя помѣщенія. Остальныя 9 училищъ помѣщаются: 1 временно въ домѣ почетнаго попечителя, 2 при волостныхъ правленіяхъ, 2 въ церковныхъ караулахъ и 4 въ наемныхъ квартирахъ. Всѣ эти помѣщенія достаточно удобны и опрятны, по большею частію тѣсны. Сельскія школы содержатся частію на счетъ земства, частію на суммы сельскихъ обществъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются бѣльшимъ пособіемъ со стороны земства, другія получаютъ свое содержаніе главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ обществъ. Такъ училища: *Ямское* женское и *Ямское* же мужское получаютъ на свое содержаніе отъ мѣстнаго общества: первое — 620 руб., а второе — 500 руб. Въ общей сложности земство ассигновало въ 1875 году на содержаніе школъ 6.250 р., Курское городское общество 10.150 р. и сельскія общества 3.510 р., всего 19.910 р. Въ настоящее время пособіе отъ земства обусловливается обязательствомъ со стороны мѣстныхъ обществъ выстроить помѣщенія для школы, приобрести классную мебель и ассигновать нѣкоторую сумму на содержаніе домовъ и наемъ сторожей. Къ этому надо присовокупить, что въ числѣ попечителей начальныхъ училищъ въ Курскомъ уѣздѣ есть лица, оказывающія съ своей стороны значительныя денежныя пособія на содержаніе школъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. Вообще отъ почетныхъ блюстителей городскихъ и образцовыхъ училищъ поступило въ 1875 году 965 руб., отъ почетныхъ попечителей сельскихъ училищъ — 680 руб. Большинство преподавателей въ сельскихъ школахъ состоятъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, многіе изъ нихъ преподають и законъ Божій. Отдѣльные законоучители изъ священнослужителей получаютъ въ вознагражденіе за преподаваніе закона Божія 50 р. въ годъ, учителя отъ 240 до 300 руб. Всѣ училища весьма достаточно снабжены учебными пособіями, благодаря заботамъ училищнаго совѣта и уѣзднаго земства. Успѣхи учащихся, за весьма немногими исключеніями, удовлетворительны, а приемы обученія ра-

ціональны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣхамъ учащихся много препятствуетъ ихъ многочисленность. Въ устраненіе этого недостатка, по предложенію г. инспектора, въ нѣкоторыхъ школахъ введены послѣ-обѣденныя занятія. Инспекторъ надѣется, что такое раздѣленіе учащихся на двѣ сдѣны будетъ значительно способствовать ихъ успѣхамъ. Довѣріе и сочувствіе мѣстныхъ обществъ къ школамъ постоянно возрастаетъ, и весьма важное вліяніе въ этомъ отношеніи произведено выдачею свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ. Съ цѣлю устраненія замѣченныхъ недостатковъ, училищный совѣтъ, по ходатайству инспектора, постановилъ между прочимъ: а) приобрести для школъ нѣкоторые вновь вышедшія учебныя пособія и пополнить школьныя бібліотеки; б) увеличить жалованье лучшимъ учителямъ, преподающимъ и законъ Божій, до 350 руб., а законоучителямъ-священникамъ до 75 руб.; в) оказать денежныя пособія изъ земскихъ суммъ тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя стѣсняются въ постройкѣ училищныхъ домовъ, и г) просить содѣйствія уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія къ исправленію училищныхъ зданій, когда такое исправленіе не произведено исключительно по нерадѣнію мѣстныхъ волостныхъ начальствъ.

Рыльскій уѣздъ. Здѣсь осмотрѣно было 12 училищъ: 4 женскихъ, 5 для обоюго пола и 3 мужскихъ. Учащихся въ осмотрѣнныхъ школахъ 544 мальчика и 200 дѣвочекъ. Восемь школъ имѣютъ собственныя отдѣльныя помѣщенія; остальные помѣщаются или въ наемныхъ, или въ общественныхъ домахъ. Почти всѣ осмотрѣнныя школьныя помѣщенія могутъ быть названы болѣе или менѣе удовлетворительными. Главный недостатокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—тѣснота. Осмотрѣнныя училища получаютъ содержаніе главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ обществъ; земство отпускаетъ имъ сравнительно незначительное пособіе (отъ 40 до 50 руб.), не имѣющее строго опредѣленнаго назначенія. Исключеніе составляютъ женскія училища, на содержаніе коихъ земство ассигнуетъ отъ 150 до 200 руб. Законоучители получаютъ вознагражденіе отъ 30 до 40 руб. въ годъ, кромѣ городскихъ училищъ, гдѣ жалованье имъ доходитъ до 100 руб. Учителя получаютъ отъ 150 до 200 р. Всего въ Рыльскомъ уѣздѣ 30 школъ, изъ нихъ 7 открыты въ 1875 году. На содержаніе училищъ ассигновано: городомъ 900 руб., земствомъ 4.420 руб. и сельскими обществами 3.720 руб., всего 9.040 р. Кромѣ того, попечители училищъ вносятъ ежегодно 250 руб. Обстановка и помѣщеніе школъ значительно улучшились въ послѣдніе годы: изъ 30 школъ 22 имѣютъ собственныя

отдѣльныя помѣщенія; сельскія общества привыкли къ требованію обеспечивать вновь открываемыя, по ихъ ходатайствамъ, училища помѣщеніемъ, и затратъ на это не жалѣютъ. Успѣхи учащихся весьма удовлетворительны за исключеніемъ лишь двухъ училищъ: Кореневского и Михайловскаго. Вообще въ уѣздѣ плохихъ училищъ не болѣе 10, остальные или хороши, или удовлетворительны. По закону Божію учащимся своевременно было объяснено значеніе праздниковъ, таинствъ, церковныхъ службъ, преподаватели читали съ ними евангеліе; чтеніе русскаго и церковно-славянскаго текста идетъ очень хорошо, пишутъ они чисто, правильно. Арифметическія задачи рѣшаются ими умственно и письменно съ достаточною отчетливостію и сопровождаются надлежащими объясненіями. Какъ на доказательство удовлетворительныхъ успѣховъ учащихся въ школахъ Рыльского уѣзда, можно указать на тотъ фактъ, что изъ 111 учениковъ, подвергавшихся въ 1875 году испытаніямъ для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса начальнаго училища, 80—то-есть, около 73%—удостоено этихъ свидѣтельствъ. Рыльскій уѣздный училищный совѣтъ расходовалъ поручаемыя ему земскія суммы вполне цѣлесообразно, заботился о своевременномъ ремонтѣ училищныхъ зданій, снабжалъ школы книгами и учебными пособіями и стремился всѣми зависящими отъ него средствами достигнуть того, чтобы школы посѣщались учащимися, по возможности, правильно. Заслуживаетъ также упоминанія ревностная дѣятельность на пользу народныхъ школъ штатнаго смотрителя Мюнне и волостнаго старшины Григорія Фролова, который склонилъ крестьянъ своей волости къ открытію трехъ мужскихъ и одного женскаго училищъ и убѣдилъ крестьянъ постановить приговоръ относительно того, чтобы родители не отрывали дѣтей отъ школьныхъ занятій для домашнихъ услугъ. Съ цѣлію устраненія замѣченныхъ во время ревизіи недостатковъ, г. инспекторъ предложилъ между прочимъ училищному совѣту слѣдующія мѣры: а) обусловить выдачу земскаго пособія аккуратнымъ взносомъ и расходомъ по назначенію ассигнованныхъ сельскими обществами суммъ, для того, чтобы общественныя суммы не пропадали безслѣдно, какъ это случилось по небрежности нѣкоторыхъ волостныхъ начальствъ въ 1874 году; б) ассигновать отъ 500 до 600 руб. на выдачу наградъ тѣмъ учителямъ и законоучителямъ, ученики коихъ будутъ хорошо держать экзамены и получать свидѣтельства; в) увеличить жалованье лучшимъ законоучителямъ съ цѣлію привлеченія священниковъ къ преподаванію закона Божія; г) перемѣстить наставниковъ такъ, чтобы школы не

оставались безъ законоучителей въ тѣхъ селахъ, гдѣ священники не могутъ преподавать законъ Божій; д) посылать кандидатовъ, желающихъ занять учительскія мѣста, но не имѣющихъ надлежащей подготовки, въ Любимовское образцовое училище для ознакомленія съ методами и приемами начального обученія, отпеся расходы по такимъ командировкамъ на средства земства, и е) предложить учителямъ не оставлять въ каникулярное время мѣста своего жительства безъ надлежащаго отпуска и передачи училищнаго имущества.

Путинскій уездъ. Здѣсь осмотрѣно было 20 училищъ: 2 городскихъ, изъ коихъ одно женское, и 18 сельскихъ. Учащихъ въ нихъ 852 мальчика и 61 дѣвочка. Одиннадцать училищъ имѣютъ собственныя отдѣльныя помѣщенія; изъ нихъ 9 удобныхъ, одно весьма неудобное и одно тѣсное, хотя и опрятное. Остальныя помѣщаются при волостныхъ правленіяхъ и въ наемныхъ домахъ. Изъ школъ, помѣщающихся при волостныхъ правленіяхъ, двѣ имѣютъ классныя комнаты рядомъ съ арестантскими камерами. На каждое сельское училище, считая по одному на волость, земство отпускаетъ 150 руб. Участіе сельскихъ обществъ ограничивается по большей части приобрѣтеніемъ учебныхъ пособій, а въ иныхъ случаяхъ, незначительнымъ денежнымъ взносомъ (отъ 25 до 60 руб.) Впрочемъ, есть училища, содержимыя сельскими обществами, напр., Бѣгощанское и Локотское, изъ коихъ на первое отпускается 225, а на второе 180 руб. въ годъ. Иногда общества ассигнуютъ по 100 и даже по 150 руб. на училище. Преподаватели получаютъ отъ 120 до 150 руб. въ годъ, законоучители отъ 30 до 50 руб. Изъ преподавателей осмотрѣнныхъ школъ, 8 не имѣютъ установленныхъ свидѣтельствъ на учительское званіе. Всѣхъ школъ въ уездѣ 29; изъ нихъ 10 съ отдѣльными законоучителями и преподавателями, имѣющими свидѣтельства на званіе учителей начальныхъ училищъ. На содержаніе школъ отпускается въ годъ: земствомъ 3.450 руб., городскимъ обществомъ 500 р. и сельскими обществами 760 руб., всего 4.600 р.; кромѣ того, въ теченіе 1875 года поступило отъ почетныхъ попечителей 600 руб. Успѣхи учащихся въ 13 училищахъ найдены удовлетворительными по всѣмъ предметамъ. Дѣти основательно усвоили свѣдѣнія изъ прочитанныхъ ими въ школахъ книгъ; читаютъ книги гражданской и церковной печати достаточно бѣгло и выразительно; хорошо пересказываютъ прочитанное. По большей части они толково рѣшаютъ ариметическія задачи, какъ умственно, такъ и письменно. Въ четырехъ училищахъ: Локотскомъ, Неплюевскомъ, Грузчанскомъ и Гвинтовскомъ успѣхи неудовлетворительны. Осталь-

ныя 3 училища хотя также неудовлетворительны по успѣхамъ учащихся, но, какъ полагаетъ г. инспекторъ, должны измѣниться къ лучшему вслѣдствіе перемѣны учителей. Преподаваніе закона Божія идетъ успѣшнѣе въ тѣхъ училищахъ, гдѣ предметъ этотъ преподается учителями, окончившими курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ; тамъ же, гдѣ законоучителями состоятъ мѣстные приходскіе священники, обыкновенно пропускающіе значительное число уроковъ, успѣхи по закону Божію гораздо слабѣе. Г. инспекторъ замѣчаетъ при этомъ, что въ уѣздахъ, гдѣ священники получаютъ большее, чѣмъ въ Путивльскомъ уѣздѣ, вознагражденіе за свои школьныя занятія, преподаваніе закона Божія идетъ гораздо удовлетворительнѣе. Въ 1875 году въ школахъ Путивльскаго уѣзда всѣхъ подвергавшихся испытанію, для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса начальнаго училища, было 130; изъ нихъ удовлетворительно выдержали испытаніе и получили свидѣтельства 78. Дѣлать какія-либо заключенія изъ этого факта пока нельзя, потому что экзамены, по отзыву инспектора, были на первый разъ довольно снисходительны.

Кромѣ непосредственныхъ распоряженій и указаній относительно методовъ и пріемовъ преподаванія, г. инспекторомъ было заявлено мѣстному училищному совѣту о слѣдующихъ недостаткахъ школъ Путивльскаго уѣзда и о необходимыхъ для устраненія ихъ общихъ мѣропріятіяхъ: а) о крайнемъ неудобствѣ помѣщеній Череповскаго и Неплюевскаго училищъ, въ которыхъ классныя комнаты находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ арестантскими камерами б) о небрежномъ отношеніи къ училищамъ нѣкоторыхъ волостныхъ начальствъ, вслѣдствіе чего школы своевременно не ремонтируются, не отапливаются и не получаютъ классныхъ принадлежностей; в) инспекторъ вошелъ въ земскую управу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи расходовать остатки отъ земскихъ суммъ, назначаемыхъ на училища, по усмотрѣнію училищнаго совѣта; до сего времени суммы эти находились въ распоряженіи волостныхъ правленій, которыя обыкновенно отсылали остатки назадъ въ земскую управу; г) возбуждено, гдѣ слѣдуетъ, ходатайство объ увеличеніи жалованья законоучителямъ и учителямъ, безъ чего нѣтъ возможности поднять уровень преподаванія закона Божія, а также удержать на мѣстахъ добро-совѣстныхъ и знающихъ учителей; д) всѣмъ сельскимъ обществамъ предложено принять на себя расходы по приобрѣтенію учебныхъ руководствъ для учащихся и учащихся, и е) вновь опредѣляемыхъ неопытныхъ учителей предположено посылать для ознакомленія на

практикѣ съ методами и приемами начальнаго обученія въ мужское городское Путивльское училище.

Сверхъ того, были осмотрѣны 9 образцовыхъ училищъ Курской губерніи: *Александровское*, *Семеновское* и *Маріинское* женское въ г. Курскѣ, *Дьяконовское* въ с. Дьяконовѣ Курскаго уѣзда, *Рышковское* въ с. Рышковѣ Дмитріевского уѣзда, *Ивановское* въ с. Ивановскомъ Льговскаго уѣзда, *Ивановское* женское одноклассное тамъ же, и *Любимовское* въ с. Любимовѣ Рыльскаго уѣзда. По обстановкѣ, обилію учебныхъ пособій и успѣхамъ учащихъся, школы эти дѣйствительно могутъ быть названы образцовыми. Лучшія изъ нихъ: Курскія, Ивановское мужское, Любимовское и Рышковское, открытое въ 1875 году. Свѣдѣнія, приобретаемыя учащимися по всѣмъ предметамъ преподаванія, усвоены ими вполне прочно и сознательно. Двое изъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ Ивановскомъ училищѣ, обучаются съ успѣхомъ въ Курской гимназій, а пять поступили въ учительскую семинарію. Въ Александровскомъ образцовомъ училищѣ введено обученіе сапожному мастерству, въ Семеновскомъ — столярному и переплетному, въ Ивановскомъ и Любимовскомъ — столярному. Занятія ремеслами идутъ, по словамъ г. инспектора, также вполне удовлетворительно. При Ивановскомъ и Любимовскомъ училищахъ открыты параллельныя отдѣленія на средства земства и частныхъ лицъ: Рыльское земское собраніе ассигновало для этой цѣли 300 р., Льговское — 125, и князь А. В. Барятинскій, владѣлецъ Ивановскаго, — 200 р. Только что названныя училища пользуются полнымъ довѣріемъ мѣстныхъ обществъ, и учащіеся посѣщаютъ школу исправно. Къ сожалѣнію, пока еще нельзя сказать того же самаго о недавно открытыхъ училищахъ. Требованія правильнаго посѣщенія школы учениками, отказы въ приемѣ лишнихъ учениковъ — подаютъ поводъ къ неудовольствію со стороны родителей. Вслѣдствіе этого, наставникамъ этихъ училищъ приходится на первыхъ порахъ выдерживать непріятную борьбу, пока мѣстныя общества не привыкнутъ къ законнымъ требованіямъ учителей и не сознаютъ ихъ цѣлесообразности. Чтобы до нѣкоторой степени устранить подобныя явленія, г. инспекторъ полагаетъ не бесполезнымъ на будущее время, при ходатайствахъ объ открытіи двухклассныхъ училищъ въ особенно многочисленныхъ мѣстностяхъ, давать ходъ этимъ ходатайствамъ только тогда, когда явится возможность отыскать средства для открытія при училищахъ параллельныхъ отдѣленій.

Изъ краткаго отчета, представленнаго г. директоромъ начальныхъ училищъ по осмотру имъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, въ теченіе 1875 года, видно, что дѣло народнаго образованія прочно поставлено и хорошо идетъ въ названной губерніи. Въ теченіе 1875 года было осмотрѣно 42 училища; по Ярославскому уѣзду 12: четыре городскихъ, въ томъ числѣ одно женское, и восемь сельскихъ; по Рыбинскому уѣзду 11: пять городскихъ, изъ коихъ одно—училище при Покровскомъ братствѣ—для мальчиковъ и дѣвочекъ, и шесть сельскихъ; по Ростовскому уѣзду 5: два городскихъ и три сельскихъ; по Угличскому уѣзду 6: три городскихъ, между которыми одно женское Маріинское училище и три сельскихъ, и по Пошехонскому уѣзду 8: въ самомъ городѣ три земскія для мальчиковъ и дѣвочекъ училища и пять сельскихъ. Успѣхи учащихся во всѣхъ 42 школахъ дали результаты весьма удовлетворительные. Такое отрадное явленіе всецѣло слѣдуетъ приписать добросовѣстному и ревностному исполненію своихъ обязанностей законоучителями, преподавателями и преподавательницами; при строгомъ соблюденіи учащими указанной учебной программы дѣти въ нравственномъ отношеніи видятъ въ своихъ руководителяхъ примѣръ самаго безукоризненнаго поведенія. Лучшимъ доказательствомъ успѣшности веденія дѣла народнаго образованія въ Ярославской губерніи можетъ служить уваженіе къ трудамъ преподавателей и тотъ особенный интересъ, съ которымъ мѣстныя общества слѣдятъ за училищнымъ дѣломъ. Кромѣ того, весьма важное значеніе для мѣстнаго населенія имѣютъ годичныя испытанія, дающія право кончающимъ курсъ пользоваться льготою по отбыванію воинской повинности. Число учащихся въ нѣкоторыхъ училищахъ превышаетъ цифру 100, и нѣтъ ни одной школы, гдѣ обучалось бы менѣе 20 человѣкъ; такъ, на примѣръ по Ярославскому уѣзду въ I-мъ приходскомъ училищѣ учащихся 153 мальчика и школа раздѣлена на 4 отдѣленія, изъ коихъ два параллельныя, въ женскомъ начальномъ училищѣ—177 дѣвочекъ, въ Путятинскомъ сельскомъ—116, въ томъ числѣ 28 дѣвочекъ; по Рыбинскому уѣзду: въ III-мъ приходскомъ училищѣ—105 мальчиковъ въ Александровскомъ сельскомъ—109, въ томъ числѣ 30 дѣвочекъ; по Ростовскому: во II-мъ приходскомъ—105 мальчиковъ, въ Марковскомъ сельскомъ—125, изъ нихъ 35 дѣвочекъ; по Угличскому уѣзду: въ Маріинскомъ женскомъ—150 дѣвочекъ, въ сельскихъ Воскресенскомъ—115, въ томъ числѣ 19 дѣвочекъ, и въ Заозерскомъ—157, изъ которыхъ 68 дѣвочекъ. Всѣ 42 училища имѣютъ особыхъ законоучителей, и за исключеніемъ двухъ школъ—Губичевской сельской, Угличскаго

уѣзда, и Борисоглѣбской сельской, Пошехонскаго уѣзда, въ которыхъ на законоучительѣ лежитъ обязанность и учителя, въ остальныхъ 40 личный составъ состоитъ изъ законоучителя и учителя или учительницы, а въ нѣкоторыхъ изъ — двухъ и трехъ учительницъ; такихъ школъ 10: въ Ярославскомъ уѣздѣ—I-я приходская: законоучитель, учитель и три учительницы; женское начальное: законоучитель, надзирательница, особая учительница руководѣнья и учитель пѣнія; Путятинское: законоучитель и двѣ учительницы; Великосельское женское: законоучитель и двѣ учительницы; Ильинское: законоучитель, учитель и помощникъ учителя; въ Рыбинскомъ уѣздѣ Александровское: законоучитель, двѣ учительницы и учитель; Николо-Кормское: законоучитель, учитель и помощникъ учителя; въ Ростовскомъ уѣздѣ—Марковское: законоучитель и двѣ учительницы; въ Угличскомъ уѣздѣ—Маринское женское: законоучитель и три учительницы, и Заозерское: законоучитель и двѣ учительницы. Почти всѣ школы, не исключая и городскихъ, содержатся на счетъ земства; такъ четыре приходскія Ярославскія училища содержатся хотя и городомъ, но при участіи земства, а три училища въ городѣ Пошехонѣ всецѣло принадлежать земству и называются I-мъ, II-мъ и III-мъ земскими училищами; изъ сельскихъ училищъ имѣютъ прибавку къ суммамъ, отпускаемымъ земствомъ на ихъ содержаніе, Путятинское Ярославскаго уѣзда отъ сельскаго общества, Марковское Ростовскаго уѣзда отъ фабриканта Блесса и мѣстнаго общества, и Воскресенское Угличскаго уѣзда также отъ общества; только два училища обходятся безъ участія земства: Вескинское училище въ Ростовскомъ уѣздѣ содержитъ на свой счетъ Московскій купецъ Кокинъ, а училище при Покровскомъ братствѣ въ Рыбинскомъ уѣздѣ содержится на средства братства. Училища снабжены въ достаточномъ количествѣ всѣми учебными пособиями, и нѣкоторыя изъ нихъ нуждаются только въ болѣе удобномъ помѣщеніи; забота о такомъ существенномъ недостаткѣ постоянно напоминаетъ какъ земству, такъ и обществамъ; но не смотря на то, что въ теченіе 1875 года благодаря земству почти во всѣхъ уѣздахъ губерніи много сдѣлано новыхъ построекъ для училищъ, много и остается школъ, которыя очень терпятъ отъ неудобнаго помѣщенія; главный недостатокъ заключается по большей части въ тѣснотѣ квартиръ, какъ на примѣръ, въ Ярославскомъ уѣздѣ въ школахъ: Спасъ-Спирлядинской, при собственномъ домѣ и ограниченномъ числѣ учащихся (всего 28 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ)—классная комната мала; въ Путятинской, имѣющей также собственный домъ, по

числу учениковъ (88 мальчиковъ и 28 дѣвочекъ)—помѣщеніе тѣсно; Новленскому училищу уступленъ домъ помѣщикомъ на 10 лѣтъ, но званіе не вполне удобно для своего назначенія; Великосельское жепское для 54 ученицъ тѣсно, также какъ и Станатинское, въ которомъ обучается 29 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ; въ Рыбинскомъ уѣздѣ неудобно помѣщено въ наемномъ домѣ Еремейцевское училище. Но есть за то училища, прекрасно и весьма удобно помѣщенные: къ числу ихъ относятся Ярославское женское — въ собственномъ домѣ отлично устроенномъ, Ильинское—въ собственномъ домѣ, Николо-Кормское Рыбинскаго уѣзда въ отлично устроенномъ купцомъ Стриженевымъ домѣ, Городецкое того же уѣзда во вновь отстроенномъ вполне удобномъ домѣ, Марковское и Вескинское Ростовскаго уѣзда, всѣ три земскія училища въ г. Пошехонѣ и сельскія того же уѣзда, помѣщенные въ церковныхъ домахъ. Остальныя школьныя квартиры представляютъ скорѣе удобства, нежели недостатки.

Объ открытіи учительскаго института въ Вѣлгородѣ.

Помѣщеніе для вновь открытаго Института было пріискано въ домъ потомственнаго почетнаго гражданина г. Мачурина, который обязался произвести въ папачныхъ у него зданіяхъ необходимыя исправленія и приспособленія для потребностей института, согласно составленнымъ въ управленіи округа плану и смѣтному исчисленію, всего на сумму 5.000 р. Къ опредѣленному контрактомъ сроку, а именно къ первой половинѣ августа истекшаго года, зданіе было уже вполне готово. Вступительныя испытанія въ первый классъ института и пріемъ дѣтей въ городское училище начались съ 1-го октября. Къ этому сроку былъ почти вполне сформированъ составъ служащихъ въ институтѣ и училищѣ лицъ. Законоучителемъ назначенъ О. Митрофанъ *Федоровъ*, кандидатъ богословія Кіевской духовной академіи; учителями: естественныхъ наукъ и физики г. *Комаровъ*, кандидатъ Харьковскаго университета; исторіи и географіи г. *Чеботаревъ*, окончившій курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, математики—г. *Головачевъ*, кандидатъ физико-математическихъ наукъ Харьковскаго университета; чистописанія—г. *Таланко*, состоящій преподавателемъ русскаго языка въ мѣстной учительской семинаріи. Уроки русскаго языка съ церковно-славянскимъ, впредь до пріисканія особаго учителя, приняты директоромъ на себя, а от-

носителю учителя рисованія и черченія онъ вошелъ въ сношеніе съ правленіемъ Императорской академіи художествъ. Гимнастику преподаетъ учитель исторіи и географіи г. Чеботаревъ, имѣющій свидѣтельство отъ С.-Петербургскаго врачебно-гимнастическаго общества на право обученія этому предмету, пѣніе—священникъ *Боголюбовъ*, преподающій этотъ предметъ въ мѣстной учительской семинаріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря стараніямъ директора, Институтъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ на первый разъ обзаведеніемъ, какъ по учебно-воспитательной, такъ и по хозяйственной части. Классная мебель приобрѣтена въ достаточномъ количествѣ и, по устройству своему, вполне удобна. Библіотека снабжена необходимѣйшими сочиненіями по всѣмъ предметамъ институтскаго курса; приобрѣтено также достаточное количество прочихъ учебныхъ пособій, какъ-то: картъ, таблицъ, чертежей, рисунковъ и проч. Изъ числа пособій заслуживаютъ особаго упоминанія приспособленныя къ классному употребленію крупныя англійскія изданія Джонстона и Рейнольда и нѣмцкія: Богта, Фогеля и Делича.

Пріемныя испытанія производились въ первыхъ числахъ сентября, и затѣмъ педагогическій совѣтъ Бѣгородскаго учительскаго Института, принимая въ соображеніе, что помѣщеніе и обстановка института и состоящаго при немъ городского училища вполне приспособлены къ пріему воспитанниковъ, призналъ цѣлесообразнымъ открыть ученіе въ обоихъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе этого, послѣ молитвы, регулярныя уроки начаты въ городскомъ училищѣ 4-го, а въ институтѣ 9-го сентября. За право обученія въ городскомъ училищѣ назначена плата по 8 руб. въ годъ съ каждаго ученика. Ко дню торжественнаго открытія Института, состоявшемуся 26-го сентября истекшаго года, въ младшій классъ городского училища было принято всего 22 ученика, большею частію 7—8 лѣтнаго возраста, нигдѣ еще не обучавшіеся. Въ Институтъ къ тому же времени было принято, изъ 26 подвергавшихся вступительнымъ испытаніямъ, 17 воспитанниковъ: 16 казеннокоштныхъ и 1 своекоштнымъ. По мѣсту рожденія, воспитанію, вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ распредѣляются они слѣдующимъ образомъ: 16 православныхъ и 1 лютеранинъ, сыновей дворянъ и чиновниковъ—9, духовнаго званія 4, городскихъ сословій 2 и крестьянъ 2; учившихся прежде: въ уѣздныхъ училищахъ 7, въ гимназіяхъ — 6, духовныхъ семинаріяхъ — 2, учительскихъ семинаріяхъ — 1 и военныхъ прогимназіяхъ 1; уроженцевъ губерній Кур-

ской 9, Харьковской 3, Тамбовской, Кіевской, Московской, Рязанской и Владимірской по одному.

Торжественный актъ открытія Института начался, въ присутствіи заранѣ приглашенныхъ почетнѣйшихъ лицъ изъ мѣстнаго общества, молебствіемъ, совершеннымъ о. ректоромъ Курской духовной семинаріи, протоіереемъ Невскимъ, въ сослуженіи съ законоучителями гимназій и Института, при чемъ молебенъ пѣли сами воспитанники, подъ управленіемъ своего учителя пѣнія, священника Боголюбова. По окончаніи молебствія, происходило окропленіе святою водою всего помѣщенія Института и городского училища; по возвращеніи въ залъ, г. попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа была произнесена рѣчь, въ коей изложена сущность Высочайше утвержденныхъ 31-го мая 1872 г. положеній объ учительскихъ институтахъ и городскихъ училищахъ, и выяснены основанія, обусловившія настоятельную необходимость реформы учебнаго курса существующихъ уѣздныхъ училищъ. Въ заключеніе, обратясь къ воспитанникамъ Института, г. попечитель выразилъ надежду, что они, будучи обезпечены на средства правительства всѣмъ необходимымъ, всецѣло отдадутся своимъ учебнымъ занятіямъ и серьезно приготовятся къ той роли, какая ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Директоръ института г. Рощинъ въ произнесенной имъ рѣчи остановился главнѣйшимъ образомъ на сравненіи учебнаго курса городскихъ училищъ съ курсомъ уѣздныхъ училищъ; указавъ на задачу учительскихъ институтовъ и на полезныя стороны института, которому у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, отдано предпочтеніе предъ экстернатомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ наставниковъ, онъ сообщилъ слушателямъ существеннѣйшія свѣдѣнія относительно устройства учительскаго института и городского при немъ училища въ Бѣлгородѣ, о личномъ составѣ служащихъ въ нихъ, о результатѣ пріемныхъ испытаній и о количествѣ принятыхъ въ оба учебныя заведенія воспитанниковъ. Актъ заключился пѣніемъ гимна: „Боже Царя храни“, который исполнили воспитанники.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

10-го (22-го) декабря 1876 года.

Предприняты нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія г. Ваддингтономъ и одобренны палатою депутатовъ реформы на дѣлѣ пока еще не осуществлены. При нынѣ дѣйствующей конституціи реформы эти могутъ быть произведены лишь послѣ того, какъ сенатъ вотируетъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія на 1877 г. Въ ожиданіи этого, министерство приводитъ въ исполненіе другія, не столь важныя свои предначертанія. Не такъ давно я уже упоминалъ вамъ объ учрежденіи каедръ кельтскихъ нарѣчій въ Школѣ высшихъ наукъ; въ настоящее время въ двухъ провинціальныхъ факультетахъ, Ліонскомъ и Бордоскомъ, учреждены каедръ классической археологіи; въ Монпелье, кромѣ того, каедръ романской филологіи и въ нѣсколькихъ провинціальныхъ факультетахъ предполагается открыть каедръ санскритскаго языка. Клерикальныя высшія учебныя заведенія имѣютъ у насъ ту хорошую сторону, что вызывая конкуренцію побуждаютъ правительство къ самымъ серьезнымъ усиліямъ, чтобы поддержать честь своихъ учебныхъ заведеній. Въ текущемъ мѣсяцѣ открытъ былъ католическій факультетъ въ Анжерѣ, программа коего, надо сознаться, гораздо обширнѣе государственныхъ провинціальныхъ факультетовъ: онъ имѣетъ двѣ каедръ философіи (тогда какъ въ государственныхъ лишь по одной); кромѣ того, каедръ исторіи, двѣ каедръ латинской литературы (государственные факультеты имѣли прежде одну каедръ древней литературы, а нынѣ только одну каедръ греческаго языка), каедръ иностранныхъ литературъ, восточной литературы, каедръ сравнительной грамматики, эстетики и исторіи искусства. Послѣднихъ трехъ каедръ вовсе не имѣется въ государственныхъ факультетахъ. Каедръ восточныхъ литературъ занялъ г. Пави, одинъ изъ прежнихъ редакторовъ „*Revue des deux mondes*“, читавшій въ 1853—1857 г. въ „*Collège de France*“

курсъ санскритскаго языка. Другіе профессора Анжерскаго факультета, правда, люди не слишкомъ извѣстные, но, съ того дня, какъ каеэдры этого факультета будутъ замѣщены людьми, составившими себѣ имя въ наукѣ, соперничество съ нимъ для государственныхъ факультетовъ будетъ чрезвычайно затруднительно. Духовенство наше продолжаетъ дѣятельную пропаганду въ пользу клерикальных факультетовъ. Въ настоящее время поднятъ вопросъ объ учрежденіи католическаго университета въ Ліонѣ; епископы Авиньона, Алжира, Экса (Аix), Шамбери и Ліона обратились къ своей паствѣ съ замѣненіемъ, что означенный университетъ учреждается подъ ихъ вѣдѣніемъ и приглашаютъ всѣхъ искреннихъ католиковъ оказать содѣйствіе этому предпріятію: „Мы разчитываемъ на ваше содѣйствіе, отцы въ христіанскихъ правилахъ воспитываемыхъ дѣтей“, говорятъ они въ своемъ воззваніи, „предпріятію чисто въ католическомъ духѣ, признанному нами необходимымъ, на которое глава церкви, папа, возлагаетъ самыя великія надежды; содѣйствовать ему по мѣрѣ своихъ средствъ и способностей обязанъ каждый истинно вѣрующій“. Въ настоящее время число учащихся въ католическихъ факультетахъ еще не велико; въ Парижѣ насчитываютъ до 125 слушателей юридическихъ наукъ, 30 слушателей наукъ словесныхъ и не болѣе 8 слушателей естественныхъ наукъ, тогда какъ въ государственномъ факультетѣ юристовъ 3.500 человѣкъ. Въ 1875 году факультетъ этотъ выдалъ 1.300 дипломовъ на степень кандидата; 419 студентовъ выдержали докторскій экзаменъ. Въ Парижѣ происходило недавно открытіе Антропологической Школы, учрежденной частными учеными обществами, которую ожидаетъ, кажется, блестящая будущность. Школа эта имѣетъ пять каеэдръ: анатомической антропологии, которую занимаетъ г. Поль Брока; біологической антропологии — г. Ранинаръ; этнологіи — Э. Далли; доисторической антропологии — Э. де-Мартинье (хранитель С. Жерменскаго музея) и лингвистической антропологии — г. Говелакъ. Школа, о которой идетъ рѣчь, а также частная школа политическихъ наукъ суть единственные не-клерикальныя учебныя заведенія, возникшія за послѣднее время въ Парижѣ.

Но ни духовенству, ни частнымъ лицамъ не придетъ на умъ соперничать съ тѣми изъ школъ, которыя учреждены нашимъ правительствомъ за границею, а именно: съ археологическими школами, существующими въ Римѣ и въ Афинахъ. Г. Перро, членъ Академіи надписей и изящной словесности, только что представилъ въ Академію

отчетъ объ этихъ двухъ учрежденіяхъ. Директоромъ афинской археологической школы состоитъ нынѣ г. А. Дюмонъ, въ Римѣ школоу завѣдуеть г. Жоффруа. Воспитанники ихъ представляли Академіи въ послѣднее время весьма серьезные труды. „Конечно, не всѣ эти труды одипаково замѣчательны“, говоритъ г. Перро въ своемъ отчетѣ, „но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ несомнѣнныя достоинства“. Всѣхъ ихъ въ послѣднее время поступило въ Академію не менѣе 25 и если бы обнародовать ихъ, то они составили бы обширные томы. Къ лучшимъ принадлежать: труды г. Дюшена о *liber pontificalis*, Мюнца о римскихъ художникахъ и г. Блоха о римской арміи по эпиграфическимъ текстамъ. Въ Афинахъ г. Байэ составилъ сборникъ уцѣлѣвшихъ въ Греціи христіанскихъ надписей и вообще занимался христіанскою археологіею, доселѣ весьма мало разработанною; г. Колинъопъ собралъ матеріалы для изслѣдованія о памятникахъ, относящихся къ баснѣ о Психей. Альберъ Дюмонъ учредилъ въ Афинахъ институтъ, который, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезенъ, какъ для Грековъ, такъ и вообще для европейскихъ ученыхъ. Институтъ этотъ имѣетъ своею цѣлью критическій разборъ трудовъ по исторіи и филологіи, издаваемыхъ въ Греціи, ознакомленіе съ надписями на памятникахъ, сообщаемыми ему корреспондентами, или обнародуемыми учеными и вообще со всѣмъ, что появляется новаго въ этой области. Съ января 1877 г. институтъ будетъ издавать журналъ; въ него войдутъ свѣдѣнія о всѣхъ открытіяхъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя, безъ того, могли бы пройти незамѣченными. Кромѣ того, съ будущаго года должна выходить „Библіотека афинской и римской школъ“, благодаря которой многіе прекрасные труды, оставшіеся доселѣ неизвѣстными, перейдутъ во всеобщее свѣдѣніе. Подобное развитіе дѣятельности упомянутыхъ школъ можетъ только порадовать друзей археологіи.

Въ недавнее время возникло въ Парижѣ общество съ цѣлію возбуждать интересъ къ географическимъ наукамъ и путешествіямъ; я говорю объ „Обществѣ ученыхъ кругосвѣтныхъ экспедицій“ (*La société des voyages autour du monde*). Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ публицистовъ и бапкировъ и имѣетъ своею задачею облегчать богатымъ молодымъ людямъ кругосвѣтныя плаванія, долженствующія способствовать ихъ образованію. Собравъ капиталъ въ 2.000.000 франковъ, Общество заказало пароходъ, на которомъ съ полнымъ удобствомъ могло бы помѣститься до 50 человекъ. Ежегодно, въ маѣ мѣсяцѣ, пароходъ этотъ будетъ выходить изъ Гавра и, посѣтивъ всѣ наиболѣе за-

мѣчательныя мѣста, въ теченіе 10 мѣсяцевъ совершитъ свое кругосвѣтное плаваніе; у него будутъ собственная географическая и метеорологическая бібліотека, карты, инструменты и необходимыя коллекціи. Три или четыре профессора будутъ во все время путешествія читать лекціи о странахъ, лежащихъ на пути. Маршрутъ перваго плаванія слѣдующій: Гавръ, Лиссабонъ, о. Мадера, Нью-Йоркъ, Антильскіе острова, Ріо-Жанейро, Монтевидео, Буэнос-Айресъ, Магелланскій проливъ, Австралія, Новал Каледонія, Японія, Китайскіе порты, Батавія, о. Цейлонъ, Бомбей, Аденъ, Суэзскій каналъ и Неаполь. Будутъ при этомъ предпринимаемы экскурсіи и во внутренность наиболее интересныхъ странъ. Слѣдуетъ желать полной удачи этому предпріятію, которымъ воспользуются, конечно, не одни Французы.

На этихъ дняхъ происходило годовое собраніе и раздача наградъ Французской академіи. Непремѣннымъ секретаремъ ся, обязанности коего въ послѣднее время исполняли, одинъ за другимъ, гг. Вильменъ и Патенъ, нынѣ состоитъ драматическій писатель Камилль Дусэ, представившій собранію отчетъ о сочиненіяхъ, удостоенныхъ наградъ. Премію краспорѣчія на тему „Геній Рабле“ получилъ г. Гебаръ (Gebhart), профессоръ словесности въ Напси. Ему принадлежатъ нѣсколько замѣчательныхъ статей объ Италіи и эпохѣ Возрожденія, о которыхъ недавно сдѣланъ былъ лестный отзывъ въ нашемъ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Кроме того, преміи выданы г. Вальбезену за сочиненіе „Объ Англичанахъ и Индіи“, Дюпре-Лассалю за книгу „О канцлерѣ Мишелѣ Госпиталитѣ“, Гальярдену за „Исторію царствованія Людовика XIV“, Этьену за „Исторію италіанской литературы“: о всѣхъ этихъ книгахъ я уже сообщалъ вамъ прежде. Темой для соисканія преміи краспорѣчія на будущій годъ Академія избрала „Похвальное слово Бюффону“.

Академія надписей также раздала поданно свои преміи: нѣкоторые изъ нихъ присуждены за сочиненія, посвященные нашей провинціальной археологіи, а именно преміи Гобера по исторіи Франціи г. Симеону Люсу за превосходную книгу „Бертранъ Дюгескленъ и его время“; премія Стапислава Жюльена по китайской литературѣ—Герве де-С.-Дени за переводъ одной китайской „Исторіи иностранныхъ народовъ“; кроме того, премія выдана профессору Школы высшихъ наукъ г. Дорматету за изслѣдованія о міоологіи Авесты.

Въ нынѣшнемъ году Академія потеряла двухъ своихъ членовъ-корреспондентовъ: гг. Ричля и Перца; мѣста ихъ заняли эллинистъ Голландецъ Робетъ и латинистъ Датчанинъ Мадвигъ.

Съ самаго начала школьнаго семестра стало появляться не мало ученыхъ сочиненій, заслуживающихъ полнаго вниманія. Прежде всего скажу нѣсколько словъ объ „Исторической и административной географіи римской Галліи“ Эрнеста Дежардена и о самомъ авторѣ этого труда. Мнѣ уже приходилось упомянуть объ этомъ ученомъ издателѣ карты Пейтипгера, профессорѣ Нормальной школы и Школы высшихъ наукъ и членѣ Академіи надписей. Занимаясь изданіемъ карты, онъ специально изучалъ также римскую Галлію; много лѣтъ своего труда посвятилъ онъ этой эпохѣ, которую стали разрабатывать у насъ особенно усердно послѣ появленія „Юлія Цезаря“ Наполеона III. Сочиненіе г. Дежардена должно состоять изъ четырехъ томовъ, роскошно изданныхъ, съ планами и картами. При окончательной редакціи его авторъ пользовался множествомъ эпиграфическихъ документовъ, до сихъ поръ никѣмъ изъ его предшественниковъ по этой части не затронутыхъ; пользовался онъ и археологическими трудами, изданными нашими провинціальными учеными обществами. Первый томъ его книги посвященъ исключительно физической географіи древней Галліи сравнительно съ физической географіею нынѣшней Франціи. Г. Дежарденъ описываетъ ея побережья, указывая на измѣненія, сдѣланныя напоромъ или отливомъ океана и морей; книга заканчивается климатологіею, флорою и фауною страны. Томъ этотъ, посвященный исключительно географіи, можетъ служить превосходнымъ дополненіемъ втораго тома Всеобщей географіи Э. Реклю, посвященнаго описанію современной Франціи; 40 картъ, изъ коихъ нѣкоторыя, наглядно изображающія разницу нынѣшнихъ и прежнихъ очертаній французскихъ береговъ, въ высшей степени любопытны. Уже одно введеніе составляетъ законченный трудъ, необходимый каждому, занимающемуся изученіемъ Галліи въ римскую эпоху; это полная библіографія всѣхъ донынѣ выпущенныхъ сочиненій о Галліи. Въ слѣдующихъ томахъ авторъ займется разсмотрѣніемъ того, какъ сложились и образовались провинціи съ ихъ политическою, гражданскою, военною, финансовою и церковною администраціею, а также іерархіею общественныхъ должностей; затѣмъ, какъ возникло раздѣленіе на города и рагі, муниципальное управленіе, общественный бытъ; онъ остановится на римскихъ дорогахъ, кастеллахъ, замѣчательнѣйшихъ историческихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, на тѣхъ, которыя прославились почестями, воздаваемыми различнымъ божествамъ. Это будетъ въ полномъ смыслѣ слова энциклопедія древней Галліи и если бы авторъ уже не былъ академикомъ, то одного этого труда было

бы достаточно, чтобы открыть ему ея двери. Другое замѣчательное сочиненіе, вышедшее въ послѣднее время, также историческаго и географическаго содержанія, озаглавленное „Histoire de la formation territoriale des états de l'Europe centrale“, принадлежитъ перу г. Огюста Гимлея, профессора географіи въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ. Г. Гимлей считается однимъ изъ лучшихъ преподавателей этого факультета; на экзаменахъ, особенно же на диспутахъ, въ которыхъ онъ всегда принимаетъ дѣятельное участіе, эрудиція его сильно смущаетъ диспутантовъ, считающихъ его самымъ опаснымъ противникомъ; но ученость и критическій умъ заставляютъ г. Гимлея прежде всего относиться строго къ самому себѣ. Онъ печатаетъ не много и настоящій его трудъ, который, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ публикою съ должнымъ вниманіемъ, есть плодъ усидчивыхъ и долготѣльныхъ запятій. Избравъ исходною точкой физическую географію главнѣйшихъ европейскихъ странъ, авторъ говоритъ объ ихъ происхожденіи и о постепенномъ собираніи различныхъ частей каждой страны въ одно цѣлое, о территоріальныхъ ихъ приобрѣтеніяхъ и утратахъ въ общемъ движеніи европейской политики, и, наконецъ, о теперешнемъ ихъ положеніи какъ географическомъ, такъ политическомъ и этнографическомъ. Въ предисловіи своемъ г. Гимлей слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свою задачу: „Объяснить территоріальную организацію современной Европы, съ одной стороны, условіями ея почвы, а съ другой—историческими переворотами; выставить въ яркихъ очертаніяхъ важнѣйшіе географическіе, историческіе, этнографическіе и статистическіе фазисы, имѣвшіе своимъ послѣдствіемъ то, что мы видимъ теперь, словомъ, освѣтить всестороннимъ свѣтомъ карту континента,—вотъ какую задачу преслѣдовали мы, приступая къ нашему труду“. Такимъ образомъ, слѣдя за первоначальнымъ происхожденіемъ современныхъ государствъ и изслѣдуя по столѣтіямъ постепенные ихъ территоріальные перевороты авторъ преимущественно останавливается на событіяхъ позднѣйшаго времени или же на тѣхъ, которыя въ прошломъ сдѣлали Европу такою, какою она представляется намъ нынѣ. Первая часть этого труда (состоящаго изъ двухъ томовъ) посвящена Австріи, Пруссіи, Германіи, Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Подробное описаніе центральной Европы—отъ Рейна до Вислы—служитъ какъ бы введеніемъ къ книгѣ, изобилующей блестящими и остроумными соображеніями.

Кстати будетъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ сочиненіи, тоже весьма интересномъ, а именно объ исторіи Венгріи (Histoire générale

des Hongrois) Сейу (Ed. Sayous). Въ теченіе уже десяти лѣтъ авторъ занимается мадьярскимъ языкомъ и литературою. Онъ и Англичанинъ Истерсонъ, книга котораго недавно переведена была на русскій языкъ, принадлежатъ къ числу весьма немногихъ ученыхъ, которымъ удалось усвоить себѣ этотъ языкъ. Г. Сейу неоднократно посѣщалъ Венгрію и еще весьма недавно, по порученію французскаго министерства народнаго просвѣщенія, былъ въ Пештѣ. Книга его написана по мадьярскимъ источникамъ и на основаніи тщательнаго изученія историковъ этой страны; авторъ пользовался и рукописями, находящимися въ Парижской національной библиотекѣ. Здѣсь пашелъ онъ, между прочимъ, много документовъ, касающихся сношеній трансильванскихъ правителей съ французскимъ дворомъ. Первые главы сочиненія, о которомъ идетъ рѣчь, посвящены филологическимъ и мифологическимъ вопросамъ, касающимся происхожденія венгерскаго народа. Одинъ изъ упрековъ, который можно сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что, занявшись исключительно мадьярскимъ племенемъ, онъ почти ничего не говоритъ о Славянахъ и Румынахъ, входившихъ въ составъ венгерскаго королевства. Чрезвычайно любопытная „Исторія венгерскихъ Сербовъ“ (Histoire des Serbes de la Hongrie), вышедшая два года тому назадъ и принадлежащая перу анонимнаго автора (который, какъ это стало нынѣ извѣстно, никто иной какъ бывшій французскій вице-консулъ въ Темешварѣ г. Э. Пико) можетъ служить отличнымъ дополненіемъ къ вышеупомянутому сочиненію.

Къ самымъ замѣчательнымъ произведеніямъ въ области собственно литературы принадлежатъ неизданныя письма госпожи Севинье, найденныя г. Коппасомъ (Coppas), профессоромъ Дижонскаго словеснаго факультета въ одной старой рукописи. Объ этой счастливой находкѣ, надѣлавшей много шума, я уже извѣщалъ васъ въ свое время; рукопись принадлежала одному обиднѣвшему дворянскому семейству и года два тому назадъ куплена была у торговца старою мебелью въ Дижонѣ. Въ ней оказалось 320 писемъ г-жи Севиньи, изъ которыхъ 170 не были еще вовсе изданы или изданы только въ отрывкахъ. Поклонникамъ знаменитой маркизы открытіе это доставило величайшее наслажденіе, тѣмъ болѣе, что оно дало возможность разъяснить многія недоумѣнія, исправить неточности, вкравшіяся въ прежнія изданія. Новыя письма служатъ дополненіемъ къ изданію Гашета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ считавшемуся окончательнымъ, а теперь нельзя уже ру-

ководствоваться имъ, не обращался къ труду г. Копмаса. Авторъ снабдилъ письма введеніемъ и подробнымъ комментариемъ.

Кончина ученаго и трудолюбиваго г. Ассеза нисколько не остановила дальнѣйшаго изданія полнаго собранія Дидерота; XVII и XVIII томы только что появились подъ редакціею молодаго и талантливаго писателя Мориса Турне. Въ XVII томѣ вошли послѣднія статьи Энциклопедіи, письма съ дороги (а именно весьма любопытное описаніе Голландіи) и нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ есть кое-что новое о Россіи (характеристика книжки Дашковой и замѣтка о Ломоносовѣ). Въ XVIII томѣ помѣщена переписка Дидерота съ извѣстнымъ скульпторомъ Фальконетомъ во время пребыванія того въ Петербургѣ и знаменитыя письма къ г-жѣ Волянъ. Скоро ожидаютъ также выхода въ свѣтъ литературно-философской и критической корреспонденціи, извѣстной подъ именемъ „Корреспонденціи Гримма“. Исторія этой корреспонденціи чрезвычайно любопытна. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, удовлетворя желанію нѣсколькихъ царствующихъ лицъ имѣть свѣдѣнія о постоянно возраставшемъ философскомъ и литературномъ движеніи, аббатъ Рейналь предпринялъ нѣчто въ родѣ обозрѣнія, которое, смотря по обилію новостей, появлялось одинъ или два раза въ мѣсяцъ; въ экземплярахъ, не печатанныхъ, а писанныхъ, разсылалось оно къ иностраннымъ дворамъ и къ тѣмъ изъ частныхъ лицъ, которые вносили 300 франковъ за это изданіе. Но Рейналю вскорѣ наскучило подобное занятіе и онъ уступилъ его Гриму, который уже безостановочно продолжалъ его съ 1753 по 1790 годъ: Дидеротъ, госпожа Эпине, Вольтеръ и Галиани замѣняли его, когда ему приходилось путешествовать. Донынѣ извѣстна была только корреспонденція Гримма, что же касается до переписки Рейнала, то она никогда еще не была обнародована. Копія ея хранится въ библіотекѣ герцогства С. Кобургъ-Готскаго и въ арсенальной библіотекѣ Парижа. Изданіе, о которомъ говорю я, будетъ большимъ приобрѣтеніемъ для всѣхъ, кто интересуется восемнадцатымъ вѣкомъ; оно выйдетъ подъ редакціею г. Турне.

На дняхъ появился второй томъ исторіи новѣйшей философій столь преждевременно покищеннаго съ ученаго принца Фердинанда Папильона; онъ посвященъ XVIII вѣку. Въ предисловіи разсматриваетъ авторъ общій характеръ тогдашняго философскаго движенія, раздѣляя его на три періода: школу эмпирическую съ Юмомъ во главѣ, школу аналитическую (Кондильякъ) и школу интуитивную (Бюффонъ и Дидеротъ). Нѣкоторыя части этого замѣчательнаго труда, который

можетъ быть рекомендованъ всѣмъ, кто не ставитъ слишкомъ рѣзкихъ границъ между философіею и естественными науками, остались неоконченными. Другой философскій трудъ „Цивилизація и ея законы“, принадлежащій г. Функу Брентано, касаясь преимущественно области соціальной нравственности, затрогиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень близко и вопросы чисто политическаго свойства и потому выходитъ изъ программы моего письма. Мнѣніе, высказанное авторомъ въ заключеніи своей книги, слишкомъ курьезно для русскихъ читателей, чтобы не упомянуть здѣсь о немъ. Онъ твердо убѣжденъ, что „славянскимъ племенамъ, находящимся еще почти въ томъ же состояніи, въ какомъ покинули они горы Азій“, суждено быть преемниками европейской цивилизаціи. По поводу славянскихъ нарѣчій, съ которыми г. Брентано, между прочимъ, вовсе не знакомъ, замѣчаетъ онъ слѣдующее: „Не рѣдко удивляются способности Славянъ быстро принимать къ дѣлу сдѣланныя ими открытія и неспособности ихъ идти далѣе по этому пути; это потому, что доселѣ не обращали вниманія, что открытія являются результатомъ общихъ и абстрактныхъ понятій, которыя находятъ себѣ выраженіе въ языкахъ не менѣе общихъ и абстрактныхъ, между тѣмъ какъ славянскія племена, имѣя въ распоряженіи своемъ лишь нарѣчія сложныя и конкретныя, способны уразумѣть практическіе результаты нашего умственнаго движенія, но не въ состояніи овладѣть методами, посредствомъ которыхъ могли бы самостоятельно вести ихъ далѣе. Слѣдовательно, только подѣ условіемъ измѣнить, упростить свои нарѣчія, сдѣлать ихъ болѣе абстрактными и въ граматическихъ ихъ формахъ и относительно обычнаго смысла выраженій, можно было бы Славянамъ сдѣлать своимъ достоинствомъ современную цивилизацію и внести въ нее нѣчто оригинальное... Можно предвидѣть, что славянская народность и славянскій языкъ займутъ относительно языковъ французскаго и англійскаго то же положеніе, какое эти языки занимали по отношенію къ языку латинскому. Латинскій языкъ былъ проще и абстрактнѣе древняго индійскаго языка; прогрессъ, такимъ образомъ, не прерывался и обнаруживается одинаково, какъ въ наукахъ, такъ и въ языкѣ. Тѣмъ, чѣмъ были для насъ Цицеронъ и Тацитъ, Боссюэтъ и Паскаль должны быть для грядущей славянской цивилизаціи“. „Будущее принадлежитъ франко-славянскому міру“, говоритъ въ заключеніе г. Франкъ Брентано. Германское племя онъ цѣнитъ очень мало, хотя долженъ знать Германію хорошо, ибо самъ природный Нѣмецъ. Я привелъ его мнѣніе ради курьеза, чтобъ показать, какъ все относящееся къ славянству воз-

буждаетъ у насъ живой интересъ. Онъ обнаруживается многочисленными сочищеніями, не всегда, впрочемъ, чисто ученаго характера; высшія наши учебныя заведенія выражаютъ явную склонность къ знакомству съ славянскими языками: въ Школѣ восточныхъ языковъ профессоръ славянскихъ нарѣчій преподаетъ русскій и славянскій языки; у него теперь не менѣе 20 слушателей и въ томъ числѣ двѣ дамы.

Слѣдуетъ еще сказать о двухъ новыхъ обзорѣніяхъ: *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* будетъ выходить подъ редакцію гг. Эдуарда Турнье и Луи Гаве. Первый изъ нихъ извѣстенъ какъ авторъ весьма почтеннаго труда „*Nemesis et la jalousie des Dieux*“; ему же принадлежитъ изданіе Софокла. Онъ читаетъ греческую филологію въ Нормальной школѣ и въ Школѣ высшихъ наукъ. Г. Луи Гаве, профессоръ латинской филологіи въ Школѣ высшихъ наукъ, давно уже обратилъ на себя вниманіе своими переводами съ нѣмецкаго и различными статьями, напечатанными въ сборникѣ лигвистическаго общества. Имена издателей могутъ служить ручательствомъ, что журналъ ихъ будетъ отличаться исполнѣ серьезнымъ характеромъ и восполнить значительный пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ. На страницахъ его должны появляться только статьи оригинальныя, а на ряду съ этимъ подробный обзоръ всего, что появляется по классической филологіи и археологіи въ различныхъ французскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ. Будетъ выходить онъ четыре раза въ годъ. Въ первыхъ книжкахъ обѣщаны статьи о письмахъ Сенеки г. Шателена, бывшаго воспитанника Школы высшихъ наукъ, г. Дежардена о примѣненіи эпиграфики къ объясненію латинскихъ авторовъ, замѣтка г. Тюро о „*De officiis*“ Цицерона и статья г. Брейля о политическихъ рѣчахъ Демосфена. Въ числѣ главныхъ сотрудниковъ названы Гастонъ Буассье, Луи Кишера и Леонъ Ренье. „Со всѣхъ сторонъ“, говорятъ редакторы, „только и слышимъ мы о желаніи возвысить науку во Франціи и справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ направленіи уже сдѣлано достаточно много. Давно уже не переживали мы времени, въ которое, именно какъ теперь, столько молодыхъ ученыхъ посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ, которыя доселѣ признавались къ сожалѣнію наименѣе плодотворными. И правительство, и общество прилагаютъ всѣ свои усилія, чтобы въ научной сферѣ обезпечить Франціи подобающее ей мѣсто“.

Извѣщаютъ еще о новомъ журналѣ *Revue de mythologie comparée*,

сборникъ матеріаловъ для исторіи религій. Наконецъ, г. Гедозъ, редакторъ *Revue celtique*, предполагаетъ издать сборникъ народной мѣологии подъ названіемъ „*Мелузина*“. Въ этомъ предпріятіи содѣйствуетъ ему г. Роландъ, только что напечатавшій любопытный этюдъ „О французскихъ загадкахъ“.

Л. Л—ръ.

О NOMEN GENTILE АВТОРА ЭНЕИДЫ.

Какъ извѣстно, еще до послѣдняго времени продолжался споръ о томъ, было ли nomen gentile автора Энеиды — Vergilius или Virgilius. Нѣкоторые русскіе ученые утверждали, что хотя форма „Vergilius“ признана болѣе правильною, тѣмъ не менѣе было бы мелочно и педантично измѣнять популярное и всѣми усвоенное правописаніе. Поэтому мнѣ кажется не бесполезнымъ высказать вкратцѣ мое мнѣніе какъ о томъ, такъ и о другомъ изъ этихъ вопросовъ; въ интересахъ дѣла, попрошу не смѣшивать ихъ.

Что касается правильнаго правописанія означеннаго имени, то относительно этого едва ли возможно сомнѣніе.

Не смотря на то, что еще въ послѣдніе годы Ричъ въ *Opusc. philol.*, II 779 сл., и Бенуа въ *Notice sur Virgile*, стр. 75, въ предисловіи ко второму изданію своихъ *Buscolica* и *Georgica* (Paris 1876), трактовали объ этомъ вопросѣ вполне научно, я считаю не излишнимъ коснуться его, частью потому, что замѣчанія обоихъ ученыхъ кое-чѣмъ можно пополнить, а отчасти потому, что вообще установившіяся заблужденія искореняются лишь медленно, сколь бы часто ихъ ни опровергали. Вѣдь даже въ новѣйшемъ нѣмецкомъ изданіи Энеиды г. Госсрау (см. стр. XIX—XX предисловія ко второму изданію) форма Virgilius нашла защитника!

Въ ореографическихъ изслѣдованіяхъ нужно всегда строго ратрграничивать два совершенно различныхъ вопроса, не взирая на то, что по большей части, хотя и не всегда, они сводятся къ одному, что замѣчается и въ настоящемъ случаѣ, а именно: правописаніе слова, требуемое этимологіей, и то, которое было въ обществѣ употребленіи или всегда, или по крайней мѣрѣ въ періодъ процвѣтанія литературы. Во всѣхъ языкахъ часто замѣчаемъ мы, что слова (не

только иностранныя, но и отечественныя) получают иное правописание чѣмъ то, которое требуется законами этимологiи, или на основанiи невѣрной этимологiи, или на основанiи правилъ благозвучiя, или же наконецъ на основанiи простой случайности.

Обратимъ сперва вниманiе на лучшiя и достовѣрнѣйшiя преданiя объ имени упомянутого поэта въ письменныхъ памятникахъ древности.

Извѣстно, что сохранилось столь значительное количество рукописей Виргилiя отъ V (быть можетъ даже IV) и VI столѣтiй, какъ ни какого другаго римскаго классика. Во всѣхъ этихъ рукописяхъ встрѣчается форма *Vergilius* и лишь въ рукописяхъ IX и X вѣковъ, напримѣръ, въ Bernensis b и c (какъ называетъ ихъ Рыббекъ) встрѣчается правописание *Virgilius*.

Также и надписи (время происхожденiя коихъ можно опредѣлять съ точностью, а именно надписи съ II столѣтiя до Р. X. по IV послѣ Р. X.) свидѣтельствуютъ за форму *Vergilius*; равнымъ образомъ встрѣчается въ нихъ правописание *Vergulei* (*Verguleius*): То обстоятельство, что на нѣкоторыхъ надписяхъ отъ неизвѣстнаго времени встрѣчается *Virgilius*, не имѣетъ важности. И Греки также почти всегда писали Βεργίλιος или Οὐβεργίλιος (ср. Велуа I. с.). Съ другой стороны въ концѣ существованiя Восточной Римской имперiи можно дѣйствительно указать форму *Virgilius*.

Въ 400 году императоры Аркадiй и Гонорiй по порученiю римскаго сената велѣли воздвигнуть на Траяновомъ форумѣ поэту Клавдию Клавдиану статую, надпись коей еще сохранилась. Надпись эта впрочемъ начертана на латинскомъ языкѣ и заканчивается слѣдующимъ греческимъ двуступнемъ:

εἰν ἐνὶ Βεργιλίῳ νοόν καὶ Μοῦσαν Ὀμήρου
Κλαυδιανὸν Ῥώμῃ καὶ βασιλεῖς ἔθεσαν.

Въ этомъ заключается явное доказательство за i въ Βεργιλίῳ. Но судить по свидѣтельству этому о томъ, что поэтъ нашъ назывался *Virgilius*, было бы столь же неосновательно, какъ если-бы предположить, что во времена Августа можно было употреблять слогъ *anus* въ *Claudianus* съ краткою предпослѣдней,—вольность, дѣйствительно встрѣчающаяся у позднѣйшихъ и плохихъ римскихъ поэтовъ.

И въ VI вѣкѣ по Р. X. въ пользу формы *Virgilius* говоритъ свидѣтельство Присциана, который, lib. IV p. 634 ed. Putsch, производитъ названное имя отъ слова *virgula*.

Всѣмъ этимъ подтверждается лишь то, что уже извѣстно намъ, а именно, что въ тѣ времена на ряду съ *Vergilius* писалось также *Virgilius*.

Замѣтка Присциана наводитъ насъ на этимологию имени. Мы увидимъ, что — отъ какого бы слова мы ни производили означенное имя — оно требуетъ *e* вмѣсто *i*.

Нѣкоторые ученые, какъ напримѣръ, Глюкъ (въ сочиненіи „Die bei C. Julius Caesar vorkommenden keltischen Namen“ стр. 131), производятъ имя поэта отъ кельтскаго *vergo* = нѣмецкому *Werk*. Само по себѣ кельтское происхожденіе не представляется невозможнымъ; вѣдь Virgilій, подобно многимъ другимъ римскимъ авторамъ, происходилъ изъ Галліи togata. Въ этомъ случаѣ буква *e* была бы также необходима, какъ и въ *appellativum vergobretus*. (Caes. bell. gall. I, 16).

Но даже въ случаѣ производства этого имени отъ латинскаго, не можетъ возникать сомнѣній относительно правильности формы *Vergilius*. Ибо все равно, находится ли это имя въ связи съ *Vergiliae*, или съ *virga* или *virgo*, первоначально оно все же должно было гласить *Vergilius*.

Доклассическая латынь избѣгала не только столкновенія двухъ по звуку или по количеству одинаковыхъ гласныхъ, какъ напримѣръ *Tullii*, *deerro*, *deerat* — и столкновенія буквъ *a* и *o* съ слѣдующею гласной, но также и такихъ звуковъ какъ *je*, *vi*, *vi* въ одномъ и томъ же словѣ, особенно въ коренныхъ слогахъ. Такъ напримѣръ, произносили, какъ извѣстно, съ самыхъ раннихъ временъ *abicio*, *obices* и т. д. слова, въ которыхъ сперва слышался смѣшанный звукъ изъ *j* и *i*, а впослѣдствіи простое *i*, далѣе, въ промежутокъ времени отъ древнѣйшей латыни и до позднихъ императоровъ употребляли *volt*, *volnus*, *volgus*; такимъ же образомъ говорили въ древнія времена *ver*, *verga*, *vergo*. Форма *verginis* употреблялась даже еще Луціліемъ; см. XXX, стихъ 57 моего изданія. У того же сатирика, на основаніи лучшей рукописи Нонія VII, 18, я восстановилъ *verosus*, что также рекомендуется и аллитераціей (*vetulam atque verosam*). Когда же впослѣдствіи (нельзя съ точностью опредѣлить время) въ этихъ формахъ мѣсто буквы *e* заступила *i*, то прежнее произношеніе тѣмъ не менѣе продолжало существовать въ устахъ народа. Это явствуетъ изъ романскихъ языковъ (ср. Diez, *Romanische Wortschöpfungen*, стр. 15). Такимъ же образомъ старательно избѣгали всякой перемѣны звука въ собственныхъ именахъ. Какъ заботливо

охраняли Римляне первоначальный составъ такихъ словъ, доказывається мѣстомъ изъ Цицерона въ *Orator* 45, 153: *quid vero licentius quam quod hominum etiam nomina contrahebant, quo essent artiora*, причемъ, для примѣра, онъ приводитъ измѣненія имени *Duellius* въ *Bellius* и *Axilla* (вѣрнѣе было бы, если бы выразился онъ *Ahala*) въ *Ala*.

Это нерасположеніе измѣнять имена собственныхъ служить, какъ извѣстно, причиною того, что древніе поэты отъ Гомера и Гезіода до позднѣйшихъ временъ дозволяли себѣ метрическія вольности всякаго рода въ такихъ стихахъ, гдѣ наиболѣе встрѣчается именъ собственныхъ.

Итакъ, если *Vergilius* — древнелатинское имя (да и почему же оно должно быть моложе, чѣмъ очень древнія *Verginius* и *Verguleius*?), то имя автора Энеиды должно было звучать *Vergilius*, а не *Virgilius*. Форма *Virgilius* обязана своимъ происхожденіемъ не тому обстоятельству, что это имя производилось отъ слова *virgula*, но намеку на дѣвственный характеръ поэта, изъ-за котораго онъ уже при жизни получилъ въ любимомъ имъ городѣ Неаполѣ (древней *Parthenope*) прозвище *Parthenias* (*Donat., vita Virg. стр. 57 Suetonii ed. Reifferscheid*).

Вслѣдствіе того, если чисто латинская форма его имени несомнѣнно будетъ *Vergilius*, то я считаю вполне естественнымъ, чтобы во всѣхъ книгахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, слѣдовательно назначенныхъ для ученыхъ, писалось *Vergilius*, а не *Virgilius*, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда авторы преднамѣренно не признаютъ — что впрочемъ едва-ли можно допустить — результаты науки или правильную латынь.

Спрашивается теперь: слѣдуетъ ли также и по русски писать „Вергилій“, а не „Виргилій“, какъ это дѣлалось до сихъ поръ?

На это даетъ образцовый отвѣтъ покойный Ричль въ концѣ вышепозваннаго сочиненія объ имени этого поэта. Слѣдуетъ только вездѣ, гдѣ онъ употребляетъ слово „deutsch“, поставить слово „russisch“. Вотъ его слова: „Für heutiges Latein, *Vergilius*, nicht *Virgilius*. Aber darum auch sofort im Deutschen *Vergil* und nicht *Virgil*? Was würden wohl die Franzosen für ein Gesicht dazu machen, wenn ihnen zugemuthet würde auf einmal Aristotèle statt des gewohnten Aristote zu schreiben, oder Galène statt ihres (noch dazu so irrationellen) Galien? Und wir hätten nicht das Recht, das durchaus volksthümlich gewordene festzuhalten in *Virgil*? oder in Genitiv, in

Jupiter, in Scene u. s. w., und müssten uns, der wissenschaftlichen Erkenntniss zu Liebe, dass es allerdings im Latein genetivus, Juppiter, scaena hiess, auch im Deutschen die Schreibungen Genitiv, Juppiter, Scäne und scänisch aufzwingen? dürften am Ende nicht einmal mehr Homer und Horaz sagen statt Homeros und Horatius? sollten wohl gar auf Rom und Florenz und Neapel verzichten zu Gunsten der unzweifelhaft alten und ächten Formen Roma, Florentia, Neapolis? Möge doch nicht deutscher Pedantismus einen Schatten auf die deutsche Wissenschaft werfen, der gegen diese selbst den Spott des weitem Kreises der Gebildeten herausfordern muss“!

Дѣйствительно, внезапное измѣненіе въ русскомъ языкѣ всѣмъ извѣстнаго Виргилія въ Вергилія показалось бы также странно, какъ если-бы кто вздумалъ, ради этимологическаго пуризма, популярныя имена Ивана и Егора измѣнить въ Іоанна и Георгія!

Л. Миллеръ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Doctrinae metricae summarium. In usum scholarum suarum conscripsit A. L. Doellen, Univ. Charcoviensis Prof. Emer.—Petropoli, typis Caesareae Academiae Scientiarum, MDCCCLXXVI ¹⁾.

Не смотря на то, что великое значеніе метрики признается всѣми филологами; на эту науку все-таки въ большей части университетовъ не обращаютъ подобающаго вниманія. Даже въ Германіи, хотя, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ университетахъ этой страны, репертуаръ филологическихъ лекцій достаточно обширенъ и разнообразенъ, наука метрики часто преподается очень неудовлетворительно; при объясненіи поэтовъ не обращаютъ на метрику должнаго вниманія, между тѣмъ какъ поводъ для этого встрѣчается на каждой страницѣ древнихъ авторовъ.

Ясно, что при такихъ условіяхъ и въ гимназіяхъ метрика приходится въ очень недостаточномъ объемѣ. Это потому, что научное образованіе гимназическаго учителя зависитъ — хотя и не исключительно, тѣмъ не менѣе главнымъ образомъ — отъ подготовки и направленія, полученнаго имъ въ университетѣ. Намъ извѣстны не одинъ дѣльный педагогъ, объясненія коего древнихъ поэтовъ въ общемъ не оставляютъ ничего желать относительно тщательности, но который путается и оказывается не твердымъ, какъ скоро приходится скандовать стихи, и по возможности совсѣмъ избѣгаетъ говорить ученикамъ о метрическихъ особенностяхъ, напримѣръ, объ *clisio*, *hiatus*, *caesura*, *synizesis* и протяженіи короткихъ конечныхъ гласныхъ.

Наравнѣ съ пренебреженіемъ, въ какомъ находится метрика въ

¹⁾ Складъ этой книги находится у г. директора 2-й С. Петербургской гимназіи (на углу Демидоваго переулка и Кизанской улицы).

гимназіяхъ, почти совсѣмъ прекратились процвѣтавшіи прежде въ этихъ заведеніяхъ сочиненія латинскихъ стиховъ. Конечно, въ былое время латинскою версификаціей злоупотребляли слишкомъ много, такъ что тратились и силы и время, которыя можно было бы употребить съ большею пользою. Само собою разумѣется, что заниматься ею слѣдовало бы не для того, чтобы образовывать изъ учениковъ поэтовъ (истинные поэтическіе таланты не нуждаются въ подобномъ побужденіи) или чтобы возбуждать ихъ самолюбіе, но съ цѣлью научить ихъ пониманію метрическаго искусства, также какъ и особенностей языка древнихъ поэтовъ. Эта цѣль достигается практическими упражненіями въ версификаціи гораздо легче чѣмъ посредствомъ преподаванія метрическихъ правилъ или внимательнаго изученія такъ называемаго *gradus ad Parnassum*. Вотъ почему приходится сожалѣть, что, за исключеніемъ романскихъ странъ и Англіи, въ гимназіяхъ почти совсѣмъ перестали заниматься латинскою версификаціей.

Чтобы не подумали, однако, что авторъ этой статьи преувеличиваетъ значеніе латинской версификаціи изъ любви къ наукѣ, которой въ теченіе многихъ лѣтъ онъ посвящалъ свои труды, можно было бы привести мнѣніе о пользѣ латинской версификаціи для гимназій, высказанное Ричлемъ во 2-мъ томѣ его *Opuscula*, стр. 677 и слѣдующія. Возвратимся однако къ нашей темѣ. Очень важно, чтобы въ русскихъ университетахъ обрацали должное вниманіе на метрику съ тѣхъ поръ, какъ классическія занятія въ Россіи стали принимать все большіе и большіе размѣры. Вслѣдствіе этого мы и не можемъ не привѣтствовать всякій трудъ, способный оживить и возбудить у насъ занятія означеннымъ предметомъ; съ этой стороны заслуживаетъ полного вниманія книга, заглавіе коей выписано выше.

Извѣстно, что изслѣдователи древней метрики, которою стали ревностно заниматься, особенно въ Германіи, съ начала нынѣшняго вѣка, дѣлятся на два разряда: къ первому изъ нихъ принадлежатъ приверженцы направленія, ведущаго свое начало отъ Готфрида Германа и изложеннаго имъ въ его сочиненіяхъ, главнымъ образомъ въ „*Elementa doctrinae metricae*“ (Лейпцигъ, 1816) и въ „*Eritome doctrinae metricae*“ (появившейся сперва въ 1818 году, изданіе 4-е. Лейпцигъ, 1869), а ко второму—приверженцы совершенно противоположнаго направленія, выработаннаго Августомъ Бёкомъ въ его сочиненіи „*De metris Pindari*“ въ изданіи Пиндара (I, 2). Основываясь на сочиненіи Бёка, впрочемъ самостоятельно, была изложена новая теорія древней метрики Августомъ Россбахомъ и Рудольфомъ Вест-

фалемъ въ сочиненіи „Metrik der griechischen Dramatiker und Lyriker nebst den begleitenden musischen Künsten“ (Лейпцигъ, 1854—1865), сочиненіи, которое появилось нынѣ во второмъ изданіи подъ заглавіемъ „Metrik der Griechen im Verein mit den übrigen Künsten“ (1867—1868). Къ теоріи этихъ двухъ ученыхъ въ главныхъ чертахъ примкнулъ и Генрихъ Шмидтъ.

Между тѣмъ какъ Бёкъ теорію свою основывалъ на ученіяхъ древнихъ музыковъ, ритмиковъ и философовъ, а Россбахъ-Вестфаль и послѣдователи ихъ главнымъ образомъ на законахъ древней и новой музыки и ритма, предоставляя при этомъ обширное поле своимъ субъективнымъ воззрѣніямъ, Германнъ поступилъ совершенно иначе. Руководясь при составленіи своей системы метрики философскими соображеніями и по возможности мало соображаясь съ музыкой, онъ обратилъ особенное вниманіе, съ одной стороны, на всестороннее изученіе древнихъ грамматиковъ и метриковъ, а съ другой—на точное изслѣдованіе метрическихъ законовъ у различныхъ поэтовъ. На избранномъ пути имѣлъ онъ уже многихъ предшественниковъ, особенно между англійскими филологами. Въ числѣ ихъ особенно почетное мѣсто занимали Рихардъ Бентлей, Рихардъ Порсонъ и Эльмслей, изъ коихъ первый проложилъ путь правильному пониманію метрики древнихъ римскихъ поэтовъ, преимущественно древнихъ драматиковъ (достаточно упомянуть объ его изданіи Теренція), а два другіе оказали незабвенныя услуги метрикѣ греческихъ драматиковъ.

Не только систематическими своими изслѣдованіями, но и многочисленными изданіями древнихъ стихотвореній содѣйствовалъ Германнъ разъясненію метрическихъ законовъ классической поэзіи; авторитетъ его побудилъ многихъ ученыхъ къ спеціальнымъ изысканіямъ на основаніи его метода. До сихъ поръ не нашлось, однако, ни одного филолога, который *съизнова* предпринялъ бы составленіе системы метрики по методу Германна. Однако у него не было недостатка въ послѣдователяхъ по отношенію къ изученію римской метрики, которая въ изслѣдованіяхъ Германна была менѣе принимаема въ соображеніе. Въ духѣ Германна старался установить Ричъ метрическіе законы древне-римскихъ драматиковъ, между тѣмъ какъ Лахманъ и (на сколько у него хватило силъ) авторъ предлагаемой статьи занимались метрикой римскихъ дактиликовъ. На римскихъ поэтовъ какъ Бёкъ, такъ и послѣдователи его, обратили въ своихъ трудахъ крайне недостаточное вниманіе.

Трудъ профессора Дёллена, оказавшаго немаловажныя услуги

классицизму въ Россіи, трудъ, предназначавшійся сперва для употребленія при собственныхъ лекціяхъ, извлеченъ преимущественно (о чемъ и упомянуто въ краткомъ предисловіи) изъ Германновской „*Epitome doctrinae metricae*“, откуда нѣкоторыя мѣста заимствованы почти цѣликомъ. Также и въ распредѣленіи матеріала профессоръ Дёлленъ въ главныхъ чертахъ руководствуется книгою Германна. На стр. 10—32 изложена „*doctrinae metricae pars generalis*“, затѣмъ слѣдуетъ (33—128) „*doctrinae metricae pars specialis*“; отдѣлъ этотъ заканчивается метрическимъ анализомъ двухъ гимновъ Пиндара (Olymp. III и II) и двухъ хоровыхъ пѣсней Эсхила (Choëph., 319 сл.) и Софокла (Antig. 944 и сл.). Впрочемъ, хотя трудъ этотъ и почерпнутъ большею частью изъ книги Германна, онъ все-таки заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя дополненія и исправленія. Послѣднія были необходимы уже потому, что со времени Германна тексты поэтовъ, и главнымъ образомъ греческихъ драматиковъ, существенно измѣнились.

Многими значительными дополненіями авторъ обязанъ академику г. Августу Науку. Не маловажное прибавленіе составляетъ краткій обзоръ древнихъ и новыхъ руководствъ по метрикѣ и прочихъ вспомогательныхъ средствъ по этой наукѣ (стр. 1—10). Что касается латинской метрики, то здѣсь слѣдовало бы упомянуть о комментаріи Лахмана на Лукреція, ибо хотя это сочиненіе и не содержитъ никакой системы метрики, но за то отличается обиліемъ драгоценныхъ наблюденій и подробностей и вообще полезно при изученіи римскихъ поэтовъ. Въ остальной части книги не рѣдко дѣлаются ссылки на метрическія монографіи. Такимъ образомъ тѣмъ, которые, не ограничиваясь разбираемымъ сочиненіемъ, желали бы подробнѣе изучить метрику, облегчена возможность ознакомиться и съ остальною литературой, касающеюся этого предмета.

Такъ какъ *Epitome* Германна мало распространена у насъ, то трудъ г. Дёллена, отличающійся краткостью и точностью, можетъ быть пригоденъ какъ руководство по метрикѣ не только для употребленія въ нашихъ университетахъ, но и при самообученіи. По крайней мѣрѣ я твердо держусь того мнѣнія, что для начальнаго филологическаго изученія метрики гораздо болѣе всякой другой методъ пригодна метода Германна, которая, будучи въ сущности индуктивною, главнымъ образомъ направлена на спеціальное изслѣдованіе отдѣльных метровъ и вездѣ, при разборѣ стиховъ классическихъ поэтовъ, обращаетъ особенное вниманіе на языкъ. Различныя же гипотезы объ отношеніи метрики къ музыкѣ и ритму, какъ бы остро-

умно придуманы и защищаемы онѣ ни были, для практической потребности учителя приносить очень мало пользы; въ гимназіяхъ же онѣ ни къ чему не годны. О томъ на сколько сравненіе древней и новой музыки или ритмики способствуетъ пониманію метрической композиціи одъ Пиндара, хоровыхъ пѣсень въ греческой драмѣ, *canticum* Плавта, авторъ этой статейки судить не можетъ, ибо не знаетъ музыки. Онъ можетъ только завѣрить, что для дактилическихъ, анапестическихъ, троханческихъ, ямбическихъ и логоэдическихъ метровъ, то-есть, для тѣхъ, которые почти исключительно встрѣчаются въ гимназическомъ преподаваніи, изслѣдованіе метрики по принципамъ Германна даетъ вполне удовлетворительные результаты. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вообще со временъ Александрійцевъ музыка и метрика почти вездѣ расходились и каждая изъ этихъ наукъ шла своимъ путемъ. Если же почти всѣ поэты александрийскаго и римскаго времени (напримѣръ, Гораций) чрезвычайно часто говорить о пѣніи и пѣсняхъ, это обстоятельство ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что музыка на ихъ метрику не имѣла ни малѣйшаго вліянія.

Итакъ, если руководство для изученія метрики по принципамъ Германна можетъ быть преимущественно рекомендовано для пракческаго употребленія филологовъ, то и метода Германна одинаково побуждаетъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ всѣхъ тѣхъ, кто склоненъ къ самостоятельному мышленію. Ибо именно подробности метрическаго искусства каждаго отдѣльнаго поэта древности служатъ далеко еще не исчерпаннымъ источникомъ для изслѣдованій.

Какъ въ трудѣ Германна, такъ и въ книгѣ г. Деллена особенное вниманіе обращено на греческую метрику; римской же касаются они только мимоходомъ. Вслѣдствіе того нельзя удивляться, что касательно этой послѣдней изъ книги Германна заимствовано г. Делленомъ кое-что такое, что во всякомъ случаѣ представляется очень сомнительнымъ въ виду результатовъ современной науки. Такъ, напримѣръ, все сказанное на стр. 17-й о правилахъ, соблюдаемыхъ въ концѣ стиховъ, могло бы быть еще точнѣе опредѣлено по d. r. m. роёт. lat. стр. 181, 82. Замѣчу при этомъ, что въ указанномъ мѣстѣ цитируемый мною примѣръ Hor. Sat. II, 3, 117, 18:

stramentis incubet unde
octoginta annos natus, cui stragula vestis

слѣдовало бы пропустить, ибо конъектура Мейнке *„stramentis*

incubet ulvae“ оказывается необходимою уже по самому смыслу. Иначе не понятно, почему Гораций для обозначенія здѣсь преклонныхъ лѣтъ старца упоминаетъ о возрастѣ 78-лѣтнемъ, вмѣсто — какъ это обыкновенно дѣлается—80-лѣтняго возраста.

На стр. 26 говорится о совпаденіи или несовпаденіи грамматическаго ударенія съ поэтическимъ ритмомъ, а главнымъ образомъ съ ритмомъ *arsis*’а слѣдующее:

Apud Romanos poëtae antiquiores multum ex accentu pendebant, recentiores vero, etiamsi accentum negligebant, tamen cum respicere non prorsus omittebant, id saltem spectantes, ut in finibus versuum arses in iisdem essent syllabis, quae cum accentu proferrentur, quod quidem in initiis versuum et in mediis versibus minime observabant.

Это мнѣніе Бентлея и Германа дѣйствительно еще и теперь, сколько намъ извѣстно, было защищаемо величайшимъ авторитетомъ въ области латинской филологіи Ф. Ричлемъ; однако, относительно этого часто высказывались и сомнѣнія, главнымъ образомъ, Корсеномъ (*Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lateinischen Sprache* II, 498 сл. 2-го изданія) и авторомъ предлагаемой статьи, (d. r. m. стр. 206 сл.), придерживающимся того взгляда, что совпаденіе грамматическаго ударенія и поэтическаго ритма, встрѣчающееся часто въ стихахъ римскихъ поэтовъ, основано на совершенно иныхъ причинахъ, чѣмъ соображеніе съ прозаическимъ произношеніемъ въ латинскомъ языкѣ,—причинахъ, распространяться о которыхъ здѣсь не мѣсто. Касательно метрики древнелатинскихъ комиковъ слѣдовало бы упомянуть о чрезвычайно важныхъ изслѣдованіяхъ Ричля и о тѣхъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя по поводу работъ Ричля, въ подтвержденіе или опроверженіе его взглядовъ, трактовали о метрикѣ Плавта и Теренція.

Такъ какъ для практическаго употребленія преподавателей главнымъ образомъ принимается въ соображеніе метрика римскихъ поэтовъ, то авторъ этой статьи намѣренъ издать въ скоромъ времени краткую латинскую метрику, при чемъ будетъ принята въ соображеніе и метрика греческая; онъ надѣется, что книжка его встрѣтитъ радушный пріемъ въ педагогическихъ кружкахъ.

Въ концѣ книги г. Дёллена—книги, которую по вышеизложеннымъ причинамъ мы еще разъ рекомендуемъ паставникамъ -- помещенъ *index*. Напечатана она вообще очень аккуратно; нѣкоторыя же опечатки не мѣшаютъ, по крайней мѣрѣ, пониманію текста.

Л. Миллеръ.

Полный русско-латинскій словарь съ приложеніемъ словаря собственныхъ географическихъ, историческихъ и мнѳологическихъ именъ, встрѣчающихся въ римской литературѣ. Составленъ *А. Н. Орловымъ*. Изданіе книгопродавцевъ Сазанскихъ. Москва, 1876.

Для кого и для чего изданъ словарь, заглавіе коего выписано выше, и нуженъ ли онъ въ настоящее время? Вопросъ этотъ естественно предсталъ намъ, когда принялись мы разсматривать его, но въ сожалѣнію, мы не нашли на него отвѣта въ самой книгѣ. Авторъ не считъ нужнымъ предпослать своему труду хотя небольшое введеніе, или, по крайней мѣрѣ, краткія замѣтки о цѣли, которую имѣлъ онъ въ виду. Словарь названъ полнымъ русско-латинскимъ словаремъ,—и только. Но слово „полный“ слишкомъ неопредѣленно и потому не ясно; оно общаетъ много, но не обозначаетъ, въ чемъ именно заключается это многое; оно не разъясняетъ даже, въ какомъ смыслѣ надобно понимать его: въ томъ ли, что словарь принялъ на свои страницы всѣ слова русскаго языка и переложилъ ихъ съ такою же полнотою на латинскій; или въ томъ, что латинскія слова и обороты, внесенныя въ словарь, исчерпываютъ всю латинь, всю ея фразеологию, начиная съ Андроника и кончая паденіемъ римской имперіи? Мы увидимъ, что Словарь далеко не удовлетворяетъ такому пониманію слова „полный“; что въ немъ напротивъ не только не исчерпано богатство латинскаго языка, но, по нѣкоторымъ отдѣламъ, оно едва затронуто; что очень многое упущено, ко многому едва привоснула рука составителя, многое понято не такъ, какъ слѣдуетъ.

Что касается до выставленныхъ нами вопросовъ: „для кого и для чего изданъ словарь“, то они не только не праздны, но существенно связаны съ установленіемъ правильнаго взгляда на книгу. Вѣдь всякая работа, всякое дѣло должно имѣть цѣль; слѣдовательно нужно и разсматривать ихъ сообразно съ тою цѣлію, для которой они предприняты. Это до такой степени ясно, что вполне справедливо можно упомянуть здѣсь о словахъ Горация (*Sat. 1, 7, 3*): *opino omnibus et lippis notum et tonsoribus esse*. То же самое правило вполне естественно примѣняется и къ составленію русско-латинскаго словаря. Принимаясь за него, нужно было предварительно уяснить себѣ, для чего и для кого онъ будетъ нуженъ, но составитель не сдѣлалъ этого; онъ не послушалъ совѣта Салустія: *priusquam incipias consulto, et ubi consulueris, mature facto opus est*, и тѣмъ лишилъ и себя руководящей идеи, и у насъ отнялъ средство вполне правильно судить объ его трудѣ.

По нашему личному убѣжденію, каждый составитель русско-латинскаго словаря, приступая къ исполненію своей задачи, можетъ имѣть въ виду только три цѣли, именно: онъ составляетъ словарь или для того, чтобы его трудъ послужилъ надежнымъ пособіемъ лицамъ, которые имѣютъ надобность на столько овладѣть латинскимъ языкомъ, чтобы говорить на немъ; или для того, чтобы онъ служилъ по возможности полнымъ и обстоятельнымъ руководствомъ для преподавателей латинскаго языка въ гимназіяхъ; или, наконецъ, чтобы онъ оказался полезнымъ гимназистамъ двухъ-трехъ высшихъ классовъ, для ихъ классныхъ и домашнихъ переводовъ съ русскаго на латинскій. Другихъ цѣлей мы не можемъ себѣ представить. Но такъ какъ и указанныя не одинаковы въ тѣхъ требованіяхъ, которыми обуславливается достиженіе каждой изъ нихъ, то, очевидно, и приемы для удовлетворенія имъ со стороны составителя словаря не могутъ быть одинаковы. Никто, я думаю, не будетъ оспаривать, что годное въ словарѣ для преподавателя можетъ быть не только не пригодно, но и бесполезно для ученика, и на оборотъ, что словарь, составленный съ цѣлію помочь писанію и говоренію по латинѣ, тоже имѣетъ свои особенныя требованія, которые налагаютъ на составителя необходимость вносить въ него много такого, чего не слѣдуетъ допускать въ словаряхъ первой и второй категоріи.

Судя, впрочемъ, по нѣкоторымъ даннымъ, напримѣръ, по тому что въ Словарѣ помѣщены слова, относящіяся къ естественнымъ наукамъ вообще, можно придти къ заключенію, что г. Орловъ, принявшись за свой трудъ, имѣлъ въ виду не одну только гимназію; ему хотѣлось, мнѣ кажется, составить словарь, который былъ бы годенъ и для гимназій и для лицъ, имѣющихъ надобность говорить и писать по латинѣ. Этимъ, кажется, можно объяснить и названіе Словаря полнымъ, и помѣщеніе въ немъ словъ, относящихся къ естественнымъ наукамъ, или означающихъ такія должности, которыхъ у Римлянъ не было и съ которыми не придется имѣть дѣла ни гимназисту, въ своихъ занятіяхъ латинскимъ языкомъ, ни преподавателю латинскаго языка въ гимназіи на урокахъ, какъ напримѣръ, генералъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантерій, отъ кавалеріи, генералъ-лейтенантъ-фельдцейхмейстеръ, полковникъ, капитанъ и пр. Но г. Орловъ забылъ благоразумную пословицу: „погоняйся за двумя зайцами, ни одного не поймашь“. Онъ хотѣлъ достигнуть разомъ всѣхъ трехъ цѣлей, указанныхъ выше, и не достигъ ни одной. Составлять словарь русско-латинскій исключительно для того,

чтобы онъ служилъ пособіемъ для желающихъ выучиться говорить и писать по латинѣ, значило бы, по моему, *oleum et operam perdere*. Кто у насъ въ настоящее время ощущаетъ надобность приобрѣсти знаніе латинскаго языка именно съ этою цѣлію? Кому предстоитъ нынѣ настоящая необходимость излагать науку на латинскомъ языкѣ?

Съ другой стороны, всякій признаетъ, конечно, вполне практичнымъ и современнымъ составленіе русско-латинскаго словаря для гимназій, но мы думаемъ, что изъ двухъ цѣлей, которымъ придется удовлетворить въ этомъ случаѣ, надо имѣть въ виду прежде всего и преимущественно учениковъ высшихъ классовъ гимназій. Почему же такъ? А потому, что при теперешней нашей бѣдности, или правильнѣе, полномъ нищенствѣ русско-латинскими словарями, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду тѣхъ, кто болѣе нуждается въ нихъ, а такими оказываются ученики гимназій. Преподаватели могутъ пользоваться пособіями на латинскомъ языкѣ, напримѣръ, комментаріями къ древнимъ авторамъ, словарями, какъ общими, такъ и специальными; большинство ихъ владѣетъ вѣроятно нѣмецкимъ языкомъ, при содѣйствіи коего для нихъ открыты всѣ сокровища нѣмецкой литературы по классической филологіи. Ученики находятся совсѣмъ въ другомъ положеніи; они являются на экзаменъ съ тѣми знаніями, какіи успѣли приобрѣсти въ школѣ; эти знанія должны быть не малы для полученія аттестата зрѣлости; они должны обладать довольно значительнымъ запасомъ словъ и фразъ, чтобы удачно составить латинское *extemporale* на окончательномъ экзаменѣ. Если бы имѣли мы русско-латинскій словарь, составленный именно для учениковъ, то успѣшное преподаваніе латинскаго языка въ гимназіяхъ много выиграло бы отъ того. Оно и понятно: то, что теперь, при недостаткѣ словарей, приходится преподавателю сообщать изустно, а ученикамъ записывать, они имѣли бы у себя въ словарѣ постоянно передъ глазами и могли бы пользоваться имъ.

Какой же было бы желательно имѣть русско-латинскій словарь для гимназистовъ высшихъ классовъ? Произведенія какихъ латинскихъ авторовъ должны служить основой для него? Какими періодами римской литературы нужно при этомъ ограничиваться? Если бы дѣло шло только объ ученикахъ гимназій, и притомъ высшихъ классовъ, то было бы не трудно отвѣчать на упомянутые вопросы. Въ гимназіяхъ читаются лишь авторы, принадлежащіе къ извѣстному періоду римской литературы, а именно: писатели такъ называемаго

золотаго вѣка, или, что то же, Цицероновскаго и Августовскаго. Вотъ они-то исключительно и должны доставить матеріалъ для словаря. Такъ какъ произведенія этихъ писателей касаются исторіи, философіи, различныхъ нравственныхъ вопросовъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ въ частной перепискѣ и въ рѣчахъ судебныхъ и политическихъ, то и выборъ словъ для русско-латинскаго словаря, предназначеннаго для гимназій, долженъ ограничиться исторіею и географіею, древностями, филологіею, ораторскимъ искусствомъ. Составитель разбираемаго нами Словаря, ограничивъ себя этими предѣлами, выигралъ бы много мѣста въ немъ для того, чтобы подробнѣе изложить слова и обороты, которые касаются упомянутыхъ сторонъ древней римской жизни и которые постоянно встрѣчаются ученику въ его учебной практикѣ; онъ не внесъ бы такихъ словъ, кѣторыя ученику никогда не понадобятся при переводахъ съ русскаго на латинскій, какъ напримѣръ: аббатъ, аббатиса, аббатство, абоннементъ, абонировать, авдотька (птица), аврамово дерево, авранъ (растеніе), агарь (куликъ, бекасъ, съ повтореніемъ три раза *scolopax* при всѣхъ словахъ), адамантъ, адамова голова (растеніе), аденологія (наука о желѣзахъ), адресъ-календарь, адресъ-контора, акцептація (тутъ же полученіе, квитанція, контрмарка, переведенныя на латинскій не одними и тѣми же словами, напримѣръ, акцептація *acceptatio*, квитанція *apocha*, *acceptilatio*, *recantum*, *relatoria*, контрмарка *relatoria*, *acceptilatio*), аистникъ (растеніе), палительный *glabratorius*, котораго мы не отыскали и въ словаряхъ латинскаго языка, палья (рыба), палтусъ (рыба), палочникъ (растеніе), картузъ (*apex! Risum teneatis amici!*), карантинъ, и пр. Эти и подобныя имъ слова, которыхъ въ Словарѣ г. Орлова можно набрать многое множество, совершенно излишни; они составляютъ балластъ, который, умноживъ число печатныхъ листовъ, лишь возвысилъ цѣну Словаря, не прибавивъ ничего къ внутреннему его достоинству. Мы не желаемъ сказать, что русско-латинскому словарю должны быть чужды слова, относящіяся къ естественнымъ наукамъ; напротивъ, мы думаемъ, что и ихъ надобно помѣщать даже въ такомъ русско-латинскомъ словарѣ, который преслѣдуетъ пользу и потребности исключительно гимназистовъ; только мы полагаемъ, что въ него должны войти тѣ только слова изъ области естествознанія, которыя встрѣчаются у читаемыхъ авторовъ; мы думаемъ, что и Старшаго Плинія нужно обходить, ибо если начнемъ черпать изъ него, то придется составлять особый словарь. Вотъ почему въ словѣ „жаба“ въ Словарѣ г. Орлова мы считаемъ лишнимъ *bufo*, которое встрѣчается едва ли

не въ одномъ только мѣстѣ у Виргилія, именно Georg. 1, 184; по крайней мѣрѣ Форбигеръ въ примѣчаніи къ этому мѣсту говоритъ: *praeter hunc locum nusquam videtur commemorari*. Къ чему помѣщены *angina*, *sqninantia*, *synanchicus*? Къ чему слова: жабикъ (кам.) *ichthyolithus bufonites*, жабинецъ (раст.) *ganunculus bulbosus*, жабникъ (раст.) *filago*, *quinquefolium*, жабрей (раст.) *antirrhinum genistipholium*, те-
jjium, жаглица (раст.) *lenociera*, жаръ-птица *strathio casuarius*, вѣ-
 роятно *struthio*, жгунъ (раст.) *carpsicum*, жгучка (раст.) *urena*, желто-
 брюшка (п.) *motacilla citreola*, желтоцвѣтъ (рыба) *exocoetus*, желѣз-
 никъ (раст.) *verbena officinalis*, *ferraria herba*, желѣзнякъ (дер.) *ro-
 binaria frutescens*, живика *sideritis* (встрѣчается у Плинія, и притомъ
 въ различныхъ значеніяхъ), живокость (раст.) *symphytum*, животно-
 растение *zoophytum*, живучка (раст.) *aiuga*, жигунецъ (раст.) *anthe-
 mis rugetrum* и пр.?

Далѣе, чтобы русско-латинскій словарь, а тѣмъ болѣе „полный“, могъ удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ не только уча-
 щихся, но и всѣхъ, которые станутъ обращаться къ нему, онъ дол-
 женъ содержать богатую фразеологію латинскаго языка. Если бы сло-
 варь назначался для гимназій, то мы желали бы чтобы и фразеоло-
 гія въ немъ была заимствована изъ тѣхъ же писателей, которые чи-
 таются въ гимназіяхъ. Къ сожалѣнію, Словарь г. Орлова совершенно
 упустилъ изъ виду фразеологію; вошедшія въ него слова почти не
 сопровождаются подборомъ фразъ; а если и встрѣчается это, то какъ-
 то случайно, и притомъ далеко не съ надлежащею полнотой. Въ
 подтвержденіе этого приведемъ нѣсколько примѣровъ. Беремъ слово
 „война“, которое, замѣтимъ, наиболѣе обставлено въ словарѣ фразам-
 и; въ немъ не оказывается очень многихъ оборотовъ, связанныхъ
 съ *bellum*, и притомъ обще-употребительныхъ. Мы замѣтили слѣдую-
 щіе пропуски: морская война *bellum maritimum*, война съ Галлами
bellum Gallicum, *cum Gallis gestum*, бурные споры съ трибунами *bel-
 lum tribunicium*, война за родину и вѣру *bellum pro patria religioni-
 bus (pro sacris) susceptum*, *justum bellum* дѣйствительная война Liv.
 III, 12, 9; какъ въ мирное, такъ и въ военное время *et domi et mi-
 litia*, *et domi et belli*; равно великъ и въ мирѣ и въ войнѣ—*magnus
 bello*, *nec minor pace*; помышлять о войнѣ—*ad bellum animum intendere*,
de bello cogitare, *ad belli cogitationem se recipere*; пропущены: *consilium
 de bello inire*, *bellum commovere*, *excitare*, *facere cui*; *bellum apparare*, *com-
 parare*, *instituere*, *adornare*; не упомянуто, какая разница между *bellum
 iubere* и *decernere*; пропущены *bellum denuntiare*, *bellum inchoare* и мно-

гое другое, чего мы не выписываемъ. Беремъ слово „войско“, и здѣсь встрѣчаемъ ту же неполноту самыхъ употребительныхъ въ латинскомъ языкѣ оборотовъ; г. Орловымъ пропущены: *copiae pedestres, equestres, pedestres equestresque, pedestres navalesque; milites educere in expeditionem; expeditionem suscipere; castra movere сняться съ лагеря чтобы идти въ походъ; exercitum ducere, exercitui praeesse; exercitum scribere, milites scribere, legere; delectum habere; exercitum colligere, conficere, parare, comparare; exercitum — milites lustrare, recensere; exercitui supplementum scribere, exercitum reficere, supplere; aciem instruere, instituere; milites mittere; missos facere, militibus missionem dare, milites exauctorare*. Беремъ еще слово „должность“; напрасно стали бы мы искать: *petere honorem, ad rem publicam accedere, rempublicam capessere; munus cui deferre — mandare; munus — magistratum inire; munus suscipere; munus obire, sustinere, munere fungi, magistratum gerere* и многое другое. Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться, что „полный“ русско-латинскій словарь г. Орлова не только не можетъ быть названъ полнымъ, но даже обстоятельнымъ и подробнымъ.

Русско-латинскій словарь, для кого бы онъ ни назначался, будетъ ли онъ краткій, или полный, долженъ къ данному русскому слову не только подобрать однозначущія латинскія слова, но и объяснить различіе между ними, то-есть, воспользоваться синонимикою латинскаго языка, во всей ея полнотѣ, на сколько она теперь разработана, на томъ основаніи, что только синонимика дастъ возможность правильно выбирать то или другое слово, ту или другую фразу. Русско-латинскій словарь безъ синонимики не только не окажетъ никакой услуги обращающемуся къ нему, но значительно его затруднитъ и, вмѣсто правильнаго руководства и указанія, введетъ въ грубныя ошибки. Словарь г. Орлова, съ этой стороны, крайне недостаточенъ; въ немъ не обращено ни малѣйшаго вниманія на синонимикю; однозначущія латинскія слова набраны въ немъ какъ попало, безъ всякаго объясненія, не рѣдко безъ точнаго перевода по русски. Чѣмъ же слѣдуетъ руководиться въ томъ случаѣ, когда нужно выбрать именно подходящее слово изъ тѣхъ, какія находятся въ словарь? Очевидно, нужно будетъ дѣйствовать наобумъ. Синонимика принесла бы ученику пользу и въ томъ отношеніи, что приучила бы его вдумываться въ значеніе словъ и сравнивать ихъ. Мы, преподаватели латинскаго языка, сильно ошибаемся, если думаемъ, что ученику достаточно имѣть воспримчивую память, чтобы

совладѣть съ латинскою фразою. Въ многолѣтней моей практикѣ мнѣ приходилось замѣчать совсѣмъ иное. Память сама по себѣ, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, не приводитъ къ желаннымъ результатамъ при изученіи латинскаго языка; но вспомошествоваемая соображеніемъ и способностію сравненія, она приносить прочныя плоды, которые не легко утрачиваются, и даже, въ случаѣ утраты, не проходятъ безслѣдно для умственнаго развитія. Съ этой стороны словарь г. Орлова не можетъ привести пользы; онъ не даетъ никакого годнаго для употребленія матеріала ни ученику, ни преподавателю, а тѣмъ менѣе тому, кто захотѣлъ бы воспользоваться имъ съ практическими цѣлями. Въ словарь этомъ слова нагромождены безъ всякаго порядка, безъ сортировки; къ словарю г. Орлова нуженъ другой словарь въ лицѣ опытнаго и свѣдущаго преподавателя.

Въ доказательство, кромѣ уже приведенныхъ нами примѣровъ, укажемъ еще нѣсколько, заимствуя ихъ изъ разныхъ мѣстъ словаря:

Похороны, *funus*, *parentatio*, *funeratio*, *exsequiae*, *ferale tempus*, *sepultura*, *inhumatio*. Семь словъ, означающихъ, по словарю, одно и то же русское слово—похороны; почти тѣ же слова приведены и въ словѣ *потребеніе*, но прибавлены еще *funestatio*, *humatio*, *illatio*. Несостоятельность словаря оказывается изъ того, что слова, которыми г. Орловъ перевелъ „похороны“ набраны какъ попало, именно: послѣ *funus* поставлено *parentatio* и т. д.; въ томъ, что не объяснено различіе между ними; наконецъ въ томъ, что одни и тѣ же слова повторены два раза безъ всякой надобности. Латинскія слова, набранные для выраженія „похороны“, означаютъ не одно и то же, что и слѣдовало указать. Такъ: 1) *funus*, какъ греческое *ἐκφορά*, значить: выносъ тѣла покойника (въ словарь нѣтъ слова выносъ), похороны его; *exsequiae funeris*, или просто *exsequiae*, похоронное шествіе, — провожающіе покойника до могилы родные, друзья, знакомые, а если это сопровождалось торжественною пышностію, напримѣръ, ликторами, одѣтыми въ черныя одежды, музыкантами, несеніемъ за покойникомъ *imaginum maiorum*, что исполняли актеры, походившіе ростомъ и фигурою на покойника, надѣвавшіе себѣ на голову эти *imagines*, то это называлось *pompae*, или *pompa funeris*. Поэтому, *cadaver spoliatum imaginibus*, *exsequiis*, *pompa*, *laudatione*. Cic. Mil. XIII, 33. См. примѣч. Фелькеля. Ср. XXXII, 86, *sine imaginibus*, *sine cantu* *atque ludis*, *sine exsequiis*, *sine lamentis*, *sine laudationibus*, *sine funere*. У Овидія (*Fasti* VI, 663) *pompa funeris*. Nep. Att. 22, *sine pompa*

funeris; Tacit. Ann. III, 5, publici funeris pompa. См. Doederlein, Lateinische Synonyme und Etymologien, IV, 408.—2. *Погребеніе, заритіе въ землю* называется по латинѣ *sepultura* и *humatio*, первое какъ обрядъ погребенія, второе какъ исполненіе его, и потому оба слова соединяются, какъ у Cic. Tusc. Quaest. 1, 43, 102, de humatione et sepultura dicendum. Какъ обрядъ погребенія, *sepultura* соединяется съ различными оборотами, напримѣръ: *corpus ad sepulturam (sepulturae) dare*, *honore sepulturae carere*, *sepulturae honorem tribuere*, *sepulturam perficere* и пр. См. Forcel. Плиніи Н. N. VII, 55. *Sepultus intelligitur quoquo modo conditus, humatus vero humo tectus*. Слово же *inhumatio*, которое приводитъ г. Орловъ, мы не отыскали ни въ общихъ, ни въ частныхъ словаряхъ; есть *inhumare*, оно встрѣчается у Старшаго Плинія въ значеніи *infodere in terram, terra obruere*, Plin. II. N. XVII, 30, 3. *inhumare taleas*, но очевидно, не въ смыслъ погребать покойника; есть *inhumatus*, въ значеніи не погребенный, оставленный безъ погребенія, *insepultus, non humatus*, см. Cic. Tusc. 1, 43, 104, *proci se jussit inhumatum*, то-есть, Diogenes Cynicus. Срав. Cic. Phil. 14, 13; у Virg. Aen. 1, 353; III, 67; VI, 316. 325. 373; но *inhumatio* вѣтъ.—*Parentatio* встрѣчается только у Тертуліана и значить: поминки, поминаніе, отъ *parentare*, которое значить *iusta parentibus cognatisque et affinibus vita defunctis ad eorum sepulcra persolvere*, совершать поминки по усопшемъ. Такимъ образомъ, *parentatio* не значить похороны умершаго, какъ читается въ русско-латинскомъ словарѣ г. Орлова и въ словарѣ Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго.—*Funeratio* дѣйствительно значить то же, что *humatio*, но встрѣчается только у Марціана Капеллы, то-есть, въ первой половинѣ V-го столѣтія по Р. X. Что *funeratio* то же что *humatio*, положительно можно утверждать на томъ основаніи, что *funerare* въ значеніи погребать, закапывать въ землю, встрѣчается у Светонія, Плинія Старшаго, Сенеки, Валерія Максима.—Наконецъ *ferale tempus* есть поэтическое выраженіе, встрѣчающееся у Овидія, Fast. V, 486, гдѣ, по нашему мнѣнію, оно вовсе не значить „похороны“ въ собственномъ смыслѣ, а все время поминокъ, поминальныхъ дней. Что касается словъ *funestatio* и *illatio*, приведенныхъ г. Орловымъ въ значеніи погребенія, то первое совсѣмъ не употребляется у латинскихъ писателей, за исключеніемъ Фирмика Матеріа, жившаго при Константинѣ Великомъ, а второе т. е. *illatio* и не значить въ собственномъ смыслѣ погребеніе, а принесеніе умершаго въ то мѣсто, гдѣ его схоронить: *illatio mortui sepulturae causa*; слѣдовательно далеко

не то, что Римляне связывали съ *funus*. По моему мнѣнію, гораздо умѣстнѣе было бы, если бы составитель отнесся съ большею отчетливостію къ словамъ, собраннымъ у него подъ рубрикою похороны и погребеніе; онъ повялъ бы, что нѣкоторыя изъ нихъ попали совсѣмъ не на свое мѣсто, а другія безъ всякаго ущерба можно было бы и не помѣщать, напримѣръ, *funestatio*, *illatio*, *funeratio*, *ferale tempus*; вмѣсто ихъ лучше было бы помѣстить слѣдующіе обороты съ переводомъ на русскій языкъ: *celebritas supremi diei*, *funus amplum*, *apparatissimum*, *honestum*, *funus exsequiis celebrare*, *funus cui facere, ducere, funus exsequi, exsequias comitari* и пр.

Беззаконіе *scelus*, *nefas*, *profanum*, *sceleritas*; преступленіе *delictum*, *maleficium*, *facinus*, *scelus*, *crimen*, *noxia*, *noxitudo*, *peccantia*, *peccatum*, *commissum*, *violatio*; грѣхъ *peccatum*, *delictum*, *flagitium*, поводъ ко грѣху *scandalum*; проступокъ *delictum*, *crimen*, *culpa*, *poxa*, *vitium*, *admissum*, *error*, *peccatum*, *praevaricatio*; вина (проступокъ) *culpa*, *noxia*, *nocentia*, *noxitudo*, *crimen*, *vitium*, *delictum*, *reatus*, *admissum*; пороки *vitium*, *crimen*, *dedecus*, *mendum*, *menda* (физическій). Мы видимъ, что одно и то же злово приводится здѣсь съ различными значеніями, напримѣръ, *crimen* значить и преступленіе, и проступокъ, и вина, и пороки; *scelus* и беззаконіе и преступленіе; *noxia* преступленіе и вина; *culpa* проступокъ и вина; *delictum* преступленіе и вина. Чѣмъ же руководиться при выборѣ нужнаго слова? Не справедливо ли мы замѣтили выше, что къ русско-латинскому словарю г. Орлова нуженъ другой словарь въ лицѣ опытнаго преподавателя? Отчего же это произошло? Очевидно отъ того, что г. Орловъ не считалъ нужнымъ приложить объясненія къ однозначущимъ латинскимъ словамъ, не уяснилъ себѣ надлежащимъ образомъ значенія русскихъ словъ, чтобы сообразно съ этимъ подбирать и латинскія. Оттого у него подъ преступленіе подошли и *peccatum*, и *delictum*, и *commisum*; оттого *delictum* означаетъ у него и преступленіе, и грѣхъ, и вину, и проступокъ; оттого пороки переводятся словами: *vitium*, *crimen*, *dedecus*, *mendum*, *menda* съ прибавленіемъ „физическій“, какъ будто *vitium* не значить тоже порока, недостатка въ физическомъ отношеніи, какъ будто не говорятъ *vitium corporis*, *vitia per totum corpus orientia*, *vitia aedificiorum*, *vitium corporis aegri*, то-есть, *saecitas*, *claudicatio*, *pravitas membrorum*, *vitium in parietibus*. Если *vitium* и *menda* означаютъ тѣлесный недостатокъ, то г. Орлову слѣдовало указать, различаются ли они въ этомъ отношеніи, или нѣтъ?

Сверхъ того, г. Орловъ вноситъ въ словарь такія слова, кото-

рыхъ преподавателю, а тѣмъ менѣе ученику, никогда не придется употреблять. Такъ *sceleritas* встрѣчается въ Digest. XLVIII, 21, 3, и то не въ значеніи беззаконія, какъ у г. Орлова и у гг. Лебединскаго, Яснецкаго и Ананьина, а въ значеніи преступности: *non enim facti sceleritatem esse obnoxiam, sed conscientiae metum in reo velut in confesso teneri placuit. Noxitude* приводится въ словаряхъ только разъ. Ср. Forcell., Georges. *Pecantia* находимъ у Тертуліана, и то не въ томъ значеніи, какое даетъ ему г. Орловъ, помѣщая его подъ преступленіе.

Иногда г. Орловъ даетъ словамъ такое значеніе, какое они рѣдко имѣютъ и въ какомъ употребляются лишь у немногихъ писателей. Такъ: *reatus* у г. Орлова значитъ вина, и только; на самомъ же дѣлѣ *reatus*, сообразно съ своимъ корнемъ, значитъ прежде всего: состояніе, положеніе, *status rei*, какъ у Apul. Metam. 1, 16, 55, *in meo reatu*—въ моемъ положеніи; такое же значеніе *reatus* удерживаетъ и въ III, 6, 184. Кромѣ того, *reatus* у того же Апулея значитъ *speciem externam et habitum*, какъ Met. IX, 30, 650 *mulier reatu miraeque tristitie deformis apparuit*; но у него же *reatus*=*culpa et crimen*, вина, проступокъ, какъ VII, 9, 462. При этомъ случаѣ Гильдебрандъ, издатель Апулея (tom. 1. pag. 550), говоритъ что упомянутое слово особенно часто употреблялось африканскими писателями, писавшими по латинѣ.

Наконецъ г. Орловъ иногда даетъ приводимымъ имъ словамъ такое значеніе, какого они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Такъ: *profanum* у него значитъ беззаконіе. Это не вѣрно. Правда у Старшаго Плинія (XVI, 3, 1) встрѣчается *profano civilium bellorum meritum*; но здѣсь надобно подразумѣвать *scelere*, какъ и дѣлаетъ лексиконъ Forcellini. *Profanum* употребляется и какъ существительное, но со-всѣмъ не въ значеніи беззаконія. Словомъ *profanum* обозначали все то, что перестало принадлежать религіи, храму, а перешло въ употребленіе и въ собственность людей. *Profanum est, quod a religione in usum hominum transiit. Serv. ad Vergil. Aen. XII, 119. По Фесту: profanum est, quod fani religione non tenetur, quod a fano et religione secretum. Profanum id proprie dicitur, quod ex religioso vel sacro in hominum usum proprietatemque conversum est. См. Macrobi. edit. Iani, III, 3, 3. 4.—Сюда же можно отнести и violatio, которое г. Орловъ помѣщаетъ подъ словомъ преступленіе; но въ собственномъ смыслѣ оно значитъ оскверненіе, оскорбленіе, поруганіе, напримѣръ templi. Liv. XXXI, 12, 5, XXIX, 8, 11; fidei Vell. Patere. 11, 1, 5*

religionum Senec. epist., CIV, 27 (28). Слѣдовательно, *violatio* и надобно было помѣстить подъ словомъ: оскорбленіе, куда оно и включено, только не на подобающемъ ему мѣстѣ и безъ надлежащаго и точнаго опредѣленія; правильно помѣщено оно и подъ словомъ оскверненіе, но смѣшано со словами, означающими то же, да не то, напримѣръ *coinquinatio*, *confoedatio*, и проч.; оно же помѣщено и подъ словомъ поруганіе, и вполне правильно, только опять смѣшано со словами самихъ разнообразныхъ значеній; тутъ, напримѣръ, встрѣчаемъ *prostare* отдавать себя на поруганіе, *prostitutio* отдача себя на поруганіе. Къ чему, спрашиваемъ, одно и то же слово растягивать на пять мѣстъ? Не лучше ли было бы помѣстить его въ одномъ надлежащемъ мѣстѣ и дать ему правильное объясненіе, а въ другихъ мѣстахъ только сдѣлать ссылки?

А между тѣмъ, въ упомянутыя рубрики г. Орловъ не внесъ того, что дѣйствительно нужно и что часто встрѣчается у самыхъ употребительныхъ писателей. Такъ, зачѣмъ было пропускать слѣдующіе обороты: *peccatum*, *delictum*, *nefas admittere*, *delictum committere*; *multa improbe facere*, *multa in deos impie committere*; *maleficium*, *facinus admittere-committere*, *in culpa esse*, *culpa teneri*; *extra culpam esse*; *culpam a se amovere—demovere*; *culpam in quem conferre—transferre*, и проч. и проч. Развѣ словарь, опустившій подобныя обороты, имѣетъ право на названіе „полнаго“?

Башмакъ *calceus*, *pellis*, *calopodium*; сапогъ *calceus*, *caliga*, *calcearium*; валяные сапоги *implia*, *ium*;—простой перо; сапожокъ *caligula*, *oscea*; сандалій *sandalium*, *solca*, *strepida*. И въ этой статьѣ оказывается та же смѣсь разнороднаго матеріала безъ малѣйшаго указанія на различіе одного слова отъ другаго. Кромѣ того, г. Орловъ нашелъ, что нашъ сапогъ есть то же, что *calceus*, *caliga*, *calcearium*, хотя навѣрное знаетъ, что у Римлянъ не было того, что мы называемъ сапогами, и что новѣйшіе латинисты то, что мы называемъ сапогомъ, переводятъ цѣлою фразою, именно: *calceamentum quod pedes suris tenuis tegit, quod crura tegit*. Это нужно было бы оговорить въ словарѣ, а не ставить подъ словомъ „сапоги“ нѣсколькихъ латинскихъ словъ, означающихъ совсѣмъ не то. Далѣе: *calcei gerandi* г. Орловъ переводитъ двойнымъ образомъ: въ одномъ мѣстѣ—это башмаки съ пряжками, въ другомъ же башмаки съ закорюченными носками, и притомъ въ одной и той же статьѣ. См. башмакъ и башмакъ жметъ, стр. 9, 10. Сверхъ того, подъ означеннымъ словомъ находимъ у г. Орлова грубыя ошибки. Такъ, *calopodium* совсѣмъ не значитъ баш-

макъ, а сапожная колодка, *forma lignea, qua utuntur sutores in calceis faciendis*, а грассо καλον lignum et ποῦς. ποδός. См Forcellini подъ calor. *Diabathrum*, а не *diabatrum*, какъ пишетъ г. Орловъ, не вполне точно опредѣлено въ его словарь; это слово не значить легкій башмакъ, а именно женскій башмакъ, и рѣдко употребляется. См. Forcell. и Georg. *Pellis*, въ значеніи собственно обуви, сапога, башмака, не употребляется; но въ переносномъ смыслѣ говорится вообще о всякомъ покровѣ, напримѣръ о палаткѣ: *sub pellibus* подъ палатками Caes. в. г. III, 29; б. с. III, 13; Afr. 47; о шлемѣ: *tempora tecti pelle lupi*, Ov. Met. XII, 381; о шапкѣ: Verg. Aen. VIII, 688 *fulvosque lupi de pelle galeros*. Такъ точно говорится у Овидія *pes in pelle natat*. Не точно переведено *calceos mutare*. Это не значить: надѣвать другіе башмаки, то-есть, *calceos*, а снимать *calceos* и надѣвать *soleas*. См. Becker Gall. III, 132.оборотъ: *soleas*, или рѣже *calceos poscere* не объяснено, а между тѣмъ это значить *surgere de coena*, вставать изъ за обѣда, изъ за пиршественнаго стола, по окончаніи его. См. Hor. Sat. II, 8, 77 и примѣчаніе Heindorf'a во второмъ изданіи, стр. 492. Къ приведеннымъ подъ словомъ башмакъ фразамъ нужно было бы прибавить: *calceis uti, calceos sibi induere, committere cui pedes calceandos*, разумѣтся, съ правильнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ.

Война *bellum, duellum, агта*. Къ этимъ словамъ не присоединены тѣ, которыми римскіе писатели выражали тоже войну, употребляя ихъ въ переносномъ смыслѣ, хотя агта, означающее войну метонимически, помѣщено въ словарь въ значеніи войны. Общее латинское слово для войны есть *bellum*; *duellum* же, старинная форма вмѣсто *bellum*, употребляется преимущественно поэтами; означая, въ большинствѣ случаевъ, именно войну между двумя народами, *duellum* никогда не означаетъ нашего слова „поединокъ“, какъ увѣряетъ г. Орловъ въ своемъ словарѣ, хотя, съ другой стороны, онъ правильно перевелъ дуэль словами: *pugna singularis, certamen singulare*. „Вызывать кого на“ — говорится: *provocare ad certamen*, Liv. XXIV, 8, 5. Кромѣ приведенныхъ г. Орловомъ, Римляне выражали войну еще и слѣдующими словами: они говорили *tumultus*, когда хотѣли обозначить внезапно возникшую войну, Caes. в. г. V, 36; с. I, 7; II, 25, III, 64, особенно по близости къ Риму. Cic. Phil. V, 19, 53; VIII. 1, 2; Liv. II, 26, 1 и часто.—*Militia* тоже означаетъ войну, но только въ родительномъ падежѣ и въ соединеніи съ *domi*.—Слово война въ словарѣ г. Орлова обставлено удовлетворительно, но все же далеко не

такъ какъ бы слѣдовало; многое, относящееся къ войнѣ, пропущено напимѣръ, *bellum tribunicium* раздоры—споры—борьба съ трибунами, *bellum pro patria et religionibus sacris susceptum*, равно великъ и въ мирѣ и въ войнѣ *magnus bello nec minor pace, non praestantior in armis quam in toga*; помышлять о войнѣ *ad bellum animum intedere, de bello cogitare, ad belli cogitationem se recipere, consilium de bello inire*; возбуждать войну *bellum commovere-excitare* и проч. и проч. Въ той же статьѣ *bellum agere* г. Орловъ перевелъ двоякимъ образомъ: вести войну и распоряжаться войною. Последнее значеніе неправильно, потому что распоряжаться войною по латинѣ не *bellum agere*, но *administrare*. Что касается до *bellum agere* въ значеніи вести войну, то и оно въ настоящее время признается неправильнымъ, и потому у Цезаря и Непота уже не встрѣчаемъ его, ибо во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ печатали прежде *bellum agere*, стоитъ теперь *bellum gerere*. *Bellum agere* читаемъ у Ливія (X, 31, 10), но только въ значеніи описывать, излагать войну; кромѣ того, встрѣчаемъ этотъ же оборотъ и теперь у Sall. H. 2, 4, 11; Liv. epit. 4^a; Curt. IV, 10 (42), 29; Mela, I. 16, 1, но во всѣхъ мѣстахъ надобно переводить его не „вести войну“, а начертать планъ войны, принимать мѣры къ приготовленію всего того, что необходимо для войны, и вообще это выраженіе указываетъ скорѣе на систему войны, на руководящій ея умъ, какъ напимѣръ у Корн. Неп. Hannib. 8 in agendo bello относительно мѣръ. плановъ войны; тутъ было бы не у мѣста in gerendo bello. См. Krebs, 5-е изданіе. Назначать войну г. Орловъ перевелъ словами *bellum discernere, iubere*; но между этими выраженіями есть разница, которую и слѣдовало бы указать, именно: *bellum iubet* только *populus*, какъ Liv. VII, 6, 7 *populus bellum frequens iussit*; IV, 30, 15, *populi iussu bellum indictum*; XLI, 1, 1 *bellum discernitur a senatu*; *iubetur a populo*. Drakenb. подъ *bellum*; впрочемъ у Liv. XLII, 38, 4 *quod bellum senatus iussisset; discernitur* же *bellum*, то-есть опредѣляется, постановляется, рѣшается война въ принципѣ сенатомъ, императоромъ, царемъ, вообще лицомъ, имѣющимъ верховную власть. Ср. Liv. XXXVI, 28, 5. XXXIV, 24, 7; Iust. XIV, 1, 1; Curt. IV. 2, 12.—*Latrocinari* не значить: вести незаконную войну, но — разбойничать, производить грабежъ, производить набѣги съ цѣлью грабежа; въ такомъ смыслѣ употребляется и *latrocinium*, набѣгъ съ цѣлью грабежа.

Bumæa *bellum, pugna certamen, proelium, acies, dimicatio, concursus*; бой *pugna, certamen, proelium, dimicatio*; — кулачный pale, *palaestra, pugilatio, latus*; въ тактъ *celeusma*; сраженіе *pugna, certamen, proe-*

lium, acies, colluctatio, conflictatio, coitio, duellum; унижение velitatio; — рѣшительное depugnatio, decertatio. Такимъ образомъ: бой, битва, сраженіе переведены почти одними и тѣми же словами, безъ всякаго объясненія и указанія на различіе между ними. Кромѣ того, переводъ и не точенъ. Такъ, напр., bellum г. Орловъ переводитъ словомъ битва и ставитъ его на первомъ мѣстѣ. Правда, bellum употребляется въ значеніи pugnae, proelii, но только, какъ метонимія, въ переносномъ значеніи, и притомъ рѣдко, у писателей послѣ Августа, у Justin. II, 12, 23; II, 4, 29, IX. 4, 4; XVIII, 1, 11; XXII, 8, 8; XXIV, 8, 1; Curtius IX, 4 14; X, 7, 18. Но и въ приведенныхъ мѣстахъ, если вникнуть въ смыслъ, bellum не вполнѣ совпадаетъ съ нашими: битва, сраженіе, бой, но выражаетъ или „борьбу“, какъ Curt. IX, 4, 14 cum anni bellum fuisse crederes; Iust. II, 4, 29; или указываетъ на ожесточеніе въ битвѣ, на то, что предстоитъ битва отчаянная, битва очертя голову, какъ Iust. XXIV, 3, 1; sine respectu periculorum in bellum ruebant; или же, наконецъ, означаетъ враждебныя дѣйствія, рѣзню, какъ у Curt. X, 7, 18; Iust. XXII, 8, 8. У Ливія употребленіе слова bellum, въ значеніи битва, сраженіе, ограничивается немногими мѣстами, какъ Liv. X, 28, 8; IV, 33, 3. Виргилій употребляетъ bellum, но только во множественномъ числѣ, и притомъ не для обозначенія отдѣльныхъ битвъ, но цѣлаго ихъ ряда, словомъ всю войну. Ср. Verg. Aen. I, 48; II, 439; IX, 182; XII, 633. При всемъ томъ, соглашались даже, что bellum употребляется латинскими писателями въ одномъ значеніи съ proelium, мы думаемъ, что г. Орловъ поступилъ неправильно, отведи этому слову первое мѣсто въ словѣ „битва“. Онъ хотѣлъ, кажется, выразить, что bellum въ значеніи битва есть самое употребительное слово; если же онъ не думалъ этого, то слѣдовало пояснить свою мысль.

Для выраженія нашего „кулачный бой“, г. Орловъ приводитъ четыре слова, именно: pale, palaestra, pugilatus, pugilatio, между тѣмъ какъ эти слова означаютъ далеко не одно и то же и не одинаковое имѣютъ право на помѣщеніе въ общеупотребительномъ словарѣ. Pale — слово не латинское, встрѣчающееся только у Стація, Сидонія (см. Forcellini, Georges); но то, что допускается въ языкъ поэтическомъ, и особенно у такихъ писателей, какъ Стацій, Сидоній, не можетъ и не должно быть принимаемо за образецъ и вносится въ русско-латинскій словарь, для всеобщаго употребленія. Palaestra собственно не значитъ кулачный бой. Palaestra это — школа гимнастики и я не нашелъ, чтобы употреблялось оно въ другомъ смыслѣ; въ извѣст-

ныхъ же мѣстахъ *palaestra* значить не „кулачный бой“, а вообще гимнастическія упражненія, *corporis exercitationes*. Ср. Нер. Ерам. 2, 4 *palaestrae dare operam*; Cic. de Orat. III, 22, 83 *discere palaestram*; I, 6, 73 *non utuntur artificio proprio palaestrae*; Cic. orat. V, 14 *palaestra histrionem*, то-есть, *juvat*; въ такомъ же значеніи у Виргилія Georg. II, 531 *corporeaque agresti nudant praedura palaestrae*; Аен. III, 281 *exercent patrias oleo labente palaestras nudati socii*.—Наконецъ, *celeusma* переводить г. Орловъ словами: кулачный бой въ тактъ. Откуда онъ заимствовалъ это? Упомянутое слово не имѣетъ никакого отношенія къ бою; это не больше какъ возгласъ и бой молоткомъ (*porticulus*) въ тактъ начальника гребцовъ (*hortator*, *pausarius*) для того, чтобы гребцы гребли дружно, разомъ поднимали и опускали весла.

„Относящійся къ бою“ г. Орловъ перевелъ словами *pugnatorius*, *pugilatorius*, и снова смѣшалъ два разные понятія. *Pugnatorius* тоже что греческое μάχος, *ad pugnam idoneus*, и встрѣчается у Светонія Cal. 54, гдѣ *pugnatoria arma* противопоставлено *rudibus* и слѣдовательно, значить: дѣйствительное, настоящее боевое оружіе, противоположное деревянному оружію, рапирамъ (*rudis*); *pugilatorius* напротивъ не значить: относящійся къ бою, какъ сказано въ словарѣ, а относящійся къ кулачному бою, *ad pugilatorem*—*pugilem pertinens*, или какъ переводить Georges, относящійся къ кулаку, кулакомъ ударяемый; то и другое объясненіе слова *pugilatorius* вѣрно и зависитъ отъ того, какъ будемъ переводить слова Трахаліона у Плавта Rud. III, 4, 16 (721) *extemplo, herle, eglo te follem pugilatorium faciam*, *et pendentem incursabo pugnīs*; слову *follis* даютъ два значенія: одни переводятъ его большой, но легкій мячъ, которымъ играли, ударяя кулакомъ или ладонью; другіе даютъ ему значеніе кожаного мѣха, наполненнаго воздухомъ, на которомъ упражнялись *pugiles*. См. Becker, Gallus, III, 25.

Въ словахъ, приведенныхъ г. Орловымъ для передачи нашего „сраженіе“, обнаруживается такая же путаница. *Colluctatio* не есть *proelium*, или *pugna*, или *acies*, но борьба, состязаніе, διακάλη, *actus colluctandi*, *lucta*, *conatus adversus quem* (Forcell. s. v.), и притомъ между двумя. *Si in colluctatione, vel in pancratio alius alium occiderit*, Digest IX, 2, 7. Говорится о боѣ быковъ, объ издыхающемъ мулѣ и предсмертныхъ судорогахъ, о взаимныхъ объятіяхъ влюбленныхъ.—*Conflictatio* тоже не означаетъ, собственно говоря, правильной битвы, сраженія, а скорѣе толканіе другъ друга и происходящую отсюда

драку; особенно же давку, толкотню въ толпѣ, при выходѣ и входѣ, *deformis et incommoda turbae conflictatio*. Quint. Inst. III, 8, 29. Въ значеніи *pugnae*, *proelii* встрѣчаемъ его у Геллія XV, 18, 3. См. Forcellini и Georges. Если г. Орловъ подъ словомъ сраженіе помѣстилъ *conflictatio*, то зачѣмъ пропустилъ *conflictus*, *conflictio*? Вѣдь и они, въ позднѣйшей латини, подобно *conflictatio*, употребляются въ значеніи *pugnae*, *proelii*. У Квинтилиана *conflictio* въ переносномъ смыслѣ о судебной борьбѣ III, 6, 4. 7. 11; VII, 1, 18; о столкновеніи двухъ тѣлъ: *duorum inter se corporum conflictio* III, 6, 6. См. Lexicon Quintil. Eduardi Bonpelli. s. v. — *Conflictus* столкновение; у Цицерона только въ творительномъ *conflictu*: *lapidum conflictu atque tritu elici ignem videmus* Cic. N. D. II. 9. *si nubium conflictu ardor expressus se emisit*, id est *fulmen*. Cic. Divin. II, 19, 44. Но у него же и въ именительномъ, какъ Саесин. 15 *conflictus conrogum*; въ позднѣйшей латини, послѣ Гадриана, въ значеніи битва, враждебное столкновение. Krebs. Antibarh. s. v. — *Coitio* никогда не значило того, что мы называемъ битвою—боемъ; это слово не есть синонимъ *proelium*, *pugna*; скорѣе оно подходит къ слѣдующей группѣ словъ: *congressio*, *congressus*, *conventus*, *concursum*; это скорѣе папа встрѣча съ отѣнкомъ раздраженія и словопрепія, какъ у Теренція Phormio II, 2, 32. *Senex adest: vide, quid agas? prima coitio est accerrima*. Гораздо чаще встрѣчается въ значеніи: стачка, скопище, сборище, какъ у Цицерона Epist. Attic. IV, 15, 7. *Coitio consulum et Pompeius obstant*. Здѣсь разумѣется *coitio candidatorum*, Мемміи et Domitii, quibus consules favebant. Эта была та стачка, за которую Мемміи, *de ambitu condemnatus*, отправился въ ссылку. По опредѣленію Цицерона: *est coitio, cum homines congregantur rei malae perficiendae, tanquam tribuum corrumpendarum causa*. Ernesti clavis Ciceroniana s. v.

Въ той же статьѣ (сраженіе) напечатано униженіе, которое, вѣроятно, относится къ *vilitatio*; но такого слова мы не нашли въ словаряхъ. Не напечатано ли вм. *velitatio*? Но и *velitatio* не значить униженіе, а—перестрѣлка, перепалка, схватка. Вѣроятно, это опечатка, потому что перестрѣлка—перепалка въ словарѣ переведены тѣмъ же словомъ; а къ слову перепалка прибавлено еще и другое *advelitatio*, которое не значить: перестрѣлка, перепалка, а перебранка, *iactatio quaedam verborum*. См. Forcellini. Въ смыслѣ же перебранки, словесной перестрѣлки употребляетъ Плавтъ *velitatio* Ср. Аз. II, 2. 41.

По нашему разумнію, было бы умѣстнѣе, если бы составитель словаря, вмѣсто словъ: *colluctatio*, *conflictatio*, *coitio*, *duellum*, совер-

шенно не относящихся къ разряду тѣхъ словъ, съ которыми они соединены, помѣстилъ разнообразныя обороты, которые развились въ латинскомъ языкѣ отъ pugna, proelium, acies и пр., а ихъ не мало; напримѣръ: pugna navalis, dimicatio navalis (Hirt. bell. Alex. 25), in proelium ire, in proelium-aciem prodire, in aciem-certamen descendere, in castra-bellum proficisci, exercitum in aciem educere, manum conserere, inter se concurrere, acie concurrere, proelium—pugnam facere, edere и пр.

Сопричитать (сопричислять?) inferre rationibus, къ богамъ dicare. Какъ первое такъ и второе переведено неправильно. *Inferre rationibus* не сопричитать, но вносить, ставить, вписывать въ счетъ, напримѣръ, издержку sumptum; вмѣсто этого говорили in rationem inducere, и просто inducere. *Dicare* сопричитать къ богамъ неправильно. *Dicare* въ этомъ значеніи не употребляется, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, которыя мы приводимъ ниже. *Dicare* же, въ собственномъ смыслѣ, значитъ: а) посвящать богу тѣ предметы, которые относятся къ культу, служатъ религіознымъ цѣлямъ—храмы, алтари, картины, статуи, арам, templum, crateram, domum, urbem; вмѣсто dicare въ такомъ же смыслѣ говорили dedicare, consecrare; б) sese in servitutum dicare nobilibus закабалить себя въ рабство благороднымъ, Caes. b. g. VI, 13, 2; se in clientelam dicare отдаваться подъ чью защиту ib. VI, 12, 7; dicare se civitati посвящать себя Cic.; но dicare se in civitatem тоже что ius civitatis petere et consequi, см. Ernesti clav. Ciceron. s. v.; adolescentes qui Crasso se dicant, т. е. se ad eum adplicarant, eius partes sequebantur Cic. de Orat. III, 3, 11. Ordire igitur: nam hunc tibi totum dicamus diem, посвящаемъ, отдаемъ. Cic. Leg. II, 3, 7. У Виргилія Aen. 1, 73 connubio iungam stabili propriamque dicabo и на вѣки отдамъ. Клиптиліанъ сталъ употреблять dicare, говоря о сочиненіи, которое посвящалось кому либо изъ уваженія. Inst. proem. 1, 6: quod opus, Marcelle, Victori tibi dicamus; IV, proem. 1 perfectio operis tibi dedicata tertio libro. Такъ употребляетъ и Плиній Старшій глаголь dicare. См. Krels Antib. s. v. dedicare. в) Въ значеніи же сопричитать къ богамъ у Тацита Ann. I, 59, 3 inter numina dicatus Augustus; Curt. VIII, 5, 11 Ne Herculem quidem et Patrem Liberum prius dicatos deos и пр. Но это едва ли не единственные примѣры въ латинскомъ языкѣ, гдѣ dicatus inter numina, dicatus deus значитъ то же что consecratus, inter deos relatus; по крайней мѣрѣ другихъ примѣровъ мы не могли, или не умѣли отыскать.

Набивать чьему elicitari. Такого глагола нѣтъ ни у Forcellini, ни

у Georges, ни въ спеціальныхъ словаряхъ. Набивать цѣну говорили по латини: *supra* — *plus adicere*, какъ у Cic. Verr. III, 77 *supra adiecit Aeschrio*; у Plin. *pretium augere*. См. Forcell. и Georges; набавлять цѣну—больше давать противъ кого, *quo licente contra liceri* Caes. b. g. I, 18, 3; *vincere quem*, какъ у Cic. Att. XIII, 29, 2. *Othonem vincas volo* (пожалуйста, давай больше Отона); купцы набавляютъ цѣну другъ предъ другомъ — *negotiatores certatim quid emunt* Plin. epist. VIII, 12, 2.—*Набавка* *perisseuma*, или *peritteuma*, слово не латинское, а греческое *περίσσωμα*, *περίττωμα*, и не значить: набавка цѣны, а по словарю Форчеллини *abundantia*, id est *donatio ex abundantia facta*, слѣдовательно излишекъ и дареніе сдѣланное изъ него. Набавка цѣны по латини *adiectio*, какъ у Liv. XXXVIII, 14, 13 *illiberali adiectione*; въ юридическомъ языкѣ—на аукціонахъ и продажахъ. См. Forcell. и Georges.

Обманъ. Для обозначенія его приведено г. Орловымъ 23 латинскихъ слова. И чего между ними мѣтъ! Тутъ и *ludibrium*, и *praestigia*, и *ostentatio*, и *pellacia*, и *techna*; а между тѣмъ пропущены нѣкоторые слова, дѣйствительно означающіе разные виды обмана, какъ-то: *fraudatio*, *fallacia*, *error* (обманъ себя самого), *simulatio*, *dissimulatio*. Если-бы г. Орловъ правильно понялъ значеніе словъ, которыми оставилъ „обманъ“, то не внесъ бы сюда ни *furtum*, ни *dolus*, которыя, въ собственномъ смыслѣ и не означаютъ того, что мы называемъ обманомъ. *Furtum*, первоначально въ римскомъ юридическомъ языкѣ, означало всякое незаконное присвоеніе чужой собственности, такъ что подъ *furtum* разумѣли то, что мы называемъ грабежемъ, воровствомъ, обманомъ и надувательствомъ; въ позднѣйшія времена—присвоеніе чужой собственности черезъ кражу, кража въ тѣсномъ смыслѣ, воровство. См. *Rein, das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus*, стр. 293. *Mühlenbruch's Lehrbuch des Pandecten-Rechts*, IV Auflage, II, § 445. — Такимъ образомъ *furtum* далеко не то, что *fraus*, и *furtum facere* не можетъ значить: причинять обманъ, обманывать. Если слово *furtum* и позволительно соединять съ *fraus*, то развѣ на томъ только основаніи, что *furtum* постоянно сопровождается обманомъ, *fraude*. Настоящее мѣсто для *furtum* въ словарѣ—воровство, гдѣ оно и помѣщено, и притомъ на первомъ мѣстѣ. Кромѣ того вполнѣ правильно поступилъ бы составитель, если-бы *furtum* помѣстилъ подъ словами: скрытное дѣйствіе, тайный замыселъ, засада, военная хитрость, чего онъ не сдѣлалъ; *furtum* въ этомъ смыслѣ встрѣчается и у прозаиковъ, и у поэтовъ, напримѣръ

Liv. IX, 13, 4 furto insidiarum, подѣ покровомъ засады; XXVI, 51, 12 nec opinato adventu ac prope furto unius diei (тайно, украдкою, воровскія въ одинъ день) urbem unam Hispaniae interceptam Tac. Agr. 34 furto noctis подѣ покровомъ ночи, тайно ночью, clam et noctu, Vergil. IX, 150 inertia furta; XI, 515 furta paro belli, то-есть, insidias; X, 735 haud furto melior, sed fortibus armis. Въ такомъ же значеніи у Квинта Курція IV, 13, 4. Parmenio furto non proelio opus esse censebat; intempesta nocte opprimi posse hortet.

Что касается *dolus*, то хотя это слово и ближе подходит къ категоріи *fraudis*, такъ что у римскихъ криминалистовъ оно помѣщается подѣ одною рубрикою съ *fraus* (Rein 329); однако *fraus* и *dolus* не выполнѣ однозначущи; римскіе криминалисты дѣлаютъ различіе между ними; они признаютъ *dolum* шире и большаго объема, нежели *fraus*; они говорятъ что *inest dolo et fraus*, и подѣ *dolus* понимаютъ *calliditatem*, *fallaciam*, *machinationem ad circumveniendum*, *fallendum*, *decipiendum alterum adhibitam* (Rein ibid. 150 и прив. мм.). Дѣлаютъ различіе между этими словами и писатели вообще, а потому и соединяютъ ихъ (см. Forcell. подѣ *dolus*) въ одномъ предложеніи.

Praestigia, чаще во множ. *praestigiae*, дѣйствительно означаетъ обманъ (*fraudem*), но произведенный посредствомъ обольщенія чувства, иллюзіи, *celeritate manuum per acetabula et alia eius generis*, какъ дѣлаютъ фокусники, которые и называются по латыни *praestigiatores*, *circulatores* гадатели и предсказатели будущаго, такъ называемые *astrologi*, *mathematici*, *horoscopi*, гадатели по звѣздамъ. См. Apul. liber de mundo въ началѣ: *nubium praestigiae* — фокусъ, производившіе облака. Затѣмъ *praestigiae* въ переносномъ смыслѣ, какъ у Cic. Fin. IV, 27, in. Ex iisdem verborum praestigiis et regna nata vobis sunt et imperia et divitiae, гдѣ подѣ *verborum praestigiae* разумѣетъ Цицеронъ то блестящее, но въ сущности ложное положеніе стоиковъ, что *sapientem solum regem, solum divitem esse*. Такимъ образомъ и это слово, получивъ мѣсто въ словарѣ подѣ *fraus*, требуетъ надлежащихъ объясненій, чтобы не вводить въ обманъ неопытныхъ латинистовъ, прибѣгающихъ къ помощи словаря.

Simulamentum читается только у Геллія въ одномъ мѣстѣ, именно: въ заглавіи, заключающемъ въ себѣ содержаніе 22-й главы XV-й книги, гдѣ *commenticia simulamenta*, по содержанію главы, близко подходятъ къ *praestigiae*, ибо упоминаемый въ этой главѣ Серторій прибѣгалъ къ такимъ фокусамъ относительно своихъ солдатъ, какіе употребляютъ настоящіе фокусники передъ своими зрителями. По мо-

ему мѣстѣ, это слово не имѣетъ никакого права на помѣщеніе въ русско-латинскомъ словарѣ, ибо оно встрѣчается только разъ, и потому означаемое имъ понятіе удобно выражается и словомъ *praestigiae*. Но если уже оно помѣщено, то и слѣдовало бы объяснить его надлежащимъ образомъ.

Suppressio слѣдовало отнести къ словамъ утайка, утаиваніе, куда и включилъ его г. Орловъ вполне правильно, потому что *suppressio* не значить *fraus* въ собственномъ смыслѣ, но — незаконное удержаніе у себя (присвоеніе себѣ) чужаго, *iniusta detentio*. У Цицерона (*Cluent.* 25) *suppressiones iudiciales sunt, cum quis pecuniam apud se depositam ut iudicibus solvat, sibi servat, avertit negatque se eam acceperisse*. *Schützii lexicon ciceronianum*, sub v. Такимъ образомъ, и это слово неправильно отнесено къ *fraus*; въ противномъ случаѣ надобно было объяснить его и отличить отъ *fraus*.

Ostentatio. Это то, что мы называемъ „выставка“ въ переносномъ смыслѣ, видъ, показъ, стремленіе казаться; въ религіи — ханжество, подъ которымъ оно и поставлено у г. Орлова совершенно правильно. Въ основѣ этого слова лежитъ желаніе показать себя, блеснуть, щегольнуть, слѣдовательно, оно ближе подходитъ къ *iactantia*, *vana venditatio*, хвастовство, гдѣ оно дѣйствительно и помѣщено, и совершенно правильно. Ср. *Cic. Tusc.* II, 4, 11 *ostentatio scientiae*, стремленіе блеснуть знаніемъ, выставка знаній; *Cic. Off.* II, 12, 9 *vana ostentatio*, гдѣ оно сопоставляется съ *simulatio*, *fictus sermo*, *fictus vultus*; *Orat.* II, 3, 31; II, 32, 333 *vitaanda ingeni ostentationis suspicio* (выставка на показъ, стремленіе блеснуть, погоня за); *iactationes* хвастливыя рѣчи, безплодныя слова, безплодныя усилія на словахъ, *pollicitationes* оставшіяся безъ всякаго результата, *Cic. Att.* V, 13, 1. *Ex quo te intellegere certo scio multorum annorum ostentationes meas nunc in discrimen esse adductos*. Такимъ образомъ и *ostentatio* неправильно помѣщено въ *fraus*. Правда, *ostentatio* тоже *fraus*, но только особеннаго свойства, что и слѣдовало г. Орлову объяснить.

Circumventio, особый видъ обмана, надувательства, умѣнье обойти кого, плутовская продѣлка, плутня. Но такъ какъ это слово встрѣчается только въ дигестахъ (IV, 4, 17) и у церковныхъ писателей, какъ *August. civit. dei* XXII, 22, то, по моему, и не для чего было помѣщать его въ русско-латинскомъ словарѣ, хотя бы даже и въ „полномъ“.

Circumscriptio, тоже особый видъ обмана, посредствомъ судебныхъ топкостей, ложнаго толкованія юридическихъ формальностей, склоненія

къ выдачѣ юридическихъ обязательствъ безъ права на то, посредствомъ поддѣлки юридическихъ актовъ, однимъ словомъ: *dolus per forenses insidias*. См. *Cicer. Off. III, 15, 2 circumscriptio adolescentium*, гдѣ разумѣется *dolus quo adolescentes, qui rui iuris non sunt, in fraudem illiciantur*; *Flacc. 30 emptiones falsas aperta circumscriptio facere* == нагло совершать покупки по ложнымъ документамъ. Отсюда *circumscriptor* (*Cic. in Catil. II, 4, 7*) разумѣется тотъ, *qui fraudem committit falsa interpretatione testamentorum*, составитель подложныхъ завѣщаній, или, по' другому объясненію: *is qui aliquem, ut adolescentem incautum, decipit, ut ab eo aliquid avertat*. Такимъ образомъ и это слово нужно было г. Орлову обставить надлежащими объясненіями, чтобы не вводить въ ошибки.

Corruptela, собственно порча и все то, что служить къ порчѣ, что влечетъ за собою порчу; отсюда: *corruptela* подкупъ, подарки съ цѣлью подкуна; отсюда *voluptates* называются *illicebrae corruptelarum*; отсюда *corruptela mulierum* тоже, что развращеніе — растлѣніе женщинъ; *corruptela iudicii* подкупъ судей. Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы доказать г. Орлову, что онъ неправильно помѣстилъ это слово подъ „обманомъ“. Самое приличное ему мѣсто было бы при словахъ: порча, подкупъ, гдѣ оно вполне правильно и помѣщено; но при словѣ развращеніе его нѣтъ, хотя бы и слѣдовало ему быть на этомъ мѣстѣ.

Deceptio вполне было бы уместно подъ словомъ обманъ, если-бы употреблялось оно классическими писателями; но такъ какъ оно встрѣчается только въ позднѣйшей латыни, именно у Марціана Капеллы, принадлежавшаго къ первой половинѣ V-го столѣтія, то и не для чего было помѣщать его въ словарь, тѣмъ болѣе, что оно легко замѣняется другими словами.

Delusio совсѣмъ не значить обманъ, а насмѣшка, осмѣяніе, и вошло въ употребленіе въ позднѣйшей латыни, вм. *illusio, irrisio*. Слѣдовательно, это слово ни въ какомъ случаѣ не должно стоять въ словарѣ подъ рубрикою „обманъ“; его слѣдовало отнести къ насмѣшкѣ, гдѣ однако не встрѣчаемъ его, или къ осмѣянію, гдѣ дѣйствительно и помѣстилъ его г. Орловъ. На какомъ основаніи составитель словаря даетъ *delusioni* значеніе обмана, не понятно. Не опечатка ли это?

Destitutio, неисполненіе даннаго слова, нарушеніе обѣщанія, говорится о деньгахъ, которыя обѣщано было дать, но не дано. По *Egnesti clavis Ciceroniana: in re pecuniaria est, cum aliquis pecuniam, quam pollicitus est se daturum, non dat*. Въ такомъ смыслѣ читаемъ

его у Цицерона, Cluent. 26, гдѣ разумѣются судьи (levissimi iudices), которымъ обѣщали взятку, но не дали; у него же Quint. 5 destitutione illa (Naevii qui promiserat se ei pecuniam mutuam daturum) percussus Roscius, гдѣ слѣдовательно разумѣется несостоявшійся обѣщанный заемъ денегъ. Если destitutio, по своему значенію, относится отчасти къ обману, то составителю нужно было бы точнѣе опредѣлить тотъ видъ обмана, къ какому принадлежитъ destitutio; въ противномъ случаѣ, прибѣгающій къ словарю, найдетъ въ немъ не то, чего искалъ. Собственно: destitutio значитъ покиданіе, оставленіе, какъ у Sueton. Domit. 14 quod post destitutionem Nero in adipiscenda morte manu eius adiutus existimabatur, то-есть quum ab omnibus Nero esset destitutus, quum omnes ab eo defecissent.

Falsimonia, или по другой формѣ falsimonium, правильно отнесено къ fraud; только это слово не классическое, а встрѣчается у Плавта, Bac. III, 6, 12, въ игрѣ словами: esse amicos reperiuntur falsi falsimoniis.

Falsum ложь, а не обманъ, тоже что mendacium; но въ словарѣ подъ „ложью“ не помѣщено falsum, хотя оно имѣло полное право стоять тутъ, ибо употребляется не только у поэтовъ Августа вѣка, но и у прозаиковъ, какъ то у Цицерона (de orat II, 45, 189), у Пелота (Them. 7, 2. Dat. IX: 2).

Frustratio не столько обманъ, сколько неисполненіе ожиданія, какъ напримѣръ у Cic. Fam. X, 23, 13 tanto maiorem haec frustratio (не исполнившееся ожиданіе) dolore attulit; Iust. IX, 6, 8, гдѣ variis frustrationibus не исполнявшіяся ожиданія вслѣдствіе отсрочекъ—откладываній въ долгій ящикъ. Далѣе: предлогъ, увертка, отговорка, какъ у Liv. III, 24, 1, clamant fraude fieri, quod foris teneatur exercitus: frustrationem eam legis tollendae esse, это предлогъ, отговорка, чтобы и пр. Отсюда: промахъ, непониманіе въ цѣль, какъ у Quintil. II, 20, 3 sine frustratione, безъ промаха. Этого достаточно, чтобы видѣть, что и frustratio, говоря строго, помѣщено г. Орловымъ не на мѣстѣ; правильнѣе было бы помѣстить его при словахъ: отговорка, увертка, и однако тамъ его нѣтъ.

Inductus совсѣмъ не означаетъ нашего слова „обманъ“, а увлеченіе, побужденіе, убѣжденіе, и употребляется вмѣстѣ съ persuasum, какъ Quint. V, 10, 69 persuasum et inductum, только въ творительномъ падежѣ. Cic. Herenn. III, 57 quod alieno inductu fecerit, гдѣ inductu, вм. impulsu, persuasum. Слѣдовательно и это слово стоитъ не на мѣстѣ.

Ludibrium. Трудно понять, какимъ образомъ попало оно подъ слово

„ложь“, ибо *ludibrium*, сколько намъ извѣстно, никогда не означало обманъ. Правда, у Квинта Курція сказано: *ludibrium oculorum* и противопоставлено ему *vera species*, соответствующее нашему обману зрѣнія или же призраку, призрачному явленію, IV, 15, 26; у него же: *si modo ars est, non vanissimi cuiusquam ludibrium*, гдѣ значитъ: бредъ, вздоръ, небылица, *commentum, inventum*, VII, 4, 8; у него же—*ad superstitionem, humanarum mentium ludibria*, гдѣ *ludibrium* можетъ быть переводимо: униженіе, посмѣяніе, отуманеніе, омраченіе. Но и эти мѣста не даютъ намъ права переводить слово *ludibrium* „ложь“; если бы и допустили мы подобное значеніе, то развѣ только потому, что всякаа ложь есть *ludibrium veri*, дѣйствительнаго, истиннаго, на самомъ дѣлѣ происходящаго.

Surreptio, или *subreptio*, тоже не обманъ, а воронство, похищеніе, у Апулея *Metam.* X, 15, 705 соединено съ *fraus*: *deicerantur utrique, nullam se prorsus fraudem, nullam denique subreptionem factitasse*. Слѣдовательно, отличается отъ *fraus*. По Форчеллини: *actus subripiendi, occultum furtum, ὑφαρπαγή*. Но *per subreptionem quippiam elicere, impetrare* значитъ: *obtinere aliquid per falsam rei narrationem*, приобрѣтать что-либо выдумкою, ложнымъ рассказомъ. Слѣдовательно, въ юридической практикѣ *subreptio* подходитъ подъ *fraus*. Но такъ какъ это слово въ значеніи *fraudis* встрѣчается только въ юридическомъ языкѣ, то и не для чего было помѣщать его въ словарь.

Pellacia, по переводу г. Орлова, обманъ посредствомъ ласки. Читается у *Lucr.* II, 560; V, 1002 въ связи съ *ponti: placidi pellacia ponti*, обманчивое (коварное) спокойствіе на морѣ. Это же слово находилось прежде и у *Виргилія*, *Georg.* IV, 443, гдѣ теперь читаютъ *fallacia*. По словарямъ *Forcellini* и *Georges*, оно встрѣчается еще у *Ариобія* (писателя времени Діоклетіана, но въ значеніи „обольщеніе“ находится оно и у христіанскаго поэта *Пруденція* (между 348—410 по Р. X.) въ значеніи вѣроломства. См. *Thesaurus poeticus, Quicherat*.

Techna, слово греческое, а не латинское, встрѣчается у *Теренція* *Heaut.* III, 1, 62; у *Plant. Mostell.* II, 1, 23; *Bacch.* III, 2, 8, и означаетъ не просто *fraudem*, но плутію, плутовскія продѣлки. *Кишера* приводитъ это слово еще изъ христіанскаго поэта V столѣтія, *Епнодія*. См. *Thesaurus poeticus*.

Offusia, собственно румяны, бѣлила у *Plant. Mostell.* I, 3, 107 въ переносномъ смыслѣ тоже, что и *technae*, встрѣчается у *Plant. Capt.* III, 4, 123. Что *offusia* по значенію то же, что и *technae*, видно изъ приведеннаго мѣста *Плавта*, гдѣ въ стихѣ III, 4, 112 поставлено *technis*,

а ниже, стихъ 124, *officiis*. Геллій соединяетъ это слово съ *praestigiis*: *id praestigiarum et officiarum genus*, XIV, 1, 2.

Изъ этого, довольно обстоятельнаго, какъ мнѣ кажется, разбора словъ, приуроченныхъ г. Орловымъ къ „обману“, ясно, какъ мало руководился онъ опредѣленною мыслью. Не полезнѣе ли было бы помѣстить подъ словомъ „обманъ“ лишь тѣ только слова, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ нашему значенію этого слова, которыя приводитъ Ивашковский въ своемъ словарѣ, изданномъ еще въ 1849 году? Не полезнѣе ли было бы также привести побольше фразъ въ родѣ слѣдующихъ: *dolum cui struere* — *nectere* — *confingere*, *verba alicui dare*, *fraudem alicui inferre*—*moliri*—*peragere*? Но въ словарѣ г. Орлова изъ многихъ фразъ, образовавшихся отъ соединенія *fraus* и подобнозначащихъ ему съ другими словами, приведена только одна: *hamum volare*, вѣроятно опечатка, вм. *vorare*, соотвѣтствующаго нашему обороту „попадаться на удочку“, и встрѣчающагося у Плавта *Curcul.* III, 61 *meus hic est hamum vorat* онъ мой (рыбка моя) клюетъ удочку (ст. 431); см. *Plaut. Trucul.* I, 1, 21 (42). Не лучше ли было бы воспользоваться почтеннымъ трудомъ г. Попова, который представляетъ для составленія русско-латинскаго словаря очень хорошій и богатый матеріалъ, выбранный человѣкомъ, знавшимъ, что онъ дѣлалъ и хорошо воспользовавшимся нѣмецкими пособиями того времени?

Мы положительно думаемъ, что, еслибы г. Орловъ воспользовался съ умѣньемъ словаремъ Попова, то не прибѣгнулъ бы къ набору разнородныхъ словъ, въ родѣ напримѣръ, *frustra*, *sycophantioze*? Гдѣ вычиталъ онъ, что *frustra*, само по себѣ, значитъ „обманъ“? *Frustra esse* дѣйствительно значитъ обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, предположеніяхъ, расчетахъ, ошибиться, не достигнуть цѣли, *in errore esse*, *falli*, *decipi*, и въ этомъ значеніи употребляется у классическихъ писателей, какъ у Саллустія, Ливія; но у Цицерона никогда. *Sall. Jug.* VII, 6 *neque eius consilium neque inceptum ullum frustra fuit* не оставались безъ успѣха, всегда удавались; *LXXI*, 5 *postquam id frustra fuit* не удалось, не достигло предположенной цѣли; *LXXIII*, fin. *ea res frustra fuit* это (то-есть, сенатское постановленіе) осталось безъ послѣдствій, не имѣло успѣха; *Cat.* XX, начало рѣчи: *spes magna, dominatio in manibus frustra foissent* были бы безполезны—не имѣли бы никакого значенія; *Liv.* II, 25, 2, 2, *ita frustra id inceptum Volscis fuit*, такимъ образомъ—не удалось; *Liv.* II, 31, 9. *neque ipse frustra dictator ero* и я не буду диктаторомъ только по имени,

я буду дѣйствовать. Ср. Tacit. Hist. I. 75. См. Handii Tursellinus, Volum. II стр. 747. 748. *Frustra cadere* тоже, что *destitui effectu*, *cadere secus*, неудаваться, слагаться не по желанію, какъ Tacit. Hist. II, 11 *prima conciliorum frustra ceciderunt*, не дались, совершились не такъ какъ думали. *Frustra habere* знач. *aliquem decipere*. *Eludere*, военный терминъ: ускользать — уклоняться отъ кого, избѣгать кого, то есть, непріятеля, *decipere, frustrari hostem*; встрѣчается у Тацита, ср. Tac. Ann. XIII, 37, *Corbulo quaesito diu proelio frustra habitus*, то-есть, *clusus*; но у него же въ XIII, 51 *frustra habita*, то-есть, *neglecta sunt*, разумѣются *iuga*; такое же значеніе и у Амміана Марцеллина, подражавшаго Тациту XVIII, 6, 6 *si Persae frustra habiti redissent ad sua*, на которыя не обращали вниманія, которыхъ оставили въ пренебреженіи. См. Hand. Tursell. II, 748. Всѣ эти мѣста нисколько не подтверждаютъ того, чтобы *frustra* само по себѣ значило обманъ; напротивъ, они подтверждаютъ коренное значеніе *frustra*—тщетно, напрасно, бесплодно, по отношенію къ лицу, которое обманулось въ своихъ чаяніяхъ и расчетахъ. Ср. *Doederlein*, *Lateinische Synonyme*, том. III, 101, 1. 2. Краткая латинская синонимика Ильенкова, стр. 95.

Чтобы еще болѣе убѣдиться, до какой степени небрежно поступалъ г. Орловъ, приведемъ слѣдующіе примѣры:

Ликторъ, рабъ служителя. Что это, опечатка, или грубое незнаніе? Ничѣмъ также не можемъ объяснить, что ликторъ у г. Орлова переслодится еще словомъ *палачникъ* (см. сл. 8. v. стр. 296). Что же значить ликторъ? рабъ ли служителя, или палачникъ, или то и другое вмѣстѣ? Да и само слово палачникъ непонятно; и его нужно было объяснить другимъ словомъ.

Женщина. Въ этой статьѣ простая женщина переведена словомъ *toga*. Это грубая неправда. Дѣйствительно, Римляне называли словами *toga* и *togata* одинъ разрядъ женщинъ, но никакъ уже не женщинъ простыхъ, то-есть, плебейпокъ, которыя по латини = *plebeiae*, въ противоположность *patriciae*, простая деревенская женщина по латини = *rustica*, какъ противоположность горожанѣ, *urbanae*; какъ *plebeiae*, такъ и *rusticae*. Могли быть *mulieres probae honestae, innocentes*, и назвать ихъ *togas* или *togatas* было бы для нихъ тяжкимъ оскорбленіемъ. Тогда и *togata* по римски называлась непотребная женщина, *meretrix*, не имѣвшая права носить ни *stolam*, ни *pallam*, составлявшихъ достояніе *honestarum mulierum*, которыя назывались *stolatae*, и Калигула называлъ Ливію *stolatam Ulyxem* (Suet. Cal. 23)

propter vafritionem. Stolata противопоставляется togae, какъ жепщина нравственна безпавственна и распутна. Тогами и тогатами назывались meretrices и вообще всѣ женщины quae corpore quacstum faciebant, потому что онѣ носили короткую тунику безъ instita (то-есть, безъ широкой фалбалы, пришивавшейся къ подолу туники), а сверху тогу, meretrices даже черную. Ср. Becker, Gallus, (III) 415. Но чтобы простая женщина называлась по латыни toga, въ первый разъ мы узнали отъ г. Орлова, которому, стоило только заглянуть въ латинско-русскій словарь, составленный Ананьевымъ, Яснецкимъ и пр., чтобы избѣжать этой ошибки.

Жертвоприношеніе. Въ этой статьѣ hereditas sine sacris значить жертвоприношеніе безъ издержекъ, а въ статьѣ *наслѣдіе* та же фраза значить наслѣдіе безъ издержекъ. Что же правильнѣе въ двухъ переводахъ, жертвоприношеніе безъ издержекъ, или наслѣдіе безъ издержекъ? Очевидно, что hereditas sine sacris въ значеніи „жертвоприношеніе безъ издержекъ“ есть явная бессмыслица, если только это не опечатка, потому что всякое жертвоприношеніе, даже самое бѣдное, влекло за собою издержки. Но и второй переводъ оборота hereditas sine sacris „наслѣдіе безъ издержекъ“ далеко не точенъ и не попутенъ. Говоря точно, оборотъ „hereditas sine sacris“ есть пословицное выраженіе, которое употребляли, когда говорили о выгодѣ доставшейся безъ всякихъ трудовъ и усилій, о какомъ либо неожиданномъ счастливымъ случаѣ, счастливой находкѣ. См. Plaut. Capt. IV, 1, 8 (771) sine sacris hereditatem sum aptus ecfertissimum; Trinum. II, 4, 83 (484) Cena hac annonast sine sacris hereditas, при нынѣшней дороговизнѣ сумій кладъ (находка). См. Brix, Trinummus къ мѣсту. Смыслъ пословицнаго выраженія объясняется статьею римскаго законодательства относительно духовныхъ завѣщаній. Если гражданинъ въ своемъ завѣщаніи (testamentum) обязывалъ наслѣдника поддерживать sacra domestica, или sacra familiarum, то-есть, фамилныя религіозныя установленія, что дѣлалось особою принскою, или статьею къ завѣщанію (legatum), то этимъ значительно уменьшалась доходность и прибыльность достававшагося наслѣдства, потому что исполненіе такихъ застовъ было сопряжено съ значительными расходами и издержками. Отсюда и пословицное выраженіе, которое, въ буквальный смыслъ, совсѣмъ не значить „наслѣдіе безъ издержекъ“, какъ переводитъ г. Орловъ, но наслѣдство безъ исполненія фамилныхъ религіозныхъ установленій. Если не ошибаемся, то переводъ этого выраженія подсказанъ былъ г. Орлову словаремъ

Лебединскаго и пр., гдѣ подъ *sacer*, 1 въ концѣ напечатано: *hereditas sine sacris* безъ издержекъ, безъ труда. Но то, что въ словарь правильно, г. Орловъ испортилъ своею прибавкою слова „наслѣдіе“.

Невытрезвившійся *halo, onis*. Что собственно значить *halo*, можно видѣть въ любомъ словарѣ. Но у *Forcellini* прибавлено: *halonem etiam dicunt hesterno vino languentem, quem Эолов vocitant Gracii*. *Fest. in Elucum*. Зачѣмъ это слово вносить въ словарь, когда оно, за исключеніемъ одного мѣста, совсѣмъ не употребляется? Вытрезвиться, проспаться послѣ похмѣлья, по латини *crapulam edormire, edormiscere, obdormire, exhalare, edormire* и *exhalare*; отсюда легко составить наше слово не вытрезвившійся: да его и нечего составлять, когда оно можетъ быть взято у Цицерона, въ его *Verr. III, 11. Veniendum erat ad eos (judices) contra Apronium, qui nondum etiam Aproniani convivii crapulam exhalasset*. Слѣдовательно, невытрезвившійся *qui nondum crapulam exhalavit*; вытрезвись, проснись *edormi (crapulam) et exhala*. *Cic. Phil. 2, 12. Plaut. Rud. III, 7, 28. Ut edormiscam hanc crapulam*.

Во снѣ видѣть *videri, pass. dormire*. Вѣроятно г. Орловъ хотѣлъ написать *somniare*, потому что глагола *somniare* нѣтъ, а есть *somnio, are*. Что касается до *videri, pass.*, въ значеніи „видѣть во снѣ“, то г. Орлову слѣдовало бы объяснить, употребляется ли *videri* въ этомъ случаѣ, какъ глаголъ переходный съ прямымъ дополненіемъ винительнаго падежа, какъ наше видѣть во снѣ, или удерживаетъ свое коренное значеніе? Иначе, употребляющій словарь, подумаетъ, что русскую фразу: „вижу отца во снѣ“, можно перевести по латинѣ *videor patrem*. И онъ будетъ правъ, потому что по словарю *videri* значить: видѣть во снѣ. Примѣры же, встрѣчаемые у латинскихъ писателей, говорятъ иное. Изъ нихъ мы убѣждаемся, что *videri* само по себѣ, поставленное самостоятельно, никогда не значить видѣть во снѣ; что оно дѣйствительно употребляется, когда говорится о сновидѣніяхъ, призракахъ и явленіяхъ во снѣ, какъ и греческій глаг. *δοκείν*; но всегда въ *perfectum* и всегда сопровождается другимъ глаголомъ въ неопредѣленномъ накл. и словомъ *in somnis*, причемъ *visum est* выстѣ съ дополненіемъ можно переводить: привидѣлось, приснилось, показалось во снѣ. См. *Cic. de divin. 1, 23. 46 visam esse (matrem Phalaridis) videre in somnis simulacrum*; 16. 24. 49. *visum esse in somnis a Iove in deorum concilium vocari*; *ibid. 51. Vergil. Aen. II, 271. In somnis ecce ante oculos Hector visus adesse mihi*; *III, 150 penates visi ante oculos adstare iacentis in*

somnis; Ovid. Met. XV, 653 deus in somnis opifer consistere visus. Plaut. Curcul. II, 2, 10; мѣсто in somnis говорили per somnum, какъ у Verg. Aen. V, 636 mihi Cassandrae per somnum vatis imago arguentis dare visa faces; употребляли съ однимъ неопредѣленнымъ безл. . . . .nis, per somnum. Ср. Tibull. III, 4, 24. Hic iuvenis casta redimitus tempora lauro est visus nostra ponere sede pedem. Plaut. Merc. II, 1, 5; Apul. Met. XI, 3, 756 perlucidum simulacrum ante me constitisse visum est. De dogmate Platonis гл. 1, 182 vidisse sibi visus est cygni pullam. Отсюда visa сновидѣнія. Ср. Ovid. Met. VII, 643; IX, 495; 703. 768; XV, 27.

Насмѣшникъ съ восемью латинскими существительными, означающими, по г. Орлову, одно и то же. Подумаешь, какъ Римляне умѣли разнообразно насмѣхаться, когда, чтобы выразить эту черту ихъ характера, придумано восемь словъ! Но разсмотрѣвъ внимательнѣе эти слова, убѣждаешься, что г. Орловъ навязалъ Римлянамъ то, чего они не имѣли. 1) *Calophanta*, или *halophanta* ἀλεφάντης, лгутъ, враль, omnia mentiens. Это слово придумано Плавтомъ, чтобы обозначить имъ враль-морика, а потому оно и встрѣчается у него только въ Curcul. IV, 1, 2 мѣстѣ съ *sysophanta*. Такимъ образомъ оказывается, что *calophanta* совсѣмъ не означаетъ того, чѣмъ угодно было г. Орлову надѣлать его. Этому слову не слѣдовало попасть въ словарь, потому что его и не было въ латинскомъ языкѣ, а придумано оно Плавтомъ для игры словами.

2) *Cavillator* шутникъ, забавникъ, острякъ, но никакъ уже не насмѣшникъ, какъ положительно можно утверждать, основываясь на мѣстахъ у Плавта: Plaut. Mil. glor. III, 1, 46 vel cavillator facetus, vel conviva commodus; Trucul. III, 2, 25 dicax sum factus, iam sum cavillator probus. Привожу еще мѣсто изъ Цицерона: Att. I, 13, 9 cavillator genere illo moroso, quod etiam sine dicacitate videtur; слѣд. тяжелый, лишенный легкости и игривости острякъ. Такъ понимаетъ это слово и издатель Цицероновыхъ писемъ къ Аттику Boot, который въ примѣчаніи къ этому мѣсту вполне основательно говоритъ: cavillatio est genus quoddam festivitatis, acquabiliter per totum sermonem fusum, diversum a dicacitate, quae cernitur in dictis brevibus et peracutis, in iaciendo mittendoque ridiculo. Въ этомъ мѣстѣ Цицеронъ говоритъ о М. Пизонѣ, о которомъ, въ другомъ своемъ сочиненіи Brutus (236), онъ отзывается такъ: habuit a natura genus quoddam acuminis, quod etiam arte limaverat, quod erat in reprehendendis verbis versutum et sollers, sed saepe stomachosum, nonnunquam frigi-

dum, interdum etiam facetum. Этого достаточно, чтобы понять, что cavillator далеко не то, что насмѣшникъ.

Мы не будемъ пересматривать всѣхъ словъ, приуроченныхъ къ нашему слову „насмѣшникъ“, но укажемъ на слова pasutor и cacinno, нѣтъ въ латинскомъ. Вѣроятно, здѣсь иска, или опечатка. Есть также въ латинскомъ языкѣ и pasutor отъ pasus; а есть дѣйствительно pasutus, которое значить: ѣдкій, злой острякъ, злой насмѣшникъ, умѣющій пронюхать чужіе недостатки и пороки, acutus in deprehendendis aliorum vitiis. См. Forcell. — *Cacinno*, не насмѣшникъ, какъ переводитъ г. Орловъ, а хохотунъ, какъ переводитъ его г. Благовѣщенскій. См. Сатиры Персія, стр. 79 въ концѣ. Такъ понимаетъ его и Forcellini, который переводитъ χαῦχαστῆς, qui cacinnat; такъ понимаетъ и Georges, у котораго der laute Lacher—хохотунъ, зубоскаль, скалозубъ. Этого слова нигдѣ больше не встрѣчаемъ, кромѣ у Персія, въ его первой сатирѣ, ст. 12 sum petulantī splene cacinno; оно могло быть и создано Персіемъ, а можетъ быть употреблялось у древнихъ римскихъ комиковъ и сатириковъ, а потомъ осталось въ народномъ языкѣ. Если придумалъ его Персій, то достоинъ за него не малой похвалы, потому что придуманное имъ слово мѣтко и знаменательно. См. Persius, Satiren, berichtet und erklärt von Heinrich, стр. 79. Хотя оно встрѣчается только однажды, и притомъ у Персія, тѣмъ не менѣе оно—желанное слово въ русско-латинскомъ словарѣ, только не въ значеніи „насмѣшникъ“, какъ перевелъ его г. Орловъ, а въ значеніи хохотунъ, съ которымъ и помѣстилъ его составитель словаря и вполне правильно, или въ значеніи зубоскаль, скалозубъ, при которыхъ не встрѣчаемъ его.

Сказаннаго нами, полагаемъ, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о недостаткахъ словаря г. Орлова. Нельзя не пожалѣть, что столько труда и времени было употреблено на дѣло, въ основѣ коего не лежала ясно сознанная мысль, и которому не предшествовала солидная и долговременная подготовка. Русско-латинскій словарь г. Орлова, въ настоящемъ его видѣ, требуетъ коренной передѣлки: многое въ немъ нужно выбросить, многое дополнить и расположить содержащійся въ немъ матеріалъ по болѣе обдуманному плану.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на слабыя его стороны, мы, преподаватели латинскаго языка, не можемъ не быть благодарны составителю за сдѣланную имъ попытку. Словари создаются не сразу; они—работа многихъ поколѣній, изъ коихъ каждое вкладываетъ въ нихъ

свой трудъ, свои знанія, свою опытность и умѣнье, пріобрѣтенныя постепеннымъ развитіемъ науки, и этимъ только путемъ словари достигаютъ возможнаго совершенства. Отъ всей души желаемъ, чтобы словарь г. Опенъ дожилъ до того времени, когда явится съ дѣйствительными въ самомъ исправленномъ видѣ.

И. Тихоничъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ОТДѢЛА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Въ началѣ новаго года считаемъ не лишнимъ присоединить къ тому, что уже было сказано нами объ отдѣлѣ классической филологіи (см. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1873 г., сентябрь, отдѣлъ клас. фил., стр. 6 -- 9), когда этотъ отдѣлъ только что былъ основанъ, нѣсколько дополненій и объясненій, на основаніи трехгодичнаго опыта.

I. Въ виду встрѣчавшихся недоразумѣній замѣтимъ прежде всего, что для помѣщенія въ „Отдѣлъ классической филологіи“ принимаются только такія статьи, которыя относятся къ *древней классической филологіи*.

II. Отдѣлъ классической филологіи имѣетъ въ виду какъ научную, такъ въ особенности и практическую цѣль. Поэтому принимаются въ него какъ статьи, заключающія въ себѣ новыя изслѣдованія въ наукѣ, такъ и статьи педагогическаго содержанія, относящіяся къ преподаванію (главнымъ образомъ въ гимназіяхъ) не только латинскаго и греческаго языковъ, но и древностей, исторіи литературъ, мифологій и т. п.

III. Размѣръ отдѣла классической филологіи весьма ограниченъ; поэтому редакція поневолѣ вынуждена оказывать предпочтеніе статьямъ, которыя, отличаясь одинаковыми, сравнительно съ другими, учеными достоинствами, менѣе обширны. Всякая, даже самая краткая замѣтка, лишь бы только она соотвѣтствовала программѣ отдѣла, будетъ принята съ величайшею признательностью. Редакція имѣетъ

въ виду такіа замѣтки, какія въ большомъ количествѣ появляются въ заграничныхъ журналахъ, напримѣръ, въ *Rheinisches Museum, Philologus, Jahrbücher für Phil. und Paed. ed. Fleckeisen* и т. п.

IV. Ученые труды, которые гораздо удобнѣе могутъ появляться отдѣльными изданіями, напримѣръ, *грамматики, обширныя историческія изслѣдованія, комментаріи* какъ къ отрывкамъ, такъ и къ цѣлымъ сочиненіямъ древнихъ авторовъ, не пригодны для періодическаго изданія, а потому и не могутъ быть помѣщаемы въ отдѣлѣ классической филологіи.

V. Въ виду того, что *переводы* древнихъ авторовъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ соотвѣтствуютъ научнымъ или педагогическимъ цѣлямъ означеннаго отдѣла, таковыя будутъ принимаемы только *съ видъ исключенія* и притомъ лишь такіе изъ нихъ, которые отличаются близостью къ подлиннику и несомнѣнными литературными достоинствами.

VI. Желательно, чтобы сотрудники классическаго отдѣла имѣли особенно въ виду авторовъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ и университетахъ.

VII. Въ составъ отдѣла классической филологіи могутъ входить:

1) Статьи, посвященныя разработкѣ какихъ либо отдѣльныхъ вопросовъ грамматики греческой и латинской, по преимуществу примѣнительно къ русскому языку, или, на оборотъ, посвященныя разработкѣ особенностей русскаго языка сравнительно съ языками греческимъ и латинскимъ. Желательно, чтобы читатели, не согласные съ научными выводами статей, помѣщаемыхъ въ отдѣлѣ классической филологіи, предъявляли въ редакцію свои возраженія.

2) Статьи, посвященныя критикѣ текста какъ полныхъ сочиненій древнихъ авторовъ, такъ и отдѣльныхъ въ нихъ мѣстъ.

3) Статьи, посвященныя толкованію отдѣльныхъ мѣстъ или отдѣльныхъ главъ различныхъ сочиненій, небольшихъ стихотвореній и т. д., при чемъ слѣдуетъ обращать главное вниманіе на то, что остается до сихъ поръ спорнымъ.

4) Очерки исторіи греческой и римской литературы, посвященные жизнеописанію и характеристикѣ различныхъ авторовъ на основаніи точнаго изученія ихъ твореній, или же отдѣльными эпохамъ и періодамъ той и другой литературы.

5) Изслѣдованіе особенностей языка авторовъ какъ съ лексикальной, такъ и съ грамматической стороны, въ основѣ чего должно находиться самостоятельное изученіе источниковъ и знакомство съ лучшими по этой части произведеніями иностранныхъ литературъ.

6) Наблюденія надъ особенностями метрическими и просодическими древнихъ поетовъ.

7) Статьи, относящіяся къ греческой и римской мифологiи сравнительно съ мифологiей и повѣрьями другихъ народовъ, въ особенности же славянскихъ.

8) Статьи по археологiи и исторiи древняго искусства.

9) Статьи по греческимъ и римскимъ древностямъ—государственнымъ, богослужебнымъ и частнымъ.

10) Статьи, сообщающія свѣдѣнія о деньгахъ, мѣрахъ и вѣсахъ Грековъ и Римлянъ, при чемъ было бы желательно сопоставленіе ихъ съ русскими деньгами, вѣсами и мѣрами.

11) Статьи, относящіяся къ отдѣльнымъ событіямъ, эпохамъ и періодамъ греческой и римской исторiи.

12) Статьи, посвященныя исторiи изученія древнихъ языковъ, ихъ литературы и вообще классической древности, а также біографіямъ знаменитѣйшихъ ученыхъ по этой части,—особенно же усиліямъ этого изученія у славянскихъ народовъ вообще и въ Россіи въ особенности. Исторiя этой отрасли знаній въ нашемъ отечествѣ не богата фактами, но тѣмъ не менѣе желательно, чтобы факты были сообщаемы, разъясняемы и оцѣниваемы по достоинству. Такъ, между прочимъ, еще въ XVIII вѣкѣ появлялось въ Россіи не мало самостоятельныхъ переводовъ древнихъ авторовъ, изъ коихъ нѣкоторые отличаются высокимъ достоинствомъ; всѣ они заслуживаютъ вниманія со стороны современныхъ русскихъ филологовъ и должны быть спасены отъ забвенія. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые изъ первоклассныхъ нашихъ писателей воспроизводили поэтическія произведенія древности въ художественныхъ переводахъ или въ близкомъ подражаніи подлинникамъ. На современныхъ русскихъ ученыхъ лежитъ, кажется, прямая обязанность собрать все, что было сдѣлано у насъ въ этомъ отношеніи въ прежнее время, а также узнать, не сохранилось ли древнихъ рукописей, относящихся къ этому предмету въ нашихъ бібліотекахъ, особенно въ Московской синодальной, и если онѣ сохранились, то ознакомить съ ними публику, и даже, если пужно, издать ихъ. Слѣдовало бы также указать, какія изслѣдованія появлялись у насъ въ разъясненіе древнихъ авторовъ, какіе изъ этихъ авторовъ и къъ были перенесены, при чемъ переводы и подражанія полезно было бы сличать съ подлинниками, и т. д. Такимъ образомъ мало по малу былъ бы собранъ матеріалъ для исторiи изученія въ Россіи древнихъ языковъ.

и ихъ литературы,—исторіи не богатой, какъ выше замѣчено, фактами, по тѣмъ не менѣе дорогой для всякаго Русскаго, который твердо вѣритъ въ болѣе блестящую будущность этой отрасли знаній въ нашемъ отечествѣ.

13) Въ связи съ предыдущимъ, въ отдѣлѣ классической филологіи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* могли бы найдти себѣ мѣсто обзоры учебныхъ руководствъ и пособій по части классической филологіи, появлявшихся въ прежнее время, а также и книгъ еще обращающихся въ Россіи: грамматикъ, упражненій на грамматическія правила, словарей, изданій авторовъ, хрестоматій и проч., со всѣми библиографическими указаніями и біографическими свѣдѣніями объ ихъ составителяхъ и издателяхъ.

14) Рецензіи ученыхъ сочиненій, руководствъ и всякаго рода изданій по части классической филологіи, вновь появляющихся въ Россіи. Крайне желательно, чтобы обращено было особенное вниманіе на теперешнюю нашу литературу по классической филологіи. Авторы рецензій могутъ разчитывать, что въ случаѣ накопленія матеріала въ редакціи, ихъ труды будутъ помѣщаемы ранѣе другихъ.

Для ознакомленія публики съ текущей русской литературой по классической филологіи, редакція намѣрена отъ времени до времени печатать списки всѣхъ новыхъ книгъ по этой отрасли.

15) Обзоръ замѣчательнѣйшихъ явленій въ области иностранной ученой и учебной литературы по части классической филологіи. Хотя при незначительномъ объемѣ „Отдѣла“ нельзя удѣлить много мѣста подобному обзору, было бы, однако, желательно не обходить полнымъ молчаніемъ, по крайней мѣрѣ, самыя крупныя новости заграничной литературы, напримѣръ указанія на то, что сдѣлано въ теченіе извѣстнаго срока для объясненія или исправленія писателей, читаемыхъ въ гимназіяхъ. Образцомъ подобныхъ обзорѣй могли бы служить статьи (Jahresberichte), появляющіяся въ нѣмецкихъ филологическихъ журналахъ—*Philologus*, *Zeitschrift f. d. Gymnasialwesen* и др.

16) Обзоръ новѣйшихъ археологическихъ изысканій и открытій въ Россіи и за границей.

17) Накопецъ, въ отдѣлѣ классической филологіи редакція готова помѣщать статьи о методѣ и приемахъ преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ, необходимыхъ для преуспѣванія этого дѣла, объ учебныхъ планахъ и программахъ, замѣтки и наблюденія о достигаемыхъ преподавателями результатахъ въ различныхъ классахъ и т. п.

VIII. Статьи могут быть написаны или на русском или на латинскомъ языкѣ.

IX. Статьи и замѣтки, подходящія подъ вышеозначенныя условія, надлежитъ высылать въ С.-Петербургъ, въ редакцію *Журнала Министрства Народнаго Просвѣщенія*, съ надписаніемъ на самой статьѣ, предъ заглавіемъ оной: „Въ отдѣлѣ классической филологіи“; если онѣ окажутся соответствующими современнымъ учено - литературнымъ требованіямъ, то будутъ помѣщаемы при первой возможности, съ высылкою автору гонорара (до 48 рублей за печатный листъ). На статьѣ должны быть обозначены фамилія автора и мѣсто его жительства; по желанію его, фамилія можетъ быть и не печатаема подъ статьєю.

ИСТОРИЯ

СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

ВЪ РОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Е. К. ШМИДА,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИЗМѢНЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Приложеніе къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ XVIII столѣтіи собственно въ Россіи было только три учебныхъ заведеній, которыя назывались гимназіями; одно изъ нихъ, основанное въ 1726 г. и закрытое въ 1805 году ¹⁾, находилось при Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ; другое, при Московскомъ университетѣ, возникло въ 1775 г., сгорѣло во время пожара 1812 года и уже не возстановлялось; третье, учрежденное въ 1758 г. въ Казани, по образцу Московской гимназіи, существуетъ и нынѣ. Только съ XIX столѣтія стали открывать гимназіи во всемъ государствѣ, а потому лишь съ этого времени начинается исторія этихъ учебныхъ заведеній. Исторія гимназій естественно дѣлится на три періода, совпадающіе съ царствованіями императоровъ Александра I, Николая I и Александра II.

Періодъ первый. Царствованіе Императора Александра I (съ 12-го марта 1801 до 20-го ноября 1825). Уставъ учебныхъ заведеній 1804 года.

Какъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго устройства, такъ и въ устройствѣ школь, во главѣ преобразовательнаго движенія, одушевляемаго самою благородною гуманностью, является привлекательная личность молодого императора. По природѣ своей склонный ко всему идеальному и воспитанный при непосредственномъ участіи и подѣ наблюденіемъ великой Екатерины, вдохновленный примѣрами, которые представляла исторія, императоръ Александръ стремился ко всему высокому и благородному; въ этомъ-то возвышенномъ направленіи и было предпринято имъ преобразованіе учебныхъ заведеній

¹⁾ А не въ 1747 году, какъ сказано въ извлеченіи изъ представленія въ Государственный Совѣтъ съ проектомъ устава гимназій и прогимназій (1864 г.), въ Сборн. Постановл. III, 1330. См. Списокъ учениковъ академической гимназіи съ 1728 по 1731 годъ, изд. А. Кунниковъ въ Учен. зап. И. Акад. Н. III, 4, 519. Упразднена въ 1805 г. См. Сб. Пост. I, 584.

среди народа, который преобладающею массою своею былъ еще приверженъ къ доброму старому времени, хотя радостно привѣтствовалъ новое правительство. Конечно, отъ энергическаго содѣйствія средняго и высшаго словъ общества зависѣло очень многое въ этомъ отношеніи; къ сожалѣнію, долгое время были они или равнодушны или нерасположены къ самымъ лучшимъ намѣреніямъ государя. Но Александръ I не былъ только „Крезомъ добрыми намѣреніями“, какъ называетъ его одинъ изъ современниковъ (графъ Ѳ. В. Ростопчинъ). Съ развитымъ умомъ соединилась въ немъ спокойная разсудительность, рѣдкая въ людяхъ, которыми въ юности вручена верховная власть. Не его вина что у него не доставало помощниковъ („нищимъ исполнителями“ называетъ его тотъ же Ростопчинъ). Неужели вслѣдствіе того нужно было отказаться отъ преобразованій? Онъ зналъ, что въ массѣ народа еще не была пробуждена потребность къ образованію, но сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы пробудить эту потребность. Бывшій впоследствии министромъ юстиціи Трошинскій говоритъ въ своей запискѣ о министерствахъ 1802 года: „Россійскій народъ есть народъ могущественный, народъ великодушный, народъ мужественный; но хотя въ вѣдрахъ Россіи находится много людей просвѣщенныхъ, однако же главная масса народа и не столько просвѣщена, и просвѣщеніе ея не такое, какъ просвѣщеніе главныхъ народныхъ массъ западныхъ европейскихъ государствъ. Правленіе въ сихъ государствахъ всегда было и теперь еще есть только часть государства; въ Россіи же правленіе все... Въ Россіи правленіе дѣйствуетъ само собою, не имѣя нужды ни въ какомъ возбужденіи“¹⁾).

Немного было совѣтниковъ у юнаго императора, но они видѣли Европу и хотя не вполне понимали внутреннія потребности своего отечества, все-же на столько были знакомы съ ними, что, съ помощію природныхъ способностей и знанія государственнаго управленія, могли угадать, въ чемъ нуждалось общество, и этимъ самымъ рѣзко выдѣлялись изъ него. Если, съ одной стороны, духъ времени уже леталъ надъ этими молодыми и пылкими умами и коснулся ихъ своимъ крыломъ, если они вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее, которое имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ ихъ воспримчивыхъ душахъ и если „пламеннымъ ихъ желаніемъ было примѣнить къ Россіи новыя формы жизни, только что выработавшіяся въ Европѣ“ (слова М. Н. Лонгинова), — то съ другой стороны стремленія ихъ одушевлялись сознаніемъ, что они создаютъ и творятъ новое. Съ самыми приближенными друзьями юности обсуждалъ государь свои преобразовательные планы: то были Н. Н. Ново-

¹⁾ Сборн. Р. Истор. Общ. Т. III, 49.

сильцевъ *), Князь А. Чарторыйскій **) и П. А. Строгановъ ***). Они составляли комитетъ, который въ публикѣ именовали триумвиратомъ, а государь въ шутку называлъ его *Comité du salut publique*,—

*) Николай Николаевичъ Новосильцевъ родился въ 1762 году; по способностямъ своимъ онъ считался выше другихъ названныхъ нами лицъ. Ж. де-Местръ говорилъ о немъ въ 1807 году: «Онъ головою выше своихъ двухъ товарищей; знаетъ Францію наизусть и сверхъ того хватилъ не малую дозу немецкаго яду и вслѣдствіе этого, такъ какъ онъ вытѣшивается во все, я не сомнѣваюсь, что при намѣреніяхъ прекрасныхъ и при сильной привязанности къ особѣ своего государя, онъ надѣлаетъ кучу зла». Воспитанный самымъ тщательнымъ образомъ въ домѣ графа Александра Строганова, Новосильцевъ сначала вступилъ въ военную службу и отличился въ войнахъ противъ Швеціи и Польши, но въ 1796 году, по совѣту великаго князя Александра, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Англію, съ учрежденіями которой въ теченіе своего четырехгодичнаго тамъ пребыванія (1797 — 1801) такъ сроднился, что, по словамъ г. Богдановича, онъ какъ будто въ глубинѣ души призналъ Англію своимъ отечествомъ. Поэтому, его не любила французская партія. Вліяніе этого умнаго, образованнаго и даже въ извѣстной степени ученаго человека (Карамзинъ говоритъ, что онъ «еще орелъ въ сравненіи съ другими, благороденъ душою, не лакей». См. письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Изд. Я. К. Грота и П. Пекарекаго. С.-Петербургъ 1866, стр. 215) на государя доказывается уже тѣмъ, что онъ четыре раза въ недѣлю имѣлъ у него докладъ и во всякое время свободный къ нему доступъ. Въ 1803 году былъ онъ назначенъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа; кромѣ того, онъ былъ президентомъ Академіи наукъ, товарищемъ министра юстиціи, членомъ комиссіи о составленіи законовъ, главнаго правленія училищъ; ему же поручались дипломатическія миссіи въ Турцію и Англію. Въ 1809 году онъ долженъ былъ уступить вліянію Наполеона и уѣхалъ за границу, а именно въ Вану. Возвратившись оттуда въ 1812 году, Новосильцевъ (нѣсколько позже) принималъ дѣятельное участіе въ организаціи Польши, и императоръ особенно благодарилъ его въ 1823 году за его старанія по устройству польскихъ училищъ. Въ 1824 году Новосильцевъ былъ назначенъ попечителемъ въ Вильну, въ 1834 году председателемъ государственнаго совѣта, въ 1835 году возведенъ въ графское достоинство; умеръ въ 1838 году въ званіи председателя государственнаго совѣта.

**) Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыйскій (родившійся въ 1770 г., умершій въ 1861 г.) въ молодости своей былъ присланъ изъ Польши въ Петербургъ въ качествѣ заложника и назначенъ состоять при цесаревичѣ Александрѣ. Позднѣе былъ онъ отправленъ посланникомъ къ Сардинскому двору, который тогда находился въ Римѣ. Оттуда вызвалъ его императоръ Александръ письмомъ отъ 17-го марта 1801. Съ 1803 по 1822 годъ состоялъ онъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и кромѣ того нѣсколько лѣтъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. По природѣ одаренный богатыми способностями, при многостороннемъ образованіи, которое было довершено въ Единбургѣ и Лондонѣ, князь Чарторыйскій пользовался расположеніемъ Петербургскаго общества. (Гр. Ф. В. Растопчинъ говоритъ даже о немъ: «зналъ всѣхъ вельможъ, и скажу что, смѣня Чарторыжскаго, на мѣсто его ни единого человека нѣтъ».—XIX вѣкъ 2, 92). Явные польскія его тенденціи прекратили возможность его дѣятельнейшей дѣятельности. Онъ былъ оставленъ въ 1824 году, принималъ дѣятельное участіе въ польской революціи, вслѣдствіе чего долженъ былъ удалиться за границу. Очень интересна книга: *Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondance*

комитетъ, одинъ или два раза въ недѣлю собиравшійся у него для совѣщаній (съ мая 1801 до конца 1803 года). Кромѣ нихъ принималъ участіе въ этихъ совѣщаніяхъ графъ (впослѣдствіи князь) В. П. Кочубей ¹⁾. Графъ Строгановъ писалъ протоколы всего, что происходило въ комитетѣ (содержаніе ихъ составляетъ весьма интересную часть книги ген. Богдановича о царствованіи Александра I; см. приложение къ I тому, стр. 38—91).

Графъ Строгановъ пишетъ, между прочимъ, о засѣданіи неофициальнаго комитета 23-го декабря 1801 года слѣдующее: „Его величество предложилъ заняться чтеніемъ полученной имъ отъ Лагарпа ²⁾

dance particulière et conversations, 1801—1823. Pub. par le prince L. Czartoryski. Paris, 1865.

***) Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, единственный сынъ известнаго при Екатеринѣ магната, въ семействѣ котораго любовь къ искусству была наследственною, былъ воспитанъ якобинцемъ Роммомъ во время пребыванія вмѣстѣ съ отцомъ своимъ во Франціи. Графъ Павелъ Строгановъ былъ известенъ какъ являвшійся благородный человѣкъ съ самыми любезными пріемами. Воспитанный исключительно подъ французскимъ вліяніемъ, онъ считался ревностнымъ поклонникомъ Мирабо, что впрочемъ не помѣшало ему сдѣлаться «самымъ усерднымъ и ревностнымъ русскимъ патриотомъ» (Гречъ). Онъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но вскорѣ перешелъ въ военную службу и участвовалъ въ войнахъ съ Франціею; въ сраженіи при Краонѣ лишился единственнаго сына — это былъ сильный ударъ для его сердца; онъ умеръ въ 1817 году, путешествуя по Италіи.

¹⁾ Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей (родился въ 1768 году) первоначально воспитывался въ домѣ своего дяди канцлера князя Безбородко, потомъ продолжалъ свое образованіе въ Женевѣ; затѣмъ былъ порученъ наблюденію русскаго посланника въ Лондонѣ, гдѣ занимался политическими науками. Въ 1792 году получилъ постъ чрезвычайнаго посланника въ Константинополь, а императоръ Александръ назначалъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. И графа Кочубея упрекали въ томъ, что Англію знаетъ онъ лучше чѣмъ Россію, но даже порицатели признавали въ немъ рѣдкое и необходимое качество государственнаго человѣка, — искусство познавать людей, употреблять ихъ сообразно ихъ способностямъ. См. *A la mémoire du Prince Kotzchoubey, chancelier, par Gillet. 1834.*

²⁾ Фридрихъ-Цесаръ Лагарпъ родился 6-го апрѣля 1754 года въ маленькомъ городѣ Ролѣ на Женевскомъ озерѣ. Прекрасная біографія Лагарпа составлена г. Сухомлиновымъ по бумагамъ этого писателя, хранящимся въ библіотекѣ кантона Лозанны и у одного изъ его родственниковъ — г. Моно. (С.-Петербургъ, 1871). Школьное образованіе Лагарпъ получилъ въ семинаріи М. Планти въ Галльштейнѣ (кантонъ Грубюнденъ); душою этой семинаріи былъ педагогъ Невеманнъ; тамъ преподавали исторію, географію, логику, естественное право, математику, естествознаніе, бухгалтерію, чистописаніе и правописаніе, а также языки латинскій, итальянскій, французскій и нѣмецкій. Неудовлетворительно былъ поставленъ греческій языкъ, который Лагарпъ хорошо изучилъ будучи уже шестидесяти лѣтъ. Подвигою Лагарпъ занимался въ Женевѣ преимущественно изученіемъ философіи, въ Тюбингенѣ изучалъ право, причемъ усовершенствовался также въ своихъ любимыхъ предметахъ — математикѣ и древнихъ языкахъ. Въ Тюбингенѣ получилъ онъ степени доктора права (1773). Возвративъ въ спос

зачиски о народномъ образованіи⁴. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ, касавшихся этого предмета, императоръ обращался за совѣтомъ къ Лагарпу, которому принадлежало „преобладающее участіе въ умственномъ воспитаніи“ государя и который, при своемъ прямомъ независимомъ характерѣ, при своихъ твердыхъ убѣжденіяхъ и нравственномъ достоинствѣ, имѣлъ величайшее вліяніе на Александра, когда онъ былъ еще великимъ княземъ. Жозефъ де-Местръ говорилъ въ 1805 году: „Императоръ—философъ и, если смѣю такъ выразиться, слишкомъ философъ. Лагарпъ произвелъ на его юное сердце неизгладимое впечатлѣніе“.

„На основаніи этого проекта, продолжаетъ журналъ Строганова, надлежало учредить по сей части государственнаго управленія особый комитетъ, поставя во главѣ его министра. Такое центральное учрежденіе должно было имѣть свои вѣтви въ губерніяхъ и инспекторовъ назначаемыхъ отъ дворянства“. Далѣе Лагарпъ указывалъ на необходимость имѣть школы и учителей въ селахъ, „чего трудно вездѣ, а въ особенности у насъ, но si on ne commence rien, on n'arrive à rien“. Тѣ же мысли сообщаетъ намъ г. Сухомлиновъ изъ бумагъ Лагарпа (стр. 77): „У Французовъ есть свой институтъ, считающій

отечество, онъ первоначально посвящалъ себя юридической практикѣ. Въ 1782 г. въ качествѣ ментора совершилъ онъ путешествіе съ братомъ генерала А. Ланскаго въ Италію и чрезъ это сдѣлался извѣстнѣе императрицѣ Екатерины. Въ началѣ 1783 года прибылъ онъ въ Россію. По случаю представленнаго имъ мемуара педагогическаго и дидактическаго содержанія отъ 10-го іюня 1784 года, Лагарпъ былъ назначенъ наставникомъ къ внукамъ императрицы, великимъ князьямъ Александру и Константину. Въ упомянутомъ мемуарѣ онъ говоритъ, что учебными предметами должны быть слѣдующіе: географія (начиная преподаваніе ея съ Россіи), астрономія, хронологія, математика, исторія, нравоученіе, правила законовъ гражданскихъ, философія, греческій языкъ (латинскій былъ исключенъ). Всюду при преподаваніи руководствами должны служить лучшія сочиненія, а при изученіи исторіи — древніе писатели. Изъ бумагъ Лагарпа видно, что лекціи его составляли 12 томовъ, изъ коихъ 9 преимущественно относились къ Римской исторіи. Каждая страница читаннаго Лагарпомъ курса была просматриваема Екатериною, которая много разъ выражала свое полное одобреніе. Съ женитьбою Александра (1793 г.) прекратилось преподаваніе. Въ 1795 году Лагарпъ возвратился въ Швейцарію, гдѣ онъ занялъ должность президента Швейцарской директоріи, вслѣдствіе чего въ 1799 г. былъ лишенъ русскаго ордена и пожалованной ему Екатериною пенсіи. По воцареніи императора Александра Лагарпъ возвратился въ Россію (1801) и въ теченіе хотя непродолжительнаго времени (до мая 1802 года) не отлучался отъ особы своего царственнаго воспитанника, а затѣмъ отношенія ихъ поддерживались перепиской. «Искренно желаю», писалъ Лагарпъ, «чтобы человеколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра, между благодѣтелями рода человеческого и защитниками началъ истины и добра». Онъ жилъ нѣкоторое время въ Плесси-Пике близъ Парижа, въ 1816 году переехалъ въ Лозанну, гдѣ занимался философскими науками, отечественною исторіею и социальными вопросами; умеръ 30-го марта 1838 года.

въ числѣ своихъ членовъ знаменитыхъ ученыхъ; есть политехническая школа, пританен, коллегіумы, академіи, словомъ все, что блеститъ и пускаетъ пылъ въ глаза. Но во Франціи ничего не сдѣлано для образованія жителей селъ и деревень. Пусть въ большихъ городахъ учреждаются университеты, гимназіи и другія училища, но вмѣстѣ съ ними пусть откроются и сельскія школы, въ которыхъ будутъ учить, по крайней мѣрѣ, читать, писать и считать. Существованіе народныхъ школъ составляетъ огромное преимущество и нравственную силу Англіи, Голландіи, Америки и протестантской Германіи. Необходимо собрать точныя свѣдѣнія о распространеніи грамотности въ Россіи и т. д., и позаботиться о приготовленіи для народныхъ школъ учителей и о составленіи руководствъ"... Лагарпъ ожидаетъ отъ народныхъ школъ величайшей пользы, особенно при врожденныхъ свойствахъ русскаго народа: немногіе, говоритъ онъ, народы въ такой степени, какъ Русскій, достойны благъ образованія. Русскій народъ отличается силой характера, отвагою, добродушіемъ и веселостію. Обращаясь къ государю Лагарпъ продолжаетъ: „Не допустите повториться тому, что произошло въ царствованіе вашей августѣйшей бабки. Запретите щеголять внѣшнимъ блескомъ!.. Народное просвѣщеніе, распространенное повсюду, полезное, а не блестящее — вотъ краеугольный камень всего зданія“. Далѣе въ своемъ журналѣ графъ Строгановъ сообщаетъ слѣдующее: „Въ письмѣ, приложенномъ къ проекту, Лагарпъ просилъ сообщить ему свѣдѣнія о настоящемъ положеніи народнаго образованія въ Россіи. Государь приказалъ комиссіи училищъ доставить требуемыя свѣдѣнія, но она ограничилась историческимъ изложеніемъ учрежденія самой комиссіи и указаніемъ цѣли своихъ занятій“. И въ этомъ отношеніи изъ бумагъ Лагарпа можно почерпнуть интересныя свѣдѣнія. Такъ о послѣднемъ отчетѣ, представленномъ комиссіею императору Павлу, Лагарпъ отзывался такимъ образомъ: въ немъ много невѣрностей, пропусковъ, неточностей. Число учителей 914 показано невѣрно, ибо многіе изъ нихъ занимаютъ учительскія мѣста въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Съ 1781 по 1800 годъ было открыто 221, а вмѣстѣ съ школами въ столицахъ 250 школъ. Въ первыя 12 лѣтъ было открыто 216 школъ, слѣдовательно, по 18 ежегодно; въ первыя пять лѣтъ было открыто 169 школъ, слѣдовательно по 34 ежегодно. „О такомъ неимоверномъ успѣхѣ много говорили въ свое время, награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо, а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основано только три училища; съ восшествіемъ на престолъ императора Павла комиссія словно проснулась, основала вдругъ 13 школъ, и затѣмъ погрузилась въ свою обычную летаргію“.

„Сотрудники государя, гласить далѣе журналъ, обратили его вниманіе на то, что у насъ дѣло народнаго образованія представляетъ необычайную смѣсь и пестроту, что еще недавно были учреждены въ разныхъ губерніяхъ военныя школы, имѣвшія разнообразное устройство, и что за нѣсколько дней передъ симъ преобразована школа сенатскихъ юнкеровъ на весьма неопредѣленныхъ основаніяхъ“. По мнѣнію графа Строганова, общественное образованіе должно заключать въ себѣ всѣ общія свѣдѣнія, которыя надлежало распространять въ народѣ, въ различной степени; затѣмъ слѣдовало образованіе специальное для лицъ, которыя, уже получивъ общее образованіе, готовятъ себѣ къ извѣстному поприщу общественной дѣятельности: морской службѣ, артиллеріи, инженерному дѣлу, а также правовѣдѣнію. „Подобнымъ образомъ, — говоритъ онъ, — устроены учебныя заведенія во Франціи“. (Справедливо замѣчаетъ г. Панинъ¹⁾), что это именно та система, которая начинаетъ вводиться только въ наше время: прежнія спеціальныя училища начинаютъ распадаться на предварительные курсы общаго образованія и высшіе курсы—спеціального. Таковы, говоритъ онъ, мѣры какъ, напримѣръ, преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназій, за которыми слѣдуютъ спеціальныя военныя училища или какъ сближеніе семинарскаго курса съ гимназическимъ). „Но государь возразилъ, что не все то удобно вводить у насъ, что хорошо за границей, что надлежало измѣнить для насъ многое изъ существующаго во Франціи, сообразно обстоятельствамъ, и что у насъ есть старинныя учрежденія, къ которымъ слѣдовало примѣнить новыя“. Положено было составить на сей предметъ особую комиссію. „Новосильцевъ замѣтилъ къ тому, что мы вообще нуждаемся въ систематическомъ устройствѣ“.

Вопросы, относящіяся къ народному образованію, разсматривались затѣмъ въ засѣданіи комитета 11-го апрѣля 1802 г.²⁾ „За нѣсколько дней до сего совѣщанія его величество сообщилъ членамъ комитета проектъ Лагарпа объ устройствѣ министерства народнаго просвѣщенія и проектъ директора кадетскаго корпуса, генерала Клингера³⁾, объ устройствѣ народныхъ училищъ. Какъ

¹⁾ Обществ. движеніе при Алекс. I, стр. 92.

²⁾ Вогдан., стр. 77.

³⁾ Фридрихъ Клингеръ, извѣстный сочинитель романовъ, прибылъ въ Россію съ рекомендательнымъ письмомъ герцога Виртембергскаго, вступилъ въ 1780 г. въ русскую службу и былъ назначенъ въ 1799 г. директоромъ кадетскаго корпуса императоромъ Павломъ, у котораго онъ прежде состоялъ въ должности чтеца и сопровождалъ государя въ его путешествіяхъ. «*Vir princeps, ingenio magnus, virtute major*», такъ гласитъ надпись на памятникѣ Клингера, умершаго въ 1837 году. Роммель говоритъ (въ автобіографіи своей въ *F. v. Bülow's Geheime Geschichten u. räthselhafte Menschen*, V, 583): «знакомство съ этимъ человекомъ составляетъ самое лучшее воспоминаніе моего пребыванія въ

оба проекта имѣли связь съ проектомъ учрежденія министерствъ, то Новосильцевъ доложилъ государю, что слѣдовало бы принять во вниманіе въ общемъ постановленія довольно основательныя идеи Лагарпа. Его величество отвѣчалъ, что Лагарпъ желалъ, чтобы это было сдѣлано неотлагательно и что онъ самъ раздѣлялъ это мнѣніе, *puisque cela serait déjà autant de fait*. Но члены комитета замѣтили ему, что отъ такого отдѣльнаго исполненія одной изъ частей проекта могла произойти несвязность (*incohérence*) прочихъ, весьма вредная для успѣха дѣла, и что лучше было подождать двѣ или три недѣли, нежели торопиться съ несвоевременнымъ учрежденіемъ одного вѣдомства. Государь, казалось, созналъ справедливость этого мнѣнія. Касательно же проекта, составленнаго генераломъ Клингеромъ, Новосильцевъ доложилъ его величеству, что онъ оказался неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, Клингеръ предлагалъ имѣть учителей въ каждомъ изъ селеній, по числу коихъ въ Имперіи потребовалось бы несмѣтное множество учителей, и къ тому же въ иныхъ мѣстахъ у насъ населеніе такъ разсыпано, что нерѣдко пришлось бы имѣть учителя на два или три крестьянскихъ дома; если же предполагалось ограничиться учрежденіемъ приходскихъ школъ, то всего лучше ввѣрить обученіе дѣтей прихожанъ священникамъ, какъ ближайшимъ наставникамъ своей духовной паствы. Генералъ Клингеръ предлагалъ брать школьныхъ учителей изъ семинаристовъ, либо унтеръ-офицеровъ. Что касается до первыхъ, сказалъ Новосильцевъ, если мы устранимъ ихъ отъ вступленія въ духовное званіе, то и безъ того уже значительное число несвѣдущихъ священниковъ еще болѣе умножится и, напротивъ того, сжали они будутъ идти по тому пути, который для нихъ былъ назначенъ отъ самой колыбели, это послужитъ въ пользу, доставя, мало по малу, духовенству надле-

---

Петербургу... Клингеръ занималъ въ Россіи самыя почетныя должности, не смотря на ревностное противодѣйствіе многихъ магнатовъ, а по своей правдивости, безкорыстію и силѣ характера приобрѣлъ привилегію крайне рѣдкую въ Россіи независимости и откровенности. Занимая должность начальника кадетскаго корпуса и почетнаго Дерптскаго университета, онъ проводилъ лучшіе часы своей жизни у своей покровительницы, императрицы Маріи Федоровны. Я написалъ его только что потерявшимъ единственнаго сына въ войнѣ съ Наполеономъ (1812, при Бородинѣ), въ чертовомъ, почти мизантропическомъ настроеніи духа, которое очень согласовалось съ его суровою, почти колоссальною фигурой и которое такъ сильно противорѣчило любезному и мягкому характеру его секретари Музеуси; онъ былъ очень оживленъ, когда касался любимой своей темы, честолюбиваго безумія Наполеона и рабства иѣмецкихъ князей. Въ 1804 году предлагалъ онъ самъ запретить свои сочиненія, считая ихъ вредными для юношества. Въ 1817 получилъ отставку. Карамзинъ (Письма, стр. 204) говоритъ: «Клингеръ уволенъ; мыъ сказывали, что онъ считается вольномыслящимъ» (Ср. также «Воспоминанія» Ф. Булгарина, относительно Клингера, кажется, достопытные).

жащее уваженіе. На замѣчаніе государя, что „это будетъ не скоро“, Новосильцевъ отвѣчалъ: „лучше подвигаться медленно, но вѣрно, нежели торопиться, жертвуя достоинствомъ предполагаемыхъ учреждений“. Когда же государь сказалъ, что немногіе лишь семинаристы захотятъ быть священниками, Новосильцевъ замѣтилъ, что это было весьма естественно. Съ нѣкотораго времени многіе изъ нихъ поступили въ гражданскую службу и быстро возвысились, что побудило ихъ товарищей оставлять духовное званіе; но если бы имъ былъ закрытъ выходъ оттуда, то они по необходимости держались бы своего первоначальнаго назначенія. Затѣмъ, рѣшеніе всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ было отложено до учрежденія министерствъ“.

Кромѣ того, еще разъ комитетъ въ своемъ 14 засѣданіи (12-го мая того же года) обсуждалъ вопросы объ организаціи общественнаго образованія. Въ этомъ засѣданіи были прочитаны шесть записокъ, представленныхъ графомъ Александромъ Воронцовымъ. Въ первой изъ нихъ, касавшейся министерствъ вообще, графъ Воронцовъ высказывалъ мнѣніе, что „слѣдовало исключить изъ министерства народнаго просвѣщенія всѣ кадетскіе корпусы, долженствующіе находиться въ вѣденіи военнаго и морскаго министровъ. Его величество изъяснилъ мнѣніе, что нѣтъ причины исключать ихъ изъ вѣдомства учебныхъ заведеній. Князь Чарторыйскій возразилъ, что кадетскіе корпусы имѣли специальное назначеніе и потому не слѣдовало ихъ подчинять министерству, имѣющему цѣлью общее образованіе. По мнѣнію графа Строганова, надлежало на первый разъ оставить ихъ въ вѣденіи министра народнаго просвѣщенія, сообразно съ общемою системою управленія. Онъ замѣтилъ, что во Франціи спеціальныя школы были подчинены различнымъ министерствамъ, потому что воспитанники этихъ школъ, получивъ приготовительное (общее) образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и поступивъ въ спеціальныя училища, считались на службѣ и только довершали тамъ курсъ наукъ приобрѣтеніемъ знаній, необходимыхъ по ихъ части. И потому, если у насъ будетъ принята эта система, то слѣдовало—по его мнѣнію—предоставить окончательное образованіе молодыхъ людей въ спеціальныхъ заведеніяхъ тѣмъ министерствамъ, въ вѣденіи которыхъ они будутъ состоять на службѣ; въ противномъ же случаѣ спеціальныя учебныя заведенія должны быть поручены министерству народнаго просвѣщенія. По видному, государь одобрилъ эту идею. Кромѣ того, обсуждали вопросъ: какъ назвать это вѣдомство? Министерствомъ общественнаго образованія либо *воспитанія*? Графъ Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово: „воспитаніе“ потому, что оно менѣе громко, и, напротивъ того, слово: „образованіе“ поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предразсудку, будто бы просвѣщеніе опасно“, (ср. напримѣръ, *Сѣверный Вѣстникъ* за 1804 г. I, 39: „знаменитые

писатели... нерѣдко порицають науки, будто бы онѣ причинили много въ мірѣ зла и нѣкоторые, слышу, того-жъ ожидаютъ въ любезномъ отечествѣ нашемъ отъ просвѣщенія¹⁾). „Но прочіе члены думали, что слово: образованіе, болѣе точно, что воспитаніе совершенно иное дѣло, о которомъ нельзя и помышлять, и что не слѣдовало смѣшивать этихъ понятій; къ тому же терминъ: образованіе—не могъ повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе, распространяемое правительствомъ, не возбудитъ ни чьихъ сомнѣній. Графъ Строгановъ сказалъ, что не было никакого неудобства не только употребить терминъ: воспитаніе, но даже впоследствии, давать общественное воспитаніе. По его мнѣнію, слово: воспитаніе—имѣло болѣе обширный смыслъ и заключало въ себѣ также и обученіе; онъ полагалъ ошибочнымъ возставать противъ общественнаго воспитанія, замѣтивъ, что его не слѣдовало смѣшивать съ народнымъ воспитаніемъ, которое, по его мнѣнію, въ дѣйствительности было невозможно. Общественное воспитаніе есть то, коимъ могутъ пользоваться всѣ граждане, а народное то, которое давалось бы всѣмъ гражданамъ безъ различія и проч. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, утвердили названіе: министерства народнаго просвѣщенія¹⁾“.

До конца 1803 года продолжались совѣщанія комитета, но записки графа Строганова, который въ это время былъ занятъ дѣлами по министерству внутреннихъ дѣлъ, уже не отличаются прежнею подробностію. Изъ подлежавшихъ разсмотрѣнію комитета вопросовъ нѣкоторые относятся къ военно-учебнымъ заведеніямъ, о которыхъ въ бумагахъ гр. Строганова мы находимъ слѣдующее (стр. 89): „Убѣдились, что, если не будетъ устроено обученіе военныхъ на-равнѣ съ прочими, то армія останется въ невѣжествѣ, что могло имѣть весьма невыгодныя послѣдствія. Чтобы пособить тому, первоначально предполагали присоединить военныя школы, для научнаго образованія, къ губерскимъ гимназіямъ; въ отношеніи же къ воспитанію — совершенно подчинить эти школы военной дисциплинѣ, заставляя молодыхъ людей исполнять обязанности солдатъ. По окончаніи гимназическаго курса они выходили бы офицерами въ армію; тѣ же изъ нихъ, которые по призванію и успѣхамъ своимъ оказались бы способны служить въ спеціальныхъ родахъ войскъ, должны были пріѣзжать въ Петербургъ, для поступленія въ высшія военныя училища. Въ одномъ изъ засѣданій комитета (dans un des petits comités) говорили императору о необходимости обратить вниманіе на сей

---

¹⁾ Изъ этого слѣдуетъ, что установленіе этого названія не принадлежитъ инициативѣ Мартынова, назначеннаго директоромъ департамента въ 1803 году, какъ утверждаетъ г. Колбасинъ (Литературные дѣятели прежняго времени. С.-Петербургъ. 1859), на основаніи повидимому словъ самого Мартынова.

предметъ, и какъ у него былъ проектъ князя Зубова, предлагавшаго учредить военныя школы въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ, то онъ поручилъ Новосильцеву рассмотреть всѣ эти бумаги и приложить къ нимъ собственное мнѣніе. Въ запискѣ, имъ поданной государю, онъ высказалъ мелочность видовъ князя Зубова, ограничивающаго научное образованіе воспитанниковъ въ корпусахъ чтеніемъ, письмомъ, ариметикою и пѣкоторыми изъ иностранныхъ языкомъ. Существенное различіе обоихъ плановъ заключалось въ томъ, что Зубовъ предлагалъ присылать въ Петербургъ всѣхъ воспитанниковъ, до производства ихъ въ офицеры, а Новосильцевъ — выпускать ихъ въ офицеры прямо изъ гимназій. Императоръ вполне видѣлъ неудобства плана Зубова и предпочелъ тотъ, который былъ составленъ Новосильцевымъ, но и въ послѣднемъ многое ему не нравилось: во первыхъ, онъ находилъ страннымъ общее обученіе въ гимназіяхъ. „Какимъ образомъ“, — говорилъ онъ, — „ходить туда такъ часто изъ корпуса? Это будетъ напрасная трата времени, разстроить военныя упражненія“ и т. п. Его старались успокоить на сей счетъ, убѣждая, что отдѣливъ воспитаніе отъ научнаго образованія и сдѣлавъ первое, на основаніи положенія о корпусахъ, совершенно военнымъ, можно было бы расположить учебныя часы такъ, чтобы оставалось достаточно времени для занятій по фронтовой части. Государь, сознавъ истину этихъ доводовъ, остался однако же непоколебимъ. Онъ не хотѣлъ о томъ и слышать, основываясь на томъ, что въ войскахъ необходимо единообразіе, которое могли усвоить воспитанники лишь въ Петербургѣ, въ присутствіи императора... Наконецъ ему предложили учредить комитетъ военныхъ училищъ и онъ на то согласился¹⁾.

Изъ разсмотрѣнія этихъ относительно подробныхъ совѣщаній невольно выносишь впечатлѣніе, что совѣщавшіеся не только были знакомы съ общими вопросами образованія, но и о положеніи этого дѣла въ Россіи имѣли далеко не столь смутныя понятія, какъ обыкновенно думали, правда, большею частью до напечатанія бумагъ, касающихся комитета.

Между тѣмъ, еще передъ послѣднимъ совѣщаніемъ былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ: 8-го сентября 1802 года былъ обнародованъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ и въ главѣ VII этого манифеста поименовано „министерство народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ¹⁾“.

Тотъ же манифестъ гласилъ, что министерство это имѣетъ въ непосредственномъ вѣденіи своемъ Главное училищное правленіе, оби-

---

¹⁾ Два послѣднія названія впоследствии въ официальныхъ бумагахъ не употреблялись.

занности коего были обозначены указомъ отъ того же числа, въ которомъ оно еще впрочемъ называется „Коммисією объ училищахъ“.

Члены этого Главнаго Правленія должны были „раздѣлить между собою вѣденіе всѣхъ состоящихъ въ Имперіи училищъ по полосамъ или провинціямъ, объемлющимъ нѣсколько губерній, и, получая вѣдомости о состояніи и представленія по дѣламъ училищъ, обязаны были особенно пешихъ о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія образованія учрежденныхъ, по соображенію нуждъ и удобностей каждаго отдѣленія. Всякое новое распоряженіе, признанное членомъ сей коммисіи нужнымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ и пользы ввѣренной ему части, предлагается полному собранію на усмотрѣніе и утверждается министромъ, а то, что превосходитъ власть его, то подносится Намъ на конфирмацію. Главною цѣлью, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ. Университеты, разширяя кругъ познаній въ своихъ отдѣленіяхъ, могутъ удобно принять на себя надзираніе надъ всѣми прочими училищами и вспомоществовать членамъ въ управленіи ихъ отдѣленій. Такимъ образомъ, не токмо облегчится и скорѣе совершенства достигать можетъ важнѣйшая сія часть государственной попечительности, образуя повсемѣтно просвѣщенныхъ и благонравныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ, но особенно труды каждаго члена сей коммисіи, къ пользѣ и славлѣ отечества подъежмывая, по мѣрѣ успѣховъ каждаго, явны учивятся и обратятъ на себя признательность Нашу“. Коммисія, какъ сказано въ заключеніи, „не оставитъ сочинить и представить Намъ полный планъ, по которому поступать будетъ согласно съ симъ указомъ;... въ ономъ объяснятся и тѣ правила, на которыхъ должны быть основаны сношенія и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ, а сихъ послѣднихъ отъ членовъ Коммисіи“. Въ то же время были назначены: министромъ народнаго просвѣщенія графъ Петръ Завадовскій, товарищемъ министра бывшій наставникъ государя Михаилъ Муравьевъ, членами Главнаго Правленія Училищъ: тайные совѣтники князь А. Чарторыйскій и графъ Северинъ Потоцкій, генералъ-маіоры Клипгеръ и Хитровъ, академики статскіе совѣтники Озерецковскій и Фусъ; директоромъ канцеляріи (правительствомъ дѣлъ) коллежскій совѣтникъ Каразинъ. Кромѣ того, причислились къ Главному Правленію сенаторъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Петръ Свистуновъ и бывшіе члены прежней коммисіи тайные совѣтники Ѳеодоръ Янковичъ де-Мириѣво и Петръ Пастуховъ.

Графъ Петръ Завадовскій ¹⁾), „умная украинская голова“, какъ

¹⁾ Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій родился въ 1738 (по другимъ, въ 1739) году въ Черниговской губерніи и былъ сыномъ казацкаго маіора; перво-

называютъ его современники, въ два предшествовавшія царствованія занималъ различные должности; какъ бывшій президентъ учрежденной при Екатеринѣ II въ 1782 году Коммисіи училищъ, онъ имѣлъ большую опытность при назначеніи его въ новую должность. Но главныя его заслуги по устройству учебной части не относятся ко времени новаго царствованія и если было сказано, что въ управленіе его министерствомъ „было сдѣлано по этой части болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе“, что „время управленія министерствомъ Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“, то гораздо основательнѣе утверждаетъ г. Пынинъ, что заслуга невиданнаго до той поры движенія въ обществѣ принадлежитъ всего болѣе самому Александру, который своими примѣромъ одушевилъ всѣхъ. Нужно прибавить, что главными двигателями энергической дѣятельности Коммисіи были молодые люди, прежде всего Новосильцевъ, потомъ Чарторыйскій и Муравьевъ. О Завадовскомъ слышались не только острые замѣчанія графа Растончина, который въ 1803 г. говорилъ, что онъ „играетъ лишь при свѣчѣхъ въ бостонъ и выпрашиваетъ хохланъ чины, производя изъ въ ученые“ (XIX Вѣкъ, 2, 17, 112), но и болѣе вѣскія сужденія протѣкаго Строганова (назначеннаго указомъ 26-го сентября членомъ Главнаго Правленія училищъ и исправляющимъ должность попечителя въ Петербургѣ); въ

начальное образованіе получилъ въ домѣ своего дяди, малороссійскаго подкоморія, который позже помѣстилъ его въ іезуитскую школу въ Оршѣ. Тамъ между прочимъ изучилъ онъ и польскій языкъ, знаніе коего содѣйствовало сближенію его съ вліятельными польскими магнатами. Поступивъ въ Кіевскую духовную академию, гдѣ господствовала латынь, изучилъ русскіхъ писателей, чтеніе которыхъ осталось на всю жизнь любимымъ его занятіемъ въ часы досуга; онъ любилъ украшать рѣчь свою латинскими цитатами и даже на его русскомъ слога отрицалось вліаніе латинскаго языка. Когда фельдмаршалъ Руминцевъ-Задунайскій вступилъ въ управленіе Малороссіей, онъ вынулъ Завадовскому свою тайную канцелярію. Труды Завадовскаго обратили на него вниманіе Екатерины II, которая назначила его сенаторомъ и главнымъ директоромъ банковъ, вслѣдствіе чего у него, какъ и слѣдовало ожидать, появились завистники. При императорѣ Павлѣ въ 1797 году былъ онъ возведенъ въ грѣское достоинство, но въ 1799 году, за безпорядки въ банкахъ, уволенъ отъ службы. Въ день вступленія своего на престолъ императоръ Александръ призвалъ его опять на государственную службу, первоначально въ комисію о составленіи законовъ. Когда Завадовскій вышелъ изъ министерства народнаго просвѣщенія (11 апрѣля 1810 года), то былъ назначенъ председателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ; умеръ 10-го января 1812 года. Изъ того немногаго, что напечатано о Завадовскомъ, заслуживаетъ вниманія помѣщенный въ «Дневникѣ чиновника» (ЖК. М. II. II. LXXXVIII, 6, 128) разговоръ Завадовскаго — 1807 года — о вліаніи возрастающаго образованія на политическое положеніе Россіи. Гречъ отзывается о бывшемъ министрѣ, какъ о человѣкѣ «большаго ума, обогащеннаго познаніями тогдашняго времени», но «живымъ и чувственнымъ».

письмъ отъ 28-го октября 1804 года онъ писалъ Новосильцеву: „Notre instruction publique va un peu lentement. Dieu, après avoir fait le monde en six jours, se reposa le septième, mais notre ministre fait mieux: il ne fait rien les six jours et néanmoins se repose le septième. Depuis un mois nous n'avons pas eu de séance du правленіе“¹⁾. Если письмо это относится дѣйствительно къ тому числу, который оно помѣчено, то нельзя не считать высказаннаго въ немъ сужденія преувеличеннымъ: оно свидѣлствуетъ только о нетерпѣливомъ рвеніи писавшаго. Правда, между краткимъ засѣданіемъ 30-го сентября и засѣданіемъ 10-го ноября 1804 года, какъ видно изъ журнала Главнаго Правленія училищъ, происходило одно только засѣданіе (6-го октября), за то въ декабрѣ и февралѣ было по 4 засѣданія, въ мартѣ, іюнѣ и августѣ по 3, такъ что въ 1804 году было не менѣе 27 засѣданій. Но самымъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что главныя заслуги министра принадлежали прошлому времени, служитъ письмо императора (въ Сборникѣ Русск. Истор. Общества, т. V, стр. 39), въ которомъ онъ отвѣчаетъ Магарну на соинѣнія сего послѣдняго относительно Завадовскаго: „Vos regrets sur la nomination de Zavadovski à la place de ministre de l'instruction publique seroient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son ministère. Il est nul. C'est un Conseil composé de Mouravief, Klinquier, Chartoryski, Novosiltzef etc., qui regit tout, il n'y a pas un papier, qui ne soit travaillé par eux, pas un homme, qui ne soit placé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tachons de faire. Au reste, nous l'avons rendu content au possible, un vrai mouton, enfin il est nul et n'est dans le ministère, que pour ne pas crier, s'il en fût exclu“²⁾.

Тайный совѣтникъ и сенаторъ Михаилъ Муравьевъ³⁾, назначенный

¹⁾ Наше общественное образованіе движется тихо. Господь Богъ, сотворивъ міръ въ 6 дней, почивъ въ седьмой день; министръ нашъ поступаетъ лучше: онъ шесть дней ничего не дѣлаетъ, и, не смотря на то, въ седьмой отдыхаетъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца мы не имѣли ни одного засѣданія въ главномъ правленіи.

²⁾ Наме сожалѣнію о назначеніи Завадовскаго уменьшится, когда вы получите вѣрныя свѣдѣнія относительно организаціи ввѣреннаго ему министерства. Онъ самъ пулъ. Совѣтъ, составленный изъ Муравьева, Клингера, Чарторыйскаго, Новосильцева и т. д., управляетъ всѣмъ; нѣтъ бумагъ, которая была бы не ими обработана, нѣтъ человѣка, который бы не ими былъ назначенъ. Кроме того, мои частыя сношенія съ двумя послѣдними удерживаютъ министра препятствовать намъ въ нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Впрочемъ, мы сдѣлали его снисходительнымъ до нельзя; настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ.

³⁾ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ родился въ 1757, слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, который былъ основанъ за два года до его рожденія.

товарищем министра народного просвѣщенія, былъ ученымъ по профессіи, представлялъ „рѣдкое явленіе въ исторіи нашей образованности по своей любви къ древней филологіи“, которая, впрочемъ, не

Изъ людей того времени, слѣдившихъ за ходомъ учебнаго дѣла, онъ былъ наиболѣе извѣстенъ въ Германіи, находясь въ сношеніяхъ съ замѣчательнѣйшими учеными этой страны. Въ исторіи русской литературы занимаетъ онъ также почетное мѣсто. Онъ умеръ 29-го іюля 1807 года. Слѣдующія мѣста изъ его сочиненій характеризуютъ его взгляды. Въ разсужденіи своемъ о нравовѣденіи онъ говоритъ слѣдующее: «Возвращаясь къ самому началу гражданскихъ обществъ, оно покушается представить себѣ человѣка въ первобытной простотѣ его и изъ этого вывести неотъемлемыя и священныя права человѣка, его простыя и начальныя чувствованія и склонности. Сіе отдѣленіе нравовѣденія, извѣстное подъ именемъ Естественнаго Права, начертываетъ должности наши и сношенія въ разсужденіи Высшаго Существа саамого себя, ближняго, общества. Оно предписываетъ наставленія всякому полу и состоянію, отцу, сыну, супругу, гражданину; оно учитъ соединять полезное съ честнымъ. Отъ домашней жизни семейства нравовѣденіе нисходитъ къ изъясненію обязанностей политическаго общества, разлагаетъ пружины правленія, начертываетъ дѣйствіе государственной власти до самаго ея источника.... и такимъ образомъ даетъ рожденіе другой подчиненной наукѣ — извѣстной подъ именемъ Политики». (Соч. изд. Смирдина. 1856, II, 133). Объ изыщной литературѣ Муравьевъ говоритъ: «Словесныя науки первыя пріемлютъ и воспитываютъ человѣческій разумъ, едва исходящій изъ младенчества, смѣняя нечувствительнымъ образомъ грубыя игры перваго возраста нѣжныѣйшими и возвышеннѣйшими забавами разумія, чувствованія, воображенія. Чтеніе открываетъ ему сокровища природы, разверзаетъ передъ нимъ завѣсу прошедшаго.... Чувствительный молодой человѣкъ пріучаетъ слухъ свой къ плавному согласію гармоніи стихотворства, къ важному теченію періодовъ оратора; онъ видитъ въ различныхъ языкахъ одни общія правила, потому что они происходятъ отъ свойствъ разума, который хотя и различенъ образованіями, но одинаковъ вездѣ существомъ своимъ; онъ отвѣивается начертать себѣ различныя дѣянія разума, чтобъ выучиться уметствовать и различать истину между заблужденіемъ. Природный языкъ становится ему тѣмъ дорожѣ, что каждое оного слово напоминаетъ связь его съ отечествомъ. Пренебрежетъ ли онъ что нибудь, до оного касающееся? Исторія, землеописаніе, ученіе законовъ, обозрѣніе торговли, его силы, населенія, суть предметы столкожъ пріятныя, сколь и необходимыя». (Стр. 208). Какъ ясно выражается въ этихъ словахъ идеалъ образованія того времени! Счастливымъ считаетъ Муравьевъ того, «кто съ душевнымъ удовольствіемъ пробѣгаетъ поле наукъ, въ какомъ бы состояніи, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни былъ». «Вы мнѣ хвалите невѣжество первыхъ временъ, вы меня приглашаете предаться наслажденію жизни и пугаетъ моимъ безъ размышленія. Однако разумъ мой чувствуетъ живо, что такъ же, какъ тѣло, и имѣетъ онъ свои потребности... Движеніе свѣтила небесныхъ, строеніе тѣла, зрѣлище внутренностей земли, разсмотрѣніе человѣческихъ пороковъ и добродѣтелей, картины умершихъ поколѣній, картины чувствъ сердечныхъ, размышленіе о законахъ, искусствахъ, вся система наукъ... есть спокойное убѣжище отъ пороковъ, страстей и праздноствія». (Стр. 309). «Сынъ перваго вельможи имѣетъ предолѣть столько же и можетъ быть и болѣе пренатисгъ для освобожденія себя отъ невѣжества какъ и сынъ послѣдняго земледѣльца. Сія самая причина должна служить побужденіемъ высшимъ состояніямъ общества — утвердить ихъ преимущества случайной породы и предпочтенія симъ преимуществомъ, болѣе

ослабляла его относительно значенія другихъ предметовъ преподаванія. Основныя начала, высказанныя имъ государю при преподаваніи ему русскаго языка и русскоѣ литературы, а равно и правоученія, напечатанныя въ собраніи его сочиненій, заслуживаютъ полнаго вниманія. „Свобода и образованіе составляютъ главный фундаментъ, на которомъ созидается благосостояніе народа. Свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности“. Этою свободою объясняетъ онъ умственное превосходство протестантской Германіи въ сравненіи съ католическою, не смотря на единство народности. „Въ различныхъ областяхъ одного народа примѣчаютъ великое противоположеніе въ общежитіи и поведеніи людей, по мѣрѣ, какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется.... Протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія. Въ нихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англійскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противоположить славнымъ именамъ Лессинга, Виланда и Клопштока...“. Заслуживаетъ также вниманія и воззрѣніе его на исторію: „не должно останавливаться надъ происшествіями безплодными и уединенными, надъ сею утомляющею картиною брани и сраженій... Тѣ только происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Особливо достойны вниманія нравы, владѣтельствующій образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе“. Какъ практично приступилъ онъ къ разрѣшенію подлежащей ему задачи, доказываетъ та часть перваго его отчета за 1803 годъ, гдѣ онъ говоритъ, что прежде всего вступилъ въ подробное сношеніе съ предшественникомъ своимъ тайнымъ совѣтникомъ Ковалевскимъ, который препроводилъ къ нему всѣ нужныя свѣдѣнія „какъ до успѣховъ, такъ и до хозяйственнаго управленія касающіяся“¹⁾.

24-го января 1803 года государь утвердилъ *предварительныя пра-*

основательнымъ, просвѣщеннаго и украшеннаго разума» (Стр. 303). Наконецъ: «Мудрое воспитаніе долженствуетъ паче всего приуготовлять отечеству безпрестанно поколѣнія юношей чувствительныхъ, не развращенныхъ худыми примѣромъ, въ которыхъ бы возрастали вмѣстѣ съ лѣтами и просвѣщеніемъ немая вътъ къ пороку и любовь къ добродѣтели и къ отечественнымъ законамъ». (Стр. 189). Вездѣ у Муравьева высказывается мысль, что образованіе и ученіе возвышаютъ нравственность. Карамзинъ говоритъ о немъ, что страсти къ наукамъ равнялась у него только страсти къ добродѣтели.

¹⁾ См. *Шевырева*, Ист. Имп. Моск. Univ., 1855, стр. 328.

вила народнаго просвѣщенія ¹⁾, выработанныя Главнымъ Правленіемъ училищъ, причемъ была выражена увѣренность, „что и всѣ Наши вѣрнопопдаанные примуть дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать Нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу Нашему любезномъ“. Правила раздѣлены на три главы въ 48 статьяхъ; въ нихъ говорится объ учрежденіи училищъ, устройствѣ ихъ учебной части и о распоряженіяхъ по части хозяйственной. Главная идея учебной организаціи высказывается въ слѣдующихъ постановленіяхъ: *Для нравственнаго образованія гражданъ соответственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія* опредѣляются четыре рода училищъ: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты. (Ст. 2-я). Всякій церковной приходъ, или два прихода вмѣстѣ, судя по числу прихожанъ и отдаленію ихъ жителствъ, должны имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище (Ст. 3-я). Приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей; въ помѣщичьихъ селеніяхъ они предоставляются просвѣщенпой и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ. (Ст. 4-я). За порядкомъ ученія наблюдаетъ смотритель училища того уѣзда, къ которому приходское училище принадлежитъ (Ст. 5-я).

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ должно быть по крайней мѣрѣ одно *уѣздное училище*. Смотрители этихъ училищъ опредѣляются университетомъ непосредственно, или по представленію губернскаго директора училищъ, которому они подчинены во всѣхъ отношеніяхъ по училищамъ, въ ихъ вѣдѣніи находящимся (Ст. 6—8).

Въ каждомъ губернскомъ городѣ сверхъ нижнихъ училищъ первыхъ двухъ классовъ имѣетъ быть *гимназія*, которая состоятъ будетъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и управленіемъ губернскаго директора училищъ. Директоръ по представленію университета своего округа опредѣляется Главнымъ училищъ правленіемъ. (Ст. 8—9).

Училища нѣсколькихъ сосѣдственныхъ губерній составляютъ особый *округъ*, который будетъ подвѣдомъ одному изъ членовъ Главнаго училищъ правленія. (Ст. 13).

---

¹⁾ Это, по видимому, «Предначертаніе устава о общественномъ образованіи» (Сухомлиновъ, Мат. I, 60), которое было читано на V засѣданіи (11-го октября 1802 г.). Но такъ какъ это Предначертаніе правителемъ дѣлъ В. Каразнымъ было «изготовлено на слѣдствіе и по содержанію приказаній ея» (то-есть, комисіи или главнаго правленія училищъ), то ему принадлежитъ только редакція, а не основныя идеи, какъ полагаетъ Н. Дивровскій (Ж. М. Н. Пр. CLIX, 59, и CLXV, 2, 298. См. Русск. Арх. 1873, 963). Самое значительное вліяніе имѣли при этомъ два проекта, одинъ внесенный уже въ 3-е засѣданіе Фусомъ, другой, позднее, Чарторыйскимъ.

Понечитель отвѣтствуетъ за благоустройство учебныхъ заведеній ввѣреннаго ему округа и обязанъ пещись о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія. О всякомъ новомъ распоряженіи по учебной или хозяйственной части онъ предлагаетъ на общее разсужденіе мѣстныхъ членовъ. Онъ обязанъ обзрѣвать училища своего вѣдомства по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года (ст. 20 и 21). Въ каждомъ округѣ учреждается университетъ. Кромѣ трехъ существующихъ уже университетовъ (въ Москвѣ съ 1755, и вновь основанныхъ въ Дерптѣ 12 декабря 1802 и въ Вильнѣ 4 апрѣля 1803 г.), таковыя должны быть учреждены въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ; затѣмъ предназначаются для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ и Устюгъ-Великій (ст. 14). Наконецъ, каждый университетъ долженъ имѣть учительскій или педагогическій институтъ (ст. 39).

Объ учебномъ планѣ мы скажемъ подробнѣе при изложеніи статей устава 1804 г.; пока же слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ постановленія, которыми правительство желало вызвать въ учительскомъ сословіи, правительственныхъ учрежденіяхъ и обществахъ усердіе къ новымъ школамъ. Постановленія относительно учителей заключаются въ слѣдующее: ежегодно будутъ назначаемы награды опредѣленному для каждаго отдѣленія числу учителей, коихъ ученики окажутъ отличные успѣхи (ст. 22); посвятившіе себя учительскому званію въ общественныхъ училищахъ, за постоянное и рачительное исправленіе должностей, имѣютъ получать пенсіи, соотвѣтственныя числу лѣтъ ихъ службы (ст. 23). Что же касается правительственныхъ учреждений и лицъ, а равнымъ образомъ и общества, то статья 48 гласила слѣдующее: мѣстные начальники, споспѣшествуя исполненію намѣреній правительства относительно народнаго просвѣщенія, не понудительными средствами, но благоразуміемъ и дѣятельностію обратятъ на себя отличное его вниманіе. Равнымъ образомъ и всѣ благонамѣренныя граждане, при устроеніи училищъ вспомошествовая правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, приобретутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотечей и на торжественную признательность учреждаемыхъ пипѣ заведеній, имѣющихъ возвыситься въ нынѣшнее, и утвердить на предбудущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества.

Доказательствомъ того, какъ серіозно правительство отнеслось къ преобразованію учебнаго дѣла на новыхъ началахъ, служитъ статья 24 ¹⁾:

¹⁾ Это постановленіе является уже въ Актѣ постановленія для университета въ Дерптѣ (ст. 17) и вошло въ уставъ того же университета 12 сентября 1803 г., въ общемъ же уставѣ Уч. Зав. 5 ноября 1804 г. оно не повторяется: «Предв. прав.» остались въ своей силѣ и на нихъ часто ссылаются уже по утвержденіи устава.

„ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроении въ округъ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи сихъ правилъ, училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ.“

Учебныя заведенія различныхъ наименованій пахотятся между собою во внутренней, органической связи въ томъ отношеніи, что, какъ всякое низшее заведеніе подчиняется высшему, такъ же точно для поступленія въ каждое высшаго поименованія заведеніе предполагается познанія по заведенію низшаго разряда. Этотъ органическій порядокъ постепенности, проведенный чрезъ учебный планъ, сливается принципомъ различныхъ степеней образованія съ принципомъ послѣдовательной организаціи училищъ всѣхъ разрядовъ. Онъ-то главнымъ образомъ вызвалъ *восторженные отзывы современниковъ*. Такъ, напримеръ, Шторхъ (VI. 208) говоритъ: „вѣроятно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ современная цивилизованная Европа, никогда еще не было задумано и приведено въ исполненіе столь исполинскаго проекта“. Тотчасъ по утвержденіи „предварительныхъ правилъ“ Карамзинъ, безспорно одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, въ своей статьѣ: О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи ¹⁾, говоритъ слѣдующее: „Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи.... Александръ избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россію, чтобы они могли пользоваться его челоуколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія“. Указавъ затѣмъ на сельскія школы, какъ на самыя важныя, Карамзинъ обращается къ дворянству съ тѣмъ, чтобы привлечь его къ содѣйствію успѣхамъ столь добраго дѣла. „*Дворянство никогда не упало тамъ, идъ оно любило жертвы для общаго блага*.... Усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которые согласны съ общимъ благомъ государства и съ челоуколюбіемъ. Главнымъ благодѣяніемъ сего новаго устава останется заведеніе сельскихъ школъ; но онъ представляетъ еще другія, великія пользы. Городскія (т. е. уѣздныя) школы, гимназій, университетовъ, теперь умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованіемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитаніе умовъ въ Россіи. Мысль отдѣлать ученіе отъ другихъ частей государственныхъ, какъ систему особенную и цѣлую, есть мудрая и благодѣтельная мысль; ученые мѣста должны зависѣть только отъ уче-

¹⁾ Соч. изд. Смиркина, III, 348—358.

ныхъ, и ректоръ, глава ихъ въ каждомъ округѣ, будучи самъ питомцемъ наукъ, тѣмъ ревностнѣе и дѣйствительнѣе можетъ стараться объ ихъ успѣхѣхъ. Довѣренность, изъявляемая Монархомъ къ собранію профессоровъ, которые править не только университетами, но и школами, еще болѣе возвышаетъ сей истинно благородный санъ“. Карамзинъ указывасть еще на два важныя преимущества устава: извѣстно, что учителя времени царствованія Екатерины II не долго оставались на своихъ мѣстахъ, находя болѣе выгоднымъ посвящать себя другимъ отраслямъ занятій. Въ ст. 22 и 23 устава заключаются постановленія для предупрежденія этого зла. Другая великая мысль выражена въ ст. 24: „Нужно ли описывать всѣ хорошія слѣдствія такого закона? Правосудіе есть душа государственнаго порядка: не говоря о томъ, что науки вообще благотѣльны для морали, скажемъ, что не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною несправедливости. Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и государя ея, но и для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ должны гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей..... Великія государственныя творенія бывають медленны—такъ угодно Небу—и если Россія въ одномъ смыслѣ удивляетъ насъ своими быстрыми счастливыми успѣхами, то, съ другой стороны, она же доказываетъ, сколь трудны, не ровны и не споры шаги государства къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи *рожденія новыхъ силъ*: надобны вѣки для полнаго образованія..... Довольно, что сей безсмертный уставъ для совершеннаго просвѣщенія Имперіи нашей требуетъ только вѣрнаго исполненія; а можно ли сомнѣваться въ исполненіи того, что Монархъ Россіи повелѣваетъ Россіянамъ?“

Такимъ восторженнымъ чувствомъ воодушевилъ законъ перваго знатока исторіи своего народа. Шесть лѣтъ спустя, въ то время, когда правительство строго проводило постановленіе, заслужившіе столько похвалъ,—какой переворотъ произошелъ въ воззрѣніяхъ даже Карамзина!

На другую сторону дѣла обратилъ Карамзинъ вниманіе въ статьѣ своей: „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей“, написанной также въ 1803 г. ¹⁾. Высказываемыя имъ здѣсь воззрѣнія отчасти проливаютъ яркій свѣтъ на тѣ идеи, которыя раздѣляли тогда образованные люди. „Флегматическій скептикъ, на примѣръ, скажетъ: гдѣ Россія будетъ находить столько учителей, сколько ихъ нужно для уѣздныхъ и губернскихъ школъ, по новому образованію? Кѣмъ наполнятся педагогическіе институты? Отвѣчаемъ ему: учи-

¹⁾ Тамъ же, III, 340—347.

тельскому институту при Московскомъ университетѣ обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе не погасло въ Россіи. Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ было всегда такъ велико, что университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни третьей части. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званія, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захотятъ идти симъ путемъ, сколько небогатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣтей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, нравственно образованы, просвѣщены и чрезъ нѣсколько лѣтъ найдутъ средство служить отечеству въ званіи столь полезномъ. Жалованье учителя городской (уѣздной) школы есть уже избытокъ для челоѣка, воспитаннаго въ незнаніи прихотей. Онъ же можетъ имѣть и посторонніе, честные доходы: благодарные родители учениковъ его, кушцы, дворяне, безъ сомнѣнія, будутъ на дѣлѣ изыскивать ему свою признательность (!) Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденія.... и пенсію. Какое счастье для челоѣка, который родился въ бѣдности и могъ быть тягостью для отца, если бы благодѣтельное правительство не взяло на себя его воспитаніе! Бѣдность есть, съ одной стороны, несчастіе гражданскихъ обществъ, а съ другой—причина добра.... Россія на первый случай можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, купецъ богатства черезъ торговлю.... Если въ каждомъ учебномъ округѣ будетъ отъ трехъ до пяти сотъ воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, то чрезъ 10 или 15 лѣтъ университетскимъ правленіямъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званія учителей“.

Но этому „если“ не суждено было осуществиться ¹⁾. Напротивъ, сдѣлалось горькою истиною, что нигдѣ не можетъ быть рѣчи о стремленіи къ образованію ради самого образованія. „Большая часть дворянства коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія“, говоритъ другой свидѣтель ²⁾. Въ заключеніе Карамзинъ взываетъ къ патриотическому рвенію дворянства и купечества, приглашая ихъ придти на помощь правительству содержаніемъ на свой счетъ воспитанниковъ, и позваніе свое кончаетъ слѣдующимъ весьма картиннымъ образомъ:

¹⁾ Подобныя пылкія надежды возникали неоднократно. Харьковскій проф. Каменскій въ 1816, въ одной изъ своихъ рѣчей, говоритъ, что въ 1805 г. всѣхъ учававшихся въ гимназіяхъ и училищахъ состояло 3967, но въ 1814 г. находилось ихъ 7190; такъ что въ 14 лѣтъ число кончившихъ курсъ должно бы было простираться до 14,000; слѣд. для образованія 10 милліоновъ (жителей Южной Россіи) потребно около 80-ти лѣтъ. «Внуки наши будутъ имѣть счастье зрѣть событіе сего предугаданія». (Данилевскій, Украинская старина, Харьковъ. 1866 г., стр. 310).

²⁾ Ж. М. Н. П. CLIX, 59.

„и тогда ректоръ университетской, *вводя* *какою нибудь знаменитаю иностранца въ огромныя залы училища*, скажетъ ему: „вотъ питомцы щедрого Московскаго дворянства“, и далѣе: „содержаніе ученика стоить въ годъ около 150 рублей: какое же другое удовольствіе можно купить столь дешево?“

Указомъ 24-го января 1803 г. было обнародовано раздѣленіе Россіи на *шесть учебныхъ округовъ* и назначены попечители сихъ округовъ. Попечителемъ Московскаго учебнаго округа (10 губерній) назначенъ былъ Муравьевъ, Вилепскаго (8 губерній) Чарторыйскій, Дерптскаго (4 губ.) Клингеръ, С.-Петербургскаго (5 губ.) Новосильцевъ, Харьковскаго (11 губ.) графъ Северинъ Потоцкій, Казанскаго (13 губ.) графъ Мантейфель, которому наследовалъ въ томъ же году дѣйств. ст. сов. Степанъ Румовскій.

О жизни графа Северина Осиповича *Потоцкаго* ¹⁾, польскаго вельможи, мало извѣстно: восхваляютъ ревность его при устройствѣ вѣреннаго ему университета, равно стараніе привлечь къ нему лучшія учебныя силы, какъ русскія, такъ и иностранныя. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что относительно устройства университета Каразинъ оказалъ ему весьма существенныя услуги, а потому сему послѣднему Харьковскій университетъ и обязанъ собственно своимъ существованіемъ, ибо онъ склонилъ Харьковское дворянство къ необходимымъ для сего денежнымъ пожертвованіямъ ²⁾. Мнѣніе о Потоцкомъ окончательно еще не установилось. Г. Сухомлиновъ говоритъ (I, 23): „Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ; ... распространеніе наукъ и образованности было его истиннымъ призваніемъ, дѣломъ его души и убѣжденіемъ“. Г. Лавровскій же (стр. 206) обращаетъ вниманіе на то, что Потоцкій постоянно, и еще въ 1810 г., отдавалъ предпочтеніе пѣмецкимъ ученымъ и польскимъ учителямъ передъ русскими и

¹⁾ Потоцкій род. въ 1762 г., былъ попечителемъ до 25-го марта 1817, умеръ въ 1829 г., былъ также сенаторомъ.

²⁾ Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. При избраніи Каразина въ 1811 г. почетнымъ членомъ университета, заслуга его была признана. Въ протоколѣ засѣданія 30-го августа сказано: *Ad hunc virum eligendum senatus praeferat eximia cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est; quia ejus singulari industriae et labori in acceptis referendum est, quod Universitas Charcoviaca sit constituta.* Его служебное положеніе, достигнутое весьма оригинальнымъ образомъ (въ 1801 г. онъ бросилъ въ окно молодого Государя разсужденіе свое о внутреннемъ положеніи современной Россіи) было, впрочемъ, кратковременно (до 11-го апреля 1804 г.); его усердію не доставало весьма важнаго качества: онъ былъ въ высшей степени непрактичный, беспокойный человекъ (Письма Каразина къ Дмитріеву, съ примѣчаніями, изданныя Я. Гротомъ и Пекарскимъ, стр. 103); патриотизмъ его, равно какъ основательное и разностороннее образованіе, не могли замѣнить эти недостатки при занятии имъ мѣстъ. † 1842.

венгерскими Славянами. Благоприятный отзыв о Потоцкомъ очевидно касается лишь первых годовъ его дѣятельности; съ 1801 до марта 1816 г. Потоцкій проживалъ въ Польшѣ и управленіе оттуда Харьковскимъ округомъ должно было, конечно, представлять большія затрудненія ¹⁾; въ Харьковѣ нѣкоторое время положительно не знали, гдѣ его отыскать; такъ, напримѣръ, Роммель (стр. 502) рассказываетъ, что онъ не могъ воспользоваться по прибытіи своемъ въ Харьковъ (въ январѣ 1811 г.) даннымъ ему отъ Палласа рекомендательнымъ письмомъ къ безъ вѣсти исчезнувшему попечителю. Нѣмецкій профессоръ Шадъ приписываетъ свою отставку исключительно тому обстоятельству, что попечитель зналъ его „за заклятаго врага тирана“ (Наполеона). Впрочемъ, доказательствомъ образованія Потоцкаго можетъ служить сказанная имъ при открытіи университета латинская рѣчь. Въ одномъ мѣстѣ этой рѣчи, замѣчательной уже потому, что она должна быть разсматриваема какъ истинное истолкованіе намереній правительства, говорилось слѣдующее: *Qui igitur potuisset oblivisci (Alexander I) publicae institutionis, quae forte et utilitate et gravitate reliqua omnia antecellit: utpote qua vere homines formantur atque ad obeunda reipublicae munera effinguntur... Ille minimis et ut dici amat, Parochialibus scholis animos addit, quantum potest maximos; Ille circularum oppidis scholas; urbibus, ubi sedes Gubernii est, Gymnasia dedit, in quibus juvenus primis litterarum atque optimarum artium elementis imbuatur, linguis celebriorum nationum instruatur, atque ad probitatem morum ita formetur, ut omne bonum, omne appetat honestum. Ut vero etiam illi, qui se ad graviora reipublicae munera destinarunt, omnesque, qui gloriae stimulis excitati altiora petunt, quantum libet operae in bonis litteris collocare possint, toto Imperio in circulos dispertito, in unoquoque eorum Universitatem literarum esse jussit, haud absimilem eis, quae Oxoniae, Cantabrigiae florent, in quibus procerum Britanniae filii erudiuntur, ad salutem patriae in sacratio libertatis, cui nomen Parlamenti, fortissime defendendam; aut instar Gottingensis, Ienensis, Hallensis aliarumque, ad quas neque Electores, neque alii Imperii Germanici Principes filios suos mittere unquam dubitarunt. Erit sane, ut in tam vasto Imperio a Lithuania ad Siberiam, ab urbe Archangel ultra Caucasi montes usque protenso, nusquam invenias civem, cui omnino decisset occasio minimis expensis, negotio minimo animum expoliendi suum, uti et eam, qua in Imperio gaudet, dignitatem decet, et per fortunam ejus ingeniumque licet... Fastum fugiens, omnesque inutiles sumptus, mire e converso munificus, ut primum de bono agitur publico, beneficentissimus noster Imperator hanc in rem ingentem illam semialterum millionem rubellium exce-*

¹⁾ Р. Аpx. 1869, стр. 155.

dentem summam annue vovit: summam utique enormem atque cujus exemplum uspiam terrarum nequaquam quaesieris.... Ad finem propero meque ad vos converto, qui vocati estis, ut prima hujus Universitatis semina jaciatis, e qua, veluti e centro, effluat lux institutionis publicae per terram tam late diffusam tantoque hominum numero repletam, ut non uni formando Regno sufficeret etc ¹⁾).

Между тѣмъ явилось для прохожденія университетскаго курса на собственный счетъ всего 41 человекъ, изъ коихъ были признаны достойными принятія по экзамену, длившемуся отъ 20-го мая до 10-го декабря (1804), лишь 21. Къ нимъ присоединилось 30 воспитанниковъ духовныхъ семинарій, которые должны были содержаться на казенный счетъ и быть распределены по разнымъ факультетамъ. „Вамъ извѣстно“, пишетъ въ 1805 г. попечитель ректору, „съ какими затрудненіями соединено исходатайствованіе дозволенія на то (Св. Синода)“. Теперь становится понятнымъ, почему въ рѣчи попечителя упоминаются англійскіе лорды и нѣмецкіе курфирсты.

Д. ст. сов. Степанъ Яковлевичъ *Румовскій* ²⁾ (состоявшій съ 20-го іюня 1803 попечителемъ Казанскаго округа) родился въ 1732 г. и получилъ образованіе въ С.-Петербургской академической гимназій, при коей въ 1753 г. назначенъ былъ адъюнктомъ, послѣ того какъ учитель его Рихманъ сдѣлался жертвою своихъ опытовъ; въ 1754 г. посланъ въ Берлинъ къ Леонарду Эйлеру, а по возвращеніи оттуда преподавалъ въ академической гимназій математику, написавъ для сего первую на русскомъ языкѣ геометрію. Въ 1760 г. получилъ мѣсто профессора астрономіи при Академіи и сдѣлался впоследствии вице-президентомъ ея (1800—1803 г.). Онъ извѣстенъ своимъ ученымъ путешествіемъ въ Нерчинскъ (1761) и Колу (1769) съ цѣлю астрономическихъ наблюденій (прохожденія Венеры), астрономическими и математическими работами, достоинства коихъ были признаны и за границею, равно какъ трудами въ области русской литературы. Тридцать лѣтъ издавалъ онъ С.-Петербургскій академическій календарь и почти столько же времени имѣлъ главное наблюденіе надъ географическимъ департаментомъ академіи. Румовскій перевелъ на русскій языкъ французскія письма Эйлера, и, кромѣ того, сочиненія Тацита; его упрекаютъ однако въ томъ, что онъ болѣе справлялся съ французскимъ переводомъ Тацита, чѣмъ съ оригиналомъ. Умеръ въ 1812 году.

Весьма дѣятельными членами учебнаго округа были два другіе академика. Одинъ изъ нихъ, Николай Яковлевичъ *Озерецковскій* ³⁾

¹⁾ Період. Соч. XII, 552.

²⁾ Пер. Соч. XXXIV, 154.

³⁾ *Сухомлиновъ*, Мат. I, 24.

(род. 1750 г.), тоже получившій первоначальное образованіе въ академической гимназіи, слушалъ впослѣдствіи курсъ наукъ въ Страсбургѣ и Лейденѣ и въ этомъ городѣ былъ возведенъ въ степень доктора математики. Онъ также совершалъ путешествія по Россіи для физическихъ наблюденій; вообще признается однимъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Другой академикъ, Николай Фусъ, родившійся въ 1755 въ Базелѣ, гдѣ и получилъ школьное и университетское образованіе, занимался математикой подъ руководствомъ Бернулли, который рекомендовалъ 17-лѣтняго юношу въ помощники Эйлеру. Еще не достигнувъ 20-лѣтняго возраста, Фусъ сдѣланъ былъ членомъ С.-Петербургской академіи (по высшей математикѣ) и впослѣдствіи состоялъ непрерывнымъ ея секретаремъ. Его дѣятельность по учебному вѣдомству можно по справедливости считать выходящею изъ ряду; съ большимъ тактомъ держался онъ въ теченіе всего времени, когда учебная наша часть переходила чрезъ различные фазисы. Врядъ ли кто либо изъ членовъ академіи такъ долго выносила происходившіе въ министерствѣ частыя перемѣны взглядовъ, вслѣдствіе чего тотъ возвышенный духъ, въ которомъ было учреждено министерство, нерѣдко подвергался опасностямъ. Умеръ Фусъ 23-го декабря 1825 года.

Изъ членовъ бывшей комиссіи училищъ слѣдуетъ упомянуть о *Янковичъ де-Миріево*, заслуги коего Россіи обстоятельно изложилъ и оцѣнилъ г. Вороновъ въ прекрасной монографіи.¹⁾ Дѣятельность его важна между прочимъ и потому, что по ней можемъ мы прослѣдить связь между новою организаціей учебнаго дѣла и тою, которая существовала прежде. Янковичъ происходилъ изъ сербскаго семейства, которое, переселившись въ 1459 году въ Венгрію, пріобрѣло въ Темешварскомъ Банатѣ мѣстечко, населенное Иллирійцами, исповѣдывавшими православную вѣру. Родился онъ въ 1741 г.; слушалъ въ Вѣнскомъ университетѣ юриспруденцію, камеральныя науки, а также науки, касающіяся внутренняго государственнаго благоустройства и народнаго хозяйства. Сперва поступилъ онъ на службу секретаремъ къ Темешварскому православному епископу Викентію Іоанновичу Видаку; въ 1773 г. былъ опредѣленъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ Банатѣ, гдѣ устроилъ школы по началамъ Фельбигера и ввелъ тотъ методъ обученія, который Фельбигеръ пересадилъ въ Австрію изъ Пруссіи. Подобно тому какъ Марія Терезія выпросила себѣ у Фридриха II Фельбигера, Янковичъ, которому въ 1774 г. было пожаловано австрійское дворянское достоинство, по рекомендаціи Іосифа II былъ вызванъ

¹⁾ Краткія свѣдѣнія въ книгѣ: Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собранные *И. Кеппеномъ*. С.-Петербург. 1827. III, 94, 95.

Екатериною II въ Россію „какъ человѣкъ, трудившійся уже по устроению народныхъ школъ, и знающій языкъ російскій, и нашъ православный законъ исповѣдующій“. Занимая должности директора народныхъ училищъ и ученаго чиновника при комиссіи училищъ, а впослѣдствіи члена этой комиссіи, онъ ввелъ въ Россію Фельбигерову организацію школъ и методъ обученія Гёна (Hahn) ¹⁾. По плану Янковича слѣдовало учредить три разряда народныхъ элементарныхъ школъ: малыя школы (двухклассныя), среднія (трехклассныя) и главныя (четырёхклассныя) на подобіе австрійскихъ образцовыхъ (scholae nationales) ²⁾. Въ двухклассныхъ школахъ учебный планъ долженъ былъ заключать въ себѣ: чтеніе и письмо, знаніе цифири, церковныхъ и римскихъ чиселъ, сокращенный катехизисъ, священную исторію и первоначальныя правила русской грамматики (I кл.); пространный катехизисъ безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, чтеніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметику 1 и 2 части, чистописаніе и рисованіе (II кл.). Въ третьемъ классѣ среднихъ школъ присоединялись къ этимъ предметамъ пространный катехизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія, чтеніе и изъясненіе Евангелія, русская грамматика съ упражненіями въ правописаніи, русская исторія и всеобщая, русская географія въ сокращенномъ видѣ и чистописаніе. Въ главныхъ же народныхъ школахъ, имѣвшихъ въ первыхъ трехъ классахъ одинаковый курсъ съ трехклассными училищами, преподаваемы были въ IV классѣ: всеобщая и русская географія, всеобщая исторія болѣе подробно, русская исторія, математическая географія съ задачами на глобусъ, русская грамматика съ упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ, употребительныхъ въ обществѣ, какъ то: въ письмахъ, счетахъ, роспискахъ и т. п., основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры (для упражненія въ послѣдней требовалось черченіе плапотовъ) и рисованіе. Императрица повелѣла кромѣ того ввести въ главныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе латинскаго языка и одного изъ сосѣднихъ иностранныхъ языковъ, какъ напримѣръ, нѣмецкаго въ губерніяхъ смежныхъ съ Остзейскимъ краемъ, греческаго въ губерніяхъ Кіевской, Новороссійской и Азовской, арабскаго въ восточныхъ губерніяхъ и китайскаго въ Иркутской губерніи и Колыванской области. Впрочемъ, это повелѣніе относительно трехъ послѣднихъ языковъ никогда не приводилось въ исполненіе. Французскій языкъ, по волѣ императрицы, былъ предоставленъ домашнему изученію ³⁾. На основаніи этого плана былъ составленъ

¹⁾ См. *К. А. Schmid*, *Encyklopaedie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens*. Gotha. Besser. II, 345.

²⁾ Тамъ же, т. V, 523.

³⁾ См. *Воронова Янков.*, стр. 91. *Журн. для восп.* IV, 103 183.

высочайше утвержденный уставъ народныхъ училищъ Россійской имперіи 5-го августа 1786 года. Въ 1783 г. была учреждена учительская семинарія при главномъ народномъ училищѣ, открытомъ въ С.-Петербургѣ 13-го декабря того же года; на подобіе Вѣнской Normal-school, учрежденной въ 1771 г., учебная и воспитательная часть этого заведенія устроены были по мысли Янковича, который вмѣстѣ съ тѣмъ привилъ и начальство надъ нимъ (по 1785 годъ). Курсъ наукъ въ семинаріи былъ одинаковъ съ курсомъ главнаго народнаго училища, но всѣ науки проходились въ ней подробнѣе. Семинарія приготовила до конца 1801 года, времени ея закрытія, 425 учителей. Болѣе половины руководствъ, необходимыхъ для новыхъ школъ, составлены были или самимъ Янковичемъ, или по его плану и подъ его руководствомъ, или же, наконецъ, передѣланы имъ: къ первой категоріи, по соображенію г. Воронова, принадлежать девять книгъ, ко второй три; къ третьей всѣ географическія карты, глобусы и атласы ¹⁾. Относительно методы, введенной Янковичемъ, г. Вороновъ говоритъ, что онъ „пересади́лъ на нашу почву лучшіе плоды европейской дидактики“; по его собственнымъ словамъ, общіе приемы ученія подъ названіемъ „учебнаго способа“ заключали въ себѣ: 1) совокупное наставленіе, 2) совокупное чтеніе, 3) изображеніе чрезъ начальныя буквы, 4) таблицы и 5) вопрошеніе. Сочиненія Янковича не остались безъ вліянія и на новую организацію учебнаго дѣла; по самъ онъ уже не могъ, кажется, повліять на нее, ибо съ 1804 года (въ журналѣ Гл. Пр. Уч. отъ 14-го января 1804 г. говорится о „болѣзни его, не обещающей скорого выздоровленія“) и до самой смерти своей, продолжавшей 22-го мая 1814 г., страдалъ совершеннымъ истощеніемъ умственныхъ и физическихъ силъ, естественнымъ слѣдствіемъ чрезвычайныхъ его трудовъ.

Возобновленіе учительской гимназіи было одною изъ первыхъ мѣръ Главнаго Правленія училищъ (20 мая 1803 г.), выработавшаго въ дополненіе къ „предварительнымъ правиламъ“ примѣрный штатъ для учебныхъ заведеній съ бюджетомъ въ 1,319,450 рублей (17 марта). Объ этомъ будетъ рѣчь впоследствии.

Оживленная дѣятельность, кипѣвшая въ министерствѣ, обнаружилась между прочимъ въ томъ, что совѣщанія объ уставахъ, въ коихъ

---

¹⁾ Такъ какъ Янковичъ уже въ Австріи составилъ руководство для учителей (см. 1-е примѣч. въ *Schmid's Encyklop.* V, 524), то можно предполагать, что „Руководство для учителей 1-го и 2-го классовъ народныхъ училищъ“, которое по его указанію перевелъ помощникъ его Ковалевъ, была именно эта книга. Н. Веселъ (Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ I, 180) прямо говоритъ, что она составляетъ переводъ книги Фельбигера: *Eigenschaften, Wissenschaften und Bezeigen rechtschaffener Schulloute 1772*, сдѣланный Ковалевымъ.

принимали участіе чрезвычайныя уполномоченныя со стороны университетовъ, уже въ 1804 году привели къ окончательному результату. Въ 1803 году были высочайше утверждены: 18 мая—уставъ Виленскаго университета и училищъ его округа, 12 сентября—уставъ Дерптскаго университета; въ 1804 г. 21 марта постановленія для Дерптскаго университета; 5 ноября удостоились высочайшаго утвержденія грамоты и уставы Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго университетовъ и уставы учебныхъ заведеній подвѣдомыхъ университетамъ, равно какъ училища С.-Петербургскаго учебнаго округа (о коихъ, впрочемъ, нигдѣ нѣтъ отдѣльнаго законоположенія). На эти послѣдніе четыре округа слѣдуетъ преимущественно обратить вниманіе.

Уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, 5 ноября 1804 г. (170 статей ¹⁾).

1. *Управленіе училищами* изложено въ XV главѣ университетскихъ уставовъ (§§ 163—177).

Университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями (§ 163); избирая губернскаго директора училищъ, представляетъ онаго на утвержденіе министру; учителей (во всѣ училища) и смотрителей для уѣздныхъ или окружныхъ училищъ опредѣляетъ непосредственно, или по представленію губернскихъ директоровъ училищъ (§ 164). Ежегодно учреждается училищный комитетъ, по опредѣленію совѣта составленный, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ шести ординарныхъ профессоровъ (§ 165). Училищный комитетъ получаетъ черезъ ректора (ср. § 17) всѣ донесенія директоровъ гимназій, снабжаетъ ихъ просимыми разрѣшеніями и наставленіями, отбираетъ отъ нихъ, въ случаѣ какаго либо безпорядка, нужныя объясненія, и ежели не въ состояніи будетъ принять рѣшительныхъ мѣръ, вноситъ мнѣніе свое въ общее собраніе профессоровъ. Комитетъ имѣетъ попеченіе о сохраненіи полуго-

¹⁾ Переведенъ также на латинскій языкъ: Augustissimi et Potentissimi Imperatoris et Autocratoris Rossorum omnium etc. etc. Constitutiones et confirmationes trium Rossicarum Universitatum, Mosquensis, Casanensis et Charcoviensis. Et mandato viri illustrissimi atque excellentissimi Alexidis Cyrillidis Comitis de Rasumofsky Universitatis Mosquensis Curatoris etc. etc., lingua latina redditae et editae a Chr. Fr. de Matthaei Cons. Aul. et Professore. Litteris et impensis Universitatis Mosquae 1808. Въ Харьковѣ уставъ былъ переведенъ прое. Стойковичемъ—и переводъ исправленъ прое. Шадовъ «въ отношеніи чистоты латинскаго слога»,—«съ тою цѣлью, чтобы познакомить съ содержаніемъ его тѣхъ изъ преподавателей, которые не знали русскаго языка». (См. *Рославскій-Петровскій* въ Ж. М. Н. Пр. LXXXVII, 5, 31).

личныхъ вѣдомостей о состояніи училищъ, о достоинствахъ и трудахъ учителей и о успѣхахъ учащихся (§ 166). Онъ не преминетъ обратить вниманіе свое на способность, прилежность и благонравіе учителей; ходатайствуетъ за достойныхъ учителей и исправляетъ напоминаніями своими небрегающихъ (§ 170); удаляетъ учителей и чиновниковъ отъ должности на время или навсегда если окажутся недостойными сего званія, но о всякомъ такомъ случаѣ комитетъ представляетъ мнѣніе свое совѣту, съ приложеніемъ всѣхъ доводовъ, а о директорѣ совѣтъ представляетъ попечителю (§ 167). Онъ представляетъ ежегодно совѣту подробное изображеніе состоянія, въ какомъ ученіе находится, приращенія способовъ народнаго просвѣщенія и недостатковъ, оста- навливающихъ оное. Университетскій совѣтъ донесеніе сіе препро- возждаетъ къ попечителю, для такового-же представленія министру (§ 168). Изъ чиновъ комитета ежегодно посылаются визитаторы, съ порученіемъ каждому одной или двухъ губерній для осмотра; общее систематическое извлеченіе изъ описанія осмотра доводится до свѣ- дѣнія начальства (§ 169). Визитаторы во время исполненія должно- сти своей препоручаются особенному вниманію и содѣйствію мѣст- ныхъ начальствъ (§ 174). Училищный комитетъ разсматриваетъ так- же хозяйственные отчеты директоровъ училищъ (§ 171) и начерта- нія пансіоновъ и училищъ, посторонними особами учреждаемыхъ, равно какъ онъ заведеніе оныхъ удостоиваетъ или отвергаетъ, и учи- телей утверждаетъ (§ 173). Для исправленія текущихъ дѣлъ, рек- торъ и два члена, на сей конецъ перемѣняющіеся ежемѣсячно, со- бираются два раза въ недѣлю и болѣе (§ 176).

Постановленія относительно *ревизій* школъ училищными комите- тами, о коихъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь, были такого свойства, что трудно было разчитывать на точное ихъ исполненіе; повидимому въ самой подробности и обстоятельности этихъ постановленій заключа- лась надежда, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ будутъ выполнены. Вотъ изложеніе того, въ чемъ состояли они: смотритель посѣщаетъ всякій день уѣздное училище и приходскія по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, если оныя въ дальнемъ разстояніи отъ уѣзднаго; приход- скія же училища въ уѣздѣ обозрѣваетъ по крайней мѣрѣ три раза въ годъ. Директоръ гимназій посѣщаетъ оную всякій день, прочія же училища и пансіоны въ столичныхъ городахъ по крайней мѣрѣ въ два мѣсяца, а въ губернскихъ городахъ въ двѣ недѣли одинъ разъ. Сверхъ того, онъ обязанъ хотя одинъ разъ въ годъ объѣхать под- вѣдомыя ему училища во всей губерніи (Уст. Уч. Зав., ст. 78 и 114). Попечитель обязанъ обозрѣвать училища своего вѣдомства, по край- ней мѣрѣ, одинъ разъ въ два года; въ случаѣ же какого-либо пре- пятствія, министръ испрашиваетъ Высочайшее повелѣніе объ отпра- в-

леніи въ тотъ округъ другаго члена Главнаго Правленія училищъ (Предв. Прав., ст. 21).

По всему вѣроятію, мысль объ управленіи училищъ университетами, — управленіи, имѣющемъ сходство съ французскою системою, была заимствована изъ польскаго устройства учебныхъ заведеній, начертаннаго Эдукаціонною Коммиссіею въ 1783 г. По крайней мѣрѣ, въ частности, нѣкоторые постановленія тождественны (§ § 163, 166), или сходны (§ 169), или же лишь видоизмѣнены (§ 167), такъ какъ и по польскому уставу власть надъ личнымъ составомъ учителей принадлежала ректору. Какъ бы то ни было, ясно какое важное значеніе приобрѣтали университеты при подобномъ устройствѣ, предоставлявшемъ имъ заботу объ ихъ организаціи и о привлеченіи въ школы учебныхъ силъ. Поэтому мы находимъ невѣрнымъ слѣдующее мнѣніе Гернипуса¹⁾: „однимъ лишь призракомъ были также его (Александра I) планы относительно школы и просвѣщенія. Ослѣпительная вершинна университетовъ и академій была отстроена; необходимая же основа ея — народныя и элементарныя школы, — едва начата: она значилась лишь на бумагѣ“. Напротивъ, совершенно справедливо говорить гораздо болѣе проникательный Шторхъ (VI, 201): „что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія, можетъ удивлять лишь людей, незнакомыхъ съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва *должны были существовать университеты*; ибо какимъ инымъ путемъ Главное Правленіе училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей Имперіи, на которыя, при устройствѣ школъ, слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній?“²⁾.

Постановленія о порядкѣ устройства школъ 1786 г. указываютъ на достигнутые успѣхи. Въ то время Главная Дирекція училищъ непосредственно подчинялась верховной власти. Главный надзоръ надъ школами въ губерніяхъ принадлежалъ генераль-губернаторамъ и подчиненнымъ имъ губернаторамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и попечителями всѣхъ школъ; имъ подчинены были директоры губернскихъ училищъ. Хозяйственное управленіе возлагалось на приказъ общественнаго призрѣнія, въ коемъ предсѣдательствовалъ губернаторъ (Шторхъ, I, 191).

2) Образовательныя цѣли, которыя имѣлось въ виду достигнуть уставомъ учебныхъ заведеній, тотъ идеалъ образованія, на который избранный кругъ лицъ, желавшихъ умственно подвинуть общество, указывалъ своимъ современникамъ — все это можетъ быть можно

¹⁾ Geschichte des XIX Jahrhunderts. II, 704.

²⁾ Ср. такое же мнѣніе Харьковскаго профес. Яковса. *Кепменс*, Мат. III, 9.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Казани, Полтавы,
Ярославля продается книга

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи въ трехъ частяхъ (одна книга). Курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ. 2-е изданіе Составилъ А. Радонежскій.

Одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. „Для класснаго чтенія и упражненій въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи, въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскихъ и народныхъ училищахъ“.

Рекомендуется учебнымъ комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи „какъ полезное учебное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій“.

Одобрена учебнымъ комитетомъ Святѣйшаго Синода „въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи Русскаго языка для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ“.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича книга посвящена Августѣйшему Имени Великаго Князя Николая Александровича.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкой. Училища, выписывающія книгу отъ самаго составителя, въ количествѣ не менѣе 50 экземпляровъ, платятъ 50 к. с. за экземпляръ съ пересылкою.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспекта, д. № 28, кв. № 12.

Подробное содержаніе „Сборника“ см. въ іюльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія.

Сего 1-го ЯНВАРЯ вышла и разслана подписчикамъ 1-я,
ЯНВАРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книгъ: I. Юбилей С.-Петербургской академіи наукъ. Статья акад. М. И. Сухомятина.—II. Отечественная война 1812 г., изслѣдов. А. И. Попова: отъ Малоярославца до Березины, глава первая.—III. Первая жена араба Ганнибалы: бракоразводное дѣло 1731—1753 гг.—IV. Герцогиня Кипгстонъ, очеркъ Е. П. Карновича.—V. Кн. А. С. Меншиковъ въ разсказахъ его аѣютанта А. А. Панаева, 1853—1854 гг.—VI. Война Россіи съ Турціей въ 1854 г.—VII. Очерки и замѣтки о музыкѣ А. Н. Строва.—VIII. Русская историческая литература въ 1876 г. Статья Н. И. Ностомарова.—IX. Записная книжка «Русской Старины»: очерки, разсказы, замѣтки и анекдоты.—X. Библиографическій перечень русско-историческихъ книгъ.

Къ этой книгѣ приложенъ портретъ княгини Екатерины Романовны Дашковой, точный снимокъ съ лучшаго гравированнаго въ XVIII в. ея портрета

Цѣна за 12 книгъ „Русской Старины“ 1877 г. съ портретами 8 руб.

Гг. многогородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подписчики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургъ, на Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленія Главной Конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ домъ Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту домъ Фирсанова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами при каждой книгѣ 8 руб. съ пересылкой.

Въ редакцію и въ ея конторы можно получить: „Русскую Старину“ 1876 г. въ 12 книгъ съ портретами Лжедмитрія, Екатерины II, Пушчева, кн. Зубова, Михельсона, Ермолова, Билинскаго и друг. Цѣна 8 руб. съ пересылкой. Также можно получить третье, значительно исправленное, изданіе «Русской Старины» 1870 г. (годъ первый), 12 книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ вышивками, снимками и портретами. Цѣна 8 руб. съ пересылкой (имѣется не много экземпляровъ).

ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

Продаются: въ С.-Петербургѣ, въ Археографической Коммиссіи (въ д. 6-й Гимназіи, у Чернышева моста) и въ книжномъ магазинѣ Н. В. Калачова, на Васильевскомъ Острове, по 12 линіи, д. № 19, и въ Москвѣ, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на Воздвиженкѣ.

Казенныя учебныя заведенія, при выпискѣ книгъ, пользуются значительной уступкой (См. таблицу на стран. 21—23).

СОБРАНІЕ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ:

ТОМЪ ШЕСТОЙ (*). 1) Продолженіе Софійской первой лѣтописи (1471—1509 гг.). Дѣянія Московскаго и др. Русскихъ княжествъ. *Прибавленія:* а) Уставъ вел. кн. Ярослава о судѣхъ; б) Судебникъ св. царя Константина; в) Уставъ св. кн. Володимира, о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ; г) Посланіе арх-па Новгородскаго Василя ко владыцѣ Тверскому Теодору; д) Побѣще вел. кн. Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ; е) О Московскомъ изятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земли Куевскыя; ж) О житіи и о преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича, царя Русскаго. 2) **Софійская вторая лѣтопись** (1392—1534 гг.): Дѣла Россійской Церкви, послѣднія удѣльныя смуты, паденіе Новгорода, государственныя преобразованія и дипломатическія сношенія съ иностранными державами, семейныя приключенія при Московскомъ Дворѣ, борьба съ Казанью, Крымомъ и Литвою и проч. *Отдѣльныя сочиненія:* а) Описаніе Флорентійскаго собора; б) Путешествіе Аѳанасія Тверитина въ Индію; в) Духовное завѣщаніе Рос. митр-га Фотія; г) Посланіе Ростовскаго арх-па Вассіана вел. кн. Іоанну Васильевичу; д) Житія и чудотѣнія разныхъ Святыхъ. 3) **Отрывокъ русскоѣ лѣтописи** (1445—1552 гг.): Новгородскія событія и описаніе покоренія Казани ц. Іоанномъ Васильевичемъ. *Прибавленія:* а) Грамота папы Пія 2-го митрополиту Григорію; б) Сказаніе чудеси св. Варлаама о умершемъ отрокѣ; в) Сказаніе митрополита Теодосія о исцѣлѣвшемъ хромицѣ у гроба св. Алексія митрополита; г) Путешествіе Аѳанасія Тверитина въ Индію.

ТОМЫ СЕДЬМОЙ и ВОСЬМОЙ. Лѣтопись по Воскресенскому списку (1075 — 1541 гг.). Повѣствуетъ о прошествіяхъ Новгородскихъ и Кіевскихъ, а начиная съ XIV вѣка—почти исключительно о событіяхъ, совершившихся въ Московскомъ государствѣ. Оканчивается лѣтопись описаніемъ на-

---

(*) 2, 4 и 5 томовъ въ наличности не имѣется. 1-й и 2-й томы напечатаны вторымъ изданіемъ (См. слѣд. стран.); 3-й т. (Новгород. лѣтописи) печатается.

шествія на Россію, въ 1541 г., Крымскаго хана Саятъ-Гирея. Сверхъ того въ ней помѣщенъ средній текстъ Временника Нестора и разныя статьи историческаго и генеалогическаго содержанія.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ: Лѣтописный сборникъ, именуемый Патріаршею или Никоновскою лѣтописью (859—1536 г.). Въ этомъ томѣ напечатана часть означенной лѣтописи, въ которой разсказъ событій доведенъ до 1177 г. Ей предшествуютъ статьи: «Исторія, сирѣчь повѣстникъ, о епископіяхъ, елици подлежатъ и послужни суть митрополиту Кіевскому и всеа Русіи.» б) «Никитора, патріарха Царяграда, лѣтописецъ въскорѣ.» в) «Данье вел. кн. Дмитрея Ивановича Донскаго въ Сергеевъ монастырь.»

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ: Лѣтописный сборникъ, именуемый Тверскою лѣтописью (852—1499 г.). Этой лѣтописи предшествуютъ статьи: а) Хронографъ, глаголемый лѣтописецъ Русскій. б) Книга, глаголемая Хронографъ, иже зовется по русски Лѣтописецъ, въ ней же повѣсти древнихъ лѣтъ о началѣ Русскія земли. в) Временникъ Софійскій, иже глаголется лѣтописецъ Русскихъ князей.

Лѣтопись по Лаврентіевскому списку (2 изданіе 1-го т. Полн. Собр. Рус. лѣтописей, 1846). СПб. 1872 г. I—XIV, 512, 1—63.

Сличена со списками Радзивилловскимъ (оканч. 1206 г.) и принадлежащимъ Москов. Дух. Академіи, а также съ погибшимъ пергаментнымъ Троицкимъ спискомъ, на сколько сего послѣдняго сохранилось въ 10-ти напечатанныхъ листахъ пынѣ чрезвычайно рѣдкаго изданія Лаврентіевскаго списка, предпринятаго въ 1804 году предсѣдателемъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Чеботаревымъ, съ помощію профессора Черепанова.

Въ нее вошли: а) Повѣсть временныхъ лѣтъ въ редакціи начала XII-го вѣка и ея продолженіе, преимущественно излагающія событія Сѣверной Руси (Суздальскаго княжества); оканчивается 1377 годомъ. Продолженіе Суздальской лѣтописи напечатано по списку Московской Духовной Академіи, въ которомъ происшествія доведены до 1420 года.

Лѣтопись по Ипатскому списку (2-е изд. 2-го Тома Полн. Собр. Рус. Лѣтописей, 1843). СПб. 1871 г. I—XI, 616, 1—33, 1—28, 1—12.

Сличена со списками Хлѣбниковскимъ и Погодинскимъ, принадлежащими Императорской Публичной Библіотекѣ. Состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) Повѣсти временныхъ лѣтъ до 1111 года; 2) Лѣтописи Кіевской и Юго-Западной Руси съ 1111—1201 года, и 3) Лѣтописи Галицко-Волынской съ 1201—1299 г.

Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку, изданная фотолитографически. СПб. 1871.

Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентіевскому (харатейному) списку, изданная посредствомъ свѣтопечати. СПб. 1872.

Новгородская летопись по Синодальному (харатейному) списку, изд. посредствомъ свѣтопечати. СПб. 1875.

Воспроизведеніемъ указанными способами этихъ трехъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественнаго бытописанія, предоставлена возможность занимающимся историческими и филологическими изслѣдованіями имѣть въ своихъ рукахъ какъ бы подлинныя рукописи.

Указатель къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, т. 1-й, Имена личныя (А—І).

Этотъ указатель представляетъ не простой перечень цифръ, но подробное исчисленіе всего, что говорится въ лѣтописяхъ объ упоминаемыхъ въ нихъ лицахъ, а иногда довольно подробныя и характеристичныя очерки ихъ жизни и дѣятельности. Сопоставленіе данныхъ, находящихся въ восьми томахъ Полнаго Собр. Русск. Лѣтописей, дало возможность исправить весьма многія ошибки, вкравшіяся, съ теченіемъ времени, въ наши лѣтописи при ихъ перепискѣ.

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ:

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ (*) (1645—1676 г.).—Два чиноположенія о епископской хиротоніи и вступленіе на паству Владыкъ.—Патріаршія и владычнія грамоты о духовномъ судѣ монастырскомъ и церковномъ благочиніи и проч.—Грамоты патріарха Никона властямъ Валдайскаго Иверскаго монастыря, служащія матеріаломъ для его біографіи, 1653—1665 г.—Жалованныя грамоты Малороссійскимъ владыкамъ, монастырямъ, Запорожскимъ войсковымъ старшинамъ, городамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ.—Грамоты о возвращеніи къ Россійской державѣ Могилева, Велижа и другихъ Бѣлорусскихъ городовъ, 1654—1655 г.—Акты о походѣ Хабарова въ Даурію, 1649—1651 г.—Грамоты, отписки и наказныя памяти о возобновленіи и укрѣпленіи городовъ и остроговъ.—Матеріалы для исторіи ратнаго дѣла въ Россіи.—Отрывокъ слѣдственнаго дѣла о бунтѣ Стеньки Разина, 1667—1672 г.—Розыскъ о мученической кончинѣ Астраханскаго митрополита Іосифа, 1672 г.—Статейный списокъ о казни лжецаревича Симеона, 1674 г.—Акты объ осадѣ Соловецкаго монастыря, 1674 г.

ТОМЪ ПЯТЫЙ (1676—1700).—Соборное постановленіе и грамоты о духовномъ судѣ, распорядкахъ, пошлинахъ и благочиніи.—Наказы и памяти объ отчинномъ монастырскомъ управленіи.—Акты, относящіеся къ исторіи стрѣлецкаго бунта и раскола.—Соборное постановленіе о разрѣшеніи отъ церковнаго отлученія Симеона Медвѣдева.—Исповѣданіе вѣры и клятвенное обѣщаніе, произнесенное въ присутствіи патріарха царскимъ духовникомъ, 1693 г.—Акты, поясняющіе біографію Имеретинскаго царя Арчила, 1693—1694 г.—Два документа о Макарьевской ярмаркѣ.—Грамоты о возобновленіи и строеніи городовыхъ укрѣпленій.—О золотыхъ и другихъ рудныхъ приискахъ въ Сибири, и о торговлѣ съ Китаемъ.

(*) Первыхъ трехъ томовъ въ наличности не имѣется.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ АКТАМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ:

ТОМЪ ПЯТЫЙ (*) (1665—1669 г.).—Дѣянія, или постановленія Московскаго собора, о исправленіи церковнаго благочинія и о дѣлахъ, касающихся раскола, 1666—1667 г.—Выходы Патріаршіе, во время пребыванія въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ, Пансія Александрійскаго и Макарія Антиохійскаго, 1666—1674 г.—Акты: а) объ осадѣ Соловецкаго монастыря 1668—1676; б) о строеніи въ селѣ Дѣдиловѣ корабля, названнаго Орломъ, и другихъ судовъ, для плаванія по Каспійскому морю 1667—1670 г.; в) относящіяся къ исторіи огнестрѣльнаго оружія въ Россіи 1667—1671 г.; г) о службѣ въ Россіи иноземцевъ, занимавшихъ образованіемъ регулярнаго войска 1666—1671 г.; д) касающіяся торговыхъ сношеній Россіи съ Европѣйскими державами 1667—1669 г.; е) о Псковскихъ земскихъ и торговыхъ дѣлахъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ (1670—1776). Поселенію крестьянъ и устройство слободъ; порядокъ уборки съ полей крестьянами казеннаго хлѣба; денежный оброкъ съ десятины; мѣры къ прекращенію переселенія въ Сибирь Поморскихъ крестьянъ; перепись въ Тамбовѣ; число жителей въ Двинскомъ уѣздѣ.—Свѣдѣнія о городахъ: Архангельскѣ, Астрахани, Ачинскѣ, Бѣлозерскѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Енисейскѣ, Инсарѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Колѣ, Кузнецкѣ, Кунгурѣ, Москвѣ, Нерчинскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Олонцѣ, Романовѣ, Тотьмѣ, Царицынѣ, Шуѣ, Яицкомъ городкѣ и Якутскѣ.—Разстоянія и пути отъ Якутска до Тугярскаго городка, до Чичуйскаго, Албазинскаго, Олекминскаго и Охотскаго острожковъ, до Анадырскаго, Жиганскаго и другихъ зимовьевъ; между Мангазеи и Туруханскомъ; между Вилюисомъ и Таркамъ. Устройство дороги между Верхотурьемъ и Соликамскомъ. Прогонныя деньги.—Дѣла церковныя и монастырскія: Вятская епископская кафедра; поставленіе на патріаршество Новгородскаго митрополита Питирима; свѣдѣнія объ Александрійскомъ патріархѣ Пансіѣ, Антиохійскомъ Макаріѣ и Газскомъ митрополитѣ Пансіѣ. Десятины Вологодскаго архіепископа. Молебныя деньги. Архіепископскіе дѣти боярскіе. Иконописцы. Тарханныя грамоты. Расколъ и проч.—Обязанности должностныхъ лицъ: крестьянскаго ясатника, замолотчика, прикащика, кречатьяго помытчика, цѣловальника, таможеннаго головы, воеводы. Должностныя лица 1672 г.—Промыслы: соляной, рыбный, тюлений, смоляной. Заводы: поташные и кирпичные. Руды и винокурение.—Цѣны: хлѣба, рыбы, желѣза, бревенъ, тѣса, поташа, мѣховъ; заграничныхъ винъ, полотенъ, сукошъ, аксамита, бархата, обьярей, атласовъ, жемчуга, и бурмицкихъ зерюгъ. Поденная плата за работу, цѣна за провозъ съ нуда.—Торговля: товары зановѣдные, отпускные, привозные изъ за границы: порядокъ досмотра и пошлины съ отпускныхъ товаровъ; торговля съ Китаемъ, Персією, Швецією и Голландією; торговые иноземцы въ Россіи; корабельные лоцманы; Армянская Компанія; гостинные дворы; наблюденіе за торговлею въ Астрахани; пригонъ въ Москву степныхъ лошадей. Грамота на званіе гостя.—Государствен-

(*) Первые четыре тома въ наличности не имѣются.

ные доходы по городамъ; о денежныхъ и хлѣбныхъ сборахъ, пошлинахъ, оброкѣ и ясакѣ.—Военное дѣло: постройка остроговъ; верстаніе казаковъ; пересушка пороха; пушки, знамена. Сборы на жалованье ратнымъ людямъ и стрѣльцамъ. Определенная мѣра для выдачи хлѣбнаго жалованья. Смотръ войскъ въ Московскомъ кремлѣ и артиллерійское ученье.—О бунтѣ Стеньки Разина: дѣйствія его подъ Царицынымъ, Чернымъ Яромъ, въ Яицкомъ городкѣ и на Теркѣ, въ Персіи и проч. О мятежѣ во Псковѣ. Самозванецъ Тимошка Анкудиновъ. Непріязненные дѣйствія Азовскихъ Татаръ, Киргизовъ и Калмыковъ.—Ссылка въ Сибирь Малороссійскаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго и другихъ Малороссіянь.—Дѣйствія Русскихъ на Амуръ и приведеніе въ подданство Даурскихъ людей на р. Гани.—Сношенія съ Швеціею, Англіею, Голландіею и Персіею. Путешествіе Милованова въ Китай и проч.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ (1876—1882 г.).—Для исторіи городовъ: Выми и Ярнска, Кіевъ, Ливень, Старого и Нового Оскола, Ефремова, Читирипа, Охотска, Пензы, Перми и Чердыни, Тобольска, Тюмени, Ядрипа и Якутска.—Для исторіи монастырей и епархій: Новгородской, Пермской, Витской и Черниговской.—Государственные доходы: сборы таможенные и питейные, откупные, оброчные и проч.—Промыслы: рыбный, соляной и проч.: винокурение; о сыскѣ рудъ; ремесленные цехи въ Кіевѣ.—Торговля: товары привозные; торговля съ Персіею и Шемахою, Татаръ подъ Астраханью и Сибирскихъ инородцевъ; торговые иноземцы; запрещеніе продавать иноземцамъ оружіе.—О военныхъ дѣйствіяхъ: Россіи съ Турціей и Крымскими Татарами; Донскихъ казаковъ съ Калмыками; Яицкихъ казаковъ съ Туркменцами и Персіей; Калмыковъ и Киргизовъ между собою и съ Русскими; ясачныхъ Якутовъ и Тунгусовъ съ Русскими.—Сношенія: съ Персіей и Шемахою, съ Имеретіею, Швеціею, съ Калмыками и Киргизами, съ Черкасскими мурзами, съ Китаемъ: путешествіе сюда черезъ Сибирь Николая Спаарія.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ (1878—1881).—Для церковныя и монастырскія: строеніе монастырей и снабженіе ихъ землями и угодьями; обращеніе инородцевъ въ христіанскую вѣру; расколы въ Сибири.—Свѣдѣнія о городахъ: Астрахани, Бѣлозерскѣ, Верхотурѣ, Владимірѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Кузнецкѣ, Нерчинскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Олонцѣ, Селенгинскѣ, Смоленскѣ, Якутскѣ.—Государственные доходы: сборы таможенные и питейные, откупные и оброчные; хлѣбные и денежные; ясачные; повинности: подводная, пескомъ, смолою и проч. и освобожденіе отъ нихъ.—Промыслы: рыбный, соляной, кирпичный, каменный, кузнечный, звѣринный, и проч.—Торговля съ Персіей, Хивою и Бухарою, Китаемъ; покупка въ казну песцовъ въ Сибири; отдача на откупъ торговли ревенемъ; таможи и досмотръ товаровъ; цѣны: хлѣба, суконъ и другихъ товаровъ; торговые пути.—Военное дѣло: сборъ, смотръ и разборъ войскъ; верстаніе въ службу; ссылки бѣглыхъ даточныхъ и стрѣльцовъ; знамена; засѣки и проч.—Сношенія военныя и мирныя: съ Даніей и Бранденбургомъ; съ Китаемъ; съ Татарами, Калмыками, Башкирами, Киргизами, Самоѣдами, Тунгусами и другими инородцами. Призваніе иностранцевъ на службу въ Россію.—Медицина: аптеки,

служащѣ въ нихъ; жалованье докторамъ, лекарямъ, аптекарямъ и алхимистамъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ (1676—1682 гг.). Дѣла монастырскія и церковныя въ епархіяхъ: Архангельской, Владимірской, Вологодской, Иркутской, Казанской, Киевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Пермской, Тульской, Черниговской, Ярославской.—Военныя дѣйствія противъ Хмельницкаго, Дорошенка, Татаръ и Поляковъ.—Враждебныя дѣйствія Крымскихъ Татаръ.—Извѣстія о приготовленіяхъ Китайцевъ къ походу подъ Нерчинскъ.—О выѣзжихъ въ Россію иноземцахъ: жалованье имъ деньгами и припасами; запрещеніе покупать и продавать лошадей безпошлинно; о поставкѣ ими карабиновъ и пистолетовъ; о выѣздѣ, прибытіи въ Москву и женитьбѣ капитана Франца Лефорта.—Объ инородцахъ Башкирахъ, Татарахъ, Остякахъ, Черемисахъ и Чувашихъ, Казымкахъ, Якутахъ; о инородцахъ Тулдузскаго, Даурскаго и другихъ родовъ.—Военное дѣло: свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ, о запасахъ оружія, пороха, свинца и другихъ военныхъ принадлежностей въ городахъ: Суздаль, Ростовъ, Туль, Галичъ, Чердыни, Веневъ, Борисовъ, Новгородъ, Валуйкахъ, Серпуховъ, Брянскъ и многихъ другихъ; о составахъ для огнестрѣльнаго дѣла; о высылкѣ въ Путивль на службу стрѣльцовъ и разнаго чина людей; статистическія свѣдѣнія о ратныхъ людяхъ; о количествѣ воинскихъ снарядовъ, о числѣ пѣхотнаго войска, мастеровыхъ, нижепоровъ и начальныхъ людей въ Кіевѣ; о сдѣланіи мушкетныхъ и карабинныхъ замковъ; о покупкѣ пороха; о присылкѣ въ Москву замочныхъ мастеровъ.—Для исторіи городовъ: Суздаля, Ростова, Тулы, Галича, Чигирина, Москвы (Разрядная запись), Пскова, Венева, Борисова, Новгорода, Валуйекъ, Серпухова, Олонца, Каргополя, Брянска и многихъ другихъ.—Для исторіи дворянства: о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ; о посылкѣ на службу и о наградахъ за службу; о пожалованіи вотчинами и угодьями.—Государственные доходы и расходы: мельничный оброкъ, стрѣleckія и ямскія деньги и таможенныя пошлины, оброкъ за перевозъ и рыбную ловлю; печатныя пошлины; разные окладные и неокладные сборы и товарная казна; ясачные сборы и товарная казна; таможенный десятинный сборъ; тягловыя деньги; оброчныя, полонянничныя, четвертныя, стрѣleckія и ружейныя деньги; передѣланые еимки, рублевыя, полтинныя и полуполтинныя деньги; ямскія и поворотныя деньги; судныя и мировыя пошлины; кабацкіе, яловчине, судные, ѣздовые, поголовные, ленные и другіе доходы; жалованье служилымъ людямъ: деньгами; припасами; плата за разную работу, покупка разныхъ предметовъ; жалованье выѣзжимъ въ Россію иноземцамъ; жалованныя донѣги въ монастырь; молебныя деньги священнослужителямъ въ Шенкурскъ; оклады жалованья духовенству московскихъ соборовъ, церквей и монастырей.—Промыслы: Каширскіе желѣзные заводы, серебряное и золотое производство; мѣдная руда, мѣдные и желѣзные заводы; кузнечное мастерство; рыбная ловля.—Для исторіи монетнаго дѣла: о покупкѣ еимковъ для денежнаго передѣла и о передѣлкѣ ихъ.—Сношенія: съ Голландскими Штатами (о торговлѣ въ Архангельскѣ); о русскихъ посланникахъ въ иностранныя государства.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ (1682—1700).—Дѣла монастырскія и церковныя.—Сно-

шенія съ Англією, Польшею и Персією.—Сношенія мирныя и военныя дѣйствія: съ Китайцами и Монголами, Калмыками, Киргизами и Башкирцами.—Для исторіи Сибири: строеніе городовъ, остроговъ и слободъ; войны съ инородцами и покореніе ихъ; нападенія Китайцевъ и Монголъ на Албазинъ, Селенгинскъ и др. остроги и слободы; расколъ; развѣдка рудъ и добываніе серебра, жемчугу, красокъ, нести; поселенцы; средства къ доставленію продовольствія и пр.—Для исторіи Донскихъ казаковъ: войны ихъ съ Крымскими и Астраханскими Татарами, Турками и Калмыками; походы ихъ, для грабежа, на Волгу; пріѣзды въ Москву по войсковымъ дѣламъ.—Для исторіи городовъ: Архангельска, Бѣлозерска, Верхотурья, Вятскихъ пригородовъ: Котельнича, Орлова, Слободскаго и Шестакова; Галича и его пригородовъ: Кологрива, Паренеева, Судая и Унжи; Звенигорода, Иркутска, Кіева, Нижняго-Новгорода, Пскова, Селенгинска, Серпухова, Сызрана, Устюга, Холимогоръ, Чернигова, Якутска.—Государственные доходы: подати, оброки, пошлыны; тутъ же повинности и т. п.—Военное дѣло: войско, содержаніе и продовольствіе его, укрѣпленіе городовъ, оружіе, полковыя принадлежности и пр.—Промыслы: рыбный, барышный; фабрики: бархатныя и шелковыхъ тканей, суконныя.—Ссылные въ Сибирь и въ монастыри.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ (1684—1696 г.).—Дѣла монастырскія и церковныя въ епархіяхъ: Архангелогородской, Вологодской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Тобольской, какъ-то: дѣла о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, о злоупотребленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ, возобновленіе церквей, перемѣщеніе монашествующихъ изъ одного монастыря въ другой, влады, царское жалованье.—Сношенія съ державами иностранными: а) съѣзды Русскихъ и Польскихъ уполномоченныхъ въ деревнѣ Андрусовѣ для заключенія вѣчнаго мира. б) Переписка съ Польскимъ королемъ Іоанномъ III-мъ и съ начальствующими лицами о ссорахъ и недоразумѣніяхъ, происходившихъ на русско-польской границѣ и о другихъ предметахъ. в) Дѣло по жалобѣ торгующихъ въ Архангельскѣ Англичанъ на притѣсненія тамошнихъ воеводъ въ торговлѣ. г) Переписка съ турецкимъ султаномъ по случаю нарушенія Крымскимъ ханомъ мирныхъ договоровъ и притѣсненій Запорожцевъ въ ихъ промыслахъ на другой сторонѣ Днѣпра. д) Свѣдѣніе о содержаніи, какое выдавалось подьячимъ и толмачамъ, посылаемымъ въ Турцію. е) О содержаніи, какое получали Шведскій посланникъ Гильденштернъ и его свита во время пути ихъ отъ русско-шведской границы до Москвы. ж) Свѣдѣніе о присылкѣ въ Россію курфирстомъ Бранденбургскимъ инженеровъ и огнестрѣльныхъ мастеровъ.—Сношенія мирныя и военныя дѣйствія: съ Китайцами, Монголами, Калмыками, Киргизами и Татарами.—Инородцы: Лопари, Самовѣды и Остяки.—Для исторіи Донскихъ казаковъ: походы ихъ для грабежей на Калмыцкіе улусы и подѣ Терки; посылка на Донъ государева жалованья и подарковъ; сношенія казаковъ съ Поляками и съ Калмыками; пріѣзды ихъ въ Москву.—О военномъ дѣлѣ: укрѣпленіе городовъ; вѣдомости о запасахъ оружія, пороха, свинца и другихъ военныхъ принадлежностей; число стрѣльцовъ, пушкарей и другихъ служилыхъ людей въ горо-

дахъ.—Для исторіи городовъ: Бѣлозерска, Бѣлска, Березова, Верхотуря, Мангазея, Москвы (строительныя работы по возобновленію и починкѣ казенныхъ зданій въ Кремлѣ и въ другихъ мѣстахъ); Нерчинска, Охотска, Пелыми; Сургута, Тары, Тобольска, Туринска, Тюмени, Якутска.—Государственные доходы и расходы: дани, оброки, подати, пошлины, сборы таможенные, кружечнаго двора, поземельные и др.; откупъ квасной и банный. Расходы денегъ изъ суммъ нѣкоторыхъ Приказовъ.—Промыслы: соляной, рыбный, кирпичный, соболиный, квасной, жемчужный, иконописный; ловля кречетовъ. О строительныхъ работахъ. Отливка колокола. О суконной фабрикѣ и стекольномъ заводѣ.—Цѣны: строительныхъ матеріаловъ, пороха, свинца, кречетовъ, нѣкоторыхъ предметовъ частнаго быта, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей.—Политическія происшествія за границую,

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ (1684—1700 г.). Военное дѣло: приготовленіе огнестрѣльнаго оружія; покупка оного и другихъ военныхъ запасовъ за границу; приглашеніе изъ Голландіи, Саксоніи, Пруссіи и Швеціи свѣдущихъ артиллеристовъ, инженеровъ, гранатчиковъ, подкопщиковъ и др.; укрѣпленіе городовъ.—Кораблестроительное дѣло: посылка дворянина Островскаго въ Славянскія земли «для науки морскихъ художествъ и воинскихъ дѣлъ»; призваніе въ русскую службу иностранныхъ штурмановъ, боцмановъ, матросовъ, корабельныхъ плотниковъ, и мастеровъ. Свѣдѣніе о пребываніи въ Голландіи посаженныхъ людей городовъ Архангельска и Холмогоръ «для ученія морскаго хода» договоры по судостроенію: съ Тиммерманомъ и съ Избрантомъ; строеніе судовъ въ Воронежѣ, вооруженіе опытныхъ и проч.—Расколъ на Дону.—Акты для исторіи: а) Донскаго края и Донскихъ казаковъ, походовъ ихъ на море, сношеній съ Татарами; участіе ихъ въ войнахъ Поляковъ съ Турками. б) Городовъ: Воронежа, Котельничя, Орлова, Слободскаго, Шестакова, Новгорода, Опочки, Петровска и Дмитріевска (Камышина), Смоленска, Таганрога, Тюмени, Устюга, Вятки, Царяцына. в) Епархій: Астраханской, Вологодской, Вятской, Кіевской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Сибирской, Тамбовской, Устюжской и г) Монастырей и церквей.—Сношенія: съ Швеціею, Пруссіею, Польшею, Грузіею съ Славянами, Даніей.—Желѣзные заводы Тульскіе, Каширскіе и Олонекіе.

Сверхъ поименованныхъ матеріаловъ, въ Актахъ Историческихъ и Дополненіяхъ къ нимъ напечатано значительное количество документовъ, относящихся къ исторіи Сибири.

Указатель къ первымъ десяти томамъ Дополненій въ Актамъ Историческимъ. СПб. 1875 г., въ 4-ку.

Въ Указателѣ личныхъ именъ изслѣдователь найдетъ не одно простое указаніе цифръ страницъ, но и краткое изложеніе дѣйствій каждаго лица, съ показаніемъ годовъ, въ которые совершались эти дѣйствія. Равно и въ географическомъ указателѣ изложены, въ хронологическомъ порядкѣ, данныя о городахъ, народахъ, монастыряхъ и пр.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. СПб. 1872, въ 8-ку. Памятники, относящіеся къ смутному времени: I. Отрывки дневника польскаго сейма 1603 г., относящіеся къ смутному времени.—II. Дневникъ событій, относящихся къ смутному времени (1603—1613 г.г.), извѣстный подъ именемъ исторіи ложнаго Димитрія.—III. Походъ царя Димитрія (самозванца) въ Москву съ Сендомирскимъ воеводой Юріемъ Мнишкомъ и другими лицами изъ рыцарства.—IV. Походъ Сигизмунда III въ Россію (1609—10).—V. Отрывки дневника о войнѣ царя Михаила Феодоровича съ польскимъ королемъ Владиславомъ (1632—1634 г.).

ТОМЪ ВТОРОЙ. СПб. 1875, въ 8-ку. Содержитъ въ себѣ болѣе 300 актовъ съ XIV по первую половину XVII вѣка, извлеченныхъ изъ разныхъ государственныхъ библіотекъ и архивовъ. Документы эти составляютъ важное дополненіе къ изданнымъ доселѣ Коммисією историческимъ матеріаламъ за упомянутое время. Изъ нихъ болѣе любопытны акты: а) относящіеся къ смутному времени и между ними воззваніе князя Романа Ружинскаго къ Московскимъ боярамъ о покорности второму Лжедимитрію (Тушинскому вору); б) о раздачѣ царскихъ сокровищъ польскимъ, литовскимъ, нѣмецкимъ и московскимъ служилымъ людямъ (1611—1612 г.), которымъ, за истощеніемъ денежной казны, платили церковною утварью, образами въ дорогихъ окладахъ, драгоценными камнями съ ризъ и т. п.; в) касающіеся экономическаго быта монастырей и представляющіе свѣдѣнія о цѣнахъ на разные предметы въ XVI и въ началѣ XVII вѣка; г) распросные рѣчи въ патриаршемъ дворцовомъ приказѣ возвратившихся въ 1623—1624 гг. изъ плѣна полоняниковъ, иноземцевъ и русскихъ, показанія коихъ разъясняютъ многія историческія событія того времени; д) для исторіи Сибири; е) о морскомъ пути изъ Россіи въ Сибирь въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. СПб. 1876. въ 8-ку.—Содержитъ: Уставъ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ около 1634 г.—Отрывокъ изъ лѣтописи о временахъ царя Іоанна Васильевича Грознаго 1563—1567 гг.—Четыре описи Московскаго Успенскаго Собора: 1) начала XVII вѣка; 2) 1627 г.; 3) 1638 г. и 4) 1701 г.—Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича, 1630 г., Августа 26.—Указатели именъ личныхъ и географическихъ.—Алфавитный перечень иконъ, упоминаемыхъ въ описяхъ Московскаго Успенскаго собора.

АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССІИ:

ТОМЪ ПЯТЫЙ (*) (1633—1699 гг.). Отвѣтныя статьи Литовско-Польскихъ радныхъ пановъ московскимъ посланникамъ князю Семену Шаховскому и дьяку Нечаеву, о формѣ титуловъ царскаго и королевскаго, 1637 года.—Жалованныя грамоты и другіе акты о состояніи, правахъ и благочиніи православнаго духо-

... (*) Первыхъ четырехъ томовъ въ наличности не имѣется.

венства и монастырей въ Западной Россіи, 1641—1699 г.,—Универсалы Малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, поясняющіе исторію возвращенія Малороссіи подъ Россійскую Державу, 1648—1654 г.,—Универсалы Малороссійскихъ гетмановъ, о правахъ и повинностяхъ жителей города Кіева, 1657—1699 г.,—Акты о враждебныхъ дѣйствіяхъ Юрія Хмельницкаго и о намѣреніи его овладѣть Малороссіею, при помощи Турковъ и Крымскихъ Татаръ, 1678—1679 г.,—Окружныя богомольныя грамоты Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, по случаю войны съ Турками, 1677 и 1678 г.,—Универсалы Малороссійскихъ гетмановъ и другіе документы о военныхъ дѣйствіяхъ Малороссійскихъ казаковъ съ Крымскими Татарами, 1673—1697 г.

АКТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ (1361—1598 г.). Заключаетъ преимущественно жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ и нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, состоявшихъ подъ ихъ властію, и представляетъ данныя, касающіяся внутренняго быта и устройства края за означенный періодъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ (1599—1636 г.). Кромѣ актовъ такого же содержанія, какъ и въ первомъ томѣ, заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, относящихся къ церковной исторіи Южно-Русскаго и Западно-Русскаго края и сверхъ того извѣстія о бытѣ и устройствѣ Днѣпровскихъ казаковъ. Въ этомъ же томѣ напечатаны, между прочимъ, полемическія сочиненія Іоанна изъ Вишни, монаха Леонской горы, и Леонтія, іеродіакона Кіево-Печерской лавры, написанныя противъ уніи и сообщающія многія подробности эпохи появленія уніи и характеръ личностей, участвовавшихъ въ ней.

ТОМЪ ТРЕТІЙ (1638—1657 г.). По содержанію своему, напечатанные въ этомъ томѣ акты распадаются на три части. Въ первой (за 1638—1648 г., когда Поляки подготовляли полное возстаніе Малороссіи противъ своей власти) встрѣчаемъ извѣстія о внутреннемъ состояніи Южной Россіи. Во второй (1648—1653 г.—эпоха борьбы Богдана Хмельницкаго съ Польшею) находимъ свѣдѣнія о средствахъ возстанія, о союзѣ казаковъ съ Татарами, объ условіяхъ, на которыхъ Малороссія снова могла подчиниться Польшѣ (Зборовскій договоръ, оказавшійся не со всѣмъ примѣнимымъ къ обстоятельствамъ) и наконецъ просьбы Малороссіянъ къ Алексію Михайловичу о принятіи ихъ въ подданство, и мѣры, предпринятыя Московскимъ правительствомъ для присоединенія Малороссіи. Третья часть (1656—1657 г.) содержитъ сношенія гетмана съ правительствомъ, извѣстія, дающія возможность опредѣлять начало тѣхъ разнообразныхъ отношеній, которыя создались по воссоединеніи Малороссіи съ Великою Россіей: правительства къ казачеству и къ остальному Малороссійскому народу. Дополненіемъ къ этому тому служатъ источники, напечатанные въ приложеніи къ осьмому тому Акт. Ю. и З. Россіи.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ (1657—1659 г.). Значительнымъ дополненіемъ къ актамъ этого тома служатъ источники, напечатанные во второй половинѣ сѣдѣ-

ного тома тѣхъ же актовъ. Всѣ эти матеріалы относятся къ исторіи гетманства Выговскаго: безпорядка въ обществѣ, связяхъ, смута въ умахъ, неизбежныя послѣдствія долговременнаго революціоннаго состоянія края; средства, которыми Московское правительство старалось достигнуть введенія порядка въ странѣ (воеводская система въ примѣненіи къ старымъ и вновь сложившимся порядкамъ въ Малороссіи) и тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ польское правительство желало возвратити Малороссію къ соединенію съ Польшею (Гадячскій договоръ: сокращеніе числа казаковъ и превращеніе казацкой старшины въ шляхту, при помощи которой Поляки надѣялись снова повернуть остальныхъ Малороссіянъ въ крѣпостныхъ). По отношенію личностей, дѣйствовавшихъ въ то время на политическомъ поприщѣ, документы 4 и 7 томовъ даютъ возможность ясно опредѣлить: коварство и измѣнническую дѣятельность Выговскаго, истинно рыцарскій характеръ Полтавскаго полковника Мартына Пушкаря, благородный образъ Кіевскаго воеводы боярина Василія Борисовича Шереметева и его геройское осадное сидѣніе въ Кіевѣ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ кн. Ю. Н. Борятинскимъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ (1660—1665 г.). Содержитъ акты, относящ., во первыхъ, къ кратковременному гетманству Юрія Хмельницкаго, его измѣнѣ Московскому правительству и выдачѣ Полякамъ подъ Чюдновымъ боярина В. Б. Шереметева. Во вторыхъ, къ эпохѣ между гетманства, т. е. къ времени полнаго упадка нравственныхъ и матеріальныхъ силъ Малороссіянъ: беззащитность страны отъ вѣнскихъ враговъ, проискъ претендентовъ на гетманство; погибель двухъ изъ нихъ Сомка и Золотаренка, и торжество третьяго, Брюховецкаго, при помощи правительства (Нѣжинская рада 1663 года). Дополненіемъ къ источникамъ этой части пятого тома актовъ служитъ довольно обширный документъ (статейный списокъ Лодыженскаго о его поѣздкѣ въ Малороссію), напечатанный въ концѣ седьмаго тома тѣхъ же Актовъ. Первая часть пятого тома Актовъ содержитъ въ себѣ источники, относящіеся къ исторіи начала гетманства Брюховецкаго.

ТОМЪ ШЕСТОЙ (1665—1667 г.). Въ этомъ томѣ находимъ довольно полный матеріалъ для исторіи тогдашняго внутренняго состоянія Малороссіи: стремленіе Московскаго правительства, снова, при помощи воеводской системы, ввести порядокъ во внутреннемъ управленіи Малороссіи по отношенію сбора податей, законнаго опредѣленія всякихъ повинностей и т. п. Здѣсь встречаемъ довольно много характеристическихъ чертъ для уясненія себѣ: дѣятельности Кіевскаго воеводы боярина П. В. Шереметева, Черниговскаго епископа Лазаря Барановича и особенно епископа Меѳодія и гетмана Брюховецкаго. Оба послѣдніе старались всякими угодженіями Московскому правительству (со стороны Брюховецкаго поѣздки его въ Москву и предложеніе правительству уничтожить старинныя права Кіевской церкви и малороссійскихъ обрядовъ) поддержать свое значеніе на родинѣ; на этомъ поприщѣ они сначала поссорились между собою, а въ послѣдствіи помирились, но уже съ цѣлью уничтожить московскую власть въ Малороссіи.

ТОМЪ ОДЕДЬМОЙ. Содержитъ въ себѣ (т. е. первая, его половина, а вторая, какъ выше сказано, есть дополненіе къ предшествующимъ томамъ) источники, относящіеся до бунта Брюховецкаго—1668 года. По этимъ источникамъ, главнымъ для исторіи означеннаго событія, ясно видно полная ничтожность силъ враговъ московской власти въ Малороссіи. Здѣсь особенно важно изпечатанное почти вполнѣ дѣло епископа Меоодія: слѣдствіе объ его измѣнѣ, произведенное Кіевскими воеводами, показанія противъ Меоодія кіевскихъ церковныхъ властей, Иннокентія Гизеля съ товарищи. Тутъ же встрѣчаемъ нѣсколько характеристичныхъ извѣстій о Чигиринскомъ гетманѣ Дорошенкѣ, покончившимъ тѣмъ, что поддался съ своими казаками Туркамъ и производившимъ у себя на родинѣ смуты только въ интересахъ продолженія смуты.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ. Содержитъ документы, относящіеся къ періоду времени отъ 1648 по 1657 годъ и преимущественно къ 1668 и 1669 годамъ. Акты послѣднихъ двухъ лѣтъ касаются главнымъ образомъ тѣхъ мѣропріятій Московскаго правительства, которыя были вызываемы, какъ бѣдственнымъ положеніемъ южно-русскаго края послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго съ рѣчью посполитою, такъ еще болѣе смутами, слѣдовавшими за измѣною гетмана Брюховецкаго.

Документы, объясняющіе исторію Западно - Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. (Documents servant à éclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie, ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne) СПб. 1865, 8^е.

Изданіе это заключаетъ документы, касающіеся соединенія Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ, страданій Западно-Русскаго народа отъ Польши и его стремленій къ соединенію съ Россіей. Къ изданію присоединены: предисловіе, содержащее въ себѣ краткій очеркъ исторіи Западной Россіи, необходимый для правильнаго пониманія помѣщенныхъ документовъ; три карты: двѣ географическія, изображающія Польшу въ 1139 и въ 1772 году — точныя копія съ приложенныхъ къ сочиненію Делевеля, и этнографическія Западной Россіи. Всѣ документы, а также предисловіе и дополненія переведены на французскій языкъ.

Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года, или соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. СПб. 1860. 4^е.

Заключаетъ въ себѣ подробнѣйшее современное изложеніе дѣлъ этого сейма и, главнымъ образомъ, противодѣйствія представителей Великаго Княжества Литовскаго усиліямъ Поляковъ уничтожить самобытность этого княжества, и изложеніе мѣръ, употребленныхъ Поляками для приведенія Литвы къ соединенію съ Польшей. Въ примѣчаніяхъ помѣщенъ дневникъ того же сейма, издаанный въ 1856 году графомъ Дзялыньскимъ. Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ какъ польскій текстъ, такъ и русскій его переводъ.

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ РОССІИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ АРХИВОВЪ И БИБЛИОТЕКЪ А. И. ТУРГЕНЕВЫМЪ (на латинскомъ, италіанскомъ, французскомъ, англійскомъ и польскомъ языкахъ, съ оглавленіями актовъ на русскомъ языкѣ).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. (СПб. 1841. 4^а). Содержитъ выписки изъ Ватиканскаго Тайнаго Архива и другихъ римскихъ библиотекъ и архивовъ съ 1075 по 1584 годъ. Они заключаютъ въ себѣ сношенія Рима съ Южною Русью, Ливонією, Литвою, великими князьями Владимірскими и Московскими, доказывающія стремленіе папъ къ распространенію своей власти на Востокъ и Сѣверъ Европы.

ТОМЪ ВТОРОЙ. (СПб. 1842. 4^а). Здѣсь помѣщены документы, извлеченные изъ Ватиканскаго архива и римскихъ библиотекъ, съ 1584 по 1719 годъ. Къ этому собранію присоединены акты: а) касающіеся другихъ славянскихъ народовъ, и б) выписанные въ англійскихъ и французскихъ библиотекахъ. Первые относятся къ 1231—1308, а послѣдніе къ 1557—1679 годамъ. Въ прибавленіяхъ напечатаны акты, относящіеся къ другимъ славянскимъ народамъ, извлеченные изъ англійскихъ и французскихъ книгохранилищъ, и документы о сношеніяхъ Англіи съ Россією при царяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ, Феодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ АКТАМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ, ОТНОСЯЩИМСЯ КЪ РОССІИ, СОБРАНЫ ВЪ ИНОСТРАННЫХЪ АРХИВАХЪ И БИБЛИОТЕКАХЪ. (СПб. 1848. 4^а).

Здѣсь напечатаны историческіе памятники на греческомъ, латинскомъ, италіанскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, извлеченные изъ иностр. архивовъ и библиотекъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ дипломатическія бумаги Поссевина, бывшаго легатомъ папы Григорія XIII въ Москвѣ, въ 1581—1582 годахъ.

Русско-Ливонскіе акты. (Russisch-Livländische Urkunden).

Заключаютъ въ себѣ регесты и грамоты, касающіеся сношеній Остзейскаго края съ пограничными Русскими и Литовскими областями, съ XII до XVII вѣка. Изъ помѣщенныхъ здѣсь актовъ особенно важны, по своему значенію, слѣдующіе: многіе документы XIV столѣтія, которые несомнѣнно доказываютъ, что приписываемыя Гедимину письма 1323 года, въ которыхъ онъ изъясняетъ папѣ готовность принять христіанскую вѣру, подложны и были составлены именно въ это время Рижскими католическими монахами; многіе акты XIII и XIV вѣка, проливающіе свѣтъ на торговые сношенія Ганзы съ Новгородомъ и Полоцкомъ и обнаруживающіе значеніе, которое имѣлъ сей послѣдній городъ въ Западной Россіи, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ; мирные и торговые договоры между Полоцкомъ и Ригею, заключенные при вел. кн. Витовтѣ въ первое десятилѣтіе XV вѣка и писанные на русскомъ, а частью на нижне-нѣмецкомъ языкѣ; обширное

письмо, на русскомъ языкѣ, Рижскаго магистрата, въ которомъ онъ приноситъ жалобу Витебскому князю Михаилу Константиновичу (бывшему до сихъ поръ неизвѣстнымъ) на разныя минимы обиды и притѣсненія, и которое, по всему вѣроятію, относится къ концу XIII столѣтія. Какъ исчисленные, такъ и многіе другіе акты имѣютъ значеніе еще и потому, что Западно-Русскія лѣтописи очень бѣдны свѣдѣніями о судьбѣ Западно-Русскихъ удѣльныхъ княжествъ.

Въ приложеніи напечатанъ торговый договоръ, 1229 года, Смоленскаго князя Мстислава II Давидовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ (нижне-нѣмецкимъ купеческимъ обществомъ въ Готландѣ).

Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи. (Rerum rossicarum scriptores exteri.)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ (СПб. 1851. 4^я). Въ немъ напечатаны, на нѣмецкомъ языкѣ, хроника Конрада Бусова и находящіяся съ нею въ связи мѣста изъ Петревой лѣтописи о событіяхъ смутнаго періода русской исторіи отъ 1601 по 1613 годъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ (СПб. 1868. 4^я). Въ немъ напечатаны, на голландскомъ языкѣ, повѣствованія голландцевъ Исаака Массы и Ильи Геркмана о смутномъ времени въ Россіи.

Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. (Переводъ съ голландскаго языка. См. выше Сказанія иностр. писателей о Россіи т. 2). СПб. 1874. 8^я.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ во время царствованія Бориса Годунова, Лжедмитрія I и Василя Шуйскаго, Масса составилъ живой и довольно вѣрный рассказъ о событіяхъ смутнаго времени. Весьма обстоятельно имъ описаны: вѣздъ въ Москву датскаго герцога Іоанна и его въ ней пребываніе; вступленіе Лжедмитрія I въ первопрестольную столицу; вѣздъ Марины, свадьба Лжедмитрія I и его убіеніе. Рассказъ Геркмана составленъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ авторомъ, какъ можно предполагать, во время его пребыванія въ Москвѣ въ царствованіе Михаила Фёдоровича. — Въ сочиненіи Геркмана замѣчательны извѣстія о Скопинѣ Шуйскомъ, о Лжепетрѣ, объ осадѣ Троицкаго монастыря, о Ляпуновѣ и Мининѣ, о казни сына Марины. — Къ изданію приложены: портретъ Массы, планъ Москвы и изображеніе дворца Лжедмитрія I.

Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Томы первый и второй. СПб. 1857 и 1864 г. 4^я.

(Акты съ половины XIII вѣка по 1700 г. включительно). Содержать слѣдующіе формы стариннаго дѣлопроизводства: Выборы. — Выписи. — Грамоты. — Данныя. — Доклады. — Допросы. — Досмотры. — Доѣзды. — Духовныя. — Дѣла. — Дѣльныя. — Записки. — Записи. — Извѣты. — Кабалы. — Книжки. — Купчія. — Межевыя. — Мировыя. — Мѣновныя. — Намѣны. — Наказы. — Письма. — Платежныя. — Подорожныя. — Подписи. — Подписки. — Подрядныя и Поручныя.

Новгородскія писцовыя книги. Томы первый, второй и третій. СПб. 1859, 1862 и 1868 г. 4^я. Въ первыхъ двухъ томахъ напеча-

тана переписная оброчная книга Деревской пятины, древнѣйшая изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, составленная около 1495 года. Въ третьемъ томѣ напечатана первая половина переписной оброчной книги Востокской пятины, составленной въ 1500 году.

Писцовыя книги Ижорской земли. Томъ первый (Отдѣлъ 2) *). Содержитъ описаніе, на шведскомъ языкѣ, мѣстности нынѣшней С.-Петербургской губерніи, сдѣланное шведскимъ правительствомъ въ 1618 до 1623 г. Къ изданію приложена точная копія съ карты, составленной въ 1698 г. шведскимъ полковникомъ Кроныюртомъ, и изображающей оба берега Невы, начиная съ Финскаго залива за Александроневскій монастырь.

Путешествіе игумена Даниїла по Святой землѣ, въ началѣ XII вѣка. (1113—1115 г.) СПб. 1864. 4°. Это путешествіе, драгоцѣнное по многимъ подробностямъ о святыняхъ Палестины, дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: полной и сокращенной, которыя находятся во многихъ рукописяхъ XV—XVIII вѣка. Изданный памятникъ снабженъ обширными примѣчаніями, историческими и топографическими, значительная часть которыхъ составляетъ плодъ розысканій редактора (А. С. Норова), совершенныхъ имъ на мѣстѣ, во время двукратнаго путешествія на Востокъ. Изъ этихъ примѣчаній ясно обнаруживается, что путешествіе нашего паломника представляетъ менѣе неточностей въ описаніи святыхъ мѣстъ, чѣмъ путешествія паломниковъ Западной Европы, ему предшествовавшихъ и современныхъ.—Къ изданію приложены: карта Палестины, планы Іерусалима и первоначальной церкви Гроба Господня и снимка (fas-simile) съ рукописей.

Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ XII столѣтія. СПб. 1872. 8°. Принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ и замѣчательныхъ памятниковъ русской письменности. Для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ путешествія редакторомъ сдѣланы многочисленныя и разнообразныя примѣчанія историческія, топографическія и филологическія. Къ изданію приложены: планъ Царьграда, съ древнимъ его раздѣленіемъ и планъ и разрѣзъ храма св. Софіи Цареградской.

ВЕЛИКІЯ МИНЕИ-ЧЕТІИ, собранныя всероссійскимъ митрополитомъ Мака- ріемъ:

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. Сентябрь, дни 1 — 13. Въ этомъ выпускѣ содержатся краткія и пространныя житія святыхъ, которыхъ память совершается православною Церковію въ означенные дни. Изъ пространныхъ житій и мученичествъ, по обилію историческихъ и другихъ матеріаловъ, особенно замѣчательны: а) Самеона Столпника; б) Іисуса Навина, за которыхъ слѣдуютъ кнѣзи

*) Отдѣлы 1-го въ вѣличности не дѣлѣтся.

Судей Израилевыхъ и Руевъ, съ разными прибавленіями; в) Мамонта и родителей его; г) Анеима, епископа Никомидійскаго; д) Вавилы, епископа Антиохійскаго; е) Пророка Моисея; ж) блаженныя Θεодоры. Изъ сказаній о Русскихъ святыхъ здѣсь помѣщены: а) убіеніе Глѣба, князя Русскаго; б) житіе Іоанна, архіепископа Новгородскаго, съ словомъ о явленіи мощей его и особымъ сказаніемъ о немъ и о братѣ его Григоріи; в) житіе и духовная грамота Іосифа, игумена Волоколамскаго. Въ составъ этого же выпуска входятъ историческія сказанія о рождествѣ Пресвятыя Богородицы, о чудесахъ Архангела Михаила, о Іоакимѣ и Аннѣ, о обновленіи храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ и третьемъ вселенскомъ соборѣ; также историческія, похвальные и поучительныя слова съ именами Андрея Критскаго, Григорія Пресвитера, Евфимія Терновскаго, Епифанія, Захарія именуемаго Пророка, Іоанновъ Дамаскина и Златоустова, Космы Веститора и др.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ. Сентябрь, дни 14—24. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ выпускѣ, находятся краткія и пространныя сказанія о святыхъ и о праздникахъ, совершаемыхъ въ эти дни православною Церковію. Большою полнотою отличаются мученичества и житія: а) Порфирія; б) Софій, Вѣры, Надежды и Любви; в) Симеона Іерусалимскаго; г) Іаннуарія и дружины его; е) Евстаѳія Плакиды и Θεопистіи съ чадами ихъ Агапіемъ и Θεопистомъ. Изъ Русскихъ и славянскихъ святыхъ находятся сказанія: а) о Людмилѣ, бабѣ Вечеслава, князя Чешскаго; б) о усненіи Аркадія, епископа Новгородскаго; в) о преставленіи, явленіи мощей и чудесахъ князя Θεодора Смоленскаго и сыновъ его Давида и Константина, составленное іеромонахомъ Спасопротославскаго монастыря Антоніемъ; г) страданіе великаго князя Михаила Черниговскаго и боярина его Θεодора, съ особымъ прибавленіемъ о убіеніи злочестиваго царя Батыя. Изъ поученій и словъ историческихъ, похвальныхъ и поучительныхъ здѣсь помѣщены: а) тринадцать поученій на Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста—Андрея іерусалимлина, Василя Селевкійскаго, Еврема Сирскаго, Іоанна Златоустаго, Пантоліва Византійскаго, Севиріана Гевальскаго, Хруса Уединяннаго, Григорія архіепископа Россійскаго и др.; б) похвальное слово Θεолога великому князю Михаилу Черниговскому и боярину его Θεодору; в) похвальное слово Астерія Амасійскаго мученику Фокѣ; г) два слова на зачатіе Іоанна Предтечи, и д) Маргаритъ—изъ словъ Іоанна Златоустаго.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. Октябрь, дни 1—3. Содержитъ: а) слово на Покровъ Пресвятыя Богородицы; б) житіе преподобнаго Саввы Вишёрскаго; в) житіе св. Іустины и мученіе св. Кипріяна (епископа Карфагенскаго) и Іустины дѣвы; г) Покаяніе Кипріаново; д) Житіе св. Андрея юродиваго, списанное Никифоромъ Исповѣдникомъ великія (Софійскіе) церкви въ Константинополѣ; е) мученіе св. Діонисія Ареопагита; ж) творенія св. Діонисія Ареопагита съ толкованіями на нихъ св. Максима.

Изъ вышеуказанныхъ памятниковъ древней славянской письменности въ первый разъ являются въ печати и во всей полнотѣ: Покаяніе Кипріаново, Житіе св. Андрея юродиваго и Творенія Діонисія Ареопагита. Житіе св. Андрея, хотя

и находится въ печатныхъ Минеяхъ, но съ значительными пропусками. Что же касается сочиненій Діонисія, то изъ нихъ извѣстны въ Русской литературѣ переводы іеромонаха Моисея о небесномъ и церковномъ священноначаліи, напечатанныя въ Москвѣ въ 1786 и 1787 году, но безъ толкованій св. Максима, и въ новѣйшее время въ Христіанскомъ Чтеніи (1825 г. XIX и XX).

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ. Октябрь, дни 4—18. СПб. 1874. 8°. Между памятниками, вошедшими въ этотъ выпускъ, находится, между прочимъ, толкованіе Феофилакта Болгарскаго на евангеліе отъ Луки, изданное съ указаніями отступленій и разнорѣчій русскаго перевода отъ греческаго текста. Въ этихъ разнорѣчіяхъ находится богатый матеріалъ для исторіи нашихъ церковнославянскихъ переводовъ, а также и для указанія и объясненія тѣхъ многочисленныхъ искаженій переводчиками и переписчиками текста въ рукописяхъ нашей древней письменности, которыхъ (искаженій) до сихъ поръ съ такимъ упорствомъ держатся наши раскольники.

О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Котошихина (2-е изданіе). СПб. 1859. 4°. Содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о юридическомъ бытѣ Россіи XVII вѣка. Второе изданіе противъ перваго дополнено предисловіемъ Баргузена, запискою, составленною Котошихинымъ о себѣ въ Польшѣ для представленія королю, и свѣдѣніемъ о службѣ его въ Посольскомъ Приказѣ, и снабжено болѣе подробнымъ указателемъ.

ЛѢТОПИСЬ ЗАНЯТІЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИСИИ:

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. СПб. 1862. 8°. Содержитъ: Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ.—Матеріалы для старинной юридической терминологіи.—Житіе преп. Мартиніана Бѣлозерскаго.—Грамоты и отписки 1611—1612 г. Курмышскому воеводѣ Елагину.—Посланіе къ старицѣ Александрѣ Волоколамскаго инока Фотія.—Старинные «формулярники». — Легенда объ Иванѣ Большомъ Колпакѣ.—О видѣніи нѣкотораго мужа.—О ослѣпеломъ піяницѣ.—Роспись, что по осмотру стряпчаго Ивана Коломнина и ратныхъ людей, около рѣки Самары, вверхъ по той рѣкѣ, какихъ лѣсныхъ угодій, и всякихъ крѣпостей и урочищъ и бродовъ.—Показаніе о московскихъ деньгахъ.—Описаніе рукописей и столбцовъ (Кунгурскіе акты), принадлежащихъ Археографической Коммисіи.—Указатель актовъ и документовъ, напечатанныхъ въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ въ 1860 году. Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографической Коммисіи съ 29 января 1860 по 30 декабря 1861.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ. СПб. 1864. 8°. Для объясненія ложныхъ книгъ и преданій. Недѣля и «Епистолия» о недѣлѣ.—Судебно-уголовное дѣло 1697 г.—Книга о горномъ дѣлѣ.—Вологодскіе акты, 1613—1672.—Изъ Сибирскихъ дѣлъ, 1705 г.—Отвѣщаніе любозазорныхъ и сказаніе вратцѣ о святыхъ нже въ Рустей землѣ сущихъ.—Указъ по челобитнымъ о безчестьяхъ, 1700.—Формулы дѣсемъ и просьбъ.—Персонникъ.—«Домодстрой» Каріона Истомина.—

Столбцы актовъ, хранящихся въ Археографической Коммисіи (Кунгурскіе акты 1700—1735 г.). Опись польскимъ и латинскимъ актамъ, находящимся въ Археографической Коммисіи (1499—1789).—Указатель актовъ и документовъ, напечатанныхъ въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, выпедшихъ въ 1861 году. Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографической Коммисіи съ 10 марта 1862 по 22 января 1863 г.—*Приложенія*: Болгарское житіе Георгія Нового Софійскаго. — Изъ бумагъ протопіеря Іоанна Григоровича: а) Историческое изслѣдованіе о соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ оную христіанской вѣры, до возшествія на престолъ царя Іоанна IV. — О Русской Правдѣ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ. СПб. 1865. 8^а. Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ.—Судебно-уголовное дѣло 1646—1648.—Вологодскіе акты, 1500—1684 г.—Акты Спасокаменскаго монастыря, 1545—1698 г.—Описание 24-хъ рукописныхъ сборниковъ XVI вѣка Новгородской Софійской бібліотеки.—Опись имѣющимся въ домовотчинной преосвященнѣйшаго Серапіона, епископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, жалованнымъ грамотамъ, указамъ и всякимъ крѣпостямъ и платежнымъ отписямъ и квитанціямъ и книгамъ, 1756 г.—Алатырскія крѣпостныя книги 1737—1744 годовъ.—Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографической Коммисіи съ 30 июня 1863 по 11 декабря 1864 года.—*Приложенія*: Чинъ поставленія на великое княжество Дмитрія Іоанновича, внука Іоанна III Васильевича.—Краткій Лѣтописецъ Свято-Троицкія Сергіевы лавры.—Посланіе константинопольскаго патріарха ко всероссійскому митрополиту Фотію, о Григоріи Дамвлахѣ. Посланіе прота и иноковъ Аѳонской горы къ великому князю Василю Васильевичу, о правотѣри Восточной Церкви и суемудріи Западной, по случаю Флорентійскаго собора.—Посланіе великаго князя Василя Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы, о дѣйствіяхъ митрополита Исихора и объ осужденіи его московскимъ соборомъ, 1441 года.—Изустная роспись образовъ, келейныхъ книгъ, рухляди и денегъ серебряныхъ вологодскаго архіепископа Маркелла.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. СПб. 1868. 8^а. О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка (К. Н. Бестужева-Рюмина). Грамоты угровлахійскія и молдавскія (XV—XVI в.).—Грамоты монастырей Деревяницкаго и Коневскаго.—Описание города Тамбова и Верхоцѣнскихъ волостей.—Описание города Ярославля пачала XVIII в.—Опись артиллерійскому наряду города Опочки.—Куранты.—Грамота царя Алексѣя Михайловича къ воеводѣ Плещееву.—Лѣтописи намѣстниковъ, келарей, казначеевъ, рязничихъ, экономовъ и бібліотекарей Свято-Троицкой Сергіевой лавры.—Лѣтописецъ 1700 года.—Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографической Коммисіи съ 9 января 1865 г. по 23 декабря 1866 г.—Древнѣйшая карта Россіи (письмо С. А. Соболевскаго).

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ. СПб. 1871. 8^а. Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія, Василя Александровича Даудова.—Списки съ жалованныхъ грамотъ Николаевскому Угрішскому монастырю, 1545—1678 гг.—Приходо-расходныя книги Корпильева-Комельскаго мо-

настыря, 1576—1578 гг.—Грамоты царя Ивана Васильевича къ Іоанну королю Шведскому, 1572—1573 гг.—Хронологическая опись исторических документов Несвижскаго архива, составленная въ 1862 году.—Выписки изъ протоколовъ засѣданій Археографической Комиссіи съ 6 февраля 1867 г. по 28 декабря 1870 г.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ. СПб. 1876. 8°. Малороссійскіе города въ эпоху соединенія Малороссіи съ Великою Россіей.—Челобитная старца Авраамія царю Алексію Михайловичу.—Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библіотекѣ.—Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археографической Комиссіи (1871—1875 гг.).—Указатели: личныхъ именъ, географическій и предметовъ.

Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи. СПб. 1870. въ листъ.

1) *Карта Европы 1494 года.* Эта карта есть снимокъ съ приложенной къ сочиненію Гартмана Шеделя: *Liber cronicarum cum figuris et imaginibus, ab initio mundi*, напечатанному въ 1493 году, въ Нюрнбергѣ, на латинскомъ языкѣ.

2) *Карта 1460 года.* Въ Венеціи, во дворцѣ дожей, хранится древнѣйшій *mapamondo* (карта свѣта) 1460 г., составленный нѣкимъ Fra Mauro, монахомъ ордена Камодуловъ. Съ этого *mapamondo*, извѣстный собиратель сродневыковыхъ картъ, Виконтъ Сантаремъ, сдѣлалъ *fac-simile*, на шести листахъ. Тогдашній міръ изображенъ въ кругу 2 арш. 11 вершк. діаметра. Россія занимаетъ болѣе 5-й части этого круга, изображающаго Африку, Азію и Европу. По смерти Сантарема большая часть экземпляровъ его труда потеряна. Изъ числа сохранившихся, одинъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, съ котораго Археографическая Комиссія издала, посредствомъ фотолитографіи, снимокъ, въ уменьшенномъ видѣ, только тѣхъ частей *mapamondo*, на которыхъ изображена Россія. Здѣсь находимъ: *Rossia bianca*, *Rossia rossa*, *Rossia negra* и проч.

Собраніе русскихъ медалей. Пять выпусковъ. СПб. 1840—1846. Въ листъ.

Выпускъ первый. Въ немъ помѣщены изображенія медалей съ объяснительнымъ текстомъ: 9 медалей, бывшихъ до временъ Петра I; 97, относящихся къ Петру I и одна къ Екатеринѣ I. **Выпускъ второй.** Заключаетъ: 4 медали, относящіяся къ Петру II; 9 къ Аннѣ I; 17 къ Елизаветѣ I и 1 къ Петру III. **Выпускъ третій.** 75 медалей, относящихся къ Екатеринѣ и 18 къ Павлу I. **Выпускъ четвертый.** 101 медаль, относящіяся къ царствованіямъ императоровъ Александра I и Николая I. **Выпускъ пятый.** 73 медали въ честь достопамятныхъ мужей русскихъ. Въ этомъ же выпускѣ Прибавленіе ко II, III и IV выпускамъ, 38 медалей.

Медальоны въ память военныхъ событій 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, изобрѣтенные графомъ Э. Толстымъ. СПб. 1838. 4°.

Родомыслъ девятинадесять вѣка.—Народное ополченіе 1812.—Битва Боро-

дипская 1812. — Освобождение Москвы 1812. Бой при Малоярославцѣ 1812. — Трехдневный бой при Красномъ 1812. — Сражение при Березинѣ 1812. — Бѣгство Наполеона за Неманъ 1812. — Первый шагъ Александра за предѣлы Россіи 1813. — Освобождение Берлина 1813. — Тройственный союзъ 1813. — Сражение на высотахъ Кацбахскихъ 1813. — Бой при Кульмѣ 1813. — Битва при Лейпцигѣ 1813. — Освобождение Амстердама 1813. — Переходъ за Рейнъ 1813. — Сражение при Бриеннѣ 1814. — Бой при Арсизъ-Сюръ-Объ 1814. — Сражение при Феръ-Шампенуазѣ 1814. — Покорение Парижа 1814. — Миръ Европѣ 1815.

Сказанія о князьяхъ и царяхъ земли Русской. Вып. 1-й СПб. 1862. 8^а. Въ этомъ выпускѣ помѣщены рассказы и картины, относящіяся къ княженію Владимира Мономаха, извлеченныя изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (Собр. гр. Толстаго, Отд. I, № 407).

ИЗДАНІЯ П. А. МУХАНОВА:

1) Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ. СПб. 1871. 8^а. I—XII, стран. 1—130; столб. 1—306. Въ этихъ запискахъ рассказываются событія смутнаго времени. Къ запискамъ прибавлены 45 особыхъ приложений. Въ этихъ приложенияхъ заключаются весьма интересные историческіе факты, относящіеся къ эпохѣ самозванцовъ, къ быту и состоянію Московскаго государства въ эту эпоху, раскрываются или уясняются интриги недоброжелателей Россіи въ это смутное для нее время. Большая часть приложений появляется въ печати въ первый разъ. Здѣсь помѣщены нѣсколько писемъ Сигизмунда III, Юрія Мишикея, двухъ Лжедмитріевъ, Жолкевскаго, Ходкевича, нѣсколько грамотъ втораго Лжедмитрія къ Яну Петру Сапегѣ, депеша французскаго агента къ своему двору о состояніи дѣлъ въ Россіи; отрывки изъ рукописи ксендза Яна Велевича, касающіеся самозванцовъ и вообще сношеній Россіи съ Польшей между 1603—1635 гг. Въ концѣ приложений: подробная біографія Жолкевскаго и указатели.

2) Что желательно для Русской Исторіи. 1-я часть — статья Desiderata, напечатанная въ «Сборникѣ Муханова»; 2-я часть — приложения въ этой статьѣ. СПб. 1870. XII и 150 стр.

ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ,

СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ЦѢНЫ КАЖДАГО ТОМА.

Иногородныя частныя лица съ требованіемъ книгъ благоволятъ обращаться исключительно въ Археографическую Коммиссію.

Названіе изданій.	ЦѢНЫ.			
			Для учеб- ныхъ за- веденій.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей:				
Томъ шестой	2	—	1	50
— седьмой	2	—	1	25
— восьмой	2	—	1	50
— девятый	2	—	1	50
— пятнадцатый	2	—	1	50
Лѣтопись по списку монаха Лаврентія . .	3	—	2	—
Лѣтопись по Ипатскому списку	3	—	2	—
Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьев- скому списку, изданная посредствомъ свѣто- печати	4	—	3	20
Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку, изданная фотолитографически	4	—	3	20
Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, изданная посредствомъ свѣтопечати	4	—	3	20
Указатель къ первымъ 8-ми томамъ Полна- го Собранія Русскихъ Лѣтописей, томъ пер- вый (А—І).	1	50	1	—

Названіе изданій.	Цѣны.			
			Для учеб- ныхъ за- веденій.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Акты Историческіе:				
Томъ четвертый.	2	—	1	25
— пятый.	2	—	1	25
Алфавитный указатель къ Актамъ Истори- ческимъ	—	75	—	50
Дополненія къ Актамъ Историческимъ:				
Томъ пятый.	2	—	1	50
— шестой.	2	—	1	—
— седьмой.	2	—	1	50
— восьмой.	2	—	1	50
— девятый.	2	—	1	50
— десятый.	2	—	1	50
— одиннадцатый.	2	—	1	50
— двѣнадцатый.	2	—	1	50
Указатель къ первымъ десяти томамъ До- полненій къ Актамъ Историческимъ.	1	50	1	—
Русская Историческая Библіотека:				
Томъ первый.	2	—	1	50
— второй.	2	—	1	50
— третій.	2	—	1	50
Документы, объясняющіе исторію Западно- Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ (съ тремя картами)	2	—	1	25

Название изданій.	Цѣны.			
			Для учеб-ныхъ за-веденій.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи		75		50
Дневникъ Люблинскаго Сейма 1569 г. . . .	3	—	1	50
Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, томъ пятый.	2		1	
Акты, относящіеся къ исторіи Южной и За-падной Россіи:				
Томъ первый	2	—	1	50
— второй	2	—	1	25
— третій	3	—	2	
— четвертый.	2	—	1	50
— пятый.	2	—	1	25
— шестой	2	—	1	25
— седьмой.	2	—	1	25
— восьмой.	2	—	1	50
Акты, на иностранныхъ языкахъ, относя-щіеся къ Россіи:				
Томъ первый	2	—	1	60
— второй	2	—	1	25
Дополненія къ Актамъ на иностранныхъ языкахъ.	2	—	1	25
Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи:				
Томъ первый	2	—	1	25
— второй.	1	50	—	75

Название изданій.	Цѣны.			
			Для учеб- ныхъ за- веденій.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Сказанія Массы и Германа о смутномъ времени въ Россіи (съ портретомъ Массы, пла- номъ Москвы 1606 г. и дворцомъ Ажедимитрія I).	2	—	1	60
Русско-Ливонскіе акты.	2	—	1	25
Акты, относящиеся до юридическаго быта древней Россіи:				
Томъ первый	2	—	1	50
— второй.	2	—	1	25
Великія Минеи Четін, собранныя всероссій- скимъ митрополитомъ Макаріемъ:				
выпускъ первый (Сентябрь дни 1—13).	5	—	4	—
— второй (Сентябрь дни 14—24).	3	—	2	40
— четвертый (Октябрь дни 1—4).	3	—	2	40
— пятый (Октябрь дни 4—18).	3	—	2	40
Путешествіе игумена Даниѣла по Св. Землѣ, въ началѣ XII вѣка.	2	50	1	50
Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ XII столѣтія .	—	75	—	50
О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михаи- ловича, современное сочиненіе Котошихина. . . .	1	50	1	20
Новгородскія Писцовыя книги:				
Томъ первый	2	—	1	60
— второй.	2	—	1	50
— третій.	2	—	1	50
Писцовыя книги Ижорской земли, Отд. II. (съ картой).	—	75	—	50

Название изданій.	Цѣны.			
			Для учеб- ныхъ за- веденій.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Медальоны графа Толстаго.	2	—	1	—
Собраніе Русскихъ медалей:				
выпускъ первый.	3	—	2	—
— второй.	1	50	1	—
— третій.	3	—	2	—
— четвертый (одинъ текстъ безъ рисунковъ).	—	50	—	30
— пятый, съ прибавленіемъ.	3	—	2	—
Лѣтопись занятій Археографической Ком- мисіи:				
выпускъ первый.	—	50	—	40
— второй.	—	50	—	40
— третій.	—	50	—	40
— четвертый.	1	—	—	80
— пятый.	1	—	—	75
— шестой.	1	—	—	75
Оказанія князьяхъ и царяхъ земли Русской.	—	10	—	5
Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи, листы 1 и 2.	—	30	—	25
Подробный каталогъ изданій Археографи- ческой Коммисіи, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1838 по 1870 г.	—	25	—	15
ИЗДАНІЯ П. А. МУХАНОВА:				
Записки гетмана Жолкевскаго о Москов- ской войнѣ.	1	50	1	—
Что желательно для Русской исторіи.	—	50	—	30

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. **Новгородская летопись**, по спискамъ Синодальному харатейному и принадлежащему Археографической Комиссіи.
2. **Новгородская летопись**, по списку, принадлежащему Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и по другимъ спискамъ.
3. XVI-й томъ Полнаго Собранія Русскихъ Летописей, содержащій въ себѣ такъ называемую «*Летопись Авраамки*».
4. I-й томъ Хронологическаго указателя грамотъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ актовъ.
5. 4-й томъ Русской Исторической Вибліотеки, въ который войдутъ наиболѣе важныя полемическія сочиненія западно-русской литературы XVI—XVII вѣка, а именно: а) Виленскій соборъ, 1509 г.; б) Кіевскій соборъ 1640 г. по разсказу Саковича; в) Діаріушъ Аванасія Филипповича, 1646 г.; г) «Оборона уніи», соч. Льва Кривы, 1617 г.; д) «Палинодія», соч. Захарія Копыстенскаго 1621 г. и е) Посланіе старца Артемія противъ Буднаго и другихъ еретиковъ (*).
6. Шестой выпускъ Великихъ Миней Четій, собранныхъ всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ (мѣсяць Октябрь, дни 19 и слѣд.).
7. IX-й томъ Актовъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи, въ который войдутъ малороссійскіе документы 1669 и слѣдующихъ годовъ,
8. Документы, относящіеся къ исторіи Малороссіи за 1653—1655 гг.
9. 2-й томъ Указателя личнымъ именъ къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Летописей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. П. ПЕТЕРБУРГА

ВЪ СТОЛБЦАХЪ ПЕРВОЙ КОЛОННЫ

1876

ВЪ СТОЛБЦАХЪ ВТОРОЙ КОЛОННЫ

(*) Выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ 1876 года.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ (на углу Воздвиженки и Моховой), и у книгопродавца А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Графа Мусина-Пушкина, продаются слѣдующія изданія, принадлежащія, учрежденной при Архивѣ, Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ:

1. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, 4 т. изд. 1813—1828 г., съ гравированными изображеніями многихъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ грамотъ XIII—XVIII вѣка, и fac-simile обоихъ Аже-Дмитріевъ, Марини Мишкевъ, Богдана Хмельницкаго и т. п. Каждый томъ по 3 руб.; а всѣ четыре тома 12 р.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. Москва. 1813 г. Содержитъ разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1265 по 1613 г. Раздѣленъ на 3 отдѣла: I) Новгородскія грамоты (1265—1471 г.); II) грамоты древнія великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Литовскихъ и прочихъ удѣльныхъ князей, и всероссійскихъ государей, царей: духовныя, договорныя, межевыя, жалованныя и приговорныя; также записи мѣновыя, поручныя и др. Россійскихъ бояръ и дворянъ (№ № 21—202, 1328—1584 годовъ); III) грамота о избраніи на царство царя Михаила Феодоровича (1613 г.).

ТОМЪ ВТОРОЙ. Москва. 1819 г. Служитъ дополненіемъ къ первому и содержитъ разныя грамоты съ 1229 года по 1612. Онъ раздѣленъ на 10 отдѣленій, изъ которыхъ къ первому отнесены древнія грамоты разныхъ годовъ съ 1229 по 1431 (№ № 1—17); прочія грамоты раздѣлены на отдѣлы по царствованіямъ, къ которымъ онѣ относятся, начиная съ государствованія великаго князя Іоанна Васильевича; послѣдній отдѣлъ составляютъ грамоты во время междоусобицы (1610—1612 г., № № 197—288).

ТОМЪ ТРЕТІЙ. Москва. 1822 г. Содержитъ также разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1613 по 1655 годъ. Раздѣленъ на два отдѣленія, изъ которыхъ къ первому отнесены грамоты въ государствованіе царя Михаила Феодоровича (№ № 1—121, 1613—1644 г.), а ко второму грамоты въ государствованіе царя Алексѣя Михайловича (№ № 122—184, 1645—1655 г.).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. Москва. 1828 г. Заключаетъ въ себѣ грамоты и внутреннія постановленія съ 1656 по 1696 г. Состоитъ изъ 4-хъ отдѣленій: 1) грамоты въ государствованіе царя Алексѣя Михайловича (№ № 1—102, 1656—1675 г.); 2) грамоты въ государствованіе царя Феодора Алексѣевича (№ № 103—131, 1676—1682 г.); 3) грамоты въ государствованіе царя Петра Алексѣевича

(МЖ 132—144, 1682 г.), и 4) грамоты въ государстваніе царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича (МЖ 145—221, 1682—1696 г.). Въ концѣ 4-го тома приложены: палеографическія таблицы почерковъ съ XIII вѣка по XVII и алфавитный указатель ко всѣмъ четыремъ частямъ.

2. **Законы великаго князя Іоанна III Васильевича и Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича**, съ дополнительными указами, съ предисловіемъ К. Ѳ. Калайдовича и П. М. Строева и со снимками двухъ заглавныхъ листовъ. Изд. 1819 г. Цѣна 1 р.

3. **Исслѣдованія**, служащія къ объясненію древней Русской исторіи, А. Х. Лерберга, съ приложеніемъ карты Югорской земли. Изд. на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію Импер. С.-Петербург. Академіи Наукъ Ф. Кругомъ; перев. Д. Языкова. С.-Петербургъ. 1819 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Содержаніе: Отъ издателя (Ф. Круга); біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ. I. О географическомъ положеніи и исторіи Югорскія земли. II. О жилищахъ Еми. III. Объ одной древней Новгородъ-Готландской грамотѣ и о Борхрамѣ, который въ ней называется. IV. Князя Володиміръ Андреевичъ и Володиміръ Мстиславичъ. V. Описаніе Днѣпровскихъ низовій и пороговъ. VI. О географическомъ положеніи Хозарской крѣпости Саркела и называемой въ русскихъ лѣтописяхъ Бѣлавежи.—Въ концѣ приложены алфавитный указатель и карта, изясняющая положеніе Югорской земли.

4. **Рустрингія**, первоначальное отечество великаго князя Рюрика и братьевъ его. Историч. опытъ Г. Ф. Голмана, пер. И. Снегирева, Москва. 1819 г. Ц. 30 коп.

5. **Исторія Льва Діакона Калойскаго**, и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изд. въ первый разъ съ рукописей Королевской Парижской бібліотеки К. Б. Гаазе. Пер. Д. Попова, С.-Петербургъ. 1820 г. Ц. 1 руб.

Содержаніе: Предисловіе. — Исторія Льва Діакона отъ кончины императора Константина до смерти императора Іоанна Цимисхія (X книгъ). О спсѣбахъ съ непріятелями, сочиненіе императора Іппіфора. — Исторія Іоанна Епифанійскаго схоластика и епарха. — Письмо къ Льву Діакону Феодосія монаха и грамматика. — Историческія примѣчанія.

6. **Софійскій Временникъ**, или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 г. 2 части. Москва. 1820 — 1821 г. П. М. Строевымъ, съ приложеніемъ трехъ снимковъ со списковъ Софійскаго Временника. Каждая часть по 2 р.; а обѣ части 4 р.

7. **Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи**, Ф. Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса переводчика, посланнаго въ Коканъ, въ 1813—1814 г. С.-Петербургъ. 1821 г. Цѣна 40 коп.

8. **Памятники Россійской Словесности XII вѣка**, изд. съ объясненіями, вариантами и образцами. Москва. 1821 г. Ц. 2 руб.

Содержаніе: 1) Творенія Кирилла, епископа Туровскаго, російскаго вѣтѣ XII вѣка (15 разныхъ сочиненій). 2) Посланіе митрополита Никифора къ Владимиру Мономаху о раздѣленіи церковей Восточной и Западной. 3) Впрашаніе Кюриково, еже впраша епископа Ноугородскаго Пимонта и нѣхъ,—съ ихъ отвѣтами. 4) Посланіе митрополита Іоанна къ папѣ Александру III о заблужденіяхъ римской церкви. 5) Прибавленіе къ церковному уставу. Новгородскаго и Бѣлогородскаго святителей. 6) Слово о Даниилѣ Заточникѣ; и 7) Посланіе смиреннаго епископа Симона Владимірскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому. Приложены 2 снимка съ рукописи XIII вѣка.

9. Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ, изъ древнихъ русскихъ лѣтописей, Москва. 1821 г. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: I. Предварительное понятіе о Славянахъ. II. О республикѣ Новгородской. III. О посадникахъ, Новгородской республики вообще. IV. О посадникахъ, не включенныхъ въ общее число. V. О пособіяхъ для исторіи посадниковъ. VI. Исторія посадниковъ Новгородскихъ, расположенная въ хронологическомъ порядкѣ. VII. Современная таблица великихъ князей Русскихъ, князей, архіереевъ и посадниковъ Новгородскихъ.—Въ заключеніе приложены дополнителныя примѣчанія и алфавитный списокъ Новгородскихъ посадниковъ.

10. Вѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ съ 1463—1768 г.; при многихъ приложены снимки съ разныхъ собственноручныхъ подписей, Москва. 1824 г. Ц. 1 р.

11. Іоаннъ, эксархъ Болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтій, К. Ѳ. Калайдовича, Москва. 1824 г. Цѣна 3 р.

Содержаніе: Глава I. Начало словенскихъ письменъ.—Константины и Меодій.—Ихъ труды.—Книжный языкъ словенскій. Глава II. Іоаннъ, эксархъ Болгарскій. Гл. III. Переводъ богословія Дамаскина. Гл. IV. Сочиненіе шестоднева. Гл. V. Греко-словенская грамматика.—Переводъ философіи Дамаскина.—Слово на Вознесеніе Господне.—Гл. VI. Заключеніе.—За тѣмъ, подъ общимъ заглавіемъ *приложеній*, напечатаны здѣсь слѣдующія сочиненія: 1) Предисловіе Іоанна, эксарха Болгарскаго, къ богословію. 2) О числѣ книгъ Вѣтхаго и Новаго Завета, изъ богословія начала XII в., въ сравненіи со спискомъ Изборника Святослава 1073 г., и съ переводомъ Амвросія. 3) Примѣры, воскресеніе общающіе,—изъ списка богословія XII в. 4) Предисловіе Іоанна эксарха Болгарскаго къ шестодневу. 5) Первая глава шестоднева. 6) Послѣсловіе грамматика Θεодора первой половины шестоднева. 7) Его же послѣсловіе второй половины шестоднева. 8) Грамматика Іоанна Дамаскина, переведенная эксархомъ Болгарскимъ. 9) Слово эксарха Болгарскаго на Вознесеніе Господне. 10) Три отрывка изъ повѣсти о разореніи Трои, переведенной по повелѣнію Болгарскаго князя Симеона пресвитеромъ Григоріемъ. 11) О составленіи словенскаго алфавита, сочиненіе монаха Храбра; 12) Словарь еврейско-русскій, сп. 1282 г. 13) Объясненіе иноязыч-

ныхъ словъ въ священномъ писаніи, сп. 1431 г. 14) Правила словенской орфографіи, сочиненныя въ царствованіе Михаила Феодоровича, и 15) О книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суетвѣріяхъ, сп. XVII в.—Въ концѣ приложены примѣчанія, дополненія и снимки съ древнихъ списковъ богословскихъ сочиненій и шестоднева.

12. Кириллѣ и Меѳодіѣ, словенскіе первоучители. Историкокритическое изслѣдованіе І. Добровскаго. Пер. съ нѣмецкаго М. П. Погодина, Москва, 1825 г. Ц. 1 р.

Въ концѣ приложены: житія словенскихъ учителей Кирилла и Меѳодія, изъ прологовъ, и отрывокъ о Кириллѣ изъ одного хронографа.

13. Письма Русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства, 4 вып. Москва. 1861—1862 г., каждый выпускъ по 65 коп.; а всѣ 4 выпуска 2 р. 60 к.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. а) Письма государя Петра I къ Анисѣ Кирилловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. б) Письма государя Петра I къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. в) Письма государыни Екатерины Алексѣевны къ Петру I.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ. I. Письма царицы Прасковьи Феодоровны: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. в) къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ. г) къ внуку ея принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. д) къ князю А. Д. Меншикову. е) къ Макару Абросимовичу Половинкину.—II. Письма къ царицѣ Прасковѣ Феодоровнѣ: а) отъ государыни Екатеринѣ Алексѣевны. б) отъ князя А. Д. Меншикова.—III. Письма царевнѣ Екатеринѣ, Анны и Прасковьи къ Петру I.—IV. Письма герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. в) къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. г) къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. д) къ сыну Бирона Петру. е) къ князю А. Д. Меншикову. ж) къ князю В. А. Долгорукому. з) къ Авдотѣ Ивановнѣ Чернышевой. и) Указъ старостѣ Ѳеодоту Иванову.—V. Письма къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ: а) отъ Петра I. б) отъ государыни Екатерины Алексѣевны. в) отъ князя А. Д. Меншикова.—VI. Письма царевны Прасковьи Ивановны: а) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. б) къ княгинѣ Меншиковой. в) Указы управителю Ивану Калмыкову.—VII. Письмо къ царевнѣ Прасковѣ Ивановнѣ отъ государыни Екатерины Алексѣевны.—VIII. Письмо Ивана Остермана къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ. I. Письма царевича Алексѣя Петровича: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Анисѣ Кирилловнѣ Толстой. в) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. г) къ князю Меншикову. д) къ Дарѣ и Варварѣ Михайловнамъ Арсеньевымъ. е) къ князю Д. М. Голицыну. ж) къ князю В. А. Долгорукому. з) къ капитанъ—поручику Скорнякову.—Писарюву. и) къ Іоанникию Сениютровичу.—II. Письма къ царевичу Алексѣю: а) отъ Петра I. б) отъ графа Г. И. Головкина. в) отъ П. П. Шафирова. г) отъ тайнаго секретаря.—III. Опись бумагамъ и письмамъ царевича Алексѣя Петровича, найденнымъ въ гофъ-интендантской конторѣ въ 1769 году.—IV. Письма царицы Евдокіи Феодоровны: а) къ Петру I. б) къ Петру II. в) къ великой княгинѣ Натальѣ

Алексѣевъ. г) къ А. И. Остерману.—V. Письма къ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ: а) отъ Петра II. б) отъ великой княжны Натальи Алексѣевны. в) отъ А. И. Остермана. г) отъ жены вице-канцлера Остермана Марѣи Ивановны.—VI. Дѣло о содержаніи въ Шлюссельбургѣ царицы Евдокіи Ѳеодоровны.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. I. Письма герцогини Курляндской Анны Ивановны: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. в) царевичу Петру Петровичу. г) къ царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. д) къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. е) къ царевнѣ Натальѣ Петровнѣ. ж) къ Петру II. з) къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. и) къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ. і) къ принцессѣ Мекленбургской Аннѣ Леопольдовнѣ. к) къ князю А. Д. Меншикову. л) къ княгинѣ Меншиковой. м) къ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой. н) къ княжнѣ Марѣи Александровнѣ Меншиковой. о) къ князю Александру Александровичу Меншикову. п) къ вице-канцлеру А. И. Остерману. р) къ И. М. Головину. с) къ П. И. Ягужинскому. т) къ князю В. Л. Долгорукову. у) къ княгинѣ М. Ю. Долгорукой. ф) къ Аграфенѣ Петровнѣ Бестужевой. х) къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ Юшковой.—II. Письма къ герцогинѣ Курляндской Аннѣ Ивановнѣ: а) отъ Петра I. б) отъ государыни Екатерины Алексѣевны. в) отъ Петра II. г) отъ великой княжны Натальи Алексѣевны. д) отъ кабинетъ-секретаря Макарова.—III Письмо кабинетъ-секретаря Макарова къ П. М. Бестужеву.—IV. Довось Бестужева на Петра.—V. Письмо Бирона (неизвѣстно къ кому).

14. Фотолиграфированный въ художественной мастерской В. П. Каратыгина „Русская Свѣтопись“, снимокъ составленныхъ проф. Керомъ 137-ми *Азбукъ* различныхъ языковъ, съ приложениемъ начертанія на нихъ молитвы Господней, и съ предисловіемъ А. В. Рачинскаго. Москва, 1876 г. Ц. 30 руб.

15. Посольство въ Англію дворянина Григорія Мухомина въ 1600 и 1601 г. съ современнымъ его портретомъ (по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Н. В. Чарыкова. С.-Петербургъ, 1876 г. Ц. 1 р.

16. *Indicateur des cartes géographiques et des plans de différentes parties de l'Asie*, appartenant à la collection cartographique de la bibliothèque des archives principales du ministère des affaires étrangères à Moscou. (Rédigé par A. Ratchinski, employé aux archives, délégué au 3e Congrès des Orientalistes à St.-Petersbourg). 1876 г. Ц. 30 коп.

Архивъ совершаетъ высылку своихъ изданій *безплатно* правительственнымъ учрежденіямъ, ученымъ обществамъ и казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, а иногородныя частныя лица благоволятъ съ подобными требованіями обращаться къ книгопродавцу Васильеву (въ Москвѣ).

Кромѣ поименованныхъ выше изданій, въ *Архивѣ* продаются:

Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ

1814 г., до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г., изд. Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. С.-Петербургъ. 1823—1825 г. 2 т. Ц. 10 р. 50 к.

О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ, составлено по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изд. 1859 г. Ц. 75 к.

Описаніе Знаменскаго монастыря и Палаты бояръ Романовыхъ, соч. архимандрита Сергія, изд. 1866 г. Ц. 3 р.

Закладка и освященіе тѣхъ же Палатъ. Ц. 10 к.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1876 года.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О nomine gentile автора Энеиды. . . . . Л. Миллера.

Библиографія:

Doctrinae metricae summarium. In usum scholarum
suarum conscripsit A. L. Doellen. Univ. Charco-
viensis Prof. Emer.—Petropoli, typis Caesareae
Academiae Scientiarum, MDCCCLXXVI . . . Л. Миллера.

Полный русско-латинскій словарь съ приложеніемъ
словаря собственныхъ географическихъ, исто-
рическихъ и мнѳологическихъ именъ, встрѣчаю-
щихся въ римской литературѣ. Составленъ
А. И. Орловымъ. Изданіе книгопродавцевъ Са-
л. въяхъ . . . . . П. Тихоновича.

Объ издѣ . . . . . классической филологіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Истор . . . . . ныхъ заведеній,
. . . . . Е. Шмидта.

Редакторъ К. Феоктистовъ.

(Вышла 1-я январь)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города двѣнадцать рублей семьдесятъ копѣекъ (числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1872 годовъ, съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльными книжками журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

0-42

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Волзес. и Маринскимъ мостами, д. № 90 - 1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Русско-Византійскіе отрывки . . . . . В. Г. Васильевскаго.

Опыты по исторіи развитія христіанской
легенды . . . . . А. Н. Веселовскаго.

Ересь жидовствующих . . . . . И. Панаева.

Бъ вопросу о дѣленіи глаголовъ въ древ-
немъ церковно-славянскомъ языкѣ на
спряженія . . . . . Н. П. Некрасова.

О торговлѣ Русскихъ съ Ригю въ XIII-мъ
и XIV-мъ вѣкахъ . . . . . М. Бережкова.

Критика и библиографія:

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго
Общества. Томъ XVIII. (Донесенія австрійска-
го посланника при С.-петербургскомъ дворѣ
графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-
Терезіи и канцлеру графу Кауницу. Съ 5-го ян-
варя по 24-е іюля 1762 года). . . . .

Острожское женское училище графа Д. Н.
Блудова . . . . . М. В. Родевича.

О повѣркѣ площадей карты Россійской им-
періи полковника Стрѣльбицкаго . . .

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) высшія
училища; б) низшія училища . . . .

Некрологъ. . . . .

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛXXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Катерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90-й.

1877.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (19-го ноября 1876 года). *О предоставленіи содержимой въ Москвѣ г-жею Фишеръ частной женской классической гимназій правъ и преимуществъ, предоставленныхъ женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на предоставленіе содержимой въ Москвѣ г-жею Фишеръ частной женской классической гимназій, въ шестиклассномъ ея составѣ, тѣхъ же правъ и преимуществъ, какія положеніемъ 24-го мая 1870 года предоставлены женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія, именно въ отношеніи ученицъ на предоставленіе тѣмъ изъ нихъ, которыя съ успѣхомъ прошли шесть классовъ, званія домашнихъ учительницъ, а которыя окончили курсъ этихъ классовъ съ особеннымъ отличіемъ, по признанію педагогическаго совѣта гимназій, званія домашнихъ наставницъ.

4. (19-го ноября 1876 года). *О наименованіи одного изъ воспитанниковъ существующей при лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ Ломоносовской семинаріи стипендіатомъ Варвары Петровны Писемской.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: одного изъ воспитанниковъ существующей при лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ Ломоносовской семинаріи, содержимыхъ бесплатно, именовать
часть СЛХХХІХ, отд. 1.

стипендіатомъ Варвары Петровны Писемской, въ память сдѣланнаго ею, по духовному завѣщанію, пожертвованія 8.000 р. въ пользу сего лица.

5. (19 ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназій.*

Лица, пожелавшія почтить бывшаго чиновника особыхъ порученій при Лифляндскомъ, Эстляндскомъ, и Курляндскомъ генералъ-губернаторѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Можневскаго, за полезную его дѣятельность въ средѣ рижскаго русскаго общества, постановили, по случаю выбитія его изъ Риги, учредить при Рижской Александровской гимназій стипендію его имени, для чего собрали капиталъ въ 600 руб., заключающійся въ билетѣ № 17 III Рижскаго общества взаимнаго кредита на вѣчный вкладъ изъ 6%.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при Рижской Александровской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія Николая Даниловича Можневскаго“.

6. (19-го ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тамбовской мужской гимназій.*

Тамбовская городская дума, въ память десятилѣтняго управленія тайнаго совѣтника Гартинга Тамбовскою губерніею, постановила учредить, при Тамбовской мужской гимназій, десять стипендій его имени на проценты съ пожертвованнаго тамбовскою городскою думою изъ городскихъ доходовъ капитала въ 4.000 руб.

Вслѣдствіе сообщенія объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій при Тамбовской мужской гимназій, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи тайнаго совѣтника Гартинга“.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРККАЗЪ.

19-го ноября 1876 года (№ 12). *Производятся:* попечитель Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ливровскій*—въ тайные совѣтники, за отличіе, съ 28-го октября 1876 года (Высоч. пов. 28-го октября 1876 года).

Бывшій директоръ Зарайскаго реальнаго училища Николай *Урусовъ*—въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ съ 11-го ноября 1869 года.

Назначается: состоящій при государственной канцеляріи, егермейстеръ, тайный совѣтникъ князь *Волконскій*—попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ егермейстеромъ и съ увольненіемъ отъ службы по государственной канцеляріи.

Утверждаются: деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бекетовъ*—ректоромъ сего университета, съ 18-го октября 1876 года, по день выслуги имъ 25 лѣтъ на пенсію по учебной части, съ увольненіемъ отъ должности декана.

Ливенскій уѣздный предводитель дворянства *Бълаю* и отставной лейбъ-гвардіи поручикъ *Бълоусовичъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Ливенскаго и послѣдній — Херсонскаго, оба на три года.

Командируются съ ученою цѣлію: въ Россіи и заграницу: исправляющій должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Смирновъ*—на одинъ годъ, считая съ 1-го ноября 1876 года.

За границу: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета *Висковатовъ*—на два мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на двадцать восемь дней.

Лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Потылицынъ*—по 15-е августа 1877 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска на два мѣсяца.

Проректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Минъ* — на одинъ годъ.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета *Андреевъ*—на одинъ годъ и семь съ половиною мѣсяцевъ.

Магистры Императорскихъ университетовъ: Московскаго: *Левенцовъ* и Дерптскаго: *Кизерницкій* и *Гебартъ*—на два года.

Бывшій учитель Митавской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Сokolovъ*—на два года, считая сію командировку съ 1-го сентября 1876 г.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія *Флелъ*—на два года съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго отпуска за границу съ 1-го ноября 1876 года.

Увольняется въ отпускъ за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Бабухинъ*—на 187^{6/7} учебный годъ и лѣтнее вакаціонное время 1877 года по болѣзни.

Увольняются, согласно прошенію: попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, вице-президентъ капитула орденовъ, оберъ-церемоніймейстеръ, тайный совѣтникъ князь *Ливень*—отъ должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Почетный попечитель Александровскаго Кременчугскаго реальнаго училища, коллежскій секретарь графъ *Капнистъ*—отъ сей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

4. (23-го ноября 1876 года). *Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Оомы Ивановича Петонди, учрежденной при Казанской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 19-й день ноября 1876 г., на проценты съ капитала въ 1.000 р., отказаннаго вдовою надворнаго совѣтника Надеждою Михайловною Петонди, по духовному завѣщанію, въ память своего покойнаго мужа Оомы Ивановича Петонди, Казанской Маріинской женской гимназіи,—учреждается при сей гимназіи одна стипендія, имени надворнаго совѣтника Оомы Ивановича Петонди.

§ 2. Выборъ стипендіатки предоставляется душеприяцику покойной А. А. Лебеву, а вполнѣдствіи, въ случаѣ отказа, отсутствія, или смерти послѣдняго, право сего выбора переходитъ въ попечительный совѣтъ гимназіи.

§ 3. Предназначенная въ кандидатки на стипендію, по выбору согласно § 2, можетъ пользоваться однако стипендіею лишь послѣ

признанія удовлетворительности ея успѣховъ и хорошаго поведенія педагогическимъ совѣтомъ гимназій; въ противномъ случаѣ производится выборъ новой кандидатки.

§ 4. Остающіеся, за отчисленіемъ платы за ученіе, проценты по усмотрѣнію попечительнаго совѣта выдаются стипендіаткѣ въ пособіе по окончаніи въ гимназій полного курса, либо на учебныя пособія во время прохожденія онаго.

§ 5. По выходѣ изъ гимназій, или окончаніи въ ней курса, стипендіатка не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

5. (23-го ноября 1876 года). *Положеніе о стипендіи при Черниговской Маріинской женской гимназій, имени Маріи Владиміровны Пандчулидзевоу.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 19-й день ноября 1876 г., на проценты съ капитала въ 211 руб., собраннаго по подпискѣ на обѣдѣ данномъ бывшему Черниговскому губернатору Пандчулидзеву, учреждается при Черниговской женской гимназій одна стипендія, съ наименованіемъ ея стипендіею „имени Маріи Владиміровны Пандчулидзевоу“.

§ 2. Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Черниговской Маріинской женской гимназій и вносится попечительнымъ ея совѣтомъ въ мѣстный банкъ, или въ какое либо государственное кредитное учрежденіе, для приращенія процентами.

§ 3. Изъ получаемыхъ ежегодно процентовъ съ капитала попечительный совѣтъ гимназій отчисляетъ плату за ученіе за стипендіатку приготовительнаго класса, по избраніи таковой педагогическимъ совѣтомъ гимназій, а могущіе образоваться остатки причисляетъ къ основному капиталу, на случай увеличенія платы за ученіе, или на учрежденіе установленнымъ порядкомъ новой стипендіи.

§ 4. Право на полученіе стипендіи имѣетъ одна изъ бѣднѣйшихъ ученицъ приготовительнаго класса, отличающаяся, по признанію педагогическаго совѣта гимназій, хорошими — поведеніемъ и прилежаніемъ.

§ 5. Стипендіаткѣ, оставшейся въ приготовительномъ классѣ на другой годъ, можетъ быть продолжена стипендія только по уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназій, которому равно принадлежитъ и право лишать стипендіи стипендіатку, если она заслужила того.

6. (24-го ноября 1876 г.) *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Даниловича Можневскаго, учрежденной при Рижской Александровской гимназіи*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. Д. Можневскаго учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 19-го ноября 1876 г., при Рижской Александровской гимназіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго частными лицами и состоящаго въ билетѣ на вѣчный вкладъ III Рижскаго общества взаимнаго кредита за № 17 на сумму *шестьсотъ* рублей.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 36 р. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и прилежныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназіи.

§ 3. Право назначать стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Н. Д. Можневскаго, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособие стипендіату, при чемъ разъ выданныя ему деньги не возвращаются.

§ 5. Означенный выше капиталъ въ 600 руб. въ билетѣ III Рижскаго общества взаимнаго кредита составляетъ неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназіи и хранится вмѣстѣ съ спеціальными суммами этой гимназіи въ Лифляндскомъ губерномъ казначействѣ.

7. (27-го ноября 1876 г.) *Правила для испытательныхъ комитетовъ и учебныхъ заведеній въдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Ст. 1. Испытаніе на первый классный чинъ, установленное исключительно для лицъ, состоящихъ въ гражданской службѣ, производится въ учрежденіяхъ, указанныхъ въ ст. 1 п. 2: а, б, в, : Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 года.

Примѣчаніе. Лица, не состоящія въ гражданской службѣ, но имѣющія право, по своему происхожденію, на поступленіе въ гражданскую службу, подвергаются особому испытанію, на основаніи ст. 11 и 12 т. III Уст. о сл. Прав. (Св. Зак. изд. 1857 г.).

Ст. 2. Лица, состоящія въ гражданской службѣ, обращаются къ непосредственному своему начальству съ прошеніемъ, собственноручно написаннымъ, о зависящемъ отъ него распоряженіи о допущеніи просителей къ испытанію, требуемому для производства въ первый классный чинъ.

Ст. 3. Начальства, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ на службѣ лица, выслужившія установленные сроки на производство въ первый классный чинъ, сообщаютъ въ подлежащія учебныя учрежденія (ст. 1): въ городахъ, гдѣ имѣютъ пребываніе попечители учебныхъ округовъ, на имя сихъ послѣднихъ, а въ прочихъ городахъ — на имя пачальствующихъ надъ учебными заведеніями, какъ упомянутыя въ ст. 2 прошенія въ подлинникѣ, съ удостовѣреніемъ, что они писаны дѣйствительно самими просителями, такъ равно и другія необходимыя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя должны быть подвергнуты испытанію.

Примѣчаніе 1. Сообщаемыя свѣдѣнія должны заключаться: а) въ имени, отчествѣ и фамиліи лица, которое должно быть подвергнуто испытанію, б) въ означеніи вѣроисповѣданія, происхожденія, лѣтъ отъ роду, занимаемой должности и времени вступленія въ службу.

Примѣчаніе 2. Къ обязанности начальствъ, какъ гражданского, такъ и учебнаго, должно относиться строгое наблюденіе, чтобы къ испытанію допускались именно тѣ лица, о которыхъ сдѣлано сообщеніе.

Ст. 4. Означенныя въ ст. 3 свѣдѣнія должны быть доставляемы гражданскимъ начальствомъ учебному не болѣе двухъ разъ въ годъ: къ 1-му сентября и 1-му января.

Ст. 5. Лицо, желающее подвергнуться испытанію на первый классный чинъ, о которомъ сообщено гражданскимъ начальствомъ подлежащему учебному начальству, должно немедленно явиться къ послѣднему для полученія свѣдѣнія о времени, назначенномъ для производства испытанія.

Ст. 6. Испытаніе производится изъ слѣдующихъ предметовъ, проходимыхъ по уставу 8 декабря 1828 г., въ уѣздныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, именно: 1) изъ Закона Божія, 2) Русскаго языка, 3) Арифметики, 4) Геометріи, 5) Географіи (всеобщей и русской) и 6) Исторіи (всеобщей и русской).

Ст. 7. Руководствомъ къ означеннымъ испытаніямъ служатъ программы, изданныя для производства испытаній въ учебныхъ заведе-

ніяхъ лицамъ, желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда.

Ст. 8. Испытанія въ городахъ, гдѣ имѣютъ пребываніе попечители учебныхъ округовъ, производятся въ особыхъ испытательныхъ комитетахъ, составляемыхъ для сей цѣли изъ предсѣдателя, по назначенію попечителя учебнаго округа, и преподавателей, предметовъ, изъ которыхъ испытаніе должно быть произведено; а въ прочихъ городахъ—въ педагогическихъ совѣтахъ учебныхъ заведеній, поименованныхъ въ ст. 1 п. 2: б, в Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 г., причемъ составъ педагогическаго совѣта образуется изъ почетнаго предсѣдателя, начальника учебнаго заведенія и преподавателей, по предметамъ которыхъ будетъ производиться испытаніе.

Ст. 9. Къ присутствованію при испытаніяхъ въ педагогическіе совѣты гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ приглашаются: въ первыя и вторыя—почетные попечители, а въ послѣднія—почетные смотрители, въ качествѣ почетныхъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, съ правомъ голоса, при чемъ начальники упомянутыхъ заведеній сохраняютъ за собою право дѣйствительнаго предсѣдательства и распоряженія.

Примѣчаніе. Почетные попечители или почетные смотрители, не живущіе въ томъ городѣ, гдѣ находится училище, заблаговременно извѣщаются о времени назначенныхъ испытаній. Если въ опредѣленные дни испытаній они не явятся, то испытанія производятся безъ нихъ, при чемъ въ протоколѣ засѣданія непременно объясняется о такомъ отсутствіи, а равно и о сдѣланномъ оповѣщеніи.

Ст. 10. При производствѣ испытаній, по каждому предмету особомъ указанное росписаніемъ время, соблюдаются слѣдующія правила.

а) Отвѣты оцѣниваются всѣмъ составомъ педагогическаго совѣта и означаются цифрами: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—слабо, 1—неудовлетворительно. Затѣмъ изъ оцѣнки посредствомъ балловъ, каждымъ присутствующимъ членомъ познаній испытуемаго составляется средняя общая отиѣтка, при чемъ половина и дробь болѣе половины принимается за единицу, а менѣе половины—откидывается.

б) Отиѣтки пишутся предсѣдателемъ прописью, при чемъ въ скобкахъ ставится соответствующая цифра, по каждому предмету.

в) Получившій отиѣтку въ какомъ либо предметѣ менѣе 3 считается не выдержавшимъ экзамена.

г) Протоколъ испытанія подписывается: почетнымъ предсѣдате-

лемъ, начальникомъ учебнаго заведенія, законоучителемъ и всѣми преподавателями, и скрѣпляется секретаремъ педагогическаго совѣта.

Ст. 11. Выдержавшимъ, по среднему выводу изъ отѣтокъ по всѣмъ предметамъ, испытаніе не ниже удовлетворительнаго, выдается, на основаніи протокола, свидѣтельство, за подписью начальника учебнаго заведенія и скрѣпою секретаря педагогическаго совѣта, съ приложеніемъ казенной печати учебнаго заведенія и означеніемъ № по исходящему журналу. Въ особыхъ же испытательныхъ комитетахъ при управленіи учебными округами, печать къ таковымъ свидѣтельствамъ прикладывается отъ канцеляріи попечителя округа (форма свидѣтельства у сего приложена).

Примѣчаніе. Свидѣтельства о выдержанномъ испытаніи отправляются, безъ особой бумаги, въ казенномъ пакетѣ, къ начальству лица, подвергавшагося испытанію.

Ст. 12. Въ городскихъ двухклассныхъ училищахъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній къ испытанію на производство въ первый классный чинъ допускаются лица, состоящіа на гражданской службѣ только въ сихъ губерніяхъ. Лица же, находящіеся на гражданской службѣ въ уѣздахъ сосѣднихъ съ западными губерніями, могутъ быть допущены къ испытанію въ двухклассныхъ училищахъ, когда окажется, что училища эти находятся въ ближайшемъ разстояніи къ уѣзду лица служащаго. Во всякомъ случаѣ, испытаніе всѣмъ симъ лицамъ должно быть производимо по программѣ, означенной въ ст. 7.

Ст. 13. Начальства учебныхъ заведеній и предсѣдатели особыхъ испытательныхъ комитетовъ доводятъ, по окончаніи испытаній, до свѣдѣнія попечителей учебныхъ округовъ, по принадлежности, о числѣ подвергавшихся испытанію и выдержавшихъ таковое успѣшно, опредѣливъ при этомъ степень успѣха. Свѣдѣнія эти начальства учебныхъ округовъ, въ свою очередь, включаютъ въ ежегодные свои отчеты, представляемые въ министерство народнаго просвѣщенія.

Ст. 14. Въ случаѣ единичныхъ преобразованій нѣкоторыхъ изъ существующихъ нынѣ по уставу 8-го декабря 1828 г. уѣздныхъ училищъ въ училища городскихъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 31-го мая 1872 положенія о сихъ училищахъ, испытанія въ сихъ послѣднихъ училищахъ на производство въ первый классный чинъ равномерно могутъ быть производимы, но не иначе какъ по программѣ, означенной въ ст. 7, каковая программа и должна оставаться въ своей силѣ, въ отношеніи испытаній на первый классный чинъ,

впредь до особыхъ въ сей программѣ измѣненій, которыя могутъ быть въ послѣдствіи вызваны или потребностію времени, или вслѣдствіе особыхъ соображеній правительства.

Прилож. къ ст. 11.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Служащій въ.... (прописать мѣсто службы, званіе имя, отчество и фамилію, число лѣтъ отъ роду, вѣроисповѣданіе), былъ подвергнутъ въ особомъ испытательномъ комитетѣ, при управленіи N учебнаго округа, или въ педагогическомъ совѣтѣ N гимназій, N прогимназій или уѣзднаго училища испытанію, на основаніи ст. 1 п. I Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 г. „о порядкѣ испытанія на первый классный динъ“ въ наукахъ по программѣ, показанной въ ст. 7 правилъ, утвержденныхъ 27-го ноября 1876 г. министромъ народнаго просвѣщенія согласно п. 3 той же I ст. приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, и оказалъ слѣдующія познанія въ предметахъ, именно: 1) въ Законѣ Божіемъ—пять (5), 2) въ русскомъ языкѣ.... 3) въ ариѳметикѣ.... 4) въ геометріи.... 5) въ географіи (всеобщей и русской).... и 6) въ Исторіи (всеобщей и русской)....

Такъ какъ познанія эти признаются вполне удовлетворительными, то особый испытательный комитетъ при управленіи N учебнаго округа, или педагогическій совѣтъ N въ удостовѣреніе сего и согласно ст. 11 правилъ, утвержденныхъ 27-го ноября 1876 г. министромъ народнаго просвѣщенія, выдалъ.... (имя, отчество и фамилія) сіе свидѣтельство, за подлежащей подписью, съ приложеніемъ казенной печати канцеляріи управленія N учебнаго округа, или N гимназій, прогимназій и проч.

(слѣдуютъ подписи лицъ, указанныхъ въ ст. 11 правилъ).

8. (4-го декабря 1876 г.) *Правимъ о стипендіи имени Антона Ивановича Маминовскаго, учреждаемой въ г. Харьковѣ при Московско-русской школѣ общества распространенія въ народѣ грамотности.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 9-й день сентября 1876 г., при Московскомъ начальномъ народномъ училищѣ въ г. Харьковѣ, содержимомъ отъ общества распространенія грамотности въ народѣ, учреждается стипендія имени бывшаго пред-

сѣдателя Изюмскаго окружнаго суда А. И. Малиновскаго, на счетъ капитала въ четыреста шесть руб., собранныхъ по подпискѣ.

2) Стипендіальный капиталъ (406 р.) вносится для обращенія изъ процентовъ въ Харьковскій городской купеческій банкъ на вѣчное время.

3) Проценты съ сего капитала выдаются по постановленію правленія общества ежегодно одному изъ бѣднѣйшихъ и способнѣйшихъ учениковъ (или ученицъ) Москалевской школы, безъ различія происхождения и вѣроисповѣданія.

4) Ученикъ (или ученица), получающій эту стипендію, именуется стипендіатомъ (или стипендіаткою) А. И. Малиновскаго, бывшаго предсѣдателя Изюмскаго окружнаго суда.

5) Въ случаѣ закрытія Москалевской школы, стипендія переносится, по постановленію общаго собранія членовъ общества, въ какую либо другую школу г. Харькова.

9. (11-го декабря 1876 г.). *Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ гимназіяхъ уроковъ гимнастики.*

При осмотрѣ осенью нынѣшняго года учебныхъ заведеній Оренбургскаго учебнаго округа я, между прочимъ, обращалъ особенное вниманіе, какъ это дѣлалось мною во время всѣхъ моихъ путешествій по Россіи, на физическое развитіе дѣтей, столь необходимое при усидчивыхъ занятіяхъ, посредствомъ распространенія и усиленія въ учебныхъ заведеніяхъ гимнастическихъ упражненій. Въ настоящую мою поѣздку я нашелъ съ удовольствіемъ въ Уфимской гимназіи примѣръ, достойный подражанія: тогда какъ въ другихъ гимназіяхъ гимнастикою занимаются по классно, одинъ, два и много три раза въ недѣлю, что недостаточно, здѣсь ученики всѣхъ классовъ ежедневно имѣютъ общій гимнастическій урокъ, во время большой перемѣны, отъ 12 до 12½ часовъ; члены и мускулы расправляются между уроками, дѣти становятся живѣе и веселѣе. Конечно, тѣснота помѣщенія большинства учебныхъ заведеній не дозволитъ ввести гимнастическихъ приборовъ для одновременнаго упражненія всѣхъ учениковъ, но гимнастикою безъ приборовъ можно заниматься въ корридорахъ, актовыхъ залахъ и т. п.

По доведеніи мною о семъ до свѣдѣнія Государя Императора во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ объ означенномъ округѣ, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть: сдѣлать при-

нятую въ Уфимской гимназіи мѣру обязательно для всѣхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

10. (16-го декабря 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени доктора медицины Михаила Бирунтова при учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 13 день декабря 1876 г., при учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа учреждается стипендія имени доктора медицины Бирунтова на счетъ отказаннаго по духовному завѣщанію Бирунтова капитала въ 3.000 руб.

§ 2. Стипендія эта предназначается для несостоятельныхъ родственниковъ завѣщателя Бирунтова и лицъ изъ семействъ: Ивана и Юліи Мирческихъ, Антона и Іосифа Крживавскихъ и Рудольфа и Варвары Эдеръ, преимущественно для лицъ мужскаго пола.

§ 3. Въ случаѣ неимѣнія кандидатовъ для полученія означенной стипендіи изъ лицъ принадлежащихъ къ названнымъ фаміліямъ, стипендія эта можетъ быть предоставлена несостоятельному ученику или ученицѣ одного изъ правительственныхъ среднихъ мужскихъ или женскихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, или студенту Варшавскаго университета, отличающимся прилежаніемъ и поведеніемъ, римско-католическаго или греко-уніатскаго исповѣданія, уроженцу города Ревъца, Холмскаго уѣзда или уѣзднаго города Красностава, Люблинской губерніи.

§ 4. Капиталъ стипендіи Бирунтова вмѣстѣ съ выросшими ко дню учрежденія стипендіи процентами, составляющій сумму 3.650 р. находится въ непосредственномъ завѣдываніи Варшавскаго учебнаго округа.

§ 5. Проценты отъ капитала стипендіи выдаются стипендіатамъ Бирунтова по распоряженію попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

11. (17-го декабря 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго советника Эдуарда Васильевича Лерхе при Николаевской Новгородской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 13 день декабря 1876 г., на пожертво-

ванный членами педагогических совѣтовъ Новгородскихъ—мужской и Николаевской женской гимназій, въ знакъ своего сочувствія къ полезной дѣятельности начальника Новгородской губерніи Э. В. Лерхе по части народнаго образованія въ губерніи, по подпискѣ капиталъ въ 400 р., на который приобрѣтенъ билетъ Новгородскаго городского общественнаго банка за № 443, учреждается, на проценты съ сего капитала, при Новгородской Николаевской женской гимназій стипендія, имени тайнаго совѣтника Э. В. Лерхе.

§ 2. Капиталъ, пожертвованный на стипендію, считается неприкосновеннымъ и хранится вмѣстѣ съ другими суммами женской гимназій.

§ 3. На проценты съ капитала (26 р.) содержится въ гимназій приходящей ученицей одна изъ дѣвицъ, выбираемая Э. В. Лерхе изъ трехъ лучшихъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ заведенія.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ лучшихъ ученицъ гимназій безъ всякаго различія званій,—но съ условіемъ, чтобы родители представили надлежащее свидѣтельство о бѣдности.

§ 5. Дѣвица, воспитывающаяся на стипендію Э. В. Лерхе въ гимназій, если, по окончаніи курса, пожелаетъ остаться въ спеціальному классъ, продолжаетъ пользоваться и въ немъ стипендіею.

§ 6. Стипендія заключается прежде всего во взносѣ изъ % съ пожертвованнаго капитала платы за ученіе стипендіатки; затѣмъ остальное обращается въ пособіе ей на книги, учебныя пособія и одежду.

12. (17-го декабря 1876 года). *Правила о стипендіи при Казанскомъ университетѣ для синовей лицъ почтоваго вѣдомства.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Чиновники и нижшіе почтовые служители Казанской губерніи собрали между собою, по добровольной подпискѣ, при участіи членовъ Казанскаго биржеваго комитета и тамошняго уѣзднаго земства, капиталъ въ *тысячу двести* руб., на учрежденіе, изъ процентовъ сего капитала, внесеннаго на вѣчное время въ Казанскій общественный банкъ, одной стипендіи при юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го декабря 1876 г., именуется „стипендіею управляющаго и чиновъ почтоваго вѣдомства Казанской губерніи“.

2) Стипендією этою пользуются сыновья чиновъ почтоваго вѣдомства; изъ нихъ имѣютъ преимущество: а) круглые сироты, б) сыновья бѣдныхъ родителей, и затѣмъ в) воспитанники благонаправнаго поведенія, съ успѣхомъ кончившіе курсъ гимназическаго ученія и подающіе надежду на будущіе учебные успѣхи.

3) Стипендіаты, не перешедшіе изъ одного курса въ другой въ продолженіе академическаго года по малоспособности или замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи, лишаются права на стипендію.

4) Право избранія стипендіатовъ предоставляется управляющему почтовою частію Казанской губерніи, который объ избранномъ стипендіатѣ письменно извѣщаетъ ректора Казанскаго университета. Избранный стипендіатъ пользуется процентами съ капитала въ 1,200 рублей.

5) Такъ какъ стипендія учреждается не только для развитія молодыхъ людей, но и для пользы службы, дабы почтовое вѣдомство могло имѣть въ средѣ служащихъ—людей образованныхъ, то желательно бы было, чтобы воспитанникъ, по окончаніи университетскаго курса по юридическому факультету и по отбытіи воинской повинности, если къ таковой будетъ призванъ, прослужилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ по крайней мѣрѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ въ должности соотвѣтственной его образованію.

13. (21-го декабря 1876 года). *Циркулярное предложеніе и. почитателямъ учебныхъ округовъ о производствѣ испытаній лицамъ, поступающимъ въ военную службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда.*

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. министромъ, разъяснено, что п. 6 правилъ для производства испытаній лицамъ, желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда, долженъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что второй экзаменъ лицамъ, желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда, на основаніи правилъ для сихъ испытаній, долженъ считаться окончательнымъ, о чемъ и должна быть дѣлаема надлежащая отмѣтка на приписныхъ къ призывному участку свидѣтельствахъ, или на удостовѣреніяхъ, выдаваемыхъ сельскими обществами, о принадлежности молодого человѣка къ призывному участку, по состоянію его въ сельскомъ обществѣ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1) Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу: „*Нравственная педагогика или общепонятное изложениіе основныя началъ нравственнаго воспитанія*. Руководство для учащихся въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ и для образованныхъ матерей. К. Гюнибурга. Москва, 1876 года“—допустить въ женскія гимназіи и учительскія семинаріи въ видѣ учебнаго пособия.

2) Составленныя бывшимъ учителемъ Варшавской 2-й мужской гимназіи А. Поплавскимъ книги: 1) *Курсъ Зоологіи*, одобренный ученымъ комитетомъ сего министерства, для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Изд. 3-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава, 1876 года. Цѣна 60 коп. 2) *Курсъ ботаники*. Изд. 2-е, значительно исправленное (34 рисунка въ текстѣ). Цѣна 50 коп. 3) *Курсъ минералогіи*. Изд. 2-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Съ многими рисунками (87) текстѣ. Варшава, 1876 года. Ц. 60 к.—одобрить, какъ учебное пособие, для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.

Книги, подъ заглавіями: 1) *Сборникъ матеріаловъ для письменнаго и устнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій*. Для 4-хъ высшихъ классовъ гимназій. Составили: Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ при 3-й Московской гимназіи, и Н. Баталинъ, преподаватель русскаго языка при той же гимназіи. *Связныя ститы, систематически расположенныя по отдѣльнымъ членамъ синтаксиса*. Съ прибавленіемъ латинскихъ статей. Москва, 1876 года. Цѣна 75 коп.—одобрить, какъ руководство къ греческому языку. 2) *Méthode Robertson. Cours pratique de langue française à l'usage des écoles par Aimé Constantin*. 7-ème édition, I et II partie. St-Petersbourg. 1876. Prix 60 cop.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ. 3) *Пособіе при изученіи русскаго словесности*. *Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій*. Составилъ преподаватель словесности П. Смирновскій. Москва, 1876 года. Выпуски: I и II, древній и средній періоды. Изда-

ніе 3-е, безъ перемѣнъ. Цѣна 90 коп. Выпускъ III. Новый періодъ. Отдѣлъ отъ Ломоносова до Карамзина. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. Цѣна 50 коп. Выпускъ IV. Новый періодъ. Отд. II, отъ Карамзина до Пушкина. Изд. 2-е, дополненное статью о романтизмѣ. Цѣна 50 к. Выпускъ V. Новый періодъ. Отд. III, отъ Пушкина до новѣйшихъ временъ. Изд. 2-е, дополненное нѣсколькими новыми статьями. Цѣна 80 коп. 2) *Учебникъ русской словесности для учениковъ и ученицъ V класса гимназій. Съ приложеніемъ хрестоматіи; его же.* Изданіе 2-е, дополненное. Москва, 1876 года. Цѣна 60 коп.—одобрить, какъ пособіе при изученіи словесныхъ произведеній и помѣстить въ число учебныхъ пособій для мужскихъ и женскихъ гимназій.

4) Изданіе: „*Ботаническій Атласъ*“. Составилъ Н. Животовскій. Изданіе второе. С.-Пб. 1876 г., — одобрить какъ пособіе при первоначальномъ обученіи ботаникѣ.

5) Книгу: „*Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Для среднихъ учебныхъ заведеній*“. Составилъ Ѳ. Буслаевъ. Москва 1869 г., — одобрить какъ руководство при изученіи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и внести въ каталогъ учебныхъ руководствъ.

6) Книгу: „*Руководство къ повторенію (Repertorium) латинской грамматики и стилистики для высшихъ классовъ гимназій, преимущественно для домашнихъ занятій*“. Доктора Меме. Обработалъ примычательно къ русскому языку В. Коперницкій, преподаватель Ломжинской гимназій. Ч. I. Вопросы. Ч. II. Отвѣты. Варшава 1876 г., — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

7) Книгу: „*Начальная физика въ объемъ гимназическаго преподаванія. Профессора Н. Любимова. Изд. 2-е. Москва 1876 г.,*“—внести въ списки учебныхъ руководствъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ.

8) Книгу: „*Учебный курсъ всеобщей исторіи. Часть I. Исторія древняя и средняя до Карла Великаго*“. Составилъ инспекторъ Московской духовной семинаріи А. Цитковъ. Москва. 1876 г. Цѣна 1 руб., —признать въ качествѣ учебнаго пособія.

9) Книгу: „*Сборникъ русскихъ статей для перевода на латинскій языкъ. Пособіе по латинскому языку для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. Выпускъ I. Одесса. 1876 г.*“ Составилъ К. Я. Бѣлицкій. Цѣна 75 к.—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по латинскому языку для старшихъ классовъ гимназій.

10) Книгу: *„Руководство начальной геометріи*, составленное примѣнительно къ учебнымъ планамъ гимназій и реальныхъ училищъ *А. Леве*. 3-е изд., вновь передѣланное (съ 350 полнотипажамъ). С.-Пб. 1876 г. Ц. 1 руб., — одобрить какъ руководство при преподаваніи геометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу: *„Современная Черногорія Фриля и Ваохити*. Съ рисунками и картою Черногоріи, Герцеговины и Босніи. С.-Пб. 1876 г.“ Цѣна 1 р. 20 к., — допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста, а также для фундаментальныхъ библіотекъ.

2) Книгу: *„Арифметика*, составленная *Н. Т. Щеловымъ*. Изд. 12-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1875 г. Часть I. *Цѣлая числ.* Цѣна 20 коп., для учебныхъ заведеній 15 коп. Часть II. *Дробная числ.* Цѣна 60 коп., для учебныхъ заведеній 50 коп.“, — одобрить, какъ пособіе при преподаваніи арифметики.

3) Изданіе московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ подъ заглавіемъ: *„Воскресные разказы“*. Чтеніе для народа и дѣтей. *„Ежегодный Иллюстрированный Журналъ*. Годъ 2, № 23 — 30. М. 1876 г. Цѣна отдѣльному номеру 3 к., — одобрить для библіотекъ низшихъ училищъ.

4) По рассмотрѣніи утвержденного опредѣленіемъ св. синода заключенія духовно-учебнаго комитета о книгѣ г. *Самойло*: *„Критическое обозрѣніе предметовъ, относящихся къ божественному нашіей православной церкви и римско-католической“*. Составилъ *Самойло*. Москва. 1856 г. не только рекомендовать эту книгу къ приобрѣтенію въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, а также и къ употребленію въ средѣ народа, живущаго въ Сѣверо-западномъ краѣ, но допустить приобрѣтеніе оной въ библіотеки и прочихъ учебныхъ округовъ въ виду пользы, которую эта книга можетъ принести читателямъ изъ католиковъ, живущихъ въ великороссійскихъ губерніяхъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день ноября, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ гимназій: Пермской, Оренбургской и Бѣлгородской Его Королевскаго Высочества Герцога Эдинбургскаго, портрета его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 19-й день ноября 1876 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ Одесской 2-ой прогимназій и Вознесенской гимназій портретовъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, тайнаго совѣтника Голубцова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день ноября, всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Ташкентской прогимназій портрета г. Туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день ноября, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Омской мужской гимназій портретовъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія и генералъ-губернатора Западной Сибири, генералъ-адъютанта Казнакова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день декабря 1876 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ Псковской и Новочеркасской гимназій портретовъ его сіятельства графа Толстаго.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день декабря 1876 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Мозырской прогимназій портретовъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго и попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Сергіевскаго.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 29-й день декабря минувшаго г., Все-

милостивѣйше соизволилъ на постановку въ комнатѣ для занятій воспитанниковъ гимназическаго пансіона Псковской гимназіи портрета бывшаго воспитателя при этомъ пансіонѣ, нынѣ покойнаго, статскаго совѣтника Массона.

— Вслѣдствіе представленій начальствъ Одесскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ, г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ:

а) Открыть, съ начала 187⁶/7 учебного года, при Ростовскомъ реальномъ училищѣ дополнительный классъ съ механико-техническимъ и химико-техническимъ отдѣленіями, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по приспособленію помѣщенія, обзаведенію и содержанію этого класса на средства Ростовскаго городского общества, и

б) Открыть въ городѣ Козловѣ, съ начала 187⁶/7 учебного года, шестиклассное реальное училище съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ, съ отнесеніемъ содержанія этого училища вполнѣ на средства мѣстныхъ городскихъ общества и земства.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Оренбургскаго учебного округа, его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія утвержденъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ *Стерлитамакской* прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ той прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *пяти* р., а въ прочихъ классахъ по *семи* р. *пятидесяти* коп. въ годъ съ cadaго ученика.

— Вслѣдствіе отношенія г. Туркестанскаго генералъ-губернатора, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами Ташкентской и Вѣрненской прогимназіи размѣръ платы за ученіе: въ Ташкентской прогимназіи—въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* р., а въ основныхъ классахъ по *тридцати* р., и въ Вѣрненской—въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* р., а въ прочихъ классахъ по *двадцати* р. въ годъ съ cadaго ученика.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала будущаго 187⁷/8 учебного года плату за ученіе въ 4-ой С.-Петербургской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *тридцати* р., а въ прочихъ классахъ по *сорока* р. въ годъ съ cadaго ученика.

— Его сіятельство, г. министръ народнаго просвѣщенія приказать изволилъ: *„Письма царевича Алексѣя Петровича, писанныя къ его родителю Петру Великому“*, изданныя въ 1849 году *г. Мурзакви-*

чемъ—рекомендовать для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія приказать изволилъ рекомендовать учебнымъ заведеніямъ вѣдомства народнаго просвѣщенія изданные Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ и вышедшіе пока въ 3-хъ выпускахъ рисунки съ фресковъ и мозаикъ кievскаго Софійскаго собора.

— Его сіятельство, г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ изъявить согласіе на принятіе фирмы: „Торговля книгами и учебными пособиями П. Фену и К^о“ въ число комиссіонеровъ министерства народнаго просвѣщенія по снабженію учебныхъ заведеній сего министерства наглядными пособиями и училищною мебелью на нижеслѣдующихъ, изъясненныхъ въ просьбѣ Фену и К^о условіяхъ:

1) Подъ учебными заведеніями министерства разумѣются только реальныя училища и учительскія семинаріи.

2) Цѣны на пособіи производства какъ сей фирмы, такъ и заграничнаго выставлены въ каталогахъ фирмы; на пособіяхъ же, изданныхъ въ Россіи и цѣны которымъ опредѣлены самими издателями, дѣлается учебнымъ заведеніемъ уступка, въ 15^о%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 20^о%.

3) Принятіе означенной фирмы въ число комиссіонеровъ министерства не налагасть ни на министерство, ни на подвѣдомственные ему учебныя заведенія никакихъ обязательствъ.

— Казанскимъ университетомъ представленъ былъ Его Величеству Государю Императору, чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, слѣдующій адресъ по поводу нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ:

Ваше Императорское Величество!

Подъ покровомъ Вашимъ счастливая судьба выпала на долю истинной науки, которая не можетъ противорѣчить требованіямъ высшихъ гуманыхъ идей и не должна измѣнять имъ ни для какой цѣли: наука въ Россіи не боится враждебнаго вліянія внутренней или внешней политики; все Ваше царствованіе представляетъ постоянное торжество высшихъ требованій истины и правды.

Всемилоостивѣйшій Государь! Вы дали свободу милліонамъ Вашихъ подданныхъ; Вы даровали Россіи судъ правый и милостивый; Вы призвали всѣ сословія къ самоуправленію по земскому и городскому хозяйству и благосостоянію; Вы даровали Вашимъ подданнымъ возможность исполненія новой, для всѣхъ равной повинности, которая

стала исполненіемъ святаго патріотическаго долга, вмѣсто прежней тяготы только для менѣе полноправныхъ.

Двадцать лѣтъ Вашего счастливаго царствованія, въ отношеніи внѣшней политики, постоянно доказывали Ваше миролюбіе, согласное съ требованіями высшаго разума и молитвеннымъ воззваніемъ: „о мирѣ на землѣ!“

Но нынѣ, по требованію той же высшей правды, Вы, Государь-миротворецъ, выразили готовность, для осуществленія этой правды на землѣ, прибѣгнуть къ „Суду Божию“, какъ называли наши предки поину.

На этотъ судъ, съ полнымъ унованіемъ на правду Божию, готовы стать всѣ Ваши вѣрноподданые, исполняя свое святое признаніе, Вами имъ пишѣ указанное. Пойдемъ на этотъ судъ и мы, мирные представители науки, если представится на это потребность, но наша особенная сила—сила знанія и слова! Вооруженные этою силою, мы служимъ Вашему Императорскому Величеству истолкователями Вашихъ политическихъ предначертаній въ смыслѣ требованій высшей правды; въ духѣ безграничной любви и полного довѣрія къ своему Государю, вѣрному носителю этой правды, мы воспитываемъ и будемъ воспитывать русское юношество, вѣренное Вашимъ довѣріемъ нашему наставничеству!

Восторженные постояннымъ проведеніемъ Вами требованій высшей правды, осмѣливаемся обратиться съ выраженіемъ нашихъ чувствъ къ Вашему Величеству и мы, вѣрноподданые профессора Вашего казанскаго университета.

Открытіе училищъ.

— По донесенію управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ 19 минувшаго поимбря послѣдовало открытіе Лебедянскаго прогимназіи, въ которую принято: въ приготовительный классъ 24 и въ первый классъ 17 учениковъ.

— 25 декабря послѣдовало открытіе въ с. Павловѣ, Звенигородскаго уѣзда, Московской губ., двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Въ день открытія училища поступило въ оное 85 учениковъ.

— 31 октября минувшаго года открыто двухклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ с. Вознес-

сенскомъ, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губ. При открытіи училища принято въ оное 55 учениковъ.

— 21 минувшаго ноября послѣдовало открытіе въ селѣ Слободѣ, Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи, двухкласснаго начальнаго народнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— 21 минувшаго ноября открыто двухклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія, первоначально въ одноклассномъ составѣ, въ д. Алексѣевской, при Нишжимско-Пречистенскомъ погостѣ, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Въ день открытія училища поступили въ оное мальчиковъ 21 и дѣвочекъ 5.

— Въ Астраханской губерніи открыты слѣдующія училища министерства народнаго просвѣщенія—двухклассныя—въ селахъ: Пришибѣ, 1 сентября, поступило всего 36 мальчиковъ и Владиміровкѣ—22 сентября—учениковъ поступило 51 человекъ; одноклассныя въ селахъ:—Началовѣ—17 октября—поступило 20 мальчиковъ и Аксай—26 октября—поступило 6 мальчиковъ и 2 дѣвочки.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ Винницкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, 30 октября въ м. Юзвинѣ, 12 ноября въ с. Черепишницахъ, 9 ноября въ м. Пиковѣ и 10 ноября въ с. Вишенькѣ.

Въ Летичевскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, 10 октября, въ с. Колыбани.

Въ Литинскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, 25 октября, въ м. Радовцахъ.

Въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи — 8 ноября, въ с. Боркахъ и

Въ Дубенскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи — 23 ноября въ селѣ Княгининѣ.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волынской губ., въ м. Мельницѣ—19 ноября, и въ с. Любитовѣ—14 того же минувшаго ноября.

— По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ открыты и преобразованы слѣдующія двухклассныя и одноклассныя народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

1) Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, 15 ноября, одноклассное въ погостѣ Вемебологѣ, Опочецкаго уѣзда, Псковской губ., при 56 человекѣ мужскаго пола.

2) Управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 29 октября — одноклассное въ с. Дразжинѣ, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губ.

при 50 человѣкахъ учащихся, въ томъ числѣ 46 мальчиковъ и 4 дѣвочки.

3) Попечителя Харьковскаго учебнаго округа, 16 ноября—двухклассное въ с. Поймѣ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губер. Всѣхъ учениковъ принято 66 человѣкъ.

4) Попечителя Одесскаго учебнаго округа. въ Кишиневскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, 24 ноября—двухклассное въ с. Лапушино при 63 учащихся; одноклассныя: въ селеніяхъ Дануцанахъ, Тодорештахъ и Милештахъ, первое 21 ноября, при 24 учащихся; второе 24 ноября, при 28 учащихся и третье 26 ноября, при 25 учащихся и преобразованы въ двухклассныя, 24 ноября—въ с. Карпиненахъ при 70 учащихся и 25 ноября—въ с. Чугуленахъ при 76 учащихся—въ одноклассныя; въ с. Старо-Драгушенахъ, 25 ноября—при 30 учащихся и въ с. Лаганештахъ, 26 ноября—при 43 учащихся.

— По донесенію попечителей учебныхъ округовъ открыты слѣдующія начальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

а) Управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ—въ Новгородской губерніи одноклассныя училища: Воровичскаго уѣзда, Тельбовичское—15 сентября—учащихся въ немъ 45 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ; Демянскаго уѣзда—Велильское—10 октября учащихся 47 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ; Моисеевское—15 октября—учащихся 50 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ и Полновское—15 октября—учащихся 36 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ.

б) Попечителя Харьковскаго учебнаго округа, 10 октября—двухклассное въ сел. Шовскомъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губ.—учащихся поступило всего 33 ученика.

в) Попечителя Одесскаго учебнаго округа, 26 октября—двухклассное училище въ сел. Кишлавѣ, Феодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи—учащихся поступило всего 62 ученика.

— По донесенію управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ, 8-го минувшаго ноября, послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Ляховѣ, Смоленской губерніи и уѣзда. Ко дню открытія поступило въ оное учащихся 21 мальчикъ и 2 дѣвочки.

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ОТРЫВКИ.

V.

Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ ¹⁾.

III.

Позднѣйшія сказанія объ апостолѣ Андрѣ, явившіяся въ средѣ православныхъ церковныхъ писателей, при несомнѣнномъ родственномъ отношеніи различныхъ житій и похвалъ къ источникамъ апокрифическимъ, имѣютъ характеръ, однако, совершенно иной, и самыя задачи ихъ измѣняются. Главный интересъ опять, какъ въ каталогахъ, становится историческимъ или географическимъ. Авторы апокрифовъ фантастическою оболочкою разказа облакали извѣстныя религіозныя идеи, стараясь сдѣлать ихъ болѣе привлекательными и популярными; не смотря на всѣ передѣлки и очищенія, слѣды гностическихъ ученій и догматовъ и до сихъ поръ остаются въ памятникахъ этого рода. Для церковныхъ позднѣйшихъ писателей наиболѣе важное значеніе имѣли предполагаемые факты первоначальной христіанской исторіи, вопросы о томъ, въ какихъ именно странахъ и какимъ народамъ проповѣдывали апостолы Христа. При рѣшеніи этихъ вопросовъ они не имѣли нужды отвергать, что апостолы дѣйствительно проповѣдывали въ тѣхъ странахъ, на которыя такъ или иначе указывалось въ сочиненіяхъ, хотя и еретическихъ, но за то идущихъ изъ самой глубокой древности,—тѣмъ болѣе, что каноническая книга Дѣяній, говоря преимущественно о двухъ апостолахъ, пробуждала любознательность относительно другихъ, но не давала средствъ къ ея удовлетворенію. Мы знаемъ, что пріемъ для пользованія гностическими актами выработанъ и указанъ былъ еще въ самой глубокой древности: еретическія мнѣнія должны

---

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

часть CLXXXIX, отд. 2.

считаться искаженіемъ и прибавкой, а сообщаемые факты вѣрными, исключая, впрочемъ, тѣ, которые казались слишкомъ уродливыми или странными. На основаніи такого воззрѣнія подлежала измѣненію и сказочная географія апостольскихъ хожденій, что сдѣлать было не трудно. Не смотря на всю фантастическую обстановку, въ хожденіяхъ все-таки проглядываетъ намѣреніе локализовать театръ событій въ мѣстахъ, не чуждыхъ современнымъ географическимъ представленіямъ. Анеропофаги были хорошо извѣстны со временъ Геродота; Плиній, Мела, Солинъ, Аммианъ Марцеллинъ, затѣмъ Адамъ Бременскій продолжали разказывать объ этихъ жителяхъ Европейской Скиіи, что они питаются человѣческимъ мясомъ. Страна варваровъ первоначально носила, быть можетъ, какое-нибудь другое, болѣе специальное названіе и во всякомъ случаѣ находилась по сосѣдству съ анеропофагами. Изъ коптскихъ отрывковъ мы узнаемъ, что въ хожденіи Андрея говорилось не только о странѣ Казареновъ или Кадареновъ, но и о людяхъ съ песьими головами. Кинокефалы, которые имѣли голову на груди и вмѣсто человѣческаго голоса лаяли по собачьи, позднѣе считались обитателями страны, сосѣдней съ Русью: по свидѣтельству Адама Бременскаго, ихъ часто приводили въ Россію въ видѣ плѣнниковъ; другіе, впрочемъ, находили ихъ въ Африкѣ. Еще Тацитъ зналъ о Геллузіяхъ и Оксіонахъ, которые имѣли лица человѣческія, а тѣла дикихъ звѣрей, и обитали гдѣ-то на сѣверѣ, по сосѣдству съ Сарматами и Финнами. По одному позднѣйшему объясненію, Оксіанами, по рѣкѣ Оксу, назывались жители Согда или Согди, Хазары и Херсонцы (Tzet. Chilid., XIII, vers. 90 и сл., pag. 484, ed. *Kiessling*). Геллузія можетъ быть отождествляема съ Евлисіей Прокопія (de bello Gotth., p. 474), которая граничила съ землею Сагидовъ или Саковъ и простиралась до Меотійскаго озера и рѣки Дона. Все это вмѣстѣ давало въ результатъ Скиію, какъ Европейскую, такъ и Азіятскую, и можетъ быть, уже Скиію того преданія, о которомъ говоритъ Евсевій Кесарійскій, есть только ученое и общее выраженіе, замѣняющее анеропофаговъ съ ихъ сосѣдями. Саки и Согдиане каталоговъ могли быть также переводомъ на ученый языкъ болѣе популярныя и болѣе сказочныя терминовъ въ родѣ песьихъ головъ или тому подобнаго. Труднѣе объяснить появленіе въ спискахъ Дорооея и Елифанія Эіюпія, притомъ въ смыслѣ Колхиды. Но мы должны а priori полагать, что Эіюпія, такая же страна чудесъ и ужасовъ, какъ и далекій сѣверъ за Чернымъ моремъ, была не придумана авторами каталоговъ, а взята ими еще изъ гностическаго

хожденія, гдѣ она была бы совершенно на своемъ мѣстѣ. Дѣйствительно, въ англо-саксонской поэмѣ объ Андреѣ Мирмидоніи именуется странною черныхъ людей или Эѳіоповъ—нужно полагать, на основаніи древняго греческаго подлинника. Когда представлялся вопросъ о дѣйствительномъ мѣстонахожденіи этой Эѳіоніи, то найти отвѣтъ было уже довольно легко. Конечно, ея нельзя было искать въ Африкѣ или даже въ южной Азіи (Аравіи или Индіи) потому что это противорѣчило бы всѣмъ другимъ даннымъ о хожденіи апостола Андрея въ странахъ при-Понтийскихъ. Кстати существовали темныя преданія о черныхъ людяхъ на востокѣ азіатскомъ, и въ частности въ Колхидѣ. Уже Гомеръ говорилъ, что Эѳіонія раздѣляется на двѣ: одна—тамъ, гдѣ восходитъ солнце, другая—тамъ, гдѣ заходитъ. Извѣстна была Эѳіонія, изъ которой приходилъ Мемнонъ на помощь Троянамъ. Эта Эѳіонія была въ Колхидѣ, гдѣ, по свидѣтельству Геродота, жили люди, имѣющіе черныя цвѣтъ лица и курчавые волосы; и во многомъ другимъ они такъ были похожи на Египтянъ и ихъ сосѣдей Эѳіоповъ Африки, что Геродотъ, а за нимъ и Діодоръ, считаютъ ихъ колоніей египетскою, а новые изслѣдователи—остаткомъ или частію темноцвѣтнаго племени Кушитовъ. Такимъ образомъ полусказочная Эѳіонія гностической легенды, при помощи нѣсколько ученаго толкованія могла превратиться въ совершенно опредѣленную мѣстность. Эѳіопы, которыхъ посѣтилъ апостолъ Андрей, жили тамъ, гдѣ находился Великій Севастополь, „градъ Апсаръ“, рѣка Фазисъ. Самое объясненіе внѣшней или первой Эѳіоніи взято, по видимому, изъ того или другаго географическаго краткаго руководства — изъ того же самаго, которымъ пользовался авторъ Пасхальной хроники въ своемъ списокѣ странъ и народовъ, происшедшихъ отъ сыновъ Ноевыхъ, потому что буквальное тожество выражений не можетъ быть случайнымъ ¹⁾. Итакъ, гностическая сага была въ общихъ чертахъ локализована по извѣстнымъ соображеніямъ ученаго характера, и совершилось это въ очень древнее время. Но она же сдѣлалась достоинствомъ народныхъ преданій въ странахъ, не только искони христіанскихъ, но и въ тѣхъ, куда христіанство пришло послѣ IV вѣка. Мы видимъ, что когда позднѣйшіе писатели житій приступаютъ къ изложенію хожденій

¹⁾ Въ Пасхальной хроникѣ говорится слѣдующее: «По ту сторону Каниндокойцевъ на право живутъ Армяне, Иверы (Грузины), Верраны (Βερραννοι—Іргани, то-есть, нужно думать Осы или Осетинцы), Скионы (Σκυῶνες), Колхи и Веспоріаны; затѣмъ такъ называемые Саллы или Саниты, простирающіеся до Понта, въ которомъ находится укрѣпленіе Апсаръ и Севастополь и гавань Исса и рѣка Фазисъ...

апостола Андрея, то они обязаны пользоваться не только письменными источниками, то-есть, каталогами и апокрифами, но и устными разказами жителей. Все побережье Чернаго моря уже было полно легендарными воспоминаніями о пребываніи двухъ братьевъ апостоловъ, Петра и Андрея. На основаніи другаго преданія, можетъ быть—наиболѣе древняго, по которому два брата, Петръ и Андрей, подѣлили между собою всю вселенную, при чемъ Петру достался западъ, востокъ Андрею, — главная роль въ этихъ воспоминаніяхъ остается за Андреемъ, какъ и въ каталогахъ Понтъ, Галатія и Внонія, приписываемыя сначала Петру, усвоиваются затѣмъ отдѣльно Андрею. Эти мѣстные преданія, иногда не совсѣмъ согласныя между собою, позднѣйшіе агиографы должны были, однако, примирять со своими письменными источниками, уже снискавшими авторитетъ несомнѣнности, а также и соглашать ихъ взаимно. Любопытные слѣды такого примиренія противорѣчій мы находимъ въ житіи апостола Андрея, написанномъ монахомъ Епифаніемъ, который, по его собственному указанію, жилъ въ концѣ VIII вѣка или же не позднѣе первой половины IX в. Онъ знаетъ, что челоукоядцы были въ Скиѳіи, но въ то же время слышалъ отъ жителей Синопа, что апостолъ Матѳій освобожденъ былъ Андреемъ изъ темницы именно въ ихъ городѣ: и вотъ онъ помѣщаетъ Синопъ въ Скиѳіи. Притомъ, по видимому, не одинъ Синопъ присвоивалъ себѣ честь считать своими предками анеропофаговъ, но и другіе греческіе города, какъ, напримѣръ, Никей. Почти каждый городъ около Чернаго моря, въ которомъ была старинная церковь въ честь апостола Андрея, или уважаемая по древности икона съ его изображеніемъ, уже хвалился посѣщеніемъ Первоузаннаго апостола.

Мы представляемъ сказаніе Епифанія въ извлеченіи, имѣющемъ характеръ буквального перевода въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

Въ короткомъ предисловіи авторъ говоритъ, что такъ какъ до него никто еще не написалъ житій святыхъ апостоловъ, то онъ рѣшился собрать о нихъ свѣдѣнія изъ сочиненій очевидцевъ и богоносныхъ мужей, именно: Климента Римскаго, Евагрія Сицилійскаго и Епифанія Кипрскаго. Послѣдній, по словамъ нашего писателя, уже пользовался въ своемъ сочиненіи о 70 апостолахъ не только устными преданіями, но и апокрифами: примѣръ приведенъ, конечно, для того чтобы служить оправданіемъ и образцомъ...

По вознесеніи Христа и послѣ избранія Матѳіа на мѣсто Іуды,

апостолы провели нѣсколько времени въ Антиохіи и въ другихъ городахъ, потомъ прибыли въ Синопъ, городъ Понтійскій, лежащій въ области *такъ называемыхъ Скивовъ*, какъ и самъ Петръ говоритъ въ своемъ вселенскомъ посланіи, Понтъ и Галатію. Въ этомъ городѣ было большое количество Іудеевъ, и господствовали многія ереси; а жители отличались варварскими и жестокими обычаями, послѣдствіе чего были называемы *челотъкоядцами* (аноропофагами). Апостолы Петръ и Андрей, прибывъ сюда, не вошли однако, въ городъ, а поселились на мысу одного пустыннаго острова, находящагося въ разстояніи шести миль отъ него. „И, Епифаній монахъ и пресвитеръ“, говорится въ житіи, — „вмѣстѣ съ Іаковомъ монахомъ были на этомъ островѣ и нашли здѣсь часовню (εὐκτήριον) св. апостола Андрея, и при ней двухъ монаховъ, Теофана и Симеона, а въ ней икону апостола Андрея, изображенную на мраморѣ цвѣтнымъ воскомъ (εἰς μάρμαρον ὑλογραφούμενην) и достойную большого удивленія. Монахъ Теофанъ, старецъ болѣе семидесяти лѣтъ, показалъ намъ, сверхъ того, сѣдалища (καεδры) апостоловъ и мѣста ихъ успокоенія на камняхъ. А объ иконѣ онъ разказалъ, что при Константиѣ Кавалинѣ (то-есть, Копронимѣ, † 775) приходили сюда иконоборцы съ намѣреніемъ ее изгладить (соскоблить), но не смотря на всѣ усилія, ничего не могли сдѣлать. Мы имѣемъ преданіе, что икона написана еще при жизни апостола, и отъ нея бывають многія исцѣленія. Петръ и Андрей проповѣдывали Христа людямъ, которые приходили къ нимъ изъ города. Когда потомъ *Матѳій* отпратился вслѣдствіе какой-то потребности въ городъ, то Іудеи схватили его, продержали въ темницѣ три дня и на слѣдующій день хотѣли убить его. Но *Андрей*, оставивъ гору, ночью вошелъ въ темницу, двери которой отворились передъ нимъ сами собою. Онъ освободилъ Матѳіа и другихъ узниковъ, вмѣстѣ съ нимъ заключенныхъ, а потомъ въ продолженіе семи дней скрывалъ ихъ внѣ города, въ разстояніи приблизительно одной мили отъ него, на берегу морскомъ, гдѣ находилась роща смоковничныхъ деревьевъ, очень мало доступная, а сверхъ того — и пещера. На восьмой день Андрей крестилъ освобожденныхъ имъ узниковъ и далъ имъ наставленіе: „Чада мои, избѣгайте *скинскихъ ересей*, не имѣйте общенія съ Едлинами въ ихъ идольскихъ транежахъ, и не принимайте Іудеявъ“. Послѣ того, взявъ съ собою Матѳіа, онъ ушелъ на востокъ... Св. Епифаній Кипрскій говоритъ, что, по преданію, которое онъ имѣлъ, апостолъ Андрей училъ Скивовъ, Косогдіанъ (и Согдіанъ) и Горсиновъ — въ Севастополѣ Великомъ, гдѣ находится укрѣпленіе

(градъ) Апсаръ и гавань Исса и рѣка Фазисъ, и гдѣ живутъ Иверы (Грузины), и Сусы, и Фусты, и Аланы. Имѣя въ рукахъ такія памятные записи (*ταῦτα ἡμεῖς ἐκὶ χεῖρας ἔχοντες τὰ ὑπομνήματα*) и бѣгая общенія съ иконоборцами, — — — мы прошли страны и города до Воспора и при этомъ съ великою любовію спрашивали о мѣстныхъ святыхъ и о томъ, нѣтъ ли гдѣ какихъ мощей. Такимъ образомъ мы сами нашли многое; а если мы сами не достигли, то усердно и тщательно спрашивали другихъ, съ кѣмъ встрѣчались, и слушали ихъ съ удовольствіемъ. Въ *Синопѣ* тамошніе жители показали намъ мѣсто пребыванія апостоловъ Петра и Андрея, каедру, икону, темницу, которую отверзъ Андрей, рощу и берегъ, гдѣ онъ крестилъ освобожденныхъ; тамъ же мы узнали о дикомъ нравѣ тогдашнихъ, а впрочемъ, даже и пынѣшнихъ его жителей. Другое рассказали намъ граждане *Амиса*“...

Андрей, оставивъ Синопъ, съ учениками своими и съ Матѳеємъ, прибылъ въ приморскій городъ *Амисъ* (слѣдуютъ проповѣдь и чудеса апостола Андрея и его спутниковъ); а изъ Амиса отправился въ *Трапезунтъ*, городъ *Лазики*, гдѣ живутъ люди неразумные и скотски невѣжественные. Отсюда онъ перешелъ въ Иверію (Грузію), и многихъ просвѣтивъ здѣсь ученіемъ, отправился приморскою дорогою въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи.

Послѣ Пасхи, отпразднованной въ Іерусалимѣ, апостолы разошлись по разнымъ областямъ, Андрей же вмѣстѣ съ Іоанномъ учили въ Ефесѣ. Тогда Господь сказалъ Андрею: „Ступай въ Воннію: я буду съ тобою куда ты ни пойдешь, потому что тебя ожидаетъ Сквиѳа“. Андрей, взявъ своихъ учениковъ, отправился въ *Лаодицію*, городъ мирной Фригіи (*τῆς Φρυγίας Παχτιανῆς*), и оттуда въ *Одиссополь*, городъ *Мисии*, гдѣ поставилъ епископомъ Апіона. Затѣмъ онъ прибылъ въ Никею, которая тогда имѣла видъ села и не была ограждена стѣнами, что сдѣлалъ только императоръ Траянъ. Жители были горды, вѣроломны и полны лжи, оттого проповѣдь апостола встрѣтили смѣхомъ и поруганіями. У нихъ былъ идолъ Аполлона Губителя, который поражалъ людей *злыми чарами, мшавшими ихъ дара слова и чувства слуха*. Апостолъ говорилъ имъ, что если они не примутъ вѣры Христовой, то не освободятся отъ болѣзней и бѣсованія; но они по прежнему остались въ заблужденіи. Не подалеку отъ селенія на высококой каменной горѣ *тѣдился змѣй*, пожиравшій путниковъ. Узнавъ объ этомъ, апостолъ отправился и своимъ желѣзнымъ жезломъ разбилъ ему голову. Точно также онъ сокрушилъ идола *Артемиды*, около

котораго обнаруживали свою силу злые духи и не давали никому приблизиться: на мѣстѣ идола апостолъ *поставилъ крестъ*, и скала очистилась отъ демоновъ. У язычниковъ былъ праздникъ, во время котораго народъ, собиравшійся во множествѣ, приносилъ жертву идоламъ. Но во время жертвоприношенія бѣсы овладѣвали людьми съ такою силою, что они *пожирали другъ друга*. Андрей крестнымъ знаменіемъ укротилъ бѣснующихся. Дальнѣйшій путь апостола лежалъ въ Никомидію, а изъ нея въ Халкидонъ.

Изъ Халкидона апостолъ Андрей Чернымъ моремъ отплылъ въ Гераклею. Наставивъ здѣсь нѣкоторыхъ жителей, онъ прибылъ въ *Кромну*, нынѣ именуемую *Амастридой*, и нашелъ здѣсь немногихъ учениковъ, у которыхъ и оставался. Городъ былъ полонъ Іудеевъ. Услышавъ, что прибылъ Андрей, отверзшій темницу и выведшій узниковъ, они собрались и хотѣли зажечь домъ, въ которомъ онъ находился. Потомъ, схвативъ Андрея, били его камнями, волочили и кусали, какъ псы, его тѣло. Одинъ изъ нихъ откусилъ совсѣмъ палецъ на правой рукѣ апостола. Вслѣдствіе того жители и до сего дня называются *человѣкоядцами* (анеропофагами)¹⁾.

Слѣдуетъ новое посѣщеніе Трапезупта и обратное путешествіе въ Іерусалимъ, а далѣе третье путешествіе апостола по берегамъ Чернаго моря.

Послѣ пятидесятницы Андрей, Симонъ, Каранить, Матѣй и Ѳаддей оставались у Авгара, а прочіе обходили города, уча и творя чудеса, и прибыли въ *Иверію* и въ *Фазисъ*, а чрезъ нѣсколько дней въ *Сусанію*. Въ этомъ народѣ женщины властвовали надъ мужчинами. Женская природа доступна убѣжденію, и потому онѣ скоро оказали послушаніе. Матѣй оставался въ этой странѣ, училъ и творилъ многія чудеса.

А Симонъ и Андрей отправились въ *Саланію* (читай: Аланію) и въ городъ *Фусту*. Сотворивъ многія знаменія и многихъ обративъ, они перешли въ Абхазію (Авасгію), и вступивъ въ *Великій Севастополь*, учили слову Божію. Андрей, оставивъ тамъ Симона, съ учениками своими ушелъ въ *Зикхию*. Зикхи народъ жестокой и варварскій и до

¹⁾ Судя по этому, и жители Амастриды заявляли притязаніе на происхожденіе отъ человекоядцевъ или людоедовъ. Но сличенію греческаго текста съ его древними переводами и передѣлками обнаруживаетъ здѣсь пропускъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ говорилось о прибытіи апостола Андрея изъ Амастриды опять въ Синопъ. Впрочемъ, уже самое указаніе на отверстую темницу и освобожденныхъ узниковъ заставляло бы въ этомъ догадываться.

нынѣ на половину не вѣрующій. Они хотѣли убить Андрея, но увидѣли его убожество, кротость и подвижничество, и тогда оставили намѣреніе. Апостолъ, покинувъ ихъ, пришелъ къ *верхнимъ Судеямъ*. Это люди—кроткіе и доступные вѣрѣ; они съ радостію приняли слово проповѣди. Отъ нихъ апостолъ пришелъ въ Воспоръ, находящійся по ту сторону Понта, городъ, до *котораго и мы достигли*. Жители его, увидѣвъ чудеса, которые творилъ Андрей, скоро оказали послушаніе, *какъ они сами намъ разказывали*. Они показали намъ ковчегъ, имѣющій надпись Симона апостола, закопанный въ основаніи *храма св. апостоловъ* (это очень большой храмъ) и содержащій въ себѣ частицы мощей; отъ нихъ они дали и намъ нѣчто. Есть и другая гробница, имѣющая надпись Симона Кананита, въ Никопсисѣ Зиккійскомъ: она также съ мощами.

Изъ Воспора Андрей прибылъ въ *Θεωδεσιю* (Θεοδосію), городъ многочисленный и образованный, въ которомъ царемъ былъ Савромать. Увѣровали здѣсь немногіе. Оставивъ ихъ, апостолъ отправился въ *Херсонъ*, *какъ* (жители Херсона) *намъ разказали*. А *Θεωдесія* нынѣ не имѣетъ даже слѣда человѣческаго. *Херсаки* (Херсонцы) же народъ коварный, и до нынѣшняго дня туги на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра. Андрей, пробывъ у нихъ довольно дней, воротился въ Воспоръ, и нашедши корабль херсонскій, переплылъ въ Синопъ“.

Изъ Синопа путь лежалъ въ Византію, въ предмѣстіи которой Аргирополѣ Андрей поставилъ епископомъ Стахіа. Хожденіе кончается Целопоннисомъ и городомъ ахейскимъ Патрами. Страданіе апостола разказано сходно съ другими источниками.

Житіе, написанное Епифаніемъ, представлявшее сводъ существовавшихъ до него преданій объ апостолѣ Андреѣ, пользовалось большимъ уваженіемъ, какъ въ греческой, такъ и въ другихъ православныхъ церквахъ. Нѣсколько передѣланное и сокращенное его изложеніе читается теперь въ греческихъ Минеяхъ и принадлежитъ, нужно думать, подобно многимъ другимъ сокращеннымъ и передѣланнымъ житіямъ, знаменитому агіографу X вѣка Симеону Метафрасту, какъ объ этомъ и прямо свидѣтельствуетъ Аллаций, наибольшій авторитетъ въ вопросахъ этого рода. Здѣсь также принимаются три путешествія апостола Андрея къ берегамъ Понта, прерываемыя празднованіемъ Пасхи въ Іерусалимѣ, и первая проповѣдь начинается Амосомъ (Ἀμώς), съ опущеніемъ Синопа, о которомъ говорится только послѣ и однажды. Въ Синопѣ апостолъ приходитъ изъ Ама-

стриды виѣстъ съ Петромъ. На основаніи „древнихъ сказаній“ (λόγοι παλαιοί) повѣствуется о его мученіи въ этомъ городѣ. Синопіяне были люди дикіе и жестокіе, только по наружному виду и образу похожіе на людей, а въ остальномъ—совершенныя звѣри. Они были приведены въ ярость тѣмъ, что Андрей освободилъ здѣсь изъ темницы *Μαθηῖν*; они волочили апостола по землѣ, и нѣкоторые изъ нихъ порывались въ своемъ бѣшенствѣ *κοσμήσει τὸν στόματός τοῦ ἀποστόλου* (слѣдовательно, описываются смягченныя нѣсколько аперонофаги). Но здѣсь не сказано прямо, что палецъ апостола былъ откушенъ однимъ изъ дикарей, а только замѣчено, что онъ былъ отсѣченъ. Путешествіе по восточному и сѣверному берегамъ Чернаго моря, то есть, пребываніе апостола въ землѣ Алановъ, Абзаховъ, въ Севастополѣ Великомъ, у Зикховъ и Воспоріанъ, а также въ Херсонѣ, ничѣмъ не отличается отъ разказа въ первоначальномъ источникѣ; прибавлено только, что въ Воспорѣ находились иконы святыхъ, сдѣланныя изъ воска (*ἀρχιεπίσκοπος μεταμορφώσας τὸν χρῶμα*) и поражавшія своимъ необычайнымъ совершенствомъ, такъ что трудно было считать ихъ произведеніемъ искусства или рукъ человѣческихъ; и сверхъ того точнѣе, но една ли правильнѣе объяснено о двухъ ковчегахъ, что одинъ изъ нихъ заключалъ въ себѣ останки Симона Зилота, а другой—Симона Кананита, но за то опущено указаніе, что другой гробъ находился въ Никонсисѣ, а не въ Воспорѣ. Херсонъ—городъ знаменитый и многолюдный, но жители его къ истинной вѣрѣ неблагоприкладны (*οὐκ εὐπαγεῖν*), а воспріимчивы къ обычнымъ ересямъ.

При чтеніи житія, написаннаго Епифаніемъ, нѣтъ особенной необходимости останавливаться на подробностяхъ и частностяхъ развитія географической темы по отношенію къ прежнимъ болѣе общимъ показаніямъ о хожденіяхъ апостола Андрея, такъ какъ мотивы этого развитія довольно прозрачны и отчасти объяснены выше. Историческія, этнографическія и топографическія замѣтки, сообщаемыя авторомъ, лично посѣтившимъ сѣверные берега Чернаго моря въ концѣ VIII или въ первой половинѣ IX вѣка, имѣли бы высокую важность сами по себѣ, еслибъ онѣ были сколько-нибудь подробнѣе и не ограничивались бы простымъ перечисленіемъ посѣщенныхъ странъ и городовъ, съ очень немногословною характеристикой жителей оныхъ. Епифаній сообщаетъ мало данныхъ, которыя могли бы содѣйствовать разсѣянію мрака, предшествующаго началу русской исторіи и появленію Русскаго народа почти въ тѣхъ самыхъ странахъ, о которыхъ онъ говорилъ. Не смотря на то, что нашъ путешественникъ посѣ-

тилъ Керчь и Корсунъ, у него нѣтъ ни самаго названія Руси, ни какого-либо намека на нее, хотя бы подъ другимъ наименованіемъ. Впрочемъ, сила аргумента а silentio, который могъ бы заключаться въ этомъ обстоятельстве, значительно ослабляется тѣмъ, что онъ молчитъ также и о Хазарахъ. Очень возможно, что притязанія жителей Сипопа на родство съ аноропофагами, освободивъ нѣрнаго иконопочитанію пресвитера отъ необходимости отыскивать другихъ потомковъ этого свирѣпаго народа, косвеннымъ образомъ повредили русской исторіи, и что иначе онъ не ограничился бы — если не въ путешествіи, то хотя въ собираніи свѣдѣній—Воспоромъ (Керчью) и Крымомъ, а заглянулъ бы внутрь Скиѳіи. Все-таки мы не должны пренебрегать и тѣми скудными данными о при-Понтійскихъ странахъ и городахъ, какія вообще могутъ быть отысканы въ источникахъ, подобныхъ сочиненію Епифанія или родственныхъ съ этимъ сочиненіемъ, такъ какъ они могутъ пригодиться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Ради этихъ цѣлей, въ связи, впрочемъ, и съ литературно-историческими, мы посвящаемъ еще нѣсколько страницъ отрывку Епифанія о хожденіи апостола Андрея по Черноморскимъ областямъ и приводимъ его сначала въ старинномъ славянскомъ переводѣ, представляющемъ нѣкоторые дополненія къ выписываемому параллельно греческому тексту, а потомъ въ грузинской обработкѣ, могущей служить географическимъ комментариемъ. Нужно пожалѣть, что славяно-русскія переводныя редакціи Епифаніева житія, входившія въ составъ нашихъ Минеи, до сихъ поръ остаются не изданными ¹⁾, и что русскій переводъ рукописнаго, и по всѣмъ признакамъ, очень древняго грузинскаго житія, составленнаго по Епифанію, явился безъ всякихъ объясненій, даже самыхъ первоначальныхъ и необходимыхъ ²⁾. При настоящемъ положеніи дѣла трудно рѣшить, откуда ведутъ свое начало и кому принадлежать дополненія противъ греческаго подлинника, встрѣчающіяся въ славянскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ поручиться и за вполне внимательное и научное отношеніе къ своему дѣлу самихъ издателей греческаго тек-

¹⁾ Приводимый славянскій переводъ, найденъ былъ въ одной рукописи С.-Петербургской духовной академіи о. архимандритомъ Арсеніемъ, отъ котораго, при любезномъ посредничествѣ В. И. Ламанскаго, мы и получили благосклонное разрѣшеніе имъ воспользоваться.

²⁾ Переводъ грузинскаго житія явился въ *Христіанскомъ Читаніи* (1869 годъ) съ единственнымъ замѣчаніемъ, что онъ сдѣланъ съ рукописи Давидгаредскаго монастыря.

ста. Въ этихъ изданіяхъ есть пропуски; такъ, напримѣръ, жители Амастриды превратились въ челоѡкоядцевъ только потому, что пропущено было нѣсколько словъ, говорившихъ о прибытіи апостола изъ Амастриды въ Синопъ. Въ другихъ спискахъ могли быть дополненія, сдѣланныя или позднѣйшими переписчиками, или кѣмъ другимъ. Что касается грузинскаго житія, то древность этой передѣлки съ греческаго доказывается, по видимому, уже тѣмъ, что въ немъ идетъ рѣчь о *Готихъ* тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоятъ Скиѡны. Сверхъ того, оказывается, что это житіе послужило отчасти источникомъ для статьи объ апостолѣ Андрѣ въ грузинской хроникѣ царя Вахтанга ¹⁾

Переводная редакція, вхлотившая въ составъ русскихъ Миней, начинается словами: „святому Епифану глаголющу“ и т. д.; слѣдовательно, въ ней опущено вступленіе автора и описаніе перваго пребыванія апостоловъ въ Синопѣ, во время котораго Матѣй былъ освобожденъ Андреемъ изъ темницы. Въ грузинской обработкѣ, авторомъ которой можетъ быть считаемъ неизвѣстный пресвитеръ Романъ, назвавшій себя въ концѣ житія, опущено введеніе, но за то разказъ начинается Синопомъ, а съ другой стороны, вовсе не приведена ссылка на Епифанія Кипрскаго и сопровождающія ее объясненія. Дѣлать отсюда какія-либо заключенія относительно состава греческаго подлинника было бы рискованно. Прибавимъ еще, что русская редакція, сколько можно судить по образцу, находящемуся въ нашихъ рукахъ, не отличалась правильностію въ передачѣ собственныхъ именъ, какъ это обнаруживаетъ уже самое начало. Греческія географическія названія частію не разобраны, частію совсѣмъ искажены — но, по видимому, не безъ вліянія какихъ-то постороннихъ элементовъ, находившихся въ самомъ греческомъ подлинникѣ.

Святому Епифану, архіепископу Кипрскому, глаголющу блаженаго Андрея учить Скуфы и Съгдіаны игоравзгусію всевастіи же градѣ велицѣмъ,

Τοῦ δὲ ἁγίου Εὐφάνιου ἐπισκόπου Κύπρου λέγοντος, ὡς ἐκ παραδόσεως ἔχειν τὸν μακάριον ἀπόστολον Ἀνδρέαν διδάσκει Σκυῖδας Κοσσοῦδιανούς καὶ Γορσωνούς, ἐν

¹⁾ Статья объ Андрѣ въ этой хроникѣ составлена, какъ замѣчено ея переводчикомъ, академикомъ Броссе, изъ двухъ половинъ: первая часть представляетъ, по видимому, мѣстныя грузинскія преданія, вторая ведетъ свое начало отъ греческаго житія. Академикъ Броссе предположительно указывалъ на сочиненіе Никиты, «человѣка Божія и большаго философа», жившаго въ концѣ V вѣка, на книгу хожденій апостола Андрея, переведенную съ греческаго св. Евхиміемъ и хранящуюся на Афонѣ, и проч. Нужно повторить сожалѣніе, что древнѣйшія грузинскія житія еще не изданы; но источникомъ второй части статьи объ Андрѣ въ хроникѣ было житіе, указанное нами.

идеже есть съвокупленіе Апсару и Уззнику и кефалазу сѣ рѣка идеже живутъ ивери и сиси и ѳластин и оланн. Смы при прѣвѣ пущен бѣжаше общеванію пконоборецъ — — — походяще мѣста и грады до баснора многою любовію искахомъ о домашнихъ святыхъ идеже кде суть мощи.

Σεβαστόπολει τῇ μεγάλῃ, ὅπου ἐστὶν ἡ παρεμβολὴ Ἀφάρου καὶ Ὑσσοῦ λιμὴν καὶ Φασίς ποταμός· ἐνθα οἰκοῦσιν Ἰβηρες καὶ Σούσαι καὶ Φούστοι καὶ Ἀλανοί. Ταῦτα ἡμεῖς ἐπὶ χαίρας ἔχοντες τὰ ὑπομνήματα καὶ φεύγοντες τὴν κοινωνίαν τῶν εἰκονομάχων — — — λοιπὸν περιερχόμενοι χώρας καὶ πόλεις μέχρι Βασπόρου πολλῶ πόλιν ἡρευνῶμεν περὶ τῶν ἐγγυρίων ἀγίων καὶ εἰ ποῦ ἐστὶ λείψανα.

Этотъ небольшой отрывокъ можетъ служить образчикомъ не одной только неисправности списка, чтò очевидно, но и какой-то странности самаго первоначальнаго перевода. Непонятная Игровавзгусія, быть можетъ, скрываетъ въ себѣ *Горсиновъ*, стоящихъ въ греческомъ текстѣ, и *Аваловъ* (Абхазовъ), написанныхъ въ немъ на верху въ видѣ объясненія и слитыхъ переводчикомъ въ одно слово. Сами по себѣ Горсины могутъ быть объясняемы только *Хорсиною* (Χορσηνή), областью, принадлежавшею, по свидѣтельству Страбона, къ древней Иверіи, то-есть, Грузіи и лежавшей около рѣки Кура. Въ Кефалазѣ, можетъ быть, скрываются Лазы. Остальныя искаженія можемъ оставить безъ объясненія. Нѣсколько исправимъ та часть перевода, которая для насъ имѣетъ наибольшій интересъ и заключаетъ въ себѣ вставки, о которыхъ мы упомянули выше. Такъ какъ собственно для нихъ мы и приводимъ текстъ, то отмѣчаемъ ихъ квадратными скобками, а въ остальномъ позволяемъ себѣ легкія измѣненія явно невѣрныхъ чтеній.

И по пентикостѣи Андреа и Симона Каианитъ и Матоеа и Ѳаддеѣи останаху у Авгара (въ рукописи: Лудра, Луара). Друзіи по градомъ ходяще и учаще и чюдеса дѣюще, спидоша въ Иверію и къ Фасу и потомъ въ Сисавію. Моужи же языка того похъ женскою властію бѣаху. Вѣронмна бо женска вещь, и скоро послушаша. [И придоша въ Химаръ градъ: тужде есть покой многострастнику Максиму]. Остаже Матоеа въ странахъ тѣхъ съ ученики, творя чюдеса многа. Симовъ же и Андреа идоста въ Алакію и въ Фіестъ градъ. И многа чюдеса сотворивша, и многы научивша идоста въ Авазію. И влѣзша въ Севастъ градъ и

Καὶ μετὰ πεντηκοστὴν Ἀνδρέας καὶ Σίμων ὁ Χανανίτης καὶ Ματθίας καὶ Θαδδαῖος ἐμείναν ἐκεῖ πρὸς Αὐγαραν· οἱ δὲ λοιποὶ διερχόμενοι τὰς πόλεις διδάσκοντες καὶ θαυματοουργοῦντες, κατῆλθον εἰς Ἰβηρίαν καὶ εἰς Φάσιν καὶ μετ' ἡμέρας εἰς Σουσανίαν. Οἱ δὲ ἄνδρες τοῦ εἰθους ἐκείνου ὑπὸ τῶν γυναικῶν ἐκρατοῦντο. Εὐπειθής δὲ ἡ γυναικεία φύσις καὶ ταχὺ ὑπήκουσαν. Ἐμείνε ὁ Ματθίας σὺν μαθηταῖς εἰς τὰς χώρας ἐκείνας διδάσκων καὶ ποιῶν θαύματα πολλά. Οἱ δὲ Σίμων καὶ Ἀνδρέας ἀπῆλθον εἰς Σαλανίαν (sic) καὶ εἰς Φούстан πόλιν. Καὶ πολλὰ θαύματα ἐργασάμενοι καὶ πολλοὺς μαθηταύσαντες ἀπῆλθον εἰς Ἀβασγίαν καὶ εἰσελθόντες εἰς Σεβαστόπολιν τὴν μεγάλην ἐδί-

участа слову бо́жію и мнози пріама [Касози]. Андреа же оставивъ Симона съ ученики, самъ иде въ Зикхію. Жестоци же челоѣци и люти и до нинѣ невѣрни поима. Хотяху Андреа убита, аще быша не вѣдѣли его не имуща имѣнѣи и кротость и страсть ему. Тачѣ оставивъ и, иде въ *Synou iorini* (всерду горню). Чѣловѣци же ти смѣрени кротци съ радостію пріама слово. И привде въ *Osnore* [Корчевъ градь] обову страну Понта противу Амиса. Тужде и мы доходихомъ [Иколіиادی επισκοπῆς καὶ Γεωργίου καμψττικῆς. *Изъ отъ прѣдѣла повѣдаху намъ многа чюдеса Андреова*]. Въ Оспоровѣ же вѣдѣше чюдеса яже творяше Андреа скорою послушаша, яко и ти намъ сповѣдаху, и некогда расколъ о вѣрѣ пріама). Показаша же намъ [икони Христовы и мнози святыхъ ѡскомъ лѣаны зѣло ѡчисти яко рещи не сотворитисѣ отъ руку челоѣчю] и намъ (? ларь), написаніе имуще Симона Апостола въ основаніи погребена въ церкви святыхъ апостолъ, имущъ мощи. И даша намъ отъ нихъ. Есть-же другъи гробъ въ Никопѣ Зикхіиетѣ (рук. азіаіиетѣ), написаніе имуще Симона Кананичьскаго и тѣмныи мощи. Андреа же отъ Вѡспора спиде въ *Θερδεσία* имуща царя Самролата. Мало же отъ нихъ вѣроваши. И оставивъ ю спиде въ *Херсонъ* градъ, яко же ти намъ повѣдаху. А *Θερδεσία* градъ ни стопа челоѣча въ ней есть. Худовѣрно же племя Херсоняне до днешняго дѣне, и не крѣпко есть на вѣру (въ рук. и не крѣпость на вѣру), лжи, всему вѣтру впадающеся. Андреа же сотворивъ дѣни многи обратися въ Воспоръ и обрѣте корабль Херсонескъ прѣиде въ Синопъ. [И *Δεσφιστῆρι* *Ανδρεὸς* *Χερσονῆας* *σῶτοριστα*, *Σινοπιῶνι* *τῶν* *πλοίων* *κτίστης*].

ἔαζαν τὸν λόγον τοῦ θεοῦ. Ὅτε Ἄνδρέας καταλείψας τὸν Σύμωνα ἐκεῖ, σὺν μαθηταῖς αὐτοῦ ἐξῆλθεν εἰς Ζηκχίαν. Οἱ δὲ Ζηκχαιοὶ σκληροὶ ἄνθρωποι καὶ βάρβαροι καὶ ὥς τοῦ νῦν ἄπιστοι ἡμῖν. Ἐμελλόν — ὅτε Ἄνδρέαν φωνεῖσιν, εἰ μὴ ἐώρων τὴν ἀκτημοσύνην καὶ τὸ πρῶτον καὶ τὴν ἀρχήσιν αὐτοῦ. Καὶ λοιπὸν ἀφ' οὗ αὐτοῦ κατῆλθεν εἰς Σύμφλαιους τοὺς ἄνω· οἱ δὲ ἄνθρωποι εὐπειθεῖς καὶ ἡμεροὶ καὶ μετὰ χαρὰς ἐδέξαντο τὸν λόγον. καὶ ἦλθεν εἰς Βόσπορον πόλιν πέραν τοῦ Πόντου, εἰς ἣν καὶ ἡμεῖς ἐφθάσαμεν. Κάκεῖνοι θεωρήσαντες τὰ θαύματα ἃ ἐποίει — ὡς ταχὺ ὑπήκουσαν, ὥς αὐτοὶ ἡμῖν διηγοῦντο. Ἐδεῖξαν δὲ ἡμῖν λάρνακα ἐπιγραφὴν ἔχουσαν Σίμωνος ἀποστόλου εἰς θεμέλια κεχωσμένην ναυὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων πάντο μεγάλου ἔχουσαν λείψαντα. Καὶ ἔδωκαν ἡμῖν ἐξ αὐτῶν. Ἔστιν καὶ ἕτερος τάφος εἰς Νίκοψιν τῆς Ζηκχίας· ἐπιγραφὴν ἔχων Σίμωνος Χανανίτου, καὶ αὐτὸς ἔχων λείψαντα. Ὅτε Ἄνδρέας ἀπὸ Βοσπόρου κατῆλθεν εἰς Θεοδεσίαν, τὴν πόλιν πολυάνδρον καὶ φιλόσοφον, ἔχουσαν βασιλεῖα Σαυρομάτην. Ὀλίγοι δὲ ἐξ αὐτῶν ἐπίστευσαν. Καὶ καταλιπὼν αὐτοὺς ἀπῆλθεν εἰς Χερσῶνα ὡς αὐτοὶ ἡμῖν διηγήσαντο. Ἡ δὲ Θεοδεσία σήμερον οὐδὲ ἔχονος ἀνθρώπων ἐν αὐτῇ ἔχει. Εὐπέριστον δὲ ἔθνος οἱ Χερσακχεὶς καὶ ἰσχυροὶ μέχρι τῆς σήμερον πρὸς πίστιν, ψεύσται καὶ παντὶ ἀνέμῳ περιφερόμενοι. Ὁ δὲ Ἄνδρέας ποιήσας παρ' αὐτοῖς ἡμέρας ἱκανὰς, ὑπέστρεψεν εἰς Βόσπορον, καὶ εὐρὼν πλοῖον Χερσακινὸν ἐπέρασεν εἰς Σινώπην.

Относительно вставокъ въ русскомъ текстѣ можно ограничиться двумя-тремя замѣчаніями. Изъ житія св. Максима Исповѣдника, постра-

давнаго при Константинѣ Погонатѣ, дѣйствительно извѣстно указанное мѣсто его смерти, названное тамъ Схмаріемъ, градомъ Аланіи (Σχημαρίον, Alaniae castrum Schemarium: см. АА. SS.) а въ письмѣ, спутника Максимова упоминается также и градъ Фуста (in castris Phustas) въ предѣлахъ Аписиліи и Мисиміаны. Далѣе, славянскій текстъ, по видимому, умножаетъ очень скудный списокъ Керченскихъ епископовъ однимъ новымъ именемъ, но едва ли только не испорченнымъ, намѣстникъ же долженъ быть разумѣемъ Византійскій. Впрочемъ, самое важное, именно время, когда оба они жили, должно быть оставлено безъ ближайшаго опредѣленія. Мѣсто объ иконахъ должно было находиться въ греческомъ текстѣ, потому что нѣчто подобное читается въ греческой передѣлкѣ Епифаніева сочиненія Метафрастомъ. Въ замѣткѣ объ алфавитарѣ едва ли заключается какой глубокий смыслъ. Позволяемъ себѣ догадываться, что тутъ разумѣется просто канонъ или какое другое стихотворное церковное произведеніе въ честь апостола Андрея, съ акростихомъ по порядку буквъ алфавита (см. словарь *Дюканжа* sub v. ἀκρόστιχον). Въ такомъ случаѣ, слова эти, пожалуй, не могли принадлежать первоначальному автору, который считалъ Синопіанъ аперионофагами не со словъ другихъ постороннихъ лицъ, а по ихъ собственнымъ преданіямъ.

Переходимъ къ грузинскому житію. Оно, какъ замѣчено, начинается Синопомъ. Въ этомъ городѣ находилось множество Іудеевъ и язычниковъ. Послѣдніе, по свирѣпости и дикости своей, почитались даже отъ многихъ *людодѣлами*. Не подалеку отъ города лежалъ островокъ, на которомъ пріютились апостолы и поучали всѣхъ проходящихъ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ, говоритъ составитель или переводчикъ житія Романъ,—находятся *девѣ церкви*, высѣченныя въ скалахъ, и въ одной изъ нихъ есть образъ апостола Андрея, высѣченный (?) тоже на мраморной доскѣ, и т. д. Разказъ объ освобожденіи Матфея Андреемъ помѣщается здѣсь же и не представляетъ никакихъ дополненій или измѣненій противъ того, что уже намъ извѣстно.

Затѣмъ идетъ рѣчь о пребываніи апостоловъ Петра и Павла въ *иородѣ Мисоноѣ*, близъ береговъ Понта: нужно разумѣть *Амисъ* Епифанія ("Αμισος); здѣсь сооружена была апостоломъ Андреемъ *церковь и доселѣ есть извѣстная*. Далѣе апостолъ посѣтилъ *Трансзонтъ*, городъ, лежащій въ *землѣ Миниремцевъ* (== πόλιν τῆς Δαζιχῆς), и послѣ краткаго пребыванія въ немъ, замѣтивъ грубое невѣжество жителей,

отправился въ *Карталинію* ¹⁾ Тамъ находясь долгое время въ городахъ ея: *Нисліъ*, *Кларджетъ* и *Артапанколось*, онъ просвѣтилъ многихъ крещеніемъ. Отселъ Андрей перешелъ въ *Сомхетію* и потомъ удался въ Іерусалимъ на Пасху ²⁾ Послѣ праздника Пасхи, Андрей вмѣстѣ съ Іоанномъ находились въ Ефесѣ. Здѣсь явился блаженному Андрею Христосъ и сказалъ ему: „Слѣши немедленно въ Визинію, не бойся. Я съ тобою, доколѣ шествуешь; еще же земля *Готтосъ* (=ἡ Σχολία) ожидаетъ тебя“. Слѣдуетъ путешествіе въ Лаодикію, нъ мисійскій городъ Одиссъ, и пребываніе въ Никей.

Изъ Никей, чрезъ Никомидію и Халкидонъ, апостолъ направляется въ Ираклію и потомъ въ *Амастриду*, нъ которой остается долгое время. Амастрида есть городъ обширный и великолѣпный. Апостолъ Андрей поставилъ въ ней епископомъ *Пальма*, о которомъ говорятъ жители сего города, что онъ написалъ много божественныхъ поученій, но впослѣдствіи *пожаръ, истребившій городъ, истребилъ* и домъ, въ которомъ хранились его писанія, и тѣмъ *лишились мы* великой духовной пользы.

Изъ Амастриды апостолъ отправился рѣкою, Пароеніемъ называемою, въ городъ *Хариконъ*, который окруженъ двумя рѣками: съ южной стороны, такъ называемая рѣка *Ликъ* или Волкъ, по вредной быстротѣ ея теченія, а съ сѣверной—рѣка *Лусія*. Обѣ сіи рѣки соединяются вмѣстѣ и образуютъ Пароенъ, рѣку глубокую, широкую и удобную для судоходства. Здѣсь, въ особенности въ лѣтнее время, бывало большое стеченіе народа. Въ городѣ многіе обратились. Апостолъ избралъ для вѣрныхъ мѣсто молитвы и воздвигъ знаменіе креста, а впослѣдствіи жители соорудили церковь во имя апостола, съ изображеніемъ на стѣнѣ его образа, совершенно сходнаго съ подлинникомъ, при которомъ совершаются чудеса и нынѣ.

Изъ Харакона, о которомъ ничего не сказано въ греческомъ подлинникѣ, апостолъ опять приходитъ въ Синопъ. Здѣсь, а не нъ

¹⁾ Въ грузинской хроникѣ Требизондъ также названъ городомъ въ землѣ Мингрельской, что, по объясненію г. Броссе, значитъ только, что этотъ главный городъ Лазики былъ населенъ народомъ, имѣющимъ одно происхожденіе съ Мингрельцами: см. *Histoire de Géorgie*, pag. 56.

²⁾ Въ Грузинской хроникѣ (*Histoire de Géorgie*, trad. par Brosset, pag. 60). «A Nigal dans le Clardjet, à Artahan, à Cola, où il resta très longtemps... De là il traversa le Clardjet, les terres de la Parthie, et l'Arménie et alla célébrer la Pâque à Jerusalem». Вмѣсто Кларджета акад. Броссе предлагаетъ читать въ первомъ случаѣ Djawakheth, и указываетъ, что всѣ мѣста находятся въ южной Сомхетин; въ Нигалъ онъ находитъ Nialis-Qour.

Амастридѣ, какъ въ греческомъ текстѣ, случилось происшествіе, подавшее поводъ называть Синопіянъ *перстонами*.

Отправившись къ берегамъ Понта, апостолъ посѣтилъ село, называемое *Замихонъ*, затѣмъ *Амасію*, жители которой приняли его съ радостію и водворили въ томъ же городѣ, въ которомъ онъ жилъ прежде, ибо сей городъ давно уже былъ просвѣщенъ апостолами (и такъ, это тотъ же городъ Мисоновъ, то-есть, Амисъ?).

Слѣдуетъ новое посѣщеніе Трапезунта, а далѣе Неокесаріи и города Самосата, лежащаго на границѣ Паряянъ или Арменіи. Изъ Самосата апостолъ отправился въ Іерусалимъ на Пасху.

Третье и послѣднее путешествіе апостола Андрея въ при-Понтийскихъ странахъ изложено по Епифанію, но съ измѣненіями въ названіи странъ и мѣстностей, могущими служить комментариемъ къ вышеприведенному греческому тексту. Съ этою цѣлію мы приводимъ описаніе этого путешествія вполнѣ.

По совершеніи праздника, апостолъ (Андрей) вышелъ изъ Іерусалима, въ сопровожденіи Симона Кананита, Матеія, поставленнаго вмѣсто Іуды Искаріотскаго, и Ѳаддея, въ городъ Едессъ. Тамъ Ѳаддей остался, у владѣтеля Авгаря, которому посланъ былъ нерукотворенный образъ Христа... Блаженный Андрей съ остальными спутниками посѣщалъ города и села. Они вездѣ поучали народъ и творили чудеса; наконецъ достигли до земли *Карталинской*, прошли часть земли *Тулетской* до рѣки, называемой *Чорохомъ*, безпрестанно проповѣдуя Спасителя (=въ греч. Иверія и рѣка Фазисъ). Апостолы посѣтили *Сванетію* (=Σωαντίου), въ княженіе нѣкоей жены, которая приняла проповѣдь ¹⁾. Здѣсь остался Матеій съ прочими учени-

¹⁾ Histoire de Géorgie, pag. 61: «Ils arrivèrent ainsi au pays de Géorgie, — traversèrent les contrées voisines de Tao, jusqu'au *Dchorokh*, firent le tour des villages — — et atteignirent en prêchant le *Souaneth*, où alors regnait une femme, qui accueillit la prédication des apôtres. Matatha resta avec les autres disciples dans ces régions; mais le grand S. André et Siméon pénétrèrent dans l'*Osséth*, et atteignirent Postaphor et Bisphore où ils firent de grands miracles. Ayant converti et baptisé beaucoup de monde, ils partirent de-là et entrèrent en *Aphkhaseth*. Arrivés dans la ville de *Sebasté*, aujourd'hui *Tekhoum* (Сухумъ), ils y prêchèrent la parole de Dieu... Le bienheureux André y laissa Simon — le — Cananéen avec les autres disciples et s'éleva vers le *Djiketh*, dont les habitans étaient farouches — — — c'est pourquoi maintenant encore ils persévèrent dans l'infidélité. Le tombeau de Simon-de-Cananéen est à Nicopsia, entre l'Aphkhaseth et le Kadjet, à la frontière de la Grèce, où il est mort». См. примѣчанія Ак. Броссе къ этому пути; некоторыя изъ нихъ, именно относительно Босфора, должны быть устранены.

ками, а великій Андрей съ Симономъ отправился въ землю *Осетинцевъ* (εἰς Ὀσσηνῶν, то-есть, Ἀλσων) и достигъ города, *Фостоборомъ* называемаго (=Φούστα), гдѣ они послѣ дивныхъ чудесъ просвѣтили многихъ.

Оставивъ Осетію, они посѣтили Абхазію и остановились въ городѣ *Севастѣ*, называемомъ нынѣ *Сухумомъ*, жители котораго приняли слово Божіе. Блаженный Андрей въ семъ городѣ оставилъ Симона Кананита съ прочими учениками, а самъ отправился въ землю *Джигетовъ* (Ζήχηα). Обитатели этой страны, *Джиги* (Ζήχηοι), были жестоки сердцемъ, погружены въ дѣлахъ нечестія, и потому они не приняли проповѣди апостола, а искали случая умертвить его, но благодать Божія сохранила его. Блаженный, видя ихъ грубость, жестокосердіе и непреклонность, удалился; посему *Джигетцы до сего времени остаются съ невѣріи*. Отселѣ отправился апостолъ Христовъ въ страну, называемую *верхнимъ Суадаюмъ* (εἰς τοὺς Σουδαῖος τοὺς ἄνω) ¹⁾, нынѣ *необитаемую*; жители ея съ радостію принали проповѣдь апостола.

Спустя нѣсколько времени, апостолъ посѣтилъ приморскій городъ *Босфоръ*, лежащій близъ земли *Таврогунновъ* ²⁾. Здѣсь указываютъ гробъ съ надписью имени Симона Зилота; могила же Симона Кананита находится въ городѣ *Никополѣ* (?), лежащемъ между Абхазіей и Джигетіей (=Никопсисѣ).

Въ Босфорѣ апостолъ своею проповѣдью многихъ обратилъ въ христіанство и утвердилъ въ вѣрѣ. Изъ Босфора онъ отправился въ *Феодосію*, городъ обширный и многолюдный, управляемый въ то время правителемъ по имени *Савроматомъ*. Нынѣ онъ въ развалинахъ

при сличеніи съ первоначальнымъ источникомъ отождествленіе Севастополя съ Сухумомъ (старый Сухумъ—во внутренности страны) признается не совсемъ точнымъ, потому что Севастополь есть древнѣйшая Діоскурія, и слѣдовательно находился тамъ, гдѣ теперь мѣстечко Iskourtsché или Isgaour, близъ рѣки Кодора (Kodor). *Анакофія*, Никопсисъ, Анакопи (=греч. ἀνακοπή) между Бомборами и старымъ Сухумомъ при устьѣ Псирста: на одной картѣ указана здѣсь гробница св. Симона и пр.

¹⁾ Переводчикъ грузинскаго житія замѣчаетъ, что въ 35 верстахъ отъ Владикавказа въ Осетіи существуетъ и нынѣ аулъ Суадагъ.

²⁾ Название Таврогунновъ замѣняетъ, вѣроятно, греческое: Тавро-скиновъ, и въ такомъ случаѣ означало бы, какъ всегда у Византійцевъ XI — XII вѣка, Русскихъ. Еслибъ оно стояло въ самомъ житіи Епифанія, то это имѣло бы извѣстную важность. Впрочемъ, земля Тавроскиновъ, находящаяся подъ властію Готовъ, упоминается въ житіи св. Іоанна Готскаго.

и безлюденъ. Малое число изъ жителей сего города убѣровали въ Спасителя, посему апостолъ оставилъ его и удалился въ *городъ Гот-говъ, Херсонесъ*, гдѣ обитали люди грубые и нечѣрные. Отъ пробилъ у нихъ долгое время, обращая ихъ къ вѣрѣ.

Оставивъ Херсонесъ, апостолъ въ другой разъ посѣтилъ Босфоръ, утверждая жителей въ вѣрѣ, а отсюда Чернымъ моремъ отправился въ городъ Синопъ.

По поводу посѣщенія Византіи, замѣчено, что здѣсь апостолъ построилъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Акрополисомъ, церковь во имя Пресвятой Богородицы, которая донинѣ находится вблизи вратъ городскихъ, называемыхъ *Авгенополъ*, а самая церковь называется *Армасономъ*.

Другія греческія житія св. апостола Андрея, между прочимъ упоминаемая въ библиотечныхъ каталогахъ похвала Арсенія Керкирскаго, остаются, сколько намъ извѣстно, не изданными, и потому намъ слѣдуетъ отмѣтить только двухъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ нашей темѣ, то-есть, Никиту Давида Пафлагонскаго и позднѣйшаго (XIV в.) церковнаго историка, патріарха Никифора Каллиста. Оба они объясняли себѣ пребываніе апостола въ землѣ аперопофаговъ нѣсколько иначе, чѣмъ Елифаній.

Никита Давидъ Пафлагонскій, извѣстный своею біографіей патріарха Игнатія и враждою къ памяти Фотія, жилъ въ концѣ IX и началѣ X столѣтія и оставилъ намъ, между прочимъ, цѣлый рядъ *похвальныхъ рѣчей* въ честь двѣнадцати апостоловъ и нѣкоторыхъ изъ семидесяти. Этотъ родъ сочиненій относился болѣе къ области церковнаго краснорѣчія, чѣмъ историческаго повѣствованія, и по понятіямъ того времени, особенно же самого Никиты, требовалъ прежде всего возвышенной, то-есть, искусственной фразеологіи, пышныхъ восклицаній и звонкихъ періодовъ, а относительно фактовъ—позволялъ ограничиваться одними общими указаніями и намеками. Тѣмъ не менѣе, по этимъ намекамъ и указаніямъ видно, что фактическая основа, которая облекается словесною пышною одеждою, заимствована въ рѣчахъ Никиты изъ той же самой, намъ извѣстной апокрифической литературы, хотя въ иныхъ случаяхъ, нужно думать, уже не прямо.

Въ похвалѣ апостолу Андрею для насъ важны слѣдующія два мѣста. Сказавъ, что послѣ сошествія Св. Духа, апостолы разсѣлись по разнымъ странамъ, ораторъ обращается къ Андрею:

„А ты, наиболѣе для меня достойный почитанія, Андрей: ты, достой-

нубожественная вещь, истиннаго мужества образецъ, твердости адамантъ, терпѣнія статуя (ἀνδρία) послѣ камня камень (μετὰ τὴν πέτραν πέτρα), тотчасъ послѣ Христа несокрушимое церкви основаніе! *Получивъ изъ удѣлъ сѣверъ*, ты обходилъ *Иверовъ* (Грузію) и *Сарматовъ, Тавровъ и Скифовъ*, всякую страну и городъ, которые лежатъ на сѣверѣ Евксинскаго Понта и которые расположены на его югѣ ¹⁾.

„Какъ прежде противу Христа поднялась іудейская рука, такъ противъ Андрея воздвиглась рука *скиоскан*: стремительная ярость царей, человекоубійственное устремленіе князей и *зѣтское совозстаніе народовъ*; и отсюда—темницы и бичи, *волоченія* (по землѣ) и *разрываніе членовъ* (ἐλκυσμοί τε καὶ μέλων σκαρπηροί); и сверхъ того, деревья и камни и сѣкиры и все попавшееся въ кровожадныя руки (ταῖς μαφόνακς χερσίν)—всякое оружіе направлялось противъ честной его главы.

„Итакъ, обвинявъ благовѣстіемъ *всю страну сѣвера и всю прибрежную область Понта* въ силѣ слова, мудрости и разума, въ силѣ чудесъ и знаменій, вездѣ поставивъ для вѣрующихъ жертвенники, священниковъ и іерарховъ, онъ приблизился къ оной славной Византіи“.

У того же автора въ Похвалѣ апостолу Матію, отличасмому, конечно, отъ Матеѣя, мы читаемъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Слѣдуетъ удивляться всѣмъ *хожденіямъ* (τὰς περιόδους) блаженнѣйшаго апостола и подвигамъ, которые онъ совершилъ во всѣхъ народахъ во время своего обхожденіи, какъ дѣламъ знаменитѣйшимъ и достойнобожественнѣйшимъ; но преимущественно (слѣдуетъ удивляться) тому мужеству, которое онъ явилъ *посреди живущихъ въ Первой Эѳіопіи, среди этихъ людей, черныхъ тѣломъ*, но еще болѣе черныхъ смысломъ и душою, ни въ чемъ не отличающихся отъ сыродныхъ зѣтрей“, и т. д.

Что касается Эѳіопіи, въ которой проповѣдывалъ Андрей, то Никита Пафлагонянинъ не даетъ никакихъ ближайшихъ опредѣленій объ ея мѣстонахожденіи. Очень вѣроятно, что онъ разумѣлъ здѣсь ту же самую Эѳіопію, восточную, о которой говорится у него въ Похвалѣ апостолу Вареоломею, или которая ознаменована была проповѣдію Θомы, и слѣдовательно, какъ указано въ надлежащемъ мѣстѣ

¹⁾ Τὸν βορρᾶν κληρωθεὶς, Ἰβήρας καὶ Σαυρομάτας, Ταύρους καὶ Σκύθας, καὶ πᾶσαν χώραν καὶ πόλιν, βασι τε πρὸς ἄρхτον Εὐξείνιου τοῦ πόντου καὶ βασι πρὸς νότον διακρίνεται περιῶν.

другой Похвалы, сосѣдила съ Индіей или даже въ ней находилась. *Скиѣская же рука*, поднимавшаяся противъ Андрея, безъ сомнѣнія— не есть рука жителей Синопа, такъ какъ выше упомянуты Скиѣи и Тавры. Нельзя съ увѣренностію утверждать, что Никита Пафлагонинъ, сопоставляя эти два слова, думалъ ужъ объ извѣстномъ ему „*Скиѣскомъ народѣ Русѣ*“, какъ это было бы несомнѣнно относительно какого-либо позднѣйшаго византійскаго писателя ¹⁾; но во всякомъ случаѣ его Скиѣи будутъ находиться на сѣверной сторонѣ Понта и, слѣдовательно, находиться въ теперешнихъ русскихъ предѣлахъ.

Никифоръ Каллистъ, въ своей церковной исторіи, излагая отдѣлъ объ апостольской проповѣди, допускалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользованіе апокрифическими хожденіями. Пребываніе апостола Матвея въ *Мирминнѣ* (Μυρμίνη), *городѣ анеропофаговъ*, рассказано прямо по извѣстному намъ отреченному источнику, изъ котораго мы привели выше начальныя строки (о деревѣ, выросшемъ изъ жезла). Но и отличаемый отъ Матвея апостолъ Матѣй, прибывъ въ *Первую Зоіонію*, очень много пострадалъ отъ *злѣрства* и *ненависти* тамошнихъ неразумныхъ народовъ (разумѣются тѣ же анеропофаги), и т. д. ²⁾. Наконецъ, прямо упомянута и область анеропофаговъ, доставшаяся въ удѣлъ апостолу Андрею и помѣщаемая на сѣверѣ Чернаго моря: „Апостолу Андрею по жребію досталось идти къ язычникамъ, именно въ Каппадокію, Галатію и Вигенію; обошедши оныя, онъ посѣтилъ также страну, которая называется *страною Анеропофаговъ*, и пустыни Скиѣскія по обоимъ берегамъ Евксинскаго Понта — сѣверному и южному.

IV.

Тѣ изъ греческихъ писателей, которые, подобно Никитѣ Пафлагонскому и Никифору Каллисту, помѣщали анеропофаговъ, посѣщенныхъ апостолами Андреемъ и Матѣемъ (=Матѣемъ), въ сѣверной

¹⁾ У Анны Комнины и у Киннама Ταῦροι καὶ Σκύθαι просто означаютъ Русскихъ: это своего рода ἑν διὰ βοῶν. Равнымъ образомъ и другая описательная форма: οἱ περὶ τὸν Ταῦρον Σκύθαι—едва ли заключаетъ въ себѣ какое-либо опредѣленное указаніе на гору Тавръ, а скорѣе должна быть отнесена на счетъ византійской привычки выражаться кудрявыми оборотами, почтаемыми за болѣе классическіе.

²⁾ Ματθαῖος δὲ τῇ πρώτῃ Αἰθιοπία προσβαλὼν καὶ τῇ θηριωδίᾳ καὶ ἀκαυχείᾳ τῶν ἀλογιστῶν ἐκείνων ἐθνῶν πλείστα πεποννημένος.

Скиѣи, разумѣли, конечно, ту Скиѣю, которая была наиболѣе извѣстна въ ихъ времена, и еслибы мы могли потребовать отъ нихъ прямого объясненія, то, вѣроятно, они назвали бы Россію. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что другое названіе для земли анеропофаговъ, тоже очень древнее, было извѣстно Византіянамъ X и XI вѣковъ и прилагалось прямо къ землѣ Русской, хотя сначала служило для обозначенія Болгаръ за то время, когда они обитали на востокѣ Азовскаго моря. Это любопытное названіе есть Мирмидоняне и Мирмидонія. Уже много разъ были приводимы слова болгарскаго переводчика Малалы: „сіи Ахиллеусъ имый вою свои, иже нарицахуся тогда *Мурмидонесъ*, нынѣ *Болгаре*“, но только князь П. П. Вяземскій (Замѣчанія на слово о Плѣку Игоревѣ, стр. 121) замѣтилъ, что отождествленіе Мирмидонянъ и Болгаръ находится уже въ греческомъ текстѣ Малалы, слѣдовательно, древнѣе поселенія Болгаръ во Фракіи, гдѣ все-таки никогда и нигдѣ не предполагалось существованія Мирмидонянъ греческихъ: настоящая родина послѣднихъ — островъ Эгина и Фессалія¹⁾.

Болгары названы Мирмидонянами не потому, что они поселились на мѣстахъ жительства греческихъ Мирмидонянъ, воевавшихъ подъ Троей съ Ахиллесомъ; напротивъ того, имя Мирмидонянъ перенесено на старинную родину Болгаръ: обстоятельство, находящееся въ связи съ древнимъ распространеніемъ культа Ахиллеса на сѣверѣ Чернаго моря и около Мэотійскаго озера, съ существованіемъ нѣсколькихъ мѣстъ, посвященныхъ этому культу, каковы *Ахиллеонъ* Страбона (XI, 494) около Керченскаго пролива, безлюдное мѣстечко Левки въ Тавридѣ (Ammian Marcell., XXII, 8, 6) и знаменитый *Ахиллесовъ* *дромъ* или бѣгъ около Днѣпровскаго устья, откуда, полагають, пошло названіе Руси Дромитами. Городъ *Мирмикіонъ* (Μυρμικίων), находившійся въ сосѣдствѣ съ Ахиллеономъ на Мэотійскомъ озерѣ и упоминаемый Страбономъ и Арріаномъ, рѣка *Мермодасъ* (Μερμόδας), впадавшая въ то же Мэотійское болото и раздѣлявшая земли Сираховъ и Амазоновъ, о которой упоминаетъ въ нѣсколько сомнительномъ мѣстѣ одинъ Страбонъ (XI, 5, 505),—для Грековъ, производившихъ своихъ Мирмидонянъ отъ муравьевъ (μύρμηξ γῆρας), одинаково могли служить поводомъ къ дальнѣйшему развитію темы о предпо-

¹⁾ У Малалы въ изложеніи Троянскаго похода, читается (Chronogr., pag. 97 по Воннск. изд.): ὁ Ἀχιλλεύς, ἔχων ἴδιον στρατὸν τῶν λεγομένων Μυρμιδόνων τότε, νυνὶ δὲ λεγομένων Βουλγάρων.

лагаемомъ пребываніи Ахиллеса въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ и о личномъ установленіи имъ бѣга на Тендерской косѣ¹⁾). Образовалось мнѣніе, что не только Мирмидоняне жили или поселились въ странахъ при-Маотійскихъ, но что и самъ Ахиллесъ происходилъ оттуда. Левъ Діаконъ, византійскій писатель X вѣка, утверждаетъ, дѣлая не совсѣмъ для насъ понятную, и конечно, неточную ссылку на Арріана²⁾, что Ахиллесъ былъ собственно—Скиезъ, родомъ изъ Мирмикіона, и даже по всѣмъ признакамъ—Тавроскиезъ, то-есть, Русскій: свѣтлые волосы, голубые глаза, пѣшій бой, и нѣкоторыя другія черты служили тому доказательствомъ. На оборотъ, погребальные обычаи Руси, показавшіеся Льву Діакону сходными съ языческими еллинскими, вели свое начало, по его мнѣнію, отъ спутниковъ Ахиллеса: то-есть, отъ Мирмидонянъ. Не смотря на нѣкоторую запутанность и неотчетливость представленій, замѣчаемую въ этихъ объясненіяхъ, нужно все-таки полагать, что въ глазахъ Льва Діакона Мирмидонія находилась въ тѣхъ же областяхъ, какъ и у Малала, и что теперь древніе Мирмидоняне уже считались предками Русскихъ, а владѣнія Русскихъ около Азовскаго моря—Мирмидоніей³⁾). Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ XI вѣкѣ имя Мирмидонянъ, на ряду съ другими унаслѣдованными отъ классической древности названіями, служило для обозначенія Русскихъ. Такъ, Атталиота, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ и разумныхъ византійскихъ писателей, жившій въ концѣ означеннаго столѣтія, рассказываетъ, что часть Узовъ (=Торковъ, Половцевъ), вторгнувшись въ предѣлы имперіи и разбитыхъ наголову Греками, перешла обратно на сѣверную сторону Дуная и потомъ покорилась князю *Мирмидоняну*, который и поселилъ ихъ въ своихъ городахъ⁴⁾). Идетъ ли здѣсь рѣчь о томъ поселеніи Узовъ или Г'узовъ, которому обязаны своимъ происхожденіемъ Гупулы Галиційскіе, или о другомъ какомъ изъ торкскихъ поселеній въ Кіевской Руси,—этого мы положительно не знаемъ,

¹⁾ Ammian Marcellin., XXII, 8, 41: Gracile litus Achilleos vocant indigenae dromon, exercitiis ducis quondam Thessali memorabilem.

²⁾ У Арріана нѣтъ тѣхъ словъ объ Ахиллесѣ, на которыя ссылается Левъ Діаконъ, но въ другихъ периплахъ читаются слова: Στόμιον τῆς Μαίωτιδος, ἤτοι Λυλλείου κόμη (Ponti Euxini Periplus Anonymi), что быть можетъ было бы достаточно для Льва Діакона.

³⁾ Можетъ быть, тутъ слѣдуетъ припомнить и Черную Болгарію, на которую только недавно обратили вниманіе наши изслѣдователи.

⁴⁾ Attaliota, pag. 87: Καὶ τοὺτους φασὶ τῷ Μιρμιδόναν ἀρχόντι προσεῖναι καὶ παρ' αὐτοῦ διασπαρῆναι ταῖς ἀμφ' αὐτοῦ πόλεσι.

но что никакой другой князь, кромѣ Русскаго не можетъ быть здѣсь разумѣемъ, это вполне очевидно ужъ изъ указанія на сѣверъ Дуная.

Если имя Мирмидонянъ встрѣчается и въ другомъ мѣстѣ, уже на самомъ югѣ Балканскаго полуострова, то оно опять-таки у Византійцевъ прилагается къ Славянскому племени, и нужно думать, перешло сюда вмѣстѣ съ нимъ съ далекаго сѣвера. Въ одномъ греческомъ житіи, редакція котораго относится къ половинѣ XII вѣка, а первоначальное написаніе къ первой половинѣ XI вѣка, славянскіе *Милиити*, поселившіеся съ давняго времени въ Лаконіи, слѣдовательно, сосѣди Мессинскихъ Кривичей, названы *Мисмидонянами*, то-есть, безъ сомнѣнія—Мирмидонянами ¹⁾. Можетъ быть, они же первоначально осмѣивались а въ одной шутиливой и забавной критской пѣснѣ, недавно напечатанной, 'Ο μέρμηγας, заглавіе пѣсни, значитъ муравей и напоминаетъ Мирмидонянъ, и въ другой своей формѣ—μελιγχοῦν—названіе муравья, было бы еще ближе къ Милингамъ или Мелингамъ. На всякій случай мы приводимъ самую пѣсню ²⁾:

'Ο Μέρμηγας.
'Απάντηξε μ' ὁ μέρμηγας
Σέρβου 'γιέ, Σέρβης ὕγιέ,
'Σὲ σελάκι μου, καλέ,
Κ' εἶχε τ' ἀτζὶ στριμμένο,
Τὸ μπράτσο σηκωμένο,
'Οβρεῖκά ντομένος
Τουρκικ' ἀρματωμένος,
Κ' ἦτον καὶ μέρμηγας.
Κ' εἰς τὴν Συρίαν ἐπήγαγε
Σέρβου 'γιέ, Σέρβης ὕγιέ,
'Ογιά νά πολεμήσῃ,
Γιὰ ἰδίς τὸ μέρμηγα.
'Σ τὴ στράτα τοῦ συναπαντοῦν
Σαρακηνοὶ καὶ Μῶροι,
Σέρβου γιέ, Σέρβης ὕγιέ,
Σάραντα Γιανισαίροι.

¹⁾ Въ житіи св. Никона Метахонте (Покайтесь): онъ жилъ въ концѣ X столѣтія и въ началѣ XI, а его любопытное и подробное жизнеописаніе, изданное только въ латинскомъ переводѣ, по всѣмъ признакамъ, первоначально составлено было современникомъ. Въ немъ читается: *Maligni quidam spiritus ex ethnicorum gente, quos indigenae Milingos pro Mysmidonibus vocant, homines cruentos et latrociniiis innutritos incitarunt, ut monasterii pecora — — praedarentur.* См. *Martène et Durand, Veter. Scriptor. Amplias. Collect.*, VI, 879.

²⁾ *Jeannarakí, "Ασματα χρητικά*, pag. 104.

То-есть:

Встрѣтися со мною муравей (Мермика),
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ ¹⁾,
 На полъ моемъ, прекрасный!
 И онъ нѣмъ' бедро вывихнутое,
 И руку подвигую,
 По еврейски одѣтый,
 По турецки вооруженный,
 А былъ притомъ и муравей (Мермика).
 И отпавился онъ въ Сирію,
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ!
 Для того чтобы тамъ воевать:
 Посмотри-ка на муравья!
 На улицѣ съ нимъ встрѣтились
 Саракины и Мавры,
 Сербина сынъ, Сербянки сынъ!
 И сорокъ Янычаровъ.

Предоставляя знатокамъ объясненіе этой странной пѣсни о воинственномъ муравѣ, мы замѣтимъ только, что примѣсь одного сравнительно новаго имени Янычаровъ къ другимъ болѣе стариннымъ (Саракинамъ и Маврамъ) еще не даетъ основанія считать ее слишкомъ молодою и не помѣшаетъ думать, что ее распѣвали на Критѣ въ тотъ еще періодъ, когда византійскія войска ходили на борьбу съ невѣрными въ Сирію, а славянскіе обитатели южнаго Пеллопониса составляли привилегированное населеніе, обязанное одною военною службой императору, какъ это было до покоренія Франками „дрома Мелипговъ“ (τῶν Μελιγγῶν ὁ δρόμος=ὁ Μελιγγῶν ὁ δρόμος; см. Морейскую хронику)...

Какъ бы то ни было, Мирмидоняне-Болгары Іоанна Малала, замѣчанія Льва Діакона о родствѣ Руси съ Ахиллесомъ или его дружиной и выраженіе, употребленное Атталіотомъ для обозначенія Русскаго князя, объясняютъ себя взаимно и объясняютъ для насъ значеніе Мирмидоніи, и слѣдовательно, Мирмины (или Мурмены), замѣняющей въ разныхъ изложеніяхъ извѣстнаго намъ апокрифа, а отчасти и въ самомъ апокрифѣ, страну анеропофаговъ. Самое знакомство Атталіоты съ книжнымъ, мертвымъ и все-таки необычнымъ у историческихъ писателей терминомъ есть, вѣроятно, плодъ начитанности въ церковной литературѣ апостольскихъ хожденій, очищенныхъ отъ еретической первоначальной закваски. Въ такомъ случаѣ прихо-

¹⁾ Слова эти имѣютъ видъ призыва (refrain) и стоятъ въ звательномъ падежѣ.

дилось бы допустить, что не одинъ только Аттالیота, но и другіе его современники безъ всякихъ дальнихъ разсужденій предполакали, что въ числѣ странъ, посѣщенныхъ апостоломъ Андреемъ, находилась и Россія, и что именно эта страна разумѣлась подъ извѣстными названіями въ церковной литературѣ.

Въ письмѣ Византійскаго императора Михаила VII Дуки, которое какъ мы доказали въ одной изъ своихъ предыдущихъ статей, было предназначаемо для Русскаго князя Всеволода Ярославича, секретарь императора, современникъ Аттالیоты, Михаилъ Пселлъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Духовныя книги достовѣрны и исторіи научаютъ меня, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что *одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства* и его вѣстники *просозмасили* въ нихъ слово Евангелія“.

Объясняя послѣднія слова, мы замѣтили, что въ нихъ заключается указаніе на какое-то церковное преданіе, которое, съ одной стороны, не было общераспространеннымъ свѣдѣніемъ или убѣжденіемъ, такъ что при указаніи на него требовалось сослаться на достовѣрныя исторіи, а съ другой—не было основано на прямомъ свѣдѣтельствѣ Священнаго Писанія, такъ что въ подтвержденіе его нельзя было указать просто на священныя книги, а только на духовныя. Мы приняли, что въ грамотѣ содержится прямая ссылка на преданіе объ апостолѣ Андрѣѣ, который здѣсь представляется не только основателемъ Константинопольской церкви, но и первымъ провозвѣстникомъ Евангелія въ Русской землѣ. Теперь мы можемъ прибавить только то замѣчаніе, что, быть можетъ, выраженіе „*ἐρατῆραι βίβλοι*“ всего скорѣе шло къ такого рода литературѣ, какую представляли обращавшіяся въ православной церкви исправленныя „хожденія“ апостоловъ.

Что касается русскаго сказанія, внесеннаго въ нашу первоначальную лѣтопись, то оно находится, конечно, въ связи съ указанными сейчасъ учеными мнѣніями Византійцевъ XI вѣка и ведетъ свою родословную отъ тѣхъ же гностическихъ хожденій, которыя нами выше были изложены ¹⁾. Странными представляются по основ-

---

¹⁾ Что сказаніе не принадлежитъ самому составителю первоначальной лѣтописи, а существовало до него, это видно изъ другихъ мѣстъ въ той же лѣтописи, гдѣ говорится, что тѣмъ апостолами не были въ Русской землѣ, и которыя, следовательно, представляютъ прямое противорѣчіе сказанію.

ная тема сказанія и не ея мотивы, а только ея развитіе и подробности, едва-ли объяснимы изъ дошедшихъ до насъ апокрифическихъ источниковъ. Какъ скоро признано было несомнѣннымъ путешествіе апостола Андрея по Русской землѣ, то уже было вполнѣ естественно привести его на то мѣсто, гдѣ потомъ явился Кіевъ, мать городовъ Русскихъ, еслибы даже и не было для этого какого-либо особеннаго повода или въ древнемъ храмѣ въ честь Первозваннаго, или же въ древнемъ обычаѣ ставить кресты на горахъ и возвышенностяхъ. Въ Византіи, мы знаемъ, былъ древній крестъ, сдѣланный, по преданію, руками апостола и имъ самимъ поставленный на извѣстномъ мѣстѣ (Codin., De aedificiis, p. 119); очень возможно, что въ XI—XII вѣкахъ подобное же преданіе существовало въ Русскомъ народѣ, среди Кіевского населенія. Наивный эпизодъ о новгородскихъ баняхъ и о жестокомъ обычаѣ париться молодыми прутьями, будто бы поразившемъ апостола, было бы возможно объяснить или своего рода простодушнымъ рационализмомъ, сдѣлавшимъ баню изъ того источника, который вытекъ изъ-подъ жезла, посаженнаго апостоломъ Матіемъ въ землѣ Мирмидоніи, и который послужилъ цѣлебною банею для антропофаговъ, или же признать здѣсь совершенное искаженіе и только глухой отголосокъ этой частной черты въ апокрифѣ, повѣствующемъ о спутникѣ св. Андрея. Путешествіе апостола въ землю Варяговъ, представляемую на пути изъ Новгорода въ Римъ, могло бы быть считаемо за домысль русскаго книжника, вызванный неудачнымъ толкованіемъ слова Мирмина (=Мирмидоніи), то-есть, отождествленіемъ Мирминской, или по другому произношенію, Мурманской страны съ Урманами или Мурманами, упомянутыми въ лѣтописи въ числѣ Варяжскихъ народовъ и соотвѣтствующими Норвежцамъ. Всѣ такія догадки были бы, однако, болѣе или менѣе излишни въ виду того важнаго соображенія, что до насъ дошли или не всѣ „хожденія“ апостола Андрея, или далеко не въ полномъ видѣ, и что нѣкоторыя изъ утраченныхъ редакцій или же частей ихъ могли быть извѣстны на Руси XI—XII вѣковъ. Статья „О началѣ Русскія земли и созданіи Новграда“, читаемая въ русскомъ хронографѣ позднѣйшей редакціи ¹⁾, служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ такому соображенію. Здѣсь мы находимъ разказъ о князьяхъ Русскихъ *Халохъ* и *Латеръ*

¹⁾ См. А. Н. Попова, Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографъ русской редакціи, стр. 442 и сл.; Ср. Обзоръ хронографовъ, II, 204.

мъ, о томъ, какъ они, съ безчисленнымъ количествомъ „русскихъ вой“, ходили подъ стѣны Константинополя, при чемъ храбрый Лахернъ былъ убитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ была выстроена Лахернская (=Влахернская) церковь Богородицы, а Халохъ раненый возвратился во свояси съ оставшимися въ живыхъ русскими воинами. Затѣмъ авторъ статьи переходитъ къ характеристикѣ русскаго быта, современнаго этимъ князьямъ, жившимъ много лѣтъ послѣ Александра Македонскаго, но ранѣе построенія Влахернскаго храма императоромъ Маркіаномъ и его супругою Пульхеріей: „Живуще тогда отнюдь погани яко скоть, не имуще закона. О нихъ же свидѣтельствуєтъ въ *хожденіи своемъ блаженный Андрей Первозванный*, яко отнудъ невѣгласи тогда и погани быша. Въ сихъ же, рече, тогда княжиша два брата, единому имя Діюлєсь, а другому Дидалакхъ, невѣгласи же боги ихъ нарицаху тогда за то, иже пчелы имъ неѣзше п борти верхъ древія устроиша“ (Изборникъ, стр. 446). Ученый авторъ сочиненія о хронографахъ, соглашаясь въ этомъ съ другими изслѣдователями, признаєтъ, что помимо произвольныхъ вымысловъ, основанныхъ на весьма незамысловатыхъ генеалогическихъ олицетвореніяхъ, въ „Повѣсти“ сохранился и слабый отголосокъ русскихъ народныхъ преданій (Обзоръ хронографовъ, II, 205). Слѣдуетъ признать также, что сочинитель „Повѣсти“ тѣмъ или другимъ путемъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми византійскими источниками, не всѣмъ доступными. Онъ прямо ссылается на греческую исторію говоря, *о казаніи сиродитъ*, въ которомъ слѣдуетъ признать предводителя Печенѣжской орды, перешедшей изъ-за Дуная (Истеръ) въ предѣлы Восточной имперіи, по имени Кегена, хотя онъ и былъ современникомъ императора Константина Мономаха. Этимологія, объясняющая названіе знаменитаго Влахернскаго храма въ Константинополѣ, равнымъ образомъ принадлежитъ первоначально греческимъ источникамъ. Замѣтка о Скиѣскомъ князѣ Влахернѣ, убитомъ на мѣстѣ построенной послѣ Влахернской церкви, читается въ греческомъ Ватиканскомъ спискѣ хроники Амартола, при разказѣ о нашествіи Руси на Цареградъ въ 865 году, и отсюда перешла въ славянскіе и русскіе хронографы (Изборникъ, стр. 4, 136; ср. 1, 168) ¹⁾. Но нашъ авторъ

¹⁾ Hamartol, ed. *Murali*, pag. 137: Εἰς τὸν ἐν Βλαχέρναις τῆς Θεοδοῦκος καταλόντες ναὸν... τὴν δὲ προσωνομίαν ταύτην προσέληφεν ἀπὸ τινος ἀρχηγοῦ Σκύθου Βλαχέρνου καλουμένου ἀναϊρεθέντος ἐκείσε. Козинъ (De aedific., pag. 96) въ числѣ другихъ этимологій приводитъ и ту, по которой названіе происходило отъ гробницы нѣкоего Влаха (Βλάχου τινος), находившейся на мѣстѣ позднѣйшаго храма.

знаетъ не одного Лахерна, а также и Халоха, который тоже долженъ принадлежать Византійскому источнику и отчасти напоминаетъ Хамуха, „древняго мужа“, сообщившаго свое имя одной мѣстности въ Зикхи (Хароу): послѣдній извѣстенъ только изъ одной замѣтки, находящейся въ концѣ сочиненія Константина Багрянороднаго объ управленіи имперіей. И такъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что авторъ „Повѣсти о началѣ Русскія земли“ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ рукахъ тотъ источникъ, на который онъ ссылается, то-есть, какое-то хожденіе апостола Андрея въ такой редакціи, гдѣ рѣчь ведена была отъ имени апостола, или другими словами — въ наиболѣе древней, до насъ уже не дошедшей формѣ апокрифическихъ сказаній такого рода. Это не было хожденіе въ страну аноропофаговъ или Миридония, потому что имена князей—Діулесъ и Дидалакхъ, не соответствуютъ Мирменскимъ Фулванамъ (Φουλβανός), упомянутымъ въ дѣяніяхъ Матеѣя (=Матеѣя). Слѣдуетъ ли думать о хожденіи „въ страну варварскую“, одинъ отрывокъ котораго, сохранившійся только въ русскомъ переводѣ, уже приведенъ былъ нами во второй главѣ,—мы тоже не въ состояніи утверждать положительно.

Достоверно, а также и важно для насъ только то, что въ русской старинной литературѣ есть слѣды такихъ сказаній объ апостолѣ Андрѣѣ, какія намъ теперь уже недоступны, и что эти сказанія, подобно хожденію въ землю аноропофаговъ, могли быть относимы къ Скиѣи, и потому, съ нѣкоторымъ правомъ, приурочивались позднѣе къ Русской землѣ. Еслибы такихъ памятниковъ дошло до насъ большее количество, то безъ сомнѣнія, разъяснилось бы наиболѣе простымъ и удовлетворительнымъ образомъ многое, что теперь затрудняетъ и сводитъ съ прямой дороги любознательнаго историка и пытливаго изслѣдователя старины¹⁾. Въ частности мы можемъ думать, что не только русское сказаніе о путешествіи апостола Андрея по Русской землѣ, внесенное въ нашу лѣтопись, основано прямо на какомъ-либо недошедшемъ до насъ изводѣ „хожденія“, но что и въ византійской литературѣ нѣкоторые понятія о Русской землѣ и нѣкоторые термины для ея обозначенія поддерживались знакомствомъ съ апо-

¹⁾ Между прочимъ, нужно пожалѣть, что сколько намъ извѣстно, остается не изданною исландская сага объ апостолѣ Андрѣѣ; если она и не представляетъ ничего особеннаго по своему содержанію, то во всякомъ случаѣ было бы любопытно познакомиться съ ея географическими терминами.

крифами, и что не только Мирмидонія, но и самый Самватѣсъ (название Кіева у Константина Багрянороднаго), надъ которымъ мы столько ломаемъ головы, имѣютъ или имѣли бы свое настоящее объясненіе въ географической номенклатурѣ отреченныхъ книгъ ¹⁾.

В. Васильевскій.

¹⁾ Находится ли въ какой связи съ сказаніями о хожденіяхъ апостола Андрея преданіе о мученикахъ Иннѣ, Риммѣ и Пиннѣ, рѣшить невозможно. Это преданіе дошло до насъ только въ краткомъ изложеніи греческихъ Миней, и притомъ въ двойной редакціи. Въ одной, болѣе краткой (см. венеціанское изданіе Миней), говорится весьма неопредѣленно, что эти святые «были изъ одной сѣверной страны (Οὗτοι ὡφρας τινος τῆς κατ' ἀρχαίον ὑπάρχοντες), и схваченные идолопоклонствующими варварами, были представлены князю страны, который осудилъ ихъ за исповѣданіе Христа на смерть отъ лѣдъ». Затѣмъ описывается самый родъ казни: они привязаны были къ деревьямъ, избитымъ посреди проглуби въ замерзшей рѣкѣ, и такъ какъ это было во время особенно лютой зимы, то они скоро замерзли. Въ другой, болѣе пространной редакціи, которая уже находится въ мѣсяцесловѣ Василія, мѣсто и время событія обозначено точнѣе: «Эти святые были изъ Скиѣи, изъ страны сѣверной, ученики св. апостола Андрея. Уча объ имени Христа, они обратили многихъ варваровъ къ истинной вѣрѣ и крестили ихъ. За это были схвачены княземъ варваровъ» и т. д. Самыя имена святыхъ (Ἰννᾶς, Πιννᾶς, Ῥιμμᾶς) не даютъ ключа къ рѣшенію возникающихъ вопросовъ, хотя Болландистамъ они напоминали нижне-нѣмецкое (голландское?) нарѣчіе. Надписи при-Дунайскихъ областей (Mommien, Corpus inscriptionum, t. III) даютъ намъ слѣдующіи подобозвучныя названія: *Enna*, *Oppalonis filia*, и *Enna*, *Rui filia* (№№ 3793, 3821 и 3802), и также *Enno*, *Secconis filius* (№ 3861); все это въ перхней Панионіи около Савы (вблизи Любляны); *Remmia filia*, только однажды въ Далмацин (№ 3125), *Pinnius* (№ 571) въ Греціи и (№ 6243²) на керченской амфорѣ и *Pinnia* (2308) въ Далмацин, наконецъ *Enna* (въ Мезин на Сербской Моравѣ № 6316): послѣдняя форма соответствуетъ болѣе чтенію славянскихъ переводовъ статьи минологія (Еннѣ, Ниринѣ и Пиннѣ). На сколько это подтверждаетъ предположеніе, что подъ сѣвровою страной или Скиѣей нужно разумѣть при-Дунайскую Малую Скиѣю, — предоставляется судить читателямъ (Ср. арх. Сербія, Полный мѣсяцесловъ Восточной церкви, прим. къ 20-му января и приведенную тамъ ссылку изъ сочиненія Филарета Черниговскаго). Нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету, можетъ быть, имѣетъ и краткое сказаніе о мученикѣ Дасіѣ, помѣщаемое въ Минеяхъ подъ 20-мъ ноября, и тоже въ двухъ редакціяхъ, хотя событіе относится ко времени (Диоклетіана и) Максимиана. Здѣсь разказывается, что въ городѣ при-Дунайскомъ Доростолѣ былъ обычай ежегодно во время одного праздника приносить въ жертву Хроносу юнаго и красиваго воина; тотъ, на кого падалъ жребій, въ продолженіе 30 дней пользовался самымъ роскошнымъ содержаніемъ и уже затѣмъ былъ заколаемъ. Имя Дасія (Δάσιος) часто встрѣчается въ при-Дунайскихъ надписяхъ (*Dasius* и *Dassius*).

ОПЫТЫ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ.

II.

Берта, Анастасія и Пятница ¹⁾).

V Недѣля-Анастасія (Domenica-Anastasia) и Пятница-Параскева.

Суетѣрія, обставившія народное почитаніе пятницы, одинаково окружили и культъ воскресенья ²⁾; и тамъ, и здѣсь развитіе совершалось по одному пути и въ тѣхъ же формахъ: отъ церковнаго правила до апокрифическихъ легендъ, и далѣе — до ихъ многочисленныхъ отраженій въ бытѣ и представленіяхъ народа. Но на томъ развитіе не остановилось, или лучше сказать, оно выразилось еще въ новыхъ формахъ, на которыхъ легче всего можно будетъ изучить самозарожденіе мифа: воскресенье и пятница не только явились вѣщими днями, но и олицетворились, представляются намъ живыми мифическими лицами. Въ одной сербской пѣснѣ ³⁾ св. Пятница и св. Недѣля сидятъ въ монастырѣ Павловѣ за золотыми столами вмѣстѣ съ Ильей и Саввой, Маріей и Николаемъ; или: Богородица водить въ небѣ „коло“: „А уза ѣудвије свете *душе*, Света Петка и света Неѣлья“ ⁴⁾. Шалопутская молитва, читаемая надъ умирающимъ, говоритъ о свв. Понедѣльникѣ, Пятницѣ и Средѣ паравѣ съ другими святыми:

*Святій Понедѣлочку,
Божій, Господній вѣшнику,*

¹⁾ *Продолженіе*. См. юньскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1876 г.

²⁾ См. мою статью: *Эпистола о недѣлѣ и Wuttke*, I. c., § 66 и въ *Regi ster ad v. Sonntag*.

³⁾ *Безсон.*, Кал. III, № 130; *Краджичъ*, II, стр. 99—101; см. собрание *Миладиновича*, I. c. № 36.

⁴⁾ *Краджичъ*, Серб. нар. пј. из Херцеговине, № 326.

Що по морямъ кладки кладеш,
 А невольника з неволі визволяєш,
 Прийми душу раба Божого
 Да понеси на небеса;
Там святя П'ятниця,
Наша пречистая матінка,
А правая Середа
 І уся наша праведна рідня,
 Святя громада:
 Олекса теплий і Марко прочесний и т. д.

„Святя святица, небесна цариця, П'ятінко-матінко, галалуй мене, грішную старенькую“, читается въ одномъ народномъ малорусскомъ переложеніи Отче нашъ, вѣроятно, такого же хлыстовскаго происхожденія, какъ и предыдущая молитва ¹⁾.

Сербскія ²⁾ и славонскія ³⁾ пѣсни взываютъ къ Богу и младої Недѣлѣ; чешскій заговоръ соединяетъ: „Pozdrav tě Buh, Neděle svatá“ и „Duch Svatý“ ⁴⁾; въ валашскихъ сказкахъ ⁵⁾ Среда, Пятница и Воскресенье являются сверхъестественными существами, носятъ названіе „святой матери“: maica Mercuri, maica Vinire, maica Duminesca. Олицетвореніе это довольно древнее, и до появленія его въ народной сказкѣ прошло не мало времени. Уже въ греческомъ текстѣ Апокалипсиса Маріи Богородица обращается къ архангелу Михаилу съ вопросомъ: ποῦ ἡ προφητῖα Μωϋσεως ποῦ εἰσὶν πάντες οἱ προφῆται, ποῦ ὁ ἅγιος Παῦλος ὁ ἡγαπημένος τοῦ Θεοῦ, ποῦ ἡ ἀγία χορηγὴ, τὸ ταῖχος τῶν χριστιανῶν; въ славянскомъ текстѣ: „где-ли кѣсть недѣли, похвала крѣстьянская“ ⁶⁾; у *Тихонова*, по тексту Хожденія № 2: „где кѣсть свете Петка, мѣр'ска похвала“. Мы еще не дошли до живаго образа и остановились на степени аллегоріи, какъ доказываетъ непосредственно слѣдующій вопросъ: ποῦ ἡ δύναμις τοῦ τιμίου σταυροῦ, где-ли кѣсть сила чѣстнаго креста?

Полное олицетвореніе находимъ мы въ одномъ греческомъ апокрифѣ, въ которомъ *Жидель* призналъ особую редакцію Апокалипсиса

¹⁾ *Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и разказы, стр. 36—39.

²⁾ *Карадж.*, I, 138.

³⁾ *Ліѣ*, 40, 47, 52.

⁴⁾ *Houska*, 540.

⁵⁾ *Schott*, Walachische Märchen, № 11, 23 и 25 и стр. 299.

⁶⁾ *Срезневскій*, Древн. Пам. Русск. письма и языка, 214, 215, (тамъ же греч. текстъ); *Тихоново*, Пам., II, № 1 стр. 18; другіе тексты тамъ же, № 2 и у *Питина*, Пам. стар. рус. литер. III 118—124.

св. Павла и отнесъ ее къ концу X вѣка ¹⁾. Здѣсь святая Среда (ή ἁγία τετράδη), св. Пятница (ή ἁγία Παρασκευή) и св. Недѣля (ή ἁγία Κυριακή) стоятъ на ступеняхъ Божьяго престола и молятся, призывая гнѣвъ Господень на грѣшниковъ и еретиковъ. „Потопи ихъ, Господи“, говоритъ Недѣля, — „мы не въ состояніи долѣе выносить ихъ постыдныхъ поступковъ. Съ девятаго часа субботы и до втораго слѣдующаго дня дѣти ихъ работаютъ, не соблюдая дня воскресенья; они затопляютъ печи, предпринимаютъ путешествія (у Жиды: ils vont dans leurs voies?) и занимаются ручнымъ дѣломъ. Потопи ихъ, Господи, въ волнахъ морскихъ“. Голосъ свыше отвѣчаетъ на ихъ молитву, проклиная нечестивыхъ. Точно также св. Среда и Пятница жалуются на грѣшниковъ, не соблюдающихъ ихъ дней воздержанія.

¹⁾ *Gidel*, Etude sur une Apocalypse de la Vierge Marie въ *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques*, 5 année (1871), стр. 105—106. Въ славянской редакціи хожденія апостола Павла по мукамъ (у *Тышоправова*, Памяти., II, стр. 56) Господь говоритъ грѣшникамъ: «се даю вамъ покой сущи въ муцѣ, покой и въ днь и въ ночь святыхъ недѣль». Въ итальянскомъ текстѣ (*Villari*, *Antiche leggende e tradizioni che illustrano la Divina Commedia*, p. 81): «io vi doe requia dal sabato, ora nona, infine alla prima ora del Lunedì» — совершенно какъ въ вписаніи. Интересно, что итальянскій пересказъ хожденія начинается напоминаніемъ необходимости и святости воскреснаго покоя, съ которыми, очевидно, связывается временной отдыхъ томимыхъ въ аду грѣшниковъ: «Frate carissimo, lo die della domenica è grande da temere e da guardare di tutte le rie opere. Domenica è il primo die di tutti gl'altri. in quello Dio comandoe che fosse luce, e fu fatto: per puocho ne la domenica si riposoe Domenedio. E tutti quelli che non guardano de le rie opere del diavolo, ed eli non averanno requie ne l'altro seculo. E chi non ode la messa le l'oficio della domenica, e Dio non averà parte i' lui, e'l diavolo lo meterà nel fuoco de l'inferno. E non vederanno la gloria di Dio di paradiso, e seravi notte scura, seravi fame e sete e puzza e fuoco di solfo (l. c., p. 77). Сл. такое же правоучительное употребленіе Апокалипсиса ап. Павла въ одной старо-английской проповѣди (*Morris*, *Old english homilies*, 1-st series, part 1-st: in diebus dominicis стр. 41 слѣд.).—Въ легендѣ о Бранданѣ (*Suchier*, *Brandans Seefahrt* въ *Bochmer's Roman. Studien*, V), точно также освобождается отъ адскихъ мукъ Іуда:

1303 Cist est repos de mun peril
 Quel al samadi prenc al seril:
 Dimaine trestut le jurn
 Desque al vespere ai tel sùjurn.

Вечеромъ въ воскресенье (сл. в. 1463) дьяволы являются за нимъ, и снова должны начаться его муки; но Бранданъ противится тому:

1469 Brandans lur dist: laiecz l'ici
 Desque al matin que seit lundi

(въ рпп. jursli).

ніемъ отъ мяса и сыра, и снова грѣшники подвергаются проклятію, но Богородица своими молитвами останавливаетъ на время кару, повисшую надъ головами беззаконныхъ людей ¹⁾).

Богородица обыкновенно является предстательницею передъ Богомъ за людскія прегрѣшенія; но въ одной сербской пѣснѣ она сама жалуется на нихъ ²⁾: святые подѣлили между собою землю и природу, а ей достался проклятый городъ Троянь (*Петрановичъ*; у *Караджича*, II, № 5: Индія проклятая).

Дадоше јој проклетог Тројана,
У коме се безаконје ради,
Да умири и закон постави (*Петр.*).

Но она не можетъ направить ихъ на истинный путь,—такъ велико ихъ беззаконіе. И Богородица жалуется:

Ту не пази млађи старијега,
Но брат брата на мејдан зазива,
А кум кума зове на мешћему;
А брат секу не пази под секу,
Но милује под вијерну љубу,
А кум куму не пази под куму,
Но милује под вијерну љубу;
Не светкују свете нећељце.

Молитву се Богу истиноме,

¹⁾ Текстъ Жидея не тождественъ ли съ текстомъ, описаннымъ Газе въ Notices et Extraits des Manuscrits (Paris, 1813, p. II, 129—131) по ркп. 1631 парижской библіотеки? Содержаніе его составляетъ странствованіе автора (?) по юдоли плача подъ руководствомъ ангела. Онъ видитъ мученія грѣшниковъ, протоспаварія Петра Коринесскаго въ кипучей смолѣ; порывъ бури срываетъ мостъ въ то время, какъ по немъ проходятъ важные сановники церкви, позволившіе подкупить себя; ѣ μϵγάλη Πέμπτη, ѣ μϵγάλη Παρασκευή, ѣ Τεσσαράχωστῃ, изображенныя женщинами исполинскаго роста, являются передъ престоломъ Господа, жалуются на людей, нарушившихъ ихъ постъ.

²⁾ *Караджичъ*, Сrp. нар. пј., II, №№ 1 и 2; *Петрановичъ*, Сrp. народ. пј. из Воево и Херцеговине, № 1 (редакція, развитая повтореніями и въ концѣ переходящая въ легенду о св. Георгіи и Елисаветѣ); *Верковичъ*, Нар. пес. Макед. Бугара, стр. 231: Варај, варај, огњива Марија. Въ каталонской народной пѣснѣ: Castich de Deu (*Pelay Briz*, Cançons de la terra, v. III. p. 117 seqq) Богородица плачетъ надъ умноженіемъ пороковъ между людьми. Спаситель обѣщаетъ наказъ имъ и судить страшныя кары; тогда Богородица начинаетъ молить Сына повременить наказаніемъ, потому что люди покаются. Сл. тамъ же провансальскую редакцію той же пѣсни.

Нека пусти од небеса жумѣ
 Нек обори граде и бедеме,
 Нек попаля села и вароши,
 Не би ли се Тројан сјетовао (*Петр.*).

Въ другой редакціи сербской пѣсни (*Карадж.*, II, 1) мысль о наказаніи даетъ громовникъ Илья; три дня и три ночи молятся Богу Илья, Иванъ и Никола:

Иск нам даде кључе од небеса,
 Да затворимъ седмера небеса,
 Да ударимъ печат на облаке,
 Да не падне дажда из облака и т. д.

Въ болгарской пѣснѣ Богородица такъ отвѣчаетъ на вопросъ Ильи о причинѣ ея печали:

Богъ да біеть Легенски християни!...
Не си дѣржатъ Петка и Неделя.
Во сѣпта неделя метатъ —
Лице ѿ напрашилъ;
На сѣпта неделя печески —
Очи ѿ изгореле ¹⁾.

Илья караетъ ихъ. Въ галицкой народной пѣснѣ ²⁾ солнце не хочетъ болѣе свѣтити людямъ и жалуется на нихъ передъ Богомъ:

Бо зли газдове понаставали:
 Въ недѣлю рано дрова рубали,
 А мѣ до личка трѣски прѣскали
 . . . . .
 Въ пѣтойку рано хусты зварили,
 А мѣ на лице золу выливали.
 . . . . .
 Бо зли дѣвойки понаставали
 Въ недѣлю рано косы чесали
 А ми до личка волоса метали ³⁾.

¹⁾ Български народни пѣсни, одъ бр. *Миладиновихъ*, № 30, стр. 26. Сл. № 53: то же; вм. *Легенской земли*, отвѣчающей *юроду Троюну* и *Индѣи проклятой* сербскихъ пѣсней, — «*земля Палияйска*» и даже «*Палестинска*».

²⁾ Изъ сборника Головацкаго, въ *Чтеніяхъ Нят.* *Общ. Ист. и Древн.*, 1864, III стр. 243—4.

³⁾ Сл. *Маякъ*, XI, 51. — Какъ здѣсь солнце жалуется на людей за несоблюденіе воскресенья, такъ у Генриха de Hervordia (по Gerhard'y de Cosvelde) гейслеры «*observantiam dici dominice.... predicant propter solem*».

Наконецъ, въ одной сербской пѣснѣ являются на сцену олицетворенныя Недѣля Пятница, и сами плачутся на нарушеніе своей святини и также молятъ о наказаніи, какъ и въ апокрифѣ:

Мобу купи ѡаконе Тодоре
У неѣзу по Илију дану,
Да онъ жалье бѣјелу шеницу.
То виѣле двѣје госпоѣице,
Света Петка и света Нещеѡа,
Сузе роне, на се браѣи моле,
Светомъ Петру и Панталеону
И сувише громовникъ Илији:
«Пушти, Петре, кишу изъ облака,
Панталеѣ, на земљицу сушу,
А Илија муѣ и громове,
Попалите мобу Тодорову
И ѡегову бѣјелу шеницу,
И попали дворе Тодорове
И у ѡима ѡакона Тодора ¹⁾».

Чаще сами онѣ являются дѣйствующими лицами или даже исполнителями кары. „Убила га света Петка Параскевиѡа“, говорится въ одной пѣснѣ ²⁾.

Въ какихъ образахъ представляло ихъ себѣ народное воображеніе? Въ „словѣ святаго отца Пахоміѡа о средѣ и о пяткѣ“ ³⁾ святые дни олицетворены *ангелами*. Пахомію является въ кельѣ свѣтлый юноша, зарѣзываетъ передъ нимъ овна и источаетъ кровь, которая ссѣдается какъ молоко. „Повѣдай людямъ видѣнное тобою“, говоритъ юноша;—они ѣдятъ молоко и яйца въ среду и пятюкъ, а на дѣлѣ ссѣдшуюся кровь“ ⁴⁾. Умилился отецъ Пахомій, и воздохнувъ отъ сердца, „и сѣдъ в тиxости написа слово се на спасеніе почитающимъ: Вы же чада и друзи и братіе се слышавше не имѣйте лакоинства опрочѣ поста въ среду и въ пятюкъ, развѣе прилученія великихъ праздниѡъ, да сіѡ два ангела помощника вамъ предъ Богомъ будета и отъ муки избавятъ почетная его пощеніемъ и молитвою и милостынею. О томъ же отецъ Пахомей повѣдаше, яко прииде нѣкогда изъ пустыни во градъ потреби деѡа своѡа и видѣ мертвеца тѣло несомо, по немъ *два ангела* идуща за одромъ; и моѡище пре-

¹⁾ *Караджичъ*, Сръ. нар. пј. изъ Херцеговиѡе (у Бечу 1866), № 322.

²⁾ *Караджичъ*, Сръ. нар. пј., I, № 254.

³⁾ Напеч. у *Порфиріѡа*, Почитаніе среды и пятницы, I. с., стр. 183—5.

⁴⁾ Сл. Gli assempri di Fra Filippo da Siena, № 44.

подобный о семъ Бога, да проявить. В тотчасъ ангели приидоста къ нему и рекоста: чего наю чудишися? *Наю едина среда есть, другій пятокъ*, понеже человекъ сій и до дни исхода его честь нама воздалъ пощеніемъ и чистотою и милостынею, за то ему вослѣдуе, а душу его въ царство ведеве. Се глаголаше невидими быста....“ Далѣе, въ той же статьѣ сообщается, что Іакову, брату Господню, былъ гласъ съ небеси о мздѣ, ожидающей человека, постыгагося въ среду и пятокъ: когда умереть онъ, „срящета душу его идущу на небо *два анела среда и пятокъ*, цѣлуютъ ю радостно, глаголюще ей: праведная душа, радуйся, много бо еси трудилася постыгася и дающе милостыню: *пынѣ же лѣкуй*, радостно веселящася въ породѣ“.

Два ангела сербскихъ пѣсенъ, увѣщающіе дѣвушку не вязать въ поскресенье (не вез везка у свету неѣлеу) ¹⁾, посѣщающіе дьякона Тодора ²⁾ или Стевана ³⁾ или жену богатаго Гавана ⁴⁾, кажутся мнѣ такимъ же неполнымъ олицетвореніемъ святыхъ дней. Пѣсни о Тодорѣ и Стеванѣ существенно одиѣ и тѣ же: разница лишь въ имени. Рано въ воскресенье дьяконъ Тодоръ или Стеванъ жнетъ (или сѣетъ) въ полѣ бѣлую пшеницу: къ нему подходятъ два старыхъ путника, двое нищихъ, и спрашиваютъ: не потурчился ли онъ, не попралъ ли погами креста, что работаетъ въ воскресенье, раньше солнца, прежде литургіи? „Не потурчился я, не попралъ креста“, отвѣчаетъ дьяконъ, — „а неволя заставляетъ меня работать: я питаю у себя въ домѣ девять (или семь) нѣмыхъ, девять слѣпыхъ „и Бог не ми греха опростити“ (Карадж., Срп. нар. пј., I, 3). Путники идутъ ко двору Стевана—Тодора, гдѣ застаютъ его жену также за занятіемъ и слышатъ отъ нея то же объясненіе. Тогда они просятъ ее дать имъ ея малолѣтняго сына: они заколятъ его, покропятъ его кровью слѣпыхъ и нѣмыхъ, и тѣ прозрѣть и заговорять. Мать соглашается. Такъ въ одной редакціи пѣсни. Въ другой странники говорятъ матери, чтобъ она вышла за ворота поглядѣть на невиданное чудо:

¹⁾ Караджичъ, Срп. нар. цј. из Херц. № 324. Сл. *Векочице* I. с., стр. 177 (Мое варай Руже). Также *Mittler*, Deutsche Volkslieder № 500 (*Entweihung des Sonntags*) = *Sužil* № 20 (*Nevěcení neděle*).—Сл. *Erben*, Prostonar. česke písň str. 505—6: *Dabłova nevěsta* (и приведенную тамъ литературу). Вездѣ одна идея: что наказаніе постигаетъ неблюдущихъ воскресенья.

²⁾ Караджичъ, Срп. нар. пј. изъ Херц., стр. 323.

³⁾ Id. Срп. нар. цј. II, 3.

⁴⁾ Ibid. I, 207; *Всзсон.*, Кал., III, 166 (=id.).

Како пале муѣ и громови,

Пале муѣ мобу Тодорову

И у пољу бјелциу шеницу (Кар. Срп. нар. пј. изъ Херц., ib.),

— и въ это время закаляютъ младенца и его кровью исцѣляютъ увѣчныхъ. Когда вернулась мать, старцы исчезли, ея ребенокъ сидѣлъ въ колибели, руки у него золотыя по плечи, волосы золотые по очи (Кар. ib.): онъ играетъ золотымъ яблокомъ (Кар., Срп. нар. пј., II, 3) и говорятъ:

Ој Бора ми, моја мила мајко!

вѣсу оно два Божја просјака,

Већ су оно два Божја анђела,

И мене су 'вако говорили:

Ето вама седам нпјемаца

И ето вам девет слијепца,

Да вам свију, ору и копају,

Ал' немојте у неђељу свету (Кар., Срп. нар. пј. изъ Херц., ib.)

Въ пѣсни о жепѣ богатаго Гавана Господь посылаетъ двухъ — трехъ ангеловъ на землю — *испытать людскую силу* ¹⁾, всѣ ли знаютъ о Богѣ и его имени. Ангелы-гуслары ходятъ по свѣту, пришли ко двору богатаго Гавана, прямо въ святое *воскресенье*, и здѣсь дожидаютъ лѣтній день до полудня, пока вышла къ нимъ жена хозяина, Елена, и бросила имъ, вмѣсто подаянія, обгорѣлый кусокъ хлѣба,

Што я у *петакъ* мешено,

У *суботу* претано,

У *недељу* вадено.

Господь наказалъ ее за это, и на мѣстѣ ея двора стало болото.

Какъ видно изъ приведенныхъ пѣсенныхъ отрывковъ, олицетвореніе пятницы и воскресенья разнообразно колеблется между метафорическими выраженіями стараго апокрифа и образами ангеловъ-странниковъ. Сербская народная пѣсня ²⁾ и нѣмецкій заговоръ ³⁾ еще стоятъ на степени простаго олицетворенія: къ *недѣль* взывается просто, какъ къ *святому дню*, но въ нѣмецкомъ заговорѣ она яв-

¹⁾ Сл. Труды Зап.-Р. Эксп.: Чубинскій, Народн. дневникъ, стр. 417: На с господару, на вашѣмъ дворѣ.

²⁾ Карадж., Срп. нар. пј изъ Херц. № 334: О неђељо, свети данче, опрости нам грѣхе наше!

³⁾ Mone, Anzeiger 1837, sp. 459: Grüss dich Gott, du heiliger Sonntag. Сл: Baumer, Einw. des Christenthums, 306.

ляется *верхомъ*, что приготовляетъ насъ къ причудливой роли Недѣли, Пятницы и Среды въ народныхъ сказкахъ.

Въ одной болгарской пѣсни ¹⁾ Петка и Недѣля страннымъ образомъ смѣшаны: „Празникъ е света Неделя...! И майка свешта да запали На света Петка — Недѣля“.

Но миѣнческій процессъ пошелъ и далѣе, достигая болѣе опредѣленныхъ очертаній: рядомъ съ св. Пятницей становится особо св. Анастасія, олицетвореніе Воскресенія. „Света Петка — Недѣлина майка“, говорятъ Сербы. Я разсмотрю эти олицетворенія особо, чтобы легче выяснить себѣ, подъ какими вліяніями, изъ какихъ матеріаловъ сложились ихъ фантастическіе образы.

1. *Св. Анастасія* русск., света Недѣля болг., света Неѣля серб., *swinta maica Duminesca* румын. — Анастасія отъ *Αναστάσις ἡμέρα* = день Воскресенья, иначе *Κοριακή ἡμέρα* = *dies Dominicus*.

Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о страданіяхъ Спасителя поется, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ, въ страстную пятницу Богородица плакала-ходила по Іерусалиму; съ нею три жены муриносицы; она ищетъ Христа. На встрѣчу имъ два Жидовина. „Гдѣ вы, Жиды, были, куда грядете?“ спрашиваетъ пресвятая Дѣва. Они отвѣчаютъ, что были въ Іерусалимѣ, гдѣ мучали и распяли Спасителя. Услышавъ эту вѣсть, „ушиблась свята Дѣва о сыру землю“ и предается тяжелой печали. Слѣдуютъ страшныя природныя знаменія, Христосъ вѣщаетъ со креста, что Онъ въ третій день воскреснетъ и прославитъ мать свою ²⁾.

Въ болгарской пѣсни того же содержанія роль Богородицы заняла святая Недѣля. Она ходитъ-гуляетъ по край рѣки Іордана, со честными во рукѣ крестами, встрѣтила жидовъ проклятыхъ, что мучали Христа. Приходили Божьи Ангелы, молили царя Жидовскаго, чтобъ онъ Христа отпустилъ: но онъ ихъ мольбы не пріемлетъ. Просить его чистая-пречистая (Недѣля), но также напрасно. Тогда явился св. Плъ на огненной колесницѣ и унесъ Недѣлю на небо, кресты побросалъ по берегу рѣки; бросились собирать ихъ Жиды, а въ это время Христосъ отлетѣлъ отъ нихъ

Со дванадесетъ ангелъ,
Свѣта Неделя со него,
Та си отиде на небо
Предъ мила майка побърго ³⁾.

¹⁾ *Верховичъ*, I. с., стр. 231 (Стояне, море Стояне).

²⁾ *Безсонъ*, I. с., IV, № 381—2 и варианты.

³⁾ *Безс.*, I. с., IV, № 383 и собраніе *Миладиновыхъ* I. с. № 34.

Введение Анастасии - Недѣли вмѣсто Богородицы объясняется заключеніемъ болгарской легенды: она переходитъ отъ разказа о страданіяхъ Спасителя къ его *воскресенію* (вознесенію); вотъ, можетъ быть, почему народная фантазія ввела въ нее Анастасію, какъ олицетвореніе дня, ознаменованнаго воскресеніемъ Христа.

Мы уже знаемъ, что это не единственное событіе, символически перенесенное на воскресный день: Kaiserchronik, лѣтопись Говедена, англійская проповѣдь и одинъ латинскій гимнъ приурочили къ нему и *рожденіе* Спасителя ¹⁾ Слич. Nomocanon *Coteler.*, n. 416: ἡ μὲν ἁγία Κοριαχὴ ἐν πρώτῃ τῶν ἡμερῶν τρεῖς ἀρχὰς ἔχουσα ἀρχὴν, γέννησιν Χριστοῦ, εὐαγγελήσας τοῦ αὐτοῦ ὑπεράγνου μητρός, Ἀνάστασις, καὶ ἀρχὴν κοσμοποιᾶς ²⁾. Согласно съ этимъ образъ Анастасии-Недѣли былъ приведенъ въ непосредственное отношеніе къ Рождеству.

Вспомнимъ содержаніе русскаго Сна Богородицы: онъ начинается обыкновенно видѣніемъ о рожденіи Спасителя. Въ одной сербской пѣснѣ: „Сан пречисте Госпође“ ³⁾, Богородицѣ снится,

Ње јој расте по крај срца дрвце,
У ширину по свему свијету,
У висину до ведрога неба.

Она проситъ объясненія этого сновидѣнія у св. Василія. Онъ толкуетъ его:

Што ти расте у крај срца дрвце
То ћеш родит' Христа Бога сина;
Што се дрвце широм раширило
И покрило с крај на крај свијета,
То ће свијет од грѣха спасти;
Што се дрвце къ небу узвисило,
Са земље ће оцу Богу поћи. •

Сходно въ нѣмецкой народной пѣснѣ у *Mittler*, № 358:

Und unser lieben Frauen
Der traumet ir ein Traum:
wie unter irem Herzen
Gewachsen wär ein Baum:
Kyrie eleison!
Und wie der Baum ein Schatten gab

¹⁾ См. мою статью: Сказаніе о 12-и пятницахъ, стр. 327.

²⁾ *Ducange*, Gloss. ad script. med. et infim. graecitatis a. v. Κοριαχὴ.

³⁾ *Карадж.*, Сри. нар. пј. из. Херц. № 319 (Сл. ib. № 320).

wol über alle Land;
Herr Jesus Christ der Heiland
Also ist er genannt,
Kyrie eleison и т. д. ¹⁾

Въ одной болгарской пѣснѣ ²⁾ святая Недѣля заснула на волѣ-
няхъ св. Пятницы. Пятница будить еѣ: „Вставай-ка, св. Недѣля, те-
перь спомъ не спить, а встають ранымъ рано; сказываютъ: два празд-
ника“. Проснулась св. Недѣля, крупныя слезы роняетъ; ей приснились
чудный сонъ: среди моря выросло древо великос, верхомъ подпирало
небо, подъ тѣмъ деревомъ два листа, всю землю покроятъ. То не
были два листа, толкуетъ Пятница,—а двѣ книги, по которымъ поны
служать, да вѣрують христiane, и праздники держать, святую Пят-
ницу и Недѣлю.

Можно усумниться въ вѣрности моего толкованія, что въ данной
пѣснѣ Анастасія-Недѣля замѣнила Богородицу. Дальнѣйшія сбли-
женія сдѣлають это предположеніе вѣроятнымъ.

Спаситель родился въ воскресенье ³⁾. Народная символика пере-
вела этотъ фактъ на свой языкъ, и Анастасія-Недѣля явилась бабкою
Христа.

Въ *Protevangelium Jacobi* ⁴⁾ Саломея, призванная къ родившей Бо-
городицѣ, сомнѣвается въ ея безгрѣшномъ зачатіи: εἰαί, μὴ βλάβῃ τὸν
δάκτυλόν μου, καὶ ἐρευνήσω τὴν φύσιν αὐτῆς οὐ μὴ πιστεύσω ὅτι παρθένος
ἐγέννησεν.... καὶ ἔβαλε Σαλώμη τὸν δάκτυλον αὐτῆς εἰς τὴν φύσιν αὐτῆς, καὶ
ἠλάλαξε καὶ εἶπεν Οὐαὶ τῇ ἀνομίᾳ μου καὶ τῇ ἀπιστίᾳ μου ὅτι ἐξεπαίρασα
θεὸν ζῶντα, καὶ ἰδοὺ ἡ χεὶρ μου πορὶ ἀποκίπτεται ἀπ' ἐμοῦ. Саломея на-

¹⁾ Съ другимъ значеніемъ является символическое древо въ провансальской
народной пѣснѣ (*Rev. d. langues rom.* VI, 3: *Atger*, *Poésies populaires*, p. 263—5,
№ II): три Марія ищутъ Христа; онъ распятъ, кровь, имъ пролитая, собра-
лась въ одномъ сосудѣ; изъ него поднимается древо: вѣтви изъ слововой ко-
сти, листья серебряныя; архангелъ Михаилъ на его вершинѣ, смотритъ на свой
народъ.

²⁾ *Безс.*, I. с. VI, 591; *Миладин.*, I. с., № 35.

³⁾ *Караджичъ*, Срп. нар. пј. из Херц., № 334: Ријечи блаженѣ Господњи.
Ис. *Који данас данак бјеше, Кад се Исус за нас роди?* Породи га света мати,
Ка' сунчани зрак источни. Поднес муку од Пилата, Проли крвљу љени' од злата.
Он ускресе на небеса, И сви мртви устадоше. Тада рече Божја мати: «Ко се
моје сину моли, Сваки данак и неђељу За четрѣс и четири, Моје бих му моћи
дала, Моје моћи доста могу, Које за вас Бога моле». *О неђељу, свети данче,*
Опусти нам грѣхе наше!

⁴⁾ *Protevangel. Jacobi*, сс. 19, 20 у *Tischendorf*, *Evangelia Apocrypha*. Сл. о
Рождествѣ Исуса Христа въ Пам. стар. русск. литер., III, 78—9.

чинает молиться; тогда ангелъ предсталъ ей, велить дотронуться рукою до Божественнаго Младенца и поносить его; она это дѣлаетъ и тотчасъ же получаетъ исцѣленіе. Тотъ же разказъ повторенъ и въ *Pseudo-Matthaei Evangelium*: ангелъ также говоритъ Саломеѣ: *Accede ad infantem et adora eum et tange de manu tua.... Quae confestim ad infantem accessit et adorans eum tetigit fimbriam pannorum, in quibus infans erat involutus, et statim manus ejus sanata erat* ¹⁾. Въ арабскомъ *Evangelium Infantiae* ²⁾ редакция нѣсколько иная: Іосифъ приводитъ къ пресвятой Дѣвѣ старуху „quae ei adesset“. Она давно страдаетъ параличемъ (руки?). „Dixit ei hera nostra domina Maria: Impone manus tuas infanti. Quod cum fecisset anus, extemplo convaluit“.

Послѣдній разказъ отразился, быть можетъ, въ чешской, моравской и хорватской народныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ странствующая Богородица просится на ночлегъ къ одному кузнецу. Но у него нѣтъ мѣста, онъ куетъ день и ночь: онъ куетъ три гвоздя, которыми будетъ пригвожденъ Христосъ. Богородицу эта вѣсть такъ испугала, что она уронила Божественнаго Младенца. Было у кузнеца дитя безъ рукъ: оно подбѣжало, чтобы поднять упавшаго Христа и подать его матери; въ это время руки у него отрастаютъ чудомъ ³⁾. Или: Богородица, испугавшись работы кузнеца, удаляется и въ хлѣву родить Спасителя; прибѣгаетъ кузнецова дочка; Богородица проситъ ее подать ей ребенка, либо покачать его; но у дѣвочки нѣтъ рукъ (и глазъ); онѣ являются у ней отъ прикосновенія къ яслямъ ⁴⁾. Мотивъ,

¹⁾ *Tischendorf*, l. c. p. 75, 76 — *Schade*, *Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoris*, стр. 26—7. Сл. тотъ же мотивъ въ *Bruder Philipps Marienleben*, hrsg., v. *Rückert*, vv. 2104 — 2160; въ средневѣковыхъ мистеріяхъ у *Edel. Du Mèril* *Origines latines du Théâtre moderne*, p. 354 seqq: *Mystère de la Nativité* и друг.

²⁾ *Tischendorf*, l. c., стр. 172.

³⁾ *Kurelac*, *Jačke narodne pisme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga etc Zagreb*. 1871, № 491 (p. 192).

⁴⁾ *Erben*, *Prostonarodni česke pisne*, № 51 (*Nořlech Marie Panny*); *Sušil*, № 25 (*Porod panny Marie*). Греческая пѣсня (*Pavlov*, *Sarm. popul.*, стр. 230: τῆς παρασκηνίου) также говоритъ о посѣщеніи Богородицей кузнеца; но чуда съ руками нѣтъ. Пѣсня эта интересна по смѣшенію съ мотивами колядокъ (сл. о ихъ замѣткѣ въ концѣ главы). Я пользуюсь прекраснымъ переводомъ проф. Дестуниса. Пресвятая сидѣла одна одишенька и молитву творила о своемъ единородномъ. Вотъ слышнѣтъ воли и тревогу и великое смущеніе. Выходить за ворота, выходить за околицу и видѣть, небо потускло, звѣзды померкли, а мѣсяцъ свѣтленькій облить слезами. Святой Іоаннѣ идетъ заплаканный убитый: спрашиваетъ его Богородица, не видалъ ли онъ ея сына; онъ отвѣчаетъ: «Видишь ли ту юру, высокую, огромную: тамъ связали его по рукамъ Евреи:

очевидно, тотъ же самый, что и въ приведенномъ выше апокрифѣ; только народная пѣсня соединила его, по извѣстному намъ драматическому приему—съ страданіями Спасителя. Въ средневѣковыхъ легендахъ и современной народной сказкѣ мы часто встрѣчаемся съ чудомъ „отростанія рукъ“ у невинно преслѣдуемой красавицы ¹⁾).

Но меня болѣе интересуетъ другое отраженіе отреченной легенды, въ которой *малолѣтняя Саломея замѣнена — Анастасіей*. Въ старонѣмецкой поэмѣ: *Die Erlösung* (ed. *Bartsch*) vv. 2945—2967 о рожденіи Спасителя разсказывается слѣдующее:

dā bi doch ein teil frowen stūnt
nāch des kindelbettes ē,
Zebel unde Salomē:
Die schouweten der mēre
Wer dā geborn wēre.
Dō sie die mūter sāhen,
glīch alle sie dō jāhen:
«wā wart diz wunder je gesaget,
des Kindes mūter ist ein maget,

какъ вора схватили, какъ убійцу ведутъ». Богородица идетъ искать его вмѣстѣ съ Марѳой, Маріей и Елисаветой; по дорогѣ видятъ: «Цыганъ куетъ свои гвозди. «Охъ ты, Цыганъ, что ты это дѣлаешь?» «Будутъ одного человѣка распинать, такъ я кую для него гвозди; заказали только три, а кую ихъ пять: два къ двумъ колѣнамъ, два къ двумъ рукамъ, а пятый, ядовитый, подъ самое подъ сердце.—Ахъ ты, цыганъ, чтобы тебѣ никогда золы не добыть, а ужъ коли добудешь золы, пусть ее вѣтромъ разнесетъ». Пѣсня кончается разговоромъ Спасителя, висящаго на крестѣ, съ Богородицей. Та же пѣсня у *Legrand, Recueil de chansons popul. grecques* (Paris 1873), № 91: Богородица проклинаетъ козача: чтобы ему никогда золы не добыть, не было бъ у него рубашки на тѣлѣ, хлеба въ дому, и никогда бы онъ не насытился. См. мистерию *De la Nativité de N. S. J. Christ* (*Jubinal, Mystères inédits*, II, 60 sqq): Богородица, чувствуя приближеніе родовъ, посылаетъ Іосифа за огнемъ къ кузнецу; тотъ сначала отказывается, но затѣмъ соглашается съ условіемъ, чтобы Іосифъ взялъ себя огня—въ полу платья. Пола остается невредимою. *Darras, La légende de Notre Dame* (3-e ed., p. 145) цитуетъ изъ «la grande légende d'Ahasverus ou Ashaverus, VI-e siècle» разсказъ о Богородицѣ, вступившей въ жилище бѣдной женщины, у которой былъ ребенокъ въ параличѣ. Случайное прикосновеніе пеленокъ Спасителя изцѣляетъ больного. Укажу въ параллель къ этимъ разсказамъ, потекшимъ изъ апокрифическаго источника, на другую, подобную же отреченную легенду: Іесонія схватился за одръ, на которомъ лежало тѣло Богородицы; ангелъ Господень внезапно отсѣкъ ему руки, начиная съ плечъ; онъ повисъ на гробѣ; по молитвѣ Іесонія и ап. Петра, онъ снова приростають къ плечамъ.

¹⁾ См. между прочимъ мою *Novella della figlia del re di Dacia*, предислов., стр. XX—XXI.

Diz han wir alle wol gesehen
 Daz wunder ist nie mē geschehen
*Ein arme maget was aldā
 geheizt Anastásiā,*
 Die gerte daz sie solde sin
 Des jungen kindes dienerin.
 Sie was geborn sunder arm,
 gemachet het sie gerne warm
 Dem kinde ein wazzerbat.
 Nu schouwet her, aldā zustat
 hende und arme sie gewan.
 Zuhant si sich der dinge entsan,
 es were rechte gotes sun
 Der diz wunder kunde getān.

Во французских *Anfances Nostre Dame* Анастасія названа *Onestasse*, и совершается тоже чудо:

A vo naistre vint une dame
 Qui molt par estoit bonne fame;
Onestasse c'estoit ses nons;
Mais n'ot nules mains fors moignons.
 Dous Dex, quant vous dut recevoir,
 Lues li fesistes mains avoir
 Bieles et blanches comme toiles.

Тоже въ *Huon de Bordeaux*, ст. 1513—20:

Il n'y ot feme pour vostre cors tenir
 Fors une dame qui ot moult cler le vis;
Sainte Onnestase ot à non, ce m'est vis,
N'ot eū mains depuis qu'ele naquis;
 A ses moignons, Dix, fustes recoillis;
 Il n'i ot autre, se set on tout de fi:
 Lues que vous tint, miracles i fesis;
 Tantost ot mains lons et drois et traitis¹⁾.

Въ мистерии de la Nativité de N. S. Jésus Christ ²⁾ Богородица говорить Иосифу:

Joseph, biau frere et amis,
 Allez prier a *Honnestasse*
 Qu'elle viengne cy une espasse
 Pour recevoir le vraye sire
 De tout le monde et de l'ampire.

¹⁾ Сл. ib. v. 2853: славой отъ рождения Симеонъ прозвываетъ, воспріявъ Христа.

²⁾ *Jubinal, Mystères inédits*, II, 66 seqq.

Анастасія=Honnestasse прямо является здѣсь въ роли бабки. Она говоритъ Іосифу:

Certes, amis, se g'y aloio
Aide ne ly pourroie faire;
Dont ce me vient a grant contraire:
Nulles mains n'ay que II moignons
Qui sont enclos en ces manchons
Que veoir pouvez sy endroit.

Когда чудо совершилось, она говоритъ:

Mon vray Dieu et mon vray seigneur
.
.
.
Je n'avoie ne dois ne main,
Rendez les m'avez pour certain ¹⁾.

Съ тѣмъ же значеніемъ Анастасія выступаетъ въ рождественской пѣснѣ римскихъ пifferari:

Tu vergine e figlia di Sant' Anna,
Che in ventre tuo portasti il buon Gesù,
E'l partoristi sotto capanella
Dove mangiava il bue e l'asinella.
Gli angeli chiamavan: venite, santi!
Nato è Gesù bambino alla capanna,
E san Giuseppe e sant' Anastasia
Si trovarono al parto di Maria.
Venite tutti quanti voi pastori
Venite a visitar nostro signore!
La notte di Natale è tempo santo
Al Padre, al Figliolo e spirito santo.

Quest 'orazione, che abbiām cantata,
A Gesù bambino è rappresentata ²⁾.

¹⁾ См. *Migne*, Dictionnaire des apocryphes, I, p. 1023 прим.: имя Анастасіи встрѣчается кромя *Anfances Notre Dame et de Jhesu* (ms. de la bibl. imper., N.º 7595, f.º CCLXXV) — еще въ стихотворномъ *Enfances nostre sire Jhesu Crist*. (Ms. de l'Arsenal, belles lettres fr. in f.º N.º 288, fol. 1) и въ *Roman du Chevalier au Cygne* (ms. suppl. franc., n.º 540—8, f.º 24). Последнее указаніе не подтверждается текстомъ Рейншенберга, гдѣ *Ancestases*, *Anestassies*, *Anastase* v. 470 и 1862=императоръ Анастасій.

²⁾ За сообщеніе итальянскаго текста пѣсни, которую я зналъ лишь по нѣмецкому переводу въ *Mannhardt*, Weihnachtsblüthen, стр. 117, признанію моему благодарность г. Рейнгольду Келеру. Она напечатана (изъ собранія *Landsberg*) въ *Erinnerungen an Rom und den Kirchenstaat im ersten Jahre seiner Verjüngung. Von Heinrich Stieglitz*, Leipz. Brockhaus, 1848, стр. 154.

Теперь становится понятнымъ, почему итальянскій крестьянинъ, желая восхвалить свою милую, поетъ, что св. Анастасія качала её на своихъ рукахъ:

O bella che in Firenze siete nata,
In nella piazza di Santa Maria;
In san Giovanni fuste battezzata
Vi tense in grembio santa Nastasia ¹⁾.

Можно спросить себя: на сколько послѣднее олицетвореніе Анастасіи-Недѣли совершилось самостоятельно, и на сколько — подъ вліяніемъ другой Анастасіи-мученицы, пострадавшей при Діоклетіанѣ ²⁾? Въ житіи этой послѣдней нѣтъ ничего, что могло бы дать поводъ къ смѣшенію ея съ легендарною Анастасіей, бабкой Христа; но латинская церковь памятовала её 25-го декабря (греческая—22-го); надъ ея мощами, перенесенными въ Римъ, поставлена была церковь, въ которой въ старое время папы служили вторую обѣдню въ ночь на Рождество. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для Запада, чествованіе Анастасіи Римлянки совпадало съ днемъ рожденія Спасителя и памятью о другой, легендарной Анастасіи, присутствовавшей при этомъ рожденіи. Этимъ объясняется, вѣроятно, почему одни западные разказы представили намъ образъ бабки-Анастасіи вполне сложившимся. Во всякомъ случаѣ, если смѣшеніе произошло, то можно сказать смѣло, что вкладъ легенды былъ сильнѣе и рѣшительнѣе чѣмъ вліяніе житія. Но румынскія колядки, гдѣ олицетвореніе Недѣли зовется Duminiка, удаляютъ всякую идею о такомъ смѣшеніи и даютъ намъ возможность изучить этотъ типъ въ его цѣлости. Въ одной румынской рождественской пѣснѣ Богородица спрашиваетъ дѣвушскъ, не видали ли онѣ ея скрывшагося съ глазъ сына? Онѣ отвѣчаютъ, что видѣли его въ Іерусалимѣ: гдѣ онъ шествуетъ, тамъ старѣйшины колѣнопреклоняются передъ нимъ; передъ нимъ идетъ святая Duminiка, срывая красивѣйшіе цвѣты, украшая его путь зелеными вѣнками.

Въ другой колядкѣ Богородица посылаетъ эту Duminiка принести только что родившемуся Божественному Младенцу какую-нибудь обновку для крестинъ. Duminiка идетъ и видитъ: по Іордану плывутъ три золотые цвѣтка, ровно фіалки; ими она украшаетъ свою голову и спѣшитъ къ Маріи съ своимъ драгоценнымъ подаркомъ. Но она не успѣла во время: „Младенецъ уже окрещенъ“, говоритъ ей Богоро-

¹⁾ *Tigri*, *Canti popolari toscani* 1-a ed, Rispetto № 181.

²⁾ См. латинское житіе ея у *Сурія* и друг. подъ 25-мъ декабря.

лица, — „кумомъ былъ св. Иванъ; возьми эти цвѣты, они идутъ къ тебѣ, а ты будь на вѣки красивѣе, чѣмъ была Венера“¹⁾).

Duminika румынской колядки — одно лицо съ бабкой-Анастасіей западныхъ легендъ.

Въ заключеніе приведу еще нѣсколько данныхъ къ вопросу о легендарномъ тождествѣ Анастасіи и Богородицы.

Во время преобладанія аrianства въ Константинополѣ Григорій Назіанзинъ собиралъ и поучалъ правовѣрныхъ ἐν μικρῷ ἐκκληρίῳ (Socr.; οἰκίσκος μικρός Созом.), которому дано было въ послѣдствіи названіе *Анастасіи*. Созоменъ и Никифоръ видятъ поводъ къ названію въ томъ, что ἐνθα δε ἀνέστη καὶ ἀνεβίω (православная вѣра), и нѣкоторыя выраженія Григорія, кажется, подтверждаютъ это толкованіе. Такъ онъ говорить въ позмѣ De vita sua:

Ἀναστασία, ναὼν ὁ τιμιώτατα,
ἡ πίστιν ἐξέγειρας ἐν γῇ καίμενῃ.

Ἦν γέ ποτ', εἴτ' ἔληξεν. εἴτ' ἦλθεν πάλιν,
τῇν ἐκ τάφων ἀνάστασιν πιστοῦμένῃ.

Въ другомъ стихотвореніи (ἐνὸπκιον περὶ τῆς Ἀναστασίας ἐκκλησίας, ἣν ἐπλήξατο ἐν Κωνσταντινουπόλει) ему видится во снѣ Анастасія:

Ἦν πρώτη λόγον αἰὺν ἐνὶ προπόδεσσι μένοντα
Ἦγαγεν ἐς κορυφὴν οὐραεὸς ἀχροτάτην.

Оттого и храмъ получилъ свое наименованіе. Созоменъ и послѣ него другіе указываютъ и на другой поводъ имени: беременная женщина упала во время церковнаго собранія съ верхней галлерей и умерла, но по принесеніи за нее общей молитвы, ожила и была спасена вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ; по случаю такого чуда это мѣсто будто бы и получило названіе. Но тотъ же Созоменъ прибавляетъ: πεπίστευται δὲ ταύτῃ τὴν θεοῦ μητέρα Μαρίαν τὴν ἁγίαν Παρθένον εἶναι. ταύτῃ γὰρ ἐπιφαίνεται; и то же повторяетъ Теофанъ. Въ послѣдствіи

¹⁾ Schuller, Kolinda, p. 11—12. Я слѣдовалъ нѣмецкому переводу. Понимать ли подъ Венерой классическую богиню, или Венеру-Плутину, таѣса Vénère — я не знаю. Съ собираніемъ цвѣтовъ Duminika'ой сл. болгарскую пѣсню № 43 у *Миладиновскихъ*: Илья спрашиваетъ св. Недѣлю, гдѣ она ходила, гуляла,

Ели си въ поле трандалия брала?

Ели си въ гори гороцвѣтъ брала?

Но она не брала цвѣтовъ; она видѣла чудо: какъ сошлись два дуба и ель. То два побратима и посестра, не чествовавшіе св. Ивана.

на мѣстѣ молитвеннаго дома сооруженъ былъ обширный храмъ, въ который при Львѣ Великомъ (457—474 гг.) и патріархѣ Геннадіи (458—471 гг.) принесены были изъ Сиріи мощи св. великомученицы Анастасіи-узорѣшительницы. Тѣмъ не менѣе, названіе храма восходитъ къ болѣе раннему времени; его и впослѣдствіи зовутъ ἡ ἀγία Ἀναστασία, въ иносказательномъ смыслѣ, указанномъ Григоріемъ Назіанзиномъ, или же соединяютъ воспоминанія св. Анастасіи съ памятью воскресенія Христова: ὁ ναὸς τῆς Χριστοῦ ἀναστάσεως καὶ Ἀναστασίας τῆς μάρτυρος ¹⁾.

Послѣ сказаннаго можно усумниться, что отождествленіе Богородицы съ св. Доминикой въ Мессинѣ ведетъ свое начало отъ того обстоятельства, что папа освятилъ ея церковь и отслужилъ въ ней обѣдню — *въ воскресенье*; отсюда будто бы пошло названіе храма: Nostra Donna di Santa Dominica, которую народъ смѣшалъ впослѣдствіи съ святою того же имени ²⁾. И здѣсь причины отождествленія должны быть признаны тѣ же, какія указаны выше. Замѣтимъ, что *храмъ св. Доминики*, въ Тропейской епархіи (in loco Fluminis Frigidi) въ Калабріи, упоминается въ 1200 году; впослѣдствіи на его мѣстѣ построенъ монастырь имени *B. Mariae Fontis Laurenti, ordinis Florentis, atque ita titulus S. Dominicae oblitteratus fuit* ³⁾.

Въ житіи Доминики, по гречески Кириаки, нѣтъ никакихъ подробностей, которыя связывали бы его съ памятью о рожденіи Спасителя, какъ мы видѣли то для Анастасіи. Доминика, по латинской легендѣ, родилась въ Кампаніи отъ отца Дорооея и матери Арсеніи, пострадала при Максиміанѣ, и ея тѣло было чудеснымъ образомъ перенесено въ Тропею въ Калабрію, „именовавшуюся когда-то Великою Греціей“. Въ греческомъ житіи Кириаки мѣсто ея рожденія не названо; отецъ Дорооей, мать Евсевія; они бездѣтны и молятъ Бога даровать имъ потомство: *въ воскресенье у нихъ рождается дочь, которая потому и названа Кириакой*. Она пострадала при Максиміанѣ въ *Никомедіи*. Нѣкоторыя изъ этихъ знаменательныхъ подробностей встрѣтятся намъ въ житіи св. Параскевы.

2. *Св. Параскева-Венера-Пятница*. Если житіе римской мученицы Анастасіи мало повліяло на сказаніе о бабкѣ Христа, то съ

¹⁾ *Ducange*, Constantinopolis christiana I., IV, p. 141—3; *Савваитовъ*, Путешествіе Новгородекаго епископа Антонія, стр. 149—50, прим. 190.

²⁾ *Darras*, La légende de Notre Dame, 3-e ed., p. 423.

³⁾ См. Acta Sanct. Bolland. 6 Jul. II, введеніе въ греческому и латинскому текстамъ житія Доминики-Кириаки.

руско-славянскимъ олицетвореніемъ пятницы произошло обратное: житіе св. великомученицы Параскевы, популярное въ русско-славянской области, сообщило ему такой характеръ цѣльности, какого не достигла легенда объ Анастасіи. На Западѣ, на оборотъ, болѣе извѣстной стала Анастасія, тогда какъ Параскева-Venera не прошла въ народъ.

Русская церковь чествуетъ память нѣсколькихъ свв. Параскевъ: 20-го марта римскую мученицу, пострадавшую при Неронѣ съ сестрами Фотиною Самарянынею и Киріакою; преподобную Параскеву Сербскую—14-го октября; 25-го іюля—преподобномученицу при Антонинѣ, и великомученицу иконійскую, пострадавшую при Діоклетіанѣ—28-го октября. Насъ интересуютъ здѣсь лишь двѣ послѣднія. Объ иконійской святой говорится, что *родители ея всегда чтили пятницу*, какъ день страданій и смерти Спасителя, и отличали ее строгимъ постомъ, молитвой и милостыней; за это Господь въ пятницу же, даровалъ имъ дочь, которую они въ память этого и назвали Параскеуѣю, *то-есть, пятницу*. Такъ объясняетъ святая на вопросъ игемона: „что ради пятница наречена бысть, тезоименитаа .с.—му дни? Святая рече: послушай мене ѿ семъ, понеже родителей христіана сущи проразумѣвши, яко въ .с. день волную и животворящую смерть пріять Господь нашъ Іисусъ Христосъ за миръ спасенія: се оубо проразумѣвши родителей моя чѣще той день параскевгіе съ страхомъ и любовію поюще. Прочее рождшисѧ азъ ѿ образомъ тѣмъ, і наречеся ми імѧ Параскевгію... Сего ради страхомъ и любовію чѣще дне и поставшесѧ день до вечера, разлочающесѧ ѿъ себе смѣшенія ради; по повелѣнію же чловѣколюбиваго Бога роди мѧ мати моя в той день і нарече імѧ мое Параскевгію“. Игемонъ уговариваетъ ее принести жертву богамъ, обѣщаетъ взять ее себѣ въ жены: святая отказывается; тогда ее начинаютъ бить „жилами соуровыми“, затѣмъ, повѣсивъ на деревѣ, строгаютъ ея тѣло, и сочтя ее мертвою, ввергаютъ ее въ темницу, „глагола в себѣ, егда пакі како ѿживеть“.... „Полоупоци же бысть трусъ великъ в темниці. Се два ангела приідоша блещашася в темници, и межи іма явися жена свѣтла препоясана крестомъ, в десной руцѣ носѧще вѣнецъ терновъ, в шоуей руцѣ носѧщи копие, губоу и трость. Глагола къ мучениці: встани, *тезоименитаа*, азъ придохъ сдѣ носѧщи всѧ оружія владычнѧ и страсти. Встани і вижь честное оружіе крестное, трѣння, вѣнецъ и копіе, прободшее животочнаа ребра, трость написавше мироу ѿставление, гоубоу потрѣшоу грѣховъ адамовъ. Встани, ісцѣ-

лаетъ тѣ Господь нашъ Исусъ Христосъ, Спасъ миру. И абіе вста мученица, яко ѿтъ сна, пристоупль же носѣщи гоубу ѿтре ей всѣ язвы си гоубою—и бысть тѣло ея чисто, яко свѣтъ, доброта же лица ея свѣтлѣйши паче первыя“. Возвратившіеся стражи находятъ ее здоровою и возвѣщаютъ о томъ игемону, который снова велитъ привести ее передъ себя. Слѣдуетъ новое чудо святой: по ея молитвѣ падаютъ идола Аполлона и другихъ боговъ. Ее обвиняютъ въ волшебствѣ, игемонъ велитъ принести „свещи огненныя“ и жечь ея ребра, но по молитвѣ святой „отскочи огнь ѿтъ пазоухи ея“ и обратился на ея мучителей. Многіе увѣровали въ Бога Параскевіи; тогда игемонъ рѣшается казнить ее, и ей отсѣкаютъ голову. „На оутри же изыде законопрестоупный геомонъ на ловитвою, внезапноу възсѣа коня его на въздухъ и сверже его в дебрь, и разсыпашасѣ вси оуди его и душу бо злѣ ѿвергъ. И бысть гласъ свыше глаголющъ: ѿтщение бысть многимъ святымъ“¹⁾.

Римская мученица Параскева родилась при императорѣ Антонинѣ въ деревнѣ близъ стараго Рима, отъ христіанскихъ родителей Агаѳона и Политіи, благочестивыхъ, соблюдавшихъ Божіи заповѣди; за это Господь даровалъ имъ, неплоднымъ, дочь, *которая родилась въ пятницу*, откуда и ея имя: Параскева²⁾. По смерти родителей она, пребывая въ дѣвствѣ, проповѣдывала Христову вѣру и многихъ язычниковъ обратила въ христіанство; вслѣдствіе того *Евреи* обвинили ее передъ Антониномъ, который велѣлъ подвергнуть ее мученіямъ. Она погружена была въ сосудъ, наполненный кипящею смолою и олеємъ, которымъ брызнуло на императора, отчего тотъ ослѣпъ, но по молитвѣ святой тотчасъ же прозрѣлъ. Слѣдствіемъ этого чуда было обращеніе къ истинной вѣрѣ императора и многихъ другихъ лицъ. Между тѣмъ Параскева отправляется проповѣдывать далѣе; ее приводятъ къ *Асклетію*, который осуждаетъ ее на пожраніе страшному дракону; святая дѣлаетъ надъ нимъ знаменіе креста, и чудовище лопнуло. Новое обращеніе язычниковъ. Наконецъ, въ другомъ городѣ святая въ третій разъ держитъ отвѣтъ передъ *Тарасіемъ* и принимаетъ мученическую смерть отъ меча.

Имена *Venera* (въ Асколанской церкви: *Venus*), *Veneranda*, заимствованныя отъ пятого дня недѣли, *dies Veneris* (сл. старо-италиан-

¹⁾ Рум. ркп. № 435 (сообщено Е. С. Некрасовою).

²⁾ Въ пятницу распятъ былъ Христосъ. Оттуда русскія поговорки: Парасковія-Пятница—Христовымъ страстямъ причастница.

ское: *venere* см. *Venerdi*) — въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ имени Параскевы. Католическая церковь знаетъ нѣсколько святыхъ имени Венеры или Венеранды. Гаэтани напечаталъ Актъ св. Венеры, родомъ изъ *Gala*, недалеко отъ *Castroreale* (*Castrum Regale*) въ Сициліи. Ея отецъ язычникъ, мать христіанка; посвятивъ свое дѣвство Христу, она должна была испытать преслѣдованія братьевъ-язычниковъ, принуждавшихъ ее выйти замужъ. Скрываясь отъ нихъ въ пещерѣ, вблизи отъ города, она предавалась молитвѣ; здѣсь нашли ее братья и угрожали смертью, если она не согласится на ихъ требованія. Не желая довести ихъ до преступленія, она бѣжитъ, но настигнута братьями, которые, не добившись ея согласія, убиваютъ ее. Гаэтани склоненъ отнести житіе этой святой ко времени владычества Сарацинъ въ Сициліи; того же мнѣнія и Амари ¹⁾.

Болѣе древняя и чтимая на Западѣ — другая святая имени св. Венеры, приуроченная къ Локрамъ, нынѣ *Gerace*. Ея латинское жизнеописаніе издано было въ 1643 году въ Неаполѣ, кармелитомъ Симономъ (*auctore R. P. Fratre Simone a Spiritu Sancto Carmelitano excalceato*): св. Венера или Венеранда Локрійская, именуемая у Грековъ св. Параскевой, названа у него современницей апостоловъ. Если новое названіе Локръ—*Gerace* пошло отъ св. Киріаки, сестры свв. Фотины и Параскевы, мученицъ при Неронѣ ²⁾, то легко предположить, что св. Венера, чествуемая въ *Gerace*, тождественна именно съ этою древнѣйшею Параскевой. Между тѣмъ житіе локрійской святой воспроизводитъ во всѣхъ подробностяхъ знакомую намъ легенду о Параскевѣ, мученицѣ при Антонинѣ: она также научена Священному Писанію, проповѣдуетъ евангеліе по окрестнымъ странамъ, пострадала при двухъ префектахъ и усѣчена мечомъ при префектѣ Асклепій; имена родителей тѣ же—Агаеонъ и Политія.

Въ 1645 году *D. Francesco Gravina de Cruyllas* напечаталъ въ Палермо итальянское житіе св. Венеры. Характеризуя это житіе, Болландисты произнесли строгій приговоръ какъ надъ нимъ, такъ и надъ жизнеописаніемъ, изданнымъ кармелитомъ Симономъ: „*Utraque ista vita*“, говорятъ они, „*rapsodiam potius nugatariam et fabulosam, quam historiam ullo modo tolerabilem exhibet*“. Я прибавлю вслѣдъ за ними еще одно указаніе къ библиографіи

¹⁾ *Ventimiglia*, *Di santa Venera o Veneranda*, стр. 33—36; *Amari*, *Storia d. Musulmani in Sicilia* I, 520. См. *Gaetani*, *Vitae Sanctor. Siculor.* II p. 86.

²⁾ *Ventimiglia*, I. c., стр. 28 sqq.

легенды: „Vita insuper libello Italo graeco Venetiis eodem anno 1645 excusa prodiit auctore Pantaleone Casano Chiensi“.

Г. Питрэ очень обязательно сообщил мнѣ отрывки житія, изданнаго Гравиной ¹⁾, изъ которыхъ видно, что оно въ сущности тождественно съ легендой кармелита Симона, на сколько можно судить по доставленнымъ мнѣ извлеченіямъ изъ послѣдней ²⁾. Разница представляется главнымъ образомъ въ томъ, что Гравина пожелалъ приурочить чествуемую имъ святую къ Сициліи, и потому заставилъ ее родиться въ одномъ сицилійскомъ замкѣ, который толкуетъ какъ Castro-reale, такимъ образомъ, какъ бы отождествляя свою Венеру съ тою, дѣянія которой напечатаны Гаэтаномъ. Въ сущности тождество этимъ и ограничивается, потому что далѣе разказъ Гравины воспроизводитъ знакомыя намъ черты житія св. Венеры Локрійской, то-есть, Параскевы временъ Антонина.

Св. Венера родилась въ одномъ мѣстечкѣ Сициліи, отъ Агатона и Ипполита, родомъ изъ Галліи, въ началѣ II вѣка, при импѣ св. Климентѣ и императорѣ Траянѣ. Мать ея престарѣлая (и до тѣхъ поръ неплодная) родила ее въ мартѣ мѣсяцѣ, въ пятницу (въ Великую пятницу), откуда и имя Параскевы. Съ юности святая отличалась благочестіемъ. Отправившись въ Великую Грецію (Magna Grecia), она посвящаетъ себя тамъ изученію наукъ и Священнаго Писанія; по смерти родителей поступаетъ въ одинъ монастырь Кампаніи, затѣмъ отправляется въ Грецію проповѣдывать евангеліе Евреямъ, и съ тою же цѣлью странствуетъ по всѣмъ областямъ Римской имперіи. Возвратившись въ Сицилію, она снова посѣщаетъ Великую Грецію и идетъ въ Римъ: тогда императоромъ былъ Антонинъ, префектомъ Антоній, папой Сикстъ I. За отказъ принести жертву Аполлону и Артемидѣ, префектъ велитъ жечь ея голову раскаленнымъ желѣзомъ, но оно не тронуло даже волоса; ее распинаютъ на крестѣ, вырываютъ клещами груди, бьютъ жилами, привя-

¹⁾ Сообщаю заглавіе: Vita di S-a Venera, da Latini detta Veneranda, da Greci Parascève, vergine martire e Predicatrice di Cristo, scritta da D. Francesco Gravina de Cruyllas. Estratta da molte omelie de santi Padri Greci e Latini e cavata da non poche scritture a penna. Con privilegio. In Palermo nella stamperia d'Alfonso dell'Isola (stamperia camerale).

²⁾ За извлеченіе изъ житія, написаннаго fra Simone dello Spirito Santo Carmelitano scalzo (Napoli, appresso Ottavio Beltrano, 1643, in 4-o, p. 104) принимаю мою благодарность почтенному итальянскому библиографу, г-ну адвокату Francesco Antonio Casella.

зываютъ къ дереву. Она чудесно освобождается. Слѣдуетъ обращеніе язычниковъ. Ее заключаютъ въ темницу, откуда выводитъ ее ангель. Ее колятъ раскаленными иглами, погружаютъ въ кипящее масло; по прошествіи нѣсколькихъ дней, она также здорова, какъ и прежде. Вслѣдствіе этихъ чудесъ, префектъ принимаетъ христіанство. Венера снова обращается къ проповѣди: одинъ подвластный Риму царь, котораго Латиняне называютъ Теміемъ, Греки—Тарасіемъ (Taresio), а обыкновенно — Теотимомъ, велитъ ее бить и обрекаетъ на смерть: ее ведутъ въ пещеру, гдѣ драконъ долженъ пожрать ее; слѣдуетъ небесное знаменіе; чудовище лопнуло, царь и народъ становятся христіанами. Въ Галліи, куда далѣе отправляется святая, начальникъ провинціи Асклепиадъ принуждаетъ ее молиться языческимъ богамъ, подвергаетъ мученіямъ, и наконецъ, казнитъ отсѣченіемъ головы.

Въ концѣ житія Гравина сообщаетъ свѣдѣнія о распространеніи культа св. Венеры въ Европѣ, Азій и Африкѣ. Нѣкоторые другія указанія собраны у Ventimiglia. Въ одной хартіи 1052 г. упоминается монастырь: *bosabulum S. Beneri de locum Cornitu*, принадлежавшій церкви св. Софіи въ Салерно и содержавшій, въ числѣ прочей утвари, *codices tres Grecishi* (Ventimiglia, I. c., стр. 48, и документъ на стр. III—V). Культъ св. Венеры распространился не только по южной Италіи, но и въ Сициліи, Кандіи и Мальтѣ. Она чествуема была въ Венеціи и въ Капуѣ: *Ascoli, Gerace* и *Lecce* были главными мѣстами ея почитанія: въ старое время въ *Lecce* ее поминали въ страстную пятницу, день ея рожденія. Въ Мессинѣ была греческая церковь имени св. Венеры. Особымъ почетомъ пользуется она въ Сициліи: въ Катапії, въ округѣ Сиракузы, въ Цялцѣ, Ачи (цѣлебный источникъ), Аволѣ (св. Венера, покровительница города), *Castelluono, Cefalù, Mazzara, Cammarata, Bronte, Caltanissetta, Caccamo, Mezzojuso* и другихъ мѣстностяхъ, гдѣ ей посвящены церкви, монастыри, источники; въ Никоніи нѣтъ церкви, но есть праздникъ св. Венеры. Гдѣ она чествуется, тамъ пятницу — ея день. Питрэ сообщаетъ мнѣ, что ея именемъ названа одна гора въ Сициліи ¹⁾. *Santa Veneranda la xè sora le aneme dei povari morti che va a torzio* ²⁾, говорятъ въ Венеціи.

¹⁾ *Питрэ*, Пятница въ народныхъ итальянскихъ повѣрхяхъ.—Гора св. Параскевы существуетъ и въ Болгаріи.

²⁾ *Bernoni, Pregliere*, p. 45.

Болландисты въ своемъ собраніи не разъ касались вопроса о святыхъ имени Параскевы ¹⁾ и пришли къ такому заключенію: „*Ad hoc devenimus, ut Parascoven Graecorum, Parascoven item Iconiensem Slavorum, Veneram Italarum, unam eandemque personam esse credamus, cujus gesta, ex hominum memoria pridem deleta, fabulis locum fecerunt*, ac juxto ordinem in nostro opere statutum examinanda venient cum Martyrologii Romani annuntiatione ad diem XIV Novembris“ ²⁾.

Пока критическое изслѣдованіе, обѣщанное Болландистами, еще не явилось, но одинъ результатъ его ясенъ для насъ: сходя къ одному и тому же дню (14-го ноября) чествованіе свв. Параскевы и Венеры, они признали тождественными, какъ обѣихъ святыхъ, такъ и сложившіяся о нихъ легенды.

Популярность въ русско-славянской области житія св. Параскевы, рожденной отъ родителей, особенно почитавшихъ пятницу, можно объяснить лишь прочно установившимся въ народѣ обычаемъ чествовать этотъ день. Житіе дадо точку опоры этому народному культу, готовые черты, которыми тотчасъ же воспользовалась склонная къ олицетворенію мысль. Олицетворенная Пятница явилась съ чертами св. Параскевы, *Нареченная Пятницы*; церкви, посвященныя св. Параскевѣ, назывались и до сихъ поръ повсюду называются *пятницкими*, какъ *пятницами* зовутся небольшія часовни на столбахъ, съ иконою св. Параскевы, помѣщаемыя издавна на распутіяхъ и перекресткахъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что это значеніе не стоитъ ни въ какой связи съ св. мученицей Параскевой, и всего вѣроятнѣе, привязывается къ старому запрету: „яко во тыс дни ничтоже подобаетъ творити, ни *путышествовати*“. Въ азбуковникахъ, объяснявшихъ значеніе именъ, показывалось, что Параскевіа значить *пятко*; *святая Пятница бываетъ на святую Парасковью*, говоритъ русскій народъ ³⁾, такъ

¹⁾ См. Acta Sanctorum подъ V Мая t. II., p. 790 n. 2; подъ XXIV Julii (въ числѣ praetermissi p. 491), подъ XXVI Julii (въ числѣ praetermissi, p. 232), подъ XXVIII Julii (въ числѣ praetermissi, p. 502—3); подъ XIV Octobr. (in Auctario p. 59, n. 1); подъ XXIII Octobr. (подъ praetermissi, p. 420). Обстоятельное изслѣдованіе о св. Венерѣ, доставленное мнѣ Ф. А. Казеллой, принадлежитъ Domenico Ventimiglia: Di S. Venera o Veneranda, vergine e martire delle Gallie, da' Greci appellata S. Parascève. Napoli, Palano 1831. Сл. *Martinov*, Annus ecclesiasticus graecoslavicus (подъ 25-мъ, 26-мъ іюля, 28-мъ октября, 13-мъ и 14-мъ октября).

²⁾ AA. SS. oct. t. XII, Praetermissi подъ 28-мъ октября, p. 420.

³⁾ *Порфирьевъ*, I. с., 196—197.

же бессознательно смѣшивая имена, какъ смѣшалъ образы. Мученія Параскевы-Пятницы продолжаютъ и теперь, потому что есть нечестивые люди, которые не блюдутъ ея дня, женщины, которыя шьютъ и прядуть по пятницамъ; оттого, разказываютъ въ Малороссіи, — Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченнаа веретенами. По пятницамъ не слѣдуетъ ни прастъ, ни пахать, чтобы не запылить Матушку Пятницу и не засорить ей кострикой и пылью глазъ ¹⁾. Есть другой варіантъ этого запрета: не мыкать мычки и не прастъ въ пятницу, чтобы не засорить кострикою глаза усопшимъ родителямъ ²⁾; но третій варіантъ интереснѣе: чтобы не запылить *Богородицы* ³⁾. Въ цѣломъ рядѣ духовныхъ стиховъ разказывается о томъ, какъ Парасковія Пятница являлась отшельнику и поучала его; въ одной редакціи ⁴⁾ она представляется въ странномъ смѣшеніи съ Богородицей: пустыннику

*Пятница во снѣ приснилась
И Богородица появилась,
Дала ему руки и ноги и т. д.*

Вспомнимъ выраженіе житія о Параскевѣ Иконійской, гдѣ Богородица называетъ ее *тезоименитою*. Такое же смѣшеніе мы встрѣтили выше: *Богородица* съ Анастасіей, какъ съ олицетвореніемъ *Рождества* Христова, иначе — *бабкой* Христа. Необходимое вліяніе, какое всегда оказываютъ на образы, слагающіеся въ народной фантазіи — типы, вполне установившіеся и опредѣленные, естественно объясняетъ такое смѣшеніе. Только въ сближеніи Пятницы съ Богородицей мотивъ былъ другой; я нахожу его въ евангельской повѣсти о смерти Спасителя: у подножія креста образъ *стѣнущей* Богоматери сливался въ народномъ воображеніи съ олицетвореннымъ днемъ *страданія* Христова. Въ одномъ частномъ случаѣ мы даже можемъ услѣдить, по какимъ чисто виѣшнимъ, календарнымъ причинамъ совершилось такое же сліяніе. Русскія крестьянки обращаются къ Богородицѣ съ молитвою даровать имъ жениха. Какъ бѣлорусскія пѣсни отличаютъ Пречистую отъ Большой и Меньшой, такъ различаются Покровъ-Богородица, Введеніе-мать-Богородица, и даже Срѣтеніе-мать-Богородица. „*Введеніе-мать-Богородица! Введи меня на чу-*

¹⁾ *Аванасьевъ*, Поэт. воззрѣнія, I, 233.

²⁾ *Воронежскій Литер. сборн.*, 299.

³⁾ *Аванасьевъ*, I. с., I, 234.

⁴⁾ *Везсоновъ*, Кал. VI, № 594.

жую сторонущу! *Срѣтеніе* - мать - Богородица! *встрѣть* меня на чуждой сторонущѣ!—*Покровъ*-пресвятая Богородица! покрой мою побѣдную голову жемчужнымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ!“ Или: „Ты, *Покровъ*-Богородица! покрой меня дѣвушку пеленой своей нетлѣнною—идти на чужую сторону. Мать *Покровъ*! покрой землю снѣжкомъ (Покровъ пресв. Богородицы празднуется 1-го октября), меня молодую платкомъ (или женишкомъ)“. Въ Бѣлоруссіи дѣвушки ставятъ свѣчи передъ иконою Божьей матери и молятъ: „Святой *Покровъ*! покрывъ землю и воду, покрый и меня молодую!“ Отсюда объясняется поговорка: „Придетъ *Покровъ*, дѣвкѣ голову покростъ“. Аванасьевъ ¹⁾ указалъ на естественный символизмъ, связавшій въ представленіяхъ народа праздникъ Покрова съ брачными отношеніями: Покровъ Богородицы вызвалъ представленіе брачнаго покрывала неvěсты, фаты, которою ей окручиваютъ голову. Девятая изъ временныхъ пятницъ приурочивается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи передъ праздникомъ Покрова ²⁾; вотъ почему на Пятницу-Параскеву, на которую народъ приучился смотрѣть, какъ на символическій образъ святаго дня, перенесены были атрибуты Покрова, и дѣвушки, желающія выйти замужъ, обращаются съ мольбою къ пятницѣ: „Матушка Пятница Параскева! покрой меня (или пошли жениха) поскорѣй“. Въ Вологодской губерніи на *девятую Пятницу*, *то есть*, на икону Покрова пресвятой Богородицы, взрослые дѣвицы строятъ *обиденную* пелену: собравшись вмѣстѣ, онѣ теребятъ ленъ, прядутъ, ткутъ—и оканчиваютъ работу въ одни сутки ³⁾. Эта пелена стоитъ, можетъ быть, въ связи съ указаннымъ выше символическимъ значеніемъ „покрова“ и лишь выѣшнимъ образомъ приурочена къ пятницѣ. Чтобы выдѣлить, на сколько возможно, ея самостоятельный образъ изъ тѣхъ смѣшеній, которымъ онъ могъ подвергаться, намъ необходимо обратиться къ другому рода преданіямъ и другимъ памятникамъ.

Въ русскихъ ⁴⁾ и малорусскихъ ⁵⁾ духовныхъ стихахъ Пят-

¹⁾ Аванасьевъ, I. с., I, 236—240.

²⁾ Ib. 232.

³⁾ Ib. 237.

⁴⁾ Безсоновъ, Кал., VI, № 592 (сл. редакцію, напеч. Якушкинымъ въ Отеч. Зап. 1860 г., апрѣль) 593—4, 595 (=Чтен. О. Н. и Др., 1868, № XI.VII), 596—7, 598 (=Чтен., Ib., № LII), 599—604.—Литовиси русск. литер. 1859—60, книжки VI-ая: О пятницѣ, стр. 176 (собщ. Гамбовымъ).

⁵⁾ Записки южанаднаго отъла Имп. русск. геогр. Общ., I, 1873 г., матеріалы, стр. 32—33: пустельникъ (снѣтельный) и пятница.

ница (Пятница Парасковія, Пятенка, Пятница Парасковея) является труднику или пустыннику, спасающемуся въ пустынь (въ рощичкѣ; по пущамъ) или въ Іерусалимѣ (*Безс.*, 592 и 601)¹⁾, „на той горѣ на Эртепѣ“ (Вертепѣ=вертепъ въ Вилеємѣ); нѣны редакціи даютъ ему имя: Василій (*Безс.*, 592)²⁾. Пятница объявляется ему по снѣ, но иногда приходитъ къ нему и „въ явь“ (*Безс.*, 600; сл. 596, 601): она оградила его крестомъ, рукой его благословила, свѣчой освѣтила.

Що ю правой руці хрест держала
А в лівой руці свѣчу троицю.
Вона его крестом охрестила
Свѣчею троицею освѣтила,
Темными ладанами наладила,
Божими словесами розбудила

(Зап. юго-западн. отд. Геогр. Общ., I. с.).

Трудникъ не владѣлъ ни руками, ни ногами³⁾, не видѣлъ ясными очами. Пятница исцѣлила его отъ его немощей и велитъ идти по всему свѣту (на святую на Россію, *Безс.*, 592), поучая людей. Остальная часть стиха занята наставленіемъ Пятницы, преподаннымъ ею пустыннику. Главное содержаніе его намъ знакомо:

Ой ви, мужи вгодніи, жени спасени!
Неробить ви три дня на недѣлю,
Що й у пятницю платя не золіте,
А в суботу пилом не пиляте,
Стало бѣть мпчеп не мпчайте,

¹⁾ Въ ММ 595, 597—8 явленіе Пятницы опущено—по забвенію или искаженію.

²⁾ Сл. Якушкина, Русск. пѣсни, № XVI и *Безс.*, Кал., VI, № 572 и слѣд.: стихи о Василіи Великомъ и Богородицѣ, являющейся ему и побуждающей его оставить пьянство. Эти стихи представляютъ замѣчательную аналогію съ стихами о Пустынникѣ и Пятницѣ, предлагая такимъ образомъ новый матеріалъ для исторіи отождествленія Пятницы съ Богородицей. Пьянство, со всеми его слѣдствіями, является здѣсь такимъ же смертнымъ грѣхомъ, какъ въ другихъ случаяхъ несоблюденіе пятничнаго поста. Стихъ сложился, вѣроятно, на основаніи статьи, встрѣчающейся въ старинныхъ русскихъ рукописяхъ. Сл. слово Василія «о томъ, како подобаетъ въздержатися отъ пьянства» у *Срезневскаго*. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, въ *Сборн. отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. наукъ*, т. XII (1875 г.) стр. 321—6. Съ другой стороны Василій - пьяница духовнаго стиха, дакъ, можетъ быть, названіе одному изъ героев нашихъ былинъ: Василію-пьяницѣ, упынсливому.

³⁾ Только у *Безс.*, № 592 и 604, нѣтъ этой черты.

Сами не трусите;
У воскресный же день до церквей ходите ¹⁾.

Какъ эти поученія, такъ и непосредственно слѣдующее за ними, являются постоянными чертами почти всѣхъ редакцій стиха. Внушая родителямъ не обзывать своихъ дѣтей Жидами, стихъ приготавливалъ себѣ естественный переходъ къ воспоминанію о смерти Спасителя, памятуемой, какъ извѣстно, въ пятницу:

І отецъ и мати чади своего не проклиняйте,
Жидами—урагами не называйте ²⁾:
Бо жиди во Христа прокляти,
Жиды Суса Христа распинали!
Терновый вѣнецъ на главу клали и т. д. (ib.).

Это упоминаніе о крестной смерти разрабатывается иногда и далѣе, по излюбленнымъ мотивамъ. Такъ, въ Снѣ Богородицы; такъ и здѣсь. Жиды замучили Христа; онъ положенъ въ дубовую гробницу:

Завидѣла Матушка Марья,
Текеть, Пресвятая, слезно плачетъ,
Дубову гробницу обливаетъ:
«О сыне ты мой, Христе Боже!
Устань со гробницы со дубовой,
Возьми ты ключи золотые,
Отомени ты пеклу негасимую
Да выпусти души справедливыя,
Которыя Богу не грѣшили,
Отцовъ своихъ, матерей почитали,
И родъ да племя уважали ³⁾.

Наоборотъ, проклята та душа, что „въ отробѣ младенца прокланала, некрещенымъ Жидомъ называла (въ утробѣ задушила), жену съ мужемъ разлучала, отца-матеръ по матерну бранила:

¹⁾ *Записки южанадин. отд.*, I. с.

²⁾ Такимъ-же увѣщаніемъ (И вы дѣтей своихъ жидами не называйте) кончается весьма интересная редакція духовнаго стиха о царевичѣ Іосафетѣ (*Всесоюз.*, Калѣни, I № 54): Ісаѣй проситъ прекрасную мать пустыню—принять его; пустыня отвѣчаетъ: Какъ придетъ-то весна красна, — Разольются всѣ луга, болоты.... А ты и вонъ выдеешь.—Далѣе принимался стихъ о Пятницѣ: Приняла его распрекрасная мати пустыня—Онъ въ ней и трудился—И легъ онъ почивать—И речетъ ему распрекрасная мати пустыня: «Ты вставай, раба Божья, человѣче» и т. д. Слѣдуютъ тѣ же увѣщанія, съ какими является къ пустынинику олицетворенная Пятница.

³⁾ *Вѣст.*, № 600; сл. 599: «Ты вставай, Петръ и Павелъ, Ты бери ключи золотые, Отмыкайте райскія двери» и т. д.

Въ чистое поле выходила,
Матушку рожь заломила,
Во ржи она споръ отпымала.

Ивановски ночи не всыпала,
Въ чистое поле выходила,
Коровушекъ она заклпкала,
Въ коровахъ молоки отпымала,
Подъ горьку осину выливала (Безс., 600) ¹⁾.

Послѣднія подробности предлагаютъ интересный образчикъ того, какимъ образомъ распространялась чертами народного суевѣрія формула, касавшаяся первоначально лишь соблюденія воскреснаго покоя и поста въ пятницу. Выйдя изъ церковнаго поученія, она послѣдовательно переходила къ значенію заговора и амулета, какимъ стали и Сонъ Богородицы, и Эпистолія о недѣлѣ. Заключительные стихи малорусскаго пересказа показываютъ, чѣмъ стихи о Пятницѣ и пустынникѣ употреблялись въ томъ-же смыслѣ;

А кто сей стихъ перепише,
А кто сей стихъ перепоет,
Отъ его души царствіе вѣчно уготовашее ²⁾.

Народное развитіе образа не остановилось на неопредѣленныхъ очертаніяхъ стиха, отзывающихся строгимъ стилемъ легенды. Пятница не только является святымъ, милостивая и спасительная, но и вообще показывается среди людей, наставляя ихъ христіанскому житію ³⁾. Стоглавъ говоритъ о живыхъ пророкахъ, мужакахъ, и женкахъ, и дѣвкахъ, и старыхъ бабахъ, которыя ходятъ по погостамъ, селамъ и волостямъ, „и волосы отрошивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія и велятъ имъ заповѣдати хрестыаномъ каноны заѣвчивати; они же заповѣдаютъ крѣстьянамъ въ среду и въ пятницу ручного дѣла не дѣ-

¹⁾ Сл. Ів. №№ 595, 599, 602—3; Караджичъ, Срп. нар. цј. из Херц. № 333 и такое же порочисленію семи неотмолимыхъ грѣховъ въ апокрифическомъ хомденіи Богородицы, у Тихомира, Нам., II, № 2, стр. 31.

²⁾ Въ народѣ ходятъ молитвы, сочиненныя въ честь Пятницы: онѣ носятъ на шеѣ противъ чаръ и отъ различныхъ недуговъ, или привязываются къ больной головѣ. Анастасіевъ, Легенды 149; Повтис. возврѣн., I, 240. Разумѣется ли подѣ ягнѣмъ — стихъ о Пустынникѣ и Пятницѣ, или кlementовская статья — я не знаю.

³⁾ Для послѣдующихъ подробностей см. вообще Анастасіева, Повт. возврѣн. I, 232—233; III, 131.

лати и женамъ не пряхти, и платья не мыти, и каменья не разжигати". Пятница является обыкновенно суровою и карающею, потому что грѣшныя люди не соблюдаютъ ея дня воздержаніемъ отъ работы. Духовный регламентъ свидѣтельствуетъ о народномъ суевѣріи, что „Пятница иѣвается на испразднующихъ (ея дня) и съ великимъ на оныхъ урощеніемъ наступаетъ". Причины ея гнѣва понимаются реально. Кто шьетъ и придетъ въ ея дни, тотъ причиняетъ ей уколы иглами и веретенами; кто прядетъ, тотъ запорашиваетъ ей глаза кострикою и пылью. II Пятница наказываетъ за это ногоубодою, заусеницею, засоритъ кострикою глаза пряхъ, либо сводитъ имъ пальцы на рукахъ ¹⁾). Въ Воронежской губерніи разказываютъ, что если мужики будутъ пахать, а бабы прастъ въ пятницу, то Параскева наведетъ на нихъ крѣпкій сонъ, сниметъ черепъ и насыплетъ въ голову пахавшаго земли, а въ голову пряхи—кострики ²⁾). Подобнымъ образомъ мститъ и Берта не соблюдающимъ ея поста; она распарываетъ имъ животъ, и вынувъ изъ него запретную пищу, наполняетъ его сѣчкой, пучками соломы (Wirtbüschel) и кирпичами, и зашиваетъ его желѣзною цѣпью—вмѣсто нитки, и лемешемъ—вмѣсто иглы ³⁾). Если въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пятницу не засиживаются долго при огнѣ, потому будто, что въ эти дни ходитъ по домамъ св. Пятинка и караетъ не спящихъ,—то это, вѣроятно, связывается съ запретомъ работы на вечернихъ посидѣлкахъ. Въ пятницу нельзя золить бѣлья, а то на томъ свѣтѣ Пятница будетъ гоняться ⁴⁾). Румыны также вѣрятъ въ обходы Параскевы, наказывающей работающихъ въ ея день ⁵⁾).

¹⁾ Труды этнограф. статист. экспедиціи въ Западно-Русск. край и т. д. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранн. Чубинскимъ, т. I, изд. подъ наблюденіемъ Гилътебрандта, стр. 217. Иногда наказаніе за несоблюденіе пятничнаго покоя переносится на тотъ свѣтъ, становясь въ ряду загробныхъ возмездій. Такъ, въ повѣрьи у Драгоманова, Малорусскія народныя преданія и разказы, стр. 22: «одна баба замирала, і як водили II по тому світі і показували все, то бачила вона в одному місті такого черви багата—страх. «Що се? пита».—«А це, кае, та костриця, що баби по п'ятницям прядуть та трусять! Тай і пхнуув II туди. Тут вона і прокинулась.»

²⁾ Потебня, О мненіи о значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, въ Учен. Изв. Общ. Ист. и Древн., 1865, III, стр. 217.

³⁾ J. Grimm, Deutsche Mythol. (3 Ausg.) I, 251—2; Nibel, Sagenbuch des Voigtlandes, p. 103—4 и др.; см. мою статью: Сивилла-Самовилла и т. д. 28—1.

⁴⁾ Тр. З.-Р. эксп., Народн. Дієви., 256.

⁵⁾ Schmidt, Das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch der Rumänen

Подобно Пятницѣ, гнѣвается и Недѣля на несоблюдающихъ ея праздника: по малорусскому повѣрью, „Недѣля или Пятница иногда является тѣмъ, которые работаютъ въ ихъ дни, въ видѣ дѣвицы слышанной красоты. Пряхамъ Недѣля говоритъ, что онѣ прядутъ не ленъ, а ея волосы, и указываетъ при этомъ на свою изорванную косу; молотильщикамъ она показываетъ свое бѣлое тѣло, покрытое синими пятнами, и говоритъ, что это они еѣ такъ цѣпами калѣчать“¹⁾).

Слѣдующія легенды покажутъ лучше всего, изъ какого круга представленій развился и какими идеями поддерживается миѳическій образъ Пятницы. Я присоединю къ нимъ легенду о Средѣ, также олицетворенной и также являющейся людямъ, хотя олицетвореніе не достигло здѣсь той силы и популярности, какой пользуется въ народѣ Пятница-Параскева:

1. У одному селі жинка сіла у пѣятницю ткать полотно. У хаті вона була одна. Коли се приходить у хату жинка-пѣятниця: взяла, зідрала тнеі жінки шкуру и повісила її на верстаті; це за те, що вона ткала въ пѣятницю²⁾).

2. Када-та одна баба ни пачла матушку Пятницу и учла прядиво мыкать да вертѣть. Прапряла она да обѣда, и вдругъ сонъ на нее нашель — такой магучай сонъ — уснула она, вдругъ отварила дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница въ-очью всѣмъ, въ бѣломъ шушунѣ, да сердитая такая! и шмыхъ пряма къ бабѣ, ще пряла-та. Набрала въ горсть кастрики съ пола, какая атлѣтала-та атъ мочекъ и ну насыпать ей глаза, и ну насыпать! Насыпала, да и была такова: паминай, какъ звали! Ничаго и ня молвила, сярдешная. Та баба какъ проспѣлась, такъ и взвыла благимъ матамъ атъ глазъ, и не вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія сидя въ ужасы, и учили вапить: „ухъ ты акаянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы“ — и сказали ей все ще было. Та баба слушала-слушала, и ну прасить: „матушка Пятница! взмилуйся мнѣ, памилуй меня

Siebenbürgens p. 19: *Venus*, welcher der Freitag heilig ist, und die *Paraschiva* genannt wird.

¹⁾ *Потебня*, I. с., стр. 222, съ ссылкой на *Rulikowski*, *Opis Pow. Wasyłk.*, 167.

²⁾ *Труды этн. стат. эксп.* и т. д., *ib.*, стр. 127. «Въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи разказываютъ, что «нички» (то-есть, ночки), миѳическія женскія существа, ночью, особенно по пятницамъ, шалать въ домахъ. Бабы передъ сномъ прячутъ кудели; если не спрятать кудели, то ночки выпрядутъ ее всю». *Потебня*, *ib.*, стр. 217.

грѣшную; поставлю те свѣчку, и другу-недругу закажу обижать те, матушка"! И ще-жъ ты думаешь? Ночью, вишь, апять приходила ана и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и ана апять встала. Грѣхъ великой обижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прять ').

Гриммъ ²⁾ приводитъ сходное сказаніе о Бертѣ, отличающееся тѣмъ, что причиной ослѣпленія является неумѣстный смѣхъ прихи. Извѣстными отношеніями Берты къ пряхѣ и женской работѣ даютъ поводъ предположить, что первоначально причина наказанія была другая. Однажды, въ ночь на Крещеніе (Erirhania), приха возвращалась домой съ работы, когда съ нею повстрѣчалась Perchtha, окруженная цѣлою толпой дѣтей (Heimchen) одного роста и вида. Одни изъ нихъ тащили тяжелый плугъ, другія—всякаго рода домашній скарбъ, и всѣ жаловались, что у нихъ нѣтъ болѣе родины. При видѣ такого страннаго зрѣлища, приха громко засмѣялась, испуганными дѣти побросали ношу, упустили плугъ, и то, и другое скатилось подъ гору. Тогда разгнѣванная Берта подошла къ прихѣ и подула на нее, отчего та мгновенно ослѣпла. Всю ночь проплутала она, и лишь подъ утро другіе люди вывели ее въ деревню. Но она не могла болѣе работать, обнищала, и сидя у дороги, просила милостыню. Ровно черезъ годъ, въ ту же ночь наканунѣ Крещенья, Берта снова вернула въ ту же мѣстность; слѣпая, не распознавъ ее, попросила у ней милостыни и разказала, какъ приключилось съ ней горе. „Годъ тому назадъ я задула два огопька“, милостиво отвѣчала Берта,— „теперь я зажгу ихъ снова“. Она подула на слѣпую, и та прозрѣла.

3. Сидѣла разъ позна ў пятницу баба пыдъ вокномъ и пряла. Чуиць — нехто ў вокно стукаицца, отхутала ина вокно, глядзиць: баба старынькая, сморщенная, якъ сучокъ, стоиць и питаицца у яе: Што ты молодзицца, такъ позна прадзень?—Якъ жа миѣ не прасць, коли у мене дзѣтки малыи не пособюць—самѣй наха.—Ну, коли-жъ ты такая пильная, на-жъ табѣ сто вирацѣнь, кабъ жа ты миѣ ихъ къ заутраму усн напрала.—Якъ сказала гѣто баба, такъ и подзѣлася нивись куды, якъ скрозъ донную провалилась. Спужалася молодзицца, видзиць, што пѣшто неладно, думала, думала, ште еѣ дзѣлаць? ди

¹⁾ *Аванасыгов*, Нер. русск. легенды, № 13.

²⁾ *Deutsche Myth.* 3-е А. I, p. 254 (изъ *Börnners Volkssagen aus dem Orlagan*); *Wittschel*, *Sagen aus Thürigen*, p. 231—id; *A. C. Köhler*, *Volksbrauch, Aberglauben und andre alte Ueberlieferungen im Voigtlande*, pp. 490—491—id; *Eisel*, *Sagenbuch des Voigtlandes*, p. 104. (Берта является безъ Heimchen).

й придумала, ни стала руцнеу прасць, а узила, да по одной ниточки на кажны вирицяно намотала, такъ уси сто вирацѣнь до дня и замотала. До свѣту зноу старуха приходзиць и питацца: А што, молодзиця, чи позапрала мнѣ мои вирацѣны? Молодзиця показала ей вирацѣны, и сказала ей старуха: Разумная ты, молодзиця, што такъ сдѣлаць догадалася, ня сдѣлай ты гэтого, а отдай мнѣ голны вирацѣны, ябъ цибе самую якъ голое вирицяно скрутила ды ссушила. Я свитая Пятница. Гляdzi, борони цибе Боже, ни разу у пятницу ни прадзи ¹⁾.

То же самое разказывають о Бертѣ-Энифаніи: въ навечерье своего дня она навѣщаетъ засидѣвшихъ за работой пряхъ, задаетъ имъ работу не по силамъ, которую онѣ должны исполнить въ короткій срокъ, иначе она спутаетъ и изгадитъ пряжу. Однажды она застала въ горницѣ веселое общество; разсерженная Берта подала черезъ окно двѣнадцать веретенъ или мотушекъ, съ наказомъ, чтобы черезъ часъ они были обмотаны и готовы къ ея приходу, иначе она накажетъ виновныхъ. Тѣ не знаютъ, что дѣлать, за что приняться, а время уходитъ; одна бойкая дѣвушка догадалась: достала съ чердака пакли, обвертѣла ею веретена, сверху ихъ наскоро обопрала нитками въ два-три раза, такъ что веретена казались полными. Когда Берта явилась, и ей подали работу, она приняла ее и удалилась, качая головою ²⁾. Въ другомъ разказѣ старая прилежная пряха работаетъ вечеромъ наканунѣ Крещенія. Сынъ и сноха пугають ее местию Берты. „Мнѣ дѣла нѣтъ“, отвѣчала она;—„Берта, чай, не приносеть мнѣ рубашекъ, мнѣ самой прійдется на нихъ напрасъ“. Черезъ нѣкоторое время окно отворилось, и Берта бросила въ комнату множество пустыхъ веретенъ съ тѣмъ же наказомъ и тою же угрозою, какъ и въ предыдущей легендѣ. Застрашенная пряха нашлась: обмотала по нѣскольку нитокъ вокругъ каждого веретена и бросила ихъ въ потокъ, протекавшій мимо дома. Вѣроятно, это умилиствовало Берту, потому что легенда ничего не говоритъ о ея карѣ ³⁾.

¹⁾ *Illéus*, Вѣлорусск. нар. пѣсни, стр. 425—6.

²⁾ *Grimm*, D. M. 3 A. I 252 (по *Börner*, *Volkssagen aus dem Orlagau*, 1838, p. 159), *Witschel*, l. c. 229—230 = id. То же сказаніе о *Frau Faste* (въ Эльзасѣ), о *Fronfastenfrau* (въ Баденѣ) = Берта. «*Ea ist damit Fronfasten vor Weihnacht, ihr altes Hauptfest, personificiert.*» *Hertz*, *Deutsche Sage in Elsass*, p. 45—6. Ср. *Baader*, *Neugesammelte Volkssagen*, Karlsruhe, 1859 №62 (изъ Бадена); *Bechstein*, *Thüringer Sagenbuch* (Wien u. Leipz. 1858, II, 162). Къ *Fraustuten* см. *Rochholz*, *Naturmythen*, *Neue Schweizer sagen*, p. 139.

³⁾ *Grimm*, l. c., 252; *Witschel*, l. c., 230 = id.; *Köhler* l. c., 489 = id.; *Eisel*,

Трудныя задачи, которыя необходимо исполнить въ короткій срокъ, принадлежать къ очень обыкновеннымъ сказочнымъ мотивамъ. Берта и Пятница, присматривающія за соблюденіемъ посвященныхъ имъ дней, наказываютъ слишкомъ рьяныхъ работницъ, насылая на нихъ болѣзни, либо предлагая имъ, подѣ страхомъ наказанія, задачи, исполнить которыя кажется невозможнымъ. Что задачи эти касаются преимущественно женскаго труда, пряжи, — объясняется тѣмъ простымъ символизмомъ, что и Берту, и Пятницу народъ представляетъ себѣ женщинами. У насъ нѣтъ календарно-миѳическаго выраженія, которое прямо отвѣчало бы образу западной Берты-Эцифани; но одинъ бѣлорусскій рождественскій обычай напоминаетъ задачи, которыя она даетъ пряхамъ, не почитающимъ Святкоѣ воздержаніемъ отъ мірскаго дѣла. Вспомнимъ, что Берта, прежде всего, олицетвореніе святочнаго цикла; въ эту пору она и странствуетъ между людьми. Въ Бѣлоруссіи на „Рыжтвѣнныхъ святкахъ“ (отъ 24-го декабря до 7-го января включительно) не работаютъ, а если отступаютъ отъ этого обычая, то выбираютъ себѣ работу такую, которую можно бы непременно кончить съ окончаніемъ святкоѣ. „Жаночкамъ работа“ въ это время заключается преимущественно въ приданьи нитокъ. Пряха приготовляетъ себѣ кудель пропорціонально рабочимъ днямъ, имѣя въ виду и свою руководѣльную ловкость. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ ей нельзя кончить своей работы къ концу „рыжтвѣнныхъ святкоѣ“, то пряха имѣетъ право приглашать „товаришекъ“, и онѣ общими усиліями оканчиваютъ работу, не раздѣляя, однако, кудели. За невозможностью собрать „товаришекъ“, или въ случаѣ недостаточнаго ихъ числа, позволяется „раздѣлять куделю“, то-есть, развертѣть тѣмъ же порядкомъ, какимъ она первоначально свертывалась¹⁾. Вспомнимъ также *обыденную пелену*, которую вологодскія крестьянки строятъ 9-й пятницу — непременно въ однѣ сутки.

4. Слѣдующій бѣлорусскій разказъ²⁾ соединяетъ въ одномъ ходженіи „святыхъ угодниковъ“ — Пятницу и Субботу, какъ сербскія

Sagenbuch des Voigtlandes (Gera, 1871) p. 103. Тѣ-же разказы о Berchtolt'ѣ у Гримма, I. с. 257. Въ одномъ повѣр'и у Баадера № 45 какая-то женщина (Пятница?) подаетъ черезъ окно три необмѣтанные веретени прихѣ, работавшей въ полночь на пятницу.

¹⁾ Мейн, Бѣлор. нар. пѣсни, 36-9.

²⁾ Ib., стр. 426-7.

пѣсни поютъ о земныхъ явленіяхъ Воскресенія и Пятницы ¹⁾. Въ числѣ приведенныхъ выше пятничныхъ легендъ этотъ разказъ занимаетъ особое мѣсто, и кажется, лишь извѣстнѣе приуроченъ къ нашему циклу своимъ заключеніемъ о необходимости чтить Пятницу:

Послау разъ Богъ святыхъ угодникоу своихъ, Пятницу дѣ Субботу, поглядѣвъ, што на свѣцѣ робицца дѣ дѣвицца. Вотъ и пошли святые угодники рано ранѣхонька, ище сонца куды нѣ ускодзила. Идуць яны, идуць, ажно имъ на дорогѣ дзярвушка попалася; заглянули яны у першую хату, ажно, глянь, дѣвка большая, пригожая, здоровая ужѣ и устала и помылася и почесалася и Богу помолилася и короу подонла, хату подмела, печку затопила дѣ й, покуль горшки варуцца, сѣла на пирадку и прадзець. Подзивилися угоднички на працавитуу дѣвку и пошли дальши, прошли дзяреуню, вышли на поле, у поли яще пусцѣхонька, нѣ души, только на однѣй ниуки молодзець молодѣй, пригожій, ужѣ знаць, дауно орець, зъ яго и зъ коня ажно ужѣ потъ лѣнца; подзивилися зноу угоднички на молодойца. „И коли эта ѣтъ только успѣу выспацьца и уже стольки наорау“? Подзивилися, подзивилися дѣ й пошли дальше. Ишли яны, ишли, ужѣ и сонца узыйшло, по дорогѣ стали людзи попадацьца, то съ сохами, то съ боровами, глядзяць, зноу дзярвушка стоиць. Стали яны у хаты заглядываць, да ужѣ мало идзѣ людзи видны, развѣ старухи.

---

¹⁾ Суббота, сколько мнѣ извѣстно, не достигла столь образнаго олицетворенія, какое выпало на долю пятницы. Въ народной обрядности вечеръ субботы — канунъ воскресенья, долженъ чествоваться воздержаніемъ отъ работъ. «Am Samstag Abends muss alles herabgesponnen sein, sonst verschwindet in der Nacht das Werg von der Kunkel. Wenn eine Spinnerinn am Samstag noch Werg auf der Kunkel aus dem Heimgart trägt, bringt, sie keinen Faden mehr herunter» (*Zingerle*, Sitten, Bräuche und Meinungen d. Tiroler Volkes, 2 Aufl., p. 123). «Der letzte Theil des Tages heisst im Saterlande der heilige Abend.... und spätestens eine Stunde vor Sonnenuntergang werden die Arbeiten eingestellt. Das Spinnen am Sonnabend Abend, wie überhaupt am Abend vor einem Festtage, ist allgemein streng verpönt.... In Schellstenden Hause zu Ohmstede sassen jeden Abend die Mädchen um den offenen Herd und spannen. Da kam eines Abends eine Hand grade über ihrem Haupte durch den Boden und es sprach:

O weh, o weh, die arme Hand
Die am Sonnabend-Abend spannt.

(*Strackerjan*, Aberglaube u. Sagen aus d. Herzogthum Oldenburg, II, 25—6). «In der Gegend von Leeden haben einmal Mägde des Sonnabends noch lange nach Sonnenuntergang beisammen gesessen und gesponnen, da hat sich auf einmal das Fenster aufgethan, ein ungeheurer nackter Arm hat hereingepackt und eine Stimme hat

Мужики на поляхъ, бабы на города, только глядзяць, у водной хаткѣ дзѣвукъ большая, тоустая, только што ище вочи продзѣрда, сѣдзяць на полу ды зиваиць, ды подагиваиць, коса уся у періі, ажно глядзѣць проциуно. Поглядзѣли святые угоднички, подзивувалися ды й пошли дальше. Прошли дзяреуню и вышли на поля, глядзяць подѣ кустомъ. ляжиць молодойце, ляжиць ды й спиць, ажно храниць на усю гылову. Кола яго кобылка у сохѣ стоиць, трауку щиплець, знаць якъ выхали, такъ ничего и ня робили и ниука ня почина. Поглядзѣли, поглядзѣли святые угоднички, плюнули ды й пошли дальше. Пришли яны къ Господу Богу, и спрашиваиць у нихъ Богъ: „ну, што, мои угоднички, Пятница ды Суббота, што вы тамъ добраго на земли видзѣли, што чуяли?“ И стали угоднички разказываць про дзѣвукъ ды про молодойцу и гово́руць Господу: „вотъ, Боже, по нашему жаниць ды добраго молодойца ды й съ доброй дзѣвукой, а ланиваго съ ланивой: были бы дзѣвѣ пары якъ разъ, одзинѣ у одного“. А Господь, возьми, ды й скажи имъ такъ: „дураки вы дураки, якъ я погляжу, коли-бъ я такъ дзѣлау, ды й такъ злучау,

gerufen: Wer am Saterdag Abend spinnt, muss den nackten Arm bekleiden (*Килъ*, Sagen, Gebr. und Märchen aus Westfalen, I № 47). Въ слѣд. № 48 рука является кровавая; отсюда поговорка: кто слишкомъ поздно придетъ по субботамъ, не вступитъ въ царство небесное: da kûmmt'n mann mit'ne blauringe Hand (сл. *ibid.* приведенную тамъ литературу). Такъ какъ Берта—олицетворение святокъ, обобщилась въ повѣрьи въ символъ праздничнаго запрета вообще, то становится понятнымъ, какъ и образомъ она перенесена была и на субботу: Wenn jemand Samstags zu lange spinnt, so kommt Berta mit der blauerigen Hand und streckt diese durchs Fenster (сл. *ibid.* II № 7 и тамъ же литературу). Сербы особенно чтятъ Θεодорову субботу, сл. *Schmidt*, Das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch d. Rumänen Siebenbürgens (Hermannstadt, 1866) стр. 6: Zunächst bemerkenswerth ist nun der *Theodor-tag*, als ein Ruhetag für Mädchen, oder wie es heisst, als kein «gebundener» Tag. Vergisst sich aber schlecht angebrachte weibliche Wirtschaftlichkeit die Sabbathruhe dieses Tages zu brechen, dann schickt der heilige seine in die schönsten Jünglinge verwandelten Rosse aus, die auf das Mädchen, welches gefrevelt, lauern, und dasselbe unter dem Vorwande es auf den Tanzboden zu geleiten, entführen. Keines vermag sich ihnen zu entziehen, es sei denn, es könnte, von ihnen verfolgt, das eigene Haus erreichen, wo es jedoch—weil eben Strafe sein muss—alles Geschirr umgestürzt oder in einander geworfen findet. Kein Mädchen verlässt somit an diesem Tage das Haus und man wird unwillkürlich an die Serben gemahnt, die auch einen Theodor-Samstag—Todorova subota—haben, wo der Simtore wegen nichts gearbeitet wird. Es ist dies ein Wesen halb Mensch, halb Pferd, und Abends will Niemand ausgehen, um von Theodor nicht geritten zu werden». На стр. 35 являются въ разговорной формѣ девять свѣтѣ Самба; Шмидтъ оставляетъ ихъ не объясненными. Это, можетъ быть, *sambata*—суббота.

якъ вы говорѣли, люди и про мене и про васъ бы забыли. Рыба-цки бѣ усе сами поподѣлали и Богъ бы имъ николи не понадо-бился, а лѣнивый ды глупый и подауна на Бога не усомнюць, а вотъ якъ влучу я разумаго зѣ глупой, а глупую ды ѿ зѣ разум-нымъ, и пойдуць яны у мене бѣжкаць ды бѣжкаць. Поглядзиць, по-глядзиць разумный мужикъ на глупую жонку, во и скажиць: „Бо-жинька мой, Божинька, лучше-бѣ я ци утопиуся ци удавиуся, чымъ я зѣ тобой ожениуся. Прибѣць разумный мужикъ глупую жонку, ста-ниць она плакаць ды причитываць: послухай-ка якъ Божинька, ды Божинька, што слоуць скажець, и Божиньку усоманець и святыхъ угодиничкоу назовець; а сдѣлай я по вашему, по глупому, людямъ бы не Богъ, не святые не надо были. *Вотъ за этимъ-то за са-мымъ и не юдзиця прасиць у Пятницу, а то, яроуный часъ, наиди Пятница подгадиць и дасиць прадѣхи дурака мужика.*

Заключительныя слова легенды указываютъ на объясненное выше смѣшеніе Пятницы (собственно *девятой*) съ Покровомъ-Вогородицей, народною покровительницей брака. Что до бесѣды угодиниковъ съ Бо-гомъ, въ которой Господь указываетъ на причины людскаго страха, то на эту тему существуетъ нѣмецкая легенда, гдѣ дѣйствующими лицами являются Иисусъ Христосъ и апостолъ Петръ ¹⁾.

5. Въ одной великорусской сказкѣ ²⁾ вмѣсто Пятницы является олицетворенная *Середа* въ такихъ же отношеніяхъ къ пряжѣ и тканью, какъ общему выраженію для женскаго труда. Середа, подобно Пятницѣ, день священный; олицетворенная Середа предпола-галась также присматривающей за соблюденіемъ поста и покоя, какъ то разказывалось о Пятницѣ-Параскевѣ.

Въ слѣдующемъ разказѣ эта основная идея нѣсколько затерта, вслѣдствіе смѣшенія съ другимъ сказочнымъ цикломъ:

¹⁾ См. *Herts, Deutsche Sage in Elsass* (Stuttg. 1872), p. 41: Иисусъ Христосъ и Петръ странствуютъ по землѣ: Петръ отпрашивается на церковный праздни-къ въ одну деревню, и вернувшись, разказываетъ, какъ тамъ весело было. «Поминали они меня?» спрашиваетъ Господь. «Нѣтъ, не поминали». Годъ спу-стя, Петръ въ той же деревнѣ только и слышитъ возгласы: «Спаси Господи, помоги, Господи!» «Видишь ли», говоритъ Господь, — «теперь, когда ихъ поля по-биты градомъ, они поминаютъ меня; пока имъ жилось хорошо, они обо мнѣ и не думали». Eine bekannte Erzählung von Hans Sachs mit Vorliebe behandelt, замѣ-чаетъ Герцъ. Съ белорусскою сказкою сл. малорусскую: Людська доля, у Ала-насьева, Н. Р. Ск., IV, стр. 425.

²⁾ Худяковъ, Великорусскія сказки, III, 106.

«Разъ въ среду молодая баба передъ сномъ стала власть грѣбень, да не перекрестилась, и говоритъ: „Матушка Середа, помоги мнѣ, чтобъ завтра встать пораньше да попрясть!“ Утромъ до свѣту, открыла глаза, видитъ: лучина въ свѣтцѣ горитъ и печка топится; ходитъ по избѣ баба ужъ не молодая, накрывшись по кичѣ бѣлымъ полотенцемъ, дрова въ печку кладетъ, прибираетъ. Подошла къ ней самой, будить. „Я“, говоритъ,—„Середа; ты, вѣдь, Середу звала? Вотъ я тебѣ холсты отпряла, да ужъ и выткала, а теперь давай бѣлить ихъ, въ печку становить. Печка затоплена и чугуны готовы, а ты сходи на рѣчку, воды принеси!“ Баба взяла ведра, да вмѣсто того, чтобъ на рѣчку, пошла къ старухѣ сосѣдкѣ посовѣтоваться. „Не хорошо это“, говоритъ старуха;—„она тебя либо на томъ холстѣ удавитъ, либо сваритъ. А ты вотъ что сдѣлай: возьми, ведрами стучи, да и кричи передъ избой-то: На морѣ серединскіи дѣти погорѣли! Она выскочитъ изъ избы, а ты норови вскочить прежде нея въ избу, дверь запри, да и закрести. Какъ она ни будетъ грозить, просить, не впускай, а крести и мѣломъ и руками. Вотъ нечистая сила и отступится“. Такъ та и сдѣлала. Середа стучала до тѣхъ поръ, пока пѣтухи запѣли, а тамъ завизжала и пропала, а холсты остались у бабы.

Легенда о „серединскихъ дѣтяхъ“ относится къ числу древнихъ и распространенныхъ, встрѣчаясь въ самыхъ разнообразныхъ пріуроченіяхъ. Либрехтъ нѣсколько разъ возвращался къ ней въ своихъ трудахъ, посвященныхъ разработкѣ средневѣковой саги ¹⁾. Обыкновенно, вмѣсто Середы, является какая-то невѣдомая женщина или дѣвушка, поступающая на службу къ крестьянину ²⁾, либо встрѣченная имъ въ лѣсу и выходящая за него замужъ. Все идетъ хорошо, у крестьянина уже явилась семья, когда однажды женѣ его слышится голосъ: „Приходи, Тарандина, Тарандоне умерѣ“. Послѣднее—было имя ея отца. Какъ только Тарандина услышала призывъ, вдругъ пропала; ея больше и не видѣли ³⁾.—Одинъ человѣкъ ѣдетъ ночью по лѣсу; слышитъ на деревѣ смѣхъ и рядомъ голоса; кто-то спрашиваетъ, что этотъ смѣхъ означаетъ: „Какъ же мнѣ не смѣяться

¹⁾ *Liebrecht*, къ *Gervasius von Tilbury*, стр. 179, сѣд.; id. въ *Zeitschrift d. Deutschen Morgenl. Gesellschaft*, XVII, 401; id. въ *Heidelberg. Jahrbücher* 1868, p. 311; id. въ *Germania* XIV, стр. 404.

²⁾ *Schneller*, *Märchen und Sagen aus Walschtirol.*, p. 212, № 7.

³⁾ См. *Schneller*, l. c., стр. 217, № 1; стр. 210, № 4: *Sag der Mao, dass Mamo gestorben sei.*

когда умерла свекровь кошки Бриксенскаго епископа?" Путникъ ѣхалъ именно къ епископу; за столомъ, когда онъ разсказываетъ смѣясь подслушанный имъ разговоръ, кошка выбросилась изъ окна съ страшнымъ ревомъ и была такова ¹⁾. То же говорятъ въ Нормандіи о волкодлакахъ, Lubins: они роются на кладбищахъ, и когда близятся люди, исчезаютъ по крику ихъ вожака: „Robert est mort! Robert est mort!“ ²⁾ Маннгардтъ ³⁾ приводитъ нѣсколько дѣтскихъ пѣсенокъ, обращенныхъ къ майскому жучку: ему совѣтуютъ летѣть „nach Engelland“, потому что она выгорѣла, его дѣтки плачутъ, хлѣба просятъ, разбѣжались (thy children all gone, thy children all roam); его домъ, мать сгорѣла (Dei Mutter in der Asche).

6. Приведу въ заключеніе одну греческую сказку о Пятницѣ ⁴⁾.

Однажды вечеромъ, наканунѣ пятницы, молодая женщина сидѣла со своею тещей передъ домомъ, и обѣ пряли. Прежде чѣмъ совѣмъ стемнѣло, старуха сложила свою работу и тоже посовѣтовала сдѣлать своей невѣсткѣ: не то ей худо будетъ. Та не послушалась и продолжала прясть при свѣтѣ мѣсяца. Видитъ: на нее идетъ высокая женщина, вся въ черномъ, длинныя зубы выставились у нея изо рта по колѣна, въ одной рукѣ у нея веретено, въ другой прялка. Она присѣла рядомъ съ овѣмѣвшей отъ страха прямой и говоритъ: „Давай-ка, сосѣдка, попрядемъ вмѣстѣ“. Вскорѣ затѣмъ она поднялась и сказала: „Подожди меня, я пойду, принесу своего ребенка,“ — и сложивъ на землѣ веретено и прялку, она пошла по направленію къ кладбищу. Молодуха смотрѣла ей во слѣдъ, видѣла, какъ старуха подошла къ могилѣ, вынула оттуда недавно погребенный трупъ и, взваливъ на плечи, понесла его. Со страху она бросила работу, кинулась въ избу, заперла дверь и улеглась по середкѣ между своими дѣтьми. Между тѣмъ, св. Параскева уже стучалась въ дверь: „Выходи, сосѣдка, давай прясть“. Не дождавшись отвѣта, она подобрала прялку и веретено и уходя сказала: „Счастье твое, что ты улеглась

¹⁾ Zimmerische Chronik, IV, 283, 27 seqq; см. *Grohmann*, *Sagenbuch v. Böhmen, Märchen*, I, стр. 227: *Mrnour ladet die Katzen zum Begräbniss ein*; *Beckstein*, *Deutsches Sagenbuch* № 421: *Des Bischofs Katze*.

²⁾ *Hertz*, *Der Werwolf*, p. 110; *Uhlands Schriften* III, p. 279. См. *Traditions et superstitions de la Basse Bretagne*, par *R. F. Le Men*, въ *Rev. Celtique*, I, 2, p. 240: *Les nains du Torghen-de-Laz*.

³⁾ *Mannhardt*, *Germanische Mythen*, p. 347 seqq.

⁴⁾ *Simrock*, *Deutsche Märchen*, Stuttg. 1864, гдѣ въ концѣ помѣщены: *Neugriechische Märchen von Kalliopi*. См. № IV: *Die heilige Paraskeve*.

между твоими дѣтьми; лягъ ты въ сторонѣ, ты бы поѣла у меня мертвячины въ наказаніе за твой проступокъ. На дѣтяхъ нѣтъ грѣха, а я не касаюсь человѣка, окруженнаго христіанами". Молодуха вскорѣ затѣмъ умерла. Оттуда и ведется, что ни одна женщина не прядетъ при лунѣ въ ночь на пятницу.

Сообщая выше различныя сказанія о Пятницѣ, мнѣ не разъ приходилось сравнивать ихъ съ такими же легендами о западной Бертѣ-Эпифаніи и находить ихъ поразительно сходными. Заключать изъ этого сходства къ тождеству той и другой, въ томъ смыслѣ, что онѣ выражаютъ одну и ту же мистическую сущность — нѣтъ никакой надобности. Мы имѣемъ дѣло съ двумя различными календарно-мистическими образами, развившимися въ сходныхъ чертахъ, потому что одинаковы были условія ихъ развитія, возбуждшія дѣятельность народнаго воображенія. Пятница—олицетвореніе дня, освященнаго церковью, какъ Берта — олицетвореніе рождественскихъ праздниковъ Святокъ. Церковь наставляла на ихъ строгое соблюденіе, грозя въ противномъ случаѣ земными и небесными карами. Народъ принималъ это поученіе, но понималъ образно: не церковь, а Пятница и Берта во очію наставляютъ людей и грозятъ несоблюдающимъ ихъ повелѣніямъ. Такихъ грѣшниковъ много; какъ знаютъ о нихъ Берта и Пятница? Естественно, и въ обоихъ случаяхъ самостоятельно, могло родиться убѣжденіе, что та и другая навѣщаютъ людей, обходя ихъ жилища, Пятница — по своимъ днямъ, Берта въ теченіе святочного цикла. Онѣ караютъ работающихъ, отдающихся мірскому труду, и караютъ одинаково: ослѣпленіемъ (отъ кострики), сведеніемъ рукъ, тѣмъ, что задаютъ неисполнимыя задачи. Сходство наказаній опредѣляется въ томъ и другомъ случаѣ одинаковостью вины и общими сказочными мотивами.

И далѣе, за предѣлами самозарожденія повѣрья, развитіе образовъ Берты и Пятницы совершается по однимъ и тѣмъ же стезямъ, потому что народное творчество, ограниченное своими средствами, пользуется большею частью одними и тѣми же общими мѣстами для достиженія однихъ и тѣхъ же результатовъ; потому, наконецъ, что въ области народной поэзіи процессы зарожденія и вырожденія сказываются сплошь да рядомъ въ однихъ и тѣхъ же формахъ, если матеріалъ, надъ которымъ они совершаются, и условія среды и развитія были однородны. Это наблюденіе сдѣлалъ всякій, кто только занимался народною литературой. Берта, олицетвореніе святочныхъ праздниковъ, проходитъ въ каролингскую сагу, приурочивается къ

мѣстными преданіями и историческимъ легендамъ, показывается какъ „Weisse Frau“ въ старыхъ нѣмецкихъ и французскихъ замкахъ. Точно также Пятница и Анастасія проникаютъ въ народныя сказки, являются на коняхъ, св. Недѣля помогаетъ витязю въ исполненіи трудныхъ задачъ, которыя задалъ ему коварная мать ¹⁾; св. Пятница указываетъ Ивану Царевичу, какъ добраться до водянаго царя и научаеъ спрятать сорочку одной изъ 12-ти царевенъ - утокъ ²⁾; малорусская сказка о сорока одномъ братѣ знаетъ о дочеряхъ Пятницы и Середы: у послѣдней ихъ сорокъ - одна; она сама изображена съ чертами сказочной вѣдьмы ³⁾. На maica Mercuri, maica Vinige и maica Duminesa валашскихъ сказокъ указано было выше ⁴⁾.

Съ другой стороны, былъ и другой выходъ изъ повѣрья—въ обрядъ; и здѣсь повторилось то же явленіе—однороднаго, независимаго другъ отъ друга развитія. Берта ежегодно являлась и странствовала между людьми въ извѣстную урочную пору; изъ вѣрованія родился обрядъ, и позже, народная игра: Perchtenlaufen, Perchtenspringen, berchteln, bechteln; Бертами, Berchten зовутся въ Pfingzgau ряженые, бѣгающіе на святкахъ, звоня погремушками и хлопая бичами; иногда такихъ Бертъ является три ⁵⁾; въ другихъ мѣстностяхъ одинъ ряженный представляетъ собою Берту, Eisenberta ⁶⁾. Точно также

¹⁾ *Boženy Němce*, Slav. pov., 478—96.

²⁾ *Анамасеев*, Нпр. Р. Сказк., послѣд. изд., т. II, № 125, стр. 344.

³⁾ *Драюмановъ*, Малорусскія народныя преданія и разказы, стр. 336—338.

⁴⁾ Къ сдѣланному выше указанію на Schott'овъ присоединимъ еще слѣдующія: Stauffer, *Römānische Märchen a. d. Bukowina* въ *Zeitschr. f. deutsche Mythol.* I, 42—48: Die beiden Töchter (der heilige Sonntag); *Wenzig*, *Westslav. Märchenschatz* p. 144—155: von der Mutter und ihrem Sohne (die heilige Nedölka). См. еще *Valjavec* III—6, и *Чтен. Общ. И. и Дрест.*, 1865 г. III 221—2; *Grimm*, *Kl. Schriften* IV, 453.—*R. Köhler*, въ *Jahrb. f. roman. u. engl. Liter.*, VII, 255 прим. 2, указываетъ на валашскія сказки, напечатанныя въ *Ausland* 1856 г. (стр. 500 и 2121) и 1857 г. (стр. 288 и 1029), въ которыхъ рядомъ съ олицетвореніемъ Воскресенья, Середы и Пятницы являются такіе же образы Понедѣльника, Вторника, Четверга и Субботы.

⁵⁾ «Tres illae sorores, quas antiqua illa posteritas et antiqua stultitia Perchtas vocavit»; «illae quae a vulgo Parce vocantur» *Schmeller*, *Baier. Wb. n. A.*: Berchta

⁶⁾ *Grimm*, *D. M.*, 3 A., I, стр. 256—7.—*Hertz*, *Deutsche Sage in Elsass*, p. 46: «Auch der *Dreikönigstag* war ihr heilig und hiess durchs ganze Mittelalter und noch heute in einzelnen Gegenden der Berchtentag, die vorangehende Nacht die Berchtennacht. Zuweilen heisst so auch die Neujahrsnacht. Seit alter Zeit waren am Berchtenabend Volksaufzüge im Schwauk, welche die Unfahrt—früher der Göt-

изъ Духовнаго Регламента видно, что при Петръ Великомъ въ Мало-россиі, въ Стародубскомъ полку, „въ день уреченный праздничный“ водили „жонку простовласую подъ именемъ Патницы“, съ крестнымъ

tinn, später der Kinderscheuche mimisch darstellten. Frau Bertha mit ihrem Gefolge zog von Haus zu Haus und heischte Gaben, man nannte das *berchteln* oder *bechteln*, classisch *bechten*.—*Zingerle*, Sitten, Bräuche u. Meinungen d. *Tiroler Volkes*, 2. Aufl., p. 129 (см. ib. p. 194): «Das Perchtellaufen kam unlängst noch in Kössen am hl. Dreikönigsabende vor. Da mischte sich aber die eigentliche Percht darunter und gab sich durch einen Riesensprung übers Brunnenhaus zu erkennen. Dabei sah man ihre Bocksfüsse» (См. ib. 181: Perchtenlaufen накануне Наколина дня, 6 Дек.)—Такой же переходъ отъ повѣрья къ обряду въ Штиріи, гдѣ звать въ обходы Верты, и рядомъ съ этимъ существуетъ слѣдующій обычай: «In Oberstein (Leoben) gehen vor dem hlg. Dreikönigstage *alte weiber* von Haus zu Haus, sprechen einen Spruch und werden gut bewirthet. Man sorgt dafür, dass sie Alles in Ordnung finden, sonst machen sie Spectakel» (*Lexner*, Volksüberlieferungen aus Kärnten u. Steiermark, въ *Zeitschr. f. Deutsche Mythol.*, IV, 300).—См. *Wackernagel* Weihnachtsspiele. 20—23; *Otto Henne Am-Rhyn*, Die deutsche Volkssage p. 411—412 (въ *Panzer*): «In Eschenloh bei Partenkirch in Oberbaiern gingen Weiber, meist drei, in alten Mannskleidern und verummmt (eine am Gürtel eine Kette, eine mit der Ofengabel, eine mit dem Besen) in die Häuser, wo sie lärmten, und dann Birnen, Brod und Nudeln bekamen. Zu Holzoberndorf in *Mittelfranken* stellten sonst junge Leute die Eisenberta (andernorts eiserne Berta, Isanberchta) in einer Kuhhaut mit Hörnern vor, Aepfel, Birnen, Nüsse und eine Ruthe tragend und von Haus zu Hause die Kinder lohnend oder strafend». См. также Mannhardt, Der Baumkultus, 542—3: Bei Lienz fand am letzten Faschingsabende das Perchtenlaufen statt, eine Art Maskenzug, die verummten hiessen Perchten; man unterschied sie in schöne und schieche (hässliche). Alle trugen auf dem Kopfe eine grosse Sebellenspitzhaube mit Rollen und Glöckchen rings umhangen, vor dem Gesichte Larven und in der Hand Stücke, die der schönen waren mit bunten Bändern geziert, die der hässlichen endigten in einen Teufelskopf. Sie sprangen und stürmten in wilder Lust tobend und rasend über die Gassen und in die Häuser... In *Mitterstill* bilden 8 bis 10 rüstige Bursche eine Gesellschaft; zwei von ihnen stellen hässliche, mit Besen bewaffnete Gesellen vor, die Berchten. Ihnen folgt ein buntes Gesindel von Hanswurst u. s. w., dann die Tänzer... Eine Larve verdeckt ihr Gesicht, am Ende des Rückens haben sie eine Alpenglocke angehängt, die den Fuschlag der tanzenden Gruppe accompagnirt. So ziehen sie von Pfarre zu Pfarre und begrüßen die besseren Häuser, wo ihnen der Tanz mit Brod und Brantwein gelohnt wird. Der Name Perchteln ist eine Uebertragung aus dem Epiphaniassgebrauche. Denn an den Perchtenabend, die h. Dreikönigsnacht (Jan. 5) knüpfte sich die besprochene Sitte ebenfalls; und daher hatten die Festtheilnehmer den Namen Perchten oder Perchten erhalten; von da aus erscheint Spiel und Name auf die ganze Zeit der Zwölften, ja auf die Adwentszeit rückwärts ausgedehnt. In den Rauchnächten (den drei Donnerstagen vor Weihnachten) ziehen im Pfingzgau 100—300 Burschen, die Perchten, in seltsamster Vermummung mit Kuhglocken und knallenden Peitschen bewaffnet umher; im Gasteiner Thal geht der Zug, den lustige Burschen bis

ходомъ и при церкви народъ честь ей отдавалъ „съ дары и со упо-
ваніемъ нѣкія пользы“¹⁾).

Существовало ли въ представленіяхъ западныхъ народовъ олице-
твореніе христіанской Пятницы, подобное тому, какое мы встрѣтили
у Славянъ; особенно у Русскихъ, Валаховъ и Грековъ? Слѣдующій
нѣмецкій заговоръ представляетъ какъ бы начало олицетворенія:

Hente ist es Freitag.

Glückseliger Freitag:

Ich habe wider dich ein jämmerliche klag;

Ich biete dir aus dem Fleisch,

Ich biete dir aus dem Blut,

Ich biete dir aus dem Bein,

Ich biete dir aus dem Mark,

Ich biete dir aus der Lagerstatt.

(Birlinger, Aus Schwaben, I, 449).

Либрехтъ²⁾, комментируя приведенную выше греческую сказку о
св. Параскевѣ, не указываетъ на европейскія параллели. Въ Австріи
народъ вѣритъ въ обходы *Pfinzda-weibl*, наблюдающей, чтобы въ ея
дни не работали, не пряли и т. п. По одному ея знаку вся сдѣлан-
ная работа разрушается, какъ будто ея и не было. Сила ея такова,
что ей стоитъ сказать кочергѣ: отвори мнѣ дверь, и та её отво-
ритъ; стоитъ пожелать, чтобы огонь не горѣлъ, и онъ потухнетъ.
Это таинственное существо властвуетъ надъ челоукомъ во всѣ празд-
ничные вечера въ году (Feierabende), особенно же въ періодъ отъ
последняго четверга на масленицѣ (Fasching, Fasching-Pfinzda) до
среды страстной недѣли (Aschermittwoch)³⁾. Pfinzda, Pfinztag,
pınztag — областное, южно-нѣмецкое названіе для четверга⁴⁾; его
производятъ отъ греческаго πέντε, перптѣ; но въ латинскомъ кален-
дарѣ *quarta*, въ смыслѣ четверга, не встрѣчается, говоритъ Рес-

---

300 aufführen, hüpfend und springend von Ort zu Ort, von Haus zu Haus. Solche
Sitte des Perchtenspringens oder Perchtenlaufens ist über die ganzen deutschen
Alpen verbreitet. In Kalw und Betzingen bei Tübingen kennt man die Sache
ohne den Namen. Berchteln=колядовать, Berchta=коляда.

¹⁾ *Аванасеасъ*, Повѣт. возвращенія, I, 241.

²⁾ *Orient und Occident*, III, 378—9.

³⁾ *Vernaleken*, Mythen u. Bräuche des Volkes in Oesterreich, стр. 293.

⁴⁾ *Vernaleken*, Alpensagen, 369, 370; *Rössler*, Ueber die Namen der Wochen-
tage. Wien 1865, p. 23—4.—О славянскихъ названіяхъ дней недѣли см. *Miklosic*,
Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen, въ *Denkschriften d. kais.*
Ak. d. W., Phil. hist. Cl., 24-er B. (Wien 1876), p. 19—21.

дерь ¹⁾, отвергая сближение Гримма Rfinzda съ славянскою пятницею, на томъ основаніи, что послѣдняя обозначаетъ не четвертый, а пятый день недѣли. То, что Гриммъ говоритъ о греко-славянскомъ вліяніи, обусловившемъ будто бы областное Rfinzda, требуетъ ближайшаго разграниченія. Въ греческой церкви πεμπτή, въ латинской feria quinta—четвергъ; при перенесеніи къ Славянамъ латинско-нѣмецкихъ обозначеній для дней недѣли, распорядокъ послѣдней явился другой: вмѣсто обычнаго счета съ воскресенья, Славяне начали считать съ понедѣльника, и потому *пятымъ* днемъ пришлось у нихъ пятница. Если слѣдовать Гримму, то пришлось бы предположить для объясненія Rfinzda вторичное приуроченіе *славянской* пятницы въ нѣмецкій народный календарь, приуроченіе на столько сознательное, что оно приняло въ расчетъ разницу счисления, и назвало Rfinzda свой четвергъ, а не пятницу; либо раздѣливъ понятіе „греко-славянскаго“ предположить, что въ Rfinzda обновилось старое *греческое* обозначеніе четверга: πεμπτή. То и другое одинаково шатко; не встрѣчаются ли примѣры употребленія Rfinzda въ значеніи пятницы, то-есть, feria quinta по славянскому счету? Rfinzdaweibl во всякомъ случаѣ напоминаетъ олицетворенную пятницу славянскаго преданія. Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ установившагося образа съ одного дня на другой, тѣмъ болѣе возможнымъ, тѣмъ общѣе онъ началъ пониматься, будучи отвлеченъ отъ тѣхъ частныхъ календарныхъ представленій, которыя первоначально его вызвали. Берта, олицетвореніе святокъ, является въ нѣмецкихъ сказаніяхъ по субботамъ или даже по четвергамъ ²⁾: она также запрещаетъ работать, пряхъ; она необходимо замѣнила собою другія, подобныя же олицетворенія субботнаго покоя; ея образъ обобщился въ символъ запрета и потому легко могъ быть приуроченъ къ другому дню, представлявшему такія же отношенія. Олицетвореніе Rfinzdaweibl не есть ли образчикъ подобнаго же рода перемѣщенія? ³⁾. Но мы можемъ указать на другой достовѣрный примѣръ олицетворенія Пятницы на западѣ: на Venus-Angelus, которую слѣдуетъ отличать отъ той другой Венеры средне-вѣковаго повѣрья, давшей имя нѣмецкому Venusberg, въ которой

¹⁾ Замѣтимъ, что португальскій языкъ и діалектъ Граубюндена удержали за четвергомъ латинское церковное обозначеніе: порт. quinta feria, Graub. sa quita de sa chida. (См. v. Reinsberg-Düringsfeld, Volksthüml. Benenn. etc. p. 369.

²⁾ Schmeller, Baier.-Wb. a. v. Bercht: Pericht, alias dominae Habundiae, vulgariter Phinczen.

³⁾ Къ олицетворенію пятницы сл. приведенное выше повѣрье у Baader.

смутно слилась память о классической богинѣ и нѣмецкой Фреѣ ¹⁾. По этому поводу мнѣ еще разъ придется вернуться къ нѣмецкимъ гейслерамъ XIV—XV вѣковъ, когда отъ простаго бродячаго, временнаго движенія они готовы были перейти къ состоянію тайной секты, которую начала дѣятельно преслѣдовать инквизиція.

Выше, говоря о ходящихъ въ русскомъ народѣ заговорныхъ формулахъ, представляющихъ въ сводномъ текстѣ эпистолю о Недѣли и Сонѣ Богородицы, я попытался указать, что мотивы того и другаго апокрифа были популярны въ средѣ бичующихся. У нихъ же мы встрѣтимъ и значительный развитый культъ Пятницы. Я не говорю, чтобы появленіе послѣдняго на Руси не относилось къ болѣе раннему времени, но допускаю вопросъ: не подверглось ли развитіе нѣкоторыхъ представленій позднѣйшему вліянію иновѣрныхъ идей, сложившихся на западѣ и проникавшихъ къ намъ либо въ литературныхъ памятникахъ, либо путемъ живаго общенія съ самими сектами? Послѣднее для гейслеровъ кажется мнѣ вѣроятнымъ, и я ужъ имѣлъ случай указать на эту вѣроятность. Предположеніе о связи нашихъ хлыстовъ съ западными бичующимися не разъ было высказываемо въ нашей литературѣ. Я думаю остановиться на немъ нѣсколько подробнѣ ²⁾.

Антихристъ, то-есть, церковь, долго властвовалъ и еще властвуетъ на землѣ (Art. Erf. § 34, 35), учили гейслеры, — но его царствованію пришелъ конецъ. Влизится кончина міра: она случится на день св. Вита, или св. Вареолема, либо св. Луціи или св. Маттея, 1369 года, какъ проповѣдывалъ глава тюрингенскихъ флагеллантовъ, Конрадъ Шмидтъ (Proph., p. 21—22). Уже знаменія послѣднихъ дней наступили: явились на землѣ Ілія и Энохъ—послѣдній въ образѣ Конрада Шмидта (Art. Erf. § 34, 36—40). Онъ—провозвѣстникъ новаго христіанства, caput christianitatis (Proph., p. 21), Христова вѣра дер-

¹⁾ J. Grimm, D. M., 3. A., Register: Venus u. Venusberg.

²⁾ Въ слѣдующемъ изложеніи я главнымъ образомъ пользуюсь матеріаломъ, собраннымъ Штумпфомъ (Historia Flagellantium in Thuringia l. c.): а) *Prophetica Conradi Smedis vel potius Schmid haeresis flagellatorum infecti*; б) *Articuli ab ipso met flagellanthum praedicatore conscripti*, в) *Articuli modernorum haereticorum circa Erfordiam in Thuringia*; д) *Sequentes articulos tenent et crediderunt haeretici capti in Sundishusen* и др. См. также у *Fürstemann*, l. c.: свидѣствіе надъ Sangerhausen'скими флагеллантами 1414 (и 1454) года (стр. 163—173), надъ Nordhausen'скими 1446 (и 1369?) года (стр. 173—179 и 278—291: подлинникъ), надъ еретиками въ Ангальтѣ (стр. 179—184).

жится лишь имъ и его послѣдователями, флагеллантами, или какъ они раньше звались, *Crucsebruder*. Это опредѣляетъ ихъ отрицательное отношеніе къ установленной церкви и историческій смыслъ той апофеозы, въ какой является глава сектаторовъ въ его *Prophetica*: онъ король Тюрингін, *et imperator Fridericus debeat nominari et esse* (Рг., р. 20). Фридрихъ II былъ самымъ блестящимъ представителемъ антицерковной политики; такая память о немъ осталась въ той части общества, которая, почему бы то ни было, враждебно относилась къ Риму; съ этою ролью онъ вошелъ въ ту старую легенду, которая руководилась повѣрьемъ, что въ пору страшныхъ невзгодъ, имѣющихъ постигнуть вѣру, народность и т. п., проявится снова на свѣтъ одинъ изъ великихъ людей, особенно счастливо руководившихъ прошлыми судьбами націи. Для антицерковной партіи такимъ желаннымъ избавителемъ долженъ былъ явиться Фридрихъ II, и тѣмъ же идеямъ отвѣтило отождествленіе Конрада Шмидта съ императоромъ Фридрихомъ II ¹⁾. Допросъ, учиненный эрфуртскимъ еретикамъ въ 1414 г. показываетъ, въ какомъ другомъ отождествленіи представлялся имъ нашъ ересіархъ: онъ не только глава христіанства, но на страшномъ судѣ будетъ судьей на мѣсто Іисуса Христа (Art. Erf. § 42).

Отмѣтая католическую церковь съ ея іерархіей, обрядами, таинствами и иконами, флагелланты учили, что лишь въ ихъ толкѣ можно спастись. Они говорили: „*luxuriam non esse peccatum cum quacunque*“ (Art. Sundish. § 18), что стоитъ въ связи съ отверженіемъ брака, какъ таинства (Art. Erf. § 25); крещеніе водой прекратилось со времени появленія флагеллантовъ и должно замѣниться крещеніемъ кровью (Art. Erf. § 9; Art. Sund. § 11), то-есть, покаяннымъ бичеваніемъ себя до крови въ память искупительной жертвы, принесенной на крестѣ. Этому самоистязанію дается такое широкое мѣсто въ догматахъ секты, что она не даромъ заимствовала отъ него свое названіе. Евангельскій разказъ о бракѣ въ Канѣ Галилейской истолкованъ иносказательно: вода, претворенная въ вино, преобразуетъ замѣну прежняго крещенія водою болѣе спасительнымъ крещеніемъ кровью (Proph., р. 18, 23; Art. Erf. § 10; Art. Sund. § 6): „Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ намъ впервые хорошее вино (*primo bo-*

¹⁾ Легенды о возвращающемся императорѣ разобраны мною, въ статьѣ: Откровенія Мессодія и византийско-германская императорская сага, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, мартъ и апрѣль.

lum vinum posuit), теперь же, въ 1349 году отъ его воплощенія, даровалъ намъ лучшее и спасительное, примиряющее Бога съ человекомъ (quod deum et homines lactificans reconciliat). Вино это — покаянный искусь бичующихся, poenitentia flagellatorum (Art. praed. p. 24). Онъ одинъ восполняетъ всѣ таинства, безъ него нельзя войти въ царствіе небесное (Art. Erf. § 28); кто хотя по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, *въ пятницу*, въ часъ, когда Христосъ пролилъ свою кровь за человека, не прольетъ своей крови въ очищеніе грѣховъ, тотъ не можетъ спастись (Art. praed. 25). Развивая свое толкованіе разказа о бракѣ въ Канѣ, Конрадъ Шмидтъ говорилъ, что кожа, обгренная кровью, есть брачная одежда, что рубашки, въ которыя облачаютъ себя бичующіеся, — одежда невинности (Proph., 19). Подобнымъ образомъ истолковывалась и другая евангельская притча въ примѣненіи къ искусу бичующихся: Credunt, quod quando se flagellarunt, dicunt se in Vinea Domini laborasse cum XII ligonibus (Art. Sund. § 8).

Начало движенія флагеллантовъ привязывается къ эпистоліи, снесенной съ неба ангелами въ Римѣ къ алтарю св. Петра (Art. Erf. § 1). До появленія бичующихся были принесены съ неба къ алтарю св. Петра три эпистоліи, одна десять лѣтъ спустя послѣ другой; двѣ изъ нихъ были скрыты; третья заключала въ себѣ страшныя угрозы противъ тѣхъ, кто осмѣлился бѣ утѣять ее, и вызвала покаянныя странствованія флагеллантовъ (Art. Sund. § 1). Съ содержаніемъ этого древняго апокрифическаго текста, которымъ сектанты воспользовались для своихъ цѣлей, мы уже знакомы: эпистолія внушала главнымъ образомъ необходимость для всякаго вѣрующаго святить господніе дни, воскресенье и пятницу, воздержаніемъ отъ труда, а *пятницу*, кромѣ того, постомъ и покаяннымъ бичеваніемъ. Объ обычности послѣдняго акта, именно въ пятницу, свидѣлствуютъ показанія сектантовъ ¹⁾. Помимо пятничнаго, флагелланты

¹⁾ Instrumentum confessionum haereticorum hic (въ Нордгаузенѣ 1446 г.) propter perfidiam combustorum (Förstemann, l. c. 278 seqq): asseruit se in bona sexta feria (страстную пятницу) ...flagellasse; respondit se flagellasse in bona sexta feria anni praesentis et feria sexta proxima ante penthecostes. (ср. выше рисунки 12 пятниц);—respondit quod.... se singulis mensibus semel in sexta feria flagellavit; respondit se singulis feriis sextis flagellasse; ultima feria sexta ante penthecostes;—singulis scatis feriis;—in proxima bona sexta feria se flagellavit. Item dixit se interdum flagellasse in quolibet septimana in duabus, tribus, vel quatuor, secundum sub et supra;—bona sexta feria;—singulis sextis feriis;—bona sexta

требовали еще поста накануне Рождества ¹⁾, Петрова и Иванова дня (in vigiliis Christi, Petri et Johannis. Art. praed. p. 26) и Успения ²⁾ и включали въ число дней, подлежащихъ празднованію, рядомъ съ Рождествомъ и Недѣлей — день успенія Богородицы: Solum omnes dies Dominici, Nativitatis Christi et Assumptionis Virginis gloriose sunt celebrande stricte et studiose (Art. Erf. § 47). Последнее указаніе дало намъ поводъ сблизить съ представленіями и литературой бичующихся нашъ „Сонъ Богородицы“ и предположить ихъ знакомство съ отреченнымъ Liber de dormitione Mariae, къ которому мы отнесли основные мотивы нашего Сна. Не знаю, на сколько это предположеніе оказалось справедливымъ; за то другое свѣдѣніе, сообщаемое о бичующихся, дѣлаетъ вѣроятнымъ обращеніе въ ихъ средѣ другого стараго апокрифа—Апокалипсиса Маріи или Хожденія Богородицы по мукамъ. И этотъ апокрифъ, подобно Эпистоліи, подчинился идеямъ секты: какъ въ Эпистоліи Богородица выставлена молящеюся за грѣшниковъ, отвращающею отъ нихъ гнѣвъ Сына Божія, такъ и въ гейслеровскомъ „Хожденіи“ она является спасающею: проходя чистилище, она вынесла на каждой нити своей одежды по грѣшной душѣ (dicunt, beatam Mariam Virginem purgatorium pertransisse et in quolibet filo vestimenti unam animam eduxisse. Art. Sund. § 15). Последняя черта показываетъ, какъ будто вліяніе народной переработки, которой часто подвергался мотивъ загробнаго хожденія. Сербская пѣсня разказываетъ, какъ апостолъ Петръ пытался извлечь изъ ада свою грѣшную мать на ниткѣ ³⁾, которую венціанская и сициліанская легенды ⁴⁾ замѣняютъ стеблемъ.

Было уже замѣчено, что бичующіеся любили опираться свое ученіе на особомъ, символическомъ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ Священ-

---

feria. Указаніе на пятничное бичеваніе у италіанскихъ олагеллантовъ см. *Monaci, Uffizj drammatici etc.*, I. c., p. 257.

¹⁾ — и въ самый день Рождества, еслибъ оно случилось въ пятницу. См. Art. Sund. въ передачѣ *Förstemann*, I. c., 170.

²⁾ *Förstemann*, I. c., ib.

³⁾ *Кападжичъ*, Срп. нар. пј. I, № 208 (майка светого Петра).

⁴⁾ *Bernoni, Leggende fantastiche veneziane* pp. 21—2: De la mare de san Piero. Эта легенда известна у Грековъ и у Славянъ, «come ebbe a notare Niccolo Tommaseo illustrando la lezione datane dal Gradi» (*Saggio di Letture varie*. Torino, 1865, p. 52). См. отчетъ о книжкѣ *Bernoni* въ *Nuova Antologia*, 1873 г., № IX, p. 223 (*A. d'Ancona*) и *Pitrè, Fiabe, novelle, racconti ed altre tradizioni popolari siciliane* № CXXVI: Lu porru di S. Petru (и приведенную тамъ литературу этой легенды) и ib. v. IV, p. 440, прим. къ № CXXVI и vol. I, p. CXLI—II.

наго Писанія. Въ этомъ смыслѣ особенно интересны слѣдующія подробности изъ пророчества Конрада Шмидта (Proph. p. 22—3): Приближилась кончина міра, говорилъ пророкъ;—когда солнце померкнетъ, знайте, что конецъ насталъ. *Такъ говоритъ Ангелъ-Пятница, Venus der engel: милыя дѣти, я желалъ бы часто быть съ вами, и бываю съ вами, когда вы смиренны духомъ, когда вы бичуете себя, чтобы очиститься отъ всякія скверны, когда вы помните слова святыхъ евангелій.*

«*Venus der engel* hat also gesprochen: Lyben Kinder, ich wolte gerne dicke by uch syn; nu mag ich by uch nicht gesin, wenne wan ir demutig syed, unde wenne ir regt dy hand, davone ir gewinnet luterkeyd, unde wenne ir sprechet das wort der heiligen Ewangel. Glossa. Dicit, quod Venus Angelus sit apud eos praesens, quando se fortiter flagellaverint, et quando disputent vel loquantur de evangeliiis, quorum multa sunt. Primum de decem leprosis, super quo dicunt, quod isti novem, qui stabant contenti in ostensione sacerdotum, significent omnes Christianos in mundo, qui recipiunt absolutionem a sacerdotibus, et iste decimus redibat et dicit gratias Deo, hoc sint ipsi flagellatores, qui sollummodo sint salvati, quia non recipiunt absolutionem a sacerdotibus, sed a Deo.

Secundum est de muliere Samaritana, quae quaesivit a Domino, sedente supra fontem, utrum in monte vel in templo essent adorandi; qui respondit ei: Veri adoratores etc. Super quo dicunt, quod in Ecclesia non adorandus, et quod *persona filii non, sed solummodo pater sit adorandus*, quia filius pro se oravit ad Patrem, et quod ipsi flagellatores sint soli veri adoratores, *quia ipsi soli adorant Patrem.*

Tertium est de nuptiis in Chana (слѣдуетъ извѣстное намъ толкованіе этого разказа).

Quartum est: Homo qui descendebat ad Jerusalem in Jericho. Super quo dicunt, quod ipsi soli sint, qui habeant curam super peccatores.

Quintum est de ejectione nummulariorum de templo, dicendo: Domus patris mei etc. Et addit: vos autem fecistis illam speluncam latronum п т. д. (дарѣ эти слова толкуются въ примѣненіи къ католической церкви, обратившейся въ вертепъ разбойниковъ).

Sextum est: Multi reges et prophetae etc. Super quo dicunt, quod David praeviderit istam flagellationem futuram in spiritu, et semper optabat superesse et vivere, quum ista flagellatio ita acceptabilis fieret Deo, et quia non sperabat se posse istud tempus attingere, surrexit de nocte, et flagellavit se cum uxore sua, ut saltem particeps posset fieri istius laboris.

Septimum est: Cum audieritis praelia etc. Et post: Ante omnia vobis injicient manus (пророчество о преслѣдованіяхъ, ожидающихъ вѣрныхъ христіанъ, то есть, бичующихся).

Послѣ того, что сказано было выше о значеніи пятничнаго бичеванія, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Venus angelus есть олицетвореніе Пятницы, отвлеченное отъ названія пятого дня недѣли: Dies Veneris.

Обратимся теперь къ русской сектѣ людей Божіихъ, Хлыстовъ (flagellantes) или Христовъ, какъ они слывутъ въ народѣ, потому ли, что Христосъ является между ними видимо, или по обмолвкѣ вмѣсто Крестовъ — Kruczebruder, crucifratres? Ихъ отношеніе къ установленной церкви то же, что у флагеллантовъ: „Послѣднія времена настали, и есть-де Антихристъ на земли отъ монашескаго чина“, проповѣдывалъ лжехристосъ Лупкинъ. „Вотъ антихристъ воцарился; вотъ онъ сѣлъ на мѣстѣ своемъ, на престолѣ величества своего и требуетъ отъ всѣхъ почтенія“, говорилъ другой пророкъ людей Божіихъ ¹⁾. То же отмѣтаніе таинствъ—брака, крещенія и др. Рядомъ съ отрицаніемъ брака допущеніе свальнаго грѣха, luxuria западныхъ гейслеровъ; вмѣсто крещенія водою — другое, святымъ Духомъ. Сравненіе съ ученіемъ нѣмецкихъ бичующихся показываетъ, что подѣ вторымъ слѣдуетъ, быть можетъ, разумѣть крещеніе кровью, то-есть, бичеваніе, занимающее въ догматахъ хлыстовъ столь же видное мѣсто, какъ и у флагеллантовъ. „Первое-де крещеніе ваше было водою“, училъ Лупкинъ, — „а нынѣ-де вамъ второе крещеніе Духомъ Святымъ, а кто-де тѣмъ вторымъ крещеніемъ не крестится, тотъ-де въ царство небесное не увидитъ“ ²⁾. Образы сада-вертограда (vinca), любимые хлыстами, возведеніе ими своихъ молитвенныхъ радѣній къ скаканію царя Давида передъ ковчегомъ (сл. самобичеваніе Давида у флагеллантовъ) также напоминаютъ представленія западныхъ еретиковъ.

Одно изъ главныхъ убѣжденій людей Божіихъ состоитъ въ признаніи *единства* или *тождества* Иисуса Христа съ нѣкоторыми избранныками Божіими и *откровеніе* Христа въ такихъ избранныхъ. Въ первыя времена ереси являлось нѣсколько такихъ избранныхъ, которые называли себя Христами, не различая своего лица отъ лица истиннаго Христа, сына Божіа ³⁾. Въ самомъ началѣ ереси самъ Богъ Отецъ спустился на землю и принялъ на себя пречистую плоть человѣка—Даниила Филиппча ⁴⁾. Одинъ роспѣвецъ Людей Божіихъ ⁵⁾ начинается такимъ образомъ:

¹⁾ Добротворскій, Люди Божіи, стр. 36—37.

²⁾ Ib. стр. 20.

³⁾ Ib. стр. 5—6.

⁴⁾ Ib. стр. 7.

⁵⁾ Н. Барсовъ, Духовные стихи (роспѣвцы) секты Людей Божіихъ. С.-Пб. 1870, № 42 (изъ т. IV Зап. по Отд. Этногр. Геогр. Общ.).

И отецъ сударь и сынъ,
И святой полный духъ
И Давидъ и Енохъ
И Илья сударь пророкъ.

Флагелланты говорили о себѣ, что они одни достойно поклоняются Богу Отцу; въ ихъ главу, Конрада Шмидта, переселилась душа Еноха (какъ душа Ильи—въ тѣло одного флагелланта—Бегарда, сожженного въ Эрфуртѣ ¹⁾; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Фридрихъ, и на страшномъ судѣ будетъ судьей на мѣсто Иисуса Христа. Такое же политическое самозванство, соединенное съ религіознымъ, извѣстно было и у Людей Божіихъ: одинъ изъ ихъ коржниковъ, Осиповъ, называлъ себя богомъ боговъ и царемъ царей; Соплинъ—Христомъ, государемъ батюшкой, своими пророчествами держащимъ и небо и землю. Последнимъ Христомъ Людей Божіихъ былъ императоръ Петръ III; по ученію скопцевъ, тѣсно связанныхъ съ хлыстовщиной, даже пришествіе Христа на страшный судъ совершится въ лицѣ императора Петра III ²⁾. Мы видѣли, какія исторически-легендарныя условія вызвали въ Германіи отождествленіе Конрада Шмидта съ Фридрихомъ II; въ русской средѣ подобное отождествленіе менѣе понятно. Амнистія и свобода вѣры, дарованныя раскольникамъ Петромъ III тотчасъ по вступленіи на престолъ, могли обратить къ нему симпатіи до тѣхъ поръ гонимыхъ толковъ; но что событіе 5-го іюля 1762 года могло породить въ нихъ *самостоятельно* представленіе, что императоръ не умеръ, а скрывается и объявится вмѣстѣ царемъ и Христомъ,—допустить это потому трудно, что никакое народное преданіе не поддерживало этихъ надеждъ, тогда какъ въ Германіи, напримѣръ, подобная формула была готова: стоило только приурочить къ ней новыя имена и отношенія. Хлыстовско-скопческое ученіе объясняется прямымъ перенесеніемъ формулы изъ одной среды въ другую.

У Людей Божіихъ много духовныхъ пѣсенъ или распѣвцевъ, догматическаго и историческаго характера, частію такихъ, сюжеты и приемы которыхъ заимствованы ими изъ народной, свѣтской или духовной пѣсни и прилажены къ ихъ ученію. Пристрастные къ иноска-

¹⁾ См. Art. Sund. въ передачѣ Förstemann, I. c., 168—170. Одинъ изъ предводителей итальянскихъ Branchi называлъ себя пророкомъ Ильей, сошедшимъ изъ рая передъ концомъ міра (Theod. de Niem De Seb. 109).

²⁾ Добротворскій, I. c., 23.—Ревутскій, Люди Божіи и скопцы, стр. 65—63.

зательному толкованію Священнаго Писанія ¹⁾, они переносили ипогда это толкованіе въ свои папѣвы. Имѣ, какъ и флагеллантамъ, полюбился евангельскій разказъ о Самарянкѣ, который они такъ объясняли себѣ: Самарянка—грѣшная душа, кладизъ—крепленіе, живая вода—Святой Духъ, пять мужей Самарянки—пять книгъ Моисеевыхъ ²⁾. Слѣдующая пѣсня велижскихъ братчиковъ, извѣстная и на Моравѣ ³⁾, несомнѣнно внушена содержаніемъ евангельскаго эпизода:

Ишоу Господзь дорогою,
Дорогою широкою,
Пришоу Господзь къ колодзиси,
Къ колодзиси глубокому,
А тамъ дзѣука зоду брала (bis),
Грѣшны души пробовала (bis).
Богъ у дзѣуки воды просну:
Ты дай, дзѣука, Богу воды.

Она отвѣчаетъ, что ея вода нечистая:

Зъ дуба стрила выликала
У колодзиси понадала,

или по другому варіанту: Древохъ листомъ западала (№ 717). „Ты сама нечиста“, отвѣчаетъ ей Господь. — „У тебя было нѣсколько мужей—объясняютъ моравская пѣсня, сходясь затѣмъ съ бѣлорусскою:

Ты имъ сыноу породзила,
Уснхъ сюды потопила.

Въ моравской пѣснѣ (и у Зенкевича) дѣвушка, пораженная этимъ всевѣдѣніемъ, спрашиваетъ:

Sám li ste vy pán Buh milý,
Že vy znáte moje viny?

Въ одной ферейской пѣсни вмѣсто Самарянки является Магдалина, полошущая кувшинъ на берегу рѣки. Спаситель просить у нея

¹⁾ Н. Барсова, Русскій простонародный мистицизмъ, С.-Пб. 1869 г. стр. 26—8.

²⁾ Ib. стр. 27. Сл. Вопросы, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, у Тихомирова, Пам. отр. русск. лит., II, стр. 136—7: «Почто Господь рече Самарянини: пѣтъ мужъ имѣла еси? отвѣтъ: Самарянини хранила двѣсто свое и оумы имѣше ѿ рѣчехъ пророка Моисѣи, рѣчи имѣши пророческия пяти въ ерьдци своемъ» и т. д.

³⁾ Шейнъ, Бѣлорусскія народныя пѣсни № 718; сл. ib. № 717 (Якъ у недзѣльну раненько); Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, стр. 231—4 (№№ 85—88); Вирен-часть сѣххххх, отд. 2.

напиться изъ кувшина; Магдалина отвѣчаетъ, что это сосудъ не для питья, и предлагаетъ ему — напоить его изъ ладони: „Я согласился бы, еслибы ты была такъ чиста, какъ моя мать“. Магдалина клянется Священнымъ Писаніемъ, что она невинна, какъ монахиня, и не знаетъ мужчинъ. „Не клянись“, говоритъ Спаситель, — „ты прижила въ грѣхъ трехъ сыновей“. Магдалина молитъ его наложить на нее искусу, и когда она исполняла его, Спаситель, въ награду за ея смиреніе, велитъ ей служить Богородицѣ.

Я привожу къ сравненію еще одну каталонскую пѣснь о Самарянкѣ¹⁾. „Какъ счастлива была Самарянка, что, идя къ колодцу, Христа повстрѣчала!—Небесная невѣста—желанная, любимая!“ Христосъ проситъ у нея пить; та отказывается: ей трудно достать воды. „А дашь ты мнѣ воды, коли я тебя отадаю?“ „Коли отадаешь, дамъ тебѣ воды“. „У тебя трое возлюбленныхъ (galants) за столомъ сидятъ: одинъ зовется Петромъ, другой—Яковомъ, третій—Спаситель, спасающій весь міръ“ (l'autre Salvador—que tot lo mon salva). „Напейся, господинъ, испей воды“. „Не хочу я воды, хочу твою душу“. Она схватила кувшинъ, домой вернулась, находитъ трехъ возлюбленныхъ: одинъ разводитъ огонь, другой мететъ, третій ждетъ ея на дорогѣ. Меньшій говоритъ: „Почему ты опоздала?“ „Идите отсюда, идите: я нашла юношу, который просвѣтилъ меня“. „Можетъ быть, демонъ тебя искусилъ“. „Не на демона онъ походилъ, а на ангела“.—Взяла кувшинъ, вернулась къ колодцу, никого не нашла. Беретъ кувшинъ, идетъ домой, посреди дороги нашла распятіе: бросилась на колѣна, обнала его руками, камышкомъ бьетъ себя въ груди. Голосъ раздается: „Ты прощена“.

Въ столь прозрачной формѣ пѣсни Божіихъ людей не сохранили евангельской легенды, и мы съ трудомъ узнаемъ ее въ слѣдующей передѣлкѣ, осложненной посторонними мотивами²⁾:

Шла дѣвица по водицу,
На встрѣчу дѣвицѣ сынъ гостинный:

цогъ, стр. 240—242 (2ММ); Куртескій, LI, 223; Ziẽnkiewics, Piosenke etc. стр. 254—6 (A w Niedelu po obidi); Sušil, № 3: Htišnice.

¹⁾ Pelay Briz, Cançons de la Terra v. II, p. 209—210.

²⁾ Добротворскій, I. с. стр. 191, № 72; сл. Барсовъ, Духовные стихи № 25; Матеріалы для исторіи хлыстовской и сконческой ересей, собранные Мельниковымъ, Отдѣлъ пятый (Ученія Импер. Общ. Ист. и Др. 1873, I), стр. 20 (Она по-мочь тѣ, дѣвица, воду черпать), и варианты тамъ же. Сл. Ломачевскій, Пѣсни Вуковинскаго народа, I. с., стр. 406—7 (Край дороги широкой).

Богъ помочь тебѣ, дѣвица, черпать воду.
 Какъ я тебѣ, дѣвица,
Запдаю шестъ запдокъ.

Слѣдуютъ загадки, перенесенныя сюда изъ пространнаго литературнаго цикла—вопросовъ и отвѣтовъ: что краше свѣту, выше лѣсу, чище сада, что ростетъ безъ корени и т. п.

Любопытнѣе судьба другой религіозной пѣсни на почвѣ иновѣрческаго толка. Она встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ пересказахъ ¹⁾: въ формѣ хожденія, въ видѣ колядокъ; перенесенная вмѣстѣ со Сномъ Богородицы въ одну книжку, она хранилась въ народѣ бережно, какъ святыня ²⁾, потому вѣроятно, что и ей приписываются такія же спасительныя свойства, какъ и Сну. Вотъ въ какихъ пріуроченіяхъ встрѣчается эта молитва у Людей Вожіихъ:

1. Ходила святая дѣва по горамъ, но крутымъ горамъ,
 Искала, искала Иисуса Христа ³⁾.

На встрѣчу ей жидовскія дѣти. „Не вы ли распяли Христа“? „Не мы, а наши прадѣды“, отвѣчаютъ они, и велитъ Богородицѣ идти на крутую гору, гдѣ стоятъ три древа, изъ нихъ церковь строена, въ церкви три гроба, въ одномъ—Иисусъ Христосъ, въ другомъ Святая Дѣва, въ третьемъ Іоаннъ Предтеча. Надъ самимъ Господомъ ангелы поютъ, надъ Святою Дѣвой лова процѣтастъ, надъ Предтечей свѣчи теплятся. Это—народная редакція, извѣстная и изъ другихъ, не сектантскихъ пересказовъ.

2. Ходила дѣва по чистому полю,
 Искала Богородица Иисуса Христа ⁴⁾.

Ей на встрѣчу Иванъ Предтеча, велитъ идти въ чисто поле, тамъ три древа, изъ нихъ построена церковь, въ ней три птицы поютъ пѣсни евангельскія.... Здѣсь примыкаетъ сектантская передѣлка:

На золотѣ престолѣ тамъ Христосъ сидитъ,
 Призываетъ онъ къ себѣ дѣтушекъ,
 Говоритъ имъ слова привѣтныя:
 «Ай, вы ну-те-ка, други, порадыйте-ка
 .....
 Меня Христа-Бога поутѣште-ка,
 Мою мать Богородицу порадуите» и т. д.

¹⁾ См. замѣтку въ концѣ главы.

²⁾ Шейн. Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 386.

³⁾ Добротворскій, 1. с., стр. 159—60, № 36.

⁴⁾ Ib., стр. 152, № 35.

„Въ этой пѣсни фантастически представлено общество Людей Божіихъ, радѣющее съ самимъ Христомъ“, замѣчаетъ г. Добротворскій.

3. Во святомъ было по градѣ Ерусалимѣ,
Стоять тамъ церковь соборная¹⁾

(или: На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ и т. д.), въ ней три гроба,
въ нихъ лежатъ Матерь Божія, Иванъ Предтеча, Иисусъ Христосъ:

Какъ надъ тѣми вадъ гробами древа райскіа,
На тѣхъ древахъ сидитъ Стратимъ птица,
Она держитъ въ рукахъ родословъ-книгу.
А вокругъ тоя птицы всѣ ангелы.

.....
Покую пѣсенку всѣ: Христосъ воскресъ.
Возставала изъ гроба Матерь Божія,
Пресвятая свѣтъ-Богородица,
Подавала людямъ Божіимъ рубашечки,
Еще кровля людямъ Божіимъ полотенецки,
Свивала людямъ Божіимъ святы жгутки.

Затѣмъ встаютъ изъ гроба Іоаннъ Предтеча и Иисусъ Христосъ, и начинается радѣніе.

Вопросъ о гейслерахъ-хлыстахъ отвлекъ меня на время отъ мой главной задачи. Историческая связь между ними представляется мнѣ ясною: хлысты—это гейслеры, пересаженные на русскую почву и здѣсь продолжавшіе развивать свое ученіе въ средѣ болѣе грубой и суевѣрной, доведшей ихъ послѣдовательно до вырожденія въ скопчество. Тѣмъ не менѣе старыя родственныя черты остались: въ ученіи о воплощающемся Богѣ, о возвращающемся императорѣ, о покаянномъ бичеваніи, которое назначено было отмѣнить всѣ другія таинства и вызвало въ представленіяхъ гейслеровъ образъ Ангела-Пятницы. Сохранивъ ту же склонность къ иносказанію, въ цѣляхъ примѣненія древнихъ текстовъ къ своимъ догматическимъ представленіямъ, хлысты переносили тѣ же приемы и на мотивы народной пѣсни. Мы видѣли, какъ преобразилась въ ихъ средѣ народная ко-

¹⁾ Барсовъ, Дух. стихи, № 78; сл. Добротворскій, I. с., стр. 152—153, № 31; Мельниковъ, I. с., стр. 112—113; сл. прим. на стр. 113: «Эта пѣсня записана собирателемъ сихъ матеріаловъ въ 1854 г. Нижегородской губерніи Арзамасскаго уѣзда, гдѣ она употребляется хлыстами, и помѣщена въ приложеніи къ пятой части его «Отчета о современномъ состояніи раскола». Изъ этого отчета, разошедшагося въ рукописяхъ, эта пѣсня и многія другія перешли въ Сборникъ Варениова и другіе».

ладка ¹⁾; любимое у них общее мѣсто о кораблѣ, въ которомъ плыветъ Господь Богъ съ ангелами, съ архангелами, встрѣчается, на примѣръ, въ стихѣ про душу великой грѣшницы, въ пѣсни велижскихъ братчиковъ, въ старо-нѣмецкой рождественской пѣсни, въ народной поэзіи Португаліи и Сициліи ²⁾; корабль—образъ хлыстовской общины. Хлысты часто поютъ „церковныя пѣсни или псалмы“, иногда и народные стихи, на примѣръ, объ Іосифѣ Прекрасномъ, объ Іосафѣ Царевичѣ и другіе ³⁾. Легко предположить, что и народный стихъ объ олицетворенной Пятницѣ, знакомой западнымъ флагеллантамъ, извѣстенъ былъ и у хлыстовъ, хотя мы и не имѣемъ относительно этого никакихъ свѣдѣній. Последнее обстоятельство не умаляетъ, впрочемъ, возможности и вѣроятности самаго факта; это пойметъ всякій, кто знаетъ, какъ трудно бываетъ нашимъ собирателямъ народно-бытовыхъ матеріаловъ освоиться съ религіознымъ міросозерцаніемъ изслѣдуемой ими среды. При такихъ условіяхъ, самое богатство свѣдѣній, записанныхъ на угадъ и не разобранныхъ, при самомъ актѣ собиранія, по извѣстнымъ категоріямъ, можетъ служить лишь помѣхой изслѣдователю. Такъ и въ вопросѣ о народномъ культѣ Пятницы. Я старался уловить въ его историческомъ развитіи черты народнаго олицетворенія, собирая ихъ въ общій образъ; и за всѣмъ тѣмъ остаются нѣкоторыя, правда, немногія подробности, которыя въ этотъ образъ трудно укладываются. Объясняется это тѣмъ, что элементы, изъ которыхъ онъ сложился въ народномъ сознаніи, не однообразны; что иногда они сливались въ одно цѣлое, при чемъ одинъ изъ составныхъ элементовъ являлся преобладающимъ, давая окраску другимъ; часто онъ становился о-бокъ съ другими, не производя вне-

¹⁾ Сл. *Доброутворскій*, I. с., № 37, р. 160; *Барсовъ*, Дух. стихи, № 45 и др.

²⁾ *Якушкинъ*, Русск. пѣсни, № X; *Шейнъ*, Бѣлорусск. нар. пѣсни, № 721; *Wackernagel*, Weihnachtsp., 381: «Unter den Weihnachtsliedern des 14-ten Jahrhunderts zeichnet sich besonders der Gesang aus: Uns kommt ein Schiff gevaren — Es bringt ein schönen Last — Da: ſif vil engelscharen — Und hât ein grôzen Mast (Ph. *Wackernagel*, Kirchenlied, № 729; *Bollens* Choralgesang, 62). Es wird dem grossen Theologen Johannes Tauler († 1361) zugeschrieben». — Сл. тотъ же сюжетъ у *Gil Vincente*, *Barca do Purgatorio: Christo o capitão de navio*. Inc. Remando vão remadores — Barca de grande alegria, — o patrão que a guiava — Filho de Dios se dizia — Anjos erão os remeiros и т. д. *Bellermann* (Portugiesische Volkslieder und Romanzen, 2 и 266) называетъ эту пѣснь старою народною. Сл. *T. Braga*, *Cancioneiro*, II, 170—171 и *Pitrè*, *Canti pop. sic.* II, № 990. (La nave): Sammicheli d'ù capitani.... Sanciusseppl d'ù timuneri.

³⁾ *Доброутворскій*, I. с., р. 43.

чтлѣнія цѣлаго и вызывая разностороннюю оцѣнку. Народная Пятница прежде всего—олицетвореніе священнаго дня недѣли, angelus Venis; но затѣмъ мы видѣли, что народное суевѣріе смѣшало ее съ Богородицей, между прочимъ, съ Покровомъ=Богородицей,—съ Параскевой мученицей.

Слѣдующія суевѣрія, не укладывающіяся въ тотъ образъ народной Пятницы, какой былъ предложенъ въ предыдущихъ главахъ, сообщаются въ нѣсколько произвольномъ распредѣленіи на три рубрики.

1. (Пятница-Богородица?). По народному убѣжденію, отъ Пятницы зависятъ обильные роды земли; ее молятъ объ отвращеніи засухи, проливныхъ дождей, неурожаевъ; въ даръ ей приносили земные плоды ¹⁾; приписывали ей вліяніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота, почему во время падежей и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы ²⁾; молясь ей о защитѣ отъ коровьей смерти, приносятъ кисель къ гробу (?) ³⁾. Въ Калужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отпрашивается ночью въ поле, пажинаетъ одинъ снопокъ, связываетъ его и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произнося слѣдующія слова: „Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божиимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдунцы, еретика и еретицы!“ Затѣмъ, взявши снопокъ, она старается пройти со двора, не будучи никѣмъ замѣченною ⁴⁾.

2. (Отдѣльныя пятницы). Особое мѣсто должно быть отведено среди пятничныхъ суевѣрій, тѣмъ изъ нихъ, которые привязаны къ извѣстнымъ пятницамъ, почему-либо особенно почитаемымъ въ народѣ. Для каждой изъ нихъ значеніе окружившей ихъ обрядности должно быть определено особо въ связи съ тѣмъ мѣстомъ, какое онѣ занимаютъ въ народномъ обрядовомъ календарѣ. Такъ, въ Вуйскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи) празднуется на 3-й недѣли Великаго поста *Обжорная* пятница, когда зятя угощаютъ тестей и тещей киселемъ съ масломъ, который привозится въ гробкахъ ⁵⁾. Въ другихъ

¹⁾ *Аванасьева*, Повг. позарѣнія, I, 240.

²⁾ *Аванасьева*, Легенды, 149.

³⁾ *Петрушевичъ*, Общерусск. дневникъ, стр. 76.

⁴⁾ *Аванасьева*, Легенды 149; Повг. позарѣнія, I, 240.

⁵⁾ *Снегиревъ*, Русск. простонародн. праздники, I. 188.

мѣстностяхъ это дѣлается въ *разную* пятницу, и смыслъ угощенія тотъ, что молодые зятя благодарятъ тещу и тестей за получение отъ нихъ непорочной жены ¹⁾. Въ уѣздахъ Шенкурскомъ (Архангельской губерніи) и Вельскомъ (Вологодской губерніи) отправляютъ ежегодно празднества въ честь *Пятницы на первой недѣли Петрова поста*, подъ именемъ *девятой* пятницы. Въ одной старинной часовнѣ, въ пяти верстахъ отъ Верховожья (Вологодской губерніи) бываетъ крестный ходъ и молебствіе, потомъ угощеніе и игры. Дѣвушки и парни играютъ въ *полукрестъ*. Онъ составляется изъ двухъ круговъ: пары сначала сходятся, а потомъ пускаются попарно въ запуски. Безпарные бѣгаютъ за парой и стараются ее разорвать, и тѣмъ оканчивается игра ²⁾. Замѣтимъ, что въ росписаніи 12-ти пятницъ у Аванасьева (Поэт. возврѣн., I, 31—32) девятая пятница приходится передъ Покровомъ (1-го октябріа); въ этой связи мы пытались объяснить и вологодскій обычай „обыденной пелены“; въ росписи 9-ти пятницъ у Терещенка ³⁾, наоборотъ, девятая пятница помѣщена послѣ *праздничной*, что на день св. Парасковіи—28-го октябріа.

3. (Св. Параскева). Праздникъ Параскевы-мученицы, прозванной Пятницей, приходится на 28-е октябріа. Суевѣрія и примѣты, привязавшіяся къ этому дню, и вообще къ чествованію святой, могутъ лишь въ извѣстной мѣрѣ быть связаны съ культомъ олицетвореннаго дня, и вѣроятно, относятся къ кругу другихъ календарно-миѣическихъ представленій. Празднованіе приходится осенью; оттого—Парасковіи грязники, порошники; на грязнуху большая грязь, четыре седмины до зимы ⁴⁾; Парасковіи льняницы: съ этого времени начинаютъ мять ленъ ⁵⁾. Въ день св. Параскевіи 28-го октябріа отправляли соборомъ божью службу, клали подъ образъ св. Параскевіи зеленые плоды для освященія и хранили у себя дома до слѣдующаго года ⁶⁾. Въ Болгаріи 28-го апрѣля старухи оставляютъ на дворѣ хлѣбъ и крашеное яйцо, съ полнымъ убѣжденіемъ, что св. Параскевія придетъ ночью и съѣстъ то и другое ⁷⁾; 28-го октябріа на свиту

¹⁾ Терещенко, Бытъ русск. нар., VI, 60.

²⁾ Ib., I. с.; Описаніе, I. с., I, 188—189.

³⁾ Терещенко, I. с., VI, 60.

⁴⁾ Далъ, Толковый словарь: пять.

⁵⁾ Терещенко, I. с., VI, 55.

⁶⁾ Ib. 59.

⁷⁾ Каравеловъ, Пам. народн. быта Болгаръ, I 220—1; Аванасьевъ, Поэт. возвр. I, 241.

Парашкеву начинаются службы и продолжаются до св. Николы. Службы происходятъ слѣдующимъ образомъ: женщины ходятъ изъ дома въ домъ и собираютъ деньги, муку, яйца, ветчину, масло и т. п., покупаютъ вино и собираются на горѣ, которая называется свята Парашкева. Тамъ онѣ готовятъ кушанье, изъ каждаго дома приносятъ чотору или бѣклицу (кувшинъ) вина, прѣсный хлѣбъ и густой медъ. Когда кушанье готово, приходитъ попъ, освящаетъ службу и сатидся вмѣстѣ съ народомъ; ѣдятъ, пьютъ, веселятся. На службы собираются всѣ бѣдные и нищіе; отсюда и поговорка: „наѣлся, катю просекъ на служба“ ¹⁾. Загадочные слѣдующій обычай: въ Тулѣ, въ праздникъ Пятницы (28-го октября?) готовятъ изъ глины дѣтей ²⁾.

Пятницу Русскій народъ представляетъ себѣ то молодой, то старухой, простовласою; она въ бѣломъ пушунѣ; худощава и высока ростомъ (Терещенко); по болгарскимъ сказаніямъ, свята Петка Парашкева носить на головѣ лучезарный вѣнокъ, очень добра и охотно помогаетъ женщинамъ въ ихъ домашнихъ работахъ ³⁾. Этотъ лучезарный вѣнокъ явнымъ образомъ перенесенъ на олицетвореніе Пятницы съ образа чествуемой церковью мученицы Параскевы. Поклонялись послѣднему, ставя ему свѣчу отъ нечистаго навожденія ⁴⁾, народъ также безсознательно переносилъ его черты на образъ своего собственнаго созданія, какъ безсознательно смѣшивалъ свою Пятницу съ христіанской мученицей. Въ Малороссіи, во время церковныхъ обрядовъ, выносили образъ св. Параскевіи, увѣшанный лентами, монетами, цвѣтами и душистыми травами. Народъ толпой тѣснился лобызать изображеніе, въ надеждѣ избавленія отъ разныхъ недуговъ. Цвѣты и травы, украшавшіе образъ, хранились въ церкви; отваръ ихъ давали пить отчаянно больнымъ, какъ вѣрное лѣкарство ⁵⁾. Русскіе крестьяне хранятъ у себя по домамъ образъ св. Пятницы, женщины худощавой, высокой ростомъ, съ лучезарнымъ вѣнкомъ на головѣ ⁶⁾. Тѣ изображенія Педѣли и Пятницы, которыя Караджичъ встрѣчалъ на иконахъ ⁷⁾, могутъ быть, вѣроятно, изображеніями

¹⁾ Каравеловъ, I. с., 263; Петрушевскій, I. с., 77.

²⁾ Петрушевскій, I. с., 76. Сл. рождественскія печенія изъ тѣста въ образъ людей и животныхъ въ Германіи (*Wackernagel, Weihnachtsp.* 26—7) и Россіи (Терещенко, I. с., VII, 37—8).

³⁾ Аванисовъ, Поэт. воззрѣнія, I, 241.

⁴⁾ Петрушевскій, I. с., 76.

⁵⁾ Терещенко, I. с., VI, 58.

⁶⁾ I. с., VI, 55.

⁷⁾ Караджичъ, Срп. Рјечник а. в. недрѣжа.

св. Анастасіи и Параскевы, если не предположить, что послѣднія были истолкованы народомъ, какъ Недѣля и Пятница ¹⁾. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что иконографическое представленіе Недѣли засвидѣтельствовано для очень ранняго времени однимъ изъ поученій Паисіевскаго сборника, на который обратилъ вниманіе г. Пыпинъ ²⁾. Эти поученія замѣчательны: „въспрашаеъ Изяславъ князи, сына Ярославля, внука Володимера“ печерскому игумену Оеодосію показываеъ, что и въ Россіи XI вѣка существовали тѣ же суевѣрныя представленія о культѣ Воскресенья, какія выражены въ Эпистолѣи о Недѣлѣ. Изяславъ спрашиваетъ Оеодосія: „Можно ли въ день воскресенья закласть вола или овна, и можно ли ѣсть птицу или иное, подобное сему“. Оеодосій объясняетъ князю, что недѣля читится только ради воскресенья Христова, что если Евреи имѣли законъ субботы, въ которую не повелѣно было *ничего дѣлать, ни огня возжигать, ни заколатъ животныхъ, ни переходить изъ храма въ храмину*,—то до насъ это не касается, потому что Христосъ сошелъ на землю и „жидовская вся умолкоша“. Мы не чада Авраама, но чада Христа Бога нашего, и Святое Писаніе не дѣлаеъ никакихъ запрещеній о недѣлѣ. „Ни есть ти възбращаю“, продолжаетъ Оеодосій,—„ни грѣхъ, еже рѣзати въ недѣлю, и ясти, по ней же мы еси воспрашалъ: того ради молю тя, имѣя преданья святыхъ; аще бо кто тако творить, въ субботу рѣзати, а въ недѣлю ясти, то явѣ *жидовствуетъ*“. Излишняя строгость въ соблюденіи воскресенья, облачаемая этимъ поученіемъ, обращаетъ насъ къ реалистическимъ запретамъ Эпистолѣи, тогда какъ слова Оеодосія напоминаютъ наставленія блаженнаго Августина (*Sermo de decem chordis*, с. 3), точно также противоположавшаго духовное празднованіе воскресенья реаль-

¹⁾ Св. Венеранда или Венера=Параскева изображается обыкновенно либо съ распятиемъ въ рукахъ, либо съ символомъ котла (орудіа ея кавни), или дракона, играющаго роль въ ея житіи. Сл. *Calier*, *Characteristiques des Saints dans l'art populaire*, Paris, 1867, I, p. 208, 284, 322. Сл. *Ventimiglia* op. cit. 25—6, 47. Знакомъ исторіи искусства, безвременно погибшій, В. Н. Виноградскій, сообщилъ мнѣ слѣдующія данныя о древнихъ изображеніяхъ Пятницы на русскихъ иконахъ: 1) XIV вѣка: въ правой рукѣ крестъ, лѣвая закрыта; 2) XIV—XV вѣковъ: въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой сосудъ (античной формы, гемматъ); 3) XVI вѣка: въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой разсвѣнутый свитокъ: «Варю (sic) въ единого Бога Отца, Вседержителя, Творца».

²⁾ *Летописи занятій Археографической комисіи*, вып. 2-й (1862—1863 г.): Исследования для объясненія ложныхъ книгъ и преданій: Недѣля и Эпистолѣи о Недѣлѣ, стр. 2—4.

ному покою еврейской субботы. „Dicitur tibi“, говоритъ онъ,— „ut spiritualiter observes sabbatum, non quomodo Judaei observant sabbatum carnali otio; vacare enim volunt ad nugas et luxurias suas. *Melius enim faceret Judaeus in agro suo aliquid utile, quam in theatro desidiosus existeret; et melius focinae eorum die sabbati lanam facerent, quam toto die in moenianis saltarent*“ ¹⁾.”

Другое слово Пансіевскаго сборника говоритъ намъ объ иконографическихъ представленіяхъ Недѣли: „Слово истолковано мудро-стію шѣ свѣтлыхъ апостолѣ и пророкѣ и отцѣ—ѣ твари и ѣ днѣи, рекомомъ недѣля, яко не подобаетъ крѣстьяномъ кланѣтися недѣли, ни именовати ея, за не тварь естъ“ ²⁾. Въ числѣ прочихъ наставленій на эту тему, читаемъ слѣдующія: Жиды просили у Бога, и Онъ давалъ имъ знаменія, а для насъ премудрость естъ Христосъ, „и его пропѣть и воскресеніе; и поклоняются ему и *тридневное сію воскресеніе славятъ, а не недѣлю: не рече Богъ о боляхъ, но рече: створимъ челоуѣка по образу нашему*“; слѣдовательно, челоуѣческій образъ не приличенъ другой твари. Но если кто спроситъ: „да чему се естъ писана недѣля; та предана намъ кланѣтися ей и чѣстити ю?“ На это отвѣчаетъ слово, что Богъ хотѣлъ привести Евреевъ на лучшій разумъ и отвлечь ихъ отъ идоловъ, и далъ имъ субботу; потомъ данъ имъ былъ другой, лучшій законъ, но они не уразумѣли его, „по первомъ державшимся, ни того сохраниши, ни по новѣи яшася, ѣ нем же быша спасени были; тако ти и мы не можемъ сѣ

¹⁾ Сл. *Especulo de los legos* (XIV вѣка) гл. XXI, у *Amador de los Rios*, *Hist. crit. de la literat. espanola*, IV: «Mejor es en los dias del domingo cavar et arar que non aducir cantares». — *Lagomaggiore*, *Rime genovesi* del s. XIII e del principio del XIV (въ *Archivio glottologico*, diretto da *Ascoli*, v. II, punt. 2, 1873 г., № 14: *De decem precepta Moyses*, p. 184): «Lo terzo comando de la ley—Dementegar no te dei:—*che lo sabo, di sagrao, — chi in domenega è cambiao — l'aregordi santificar — e tuto a De sacrificar.... e en lo so amor reposea — senza far alcuna cossa—de vera ni d'atro zogo—donde peccao avesse logo,—che, sapi ben, monto mar festa—chi fa ovra desonesta:—men mar serea aver arao—in di de festa, cha ballao.—che monti son chi quello torno — van a rei merchai d'entorno. —* «In-massen sich vor alten Zeiten wie die katholische Kirch die wochentliche heiligung und feyrung des siebenden Tags von dem jüdischen Sabbath auff den nachfolgenden unsers Herrn Auferstehungstag, das ist den Sonntag, gelegt, Ketzer gefunden, die dieser Ordnung der Kirchen zu Trotz und Verachtung ihre Fasttag am Sonntag angestellt (*Panzer*, I. c., II, p. 284).—Въ послѣднемъ сужевіи несомнѣнно отразились строгія наставленія епископів.

²⁾ *Пыпинъ*, I. c.; текстъ слова у *Срезневскаго*, *Древн. пам. русск. письма и языка*, стр. 272—5.

остати норова того пустомнаго, еже *клинѣтисѧ тварѣи* — того дѣла дано имъ недѣля, да на томъ познають Христово воскресенье“, чтобы въ этотъ день люди не творили зла, молились о грѣхахъ своихъ и кланялись Воскресенью Христову, а не дню недѣли. День этотъ былъ всегда, но не нарицался недѣлей; когда же Христосъ пришелъ, то была радость всему міру ради Его воскресенья, а не ради недѣли; въ тотъ день онъ разрушилъ смерть крестомъ, а не недѣлей¹⁾.

Такимъ образомъ, съ первыхъ вѣковъ европейскаго христіанства слышится голосъ рационализма противъ того, что мы могли бы называть жидовствующимъ пониманіемъ субботняго дня. И не смотря на то, оно поднималось снова, формулируемое въ апокрифическихъ статьяхъ и проповѣдуемое сектами. Образы Пятницы и Анастасіи, страствующихъ и угрожающихъ, принадлежатъ во всякомъ случаѣ этому нерациональному развитію христіанства. Образы эти до сихъ поръ владѣютъ фантазіей русскаго простолюдина, лишь изрѣдка позволяющая себѣ перенести ихъ въ область народной шутки. Я закончу эту главу двумя народными анекдотами.

Дѣло было въ пятницу; ѣхали вмѣстѣ Русскій да Пѣмецъ. Захотѣлось Пѣмцу закусить, и принялся онъ за колбасу. „Не ѣшь скоромнаго“, говоритъ Русскій, — „нынче — пятница“. „Что тамъ за пятница? наплевалъ бы ей въ глаза!“ Долго-ли, коротко-ли они ѣхали, ведутъ имъ на встрѣчу медвѣдь. Русскій говоритъ: „Вонъ идетъ наша пятница!“ „Постой же, пойду наплюю въ глаза вашей Пятницѣ!“ Сейчасъ соскочилъ съ повозки да къ медвѣдю, а Михайло Ивановичъ ухватилъ его сердечнаго: ужъ онъ ломалъ Пѣмца, ломалъ. насилиу люди отбили²⁾.

Одна глупая баба пріѣхала на ярмарку купить образъ Временной Пятницы. Приходитъ въ балагашъ къ разнощику: „Дядюшка, покажи ка мнѣ образъ Временной Пятницы“. Вмѣсто того, показываетъ онъ ей Егорія Храбраго. „Дѣдушка, да отчего же она, матушка, на конѣ?“ „Экая ты баба дура! Оттого она и называется Временною, что иной разъ пѣшкомъ ходитъ, а временемъ на конѣ ѣздитъ. Вишь конь-то такъ копытица и задираетъ“³⁾.

¹⁾ Нѣсколько дѣлье слѣдуетъ въ текстѣ увѣщаніе, какъ проводить воскресный день: «празднуйте во-нь не дѣлающе, ни гнѣвающесѧ, ни клевещущи, ни осуждающе, ни пьюще, ни играюще игръ бѣсовскихъ, отъ блуда сѧ воздержаше, тѣмъ не творѣши.... во тѣ днь приблигающе плачемъ сѧ о грѣсѣхъ своихъ, чающе отъ Бога прощеньѧ». *Срезневскій*, I. с., 274.

²⁾ *Анастасіевъ*, Нар. Русск. сказки, IV, 503.

³⁾ *Ibid.* IV, 542.

Приложеніе къ т. V-й.

Объ одномъ мотивѣ рождественскихъ колядокъ.

Русскій духовный стихъ о страданіяхъ Спасителя (*Безс.*, Кал. IV, № 381—382 и варианты) даетъ поводъ къ замѣчаніямъ, которыя поведутъ насъ въ область рождественскихъ пѣсенъ. Богородица ищетъ по Іерусалиму своего Сына; встрѣчаетъ двухъ Жидовъ, которые на ея вопросъ отвѣчаютъ, что были въ Іерусалимѣ, гдѣ распяли Христа. Богородица предается печали, и стихъ кончается словами Спасителя, вѣщающаго со креста.

Съ этимъ стихомъ слѣдуетъ сличить *Suñil*, № 42: *Utrpení ráně*, гдѣ вѣсто Жидовъ являются апостолами, какъ и въ малор. коладѣ въ Народн. дневн. Труды З.—Р. экспед., *Чубинскаго*, стр. 367: Ой у поля широкому. Можежь быть, эта редакція древнѣе.

Въ одной народной португальской пѣснѣ (*T. Braga*, *Cant. populares do Archipelago Açoriano*, стр. 356—7: *Romance da raixão*) Богородица не ищетъ Спасителя, а ждетъ въ страстную пятницу ап. *Іоанна* съ грустною вѣстью, что ея сына распяли. Тогда она спѣшитъ ко кресту и изливаетъ свои жалобы. «Кто знаетъ эту мою молитву, того душа спасена будетъ, и его мать и его отецъ получать на 100 лѣтъ отпущеніе грѣховъ». (Сл. сходную лангедокскую пѣснь, приведенную мною въ статьѣ: *Совѣ Богородицы* и т. д. въ *Ж. М. Н. Пр.* за апрѣль 1876 г., стр. 349, прим. 3, и *Bernoni*, *Pregchiere popol. venez.* № 40). Въ другой пѣснѣ, записанной въ Опорто, Богородица молится въ кельѣ, *Мадалина* и ап. *Іоаннъ* извѣщаютъ еѣ, что Спасителя ведутъ на распятіе. Богородица идетъ искать его; слѣдуетъ лирическое описаніе смерти и знаменій, и обещаніе милостей знающему эту молитву (*T. Braga*, *Concioneiro e romancero geral portuguez*, II, 173—4). Въ этомъ видѣ пѣснь о «Страданіяхъ Спасителя» соприкасается съ тѣмъ другимъ рядомъ пѣсенъ, который мы разсмотрѣли выше: съ такъ называемымъ Сномъ Богородицы.—Нѣсколько апостоловъ и нѣсколько Жидовъ явились позже замѣлой одного или нѣсколькихъ лицъ евангельскаго разказа (напр., три Маріи въ провансальской пѣснѣ *Rev. des langues rom.*, VI, 3: *Agter*, *Poésies populaires*, № II, и *passim*; Веронику въ одной изъ духовныхъ пѣсенъ, распеваемыхъ по пятницамъ народными пѣнцами въ Палермо. См. *Pitrè*, *Canti pop. sic.* II № 963; сл. *Bernoni*, I. c., № 28 и др.).

Безсоновъ, I. c., №№ 390—400, соединилъ подъ особымъ заглавіемъ: «*Хожденіе Богородицы*» нѣсколько пѣсенъ, представляющихъ особое развитіе главнаго мотива предыдущихъ. Святая Дѣва (въ № 398, по смѣненію съ легендой объ обрѣтеніи креста,—св. Олена. Сл. *Zienkiewicz*, *Piosenki gminne ludu pińskiego* стр. 236—8 и *Żegota Pauli*, *Pjesni ludu polskiego w Galycyi*, стр. 73—74) ходитъ по Сіонскимъ горамъ, ищетъ Христа: ей на встрѣчу *два (три) жиды*. «Не вы ли распяли Христа», спрашиваетъ Богородица. «Не мы, а наши прадѣды», отвѣчаютъ они и говорятъ: «пусть идетъ на Сіонскія горы, тамъ стоятъ три дерева, изъ нихъ церковь складена, въ той церкви три гроба: въ одномъ

почиваетъ Иисусъ Христосъ, въ другомъ Богородица (sic), въ третьемъ Иоаннъ Предтеча; въ № 398: самъ Господь, Сынъ Божий и свента Олена (сл. № 400 а: в.м. Иоанна Предтечи—Иоаннъ Богословъ; в. самъ Господь, Сынъ Божій, Матка Божя). Надъ Святою Дѣвой пташки поють, цвѣты цвѣтутъ, лоза выросла: «На этой на лѣзи—Три пташки сидятъ—Три пташки сидятъ—Жалостно поють—Разлуку дають» (№ 392); или разцвѣла роза: «А зъ той ружы да вылетивъ птахъ,—Якъ вылетивъ, да подъ небеса:—Ты небеса разторилися,—Вси ангели исклонилися» (№ 398)—Передъ Иваномъ Богословомъ свѣчки, лампады горятъ, надъ Иисусомъ Христомъ поны (ангелы—молесны) поють, свѣчки теплются.—Сл. тотъ же сюжетъ и въ той же обработкѣ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ *колядкахъ* въ Труд. З. Р. Эксп. *Чубинскаго*, Нар. Днени., стр. 353. («Ишла Марія на крутую гору». Три гроба: синъ Божий, Иванъ Христитель, Дѣна Марія; рожа и птахъ: «Не есть ты птахъ, а есть ты синъ Божий») и 447 («Якъ ходила Паанна»; три гроба; Христосъ, Илія, Марія; рожа и птахъ; «не есть то пташокъ, То Божая сила»); въ малор. пѣсняхъ, записанныхъ *Иллюминарскимъ* (*Памятная книжка Саратовской губ. на 1873 г.*, отд. III, стр. 26); у *Шейна*, Бѣлор. нар. пѣсни, № 724 (Господзь Богъ, Иисусъ Христосъ, Свента Марія), 725 (Езусъ, Ангѣлки его, Свента Марія), 726 (id., во всѣхъ 3-хъ №№.: роза и птахъ). Сл. также у *Чубинскаго*, Нар. Дн., колядку на стр. 343—4, относящуюся сюда же (Христосъ, Миколай, Марія), хотя начало ея неловко подмѣнено другимъ мотивомъ.

Въ двухъ редакціяхъ стиха, *Бесс.* 396—7, Богородица ищетъ Опасителя; *Иванъ Предтеча* спрашиваетъ ее, что она дѣлаетъ, и затѣмъ велитъ идти въ чисто поле, гдѣ стоятъ три древа, изъ нихъ церковь построена, тамъ три птицы поють пѣсни евангельскія и т. п. (подробности о 3-хъ гробахъ нѣтъ).

Дальнѣйшее измѣненіе мотива представляетъ № 399: нѣтъ ни Жидовъ, ни апостоловъ, ни расприсовъ: сама Богородица идетъ на крутую гору, гдѣ въ 3-хъ церквахъ стоятъ 3 гроба (Иисусъ Христосъ, Марія, Иоаннъ Предтеча).

Еще далѣе исчезла всякая идея о «хожденіи» и пѣснь (сл. пересказы № 400 у *Бессон.*) прямо начинается съ того, что на Сіонскихъ горахъ, или въ Іерусалимѣ, на дворѣ, стоитъ дерево, изъ дерева построена церковь (либо 3 церкви), въ ней три гроба или три престола и т. д. (Сл. *Ziakiewicz*, l. c., 232—234). Въ галицкихъ и бѣлорусскихъ *колядкахъ* это—самая распространенная форма, рѣдко, впрочемъ, встрѣчающаяся въ столь простыхъ очертаніяхъ (*Голованскій* въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.*, 1871, IV, 20; Тр. З. Р. Эксп., l. c., варианты къ *колядкѣ*: А въ пана Павла да на его дворі; *Доначевскій*, Пѣсни Буковинскаго народа въ *Зап. юго-западн. отд. Имп. русскаго географ. Общ.*, т. II (1874 г.), стр. 376—7, № 6; *Żegota Pauli*, *Pieśni ludu ruskiego w Galicyi*, I, стр. 9: А у рана Івана, та на jeho dworі. Сл. *Терещенко*, Б. Р. Н., VII, стр. 66—7: А пана у Івана да на его дворі: три престола: святее Ряздво, Святаго Василя, Иванъ Креститель), большею частью развитая разнообразными измѣненіями, очень интересными для исторіи *колядныхъ* мотивовъ. Такъ одна малор. *колядка* (*Голованскій* въ *Чтен.*, 1864, I, стр. 6—7) начинается съ того, что съ высокой горы доносится голосъ: Это топоры звенятъ, каменья тешутъ, церковь муруютъ въ трои двери:

У однихъ дверіхъ иде самъ Господь,
У другихъ дверіхъ матепка Божя,

У третіхъ дверіхъ ей святой Петро.
Передъ милымъ Богомъ органы грають и т. п.

(П'она и пташокъ). Такою пачало и другой коладки (Головинскій въ Чтен., I, 136—7):

Топоры звенять, бѣлы камень тешутъ,
церковнѣ будують съ 3-мя верхамп, 3-мя дверямп:
едны дверечка—исходъ солнечка,
други дверечка—полдень солнечка,
трети дверечка—заходъ солнечка.
А три вершечки суть три небеса,
На трехъ небесахъ ангелы звонятъ.

Земля, солнце, мѣсяцъ, зорничка, дождь и пшеница бѣгутъ на хвалу Христу: солнце и мѣсяцъ хотять засвѣтити надъ Рождествомъ.—Нлн (Голов. въ Чтен., 1871, IV, 102—3) Богородица отдала сына въ церковь: она съ пятью верхамп, тремя окнамп, съ райскими дверями:

Одное оконце—що сходятъ сонце,
Другое оконце—въ полудне сонце,
Трете оконце—заходитъ сонце.

Въ другой малор. коладкѣ (Голов. въ Чтен., 1871, IV, 58—9; сл. ib., 20—1 35) разказъ о построеніи церкви мотивируютъ иначе: молодець хвалится передъ королемъ своимъ конемъ; его

Шонковый хвостикъ землицю мете,
Сребны конята кремень лунууть,
Кремень лунууть, церковь мурують,

на два оконца, на третье дверцы: въ одно всходитъ солнце, въ другое заходятъ мѣсяцъ, въ третья самъ Господь. Сл. *Żegota Pauli, Pieśni ludu rusk. w. Gal.*, I, 8—9 (Oj w hori).—Новое осложненіе мотивовъ предлагаетъ слѣдующая коладка (Голов. ib., стр. 59—60): стоитъ церковь, на звоницѣ два голубя, молодець цѣлится въ нихъ изъ лука, а голуби говорятъ ему:

Ой бо мы не есть два сини голубы,
Али бо мы есть два Ангелове,
Два Ангелове зъ неба збславы,
Ой ци такъ теперъ, якъ зъ первовѣку:
Ци сятъ' меду Святому Рѣздву?
Ци кури' корѣлку Святому!Сбору?
Ци варя' пино Святому Стефану?

Но сятать теперъ меду Святому Рождеству и т. д.:

Лишь братъ на брата мечъ вынимае,
Сестра на сестру чарѣвъ шукае.

(Сл. ib., стр. 103—104, другую коладку, гдѣ роль ангеловъ—голубей играетъ

«ясна зорничка», и приведенную выше сербскую пѣснь о богатомъ Гаванѣ. (Сл. также *Шейма*, Бѣлор. нар. п., №№ 152—154).

Съ приведенною редакціей колядки (церковь, три гроба или престола и т. п.) сходны моравскія пѣсни, собранныя Sušil' омъ подъ № 40. (Tré loží): на холмѣ, горѣ, на бѣломъ камнѣ стоитъ костелъ, монастырь, домъ; въ немъ три бѣлыхъ ложа или три алтара; на нихъ лежатъ Исусъ Христосъ, Іоаннъ Предтеча и Бородинца: Nad svatým Jánem ráže rozkvetá—A z tej rážecky vtáček vyvlítá.—То není vtáček, to je syn Boží (въ другой редакціи то-же совершается před trůnem Božím). Какъ видно, основныя черты подверглись здѣсь въ меньшей степени народной передѣлкѣ, чѣмъ въ приведенныхъ выше малорусскихъ и бѣлорусскихъ колядкахъ. Въ этой области народное искаженіе, приуроченіе или развитіе пошло еще дальше. Въ двухъ колядкахъ у *Шейма* (№№ 150—115) колядовщики привѣтствуютъ хозяина: коли онъ не спитъ, пусть посмотритъ въ окно, во чисто поле, на темный дворъ: тамъ церковь стоитъ новорубленая, нѣ кой всѣ святые сидятъ, ряды рялятъ, кому въ поле идти: Егорій свѣтъ, ѹполе помель, Никола свѣтъ на коней ѹспаль и т. д. Либо самъ господарь «камень лупе, церковь муруе» съ 3-мъ верхами, 3-мя алтарями: въ одномъ вершочкѣ «дзвоночки дзвонять», въ другомъ «служба Бога ся править», въ третьемъ «свѣтлонько горять» (*Голов.* въ *Чтен.* 1871, IV, стр. 5).—Наконецъ забыта церковь или замѣнена свѣтлицей, гдѣ господарь угощаетъ Бога, Святую Пречистую и всѣхъ святыхъ (сл. *Wackernagel* Weihnachtsp. p. III: въ одной нѣмецкой рождественской драмѣ хозяинъ ожидаетъ посѣщенія святаго семейства: Wie ich von meinem Haushalter vernommen, So sollen Kaiser und König 'rein kommen, So will ich lassen die Tafel bereiten), или трехъ товарищей: ясный мѣсяцъ, свѣтлое солнце и самого Бога Небеснаго (сл. *Голов.*, I. с. двѣ колядки, стр. 4—5); иногда три товарища являются тремя царями: ясное солнце, ясный мѣсяцъ, дробень дождикъ; каждый изъ нихъ хвалится тѣмъ, что онъ сдѣлалъ. Солнце говоритъ: я ся похваляю... Но якъ я зойду на Рѣздово рано, израдуются въ звонницѣ звонъ и т. д. (*ib.*, стр. 105).—Крайнее искаженіе первичнаго содержанія колядки представляется въ слѣдующемъ значительно распространенномъ типѣ: на дворѣ у господаря стоитъ теремъ (въ церкви), въ теремѣ три окошечка, въ первомъ окнѣ ясенъ мѣсяцъ, во второмъ—ясно солнце, въ третьемъ дробны звѣзды. Ясенъ мѣсяцъ—панъ Іванъ, красно солнце—его жена, дробны звѣзды—ихъ дѣти. (*Шейма*, I. с., № 90 в стр. 55; слѣд. его же: Русс. Народн. пѣсни въ *Чтен.* О. И. и *Др.* III, 1869 г. № 1; сл. *Zieńkiewicz*, I. с., стр. 34—6: Oj w Turowi na Mogawí—swiaty wieczor, swiat! Stojal kościół niezrublony: въ немъ три оконца; въ первомъ ясное солнце—то самъ Господь Богъ, во второмъ ясенъ мѣсяцъ—сынъ Божій, въ третьемъ «jasnyje zygunki»—то Божьи дѣти.)

Нельзя сомнѣваться, что тотъ типъ колядки, который говоритъ о посѣщеніи дома святыми и Богородицей, или 3-мя товарищами и т. п., сложился подъ влияніемъ «рождественскихъ обходовъ», въ которыхъ являлись Богородица и Рѣздово (Бѣрта) и три царя волхвы (объ этомъ см. мою статью: Сивилла—Самонилла—Reine Pédauque: Бѣрта, стр. 272 слѣд.). Но меня интересуетъ главнымъ образомъ вопросъ: по какимъ побужденіямъ *мотивомъ, заимствованнымъ отъ крестной смерти Спасителя* (Богородица ищетъ его, жиды его замучали и т. п.), *могли дать сюжетъ именно рождественскимъ пѣснямъ* (сл. у *Шейма*, Бѣл. Н. П., №№

727—8; у *Лоначескаго*, I. с., стр. 376 — 7, № 6' (рождественская пѣснь) и стр. 395 № 32 (старосвятская молитва: страданія Христа.) Соединеніе того и другаго сюжета, рожденія и страданія, въ пересказахъ Сна Богородицы, дали намъ поводъ къ тому-же замѣчанію. (См. мою статью: Сонъ Богородицы и Сводныя редакціи эпистолін, стр. 345). Одна народная французская пѣснь на тему страданій Спасителя начинается словами: *Lou vespres de Tsalenda Jesus n'a fait qu' un plaint* (*Smith*, *Chants de pauvres, Romania VIII*, p. 469). Издатель замѣчаетъ по этому поводу: *»Tsalenda, dans notre pays, designe Noël, je n'ai jamais vu exprimant un jour de la semaine sainte. Une autre particularité à noter est quecette passion: Lou vespres de tsalenda... Nanette Lèvesque (пѣвица) l'appelle un noé, un nové, c'est à dire un Noël. Tsalenda=Calendae=коляда. Слнч. также нѣмецкую пѣснь: Marias Wanderschaft (Schade Volkslieder aus Thüringen въ Weimarischen Jarhbuch, III, 2, p. 296 seq.): Богородица ищетъ Христа, встрѣчаетъ аи. Петра, который гоноритъ, что видѣлъ ея сына въ терновомъ вѣнцѣ несущаго крестъ. Эту пѣснь поютъ въ Веймарѣ бѣдныя дѣти—о Рождествѣ, и исключительно въ эту пору.*

Александръ Веселовскій.

(Окончаніе будетъ).

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХ¹⁾.

IV.

Преп. Іосифъ Волоцкій; отношенія къ Геннадію и значеніе его въ современномъ ему обществѣ.—Характеристика личности Іосифа въ связи съ умственнымъ развитіемъ эпохи.—Борьба придворно-политическихъ партій и отношеніе къ ней ереси.—Вліяніе ереси на состояніе умовъ современнаго ей православнаго общества.—Первая противоречивая дѣятельность Іосифа.—Посланіе его къ Нисеону, епископу Суздальскому.—Сверженіе митрополита Зосимы.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору дѣятельности преп. Іосифа въ борьбѣ его съ ересью, мы постараемся очертить самую личность этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго историческаго дѣятеля въ связи съ обстоятельствами времени, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать. Разъясненіе характера этой дѣйствительно крупной исторической личности не только прольетъ свѣтъ на многіе факты изъ его противоречивой дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ возможность понять и очертить характеръ интеллектуальнаго развитія эпохи, въ которую жилъ преподобный, и типическимъ представителемъ которой онъ является.

Не случайно Геннадій избралъ себѣ Іосифа помощникомъ въ борьбѣ съ ересью. Между ними, кромѣ чисто официальныхъ отношеній подчиненнаго къ своему епархіальному владыкѣ, существовала еще другая, болѣе тѣсная связь. У Геннадія, въ качествѣ боярина, служилъ родной братъ Бориса Кутузова, съ самаго младенчества близкаго друга Іосифа. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Геннадій назначилъ послѣдняго начальникомъ надъ окружающими монастырями, поручивъ ему надзоръ надъ ними и сборъ съ нихъ доходовъ съ об-

---

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

ращеніемъ части ихъ въ пользу Іосифовой обители ¹⁾. По словамъ самого Іосифа, Геннадій безчисленно благодѣтельствовалъ его монастырю и подарилъ ему между прочимъ нѣсколько селъ ²⁾. Съ своей стороны, и Іосифъ всегда оказывалъ величайшее уваженіе и преданность Геннадію и отзывался о немъ въ самыхъ теплыхъ, задушевныхъ выраженіяхъ ³⁾. Но болѣе всего побудили Геннадія обратиться къ содѣйствию Іосифа, — личные качества послѣдняго и то высокое уваженіе, какое онъ успѣлъ снискать себѣ у великаго князя и во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества своею строгою, подвижническою жизнію. Братъ Іоанна III, Борисъ Васильевичъ, княжившій въ Волоколамской области, былъ первымъ благодѣтелемъ Іосифа, помогъ ему построить монастырь и продолжалъ благодѣтельствовать ему до самой своей смерти. Самъ Іоаннъ зналъ Іосифа за его добродѣтельную жизнь еще въ качествѣ простаго инокъ Пафнутіева Боровскаго монастыря, содѣйствовалъ избранію его настоятелемъ этого монастыря и посвященію въ священническій санъ, а когда послѣдній прибылъ для посвященія въ Москву, то „пріа его державный съ великою любовію и угости и.... и отпусти съ великою честію“. Когда же Іосифъ тайно ушелъ изъ Пафнутіева монастыря и путешествовалъ по другимъ монастырямъ, то „слыша сіа державный зѣло оскорбился... и повелѣ старцемъ о немъ питати“; а когда старцы, послѣ напрасныхъ поисковъ, снова стали просить себѣ игумена, то великій князь опять приказалъ искать Іосифа ⁴⁾. Многіе князья и бояре питали глубочайшее уваженіе къ знаменитому подвижнику, считали за счастье имѣть его своимъ духовникомъ и дѣлали въ его монастырь значительныя пожертвованія ⁵⁾. Понятно, что такой человекъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ даннымъ обстоятельствамъ. Соотвѣтствіе это сдѣлается еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на личный характеръ преподобнаго.

При первомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность Іосифа, насъ не можетъ не поражать кажущаяся двойственность въ его характерѣ и поступкахъ. Съ одной стороны, предъ нами является чело-

¹⁾ Житіе Іосифа, составленное неизвестнымъ, стр. 17; *Прибавл. къ Тв. Со. Отц.*, 1874 г., V, 256; *Хрущовъ*, о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, 104.

²⁾ Посланія Іосифа къ княгинѣ-вдовѣ и къ Кутузову; *Хрущовъ*, стр. 41—42.

³⁾ Напримѣръ, стр. 51—52 *Просвѣтителя*.

⁴⁾ Житіе пр. Іосифа, составленное Саввою Чернымъ. Велик. Минеи-Четии, митр. Макарія, сентябрь, стр. 460—461.

⁵⁾ *Хрущовъ*, 50—52 X.

вѣкъ, всецѣло посвятившій себя на служеніе Богу, аскетъ въ полномъ значеніи этого слова, дни и ночи проводящій въ молитвѣ, постѣ и бдѣніи, а съ другой — домовитый хозяинъ монастыря, неуспинно заботящійся объ обогащеніи его, устанавливающій таксу даже на церковныя службы и проповѣдывающій, что „даромъ священникъ ни одной обѣдни, ни панихиды не служитъ“. Въ одно и то же время онъ проповѣдуетъ мірянамъ отреченіе отъ міра, склоняетъ ихъ къ принятію монашескихъ обѣтовъ и убѣждаетъ жертвовать на монастырь села и угодья, беретъ большія пощины за постриженіе и не велитъ поминать по смерти чернеца, не сдѣлавшаго въ монастырь посильнаго вклада. Онъ беретъ къ себѣ престарѣлаго и разслабленнаго отца своего, въ продолженіе 15-ти лѣтъ неуспинно ухаживаетъ за нимъ, кормитъ его своими руками, и какъ выражается его жизнеописатель, „во всѣмъ вся бысть ему: и старецъ, и учитель, слуга и подпора“, и въ то же время онъ отказывается въ свиданіи своей матери-инокини, желавшей предъ смертію посмотреть на него послѣ 15-ти-лѣтней разлуки. Наконецъ, это былъ такой человѣкъ, который, во имя христіанской любви и милосердія, постоянно ходатайствовалъ за угнетенныхъ, писалъ убѣдительныя посланія о милованіи рабовъ, о помощи неимущимъ и страждущимъ, угрожая за неисполненіе этихъ священныхъ обязанностей страшнымъ гнѣвомъ Божиимъ, самъ всегда готовъ былъ протянуть руку помощи нуждающимся и страждущимъ, отрывалъ голодающимъ монастырскія житницы и раздавалъ имъ всѣ сѣстные припасы, по справедливости считаясь благодѣтелемъ окрестной страны ¹⁾.

Съ такихъ противоположныхъ сторонъ рисуется намъ личность Іосифа Сапина. Разгадка этихъ противорѣчій, по нашему мнѣнію, заключается не въ индивидуально-психическихъ свойствахъ преподобнаго, не въ исключительномъ преобладаніи какого-нибудь одного изъ нихъ, а въ общемъ складѣ господствующихъ понятій эпохи, въ характерѣ тѣхъ идей, на которыхъ онъ воспитался, и которыя потомъ стали стимуломъ, руководящимъ началомъ всей его послѣдующей дѣятельности. Поэтому, чтобы понять личный характеръ Іосифа и оцѣ-

¹⁾ Житіе Іосифа, писанное Саввою Крутицкимъ, напечат. въ Великихъ Минскихъ-Четвѣхъ, изд. Арх. Кож., октябрь, стр. 459, 469, 482—486; Уставъ Іосифа, напечат. тамъ же, гл. 3, 8, 12 и 13; Посланіе Іосифа къ книжницъ-идовъ, напечат. у Хрущева въ приложеніи, стр. 255—260; Полемич. сочиненія Ваасіана въ Пр. Соб. 1862 г., сентябрь; Посланія Іосифа къ Нисеяну, Митрофану, Василию Іоанновичу и послѣднія три слова Просвѣтителя.

нить по достоинству его дѣятельность, нужно напередъ понять и разъяснить господствующій характеръ образованности эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Что же такое былъ образованный человѣкъ этого времени? Какія типическія черты его умственного развитія? Какіе идеалы онъ себѣ выработалъ и стремился осуществить въ жизни? Вотъ вопросы, которые, въ виду постановленной нами цѣли, необходимо разрѣшить. Прежде всего—это не былъ человѣкъ многосторонне-образованный: понятія его о самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ и вещахъ были самыя дѣтскія; свѣтская мудрость не касалась его; онъ не только считалъ ее бесполезною и относился къ ней съ презрѣніемъ, называя ее „еллинскою хитростію“ и „чернонижнимъ полкованіемъ“, но онъ ненавидѣлъ ее и преслѣдовалъ. Онъ былъ исключительно человѣкъ вѣры: въ вѣрѣ заключалась вся его мудрость, все его знаніе. Только слово Божіе считалъ онъ источникомъ истинной мудрости; только въ немъ одномъ желалъ онъ поучаться день и ночь. Все, что не отъ Писанія, говорилъ онъ,—то отъ діавола ¹⁾. Но русскій человѣкъ XV—XVI в. не былъ въ строгомъ смыслѣ и человѣкомъ богословски-образованнымъ: знакомство его даже съ первоисточниками православно-христіанскаго ученія не простиралось на столько, чтобъ онъ могъ опредѣленно отличать въ этой области истинное отъ подложнаго, каноническое отъ не каноническаго, догматъ отъ обычая, частное мнѣніе или церковное постановленіе, вызванное обстоятельствами мѣста и времени, отъ общепризнаннаго и общеобязательнаго вселенскаго преданія, даже Ветхій завѣтъ отъ Новаго: для него все это безъ различія носило на себѣ печать богодухновенности и богоучрежденности, все было равно важно и обязательно. Это былъ грамотѣй-начетчикъ, богословъ-самоучка въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова: онъ изучалъ слово Божіе и все относящееся къ вѣрѣ съ ревностію и усердіемъ, достойными подражанія, но изучалъ отрывочно, безъ строгой разумной связи и послѣдовательности, безъ должнаго пониманія истиннаго смысла и значенія изучаемаго, изучалъ только по буквѣ, а не по духу. Онъ зналъ наизусть цѣлыя чтенія изъ бібліи, евангелія и писаній апостольскихъ и святоотеческихъ, но не постигалъ ихъ доказательной силы и не всегда примѣнялъ ихъ къ мѣсту и дѣлу. Неспособный ясно различать бо-

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 65—66, 79, 188—190; *Татищевъ*, Ист. IV, 70; *Провѣдатель*, стр. 48; Пренія митр. Даніила съ Макс. Грекомъ, *Уч. съ Общ. Н. и Д.* 1847 г., VII; *Забѣлины Отеч. Зап.* 1860 г., въ № XI, 95 — 143; *ibid.* 1856 г. III—IV, 13—14.

жественное отъ человѣческаго, онъ естественно слишкомъ расширялъ понятіе о богооткровенности и богоучрежденности и подводилъ подъ него предметы и понятія, вовсе чуждые характера божественности: неизблемое постановленіе вселенской церкви и новелла Византійскаго императора по дѣламъ церковнымъ, помѣщенные на ряду въ Кормчей, получали въ глазахъ его одинаковую обязательную силу. Въ то же время, будучи не въ состояніи освободиться отъ древне-народныхъ человѣкообразныхъ воззрѣній и возвыситься до идеальнаго, строго-христіанскаго представленія о Божествѣ, онъ низводилъ божественное на степень человѣческаго, приписывалъ Богу черты и дѣйствія, свойственныя существу ограниченному. Не постигая глубокаго различія между ветхозавѣтною подзаконностью и христіанскимъ нравственнымъ закономъ, закономъ свободы и любви, онъ считалъ то и другое безразличнымъ и равно обязательнымъ для себя ¹⁾. Но, будучи сыномъ своего вѣка, выросшимъ въ эпоху гос-

---

¹⁾ Древне-русская литература была гораздо болѣе богата сочиненіями апокрическаго характера, чѣмъ подлинными святоотеческими твореніями. «У насъ», говоритъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей XVI вѣка (Курбскій), — «анидесяти части книгъ учителей нашихъ древнихъ не переведено лѣности ради и нерадѣнія властей нашихъ, бо нынѣшняго вѣку мнѣніи учителя больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упримняются, прочитають и похваляють ихъ, нежели въ великихъ учителей рѣзумѣхъ наслаждаются» (*Правосл. Соб.* 1858 г., I, 106). Это и понятно: апокрихъ, вымыселъ или заблужденіе, какъ продукты ума невѣжественнаго, лишеннаго истиннаго смысла спасительной вѣры христіанской, сильнѣе привлекали вниманіе и симпатіи, ближе подходили къ пониманію древне-русскаго человѣка, при наружномъ христіанскомъ благочестіи еще далеко несвободнаго отъ старыхъ языческихъ воззрѣній. Онъ видѣлъ въ нихъ что-то близкое, родное, и потому старался собирать и записывать все появлявшееся въ этомъ родѣ. Не удивительно и то, что даже самыя чистыя христіанскія понятія, при усвоеніи и литературной переработкѣ ихъ русскимъ человѣкомъ характеризуемой нами эпохи, получали у него чувственно-антропоморфическій отпечатокъ, служившій отличительною чертою древне-русскаго языческаго міровоззрѣнія и замѣчаемый на большинствѣ религіозно-церковной письменности этого времени. Тѣмъ болѣе для него были недоступны болѣе тонкія, но тѣмъ не менѣе существенно необходимыя для пониманія истиннаго смысла христіанства, различія, законы, напримѣръ, вопросы объ отношеніи Вѣтнаго завета къ Новому и о различіи между ними, о различіи между частнымъ мнѣніемъ и вселенскимъ преданіемъ, освященнымъ временемъ благочестивыхъ обычаевъ и богоустановленнымъ учрежденіемъ. Даже самыя высокопоэтизованные писатели этой эпохи не свободны были отъ этихъ недостатковъ. Геннадій Новгородскій «испытно проходилъ «Шестокрыглъ» и искалъ доказательствъ въ «книгѣ Еноха Праведнаго», называя эти апокрихи богодухновен-

подства грубой силы и личнаго безправія, воспитаннымъ въ суровомъ аскетизмѣ, онъ искалъ идеаловъ для себя не столько въ Новомъ сколько въ Вѣтхомъ заветѣ. Не удивительно, что его болѣе плѣнялъ суровый образъ Іліи и Финееса, чѣмъ кроткій и всепрощающій ликъ Христа Спасителя. Духъ библіи имѣлъ на него могущественное вліяніе и парализовалъ благотворное, всепримиряющее дѣйствіе евангельскаго слова; на ней онъ воспиталъ отличавшія его пророческую ревность по вѣрѣ и беспощадную строгость своихъ приговоровъ надъ религіозными разномыслими; но библія, вмѣстѣ съ тѣмъ, была и тою нейтральною почвою, на которой онъ могъ сходиться съ этими послѣдними, и при всемъ своемъ религіозномъ ригоризмѣ, протягивать руку мира и согласія даже презрѣннымъ въ его глазахъ остаткамъ библейскаго народа. Поэтому, если онъ не терпѣлъ иновѣрцевъ, если преслѣдовалъ заблуждающихся, избобрѣталъ для нихъ пытки и казни, то все же дѣйствовалъ совершенно искренно, въ глубокомъ убѣжденіи, что такъ повелѣвало ему дѣйствовать слово Божіе, служившее для него всегда и во всемъ непреложнымъ закономъ. Въ словѣ Божіемъ и въ томъ, что онъ принималъ за такое, ему встрѣчались такъ и здѣсь поразительные примѣры самой пламенной ревности, беспощадно каравшей враговъ правой вѣры. Преслѣдую еретиковъ, онъ желалъ явить себя только вѣрнымъ исполнителемъ божественныхъ предписаній и ревностнымъ подражателемъ древнихъ поборниковъ вѣры и благочестія. Если, въ свою очередь, онъ самъ увлекался и впадалъ въ заблужденія, то и здѣсь нѣтъ

ными (Посл. къ Іоанну). Іосифъ Волоцкій не въ состояніи былъ освободиться отъ слишкомъ человѣкообразныхъ представленій о Божествѣ, какъ это, напримеръ, видно изъ 4-го слова Просвѣтителя о необходимости воплощенія, гдѣ Богу приписываются «прехищреніе» и «коварство», свойства, рѣшительно не мирящіеся съ высокимъ христіанскимъ понятіемъ о Божествѣ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ, подобно Геннадію, пользуется, какъ богодухновенными, источниками, имѣющими сомнительное происхожденіе и достоинство. Такъ, изъ Палемъ онъ заимствуетъ разказы о библейскихъ временахъ; ссылается также и на Еноха Праведнаго, хотя приводитъ изъ него только мѣста, сходныя съ мѣстами изъ каноническихъ книгъ; а писанія Никона Черногорца, не причисленнаго нашею Церковію къ лику святыхъ, онъ постоянно называетъ «богодухновенными». Церковно-гражданскимъ постановленіямъ Византійскихъ императоровъ, помѣщеннымъ въ номоканонахъ, на ряду съ соборными и святоотеческими правилами, онъ приписываетъ одинаковое каноническое достоинство съ послѣдними и на основаніи ихъ требуетъ розыски и беспощадной казни еретиковъ (см. послѣднія три слова Просвѣтителя).

причинѣ сомнѣваться въ его искренности и заподозрѣвать чистоту его намѣреній: онъ заблуждался не по чему иному, какъ только потому, что основу своихъ заблужденій видѣлъ въ томъ же „божественномъ писаніи“, хотя и понималъ его неправильно и произвольно. Но повторяемъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь, онъ выходилъ изъ самаго искреннаго и глубокаго убѣжденія въ томъ, что дѣлаетъ дѣло Божіе; тамъ и здѣсь онъ твердо держался почвы церковнаго ученія. Если онъ иногда доходилъ до крайностей, впадалъ въ заблужденія, то виной этому въ большинствѣ была не его личная воля, а недостаточность и односторонность умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія, отличавшаго вообще его время.

На Іосифѣ Волоцкомъ, какъ на личности, по преимуществу умственно-сильной и воспріимчивой, характеристическія черты умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія эпохи, отразились глубже и рельефнѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ. Здѣсь-то главнымъ образомъ и пужно искать объясненія кажущейся двойственности въ характерѣ и поступкахъ преподобнаго, какъ настоятеля монастыря и какъ борца за православіе. На самомъ же дѣлѣ это была личность удивительно цѣльная, натура всегда вѣрная, не измѣнявшая себя. Правда, онъ не былъ человѣкомъ исключительно чувства или воображенія, но также не былъ человѣкомъ и одного холоднаго разсудка. Напротивъ того, всѣ духовныя силы дѣйствовали въ немъ въ замѣчательной гармоніи. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть его замѣчательное твореніе, дошедшее до насъ подъ именемъ „Просвѣтителя“, стоитъ прочесть любое изъ его посланій. Здѣсь мы найдемъ множество мѣстъ, дѣйствительно поразительныхъ по своей логической силѣ; но тутъ же, на ряду съ ними, встрѣтимъ и такіа мѣста, которыя обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ присутствіе глубокаго чувства и самаго пламеннаго воображенія, дышать высокою поэзіей ¹⁾. Сила его воли и постоянство въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ имъ для себя цѣлей были изумительны. Это доказывается исторіей всей его жизни. Но всѣ его богатія умственныя и нравственныя силы сосредоточены были на одной великой идѣ. Іосифъ былъ исключительно человѣкъ вѣры, ревнитель православія, готовый во имя его и для его торжества пожертвовать всѣмъ, что

¹⁾ Для примѣра можно указать на приписку его въ посланіи къ Неоиту, адресованную имъ къ брату своему Васіану (стр. 9—10), и на многія мѣста Просвѣтителя.

было святаго и драгоцѣннаго; но въ то же время, какъ сынъ своего вѣка, онъ понималъ православно-религіозные интересы по своему, какъ мы сказали, относился къ источникамъ христіанскаго вѣроученія безъ критики, съ одинаково-безусловнымъ благоговѣніемъ къ каждой писанной строкѣ, лишь бы она имѣла религіозный характеръ и носила печать древности. Отсюда и происходило, что тотъ же самый человѣкъ, который во имя предписаній евангельскаго закона любви всегда готовъ былъ самоотверженно помогать нуждающимся ближнимъ, на основаніи другихъ письменныхъ источниковъ, имѣвшихъ въ его глазахъ такой же богодухновенный характеръ, отказывалъ въ предсмертномъ свиданіи своей матери-инокини и требовалъ розсковъ, пытокъ и безпощадной казни еретиковъ; но въ томъ и другомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно искренно, во имя однихъ и тѣхъ же религіозныхъ побужденій, будучи глубоко убѣжденъ, что совершаетъ дѣло Божіе, за которое всегда готовъ былъ жертвовать своею жизнію. Если прибавить ко всему этому обширную богословскую эрудицію и даръ слова, краснорѣчивый и убѣдительный, то для насъ окончательно выяснится какъ личность Іосифа, такъ и то громадное вліяніе, какимъ онъ пользовался въ современномъ ему обществѣ.

И вотъ такой-то человѣкъ выступаетъ теперь на борьбу съ ересью. Но и ересь въ это время уже составляла громадную силу, съ которою трудно было считаться даже такой нравственно-сильной личности, каковъ былъ Іосифъ. Московскіе еретики далеко не были похожи на еретиковъ новгородскихъ. Это уже не была кучка безвѣстныхъ новгородскихъ клірошанъ, съ которою главнымъ образомъ приходилось вести борьбу Гспнадію; напротивъ того, ересь являлась теперь многочисленнымъ, правильно организованнымъ обществомъ, соединившемъ свое знамя съ знаменемъ могущественной политической партіи, стоявшей во главѣ государственнаго управленія. Удѣльной системѣ въ это время былъ уже нанесенъ окончательный ударъ, и самодержавіе восторжествовало. Новый порядокъ вещей вызвалъ къ дѣятельности и новыхъ людей: однихъ изъ новыхъ политическихъ дѣятелей Іоаннъ III, въ качествѣ неограниченнаго властителя, создалъ самъ, другими снабдила его Литва. Но и прежніе дѣятели, помогавшіе Московскому великому князю въ строеніи государства и волей-неволей пожертвовавшіе въ пользу Москвы своими родовыми правами, также составляли сильную партію, которою пренебрегать было нельзя. Понятно, что между этими двумя политическими группами ни въ

какомъ случаѣ не могло существовать полнаго единодушія: первая, какъ созданіе новаго порядка вещей, естественно и должна была стоять за этотъ порядокъ; а вторая, у которой еще живы были преданія старины, продолжала симпатизировать прежнему политическому строю. Если мы примемъ при этомъ въ соображеніе еще личное соперничество между представителями двухъ направленій какъ пришельцами и природными Москвитчами, какъ людьми, обязанными своимъ настоящимъ положеніемъ единственно волѣ государя, и лицами родовитыми и иногда съ блестящимъ историческимъ прошлымъ, то антагонизмъ между ними сдѣлается еще понятнѣе. Такимъ образомъ, прежнія распри и усобицы между удѣльными князьями теперь замѣнились борьбою придворныхъ партій. Вскорѣ обѣимъ этимъ партіямъ представился прекрасный случай помѣряться между собою силами. Со времени смерти старшаго сына и наслѣдника Іоаннова, Іоанна младшаго (1490 г.), возникъ вопросъ: кого объявить теперь государь своимъ наслѣдникомъ, внука ли своего Димитрія, отъ покойнаго сына и Елены Волошанки, или другаго своего сына—Василія, отъ второй жены своей Софіи Палеологъ. Въ средѣ великокняжескаго семейства образовалось соперничество Елены и Димитрія, съ одной стороны, а Софіи и Василія—съ другой; къ первымъ примкнула старобоярская партія, ко вторымъ -- люди новые, выдвинутые на государственное поприще самимъ Іоанномъ и преимущественно изъ тѣхъ, которые въ это время во множествѣ сѣзжались на службу московскую¹⁾. Во главѣ противной Софіи партіи стояли два могущественные боярина, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и Семенъ Ивановичъ Ряполовскій: они были самыми довѣренными и притомъ самыми любимыми людьми государя; всѣ важнѣйшія дѣла проходили чрезъ ихъ руки. Къ нимъ примкнули не менѣе ихъ вліятельный дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Еленѣ и привезшій ее изъ Валахін въ Москву (1482 г.), Иванъ Максимовъ, совратитель Елены, братъ Ѳ. Курицына Иванъ Волкъ, и вѣроятно, и другіе значительные московскіе еретики.

Такъ совершилось сліяніе ереси съ одною изъ могущественныхъ тогдашнихъ политическихъ партій. Но всего важнѣе для успѣха ереси было то, что самъ Іоаннъ III имѣлъ свои причины быть снисходительнымъ къ еретикамъ: нѣкоторыя идеи, проводимыя еретиками въ общество, какъ нельзя болѣе совпадали съ замыслами и

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., т. V (3-е изд.), стр. 213, 84—86.

стремленіями самого царя: таково было, напримѣръ, ихъ враждебное отношеніе къ церковному авторитету, къ монашеству и особенно протестъ ихъ противъ корыстолюбія духовенства. Предшествовавшія событія (какъ, напримѣръ споръ охожденія посоловъ и др.) показали великому князю, что церковь, столь могущественно содѣйствовавшая усиленію его верховной власти, способна была однако заявлять при случаѣ и свою независимость отъ этой власти и даже парализовать послѣднюю. Теперь Іоаннъ, почти вполнѣ достигнувъ единодержавія, бывшаго цѣлью всей его государственной дѣятельности, уже не нуждался болѣе ни въ чьей посторонней оцѣнкѣ и не могъ терпѣть подлѣ себя никакой другой самостоятельной силы, которая могла бы при случаѣ ограничить ему свободу дѣйствій; а такую сдерживающую силой именно и была въ глазахъ Іоанна церковь. Мысль объ этомъ не могла не тяготить его, и ему, во что бы то ни стало, нужно было подчинить себѣ церковь и заставить ее служить своимъ планамъ. Охлажденіе къ духовенству, распространяемое въ народѣ еретиками, какъ пельзя болѣе содѣйствовало планамъ Іоанна. Какъ человекъ въ высшей степени практическій, пользовавшійся всѣми наличными средствами для достиженія своихъ цѣлей, онъ видѣлъ и въ этомъ сподручное средство поставить свою власть выше всякаго противодѣйствія со стороны представителей церкви. Это было для него тѣмъ желательнѣе, что вмѣстѣ съ подчиненіемъ себѣ высшей духовной власти, ему представлялась возможность осуществить еще и другой свой заветный замыселъ—овладѣть церковными имуществами, замыселъ, который онъ уже давно выказалъ своими поступками, отнявъ у Новгородскаго владыки и новгородскихъ монастырей значительную часть ихъ имуществъ и запретивъ первому приобрѣтать куплею новыя земли. Этимъ-то, должно быть, и пользовались приближенные къ Іоанну еретики, отклоняя отъ слишкомъ ревностнаго преслѣдованія вольнодумцевъ и указывая ему въ ереси черты, благопріятствующія его замысламъ.

Пользуясь снисходительностью высшей мірской власти и нашедши сторонника себѣ въ высшемъ представителѣ церкви, еретики, какъ мы уже видѣли, вполнѣ сплотились въ организованное общество, съ братьями Курицыными и Иваномъ Максимовымъ во главѣ, и завели постоянныя религіозныя собранія; но слѣдуя своей обыкновенной традиціонной тактикѣ, всегда облакали свои собранія непропицаемою тайною: „всегда собирающаея тайно по всѣхъ мѣстѣхъ, идеже кто обрѣташеся, и жертвы жидовскія жряху, и пасху жидовскую, и

праздники жидовскія творяху, на нихъ же и многа хуленія изрекоша на Господа нашего Иисуса Христа, и на пречистую Богородицу, и на великаго Іоанна Предтечу и на вси святыя Апостолы“¹⁾. Трудно вывести изъ приведенныхъ словъ современника какое-нибудь положительное заключеніе объ истинномъ характерѣ этихъ собраній, особенно если принять въ соображеніе покрывавшую ихъ тайну; не подлежитъ однако сомнѣнію, что они имѣли двѣ стороны: одна изъ этихъ сторонъ отличалась чисто религіознымъ характеромъ и состояла въ отправленіи извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, похожихъ на іудейскіе, а другая состояла въ критикѣ вѣрованій и установленій православной церкви. Пользуясь благопріятными для себя условіями, еретики не упускали изъ виду и пропаганды своего ученія; напротивъ того, вели ее дѣятельнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо, „и толико“, по словамъ современника,—„прельстиша и въ жидовство отведоша, яко не исчести мощно“²⁾. Мало того: въ умахъ чисто православнаго общества они возбудили всеобщее волненіе и развили страсть къ религіознымъ диспутамъ и разсужденіямъ. Пападая на современный строй религіозно-церковной жизни, подвергая критикѣ церковныя установленія, еретики этимъ вызывали на возраженія и споры православныхъ. Являлась необходимость опровергать еретиковъ и вдаваться въ объясненіе какъ Священнаго Писанія, такъ и отцовъ церкви. Результатомъ этого было всеобщее умственное возбужденіе. „Нынѣ“, говоритъ тотъ же свидѣтель-современникъ о тогдашнемъ состояніи умовъ,—„и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ, иноци и мірстїи и вси сумнитсѧ, вси о вѣрѣ пытаются, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ святыхъ отецъ, по отъ еретиковъ и отъ отступниковъ Христовыхъ“³⁾... Это всеобщее возбужденіе умовъ несомнѣнно имѣло свою хорошую сторону. Оно вызвало къ дѣятельности дотолѣ дремавшія, но могучія силы православныхъ, побудило ихъ соединиться для защиты одного общаго дѣла, дѣла православія, угрожаемаго опаснымъ врагомъ, и въ этомъ отношеніи оно, по справедливости, можетъ считаться новымъ шагомъ на пути прогрессивнаго развитія православно-русской народной мысли. Но въ то же время у этого движенія была еще и другая обратная сторона, далеко не соотвѣтствовавшая интересамъ православія, угрожаемаго все болѣе и болѣе разроздавшеюся ересью. Страсть къ ре-

¹⁾ Просвѣт., 576.

²⁾ Просвѣт., 576.

³⁾ Посланіе къ Нисеюту въ Ут. Общ. И. и Др. 1847 г., I, ст. 6.

лигіознымъ разсужденіямъ и спорамъ православныхъ съ еретиками вызывала постоянное сообщество между тѣми и другими, а сообщество, особенно если принять въ соображеніе тактъ, съ которыми вели себя еретики, не могло не развить въ православныхъ снисходительнаго взгляда на еретиковъ и не повліять на самое міровоззрѣніе православныхъ. „Зачѣмъ“, слышалось въ обществѣ, — „осуждать и истязать еретиковъ? Господь сказалъ: не осуждайте, да не осуждены будете; и св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: не слѣдуетъ никого ненавидѣть и осуждать, ни невѣрнаго, ни еретика, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ убивать еретика; если же надобно судить ихъ и казнить, то пусть судятся мірскими судами по царскимъ и гражданскимъ законамъ, а не иноками, даже не мірянами, не засѣдающими въ судахъ; притомъ же еретикъ и отступникъ только тотъ, кто самъ исповѣдалъ свою ересь или отступленіе; а доискиваться, нѣтъ ли въ комъ ереси и предавать изъ-за этого пытѣ не слѣдуетъ“. Еретики говорили: „Если и еретикъ будетъ святитель, но если проклянетъ онъ христіанина, то послѣдуетъ ему божественный судъ“. Это приводило въ смущеніе самыхъ строгихъ изъ православныхъ и удерживало отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ. Самая общественная нравственность того времени потеряла свой строго-аскетическій характеръ и сдѣлалась гораздо свободнѣе. „Отступили люди отъ истины и отъ правды“, жалуется современникъ на тогдашнее нравственное состояніе общества, — „отступили отъ братолюбія и нищелюбія, отступили отъ цѣломудрія и чистоты и предались сластолюбію“ ¹⁾.

Въ такомъ благопріятномъ положеніи находилась ересь въ то время, когда выступилъ на борьбу съ нею Іосифъ Волоколамскій. Но Іосифъ сказалъ себѣ: „Настало время труда, время теченію и подвигамъ... подобаетъ нынѣ даже до смерти подвизаться“ ²⁾ — и смѣло выступилъ на подвигъ.

Трудно съ точностью опредѣлить, когда и чѣмъ началась противоеретическая дѣятельность Іосифа. Въ житіи его, принадлежащемъ ученику его Саввѣ Крутицкому, говорится, что Геннадій, узнавъ о существованіи ереси въ Новгородѣ, „возвѣсти сіе зло нгу-

¹⁾ Посланіе къ Неоенту и 12-е, 13-е и 14-е слова «Просвѣтителю», составляющія научно-богословское раскрытіе мыслей, заключающихся въ посланіи къ еп. Неоенту.

²⁾ Посланіе къ Неоенту.

мену Іосифу и просить помощи... и нача отецъ Іосифъ ово наказаніемъ, овоже писаніемъ спомогати архіепископу“ ¹⁾). Отсюда можно заключить, что дѣятельность Іосифа противъ еретиковъ началась весьма рано, почти одновременно съ дѣятельностію противъ нихъ Геннадія, хотя опредѣленно и нельзя указать времени ея начала. Первоначальная помощь, оказанная Геннадію Іосифомъ, выразилась въ написаніи имъ первыхъ 11-ти словъ „Просвѣтителя“, заключающихъ въ себѣ научно-богословское опроверженіе различныхъ пунктовъ еретическаго лжеученія ²⁾). Слѣдовательно, въ то время, какъ Геннадій велъ практическую борьбу противъ ереси, Іосифъ занимался ея теоретическимъ, научно-богословскимъ опроверженіемъ. Теперь они мѣняются между собою ролями. Іосифъ выступаетъ практическимъ борцомъ противъ еретиковъ, пишетъ къ разнымъ лицамъ грозныя и убѣдительныя посланія, наконецъ, самъ является предъ царемъ съ требованіемъ принять рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ; а Геннадій, наоборотъ, берется ратовать противъ ереси духовнымъ оружіемъ и посвящаетъ свое время и труды поднятію уровня образованія своего епархіальнаго духовенства и кодификаціи книгъ Священнаго Писанія.

Первымъ письменнымъ памятникомъ открытаго участія Іосифа въ борьбѣ съ ересью слѣдуетъ считать посланіе его къ Нифонту, епископу Суздальскому, писанное въ 1493 году ³⁾). Причина, почему Іосифъ прежде всего обратился съ посланіемъ къ Нифонту, а не къ кому-либо другому, заключается отчасти въ томъ, что Нифонтъ пользовался тогда громаднымъ влияніемъ въ церкви, и Іосифъ прямо на-

¹⁾ Великія Минеи-Четіи, митр. Макарія, сентябрь, стр. 472.

²⁾ Въ пользу этого говорятъ слѣдующія данныя: а) теоретическій характеръ этихъ словъ, между тѣмъ какъ остальные пять отличаются чисто практическимъ характеромъ; б) относительно тихій и спокойный тонъ, въ какомъ онѣ написаны, и который доказываетъ, съ одной стороны, что авторъ ихъ знакомъ былъ съ ересью только чрезъ посредство другихъ, а не входилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ еретиками, съ другой же—что ересь еще не достигла широкаго развитія, и еретики еще не получили политической свободы; в) то обстоятельство, что здѣсь въ числѣ еретиковъ нигдѣ не упоминается митрополитъ Зосима, тогда какъ въ послѣднихъ словахъ „Просвѣтителя“ встрѣчается и его имя; г) то, что въ самыхъ древнихъ спискахъ „Просвѣтителя“ заключается только 11 первыхъ словъ, а въ концѣ 11-го слова Іосифъ прямо называетъ свое сочиненіе „книгою“.

³⁾ Предисл. къ посл. Іосифа къ Нифонту въ *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1847 года, I; *Хрущовъ*, 123.

зываетъ его „главою“ православныхъ ¹⁾),—а отчасти въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ между ними, доказательствомъ чему служить самое посланіе, которое есть не что иное, какъ отвѣтъ на посланіе Нифонта. Іосифъ знаетъ, что главная сила еретиковъ заключается въ близости ихъ къ государю, а главнымъ орудіемъ ихъ успѣха въ православномъ обществѣ служить митрополитъ, и потому онъ прежде всего старается вырвать это орудіе изъ ихъ рукъ и противопоставить силѣ ихъ другую нравственную силу, въ лицѣ православнаго митрополита. Съ этою цѣлю Іосифъ уже въ самомъ началѣ своего посланія рисуетъ митрополита самыми мрачными красками: „Въ великой церкви Пречистой Богородицы, сіяющей, какъ второе солнце. посреди всей Русской земли, на св. престолѣ Петра и Алексія“, писалъ онъ,—„на томъ престолѣ сидитъ скверный и злобный волкъ въ пастырской одеждѣ, чиномъ святитель, а произволеніемъ Іуда предатель, злодѣй, какого не было ни между древними, ни между новыми еретиками, змій пагубный, первый отступникъ между святителями въ нашей землѣ“... Изобразивъ развратное поведеніе Зосимы, упомянувъ о соблазнительныхъ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ въ своемъ кругу, и нарисовавъ печальную картину религіозно-нравственнаго состоянія тогдашняго православнаго общества, Іосифъ въ самыхъ сильныхъ и пламенныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ Нифонта и другихъ русскихъ іерарховъ свергнуть отступника и спасти церковь Божію, хотя бы за это пришлось потерпѣть даже мученическую смерть. „Если не искоренится этотъ второй Іуда“, продолжалъ Іосифъ,—„то отступничество мало по малу утвердится во всѣхъ людяхъ. Какъ ученикъ учителя, какъ рабъ государя, молю тебя, поучай все православное христіанство, чтобы не приходили къ этому сквернителю и отступнику за благословіемъ, не ѣли и не пили съ нимъ“. Въ заключеніе авторъ опровергаетъ общераспространенное въ то время мнѣніе, будто грѣшно осуждать еретиковъ, и рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ сомнѣніе Нифонта о дѣйствительности проклятія, когда оно исходитъ отъ еретика.

Изъ посланія къ Нифонту видно, въ какомъ всеоружіи выступилъ Іосифъ на борьбу съ еретиками. Нифонту онъ указываетъ на подвигъ мученика и совѣтуетъ дѣйствовать прямо на паству Зосимы. Зная содержаніе этого посланія, трудно предположить, чтобы Іосифъ въ борьбѣ съ еретиками ограничился только совѣтами другимъ дѣй-

¹⁾ «Глава бо еси всѣмъ на тебе вси зримъ...» Посл. къ Нифонту.

ствовать противъ нихъ, тѣмъ болѣе, что ему самому была полная возможность дѣйствовать. Еретики разсылали грамоты для распространенія своего ученія и подорванія авторитета такихъ противниковъ ереси, какъ Геннадій. Нужно было дать оружіе противъ ереси въ руки православнымъ, не имѣвшимъ многихъ книгъ и не знавшимъ божественнаго писанія, какъ выражается самъ Іосифъ въ посланіи къ ипоку-иконописцу. Слѣдуя этому побужденію, Іосифъ, вѣроятно въ это же время, сдѣлалъ окончательную редакцію своимъ первымъ словамъ противъ еретиковъ, написаннымъ имъ прежде разновременно и по различнымъ побужденіямъ, предпослалъ имъ предисловіе, содержащее въ себѣ исторію ереси, доведенную до собора 1490 г. и до обнаруженія еретичества Зосимы, а потомъ издалъ ихъ цѣлою книгою во всеобщее употребленіе ¹⁾. Книга Іосифа, замѣчательное твореніе и въ настоящее время, въ тѣ темныя времена была явленіемъ необыкновеннымъ и не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на своихъ современниковъ.

Вслѣдствіе ли обнародованія посланія Іосифа къ Нифонту, или вслѣдствіе собственнаго сознанія въ предосудительности своего поведенія, но только митрополитъ Зосима 17-го мая 1494 года отказался отъ митрополіи, положилъ омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ и удалился сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь. Современники объясняютъ это обстоятельство различно: одни говорятъ, что онъ удаленъ былъ за то, что „непомѣрно питія держалъ и о церкви Божіей не радяше“; по словамъ другихъ— „за нѣкое претѣповеніе“; а Геннадій въ своей „повольной грамотѣ“ на поставленіе новаго митрополита говоритъ вообще, что онъ оставилъ престолъ „своея ради помощи“ ²⁾. Какъ бы то ни было, но замѣчательно то, что Зосима принужденъ былъ оставить митрополію въ отсутствіе Ѳедора Курицына, который посланъ былъ въ Литву вмѣстѣ съ Василіемъ Косымъ-Патрикѣевымъ и Семеномъ Ряполовскимъ, по поводу

¹⁾ Редакція по крайней мѣрѣ 11, а можетъ быть, и 14 словъ, съ присоединеніемъ къ нимъ предисловія, сдѣлана, если неодновременно, то чрезъ небольшой промежутокъ времени прежде или послѣ написанія посланія къ Нифонту. Доказательствомъ этому служатъ: а) многія дословно схожія мѣста какъ въ «сказаніи», такъ и въ посланіи, и б) то, что самая исторія ереси, содержащаяся въ «сказаніи», доведена только до того времени, когда огласилось сообщничество Зосимы съ еретиками, то-есть, до 1493—1494 г.; а въ этотъ промежутокъ и было написано посланіе къ Нифонту.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 164; т. VIII, 228; Степенная кн., I, 477; *Русская Византика*, IV, 203—204.

сватовства Елены Ивановны за Литовскаго великаго князя Александра ¹⁾). Весьма вѣроятно, что партія, противная партіи Курицынскихъ и Патрикѣевыхъ, воспользовавшись отсутствіемъ этихъ послѣднихъ, повліяла на великаго князя и побудила его удалить съ митрополичьяго престола сторонника отсутствующихъ.

V.

Поставленіе Симона въ митрополита. — Перемена въ отношеніяхъ между великимъ княземъ и митрополитомъ. — Новая вспышка ереси въ Новгородѣ и архимандритъ Кассіанъ. — Торжество партіи Софій и Василія и послѣдствія того. — Соборы о церковномъ благоустройствѣ и дѣятельность на нихъ пр. Іосефа. — Свиданіе Іосифа съ Іоанномъ III. — Нерѣшительность Іоанна въ преслѣдованіи еретиковъ. — Посланія Іосефа къ архим. Митрофану и великому князю Василію Іоанновичу.

По сведеніи Зосимы, престолъ русской митрополіи оставался вакантнымъ цѣлые шестнадцать мѣсяцевъ, и только въ сентябрѣ 1495 года, соборомъ всѣхъ русскихъ іерарховъ, былъ избранъ новый митрополитъ Симонъ, бывшій игуменъ Троице-Сергіева монастыря. Геннадій и на этотъ разъ не участвовалъ въ поставленіи новаго митрополита, а только прислалъ свою „повольную грамоту.“ Достоинно замѣчанія, какъ велъ себя при поставленіи Симона великій князь. Онъ воспользовался посвященіемъ митрополита, какъ случаемъ, чтобы всенародно заявить свое верховенство надъ церковію, въ лицѣ ея высшаго представителя, и дать понять это самому поставляемому. Послѣ нареченія Симона митрополитомъ, Іоаннъ въ Успенскомъ соборѣ всенародно взялъ нареченнаго за руку и „и предаль его епископамъ“, давая тѣмъ знать, что воля государя даетъ церкви первосвященителя. То же самое повторилось и при посвященіи: государь громогласно „повелѣлъ“ митрополиту „принять жезлъ папства и взойдти на сѣдалище старѣйшинства“. Этимъ не виданнымъ до сихъ поръ обрядомъ ясно давалось знать, что поставленіе митрополита, а тѣмъ самымъ и другихъ духовныхъ властей, исходитъ отъ воли государя. Этимъ же окончательно опредѣлялось и то положеніе, которое съ того времени долженъ былъ занимать митрополитъ, какъ вѣрный слуга государя и безпрекословный исполнитель его велѣній. Новопоставленный митрополитъ не былъ сторонникомъ еретиковъ; но онъ, по самому занятому имъ теперь положенію, не могъ противопоставить сильной и рѣшительной оппозиціи еретичеству и долженъ былъ

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 228.

вести себя по отношенію къ еретикамъ тѣмъ болѣе осторожно, что расположеніе великаго князя къ сочувственной имъ партіи не только не измѣнилось, а напротивъ—все болѣе и болѣе возростало и укрѣплялось.

При такомъ настроеніи великаго князя, еретикамъ легко было поддѣлываться къ нему и употреблять въ свою пользу его расположеніе. Они уже не довольствовались организаціей своего кружка въ Москвѣ и тою свободою, какою онъ тамъ пользовался, но вздумали снова организовать еретическую общину въ Новгородѣ, не смотря на то, что тамъ еще по прежнему бдительно стоялъ на стражѣ православія архіепископъ Геннадій. Съ этою цѣлю Ѳеодоръ Курицынъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Волкомъ, упрости царя послать въ Новгородскій Юрьевскій монастырь архимандритомъ своего единомышленника Кассіана, наученнаго ими ереси. Въ Новгородѣ, съ прибытіемъ туда Кассіана, еретическое движеніе возобновилось съ новою силой. Юрьевъ монастырь сдѣлался притономъ всѣхъ еретиковъ, дотошъ или скрывавшихся въ самомъ Новгородѣ или разсѣянныхъ по другимъ мѣстамъ. Тамъ происходили еретическія сборища и совѣщанія, „скверненія и поруганія“ христіанской святыни, „еже пигдѣ же подъ небесемъ видѣся, ниже слышася, еже ни умъ выѣстити можетъ, ниже слово сказати возмогаетъ“. Современникъ передаетъ нѣкоторые, дѣйствительно ужасные случаи кощунства еретиковъ ¹⁾. Геннадій лишенъ былъ всякой возможности преслѣдовать еретиковъ, пользовавшихся высокимъ покровительствомъ въ Москвѣ.

Вскорѣ новое обстоятельство еще болѣе усилило партію, къ которой примыкали еретики, и въ такой же мѣрѣ увеличило дерзость этихъ послѣднихъ. Въ концѣ 1497 г. открылся заговоръ противъ Димитрія-внука; великій князь положилъ гнѣвъ на супругу и сына и опалу на ихъ приверженцевъ, а вслѣдъ затѣмъ посадилъ на великое княженіе внука. Еретики торжествовали; но къ счастью церкви, торжество ихъ и на этотъ разъ было не продолжительное. Ровно черезъ годъ по вѣнчаніи внука на великое княженіе (1499 г.), опала постигла Патрикѣевыхъ и ихъ партію. Риполовскій былъ казненъ, а Патрикѣевачи едва избѣжали казни и пострижены были въ монашество: отецъ — въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, а сынъ въ Кирилловомъ-Бѣлозерскѣ, гдѣ принялъ имя Вассіана и сдѣлался ученикомъ знаме-

¹⁾ Провѣст., 571—574.

²⁾ П. С. Р. Л., IV., 165; *Соловьевъ*, Ист. Росс., V, 261—262.

нитаго Нила Сорскаго (Майкова). Съ опалою, постигнутою Патрикѣвыхъ, совпадаетъ, съ одной стороны, охлажденіе Іоанна къ невѣсткѣ и внуку, а съ другой—примиреніе съ Софіей и Василиемъ и пожалованіе послѣднiго великимъ княземъ Искова и Повгорода. Этотъ переворотъ въ расположеніи великаго князя совершился однако же не разомъ, и только въ апрѣлѣ 1502 года дѣло приняло рѣшительный оборотъ: Елена съ сыномъ были посажены въ темницу, а Василий объявленъ государемъ всея Руси. До насъ не дошло никакихъ прямыхъ современныхъ свидѣтельствъ о томъ, что строгіе ревнители православія, ратовавшіе противъ ереси,—въ то время, какъ разыгрывалась на Москвѣ драма соперничества двухъ политическихъ партій,—примыкали къ Софіи и Василию. Но изъ того, что на сторонѣ партіи Елены и Дмитрія были главные вожаки ереси, естественно заключить, что партія православныхъ не могла не сочувствовать торжеству Софіи и Василия ¹⁾. Во всякомъ случаѣ опала Елены и ея партіи была если не рѣшительнымъ, то все-таки тяжелымъ ударомъ для еретиковъ. Послѣдующія событія сложились еще болѣе не въ ихъ пользу.

Съ возвышеніемъ Василия начинается эпоха соборовъ о церковномъ благоустройствѣ. Соборы эти были вызваны отчасти нападами еретиковъ на недостатки современнаго церковно-іерархическаго строя, отчасти желаніемъ самихъ строгихъ ревнителей православія исправить эти недостатки, служившіе цѣлью для еретическихъ нападокъ, но особенно настроеніемъ самого великаго князя, желавшаго въ свою пользу ограничить владѣтельныя права духовенства. Еретики нападали на разныя злоупотребленія духовенства, въ особенности же выставляли на видъ старинныя обвиненія, поднятыя еще стригильниками, въ томъ, что духовные поставляются на мздѣ ²⁾. Во многомъ нападки еретиковъ невольно сходились съ требованіями самихъ православныхъ, желавшихъ улучшить нравственность духовенства, какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго. Особенно въ этомъ отношеніи могли имѣть большое значеніе сторонники направленія Нила Сорскаго, узаконявшаго для монашества абсолютную нестя-

¹⁾ Расположеніе православныхъ къ Софіи и Василию во время борьбы партій прекрасно выражаетъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: «По діавольскому наводженію и лихихъ людей совѣту воспользася князь великий Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василия и на жену свою великую княгиню Софію» и пр. П. С. Р. Л., VIII., 234.

²⁾ Посланіе Геннадія къ Зосимѣ и собору владымъ.

жительность. Но все-таки главную роль играло здѣсь настроеніе самаго великаго князя. Мы видѣли, что Іоаннъ III уже съ давняго времени имѣлъ желаніе завладѣть церковными и монастырскими имуществами. Въ началѣ XVI в. къ этому желанію присоединилась и государственная необходимость. Въ 1500 г., во время войны съ Литвою, значительно прибавилось число пріѣхавшихъ на службу къ Іоанну князей, которыхъ, по тогдашнему обычаю, пужно было одѣлать волостями. Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ монастырей владѣть селами выдвинулся самъ собою. Въ 1503 году состоялся соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона. На немъ были всѣ русскіе епископы, въ томъ числѣ и Геннадій, многіе настоятели монастырей, и между ними знаменитые Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій; на соборъ явился и Іосифъ, еще ни разу, съ самаго основанія обители своей, не покидавшій стѣнъ ея, но теперь призванный въ Москву „царскими письменами“, какъ свидѣтельствуется одно изъ житій его ¹⁾. Этотъ соборъ сдѣлалъ постановленіе, по видимому, отсѣкавшее у вольноушцевъ исходный пунктъ для нападокъ на духовенство: соборъ запретилъ брать какія бы то ни было пошлины отъ поставленія на священнослужительскія мѣста. „Которой свититель изъ насъ и послѣ насъ“, говорится въ соборномъ уложеніи, — „митрополитъ, архіепископъ или епископъ, во всѣхъ русскихъ, отъ сего дни впредь, нѣкоторимъ перадѣніемъ дерзнетъ улаженіе и укрѣпленіе преступити, да возметъ что отъ ставленія или отъ мѣста священническаго, да лишентъ будетъ сана своего, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, да извержется и самъ поставленный отъ него безъ всякаго отвѣта“. Для избѣжанія укора въ безправственности, падавшаго на духовенство, соборъ подтвердилъ уже прежде бывшія распоряженія Всероссійскихъ митрополитовъ Петра и Фотія, чтобы черницы и черницы не жили вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ, и вдовы священники лишались бы права священнослуженія: тѣмъ изъ нихъ, которые по смерти женъ вели себя цѣломудренно, давалось право причащаться въ алтарѣ въ епитрахильяхъ, а тѣ, которые обличались въ нецѣломудренной жизни, лишались

¹⁾ Хрущовъ, 177. Въ дѣяніяхъ этого собора (Акт. Эксп., I, № 382—383) не упомянутъ Іосифъ; но о присутствіи его здѣсь мы узнаемъ изъ письма близкаго по времени памятника — письма о «нелюбкахъ» между иноками Кириллова-Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго монастырей, принадлежащаго неизвѣстному автору (*Прибавл. къ Теор. св. отц.*, X, 504—505), равно какъ и изъ житія Іосифа. Наконецъ, объ этомъ свидѣлствуется и самъ Іосифъ въ 9-мъ преданіи своего устава.

сана съ обязанностию отпустить отъ себя наложницъ, и въ противномъ случаѣ предавались гражданскому суду. Чтобы священнослужительскія должности не доставались людямъ слишкомъ молодымъ, соборъ постановилъ опредѣлять въ священники не ранѣе 30-ти лѣтъ отъ роду, а въ діаконы не ранѣе 25-ти ¹⁾).

Между тѣмъ какъ соборъ велъ свои разсужденія и постановлялъ рѣшенія о церковномъ благоустроеніи гласно и открыто, тутъ же въ тихомолку, въ палатахъ великокняжескихъ, по желанію великаго князя, разсуждали о церковныхъ имуществахъ. При окончаніи собора, Нилъ Сорскій открыто поднялъ вопросъ о томъ, „чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черныцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ“. Сторону Нила держали бѣлозерскіе пустынники. Нилу возражалъ Іосифъ. „Аще у монастырей селъ не будетъ“, говорилъ онъ, — „какъ честному и благородному человѣку постричься, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополию, или архіепискупа или епискупа и на всякія честныя должности? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ поколебаніе будетъ“. Мнѣніе Іосифа одержало верхъ. „И Божіими судьбами по ихъ волѣ не сталося“, заключаетъ авторъ письма о „нелюбкахъ“, передавшій намъ это извѣстіе. Дѣло этимъ на время и кончилось, и не прежде, какъ уже шесть лѣтъ спустя, Іосифу пришлось снова письменно защищать свои мнѣнія относительно церковныхъ и монастырскихъ имуществъ ²⁾).

Послѣ собора, Іосифъ, имѣлъ троекратное свиданіе съ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, по личному приглашенію этого послѣдняго: два раза онъ видѣлся съ нимъ на единѣ, а въ третій разъ приглашенъ былъ къ великому князю „хлѣба ясти“. Теперь Іосифъ явился въ Москвѣ совершенно при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ при какихъ было его первое посѣщеніе, и нужно сказать, что обстоятельства сложились какъ нельзя болѣе благопріятно для него. Уже болѣе года томился въ заключеніи великій князь Дмитрій-внукъ; заключена была и его мать, еретица Елена; партія ея была окончательно парализована и должна была затихнуть. Вся сила была теперь на сторонѣ Василия, уже пожалованнаго великимъ княженіемъ,

¹⁾ Акты Эксп., I, № 382—383. Искноъ былъ за соборное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, какъ видно изъ письма „о нелюбкахъ“ и изъ сочиненій Вассіана Патрикѣева.

²⁾ Подробнѣе объ этихъ соборахъ у преосв. Макарія, VI, 117—125.

и вѣроятно, не безъ вліянія послѣдняго самъ Іоаннъ пожелалъ видѣть Іосифа. Съ возвращеніемъ благоволенія великаго князя къ Софіи и Василю, возвращены были изъ ссылки и снова получили силу приверженцы ихъ, въ томъ числѣ и братья Челядины, давнишніе друзья и покровители Іосифа. Около же этого времени и братъ Іосифа Вассіанъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Симонова монастыря. Но и самъ Іосифъ явился предъ великимъ княземъ уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ первое свое посѣщеніе, двадцать - четыре года тому назадъ. Теперь является предъ нимъ не скромный, едва вышедшій изъ безвѣстности постриженникъ Пафнутіева монастыря, чувствуемый не столько за свои личные качества, сколько потому, что былъ ученикомъ знаменитаго подвижника Пафнутія Боровскаго, а основатель и игуменъ монастыря, уже прославившагося благоустройствомъ и строгостію устава; но что гораздо важнѣе, предъ княземъ является ревностный защитникъ православія, строгій и нелицепріятный обличитель ересей и заблужденій и врагъ людей, бывшихъ такъ долго въ силѣ при дворѣ. Не тотъ сталъ теперь и самъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ. Это былъ уже не прежній князь Московскій, хотя полный властолюбивыхъ замысловъ и приводившій ихъ въ исполненіе съ неуклонною послѣдовательностію, но скромный, осторожный, постоянно твердившій о старинѣ, набожный, а самодержавный государь всей Русской земли, гордый своею родственною связью съ Палеологами и считавшій себя преемникомъ ихъ величія и славы. Долго досаждавшій ему своею непокорностію Великій Новгородъ, теперь обогранный кровію, лежалъ у его ногъ; удѣльные князья, тоже долго и горячо спорившіе съ нимъ о власти и не хотѣвшіе поступиться ему своими родовыми правами, теперь или смиренно склонили предъ нимъ свои покорныя головы, или сдѣлались изгнанниками родной земли. Но дорогою цѣною купилъ Іоаннъ самодержавіе; на немъ много было дѣлъ, запятнавшихъ его совѣсть въ глазахъ современниковъ: опалы на бояръ, лютыя казни въ Москвѣ и Новгородѣ, взятіе въ плѣнъ обманомъ брата Андрея Васильевича и гоненіе на дѣтей его, наконецъ — заключеніе въ тюрьму юнаго, имъ самимъ возвеличеннаго великаго князя Руси, внука Димитрія... Не задолго до свиданія съ Іосифомъ скончалась супруга Іоанна Софія, съ которою онъ прожилъ 31 годъ. Самъ онъ, уже преклонный старикъ, чувствуя слабость въ тѣлѣ, помышлялъ о смерти. Усталая душа искала примиренія; въ ней пробудились чувства и убѣжденія прежнихъ лѣтъ; выстѣ съ этими зародилась и потребность какимъ-нибудь необычайнымъ подви-

гомъ смить кровавыя пятна съ своей совѣсти. Вотъ въ это-то время и явился предъ Іоанномъ преп. Іосифъ. Строгій подвижникъ благочестія, готовый всѣмъ пожертвовать для вѣры и ничего не желавшій лично для себя, могъ ли онъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на тревожную душу великаго князя? Могъ ли этотъ послѣдній не преклониться предъ этою дѣйствительно великою нравственною силою?..

Великій князь принялъ Іосифа наединѣ и завелъ съ нимъ рѣчь о церковныхъ дѣлахъ. Само собою разумѣется, что они говорили о тѣхъ двухъ важныхъ вопросахъ, о которыхъ шли разсужденія на соборѣ— о монастырскихъ ниществахъ и вдовыхъ полахъ. Поговоривъ о церковныхъ дѣлахъ, великій князь завелъ рѣчь о новгородскихъ еретикахъ. Зная Іосифа за строгаго поборника православія, Іоаннъ желалъ оправдать себя въ его глазахъ и получить отъ него прощеніе за прежнее покровительство еретикамъ. „Я зналъ новгородскихъ еретиковъ“, говорилъ онъ Іосифу,—„и ты меня прости въ томъ, а митрополитъ и владыки простили меня“. „Государь“, отвѣчалъ Іосифъ, пораженный такимъ смиреніемъ великаго князя,—„какъ мнѣ тебя прощать?“ И тогда Іоаннъ вторично сказалъ Іосифу: „Пожалуй, прости меня!“ Іосифъ сказалъ ему въ отвѣтъ, что за прежнихъ еретиковъ его Богъ проститъ только тогда, когда онъ возстанетъ на нынѣшнихъ: „Государь только ся подвигнешь о нынѣшнихъ еретикѣхъ, ино и въ прежнихъ тебѣ Богъ проститъ“. Въ другое свиданіе Іосифъ сталъ бить челомъ великому князю, чтобъ онъ послалъ въ Новгородъ и другіе города обыскивать еретиковъ. „Пригоже тому быти“, отвѣчалъ великій князь,—„и азъ вѣдалъ ихъ ереси: пошлю и обыцу; а только и азъ не пошлю, да не попекуся о томъ, и кому то зло искоренити?“ И тутъ же князь началъ объяснять Іосифу, какую ересь держалъ протопопъ Алексѣй, и какую Ѳеодоръ Курицынъ, и вслѣдъ затѣмъ сообщилъ ему, что Иванъ Максимовъ „сноху у него въ жидовство свелъ“. Бесѣду свою великій князь заключилъ вторичнымъ обѣщаніемъ послать по городамъ разыскивать еретиковъ и казнить ихъ. Послѣ этихъ двухъ свиданій наединѣ, Іосифъ былъ позванъ къ великому князю „хлѣба ясти“. На этотъ разъ самъ великій князь задалъ Іосифу вопросъ: „Какъ писано, вѣтъ ли грѣха казнить еретиковъ?“ Іосифъ началъ свой отвѣтъ словами апостола Павла къ Евреямъ: еще кто отвержется закопа Моисеева при двою или тріехъ свидѣтельхъ умираетъ, колыми наче иже Сына Божія поправъ и Духа благодати уворивъ“... (10, 28). Но великій князь, выслушавъ начало отвѣта, тотчасъ же велѣлъ ему перестать говорить. Изъ бесѣды съ великимъ княземъ ревност-

ный поборникъ православія вынесъ убѣжденіе, что онъ онъ „блюдется грѣха казнити еретиковъ“. Послѣ этого Іосифъ удалился изъ Москвы ¹⁾).

Заключеніе Іосифа о внутреннемъ настроеніи великаго князя было какъ нельзя болѣе вѣрно. Еретическія внушенія, нашедшія доступъ въ душу Іоанна и вполне гармонизировавшія съ его практическою натурою, были еще сильны въ немъ и заставляли его медлить и колебаться; вѣроятно, ихъ поддерживали и православные, предпочитавшіе кроткіе мѣры противъ еретиковъ жестокимъ. Прошло уже болѣе года со времени даннаго великимъ княземъ Іосифу обѣщанія, но оно не приводилось въ исполненіе. Еретики, по прежнему, находились на свободѣ; ересь все еще продолжала распространяться по городамъ и селамъ. Кассіанъ по прежнему оставался Юрьевскимъ архимандритомъ и по прежнему продолжались кощунства еретиковъ надъ христіанскою святыней. Конечно, Іосифъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ подобнаго порядка вещей. Весною 1504 года, онъ написалъ посланіе къ духовнику великаго князя Андрониковскому архимандриту Митрофану, желая чрезъ него подѣйствовать на великаго князя и побудить послѣдняго къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ. Въ этомъ посланіи Іосифъ, пересказавъ свои свиданія съ Іоанномъ и разказавъ вкратцѣ о кощунствѣ и иконоборствѣ еретиковъ, убѣждаетъ Митрофана напомнить великому князю о данномъ ему обѣщаніи розыскать и казнить еретиковъ и за неисполненіе этой обязанности угрожаетъ самому Митрофану гнѣвомъ Божиимъ. „Ты, господине“, пишетъ Іосифъ, — „потщися вседушевно государю подокучити, оставивъ всѣ дѣла, занеже Божіе дѣло всѣхъ пужнѣе. А только ты, господине, о томъ дѣлѣ не попечешися, ни донесеши до великаго князя, ино на тебѣ, господине, Богъ възыщетъ. Страшно бо есть впасти въ руцѣ Бога жива“. Здѣсь Іосифъ въ первый разъ открыто и категорически высказываетъ мнѣніе о необходимости самыхъ тщательныхъ розысковъ и безпощадныхъ казней еретиковъ и убѣждаетъ доказать великому князю, что нѣтъ грѣха мучить и казнить ихъ. „И только бы государь захотѣлъ ихъ искоренити“, говоритъ между прочимъ Іосифъ, — „ино бо вскорѣ искоренилъ, поймавъ двухъ или трехъ еретиковъ, а они всѣхъ скажутъ“.

Изъ памятниковъ не видно, имѣло ли какой-нибудь осязательный

¹⁾ Посл. Іосифа къ Митрофану въ *Ист. Общ. Н. и Древн.*, 1847 г., I.

результатъ посланіе Іосифа къ Митрофану. Но изъ того, что около этого времени Іосифъ писалъ другое посланіе къ великому князю Василию Іоанновичу, скорѣе нужно предположить, что оно не достигло желанной цѣли. Вѣроятно, велика была нерѣшительность Іоанна въ вопросѣ о принятіи строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ еретиковъ, и силенъ былъ страхъ отвѣтственности предъ Богомъ за казнь ихъ, такъ что Іосифу пришлось дѣйствовать на него еще черезъ другое, самое вліятельное и самое близкое къ нему лицо. Іосифъ зналъ, какую роль занималъ теперь при престарѣломъ Іоаннѣ Василій Іоанновичъ, зналъ, что послѣдній издавна прилежалъ церковнымъ дѣламъ, и потому твердо надѣялся, что голосъ его не останется не услышаннымъ, тѣмъ болѣе, что младшаго князя окружали теперь лица, вполне солидарныя съ Іосифомъ по своимъ убѣжденіямъ. Въ посланіи къ Василию Іосифъ кратко, рядомъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной церковной исторіи, доказываетъ высказанное имъ въ началѣ положеніе, что „еретика руками убити или молитвою едино ссть“¹⁾.

Но въ это время Іосифъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе себѣ, и уже не въ лагерѣ еретиковъ, для протеста которыхъ обстоятельства были теперь слишкомъ неблагоприятны, а тамъ, гдѣ встрѣчалъ ее прежде — въ вопросахъ о монастырскихъ имуществѣхъ и вдовыхъ священникахъ, именно — со стороны лицъ, державшихся того направленія религиозной мысли, во главѣ коего въ разсматриваемую нами эпоху стоялъ проповѣдникъ Нилъ Сорскій. Возгорѣлась ожесточенная борьба, которал, начавшись на литературной почвѣ, не замедлила принять самый жгучій характеръ и перейти на почву прак-

¹⁾ Посл. напеч. въ *Древн. Р. Библии*, XVI, стр. 423—424. Г. Хрущовъ относитъ это посланіе къ тому же времени, къ которому относитъ его и мы, и съ этимъ нѣтъ причинъ не соглашаться: потому что, еслибъ оно было написано уже послѣ собора 1504 г. и казни еретиковъ, то зачѣмъ было бы Іосифу доказывать необходимость казни ихъ, когда проповѣдуемый имъ принципъ осуществленъ уже на дѣлѣ. Въ рукописи библиотекѣ С.-Петербургской духовн. академіи, № 1446, это посланіе прямо озаглавлено «посланіемъ старца Іосефа къ великому князю Василию Іоанновичу на Касьяна, архимандрита Юрьевского и прочихъ еретиковъ»; а Касьянъ, вѣстѣ съ другими, казненъ былъ по соборному приговору 1504 г. Въ отгвѣтномъ Іосифу посланіи воложскихъ старцевъ говорится о Касьянѣ, какъ о живомъ лицѣ. Не могло быть написано оно и прежде посланія къ Митрофану: потому что Іосифъ, пространно говоря о своихъ сношеніяхъ съ старшимъ великимъ княземъ, нигдѣ, ни однимъ словомъ, до этого времени не упоминаетъ о сношеніяхъ своихъ съ младшимъ.

тическую, затянулась на многіе годы, и въ концѣ концовъ, кончилась торжествомъ партіи Іосифа. Мы коснемся этой борьбы на столько, на сколько она имѣетъ общій культурно-историческій интересъ и непосредственно соприкасается съ предметомъ нашего изслѣдованія.

VI.

Направленіе Шила Сорскаго; его характеръ, происхожденіе и церковно-политическое значеніе.—Отвѣтное Іосифу посланіе воложскихъ старцевъ.—Новая противо-еретическая дѣятельность Іосифа. — Соборъ 1504 г. и его приговоръ надъ еретиками.— Судьба главныхъ еретиковъ.—Еретикъ Кленовъ и посланіе о немъ Іосифа къ великому князю. — Неудовлетворительность мѣръ, принятыхъ на соборѣ противъ еретиковъ.—Новое «любоприятное» посланіе воложскихъ старцевъ и отвѣты на него со стороны Іосифа.

Если отличительною чертою господствовавшаго умственного и религіозно-правственнаго направленія эпохи, представляемаго Іосифомъ Волоколамскимъ, была сильная привязанность къ церковно-обрядовой внѣшности, при недостаточности пониманія внутренняго духа и смысла православной вѣры Христовой, то на ряду съ этимъ направленіемъ съ давнихъ поръ существовало въ древне-русскомъ обществѣ еще и другое поставившее своею задачею возвысить внутреннюю сторону религіи надъ подавлявшею его внѣшностью. Одно искало идеала для себя преимущественно въ ветхомъ завѣтѣ; другое видѣло его исключительно въ божественномъ лицѣ Христа Спасителя. Первое всегда было господствующимъ въ средѣ народныхъ массъ; второе никогда не было достояніемъ большинства, и послѣдователи его часто считались единицами; но за то эти единичныя личности большею частію были передовыми людьми своего времени. Происхожденіе этого послѣдняго направленія, при господствовавшемъ складѣ религіозныхъ воззрѣній, становится вполне понятнымъ. Крайнее развитіе церковно-обрядовой внѣшности и религіознаго формализма вообще, при повсюдномъ почти недостаткѣ пониманія истиннаго духа и смысла христіанской вѣры и нравственности, не могло не останавливать на себѣ вниманія каждаго мыслящаго человека. Поэтому не удивительно, что уже въ самое раннее время церковно-исторической жизни раздавались голоса въ пользу возвышенія духовности надъ обрядностью. Не смотря на безпредѣльное уваженіе къ обряду самому по себѣ, а можетъ быть, и благодаря именно этому обстоятельству, въ древнихъ памятникахъ встрѣчается много мѣстъ, гдѣ встаютъ противъ безсмысленнаго исполненія об-

ряда, противъ буквы безъ содержанія ¹⁾. Въ противоположность всеобщему уваженію къ строгости наружнаго поста, встрѣчаются поученія, въ которыхъ разсуждается о недействительности его безъ добрыхъ дѣлъ ²⁾. Рядомъ съ поученіями, доказывавшими, что строить церкви, раздавать милостыню, особенно же дѣлать вклады въ монастыри—значить пролагать себѣ путь въ царство небесное, являлись иныя, въ которыхъ дача имѣній въ монастыри считается не только дѣломъ небоугоднымъ, по положительно вреднымъ и пагубнымъ для души,—доказывается, что милостыня, даваемая отъ неправаго стяжанія, бесполезна, и что суетна бываетъ надежда тѣхъ, которые думаютъ безъ самоисправленія загладить свои грѣхи раздачею милостыни нищимъ, что церковь, построенная на богатства, нажитыя несправедливо, есть мерзость предъ Богомъ, и что дѣла любви и милосердія къ ближнимъ гораздо драгоцѣннѣе въ очахъ Божіихъ, чѣмъ постройка и украшеніе церквей ³⁾. Въ то время, когда всякое, безъ различія, письменное слово, лишь бы оно имѣло авторитетъ древности и отличалось религіознымъ содержаніемъ, пользовалось безусловнымъ довѣріемъ и уваженіемъ,—появлялись намеки, которые зароняли подозрѣніе въ справедливости всего, вошедшаго въ грамадную массу тогдашней церковной письменности ⁴⁾. Кромѣ того, здѣсь нерѣдко можно встрѣчать рѣзкія обличенія монаховъ-лицемеровъ, которые, своею недостойною жизнію и особенно корыстолюбіемъ и наклонностью къ роскоши, повсемѣстно возбуждали наклонность къ порицанію монашества.

Во второй половинѣ XV вѣка эти идеи получаютъ еще большую опредѣленность и разрастаются въ цѣлое направленіе. Направленіе это нашло себѣ пріютъ и развилось преимущественно въ сѣверномъ краѣ, сосѣднемъ Бѣлоозеру, отчего послѣдователи его стали называться бѣлозерскими или заволжскими старцами. Первымъ представителемъ его здѣсь былъ преп. Нилъ Сорскій, изъ роду Майковыхъ, постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, родившійся въ 1433 году и еще въ ранней юности постригшійся въ монашество. Проживъ въ Кирилловомъ монастырѣ нѣкоторое время, онъ отпра-

¹⁾ Погод. сб. Публичн. библ., № 1848; рукоп. Волоколамск. библ. XV ст.

²⁾ Сбор. Румянц. М., № 186; Погод. сб., № 1024; Рукоп. Волокол. библ., № 333.

³⁾ Сб. Рум. М., № 429; Погод. сб., № 1316; Рукоп. Публ. библ., № 209—204.

⁴⁾ Погод. сб., № 1361.

вился странствовать на Востокъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Иннокентіемъ Охлябининимъ: пробылъ между прочимъ нѣсколько лѣтъ на Аѳонѣ, изучилъ, какъ показываютъ его сочиненія, греческій языкъ и основательно ознакомился съ святоотеческою и вообще церковною письменностію. Возвратившись въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, онъ не могъ уже примириться съ тѣмъ господствомъ внѣшности, которое онъ встрѣчалъ въ русскомъ монашествѣ и вообще въ русскомъ благочестіи, и потому, удалившись изъ монастыря, построилъ собственную часовню и келью, а потомъ, когда къ нему сошлось нѣсколько братій, построилъ и церковь. Такимъ образомъ основалось монашеское братство, но уже совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ остальные русскіе монастыри.

Нилъ Сорскій былъ аскетъ въ полномъ смыслѣ этого слова: но аскетизмъ его былъ болѣе внутренній, чѣмъ внѣшній. Цѣль иночества, по его мнѣнію,—не внѣшній подвижъ, не изнуреніе тѣла постомъ и молитвой, а внутренняя переработка души, освобожденіе ея отъ порочныхъ страстей и помысловъ, ея нравственное совершенство. Все же внѣшнее благочестіе занимаетъ у него менѣе чѣмъ второстепенное мѣсто. „Напрасно“, говоритъ онъ, опираясь на слова св. Варсанофія и Іоанна Лѣствичника, — „напрасно думаютъ, что дѣлаетъ доброе дѣло тотъ, кто соблюдаетъ постъ, метаніе, бдѣніе, псалмопѣніе и на землѣ лежаніе; онъ только согрѣшаетъ, воображая, что все это угодно Богу; суетно трудится и тотъ, кто, имѣя слезы и проливая ихъ, думаетъ, что дѣлаетъ доброе, а тѣмъ болѣе, если превозносится этимъ предъ другими, не имѣющими слезъ... Ни чтеніе молитвъ, ни прилежное богослуженіе, ни иные какіе труды не ведутъ сами по себѣ ко спасенію безъ внутренняго дѣланія“. Постъ у преп. Нила есть воздержаніе и умѣренность. Всякій можетъ вкушать хорошую пищу, но только съ воздержаніемъ: „Лучше“, говоритъ онъ, — „съ разумомъ пить вино, нежели съ презорствомъ воду. Будемъ знать, что пища и питье сами по себѣ ничего не значатъ, но все заключается въ вѣрѣ, сопровождаемой любовью и дѣлами. Если всякому дѣланію послѣдуетъ вѣра, то нельзя осуждать ядущаго и пьющаго съ вѣрой: ибо только то грѣхъ, что не отъ вѣры“... Умерщвленіе плоти и воздержаніе отъ помысловъ не должно быть выше естественныхъ силъ и „дарованій, отъ Бога даннаго.“ Безмѣрный постъ и безмѣрное воздержаніе, по мнѣнію Нила,—приносятъ еще болѣе вреда, чѣмъ яденіе до сытости, потому что „отъ него зачнется внутренній фарисей воспитуется“, то есть, развивается самый ненавистный грѣхъ

для преподобнаго — тщеславіе ¹⁾. Весь монашескій подвижъ у него сосредоточивается въ „умномъ дѣланіи“, которое есть ни что иное, какъ борьба съ дурными помыслами, которыхъ онъ насчитываетъ восемь ²⁾. Побѣда надъ ними приводитъ къ высочайшему, блаженному спокойствію и приближаетъ къ блаженству, которое онъ описываетъ самыми поэтическими чертами ³⁾. Сообразно съ такимъ взглядомъ на значеніе иночества, пр. Нилъ составилъ и свой иноческій уставъ. Изъ трехъ видовъ иноческаго житія онъ избралъ скитскій, какъ наиболѣе подходящій къ его взгляду на иночество. Этотъ родъ иноческаго житія состоялъ въ томъ, что ипоки поселялись вдвоемъ или втроемъ и выбирали себѣ настоятеля, нитались отъ трудовъ рукъ своихъ и поддерживали другъ друга въ „умномъ дѣланіи“ или во внутренней борьбѣ съ соблазнами. Всякая неумѣренность и роскошь совершенно изгонялись изъ ихъ среды. Золото, серебро и драгоценныя сосуды строго воспрещалось имѣть не только въ келіяхъ, но и въ храмахъ. Недвижимыя имущества и капиталы никакъ не могли быть достояніемъ скита. Позволялось принимать подаянія, но и то въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, и притомъ въ случаѣ крайней нужды и болѣзни ⁴⁾. Съ такими понятіями естественно было Нилу заявить протестъ противъ любостыжанія монаховъ и монастырскихъ имуществъ. Хотя предложеніе Нила было отклонено соборомъ, но оно послужило поводомъ къ долгой и горячей полемикѣ между послѣдователями его, Бѣлозерскими старцами, съ одной стороны, и Іосифомъ и его сторонниками — съ другой. Запрещеніе вдовымъ священнослужителямъ совершать богослуженіе, особенно же строгія мѣры, требуемыя партіей Іосифа противъ еретиковъ, послужили новою пищею для полемики между этими двумя направленіями, которая принимала все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ, и наконецъ, перешла въ открытую вражду между ними. Съ особенною послѣдовательностью развивалъ нравственно-аскетическіе взгляды Нила Сорскаго ученикъ его князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, оставившій намъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій, направленныхъ противъ взглядовъ Іосифа на монастырскія имущества и на отношенія православныхъ къ ереси и

¹⁾ Преданіе Нила Сорскаго; надсловіе, стр. XLIV—XLV, XLII, XXXVI—XXXVII, XLVI, XLII.

²⁾ Ibid., слово 5-е, стр. 67—103.

³⁾ Ibid., слово 2-е, 46—56.

⁴⁾ Преданіе, стр. 13, 14, 18, 19.

еретикамъ ¹⁾. Вассіанъ пытался дать идеямъ своего учителя болѣе широкое практическое примѣненіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ у него тотъ рѣзко-полемиическій, полный желчи и безпощадной ироніи характеръ, котораго чуждъ былъ преп. Нилъ, и который впоследствии послужилъ въ рукахъ враговъ Вассіана однимъ изъ главныхъ орудій къ его осужденію. Борьба окончилась торжествомъ партіи Іосифа: но идеи, пущенныя въ народное обращеніе Ниломъ Сорскимъ и его учениками, продолжали жить и развиваться въ русскомъ обществѣ до-петровской эпохи и составляли въ умственной жизни его едва ли не единственный свѣтлый и жизненный элементъ. Самымъ замѣчательнымъ представителемъ ихъ въ XVI вѣкѣ былъ князь Курбскій.

Партія православныхъ, съ которою теперь приходилось считаться Іосифу, не могла не имѣть сильнаго вліянія и на народные массы, которыя естественно должны были симпатизировать проповѣдуемымъ ею идеямъ о томъ, что „не велѣно иноческому житію села много-народна стяжати и поработати христіанъ, братію свою и отъ сихъ неправеднѣ сребро и злато сбирати“ ²⁾. Близка она была и къ великому князю. Первые представители ея, Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій, пользовались большимъ уваженіемъ Іоанна. Къ пей вскорѣ примкнулъ и сдѣлался ревностнымъ ученикомъ глубокомысленнаго Нила тоже замѣчательный человекъ своего времени — бывший князь, близкій родственникъ великокняжескаго семейства и даровитый дипломатъ, неоднократно выполнявшій разныя государственныя порученія, а теперь, вслѣдствіе опалы на него великаго князя, невольный постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ-Косой. Если когда-то гордый, „высокоумный“, дорожившій своими родовыми правами, Патрикѣевичъ ненавистенъ былъ властолюбивому Іоанну и подвергся вмѣстѣ съ другими его опаль, то теперь, въ качествѣ инока, Вассіанъ уже не былъ опасенъ для него; тѣмъ менѣе причинъ быть недовольнымъ имъ имѣлъ великій князь. Василій Іоанновичъ, видѣвшій въ немъ не опальнаго боярина, а своего родственника, скромнаго бѣлозерскаго инока. Посланіе Іосифа къ Василію Іоанновичу, вѣроятно—вскорѣ по полученіи, передано было на обсужденіе заволжскимъ старцамъ и вызвало съ ихъ стороны коллек-

¹⁾ *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г., сентябрь и октябрь; *Учен. вѣст.* Общ. Ист. и Др. 1869 г., III; *ibid.* 1847 г., VIII; *Приб. къ Тв. Св. отц.* 1851 г., ч. 10.

²⁾ Полемич. сочиненія Вассіана. *Пр. Соб.*, сентябрь 1862 г.

тивный отвѣтъ, въ которомъ оппоненты Іосифа шагъ за шагомъ опровергаютъ его мнѣнія о необходимости казни еретиковъ. Изъ этого памятника не видно, кто былъ авторомъ его; но тонъ этого посланія, кое-гдѣ не чуждый желчности и ироніи, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти дословное сходство его съ писаніями Вассіана Патрикѣва, доказываютъ, что оно принадлежитъ опытному перу бывшего боярина и дипломата ¹⁾).

Іосифъ писалъ Василию: „Грѣшника или еретика руками или молитвою убити едино есть“. Старцы отвѣчали: „не кающихся еретиковъ и не покоряющихся велѣно заточати, а кающихся еретиковъ и свою вѣру проклинаящихъ церковь Божію пріемлетъ простертыми дланьми. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотился и прииде спасти погибшихъ“. Іосифъ продолжалъ: „Моисей руками скрижали разбилъ“. „То тако есть“, отвѣчали старцы, — „но егда Богъ хотѣлъ погубити Израиля, поклонившагося тельцу, тогда рече Моисей къ Господеву: „аще сихъ погубиши, то мене прежде сихъ погуби“, и Богъ не погуби Израиля Моисея ради“... „Еще жъ ветхій завѣтъ тогда бысть“, продолжали свой отвѣтъ старцы на другіе примѣры, приводимые Іосифомъ изъ ветхозавѣтной исторіи, — „намъ же въ новѣй благодати яви Владыка христілюбивый союзъ, еже не осудити брата брату: „не судите и не осуждени будете“. Аще ты повелѣваеши, о Іосифе, брату брата согрѣшивша убити, то скорѣе и субботство будетъ, и вся ветхаго закона, ихъ же Богъ ненавидитъ“. Іосифъ приводилъ въ примѣръ апостола Петра, поразившаго молитвою Симона Волхва, а также указывалъ на Льва, епископа Католическаго, на что старцы иронически замѣчали: „И ты, господине Іосифе, сотвори молитву, да иже недостойныхъ еретикъ и грѣшниковъ пожретъ ихъ земля“. И далѣе: „Ты, господине, почто не испытаеши своея святости, не связавъ архимандрита Кассіана своею мантиєю, донелѣжъ бы онъ сгорѣлъ, а ты въ пламени его держалъ, а мы бѣ тебя, яко единого отъ трехъ отроковъ—изъ пламени изшелъ, да пріими. Поразумѣй, господине“, заключали старцы, — „яко много розни промежъ Моисея и Ілии, и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ“ ²⁾).

¹⁾ Отвѣти, посл. воложскихъ старцевъ напечат. въ *Р. Визлѣтѣ*, т. XVI, 425—428.

²⁾ Около этого же времени или вскорѣ послѣ этого Іосифомъ было написано новое сочиненіе, развивающее тѣ же самыя идеи, что и въ посланіяхъ къ архимандриту Митрофану и великому князю Василию, но гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе. Возставая противъ мнѣнія о томъ, что не слѣдуетъ «осуждати

Какъ ни сильны были возраженія и доводы заволжскихъ старцевъ, но Іосифъ имѣлъ предъ своими противниками громадное преимущество. Какъ человекъ въ высшей степени практическій, онъ лучше, чѣмъ заволжскіе теоретики, зналъ какъ и на кого пужно было дѣйствовать. Онъ зналъ, какую силу имѣлъ великій князь Василій у отца, уже ослабѣвшаго тѣломъ и духомъ; зналъ и то, что составляло самую чувствительную струну въ душѣ молодого великаго князя. Василій былъ сынъ Гречанки Софіи Палеологъ, воспитанный матерью въ преданіяхъ Византіи, болѣе всего дорожившій этими преданіями и считавшій себя единственнымъ вѣнценоснымъ представителемъ ихъ. На эту-то именно сторону въ великомъ князѣ главнымъ образомъ и старался подѣйствовать Іосифъ: примѣры Византійскихъ императоровъ Константина, Юстиніана, Θεодосія и другихъ, изъ ревности по правой вѣрѣ преслѣдовавшихъ еретиковъ, раскрытіе значенія и обязанностей царской власти въ отношеніи къ вѣрѣ и церкви въ духѣ греко-римскаго абсолютизма, указаніе на противоеретическую дѣятельность святыхъ мужей, подкрѣпленное многочисленными примѣрами изъ библіи и искусно подобранными свидѣтельствами Священнаго Писанія и отцовъ церкви, все это было употреблено въ дѣло и произвело желанное дѣйствіе. Прямой потомокъ послѣднихъ царей Византіи, дорожившій ея традиціями, понималъ Іосифа и тѣ царскія обязанности, о которыхъ онъ писалъ ему, и въ этомъ смыслѣ постарался подѣйствовать на своего престарѣлаго и уже ослабѣвшаго духомъ отца. Вскорѣ цѣль была достигнута. Въ декабрѣ 1504 года состоялся соборъ на

ни еретика, ниже отступника», авторъ свидѣтельствами изъ Священнаго Писанія, отцовъ церкви и особенно многочисленными примѣрами изъ церковной исторіи доказываетъ, что «еретика и отступника подобаетъ не токмо осудити, но и проклинати, царемъ же и княземъ подобаетъ сихъ въ заточеніе послати и каземъ лютымъ предивати». Это сочиненіе впоследствии вошло въ составъ «Просвѣтителя», какъ 13-е его слово. Особенно щедръ здѣсь авторъ на примѣры казни еретиковъ благочестивыми царями Византійскими. Изъ этого можно заключить, что сочиненіе было предназначено главнымъ образомъ для великаго князя. Градскимъ законамъ Византійскихъ императоровъ авторъ усвоить здѣсь авторитетъ, равный съ Священнымъ Писаніемъ и каноническими постановленіями вселенской церкви («Яко же свидѣтельствуєтъ божественное писаніе: глаголетбосѧ въ божественныхъ правилѣхъ, еже отъ градскихъ законѣ, о неутримыхъ и еретицѣхъ (приводится рядъ законовъ, предписывающихъ казни еретиковъ). «Аще ли кто речеть: се естъ градскіи законъ, а не апостольская, ниже отеческая писанія, таковый да слышитъ пр. отца нашего Никона») и проч. Просвѣтит., стр. 537—538.

еретиковъ. На соборѣ присутствовали митрополитъ Симонъ, епископы и множество духовенства подъ предсѣдательствомъ самого Василія Іоанновича: „И бысть ему сій судъ первый изъ Новгорода“, замѣчаетъ современникъ ¹⁾. Іосифъ, приглашенный на соборъ, явился здѣсь главнымъ обличителемъ еретиковъ. Но на соборѣ не было того, кто первый открылъ ересь и по чьему настоятельному требованію былъ созванъ первый соборъ на еретиковъ въ 1490 году. Геннадій въ то время былъ сведенъ съ своей кафедрой за то, что будто бы, вопреки соборному опредѣленію, началъ, по совѣту своего любимца дьяка Михаила Алексѣева Гостенкова, брать мзду съ священниковъ за поставленіе; онъ пребывалъ теперь на покоѣ въ Чудовомъ монастырѣ ²⁾. Еретиковъ обыскали и осудили даже знатныхъ изъ нихъ, Москвитей и Новгородцевъ, переселившихся въ Москву еще во время митрополита Геронтія. Нужно было только избрѣсти примѣрную и ужасную кару для хульниковъ имени Божія, кару, которая произвела бы на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Можетъ быть, здѣсь-то и пригодился совѣтъ, когда-то данный великому князю Геннадіемъ, послѣдовать въ истребленіи еретиковъ примѣру „Шпанскаго короля“. И дѣйствительно, употребленъ былъ способъ казни, напоминавшій испанскіе инквизиціонныя ауто-да-фѣ и мало употребившійся въ древней Руси ³⁾: дьяка Ивана Волка-Курицына, Ивана Максимова и какого-то Митю Пустоселова сожгли въ кѣлеткахъ; Некраса Рукавова, по отрѣзаніи языка, отослали въ Новгородъ и тамъ сожгли вмѣстѣ съ архимандритомъ Кассіаномъ, братомъ Кассіана Ивашкою Самочернымъ и многими другими. Черезъ двадцать дней послѣ казни еретиковъ, скончалась въ темницѣ и княгиня Елена ⁴⁾. Судьба Ѳедора Курицына съ достовѣрностью неизвѣстна. Полагаютъ, что онъ не дожилъ до собора 1504 года. Остальныхъ еретиковъ, по всей вѣроятности—такихъ, которыхъ нельзя было обвинить въ иконоборствѣ и хуленіи святыхъ, разослали по монастырямъ. Въ числѣ по-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 272; Велик. Миней-Четивъ, сентябрь, стр. 473.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 49; VII, 244; Ник. Л., VI, 170. Преосвященный Филаретъ и Н. Н. Костомаровъ думаютъ, что сведеніе Геннадія съ новгородской кафедры было дѣломъ его враговъ.

³⁾ Намъ извѣстны два примѣра подобной казни: во первыхъ, сожженіе вѣдѣвъ Ист. Росс., *Соловьевъ* VI, 347, и во вторыхъ казнъ Матіаса Ляха и князя Лукомскаго въ 1493 г. на Москвѣ рѣкъ за посягательство на жизнь великаго князя. П. С. Р. Л., IV, 162; VIII, 225, 214.

⁴⁾ П. С. Р. Л., VI, 49, 244; VIII, 221, 244; Ник. Л., VI, 171.

слѣднихъ былъ и еретикъ Семенъ Кленовъ, котораго, вмѣстѣ съ его еретическими книгами, прислали въ монастырь Іосифа.

Это послѣднее распоряженіе исходило отъ воли великаго князя-отца. Понятно, что Іосифъ не могъ быть доволенъ подобнымъ распоряженіемъ, боясь, чтобъ еретическая зараза не проникла въ его обитель и не распространилась между подчиненными ему иноками. И вотъ онъ, лишь только привезли къ нему еретика Кленова, пишетъ къ великому князю посланіе. Іосифъ упрекаетъ великаго князя за то, что онъ прислалъ въ монастырь къ нему „еретика Семена Кленова и его рѣчи еретическія написанн, что онъ мудрствовалъ“,—говорить, что и вообще не должно еретиковъ разсылать по обителямъ и тѣмъ дѣлать пользу мірянамъ и гибель инокамъ. На всѣхъ соборахъ еретиковъ, по проклятiи, ссылали въ заточеніе. Кто жъ изъ нихъ хочетъ принести покаяніе, тотъ можетъ сдѣлать это и въ темницѣ. „А нынѣшніи еретики сами не произволили каятися“, но стали каяться только тогда, когда ихъ стали предавать мукамъ и смертнымъ казнямъ — „мукъ деѣя, а не Бога ради“. Поэтому нельзя вѣрить ихъ покаянію. Въ заключеніе Іосифъ молить государя показать милость свою о монастыряхъ, „чтобы не погибли отъ еретическаго зла“ ¹⁾.

Страшными казнями, постигшими еретиковъ вслѣдствіе соборнаго приговора надъ ними, выполнялась только одна часть требованій Іосифа: казнены были одни главные вожаки ереси, открыто хулившіе христіанскую святыню; другіе же еретики, менѣе открытые и покаившіеся въ своихъ заблужденіяхъ только разосланы были по монастырямъ, а тайно державшіе ересь, вѣроятно, и совсѣмъ остались на свободѣ. Но строгій ревнитель православія шелъ въ своихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ великому князю, гораздо далѣе: онъ требовалъ всячески разыскивать еретиковъ, выпытывать признаніе о ихъ ереси, убѣждалъ не вѣрить ихъ покаянію, какъ вынужденному, не впускать ихъ въ церковь и не допускать до причастіа ²⁾. Само собою разумѣется, что такіа крайнія требованія не могли остаться безъ новаго протеста со стороны проповѣдниковъ христіанской любви и милосердія къ заблуждающимъ братьямъ заволашскихъ старцевъ. И дѣйствительно, съ ихъ стороны не замедлило появиться новое посланіе, въ которомъ доказывалось, что не слѣдуетъ разыскивать и истязать еретиковъ въ томъ случаѣ, если они держатъ ересь въ

¹⁾ Посланіе напечатано въ книгѣ г. Хрущова, прилож., стр. 263 — 264.

²⁾ Посланіе къ Митрофану и на еретика Кленова, и 13-е слово Просвѣтителя. часть СLXXXIX, отд. 2.

тайнѣ, не распространяя и не обнаруживая ее ни въ чемъ. Здѣсь же доказывалось и то, что еретика или отступника, если таковой принесетъ покаяніе, слѣдуетъ впускать въ церковь и даже допускать къ причастію Святыхъ Таинъ ¹⁾. Видно, сильны и убѣдительны были доводы заволжскихъ пустынниковъ, такъ что Іосифъ отвѣчалъ на нихъ цѣлымъ рядомъ довольно обширныхъ сочиненій. Прямимъ отвѣтомъ на писаніе старцевъ служило его „посланіе къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію“. На ту же тему, и вѣроятно, по этому же поводу и около того же времени написаны были имъ и послѣднія три слова его на еретиковъ (14-е, 15-е и 16-е) ²⁾. Здѣсь, прежде всего, вопреки своимъ заволжскимъ противникамъ, авторъ доказываетъ, что еретиковъ слѣдуетъ разыскивать, испытывать отъ нихъ признанія въ ереси, а въ случаѣ надобности прибѣгать и къ благоразумной хитрости. „Божественная писанія повелѣваютъ“, говоритъ онъ,— „яко подобаетъ всякому вѣрующему въ святую и животворящую Троицу всяко тѣченіе и подвиги и богопремудростная коварства показовати, еже еретики крѣпящася испытывати и изыскати и истязати“, и „неточію, яко самъ услышитъ и видитъ кого еретическая словеса глаголющихъ, или дѣла творящихъ, но еще и свидѣтели истинни суть на творящихъ и глаголющихъ еретическая, нѣкако же утаити или покрыти сихъ, но обличити и исповѣдати.... Такобо повелѣваетъ божественное писаніе“, заключаетъ Іосифъ и потомъ приводитъ въ примѣръ Флавіана, патріарха Антіохійскаго, „своимъ богопремудростнымъ художествомъ и богонаученнымъ коварствомъ“ открывшаго и посрамившаго мессаліанскую ересь, и Амфилохія, епископа Иконійскаго, который тоже „пришедшую пагубу мессаліанскую видѣвъ, непрестанно испытываше и богопремудростію о семъ попеченіе имяше, еже како увѣдати еретическое злословіе, и увѣдѣвъ отъ паствы отгна“ ³⁾. Доказавъ необходимость розыска, Іосифъ вооружается противъ мнѣнія о допущеніи еретиковъ въ церковь и къ причащенію святыхъ таинъ. Онъ доказываетъ, что еретиковъ можно допускать къ причащенію послѣ принесеннаго ими покаянія,

¹⁾ Это „любоприятное посланіе“, какъ называетъ его Іосифъ, не дошло до насъ, и мы знаемъ о его содержаніи изъ отвѣтнаго посланія Іосифа къ старцамъ.

²⁾ Подробный анализъ этого посланія находится въ книгѣ г. Хрумова, стр. 194—197. Мы не имѣли подъ руками этого посланія; но такъ какъ содержаніе его исчерпывается послѣдними тремя словами Просвѣтителя, то мы и будемъ въ своемъ изложеніи исключительно держаться этихъ словъ.

³⁾ Просв., 557—598.

но не всѣхъ, а только такихъ, которые впадали въ ереси неволь-но или безсознательно и заблуждались въ пониманіи второстепенныхъ предметовъ вѣроученія; въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать къ причащенію отступниковъ: „отступники бо злѣйши суть не точію ерети-ковъ, но и Еллины, и Жидовъ“. Тутъ Іосифъ объясняетъ разницу между еретикомъ, вѣрующимъ во Христа и случайно зараженнымъ ересью, и отступникомъ, рожденнымъ въ православной вѣрѣ и отступившимъ отъ нея сознательно въ зрѣломъ возрастѣ, и изъ самой исторіи ереси выводитъ заключеніе, что новгородскіе еретики—самые злѣй-шіе изъ отступниковъ и недостойны принятія въ церковь ¹⁾. Нако-нецъ, вооружаясь противъ третьяго мнѣнія своихъ оппонентовъ — о томъ, что „подобаетъ принимать покаяніе еретиковъ и милости спо-добляти“, Іосифъ доказываетъ, что не слѣдуетъ принимать вынужденное покаяніе отъ еретиковъ, осужденныхъ на казнь, и притомъ поль-зуется случаемъ выяснить обязанности по отношенію къ еретикамъ гражданскихъ властителей: имъ-де святые отцы заповѣдали предавать еретиковъ „людямъ каземъ и смертемъ“, на основаніи градскихъ законовъ, которые „подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніемъ“ ²⁾.

VII.

Смерть Іоанна III и вступленіе на престолъ Василія Іоанновича. — Перемены при великокняжескомъ дворѣ. — Последнія вспышки ереси. — Вассіанъ Патри-хвевъ въ Москвѣ; его вліяніе на великаго князя и борьба его съ Іосефомъ. — Посланіе Іосефа къ боярину Челяднину. — Новое сближеніе Іосефа съ великимъ княземъ. — Кончина Іосефа. — Торжество партіи Іосефа послѣ его смерти и послѣдняя судьба Вассіана. — Ересь перестаетъ существовать.

Неумолимо и безпощадно относился Іосифъ къ ереси и ерети-камъ, сильно и рѣзко нападалъ онъ и на православныхъ противни-ковъ своихъ тенденцій—заволажскихъ старцевъ, стоявшихъ за прин-ципъ вѣротерпимости и снисхожденія къ иномыслящимъ; онъ сдѣлалъ все, употребилъ всѣ свои дѣйствительно колоссальныя силы и сред-ства для успѣха того дѣла, которому всецѣло отдалъ себя, и на ко-торое смотрѣлъ какъ на дѣло Божіе; но теперь обстоятельства сно-ва измѣнились, и притомъ не совсѣмъ въ пользу Іосифа и того дѣла, которому онъ служилъ. Въ октябрѣ 1506 года скончался пре-

¹⁾ Ibid., 15-е слово.

²⁾ Просв., 588.

старѣлый Іоаннъ III, въ послѣдніе годы своей жизни смиренно преклонявшійся предъ знаменитымъ Волоколамскимъ игуменомъ, и на престолъ вступилъ Василій Іоанновичъ, тоже съ уваженіемъ относившійся къ Іосифу, но не раздѣлявшій ни симпатій, ни антипатій своего отца. Съ воцареніемъ новаго властителя явились вокругъ него и новые люди. Принявъ изъ рукъ отца единодержавную власть, вполне обеспеченную его стараніями отъ всякихъ стороннихъ посягательствъ, Василій уже не имѣлъ причинъ недоброжелательно относиться къ прежнимъ опальнымъ своего отца и началъ снова приближать ихъ къ себѣ ¹⁾. Въ апрѣлѣ 1505 года умеръ митрополитъ Симонъ, рѣшавшій дѣла на соборахъ по мысли Іосифа; спустя немного времени послѣ того, возвратился въ Москву, поселился въ Симоновомъ монастырѣ и сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ государя родственникъ его князь-инокъ Васіанъ Патрикѣевъ, самый сильный и опасный противникъ Іосифа, не сумѣвшій подъ монашескою мантией и клобукомъ скрыть ни свои политическія симпатіи и антипатіи, ни заносчивость боярина, ни смѣлость бывшаго государственнаго человѣка и дипломата. Личность во всякомъ случаѣ замѣчательная по своимъ умственнымъ дарованіямъ, онъ не могъ, хотя на время, не подчинить своему вліянію своего державнаго родственника, не отличавшагося особою твердостью характера, не могъ не убѣдить его раздѣлить свой образъ мыслей относительно мѣропріятій противъ еретиковъ и не поселить въ немъ антипатіи, если не къ Іосифу лично, то по крайней мѣрѣ къ проповѣдуемымъ имъ тенденціямъ. Все это, взятое вѣсть, должно было неблагопріятно отозваться на успѣхѣ борьбы Іосифа съ ересью, которая хотя и скрытно, но продолжала существовать и послѣ собора на еретиковъ и казни ихъ. Изъ посланія Іосифа къ Іоанну о еретикѣ Кленовѣ и изъ двухъ послѣднихъ словъ его на еретиковъ видно, что ересь еще жила въ народѣ, и что борьба съ нею еще продолжалась. Въ житіи Іосифа, писанномъ ближайшимъ ученикомъ его—Саввою Крутицкимъ, говорится, что принесшіе покаяніе еретики обошли своимъ коварствомъ князей, бояръ и честныхъ старцевъ, и что нѣкоторые изъ епископовъ, уже по смерти Іоанна III, стали жаловаться на нихъ Василію Іоанновичу, а другіе явились къ великому князю съ просьбою отпустить еретиковъ на покаяніе. „Владыки!“ отвѣчалъ съ гнѣвомъ великій князь, — „печалуетесь о волкахъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, сынъ еретика Курицына былъ сдѣланъ, подобно отцу, дьякомъ великаго князя. *Соловьевъ*, Ист.. V, 431—437.

христіанскія вѣры. Если волки овецъ съѣдятъ, а сами разбѣжятся, гдѣ тогда волковъ найдете?" Услышавъ это, епископы удалились „бездѣлни“ ¹⁾. Другой неизвѣстный по имени современникъ свидѣтельствуесть, что „старецъ князь Васьянъ учалъ печаловаться за еретиковъ великому князю“ ²⁾.

Въ виду продолжавшагося существованія ереси и сочувствія къ еретикамъ со стороны нѣкоторыхъ православныхъ, Іосифъ снова обратился съ посланіемъ непосредственно къ великому князю, снова молилъ его подвигнуться на еретиковъ. „Игуменъ же Іосифъ, отецъ нашъ“, продолжаетъ жизнеописатель Іосифа, — „непрестанно пиша, къ державному посылая, дабы ихъ покаянію не вѣрилъ: таковое, рече, лестное покаяніе въ древнихъ лѣтахъ многія царства погубиша, но повелѣваше имъ изъ темницы неисходнымъ быти“. Эту самую мысль и проводитъ Іосифъ во второмъ посланіи къ великому князю Василію ³⁾. Желая сильнѣе подѣйствовать на великаго князя, Іосифъ, въ особенно краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, развиваетъ идею о значеніи царской власти. „Пожалуй и попецйся и промысли о божественныхъ церквахъ“, писалъ Іосифъ, — „занеже, государь, отъ великія десницы поставленъ самодержецъ и государь всея Руси.... Аще не подвигнишися, ипо, государь, погибнути всему христіанству.... Васъ бо Богъ въ себе мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ“.... Эти торжественныя слова должны были производить сильное впечатлѣніе на великаго князя.

Въ то время, какъ борьба Іосифа съ владыками и старцами, заступившимися за покаившихся еретиковъ, продолжалась, пришелъ къ Іосифу какой-то живописецъ, по имени Θεодосій, сынъ живописца Діонисія Мудраго, и повѣдалъ ему „чудо преславно“, какъ Богъ обнаружилъ страшное кошунство еретиковъ. Однажды одинъ изъ ложно покаившихся еретиковъ, поставленный въ священники, послѣ литургіи, принесъ въ свой домъ потиръ со святыми дарами и вылилъ ихъ въ горящую печь. Жена еретика, варившая пищу, увидѣла въ огнѣ „отроча млада“, и гласъ отъ него изыде: „Ты ми здѣ огню предаде, а азъ тя предамъ вѣчному огню“. Услышавъ объ этомъ, Іосифъ, по словамъ жизнеописателя, „паче перваго подвижеса“ на еретиковъ и вновь сталъ убѣждать державнаго, чтобы не вѣрилъ еретическому

¹⁾ Велик. Минен-Четив, сентябрь, 473, 474, 475.

²⁾ Письмо „о нелюбкахъ“, стр. 506.

³⁾ Посланіе помѣщено по частямъ въ книгѣ Хрущова, стр. 242—243.

лестному покаянію. „Державный же... повелѣ еретиковъ всѣхъ въ темницу вметати и быти неисходнымъ и до кончины живота ихъ“. Такъ оканчивается повѣсть о борьбѣ съ ересью жизнеописатель Іосифа ¹⁾. Но неизвѣстный авторъ письма „о нелюбкахъ“ передаетъ намъ еще одинъ любопытный эпизодъ изъ этой борьбы. Съ разрѣшенія Іосифа, два его ученика, Нилъ Полевъ и Діонисій Звенигородскій, удалились въ предѣлы Бѣлозерскіе, гдѣ тогда вводился скитскій уставъ, и гдѣ выстѣ съ этимъ сосредоточивалась оппозиція направленію Іосифа. По словамъ автора письма, они сдѣлали это по любви къ пустынножительству; но зная взглядъ Іосифа на удаленіе изъ мѣста постриженія и принявъ во вниманіе ихъ новое мѣстожителство, трудно согласиться, чтобъ ими руководило только одно это побужденіе. Очевидно, Іосифъ наблюдалъ за своими противниками, хотя и не еретиками, но косвенно защищавшими ихъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что выходцы Іосифляне—дѣйствительно заявили себя усердіемъ къ дѣлу Іосифа. Спустя нѣсколько времени, одинъ изъ нихъ грамотой увѣдомилъ Іосифа о томъ, что они видѣли ересь у скитниковъ. Одного изъ пустынниковъ они видѣли читающимъ книгу, которую тотъ, при ихъ появленіи бросилъ въ огонь, а у другаго нашли подъ постелью икону. Іосифъ сообщилъ объ этомъ брату своему Ростовскому архіепископу Вассіану, „понежъ въ его архіепископѣ“. Послѣдній, находившійся тогда въ Москвѣ, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія великаго князя. Тогда великій князь сталъ укорять Вассіана, защитника заводжскихъ пустынниковъ. „Добро ли чинять твои пустынники?“ сказалъ онъ ему. „Государь“, отвѣчалъ Вассіанъ,—„грамота писана лукавствомъ, все солгано, вопросы, государь, попа“. Спросили попа, подавшаго грамоту, и попъ подтвердилъ писанное. Тогда старецъ Вассіанъ просилъ взять попа на пытку. Попу изломали ногу, и тотъ умеръ, но не оговорилъ писавшихъ грамоту. Узнавъ объ этомъ, великій князь опалился на виновниковъ этого дѣла — Діонисія и Нила, велѣлъ самихъ ихъ взять въ Кирилловъ, а пустыни ихъ сжечь ²⁾).

Это событіе послужило новымъ поводомъ ко враждѣ между Іосифомъ и Вассіаномъ Патрикѣевымъ и между ихъ сторонниками. Вассіанъ написалъ противъ Іосифа и проводимыхъ имъ тенденцій нѣсколько сочиненій, и между ними одно обширное, въ которомъ онъ

¹⁾ Житіе Іосифа, писанное Саввою Крутицкимъ, стр. 475.

²⁾ Письмо „о нелюбкахъ“, стр. 506—507.

пунктуально опровергаетъ Іосифа; въ свою очередь, и Іосифъ отвѣчалъ на него тоже обширнымъ сочиненіемъ. Но какъ сочиненіе Вассіана, такъ равно и „слово отвѣтно“ на него Іосифа, остаются неизвѣстными для насъ, и мы знаемъ о существованіи ихъ только изъ дошедшихъ до насъ краткихъ полемическихъ сочиненій Вассіана ¹⁾. Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ, написанномъ въ формѣ діалога, весьма удачно сконцентрировано содержаніе того и другаго. Здѣсь же прекрасно обрисовываются какъ личности полемизирующихъ, такъ и тѣ идеи, представителями которыхъ они являлись.

„Подобаетъ“, говорилъ Іосифъ,—„еретики и отступники святителемъ и священникомъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ не токмо ненавидѣти, но и проклинати; царемъ же и княземъ подобаетъ сихъ въ заточеніе послати и каземъ лютымъ предавати“.

„Подобаетъ“, отвѣчалъ на это Вассіанъ, — „еретиковъ святителемъ и всему священному собору проклинати, аще которые не каются, или паче насилующе съпротивляются; царемъ же и княземъ сихъ подобаетъ заточати и казнити. А кающихся повелѣвають святая писанія пріимати на покаяніе. Аще ли святители не учнутъ имъ давати покаянія, сихъ святая писанія изверещи повелѣвають и къ ереси Наватовѣ, Римскаго пона, причитають, иже сый понъ Павать Римскій—послѣ крещенія согрѣшающему не веляше давати покаянія“.

„Божественная писанія свидѣтельствуютъ, яко едино есть еже еретики и отступники оружіемъ убивати и молитвою смерти предавати“, училъ Іосифъ.

„Аще речеши“, возражалъ Вассіанъ,—„яко едино есть еже еретики и отступники оружіемъ убивати и молитвою смерти предавати, сіе, Іосифе, и съ своими ученики, обгуеши святая писанія. И мы же противу сего речемъ: молитвою убивати отъ святыхъ есть, а оружіемъ убивати отъ царскаго повелѣнія и человѣческаго се обычая бываетъ“.

„Въ божественныхъ писаніяхъ сказано“, продолжалъ Іосифъ,—„яко подобаетъ православнымъ христіаномъ учительство приводити отъ ветхихъ писаній и божественнымъ писаніемъ новаго завѣта“.

„Аще отъ ветхаго закона“, былъ отвѣтъ Вассіана,—„къ новому закону что приведено отъ святыхъ Христовыхъ устъ, отъ евангелія и отъ апостольскихъ посланій въ апостольствѣи книгѣ и отъ святыхъ

¹⁾ Полемич. сочиненія Вассіана напечатаны въ *Праг. Соб.* 1863 г., сентябрь и октябрь.

правилъ седми соборовъ и отъ помѣстныхъ, сіе приѣмлетъ. Аще ли же что что нововведетъ, или что приложитъ или уложитъ, кромѣ Евангелія, Апостола и правилъ, и въ святыхъ правилѣхъ сего иноязычника и мытаря именуетъ и проклятiю предаетъ“.

„Вассіанъ глаголетъ и пишетъ о милосердіи Божіи, яко всѣхъ хочетъ спасти и ни единого погибнути“, обличалъ Іосифъ Вассіана;— „сіе убо пишетъ еретикомъ и отступникомъ устроить жизнь нематежну, яко да не боящися еретицы прельщаютъ православныя и въ жи́довство отводятъ“.

„Вѣмъ истинно милосердіе Божіе, возражалъ на это Вассіанъ,— яко всѣхъ Богъ хочетъ спасти и въ разумъ истинный грѣшныхъ привести покаянiемъ, яко же мытаря и блудницу и отступниковъ всѣхъ согрѣшающихъ. Сіе пишешь, Іосифе, отъ попа Римскаго, отъ Навата еретика, иже по крещеніи не даеше согрѣшающимъ покаянiя“.

„Не право, еже Вассіанъ глаголетъ, яко аще и согрѣшиша еретицы и отступники, и поваются—пріяти будутъ“, говорилъ Іосифъ.

„Что, Іосифе, много пишешь о семъ, аки ума изступивъ?“ отвѣчалъ послѣдній.— „Что не хочещи давати покаянiя еретикомъ? Воззри, что пишетъ святое писаніе и разумѣши истину“.

„Вассіанъ пустынный глаголетъ: которыхъ еретиковъ и отступниковъ казнили, то суть мученицы“, продолжалъ свои обвиненія противъ Вассіана Іосифъ.

„Сіа глаголю“, былъ отвѣтъ Вассіана. — „которымъ еретикомъ кающимся, не приѣмля ихъ покаянiя, казнили ихъ, суть мученицы, понеже нѣсть грѣхъ не прощаемъ, аще кается. Ты же коея ради вѣны, Іосифе, не велиши давати согрѣшающимъ покаянiя“?...¹⁾

Обвиненіе въ новаціанствѣ, взведенное на Іосифа его желчнымъ и неразборчивымъ на выраженія противникомъ, не могло не отозваться; тяжело въ душѣ жаркаго поборника православія. У него явилась потребность, во что бы ни стало, оправдать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія отъ брошеннаго ему въ лицо врагомъ его страшнаго упрека въ ереси. Но въ Вассіанѣ Іосифъ встрѣчалъ сильнаго про-

¹⁾ Сочиненіе, изъ котораго мы заимствовали этотъ діалогъ, носитъ заглавіе: „Инокъ пустынный Васыяна на Іосифа, игумена Волоцкаго, собраніе отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ собрано, и на его учения, и различныя мнѣнія себѣ отвѣты отъ книгъ“ (Полеич. соч. Васс., стр. 200 — 210). Мы привели изъ него только то, что непосредственно касается изслѣдуемаго нами предмета.

тивника себѣ не на одной только литературной, но и на практической почвѣ. Теперь Вассіанъ не обиталъ уже болѣе въ заволжскихъ пустыняхъ въ качествѣ послушника смиреннаго старца Нила, а жилъ въ Москвѣ на Симоновѣ, въ обстановкѣ ближняго къ государю человека и съ роскошью родовитаго боярина: „Ядше приносимое ему брашно отъ трапезы великаго князя — хлѣбъ пшеничны, чисты, крупитчаты и прочая брашна заслаждаемая, многостротнѣ застроаемая, ... піяше романею, бастръ, мушкатель, и ренское бѣлое вино“ ¹⁾. Какъ человекъ времени, какъ умный совѣтникъ государя, подчинившій послѣдняго своему вліянію, онъ началъ открыто и безбоязненно высказывать вражду свою къ Іосифу не на письмѣ только, но и на дѣлѣ. Кромѣ вышеприведеннаго случая съ Ниломъ Полевымъ и Діонисіемъ Звенигородскимъ, онъ выражалъ ненависть свою къ нему еще и тѣмъ, что сталъ при встрѣчѣ оскорблять постриженниковъ Іосифова монастыря. Такъ поступилъ онъ съ ученикомъ Іосифа Зосимомъ Ростопчинимъ въ палатахъ митрополита Варлаама и въ присутствіи Коломенскаго владыки Митрофана. „Отступники Божіи есте...“, говорилъ Вассіанъ, по поводу „добрыхъ рѣчей“ Коломенскаго владыки о Зосимѣ, обращаясь къ послѣднему, — „вы есте отступники Божіи и со учителямъ вашимъ!..“ Вассіанъ добился даже того, что и самому Іосифу воспрещено было великимъ княземъ „противу его рѣчей говорить и писати“, хотя „Божією милостію было что говорить и писати“. Но злословіе, гордая заносчивость и враждебная нетерпимость инока-временщика не только нашли себѣ противовѣсъ, но впоследствии и совсѣмъ должны были разбиться о дальновидную практичность Іосифа и его сторонниковъ. Оттѣспенный Вассіаномъ отъ непосредственныхъ сношеній съ Василиемъ Іоанновичемъ, Іосифъ начинаетъ дѣйствовать на великаго князя чрезъ тѣхъ, „кто“, по его выраженію, — „былъ до него добръ“: дѣйствуетъ противъ своего противника чрезъ своихъ сторонниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приближенныхъ лицъ къ государю; а такихъ лицъ было у него, вѣроятно, уже не мало. Съ этою цѣлію онъ обращается къ старому другу и благодѣтелю своему, теперь ближнему боярину великаго князя, Василью Андреевичу Челядину, съ посланіемъ, въ которомъ жалуется на Вассіана и проситъ ходатайствовать у великаго князя, чтобы тотъ освободилъ его отъ хульныхъ рѣчей Вассіана. „Ино, господине“, пишетъ Іосифъ, — „намъ божественная писанія повелѣвають терпѣти всяка укоризна. Аще ли

¹⁾ Зинковій Отенскій: «Истинны показаніе», стр. 900—901.

же, господине, кто назоветъ еретикомъ, ино о томъ невѣстно молчать". Іосифъ проситъ Челяднина печаловаться предъ государемъ, чтобъ онъ позволилъ ему писать и говорить противъ хульных Вассіановыхъ рѣчей: „Зане, господине, есть что говорить и писать противу его рѣчей". Вслѣдъ затѣмъ Іосифъ жалуется на Вассіана, что тотъ называетъ „еретиками и отступниками Божиими" не только его самого и его постриженниковъ, но и всѣхъ духовныхъ, по совѣту и просьбѣ которыхъ великій князь на еретиковъ „Святымъ Духомъ подвижеся", между тѣмъ какъ святыя отцы пѣснями и хвалами почтили тѣхъ, кто на соборахъ дѣйствовалъ противъ еретиковъ ¹⁾.

Іосифъ достигъ того, что ему позволено было писать и говорить противъ своего сильнаго противника, и написалъ противъ него сочиненіе ²⁾. Вскорѣ сношенія Іосифа съ великимъ княземъ, прерванныя было вліяніемъ Вассіана, снова возобновились, и связь между ними сдѣлалась еще болѣе близкою и дружественною. По смерти Волоцкого удѣльнаго князя Ѳедора Борисовича, Волокъ-Ламскій вошелъ въ составъ великаго княженія; Василиій Іоанновичъ сталъ ѣздить туда на охоту, и безъ сомнѣнія, заѣзжалъ въ обитель Іосифа. Вліяніе Іосифа на великаго князя стало извѣстно всѣмъ. Около этого времени Іосифу удалось оказать великокняжескому семейству весьма важную услугу примиреніемъ великаго князя съ Дмитровскимъ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Іоанновичемъ; послѣ того отношенія между нимъ и Василиемъ Іоанновичемъ сдѣлались еще болѣе сердечными ³⁾.

9-го сентября 1505 года Іосифъ скончался, назначивъ себѣ преемникомъ Даниїла, „по реклу Рязанца", который вскорѣ послѣ того, а именно въ 1522 году, сталъ митрополитомъ всея Руси; другія епископскія кафедры въ большинствѣ своемъ тоже сдѣлались достояніемъ родственниковъ и учениковъ Іосифа ⁴⁾. Такимъ образомъ Іосифъ и

¹⁾ Посланіе напечатано въ книгѣ *Хрущова*, въ приложеніи, 260—262.

²⁾ О существованіи этого сочиненія мы знаемъ изъ «Слова отвѣтнаго на клеветущихъ истину евангельскую, и т. д., помѣщеннаго въ *Прав. Соб.* за 1861 годъ. Отсюда видно, что Іосифъ опровергалъ Вассіана въ десяти словахъ.

³⁾ П. С. Р. Л., VIII, 259; *Житіе Саввы Черн.*, Минин-Четин, *ibid.*, стр. 486—493; духовная грамота Іосифа въ *Древн. Р. Визлїюникъ*, XIV, 230 — 292; *Акт.*, Археогр. Эксп. № 169.

⁴⁾ Братья Іосифа: Вассіанъ поставленъ былъ архіепископомъ Ростовскимъ, а Агакій—Тверскимъ, племянникъ его Вассіанъ Топорковъ—епископомъ Коломенскимъ; Вассіанъ епископъ Рязанскій, и потомъ Евоній, архіепископъ Ростовскій, были тоже постриженники Іосифа. *Мак.*, *Ист. Р. Ц.*, VI, 106—107; *Хрущовъ*, 250.

послѣ своей смерти, въ лицѣ своихъ учениковъ, оставилъ твердый оплотъ православію, въ томъ самомъ его видѣ и паправленіи, въ какомъ оно развилось исторически на русской народной почвѣ, и типическимъ представителемъ котораго являлся онъ самъ. Преемникъ Іосифа былъ преданнымъ слугою великаго князя, полагалъ его наклонностямъ ¹⁾, и списавъ его благорасположеніе, жестоко отомстилъ Вассіану за своего учителя. Въ 1531 году, Вассіанъ былъ преданъ соборному суду, обвиненъ въ ереси и осужденъ на заточеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, гдѣ въ скоромъ времени и скончался. Курбскій говоритъ, что „Осифлане“, по повелѣнію великаго князя, замучили его ²⁾.

Мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній на то, обнаруживались ли какіе-нибудь слѣды „ереси жидовствующихъ“ въ послѣдніе годы жизни преподобнаго Іосифа, послѣ того, какъ существованіе ея было открыто у бѣлозерскихъ скитниковъ; но всего вѣроятнѣе предположить, что ереси, въ это время, нанесенъ былъ рѣшительный ударъ принятыми противъ нея мѣрами со стороны духовной и особенно свѣтской властей, и она была принуждена скрыться въ тайники народной жизни и тамъ подвергнуться радикальной переработкѣ. Иначе Іосифъ не могъ бы считать себя удовлетвореннымъ и дѣлать такого отзыва о великомъ князѣ Васи́лѣ́ Иоанновичѣ, какой онъ дѣлаетъ въ заключительныхъ словахъ посланія къ Челадину, а именно—что „онъ государь онѣхъ скверныхъ новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ, иже жидовская мудрствующихъ, до конца низложилъ, православную и истинную и непорочную христіанскую вѣру, поколебавшуюся и изнемогшую отъ еретическихъ ученій, утвердилъ“; за что и призываетъ на него благословеніе Божіе. Спусти непродолжительное время, антицерковное движеніе снова заявило себя, но уже въ другихъ, формахъ, и не въ связи съ жидовствомъ, а рука объ руку съ другими союзниками, болѣе гармонирующими съ нимъ по своему характеру. По очерку этихъ новыхъ фазисовъ антицерковнаго движенія не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія.

Илья Ікановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Данилъ разрѣшилъ великому князю разводъ съ первою супругою Соломоніей и вступленіе въ новый бракъ съ Еленою Глинскою, матерью Грознаго; противъ этого былъ Вассіанъ съ Максимомъ Грекомъ, за что и пострадали тотъ и другой.

²⁾ Судъ надъ Вассіаномъ въ *Ут. Общ. И.* и *Др.* 1847 г., т. IX; *Костомаровъ*, *Исторія*, вып. второй, стр. 384.

КЪ ВОПРОСУ О ДѢЛЕНИИ ГЛАГОЛОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ НА СПРЯЖЕНІЯ.

Прежде глаголы въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ дѣлились на два спряженія: одно называлось спряженіемъ безъ соединительнаго гласнаго звука; другое — спряженіемъ съ соединительнымъ гласнымъ звукомъ (см: *Миклошича Vergleichende gram. Formenlehre* 1856. III, стр. 106, § 123. *Шлейхера Formenlehre der kirchsl. sprache*, 1852 г., стр. 287 и 319). Къ спряженію безъ соединительнаго гласнаго относятся глаголы: *къ-мь, отъ-мь, ꙗ-мь* и *да-мь*. Къ спряженію съ соединительнымъ гласнымъ — всѣ другіе глаголы въ языкѣ; напр.: *вед-ѣ* изъ *вед-о-мь, вед-е-ши, вед-ѣтъ* изъ *вед-о-нть, би-ѣ* изъ *би-ѣ-омь, би-ѣ-ши* изъ *би-ѣ-ши, би-ѣтъ* изъ *би-ѣ-нть; двин-ѣ* изъ *двин-о-мь, двин-е-ши, двин-ѣтъ* изъ *двин-о-нть; вижд-ѣ* вѣ. *вид-ѣ* изъ *види-о-мь* или *вид-ѣ-мь, види-ши* вѣ. *види-и-ши* изъ *види-ѣ-ши, вид-ѣтъ* вѣ. *вид-ѣтъ* изъ *види-о-нть* или *вид-ѣ-нть; дѣла-ѣ* вѣ. *дѣла-ѣ-ѣ* изъ *дѣла-ѣ-омь, дѣла-ѣ-ши* вѣ. *дѣла-ѣ-ши, дѣла-ѣтъ* вѣ. *дѣла-ѣтъ* изъ *дѣла-ѣ-нть; ниш-ѣ* вѣ. *ниш-ѣ* изъ *нис(а)-ѣ-ѣ* или *нис(а)-ѣ-омь, ниш-е-ши* вѣ. *ниш-ѣ-ши* изъ *нис(а)-ѣ-ши, ниш-ѣтъ* вѣ. *ниш-ѣтъ* изъ *нис(а)-ѣ-нть* или *нис(а)-ѣ-нть* (съ опущеніемъ тематическаго гласнаго звука *а*); *милоу-ѣ* вѣ. *милоу-ѣ-ѣ* изъ *милоу-ѣ-омь; милоу-ѣ-ши* вѣ. *милоу-ѣ-ши, милоу-ѣ-ши* вѣ. *милоу-ѣ-нть* изъ *милоу-ѣ-нть* и др. Во всѣхъ приведенныхъ формахъ мы видимъ предъ личными суффиксами звуки *о* и *е*, которые и назывались *соединительными гласными*; потому что посредствомъ ихъ соединялись глагольные темы съ личными суффиксами. Въ недавнее время, благодаря особенно послѣднимъ изслѣдованіямъ Курціуса ¹⁾, эти соединительные гласные звуки стали настойчиво относиться славянскими

¹⁾ Das Verbum der griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt 1 B. Leipzig 1873 и II B. 1876.

учеными къ глагольнымъ темамъ. Такимъ образомъ, въ формѣ, напр.: *ведѣ* изъ *ведо-м* тема *веде-*; въ ф. *бѣи* изъ *бѣю-м* тема *бѣи-*; въ ф. *дѣи* изъ *дѣи-м* тема *дѣи-*; въ ф. *виждѣ*, *видиши* т. *види(?)*; въ ф. *дѣлаи* т. *дѣлаи-*; въ ф. *пиши*, *пишеш* т. *писаи-*; въ ф. *милюи* т. *милюи-* и пр. звукъ *о*, являющійся въ образованіи 1-го лица ед. числа и 3-го лица числа множественнаго, обязанъ своимъ происхожденіемъ звуку *е*. Это усиленіе звука *е* въ *о* передъ звуками *м* и *н* личныхъ суффиксовъ свойственно и греческому языку; санскритъ имѣетъ *а* вм. *а* передъ *т* и *у* личныхъ суффиксовъ. Эта теорія принята Миклошичемъ ¹⁾ и Даничичемъ ²⁾. На основаніи ея глаголы дѣлятся также на два спряженія, изъ которыхъ одно называется спряженіемъ безъ тематическаго гласнаго, другое—съ тематическимъ гласнымъ. Къ спряженію глаголовъ безъ тематическаго гласнаго звука, или съ основами безъ суффикса Даничичъ относитъ пять темъ: *кѣс-*, *пад-*, *дад-*, *отд-* и *има-*. Въ примѣненіи этой теоріи къ спряженію глаголовъ древне-слав. языка съ тематическимъ суффиксомъ оказалось нѣкоторое неудобство. По мнѣнію Даничича основы этихъ глаголовъ имѣютъ два суффикса: *а* и *ја*. Послѣдній суффиксъ образуетъ двѣ темы для одного и того же времени въ глаголахъ четвертаго разряда, (т. е. имѣющихъ тему неопредѣленнаго наклоненія на *и*), именно: тему 1-го лица единственнаго числа настоящаго времени на *ј* и тему для всѣхъ другихъ личныхъ формъ того же времени на *ја*=др. ц. сл. *и*. Онъ говоритъ: „исти наставак (т.-е.-*ја*) добивају основе и у глагола четврте врсте без крајѣга самогласнога које имају у инфинитиву предѣговијем наставком, али само у првом лицу јединице, а у свијем осталијем лицима остаје им основа кака је у инфинитиву“ (стр. 256—257) т. е. тотъ-же суффиксъ (*ја*) принимаютъ темы и у глаголовъ четвертаго разряда безъ конечнаго гласнаго (т. е. *а*), который имѣютъ въ неопредѣленномъ наклоненіи предъ его суффиксомъ (т. е. *ми*), но только въ первомъ лицѣ единственнаго числа, а во всѣхъ остальныхъ лицахъ остается у нихъ таже тема, какая и въ неопредѣленномъ наклоненіи. Такимъ образомъ, на примѣръ, въ глаголѣ *роди-ти* темою для 1-го лица ед. чис. наст. врем. будетъ *родј-*, а для всѣхъ другихъ лицъ—*роди-*. Съ этимъ, конечно, согласиться трудно; потому

¹⁾ Das imperfect in den Slavischen Sprachen. Wien 1874. Vergleich. Stammbildungslehre. 1875 г. стр. 489—492.

²⁾ Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. Ђ. Даничић. у Београду. 1874.

что въ *ж* (род-*ж*) скрывается гласный звукъ, предшествующій указателю перваго лица *ж*, а тема *rodj-* не заключаетъ въ себѣ этого гласнаго звука, который долженъ быть отнесенъ къ темѣ.

Съ другой стороны, примѣненіе этой же теоріи и къ глаголамъ безъ тематическаго гласнаго звука оказалось не совсѣмъ удачнымъ у другаго ученаго, именно, у Johannes Schmidt'a, въ одномъ мѣстѣ его статьи, подъ заглавіемъ: *was beweist das e der europäischen Sprachen für die Annahme einer einheitlichen europäischen Grundsprache*, помѣщенной въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* т. XXIII тетрадь 4 (1876 г.). Доказывая несостоятельность основнаго европейскаго языка въ теоріи развитія языковъ по образу дерева, онъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 362): „весьма поучительными оказываются соотношенія языковъ въ формѣ 3 лица множ. числа. Славянскій языкъ совершенно различно обходится съ окончаніями: первоначальнымъ *anti*, вторичнымъ—*ant*, смотря по тому, есть ли ихъ *а* тематическій звукъ, или принадлежитъ личному суффиксу. Въ первомъ случаѣ *а* удерживается, *а-nti*, *а-nt* сдѣлались въ послѣдствіи *ѣтъ*, *ѣ*; во второмъ *а* перешелъ въ *е*, *anti*, *ant* въ *ѣтъ*, *ѣ*: *везѣтъ*, *везѣ*=*váha-nti*, * (*a*)*va**ha-nt*; напротивъ того *pad-ѣтъ*=скр. *ad-ánti*, *dad-ѣтъ*=скр. *dád-atí*, *enđ-ѣтъ*, аор. *нѣс-ѣ*, *несош-ѣ*. Только *сѣтъ*=скр. *s-ánti* представляетъ страннымъ образомъ исключеніе (!). Тоже самое различіе существовало въ германскомъ языкѣ, какъ показываетъ гот. *s-ind* при *viga-nd*. Основанія для него слѣдуетъ искать въ удареніи: скр. *s-ánti* но *váha-nti* и т. д.“ Форма *сѣтъ* попала въ число странныхъ исключеній, потому что, не имѣя такого же гласнаго окончанія въ темѣ, какое у *везѣ-*, удерживаетъ первоначальный суффиксъ *anti* безъ измѣненія звука *а* въ *е* точно также, какъ форма *везѣтъ*, между тѣмъ какъ другія темы безъ гласнаго окончанія имѣютъ формы правильныя на *ѣтъ*: *вѣдѣтъ*, *дидѣтъ*, *падѣтъ*, т. е. измѣняютъ въ первоначальномъ суффиксѣ *anti* звукъ *а* на *е*.

Остановимся на этихъ послѣднихъ глаголахъ и посмотримъ, дѣйствительно-ли у нихъ такія темы, какія имъ обыкновенно приписываются.

Сличая между собою формы третьяго лица множественнаго числа *с-ѣтъ* (вм. *кс-ѣтъ*), *вѣд-ѣтъ*, *пад-ѣтъ*, *дад-ѣтъ*, мы видимъ, что всѣ три глагола, имѣющіе въ темѣ звукъ *д*, оканчиваются на *ѣтъ*, а не на *ѣтъ*. Форма *с-ѣтъ* замѣняетъ *с-онть*, а формы, *вѣдѣтъ*, *падѣтъ*: *дадѣтъ* замѣняютъ *вѣд-енть*, *пад-енть*, *дад-енть*. Почему же звукъ *о*, соответствующій основному *а*, въ суффиксѣ третьяго лица множе-

ственного числа въ послѣднихъ трехъ глаголахъ перешелъ въ звукъ *е*? другими словами, почему въ нихъ суффиксъ *ѣтъ* замѣнился суффиксомъ *ѣтъ*? Объясненіе, заимствованное Шмидтомъ у Боппа, намъ кажется неудовлетворительнымъ. Форма *сѣтъ*, очевидно, показываетъ, что оно находится въ противорѣчіи съ языкомъ. Трудно согласиться съ предположеніемъ ученаго автора вышеуказанной статьи, что форма *сѣтъ* образовалась по аналогіи темъ на *а* (стр. 364). Согласиться съ нимъ значитъ признать, что *сѣтъ* есть форма позднѣйшая сравнительно съ формами: *въдѣтъ*, *идѣтъ*, *дадѣтъ*, на что нѣтъ никакого основанія.

Такъ какъ эти послѣднія формы не представляютъ по своему образованію такого же соотвѣтствія съ санскритскими формами: *vidānti*, *adānti*, *dādānti*, какое представляетъ ф. *сѣтъ* съ санскр. *sānti*; то, вѣроятно, славянскій языкъ въ образованіи ихъ отступилъ отъ санскрита въ силу какой либо особенности, присущей самимъ темамъ данныхъ глаголовъ. Фр. Боппъ говоритъ, что „славянскій языкъ соотвѣственно санскритскому окончанію *anti* въ третьемъ лицѣ множественнаго числа употребляетъ или *ѣтъ* или *ѣтъ*“, и что „*ѣтъ* онъ употребляетъ только въ глаголахъ, спрягающихся безъ соединительнаго гласнаго звука, за исключеніемъ существительнаго глагола“ ¹⁾. Но это объясненіе, которымъ, какъ мы видѣли, воспользовался Joh. Schmidt, не только недостаточно, но и невѣрно. Древній церковно-славянскій языкъ во всей системѣ спряженія своихъ глаголовъ совершенно правильно различаетъ окончаніе третьяго лица множественнаго числа *ѣтъ* отъ окончанія *ѣтъ* и постоянно ставитъ это различіе въ зависимость отъ самихъ темъ глагольных. Кромѣ того, окончаніе *ѣтъ* имѣютъ многіе глаголы, спрягающіеся помощію соединительнаго гласнаго звука, напр. *видѣтъ*, *сидѣтъ*, *ходѣтъ*, *хвалѣтъ* и пр. Ошибочность мнѣнія Боппа зависитъ, по нашему, отъ того, что онъ призналъ темами для настоящаго времени глаголовъ: *въдѣти*, *идѣти* и *дадѣти* корни *въд*, *ид*, *дад* (послѣдній съ редупликаціей), отвлекши ихъ отъ личныхъ формъ: *въс-тъ* (вм. *въд-тъ*), *идс-тъ* (вм. *ид-тъ*), *дас-тъ* (вм. *дад-тъ*); *въсти*, *идс-та*, *дас-та*; *въсте*, *идс-те*, *дас-те* при формахъ: *въдѣтъ*, *идѣтъ*, *дадѣтъ*, въ которыхъ сохранился коренной звукъ *д*, подъ вліяніемъ сравненія этихъ формъ съ формами санскрита. Между тѣмъ самая важная форма для опредѣленія истинной темы настоящаго времени есть форма третья-

¹⁾ Vergl. Gram. 2 Ausg. II, 302, § 460.

го лица множественнаго числа, въ которой звукъ *ѡ* появляется въ своемъ основномъ видѣ. Сравнивать же ее слѣдовало прежде всего не съ санскритомъ, а съ соотвѣтствующими ей формами тѣхъ же глаголовъ въ языкахъ славянскихъ. Вотъ западнославянскія формы:

Дусл.	Др. Чешск.	Нов. Чеш.	Словац.	Польск.	Вер. Луж.
вѣд-ѡть,	vědiá(t),	vědí,	viedia.	wiedza,	wjedza.
ѡд-ѡть,	jadiá(t),	jedí,	jedia,	jedza,	jedza.
ѡд-ѡть.	dadiá(t).	(dájí).	(dajú).	dadza.	dadza.

Мы видимъ, что въ западныхъ славянскихъ языкахъ донныѣ форма третьяго лица множественнаго числа сохраняетъ окончаніе, соотвѣтствующее древнецерковнославянскому окончанію *ѡть*. Формы: новочешск. *dají* (вм. *dadi*) и словацкая *dajú* (вм. *dadia*) перешли въ употребленіе отъ глагола *ѡдѡти* и соотвѣтствуютъ древнецерковнославянской ф. *ѡдѡтъ*; возможность же существованія въ томъ и другомъ языкѣ формъ: чешск. *dudí*, словацк. *dadia* отъ глагола собств. *ѡдѡти* подтверждается существованіемъ древнечешской формы *dadiá* или *dadié* (вм. *dudiál*). ¹⁾ Слѣдовательно, новыя формы: чешск. *dají*, словацк. *dajú* не представляютъ никакого препятствія къ признанію полного соотвѣтствія между древними церковнославянскими формами третьяго лица множественнаго числа и формами доселѣ сохранившимися въ языкахъ западнославянскихъ. Изъ этого соотвѣтствія слѣдуетъ, что древнему церковнославянскому *ѡ* соотвѣтствуютъ въ западныхъ славянскихъ языкахъ звуковыя сочетанія: *ia* (древн. чешск. *věd-ia(t)*, словацк. *vied-ia(t)*), *ja* (польск. *wieds-a* вм. *wied-ja*), *ja* (верхнелужицк. *wjed-za* вм. *wjed-ja*). Ясно, что въ суффиксѣ трет. л. множ. ч. всюду является послѣ кореннаго *d* звукъ *i* или *j*. Извѣстно, что въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ *j*, образуясь изъ *и* и появляясь предъ *ѡ*, можетъ обращать этотъ послѣдній зв. въ *ѡ*; напримѣръ: *тѡи-ѡ* = польск. *tyg-i* и *тѡи-ѡи-ти* = польск. *tyg-ni-ć*. Спрашивается, откуда взялся *j*, или *i*, при образованіи третьяго лица множественнаго числа данныхъ глаголовъ въ западныхъ славянскихъ языкахъ, если теми ихъ должны заканчиваться согласнымъ *d*? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, можетъ значительно облегчиться сравненіемъ формы третьяго лица мн. ч. глагола *ѡдѡти* съ соотвѣтствующею ей формою глагола *ѡидѡти*, такъ какъ

¹⁾ *Schafarik. Elemente der altböhmischen Grammatik. 2 Ausg. Prag. 1867, стр. 129. D-ra Kršša. Staročeská mluvnice. 3 vydání. V Praze 1869, стр. 83—84. Jos. Jireček. Nákras mluvnice staročeské. V Praze 1870, стр. 50.*

оба эти глагола образовались отъ одного и того же корня *vid*. Очевидно, что форма *вѣд-ѣтъ* вполне соответствуетъ формѣ *вид-ѣтъ*, чешск. *vid-i*, словацк. *vid-ia*, польск. *widz-a* вм. *widj-a*, верхнелужиц. *widz-a* вм. *widj-a*. Но эти послѣднія формы объясняются изъ темы *види-* для всѣхъ личныхъ формъ настоящаго времени глагола *видѣти*. Въ ней звукъ *и*, появляясь предъ суффиксомъ *ѣтъ*, обращаетъ твердый звукъ *ж* въ мягкій *ѣ*, что неизмѣнно соблюдается древнимъ церковнослав. языкомъ во всѣхъ глаголахъ съ темой на *и*, напримѣръ: тема *ходи-* 3 л. мн. ч. *ход-ѣтъ* вм. *ходи-ѣтъ*, *ход-ѣтъ*; тема *люби-* 3 л. мн. ч. *люб-ѣтъ* вм. *люби-ѣтъ*, *люб-ѣтъ* и пр. Поэтому для объясненія формы *вѣдѣтъ* необходимо признать тему не *вѣд-*, а *вѣди-*, которая появляется въ неопредѣленномъ наклоненіи въ формѣ *вѣди-*: *вѣди-ти*, подобно тому, какъ тема *види-* является въ неопредѣленномъ наклоненіи въ формѣ *видѣ-*: *видѣ-ти*. Если форма третьяго лица множ. числа *вѣдѣтъ* образовалась изъ темы *вѣди-*, а не изъ темы *вѣд-*; то нужно признать, что и прочія личные формы глагола *вѣди-ти* образуются изъ темы *вѣди-*, а не изъ *вѣд-*, но съ опущеніемъ тематическаго гласнаго звука *и*; такъ: 1. *вѣ-мъ* вм. *вѣд-мъ* изъ *вѣди-мъ*, 2. *вѣ-си* вм. *вѣд-си* изъ *вѣди-си*, 3. *вѣ-тъ* вм. *вѣд-тъ* изъ *вѣди-тъ* и пр. Какъ въ глаголѣ *вѣдѣти* темой для образованія личныхъ формъ настоящаго времени служитъ ф. *вѣди-*, такъ и въ глаголахъ *дати* и *ѣсти* (вм. *ѣд-ти*) слѣдуетъ признать темиами для образованія личныхъ формъ: *дади-*, *ѣди-*, на что точно также указываютъ формы: *дадѣтъ*, *ѣдѣтъ*. Въ русскомъ языкѣ доселѣ уцѣлѣли формы съ указаніемъ темъ на *и* въ данныхъ глаголахъ, какъ то: *идѣ-мъ*, *идѣ-те*, *идѣтъ*; *ѣдѣ-мъ*, *ѣдѣ-те*, *ѣдѣтъ* и *ѣдѣтъ*. Въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ эти формы въ повелительномъ наклоненіи, о чемъ—ниже. Представимъ ради наглядности всѣ формы настоящаго времени данныхъ глаголовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ:

- Ед. ч. 1 л. *вѣ-мъ* (вм. *вѣд-мъ* изъ *вѣди-мъ*), *ѣ-мъ* (вм. *ѣд-мъ* изъ *ѣди-мъ*), *да-мъ* (вм. *дад-мъ* изъ *дади-мъ*),
 2 л. *вѣ-си* (вм. *вѣс-си* или *вѣд-си* изъ *вѣди-си*), *ѣ-си* (вм. *ѣс-си* или *ѣд-си* изъ *ѣди-си*), *да-си* (вм. *дас-си* или *дад-си* изъ *дади-си*).
 3 л. *вѣ-тъ* (вм. *вѣд-тъ* изъ *вѣд(и)-тъ*), *ѣ-тъ* (вм. *ѣд-тъ* изъ *ѣд(и)-тъ*), *дас-тъ* (вм. *да-тъ* изъ *дад(и)-тъ*).
 Дв. ч. 1 л. *вѣ-вѣ* (вм. *вѣд-вѣ* изъ *вѣди-вѣ*), *ѣ-вѣ* (вм. *ѣд-вѣ* изъ *ѣди-вѣ*), *да-вѣ* (вм. *дад-вѣ* изъ *дади-вѣ*).

2 и 3 л. *ѣс-та* (вм. *ѣд-та* изъ *ѣд(у)-та*), *іас-та* (вм. *іад-та* изъ *іад(у)-та*), *дас-та* (вм. *дад-та* изъ *дад(у)-та*).

Множ. ч. 1 л. *ѣмъ* (вм. *ѣд-мъ* изъ *ѣд(у)-мъ*), *іа-мъ* (вм. *іад-мъ* изъ *іад(у)-мъ*), *да-мъ* (вм. *дад-мъ* изъ *дад(у)-мъ*).

2 л. *ѣс-те* (вм. *ѣд-те* изъ *ѣд(у)-те*), *іас-те* (вм. *іад-те* изъ *іад(у)-те*), *дас-те* (вм. *дад-те* изъ *дад(у)-те*).

3 л. *ѣд-ѣтъ* (изъ *ѣди-ѣтъ*), *іад-ѣтъ* (изъ *іади-ѣтъ*), *дад-ѣтъ* (изъ *дади-ѣтъ*).

Признавъ формы: *ѣди-*, *іади-*, *дади-* за темы личныхъ формъ настоящаго времени, мы видимъ изъ этихъ формъ, что темы вполне удержались только въ третьемъ лицѣ множественнаго числа; во всѣхъ другихъ лицахъ исчезаетъ тематическій гласный зв. *и*, а въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ личные суффиксы начинаются звуками *м*, *с* и *с* исчезаетъ цѣлый слогъ *ди*, или, точнѣе сказать, исчезаетъ не только тематическій зв. *и*, но и согласный зв. *д*. Это явленіе объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ: въ третьемъ лицѣ множественнаго числа вполне удержалась тема съ окончаніемъ *и*, потому что этотъ гласный звукъ нашелъ себѣ опору въ другомъ гласномъ звукѣ, принадлежащемъ личному суффиксу, котораго основная форма есть *anti*; во всѣхъ другихъ лицахъ тематическій гласный звукъ *и* не могъ удержаться, потому что личные суффиксы въ нихъ начинаются согласными звуками т. е. сохраняются въ своей первоначальной основной формѣ: *-mi*, *-si*, *-ti*; *-vas*, *thas*, *tas*; *mas*, *tha*, или въ славянской формѣ: *-мъ*, *-си* *-тъ*; *-ѣ*, *-та*; *-мъ*, *-те*. Звукъ же коренной *д* въ славянскомъ языкѣ передъ звуками: *м*, *с* и *с* можетъ подвергаться ассимиляціи и выпадать. Выпущеніе цѣлаго слога *ди* въ данномъ случаѣ находитъ себѣ аналогію въ русской формѣ *вишь* вм. *видишь*.

Отсюда слѣдуетъ: во 1-хъ, что древнѣйшіе суффиксы личныхъ формъ настоящаго времени могутъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ присоединяться не только къ глагольной темѣ на согласный звукъ, какъ въ глаголѣ *ѣс-мъ*, но и къ темамъ на гласный звукъ, какъ въ глаголахъ *ѣдѣти*, *іасти* и *дати*, подобно греческому языку, напр. въ гл. *φη-μι* *εἶ-μι*, *ἴ-στα-μαι*, *καί-ται*, *δίδω-μι*, *ἵ-η-μι*, *ἵ-οτη-μι* и др. ¹⁾; во 2-хъ, если глагольная тема заканчивается глагольнымъ звукомъ *и*, то этотъ звукъ удерживается только предъ такимъ личнымъ суффик-

¹⁾ G. Curtius. Das Verbum der griechischen Sprache. Leipzig, 1873. 1 B. Seit. 143—146, 151—156.

сомъ, который начинается также гласнымъ звукомъ; въ 3-хъ, основному суффиксу третьего лица множественнаго числа *anti* въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ всегда соответствуетъ суффиксъ *ѣтъ*, который можетъ видоизмѣняться въ суффиксъ *ѣтъ* только въ томъ случаѣ, если глагольная тема заканчивается гласнымъ звукомъ *и*. Поэтому, какъ форма *сѣтъ* отъ темы на согласный звукъ *кс*-, такъ и формы: *вѣдѣтъ*, *пѣдѣтъ*, *дадѣтъ* отъ темъ на гласный звукъ *и* образовались въ древнемъ церковнослав. языкѣ совершенно правильно и не представляютъ никакого противорѣчія между собою по отношенію къ основному суффиксу *anti*.

Что касается до русской ф. *дадутъ* при формахъ *ѣдѣтъ* и *дадѣтъ*, то она относится къ этимъ послѣднимъ точно также, какъ сербская ф. *дадѣ*—къ формамъ: *даде*, *вѣде* или древн. *вѣдетъ*, въ которыхъ зв. *е* соответствуетъ др. ц. сл. *ѣ*. Въ нынѣшнемъ сербскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, др.ц.славянскій глаголь *вѣдѣти* вышелъ изъ употребленія. Два другіе глаголы *пастѣ* и *дати* имѣютъ въ сербскомъ языкѣ слѣдующія формы третьего лица мн. ч. *дадѣ*—русск. *дадутъ*, и *ѣдѣ*—*ѣ* по южному говору, *јѣдѣ*—*ѣ* по восточному. Форма *јѣду* или *ију*, можно сказать, опередила своимъ образованіемъ русскую форму *ѣдѣтъ*. Въ хорутанскомъ языкѣ донынѣ равно употребительны всѣ три глагола и имѣютъ слѣдующія формы третьего лица мн. ч.: *ведѣ-ѣ* (*vej-o*), *једѣ-ѣ* (*jej-o*), *дадѣ-ѣ* (*daj-o*), въ которыхъ *ѣ* соответствуетъ древнему церковнославянскому *ѣ*, а какъ личное окончаніе *вм. ѣ* (*t*), соответствуетъ древнему церковнослав. суффиксу *ѣтъ*, какъ напр. въ ф. *гредѣ-ѣ* (*grej-o*)—др. ц. сл. *гредѣ-ѣтъ*. Но всѣ эти формы, какъ сербскія на *ѣ*, такъ и хорутанскія на *ѣ*, по своему образованію, относятся къ позднѣйшему времени. Это видно изъ того, что въ древнемъ сербскомъ языкѣ XVI в. существовала ф. *вѣдетъ*: *не вѣдетъ что творѣтъ* ¹⁾—*не вѣдѣтъ что творѣтъ*. Въ XVI в. существовала ф. *вѣде* безъ суффикса *тъ*; до конца XV в. употреблялась и ф. *даде*, которая прежде звучала безъ сомнѣнія: *дадѣтъ*; и только съ конца XIV в. появляется форма *даду* ²⁾, которая мало по малу и вытѣснила изъ употребленія древнюю форму *даде*. Иско, что и русская ф. *дадутъ* принадлежитъ, по своему образованію, болѣе позднему времени, чѣмъ форма *ѣдѣтъ* и народн. *дадѣтъ*. Очевидно, что всѣ эти позднѣйшія формы третьего лица мн. числа, какъ въ южныхъ славянскихъ язы-

¹⁾ В. Дамичиѣ. Рѣчникъ изъ книжовныхъ старина српскихъ. Дно први. стр. 195.

²⁾ Его ж.: Исторія облика 1874 г. стр. 291.

кахъ, такъ и въ русскомъ языкѣ (*дадутъ*), образовались уже отъ темъ на согласный звукъ *d*: *ѣд—*, *ид—*, *дад—*.

Отсюда само собою вытекаетъ, 1) что вышеуказанныя темъ *ѣди—*, *иди—*, *дади—* древнѣе темъ: *ѣд—*, *ид—*, *дад—*; 2) что если глагольная тема заканчивается на согласный звукъ, то суффиксъ третьяго лица множ. числа настоящаго времени получаетъ такую форму, которой въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ соответствуетъ форма *ѣтъ*, каковую видимъ въ гл. *с-ѣтъ*. Поэтому, если въ нынѣшнихъ югославянскихъ формахъ третьяго лица множ. числа данныхъ глаголовъ слѣдуетъ признать за темъ формы: *ѣд—*, *ид—*, *дад—*, (а равно и въ русской ф. *дадутъ*), то и въ другихъ личныхъ формахъ не можетъ быть другихъ темъ кромѣ формъ: *ѣд—*, *ид—*, *дад—*. На этомъ же основаніи мы, признавая въ формахъ: *вед-ѣтъ*, *нес-ѣтъ*, *мои-ѣтъ* и др. за темъ третьяго лица множеств. числа формы: *вед—*, *нес—*, *мои—*, утверждаемъ, что и для другихъ лицъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ не можетъ быть иныхъ темъ кромѣ *вед—*, *нес—*, *мои—*. О томъ, куда отнести звукъ *e* въ формахъ, каковы, напримѣръ, *вед-е-ши*, *вед-е-тъ*, и т. п., скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Древность темъ *ѣди—*, *иди—*, *дади—* подтверждается немногими встрѣчающимися кое-гдѣ въ древнихъ славянскихъ памятникахъ письменности формами причастій настоящаго времени. Самые употребительныя въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ причастныя формы отъ этихъ глаголовъ слѣдующія: *ѣд-ѣи*, для женск. р. *ѣд-ѣиши*; *ид-ѣи*, для женск. р. *ид-ѣиши*; *дад-ѣи*, для женск. р. *дад-ѣиши*. Онѣ, очевидно, образовались отъ темъ: *ѣд—*, *ид—*, *дад—*. Если тематическій гласный звукъ *i* не могъ удержаться по вышеизложенной нами причинѣ въ самихъ личныхъ формахъ настоящаго времени; то нѣтъ ничего страннаго, что онъ не удержался въ темахъ для образованія формъ причастныхъ. Но что онъ нѣкогда принадлежалъ и этимъ послѣднимъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Миклошичъ указываетъ на встрѣчающуюся рѣдко въ супр. рукописи (XI в.) форму *ѣдѣи*¹⁾. Кромѣ того онъ указываетъ и ф. *дадѣи*²⁾ и признаетъ ее древнѣе формы *дади*. Именно онъ говоритъ: „*дади* супр. 206, 21; 308, 12. Alter ist wol *дадѣи* und daraus *дади* nest. *дуда* svjat.—ор.“

¹⁾ Vergl. gramm. III, 164, § 205.

²⁾ Altslovenische Formenlehre in paradigmatischer Darstellung mit Texten aus glagolitischen Quellen. Wien. 1874 стр. 53—54.

(стр. 53). На 54 стр. „das part. praes. act. *идѣ*, *идѣ*“. Хотя онъ и не указываетъ, гдѣ именно встрѣчается ф. *идѣ*; но существованіе ея въ древнѣйшую эпоху языка въ виду формъ *вѣдѣ*, *дадѣ* не подлежитъ сомнѣнію. Это впрочемъ не даетъ права утверждать, что форма *сѣ*, встрѣчающаяся вмѣстѣ съ формою *сѣ* въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ, древнѣе послѣдней. Западныя славянскія формы: словацк. *vediac*, *jediac*, польск. *wiedząc* (вм. *wiedząc*), *jedząc*, (вм. *jedząc*), верх. луж. *wjędz-o* (вм. *wjędj-o*), *jędz-o* (вм. *jędj-o*), ниж. луж. *wjet-ecu* (вм. *wjedj-ecu*), *jēt-ěcy* (вм. *jedj-ecu*) говорятъ въ пользу существованія древнѣйшихъ формъ: *вѣдѣ*, *идѣ*. Къ указаннымъ выше даннымъ относительно формъ *вѣдѣ*, *идѣ*, *дадѣ* можно прибавить еще одно свидѣтельство въ пользу употребленія этихъ формъ въ древнѣйшую эпоху языка. Во второй статкѣ фрейзингенской рукописи (X в.) форма *вѣдѣ* встрѣчается дважды въ одномъ предложеніи. Вотъ это мѣсто: „*ese ięset iuede stiuoril ili neuiuede. iuditi ili iuditi. xre ili bde*“¹⁾; по чтенію Востокова: „*ѣже ѣсмъ вѣдѣи сѣтворилъ или невѣдѣи. нѣдѣи или любѣи. сѣлѣ или бѣдѣ*“. Правильнѣе было бы читать: *ѣже ѣсмъ вѣдѣ сѣтворилъ или невѣдѣ. нѣдѣи или любѣи. сѣлѣ или бѣдѣ*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что формы: *иuede*, *neuiuede* такія-же причастныя формы, какъ и формы: *xre*, *bde*. Что образованіе формъ *вѣдѣ*, *идѣ*, *дадѣ* основывается на темахъ *вѣди*—, *иди*—, *дади*—, это подтверждается не только формою *видѣ* одного корня съ ф. *вѣдѣ*, но формами причастій настоящаго времени отъ всѣхъ безъ исключенія глаголовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, имѣющихъ темъ на и: *люби-ти*, *ходи-ти*, *роди-ти* и др. ²⁾.

Но самое убѣдительное доказательство въ пользу древнѣйшаго существованія темъ: *вѣди*—, *иди*—, *дади*—, представляютъ формы повелительнаго наклоненія, которыя остаются необъяснимыми на основаніи темъ *вѣд*—, *ид*—, *дад*—.

Формы повелительнаго наклоненія въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ слѣдующія:

Единств. ч. 2 и 3 л. *вѣждѣ*, *идждѣ*, *даждѣ*.

¹⁾ Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Изд. И. И. Срезневскаго. СПб. 1865 г. стр. 79 и 34.

²⁾ Формы *вѣдѣ* *плѣтѣ*, на которыя указываетъ Миклошичъ (altslovenische Formenlehre in paradigm. Wien. 1874. Einleitung XXXIII) могли образоваться только развѣ позднѣе формъ: *вѣдѣ*, *идѣ*, *дадѣ*, или по аналогіи другихъ глаголовъ, имѣющихъ темъ на гласный звукъ. Сравни формы въ русскомъ языкѣ: *идѣ*, *плѣтѣ*, *ведѣ*, *несѣ* и др.

Двойств. ч.	1 л.	<i>ѣдишъ, ѣдишъ, дадишъ.</i>
	2 и 3 л.	<i>ѣдита, ѣдита, дадита.</i>
Множ. ч.	1 л.	<i>ѣдишъ, ѣдишъ, дадишъ.</i>
	2 л.	<i>ѣдите, ѣдите, дадите.</i>

Характеромъ повелительнаго наклоненія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ признается звукъ *и*, который соответствуетъ основному суффиксу *jā*, служащему къ образованію въ санскритѣ наклоненія потенціальнаго, въ греческомъ языкѣ—желательнаго, а въ латинскомъ—сослагательнаго. Боппъ производитъ его вмѣстѣ съ суффиксомъ будущаго вр. *ja* отъ корня *i*—*желать* ¹⁾.

Принимая темы: *ѣд—*, *ѣд—*, *дад—* за основныя первоначальныя въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, Боппъ объясняетъ образованіе формъ *ѣждь, ѣждь, даждь* слѣдующимъ образомъ: "характеръ наклоненія (въ древн. церк. слав. яз.) спасъ отъ санскр. *jā* только полугласный звукъ (т. е. *j*), и такъ какъ во 2 л. потенціальнаго наклоненія единств. числа *s* отъ *jās*, ибо онъ съ самой глубокой древности находился при окончаніи, долженъ былъ исчезнуть (въ др. церк. слав. яз.) по общему фонетическому закону (т. е. др. ц. слав. языка, не терпящаго согласныхъ окончаній); то *ѣждь* (вм. *ѣджъ* соответствуетъ санскритскому *adja's* и латинск. *edīs*; *ѣждь* (вм. *ѣджъ*) санскр. *viājā's*, и *даждь* (вм. *dadj*)—греческому *didōis*, а еще болѣе санскритскому *dadja's*; потому что какъ славянская форма, такъ и санскритская утратила коренной гласный звукъ" (т. е. *дад—* вм. *дада—* по причинѣ редупликаціи корня). „Приведенныя славянскія формы имѣютъ въ то же время и значеніе формъ третьяго лица; потому что *jās* и *jāt* не могутъ различаться въ славянскомъ языкѣ, такъ какъ законъ уничтоженія согласнаго звука въ концѣ словъ также мало пощадилъ зв. *t*, какъ и зв. *s* и пр." ²⁾. Далѣе Боппъ приводитъ формы множ. числа: *ѣждимъ, ѣждимъ, даждимъ* и друг. Но такихъ формъ мы не знаемъ. Спрашивается, откуда при темахъ *ѣд—*, *ѣд—*, *дад—* появился *j* для образованія формъ повелительнаго наклоненія? непосредственно отъ санскритскаго суффикса *jā*? Невѣроятно, чтобы славянскія темы непосредственно соединялись съ санскритскими суффиксами. Пусть основная форма суффикса будетъ санскритскою, но она должна принять прежде славянскую форму, чтобы имѣть право соединяться съ славянскими темами. Мы понимаемъ, что санскрит-

¹⁾ Vergl. Gram. 2 Ausg. II, 560.

²⁾ Vergl. Gram. III, 5—6.

ская форма суффикса *já* можетъ лежать въ основѣ суффикса повелительнаго наклоненія и въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ; но рѣшительно отказываемся понять, чтобы санскр. суффиксъ *já* разложился на *j* и *á* для непосредственнаго сочетанія своей половины (именно *j*) съ темами языка славянскаго. Отъ подобнаго же недостатка не свободно и объясненіе Шлейхера. Онъ говоритъ: „2 и 3 ед. ч. *даждь*, *въждь*, *таждь* стоитъ вмѣсто *dadjъ*, *вндjъ*, *таdjъ*, а этотъ *jъ* вмѣсто болѣе полныхъ санскритскихъ формъ: *dad-jás*, *dad-ját*, *vid-jás*, *vid-ját*, отъ окончанія *-ás*, *-át* остается только *ъ*; греческій языкъ удерживаетъ въ *δαδωμι* гласный звукъ корня, поэтому не соотвѣтствуетъ точно: *δαδο-ιην*. Предъ окончаніемъ двойственнаго и множественнаго чиселъ, какъ въ санскритѣ въ цѣломъ среднемъ залогѣ (2 лицо ед. ч. *ad-i-thás*, 3. *ad-i-ta*, двойств. 1. *ad-i-váhi*, множ. 1. *ad-i-mahi* и т. д.), выпускается *á* изъ характера наклоненія *já* и удерживается только существеннѣйшая часть его, *i*, отсюда: *dad-и-въ*, *dad-и-та*, *dad-и-мъ*, *dad-и-те*, точно также и въ другихъ глаголахъ. Понимать и здѣсь *и*, какъ бы вмѣсто *ъ=jъ* и сравнивать эти формы съ санскритскими дѣйств. залога двойств. числа *ad-já-va*, *ad-já-tam*, *ad-já-ma*, *ad-já-ta* было бы не вѣрно, потому что тогда слѣдовало бы ожидать въ славянскомъ *даждьвъ*, передъ *j* зубные звуки измѣняются, но не передъ *и*. Эти предположенныя нами формы, множ. *даждьмъ* или—*мы*, 2 лицо *даждь-те* и т. д. равнымъ образомъ и отъ *тад* и *внд* есть у Добровскаго и Копитара (въ *Glag. Cloz.*), которые полагаютъ, что формы въ родѣ *дадимъ*—позднѣйшаго образованія. Напротивъ, у Миклошича есть только эти послѣднія съ *и*, а тѣ формы онъ считаетъ ложными (въ *Wiener Jarb.*, т. 105, стр. 69), потому что онѣ не встрѣчаются въ рукописяхъ и образованы Добровскимъ по аналогіи чешскаго глагола. И тѣ и другія объяснимы, но формы съ *jъ* (то-есть, приведенныя у Добровскаго и Копитара) имѣютъ противъ себя то, что *já* въ срединѣ словъ въ славянскомъ языкѣ никогда не переходитъ въ *jъ*, *ъ*¹⁾. Въ этомъ объясненіи многое представляется для насъ непонятнымъ. Шлейхеръ говоритъ, что суффиксъ *já=jъ*, а *jъ=ъ*, или *и*, въ формахъ: *въждь*, *таждь*, *даждь*; что *já* въ срединѣ словъ въ др. ц. слав. языкѣ никогда не переходитъ въ *jъ*, *ъ*. Спрашивается, во что же онъ переходитъ? этого не говоритъ Шлейхеръ. Далѣе, почему въ формѣ *дадимъ* звукъ *и* соотвѣт-

¹⁾ Die Formenlere der kirchenslavischen Sprache. v. D. Aug. Schleicher, Bonn. 1852. стр. 367—368.

ствуется одному *j*, который въ этомъ случаѣ вокализируется въ зв. *i*? Наконецъ, какимъ образомъ формы, какъ *даждь*, должны соответствовать въ санскритѣ формамъ дѣйствительнаго залога, а формы, какъ *дадимъ*, должны соответствовать въ санскритѣ же формамъ средняго залога? Какимъ образомъ ф. *даждь* образуется въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ непосредственно изъ *dadjъ*? Откуда взялся этотъ суффиксъ *jъ* въ самомъ славянскомъ языкѣ? И здѣсь, какъ въ объясненіи Боппа, трудно предположить, чтобы ф. *даждь* образовалась непосредственно изъ санскрит. *dad-jā-s* или *dad-jā-t*. Необходимо допустить, что суффиксъ *jā* прежде преобразился въ славянскую форму *и* или *ѣ*, а потомъ уже сталъ употребляться въ языкѣ для образованія той или другой формы. Но Шлейхеръ, очевидно, допустить этого не могъ; потому что, если основной суффиксъ *jā* принялъ въ славянскомъ языкѣ форму звука *и* или *ѣ*, то, присоединяясь къ темъ *дад*—подъ тѣмъ или другимъ видомъ, онъ не могъ образовать формы *даждь*, ибо зубные звуки въ древне церковнославянскомъ языкѣ передъ *и* или *ѣ* не смягчаются. Въ другомъ сочиненіи у Шлейхера мы читаемъ слѣдующее: „Въ древнемъ болгарскомъ языкѣ желательное наклоненіе играетъ роль повелительнаго. Поэтому темы настоящаго времени, оканчивающіяся звукомъ, принадлежащимъ корню, потерпѣли сильное сокращеніе первоначальнаго суффикса *jā*, напримѣръ, 2. 3. *вѣждь*, *даждь*, то-есть, *вѣdjъ*, *даdjъ*, основн. формы: 2. *vaid-jā-s*, 3. *vaid-jā-t*, 2. *dad-jā-s*, 3. *dad-jā-t*; множ. 1. *дадимъ*, 2. *дадите*; двойств. ч. 1. *дадива* 2. *дадита*, слѣдов. и *вѣдима*, тема настоящ. вр. *вѣд*, и т. д. показываютъ только *i* (*ѣ*) на мѣстѣ древнѣйшаго *jā*, *ja* (ср. средн. зал. въ арійск. и греч.), основн. формы: 1. *dad-jā-tas*, 2. *dad-jā-tas* при темѣ наст. вр. *дад*—изъ *дада*-, кор. *да*“. Здѣсь уже Шлейхеръ для формы *дадимъ* полагаетъ основною формою *dad-jā-tas* и пр. слѣд., уже допускаетъ то сравненіе, которое прежде считалъ невѣрнымъ. Но все-таки объясненіе формъ *вѣждь*, *даждь* непосредственно изъ *вѣdjъ*, *даdjъ* остается непонятнымъ.

Миклошичъ не допускаетъ объясненія ф. *вѣждь* непосредственно изъ *вѣdjъ*, а приравниваетъ суффиксъ *jъ* славянскому *ѣ*, и потому не видитъ никакого основанія для перехода звука *d* въ *жд* передъ звукомъ *ѣ*. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по слѣдующимъ его словамъ: „что *d* передъ *ѣ* 2 и 3 л. ед. ч. повелительнаго наклоненія переходитъ въ *жд*, и что этотъ переходъ для меня необъяс-

¹⁾ Compend. der vergl. Gram. 2 Ausg. 1866, стр. 719.

нимъ, объ этомъ я замѣтилъ выше¹⁾. Это читаемъ мы въ книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1856 г., слѣд., спустя четыре года послѣ книги Шлейхера *Formenlehre der kirchenslavischen Sprache*. 1852 г. Замѣтилъ же онъ объ этомъ въ I томѣ своей сравнит. грамматики, вышедшемъ въ 1852 г., стр. 187, слѣдующимъ образомъ: „слѣдуетъ ли *вѣтитъ* (ges, сравн. готск. *vaiht-s id.*) производить отъ *вѣтъ*? Если слѣдуетъ, то въ этомъ словѣ я также мало могу оправдать небный звукъ, какъ въ *рождѣство* при *родѣство*, въ *страждѣба* при *страдѣби*, и въ повелительныхъ *вѣждѣ*, *вѣждѣ*, *даждѣ*, *паждѣ*, которыя, мнѣ кажется, произошли изъ *види*, *вѣди*, *дади*, *пади* и стоятъ вмѣсто *видѣ*, *вѣдѣ* и т. д.“ Ясно, что для него объясненія какъ Боппа, такъ и Шлейхера, оказались неудовлетворительными.

Объ образованіи формъ *рождѣство* при *родѣство* смотри сочиненіе д-ра Гейтлера²⁾. Образование же формъ повелительнаго наклоненія: *даждѣ*, *вѣждѣ* и *паждѣ* объяснено Лудвигомъ³⁾ слѣдующимъ образомъ: „Если слав. *даждѣ* = *daddhi* (вмѣсто чего позднѣе *deli*), то *даждѣбоу* было бы равно *daddhiyadbhagah*. Этотъ вопросъ стоить тщательнаго изслѣдованія на славяно-литовской почвѣ. Сравнимъ, что говоритъ проф. Миклошичъ о необъяснимости *жд* въ *вѣждѣ*, *даждѣ*, *паждѣ*: *Formenlehre des altslovenischen* § 247. Можно было бы сказать и наоборотъ: такъ какъ ф. *даждѣбоу* можетъ быть правильно объяснена изъ *daddhiyat—bhagah*, то и *даждѣ* есть *daddhiya*, а *паждѣ*—*addhiya* (*ѣди*, и въ греческ. нѣтъ *ѣди*). Ибо два положенія вѣрны: *даждѣ* въ *даждѣбоу* не можетъ быть повелительнымъ наклоненіемъ, а должно имѣть глагольное (причастное) значеніе, такъ какъ *боу* *bhagah* не значить „богъ“, а „счастье, богатство“ (сравни проф. Миклошича *Lexicon palaeosl. gr. 1. dispensator divitiarum*, какъ понимаемъ и мы. Сравни также *оубоу* проф. Гаттала объясняетъ *an-bhagas*). Съ *daddhiya* было бы совершенно ясно то, что сомнительно въ *даждѣ*. О *vêddhiya* см. *viddhiya* см. выше *bodhi* и пр. Относительно смягченія сравни *svadhiyâns* и *слажди*“. Едва ли можно найти что либо въ опроверженіе сравненія др. церк.-слав. формы *даждѣ* съ санскит. ф. *daddhiya*. Мы, по крайней мѣрѣ, считаемъ его вполне основательнымъ и вѣрнымъ. Оно проливаетъ свѣтъ не только на образованіе формъ повелительнаго наклоненія глаголовъ: *вѣдѣти*, *дасти* и *дати*, но и на образованіе

¹⁾ Vergl. Gram. der Slavischen Sprachen, т. III, 1856 г. стр. 163, § 247.

²⁾ Starobulgarská fonologie se stálým zřetelem k jazyku litevskému Dr. Leopold Geitler. v Praze. 1873, стр. 125.

³⁾ Der Infinitiv im Veda. Alfred Ludwig. Prag. 1871, стр. 136.

другихъ глаголовъ съ темою въ настоящемъ времени на *и*, какъ увидимъ ниже.

Если *ya* въ формѣ *daddhiya* есть суффиксъ, то темою, очевидно, будетъ *daddhi*. Эта тема въ славянскомъ языкѣ необходимо принимаетъ форму *dadu*- (см. *dadu*-); суффиксъ же *ya* принимаетъ форму *и*. Такимъ образомъ, формѣ *daddhi+ya* будетъ соответствовать въ славянскомъ языкѣ форма: *dadu+и*, въ которой суффиксъ *и*, не нѣтъ за собою опоры въ новыхъ какихъ либо звукахъ, могъ перейти съ тематическимъ *и* нъ *ѣ*; отсюда и ф. *даждь*, то-есть, *дадѣ*. Если мы придадимъ основному суффиксу *ja* (тоже что *ya*) форму суффикса потенціоннаго наклоненія въ санскритѣ *jā-* съ окончаніями 2 и 3 лица: *s* и *t* (то-есть: *jā-s*, *jā-t*); то отъ темы *daddhi* получимъ формы: *daddhi-jā-s*, *daddhi-jā-t*, которыя въ славянскомъ языкѣ соответствовали бы также только формамъ: *dadu+и-(с)*, *dadu+и-(т)*; а эти послѣднія, отбросивъ въ концѣ согласные указатели 2 и 3 лицъ, необходимо обращаются также въ форму *даждь*. Точно то же слѣдуетъ сказать и объ образованіи формъ *вѣждь* и *ѣждь* подъ непремѣннымъ условіемъ признанія темъ *вѣди*-, *ѣди*-, но не *вѣд*- и *ѣд*-, какъ думали прежде.

Въ двойственномъ и множественномъ числахъ суффиксъ повелительнаго наклоненія *и*, соединяясь съ личными суффиксами *-въ*, *-та*, *-мъ* *-те*, находитъ въ нихъ опору для своей гласности и потому сливается съ тематическимъ гласнымъ въ одинъ долгій звукъ *и*, отсюда: *дадѣвъ*, *дадѣта*, *дадѣмъ*, *дадѣте*; *вѣдѣвъ*, *вѣдѣта*, *вѣдѣмъ*, *вѣдѣте*, *ѣдѣвъ*, *ѣдѣта*, *ѣдѣмъ*, *ѣдѣте*, но не *даждѣвъ*, *даждѣте*, *даждѣмъ* и пр. Такимъ образомъ, формы повелительнаго наклоненія окончательно подтверждаютъ, какъ мы думаемъ, существованіе древнѣйшихъ темъ: *вѣди*-, *ѣди*-, *дади*-, а не темъ: *вѣд*-, *ѣд*-, *дад*-.

Что касается до формъ повелительнаго наклоненія въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ: *виждь*, *видита*, *видите* (послѣднія двѣ находятся въ Остр. Евангеліи), которыя, безъ сомнѣнія, имѣютъ тему *види*—; то онѣ, по всей вѣроятности, образовались въ ту древнѣйшую эпоху языка, когда глаголъ *видѣти* спрягался, подобно глаголу *вѣдѣти*, при помощи первоначальныхъ формъ личныхъ суффиксовъ: *-мъ*, *-си*, *-тъ* и т. д.

Въ западныхъ славянскихъ языкахъ формы повелительнаго наклоненія сохранились только отъ глаголовъ *вѣдѣти* и *ѣсти*. Глаголъ *дати* въ этомъ случаѣ вытѣсненъ изъ употребленія глаголомъ *дати*. Такъ, въ древнемъ чешскомъ: 2 и 3 л. единств. ч. *věz*, *jěz*—и только; въ новомъ чешскомъ: 2 л. ед. ч. *věz*, *jěz*; 1 л. мн. ч. *věz-te*, *jěz-te*;

2 л. мн. ч. *věs-te, jes-te*; въ словацкомъ: *veds, jeds; veds-me, jeds-me, veds-te, jeds-te*; въ польскомъ: *wiédz, jédz; wiédz-my, jédz-my; wiédzcie, jédzcie*; въ верхне-лужицкомъ: *wjes, jēs; дв. ч. 1. wjes-mój, jēs-mój; 2 и 3. wjes-taj, jēs-taj; мн. ч. 1. wjes-my, jēs-my, 2. wjes-ce, jēs-ce*. Въ русскомъ языкѣ сохранились формы повелительнаго наклоненія только отъ глагола *ѣс-ти* (= *ѣс-ть*); ед. ч. *ѣшь*, вл. *ѣжь* (соотвѣт. др.-сл. = *ѣждѣ*) и 2 л. *ѣшь-те*. Кромѣ того, въ сложной личной формѣ: *дадимте* (изъ *дади-мъ+те*).

Изъ сравненія древнихъ церковнославянскихъ формъ съ формами западныхъ славянскихъ языковъ и русскаго видно, что полное соотвѣтствіе между тѣми и другими ограничивается лишь формою 2 лица единств. числа, отъ которой по аналогіи всѣхъ другихъ глаголовъ образуются какъ въ западныхъ славянскихъ языкахъ, такъ и въ русскомъ, всѣ остальные личные формы такъ называемаго повелительнаго наклоненія. Только русская сложная личная форма *дадимте* указываетъ на бывшее когда-то употребленіе, или на возможность употребленія формъ *дадимъ, дадите* въ русскомъ языкѣ съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣли эти формы въ языкѣ древнемъ церковно-славянскомъ. Гл. *видѣть* въ русскомъ языкѣ не имѣетъ формъ соотвѣтствующихъ др. ц. славянскимъ формамъ повел. наклоненія: *виждѣ, видите*. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ славянскихъ языковъ въ одномъ только русскомъ языкѣ сохранились формы *дадимъ, дадите; ѣдимъ, ѣдите, ѣдятъ*, которыя употребляются съ значеніемъ личныхъ формъ настоящаго и будущаго времени. Эти формы неопровержимо свидѣтельствуютъ о существованіи древнѣйшихъ темъ *вѣди-, дади-, пади-* и, безъ сомнѣнія, принадлежать къ самой древней эпохѣ образованія личныхъ формъ въ славянскомъ языкѣ. Притомъ, если специализація употребленія ихъ въ значеніи личныхъ формъ повелительнаго наклоненія должна была выработаться въ языкѣ позднѣе изъ болѣе общаго, болѣе широкаго употребленія ихъ въ значеніи личныхъ формъ вообще; то русскій языкъ по отношенію къ древности образованія и употребленія данныхъ формъ удерживаетъ за собою преимущество предъ языкомъ древнимъ церковнославянскимъ, подобно тому, какъ онъ удерживаетъ его и по отношенію, напримѣръ, образованія такъ называемыхъ полногласныхъ формъ съ *оло, оро, еле, ере* ¹⁾.

¹⁾ Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus von Johannes Schmidt. 2-te Abtheil. Weimar. 1875. (стр. 71).

Образованіе личныхъ формъ изъ темъ *вѣди*-, *пади*-, *дади*- восходитъ къ той старинѣ, когда въ языкѣ еще жило сознаніе тематическаго звука *и* въ соединеніи съ корнями: *вѣд*-, *пад*-, *дад*-. Опредѣлить это время весьма трудно. Но, судя по древности формъ причастныхъ, образовавшихся уже отъ темъ *вѣд*-, *пад*-, *дад*-.: *вѣд-н*, *пад-н*, *дад-н* и почти вытѣснившихъ собою болѣе древнія формы отъ темъ: *вѣди*-, *пади*-, *дади*-.: *вѣд-а*, *пад-а*, *дад-а* изъ употребленія въ памятникахъ письменности XI в., можно полагать, что въ языкѣ сознаніе тематическаго *и* въ соединеніи съ корнями: *вѣд*, *пад*, *дад* жило приблизительно до X вѣка. Но съ теченіемъ времени тематическій звукъ *и* мало по малу сталъ сокращаться (такъ сказать: *изнашиваться*) въ произношеніи, и сначала, быть можетъ, перешелъ въ глухой *ь*, а наконецъ и совсѣмъ исчезъ; а за нимъ, вслѣдствіе встрѣчи двухъ согласныхъ, и коренной звукъ *д* въ иныхъ случаяхъ измѣнилъ свою форму, перейдя въ звукъ *с* (передъ *т*), а въ иныхъ также выпалъ. Такимъ образомъ темы *вѣди*-, *дади*-, *пади*- замѣнились въ образованіи многихъ формъ спряженія глаголовъ: *вѣдѣти*, *пасти* и *дати* темами: *вѣд*-, *пад*- и *дад*-. Относительно хорутанской формы повелит. наклоненія *vēdi* при формахъ: *jēj* (=дрцсл. *паждѣ*) и *daǰ* (=дрцсл. *даждѣ*) слѣдуетъ замѣтить, что она есть форма поздняя, образовавшаяся въ языкѣ по аналогіи другихъ глаголовъ, имѣющихъ тему настоящаго времени на *i*, какъ *chvali*. Это подтверждается употребленіемъ ея и въ сербскомъ языкѣ въ памятникахъ XVII вѣка¹⁾.

Теперь обратимся къ значенію тематическаго звука *и*. По нашему мнѣнію, оно можетъ быть совершенно правильно объяснено на основаніи соотвѣтствія между санскритскою формою: *daddhiya*- и славянскою *даждѣ*. Санскритская форма *daddhiya*, очевидно, состоитъ изъ корня: *dad*, тематическаго суффикса *dhi* и суффикса формы *ya*, то-есть *dad* + *dhi* + *ya*. Славянская же форма *даждѣ* состоитъ изъ корня *dad*, тематическаго суффикса *и* и суффикса повелительнаго наклоненія *и*, то-есть *dad* + *и* + *и*. Если суффиксъ повелительнаго наклоненія *и* соотвѣтствуетъ суффиксу *ya*, корень *dad* — корню санскр. *dad*; то тематическій звукъ *и* (въ *пади*-) соотвѣтствуетъ санскр. *dhi*, основная форма котораго есть *dhi* = слав. *дѣ*- (въ глаголѣ *дѣ-ти* — *дѣйствовать*, *полагать*, *говорить*²⁾); основное значеніе: *дѣйствовать*). Звукъ *д* (= *dh*) при *и* не могъ удержаться въ славянскомъ языкѣ

¹⁾ Даничичъ. Историја облича, стр. 336.

²⁾ Das Leben der Wurzel *dh* in den slavischen Sprachen, von D-r v. Jagić. Wien. 1871.

послѣ другаго *д*, принадлежащаго корнямъ: *ѣд*, *ѣд*, *дад*; поэтому, вмѣсто темъ *ѣдди*-, *ѣдди*-, *дадди*- (соотв. *daddhi*-), должны были образоваться темы *ѣди*-, *ѣди*-, *дади*-. Слѣдовательно, тематическимъ звукомъ *и* (соотвѣтствующимъ санскр. *dhi*) сообщалось корнямъ общее значеніе дѣйствія, то-есть то, что значеніе, присущее корнямъ, должно быть понимаемо въ смыслѣ дѣйствія. Отрѣшившись разъ въ языкѣ отъ своей согласной половины (отъ звука *д* = основн. *dhi*) для образованія глагольныхъ темъ, звукъ *и* могъ удобно примѣняться языкомъ къ образованію глагольныхъ темъ не только отъ корней, заканчивающихся согласнымъ звукомъ *д*, но и отъ корней, заканчивающихся другими согласными звуками. Сюда мы относимъ образованіе всѣхъ тѣхъ глаголовъ, которые въ славянскихъ языкахъ имѣютъ тему настоящаго времени, или личныхъ формъ, на звукъ *и*: *ходи-ти*, *роди-ти*, *сѣти-ти*, *сѣди-ти*, *хвали-ти*, *сѣмори-ти* и пр.

Отношеніе звука *и* темъ настоящаго времени въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ къ звуку *ѣ*, являющемуся въ темахъ неопредѣленнаго наклоненія отъ однихъ и тѣхъ же корней съ предыдущими, представляется такимъ же точно отношеніемъ, какое существуетъ между формою *dhi* и формою *dhi* = слав. *дѣ*. Слѣдовательно, форма неопредѣленнаго наклоненія *ѣдѣ-ти* вмѣсто *ѣдди-ти*. Поэтому звукъ *ѣ* въ темахъ неопредѣленнаго наклоненія тѣхъ глаголовъ, въ которыхъ темы личныхъ формъ образуются отъ корней помощію суффикса *и*, есть ничто иное, какъ остатокъ гласной половины основнаго корня *dhi* или слав. *дѣ*. Что касается до глаголовъ *ѣсти* и *дати*, то и имъ въ темахъ неопредѣленнаго наклоненія не чужды были нѣкогда формы болѣе полныя, именно: *дадѣ-ти* вмѣсто *дад* + *дѣ-ти* и *ѣдѣ-ти* вмѣсто *ѣд* + *дѣ-ти*. По крайней мѣрѣ, это предположеніе подтверждается съ одной стороны указанною Шафарикомъ формою прошедшаго времени *ѣдѣсомъ* (*сѣнефѣромъ*), которую Миклошичъ считаетъ не аористомъ, какъ бы слѣдовало по нашему мнѣнію, а *imperfectum*, и притомъ ошибкою писца¹⁾; съ другой стороны, тѣмъ, что отъ глагола *ѣдѣти* существуютъ формы аориста не только отъ полной темы неопредѣленнаго наклоненія *ѣдѣ-*: *ѣдѣ-хъ*, *ѣдѣ-хомъ* (вмѣсто *ѣдѣ-сомъ*), но и формы сокращенныя, какъ форма *ѣ-хъ*²⁾, подобная формамъ *да-хъ*, *ѣ-хъ* или *ѣ-съ*. Слѣдов. и на эти послѣднія формы можно смотрѣть, какъ на сокращенныя изъ *дадѣ-хъ*, *ѣдѣ-хъ*.

¹⁾ Vergl. gram. III, 164, § 249.

²⁾ Ibidem. § 248.

Но Миклошичъ и форму *въ-хъ* считаетъ также ошибкою писца. Мы же думаемъ, что формы: *въхъ* и *идъсомъ*, особенно послѣдняя, такъ же драгоценны, какъ и тѣ причастныя, весьма рѣдко встрѣчающіяся формы: *въдѣ*, *дадѣ*, о которыхъ было говорено выше. Мы видимъ, что всѣ эти формы не только сами объясняются на основаніи древнѣйшихъ полныхъ темъ: *въди-*, *иди-*, *дади-* для личныхъ формъ, и *въднъ-*, *иднъ-*, *даднъ-* для неопредѣленнаго наклоненія; но и проливаютъ свѣтъ какъ на образованіе всѣхъ другихъ формъ въ спряженіи данныхъ глаголовъ, такъ и на ихъ исторію. Рѣдко встрѣчающіяся формы и не поддающіяся съ перваго раза объясненію, принятому для обыкновенно употребительныхъ формъ, не могутъ по этой причинѣ считаться неправильностями, или ошибочными. Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ указать, въ чемъ состоитъ неправильность, или ошибочность формъ: *идъсомъ* и *въхъ*.

Темы неопредѣленнаго наклоненія по своему образованію всегда находятся въ тѣсной связи съ темами настоящаго времени. Поэтому, если древнѣйшее существованіе темъ настоящаго времени: *въди-иди-*, *дади-*, какъ намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію; то трудно отрицать и древнѣйшее существованіе темъ для неопредѣленнаго наклоненія: *иднъ-*, *даднъ-* при неподлежащемъ сомнѣнію существованіи темы *въднъ-*. Въ противномъ случаѣ, было бы невозможно найти связь между формою неопредѣленнаго наклоненія *дати* и формою, на примѣръ, 3 л. множ. числа настоящаго времени: *дадѣтъ*, или между формою неопредѣленнаго наклоненія *въднѣти* и формою, на примѣръ, 1 л. единств. числа настоящаго времени *въмъ*. Да и въ самихъ формахъ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ: *въднѣти*, *идѣти* и *дати* невозможно было бы открыть ничего общаго, если бы нельзя было видѣть въ нихъ не болѣе, какъ видоизмѣненія одинаковой для всѣхъ тематической формы. Если бы въ основѣ образованія этихъ глаголовъ не было единства: то не было бы единства и въ основѣ образованія всѣхъ соотвѣствующихъ формъ ихъ спряженія. Между тѣмъ присутствіе этого единства замѣчается при самомъ поверхностномъ взглядѣ на спряженіе данныхъ глаголовъ. Дѣйствительно, какъ изъ формы *идѣти* съ опущеніемъ звука *н*, не принадлежащаго корню, образуется форма *идѣ-ти* вмѣсто *ид-ти*, такъ изъ формы *въднѣти*, съ опущеніемъ того же звука *н*, не принадлежащаго корню, образуется форма *въдѣ-ти*, на которую указываетъ Копитаръ ¹⁾. Но отъ формы

¹⁾ Glagolita. Clozianus. Vindobonae. MDCCCXXXVI, pag. 63.

дадѣти съ опущеніемъ звука *ъ*, не принадлежащаго корню, для обозначенія этого послѣдняго по аналогіи предыдущихъ глаголовъ долженъ былъ отпасть и звукъ *д*, какъ тоже не принадлежащій корню, но представляющій лишь его удвоеніе, и потому могла образоваться только форма *дати*. Такимъ образомъ, связь по образованію между формами неопредѣленнаго наклоненія всѣхъ трехъ глаголовъ становится понятною.

И такъ, въ основаніи спряженія глаголовъ: *въдѣти*, *исти* и *дати* лежатъ древнѣйшія темы двухъ разрядовъ: 1) *въди-*, *иди-*, *дади*; 2) *въдѣ-*, *идѣ-*, *дадѣ-*. Въ этихъ темахъ конечные гласные звуки: *и* и *ѣ*, не принадлежащіе корню, могутъ выпускаться и оставлять по себѣ одни глагольные корни: *въд-*, *ид-*, *дад-*. Эти послѣдніе и легли въ основаніе позднѣйшаго спряженія, мало по малу вытѣснившаго изъ употребленія формы древнѣйшаго спряженія, за исключеніемъ весьма немногихъ. Признавъ тематическіе звуки *и* и *ѣ* остатками гласной половины основнаго корня *dhâ*, мы видимъ теперь, что этотъ корень участвуетъ въ образованіи глагольныхъ темъ древнецерковнославянскаго языка какъ своею согласною, такъ и гласною половиною. Помощію согласной его половины, т. е. *dh*, которая въ славянскомъ языкѣ имѣетъ форму звука *д*, образуются темы: *бѣд-*, *ид-*, *пад-* (русск. *ѣд-* въ *ѣду*) глаголовъ: *бѣти*, *ити*, *пхати*; помощію гласной его половины, то-есть, *â* или *î*, которая въ славянскомъ языкѣ является въ форм. *ъ* и *и*, образуются глагольные темы на *и*, которые въ неопредѣленномъ наклоненіи нѣкоторыхъ глаголовъ принимаютъ форму темъ на *ъ*. Согласная половина отошла къ корнямъ на гласный звукъ, а гласная—къ корнямъ на согласный звукъ; такъ, въ темахъ *бѣд-*, *ид-*, *пад-* звукъ *д*, соответствующій согласной половинѣ *dh* корня *dhâ* присоединился къ корнямъ на гласный звукъ: *бѣ*, *и* и *п*; а въ темахъ: *въди-*, *иди-*, *дади-*, *види-*, *ходи-*, *роди-*, *хвали-*, *смотри-* и пр. звукъ *и*, соответствующій гласной половинѣ *î* формы *dhî* корня *dhâ* присоединился къ корнямъ на согласные звуки: *въд-*, *ид-*, *дад-*, *вид-*, *ход-*, *род-*, *хвал-*, *мотр* и пр. Но какъ звукъ *д*, такъ и звукъ *и*, равно заканчиваютъ собою глагольную тему настоящаго времени.

Изъ спряженія глаголовъ *въдѣти*, *исти* и *дати* мы видѣли, что тематическій звукъ *и* въ личныхъ формахъ, за исключеніемъ формъ 3-го л. множ. числа, выпадаетъ; но изъ спряженія всѣхъ другихъ глаголовъ древняго церковнославянскаго языка мы видимъ, что онъ остается постоянно во всѣхъ личныхъ формахъ настоящаго времени;

такъ напримѣръ: 1. *виждѣ* вм. *видѣ-ѣ* изъ *види-ѣ*, 2. *види-ши*, 3. *види-тъ*; двойств. ч. 1. *види-въ* 2 и 3. *види-та*; множ. ч. 1. *види-мъ*, 2. *види-те*, 3. *видѣтъ* вм. *видѣтъ* изъ *виѣ-онть*. Всюду тема *види-*, Чѣмъ же объясняется это явленіе? Если мы сравнимъ форму 1-го лица отъ темы *види-*: *въ-мъ* вм. *въд-мъ* изъ *въд(и)-мъ* съ формою 1-го лица отъ темы *види-*: *виждѣ* вм. *видѣ-ѣ* изъ *види-ѣ*: то увидимъ, что существенное различіе между тою и другою формою, какъ формою 1-го лица ед. числа настоящаго времени, заключается въ личныхъ суффиксахъ той и другой формы: личный суффиксъ формы *въ-мъ* есть *мъ*; личный суффиксъ формы *виждѣ* есть *ѣ*. Между этими двумя суффиксами—огромная разница: *мъ* есть суффиксъ первичный по своему образованію; *ѣ* же есть суффиксъ позднѣйшій, образовавшійся на славянской почвѣ изъ *ом*, для котораго основная форма есть *ам*. Первый начинается согласнымъ звукомъ, второй — гласнымъ. При встрѣчѣ съ первымъ суффиксомъ тематическій звукъ *и* не находитъ въ немъ ни малѣйшей опоры для поддержанія своей гласности и потому слабѣетъ и исчезаетъ; при встрѣчѣ со вторымъ суффиксомъ тематическій звукъ *и* находитъ себѣ опору въ новомъ гласномъ элементѣ, вступаетъ съ нимъ въ опредѣленные отношенія и такимъ образомъ удерживается на своемъ мѣстѣ. Если первоначальный основной суффиксъ 1-го лица *мъ* (=основн. *ти*) съ теченіемъ времени измѣнился въ *ѣ* или *ом* (=основн. *ам*) существеннымъ образомъ въ томъ, что принявъ впереди гласный звукъ и отбросилъ тотъ, который стоялъ позади; то естественно, что и всѣ другіе первоначальные личные суффиксы должны были перейти въ позднѣйшіе посредствомъ присоединенія къ себѣ впереди гласнаго звука. Первообразомъ спряженія глаголовъ съ помощію позднѣйшихъ личныхъ суффиксовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, по нашему мнѣнію, служитъ глаголъ *имаамъ*, который спрягается съ помощію личныхъ суффиксовъ, сопровождаемыхъ гласнымъ звукомъ; а именно: тема *има*—

Единств. число 1 л. *има - амъ*

2 л. *има - аши*

3 л. *има - ать*

Двойств. число 1 л. *има - авъ*

2 и 3 л. *има - ата*

Множ. число 1 л. *има - амъ*

2 л. *има - ате*

3 л. *им-ѣ-тъ* изъ *има - антъ*.

Форма *имѣти* изъ *има-ати* показываетъ, что тематическій гласный звукъ можетъ сливаться съ гласнымъ, сопровождающимъ личный суффиксъ, въ одинъ звукъ. Что же касается до формъ: *имамъ* *имаши*, *имать*, *имаетъ*, *имата*; *имамъ*, *имате*, *имѣти*; то онѣ представляютъ собою стяженіе предыдущихъ формъ. Въ этомъ убѣждаетъ ф. 2 л. ед. ч. *имаши*, гдѣ звукъ *ш*, очевидно, указываетъ на суффиксъ вторичнаго образованія, основная славянская форма котораго, какъ видимъ, есть *-аши*. Форма корня *им* могла образоваться изъ ф. ѣм (*ѣз-ѣм-ѣ*) вслѣдствіе усиленія кореннаго гласнаго ѣ посредствомъ присоединенія къ корню ѣм звука *а* для образованія темъ *има-*, подобно темъ *на-чина-* (въ глаголѣ *на-чина-ти*) отъ корня *чѣн-* (въ *на-чѣм-ѣ* *на-чѣл-ти*) и др. Кромѣ того отъ корня ѣм=*ѣ* существуютъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ формы: *им-ѣ*, *им-еши*, *им-еть* и т. д. слѣд. формы: *имамъ*, *имаши* и пр. необходимо должны быть объясняемы на основаніи стяженія формъ: *има-амъ*, *има-аши* и пр. Къ формамъ *им-ѣ*, *им-еши* относится и причастіе *им-ѣи*, *им-ѣици*. Миклошичъ однако признаетъ, не только для ф. *имѣти*, но и для ф. *имѣи* тему *има* ¹⁾. Съ этимъ трудно согласиться.

Если между темою глагола и личными суффиксами, имѣющими при себѣ гласный звукъ, появляется *ј*, который служитъ къ раздѣленію гласныхъ при уничтоженіи зіянія; то гласный звукъ *а*, сопровождающій личные суффиксы, подъ вліяніемъ *ј*-та видоизмѣняется въ своей формѣ, какъ это видно изъ спряженія того же глагола съ приставкою *ѣз*, слѣдующимъ образомъ:

Единственное число.

- 1 л. (*ѣз*)*има-ј-амъ* = (*ѣз*)*има-ј-омъ* = (*ѣз*)*има-ј-ѣ* = (*ѣз*)*има-ѣи*.
- 2 л. (*ѣз*)*има-ј-аши* = (*ѣз*)*има-ј-еши* = (*ѣз*)*има-ѣиши*
- 3 л. (*ѣз*) *има-ј-ать* = (*ѣз*) *има-ј-еть* = (*ѣз*) *има-ѣти*

Двойственное число.

- 1 л. (*ѣз*)*има-ј-авъ* = (*ѣз*)*има-ј-евъ* = (*ѣз*)*има-ѣи*
- 2 3 л. (*ѣз*)*има-ј-ата* = (*ѣз*)*има-ј-ета* = (*ѣз*)*има-ѣи*.

Множественное число.

- 1 л. (*ѣз*)*има-ј-амъ* = (*ѣз*)*има-ј-емъ* = (*ѣз*)*има-ѣи*.
- 2 л. (*ѣз*)*има-ј-ате* = (*ѣз*)*има-ј-сте* = (*ѣз*)*има-ѣи*.
- 3 л. (*ѣз*)*има-ј-ають* = (*ѣз*)*има-ј-онть* = (*ѣз*)*има-ѣи*.

¹⁾ Altšov. Formenlehre in paradig. 1874, стр. 45.

Отсюда видно, что гласный звукъ *а*, сопровождающій личные суффиксы, послѣ *ј*, измѣняется въ 1 лицѣ единственнаго числа и въ 3 л. множественнаго числа въ *о*, потому что *ѣ* на славянской почвѣ образуется изъ *ом* или *он*; во всѣхъ другихъ личныхъ формахъ—въ *е*.

Далѣе изъ формъ *има-ѣѣ*, *има-ѣѣи* и пр. съ опущеніемъ тематическаго звука *а*, образуются формы: *ѣма-ѣѣ*, *ѣма-ѣѣи*, *ѣма-ѣѣть*; *ѣма-ѣѣтъ*, *ѣма-ѣѣта*; *ѣма-ѣѣѣ*, *ѣма-ѣѣте*, *ѣма-ѣѣтъ*, въ которыхъ коренной гласный *и*, можетъ быть, въ замѣну опущенія тематическаго *а*, принялъ форму звука *ѣ*.

Такъ какъ *ј*, съ одной стороны, есть звукъ согласный, съ другой, представляетъ собою видоизмѣненіе гласнаго звука *и*; то отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, то, что если позднѣйшіе личные суффиксы присоединяются къ глагольной темѣ, заканчивающейся согласнымъ звукомъ, то они должны имѣть слѣдующія формы: для 1 л. ед. ч.—*ом*=*ѣ*, для 1 л.—*ѣи*, для 3 л.—*ѣтъ*; для 1 л. двойств. ч.—*ѣтъ*, для 2 и 3 л.—*ѣта*; для 1 л. множ. ч.—*ѣѣ*, для 2 л.—*ѣте*, для 3 л.—*ѣтъ*=*ѣѣтъ*; во вторыхъ, то, что если позднѣйшіе личные суффиксы присоединяются къ глагольной темѣ, заканчивающейся гласнымъ звукомъ *и*, то гласный звукъ личныхъ суффиксовъ долженъ уподобляться тематическому звуку, то-есть, принимать форму звука *и*; потому что, если *ј*, образующійся изъ звука *и*, заставляетъ гласный звукъ *и* личныхъ суффиксовъ суживаться въ звукъ *е*, то звукъ *и* въ соединеніи съ слѣдующимъ за нимъ *ј*-томъ суживаетъ гласный звукъ *а* личныхъ суффиксовъ еще на одну степень болѣе. Такимъ образомъ, звукъ *о*, стоящій послѣ *ј*, обращается въ звукъ *е*, если *ј* слѣдуетъ за звукомъ *и*; а звукъ *е*, стоящій послѣ *ј*, обращается въ болѣе узкій звукъ *и*. Поэтому позднѣйшіе личные суффиксы, присоединяясь къ глагольной темѣ на *и*, получаютъ слѣдующія формы: для 1 л. единств. числа—*ѣм*=*ѣѣ*, для 2 л.—*ѣи*, для 3 л.—*ѣтъ*; для 1 л. двойств. ч.—*ѣѣтъ*, для 2 и 3 л.—*ѣта*; для 1 л. множ. ч.—*ѣѣѣ*, для 2 л.—*ѣте*, для 3 л.—*ѣѣтъ*=*ѣѣѣтъ*. Послѣ этого тематическій звукъ *и*, встрѣчаясь съ другимъ звукомъ *и*, принадлежащимъ личнымъ суффиксамъ, и имѣя въ немъ опору для своей гласности, соединяется съ этимъ послѣднимъ въ одинъ звукъ; напримѣръ, тема *хвали*—

Ед. ч.	1 л. <i>хвалиѣ</i>	Вм. <i>хвали-ѣм</i>	изъ <i>хвали-ј-ом</i> .
	2 л. <i>хвалиѣи</i>	Вм. <i>хвали-ѣи</i>	изъ <i>хвали-ј-ѣи</i> .
	3 л. <i>хвалиѣтъ</i>	Вм. <i>хвали-ѣтъ</i>	изъ <i>хвали-ј-ѣтъ</i> .
двойств. ч.	1 л. <i>хвалиѣѣтъ</i>	Вм. <i>хвали-ѣѣтъ</i>	изъ <i>хвали-ј-ѣѣтъ</i> .
	2 и 3 л. <i>хвалиѣта</i>	Вм. <i>хвали-ѣта</i>	изъ <i>хвали-ј-ѣта</i> .

МНОЖ. Ч.	1 л. <i>хвалимъ</i>	ВМ. <i>хвали-имъ</i>	ИЗЪ <i>хвали-ѣ-емъ</i> .
	2 л. <i>хвалите</i>	ВМ. <i>хвали-ите</i>	ИЗЪ <i>хвали-ѣ-ете</i> .
	3 л. <i>хвалятъ</i>	ВМ. <i>хвали-ѣтъ</i>	ИЗЪ <i>хвали-ѣ-онть</i> .

На основаніи всего вышесказаннаго мы дѣлимъ личные суффиксы въ спряженіи славянскихъ глаголовъ на слѣдующія формы:

А) древнѣйшая форма.   Б) позднѣйшія формы:

1-я форма.			2-я форма.		
Ед. ч.	1 л.—мъ	Ед. ч. 1 л.—ом=ѣ	Ед. ч. 1 л.—ѣм=ѣ		
	2 л.—си	2 л.—еши	2 л.—иши		
	3 л.—тъ	3 л.—еть	3 л.—итъ		
двойств. ч.	1 л.—ѣтъ	дв. ч. 1 л.—ѣтъ	дв. ч. 1 л.—ѣтъ		
	2 и 3 л.—та	2 и 3 л.—ѣта	2 и 3 л.—ѣта		
множ. ч.	1 л.—мъ	множ. ч. 1 л.—емъ	множ. ч. 1 л.—ѣмъ		
	2 л.—те	2 л.—ѣте	2 л.—ѣте		
	3 л.—онть	3 л.—ѣонть	3 л.—ѣѣтъ		
	(ѣтъ)	(ѣтъ)	(ѣтъ).		

По этимъ формамъ личныхъ суффиксовъ мы дѣлимъ всѣ глаголы въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ главнымъ образомъ на два спряженія: къ *первому* относимъ тѣ глаголы, которые спрягаются въ настоящемъ времени съ помощію древнѣйшей формы личныхъ суффиксовъ; ко *второму* относимъ тѣ глаголы, которые спрягаются въ настоящемъ времени съ помощію позднѣйшихъ формъ личныхъ суффиксовъ. Последнее спряженіе подраздѣляемъ на два вида: къ *первому* относимъ всѣ глаголы, у которыхъ личные суффиксы сопровождаются преимущественно звукомъ *с*; ко *второму* относимъ тѣ глаголы, у которыхъ личные суффиксы сопровождаются преимущественно звукомъ *и*, сливающимся съ звукомъ *и* глагольной темы. Другими словами, къ *первому* относятся всѣ глаголы, которыхъ темы настоящаго времени заканчиваются на согласные и гласные звуки, за исключеніемъ звука *и*; ко *второму* относятся только тѣ глаголы, которыхъ темы настоящаго времени заканчиваются звукомъ *и*. Такимъ образомъ мы устраняемъ существованіе соединительнаго гласнаго звука, этого *deus ex machina*, служившаго прежде основаніемъ для дѣленія глаголовъ на спряженія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и отступаемъ отъ нынѣ принятой системы дѣленія на основаніи тематическаго гласнаго звука, какъ несогласной, по нашему мнѣнію, съ строеніемъ формъ въ спряженіи славянскаго глагола. Отступленіе наше состоитъ въ томъ, что мы прежній соединительный гласный звукъ от-

носимъ не къ темѣ, какъ дѣлаютъ Миклошичъ и Даничичъ, а къ личнымъ суффиксамъ позднѣйшаго образованія. Мы полагаемъ, что онъ служитъ къ усиленію послѣднихъ и къ поддержкѣ окончаній самихъ темъ глагольныхъ.

Строеніе формъ въ спряженіи славянскаго глагола намъ кажется несогласнымъ съ теоріею отнесенія прежняго соединительнаго гласнаго звука къ глагольной темѣ; потому что на основаніи этой теоріи оказывается невозможнымъ опредѣлить тему для личныхъ формъ настоящаго времени глаголовъ 4-го разряда по системѣ Миклошича. Въ началѣ нашей статьи было уже замѣчено, что Даничичъ отъ глагола, напримѣръ, *хвалити* полагаетъ основою для 1-го лица единственнаго числа настоящаго времени форму *хвалѣ-*, а для другихъ лицъ форму *хвали-*. Спрашивается, откуда взялся *ѣ* въ темѣ 1-го лица *хвалѣ-*? Появленіе его объясняется Даничичемъ не изъ славянской формы *и* предполагаемаго имъ основнаго суффикса *ја*, служащаго будто бы къ образованію всѣхъ безъ исключенія глаголовъ 4-го разряда, а изъ самой основной формы его *ја* и притомъ подъ условіемъ отпаденія отъ нея звука *а*. Съ подобными объясненіями мы встрѣчались уже по поводу образованія формъ *ѣждѣ*, *иждѣ* и *даждѣ* у Боппа и Шлейхера и признали ихъ неудовлетворительными. Въ самомъ дѣлѣ, если мы допустимъ даже, что въ славянской темѣ *хвалѣ-* зв. *ѣ* явился непосредственно изъ основнаго суффикса *ја*; то вслѣдствіе этого необходимо будетъ допустить еще и то, что для образованія темы одного и того же времени существуетъ два основныхъ суффикса *ѣ* и *ја*. Если же этого допустить нельзя, то нельзя допустить и того, что тема для 1-го лица единств. числа настоящаго времени можетъ быть одна, а для другихъ лицъ—другая: иначе, это повело бы къ возможности предполагать для одного и того же, напримѣръ, настоящаго времени существованіе трехъ и болѣе темъ. Но положимъ, что въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ для 1-го лица единств. числа настоящаго времени глагола *хвалити* служитъ тема *хвалѣ-*; спрашивается, какъ же изъ этой темы на основаніи той же теоріи получается форма *хвалиѣ*? Довольствоваться тѣмъ объясненіемъ, что къ темѣ *хвалѣ-* присоединяется суффиксъ 1-го лица *ѣ* и получается форма *хвалѣ-ѣ*—*хвалиѣ*—невозможно; потому что въ *ѣ* слились два звука, изъ которыхъ одинъ есть мѣстоименный указатель 1-го лица *я*, а другой есть звукъ гласный, предшествующій этому указателю, именно, *о*—основн. *а*, который, на основаніи принятой Даничичемъ и Миклошичемъ теоріи, долженъ быть относимъ

къ глагольной темѣ, какъ, напимѣръ, въ формѣ *плетѣ* ви. *плето*—мъ изъ темы *плете* — (звукъ *е* передъ *м* поднимается въ *о*). Слѣдовательно, нужно признать, что для формы 1-го лица *хвалѣ* должна быть иная тема, а не *хвалѣ*—; потому что, если къ ней присоединимъ одинъ звукъ *м*, указатель перваго лица, то никакимъ образомъ не получимъ формы *хвалѣ*. Кромѣ того, на основаніи той же теоріи, и изъ темы *хвали*—нельзя получить формы 1-го лица *хвалѣ* по той же причинѣ. Если *ж*=*ом* и если звукъ *о* должно отнести къ темѣ, то *хвали* не будетъ темою; потому что за нею слѣдуетъ еще звукъ *о* принадлежащій темѣ. Если же къ темѣ *хвали* присоединимъ одинъ мѣстоименный указатель 1-го лица звукъ *м*, то опять не получимъ формы *хвалѣ*. И такъ, какую же форму должна имѣть тема личныхъ формъ настоящаго времени въ глаголахъ 4-го разряда примѣнительно къ теоріи отнесенія гласнаго звука, находящагося предъ личнымъ суффиксомъ, къ глагольной темѣ? *хвалѣ*-, *хвали*-, *хвалиѣ*-, или *хвалио*-?

Миклошичъ признаетъ темою для 1-го лица ед. числа *хвалио*—или *хвалие*— съ подъемомъ *е* въ *о* передъ *м*. Онъ говоритъ: „исключеніе изъ того правила, что тема настоящаго времени содержитъ суффиксъ *е*, образуютъ темы на *и*- и первичныя на *н*-, которыя принимаютъ суффиксъ *е* только въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени въ видѣ *о*, *хвали*: *хвалѣ* изъ *хвалио*—мъ, *болѣ*: *болѣ* изъ *болио*—мъ. Впрочемъ, болѣе чѣмъ правдоподобно то, что въ этихъ глаголахъ, конечно еще въ первоначальную эпоху, суффиксъ темы неопредѣленнаго наклоненія *и* слился съ суффиксомъ темы настоящаго времени *е*: въ пользу этого можно привести то обстоятельство, что *и* въ упомянутыхъ глаголахъ въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ — звукъ долгій: сербск. *носіїш* изъ *носиеш* въ противоположность аористу *носих*. *видіиш* изъ *видиеш*. Чешск. *nosíš* при *nosích. vidíš*“ и пр. По нашему мнѣнію, сліяніе суффикса темы неопредѣленнаго наклоненія *и* съ суффиксомъ темы настоящаго времени *е* въ первобытную эпоху языка представляется менѣе, чѣмъ правдоподобнымъ; потому что относительно образованія формы настоящаго времени въ глаголахъ древняго церковнославянскаго языка съ темою на *и* остается необъяснимымъ то обстоятельство, что это сліяніе не коснулось формы 1-го лица единств. числа, а проникло помимо сѣ въ формы всѣхъ другихъ лицъ и такимъ образомъ стало причиною такого ненормальнаго въ языкѣ явленія, какъ образованіе двухъ темъ для одного и того же времени. Долгота звука *и* въ данномъ случаѣ въ языкахъ сербскомъ

и чешскомъ объясняется сліяніемъ звука *и*, принадлежащаго темѣ, съ звукомъ *е*, принадлежащимъ личному суффиксу. Кромѣ того, нельзя не замѣтить вообще, что теорія, принятая Миклошичемъ, допускаетъ не мало исключеній и притомъ такихъ, которыя должны встрѣчаться почти въ каждомъ глаголѣ. Такъ, напримѣръ, первое исключеніе, признанное самимъ авторомъ, состоитъ въ томъ, что тематическій звукъ настоящаго времени *е* не поднимается въ *о* передъ суффиксомъ 1-го лица множ. числа *мъ*, не смотря на то, что по принятой теоріи звукъ *е* долженъ подниматься въ *о* передъ звуками *и* и *м*. Это исключеніе обнимаетъ собою всѣ глаголы, въ которыхъ, по мнѣнію Миклошича, тема настоящаго времени образуется посредствомъ суффикса *е*. Другое исключеніе, признанное также самимъ авторомъ, составляютъ всѣ глаголы съ темою въ неопредѣленномъ наклоненіи на *и* и немалая часть глаголовъ съ темою въ неопредѣленномъ наклоненіи на *ь* (какъ *видѣ-ти*, *вистѣ-ти* и др.); потому что въ нихъ оказалось необходимымъ признать двѣ темы для одного и того же времени, изъ которыхъ одна для всѣхъ лицъ, кромѣ 1-го лица ед. числа, оканчивается звукомъ *и*, а не *е*. Далѣе, третье исключеніе составляютъ многіе глаголы съ темою въ неопред. наклоненіи на *а* (5-го разряда); потому что они для образованія темы настоящаго времени не довольствуются суффиксомъ *е*, а прежде всего присоединяютъ къ корню суффиксъ *и* (откуда онъ берется?), а потомъ уже *е*, напримѣръ, тема неопред. накл. *писа-* (въ глаг. *писа-ти* или *писати*), тема настоящаго времени *писіе-* (*писіе?*), но опять-таки не для всѣхъ лицъ: для 1 л. ед. числа она должна представлять сліяніе двухъ суффиксовъ *и* и *е* въ одинъ звукъ *и*, слѣд., должна имѣть другую особую форму ¹⁾. Это явленіе прямо противоположно тому, которое мы видѣли въ глаголахъ съ темою неопредѣленнаго наклоненія на *и*. Тамъ предполагалось сліяніе *и* съ *е* для всѣхъ лицъ, кромѣ 1-го лица ед. числа; здѣсь же наоборотъ, предполагается сліяніе *и* съ *е* только для 1-го лица един. числа. Эти исключенія и противорѣчія мало говорятъ въ пользу теоріи, принятой Миклошичемъ, которою, онъ, сколько намъ извѣстно, впервые воспользовался для того, чтобы объяснить ту связь между временами: *imperfectum* и *praesens* въ славянскихъ языкахъ, которая лежитъ въ организмѣ индоевропейскаго глагола, и написалъ небольшое изслѣдованіе подъ заглавіемъ

¹⁾ Vergleich. Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, стр. 489—492.

„Das imperfect in den slavischen Sprachen. Wien. 1874. Въ этомъ изслѣдованіи онъ, согласно съ Даничинымъ, объясняетъ образованіе формы переходящаго времени *плетѣхъ* изъ темы настоящаго времени *плете-*. По его мнѣнію, звукъ *ъ* въ формѣ *плетѣхъ* образуется изъ тематическаго звука *е* въ темѣ *плете-* посредствомъ усиленія. Основаніемъ же этого усиленія служить то же явленіе, которое часто замѣчается въ первичныхъ глагольных темахъ, какъ скоро изъ *verbum perfectivum* посредствомъ присоединенія къ корню звука *а* долженъ образоваться *verbum imperfectivum*: *смылет-* (*смылес-ти*) и *смылѣ-та-* (*смылѣта-ти*). Притомъ *ъ* въ формѣ *плетѣхъ* относится къ тѣмъ *ъ*, предъ которыми гортанные звуки *к*, *г*, *х* переходятъ не въ свистящіе: *ц*, *з*, *с*, а въ небные: *ч*, *ж*, *ш*; поэтому каждый небный звукъ, а равно и *й*-обращающіе *ъ* въ *іа*, а ¹⁾. Даничичъ говоритъ: „у глаголовъ, имѣющихъ въ формѣ переходящаго времени основу настоящаго времени, тематическій звукъ *а*, который уже въ настоящемъ времени въ большей части лицъ звучитъ какъ *е*, въ формѣ переходящаго времени усиливается (се проду^жу^е) и дѣлается звукомъ *ъ*, предъ которыми гортанные звуки *г*, *к*, *х* измѣняются въ *з*, *ц*, *с*, или превращаются въ *ж*, *ч*, *ш*, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ *ъ* послѣ нихъ измѣняется въ *а*; точно также *ъ* переходитъ въ *а* по причинѣ предшествующаго звука и въ тѣхъ основахъ, которыя въ настоящемъ времени имѣютъ суффиксъ *ја*“.

„Къ этой основѣ настоящаго времени и къ основѣ неопредѣленнаго наклоненія присоединяется отъ корня, отъ котораго въ славянскихъ языкахъ существуетъ основа *кѣ*, глагольная форма прошедшаго времени, которая безъ личныхъ суффиксовъ есть *аса-*; отъ нея первый звукъ *а* остается въ славянскихъ языкахъ, и если ему въ глагольной темѣ предшествуетъ *ъ*, то оба звука могутъ и уподобляться другъ другу такъ, что или звукъ *а* суффикса *аса-* станетъ звукомъ *ъ*, или *ъ* станетъ звукомъ *а*, а потомъ оба одинаковые звука или сливаются, или одинъ отпадаетъ; подобнымъ образомъ вышеупомянутый зв. *а* въ позднѣйшее время сливается и съ конечнымъ звукомъ *а* темы; звукъ *з* переходитъ въ славянскихъ языкахъ въ *х*, но если за нимъ слѣдуетъ согласный, то звукъ *с* остается; конечный же звукъ *а* (въ *аса-*) въ первомъ лицѣ единственнаго числа и въ третьемъ лицѣ множественнаго числа сливается съ первымъ звукомъ личнаго суффикса (т. е. *и* или *н*) въ одинъ звукъ; во второмъ и третьемъ

¹⁾ Das imperfectum, стр. 4—5.

лицѣ единственнаго числа въ славянскихъ языкахъ звучить какъ *e*, передъ которымъ *x*, образовавшійся изъ *s*, измѣняется въ *ш* и т. д.¹⁾ Мы полагаемъ, что звукъ *ъ* въ формѣ *пастыхъ* образовался не изъ тематическаго *e* настоящаго времени *пасте-*, а инымъ путемъ. Даничищъ, какъ мы видѣли, объясняетъ форму преходящаго времени на основаніи глагольной формы прошедшаго времени безъ личныхъ суффиксовъ въ санскритѣ *asa-*. Дѣйствительно, въ санскритѣ есть форма прошедшаго времени (*imperfectum*) отъ корня *as-*, но не *asa-m*, какъ говоритъ Даничищъ, а *â'sam*, въ которой первый звукъ *â* долгій, образовавшійся чрезъ приращеніе, т. е. изъ *a* + *asa-m*, вслѣдствіе чего Поппъ и называетъ эту форму *einfürmiges augment-praeteritum*. Если эта форма *â'sa(m)* лежитъ въ основаніи образованія формы преходящаго времени (*imperfectum*) славянскихъ глаголовъ; то, такъ какъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ основному звуку *â* соответствуетъ или зв. *ъ*, или зв. *а*, можно полагать, что звукъ *ъ* въ формѣ *пастыхъ* образовался изъ основнаго *â*. Въ суффиксѣ *-ыхъ* мы видимъ полное соотвѣтствіе съ формою *â'sa(m)*: *ъ* = основному *â*, *х* = основному *s*, *ъ* = основному *a* (но не *am*, какъ полагаетъ Даничищъ). Принявъ это, мы должны будемъ признать, что формы преходящаго времени *пастыхъ* образуется изъ темы *паст-*, а не *пасте-*. Точно также для формы *можыхъ* мы полагаемъ тему *мог-*, (а не *моге* (*моге-*), какъ у Миклошича (стр. 5); тему *моге-* мы считаемъ невозможною), изъ которой посредствомъ суффикса преходящаго времени *-ыхъ* образуется *можыхъ* совершенно одинаково съ формою *множахъ* изъ темы *мног-* въ прилагат. *многъ*; какъ ф. *можихъ* вмѣсто *мог-+ыхъ*, такъ и ф. *множахъ* вм. *мног-+ыхъ*. Извѣстно, что гортанные звуки *к*, *г*, *х* передъ *и* и *ъ* въ образованіи словъ и грамматическихъ формъ, за исключеніемъ надежей и повелительнаго наклоненія, измѣняются въ соотвѣтствующіе имъ небные, послѣ которыхъ *ъ* обращается въ *а*. Отсюда слѣдуетъ, что темою настоящаго времени глагола *пасти* правильнѣе считать форму *паст-*, чѣмъ *пасте-*, или форму *мог-*, чѣмъ ф. *моге-* и т. п.

Но не говоритъ ли противъ предлагаемой нами теоріи, состоящей въ отнесеніи соединительнаго гласнаго звука въ спряженіи славянскихъ глаголовъ не къ темѣ, а къ личнымъ суффиксамъ, образованіе формъ повелительнаго наклоненія? Нисколько.

Пржде образованіе формъ повелительнаго наклоненія въ древнемъ

¹⁾ Исторія облича, стр. 299.

церковнославянскомъ языкѣ отъ глаголовъ, спрягающихся съ соединительнымъ гласнымъ звукомъ, объяснялось слѣдующимъ образомъ: характеръ наклоненія *и* (=основному *jā*), присоединяясь къ соединительному гласному звуку *е* (=основному *a*), сливался съ нимъ въ звукъ *ъ* = санскр. *ē*, лат. *ē*, греческ. *oi*, готск. *ai*; напр.: скрт. двойств. ч. 1 л. *bhar-ē-va*, 2 л. *bhar-ē-ta*, множ. г. 1 л. *bhar-ē-ma*, греч. *φέρ-oi-τον*; *φέρ-oi-μεν*, *φέρ-oi-τε*; готск. *bair-ai-ts*, множ. ч. *bair-ai-ma*, *bair-ai-th*; латинск. будущ. вр. *fer-ē-mus*, *fer-ē-tis*; дрцслав. дв. ч. 1 л. *бер-ъ-ѡ* (т. е. изъ *бер-е-и-ѡ*), 2 и 3 л. *бер-ъ-та*; множ. ч. 1 л. *бер-ъ-мъ*, 2 л. *бер-ъ-те*. Такъ—въ глаголахъ съ темами на согласный звукъ; а въ глаголахъ съ темами на гласный звукъ предполагалось, что между зв. *ъ* (образовавшимся будто-бы отъ слиянiя соединит. гласнаго звука *е* съ характеромъ наклоненiя *и*) и глагольною темою вставляется *j*, который, сливаясь съ *ъ*, образуетъ зв. *и*; напр. тема: *дѣла-* дв. ч. 1 л. *дѣла-и-ѡ* (изъ *дѣла-j-и-ѡ*) и пр. 1). Но если мы разложимъ ф. *дѣла-j-и-ѡ* на ея составныя части, то получимъ: *дѣла-j-е-и-ѡ*, гдѣ *дѣла*—тема, *j*—вставной звукъ, *е*—соединит. гласный, *и*—характеръ наклоненiя. Относя же соединительный гласный звукъ къ личнымъ суффиксамъ позднѣйшаго образованiя, мы объясняемъ теперь образованiе формъ повелительнаго наклоненiя глаголовъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ гораздо проще, а главное, согласнѣе съ фонетическимъ строенiемъ языка. Извѣстно, что зв. *ъ* въ образованiи словъ и грамматическихъ формъ постоянно въ др. церковнославянскомъ языкѣ чередуется съ звукомъ *а*. Мы знаемъ также, что основныя славянскiя формы личныхъ суффиксовъ позднѣйшаго образованiя сопровождаются гласнымъ звукомъ *a*, какъ показываетъ спряженiе глагола: *има-амъ*. На основанiи всего этого, мы полагаемъ, что личныя формы повелительнаго наклоненiя единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ должны представляться въ слѣдующемъ основномъ видѣ:

Единств. ч. 2 л.—*и-аи* = *iai* или *ъи=ъи*.

3 л.—*и-ат* = *iat* или *ът=ъи*.

Двойств. ч. 1 л.—*и-авъ* = *iaвъ* или *ъвъ*.

2 и 3—*и-ата* = *ata* или *ъта*.

*) Schleicher, Formenlehre der Kirchenalavisch. Sprache. Bonn. 1852. стр. 368. Compend. 2 ausg. Weimar. 1866. стр. 719.

Множ. ч. 1 л. — *и+амъ* = *іамъ* или *ѣмъ*.

2 л. — *и+ате* = *іате* или *ѣте*.

Здѣсь звукъ *и* есть характеръ наклоненія, соотвѣтствующій основному *ја*, суффиксу потенциальнаго наклоненія въ санскритѣ; *-аш*, *-ит* въ единств. числѣ суть основныя славянскія формы позднѣйшихъ личныхъ суффиксовъ, утратившихъ гласныя окончанія (какія видимъ въ фф. *аши*, *ати*) въ единств. числѣ во всѣхъ производныхъ формахъ, какъ напр. въ прошедш. временахъ и въ повелит. наклоненіи. Но такъ какъ древній церковнославянскій языкъ не терпитъ согласныхъ окончаній, то звуки *ш* и *т*, указатели лицъ, должны были отпасть; вслѣдствіе этого *іа*, или *ѣ* въ окончаніи 2 и 3 л. единств. числа въ повелит. наклоненіи ослабѣлъ въ зв. *и*. Звуки же *ѣ* и *іа* чередуются между собою: первый стоитъ всегда послѣ согласныхъ, второй—послѣ гласныхъ. Такимъ образомъ, формы повелит. наклоненія отъ темъ, напр. *бѣд-* и *би-* будутъ слѣдующія:

Единств. ч. 2 и 3 л. *бѣди* (вм. *бѣдиѣ*); *биди* (вм. *бидиѣ*);

Двойств. ч. 1 л. *бѣдѣвъ*, *бидѣвъ*,

2 и 3 л. *бѣдѣта*; *бидѣта*;

Множ. ч. 1 л. *бѣдѣмъ*, *бидѣмъ*,

2 л. *бѣдѣте*. *бидѣте*.

Гортанные звуки *к*, *г*, *х* въ повелительномъ наклоненіи передъ *и* и *ѣ* измѣняются въ соотвѣтствующіе имъ свистящіе *ч*, *з*, *с*, но не въ небные шипящіе: *ч*, *ж*, *ш*.

Изъ сличенія формъ: *бидѣте* и встрѣчающейся въ Острог. Ев. формы пов. какъ *ишите* видно, что основной зв. *іа* или *ѣ* можетъ переходить въ *и* не только въ единственномъ числѣ вслѣдствіе утраты личныхъ указателей, но и въ формахъ другихъ чиселъ. Этотъ переходъ можетъ быть объясненъ только вторженіемъ *ј* между суффиксомъ наклоненія и личными суффиксами позднѣйшаго образованія. Звукъ *а*, сопровождающій личные суффиксы, подъ вліяніемъ *ј* переходитъ въ зв. *е*, который, слѣдуя за звукомъ *и*, уподобляется этому послѣднему, а если этотъ послѣдній звукъ принадлежитъ не корню, какъ въ глаголахъ: *би-ти*, *ни-ти*, то и сливается съ нимъ; напр., въ глаг. *хвали-ти*; формы повел. накл.: 2 и 3 ед. ч. *хвали* (вм. *хвали-и* изъ *хвали-іа*), двойств. ч. 1 л. *хваливъ* (вм. *хвали-и-къ* изъ *хвали-и-ј-авъ*); 2 и 3 л. *хвалита* (вм. (вм. *хвали-и-кта* изъ *хвали-и-ј-ата*); множ. э. 1 л. *хвалимъ* (вм. *хвали-и-къ* отъ *хвали-и-ј-амъ*); 2 л. *хвалите*

(вм. *хвали-и-кте* отъ *хвали-и-ѣ-ате*), гдѣ *хвали*—тема; *и*—характеръ наклоненія, *ѣ*—личный суффиксъ. Въ глаголѣ *ни-ти* по вторженіи *ѣ*: повел. накл. 2 и 3 л. ед. ч. *ни* вм. *ниѣ*; двойст. ч. 1 л. *нишѣ* изъ *ни-и+ѣ-ашѣ* = *ни-и-къѣ* = *ни-и+ишѣ*, = *нишѣ*; 2 и 3 л. *ниита* изъ *ни-и+ѣ-ата* = *ни-и+къта* = *ни-и+иита* = *ни-иита*; мнѣств. ч. 1 л. *ниимѣ* отъ *ни-и+ѣ-амѣ* = *ни-и+къмѣ* = *ни-и+имѣ* = *ни-имѣ*; 2 л. *ниите* изъ *ни-и+ѣ-ате* = *ни-и+къте* = *ни-и+иите* = *ни-иите*.

Окончаніе *и* во 2 и 3 л. единств. числа въ глаголахъ, спрягающихся съ помощью позднѣйшихъ личныхъ суффиксовъ, или попрежнему, съ помощію соединит. гласнаго звука, есть долгій звукъ и не можетъ смягчать предыдущихъ согласныхъ звуковъ какъ въ формахъ *вѣждѣ*, *гѣждѣ*, *даждѣ* и *виждѣ* (сравни ф. *родѣи*, *сѣдѣи*, *любѣи*, *носѣи* и пр.); потому что звукъ *и* сильнѣе въ спряженіи глаголовъ съ позднѣйшими личными суффиксами нежели въ спряженіи глаголовъ съ первоначальными личными суффиксами. Это видно изъ слѣдующаго разложенія формъ напр.: *даждѣ* и *сѣдѣи*: *даждѣ* образ. отъ *дади-и+с* или *дади-и+т*, гдѣ: *дади*—тема, въ которой зв. *и* въ спряженіи часто выпадаетъ, *и*—характеръ наклоненія, *с* и *т* личные указатели первоначальныхъ суффиксовъ; *сѣдѣи* же образуется изъ *сѣди-и-ѣ-ашѣ* или *сѣди-и-ѣ-ат*, гдѣ *сѣди*—тема, въ которой *и* удерживается во всемъ спряженіи; *и*—характеръ наклоненія; *ѣ-ашѣ* и *ѣ-ат* личные суффиксы позднѣйшаго образованія; далѣе ходъ такой: *сѣди-и+ѣ+а* (*и*), *сѣди-и+ѣ+а(т)*, = *сѣди-и+ѣ* = *сѣди-и+и* = *сѣди-ѣ-и* *сѣдѣи*. Тѣмъ не менѣе звукъ *и* съ теченіемъ времени можетъ сокращаться въ *ѣ*, какъ это мы видимъ, напр., въ русской формѣ *бросѣ* (но не *брошѣ*) вм. *бросѣи*, если удареніе переносится на коренной слогъ. Вслѣдствіе этого сокращенія въ нѣкоторыхъ западныхъ славянскихъ языкахъ предшествующій гласный звукъ смягчается, какъ напр.: древн. церк.-слав. *бѣждѣ*, русск. *будѣ*, чеш. *bid'*, польск. *bidz*.

Указанныя нами выше основныя окончанія повелительнаго наклоненія глаголовъ, спрягающихся съ помощью личныхъ суффиксовъ позднѣйшаго образованія, по всей вѣроятности, первоначально были общими для всѣхъ глаголовъ въ др. славянскомъ языкѣ, и только впоследствии вслѣдствіе вторженія *ѣ* между характеромъ наклоненія и личными суффиксами они остались преимущественно лишь за тѣми глаголами, которыхъ темы заканчиваются согласными звуками. Это предположеніе подтверждается существованіемъ формъ подобныхъ ф. *ищите* или *иште*, отъ темы *иска*—съ опущеніемъ тематическаго зв. *а*, т. е., изъ *иска-и+ате* = *иска-ѣте*, съ опущеніемъ тематич. *а*

ицате или *ицѣте* (Остр. Ев.). Сравн. также: *биате* и *пиите*. Последняя ф. находится въ Остр. Ев. ¹⁾).

И такъ, образованіе формъ повелит. наклоненія въ д. церковно-славянскомъ языкѣ не только не противорѣчитъ, но подтверждаетъ предлагаемую нами теорію отнесенія прежняго соединит. гласнаго звука не къ темѣ, а къ личнымъ суффиксамъ.

Изъ всего сказаннаго видно:

1) что между формами *сѣтъ* и *вѣдѣтъ*, *іаѣтъ*, *даѣтъ* нѣтъ никакого противорѣчія по отношенію къ основному суффиксу 3 лица множ. числа—*anti*.

2) что древнѣйшими темами глаголовъ *вѣдѣти*, *іаѣти* и *даѣти* слѣдуетъ считать формы: *вѣди*—, *іади*—, *дади*—, а не *вѣд*—, *іад*—, *дад*—.

3) что спрягаются эти глаголы, также какъ и глаг. *късмѣ*, посредствомъ первоначальныхъ личныхъ суффиксовъ, хотя и имѣютъ тему на гласный зв. *и*. Къ нимъ нѣкогда относился по спряженію и глаголъ *видѣти*, на что указываетъ форма повел. накл. въ д. слав. яз. *виждѣ*.

4) что тематическій зв. *и* выпадаетъ только передъ личными суффиксами, начинающимися согласнымъ звукомъ. Слѣд., въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ онъ удерживается, личные суффиксы должны начинаться гласнымъ звукомъ.

5) что звукъ *и*, закапчивающій собою темы глаголовъ *вѣдѣти*, *іаѣти* и *даѣти*, участвуетъ и въ образованіи темъ настоящ. вр. глаголовъ 4-го и нѣкоторыхъ 3-го разряда по системѣ Миклошича, и что онъ есть гласный остатокъ отъ *dhí* корня *dhá*; слѣд., въ образованіи глагольныхъ темъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ играетъ болѣе распространенную роль, чѣмъ звукъ *ѣ*, который есть также согласный остатокъ того же корня *dhá*.

6) что спряженіе глаголовъ *вѣдѣти*, *іаѣти*, *даѣти*, имѣющихъ тему на *и*, существенно отличается отъ спряженія всѣхъ другихъ глаголовъ, имѣющихъ также тему на гласный звукъ *и*.

7) что сущность этого различія заключается въ различіи первоначальныхъ личныхъ суффиксовъ отъ позднѣйшихъ, которые приняли впереди гласный звукъ и тѣмъ существенно отличили себя отъ предыдущихъ.

¹⁾ *Altalovenische Formenleire in Paradigmen* von Fr. Miklosich. Wien 1874. Einleitung, Seit XXXIII (*ицате* вм. *ициите*).

8) что поэтому прежній соединительный гласный звукъ должно относить въ спряженіи славянскихъ глаголовъ не къ темѣ, а къ личнымъ суффиксамъ. Отсюда, наконецъ —

9) что дѣленіе глаголовъ на спряженія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ должно быть основано на различіи личныхъ суффиксовъ: *первоначальныхъ* и *позднѣйшихъ*.

Н. П. Некрасовъ.

О ТОРГОВЛѢ РУССКИХЪ СЪ РИГОЮ ВЪ XIII И XIV ВѢКАХЪ.

Лѣтомъ 1201 года епископъ Ливонскій Альбертъ началъ построение города Риги „на полѣ пространномъ, подлѣ котораго могла бы быть и корабельная пристань“, какъ говоритъ біографъ епископа, древнѣйшій ливонскій лѣтописецъ Генрихъ Латышъ. И еще въ то время, какъ Альбертъ только намѣревался строить городъ, цистеріанскій монахъ Дитрихъ, одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ епископа, хлопоталъ у папы Иннокентія III о томъ, чтобы запретить купцамъ проѣзжать мимо Риги, и такимъ образомъ, сдѣлать изъ нея принудительный рынокъ. Къ просьбѣ объ этомъ запрещеніи присоединились и готландскіе купцы, которые имѣли дѣятельное участіе въ построеніи Риги. Когда же, въ 1203 году, одинъ купецъ изъ области Западной Двины вздумалъ было пренебречь папскимъ распоряженіемъ и отъ устья Двины проплыть къ устью Аа, то онъ былъ задержанъ нѣмецкими купцами подъ Ригой и въ происшедшей по сему случаю ссорѣ былъ убитъ вмѣстѣ съ коричмъ, послѣ чего остальные люди судна должны были плыть обратно по Двинѣ ¹⁾. Но и помимо всякихъ принудительныхъ мѣръ, въ силу только выгоднаго географическаго положенія, Рига должна была сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ портовъ на Балтійскомъ морѣ какъ для заморскихъ готландскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, такъ и для обитателей Двинской области, особенно послѣ привилегіи, которую Альбертъ пожаловалъ купцамъ въ 1211 году. „Всѣ купцы, особливо готландскіе, плаваютъ по Двинѣ безошлинно“, говоритъ епископъ.—Всѣ гавани Лифляндіи считаются вольными. Ни одинъ рижскій гражданинъ, или нѣмецкій купецъ не обязанъ носить горячаго желѣза и выходить по принужденію на судебный поединокъ.

¹⁾ Chronic. Livon. vetus, ed. Gruberi, pag. 19—20. — Можетъ быть, это былъ русскій купецъ изъ Полоцка, какъ соображаетъ Вонкель, Russ. Livland. Chronographic, commentarii, pag. 45.

Имущество корабля, потерпѣвшаго крушеніе, принадлежитъ его хозяину". Относительно новыхъ купеческихъ гильдій Альбертъ однако оговаривается: „Ни одна гильдія не можетъ быть учреждена безъ воли епископа, дабы отсюда не произошло какого нибудь ущерба городскому суду" (вѣроятно, разумѣется взиманіе судебныхъ пошлинъ). Касательно чекана монеты говорится такъ: „Четыре съ половиной марки денаріевъ составляютъ готландскую марку серебра, и рижскіе пфенинги (denarii) должны быть равны по вѣсу готландскимъ, хотя бы отличались отъ нихъ по виду". Такова въ главныхъ чертахъ эта привиллегія, которую Альбертъ послѣ называлъ общимъ именемъ готландскаго права ¹⁾. Если къ этому прибавить ту готовность, съ какою въ Ригѣ принимали всякаго рода поселенцевъ, то понятно станеть, какъ быстро выросъ городъ, и какъ сильно развилось его богатство и общественная жизнь ²⁾. Въ 1226 году, слѣдовательно, спусти только четверть вѣка по основаніи, городъ организовалъ у себя магистратъ, одною изъ главныхъ заботъ котораго была торговля и промышленность общины. Съ конца XIII вѣка при немъ велась такъ называемая долговая книга для записки преимущественно долговыхъ обязательствъ, которыя случались между рижскими и пріѣзжими купцами ³⁾. Изъ этого любопытнаго документа видно, что въ Ригѣ вопреки папскимъ распоряженіямъ были въ обычаѣ ссуды денегъ подъ проценты, и не смотря на запрещеніи Ганзы была развита торговля въ кредитъ съ чужестранцами. Вслѣдствіе того въ Ригѣ было большое торговое оживленіе; туда пріѣзжали купцы съ Готланда, изъ Германіи, Фландріи, Англіи и Швеціи какъ для временной торговли, такъ и на постоянное жительство. Весьма немного было тамъ торговцевъ изъ Ливовъ, Латышей, Литовцевъ и Русскіхъ; лѣтніе жили въ Ригѣ или въ качествѣ временныхъ гостей,

¹⁾ *Bunge*, Liv-Est-Kurländ. Urkundenbuch, I, № 20. Въ 1225 году епископъ говорилъ о себѣ папскому легату: concessit civibus in genere jus Gotorum, et specialiter libertatem a duello, teloneo, candente ferro et naufragio. Ibid. № 75.

²⁾ Omnibus volentibus intrare civitatem ad habitandum liceat cives fieri. Ibid.—Quicumque de paganismo fugerit ad urbem, seu undecunque fugerit, hic liber sit sine contradictione, nisi cujus proprius aut captivus fuerit. Advenae cujuscunque officii, una volentes apud nos officia exercere, jure urbano apud nos fruuntur. Ibid. № 77.

³⁾ Пергаменный кодексъ этой книги XIII и XIV вв. издалъ съ весьма обстоятельнымъ введеніемъ и указателемъ г. *Гильдебрандъ*: Das Rigische Schuldbuch, St. Petersburg, 1872. (официальное названіе книги—liber civitatis, какъ это видно изъ записки № 1866). Первое свиданіе о ней сообщено въ журнале *Inland* 1855 г. на стр. 746—750.

или какъ ея постоянные граждане. Нижеслѣдующій очеркъ будетъ посвященъ торговлѣ Русскихъ съ Ригой въ XIII и XIV вѣкахъ на основаніи дапныхъ, представляемыхъ рижскою долговою книгой, лѣтописями и договорными грамотами.

I.

Главною торговою дорогою изнутри Россіи къ Ригѣ служила тогда западная Двина, по которой торговля производилась гораздо раньше основанія Риги и прибытія Бременскихъ купцовъ къ устью Двины (1159 года). Уже въ X вѣкѣ на Двинѣ существовали поселенія Кукейнось, Герцике и Ашераденъ, а русскій Полоцкъ — даже въ IX вѣкѣ. Многочисленныя находки въ Прибалтійскомъ краѣ монетъ арабскихъ и англо-саксонскихъ, отчасти византійскихъ и даже римскихъ временъ имперіи и греческихъ до Р. Хр. доказываютъ, что туземныя литовскія и финскія племена искони вѣковъ не были чужды торговли съ иностранцами ¹⁾. Внизъ по Двинѣ распространялось русское вліяніе на эти племена въ IX—XI вѣкахъ, а съ конца слѣдующаго столѣтія на встрѣчу ему начинается вліяніе нѣмецкое. Первый епископъ Ливонскій Мейнгардъ еще признавалъ власть князя Полоцкаго надъ областью нижней Двины, прося у него позволенія проповѣдывать и строить церковь въ Искулѣ ²⁾. Иначе уже велъ себя Альбертъ, подкрѣпленный многочисленными толпами нѣмецкихъ пилигримовъ, рыцарей, монаховъ и купцовъ. Въ 1208 году Вячко, князь Кукейноса, былъ поставленъ въ невозможность дальнѣйшаго пребыванія въ своемъ владѣніи, и потому перебивъ нѣмецкій гарнизонъ и сжегши замокъ, удалился въ Россію. Другой русскій князь Всеволодъ, владѣтель Герцике, остался въ своемъ городѣ, но въ зависимости отъ епископа, которому принесъ ленную присягу. Что касается до Полоцкаго князя Владиміра, то онъ съ перваго раза сталъ въ недружелюбныя отношенія къ Рижскому епископу. Такъ, въ 1202 году онъ ходилъ на Латышей, державшихъ сторону Риги ³⁾; въ 1203

¹⁾ У Крузе весьма тщательно описаны всѣ монеты и разныя вещи (вѣсы), найденныя имъ въ древнихъ могилахъ Прибалтійскаго края, особенно около Ашерадена и Пальеора. *Necrolivonica, oder Alterthümer Liv-Est-und Kurlands... Dorpat, 1842.* Онъ думаетъ, что Греки и Римляне довозжали до Курляндіи за поункой янтара.

²⁾ *Chron. Liv. vet.*, p. 3—4.

³⁾ *Ibid.*, p. 52—53, 63.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 21.

году онъ подступалъ къ Искулю и принудилъ тамошнихъ Ливовъ заплатить себѣ дань, а черезъ три года снова дѣлалъ нападенія на *Искуль и Гольмъ* ¹⁾. Только въ 1210 г. согласились заключить миръ. „Въ то время“, говоритъ Генрихъ Латышъ,—„церковь ливонская находилась въ угнетеніи отъ русскихъ и литовскихъ племенъ, которыя всѣ вмѣстѣ намѣревались ее уничтожить. А посему Рижане опредѣлили послать къ князю Полоцкому освѣдомиться, нельзя ли будетъ заключить миръ на какихъ-нибудь условіяхъ. Для сего былъ посланъ Рудольфъ Эрихъ съ нѣкоторыми другими лицами“. Но такъ какъ это посольство не достигло Полоцка, ибо на пути было вовлечено въ битву съ Эстами у Вендена,—то „посланъ былъ *Арнольдъ*, братъ воинства Христова, со своими товарищами ко князю Полоцкому съ тѣмъ, чтобъ этотъ послѣдній заключилъ миръ и открылъ рижскимъ купцамъ свободный путь въ свою землю. Князь принялъ ихъ ласково, хотя и не безъ тайнаго коварства; вмѣстѣ съ ними онъ отправилъ *Лудольфа изъ Смоленска*, мужа благоразумнаго и очень богатаго. Когда всѣ они пришли въ Ригу и передали волю князя, то Рижанамъ понравились предложенныя условія, и тогда между княземъ и Ригой былъ заключенъ вѣчный миръ съ тѣмъ однако условіемъ, что Ливы ежегодно должны отдавать свою дань князю Полоцкому, или за нихъ епископъ. И всѣ возрадовались“ и пр. ²⁾. Въ этомъ первомъ торговомъ договорѣ Русскихъ съ Ригой, по всей вѣроятности, участвовалъ и Витебскъ, судя по его всегдашней близкой связи съ Полоцкомъ, а также и Смоленскъ. Объ участи послѣдняго заставляетъ полагать упомянутый Лудольфъ изъ Смоленска, который—судя по его прозванію—долго и часто проживалъ въ Смоленскѣ по дѣламъ торговли ³⁾. Надобно думать, что онъ имѣлъ полномочіе для заключенія договора отъ Смоленскаго князя Мстислава Романовича, княжившаго въ Смоленскѣ отъ 1197 по 1212 годъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что въ его княженіе Нѣмцы уже торговали въ Смоленскѣ, какъ это видно изъ договора, заключеннаго около половины XIII вѣка сыномъ Мстислава Романовича, неизвѣстнымъ по имени Смоленскимъ княземъ съ Нѣмцами ⁴⁾. Черезъ два года по заключеніи этого дого-

¹⁾ Chron. Liv. vet., p. 40—41.

²⁾ Ibid., p. 69—70.

³⁾ Соображеніе г. Куника. Русско-Ливонск. акты, стр. 405.

⁴⁾ Русск.-Ливонск. акты, стр. 451—453.—Г. Куникъ полагаетъ, что Смоленскъ былъ посѣщаемъ измѣнными купцами уже въ XII столѣтіи. Но дѣло въ томъ, что извѣстіе ливонской лѣтописи, на которомъ онъ основываетъ свое предполо-
часть CLXXXIX, отд. 2.

вора Владиміръ назначилъ свиданіе епископу близъ Герцике. По словамъ Генриха Латыша, который описалъ это свиданіе съ живыми подробностями, князь Полоцкій началъ убѣждать и грозить епископу, чтобъ онъ отсталъ отъ проповѣди и крещенія Ливовъ, его рабовъ, которыхъ онъ (князь) воленъ крестить или оставить вовсе некрещеными, — „ибо“, замѣчаетъ Генрихъ, — „русскіе князья не имѣютъ обычая обращать въ христіанство покоренныхъ язычниковъ, а только собираютъ съ нихъ дань“. Епископъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отступить отъ своего предпріятія и отъ обязанности, возложенной на него святымъ отцомъ, и т. п. Владиміръ разсердился, и дѣло едва не дошло до столкновенія людей, составлявшихъ свиту князя и епископа. Но затѣмъ помирились на слѣдующихъ условіяхъ: князь Полоцкій отказывается отъ верховныхъ правъ на Ливонію; противъ Литовцевъ и другихъ некрещеныхъ язычниковъ былъ заключенъ союзъ. Что касается до купцовъ, то Двина объявлена свободною для ихъ плаваній ¹⁾. Въ 1216 году Владиміръ снова разсорился съ Ригой. Побуждаемый союзными Эстами, онъ собралъ большое войско изъ Русскихъ и Литовцевъ и хотѣлъ уже идти для осады Риги, но всходя на корабль, нечаянно умеръ ²⁾. Какъ видно несогласія Русскихъ съ Нѣмцами продолжались съ тѣхъ поръ вплоть до временъ Калкской битвы ³⁾. Въ Ливонской лѣтописи вслѣдъ за описаніемъ ея говорится: „Князь Смоленскій, князь Полоцкій и другіе русскіе князья отправили пословъ въ Ригу съ просьбой о заключеніи мира, который и былъ возобновленъ по всѣмъ статьямъ, какъ онъ существовалъ издавна“ ⁴⁾. Долго ли сохранялся этотъ миръ, и долго ли шлъ безпрепятственно

женіе, относится не къ Полоцку (Plesceke), а Пскову (Plesceskove), на пути къ которому еще до основанія Риги были однажды ограблены нѣмецкіе купцы. Вотъ это мѣсто изъ лѣтописи: *Вона mercatorum, quondam ante Rigae aedificationem ablata suntibus, nempе а Дуна versus Plesceskove* (pag. 51). Вообще до основанія Риги Нѣмцы едва ли рѣшались пускаться далеко вверхъ по Двинѣ, а тѣмъ больше къ Смоленску, отдаленному отъ Двины волокомъ; для нихъ это стало возможно именно съ тѣхъ поръ, какъ они построили Ригу и другіе замки по Двинѣ.

¹⁾ *Chron. Liv. vet.*, p. 85—86. На такой выгодный для епископа миръ князь Полоцкій согласился, конечно, по невозможности сопротивляться его могуществу, все больше возрастающему. А быть можетъ, и ливонскій лѣтописецъ не договариваетъ чего-нибудь и вообще преувеличиваетъ подвигъ своего обожаемаго епископа.

²⁾ *Chron. Livon. vet.*, p. 108.

³⁾ Въ 1222 году по *Боннелю*, въ 1223 году — по *Кумику*.

⁴⁾ *Chron. Livon. vet.*, p. 150—152.

торговля въ области Западной Двины и верхняго Днѣпра—неизвѣстно; несомнѣнно только, что договору 1229 года предшествовало „розлюбе“, для устраненія котораго и восстановленія мирныхъ торговыхъ сношеній и былъ заключенъ этотъ знаменитый договоръ.

II.

Основатель Риги и нѣмецкаго могущества въ Лифляндіи, епископъ Альбертъ умеръ 17-го января 1229 года ¹⁾. Вскорѣ послѣ его смерти, а отчасти быть можетъ, вслѣдствіе ея, князь Смоленскій Мстиславъ Давыдовичъ отправилъ въ Ригу своего „лучшаго попа“ Еремѣя и умнаго мужа Пантелѣя, смоленскаго сотника, для заключенія торговаго договора. Посредничество въ этомъ дѣлѣ приняли на себя *Ромфъ изъ Кисселя*, „божій дворянинъ“ (рыцарь), и нѣмецкій купецъ *Тумаишъ Смольянинъ*. Изъ Риги все это посольство отправилось на Готландъ для совѣщаній съ „общимъ нѣмецкимъ купечествомъ“, и здѣсь была составлена одна редакція договора. По возвращеніи въ Ригу написали вторую (окончательную) редакцію договорной грамоты, которую посвидѣтельствовали купцы „Римскаго царства“, а именно изъ Готланда, Любека, Сеста, Мюнстера, Гренингена, Дортмунда, Бремена и Риги. Со стороны русской, кромѣ Смоленска, договоръ заключали Полоцкъ и Витебскъ ²⁾.

По количеству договорныхъ статей и по важности ихъ внутренняго содержанія Смоленскій договоръ 1229 года есть важнѣйшій между всѣми древне-рускими памятниками этого рода. Различныя отношенія, какія могли возникать при торговлѣ между Русскими и Нѣмцами, разсматриваются въ немъ чрезвычайно подробно; все предусмотрено и оговорено съ такою заботливою точностью, что кажется, ничего не оставлено для случайности. Невольно приходитъ на мысль, что договору предшествовалъ опытъ, богатый всякаго рода случаями, и что именно на почвѣ этого опыта и сталъ возможенъ такой подробный анализъ всякаго рода отношеній, какой представляется въ грамотѣ 1229 года. Слѣдовательно, тѣмъ большее значеніе этотъ договоръ имѣетъ для историка, который справедливо можетъ смотрѣть

¹⁾ *Bonnel*, *Chronogr. Comment.*, p. 66.

²⁾ Семь договорныхъ грамотъ по двумъ главнымъ редакціямъ (готландской и рижской) договора 1229 г. напечатаны въ Русск.-Лив. Актахъ на стр. 420—447. Тексту ихъ предпослано весьма обстоятельное историко-критическое введеніе г. Кунина.

на него, какъ на вѣрное отраженіе различныхъ сторонъ купеческаго быта и тѣхъ условій, въ какихъ находилась тогдашняя торговля Русскихъ и Нѣмцевъ въ области Двины. Чрезвычайно важны и характерны юридическія воззрѣнія на преступленія, наказанія, на судебныя доказательства и способы судопроизводства. При этомъ естественно спросить: какія именно правовыя понятія одна сторона заявила другой? Не было ли общихъ пунктовъ, на которыхъ сошлись Русскіе и Нѣмцы по вопросамъ уголовного и гражданскаго права? И не дѣлала ли одна сторона какихъ нибудь уступокъ другой? Отлагая до другого случая разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Ганзой вообще, укажемъ здѣсь на тѣ статьи, которыя касаются собственно торговыхъ порядковъ въ области Двины и верхняго Днѣпра.

По пріѣздѣ съ Двины на волокъ, существующій между Западною Двиной и Днѣпромъ, нѣмецкіе купцы даютъ объ этомъ знать особенному тиуну („волоцкому“), и тотъ обязанъ тотчасъ послать приказаніе волочанамъ о немедленной перевозкѣ Нѣмцевъ съ товарами и о сбереженіи ихъ на пути отъ нападеній „погани“ (вѣроятно, литовскихъ разбойничьихъ шаекъ). Если одновременно съ Нѣмцами на волокъ будутъ смоленскіе купцы, то жеребьемъ должно рѣшать, кого впередъ везти, но гости изъ другихъ русскихъ городовъ во всякомъ случаѣ перевозятся послѣ. Волочане отвѣчаютъ за товаръ, пропавшій во время перевозки. Предварительно нагрузки товара на „кола“ (повозки), его взвѣшиваютъ на особенныхъ образцовыхъ вѣсахъ, данныхъ Нѣмцами. Если эти вѣсы попортятся, ихъ нужно повѣрять другими такими же вѣсами, находящимися въ нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ. Пріѣхавши въ Смоленскъ, нѣмецкіе купцы даютъ княгнямъ поставъ полотна („частины“), а волоцкому тиуну — готскія перчатки въ награду за его хлопоты. О вознагражденіи самихъ волочанъ въ договорѣ ничего не говорится. Судя потому, что волочане находятся подъ вѣдѣніемъ особеннаго княжескаго тиуна, надобно думать, что вся организація дѣла перевозки принадлежала князю, и что онъ или его тиунъ дѣлали расчетъ волочанамъ. Были ли волочане — жители волока, какъ думаетъ Карамзинъ ¹⁾, или они пріѣзжали изъ Смоленска на волокъ къ извѣстному сроку по приказу тиуна, это не видно изъ грамоты; но вѣрно то, что они составляли изъ себя артель съ круговою порукой. Въ другихъ смоленскихъ договорахъ о волочанахъ

¹⁾ Ист. Гос. Росс., III, гл. 7-я, въ перепечаткѣ договора 1229 г.

уже не упоминается, а изъ одной грамоты около 1300 года видно, что для проѣзда въ Смоленскъ Нѣмцы нанимали иногда людей князя Витебскаго, которые провожали ихъ черезъ Двину и Касплю ¹⁾ и волокомъ до Днѣпра. Извѣстны наконецъ такіе случаи, что рижскіе купцы запасались проводниками въ самой Ригѣ; такъ напримѣръ, въ 1213 году самъ магистръ ордена Фольквинъ провожалъ купцовъ вверхъ по Двинѣ, при чемъ натолкнулся на толпу Литовцевъ, которыхъ и разсѣялъ ²⁾.

Далѣе о торговлѣ содержатся слѣдующія постановленія: Иностраннымъ купцамъ общается свободная торговля всякаго рода товарами, Нѣмцамъ—въ Смоленскѣ, а Русскимъ—въ Ригѣ, на Готландѣ и въ Любекѣ. Они могутъ свободно отъѣзжать въ другіе города безъ всякаго платежа проѣздныхъ пошлинъ. Но торговые пошлины Нѣмцы платятъ въ Смоленскѣ въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ двухъ капей воску—одну куну, за покупку гривны золота—одну ногату; за серебро въ издѣліяхъ—одну куну, а за гривну серебра въ слиткѣ—только двѣ векши; за переплавку серебра взимается одна куна съ гривны. Но если Нѣмцы продаютъ золото и серебро въ Смоленскѣ, то вѣсовыхъ пошлинъ они совсѣмъ не платятъ. Этѣ данныя объ обращеніи въ смоленской торговлѣ золота, серебра и серебряныхъ издѣлій доказываютъ, что тамошняя торговля не была единственно только мѣновая ³⁾. Всего больше Нѣмцы покупали въ Смоленскѣ воскъ; торговые вѣсы, на которыхъ онъ взвѣшивался (вощный пудъ, капъ), должны были повѣряться образцовыми вѣсами, находящимися въ православной и нѣмецкой церквахъ. Въ заключеніи договора находится слѣдующая статья довольно гордаго тона, которая доказываетъ, что договорная грамота была редактирована Нѣмцами: „Епископъ рижскій, Фолкунъ мастеръ божіихъ дворянъ (магистръ ордена) и вси волостелеве по рижской земли (рыцари, владѣтели замковъ) дали *Двину волю отъ устья до верху, по водѣ и по берегу*“, — какъ будто верховья Двины принадлежали не Полоцку и не Витебску.

При двухъ экземплярахъ грамоты 1229 г. находится приписка,

¹⁾ Рѣка Каспля, протекающая по волоку какъ разъ въ направленіи отъ Смоленска, впадаетъ въ Западную Двину выше Витебска; по ней плавали даже въ учаняхъ. Русск.-Лив. Акты, № 49, стр. 27.

²⁾ Chron. Liv. vet., pag. 93.

³⁾ Смоленская гривна серебра = 4 гривнамъ лунъ = 80 ногатамъ = 200 кунамъ = 1920 векшамъ (Прозоровскій, Монета и вѣсъ въ древней Россіи въ Записк. Археол. Общ., кн. XII).

сдѣланная уже послѣ (вѣроятно, около половины XIII вѣка). Въ ней говорится, что купленные въ Смоленскѣ нѣмецкіе дворы съ принадлежащею къ нимъ землею („дворищами“), а равно земля, находящаяся около нѣмецкой церкви, должны состоять въ полномъ распоряженіи Нѣмцевъ, и что князь Смоленскій не можетъ ставить въ нихъ татарскихъ, или какихъ нибудь другихъ пословъ. Неизвѣстно, составляли ли эти дворы и церковь одно общее цѣлое на подобіе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, который также состоялъ изъ нѣсколькихъ домовъ и церкви св. Петра, огороженныхъ деревянною стѣной, или же они находились въ разныхъ мѣстахъ города. Гораздо важнѣе вопросъ: какое право дѣйствовало внутри нѣмецкаго двора въ Смоленскѣ, и имѣла ли здѣсь значеніе скра новгородскаго двора. Иначе сказать: какой городъ имѣлъ преобладаніе въ смоленской и вообще двинской торговлѣ? Былъ ли это Рига, Висби или Любекъ? На эти вопросы рѣшительно можно отвѣчать, что первенствующее значеніе въ двинской торговлѣ принадлежало именно Ригѣ, если не въ первое время ея существованія, то по крайней мѣрѣ съ конца XIII вѣка. На первый разъ Рига, конечно, зависѣла по дѣламъ торговли отъ старѣйшихъ нѣмецкихъ городовъ, съ которыми она была тѣсно связана историческими и культурными связями, порвать которыя она не могла, да и не имѣла нужды. Изъ Германіи прибывало въ Ригу и Лифляндію нѣмецкое населеніе; съ Временомъ она была связана церковными преданіями, а Любекъ всего больше помогалъ ея матеріальному развитію¹⁾. Но потомъ, когда среди разныхъ областей Ганзейскаго союза обнаружилось стремленіе преслѣдовать наиболѣе выгодную эгоистическую политику, увеличить свои права на ганзетагахъ и чужестранныхъ конторахъ, тогда и Рига съ лифляндскими городами стала добиваться расширенія своихъ правъ, въ чемъ и успѣла: съ 1363 года Рига и Лифляндія получили право составлять въ новгородскомъ дворѣ особенную квартиру, что давало имъ болѣе вѣскій голосъ въ управленіи двора, а также возможность выбирать ольдермановъ изъ лифляндскихъ уроженицевъ²⁾. Что же касается торговли по Западной Двинѣ, то несомнѣнно, что Рига получила здѣсь преобладаніе уже съ конца XIII вѣка. Находясь при устьѣ Двины, она имѣла возможность дер-

¹⁾ D. Rig. Schuldb., p. XI.

²⁾ О дѣленіи нѣмецкихъ городовъ на трети или квартиры (Drittheil, Quartiere) у *Sartorius* Gesch. des Hans. Bund., II, p. 18, 21—22 etc. Справ. также у *Ризенкампа* Der deutsche Hof zu Nowgorod, p. 24—27.

жать всю рѣку въ своей власти, могла запереть путь въ море, и дѣйствительно запирала русскимъ купцамъ, на чтѣ постоянно жаловались Полочане. Мало того, Рига старалась устранить даже ганзейскихъ купцовъ отъ двинской торговли. Такъ, ганзетагъ 1383 г. писалъ магистру Ливоніи и городу Ригѣ, чтобъ они позволили всѣмъ купцамъ плавать по Двинѣ, а на другомъ ганзетагѣ 1388 г. было рѣшено отправить въ Лифляндію посольство, которое должно было настаивать или совсѣмъ запереть Двину, или же допускать плаваніе по ней не однимъ только рижскимъ купцамъ ¹⁾. Чтѣ возражала на эти требованія Рига—не знаемъ; по всей вѣроятности она, напоминала Ганзѣ, что торговля съ Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ впервые началась и всегда поддерживалась изъ Риги, что она, слѣдовательно, имѣетъ на эту торговлю право давности, то самое право, котораго не могъ вполнѣ оспаривать и Любекъ у Висби, когда между ними поднялся раздоръ изъ-за первенства на повгородскомъ дворѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно, что Рига хозяйничала въ двинской и смоленской торговлѣ. Рижскій магистратъ распоряжался деньгами смоленской церкви, какъ это видно изъ слѣдующей записи Рижской долговой книги около 1289 года: „Община Святаго Духа состоитъ должною господину Арнольду Криспу и Андрею Парвусу (ратманамъ) двѣнадцать марокъ серебра, *взятыи ими изъ казны церкви Святой Дѣвы въ Смоленскѣ*, которыя уплатить по первому требованію въ продолженіе 8 дней“ ²⁾. Несомнѣнно, что весь смоленскій дворъ управлялся особенными инструкціями, исходившими отъ рижскаго магистрата, въ родѣ той, какая была послана полоцкой конторѣ въ 1393 году ³⁾, и что ольдерманъ тамошняго двора былъ изъ рижскихъ гражданъ.—Дальнѣйшее обозрѣніе торговли Смоленска съ Ригой подтвердить эти взгляды.

III.

Въ 1230 и 1231 годахъ въ Смоленскѣ свирѣпствовала ужасная моровая язва, отъ которой погибли 32 тысячи жителей, въ томъ числѣ и князь Мстиславъ Давыдовичъ ⁴⁾. Вскорѣ и другое бѣдствіе обрушилось на городъ: въ 1232 году какой-то князь Святославъ съ вооруженною шайкой напалъ на Смоленскъ, взялъ его на штурмъ, пере-

¹⁾ *Cartorij, Gesch. d. Hans. Bund., II, p. 446—447.*

²⁾ *D. Rig. Schuldb., p. 87, № 1336.*

³⁾ *Русск.-Лив. Акты, № 117.*

⁴⁾ *Новг. 4-я лѣтоп. подъ 6738 годомъ.*

билъ часть Смоленянъ и сталъ княжить ¹⁾). Конечно, эти событія произвели перерывъ въ нѣмецкой торговлѣ; отсюда представилась необходимость возобновить съ Ригой и Готландомъ договоръ 1229 г., что и сдѣлалъ неизвѣстный по имени Смоленскій князь, сынъ Мстислава Романовича, около половины XIII вѣка ²⁾). Въ существенныхъ чертахъ этотъ возобновленный договоръ сходенъ съ правдой 1229 г., но редація его статей отличается особенною ясностію. Нѣкоторые изъ нихъ выражены какъ будто съ намекомъ, что именно онѣ-то были нарушены, что изъ-за нихъ-то и нужно было подновить договоръ ³⁾). Двѣ новыя статьи особенно любопытны. По одной—князь выговариваетъ себѣ право вѣдать отъѣздъ гостей въ другія земли, какъ это бывало при его отцѣ Мстиславѣ Романовичѣ и братѣ Мстиславѣ (Давыдовичѣ?): *„о немъ (отъѣздѣ) ся прашати, а мнѣ е по думѣ пуцати“*. Право это будетъ понятно, конечно, при томъ предположеніи, что князь обязался давать проводниковъ нѣмецкимъ купцамъ на волокъ и въ другія сосѣднія княжества. Въ концѣ грамоты князь дѣлаетъ оговорку, что онъ не будетъ вѣдать ссоръ между Нѣмцами и людьми того князя, который вѣхалъ бы въ Смоленскъ, а также ссоръ съ гостями изъ русскихъ городовъ. Эта статья, вѣроятно, имѣетъ въ виду возможность временнаго захвата Смоленска какимъ нибудь буйнымъ княземъ въ родѣ вышеупомянутаго Святослава.

Какъ въ этомъ, такъ и въ договорѣ 1284 года при Ѳеодорѣ Ростиславичѣ Черномъ не упоминается о заморскихъ Нѣмцахъ и о поѣздкахъ Смоленянъ въ Любекъ: грамота Ѳеодора писана на имя Рижскаго епископа, ордена и Риги ⁴⁾). Другая небольшая грамота Ѳеодора любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ на практическое приженіе закона о несостоятельныхъ должникахъ: въ 1284 году князь судилъ дѣло Биреля и Армановича о нѣмецкомъ колоколѣ, при чемъ оказалось, что Бирель правъ, а Армановичъ виноватъ, и какъ несостоятельный должникъ, былъ выданъ Нѣмцамъ со своимъ дворомъ ⁵⁾).

¹⁾ Новг. 1-я лѣтоп. подъ 6740 годомъ.

²⁾ Русск.-Лив. Акты, стр. 451—453.

³⁾ Такъ напримѣръ, статья, устанавливающая штрафъ за вырванье бороды боярину или куноемцу, помѣщенная подъ конецъ договора, какъ кажется, служить намекомъ на недавній случай въ этомъ родѣ.

⁴⁾ Собр. Госуд. Грам. и Договор., II, № 3.

⁵⁾ Русск.-Лив. Акты, № 37. Изъ грамоты не видно, какиимъ именно образомъ колоколъ сталъ предметомъ тяжбы между Бирелемъ и Армановичемъ; неизвѣстно также, былъ ли это обыкновенный колоколъ, или колоколъ-тисы, о существованіи

Торговныя сношенія Смольнянъ съ Ригой продолжались въ концѣ XIII и въ XIV вѣкѣ, не смотря на случай ограбленія Витеблянъ подъ Ригой и на убійство одного купца, о чемъ писалъ Рижскій архіепископъ Ѳеодору Ростиславичу ¹⁾, не смотря также на цѣлый рядъ обидъ, учиненныхъ Витебскимъ княземъ Михаиломъ Константиновичемъ рижскимъ купцамъ въ Витебскѣ ²⁾, не смотря, наконецъ, на открытую вражду Риги съ орденомъ съ конца XIII столѣтія до 1330 года. Во времени этой вражды относится договоръ Смоленскаго князя Александра Глѣбовича, который „хочетъ съ Нѣмцами такой же любви, въ какой находились его отецъ и дядя“, и общается имъ чистый путь до Смоленска: грамота его посылается на имя только однихъ рижскихъ горожанъ, а о епископѣ и ордентѣ совсѣмъ умалчивается ³⁾. Но эта небольшая грамота въ сущности есть только приглашеніе къ договору, который состоялся на самомъ дѣлѣ такимъ образомъ, что князь подтвердилъ сполна договоръ 1229 года посредствомъ надписи на одномъ экземплярѣ Мстиславовой Правды ⁴⁾. Последняя договорная грамота Смоленска съ Ригой дана Иваномъ Александровичемъ, княжившимъ въ Смоленскѣ отъ 1330 по 1359 годъ ⁵⁾. Какъ и грамота его отца, она отражаетъ на себѣ слѣды рижскихъ событій. На первомъ планѣ въ ней стоитъ магистръ ордена, котораго князь называетъ своимъ братомъ, а потомъ слѣдуютъ епископъ, ратманы и всѣ рижскіе горожане, находящіеся „подъ рукою“ его, магистра, что ясно доказываетъ, что договоръ заключенъ былъ послѣ окончательнаго торжества ордена надъ Ригой, которая въ 1330 году послѣ осады была взята магистромъ Эбергардомъ фонъ-Монгеймомъ. Для заключенія мира со Смоленскомъ отъ ордена былъ посланъ особенный уполномоченный, рыцарь *Песковъ* (Псковъ, божій дворянинъ). Это служитъ доказательствомъ, что орденъ преслѣдовалъ въ смо-

---

которыхъ упоминается въ договорѣ Полочанъ съ Ригой 1407 года (Русск.-Лив. Акты, № 164). На судѣ князя, кромѣ бояръ, присутствовалъ *Лука окольничій*: это есть первое по времени упоминаніе о чинѣ окольничего.

¹⁾ Русск.-Лив. Акты, № 34.

²⁾ Тамъ же, № 49.

³⁾ Тамъ же, № 47.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 420, текстъ подъ литерой В.—Однако сомнительно, чтобы Смольняне воспользовались правомъ поѣздки въ Любекъ, а Ганзейцы сравнивались въ правахъ смоленской торговли съ Римлянами, какъ это слѣдовало бы по договору 1229 года.

⁵⁾ Собр. Гос. Гр. и Догов., II, № 8, безъ означенія времени.

ленской торговлѣ свои собственные интересы, и вѣроятно, велъ ее чрезъ своихъ комиссіонеровъ ¹⁾. Въ своемъ договорѣ Смоленскій князь признаетъ „старѣйшинство“ Гедиминова: „Докончатъ есмь по тому докончанью, како то брать мой старѣйшій Кедименъ и его дѣти Глѣбъ и Алкердъ“, то-есть, Наримонтъ и Ольгердъ, княжившіе въ Полоцкѣ и Витебскѣ около этого времени ²⁾. При Витовтѣ Смоленскъ окончательно переходитъ подъ власть Литвы, что нисколько не мешало ему продолжать торговля сношенія съ Ригой, какъ это видно изъ полоцкихъ грамотъ конца XV вѣка ³⁾. Впрочемъ, Полочане говорятъ, что они пропускаютъ рижскихъ купцовъ въ Витебскъ и Смоленскъ, если Рижане дадутъ имъ свободный проѣздъ за море, а также предоставлятъ имъ свободные пути въ Лифляндію помимо Риги. Такая оговорка указываетъ, что въ XV вѣкѣ торговля Смоленска по временамъ становилась въ зависимость отъ Полоцка, который игралъ тогда первую роль въ торговлѣ съ Ригой по Двинѣ.

IV.

Съ половины XIII вѣка въ Полоцкѣ было за обычай принимать на княженіе Литовскихъ князей. Иногда одновременно являлись нѣсколько соперниковъ, которые поднимали между собою ссоры и обращались за помощью къ Пѣмечкому ордену. Съ своей стороны орденъ охотно вмѣшивался въ дѣла Полоцка для того, чтобъ увеличить свои владѣнія на счетъ русскихъ земель. Къ числу первыхъ приобрѣтеній пѣмцевъ отъ Полоцка принадлежить *земля Лотыньская*, будто бы подаренная имъ княземъ *Константиномъ*. Неизвѣстно въ точности, былъ ли этотъ Константинъ—русскій князь, или изъ крещеныхъ Ли-

¹⁾ Известно, что орденъ не считалъ ниже себя пускаться въ мелкія торговля спекуляціи; самая вражда его съ Ригой немало обусловлена была торговыми соперничествами. Такъ, въ эпоху этой вражды Рижане жалуются Любеку (въ 1324 г.), что рыцари своевольно нарушаютъ миръ съ Литовцами, чтобы мѣшать ихъ торговлѣ, или вступаютъ въ союзъ съ ними, чтобы тайно отъ рижскихъ купцовъ вести торговлю съ ними въ своихъ замкахъ (Русск.-Лив. Акты, № 62).

²⁾ Такъ какъ Гедиминъ съ упомянутыми двумя сыновьями, князьями Полоцка и Витебска заключилъ мирный торговый договоръ съ Ригой въ 1338 году (Русск.-Лив. Акты, № 83), то по всей вѣроятности, и договоръ Ивана Александровича должно отнести къ тому же времени.

³⁾ Русск.-Лив. Акты, № № 266 и 279.—Изъ полоцкой грамоты 1553 года (тамъ же, № 384) видно также, что Полочане не пропустили римскихъ купцовъ въ Смоленскъ; но это было сдѣлано по приказанію Сигизмунда, ибо Смоленскъ находился тогда во власти Московскаго государя.

товцевъ, при какихъ именно обстоятельствахъ онъ уступилъ Лотыгольскую землю, и что должно разумѣть подъ названіемъ этой земли ¹⁾. Въ договорной грамотѣ Полоцкаго князя *Гердена* съ Ригой 1264 года уступка Лотыголы ордену представляется уже какъ фактъ совершившійся ²⁾. Мало того, Нѣмцы претендовали не разъ на владѣніе самимъ Полоцкомъ! Въ 1310 году папа Климентъ V со словъ рижскаго духовенства обвинялъ орденъ между прочимъ въ томъ, что онъ отступилъ отъ Полоцка, который былъ завѣщанъ рижской церкви однимъ Полоцкимъ княземъ, припавшимъ католичеству и бездѣтно умершимъ. На слѣдствіи, наряженномъ для провѣрки различныхъ обвиненій, возводимыхъ на орденъ, одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что дѣйствительно нѣкоторый полоцкій князь былъ обращенъ въ католичество, и въ Полоцкѣ поселилось было католическое духовенство, но насилія рыцарей людямъ князя довели до того, что пришли язычники (то-есть, Литовцы), изгнали Нѣмцевъ, частію даже перебили ихъ и взяли въ плѣнъ. На это обвиненіе орденъ отвѣчалъ, что городъ и крѣпость Полоцкъ всегда находились во власти Русскихъ ³⁾. Хотя такимъ образомъ орденъ послѣ своей неудачи и въ виду папскаго осужденія отказывался отъ всякихъ притязаній на Полоцкъ, но очевидно, былъ моментъ, когда Нѣмцы дѣйствительно пропагандировали въ Полоцкѣ католицизмъ, разчитывая чрезъ обращеннаго князя овладѣть и самимъ городомъ. Въ 1385 году Андрей Ольгердовичъ также уступалъ Полоцкъ ордену съ тѣмъ, чтобъ ему и его потомкамъ быть лепными владѣтелями Полоцкаго княжества подъ верховнымъ покровительствомъ ордена. Но такая сдѣлка не имѣла смысла уже потому, что Андрей въ ту пору не владѣлъ Полоцкомъ, да и послѣ, не смотря на помощь ордена, не могъ въ немъ утвердиться; такимъ образомъ и на этотъ разъ орденъ, ясно выдавъ свои

¹⁾ Боннель (*Chronographie, Comment.*, p. 239) полагаетъ, что Константиинъ былъ крещенъ Литвинъ, а уступленная имъ Лотыгала есть то, что въ послѣдствіи называлось польскими *Инолитами*, то-есть часть нынѣшней Витебской губерніи съ городами Динабургомъ, Люциномъ и Ражницей. Нужно думать, что Константиинъ уступилъ ордену часть Полоцкой земли за помощь, которую ему дали для достиженія Полоцка. Эту уступку свѣдѣнія утвердить за орденомъ папы Иннокентій IV и Урбанъ IV.

²⁾ Русск.-Лив. Акты, № 25.

³⁾ Письмо папы Климента V изъ Авиньона см. у *Bunge L.-E.-K Urkundenb.*, II, № 630, показаніе пріора Генриха тамъ же, № 638. Сущность этого дѣла вкратцѣ разказана у *Боннеля, Chronogr. Comment.*, p. 132—134. Срив. *Фойнъ, Geschichte Preussens.*, IV, p. 234—249.

виды на Полоцкѣ, потерпѣлъ неудачу вмѣстѣ со своимъ кліентомъ ¹⁾).

Далеко неудовлетворительны были отношенія Полоцка и къ самому городу Ригѣ. Длинный рядъ договоровъ отъ 1264 года до половины XVI вѣка, повторяющихъ почти однѣ и тѣ же статьи, показываетъ, какъ часто нарушались мирные договоры, и какъ вообще было мало искренности между торгующими сторонами. Доходили, напримѣръ, до такихъ мелочныхъ оговорокъ, что при взвѣшиваніи товаровъ вѣсовщикъ долженъ отнять руки отъ вѣсовъ и т. п. ²⁾ Не смотря на то, что въ своихъ договорахъ Полочане выговаривали себѣ право заморскихъ поѣздокъ на Готландъ и въ Любекъ ³⁾, рижскіе купцы обыкновенно не допускали ихъ въ море, даже не всегда позволяли проѣзжать мимо Риги въ Лифляндію. Въ 1470 году Рига откровенно писала въ Данцигъ, что у нея съ давняго времени происходитъ много споровъ съ Полочанами изъ-за того, что они хотятъ плавать за море со своими товарами, но что она *никогда* не могла этого имъ позволить ⁴⁾. Конечно, Рига поступала такъ не только потому, что хотѣла сосредоточить всю торговлю Русскихъ на своемъ рынкѣ, но и потому также, что не желала допускать въ область Двины ганзейскихъ купцовъ, что было бы необходимо, еслибы Русскіе ѣздили на Готландъ и въ Любекъ. Такимъ образомъ, торговныя сношенія ограничивались поѣздками Полочанъ въ Ригу, а Нѣмцевъ—въ Полоцкѣ. Послѣдніе образовали тамъ значительную колонію, впрочемъ жили не на собственныхъ дворахъ, какъ въ Смоленскѣ, а на квартирахъ у полоцкихъ горожанъ; при Витовтѣ имъ было отведено мѣсто подъ церковь ⁵⁾. Всѣ вмѣстѣ они составляли купеческую общину, которая избирала изъ своей среды ольдериана, но по важнѣйшимъ дѣламъ находилась въ зависимости отъ рижскаго магистрата, какъ это видно изъ его инструкціи, данной въ руководство Полоцкимъ Нѣмцамъ въ

¹⁾ Два акта о передачѣ Ордену Полоцка. См. у *Bunge*, L.-E.-K. Urk.-b. III, №№ 1226 и 1227. Въ послѣднемъ читаемъ: *regnum in Ploskow in feudum rescipimus a magistro Livoniae et ab ordine etc.*

²⁾ Русск.-Лив. Акты, № 74.

³⁾ Рус. Лив. Акт. №№ 25, 266, 279.

⁴⁾ Das deutsche Kontor zu Polozk, статья г. *Гильдебранда*, помѣщ. въ *Baltische Monatschrift* 1873 г. Эта статья, описывающая судьбу конторы вплоть до ея закрытія въ XVI вѣкѣ, богата интересными подробностями. О письмѣ къ Данцигу на стр. 351—352.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 346.

1393 году. Этотъ любопытный документъ, родъ небольшой скри, позволилъ себѣ представить здѣсь почти въ дословномъ переводѣ ¹⁾).

„Син законоположенія, которыя здѣсь написаны, должны соблюдать Нѣмецкіе купцы, живущіе въ Полоцкѣ и пользующіеся правами тамошней торговли. Прежде всего они должны выбрать изъ себя ольдермана, кого сочтутъ полезнѣйшимъ выбрать. Сей ольдерманъ долженъ исполнять свою обязанность и сохранять правила, данныя купцамъ, на сколько онъ сможетъ и сумѣетъ лучше. Вонервыхъ, никто не долженъ покупать воска, подмѣшаннаго саломъ, и вообще покупать воска нечистаго ²⁾). Никто не долженъ покупать кожаныхъ и мѣховыхъ товаровъ ластки и соболя болѣе четверти тысячи штукъ (quartir); предварительно покупая этотъ товаръ должно брать съ собою на домъ, и тамъ его разсмотрѣть. Не должно покупать мѣховъ испорченныхъ, которые, напримѣръ, подстрижены или повыщипаны, или подкрашены; равно нельзя покупать мѣховъ нецѣльныхъ (спитыхъ изъ лоскутковъ), а также и волоса, обстриженнаго съ мѣховъ. Никто не долженъ вступать съ Русскими въ компанію, или брать ихъ товары на комиссію. Всѣ эти правила должно соблюдать подъ страхомъ пени въ 10 марокъ серебра. Если Нѣмецъ купитъ какой-нибудь товаръ, а Русскіе попрепятствуютъ ему взять его, то должно извѣстить ольдермана, а этотъ долженъ извѣстить купеческую общину и объявить, чтобы никто не смѣлъ торговать съ Русскими. Если купецъ захочетъ отѣхать изъ Полоцка, то долженъ проситься у ольдермана. Если онъ уѣдетъ своевольно внизъ по Двинѣ, то ольдерманъ доложитъ рижскому совѣту, и виноватаго осудятъ по правиламъ купеческой общины. Если самъ ольдерманъ захочетъ отлучиться, онъ долженъ объ этомъ извѣстить общину, а та пусть выберетъ новаго ольдермана по общему правилу. Когда ольдерманъ позоветъ купцовъ на общее собраніе или пригласитъ кого-нибудь съ собою идти къ князю или Полочанамъ по извѣстному дѣлу, а приглашенные не явятся, то они платятъ ему штуку серебра (вѣроятно, марку или гривну). Если ольдерманъ прикажетъ кому-нибудь къ себѣ прійти (то-есть, по другимъ менѣе важнымъ дѣламъ), а тотъ не пойдетъ, то платитъ ольдерману половину фертинга.

„Когда приходятъ въ Полоцкѣ новые купцы, то имъ должно про-

¹⁾ Русск.-Лив. Акты, № 117.

²⁾ Не знаемъ, о какомъ сортѣ воска говорится въ слѣдующихъ словахъ: *ok so ne schal neen dutsch сорпан was сорен, dat enes wederworpen is.*

читывать сія правила. Мы желаемъ, чтобы всѣ изложенныя здѣсь пункты были исполняемы безъ всякаго ущерба, подъ опасеніемъ предписаннаго штрафа. 1393 года, въ день Архангела Михаила (29-го сентября)⁴.

Полочане, съ своей стороны, составляли значительное поселеніе въ Ригѣ. Здѣсь была цѣлая улица, населенная Русскими, и торговый ихъ дворъ съ церковью св. Николая; кромѣ того, въ одномъ предмѣстѣи города упоминается русская деревня⁵). Конечно, эти данныя относятся до Русскихъ вообще, но съ достовѣрностью можно полагать, что большинство ихъ были Полочане. Изъ двухъ грамотъ XVI вѣка видно, что клиръ къ православной церкви св. Николая назначался Полоцкимъ епископомъ и вообще находился на попеченіи Полочанъ: очевидно, что они были первые и болѣе многочисленные между всѣми Русскими поселенцы Риги, и что въ качествѣ таковыхъ и построили тамъ свою собственную церковь⁶).

V.

Поѣздки Нѣмцевъ въ Витебскъ были обыкновенны, и какъ кажется совершались преимущественно по зимамъ. Въ одну изъ такихъ зимъ въ концѣ XIII столѣтія они потерпѣли много обидъ со стороны Витебскаго князя Михаила Константиновича, о чемъ мы узнаемъ изъ длинной жалобы рижскаго магистрата, адресованной на имя упомянутаго князя. Быть можетъ, въ пей есть нѣкоторыя преувеличенныя подробности, которыя описываются ратманами со словъ однихъ потерпѣвшихъ въ Витебскѣ; быть можетъ также, что князь вынуждалъ на Нѣмцахъ убытки своихъ Витеблянъ, которые въ послѣднюю четверть этого столѣтія были ограблены подъ Ригой на 10 берковцевъ воску, при чемъ у нихъ былъ убитъ еще одинъ человѣкъ⁷); но во всякомъ

⁴) *Inland* 1855, p. 748. Авторъ записки о Рижской долговой книгѣ беретъ приведенныя указанія о русской колоніи въ Ригѣ изъ такъ-называемой *Doppelbok des Rig. Magistrate*.

⁵) Грамота епископа Іосифа 1521 года о назначеніи къ церкви св. Николая въ Ригѣ священника Ивана въ Русск.-Лив. Акт., № 370. Въ другой грамотѣ отъ 1523 года Полочане просятъ рижскій магистратъ довѣрить ключи отъ ихъ церкви новому священнику, по имени Матвѣю Яковлевичу (тамъ же, № 374). Но доходами полоцкой церкви завѣдывали рижскіе ратманы, вѣроятно, потому, что часть доходовъ назначалась въ пользу Риги.

⁶) Оправданіе сему дѣлу писалъ Рижскій архіепископъ къ Смоленскому князю Федору Ростиславичу; не отрицая ограбленія и убійства онъ говоритъ однако, что въ этомъ виноваты не Рижане (развѣ Литовцы?) Русск.-Лив. Акты, № 34.

случаѣ въ основаніи жалобы находится нѣсколько дѣйствительныхъ случаевъ насилія со стороны Витебскаго князя. О личности его самого ничего неизвѣстно; быть можетъ, онъ сынъ того Константина, который уступилъ Нѣмцамъ Лотыголу, какъ догадываются издатели грамоты¹⁾; и дѣйствительно, въ ней сдѣланъ отзывъ объ этомъ Константинѣ, какъ вѣрномъ защитникѣ и пріятелѣ Нѣмцевъ. Жалобы ратмановъ и побочныя обстоятельства всего дѣла такъ живо рисуютъ условія торговли того времени, что мы позволимъ себѣ передать сущность этого документа, опуская нравственные разсужденія и увѣщанія князю, которыми ратманы сопровождаютъ свои обвиненія. Онѣ сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

Одинъ нѣмецкій купецъ, еще первую зиму торговавшій въ Витебскѣ, пошелъ однажды изъ города къ тому мѣсту, гдѣ стояла литовская рать, съ намѣреніемъ купить плѣнницъ („дѣвки купити“), и на дорогу вооружился мечомъ. Но, идя, онъ заблудился къ одному монастырю, какъ вдругъ изъ него выскочили три чернеца и съ ними еще четвертый челоуѣкъ; всѣ они бросились на Нѣмца, обезоружили его и избили²⁾. А князь на другой день взялъ его, оковалъ цѣпями и въ такомъ состояніи держалъ у себя, а товара у него отнялъ на три берковца восну.—Однажды на товарищеской попойкѣ случилось, что одинъ нѣмецкій купецъ убилъ другого до смерти. Боясь за собственную жизнь, убійца бѣжалъ къ Витебскому князю, а Нѣмцы пришли къ нему и стали требовать выдачи преступника. Князь выдалъ его, но затѣмъ пошелъ въ его кѣльи и захватилъ въ свою пользу товаръ убійцы, тогда какъ товаръ этотъ, какъ замѣчаютъ ратманы, — слѣдовало выдать родственникамъ преступника. Тутъ же князь захватилъ товаръ другого ни въ чемъ не виноватаго купца, а именно волчьи мѣха на сумму пяти марокъ серебра³⁾. Когда купецъ,

¹⁾ Русск.-Лив. Акты, № 49. Грамота не означена годомъ, но по всей вѣроятности принадлежитъ концу XIII вѣка. Очевидно, ее писалъ по порученію магистрата какой-нибудь русскій челоуѣкъ, проживавшій въ Ригѣ, такъ, что для исторіи русскаго языка она представляетъ превосходный источникъ живой русской рѣчи того времени. Издатели полагаютъ, что грамота не была вовсе послана къ Витебскому князю; но еслибъ это было и такъ—что еще не доказано,—то она ни мало не теряетъ отъ того значенія весьма важнаго памятника въ исторіи торговли Русскихъ съ Ригой.

²⁾ По всей вѣроятности монахи приняли этого купца за лазутчика; въ виду Литовцевъ, расположившихся неподалеку отъ города и монастыря, они могли быть подозрительны ко всякому прохожему.

³⁾ «Волки жо оичины на 5 серебра», то-есть, разумѣется 5 марокъ или гривенъ.

бывшій въ то время въ Смоленскѣ, узнавъ объ арестѣ своего товара, онъ тотчасъ сѣлъ на коня, и прибывъ въ Витебскъ, просилъ князя возвратитъ ему отнятое имущество; но князь не возвратилъ.—Въ одинъ день князь велѣлъ прокричать на торгу, чтобы гость съ гостемъ не смѣлъ торговать. Услыхавъ такое распоряженіе, купецъ Фридрихъ пошелъ къ князю и испросилъ у него особенное позволеніе продать одному человѣку мѣшокъ соли. Онъ хотѣлъ было взвѣшивать соль, но дворяне князя, стоявшіе на гостинномъ дворѣ, не дали ему вѣсить; они выхватили у Фридриха ключъ отъ клѣти и пошли прочь; затѣмъ явился княжескій дѣтскій Плосъ и позвалъ Фридриха съ собою отъ имени князя; дорогой онъ завелъ его въ одну избу, гдѣ будто бы находился князь, но тутъ снялъ съ него одежду, заковалъ ему шею, руки и ноги и предалъ истязаніямъ („и мучилъ его такъ, какъ буди Богу жалъ“). Князь же въ то время послалъ другихъ дѣтскихъ на подворье Фридриха, и тѣ разграбили его товаръ на четыре капи воску ¹⁾.—Какъ-то разъ Нѣмцы отправляли своихъ коней изъ Смоленска въ Витебскъ; при этомъ князь осматривалъ ихъ и облюбовалъ одного коня, принадлежавшаго Герлаху. Онъ сталъ давать за этого коня десять изроевъ ²⁾, но тѣ не соглашались продать, такъ какъ де конь принадлежалъ не имъ; но когда князь предложилъ проводниковъ отъ Витебска до Смоленска и обратно до Полоцка, то Нѣмцы уступили коня. Сначала они поѣхали въ Смоленскъ въ сопровожденіи пристава Прокопія, которому по пріѣздѣ туда подарили часть скарлата (краснаго сукна), при чемъ приставъ заявилъ готовность ѣхать въ обратный путь, какъ только понадобится купцамъ, но вскорѣ ускоркалъ въ Витебскъ, оставивъ Нѣмцевъ безъ провода. А потому, заключаютъ ратмаи,—князь не выполнилъ своего обѣщанія и долженъ отдать назадъ коня, либо деньги; въ противномъ случаѣ Герлахъ бу-

¹⁾ Такъ какъ Фридрихъ торговалъ солью, то выраженіе, товаръ на 4 капи воску должно понимать въ смыслѣ стоимости всей соли этого купца. Следовательно, капъ воску и берковецъ воску считались въ тогдашней торговлѣ за единицы цѣнности вообще, какъ деньги.

²⁾ Этимологія слова изроеи намъ неизвѣстна. О величинѣ же этой денежной единицы можно судить по даннымъ Рижской долговой книги и Русской правды. Въ первой конь оцѣнивается въ 1½ марки, потомъ 2¼, иногда 3 марки серебра. (D. Rig. Schuld., Einleit., р. LVI) Это весьма близко подходитъ къ цѣнамъ Русской правды, гдѣ конь цѣнится въ 2 гривны (простой) и 3 гривны (княжій). См. «Промышленность древ. Руси», Н. Аристова, стр. 296.

детъ искать своего коня, какъ сможетъ ¹⁾. Разъ при отправленіи купцовъ изъ Витебска въ Смоленскъ Литовцы перехватили ихъ подъ самымъ городомъ, перевязали ихъ и отняли товару на 73 гривны серебра корнаго ²⁾; между тѣмъ князь ничего не сдѣлалъ для защиты купцовъ: „аже бы ся то дѣяло при отче твоємъ Костянтинѣ, тая бы обида николиже была нашен братьи“, добавляютъ ратманы и требуютъ, чтобы князь уплатилъ за весь ограбленный въ его волости товаръ.—Братъ князя торговалъ съ Ильбрантомъ на сумму 30 изроевъ, изъ которыхъ не уплатилъ 13-ти; ратманы требуютъ, чтобы князь раздѣлялся, „своего брата душе постерега“ (должно быть, послѣдній ужъ умеръ) ³⁾.—Самъ князь торговалъ съ Фридрихомъ и Шахматомъ, но не расплатился съ ними ⁴⁾. Послѣднее обвиненіе состоитъ въ томъ, что при взвѣшиваніи князь бралъ лишнія пошлинны.

Въ заключеніе ратманы говорятъ, что они не оставятъ безъ вознагражденія своихъ обидъ, что они будутъ жаловаться Богу и тѣмъ людямъ, которые любятъ правду, а кривду ненавидятъ, то-есть, проще говоря, угрожаютъ войной. Не извѣстно, привели ли они свои угрозы въ исполненіе, какъ не извѣстно остается и то, сколько было дѣйствительной правды на ихъ сторонѣ. Одно только очевидно при чтеніи грамоты, что магистратъ старался описать обиды своихъ купцовъ сколько можно жалобнѣе.

VI.

Но при всѣхъ неудобствахъ, въ какихъ находилась торговля на Двинѣ, предприимчивые купцы не теряли надеждъ на большіе барыши и пускались въ торговныя предпріятія всякій разъ, какъ только наступали нѣсколько благопріятныя условія для торговыхъ сношеній. А въ самой Ригѣ Русскимъ былъ открытъ довольно значительный

¹⁾ Издатели справедливо полагаютъ, что этотъ Герлахъ былъ римскій ратманъ.

²⁾ Не происходитъ ли слово *корный* отъ *кренуть* (кренуть, купить)? И тогда корное серебро не означаетъ ли обыкновенныхъ *денегъ*, на которыхъ проиживаются всякая купля-продажа. Тогда корное серебро противопоставилось бы серебру на вѣсъ или въ слиткахъ.

³⁾ Этотъ Ильбрантъ (Гильдебрантъ), вѣроятно, есть тотъ купецъ, о которомъ въ Римской долговой книгѣ (запись № 1251) говорится, что онъ задѣтъ торговать въ Полоцкѣ.

⁴⁾ Въ изданіи Русск.-Лив. Акт. напечатано: «шахматъ Фридрихъ». Г. Гильдебрантъ читаетъ здѣсь два собственныхъ имени (D. deut. Kontov zu Polozk, p. 375).

кредитъ, особенно подъ воскъ, какъ это увидимъ сейчасъ изъ долговой книги.

Рижская долговая книга, веденная при магистратѣ въ теченіе 1286 — 1352 годовъ, содержитъ въ себѣ 1909 почти исключительно долговыхъ записей. Число записей, спеціально относящихся до Русскихъ, которые являются должниками и кредиторами, имѣющими дѣла съ рижскими купцами и между собою, простирается слишкомъ до трехъ сотъ, что составляетъ около 16% всего количества внесенныхъ въ книгу записей. Всѣ долговыя обязательства со стороны Русскихъ совершены между 1286 и 1327 годами, но самая большая масса ихъ (слишкомъ 200) приходится на первое десятилѣтіе пользования долговою книгой, когда торговля Русскихъ въ Ригѣ является весьма оживленною (1286 — 1295 гг.), между тѣмъ какъ въ остальной періодъ времени, слишкомъ въ 30 лѣтъ (1296—1327 гг.), записано меньше ста сдѣлокъ. Должно впрочемъ замѣтить, что одна долговая книга не можетъ служить показателемъ всего количества торговыхъ сдѣлокъ на кредитъ. Дѣло въ томъ, что ссуды, кредитъ и другія обязательства могли заключаться и внѣ рижскаго магистрата, напри- мѣръ, въ присутствіи нѣсколькихъ ратмановъ и вообще вліятельныхъ лицъ, владѣвшихъ въ городѣ недвижимою собственностью ¹⁾; сдѣлки, совершенныя при этихъ лицахъ, имѣли законную силу безъ внесенія въ долговую книгу, вслѣдствіе чего къ ней стали прибѣгать рѣже, а потомъ и вовсе перестали ею пользоваться. Кромѣ того, должно принять въ соображеніе и то, что по словамъ издателя книги, изъ нея вырвано болѣе половины листовъ, частію ужъ исписанныхъ, съ чѣмъ, конечно, для насъ утратилось нѣсколько данныхъ о торговлѣ Русскихъ въ кредитъ ²⁾.

Было упомянуто выше, что Русскіе составляли въ Ригѣ значительную колонію, населяя тамъ цѣлую улицу, имѣя свою церковь и торговый дворъ. Но остается вопросъ: на сколько эта колонія была постоянною или временною? Долговая книга представляетъ двоякаго рода указанія по сему предмету. Съ одной стороны нѣсколько Русскихъ, какъ Афремы, Семены, Тимошей, Петра, Дмитрій и Якимъ Скорники, являются въ Ригѣ владѣтелями недвижимаго имущества — земли и домовъ, поступающихъ въ закладъ кредиторамъ, и въ ка-

¹⁾ Raatlude ofte winkopeslude, какъ они называются въ одномъ кодексѣ рижскаго права (D. Rig. Schuldb., p. XVIII).

²⁾ Ibid., p. XIII.

чествѣ каковыхъ владѣльцевъ должны быть причислены къ гражданамъ рижскимъ, какъ это слѣдуетъ по рижскимъ законамъ ¹⁾. Вѣроятно, къ гражданамъ же принадлежатъ богатые предиторы Степанъ съ сыномъ Ксенофонтомъ и Кузьма, а также крупные торговцы Иванъ и его тезка, обыкновенно называющійся „Johannes Rutenus“ ²⁾. Съ другой стороны, временно торгующими въ Ригѣ оказываются Юріанъ и Макарій, граждане дерптскіе ³⁾. На квартирѣ живутъ Павелъ и Геннеке у Оомы, Якимъ—у. Големпе, вѣроятно, также въ качествѣ временно пріѣзжихъ торговцевъ ⁴⁾. О многихъ Русскихъ говорится, что они уплатятъ свои долги по возвращеніи въ Ригу изъ своихъ поѣздокъ. Отсюда впрочемъ не слѣдуетъ, что всѣ они суть временно пріѣзжіе въ Ригу, потому что и рижскіе граждане, напримѣръ, Семень и Дмитрій также ѣздятъ внутрь Россіи для закупки товаровъ, и они производятъ свои уплаты по возвращеніи въ Ригу ⁵⁾. Что касается до такихъ лицъ, какъ Яковъ Вобрь изъ Полоцка, Добрый, Сидѣлый (Sedil), Кондрать, Сидоръ и Лукавый изъ Пскова, Иванъ изъ Рѣжицы, Оома изъ Иксуля, Андрей изъ Кукейнаса, то и на нихъ можно смотрѣть двояко: они могутъ быть или временными гостями Риги, или ея постоянными жителями, но выходцами изъ означенныхъ мѣстностей, по которымъ въ данное время они носятъ свои фамиліи ⁶⁾. Но если нельзя опредѣленно сказать, въ какой именно степени Русскіе, упоминаемые въ долговой книгѣ, суть временные или постоянные жители Риги, то навѣрное можно утверждать, что большинство ихъ суть уроженцы изъ области

¹⁾ D. Rig. Schuldb., р. LXXIX. Записи, относящіяся до названныхъ лицъ, слѣдующія: 10-я, 14-я, 310-я, 302-я, 1261-я, 1324-я, 1340-я, 1511-я.—Дмитрій и Якимъ прямо названы сивес. Не извѣстно, относится ли къ собственникамъ и гражданамъ Акакій: по записи 1513-й этого прямо невидно. Кажется, что у Оомы есть свой домъ, судя по записи 1231-й.

²⁾ Степанъ и Ксенофонтъ одолжили однажды нѣкому Эвергарду 180 марокъ серебра, что составляетъ весьма значительную сумму по тогдашнему времени (зап. 360-я). Кузьма много разъ одождаетъ Русскихъ (зап. 66-я, 534-я и т. д.), но самъ никогда не бываетъ должникомъ. Объ Иванѣ и Юганнѣ нѣсколько подробностей послѣ.

³⁾ Записи 312 и 1.501.

⁴⁾ Зап. 1231-я и 1670-я. Геннеке (Henneke Rutenus) есть, вѣроятно, уменьшительное отъ какого-нибудь русскаго имени въ родѣ Геннадій, Евгений и т. п.

⁵⁾ Зап. 1335-я и 1712-я. Ср. 729-я, 1289-я и др., гдѣ встрѣчается обычная формула Solvent, cum redierint.

⁶⁾ Записи 875-я, 307-я, 1326-я, 1767-я, 1676-я, 599-я, 19-я.

Западной Двины, а именно изъ Полоцка, Витебска и другихъ городовъ и мѣстъ, для которыхъ Рига естественно была главнѣйшимъ рынкомъ и даже мѣстомъ поселенія, болѣе или менѣе продолжительнымъ. Кроме вышеприведенныхъ соображеній по поводу полоцкой церкви въ Ригѣ, укажемъ еще на слѣдующіе факты, которые также подтверждаютъ этотъ взглядъ. Въ 1288 и 1292 годахъ нѣмецкіе купцы (въ томъ числѣ и рижскіе) были ограблены Псковичами и Новгородцами на весьма значительную сумму ¹⁾. Если же по Рижской долговой книгѣ Русскіе имѣютъ наибольшій кредитъ въ десятилѣтіе съ 1286 по 1295 годъ, то очевидно, что не Новгородцы и Псковитяне пользовались этимъ кредитомъ, а именно Полочане, Витебляне и вообще Русскіе изъ области Двины,—потому что Рига вслѣдствіе ограбленія своихъ купцовъ должна была прекратить торговля сношенія со Псковомъ и Новгородомъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Быстрый же упадокъ кредита для Русскихъ послѣ 1295 года долженъ быть объясняемъ въ значительной степени событіями въ Витебскѣ при князѣ Михаилѣ Константиновичѣ ²⁾. Что касается до смоленскихъ купцовъ въ Ригѣ, то о нихъ нѣтъ указаній въ долговой книгѣ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Смольняне посѣщали Ригу. То же должно сказать и о Новгородцахъ. Замѣчательно, что въ сдѣлкахъ между рижскими Нѣмцами нерѣдко упоминаются новгородскія марки (≡гривны) серебра и новгородскій вѣсъ серебра ³⁾; по всей вѣроятности, въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ о тѣхъ Нѣмцахъ, которые занимаются по преимуществу новгородскою торговлей. Должно впрочемъ замѣтить вообще, что для Новгорода и Пскова Рига далеко не была такимъ важнымъ рынкомъ, какъ для Полоцка и Витебска: Псковъ находился въ ближайшей торговой связи съ Дерптомъ и Нарвой, а для Новгорода главною торговою дорогою были Волховъ и Нева.

Весьма вѣроятно, что пріѣзжіе полоцкіе купцы составляли въ Ригѣ особенное „купечество“ при церкви св. Николая, хотя изъ Рижской долговой книги видно что Русскіе ведутъ свою торговлю только небольшими компаніями, человѣка въ три или четыре, а все-

¹⁾ Счетъ товаровъ, захваченныхъ Псковичами и Новгородцами, съ повременіемъ потерявшихъ купцовъ см. у. *Sartorius-Lappenberg Urkundl. Gesch. d. Urspr. d. deutsch. Hanse*, II, №№ 70 и 71.

²⁾ Вотъ почему и жалобу рижскихъ ратмановъ точнѣе можно отнести къ послѣднему пятилѣтію XIII вѣка.

³⁾ Запис. 210-я, 290-я, 610-я, 976-я.

го чаще по двое. Притомъ эти компаніи существуютъ не по долгу; замѣтно, что онѣ образуются для веденія какого-нибудь ближайшаго дѣла, по совершеніи котораго распадаются, послѣ чего образуются другія товарищества съ новою группировкой лицъ; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это не суть компаніи съ торговою цѣлью, а только нѣсколько поручителей за одного должника. Большею устойчивостью отличаются компаніи родственниковъ ¹⁾; любопытно, что однажды являются лично отвѣтственными должниками мужъ и жена ²⁾. Нерѣдки наконецъ случаи, когда Русскіе ведутъ свои дѣла въ товариществѣ съ Латышами, Ливами и Нѣмцами, съ послѣдними всего рѣже ³⁾.

Русскіе внесены въ долговую книгу почти всегда должниками; случаи, когда они являются кредиторами, весьма рѣдки и принадлежать къ исключеніямъ ⁴⁾. За то кредиторы Русскихъ весьма многочисленны. Первое мѣсто между ними по количеству ссудъ и вообще по положенію въ средѣ рижскаго купечества принадлежитъ ратманамъ, каковы Сведеръ Мюнстерскій, Гельмикъ, Бруно Кельнскій, Герлахъ Рузе и др., для которыхъ на концѣ книги были отведены особыя страницы. Вообще кредиторы Русскихъ гораздо многочисленнѣе ихъ самихъ, что, по видимому, указываетъ на довольно выгодное положеніе Русскихъ въ Ригѣ, такъ какъ они могли бы выбирать между нѣсколькими кредиторами, не попадая въ исключительную зависимость отъ какого-нибудь одного изъ нихъ. За то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что только немногіе Русскіе выдаются своими большими оборотами и имѣютъ себѣ большой кредитъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны Якимъ Скорнякъ съ двумя зятьями, Василій товарищъ Мануила, Иванъ, а всѣхъ больше — Іоаннъ (*Johannes Rutenus*), относительно котораго считаемъ не-

¹⁾ Очень часто встрѣчаются: Якимъ Скорнякъ съ двумя зятьями Васильемъ и Семеномъ, а также Іоаннъ съ зятемъ Петромъ. Другіе родственники большею частью — братья.

²⁾ *Turentey Rutenus et uxor sua*. Зап. 1387-я.

³⁾ Тома изъ Искулы обыкновенно торгуетъ съ Ливами; изъ Латышей, то варищей Русскихъ по торговлѣ, особенно часто встрѣчаются Пяуцекъ и Пуреке. Съ Нѣмцами входятъ въ компанію только двое Русскихъ (запис. 950-я и 1513-я). Припомнимъ, что въ Полоцкѣ были запрещены компаніи Нѣмцевъ съ Русскими.

⁴⁾ Кромѣ упомянутыхъ выше кредиторовъ, встрѣчаются и другіе (человѣкъ десять), которые даютъ въ долгъ, большею частью Русскимъ же. Въ долгъ Нѣмцамъ даютъ: Головинъ (зап. 291) и еще *quidam Rutenus* (зап. 1210).

лишнимъ привести нѣсколько подробностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда съ другими товарищами, но чаще одинъ, онъ записанъ въ долговую книгу между 1288 — 1296 годами 50 разъ, что составляетъ почти $\frac{1}{6}$ всѣхъ записей, относящихся до Русскихъ. Имѣя до срока кредиторовъ, онъ обязывается уплатить имъ около 150 марокъ серебра и слѣшкомъ 300 лиспфундовъ воску. Этотъ Іоаннъ и другіе, сейчасъ упомянутые съ нимъ купцы изъ Русскихъ (какъ кажется *въ* рижскіе граждане), и держали въ своихъ рукахъ крупную торговлю воскомъ, тогда какъ большинство другихъ Русскихъ (пріѣзжіе въ Ригу на время) играли роль только второстепенныхъ посредниковъ и поставщиковъ этого драгоценнаго произведенія Литвы и Руси. Выходитъ такимъ образомъ, что поселяясь въ Ригѣ, Русскіе выигрывали весьма много, какъ ловкіе посредники между Нѣмцами и своими единоплеменниками, пріѣзжавшими торговать въ Ригу. Кроме того, въ качествѣ рижскихъ гражданъ они приобретали право заморской торговли, чѣмъ и пользуется, напримѣръ, Тимошка, который около 1327 года торгуетъ въ Любекѣ ¹⁾.

Долги Русскихъ происходили въ такой формѣ, что рижскіе купцы давали имъ заморскіе товары, а Русскіе обязались доставлять за нихъ извѣстное количество сырыхъ продуктовъ, преимущественно воску, а частію — мѣховъ. Правда, что въ записяхъ почти нигдѣ не говорится, за какой именно товаръ Русскіе остались должниками, но на основаніи свѣдѣній о торговлѣ новгородскаго двора должно полагать, что и въ Ригѣ русскіе купцы покупали преимущественно сукна и полотна, два важнѣйшія произведенія европейскихъ фабрикъ и главнѣйшій предметъ ввоза въ Россію ²⁾. Хотя долги Русскихъ въ большинствѣ случаевъ также показаны въ деньгахъ (случай уплатъ деньгами и воскомъ приблизительно относятся, какъ 2 къ 1), но тутъ далеко не всегда можно видѣть простыя денежныя ссуды: справедливо конечно, что для Нѣмцевъ гораздо выгоднѣе было отпускать Русскимъ товаръ подъ деньги, или товаръ подъ товаръ, чѣмъ давать простыя денежныя ссуды: онъ такъ рѣдки, что ихъ нужно отнести только къ исключеніямъ ³⁾.

¹⁾ Thymuske Ruthenus.. solvit Lubek⁴.. зан. 1511-г.

²⁾ Припомнимъ полотно, которое Нѣмцы дарятъ Смоленской княгинѣ, а также скарлатъ, данный Витебскому приставу. О привозѣ золота, серебра, мѣди, олова и соли говорится въ договорахъ 1229 и 1330 гг. (Русск.-Лив. Акты, № 74.)

³⁾ Соображеніе г. издателя долговой книги, стр. XXII и XXIV. Денежныя

Самымъ важнымъ предметомъ рижской торговли въ средніе вѣка былъ воскъ, который изнутри Россіи чрезъ Ригу шелъ въ западную Европу: цѣлая треть записей, относящихся до Русскихъ, положительно говоритъ о воскѣ, какъ предметѣ уплаты, да и въ большинствѣ остальныхъ случаевъ нужно предполагать уплату этимъ же товаромъ. Иногда Русскіе представляютъ его въ огромномъ количествѣ: такъ однажды Василій, зять Якима, обѣщается поставить Генриху Борнессъ сразу полъ-ласта ¹⁾. Воскъ представляли на продажу обыкновенно перетопленнымъ (*cera resoluta, was geschmolten*), при чемъ ему давали форму круглыхъ кусковъ, вѣсомъ въ полшинфунда или десять лиспфундовъ ²⁾. Гораздо рѣже чѣмъ воскомъ Русскіе платятъ долгъ мѣхами, а именно мѣхами зайцевъ, бѣлокъ, ластокъ и рыси. Мѣха покупали счетомъ, и обыкновенною единицей было такъ-называемое *Zimmer*, вѣроятно соотвѣтствующее русскому *сороку* ³⁾. Какъ было замѣчено, въ записяхъ почти не говорится, за какой именно товаръ Русскіе вошли въ долгъ у Нѣмцевъ; исключеніе представляется только въ трехъ случаяхъ, гдѣ указано, что деньги и мѣха имѣютъ быть уплачены за коней ⁴⁾.

суды явно видны въ записяхъ 151-й и 1860-й. Въ Ригѣ были и банкиры (*campores*), какъ напримѣръ, Іоганнъ, ссудившій марку серебра Борису и Константину (зап. 251-я). Но это—исключенія.

¹⁾ Зап. 1623-я. Половина ластва = 6 шинпфундамъ = 120 лиспфундамъ = 15 каппамъ (*D. Rig. Schuldb.*, p. LVII).

²⁾ Эти куски — *frusta* — только приблизительно равняются русской капи (8 лиспфундовъ), почему въ долговой книгѣ отличается *cap* или *frusta Rutenica*. Весьма существенныя замѣчанія о значеніи воска въ рижской торговлѣ, о различныхъ его сортахъ и относящейся до него терминологіи приводятся г. издателемъ (*Einleit.*, p. LI—LIV.). Къ объясненію нмъ *cera sine pede* считаемъ не лишнимъ добавить, что въ договорѣ Полоцка съ Ригой 1330 г. есть выраженіе, дословно съ тѣмъ сходное: «*воски безъ подсады*». Кажется, что назъ русскаго языка должно объяснять *medewas*, названіе какого-то сорта воска (зап. 355-я и 1638-я). Не означаетъ ли оно *желтаго* воска, похотого цвѣтомъ на *медъ*, или воска, невополнѣ свободнаго отъ *примеси меда*?

³⁾ Зап. 216-я, 250-я, 298-я, 732-я, 949-я, 1537-я, 1624-я, 1680-я. Этими записями и ограничиваются указанія на торговлю мѣхами. Но что они составляли важнѣйшій послѣ воска товаръ, въ этомъ убѣдиться можно изъ приведенной выше инструкціи магистрата къ полоцкимъ Нѣмцамъ.

⁴⁾ Зап. 216-я, 950-я и 1347-я. Лошади нужны были на обратную поѣздку изъ Риги. «А кони намъ у насъ у Риге купити, ни чемъ у норхъ ѣхати» (Русск.-Лив. Акты, № 154). Въ другомъ договорѣ это выражено еще яснѣе: «я отсюдо (изъ Полоцка) поѣхали водою, а оттоде (изъ Риги) ужо нелга ѣхати водою,—замерзеть а они собѣ тамъ кони покупать» (тамъ же, № 267).

Долги Русскихъ большею частью краткосрочные, не болѣе какъ въ предѣлахъ одного года; случаи болѣе продолжительнаго срока, а также случаи уплаты долга по частямъ въ два или болѣе разъ, — очень рѣдки ¹⁾. Самымъ обыкновеннымъ срокомъ служить Пасха, или правильнѣе, начало навигаціи по Двинѣ, совпадающее съ этимъ праздникомъ (*prima aqua*). Въ эту пору Русскіе ѣхали внизъ по Двинѣ въ Ригу, а рижскіе Нѣмцы отправляли въ Европу воскъ и мѣха, доставленные Русскими или закупленные ими самими во время зимнихъ поѣздокъ въ Россію и Литву. Въ нѣкоторыхъ записяхъ сроки вовсе неозначены, по не досмотру ли писцовъ, или быть можетъ, потому, что здѣсь подразумѣвается обычное выраженіе: *solvent cum redierint*. Много долговъ Русскихъ остались не уплаченными, если судить по не зачеркнутымъ записямъ долговой книги ²⁾. Кажется впрочемъ, что нѣкоторыя записи не зачеркнуты или не выскоблены остались по неисправности секретарей, число которыхъ во время пользованія долговою книгой доходило до шестнадцати; а такъ какъ долговая книга въ виду постепенно утрачивала офиціальное значеніе, то и не исправное веденіе записей и вычеркиваніе ихъ могло допускаться даже сознательно. Наконецъ, уплата долговъ могла совершаться при постороннихъ свидѣтеляхъ внѣ рижскаго магистрата. Но еслибы эти соображенія не имѣли цѣны, и еслибы не вычеркнутыя записи дѣйствительно всегда означали не уплаченные долги, то барыши наличной торговли и нѣсколько исправныхъ платежей достаточно покрывали долги немногихъ несостоятельныхъ русскихъ купцовъ, съ которыми Нѣмцы вели свои дѣла.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на одну замѣчательную запись, находящуюся на страницѣ ратмана Сведера Мюнстерскаго, которая говоритъ слѣдующее: „Николай, по прозванію Волкъ, долженъ 103¹/₄ марки серебра, которыя уплатить къ Пасхѣ 1287 года. Тотъ же вышеозначенный Николай обязался при этомъ, что онъ не пойдетъ въ землю Суздальскую“ ³⁾. Послѣднее обязательство можетъ быть понимается такъ, что Николай Волкъ былъ пріѣзжій изъ Суздаля, и потому, занявъ у Сведера значительную сумму денегъ, онъ въ обезпеченіе долга остается въ Ригѣ до окончанія своихъ торговыхъ дѣлъ,

¹⁾ Зап. 66-я, 862-я, 1397-я, 1824-я, 1860-я.

²⁾ Вычисленіе не зачеркнутыхъ записей сдѣлано издателемъ книги на стр. LXXIII—LXXV.

³⁾ Зап. № 1770: «... Idem antedictus Nicolaus se ad hoc obligavit, quod terram Susdale non intrabit».

послѣ чего будетъ въ состояніи расплатиться. Но кажется, вѣрнѣе будетъ такое пониманіе, что Николай былъ рижскій купецъ русскаго происхожденія, и что занявъ деньги, онъ отказался отъ своего права участвовать въ торговыхъ поѣздкахъ въ Суздаль для Сведера и вообще для той гильдіи купцовъ, которая занималась торговлей спеціально въ Суздальской землѣ ¹⁾. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ изъ приведенной записи видно, что Рига въ концѣ XIII вѣка имѣла торговныя сношенія съ Суздальскимъ краемъ и вообще съ областью средней Волги, откуда, вѣроятно, и зашло въ Ригу употребленіе термина „болгарская каѣ“ (*frusta Bulgarsch*) ²⁾. Эти сношенія продолжались и позже: въ одномъ письмѣ конца XV вѣка Полочане пишутъ въ Ригу: „вашихъ есмо купцовъ пропустили къ Витебську и къ Смоленску, оли жъ и на Москвѣ побывали“ ³⁾. Путь въ тѣ края проложили для Риги, конечно, ея русскіе обитатели.

М. Бережковъ.

---

¹⁾ Къ этой гильдіи, вѣроятно, принадлежалъ и «Lubbertus de Susdale». Зап. 1019-я и 1024-я.

²⁾ Зап. 642-я.

³⁾ Рус. Лив. Акты, № 266.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XVIII.
(Донесенія австрійскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ графа
Мерси-Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и канцлеру графу Кауницу.
Съ 5-го января по 24-е іюля 1762 года).

Весьма недавно приходилось намъ говорить о новомъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества, содержащемъ документы, которые относятся къ пребыванію Фальконета въ Петербургѣ, а теперь предъ нами лежитъ еще томъ, чрезвычайно интересный по послѣднимъ въ него матеріаламъ. Заимствованы они изъ Вѣнскаго государственнаго архива и состоятъ изъ донесеній, которыя австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ графъ Мерси-Аржанто доставлялъ Маріи-Терезіи и графу Кауницу за періодъ времени отъ кончины императрицы Елисаветы до первыхъ дней воцаренія Екатерины II. Любители историческихъ изслѣдованій имѣли уже возможность познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дипломатомъ: извѣстна роль, которую игралъ онъ въ началѣ французской революціи, стараясь, чрезъ посредство Ламарка, привлечь Мирабо на сторону двора (см. книгу *Correspondence de Mirabeau avec le comte de la Marck*), и еще гораздо любопытнѣе, какъ оказывается изъ документовъ, обнародованныхъ въ недавнее время г. Арнетомъ, его дѣятельность предъ революціонными смутами, когда въ качествѣ довѣреннаго лица императрицы Маріи-Терезіи онъ руководилъ королеву Марію-Антуанету своими совѣтами и старался отвратить отъ нея страшныя несчастія. Всѣ дѣйствія графа Мерси-Аржанто доказываютъ, что это былъ человѣкъ замѣчательнаго и тонкаго ума, обладавшій рѣдкимъ тактомъ и наблюдательностью. Понятно, слѣдовательно, какой интересъ должны представлять свѣдѣнія, которыя сообщалъ онъ своему правительству о Россіи въ кратковременное царствованіе Петра III, ибо преимущественно къ этому времени относятся обнародованныя пингъ его бумаги. Дѣйствительно, онѣ въ высшей степени любопытны.

Вступленіе на престолъ преемника императрицы Елисаветы Петровны было событіемъ громаднѣйшей важности не только для нашего отечества, но и вообще для Европы. Всѣ сознавали, что оно должно было произвести рѣшительную перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ, напругавшихъ свои силы въ продолжительной войнѣ. Если Фридрихъ Великій имѣлъ причины ожидать для себя отъ этого событія самыхъ счастливыхъ результатовъ, то другіе смотрѣли на возможность его съ крайнимъ страхомъ и смущеніемъ. Еще позднѣе чѣмъ оно совершилось, государственные люди не переставали обращаться къ нему своими помыслами. „.....Нѣтъ ничего опаснѣе въ настоящую минуту, писалъ въ 1759 году датскій министръ Бернсторфъ герцогу Шуазелю ¹⁾),—ничего что въ такой степени вызвало бы серьезное вниманіе великихъ державъ, какъ эта связь (между Петромъ и королемъ Фридрихомъ Великимъ), связь столь интимная, что наслѣдникъ русскаго престола позволяетъ себѣ говорить открыто противъ политики и дѣйствій своей государыни, противъ очевиднѣйшихъ интересовъ имперіи, которую онъ будетъ призванъ управлять,—связь овладѣвшая его сердцемъ до того, что онъ ослѣпляетъ себя относительно опасностей, сопряженныхъ съ подобнымъ поведеніемъ. Какъ сильно должно быть поглощенъ его умъ мыслью о мнимыхъ выгодахъ такого союза, если уже теперь не отказывается онъ себѣ въ удовольствіи выражать свой образъ мыслей! Съ другой стороны не та ли же самая перспектива служить поддержкою для короля прусскаго и воодушевляетъ его въ томъ необыкновенномъ сопротивленіи, которое противопоставляетъ онъ усиліямъ столькихъ враговъ! Признаюсь, мнѣ приходятъ на умъ самыя серьезныя и самыя печальныя размышленія, когда представляю я себѣ, что гранью между теперешнимъ моментомъ и событіемъ, котораго я страшусь, служить власть и жизнь болѣзненной монархини...“ Шуазель старался показать, что не поддается этимъ опасеніямъ, но очевидно, что въ сущности онъ самъ вполне раздѣлялъ ихъ. „Императрица Елисавета, утѣшалъ онъ Бернсторфа, находится еще въ такихъ годахъ и пользуется такимъ здоровьемъ, что — судя по естественному ходу вещей—все обѣщаетъ ей продолжительное царствованіе. Къ тому же всякій принцъ, возлагающій на себя корону, видитъ вещи далеко не въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ онѣ представлялись ему, когда

¹⁾ Correspondance entre le comte Bernstorff et le duc de Choiseul. 1871, 27—28.

онъ былъ наслѣдникомъ престола.* Едва ли не болѣе другихъ озабоченъ былъ Вѣнскій дворъ. Взоры его съ тревогою обращены были на С.-Петербургъ, откуда пришло наконецъ извѣстіе, что событіе, которое такъ сильно смущало правительства, участвовавшія въ коалиціи противъ Фридриха, совершилось,—и совершилось въ такую минуту, когда коалиція надѣялась пожать плоды своихъ чрезвычайныхъ усилій.

Эпизодъ царствованія императора Петра достаточно уже выясненъ теперь для насъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Между прочимъ, въ самое послѣднее время весьма рельефно изображенъ былъ онъ С. М. Соловьевымъ въ XXV томѣ его „Исторіи Россіи“; еще прежде того, г. Щербальскій посвятилъ довольно подробную монографію тогдашнимъ отношеніямъ нашего правительства къ Европѣ; мы имѣемъ также не мало отзывовъ иностранныхъ дипломатовъ о порядкѣ вещей, водворившемся у насъ съ воцареніемъ Петра III,—отзывовъ ихъ, разсѣянныхъ у разныхъ писателей, начиная съ Раумера въ его „Beiträge zur neueren Geschichte“ и кончая Германномъ, въ его „Geschichte des russischen Staats“. Поразительную картину эпохи, о которой идетъ рѣчь, достойнымъ образомъ пополняютъ теперь донесенія Мерси-Аржанто.

Прежде всего нужно имѣть въ виду то положеніе, въ которомъ находился этотъ дипломатъ. Прибывъ ко двору императрицы Елисаветы въ 1761 году, онъ тотчасъ же началъ играть видную роль, но обстоятельства быстро и рѣзко переимѣнились для него въ самомъ неблагоприятномъ смыслѣ, при возшествіи на престолъ Петра. Самъ Мерси, съ первыхъ же дней, нисколько не обольщалъ себя относительно тѣхъ неудачъ, которыя ожидали его. „Все, что до сихъ поръ извѣстно, доносилъ онъ графу Кауницу отъ 10-го января 1762 года, на-счетъ образа мыслей новаго русскаго Государя, слишкомъ неблагоприятно, и даетъ достаточный поводъ предполагать, что онъ будетъ дѣйствовать въ совершенно иномъ духѣ, чѣмъ дѣйствовала покойная императрица. Выказанныя имъ, въ первые дни своего царствованія, мягкость и сдержанность не означаютъ, по моему мнѣнію, еще ничего существеннаго и постояннаго. Принявъ въ соображеніе его умъ, такъ мало упражнявшійся въ серьезныхъ занятіяхъ и размышленіяхъ и постоянно руководившійся предубѣжденіями, равно какъ и природный его характеръ—упрямый, необузданный и вспыльчивый, надо сознаться, что хорошаго ожидать трудно“. Мерси-Аржанто суждено было испытать всякаго рода неспріятности; импера-

торъ избѣгалъ сношеній съ нимъ; долгое время отказывалъ онъ ему даже въ официальной аудіенціи, подъ тѣмъ предлогомъ, что Мерси, равно какъ посланники французскій и испанскій, не хотѣлъ сдѣлать первый визитъ прибывшему въ Петербургъ принцу Георгію Голштинскому: вопросъ первостепенной важности въ глазахъ Петра III. Если австрійскій дипломатъ являлся при дворѣ, то лишь для того, чтобы присутствовать при сценахъ, которыя не могъ не считать крайне оскорбительными для себя. Положеніе его сдѣлалось до такой степени невыносимымъ, что уже чрезъ три или четыре мѣсяца, въ теченіе коихъ приходилось ему разыгрывать эту роль, онъ началъ настаивать на отозваніи своемъ изъ Петербурга. „Слѣдуетъ принять въ уваженіе, доносилъ онъ императрицѣ Маріи-Терезіи, нынѣшнее внутреннее состояніе здѣшняго двора, потому что въ немъ исключены нынѣ всякій порядокъ и приличіе. Иностранному министру придется сталкиваться во дворцѣ Государя съ такого рода личностями, что между такими собраніями въ пріемной дворца и толпой на общественной площади, почти нѣтъ разницы.... И такъ Вашему Величеству угодно будетъ разсудить, какъ противно было бы значенію Вашего Величества если бы министръ, облеченный чрезвычайною властью, оставался здѣсь долѣе, какъ бы только для того, чтобы служить свидѣтелемъ или цѣлью такихъ враждебныхъ изъясненій Государя“.

Нужно имѣть это въ виду, чтобы опредѣлить характеръ донесеній графа Мерси-Аржанто. Мы видимъ дипломата, вся дѣятельность коего заключается—по собственному его выраженію — „единственно въ наблюденіи за событіями“, который очень часто, не смотря на всѣ старанія свои, не можетъ добиться свиданія ни съ однимъ изъ вліятельныхъ правительственныхъ лицъ и, невольно осужденный на бездѣйствіе, собираетъ разныя вѣсти и зорко присматривается къ тому, что происходитъ вокругъ него. При Петрѣ III графъ Мерси-Аржанто не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ дипломатическихъ переговоровъ, а потому въ депешахъ его мы не находимъ такихъ свѣдѣній, которыхъ слѣдуетъ искать въ документахъ, вышедшихъ изъ подъ пера человѣка, близко стоявшаго у дѣлъ. За то роль посторонняго, хотя и далеко не равнодушнаго наблюдателя была выполнена имъ самымъ блистательнымъ образомъ: онъ умѣлъ устроить такъ, что слухи доходили до него по большей части изъ весьма вѣрнаго источника; онъ мастерски характеризуетъ лица, занимавшія главную роль въ странной драмѣ, которая разыгрывалась предъ его глазами; сужденія его о событіяхъ и предсказанія

относительно ихъ неизбежныхъ послѣдствій отличаются не рѣдко поразительною вѣрностью. При чтеніи обнародованныхъ нынѣ его донесеній предъ нами живо возстаетъ картина того періода времени, который протекъ между кончиною императрицы Елисаветы и воцареніемъ Екатерины II.

Мы упомянули сейчасъ, что графъ Мерси получалъ свѣдѣнія изъ весьма вѣрнаго источника. Они были сообщаемы ему и состоявшему при немъ Эйхенфельду лицомъ, котораго онъ называетъ не иначе какъ „добрымъ другомъ“ (guter Freund). Несомнѣнно, что этотъ „добрый другъ“ былъ подкупленъ. Является вопросъ — кто же именно былъ этотъ агентъ австрійскаго посольства? Определеннаго отвѣта очевидно тутъ быть не можетъ и приходится прибѣгать къ догадкамъ на основаніи намековъ, которые разсѣяны въ депешахъ Мерси-Аржанто. Въ указателѣ къ книгѣ, о которой мы говоримъ, выражено предположеніе, что это былъ А. И. Глѣбовъ. Дѣйствительно, прежде всего останавливаетъ наше вниманіе, что въ самомъ началѣ, говоря о различныхъ дѣятеляхъ, окружавшихъ новаго императора, Мерси неоднократно упоминаетъ о генералъ-прокурорѣ и генералъ-крюйсъ-комиссарѣ Глѣбовѣ, какъ о человѣкѣ, доступномъ подкупу. „Глѣбовъ, говоритъ онъ въ донесеніи своемъ, отъ 10-го января 1762 года,—„человѣкъ пріятный, спокойный, однообразный въ своемъ родѣ, осторожный въ своихъ сужденіяхъ, но корыстолюбивый; онъ не въ силахъ будетъ устоять противъ обаянія значительной денежной суммы, чему, по слухамъ, есть уже доказательства“. Въ депешѣ отъ 24-го февраля, еще рѣзче повторяетъ онъ то же самое: „Можно было предполагать, что онъ (Глѣбовъ) простретъ свое вліяніе такъ же и на другія отрасли управленія, а именно, на иностранныя дѣла, но, кажется, онъ старательно уклоняется отъ нихъ, даже избѣгаетъ всѣхъ случаевъ сходиться или говорить съ иностранными министрами, хотя они всячески стараются объ этомъ. Однако я нашелъ средство вѣрнымъ путемъ вызнать его и убѣдился, что этого очень сребролюбиваго человѣка вовсе не трудно было бы употребить на свою пользу....“ Изъ этого нельзя еще, разумѣется, дѣлать никакого вывода; предположеніе возможности подкупить извѣстное лице еще не означаетъ, что оно было дѣйствительно подкуплено, но затѣмъ, когда подкупъ уже состоялся, мы находимъ въ депешахъ графа Мерси данныя, которыя проливаютъ отчасти свѣтъ на таинственную личность „добраго друга“. Оказывается, во первыхъ, что „добрый другъ“ пользуется высокимъ положеніемъ въ правительствен-

ныхъ сферахъ и участвуетъ, между прочимъ, въ составленіи манифестовъ и секретныхъ инструкцій (графъ Мерси упоминаетъ между прочимъ, что имъ была сочинена инструкция Румянцеву, когда тотъ отправлялся въ Померанію). Но мы знаемъ, что важныя обязанности такого рода были возлагаемы на Глѣбова или на Волкова. Этого послѣдняго никакъ нельзя заподозрить въ сношеніяхъ съ австрійскимъ посольствомъ. Доказательство этому представляетъ депеша Мерси отъ 5-го марта, гдѣ говорится: „Эйхенфельдъ желалъ узнать какъ теперь настроенъ Волковъ? Добрый другъ отвѣчалъ, что о мысляхъ Волкова по прежнему ничего нельзя узнать“. Мало того, что „добрый другъ“ принадлежалъ къ вліятельнымъ лицамъ, но мы видимъ также, что въ распоряженіи его находились огромныя суммы. Вотъ что содержитъ въ себѣ по этому поводу одно изъ донесеній графа Мерси (отъ 5-го марта): „Онъ (та же таинственная личность) объявилъ, что русскій императоръ рѣшилъ набрать на суммы государства 20.000 голштинскихъ войскъ; онъ, добрый другъ, принужденъ былъ въ самый короткій срокъ ссудить Государю 1.936.000 руб., которые потрачены были частію на голштинскій наборъ, частію на уплату его нѣмецкихъ долговъ и на другія бесполезныя вещи“. Показаніе такого рода естественно усиливаетъ подозрѣніе относительно Глѣбова, ибо въ званіи генераль-крюгс-комиссара онъ располагалъ весьма крупными суммами, которыхъ не было у другихъ приближенныхъ Петра III. Правда, въ депешахъ Мерси-Аржанто встрѣчается нѣсколько мѣстъ, которыя какъ бы противорѣчатъ этой догадкѣ. Укажемъ на слѣдующее: „Далѣе, генераль-прокуроръ Глѣбовъ пробовалъ было подставить русскому Государю свою падчерицу, дѣвицу Чоглокову, вмѣсто дѣвицы Воронцовой, дочери канцлера брата; относительно этого, добрый другъ разказалъ Эйхенфельду, что дѣвица Воронцова такъ разсердилась на угрожавшее ее смѣненіе, что совершенно забыла все подобающее государю почтеніе и т. д.“. Трудно допустить, чтобы Глѣбовъ рѣшился, безъ всякой особенной нужды, разказывать о своихъ интригахъ, даже о такихъ, относительно которыхъ онъ отнюдь не могъ похвастаться успѣхомъ. Отсутствие нравственнаго чувства было бы доведено здѣсь до цинизма; впрочемъ, нравственными качествами никогда не отличался этотъ человѣкъ, оставившій по себѣ далеко не завидную репутацію и о которомъ императрица Екатерина выразилась впоследствии, когда обнаружилось его вопіющее взяточничество, что онъ слѣдовалъ „принципіамъ, для себя прибыльнымъ, но вреднымъ для общества“ (см. въ первомъ

томъ *Сборника Русскаго Историческаго Общества* дѣло о генераль-прокурорѣ Глѣбовѣ и Сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ).

Мы не придаемъ, впрочемъ, большой важности вопросу о томъ, кто именно изъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ дипломатомъ. Самъ Мерси д'Аржанто, донося графу Кауницу, что на Глѣбова можно дѣйствовать подкупомъ, не ожидалъ существенной пользы отъ его сообщеній. „Будь онъ даже совсѣмъ на нашей сторонѣ, говоритъ посланикъ, его ходатайство все таки не въ состояніи было бы исправить то, что испорчено первыми необдуманными и безразсудными дѣйствіями новаго Государя“. Не только Глѣбовъ, но и никто другой не въ состояніи былъ направить ходъ дѣлъ въ другую сторону. Не было и не могло быть такой личности, которая отрезвила бы Петра III отъ его фанатическаго увлеченія характеромъ и дѣйствіями Фридриха Великаго. Мерси д'Аржанто разказываетъ будто Петръ выразился однажды, что онъ „почитаетъ волю короля прусскаго подобно волѣ Божіей, и твердо рѣшился дѣлать все то, что пожелаетъ поименованный король“. При этомъ было бы совершенно бесполезно возражать, стараться представить дѣло въ иномъ свѣтѣ, да и въ тогдашней нашей общественной средѣ не нашлось бы для этого достаточно мужества. Графъ Мерси отзывается о ней съ крайнимъ презрѣніемъ. „Къ несчастію, говоритъ онъ (депеша отъ 18-го января), здѣсь нельзя найти никого, кто имѣлъ бы достаточно смѣлости и благонамѣреннаго усердія, чтобы твердо противопоставить основательные доводы необузданнымъ и своевольнымъ намѣреніямъ монарха; каждый льститъ только его своеволію въ надеждѣ упрочить собственное благополучіе...“ „Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (депеша отъ 26-го февраля), русскіе министры не могутъ не сознавать, при настоящихъ очевидныхъ обстоятельствахъ, какъ сильно унижена честь ихъ отечества и какъ страдаютъ отъ того ихъ государственные интересы, но ихъ извѣстное гнусное малодушіе и рабскій страхъ доходятъ до того, что они не имѣютъ духа противопоставить всему совершающемуся ни малѣйшаго содѣянія или разсужденія“. Въ ряду тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей Мерси - Аржанто дѣлаетъ изъятіе только для Воронцова, хотя слабодушіе и нерѣшительный характеръ канцлера и для него отнюдь не составляли тайны. Въ депешахъ своихъ онъ сообщаетъ много интересныхъ чертъ для изображенія этой личности. Графъ Воронцовъ замѣтилъ, съ первыхъ же дней воцаренія Петра III,

что ему предстоитъ крайне незавидная роль: „онъ высказалъ мнѣ, говоритъ Мерси въ денешѣ отъ 18-го января 1762 года, свое прискорбіе относительно того неловкаго положенія, въ какое онъ поставленъ вслѣдствіе образа мыслей своего монарха“. Воронцовъ не только не руководилъ внѣшнею политикою правительства, но даже, и въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ, не предвидѣлъ какое она приметъ направленіе; такъ, напримѣръ, онъ долго утѣшалъ себя надеждою, что если Петръ отстанетъ отъ коалиціи противъ Фридриха, то не отважится отдать свои войска въ распоряженіе прусскаго короля. Заявленія его въ этомъ смыслѣ графу Мерси были какъ нельзя болѣе опредѣленны: „канцлеръ убѣжденъ, пишетъ посланикъ, что каковы бы ни были мѣры государя къ ускоренію мира, онъ никогда не пойдетъ такъ далеко, чтобы соединиться съ врагами противъ союзниковъ“. Эти строки были написаны графомъ Мерси 26-го февраля, т. е. пять дней спустя послѣ пріѣзда въ Петербургъ Гольца, которому Петръ, при первомъ же свиданіи, заявилъ о необузданномъ поклоненіи своему предъ Фридрихомъ. Съ этой минуты настоящимъ руководителемъ нашей иностранной политики становится Гольцъ, а Воронцову приходится—какъ выразился С. М. Соловьевъ—спизойти на степень простаго правителя канцеляріи. Постоянно больной, онъ старательно избѣгалъ личныхъ сношеній съ иностранными дипломатами, ибо долженъ былъ разыгрывать предъ ними самую жалкую роль, не рѣшаясь оправдывать то, что рѣзко противорѣчило его собственному образу мыслей. Неловкое его положеніе становилось особенно невыносимымъ, когда дипломаты заводили рѣчь о тѣхъ скандальныхъ сценахъ, свидѣтелями которыхъ они не рѣдко бывали во дворцѣ. „Канцлеръ безмолвными знаками выражалъ мнѣ свое смущеніе и стыдъ“, замѣчаетъ Мерси по поводу нѣкоторыхъ подробностей, сообщенныхъ имъ Воронцову о пиршествѣ, которое устроилъ Петръ III въ честь Фридриха. Дѣло дошло до того, что у Воронцова явилось, повидимому, серьезное намѣреніе покинуть Россію. „Графъ Воронцовъ, доносилъ Мерси Кауницу отъ 25-го мая, котораго я нашелъ болѣе чѣмъ когда нибудь печальнымъ, отиѣчалъ почти со слезами, что ничего болѣе не можетъ отвѣтить мнѣ (на вопросъ о союзѣ между Россіею и Пруссіею) какъ только то, что чувствуетъ себя совершенно не въ силахъ занимать далѣе свой постъ, потому что ни собственная честь его, ни обязанности относительно отечества, ни истинные интересы Государя, не дозволяютъ этого. Вслѣдствіе чего онъ хотѣлъ снова просить меня, чтобы я послалъ

запросъ своему высочайшему двору: угодно ли будетъ его величеству императору дозволить ему пребываніе въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, если онъ покончитъ здѣсь всѣ дѣла, и можно ли будетъ ему провести тамъ остатокъ своихъ дней, согласно съ своимъ давнишнимъ желаніемъ? Далѣе онъ присовокупилъ, что никакъ не желалъ бы быть въ тягость нашимъ высочайшимъ повелителямъ и намѣренъ только всепокорнѣйше просить ихъ о покровительствѣ и милостивой уступкѣ ему одного изъ многочисленныхъ, принадлежащихъ его величеству и никѣмъ не занимаемыхъ загородныхъ дворцовъ въ окрестностяхъ Флоренціи".

Тѣмъ, кто пожелаетъ дополнить извѣстную уже намъ картину царствованія Петра III нѣсколькими рельефными чертами, сборникъ донесеній графа Мерси-Аржанто доставитъ обильный матеріалъ. Предъ нами, во очію проходитъ вакханалія политической системы, въ основѣ коей лежало совершенное забвеніе русскихъ интересовъ. Извѣстны разказы о томъ, что Петръ III, бывъ еще наслѣдникомъ престола, находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ. С. М. Соловьевъ полагаетъ (Исторія Россіи, т. XXV, 29), что нѣтъ достаточнаго основанія довѣрять этимъ разказамъ, ибо объ упомянутыхъ сношеніяхъ заключали изъ собственныхъ словъ Петра, а извѣстно „какъ ребячески могъ онъ увлекаться въ своихъ бесѣдахъ, какія небывалыя вещи могъ себѣ приписывать“. Но вотъ Мерси-Аржанто указываетъ даже чрезъ кого именно происходили означенныя сношенія: орудіемъ ихъ служили, по его словамъ, кенигсбергскій совѣтникъ правленія Корфъ и берлинскій полиціймейстеръ Груменау, которыхъ Мерси, по своему прибытіи, нашелъ въ Петербургѣ и которые были удалены оттуда по его же настоянію. Конечно, подозрѣніе австрійскаго посланника могло быть ошибочнымъ, но во всякомъ случаѣ фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ характеромъ и образомъ мыслей Петра. Если воля Фридриха была „подобіемъ воли Божіей“, то не предъ чѣмъ было останавливаться, чтобы сдѣлать угодное этой волѣ. „Императоръ, говоритъ Мерси, цѣнитъ выше всего химерическое званіе прусскаго генералъ-лейтенанта и, нося его, считаетъ себя обязаннымъ быть преданнымъ королю и его интересамъ такъ же ревностно, какъ какое-нибудь, дѣйствительно находящееся на его службѣ, лицо“. Эта странная манія простиралась, по увѣренію автора обнародованныхъ нинѣ депешъ, до того, что отправляя Н. В. Репнина въ Берлинъ, онъ поручалъ ему зорко слѣдить, „чтобы король прусскій не

могъ сдѣлать какой нибудь несправедливости ему, Царю, по его военному производству“. Именно только это, помимо всякихъ государственныхъ соображеній, объясняетъ невѣроятный союзъ, заключенный между Россією и Пруссією, въ 1762 году. Самому Фридриху, когда отправлялъ онъ Гольца въ Петербургъ, не приходило въ голову, чтобы русское правительство не воспользовалось выгодами своего положенія и онъ заранѣе обсуждалъ какія уступки могли бы быть сдѣланы въ его пользу. Ни малѣйшихъ уступокъ, однако, не потребовалось. „Оказалось, говоритъ Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, что Петръ III имѣлъ превосходное сердце и такія благородныя и возвышенныя чувства, какихъ обыкновенно не бываетъ у государей: удовлетворяя всѣмъ желаніямъ короля, онъ пошелъ даже далѣе того, чего можно было ожидать...“

Мерси-Аржанто слѣдилъ не за тѣмъ только, что происходило при дворѣ, но старался вообще собирать свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи Россіи. Это было даже поставлено ему въ непремѣнную обязанность императрицею Марією-Терезією. Онъ сознается, однако, что исполненіе этой задачи представляло, особенно для иностранца, громадныя затрудненія. „Русское государство читаемъ мы въ донесеніи его Кауницу, отъ 1-го февраля 1762 года, очень обширно и простирается отъ Риги до конца Азіи, т. е. имѣетъ въ длину почти 2.000 квадр. миль, а двѣнадцать коллегій въ Петербургѣ, куда пишутся донесенія и рапорты, замѣщены въ предшествовавшее царствованіе только одними Русскими, съ которыми нельзя поддерживать такого знакомства, какъ въ другихъ странахъ. Вотъ почему, ваше сіятельство милостиво разсудите, что здѣсь гораздо труднѣе собрать нужныя свѣдѣнія, чѣмъ гдѣ бы то ни было; къ тому же здѣсь надо приступать къ дѣлу крайне осторожно, ибо малѣйшее развѣдываніе возбуждаетъ вниманіе и подозрѣнія; сюда же слѣдуетъ прибавить, что объ устройствѣ Русскаго государства нѣтъ никакихъ печатныхъ или другихъ свѣдѣній, на которыхъ съ достовѣрностію можно было бы остановиться, потому что, когда здѣшняя Академія Наукъ задумала печатать, три или четыре года тому назадъ, календарь, только въ немногочисленномъ походѣ на вѣнскій образецъ, то онъ былъ строжайше воспрещенъ, единственно по той причинѣ, что иностранцы не должны знать имена лицъ, служащихъ въ здѣшнихъ коллегіяхъ. Слѣдовательно, о положеніи дѣлъ въ государствѣ почти невозможно собрать свѣдѣній“. Если Мерси-Аржанто затруднялся доставлять сво-

ему правительству — какъ оно предписывало ему — свѣдѣніи о полиціи Россіи, ея судебномъ устройствѣ, финансахъ, арміи, торговлѣ, просвѣщеніи и промышленности, то онъ внимательно присматривался къ настроенію общества и умѣлъ вѣрно угадывать его. Онъ основательно объясняетъ, почему, напримѣръ, такой правительственный актъ какъ манифестъ о вольности дворянской не доставилъ Петру популярности въ средѣ дворянства, какіе поводы къ недовольству имѣло духовное сословіе и т. п. Онъ заранѣе предвидѣлъ катастрофу и со дня на день указывалъ на приближеніе ея. Сообщая своему двору о томъ, что Петръ отправился (въ іюлѣ 1762 г.) въ Ораніенбаумъ, онъ говоритъ: „отъѣздъ государя мнѣ кажется сомнительнымъ, особенно потому что внутри государства обнаруживаются грозные признаки, которые должны были бы удержать его и не дать ему уѣхать отсюда при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ“. Весьма замѣчательны депеши, писанныя имъ уже по кончинѣ Петра, въ которыхъ онъ излагаетъ причины, долженствовавшія вызвать іюньскія событія 1762 года.

И объ этихъ событіяхъ находимъ мы подробный разказъ у Мерси-Аржанто. Ничего существенно важнаго онъ не прибавляетъ однако, къ тому, что уже извѣстно намъ. Австрійскій дипломатъ сообщалъ о нихъ своему двору по доходившимъ до него слухамъ, а потому неудивительно, что если въ главныхъ чертахъ извѣстія его довольно вѣрны, то не рѣдко встрѣчаются въ нихъ и неточности (между прочимъ онъ доноситъ графу Кауницу, что тотчасъ по низверженіи Петра, Гудовичъ и Воронцова были сосланы въ Сибирь и т. п.). Повидимому книжки Дашкова умѣла произвести сильное впечатлѣніе на Мерси-Аржанто и онъ не только повѣрилъ будто она играла главную роль при возшествіи на престолъ Екатерины, но былъ убѣжденъ, что значеніе ея еще болѣе усилится въ будущемъ. „Я говорилъ около получаса съ княгинею Дашковой, пишетъ онъ Кауницу, и могу почтительнѣйше завѣрить ваше сіятельство, что чрезъ нее можно бы совершать великія дѣла; она вѣроятно будетъ имѣть на нихъ большое вліяніе. Я также нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что мы приобрѣтемъ расположеніе этой особы, если того пожелаетъ нашъ дворъ; послѣдняго можно достигнуть, конечно не деньгами, но легче всего съ помощью лестныхъ изъявленій уваженія и отличія и умѣстными подарками (?)“. Эти послѣднія слова (исключая упоминанія о подаркахъ) доказываютъ, что Мерси-Аржанто вѣрно

разгадалъ характеръ Дашковой ¹⁾. Любопытно, что собесѣдница его, преисполненная тщеславія, старалась увѣрить будто именно этотъ недостатокъ составлялъ слабую сторону Екатерины. По словамъ ея, замѣчаетъ Мерси, „русская государыня высокоумнаго духа, но чувствительна къ сильнымъ, особенно отрицательнымъ изъясненіямъ (*besonders ausnehmende Merkmale*), такъ что оказываніе ихъ ей я считаю вѣрнѣйшимъ средствомъ произвести на нее должное впечатлѣніе и дѣйствіе“.

Очень скоро однако австрійскій дипломатъ получилъ возможность убѣдиться, что это „вѣрнѣйшее средство“ далеко не надежно. Возшествіе на престолъ Екатерины онъ привѣтствовалъ, какъ „крайне счастливое“ событіе для союзниковъ; онъ почти не сомнѣвался, что не только союзъ съ Пруссіею, но даже миръ, заключенный съ этою державою, будетъ нарушенъ и Россія сочтетъ долгомъ, потребовать отъ Фридриха обратную выдачу сдѣланныхъ ею завоеваній, а также вознагражденіе за убытки. Тѣмъ сильнѣе пораженъ былъ онъ извѣстіемъ, что русское правительство приняло „поспѣшное, странное“ рѣшеніе держаться вполне миролюбивой политики. Мерси-Аржанто прибѣгалъ къ жалобамъ, убѣжденіямъ, — ему возражали, что императрица считаетъ необходимымъ „примѣняться къ желаніямъ народа“; онъ удивлялся подобнымъ, „все болѣе и болѣе распространяющимся предрасудкамъ“, утверждалъ, что упомянутое соображеніе не можетъ имѣть мѣста уже потому, „что здѣсь (то-есть въ Россіи) не такъ какъ въ республикѣ, гдѣ необходимо допускаются одобреніе и согласіе націи; русскій же народъ относится съ совершеннѣйшимъ довѣріемъ къ своимъ государямъ и единственно заботится повиноваться имъ...“. Неудача всѣхъ стараній, къ которымъ прибѣгалъ представитель Вѣнскаго двора, доказала ему, что онъ имѣлъ дѣло съ вполне обдуманною политикою, руководимою не капризомъ, а яснымъ сознаніемъ національных интересовъ и что поколебать ее не могутъ никакія „отрицательныя изъясненія“, разчитанныя на тщеславіе Екатерины II.

Донесенія графа Мерси-Аржанто изданы, подъ наблюденіемъ члена Русскаго историческаго общества Г. Θ. Штендмана, какъ нельзя

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается о ней такимъ образомъ: «Княгиня Дашкова обладаетъ, при романтическомъ воображеніи, изрядными умственными способностями и врожденнымъ искусствомъ къ интригамъ».

болѣе тщательно. Переводъ ихъ на русскій языкъ отличается замѣчательною точностью. Они снабжены предисловіемъ, написаннымъ г. Татищевымъ, который взялъ на себя трудъ извлечь упомянутые документы изъ Вѣнской государственной канцеляріи,—весьма подробными оглавленіемъ и указателемъ.

Н. И.

ОСТРОЖСКОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

Съ именемъ графа Дмитрія Николаевича Блудова связываются дорогія симпатіи каждаго интеллигентнаго русскаго человѣка. Дѣятельность его, принадлежа къ высшей государственной сферѣ, въ то же время отмѣчена яркимъ слѣдомъ въ развитіи нашей гражданственности вообще. То былъ цѣльный типъ истиннаго патріота, — цѣльный, быть можетъ, именно потому, что время его было временемъ не разединенія русскихъ интеллигентныхъ силъ, какъ нынѣ, а напротивъ, соединенія ихъ, къ какой бы сферѣ и къ какому бы сословию общества онѣ ни принадлежали: дѣятельность предсѣдателя Государственнаго Совѣта и сподвижника митрополита Іосифа Сѣмашки мирилась въ графѣ Блудовѣ съ дѣятельностію члена извѣстнаго литературнаго общества Арзамаса...

Между прочимъ въ послѣднее время своей жизни графъ особенно былъ занятъ вопросомъ, принадлежащимъ къ числу капитальныхъ въ нашей внутренней жизни, вопросомъ о народномъ нашемъ образованіи. Чтобы принимать участіе въ обсужденіи его, онъ черезъ силу являлся въ засѣданія государственнаго совѣта и послѣ одного изъ такихъ засѣданій серьезно занемогъ; въ другой разъ, пріѣхавъ въ совѣтъ больной, онъ упалъ тамъ въ обморокъ и съ той поры болѣзнь его усилилась. Во все время своихъ страданій и бессонныхъ ночей, графъ Дмитрій Николаевичъ не разставался съ мыслию о печальномъ состояніи женскаго русскаго воспитанія въ западномъ нашемъ краѣ, гдѣ онъ имѣлъ недвижимость и гдѣ личнымъ опытомъ убѣдился, что русскія молодыя дѣвушки, даже духовнаго званія, воспитывались въ польскихъ пансіонахъ въ совершенномъ отчужденіи отъ роднаго языка и всего отечественнаго. Наканунѣ своей кончины вечеромъ, бесѣдуя съ духовнымъ своимъ отцомъ В. П. Бажановымъ, онъ говорилъ ему: „мысль о женскихъ западныхъ училищахъ пре-
ОЛХХХПХ, отд. 3.

слѣдуетъ меня безпрестанно; она занимаетъ и утѣшаетъ меня въ длинныя безсонныя ночи"; даже въ самый день смерти, онъ говорилъ своей дочери: „надѣюсь, что устроятся такія училища; это мой послѣдній планъ, послѣдняя мысль и желаніе. Дай Богъ, чтобы они осуществились и ты помогла этому“.

Завѣщаніе это было священо для близкихъ графа и насколько мысль о женскомъ училищѣ въ западномъ краѣ всецѣло занимала отца, настолько всецѣло и энергически, дочь его — графиня А. Д. Блудова — осуществила ее учрежденіемъ училища въ г. Острогѣ, Волынской губерніи, достигшемъ нынѣ уровня законченнаго среднеобразовательнаго учебнаго заведенія.

Не составляетъ, повидимому, особеннаго затрудненія открыть училище, когда для этого находятся матеріальныя средства; но открыть и довести его до полнаго процвѣтанія при особенныхъ условіяхъ того края, гдѣ оно возникло, поставить на прочныя основы этотъ рассадникъ женскаго образованія тамъ, гдѣ въ большинствѣ русской части населенія женщина стоитъ далеко не на высокой степени развитія — было бы крайне трудно, безъ большаго запаса опытности, терпѣнія, энергіи и знакомства съ мѣстными условіями. Графиня Антонина Дмитріевна, попечительница и основательница женскаго училища въ Острогѣ, прежде всего обратила на это вниманіе, чтобы зданіе не вышло построеннымъ на пескѣ. Она поняла, что здѣсь не можетъ обольщать себя надеждою на успѣхъ нравственная сила едипичнаго лица и даже учрежденія, а необходимо создать коллективную общественную силу и постоянно поддерживать и воодушевлять ее. Такою силою послужило для нея, опять таки по мысли ея отца, Кирилло-Меодіевское церковное братство, имѣющее центромъ своимъ тотъ же городъ Острогъ.

Названное братство существуетъ уже болѣе одиннадцати лѣтъ. Воскрешая это испытанно-вѣрное средство въ нашихъ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ въ борьбѣ русско-православнаго элемента съ католицизмомъ и польщиною, графиня Блудова разчитывала на поддержку со стороны всѣхъ русскихъ убѣжденныхъ людей; между тѣмъ и тутъ послѣдовало обычное у насъ явленіе: лишь немногіе участвуютъ въ братствѣ, по большей же части даже и не знаютъ объ его существованіи. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ организаціи этого братства, послужившаго колыбелью женскаго училища, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей.

Приснопамятный святитель русской церкви, митрополитъ Московскій Филаретъ, наканунѣ своей кончины, 18-го ноябрю 1867 года, подписавъ отъ себя взносъ въ 25 рублей въ пользу братства, далъ свое архипастырское благословеніе на сборы въ его пользу по книгѣ сборщицы О. Флоринской. Это предсмертное благословеніе великаго іерарха видимо послужило на пользу всѣмъ начинаніямъ братства, о которыхъ въ уставѣ его, утвержденномъ архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ, 2-го марта 1865 г., говорилось лишь предположительно и которыя нынѣ стали совершившимся фактомъ.

По уставу Кирило-Меодіевское православно-церковное братство учреждено въ г. Острогѣ, Волынской губерніи, въ бывшей резиденціи князей Острожскихъ, реннпостныхъ поборниковъ православія, святыхъ Θεодора и Константина,—резиденціи прославленной ихъ духовными подвигами и гражданскими доблестями въ честь просвѣтителей славянъ—святыхъ Кирилла и Меодіа. Оно существуетъ при церкви въ память ихъ и св. великомученика Паптелеймона-Цѣлителя.

Составъ братства сохраненъ старинный, именно, въ него входятъ: старшіе братчики и сестры, основатели и строители, основательницы и строительницы братства, мѣстные (т. е. Острожскіе) братчики и сестры и члены-соревнователи и соревновательницы. Всѣ означенныя лица, вступая въ братство, обязуются вносить ежегодно отъ 20 коп. до 1 рубля, не больше, чтобы обязательный взносъ ни для кого не былъ обременителенъ; единовременные же необязательные взносы или вклады могутъ быть дѣлаемы каждымъ лицомъ, если только оно принадлежитъ къ православному исповѣданію, въ размѣрахъ по собственному усмотрѣнію, каковыя взносы и обращаются въ вѣчный неприкосновенный капиталъ братства. Старшіе братчики и сестры должны, по мѣрѣ средствъ и возможности, стараться о поддержаніи и развитіи братства; нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть, по единогласному избранію, признаны строителями и строительницами братства и въ такомъ случаѣ вносятъ единовременно по 50 руб.

Старшіе братчики и сестры имѣютъ книги для внесенія именъ братчиковъ-соревнователей, отвѣчаютъ за исправность взносовъ сихъ послѣднихъ, рассылаютъ имъ ежегодно отчеты, а имена ихъ сообщаютъ попечительницѣ графинѣ Блудовой для внесенія въ общую книгу братства, хранящуюся у нея въ подлинникѣ, а въ копіи—при братской церкви въ Острогѣ.

Всѣ наличные братчики и сестры съѣзжаются разъ въ годъ, именно 11-го мая, для слушанія литургіи и молебна святымъ Кириллу

и Мессодію и Пантелеймону-Цѣлителю (въ Петербургѣ до послѣдняго времени въ домовую церковь графовъ Шереметевыхъ). Они сѣзжаются также, по приглашенію, для совѣщаній о томъ, что сдѣлано и предполагается сдѣлать въ пользу братства и для чтенія корреспонденціи изъ Острога (по настоящее время въ квартиру попечительницы братства); впрочемъ, это собраніе не составляетъ ни комитета, ни совѣта,—братчики и сестры не рѣшаютъ ничего, не подаютъ голосъ, не баллотируютъ, а лишь бесѣдуютъ въ видахъ ознакомленія съ текущими дѣлами. Всѣми дѣлами завѣдуетъ совѣтъ мѣстныхъ братчиковъ и сестеръ въ г. Острогѣ, при чемъ по дѣламъ, требующимъ издержекъ болѣе люты части всей наличной суммы, а также и по другимъ особой важности, онъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія не иначе, какъ по одобреніи ихъ графиней Блудною и двумя строительницами братства. Съ своей стороны одинъ изъ старшихъ братчиковъ Петербургскаго собранія, по выбору или по очереди, обязанъ разъ въ годъ побывать въ Острогѣ или отправить туда на свой счетъ и подъ своею отвѣтственностію вѣрнаго и свѣдущаго человѣка, который прожилъ бы тамъ не менѣе двухъ недѣль съ цѣлію ознакомиться съ состояніемъ церкви и зданій, а равно школъ, библиотекъ и всѣхъ вообще учрежденій братства и провѣрить счетную часть.

Единовременные вклады образуются на пользу того или иного учрежденія братства, или куда назначать жертвователи, а если не послѣдуетъ особаго назначенія, то употребляются на общее дѣло по усмотрѣнію попечительницы и двухъ строительницъ, избираемыхъ ежегодно. Сборъ съ концертовъ, баловъ, театральныхъ представлений, лотерей, литературныхъ чтеній и др., какъ предпріятій свѣтскихъ, не принимаются братствомъ, какъ учрежденіемъ строго церковнымъ. Равнымъ образомъ всѣ лица, принадлежащія къ союзу братства, не должны преслѣдовать никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей, которыя непосредственно имѣетъ оно въ виду, а именно: служенія дѣятельною вѣрою и любовію православною церкви и въ частности распространенію истинно-русскаго православнаго образованія юношества; они не имѣютъ никакихъ преимуществъ, кромѣ права, если окажется возможнымъ, назначать, въ силу единовременныхъ своихъ вкладовъ, кандидатовъ и кандидатокъ на вакантныя мѣста въ учрежденія братства — училище, пансіонъ, больницу; затѣмъ права вносить свои имена въ братскіе задравные и заупокойные

помянники и стоять въ церкви съ братскими свѣчами въ рукахъ въ положенное церковнымъ уставомъ время.

Менѣе чѣмъ черезъ два года по утвержденіи устава братства усиліями попечительницы его графини Блудовой, при дѣятельномъ содѣйствіи многихъ, преимущественно высокопоставленныхъ лицъ, были открыты и начали дѣйствовать всѣ нынѣшнія учрежденія братства, а именно:

1) Въ 1876 году 8 октября окончена постройкою и освящена въ Острогѣ церковь во имя св. Кирилла и Меодія (нынѣ уже съ двумя придѣлами). Церковь эта съ простымъ рѣзнымъ дубовымъ иконостасомъ, почти лишенная обычной мелочной орнаментаціи, цѣлесообразнымъ подборомъ иконъ и предметовъ представляетъ не только святое и тихое молитвенное убѣжище, но и какъ бы историческое училище благочестія. Въ ней удачно расположены между прочимъ иконы: св. Кирилла и Меодія, св. Михаила, перваго митрополита Кіевскаго, крестившаго народъ и основавшаго первыя училища,—св. Кипріяна, учредившаго первое духовное училище въ Москвѣ, св. Стефана Пермскаго, св. Димитрія Ростовскаго, св. Александра Невскаго (въ память спасенія жизни Государа Императора 4 апрѣля 1866 г.), св. Θεодора князя Острожскаго, икона Христа Спасителя (принесенная въ даръ Государемъ Императоромъ), складни съ изображеніемъ трехъ Святителей, увѣшанныя Севастопольскими медалями и Георгіевскими крестами (приношеніе артиллерійской баттарей, стоявшей въ Острогѣ), иконы: святителя Николая, обвѣшанная орденомъ андреевскою цѣпью, принадлежавшею покойному графу Блудову, св. Маріи Магдалины, св. царицы Елены, св. Нины Грузинской, св. Ольги русской, св. мученицы Людмилы Чешской, запрестольный образъ Вознесенія (даръ Государыни Императрицы), образъ Спасителя подъ названіемъ „Спаса 19 февраля“, написанный въ память освобожденія крестьянъ и драгоцѣннѣйшая святыня храма—крестъ съ частицею животворящаго древа креста Господня, дошедшій до братства длиннымъ и почти необыкновеннымъ путемъ.

2) *Лечебница*, основанная въ память покойнаго Цесаревича Николая Александровича; она служитъ собственно для приходящихъ больныхъ, но въ экстренныхъ случаяхъ имѣется для нихъ отдѣльная комната съ нѣсколькими кроватями; лечебница, подъ присмотромъ сестры милосердія, снабжена аптекой и хирургическими инструментами; утромъ, ежедневно, въ опредѣленный часъ, приходитъ въ нее братскій докторъ и принимаетъ больныхъ; крестьяне сосѣднихъ

деревень очень часто прїѣзжаютъ за сестрою милосердія къ себѣ на домъ. Начало лечебницъ положено благотворительностію въ Божѣ почившей великой княгини Елены Павловны, приславшей аптечку и первую сестру милосердія, одну изъ опытѣйшихъ сестеръ Кресто-воздвиженской Петербургской общины.

3) *Крестыанскій пансіонъ*, то-есть домъ для тѣхъ крестыанскихъ воспитанниковъ, которые окончили курсъ въ сельскихъ училищахъ и жслаютъ продолжать образованіе въ Острожской прогимназіи; онъ устроенъ по иниціативѣ крестыанскихъ старшинъ, при содѣйствіи миронихъ посредниковъ-братчиковъ и содержится на счетъ волостей Острожскаго уѣзда, съ цѣлію доставленія дѣтамъ крестыанъ, учащимся въ прогимназіи, пріюта внѣ-класснаго времени. Пансіонъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ братства и подъ ближайшимъ руководствомъ двухъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ—регентъ прекраснаго хора изъ воспитанниковъ прогимназіи, поющаго въ братской церкви. Пріемная комната пансіона украшена портретами Государя Императора и Государыни Императрицы, пожалованными Ея Величествомъ; въ настоящее время въ пансіонѣ живетъ до сорока учениковъ.

4) *Страннопріимный домъ или подворье*, устроенный для богомольцевъ по примѣру древнихъ монастырей нашихъ, въ память благополучнаго рожденія сына Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Николая Александровича. Поводомъ къ устройству этого дома послужила безпріютность тѣхъ православныхъ богомольцевъ-странниковъ, которые, посѣтивъ древнія святыни Кіевскія, идутъ чрезъ еврейскія мѣстечки и города молиться въ Почаевскую лавру. Подворье, гдѣ они получаютъ на счетъ братства, подъ присмотромъ особаго привазчика, пріютъ и пищу, привлекаетъ годъ отъ году все большее число ихъ: такъ въ 1867 году, съ мая до ноября (обыкновенный періодъ странствованія), посѣтили подворье всего 30 человекъ, въ 1868 же году странниковъ и богомолковъ было ежедневно отъ 3 до 10 то-есть, въ теченіе лѣта пребывало ихъ болѣе 300, а въ 1869—1.112 человекъ. Учрежденіе это почти окупалось собственными средствами до кончины кн. Голицыной, на пожертвованіе которой оно преимущественно было устроено; теперь же оно нуждается въ поддержкѣ.

5) *Библіотека*, снабженная книгами преимущественно по русской исторіи; библіотечная зала служитъ мѣстомъ засѣданій Острожскаго братскаго совѣта; въ библіотекѣ хранятся дѣла и документы братства; при ней имѣется и складъ книгъ для продажи.

6) *Пансіонъ г-жи Гиревской*, служащій пріютомъ для тѣхъ приходящихъ ученицъ, которыя не имѣютъ въ Острогѣ родителей или родственниковъ и, за недостаткомъ средствъ у братства или за переполненностію Блудовскаго училища, не могутъ быть помѣщены пансіонерками въ самый училищѣ; для пансіона братство нанимаетъ отдѣльный домъ.

7) *Женское высшее, имени графа Дмитрія Николаевича Блудова, училище*, съ особою подготовительною къ нему братскою школою. Мы видѣли, что уставъ братства былъ утвержденъ въ мартѣ 1865 г.; въ томъ же году, черезъ семь мѣсяцевъ, именно 28 октября, стараніями графини Блудовой, ревностно спѣшившей по долгу любящей дочери исполнить свящешую для нея волю отца и сплотившей для этой цѣли Петербургскихъ и Острожскихъ братчиковъ и сестеръ, были открыты — начальная Кирилло-Меодіевская школа и приготовительный классъ будущаго женскаго училища. У братства, располагающаго нынѣ ежегодными доходами въ нѣсколько тысячъ рублей, тогда было не болѣе 2.000 р. капитала и вотъ приготовительный классъ превратился нынѣ, благодаря энергіи графини и просвѣщенной поддержкѣ г. министра народнаго просвѣщенія, въ законченное заведеніе съ полнымъ среднеобразовательнымъ учебнымъ курсомъ и правами правительственнаго учрежденія!

Въ упомянутое время братство имѣло впрочемъ еще, кромѣ 2.000 р. капитала, развалины Капучинскаго упраздненнаго монастыря, съ обширнымъ садомъ и въ хорошемъ мѣстоположеніи, за чертою города, но лишь съ нѣсколькими узкими и темными келіями, въ которыхъ никакъ нельзя было помѣстить даже начальной школы и приготовительнаго класса училища. Поэтому Острожскіе братчики—К. Θ. и П. А. Гогель, П. Н. Торбургъ, В. Д. Уваровъ, С. М. Шпановъ, К. А. Шульгинъ, П. В. Лысенко, о. Игнатій Зилитинкевичъ, П. П. Григорьевъ и В. Н. Погасѣвъ, постановивъ немедленно приступить къ передѣлкѣ келій, напали для школы и училища временное помѣщеніе, поставивъ ихъ подѣ надзоръ и руководство соборнаго священника города Острога о. Игнатія Зилитинкевича и временной начальницы Н. А. Гадзяцкой, при наблюденіи кромѣ того за ходомъ дѣла одного братчика и одной братчицы. Въ то время, когда еще свѣжи были впечатлѣнія послѣдняго польскаго мятежа, русскіе люди въ западномъ краѣ тѣснѣ держались между собою; польскіи интриги не успѣвали посягать между ними розни, и въ данномъ случаѣ, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ повторялось въ Острогѣ польскими ус-

тами піс піе biendze (ничего не будетъ), всѣ названныя лица, при содѣйствіи мирового съѣзда, учителей мѣстнаго дворянскаго училища и нѣсколькихъ русскихъ чиновниковъ, дружно взяли за дѣло, подобно—какъ мѣтко замѣчено въ одномъ изъ отчетовъ братства,—тѣмъ мореплавателямъ, которые въ бурю всѣ безъ различія выкачиваютъ воду и работаютъ для общей безопасности и спасенія. При открытіи школы и класса всѣ ученицы по необходимости были лишь приходящими и первою записалась дочь мѣстнаго почтмейстера, окончившая впоследствии въ Блудовскомъ училищѣ полный курсъ ученія. Черезъ семь мѣсяцевъ, въ маѣ 1866 года, школами братства интересовался уже помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, который, посѣтивъ Острогъ, доносилъ официально:

„Въ Острогѣ братство открыло приготовительный классъ высшаго училища для дѣвицъ Острожскаго благочинія; всего здѣсь пока 8 ученицъ. Обучаются онѣ съ успѣхомъ молитвамъ и священной исторіи посредствомъ разказовъ законоучителя и чтенія избранныхъ мѣстъ изъ четырехъ евангелистовъ, русскому языку, ариметикѣ, географіи и французскому языку. Другое отдѣленіе школы столь же успѣшно ведется г-жею Гадзяцкою; ученицъ въ немъ 28. Учительница преподаетъ имъ чтеніе, письмо и арифметику; законъ Божій преподаетъ въ школѣ, какъ и въ приготовительномъ классѣ, одинъ и тотъ же законоучитель, о. Игнатій Зилитинкевичъ,“.

Черезъ годъ съ небольшимъ, къ глубокому прискорбію братства, скончалась г-жа Гадзяцкая: перемогаясь послѣ сильной простуды, чтобы не оставлять обязанностей своихъ, она получила воспаленіе легкихъ и слегла въ постель. Потеря ея много затруднила только что начавшееся учебное дѣло, которому, при провинціальномъ безлюдьи, предстояло, можетъ быть, совсѣмъ заглухнуть, еслибы о. Игнатій не принялъ на себя всѣхъ обязанностей, лежавшихъ на покойной; онъ неутомимо исполнялъ ихъ въ теченіе болѣе шести мѣсяцевъ, пока братство и попечительница прискивали начальницу для училища и другихъ братскихъ учрежденій и ея помощницу—преподавательницу русскаго языка и русскоѣ исторіи, на каковыя предметы по цѣли и характеру училища долженствовало быть обращено особенное вниманіе. Хотя весьма трудно было уговорить кого-либо за скромное вознагражденіе ѣхать въ глушь, на жизнь трудовую, почти монашескую, для чего требовался и нѣкоторый патріотизмъ и христіанское самоотверженіе, тѣмъ не менѣе удалось найти двѣ личности, замѣчательныя по своимъ достоинствамъ, К. Д. Соляцеву и М. И.

Бурцеву, которыя и отдали себя безкорыстному дѣлу воспитанія юношества въ Острогѣ въ качествѣ первая—начальницы Блудовскаго училища, а вторая—ея помощницы.

Между тѣмъ средства братства возрастали (не столько впрочемъ ежегодныя и постоянныя, сколько единовременныя). Благодаря ходатайству извѣстнаго ревнителя русскаго дѣла П. П. Батюшкова, Государь Императоръ соблаговолилъ даровать 19.000 руб. на перестройку главнаго капуцинскаго корпуса; въ то же время другіе члены Царскаго семейства, а также братчики и сестры не оставляли братство своими пожертвованіями; оно рѣшилось сдѣлать пристройку къ главному корпусу, стоимостью до 8.000 руб., продолживъ помѣщеніе дортуаровъ ученицъ еще на нѣсколько времени въ наемномъ домѣ; случай помогъ братству купить для этой цѣли въ 1868 году, у владѣльца города князя Яблоновскаго, два дома съ садомъ и землею за 8.000 руб., такъ что съ сентября этого года помѣщалось во вновь пріобрѣтенныхъ домахъ 40 пансіонерокъ Блудовскаго училища, платившихъ за полное свое содержаніе по 100 руб. въ годъ и составлявшихъ три класса; всѣхъ же ученицъ, вмѣстѣ съ приходящими въ школу и училище, насчитывалось уже 95.

Министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны дѣятельно поддерживало учебныя учрежденія братства. Въ 1869 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, оно передало братству на строительныя потребности по училищамъ 3.000 руб. единовременно и назначило ежегодно: 1.500 руб. въ пособіе собственно Блудовскому женскому училищу въ Острогѣ и 450 руб. въ пособіе народному училищу, открытому братствомъ на его фермѣ въ с. Миклашахъ, въ день тысячелѣтія кончины св. Кирилла. Что же касается нравственнаго роста молодыхъ воспитательныхъ заведеній Острожскаго братства, то ему весьма замѣтно способствовали энергическая дѣятельность и умѣнье новой начальницы, Е. Д. Солнцевой. Къ несчастію, чрезмѣрныя заботы потрясли и ея здоровье и она вынуждена была покинуть начатое ею дѣло. По ходатайству Острожскаго и Петербургскаго сѣздовъ братства, министръ государственныхъ имуществъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Е. Д. Солнцевой на 37-лѣтнемъ правѣ вычета процентовъ и погашенія въ казну — фермы Дзвонки, приносящей не болѣе 100 руб. чистаго дохода и имѣющей маленькій домикъ; съ своей стороны министерство народнаго просвѣщенія ассигновало 1,200 руб. на первоначальный взносъ по сей покупкѣ, а члены Петербургскаго сѣзда и строительницы братства

поднесли удалившейся на отдыхъ начальницѣ мебель и различныя вещи для обзаведенія. Въ 1870 году г. министромъ народнаго просвѣщенія было испрошено Высочайшее соизволеніе на производство изъ казны на будущее время еще по 800 руб. въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе женскаго Блудовскаго училища, существовавшаго въ это время уже въ четырехъклассномъ составѣ.

Къ этому періоду его жизни относится весьма памятное для него событіе — посѣщеніе училища сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ, пріѣзжавшимъ въ Острогъ исключительно ради молитвы и богослуженія въ церкви св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, единственной доселѣ въ православномъ мірѣ, и ради ознакомленія съ братскими учрежденіями. Прекрасное описаніе графиней Блудовой этого посѣщенія напечатано въ отчетѣ братства за 1869 годъ и мы позволяемъ себѣ привести изъ него нѣкоторыя выдержки ради того, что здѣсь наглядно рисуются обстановка и внутренняя жизнь Острожскаго училища.

...., Митрополитъ пріѣхалъ 9-го ноября (1869 г.), въ воскресенье, въ первомъ часу пополудни, въ сопровожденіи архимандрита Никифора Дучича (того самаго, голова котораго, еще ранѣе послѣдняго Герцеговинскаго возстанія, оцѣнена Турками въ 1,400.000 піастровъ) и игумена Раковицкаго монастыря Іосифа. Съ нимъ были также встрѣтившіе его на пути нѣкоторые братчики Острожскіе. Для его пріѣзда въ первый разъ ударили въ пожертвованные изъ Москвы братчикомъ Постниковымъ великолѣпные колокола; солнце ярко блистало на металлическихъ хоругвяхъ и богатыхъ ризахъ собраннаго у святыхъ воротъ духовенства, — и между тѣмъ, какъ хоръ крестьянскихъ мальчинокъ, сопровождавшій крестный ходъ, пѣлъ тропарь просвѣтителемъ Славянъ, хоръ дѣвочекъ училища графа Блудова, при входѣ въ церковь, отвѣчалъ тропаремъ св. Саввы Сербскому.

„Послѣ привѣтственнаго слова, сказаннаго у входа въ братскую церковь, митрополитъ приложился ко кресту, къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, а послѣ многолѣтія, осѣнивъ крестомъ присутствовавшихъ, сошелъ съ солен и, стоя среди церкви, долго держалъ крестъ, ибо всякій хотѣлъ неспремѣнно приложиться, а однихъ дѣтей — братскихъ воспитанницъ, учениковъ крестьянскаго пансіона и учениковъ гимназіи — было до 200. Ъхавшій день и ночь, въ зимнюю гнилую погоду, по невообразимо дурной погодѣ, владыка не казался, однако, утомленнымъ и самъ потомъ говорилъ, что входя

въ эту первую церковь въ память нашихъ просвѣтителей и слушая эти дѣтскіе голоса, поющіе священные стихи апостоламъ славянскимъ и заступнику Сербіи, св. Саввѣ, онъ былъ тронутъ и забылъ и усталость и трудный путь....

„Послѣ встрѣчи въ церкви митрополитъ отправился отдохнуть въ приготовленныя ему комнаты и обѣдалъ одинъ.... Въ шесть часовъ онъ поѣхалъ опять въ церковь ко всенощной; все ограда церковная и колокольня были иллюминированы, равно какъ и братское зданіе, страннопріимный домъ и пансіонъ г-жи Гиревской.... Въ понедѣльникъ, 10-го ноября, была торжественная архіерейская обѣдня; митрополитъ прекрасно служитъ, прекрасно читаетъ.

„Послѣ обѣдни онъ подробно осматрѣлъ женское училище графа Блудова, побывалъ во всѣхъ классахъ, въ лазаретѣ, даже на кухнѣ, а вмѣсто своего завтрака, сѣлъ къ столу дѣтей и отобѣдалъ съ ними, знакомясь такимъ образомъ и съ дѣтьми и съ нашею будничною жизнью. Затѣмъ онъ побывалъ въ лѣчебницѣ для приходящихъ, въ аптекѣ, побесѣдовалъ съ сестрою милосердія о больныхъ и бѣдныхъ, поѣхалъ посмотреть великолѣпныя развалины Боговѣленскаго собора князей Острожскихъ, посѣтилъ классы мужской прогимназіи и съ отраднымъ чувствомъ отъ всего этого пріѣхалъ въ пансіонъ крестьянскихъ мальчиковъ, приготовляющихся въ волостные писаря и ходящихъ учиться въ прогимназію. Тутъ были собраны почти всѣ старшины....

„Въ пять часовъ былъ обѣденный столъ въ братской трапезной комнатѣ у митрополита для мѣстнаго духовенства и должностныхъ лицъ братства; недостаточность помѣщенія заставила ограничить число приглашенныхъ. Во избѣжаніе обычныхъ рѣчей и официальностей не предложено было никакихъ тостовъ; эти разглагольствованія показались излишними въ нашемъ простомъ трудовомъ дѣлѣ, въ которомъ некогда сочинять речи. Послѣ обѣда наши ученицы поднесли пресвященному глазетовую пелену подъ евангеліе, наскоро спитую. Показавъ классы утромъ, мы предложили ему теперь посмотреть игры дѣтскія; съ отеческою добротою глядѣлъ онъ на дѣтей, какъ они водили хороводъ, играли въ коршуна и пѣли русскія и малороссійскія нѣсни.... Такъ прошелъ день совершенно семейнымъ образомъ.

...., Шестнадцать лѣтъ тому назадъ молодой 22-лѣтній монахъ Іовановичъ, съ юношескимъ лицомъ и русыми длинными волосами, окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи, нынѣшній митрополитъ сербскій, не выглядываетъ по наружности юнымъ славяни-

номъ и теперь, по его словамъ, совсѣмъ не узнаеть Россіи и въ особенности здѣшняго края. Тогда онъ видѣлъ загнанный, молчаливый народъ съ потупленнымъ взоромъ, низко кланяющійся, чтобы поцѣловать полу сюртука или кунтуша всякаго шляхтича, съ полупольскимъ говоромъ; нынѣ же народъ въ пробуждающемся самосознаніи прямо и принѣтливо смотрѣлъ на него и говорилъ съ нимъ на царскомъ языкѣ. „Пѣсни въ устахъ этихъ дѣтей, говорилъ митрополитъ, проникають въ сердце; ихъ нельзя безъ волненія слушать. Еслибы можно было по какому-нибудь чуду вашему Царю невидимкой посмотреть на все это, Онъ тогда только могъ бы вполне оцѣнить всѣ благодѣянія, которыя Онъ оказалъ Россіи освобожденіемъ крестьянъ, мировыми и прочими учрежденіями, и всю неувадаемую славу своего царствованія; только въ виду этого изумительно-быстраго развитія здѣшняго народа и любви къ Нему, Онъ могъ бы понять всю Свою силу и всю силу Россіи“.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ внутреннею жизнію и характеромъ женскаго, графа Влудова, училища, а равно и съ вѣдшимъ распорядкомъ этой жизни, извлекаемъ изъ отчетовъ братства и изъ напечатанныхъ въ нихъ разныхъ замѣтокъ и писемъ ученицъ—слѣдующія данныя.

Цѣлью училища поставлено развивать въ дѣтяхъ непоколебимое убѣжденіе, что они и предки ихъ—Русскіе, что здѣшній край былъ колыбелью Россіи, и что православная вѣра была, съ самаго введенія здѣсь христіанства, вѣрою всѣхъ Славянъ, что всѣ сперва приняли крещеніе и изъясненіе Христова слова отъ св. Кирилла и Меодія и учениковъ ихъ, что нѣкоторые Славяне потомъ совращены были въ латинство, черезъ которое ихъ отдалили отъ Русскихъ и подвергли чуждому имъ вліянію западныхъ народовъ, откуда и родилась вражда между единоплеменниками; что православная восточная церковь, самая древняя, сохранила все ученіе Христа Спасителя со временъ апостольскихъ, что она учитъ истинному познанію и поклоненію истинному Богу, любви къ ближнему, то-есть, ко всѣмъ людямъ, послушанію и преданности Государю и вѣрной службѣ Ему и отечеству,—что служить такъ хоть отчасти можетъ всякій, даже маленькая дѣвочка, потому что и малое добро, которое дѣлается кому бы то ни было, и всѣ добрыя отношенія другъ къ другу укореняють миръ и согласіе въ народѣ Русскомъ, радуютъ Государя и облегчаютъ ему тяжкій трудъ управленія, что церковь учитъ по десяти заповѣдямъ и по ученію Христову послушанію, покорности и любви

къ родителямъ и честнымъ дружескимъ и искреннимъ отношеніямъ, особенно ко всѣмъ членамъ своего семейства и всего великаго семейства русскаго, то-есть ко всѣмъ русскимъ людямъ, въ какихъ бы краяхъ Россіи они ни жили, что всякій честный трудъ ведетъ за собою, къ какому бы званію мы ни принадлежали, благословеніе Господне и спокойствіе душевное, которыхъ никакое богатство и никакое высокое положеніе дать не могутъ безъ чистой совѣсти.

Въ училищѣ, равно какъ и въ братской школѣ, законоучителемъ и духовникомъ долженъ быть непременно священникъ Кирилло-Мефодіевской церкви, который вмѣстѣ состоитъ и благочиннымъ братства. Изъ учебныхъ предметовъ при преподаваніи русской исторіи въ училищѣ особенное вниманіе обращается на исторію западнаго края. Музыкѣ обучаются всѣ желающіе бесплатно, за исключеніемъ совершенно неспособныхъ; но поступающимъ въ возрастѣ болѣе 10-ти лѣтъ воспитанницамъ, музыкѣ до того времени не обучавшимся, уроковъ музыки отъ училища, то-есть бесплатныхъ, не полагается. Для воспитанницъ не полагается форменной одежды, каждая можетъ носить какое есть у ней платье; только запрещаются золотыя и всякія металлическія украшенія, кромѣ серегъ.

Форма въ одеждѣ обыкновенно устанавливается во избѣжаніе зависти для того, чтобы въ заведеніи всѣ были равны; это временное равенство исчезаетъ однако не только при окончательномъ выпускѣ дѣвицъ, но даже при каждомъ отпускѣ на праздники домой; такимъ образомъ дается только больше случаевъ для бѣдныхъ завидовать богатымъ, потому именно что разница въ такихъ случаяхъ рѣзче бросается въ глаза; между тѣмъ какъ въ ежедневномъ порядкѣ одежда не занимаетъ мысли. Вотъ причина, по которой положено предоставить каждой воспитанницѣ являться въ училище, сколько возможно, въ той же обстановкѣ, какъ дома, по средствамъ и вкусу семейства.

Въ жизни воспитанницы никогда не встрѣтятъ полнаго равенства, и потому задача истиннаго воспитанія приучать и примирять ихъ именно съ разницею въ состояніи и положеніи. Ученицамъ внушаютъ, что никто въ училищѣ не обращаетъ вниманіе на скудость или роскошь одежды; впрочемъ пестрота одежды не должна быть значительна, чтобы не бросаться непріятно въ глаза.

Ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ никому изъ живущихъ въ училищѣ не дозволяется имѣть съ собою въ своей квартирѣ прислуги и дѣтей, не принадлежащихъ къ православному исповѣданію.

Столъ въ училищѣ бываетъ одинъ для дѣтей и ихъ наставницъ; начиная съ начальницы всѣ обѣдаютъ вмѣстѣ и приготовленіе какого либо особаго кушанья на кухнѣ училища никому не дозволяется; равно запрещается приносить кушанье извнѣ, или готовить въ своей комнатѣ; только чай и кофе не дается отъ училища, и потому всѣ, служащіе въ заведеніи, могутъ его приготовить сами; впрочемъ кто хочетъ, можетъ пить чай съ дѣтьми.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ пансіонерки, а равно и приходящія ученицы, должны непремѣнно быть у обѣдни, а по субботамъ—на заупокойной обѣднѣ за умершихъ благодѣтелей училища и края.

Равнымъ образомъ по субботамъ и наканунѣ большихъ праздниковъ, послѣ всепощнаго бдѣнія, воспитанницамъ не дозволяется въ рекреаціонное время танцовать, играть или пѣть свѣтскія пѣсни, или устраивать театральныя представленія, такъ какъ церковь считаетъ окончаніе дня съ захода солнца и потому вечеромъ уже не суббота, а воскресенье, и между всепощною и обѣдней полагается соблюдать день воскресный.

По той же причинѣ дамамъ, служащимъ въ училищѣ, не дозволено выѣзжать на балы и спектакли послѣ всепощной, ибо примѣръ есть первое правило благочестиваго воспитанія.

Такъ какъ училище есть преимущественно воспитательное учрежденіе, то и управленіе имъ ввѣряется прежде всего опытной и нравственной личности съ несомнѣннымъ православно-патріотическимъ направленіемъ; затѣмъ документы на какое либо учебное званіе остаются на второмъ планѣ, ибо пачальница сама не обязана преподавать.

Въ училищѣ существуетъ слѣдующее распредѣленіе каждаго дня.

Съ утра для живущихъ въ училищѣ—общая молитва. Дежурныя паставницы, а когда можно, и пачальница участвуютъ въ ней вмѣстѣ съ дѣтьми. Послѣ чая (или перваго завтрака), по собраніи всѣхъ ученицъ, пансіонерокъ и приходящихъ, въ 9 часовъ ежедневно (какъ во всѣхъ Кирилло-меоодіевскихъ училищахъ)—чтеніе евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ, съ объясненіемъ неудобопонятныхъ словъ и повтореніемъ и толкованіемъ прочитаннаго со стороны дѣтей. Затѣмъ классы начинаются пѣніемъ тропаря св. Кириллу и Меоодію и чтеніемъ молитвъ передъ ученіемъ. Дежурная паставница наблюдаетъ за приходящими ученицами по выходѣ ихъ изъ класса и провожаетъ ихъ до крыльца. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда тоже

поются молитвы. Послѣ обѣда устраиваются прогулки съ двумя дежурными наставницами, но не въ городѣ, исключая тѣхъ случаевъ, если прогулка будетъ назначена съ научною цѣлью—для осмотра достопримѣчательностей, но это разъ или два въ годъ, не болѣе. Классы ведутся не иначе, какъ въ присутствіи наставницы; ночуетъ же съ пансіонерками дортуарная дама. По субботамъ, въ 8 часовъ утра, чтобъ не мѣшать урокамъ, происходитъ ранняя заупокойная обѣдня съ панихидою по императорѣ Николаѣ I, цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, графѣ Блудовѣ и другихъ благодѣтелей края и училища и вкладчикахъ въ церковь; только однѣ ученицы поютъ на клиросѣ эту обѣдню и панихиду; въ субботу же вечеромъ всенощную ученицы поютъ на одномъ клиросѣ, а крестьянскіе ученики—на другомъ. По воскресеньямъ—обѣдня поздняя и молебень св. Кириллу и Меѳодію, св. Пантелеймону и св. Θεодору, князю Острожскому. Ученицы поютъ на одномъ клиросѣ, крестьянскіе мальчики—на другомъ. Вѣрую и Отче нашъ—одно, какъ исповѣданіе вѣры, другое, какъ молитву Господню — ученицы, наставницы и всѣ стоящіе въ церкви поютъ или громко говорятъ вмѣстѣ съ пѣвчими. На каникулы съ 30 іюня по 30-е августа ученицы отпускаются только къ своимъ родителямъ или опекунамъ, а наставницы—всѣ, кромѣ одной, которая должна по очереди, или по выбору начальницы, оставаться при дѣтяхъ.

Ученицамъ воспрещаются коллективныя жалобы, просьбы, цѣлымъ классомъ или депутаціями, и производство суда другъ надъ другомъ, такъ какъ это порождаетъ сплетни, празднословіе, нарушаетъ простоту и дружбу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ и подрываетъ семейный характеръ въ училищѣ. Лично же каждая ученица имѣетъ свободный доступъ къ начальницѣ и наставницамъ.

Деньги дѣтей находятся у одной изъ дамъ, по назначенію начальницы, или у помощницы начальницы, и счетъ имъ исправно ведется и передается родителямъ въ концѣ учебнаго года. Не дозволяется дѣтямъ ни подѣ какимъ видомъ занимать другъ у друга, или у прислуги, и покупать что-либо безъ вѣдома той наставницы, которой ввѣрены ихъ деньги; лакомствъ и съѣстныхъ припасовъ не позволено дѣтямъ покупать иначе какъ съ особаго разрѣшенія начальницы, и то лишь по праздникамъ, но между завтракомъ и обѣдомъ, между обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ, или послѣ ужина не дозволяются никакія лакомства.

Если ученица будетъ замѣчена во лжи, то въ первый разъ дѣ-

дается ей строгое наставленіе, во второй она наказывается, въ третій исключается; впрочемъ въ школѣ и въ первомъ классѣ подвергаются наказанію или исключенію за ложь только на пятый или шестой разъ такъ какъ маленькія дѣти не всегда понимаютъ важность истины.

Учебные курсы начинаются непременно съ 2 или 4 сентября, смотря по дню недѣли безъ ожиданія ученицъ запоздалыхъ; при этомъ своекоштныхъ принимаютъ съ оговоркою, что за пропущенные дни родители должны платить за особые уроки для ихъ дѣтей по 25 коп. за каждый просроченный день; пансіонерки же, запоздавшія безъ достаточно уважительныхъ причинъ, теряютъ право на стипендію и на ихъ мѣста записываются другія.

Въ воскресные дни, равно какъ въ праздники и по субботамъ, всѣ ученицы, пансіонерки и приходящія, бываютъ на божественной службѣ въ церкви; только тѣ, которыя слабы или больны, стоятъ, по особому распоряженію начальницы, на хорахъ; при нихъ находится одна изъ наставницъ или дежурная дама для надзора и соблюденія порядка.

Дежурныя наставницы помогаютъ ученицамъ въ приготовленіи уроковъ къ слѣдующему дню не только по своему предмету, но и по другимъ, не давая предпочтенія какому либо изъ нихъ.

Пансіонерки не отпускаются въ гости, и ихъ посѣщать гости могутъ лишь съ величайшею разборчивостію,—причемъ родственники принимаютъ не иначе, какъ въ актовой залѣ и къ нимъ выходятъ только тѣ воспитанницы, къ которымъ они пріѣхали; на квартиру же къ родственникамъ ученицы не отпускаются кромѣ какъ къ отцу или матери, но не на ночлегъ, не позже, какъ до 6 часовъ вечера.

Вслѣдствіе крайняго затрудненія въ доставленіи постной пищи, постъ соблюдается только одну недѣлю передъ Рождествомъ, а также на первой, четвертой и страстной недѣляхъ, начиная съ вербной субботы. Всѣ дѣти говѣютъ на первой и четвертой недѣляхъ великаго поста.

Мы ясно видимъ изъ всего этого, что въ основу училища графа Блудова положены строго-христіанскія начала, даже, можетъ быть на взглядъ нѣкоторыхъ, слишкомъ строгія; но между тѣмъ они привились въ заведеніи съ полною силою. Вотъ, на примѣръ, чтó читаемъ мы въ письмѣ попечительницы училища къ одной изъ начальницъ его: „Меня очень радуется и утѣшаетъ и ваше наблюденіе, что дѣти любятъ молиться; на вашъ свѣжій взглядъ я больше могу надѣяться;

впрочемъ и по моимъ наблюденіямъ скуку и пренебреженіе къ молитвѣ оказала у насъ только одна Н., которая и была у насъ всего три мѣсяца... Наша цѣль—не столько воспитывать педагоговъ для добыванія средствъ жизни уроками, для чего много есть училищъ въ Россіи, сколько—образованныхъ женщинъ-христіанокъ, которыя могли бы бороться съ жизнію во всякомъ положеніи. Что же касается извѣстій вашихъ о маленькихъ погрѣшностяхъ дѣтскихъ, то пусть себѣ попадаютъ и бываютъ бранимы и наказываемы. Правила наши строги, но мы не ищемъ совершенства. Между дѣтьми Боже упаси отъ совершенствъ! Или не живучи, или лицемѣры. Однимъ лишь бойтесь меня огорчить—ихъ ложью, а что они пошалили, немножко срѣзались на экзаменѣ, полѣнились и даже нагрубили—не бѣда. Не слишкомъ принимайте все это къ сердцу“.

Все, сказанное нами до сихъ поръ, проливаетъ, кажется, достаточно свѣта на то, какимъ направленіемъ одушевлено училище графа Д. Н. Влудова. Прежде всего какой глубокой и благотворный смыслъ въ учрежденіи этого заведенія именно въ гор. Острогѣ, въ одномъ изъ тѣхъ древнихъ центровъ, гдѣ вопросы о національности, религіи, патріотизмѣ, имѣютъ особенно важное значеніе! Извѣстно, что въ такихъ именно центрахъ преимущественно формируются сильныя натуры съ высшими стремленіями, а это обстоятельство не можетъ оставаться безъ вліянія и на молодое поколѣніе. Затѣмъ, какъ счастливо заведеніе поставлено въ живую связь съ другими, перечисленными выше, учрежденіями братства! Ученицы тутъ не только учатся, но и живутъ жизнію совмѣстною съ обществомъ и народомъ; онѣ не наблюдаютъ жизнь изъ окна, а сами участвуютъ въ ней какъ маленькіе, но тѣмъ не менѣе дѣятельные члены ея, щиплютъ корню для больныхъ, готовятъ лекарства. Образованіе и воспитаніе, направленное исключительно или даже преимущественно въ научную сторону, въ сторону только развитія умственныхъ силъ, хотя бы и цѣлесообразно и вполне правильнаго, можетъ въ концѣ концовъ привести къ поклоненію золотому тельцу; Влудовское училище ставитъ себѣ цѣлью избѣгнуть этого зла: оно даетъ своимъ воспитанницамъ и дипломы и законченное умственное образованіе, но въ то же время служить другому идеалу. Задача его выработать цѣльную личность, а такая личность не мыслима безъ связи съ роднымъ краемъ, безъ дѣятельно-направленной вѣры, такъ какъ быть причастнымъ народу значитъ быть причастнымъ прежде всего главной его силѣ, т. е. религіи. Человѣкъ, не носящій въ своемъ сердцѣ этотъ идеалъ, не стремящійся прежде

всего и главнѣе всего быть достойнымъ членомъ родной семьи, не проникнутый чувствами вѣры, патріотизма, сознаниемъ нравственнаго долга, не достоинъ считаться человекомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. По мысли учредителей училища гр. Блудова главный его устой долженъ заключаться не въ умственномъ совершенствѣ, а въ нравственныхъ началахъ, въ христіанскомъ развитіи сердца и воли. Весь внутренній его строй строго сообразованъ съ этимъ правиломъ и притомъ такъ, что ничто не превращается въ пустую формальность. Много доказательствъ тому встрѣчаемъ мы въ *Острожской мѣтодици*, которую съ рѣдкимъ постоянствомъ ведетъ попечительница братства и училища.

Вообще училище, о которомъ мы говоримъ, представляетъ поразительный примѣръ, какъ чрезъ интернатъ можно достигнуть цѣлей, полное осуществленіе коихъ считается обыкновенно возможнымъ лишь въ высоко нравственномъ христіанскомъ семействѣ. Благодаря такту и чужью руководителей, вся обстановка его носить семейный характеръ. Въ свободное, напримѣръ, время, въ праздники, устроились по вечерамъ посидѣлки и начальница тотчасъ придаетъ имъ смыслъ и значеніе: всѣ приходятъ съ своими любимыми работами, читаютъ книги, напримѣръ Князя Серебрянаго, и одна изъ воспитанницъ искренно сожалѣетъ, что нельзя учить всей исторіи по такому развазу. На Рождествѣ устрояютъ елку: «Собственно меня и моихъ сотрудницъ особенно порадовало, читаемъ въ одномъ письмѣ по этому поводу, что множество конфетъ и гостинцевъ не возбудили въ дѣтяхъ жадности и что они прежде всего подумали о тѣхъ, которыхъ не было на слѣб. Мы совершенно оставили на ихъ произволъ, чтобы они раздѣляли гостинцы, какъ хотятъ. Прежде всего они отдѣлили бѣднымъ дѣтямъ и дѣтямъ нашей прислуги. Первой мысль эта пришла М.; насъ это очень порадовало: дѣти уже научились думать о другихъ». Существуютъ, напримѣръ, стипендіи въ училищѣ, но и стипендіямъ здѣсь приданъ особый колоритъ, состоящій въ томъ, что онѣ приурочены къ именамъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей; мы встрѣчаемъ стипендіатовъ Карамзина, Державина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Кирѣевскаго, Хомякова....

Руководители всячески стараются не допускать между ученицами никакихъ привычекъ роскоши, любви къ нарядамъ, жадности къ увеселеніямъ, считая такія привычки зародышемъ гибели для большинства женщинъ и, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не напрасно. Между прочимъ училище не раздѣляетъ общепринятой задачи женскихъ

пансіонеровъ — воспитывать въ ученицахъ будущихъ матерей, такъ какъ далеко не всякой предназначено быть супругой и матерью въ собственной семьѣ; напротивъ главнѣйше воспитанницы подготовляются къ роли труженицъ и подвижницъ въ своемъ или чужомъ семействѣ; для нихъ всякій сирота, всякій безпомощный и бѣдный становится братомъ и сыномъ и онѣ могутъ сказать съ французскимъ писателемъ: „*tous les hommes sont mes frères, mais ceux qui pleurent sont mes enfans*“.

Въ 1872 году училище графа Блудова считало уже шесть лѣтъ своего существованія и въ этомъ году былъ первый изъ него выпускъ воспитанницъ, прошедшихъ всѣ три класса (по два года въ каждомъ). Выпускъ состоялъ изъ шести ученицъ. Такъ какъ до сего времени училище считалось частнымъ учебнымъ заведеніемъ, то и свидѣтельство объ окончаніи въ немъ курса не давало воспитанницамъ права преподаванія и онѣ, по дѣйствующимъ правиламъ о специальныхъ испытаніяхъ на учительскія званія, должны были послѣ своего выпускнаго экзамена подвергаться еще другому изъ полного гимназическаго курса въ педагогическомъ совѣтѣ Острожской мужской гимназіи. Для училища и братства экзаменъ этотъ былъ первымъ пробнымъ камнемъ; дѣвицы выдержали его съ полнымъ успѣхомъ. Изъ закона Божія всѣ онѣ получили по 5 балловъ; по русскому языку, въ присутствіи экзаменаторовъ, написали сочиненіе на тему „Мысли при выходѣ изъ училища“; изъ исторіи отвѣчали блистательно. „Предметъ былъ — родной ихъ сердцу, читаемъ въ письмахъ по этому поводу, и даже спокойныя воодушевились; отвѣчали осмысленно, не торопясь; видно было, что онѣ держатъ въ рукахъ свое дѣло; самая молчаливая сдѣлалась краснорѣчивой... и сколько было радости!“

За то въ слѣдующемъ году (1873) ни одна изъ ученицъ втораго выпуска не отважилась на такой экзаменъ для полученія званія собственно домашней учительницы; большая часть ихъ были слишкомъ молоды для этого (14 и 15 лѣтъ); притомъ практика обнаружила необходимость учредить еще IV классъ для окончательнаго утвержденія дѣвицъ въ приобретенныхъ ими свѣдѣніяхъ, а равно и для спеціальнаго изученія нѣкоторыхъ предметовъ, избираемыхъ ими для преподаванія и практическихъ упражненій въ преподаваніи.

Тотъ же 1873 годъ навсегда останется памятнымъ для ученицъ по одному событію: представленію ихъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. Въ томъ же году происходила ревизія г. ми-

нистра народнаго просвѣщенія, имѣвшая результатомъ окончательное устройство и упроченіе училища во всѣхъ отношеніяхъ.

Представленіе воспитанницъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ происходило на станціи желѣзной дороги вблизи Острога. Августѣйшіе путешественники осчастливили ихъ въ высшей степени милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ.

Что касается до посѣщенія училища министромъ народнаго просвѣщенія, то оно продолжалось три дня, въ теченіе коихъ г. министръ осматрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу графиня Блудова въ своей *Острожской Лѣтописи*:

„Какой длинный рядъ годовъ, воспоминаній, милыхъ тѣней промелькнулъ въ моей душѣ въ ту минуту, когда вмѣсто молодаго человѣка, почти мальчика, который когда-то (болѣе 20-ти лѣтъ назадъ) первый привезъ мнѣ святой воды съ Волыни изъ Почаева, вышелъ изъ экипажа человѣкъ въ лѣтахъ и чинахъ, преемникъ общаго нашего друга Уварова, прибывшій для обзора училищъ, стоявшихъ столь близко ко мнѣ и связанныхъ съ памятью послѣднихъ минутъ жизни моего отца! Конечно, ни графъ Д. А. Толстой, ни я — въ то время, когда мы вмѣстѣ брали уроки сербскаго языка и толковали о славянизмѣ въ петербургскихъ гостинныхъ, — не думали, что мнѣ случится когда-нибудь встрѣчать его такъ официально. Онъ поздоровался со всѣми и я проводила дорогаго гостя въ приготовленные для него покои; но такъ какъ онъ не жаловался на усталость, то мы и наговорились вдоволь до обѣдни, которая была отслужена въ обыкновенный часъ. Дѣти наши пѣли, какъ ангелы. Въ храмѣ улеглось все волненіе; всѣ молились спокойно, съ умиленіемъ и наши пріѣзжіе не утомились длинною службой. У меня было и грустно и хорошо на душѣ. Уже почти рѣшено было передать училище въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и мнѣ приходилось нѣкоторымъ образомъ разставаться съ нимъ; у меня было чувство матери, которая выдаетъ замужъ дочь: какъ ни хорошъ женихъ, а все-таки онъ увозитъ изъ дома сокровище. И я спрашивала себя, точно ли добросовѣстно я употребила всѣ силы и старанія для того, чтобы исполнить задачу, завѣщанную отцомъ моимъ? Точно ли не хватаетъ силъ и средствъ продолжать одной?“...

На слѣдующій день, не смотря на дурную погоду, г. министръ уже въ 10 часовъ утра посѣтилъ прогимназію, гдѣ присутствовалъ на всѣхъ урокахъ и самъ спрашивалъ многихъ учениковъ; затѣмъ, онъ успѣлъ еще и въ женскомъ училищѣ прослушать три урока.

Усѣвшись на скамѣ между ученицами, г. министръ задавалъ имъ вопросы, на которыя онѣ отвѣчали сначала робко, а затѣмъ все бойчѣе. Въ 5 часовъ была отслужена панихида по графѣ Д. Н. Блудовѣ, который, какъ выразился г. министръ, „былъ расположенъ къ нему съ его юношескихъ лѣтъ и по желанію котораго устроены Острожскія училище и церкви“. Всѣ пошли въ церковь, гдѣ пѣли крестьянскіе мальчики.

Вечеръ въ этотъ день проведенъ былъ семейно и передача училища въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія окончательно была рѣшена.

Учреждая и развивая Острожское училище, графиня Блудова построила для заведенія, на собственныя и собранныя ею отъ братства средства церкви и зданіе со службами, стоимостью свыше 50.000 р., и предоставила училищу въ пользованіе большой фруктовый садъ; для особаго же сельскаго училища на фермѣ Миклаши построила отдѣльный деревянный домъ. Расходы по содержанію училища, простиравшіеся уже и въ первые годы его существованія свыше 18.000 р., покрывались частію изъ средствъ казны и Свято-Кирило-Мееодіевскаго братства, частію изъ спеціальныхъ средствъ самого училища; за всѣмъ тѣмъ ежегодно не доставало до 6.700 р., которые и восполнялись отчасти братскими взносами и частными пожертвованіями, преимущественно же средствами самой графини.

Въ началѣ 1874 года графиня, по случаю нѣкотораго ослабленія своихъ физическихъ силъ и уменьшенія членовъ братства, вообще не многочисленнаго, возымѣла серьезныя опасенія касательно того, что матеріальныя средства учрежденнаго ею училища не представляютъ для него достаточнаго и вѣрнаго обезпеченія въ будущемъ и обратилась къ г. министру народнаго просвѣщенія съ формальнымъ ходатайствомъ о принятіи училища въ непосредственное завѣдываніе министерства, съ передачею въ его собственность построекъ и всего вообще училищнаго имуществва. Училище должно было оставаться заведеніемъ закрытымъ, съ утвердившимся въ немъ православнымъ, русско-славянскимъ характеромъ.

Вполнѣ сочувствуя прекрасному духу и направленію женскаго графа Блудова училища и найдя, при личномъ его осмотрѣ во время описанной нами поѣздки, что оно осуществляетъ счастливую мысль учредительницы и покойнаго отца ея устроить въ югозападной окраинѣ разсадникъ серьезнаго православно-религіознаго воспитанія и образованія женщинъ, графъ Д. А. Толстой призналъ удовле-

ніе изложеннаго ходатайства весьма желательнымъ и необходимымъ. Въ Государственный Совѣтъ внесено было представленіе объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства, въ добавокъ къ нѣвшимся средствамъ, еще по 11 000 руб. въ годъ, при чемъ должны были повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора уставъ и штатъ училища. Согласно такому представленію, мнѣніе Государственнаго Совѣта было Высочайше утверждено 3-го іюля 1874 г. и нынѣ училище, располагая ресурсами въ количествѣ 22.300 руб. въ годъ, обезпечено навсегда въ своемъ содержаніи.

Означенная сумма образовалась изъ слѣдующихъ источниковъ:

1. Изъ пособій, отпускаемыхъ ежегодно училищу по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на основаніи Высочайшаго повелѣнія: а) 26-го мая 1869 года	1.500 руб.
б) 21-го апрѣля 1870 года дополнительныхъ	800 „
2. Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ процентовъ съ особаго капитала на содержаніе стипендіатовъ въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича	1.428 „
3. Изъ доходовъ съ оброчныхъ статей (двухъ мельницъ и рыбной ловли въ с. Миклашахъ, мельницы въ м. Купенѣ и фермы въ с. Миклашахъ) Всемилоушійше пожалованныхъ Кирилло-Меодіевскому братству	2.722 „
4. Изъ процентовъ съ капиталовъ, принадлежащихъ женскому училищу	850 „
5. Изъ взносовъ за содержаніе и ученіе воспитанницъ ..	4.000 „
6. Изъ отпускаемыхъ отъ казны, на основаніи Высочайше утвержденаго 3-го іюля 1874 года мнѣнія Государственнаго Совѣта	11.000 „
Итого	22.300 руб.

Затѣмъ въ педагогическомъ совѣтѣ училища и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія выработаны были, по соглашенію съ графинею Влудовою, уставъ, штатъ, программы предметовъ учебнаго курса, а также инструкція для училища. Приводимъ существенные пункты первыхъ трехъ изъ этихъ постановленій.

Заведенію присвоено названіе „Женскаго графа Дмитрія Николаевича Влудова училища“. Оно есть закрытое учебно-воспитательное заведеніе, съ допущеніемъ въ него приходящихъ ученицъ. Состоитъ оно изъ четырехъ классовъ, въ которыхъ курсъ ученія продолжается семь лѣтъ, а именно въ первыхъ трехъ классахъ ученицы остаются

по два года въ каждомъ и въ старшемъ классѣ одинъ годъ. Въ видахъ достиженія цѣли училища, весь личный составъ его и братской школы, а именно учащіеся въ нихъ дѣвѣцѣ, начальница, воспитательницы, преподаватели, всѣ другія служащіе при заведеніи лица, а также и прислуга должны быть исключительно православнаго исповѣданія. При училищѣ графа Блудова состоятъ попечительный совѣтъ и хозяйственное управленіе; предсѣдательство въ первомъ принадлежитъ директору Острожской мужской прогимназіи, а во второмъ—начальницѣ училища. Учредительницѣ училища, графинѣ Антонинѣ Дмитриевнѣ Блудовой, присвоено званіе ея попечительницы, при чемъ она, по утвержденіи въ этомъ званіи Государыней Императрицей, пользуется слѣдующими правами: 1) имѣть ближайшій контроль за дѣйствіями управленія училища какъ по учебно-воспитательной, такъ и по хозяйственной частямъ заведенія; 2) выбирать и представлять къ утвержденію въ должности начальницу училища и прочихъ служащихъ лицъ, распоряжаться, въ необходимыхъ случаяхъ, и увольненіемъ ихъ отъ службы; 3) избирать изъ кандидатокъ, желающихъ поступить въ пансіонерки, извѣстное число по своему усмотрѣнію; 4) предсѣдательствовать, во время пребыванія своего въ г. Острогѣ, въ засѣданіяхъ попечительнаго совѣта и хозяйственнаго управленія; 5) въ случаѣ замѣчаемыхъ ею съ чьей либо стороны упушеній и уклоненій отъ установленныхъ правилъ, пріостанавливать такіе неправильныя дѣйствія, доводя о нихъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, и 6) представлять служащихъ въ училищѣ попечителю учебнаго округа къ наградамъ.

Изложенныя права попечительницы училища предоставляются пожизненно графинѣ А. Д. Блудовой. По смерти же ея, званіе попечительницы переходитъ пожизненно лицу женскаго пола, избранному изъ фамиліи графовъ Блудовыхъ и родственниковъ ихъ Шевичей, Поликарповыхъ и графовъ Шереметевыхъ. Въ выборѣ участвуютъ всѣ совершеннолѣтніе члены означенныхъ фамилій, какъ мужскаго такъ и женскаго пола. Выборъ опредѣляется большинствомъ голосовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ, выбранною считается старшая по лѣтамъ. Актъ о состоявшемся выборѣ представляется министру народнаго просвѣщенія. Избранной попечительницѣ предоставляется право участвовать въ засѣданіяхъ попечительнаго совѣта и хозяйственнаго управленія училища по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей и съ возложеніемъ на нее обязанности наблюдать за своевременнымъ поступленіемъ и правиль-

нымъ употребленіемъ суммъ, происходящихъ отъ пожертвованій Блудовыхъ, или черезъ ихъ посредство частныхъ лицъ, привѣнительно къ правамъ, предоставленнымъ почетнымъ попечителямъ мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Курсъ ученія составляютъ слѣдующіе предметы: законъ Божій, церковно-славянскій языкъ, русскій языкъ, словесность и краткая исторія литературы русской съ очерками литературъ иностранныхъ, географія, исторія русская и всеобщая, свѣдѣнія о главнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ, французскій языкъ, педагогика, чистописаніе, рукодѣлія, музыка и пѣніе (преимущественно церковное). Сверхъ того ученицы старшаго класса упражняются въ практикѣ преподаванія въ братской школѣ, проходя тѣ практическія и, по возможности, теоретическія занятія, которыя признаны будутъ удобными и возможными попечительнымъ совѣтомъ училища. Вообще курсъ этотъ нѣсколько ниже курса женскихъ гимназій министерства, по отсутствію въ немъ естественной исторіи и рисованія и по меньшему объему преподаванія математики и физики, за то выше по исторіи русской, славянскому языку, исторіи русской церкви и исторіи литературы. Окончившія общій курсъ съ одобрительнымъ аттестатомъ и удовлетворительно исполнившія практическія занятія IV класса получаютъ, безъ особаго экзамена, званіе домашней учительницы—на общемъ основаніи; прошедшія же только общій курсъ, получаютъ это званіе въ предметахъ, по которымъ оказали хорошіе и достаточные по объему успѣхи.

Служащимъ при училищѣ лицамъ присвоются всѣ права службы по опредѣленію отъ правительства, именно: лицамъ мужскаго пола (законоучителю, учителямъ наукъ, врачу и нисъмоводителю) — въ отношеніи государственной службы всѣ права и преимущества тѣхъ же лицъ, служащихъ въ Острожской мужской прогимназіи; лицамъ же женскаго пола—права служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ только тѣ пользуются правомъ получать пенсіи и единовременныя пособія изъ состоящаго въ распоряженіи министерства капитала домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, по Положенію о семъ капиталѣ, которыя состоя преподавательницами учебныхъ предметовъ, или воспитательницами, имѣютъ установленныя свидѣтельства на званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ; ограниченіе это однако не простирается на начальницу училища и ея помощницу. Условія для поступленія

въ учителя и преподавательницы суть тѣ же, какъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Воспитанницы, окончившія курсъ, могутъ, послѣ выпуска, обращаться въ училище за совѣтами и въ крайнихъ случаяхъ получать въ немъ временный пріютъ, если братство найдетъ возможнымъ платить за нихъ содержаніе. Попечительный совѣтъ, по соглашенію съ братствомъ, долженъ слѣдить, по мѣрѣ возможности, за положеніемъ вышедшихъ воспитанницъ, которыя не имѣютъ родителей, или находятся на мѣстахъ, какъ приходящія. Оброчныя статьи, доходъ съ которыхъ поступаетъ на содержаніе училища, остаются въ прямомъ и непосредственномъ распоряженіи попечительницы братства до тѣхъ поръ, пока въ этомъ званіи состоитъ графиня А. Д. Блудова; послѣ же ея смерти, главное наблюденіе за означенными статьями должно принадлежать попечительному совѣту училища, а ближайшее завѣдываніе—хозяйственному управленію.

Въ томъ же 1875 году, въ которомъ Высочайше былъ дарованъ Острожскому училищу особый уставъ со штатомъ, графиня Блудова, согласно этому уставу, была утверждена Государыней Императрицей въ званіи попечительницы училища, какъ въ высшемъ почетномъ званіи, существующемъ во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ попечительницы, избираемыя вообще изъ мѣстныхъ знатныхъ дамъ, занимаютъ во всѣхъ официальныхъ собраніяхъ и засѣданіяхъ первыя мѣста.

Въ 1875 году министерство народнаго просвѣщенія утвердило инструкцію, которою официально подтверждены тѣ основныя начала внутренней жизни училища, которыя уже извѣстны читателямъ; а въ истекшемъ году выработаны были, согласно уставу, и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія подробныя программы предметовъ учебнаго курса и недѣльная таблица уроковъ. Такъ какъ эти программы цѣликомъ напечатаны въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* (декабрь, 1876 года), то мы коснемся лишь нѣкоторыхъ изъ особенностей этихъ программъ.

Едва ли не главнѣйшая состоитъ въ томъ, что преподаваніе русской исторіи начинается съ перваго класса и перваго же года ученія, тогда какъ по требованіямъ нынѣшней педагогики преподаваніе этого предмета не должно начинаться въ среднемъ учебномъ заведеніи ранѣе третьяго года. Но мы видѣли, что вообще русская исторія—слишкомъ дорогой предметъ для Острожскаго женскаго училища, вслѣдствіе особенностей того края, гдѣ оно существуетъ.

Затѣмъ въ учебномъ курсѣ отведено довольно широкое мѣсто исторіи русской литературы и даже литературъ другихъ народовъ. Особенностью служитъ и то, что ученицы выпускнаго IV класса — теоретическій курсъ заканчиваютъ практическимъ приложеніемъ его къ дѣлу, упражняясь въ преподавательской практикѣ въ отдѣльной при училищѣ школѣ. Въ этомъ отношеніи училище удовлетворяетъ общесознанной потребности, выразившейся въ послѣднее время въ томъ, что практическо-воспитательная и учебная сторона вводится въ курсъ не только существующихъ уже по извѣстному типу учебныхъ заведеній, напримѣръ женскихъ гимназій, но для достиженія преимущественно этой цѣли учреждаются и цѣлыя отдѣльныя заведенія, напримѣръ учительскіе институты и семинарія.

Есть еще и другія особенности въ программахъ женскаго, графа Блудова, училища, напримѣръ нѣсколько болѣе узкій, чѣмъ обыкновенно, курсъ математики, совершенное отсутствіе естественной исторіи; относительно этого позволяемъ себѣ привести слѣдующія слова, въ которыхъ выражено убѣжденіе попечительницы училища: „Наше училище есть специальное для изученія русской исторіи, русскаго языка и словесности, съ цѣлію объясненія особенностей нашего народнаго духа въ борьбѣ и для борьбы съ напущенными извнѣ направленіями и мыслями, клонящимися къ обману насъ, какъ Русскихъ, въ отношенія къ вѣковымъ правамъ нашимъ на нашу землю и къ обману нашихъ женщинъ въ отношенія къ ихъ святымъ правамъ и обязанностямъ, какъ дочерей, супруговъ, матерей, сестеръ и православныхъ христіанокъ. Мы не видимъ ни особеннаго счастья, ни славы для нихъ въ стремленіи отбивать хлѣбъ у мужчинъ, и думаемъ, что женщинамъ подобаетъ стремиться къ одному только преимуществу предъ мужчинами—это къ возвышенной чистотѣ мысли и чувства, къ соблюденію строгости нравовъ и святости домашняго очага. Исконно вѣковъ женщина назначена быть помощницей и другомъ, а не соперникомъ мужчины; назначеніе это, при всей изуродованности иныхъ человѣческихъ отношеній, не измѣнилось и теперь. И согласно съ особенностями своей натуры и ума, женщина должна изучать тѣ науки и развивать въ себѣ тѣ таланты, которые не требуютъ ни слишкомъ большихъ силъ, ни слишкомъ исключительнаго труда, чтобы не отнималось слишкомъ много времени и вниманія отъ той скромной, но часто далеко не мелкой дѣятельности, которая требуется хозяйствомъ и семейнымъ бытомъ, потому что семейство всегда было и будетъ настоящею сферою женщины“.

Очевидно, что женское училище графа Д. Н. Блудова представляет въ высшей степени отрадное явленіе: учрежденное въ югозападной окраинѣ, оно воспитываетъ въ православно-русскомъ духѣ молодое женское поколѣніе, укрѣпляетъ русское самосознаніе, стоитъ на стражѣ русскихъ интересовъ, и нельзя не пожелать, чтобы въ будущемъ выполняло оно эту высокую задачу съ такимъ же успѣхомъ, какимъ отличалась дѣятельность его до сихъ поръ, въ первые годы его существованія.

М. Родевичъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ПОВѢРКѢ ПЛОЩАДЕЙ КАРТЫ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ ПОЛКОВНИКА СТРѢЛЬБИЦНАГО.

Повѣрочныя вычисленія нѣкоторыхъ контуръ карты, составленной полковникомъ генеральнаго штаба Стрѣльбицкимъ, производились посредствомъ планиметра Амслера съ передвижнымъ рычагомъ № 505, выписаннымъ изъ Альтоны отъ механиковъ Деннерта и Папе, для геодезическаго кабинета Константиновскаго межеваго института.

Вывѣрка этого инструмента производилась на бумагѣ, наклеенной на мензульную доску и посредствомъ особой повѣрительной линейки, которая прилагается названными механиками къ каждому экземпляру ихъ инструментовъ. Линейка эта, шириною 0."6, длиною почти въ 3."7, сдѣлана изъ тонкой мѣдной полоски, вдоль которой просверлены маленькія отверстія. Укрѣпляя одинъ конецъ линейки кнопкою, плотно входящею въ крайнее отверстіе на этомъ концѣ, и помѣщая затѣмъ обводный шпиль планиметра въ какое-нибудь другое отверстіе на линейкѣ, можно, укрѣпивши предварительно полюсъ, описывать обводнымъ шпилемъ совершенно точно окружности различныхъ радіусовъ; здѣсь говорится: „совершенно точно“, потому что при такомъ приѣмѣ избѣгаются погрѣшности, происходящія отъ несовершенна точнаго обвода отъ руки фигуры шпилемъ планиметра; и слѣдовательно, на результаты, получающіеся при этомъ, имѣютъ вліяніе погрѣшности, происходящія почти исключительно только отъ несовершенствъ инструмента и отъ того, что въ инструментѣ не выполнены съ необходимою точностью всѣ требуемыя отъ него условія.

Такъ какъ при вычисленіи площадей контуръ карты имѣлось въ виду употребить тотъ же способъ, который употреблялъ и полковникъ

часть CLXXXIX, отд. 4.

Стрѣльбицкій и который предложенъ академикомъ А. Н. Савичемъ, то признано необходимымъ повѣрить въ инструментъ только слѣдующія 2 условія: во 1) свободно-ли вращается ось валика: не существуетъ-ли тренія между ободкомъ валика и нониусомъ и въ центрѣ ли укрѣпленъ валикъ на оси, и во 2) перпендикулярна ли плоскость колеса къ передвижному рычагу, то-есть, къ линіи, соединяющей ось вращенія рычаговъ съ обводнымъ шпилемъ. Повѣрки этихъ условій произведены слѣдующимъ образомъ.

Повѣрка 1-го условія. Укрѣпивши повѣрительную линейку на одномъ концѣ, обводный шпиль помѣщался въ отверстіе, отстоящее отъ перваго на разстояніи 3."38. Чтобы при описываніи окружностей такого радіуса планиметръ имѣлъ достаточную устойчивость, полюсъ былъ помѣщенъ въ такомъ разстояніи отъ центра, чтобы рычаги не составляли между собою слишкомъ тупыхъ или слишкомъ малыхъ угловъ. Затѣмъ, сдѣлавши отсчетъ по циферблату, валику и нониусу обводнымъ шпилемъ, описывалась окружность указанныхъ размѣровъ и дѣлался новый отсчетъ. Для уничтоженія вліянія виѣцентричности валика на результаты, послѣ перваго обвода валикъ былъ повернутъ приблизительно на половину его оборота и, снова сдѣлавши отсчетъ, обводилась та же самая окружность. Среднее арифметическое изъ полученныхъ такимъ образомъ результатовъ даетъ, какъ это не трудно обнаружить простыми геометрическими соображеніями, результатъ, не зависящій отъ виѣцентричности валика. Такой приемъ былъ сдѣланъ сначала при положеніи цифръ 0 и 5 валика около нуля нониуса, затѣмъ для цифръ 2 и 7, 3 и 8, 4 и 9, 5 и 0. Сравненіе результатовъ, полученныхъ изъ подобныхъ приемовъ, дало возможность уничтожить соответственными винтиками треніе между ободкомъ валика и нониусомъ, а также и треніе въ оси. Конечные результаты, полученные по уничтоженіи тренія, слѣдующіе:

1-й приемъ		2-й приемъ	
2217	5716	8288	10784
0038	3527	6102	8602
<u>2179</u>	<u>2189</u>	<u>2186</u>	<u>2182</u>
среднее ариѳмет. 2184		2184.	
3-й приемъ		4-й приемъ	
3391	5891	8589	11088
1203	3708	6404	8905
<u>2188</u>	<u>2183</u>	<u>2185</u>	<u>2183</u>
среднее ариѳмет. 2185.5		2184.	

	5-й приемъ	
	3688	6181
	1501	4000
	2187	2181

среднее арифмет. 2184.

Среднее арифметическое 2184.3 изъ результатовъ всѣхъ 5-ти приемовъ разнится отъ каждаго отдѣльнаго средняго не болѣе какъ на 1.2 дѣлений нониуса, такъ что точность каждаго приема должна быть принята равною $\frac{1.2}{2184.3} = \frac{1}{1820}$, то-есть, на каждыя 1820 квадратныхъ единицъ—1 квадратная единица ошибка. Сравненіе же отдѣльныхъ результатовъ каждаго приема между собою показываетъ, что въ инструментѣ существуетъ вѣцентренность валика, вслѣдствіе которой разность между отдѣльными результатами достигаетъ 10 дѣлений нониуса; а потому, для полученія изслѣдуемымъ инструментомъ результатовъ, независимыхъ отъ вѣцентренности валика, признано необходимымъ вычислять фигуры при двухъ положеніяхъ валика, при чемъ второе положеніе его должно отличаться отъ перваго на половину оборота. Нужно еще замѣтить, что такъ какъ передвиженіе валика на половину его оборота производилось, при производствѣ 1-й по-вѣрки, непосредственно рукою, приподнявъ немного конецъ передвижнаго рычага, то могущее произойдти отъ этого ненормальное положеніе валика на бумагѣ уничтожалось тѣмъ, что передъ отсчетомъ обводный шпиль съ линейкою отводился отъ начальной точки сначала вправо по окружности, за тѣмъ влево и потомъ уже, подводя къ начальной точкѣ, дѣлался отсчетъ, послѣ котораго обводилась окружность въ правую сторону.

При повторкѣ 2-го условія: перпендекулярности плоскости колеса къ рычагу,—употреблялся слѣдующій способъ: укрѣпивши линейку въ одномъ изъ крайнихъ отверстій кнопкою, обводный шпиль помещался въ отверстіе, котораго разстояніе отъ точки прикрѣпленія = 2."46; за тѣмъ, выбравши для полюса 2 точки, которыя отстояли бы другъ отъ друга возможно дальше, обводилась сначала окружность при положеніи полюса въ ближайшей къ окружности точкѣ А, а потомъ таже самая окружность при положеніи полюса въ дальней точкѣ В. Понятно, что для уничтоженія ошибки, происходящей отъ вѣцентренности валика при каждомъ положеніи полюса, были сдѣланы 2 обвода при двухъ діаметрально противоположныхъ частяхъ

важка. Сравненіе результатовъ при положеніяхъ полюса въ А и В показало, что плоскость колеса не перпендикулярна къ рычагу. Эта погрѣшность была уничтожена особымъ приспособленіемъ, сдѣланнымъ механиками Деннертъ и Папе и состоящимъ въ томъ, что передвижной рычагъ сдѣланъ, вблизи обводнаго шпилья, составнымъ и при томъ такъ, что обводный шпиль можетъ быть по желанію отклоняемъ вправо или влѣво. Вотъ конечные результаты повѣрки 2-го условія: разстояніе между двумя положеніями полюса въ А и В = 3."23.

Полюсъ въ точку А.

4343	5848
3190	4693
<hr/>	<hr/>
1153	1155

среднее аримет. 1154.

Полюсъ въ точку В.

10662	3167
9505	2018
<hr/>	<hr/>
1157	1149

среднее аримет. 1153,

откуда разность показаній планиметра между двумя положеніями полюса = 1 дѣленію нониуса, что составляетъ $\frac{1}{1153}$ отъ площади окружности, обведенной шпильемъ планиметра.

И такъ, изъ всего вышесказаннаго, ясно, что планиметръ нашъ, послѣ повѣрки его, давалъ результаты съ точностью $\frac{1}{1153}$.

Хотя при обводѣ шпильемъ планиметра контуръ карты г. Стрѣльбицкаго, ограниченныхъ неправильными кривыми, и не употреблялась повѣрительная линейка, какъ это дѣлалось при повѣркѣ инструмента, а обводились контуры непосредственно рукою, почему и приведенная точность должна была уменьшиться, но, тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что результаты, которые получились при вычисленіи такимъ планиметромъ площадей контуръ, при необходимой тщательности и аккуратности его употребленія, должны заслуживать полнаго довѣрія. Вотъ причина, вслѣдствіе которой нужно было нѣсколько подробнѣе остановиться на способахъ и результатахъ повѣрки употребленнаго планиметра.

Перехода теперъ къ вычисленію площадей контуръ карты г. Стрѣль-

бицкаго, должно, прежде всего, остановиться на изложеніи той манипуляціи планиметра, посредствомъ которой можно ожидать достиженіи наилучшихъ результатовъ и которая нѣсколько отличается отъ манипуляціи, принятой г. Стрѣльбицкимъ.

Принятая при повѣркѣ карты манипуляція состоитъ въ слѣдующемъ:

а) выборъ мѣста для полюса, и именно: во 1) чтобы онъ лежалъ внѣ контуры и внѣ градусной трапеціи, ограничивающей контуры, и во 2) чтобы рычаги, какъ при обводѣ контуры, такъ и при обводѣ градусной трапеціи, не составляли между собою слишкомъ острого или слишкомъ тупаго угла;

б) выборъ начального пункта для обвода трапеціи при томъ условіи, чтобы начало и конецъ обвода ея были произведены приблизительно по направленію оси колеса, чрезъ что, какъ извѣстно, уменьшается ошибка, происходящая отъ несовершенно точнаго совпаденія начальной и конечной точекъ обвода;

с) отсчетъ по планиметру;

д) обведеніе трапеціи слѣва на право шпилемъ планиметра; при чемъ для уничтоженія ошибокъ, происходящихъ отъ неточнаго обвода трапеціи и отъ неточнаго отсчета по планиметру, фигура обводилась 2 раза, непрерывно разъ за разомъ, вслѣдствіе чего разность между 1-мъ отсчетомъ и отсчетомъ послѣ двойнаго обведенія дѣлилась на 2;

е) обведеніе контуры слѣва на право при томъ же положеніи полюса. Для уничтоженія погрѣшностей, упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, контура обводилась также 2 раза. За начальную точку для обвода выбиралась на контурѣ такая точка, которая бы удовлетворяла условію, выраженному въ пунктѣ б;

ф) перемѣна мѣста полюса: полюсъ выбирался на противоположной сторонѣ трапеціи съ соблюденіемъ условій, упомянутыхъ въ пунктѣ а. Эта перемѣна мѣста полюса дѣлается съ цѣлью болѣе правильнаго распредѣленія погрѣшности, происходящей отъ несовершенно точной перпендикулярности плоскости колеса къ рычагу;

г) установка обводнаго шпиля въ выбранной начальной точкѣ трапеціи (съ соблюденіемъ условія, упомянутого въ пунктѣ б) и установка колеса, непосредственно рубѣю, такъ чтобы вблизи нуля нониуса лежала приблизительно та точка его, которая діаметрально противоположна съ точкою, совпадающею съ нулемъ при отсчетѣ, сдѣланномъ въ пунктѣ б. Это дѣлается съ цѣлью уничтоженія погрѣшности отъ вѣцентреннаго укрѣпленія колеса;

h) передъ отсчетомъ по планиметру, для уничтоженія ненор-

мального положенія колеса, происходящаго отъ вращенія его непосредственно рукою, обводный шпиль отводился сначала вправо по трапеціи отъ начальной точки, затѣмъ влѣво и потомъ уже, подводя шпиль къ начальному пункту, дѣлался отсчетъ;

i) обведение шпилемъ 2 раза по трапеціи;

j) установка обводнаго шпиля на контурѣ и установка колеса, согласно съ сказаннымъ въ пунктахъ b и g;

k) обведение контуры шпилемъ 2 раза.

Среднее арифметическое изъ результатовъ, полученныхъ въ пунктахъ e и k и выражающее число дѣленій планиметра, соответствующихъ обводу шпилемъ по контурѣ, есть та самая величина, которая въ трудѣ г. Стрѣльбицкаго „Исчисленіе поверхности Россійской Имперіи“ обозначена буквою a; a среднее арифметическое изъ результатовъ пунктовъ d и e, выражающее число дѣленій планиметра, соответствующихъ обводу на трапеціи, обозначено тамъ же чрезъ b. Въ величинахъ a и b, какъ видно изъ предыдущаго, устранены по возможности погрѣшности, происходящія отъ вѣцентреннаго положенія колеса, отъ неточнаго обвода фигуры, отъ неточнаго отсчета по планиметру и отъ несовершенной точной перпендикулярности колеса къ рычагу.

Кромѣ всего вышесказаннаго, нужно замѣтить: во 1) что повѣрка планиметра производилась ежедневно 2 раза: передъ началомъ вычисленія контуръ и по окончаніи. Точность планиметра, обнаружившаяся изъ этихъ повѣрокъ, заключалась между предѣлами $\frac{1}{751}$

и $\frac{1}{1879}$, то-есть, 1 квадратная единица ошибки на число квадратныхъ единицъ, заключающихся между 751 и 1879; 2) для вычисленій выбирались только такія контуры, которыя умѣщаются на одномъ листѣ карты: въ противномъ случаѣ пришлось бы склеивать листы и могущая произойти разность между результатами повѣрочными и результатами г. Стрѣльбицкаго могла бы быть объяснена неодинаковостію склейки листовъ; 3) для предупрежденія также разности между повѣрочными результатами и результатами г. Стрѣльбицкаго, каждая контура ограничивалась, по возможности, тою же градусною трапеціею, которою она была ограничена и при вычисленіяхъ ея г. Стрѣльбицкимъ; 4) вычисленіе площади градусной трапеціи въ квадратныхъ верстахъ производилось по таблицѣ А, помѣщенной у г. Стрѣльбицкаго на стр. 60, при чемъ интерполированіе производилось по формуламъ:

$$Y_n = Y_0 + A\left(\frac{t}{h}\right) + B\left(\frac{t}{h}\right)^2,$$

гдѣ $A = \Delta_1 - \frac{1}{2} \Delta_2$, а $B = \frac{1}{2} \Delta_2$. Здѣсь Y_n есть искомая площадь въ квадратныхъ верстахъ, Y_0 — предшествующая табличная площадь въ квадратныхъ верстахъ, h — разность табличныхъ аргументовъ, t — разность табличнаго и даннаго аргументовъ, Δ_1 — разность 1-го порядка функций, Δ_2 — разность 2-го порядка функций; 5) если между результатами повѣрочными и г. Стрѣльвицкаго получалась такая разница, которая не могла быть объяснена влияніемъ неизбѣжныхъ погрѣшностей, происходящихъ отъ несовершенствъ инструмента и способа его употребленія, все вычисленіе производилось снова; 6) такъ какъ г. Стрѣльвицкій не указываетъ въ своемъ трудѣ степени точности его результатовъ, или, другими словами, нигдѣ не говоритъ, на сколько можно довѣриться отдѣльнымъ его результатамъ, то, для того, чтобы опредѣлить какія разницы между повѣрочными результатами и результатами г. Стрѣльвицкаго можно допустить, и какія нѣтъ, въ руководство приняты были труды доктора Юнге ¹⁾, профессора королевской горной академіи въ Фрейбергѣ. Изъ его опытовъ видно, что точность вычисленія площадей средней величины планнметромъ Амслера, при двойномъ обводѣ ихъ по периметру, должна быть принята равною $\frac{1}{300}$, тѣмъ не менѣе, при сравненіи повѣрочныхъ результатовъ съ результатами г. Стрѣльвицкаго, допускались разницы, не превышающія $\frac{1}{150}$, то-есть, на каждыя 150 квадратныхъ верстъ — ошибка въ 1 квадратную версту, или, другими словами, такія разности, которыя не будутъ превышать $\frac{1}{150}$ отъ всей вычисленной площади контуры.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ, въ 1-й графѣ помѣщены названія контуръ, — площади которыхъ повѣрялись, во 2-й графѣ — результаты повѣрочныхъ вычисленій; при чемъ, если эти результаты отличались отъ результатовъ г. Стрѣльвицкаго болѣе чѣмъ на $\frac{1}{150}$ отъ площади вычисляемой контуры, то, какъ уже сказано, вычисленіе производилось вновь, и въ графу вписывались оба результата; въ 3-й графѣ, подъ рубрикою „относительныя разности результатовъ повѣрочныхъ“ выводилось: какую долю отъ всей площади составляетъ разность между повѣрочными результатами, полученными для одной и той же контуры. Изъ этой графы между прочимъ видно, что наибольшая

¹⁾ Der Civilingenieur, hrsg. von Bornsmann. Leipzig. 1866. 12-er Bd. 1-я u. 2-я Heft. Junge, eine Versuchsreihe mit dem Amsle'schen Polarplanimeter.

относительная разность между повѣрочными результатами не превышаетъ $\frac{1}{497}$, которая значительно менѣе погрѣшности, допускаемой докторомъ Юнге, изъ опытовъ котораго, какъ мы видѣли, можно допустить разность, не превышающую $\frac{1}{300}$ отъ площади вычисляемой контуры. Въ 4-й графѣ помѣщены результаты вычисленій г. Стрѣльбицкаго; наконецъ, въ 5-й графѣ находятся относительныя разности повѣрочныхъ результатовъ и результатовъ г. Стрѣльбицкаго. Для большей очевидности, въ 5-й графѣ, разности допускаемыя, то-есть, не превышающія $\frac{1}{150}$ отъ площади вычисляемой контуры, написаны черными чернилами; разности посредственныя, хотя и не допускаемыя, написаны зелеными чернилами, и, наконецъ, красными чернилами написаны разности безусловно неудовлетворительныя.

№	НАЗВАНІЯ КОНТУРЪ.	Результаты по- вѣрочныя въ квад- ратн. верстахъ.	Относительныя разности результа- товъ повѣрочныхъ.	Результаты г. Стрѣльбицкаго въ квадратныхъ вер- стахъ.	Относительныя разности результа- товъ повѣрочныхъ и г. Стрѣльбицкаго.
Острова:					
1	Дагъ	852,7	$\frac{1}{532}$	843,7	$\frac{1}{94}$
		851,1			$\frac{1}{115}$
2	Эзель	2314,3	—	2300,4	$\frac{1}{166}$
Озера:					
3	Бѣлое, Новгородской губ.	988,5	—	984,0	$\frac{1}{220}$
4	Кубенское, Вологодской губ.	354,8	$\frac{1}{507}$	345,6	$\frac{1}{87}$
		355,5			$\frac{1}{36}$
Воронежской губ.					
5	Бирючинскій уѣздъ	3842,5	—	3866,2	$\frac{1}{162}$
6	Валуевскій уѣздъ	4092,9	—	4074,8	$\frac{1}{226}$
7	Короткойскій уѣздъ	3274,9	—	3268,1	$\frac{1}{481}$
Курской губ.					
8	Ново-Оскольскій	2804,8	—	2810,8	$\frac{1}{467}$

№№	НАЗВАНІЯ КОНТУРЪ.	Результаты по- вѣрочные въ ква- драт. верстахъ.	Относительныя разности результа- товъ по вѣрочнымъ.	Результаты г. Стрѣльбикаго въ квадратныхъ вер- стахъ.	Относительныя разности результа- товъ по вѣрочнымъ и г. Стрѣльбикаго.
Ломжинской губ.					
9	Ломжинской уѣздъ	1586,0	—	1589,5	$\frac{1}{453}$
10	Высокомазовецкій уѣздъ	1240,3	—	1246,3	$\frac{1}{413}$
11	Кольневскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1316,9 \\ 1316,7 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{6584}$	$\left. \begin{array}{l} 1343,7 \\ 1343,7 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{49}$
12	Маковскій уѣздъ	1006,8	—	1012,8	$\frac{1}{168}$
13	Островскій уѣздъ	1384,0	—	1375,0	$\frac{1}{154}$
14	Остроленскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1410,7 \\ 1411,6 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{1568}$	$\left. \begin{array}{l} 1424,2 \\ 1424,2 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{104}$
15	Путусскій уѣздъ	1337,3	—	1340,7	$\frac{1}{393}$
16	Щучинскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1313,4 \\ 1313,4 \end{array} \right\}$	0	1288,8	$\frac{1}{53}$
Площадь всей Ломжинской гу- берніи					
		10594,4	—	10621,0	$\frac{1}{398}$
Люблинская губернія.					
17	Люблинскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1290,9 \\ 1465,9 \end{array} \right\}$	—	1601,3	$\frac{1}{153}$
18	Бѣлгорайскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1463,2 \\ 1603,5 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{542}$	$\left. \begin{array}{l} 1500,8 \\ 1500,8 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{42}$
19	Замостскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1602,3 \\ 1602,3 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{1335}$	$\left. \begin{array}{l} 1569,6 \\ 1569,6 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{49}$
20	Красноставскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1326,6 \\ 1168,0 \end{array} \right\}$	—	1329,3	$\frac{1}{491}$
21	Любартовскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1170,3 \\ 1170,3 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{497}$	$\left. \begin{array}{l} 1203,6 \\ 1203,6 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{33}$
22	Ново-Александровскій уѣздъ . .	$\left. \begin{array}{l} 1495,8 \\ 1855,3 \end{array} \right\}$	—	1491,9	$\frac{1}{384}$
23	Холмскій уѣздъ	$\left. \begin{array}{l} 1855,4 \\ 1855,4 \end{array} \right\}$	$\frac{1}{18553}$	1868,9	$\frac{1}{137}$

№	НАЗВАНІЯ КОНТУРЪ.	Результаты поверочнаго въ квадратахъ. верст.	Относительная разность результатовъ поверочныхъ.	Результаты г. Стрѣльбицкаго въ квадратахъ верст.	Относительная разность результатовъ поверочныхъ г. Стрѣльбицкаго.
24	Яновскій уѣздъ.	1731,4	—	1725,5	$\frac{1}{293}$
25	Грубешовскій и Томашевскій уѣзды ¹⁾	2503,3	—	2504,7	$\frac{1}{1788}$
	Площадь всей Люблинской губерніи	14741,4	—	14795,6	$\frac{1}{273}$

Изъ этой таблицы видно, что не всѣ результаты г. Стрѣльбицкаго заслуживаютъ одинаковаго довѣрія; и, не признавая возможнымъ сдѣлать какое либо окончательное заключеніе о качествѣ результатовъ всего труда г. Стрѣльбицкаго, вслѣдствіе незначительности провереннаго пространства, можно, однако, утверждать, что опредѣленіе площадей нѣкоторыхъ уѣздовъ даетъ возможность желать болѣе точныхъ результатовъ.

Въ заключеніе настоящей записки, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на нѣкоторые недосмотры въ трудѣ г. Стрѣльбицкаго, обнаружившіеся случайнымъ образомъ: площадь Бѣлаго озера, вычисленная г. Стрѣльбицкимъ по способу Савича, показана въ „Исчисленіи поверхности Россійской Имперіи“, на стр. 31, въ 984 □ версты, изъ коихъ въ уѣздахъ: Бѣлозерскомъ—555.0 □ версты, а въ Кириловскомъ—429.0 □ вер.; между тѣмъ при вычисленіи суммы площадей всѣхъ озеръ по уѣздамъ, на стр. 140 то же самое Бѣлое озеро въ 984 □ вер. распределено такъ: на Бѣлозерскій уѣздъ 576,4 □ вер., а на Кириловскій уѣздъ 412 □ вер., что вмѣстѣ составляетъ не 984.0 □ вер., а 988,4 □ вер. Кромѣ того, на той же страницѣ 140, предполагая, что площадь части Бѣлаго озера, лежащаго въ Кириловскомъ уѣздѣ, равна 412.0 □ вер., сумма площадей всѣхъ озеръ Кириловскаго уѣзда показана равною 899.1 □ вер., между тѣмъ

¹⁾ Оба эти уѣзда вычислены вмѣстѣ, потому что на томъ экземплярѣ карты, который нѣлся въ нашемъ распоряженіи, не нанесена раздѣльная границная линія между ними.

как подводя въ действительности итогъ всѣмъ озерамъ этого уѣзда, получается 923.2 □ вер.—Приписывая это обстоятельство ничему другому, какъ только недосмотру со стороны г. Стрѣльбицкаго, остается только пожалѣть, что въ трудѣ г. Стрѣльбицкаго, имѣющій большое значеніе, вкрались такіа погрѣшности, которыя обнаруживаются даже и при бѣгломъ его просмотрѣ.

Повѣрочныя работы производились подъ ближайшимъ наблюденіемъ преподавателя геодезіи въ Институтѣ, инженера Альфреда Бика.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Демидовскій юридическій лицей въ Ярославѣ.

Демидовскій юридическій лицей, открытый 30-го августа 1870 года, руководствуется въ дѣйствіяхъ своихъ уставомъ, Высочайше утвержденнымъ 25-го декабря 1874 года. Къ 1-му января 1876 года въ лицей состояло преподавателей: ординарныхъ профессоровъ — 2, экстраординарныхъ (исправляющихъ должность) — 1, профессоръ богословія — 1, доцентовъ — 6 (5 исправл. должн.). Изъ положенныхъ по штату кафедръ вакантна была одна кафедра энциклопедіи права, преподаваніе котораго принялъ на себя безвозмездно директоръ лицея.

Совѣтъ лицея имѣлъ въ 1876 году 26 засѣданій. Для побужденія студентовъ къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ занятіямъ, на 2-мъ и 3-мъ курсахъ требовались отъ нихъ сочиненія на темы, одобренныя профессоромъ. Профессоры давали также всѣ нужныя указанія и руководили студентами въ ихъ работахъ. Мѣра эта вообще оказалась полезною, хотя и не вполне достаточною, и совѣтъ постановилъ удержать ее на будущее время. Студентамъ 1-го курса предлагались переводы иностранныхъ юридическихъ сочиненій, составленіе лекцій и проч.

Въ 1875 году преподаватели лицея напечатали во Временникѣ лицея слѣдующіе ученые труды: *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* — третій выпускъ „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“, *В. В. Соколовскій* — „Пособіе при изученіи внѣшней исторіи римскаго права“ и „О значеніи вѣщателей права“, *И. И. Дитятинъ* — „Очеркъ исторіи цеховъ въ западной Европѣ“ и переводъ 1-й части сочиненія Бюше „Государство и прогрессъ“, *А. С. Потаниковъ* — „Общинное землевла-

дѣніе", *Н. А. Миловидовъ* — „Законная сила судебныхъ рѣшеній“, *Н. Д. Сергѣевскій* — „О судѣ присяжныхъ“ и „Основныя начала уголовного процесса“. Сверхъ того *И. И. Дитятинъ* напечатано отдѣльно сочиненіе „Устройство и управленіе городовъ Россіи. Томъ I-й“, а *М. Н. Капустинъ* помѣстилъ въ Сборникъ государственныхъ знаній статью „О вмѣшательствахъ“.

Денежныя средства лица находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ суммъ ассигновано было изъ государственнаго казначейства—46.713 руб., что вмѣстѣ съ остаткомъ такихъ же суммъ 1874 года составляетъ 51.466 руб. 68¹/₂ коп., израсходовано—51.465 руб. 64 коп., осталось къ 1876 году—1 р. 4 коп.; б) пожертвованныхъ вмѣстѣ съ остаткомъ 1874 года—93.859 руб. 3 коп., израсходовано—3.043 руб. 59 коп., остатка—90.815 руб. 43 коп.; в) сбора за слушаніе лекцій вмѣстѣ съ оставшимися отъ 1874 года — 2.147 руб. 66 коп., израсходовано—1.116 руб. 26 коп., осталось къ 1876 году—1.032 руб. 40 коп., и г) экономическихъ: поступившихъ вмѣстѣ съ остатками 1874 года—8.937 руб. 99, израсходовано—250 р. 99 коп., осталось къ 1876 году—8.687 руб.

Студентовъ въ лицѣ состояло къ 1-му января 1876 года—238. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено было: изъ состоявшихъ въ 1-й половинѣ 1875 года 220-ти —175 (въ томъ числѣ 20 казенныхъ стипендіатовъ), изъ 239 бывшихъ во 2-й половинѣ — 208 (въ томъ числѣ 23 казенныхъ стипендіата). За половинную плату слушали лекціи: въ 1-й половинѣ года — 17, во 2-й — 6. Стипендіею пользовались 29 студентовъ на 5,199 руб. 2 коп.; размѣръ стипендій—отъ 63 руб. 70 коп. до 250 руб. включительно.

Въ библіотекѣ лица къ 1-му января 1876 года находилось книгъ и сочиненій 7.000 названій въ 13.918 томахъ и 1.337 брошюръ. Въ 1875 году приобрѣтено разнаго библіотечнаго матеріала на сумму 6.694 руб. 49 коп., а съ открытія лица на этотъ предметъ израсходовано всего 34.747 руб. 68 коп.

Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ.

Въ 1875 году въ институтѣ состояло лицъ, занимавшихся преподаваніемъ: законоучитель—1, ординарныхъ профессоровъ—5, экстраординарныхъ—6, наставниковъ—3, преподавателей—8.

Конференція института имѣла 15 засѣданій. Главнѣйшими предметами занятій ея были: окончательное уравновѣшеніе занятій сту-

дентовъ обоихъ разрядовъ въ двухъ старшихъ курсахъ, разсмотрѣніе отзывовъ наставниковъ-руководителей о занятіяхъ студентовъ IV курса въ гимназіи при институтѣ, производство предварительнаго распредѣленія окончившихъ курсъ студентовъ 6-го выпуска на учительскія мѣста (13 назначены учителями древнихъ языковъ, 3—русскаго языка и 4 — русскаго и древнихъ языковъ), разсмотрѣніе и утвержденіе протоколовъ педагогическаго совѣта институтской гимназіи, болѣе точное опредѣленіе правилъ объ экзаменахъ изъ новыхъ языковъ, постановленіе о назначеніи студентамъ III курса особой письменной работы на латинскомъ языкѣ во время экзамена и письменнаго отвѣта на экзаменѣ исторіи римской литературы, разсмотрѣніе отчетовъ, присланныхъ командированными за границу съ учебною цѣлію бывшихъ воспитанниковъ института (Абрамовъ и Фогель—по римской словесности, Ждановъ и Дрейеръ— по греческой), и наконецъ производство пробныхъ лекцій возвратившимся изъ-за границы двумъ воспитанникамъ института. Таковыхъ было двое — Никитинъ и Колесниковъ, опредѣленные: первый — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по греческой словесности въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ, а второй—преподавателемъ латинскаго языка въ С.-Петербургскомъ институтѣ.

Студентовъ и стипендіатовъ въ институтѣ къ 1-му января 1875 г. состояло 122 (102 студента, 20 стипендіатовъ); въ 1875 году поступило—24 (студентовъ—18, стипендіатовъ—6); вышло—22 (16—за окончаніемъ курса, 3 — за переходомъ въ другое заведеніе, 3 — въ уѣздные учителя); затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—124 (студентовъ—100, стипендіатовъ—24). Всѣ студенты IV курса (14 на разряды древнихъ языковъ и 4 на разряды русской словесности) окончили курсъ и получили соответственное назначеніе на службу. Лекцій у студентовъ было: I курса—22 обязательныхъ, II курса—23 обязательныхъ, III—24 (общихъ 16 и каждый изъ разрядовъ по 8 обязательныхъ), IV—13 (общихъ—6 и каждый изъ разрядовъ по 7 обязательныхъ). Студенты IV курса, практиковавшіеся въ гимназіи при институтѣ, слѣдили за преподаваніемъ наставниковъ-руководителей, посѣщая еженедѣльно по десяти уроковъ, сами занимались преподаваніемъ въ гимназіи и посѣщали вечернія бесѣды. Для практики въ преподаваніи студентамъ были отведены такіе классы, курсы которыхъ отличаются характерными методическими особенностями, при чемъ по нѣкоторымъ предметамъ потребовалось перемѣщать студентовъ послѣ перваго полугодія изъ однихъ классовъ въ другіе.

Вечернія бесѣды происходили у каждаго наставника-руководителя по одному разу черезъ недѣлю. Предметами бесѣдъ было: а) ознакомленіе студентовъ съ обязанностями учителя, налагаемыми на него уставомъ гимназій и прогимназій, а также съ духомъ самаго устава и цѣлями, введенныхъ имъ измѣненій и дополненій; б) обсужденіе общихъ педагогическихъ вопросовъ, вызванныхъ практикой самихъ студентовъ, или возбужденныхъ наставниками-руководителями; в) разборъ, преподанныхъ студентамъ уроковъ, а также подготовленіе уроковъ, имѣвшихъ быть преподанными; г) разсмотрѣніе вновь явившихся учебниковъ относительно приложимости ихъ къ учебной практикѣ, а также и учебниковъ, уже вошедшихъ въ употребленіе. Кромѣ преподавательскихъ занятій, на студентовъ, практиковавшихся въ гимназій, были временно возлагаемы и воспитательскія обязанности, по случаю болѣзни воспитателей гимназій. и студенты умѣли при этомъ случаѣ выказать серьезный взглядъ на дѣло, къ которому они готовятся.

Денежныя средства института въ 1875 году находились въ слѣдующемъ положеніи: по фискальной смѣтѣ ассигновано было къ отпуску изъ суммъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава — 44.626 руб., на содержаніе штатныхъ воспитанниковъ — 25.000 руб., на содержаніе стипендіатовъ — 10.000 руб. (духовнаго вѣдомства—1.000 руб., Виленскаго учебнаго округа—3.200 р., Дерптскаго учебнаго округа — 2.400 руб., Сибирскихъ — 1.600 руб., Кавказскихъ—1.200 руб., Астраханской городской думы—600 руб.), на хозяйственныя расходы—17.400 руб., на содержаніе учрежденной при институтѣ особой библіотеки для пользованія молодыхъ людей, готовящихся къ профессорскому званію—1.160 руб.; партикулярныхъ суммъ вмѣстѣ съ остаткомъ 1874 года поступило—445 руб. 61 коп., всего на содержаніе института поступило—97.470 руб. 61 коп.

Въ библіотекѣ института находилось къ 1-му января 1876 года, не считая учебниковъ, 6.641 номеръ въ 12.941 томѣ. Въ продолженіе 1875—1876 учебнаго года выдано было для чтенія 1.314 номеровъ въ 2.870 томахъ.

Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Личный составъ историко-филологическаго института, замѣнявшаго собою бывшій лицей князя Безбородко, образованъ былъ лишь; 1-го іюля 1875 года, и состоялъ съ того времени изъ директора,

инспектора, законоучителя, четырехъ ординарныхъ профессоровъ (въ числѣ ихъ и инспекторъ) одного исправлявшаго должность экстраординарнаго профессора, двухъ наставниковъ и двухъ преподавателей. Одновременно съ симъ продолжали дѣйствовать уставъ и штатъ лица князя Безбородко, въ видахъ предоставленія студентамъ 2-го и 3-го курсовъ сего заведенія возможности окончить курсъ по уставу 1840 года, а потому оставался и личный составъ преподавателей лицей.

Для поступления въ число студентовъ 1-го курса подали прошенія и подвергались установленному испытанію 42 лица. Изъ этого числа, по разсмотрѣніи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ, принято 25, и съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія переведены 3 студента 1-го курса С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, такъ что общее число поступившихъ въ 1-й курсъ составило 28. Изъ этого числа 17 обнаружили вообще удовлетворительныя познанія по всѣмъ предметамъ испытаній, остальные же 8 оказали болѣе слабыя познанія; тѣмъ не менѣе конференція института опредѣлила принять ихъ, съ объявленіемъ имъ, что на нихъ будетъ обращено особенное вниманіе, и что неуспѣшность занятій въ теченіе учебнаго года повлечетъ за собою увольненіе ихъ изъ института.

Денежныя средства института были въ слѣдующемъ положеніи: по финансовой смѣтѣ ассигновано было изъ суммъ государственнаго казначейства: а) на содержаніе личнаго состава — 44,922 руб., изъ этой суммы израсходовано — 21,712 руб., остались по 1-му января 1876 года — 23,213 руб. 80 коп., которые предназначены на постройку флигелей для квартиръ профессоровъ института; б) на содержаніе студентовъ — 25,000, изъ нихъ израсходовано — 20,085 руб. 27 коп., затѣмъ къ 1876 году осталось — 4,914 руб. 73 коп.; в) на хозяйственные расходы — 18,968 руб., израсходовано — 18,856 руб. 34, въ остаткѣ — 111 руб. 66 коп. Специальныя средства состояли изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. Таковыхъ процентовъ отъ 1874 года оставалось — 28,822 руб. 49³/₄ коп., въ 1875 году поступило — 22,744 руб. 80 коп., израсходовано — 21,224 руб. 66 коп., затѣмъ къ 1-му января 1876 года было въ остаткѣ — 30,342 руб. 63³/₄ коп.

Библіотека института составила изъ бывшей основной библіотеки Нѣжинскаго лицей, состоявшей изъ 6,807 названій въ числѣ 13,057 томовъ. По выдѣленіи изъ нея излишнихъ для института и соединеніи разрозненныхъ изданій, число названій понизилось до 4,034,

которымъ вновь составлены документальный и систематическій каталоги. Сверхъ основной, въ институтъ поступила, существующая съ 1858 года, студентская бібліотека, заключающая въ себѣ 524 названія. Наличный бібліотечный матеріалъ, благодаря заботливости г. министра народнаго просвѣщенія, значительно обогатился приобрѣтеніемъ бібліотеки покойнаго директора С.-Петербургскаго филологическаго института И. В. Штеймана, заключающей въ себѣ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературѣ, древностямъ и мифологін, и обращеніемъ въ институтскую бібліотеку дублетовъ бывшей Варшавской городской, нынѣ университетской бібліотеки, относящихся преимущественно къ отдѣламъ богословскому и литературному, и притомъ по ихъ отношенію къ Польшѣ и западной Россіи. Сверхъ того, съ разрѣшенія начальства Кіевскаго учебнаго округа, въ институтскую бібліотеку перемѣщено изъ Нѣжинскаго греческаго училища нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ богословскому, классическому, историческому и литературному, по стариннымъ изданіямъ XVI и XVII вѣковъ. Изъ лица князя Безбородко поступили также въ собственность института: минцъ-кабинетъ, заключающій въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ экземпляровъ и состоящій изъ 3.546 нумеровъ монетъ и медалей, картинная галерея, состоящая изъ 170 картинъ, и кабинеты физическій, минералогическій и зоологическій, переданные въ пользованіе институтской гимназій.

Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.

Лазаревскій институтъ составляютъ: спеціальныя классы съ трехгодичнымъ курсомъ, гимназическія классы съ двумя древними языками и пансіонъ при гимназій. Въ 1875 году преподавателей состояло: въ спеціальныхъ классахъ: ординарныхъ профессоровъ—2, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—1, преподавателей практическихъ занятій—3; сверхъ того состоялъ преподавателемъ исторіи востока въ III курсѣ профессоръ Московскаго университета Герье; въ гимназическихъ классахъ: законоучителей—3 (1 сверхъ штата), учителей языковъ и наукъ—15 (4 сверхъ штата), учитель чистописанія и рисованія—1. Сверхъ того инспекторъ преподаетъ латинскій и русскій языки въ 1-мъ классѣ. Изъ 15-ти преподавателей исполняютъ обязанности классныхъ наставниковъ: 5—въ гимназическихъ классахъ и 1—въ приготовительномъ, а 1 состоитъ помощникомъ класснаго наставника.

Число учащихся въ институтѣ было слѣдующее: а) въ специальныхъ классахъ: къ 1-му января 1875 года студентовъ состояло—9, въ теченіе 1875 года поступилъ 1, выбыло: до окончанія курса—1, по окончаніи курса—6; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—3, по одному въ каждомъ курсѣ; стороннихъ слушателей къ 1875 году оставалось—10, а вновь поступило—16 (изъ гимназическихъ классовъ института—3, изъ гимназій—2, изъ духовныхъ семинарій—3, изъ университетовъ—1); выбылъ—1 (до окончанія курса); затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—16, которые распределѣлись по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ курсѣ—9, во 2-мъ—5, въ 3-мъ—2. Изъ общаго въ теченіе 1875 года числа студентовъ освобождено отъ платы—7, что составляетъ слишкомъ 2⁰/₀; б) въ гимназическихъ классахъ къ 1-му января 1875 года состояло—234, къ началу 1876 года оставалось—241, которые распределены были по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ—44, въ I—45, во II—48, въ III—37, въ IV—22, въ V—12, въ VI—11, въ VII—9, въ VIII—13. Изъ нихъ по сословіямъ было: дворянъ и чиновниковъ—104, духовнаго званія—24, городскихъ сословій—101, сельскихъ сословій—12; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—88, армяно-григоріанскаго—144, римско-католическаго—3, евангелическо-лютеранскаго—5, еврейскаго—1. Изъ общаго числа учениковъ малоуспѣвшихъ было: въ январѣ и февралѣ—110 (пансіонеровъ—75, приходящихъ—35), въ мартѣ и апрѣлѣ—126 (пансіон.—90, приход.—36), въ сентябрѣ и октябрѣ—136 (пансіон.—103, приход.—33), въ ноябрѣ и декабрѣ—52 (пансіон.—47, приход.—5).—Подвергались экзамену—229 (пансіонеровъ—168, приход.—61); изъ нихъ перешли въ слѣдующіе классы и окончили курсъ: безъ переекзаменовки—99 (пансіон.—75, приход.—24), съ переекзаменовкою—35 (пансіон.—26, приход.—9); осталось въ этихъ же классахъ—65 (пансіон.—45, приход.—20). Число успѣвшихъ учениковъ по каждому предмету было слѣдующее: въ 1-мъ полугодіи: по латинскому языку изъ 183—120, по греческому изъ 92—75, по математикѣ изъ 227—152, по русскому языку изъ 227—168, по армянскому языку изъ 130—80, по французскому изъ 113—64, по нѣмецкому изъ 27—18, по закону Божію изъ 218—191, по физикѣ и математической географіи изъ 25—24, по исторіи изъ 92—80, по географіи изъ 172—108; во 2-мъ полугодіи: по латинскому языку изъ 197—141, по греческому изъ 104—76, по математикѣ изъ 241—165, по русскому языку изъ 241—195, по армянскому языку изъ 144—110, по

французскому изъ 111—79, по нѣмецкому изъ 49—41, по закону Божію изъ 233—208, по физикѣ и математической географіи изъ 33—29, по исторіи изъ 103—93, по географіи изъ 174—128.—Средняя успѣшность учащихся въ гимназіи представляетъ въ первомъ полугодіи—3,44, во второмъ—3,32.—Общее число манкировокъ учениковъ по классамъ въ 1875 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ приготовительномъ классѣ (44 ученика)—1.867, въ I классѣ (45 учен.)—2.214, во II (48 учен.)—1.842, въ III (37 учен.)—1.708, въ IV (22 учен.)—1.593, въ V (12 учен.)—507, VI (11 учен.)—748, въ VII (9 учен.)—415, въ VIII (13 учен.)—252. Такимъ образомъ среднее число манкировокъ на одного ученика въ классѣ составляетъ: въ приготовительномъ классѣ 42, 43, въ I—49, 20, во II—38, 36. III—46, 13, въ IV—72, 40, въ V—42, 25, въ VI—68, 00, въ VII—46, 11, въ VIII—19, 38.—Рисованію обучалось въ 1875 году 85 учениковъ, именно: въ I классѣ—40, во II—23, въ III—10, въ IV—8, въ V—3, въ VI—2.—Болѣе важнымъ взысканіямъ подвергались 152 ученика, именно: приготовительнаго класса—7, I—17, II—71, III—25, IV—28, V—2, VI—2.—Педагогическимъ совѣтомъ гимназій приняты слѣдующія мѣры: по судебной и воспитательной части: а) окончательно установлено параллельное преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ, которые до того времени, по разнымъ мѣстнымъ причинамъ, оказывалось невозможнымъ, при чемъ для пансіонеровъ, желающихъ и имѣющихъ право учиться обоимъ новымъ языкамъ, назначены внѣ-классныя занятія; б) обращено особенное вниманіе классныхъ наставниковъ на тѣхъ изъ учащихся, которые остаются на второй годъ въ классѣ и вмѣнено въ обязанность особенно часто вникать въ ходъ ихъ занятій, дабы не дать имъ возможности облѣниться, и в) окончательно введена должность воспитателей, съ тѣмъ чтобы число ихъ постоянно увеличивать по мѣрѣ денежныхъ средствъ.

Денежныя средства Лазаревскаго института въ 1875 году находились въ слѣдующемъ положеніи: къ 1-му января 1875 года оставалось: билетами и другими процентными бумагами—434.935 руб. 77 коп., наличными деньгами—6.321 руб. 31 коп., недоимки за пансіонерами и полупансіонерами—3.930 руб.; въ 1875 году поступило: наличными деньгами—90.066 руб. 50 коп., билетами—227.900 руб.; израсходовано билетами и наличными деньгами—149.527 руб. 22 к.; затѣмъ къ 1-му января 1876 г. состояло: билетами и процентными бумагами—605.535 руб. 77 коп., наличными деньгами—4.160 руб.

59 коп., недоимки за своекоштными пансіонерами—3.580 руб. Дефицитъ въ 1.466 руб. 30 коп. произошелъ вслѣдствіе того, что по смѣтѣ 1875 года, по нѣкоторымъ статьямъ приходилось прихода больше, нежели поступило въ дѣйствительности.

Учебно-вспомогательныя, учрежденія Лазаревскаго института къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ специальныхъ классовъ института находилось книгъ—1.015 названій, рукописей—52 названія, въ это число приобрѣтено въ 1875 году 31 названій книгъ; въ библіотекахъ гимназическихъ классовъ: фундаментальной: книгъ—5.626 названій, рукописей—588 названій; учебной: книгъ—150 названій. Въ физическомъ кабинетѣ инструментовъ и приборовъ—175; въ кабинетѣ естественныхъ наукъ минералогическихъ предметовъ—3.222; въ нумизматическомъ кабинетѣ: монетъ золотыхъ—29, серебряныхъ—539, мѣдныхъ—1.256; медалей: золотыхъ—2, серебряныхъ—53, бронзовыхъ—90, изъ композицій—26. Сверхъ того находилось: атласовъ, картъ и глобусовъ—34, предметовъ для рисованія и черченія—45 нумеровъ, прописей—50, рисунковъ—36.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Сообщаемъ свѣдѣнія объ осмотрѣ начальныхъ училищъ въ уѣздахъ Тамбовскомъ, Кирсановскомъ и Усманскомъ Тамбовской губерніи.

Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ осмотрѣно было во второй половинѣ истекшаго года 22 школы, изъ коихъ 10 мужскихъ, 10 для обоего пола и 2 женскихъ. Учащихся въ нихъ 1.099, а именно 959 мальчиковъ и 140 дѣвочекъ; почти всѣ они вѣроисповѣданія православнаго; только въ двухъ изъ нихъ находится весьма незначительное число принадлежащихъ къ сектѣ молаканъ; 9 училищъ имѣютъ помѣщенія отъ сельскихъ обществъ при волостныхъ правленіяхъ или въ сборныхъ избахъ, 4 помѣщаются въ наемныхъ домахъ, 2 въ домахъ наставниковъ, 5—въ церковныхъ караулахъ, 2—въ домахъ учредителей (землевладѣльцевъ графа Строгонова и г. Чичерина). Помѣщенія, отводимыя обществами, по большей части тѣсны, грязны, холодны и неудобны; иногда, вслѣдствіе тѣсноты, учащіеся дѣлятся на двѣ смѣны: одни приходятъ заниматься до обѣда, а другіе послѣ обѣда; не рѣдко также (напримѣръ въ Рождественской школѣ) сходками

крестьянъ въ сборной избѣ, находящейся въ сосѣдствѣ или подъ одною кровлей съ училищемъ, нарушаются спокойствіе классныхъ занятій. Только два училища, Лавровское и Кочетовское, помѣщаются при волостныхъ правленіяхъ съ достаточнымъ удобствомъ; наемныя помѣщенія также неудовлетворительны, за исключеніемъ Разказовской земской школы. Изъ остальныхъ школъ вполне удобно помѣщена Александровская, содержащая графомъ Строгановымъ, которая вообще по своей обстановкѣ представляетъ среди всѣхъ другихъ особенно отрадное явленіе.

Всѣ осматрѣнныя училища, кромѣ Александровскаго и Знаменскаго, существующихъ на счетъ суммъ, отпускаемыхъ графомъ Строгановымъ, содержатся на совмѣстныя средства земства и сельскихъ обществъ. Земство отпускаетъ обыкновенно деньги на жалованье учителямъ (отъ 200 до 300 р.), а сельскія общества предоставляютъ школамъ помѣщеніе, отопливаютъ ихъ и кромѣ того ассигнуютъ небольшія суммы—не выше 50 р. въ годъ—на учебныя пособія, но часто даже и это незначительное пособіе поступаетъ не своевременно. Можно указать на школы, которымъ оно не уплачивалось въ теченіе двухъ лѣтъ сряду, такъ, что сами наставники, получающіе по 100 р. жалованья, прибрѣтаютъ на собственные средства кое-что, необходимое для ученія. На содержаніе женскихъ школъ земство отпускаетъ сравнительно большія суммы,—напримѣръ, 450 р. школѣ Большелиповицкой и 500 р. школѣ Разказовской.

Въ 12 изъ осматрѣнныхъ школъ учителя получаютъ по 200 р. ежегоднаго содержанія; въ остальныхъ 10 сумма эта колеблется между 100 и 300 р.; учитель же Рождественской школы получаетъ всего 78 руб. и при этомъ крайне скудномъ жалованьи вынужденъ еще нанимать для себя, за 25 р., квартиру, которую отопливаетъ также на свой счетъ.

Законъ Божій преподается по большей части учителями отдѣльныхъ предмѣтовъ; законоучители очень рѣдко получаютъ вознагражденіе за свой трудъ. Большинство учителей состоятъ изъ лицъ окончившихъ курсы въ духовныхъ семинаріяхъ.

Выше упомянуто было о недостаткѣ учебныхъ пособій, отъ котораго страдаютъ почти всѣ осматрѣнныя школы; нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ даже Евангелій; если присоединить къ этому, что дѣти неаккуратно посѣщаютъ классы, то понятно, что ходъ ученія нельзя назвать вполне правильнымъ. Не смотря на эти неблагопріятныя условія успѣхи учащихся оказались довольно удовлетворительными.

Безусловно слабы они и при томъ по всѣмъ предметамъ только въ училищахъ Воронцовскомъ, Хитровскомъ и Грачевскомъ; то же самое слѣдуетъ сказать и объ училищѣ Найденскомъ, но по крайней мѣрѣ преподаваніе закона Божія идетъ тутъ очень хорошо; совершенно напротивъ, въ женскихъ школахъ Перихшинской и Большелиповецкой ученицы обнаружили удовлетворительные успѣхи во всѣхъ предметахъ, за исключеніемъ закона Божія.

Въ *Курсановскомъ* уѣздѣ осмотрѣно было 11 училищъ, изъ коихъ 4 мужскихъ и 7 для обоего пола; учащихся въ нихъ 827, а именно 780 мальчиковъ и 47 дѣвочекъ; 4 училища имѣютъ собственныя помѣщенія (изъ коихъ 2 удобныя), 4 помѣщаются при волостныхъ правленіяхъ, 1 въ церковной караулѣ, 1 въ городскомъ домѣ и 1 въ домѣ землевладѣльца г. Петрово-Соловово бесплатно. Большая часть этихъ помѣщений (6 изъ 11) тѣсны, холодны и вообще неудобны. Въ *Калугинской* школѣ классныя комнаты прилегаютъ къ арестанской и къ волостному правленію, а *Балыклейская* школа, расположенная въ караулѣ, въ которой отведена также комната и для арестуемыхъ, никогда зимою не отапливается. Во время осмотра этой школы инспекторомъ, и учитель, и дѣти сидѣли въ тулупахъ, но занятія письмомъ все таки не могли происходить по причинѣ сильнаго холода.

Средства на содержаніе всѣхъ осмотрѣнныхъ училищъ ассигнуются по преимуществу сельскими обществами, а земство принимаетъ участіе въ содержаніи только 5 училищъ, и при томъ весьма незначительными взносами, размѣръ коихъ не превышаетъ 130 руб. въ годъ на каждое изъ нихъ. Училище *Коровай-Салтыковское* содержится частью на средства землевладѣльца г. Петрово-Соловово, отпускающаго ему по 252 руб., а отчасти на средства мѣстнаго общества, которое съ своей стороны расходуетъ для той же цѣли по 156 р. *Трескинскому* училищу земство даетъ 58 р. въ годъ, которые всѣ идутъ на жалованье учительницъ въ добавокъ къ получаемымъ ею отъ общества 62 руб., но и эта незначительная сумма поступаетъ не всегда акуратно, вслѣдствіе чего учительница, по свидѣтельству г. инспектора, находится въ бѣдственномъ положеніи. Что касается до наставниковъ, то во всѣхъ осмотрѣнныхъ школахъ законоучители занимаются безвозмездно или получаютъ за свои труды самое ничтожное вознагражденіе, отъ 30 до 60 руб., жалованье учителямъ колеблется отъ 80 до 280 руб. Только въ *Коровай-Салтыковской* школѣ учитель получаетъ 350 р. въ годъ.

Всѣ осмотрѣнныя школы (за исключеніемъ Коровой - Салтыковской) очень скудно снабжены классною мебелью и учебными пособиями. Учебная часть въ шести изъ нихъ найдена не удовлетворительно; хорошо поставлена она въ школахъ Кирсановской, Инжавинской, Балаклеиской, Иноковской и Коровой - Салтыковской.

Въ Усманскомъ уѣздѣ осмотрѣно было 18 училищъ,—13 мужскихъ и 5 для обоего пола. Всѣхъ учащихся въ нихъ 1.246 (1.210 мальчиковъ и 36 дѣвочекъ); 4 училища имѣютъ собственныя помѣщенія, изъ коихъ одно весьма тѣсное, 10 помѣщаются въ церковныхъ караулахъ очень неудобно, одно—въ волостномъ правленіи и одно—въ городскомъ домѣ. Для этого послѣдняго Усманское городское общество еще въ 1875 году ассигновало необходимую сумму, но и до сихъ поръ не сдѣлано ничего для улучшенія занимаемаго имъ зданія. Училище Талицко - Чаплыцкое имѣетъ помѣщеніе наемное, о которомъ г. инспекторъ отзывается, что оно „состоитъ изъ подвального жилья и представляетъ собою родъ погреба, гдѣ мальчики положительно биткомъ набиты, такъ что между столами нѣтъ прохода и все-таки многимъ нѣтъ мѣста; воздухъ въ этой школѣ одуряющій“.

Въ Усманскомъ уѣздѣ суммы, ассигнуемыя на школы, меньше тѣхъ, которыя расходуются на тотъ же предметъ въ двухъ выше-названныхъ уѣздахъ. Составляются онѣ изъ весьма разнообразныхъ взносовъ какъ земства, такъ и сельскихъ обществъ: въ селѣ Бреславкѣ, напримѣръ, общество отпускаетъ на школу всего 19 р. въ годъ, а въ с. Мордовѣ—242 р. Среднимъ числомъ пожертвованія обществъ простираются отъ 50 до 60 руб., земство ассигнуетъ нѣсколько болѣе, а именно по 100 р. на училище, но нѣкоторыя школы получаютъ отъ него только по 50 руб. Жалованье учителямъ ни въ одной школѣ (за исключеніемъ Новоархангельской) не превышаетъ 200 р. Учитель Никольско - Чаплыцкой школы заявилъ г. инспектору, что со времени вступленія своего въ должность въ маѣ 1875 года онъ не получалъ вовсе вознагражденія, причитающагося ему изъ земскихъ суммъ. Въ селѣ Нижней - Матренкѣ обученіемъ дѣтей занимается мальчикъ, которому только 15 лѣтъ отъ роду. Въ 9 школахъ отдѣльных законоучителей нѣтъ, а преподаваніе закона Божія возложено на учителей, окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій.

Всѣ осмотрѣнныя школы крайне нуждаются въ учебныхъ пособияхъ, на приобрѣтеніе коихъ рѣшительно недостаетъ у нихъ средствъ. Учащіеся посвѣщаютъ классы неакуратно: если присоединить къ это-

му весьма незавидную обстановку школъ, то нельзя удивляться, что ученье идетъ по большей части неудовлетворительно. Усманское приходское мужское училище, въ матеріальномъ отношеніи, обезпечено гораздо лучше сельскихъ школъ, находящихся въ уѣздѣ; на содержаніе его городскимъ обществомъ отпускается 680 руб. и кромѣ того общество приняло на себя отопленіе зданія и наемъ сторожа; законоучитель получаетъ 100 р., старшій учитель 350 р. и помощникъ его 180 р.; успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ оказались удовлетворительными.

Къ числу общихъ условій, неблагоприятно вліяющихъ на ходъ народнаго образованія въ уѣздахъ Тамбовскомъ, Кирсановскомъ и Усманскомъ, г. инспекторъ относитъ прежде всего недостатокъ книгъ и учебныхъ пособій, что въ свою очередь происходитъ отъ бѣдности школъ, отъ равнодушія къ нимъ приходскаго духовенства и отсутствія при нихъ дѣятельныхъ попечителей. Дирекція народныхъ училищъ старалась, по возможности, содѣйствовать устраненію этого зла. Въ истекшемъ году были приняты ею, съ этою цѣлью, слѣдующія мѣры: по ея ходатайству, Тамбовское епархіальное начальство предложило приходскимъ священникамъ не уклоняться отъ исполненія преподавательскихъ обязанностей; въ настоящее время въ нѣкоторыхъ школахъ священники уже приступили къ обученію дѣтей закону Божію; о бездѣйствіи попечителей начальныхъ школъ сообщено подлежащимъ училищнымъ совѣтамъ; имъ же сообщено и о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ учителей, приняты по возможности мѣры для улучшенія школьныхъ помѣщеній и снабженія школъ учебными пособиями.

Предъ нами находится подробный отчетъ о состояніи народныхъ училищъ Симбирской губерніи за 1875 годъ.

Изъ этого отчета видно, что всѣхъ начальныхъ училищъ къ 1 января находилось 403, въ томъ числѣ городскихъ 31 и сельскихъ 403. По уѣздамъ распредѣлялись они слѣдующимъ образомъ: въ Симбирскомъ—61, Сенгилеевскомъ—64, Сызранскомъ—67, Карсунскомъ 99, Алатырскомъ—27, Ардатовскомъ—21, Курмышскомъ 19 и Буинскомъ—45.

Законоучителей въ упомянутыхъ школахъ состояло 238, учителей 326 (вмѣстѣ съ ихъ помощниками), учительницъ 68; изъ другихъ должностныхъ лицъ слѣдуетъ упомянуть о попечителяхъ и попечи-

тельницахъ, число коихъ простиралось до 216; почетныхъ блюстителей было 3. По образованію преподаватели раздѣлялись такъ: 104 окончили курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, 50 не прошли вполнѣ этого курса; обучавшихся въ Порѣцкой учительской семинаріи было 16; остальные обучались въ уѣздныхъ и духовныхъ, въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ и въ первыхъ классахъ гимназій (2).

Что касается до учащихся, то всего было ихъ въ губерніи 12.821, въ томъ числѣ мужскаго пола 11.335 и женскаго 1.486, а по уѣздамъ: въ Карсунскомъ—2.400, Сызранскомъ—2.099, Симбирскомъ—2.083, Буинскомъ—1.999, Сенгилеевскомъ—1.491, Алатырскомъ—1.094, Ардатовскомъ—840 и Курмышскомъ—815. Изъ 12.821 учащихся 867 мальчиковъ и 399 дѣвочекъ находились въ городскихъ училищахъ, 10.468 мальчиковъ и 1.087 дѣвочекъ въ училищахъ сельскихъ. Въ 1875 году выбывшихъ изъ школъ до окончанія курса было 1.980 и по окончаніи курса 985.

Сравнивая число учащихся въ начальныхъ народныхъ школахъ съ числомъ населенія каждаго уѣзда мы видимъ, что 1 учащійся приходится: въ Буинскомъ уѣздѣ на 46 жителей (об. п.), въ Симбирскомъ на 72, въ Карсунскомъ на 75, въ Сенгилеевскомъ на 79, въ Сызранскомъ на 89, въ Курмышскомъ на 118, въ Алатырскомъ на 119, въ Ардатовскомъ на 188. Если же принять въ разчетъ все населеніе Симбирской губерніи, то одинъ учащійся приходится на 81 жит.; въ частности число учащихся мальчиковъ относится къ мужскому населенію, какъ 1:44, а дѣвочекъ къ населенію женскому, какъ 1:371. Въ городахъ отношеніе это опредѣляется цифрами — для мальчиковъ 1:20, для дѣвочекъ 1:42; въ селахъ—для мальчиковъ 1:48, для дѣвочекъ 1:491.

Самое большее число учащихся было, изъ городскихъ училищъ, въ Сызранскомъ 2-мъ мужскомъ приходскомъ (100), а изъ сельскихъ—въ Лобаскинскомъ, Ардатовскаго уѣзда (90).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о средствахъ содержанія означенныхъ школъ. Изъ суммъ государственнаго казначейства израсходовано было на нихъ 7.254 р., изъ суммъ городскихъ обществъ—11.571 р. 96 к., земства—16.377 р. 42 к., сельскихъ обществъ—63.636 р. 53 к., изъ пожертвованій частныхъ лицъ—4.544 р. 28 к., церковныхъ попечительствъ—468 р., почетныхъ блюстителей—100 р., а всего 103.952 р. 19 коп. Среднимъ числомъ содержаніе училища въ губерніи обходится въ 723 р., а въ селахъ—240 р. Во всѣхъ частныхъ школахъ для первоначальнаго обученія существуетъ плата

отъ 25 к. до 3 р. въ мѣсяцъ, по условію съ родителями; изъ начальныхъ школъ, состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, только въ двухъ взимается плата за ученіе; въ трехъ одноклассныхъ школахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія плата за ученіе, въ размѣрѣ 3 р. въ годъ, установлена лишь для дѣтей постороннихъ лицъ, не участвующихъ въ содержаніи училищъ.

Изъ всѣхъ сельскихъ училищъ 183 имѣютъ собственныя, болѣе или менѣе удобныя, помѣщенія.

Ближайшее знакомство съ ходомъ учебнаго дѣла приводитъ къ слѣдующимъ о немъ заключеніямъ.

Законъ Божій преподается въ лучшихъ школахъ при помощи объясненій и разказовъ законоучителей, которые не рѣдко прибѣгаютъ къ картинамъ Шнора. Ученики этихъ школъ могутъ объяснить смыслъ молитвъ, заповѣдей и символа вѣры, толково и довольно подробно разсказать о событіяхъ священной исторіи, объяснить важнѣйшія части литургіи и мѣстные праздники. Въ другихъ школахъ преподаваніе закона Божія начинается съ катехизиса, который пополняется разказами о священной исторіи; затѣмъ въ остальныхъ преобладаетъ механическое заучиваніе наизусть безъ всякихъ толкованій со стороны наставниковъ.

Чтенію и письму дѣти обучаются преимущественно по звуковому способу. Усердные и опытные преподаватели оканчиваютъ изученіе звуковъ вмѣстѣ съ сліяніемъ ихъ въ слова въ два и нерѣдко въ одинъ мѣсяцъ. Затѣмъ, чтеніе и письмо ведется по книгамъ „Родное Слово“ и „Нашъ Другъ“, причемъ въ большинствѣ школъ учителя руководствуются указаніями, сдѣланными Ушинскимъ и Корфомъ. Такимъ образомъ, ученики приучаются къ связному разказу и, по возможности, правильному изложенію на письмѣ прочитаннаго. При объяснительномъ чтеніи преподаватели предварительно ведутъ съ учениками бесѣду, съ цѣлію выяснить имъ какъ содержаніе статьи, такъ и отдѣльныя непонятныя имъ слова и выраженія. Затѣмъ идетъ чтеніе самой статьи или учителемъ, или однимъ изъ учениковъ; въ послѣднемъ случаѣ со стороны преподавателя обращается особенное вниманіе на выразительность чтенія. По прочтеніи, небольшая статья разсказывается учениками самостоятельно, болѣе же обширная сначала передается дѣтьми, при помощи дробныхъ вопросовъ со стороны учителя, а затѣмъ уже слѣдуетъ связный разказъ всей статьи учащимися. Наконецъ, изъ прочитаннаго дѣлаются сравненія и выводы и выясняется главная мысль автора.

Обученіе счету во многих школахъ ведется по способу Грубе, при помощи счетовъ, кубиковъ и т. п. Къ систематическому прохожденію ариметическихъ дѣйствій преподаватели приступаютъ не прежде какъ всесторонне рассмотрѣвъ съ учениками числа въ предѣлахъ не менѣе, какъ отъ 1 до 50. Рѣшенію задачъ нерѣдко предшествуетъ анализъ ихъ, что много облегчаетъ ученикамъ письменное изложеніе самаго хода рѣшенія задачъ.

Церковному пѣнію по слуху дѣти обучаются въ большей части школъ, но есть и такія школы, въ которыхъ существуютъ хоры и дѣти весьма стройно поютъ въ церкви при богослуженіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Стройное хоровое пѣніе учащихся благотворно дѣйствуетъ на родителей-крестьянъ.

Въ нѣкоторыхъ школахъ для обоюго пола и въ женскихъ дѣвочки обучаются рукодѣлю.

Сверхъ упомянутыхъ предметовъ, въ нѣкоторыхъ лучшихъ училищахъ ученики пріобрѣтаютъ элементарныя историческія и географическія свѣдѣнія и пріучены къ черченію по масштабу.

Осмотръ школъ доказалъ, что посѣщеніе классовъ учащимися, за исключеніемъ городскихъ и лучшихъ сельскихъ училищъ, не всегда исправно. Впрочемъ замѣчено, что у преданныхъ своему дѣлу учителей и учительницъ дѣти акуратно посѣщаютъ классы; иногда даже школа бываетъ переполнена учениками, такъ, что является необходимость расширить классное помѣщеніе. Примѣры этого представляютъ училища: Сызранское 2-е приходское (100), Лобаскинское, Арда-товскаго уѣзда (90), Анастасовское, Курмышскаго уѣзда (84), Симбирское 2-е мужское приходское (79), Старо-Костычевское (76) и Кана-дейское мужское (79) Сызранскаго уѣзда, Вешкаймское (69) Карсунскаго уѣзда. Съ другой стороны, недостатокъ подготовленныхъ учителей, отсутствіе усердія ихъ къ своему дѣлу, отдаленность училища отъ мѣста жительства учениковъ, неудобство помѣщеній для школъ, отвлеченіе дѣтей отъ школы родителями, задерживающими ихъ для домашнихъ работъ—составляютъ главныя причины неисправнаго посѣщенія классовъ учащимися.

Дисциплина много зависитъ отъ личности учащихся; тѣ изъ нихъ, которые преданы своему дѣлу, внимательно разбираютъ каждый проступокъ ученика, не имѣютъ надобности прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ взысканія.

Для приготовленія учителей въ начальныхъ народныхъ школы, въ с. Порѣцкомъ, Алатырскаго уѣзда, существуетъ учительская семина-

рія, въ которой имѣются 40 степеній губернскаго земства. Въ отчетномъ году былъ первый выпускъ изъ семинаріи, въ числѣ 12 чело-вѣкъ, изъ которыхъ 11 поступили учителями народныхъ школъ Симбирской губерніи. Буинское земство содержитъ стипендіатовъ при Симбирскомъ и Буинскомъ уѣздныхъ училищахъ, съ цѣлю пригото-вленія ихъ къ учительской дѣятельности, на что и отпускаетъ 1000 р. Сверхъ того, лица, желающія занять мѣста учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ школъ, предварительно практикуются въ го-родскихъ школахъ, подъ наблюденіемъ директора и инспектора на-родныхъ училищъ.

Въ отчетномъ году въ Кошкинской школѣ ученики обучались портняжному, а въ Ходаровской, Курмышскаго уѣзда, столярному ремесламъ. Изъ начальныхъ народныхъ училищъ только въ 2-хъ: Кабаевскомъ, Алатырскаго уѣзда, и Тархановскомъ, Буинскаго уѣзда, мальчики обучаются, въ свободное отъ классныхъ занятій время, сто-лярному ремеслу, въ первомъ—подъ руководствомъ особаго мастера, а въ послѣднемъ—учителя, знающаго это ремесло.

Изъ важнѣйшихъ распоряженій губернскаго училищнаго совѣта въ 1875 году можно, между прочимъ, указать на слѣдующія. Онъ пригласилъ уѣздные училищные совѣты: 1) озаботиться или пріисканіемъ для сельскихъ школъ такихъ учителей, которые имѣли бы право преподавать законъ Божій, или поручить занятія этимъ пред-метомъ ближайшимъ священникамъ; 2) выписывать по мѣрѣ возмож-ности журналы педагогическаго содержанія для начальныхъ народныхъ школъ и сдѣлать распоряженіе о заведеніи въ школахъ классныхъ журналовъ для записыванія, въ чемъ состояли занятія преподавате-лей. Къ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ губерн-скій училищный совѣтъ обратился съ просьбою объ оказаніи содѣй-ствія къ одновременному поступленію дѣтей въ сельскія школы. По поводу ходатайства почетнаго попечителя Порѣцкой учительской се-минаріи относительно обезпеченія оканчивающихъ въ этомъ учебномъ заведеніи курсъ земскихъ стипендіатовъ, училищный совѣтъ: 1) внесъ въ губернское земское собраніе вопросъ о выдачѣ имъ стипендій по окончаніи курса до назначенія семинаристовъ на учительскія мѣста и 2) просилъ уѣздныя земскія собранія обсудить, нельзя ли выдавать имъ, при занятіи ими учительскихъ должностей, прогонныхъ денегъ.

Обзоръ состоянія народныхъ школъ въ Симбирской губерніи, г. директоръ заканчиваетъ слѣдующими соображеніями:

„Усиленіе надзора за начальными народными училищами со стороны дирекціи, которою осмотрено въ отчетномъ году 297 училищъ (въ 1874 году — 212); обзорніе школъ членами училищныхъ совѣтовъ, въ особенности для производства годичныхъ испытаній ученикамъ; весьма благоприятное впечатлѣніе, произведенное на родителей-крестьянъ выдачею ихъ дѣтямъ въ первый разъ свидѣтельствъ, предоставляющихъ льготу по воинской повинности; поступленіе въ школы бѣльшаго противъ прежняго числа учениковъ по собственному желанію родителей; открытіе одного двухкласснаго и 13-ти начальныхъ народныхъ вполнѣ обезпеченныхъ училищъ, въ замѣнъ закрытыхъ 19-ти съ крайне скуднымъ содержаніемъ; опредѣленіе на мѣста учителей лицъ съ лучшею подготовкою, особенно окончившихъ курсъ въ Порѣцкой учительской семинаріи; приращеніе числа учащихся мальчиковъ на 250; увеличеніе числа лицъ, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія не только въ средѣ образованныхъ классовъ, но и въ крестьянскомъ сословіи; устройство 20-ти новыхъ удобныхъ училищныхъ зданій и исправленіе нѣкоторыхъ старыхъ помѣщеній для школъ; усиленіе матеріальныхъ средствъ на содержаніе училищъ вообще и, въ частности, на жалованье учителямъ, изъ разныхъ источниковъ, на 11.446 руб. 45 коп.,—все это вмѣстѣ даетъ право заключить, что народныя школы въ губерніи значительно улучшились во всѣхъ отношеніяхъ и въ настоящее время гораздо большее число ихъ получаютъ характеръ организованныхъ учебныхъ заведеній“.

Изъ отчета г. инспектора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи школъ въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ.

Всѣхъ школъ въ этихъ уѣздахъ находится 101, а именно: въ Вытегорскомъ—33, Пудожскомъ—26, Каргопольскомъ—42; изъ нихъ въ маѣ и іюнѣ истекшаго года были осмотрены 26. При этомъ осмотреѣ г. инспекторъ присутствовалъ при окончательныхъ испытаніяхъ во всѣхъ образцовыхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также въ нѣкоторыхъ училищахъ земскихъ.

Общее число всѣхъ учащихся въ осмотренныхъ школахъ простирается до 658 (510 мальчиковъ и 148 дѣвочекъ). Посѣщеніе классовъ дѣтьми становится не аккуратнымъ, начиная съ Пасхи; до прекращенія классныхъ занятій въ іюнѣ, ходятъ только самыя младшіе, а также тѣ, которые надѣются получить выпускное свидѣтельство; про-

чіе по большей части помогаютъ родителямъ въ домашнихъ работахъ. Наибольшее число учащихся оказалось въ училищахъ образцовыхъ Вытегорскаго уѣзда—Кондушскомъ (91) и Девятинскомъ (56), а изъ земскихъ Пудожскаго уѣзда въ Кулгальскомъ (19) и Каргопольскаго Коневскомъ (30), наконецъ въ женскихъ Девятинскомъ, Кондушскомъ и Пудожскомъ; самое же меньшее число учащихся въ Ухотскомъ училищѣ Вытегорскаго уѣзда: Волосовскомъ Каргопольскаго и Кенозорскомъ Пудожскаго уѣзда, въ послѣднемъ всего 4-хъ мальчиковъ. Причина неакуратнаго посѣщенія этой школы дѣтьми зависитъ отъ самой мѣстности: школа находится на одномъ изъ мысовъ озера, которое разливается на большое пространство, а потому сообщеніе между деревнями очень затруднительно. Въ Ухтѣ старшіе члены семейства уходятъ съ началомъ весны на заработки и потому всѣ работы лежатъ на женщинахъ и дѣтяхъ.

Во всѣхъ осматрѣнныхъ школахъ состоятъ 23 законоучителя; изъ нихъ 5 преподаютъ законъ Божій и въ женскихъ училищахъ, находящихся въ тѣхъ же селахъ, гдѣ существуютъ училища мужскія. Въ Луговскомъ частномъ училищѣ Каргопольскаго уѣзда учитель, изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, до конца учебнаго года преподавалъ законъ Божій, но въ послѣднее время сюда опредѣленъ уже особый законоучитель.

Жалованья законоучителямъ въ земскихъ мужскихъ школахъ Вытегорскаго и Пудожскаго уѣздовъ производится по 50 руб. въ годъ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ по 30 р. и въ женскихъ училищахъ Вытегорскаго уѣзда по 25 руб. Учителя земскихъ училищъ получаютъ жалованья въ Вытегорскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ по 300 руб. и въ Пудожскомъ по 240 руб.; учительницы земскихъ женскихъ училищъ Вытегорскаго уѣзда по 120 руб., Пудожскаго городского 180 руб., учителя и учительницы церковноприходскихъ получаютъ, по мѣрѣ возможности, вознагражденіе отъ церкви или изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Училищные совѣты вслѣдствіе стараются изыскивать средства на поддержаніе послѣднихъ школъ и ихъ наставниковъ.

Въ учебномъ отношеніи, благодаря усердію и знанію своего дѣла учителями, многія школы поставлены весьма удовлетворительно.

Въ образцовыхъ школахъ установленный программой курсъ оказался пройденнымъ вполне. Особенно успѣшно идетъ Кондушское училище, богатое числомъ учащихся и учебными пособиями. Ученики II класса основательно знаютъ священную исторію ветхаго и новаго

завѣта и катихизисъ, и ознакомлены съ порядкомъ церковной службы; по русскому языку читають толково и бѣгло, дѣлають весьма хорошо этимологическій и синтаксическій разборъ, правила грамматическія примѣняютъ къ дѣлу основательно, пишутъ подѣ диктовку и достаточно упражнялись въ изложеніи читаннаго и въ сочиненіяхъ на легкія темы; кромѣ того, они заучили нѣсколько басенъ и стихотвореній. По ариметикѣ рѣшаютъ задачи на простыя и дробныя числа, на правила тройное, товарищества, смѣшенія и процентовъ, безъ помощи пропорцій, чрезъ приведеніе къ едилицѣ; по исторіи и географіи прошли весь положенный программю курсъ; программа по естествознанію состояла въ слѣдующемъ: что такое тѣло, общія свойства тѣлъ, протяженность, непроницаемость, скважность, дѣлимость, притяженіе, сцѣпленіе и прилипаніе, инерція, упругость, вѣсъ или тяжесть, теплота и треніе; отчего происходитъ вѣтеръ; свѣдѣнія о домашнихъ животныхъ. Кромѣ того, ученики чертили съ оригиналовъ, а также геометрическія фигуры съ измѣреніемъ ихъ площадей и географическія карты. Столь же правильно и осмысленно шли занятія и въ первомъ классѣ упомянутаго училища. Всѣ девять учениковъ, окончившихъ курсъ въ Кондушской двухклассной школѣ, удостоены выдачи свидѣтельствъ съ правомъ на льготу по отбыванію воинской повинности. Обученіе гимнастикѣ введено только предъ окончаніемъ классныхъ занятій, когда можно было устроить необходимые гимнастическіе приборы, нѣнію обучаетъ законоучитель и ученики стройно поють на клиросѣ. Зданіе школы просторно, чисто и свѣтло; возникшая переписка о соединеніи двухъ участковъ земли, отведенной училищу при открытіи его, теперь получила благоприятный исходъ: земля уже отведена и нынѣ обносится частоколомъ на средства почетнаго блюстителя Игнатьева, который часто посѣщаетъ школу и много заботится о ней. Занятія учителей съ стипендіатами, число коихъ простирается до 5, идутъ правильно, воспитанники всегда за дѣломъ: или читають, или составляютъ конспекты, или, наконецъ, переплетаютъ книги подѣ руководствомъ своихъ наставниковъ. О поведеніи стипендіатовъ, какъ и вообще всѣхъ Кондушскихъ учениковъ, получены самые удовлетворительные отзывы.

Въ Девятинскомъ одноклассномъ училищѣ на экзамены, происходившіе въ присутствіи г. инспектора, явились въ старшемъ отдѣленіи 22, въ среднемъ—17, въ младшемъ также 17 учениковъ; признаны достойными свидѣтельства объ окончаніи курса 11 человекъ. Занятія въ этой школѣ при довольно опытныхъ и усердныхъ настав-

никакъ идутъ правильно и успѣшно; дисциплина, которая прежде была слаба, нынѣ замѣтно улучшилась. Изъ закона Божія ученики успѣли пройти болѣе чѣмъ требуется программой для одноклассныхъ училищъ, а именпо, всю исторію ветхаго и новаго завета, краткое объясненіе символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей; сообщены имъ такъ же свѣдѣнія о таинствахъ и божественной литургіи. По русскому языку кромѣ занятій объяснительнымъ чтеніемъ, диктовкою и изложеніемъ читаннаго, они занимались грамматическими упражненіями и довольно осмысленно разбираютъ составъ предложеній, знаютъ видоизмѣненія частей рѣчи, отношенія между словами; пишутъ хорошо, хотя и не всѣ; по арифметикѣ рѣшаютъ довольно сложныя задачи надъ простыми и именованными числами и имѣютъ понятіе о простыхъ дробяхъ. Исторія и географія не входятъ въ курсъ одноклассныхъ школъ, но благодаря усердію учителя, дѣтямъ сообщены главнѣйшія событія изъ исторіи русской, а по географіи общія понятія о землѣ, географическіе термины, краткое обзорѣніе Россійской имперіи и болѣе подробное Олонецкой губерніи. Поютъ воспитанники стройно и каждый праздникъ являются съ учителемъ на правомъ клиросѣ, дѣвочки же изъ земскаго училища, съ учительницей, на лѣвомъ клиросѣ. Гимнастическіе приборы устроилъ на свой счетъ почетный блюститель Пименовъ. Портняжному ремеслу съ успѣхомъ обучается до 15 мальчиковъ; нѣкоторые изъ изготовленныхъ ими вещей заслуживаютъ полного одобренія. Даже лѣтомъ, въ каникулы, занятія въ мастерской не прекращались, по желанію учениковъ и ихъ родителей.

Архангельское образцовое училище, открытое пока лишь въ одноклассномъ составѣ, еще не сравнилось съ вышепоименованными образцовыми училищами, что происходитъ прежде всего отъ неакуратнаго посѣщенія учащимися классовъ. Неизвѣстно, вліяетъ ли въ этомъ случаѣ расколъ или равнодушіе крестьянъ, не сознающихъ важности образованія. Впрочемъ успѣхи учениковъ удовлетворительны; все положенное по программѣ пройдено со смысломъ. Гособій въ училищѣ достаточно. Гимнастика и кузнечное мастерство здѣсь еще не введены. Кузница построена, за исключеніемъ горна, и всѣ необходимыя принадлежности для нея доставлены. Въ послѣднее время опредѣленъ новый учитель и можно надѣяться, что при немъ дѣло пойдетъ гораздо лучше.

Въ сельскихъ земскихъ школахъ успѣхи учениковъ весьма удовлетворительны. Выходящій изъ училища со свидѣтельствомъ объ

окончаніи курса, знаетъ молитвы, священную исторію, можетъ объяснить символъ вѣры, заповѣди и молитву Господню, читаетъ по русски и славянски хорошо, пишетъ безъ особыхъ грубыхъ ошибокъ рѣшаетъ письменно и устно задачи на четыре дѣйствія надъ простыми числами, имѣетъ понятіе о главнѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи. Къ сожалѣнію, весьма немногіе оканчиваютъ трехгодичный курсъ; большинство выходитъ, едва научившись читать и писать.

На окончательныя испытанія явилось въ этихъ школахъ 158 человѣкъ; изъ нихъ получили свидѣтельства 125. Кромѣ того, въ четырехъ женскихъ училищахъ Витегорскаго уѣзда, выданы свидѣтельства 17-ти дѣвицамъ, окончившимъ курсъ ученія.

Къ числу лучшихъ изъ осматрѣнныхъ земскихъ училищъ принадлежить: въ Витегорскомъ уѣздѣ *Тихманское*, въ Каргопольскомъ — *Устьевельское*, *Коневское*, въ Пудожскомъ — *Колодозерское*, *Нижнемское*. Удовлетворительно также Пудожское женское училище и Кулгальское. Найдены неудовлетворительными въ учебномъ отношеніи церковноприходскія училища Витегорскаго уѣзда Саминское мужское и женское, Тихманское женское земское и Каргопольское женское. Симиинскія училища съ начала учебнаго года соединены въ одно земское и сюда опредѣленъ опытный наставникъ. Тихманское не аккуратно посѣщалось ученицами. Причина этого та, что оно находилось на краю довольно обширнаго селенія, раздѣленнаго рѣкою; о перемѣщеніи его въ центръ прихода сообщено уѣздной управѣ. Въ Каргопольскомъ женскомъ училищѣ необходимо имѣть опытную наставницу, что довольно затруднительно, имѣя въ виду назначенное ей скудное содержаніе (100 р.).

Учебными пособиями школы снабжены болѣе или менѣе достаточно, а къ началу учебнаго года земствами сдѣланъ новый значительный запасъ ихъ; кромѣ того, изъ комитета грамотности доставлено 1100 экз. разныхъ учебныхъ книгъ. Земства выписываютъ книги въ значительномъ количествѣ, но къ сожалѣнію часто безъ переплетовъ; ощущается недостатокъ въ предметахъ для нагляднаго обученія и въ книгахъ для самоусовершенствованія учителей. Помочь этому нельзя вдругъ, ибо земства и безъ того несутъ много расходовъ по народному образованію.

Строго судя, всѣ помѣщенія для училищъ, за исключеніемъ трехъ образцовыхъ и одного частнаго Луговскаго, не удовлетворяютъ требованіямъ гигиены; училища помѣщаются кое-какъ, а не въ построенную часть сѣхххх, отд. 4.

ныхъ нарочно для нихъ домахъ, гдѣ все разчитано и предусмотрено. Особенно неудовлетворительно помѣщено училище Вытегорское женское, которое предположено, впрочемъ, перевести въ другое зданіе. Помѣщенія для земскихъ школъ въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, нанимаются на счетъ земства, почему они и болѣе удовлетворительны, чѣмъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, гдѣ квартиры для училищъ даютъ крестьяне, заботящіеся не о сохраненіи здоровья своихъ дѣтей, а о томъ, какъ бы соблюсти экономію.

На содержаніе осмотръныхъ училищъ (за исключеніемъ образцовыхъ) расходуется всего немного болѣе 6000 р., средняя стоимость каждой школы простирается до 330 р. Содержаніе образцовыхъ училищъ обходится въ 3.130 р., изъ коихъ на долю казны вынадасть 2.020 р.

Помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія объ осмотрѣ г. инспекторомъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, въ маѣ и іюнѣ истекшаго года, 25 училищъ, въ томъ числѣ трехъ городскихъ, трехъ уѣздныхъ, пяти приходскихъ и трехъ сельскихъ двухклассныхъ, изъ коихъ при одномъ состоитъ женское отдѣленіе. Въ осмотръныхъ имъ школахъ г. инспекторъ присутствовалъ на испытаніяхъ, хотя—за недостаткомъ времени—и не по всѣмъ предметамъ.

Въ Шлиссельбургскомъ городскомъ училищѣ изъ арифметики не былъ пройденъ весь курсъ, установленный программой, но произошло это не отъ нерадѣнія наставниковъ, а отъ того, что ученики поступили въ школу съ слабыми познаніями. И это послѣднее обстоятельство не удивительно, ибо упомянутое училище преобразовано не изъ уѣзднаго, какъ напримѣръ Петергофское и Лужское, а изъ приходскаго. Такимъ образомъ ученики перваго класса были ознакомлены только съ числами въ размѣрѣ первой сотни; въ старшемъ отдѣленіи они могли рѣшать письменно только не сложныя задачи. Во второмъ классѣ свѣдѣнія ихъ ограничиваются дѣйствіями надъ цѣлыми именованными числами и отчасти надъ дробями; хотя это и не много, но слѣдуетъ довольствоваться и достигнутыми результатами имѣя въ виду крайне плохую подготовку воспитанниковъ прежняго уѣзднаго училища. Въ Петергофскомъ городскомъ училищѣ особенное вниманіе обратилъ на себя, по степени успѣховъ, 3-й классъ. Не смотря на то, что ученики должны остаться въ школѣ еще одинъ годъ, учитель уже теперь успѣлъ пройти съ ними довольно подробно курсъ

арифметики и геометріи: они обнаружили много навыка и смѣтливости въ рѣшеніи задачъ. Въ Лужскомъ городскомъ училищѣ, изъ 38 учениковъ старшаго отдѣленія отвѣчали неудовлетворительно только 9. Программа была выполнена здѣсь вполне и безъ всякихъ уклоненій.

Всего же въ трехъ названныхъ городскихъ училищахъ явилось на годичныя испытанія 269 учениковъ; изъ нихъ обнаружили неудовлетворительныя свѣдѣнія лишь 67, что составляетъ процентъ незначительный.

Переходя затѣмъ къ училищамъ уѣзднымъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно Новоладожскомъ и Гатчинскомъ успѣхи учениковъ, сравнительно съ прежнимъ улучшились, особенно по математикѣ.

Изъ трехъ двухклассныхъ училищъ окончательныя испытанія въ маѣ и іюнѣ истекшаго года произведены были въ двухъ—Гостиннопольскомъ и Владимірскомъ Царскославянскомъ; въ третьемъ, а именно въ Путиловскомъ, еще не было учениковъ, приготовленныхъ къ выпускному экзамену, ибо училище это существуетъ всего два года. Хотя въ Гостиннопольскомъ училищѣ испытаніе было назначено очень рано (1-го мая), но такъ какъ въ это время мѣстные жители занимаются уже работами на судахъ и всячески удерживаютъ дѣтей дома, то явилось лишь 28 учениковъ. Оказалось, что въ первомъ классѣ ученики читаютъ плавно и съ пониманіемъ; изъ арифметики усвоили они лишь самыя начальныя правила; въ обоихъ отдѣленіяхъ втораго класса читаютъ они хорошо, пишутъ безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ, но изъ арифметики плохо пройденны ими дроби. Отвѣты изъ закона Божія были вообще весьма удовлетворительны. Четыре ученика держали экзаменъ на полученіе свидѣтельства, предоставляющаго льготу по воинской повинности; одному изъ нихъ свидѣтельство это не могло быть выдано. Въ Царскославянскомъ училищѣ на испытаніе явились 27 учениковъ втораго и 63 перваго класса; державшихъ выпускной экзаменъ было 11. Эти послѣдніе отвѣчали особенно хорошо изъ закона Божія; удовлетворительными оказались свѣдѣнія ихъ и въ арифметикѣ; не только безошибочно рѣшали они задачи, но умѣли объяснить и способы ихъ рѣшенія. Въ Путиловскомъ училищѣ, познанія учениковъ въ законѣ Божіемъ значительно улучшились сравнительно съ прежнимъ: ученики безошибочно и съ яснымъ пониманіемъ излагали событія священной исторіи, хорошо объясняли молитвы, — всѣмъ этимъ обязаны своему новому законоучителю, который ведетъ дѣло весьма усердно. Учи-

телямъ перваго и втораго классовъ приходилось усиленно работать въ слѣдствіе многолюдности классовъ и главнымъ образомъ усердію ихъ слѣдуетъ приписать, что ученики читаютъ бѣгло и осмысленно, а въ письмѣ не дѣлаютъ грубыхъ ошибокъ.

Что касается до городскихъ одноклассныхъ училищъ, то курсъ ихъ не превышаетъ программы начальной народной школы; въ слѣдствіе того при испытаніяхъ г. инспекторъ и руководился означенною программой. Лучшими оказались училища Новоладожскія (мужское и женское) и Шлиссельбургское (женское). Что касается до Царско-сельскихъ приходскихъ училищъ, то здѣсь успѣхи не болѣе какъ посредственны. Въ истекшемъ году окончили курсъ: въ Новоладожскомъ мужскомъ 13, въ Новоладожскомъ женскомъ 16, въ Шлиссельбургскомъ 5, въ Царкосельскомъ мужскомъ 13 и женскомъ 8, а всего 55 изъ 66, явившихся къ окончательному испытанію.

Мы не будемъ говорить здѣсь подробно объ осмотрѣ начальныхъ сельскихъ школъ. Достаточно замѣтить, что по большей части результаты оказались утѣшительными. Вотъ какими словами заканчиваетъ г. инспекторъ свои замѣчанія о нихъ: „Въ большинствѣ сельскихъ школъ при испытаніяхъ присутствовали постороннія лица, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на примѣръ въ Мозинской, экзамены производились особенно торжественно, при значительномъ стеченіи мѣстныхъ жителей. Зданіе школы было убрано зеленью, дѣти и взрослые явились въ праздничной одеждѣ. Вообще интересъ къ школамъ замѣтно возникаетъ среди крестьянъ: по цѣлымъ часамъ терпѣливо сидятъ они на испытаніяхъ и съ любопытствомъ прислушиваются къ отвѣтамъ дѣтей. Многіе факты убѣждаютъ, что чѣмъ лучше поставлена школа, тѣмъ большимъ расположеніемъ пользуется она со стороны сельскаго населенія“.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

К. М. Боръ.

(Речь, произнесенная академикомъ Г. П. Гельмерсеномъ въ общемъ собраніи Академіи Наукъ 3-го декабря 1876 года).

16-го ноября, въ Дерптѣ, скончался почетный членъ нашей Академіи Карлъ Максимовичъ Боръ.

Заводя здѣсь рѣчь о немъ, я не намѣренъ представлять вамъ картину жизни и постепеннаго хода развитія великаго человѣка: такую картину онъ самъ оставилъ намъ въ своей автобіографіи, которая, какъ и всѣ его сочиненія, отличается геніальностью и можетъ служить образцомъ для каждаго, кто хочетъ оставить по себѣ подобное воспоминаніе современникамъ и потомству. Итъ, мы желаемъ только выразить свое уваженіе, свое удивленіе, свою благодарность покойному, творенія котораго не умрутъ, пока существуетъ наука.

Поступивъ, сорокъ три года тому назадъ, въ дѣйствительные члены Академіи, Боръ явился сюда съ неувидаемымъ вѣнцомъ славы, возложеннымъ на его чело цѣлымъ ученымъ міромъ за блистательные результаты его изслѣдованій въ области сравнительной анатоміи и исторіи развитія высшихъ животныхъ. Его даръ наблюдательности, его проникательный критическій умъ, его глубокое философское образованіе, его ясное изящное изложеніе—словомъ, его геній, сообщили всѣмъ его работамъ, отъ первой до послѣдней, ту печать монументальности, благодаря которой онѣ никогда не забудутся въ наукѣ.

Положеніе Бора въ Кенигсбергѣ, вслѣдствіе господствовавшей тогда въ Германіи политической неурядицы, сдѣлалось непріятнымъ; онъ отклонилъ отъ себя приглашеніе на профессорскую кафедру

въ Галле и возвратился въ отечество, будучи избранъ въ члены нашей Академіи.

Вступивъ въ новое званіе въ полномъ цѣлѣ силъ, онъ посвятилъ ихъ почти исключительно изслѣдованію Россіи, представлявшей ему обширное поле для работъ по этнографіи, зоологіи, географическому распредѣленію животныхъ, географіи и ея исторіи. Мы видимъ Бэра путешествующимъ въ 1837 и 1840 годахъ на Новую Землю, а впослѣдствіи — къ берегамъ Чудскаго озера, на Каспійское, Черное и Азовское моря, съ цѣлью изслѣдовать рыболовство и мнимое обмеленіе послѣдняго изъ этихъ морей, считавшееся препятствіемъ для судоходства. Свои наблюденія надъ развитіемъ низшихъ животныхъ онъ продолжалъ въ двухъ поѣздкахъ къ Адриатическому и Лигурійскому морямъ. Такимъ образомъ блескомъ ума своего озарялъ онъ явленія и далекаго сѣвера, и юга древняго свѣта — яркая звѣзда науки, сіявшая надъ сѣвернымъ полушаріемъ, но распространявшая лучи свои далеко и за экваторъ!

Въ послѣдніе годы своей жизни, богатой подвигами на пользу науки, Бэръ, съ особенною любовью, предавался занятіямъ этнографіей, физическою географіей и исторіей географическихъ открытій въ Россіи. Первымъ поводомъ къ тому послужили ему приготовительныя работы по путешествію на Новую Землю. Изданные результаты этихъ важныхъ изслѣдованій свидѣтельствуютъ о томъ патристическомъ рвеніи, съ какимъ онъ разыскивалъ новые источники для исторіи географическихъ открытій русскихъ путешественниковъ и умѣлъ выставять заслуги послѣднихъ или защищать ихъ отъ неосновательныхъ нападокъ. Достоинство и честь нашей Академіи были всегда дороги его сердцу: онъ самъ былъ ихъ хранителемъ и поддержкою.

Въ критикѣ и полемикѣ Бэръ былъ уиѣренъ: никогда не выказывалъ онъ своего превосходства надъ противникомъ оскорбительнымъ для него образомъ; лишь тогда, когда приходилось опровергать нападенія людей не призванныхъ, пускалъ онъ иногда въ ходъ всю ѣдкость своего ума, всю колкость своего остроумія.

Поступки и весь образъ мыслей Бэра были въ высшей степени благородны. Настоящій аристократъ, онъ всегда былъ одинаковъ въ обхожденіи какъ съ важными, такъ и съ незначительными лицами, какъ съ знаменитыми людьми, такъ и съ неизвѣстными. Онъ привлекалъ къ себѣ молодыя ревностныя силы, направлялъ ихъ на по-

принципъ ученой дѣятельности и облегчалъ имъ путь къ добросовѣстной работѣ. Примѣры того найдутся и въ нашей средѣ.

Живую фантазію свою Бэръ держалъ въ полномъ повиновеніи и никогда не позволялъ ей преобладать надъ разсудкомъ. Она только помогала ему быстро находить, при разговорѣ или литературномъ трудѣ, превосходныя сравненія и украшать ими свою рѣчь. Иногда, въ минуты веселаго расположенія духа, онъ давалъ ей волю проявляться въ краткихъ поэтическихъ изліяніяхъ и въ шуточныхъ письмахъ къ роднымъ и друзьямъ. Въ семейномъ кругу, точно также какъ и въ кругу пріятелей, Бэръ бывалъ общителенъ, внимателенъ и возбуждалъ охоту къ разговору въ собесѣдникахъ.

Время рожденія и юности Бэра совпало съ тѣмъ періодомъ прошедшаго столѣтія, когда христіанская религія и міросозерцаніе нерѣдко подвергались недостойнымъ нападкамъ изъ лагеря раціонализма и матеріализма. Какъ въ ту пору, и въ наши дни, приходится часто слышать мнѣніе, будто изученіе естественныхъ наукъ приводитъ къ матеріализму. Религіозныя убѣжденія Бэра намъ неизвѣстны; но мы знаемъ, — потому что онъ самъ открылъ намъ это, — что чрезъ изслѣдованіе законовъ природы онъ дошелъ до непоколебимаго признанія Единого Творца ея, Единого Бога, создавшаго вселенную и вложившаго во все созданное силу стремиться, по опредѣленнымъ законамъ, къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Это признаніе Духа Божія и цѣлесообразности въ природѣ составляетъ вершину великой пользы, которою мы обязаны великому ученому, и быть можетъ, должно считаться величайшею изъ побѣдъ, одержанныхъ надъ матеріализмомъ.

Кончаю рѣчь своєю словами, сказанными однимъ изъ моихъ сочленовъ надъ гробомъ покойнаго: „Честь имени Бэра — миръ его праху“¹⁾.

II.

В. И. Григоровичъ.

Скончавшійся 19-го декабря 1876 года, бывшій профессоръ славянскихъ нарѣчій въ нѣсколькихъ университетахъ, Викторъ Ивановичъ Григоровичъ принадлежалъ къ той группѣ университетскихъ пре-

¹⁾ Слова академика Л. И. Шренка изъ рѣчи, произнесенной имъ 20-го ноября минувшаго года при погребеніи тѣла К. М. Бэра въ Дерптѣ; кромѣ г. Шренка, присутствовавшая при этомъ печальномъ торжествѣ депутація состояла изъ академиковъ Ф. В. Овсянникова, К. И. Максимовича и Ф. Б. Пшадта.

подавателей, которымъ суждено было открыть кафедрѣ славяновѣдѣнія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ родился 30-го апрѣля 1815 года въ городѣ Балтѣ, Подольской губерніи; отецъ его былъ Малороссъ, родомъ изъ Чернигова, а мать—Полька. Образованіе свое Викторъ Ивановичъ началъ въ г. Умани, Кіевской губерніи, въ училищѣ, содержимомъ уніатскими монахами-базилианами; здѣсь онъ пробылъ съ 8-ми-лѣтняго возраста до 15-ти лѣтъ, а затѣмъ, съ 15-ти лѣтъ по 18-ть онъ продолжалъ ученіе въ Харьковскомъ университетѣ. Получивъ аттестатъ дѣйствительнаго студента, онъ былъ назначенъ на службу въ Петербургъ; но такъ какъ онъ желалъ еще продолжать свое образованіе, то и рѣшился ѣхать для этой цѣли въ Дерптъ. Здѣсь онъ жилъ съ 1834 по 1839 годъ, приготовляясь къ учительскому званію и занимаясь классическою филологіей. Въ 1839 году, при посредствѣ профессора И. Я. Горлова, указавшаго на него тогдашнему попечителю Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусину-Пушкину, Викторъ Ивановичъ былъ вызванъ въ Казань для приготовленія къ занятію кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, учрежденной университетскимъ уставомъ 1835 года. Съ 1839 по 1841 годъ Григоровичъ преподавалъ въ Казанскомъ университетѣ греческій языкъ, котораго былъ отличнымъ знаткомъ. Въ 1841 году онъ напечаталъ свой первый ученый трудъ—„Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ“, а въ слѣдующемъ получилъ степень магистра и разрѣшеніе преподавать славянскія нарѣчія. Тогда же онъ напечаталъ свою замѣчательную статью: „Опытъ изложенія исторіи славянскихъ литературъ“.

Въ 1844 году Григоровичу разрѣшено было отправиться въ путешествіе по славянскимъ землямъ; 20-го августа этого года онъ оставилъ Одессу и направился въ Константинополь, а оттуда въ Солунь и на Аѳонскую гору. Затѣмъ онъ посѣтилъ Македонію и Болгарію, черезъ Валахію проѣхалъ въ Банатъ, Венгрію и достигъ Вѣны. Послѣ того онъ побывалъ у юго-западныхъ Славянъ — въ Крайнѣ, Далмаціи, Черногоріи, Хорватіи и Славоніи, и кромѣ того, посѣтилъ Валахію. Далѣе онъ переѣхалъ въ Моравію и Чехію, и чрезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ и Кенигсбергъ возвратился въ Россію въ апрѣлѣ 1847 года. Путешествіе это принесло самые обильные плоды: и его самого, и вообще науку оно обогатило огромнымъ количествомъ совершенно новыхъ данныхъ по славянской исторіи, филологіи, археологіи и этнографіи; особенно же много свѣдѣній Григоровичъ собралъ о славянскихъ и частью греческихъ рукопи-

сихъ, разбросанныхъ въ различныхъ православныхъ монастыряхъ Балканскаго полуострова; открытія его тѣмъ драгоценнѣе, что въ настоящее время многихъ изъ этихъ памятниковъ старины уже не ищется тамъ, гдѣ ихъ находилъ нашъ любознательный славистъ. Существенные результаты своихъ наблюдений Григоровичъ изложилъ въ своемъ сочиненіи: „Очеркъ ученаго путешествія по Турціи“ (Казань, 1848 г.; то же въ *Запискахъ Императорскаго Казанскаго университета* того же года, кн. III); двѣ другія его статьи, около того же времени напечатанныя: „Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ Европейской Турціи“ и „Протоколы Константинопольскаго патріархата XIV столѣтія“ (*Журн. Мин. Народн. Просв.*, 1847 г., части LIII и LIV), также основаны на матеріалахъ, собранныхъ въ этомъ путешествіи.

По возвращеніи въ Россію, Григоровичъ, возобновилъ свою профессорскую дѣятельность и не прерывалъ ея почти до самой кончины. До 1849—1850 учебнаго года онъ былъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, затѣмъ означенный годъ читалъ въ Московскомъ, потомъ возвратился въ Казань и въ 1864 году перешелъ во вновь открытый Новороссійскій университетъ, который оставилъ только въ 1876 году по собственному желанію. Ко времени пребыванія Григоровича въ Казани относятся, кромѣ названныхъ выше статей, еще слѣдующіе труды, замѣчательные какъ по новостямъ содержанія, такъ и по ученой критикѣ, и по высказаннымъ въ нихъ взглядамъ автора: „О древней письменности Славянъ“ — въ *Ж. М. Н. Пр.* 1852 г., ч. LXXIII, „Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка“ ¹⁾ — въ *Учен. Зап. Казанск. университета* 1852 г., „Объ Охридской архіепископіи“ — во *Временникъ Моск. Общества Исторіи*, кн. V, „Службы св. апостоламъ Кириллу и Мефодію“, „Посланіе митрополита Іоанна II“ — въ *Учен. Зап. II-ю Отд. Ак. II.*, т. I, „О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ“ (Каз., 1859). По переѣздѣ въ Новороссійскій край, его изслѣдованія приняли нѣсколько иное направленіе: свои изысканія въ области славянства онъ старался связать съ вопросами

¹⁾ Въ этомъ сборникѣ помѣщены: 1) Рѣчь о значеніи церковно-славянскаго языка, 2) О трудахъ, касающихся слав. языка до М. Смотрицкаго, 3) Перечень рительныхъ свидѣній о литературѣ церковно-славянскій, 4) О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ; послѣдняя статья напечатана и въ *Извѣстіяхъ Акад. Н. по отд. р. яз. и слов.*, т. I.

мѣстной исторіи, или говоря его собственными словами, „предположилъ себѣ, на сколько возможно, знакомиться съ южно-русскою землею и отвѣчать такимъ образомъ общепробужденной потребности знаній географическихъ и этнографическихъ“. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ нѣсколько поѣздокъ по Новороссійскому краю, и на двухъ археологическихъ сѣздахъ—въ Петербургѣ и Киевѣ—развивалъ свою мысль о необходимости мѣстныхъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ розысканій, въ связи съ задачами науки славянской. Большая часть статей, напечатанныхъ имъ по порученію въ Одессу, относятся къ указанному роду вопросовъ. Таковы статьи въ *Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*: „Историческіе намски о значеніи Херсона и его церкви въ VIII, IX и X столѣтіяхъ“ и „Записка объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣпровскаго побережья“, далѣе изданная отдѣльно „Записка антиквара“ о поѣздкѣ на Азовское море (Одесса, 1874), и наконецъ, „Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1875 году“ для архивныхъ работъ и „Записка о пособіяхъ къ изученію Южно-Русской земли, находящихся въ военномъ архивѣ Главнаго Штаба“ (послѣднія двѣ статьи въ т. XX *Записокъ Имп. Новоросс. Университета*). Посѣтивъ нѣкоторые мѣстные архивы южной Россіи, Григоровичъ высказывалъ мысль о томъ, какъ было бы полезно соединить хранящіеся въ нихъ документы, имѣющіе теперь единственно историческій интересъ, въ одномъ городѣ—разумѣется, въ Одессѣ—и образовать такимъ образомъ центральный Повороссійскій архивъ на подобіе существующихъ въ Киевѣ и Вильнѣ.

Григоровичъ желалъ продолжать свои мѣстныя изслѣдованія и послѣ того, какъ оставилъ Одесскій университетъ; съ этою цѣлью онъ и поселился въ Елизаветградѣ, „надѣясь“, какъ писалъ онъ одному изъ близкихъ ему лицъ въ Москву, „обрѣсти здѣсь возможное удобство для своихъ трудовъ; Елизаветградъ“, прибавлялъ Григоровичъ, „имѣетъ то преимущество предъ другими городами Херсонской губерніи, что въ немъ русская жизнь еще не подавлена“. Не долго однако бывшему профессору суждено было продолжать еще свои работы: едва устроившись на новомъ мѣстѣ, и съ твердымъ намереніемъ „не замѣнить своему слову посылку трудиться“, онъ былъ застигнутъ внезапно смертію.

Въ лицѣ Григоровича—такъ говоритъ о немъ профессоръ Н. С. Тихомировъ въ некрологѣ его, помѣщенномъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,—„угасла, сибѣмъ думать, большая научная сила. Чѣмъ бы

ни обусловливалась та рѣдкая ученая скромность, почти стыдливость, которою отличался покойный, скромность, заставлявшая его таить въ рукописи плоды своихъ глубокихъ розысканій,—мы можемъ сожалѣть, что и та не малочисленная семья ученыхъ монографій Григоровича, которыя онъ, можно сказать, *вынужденъ* былъ напечатать, не собрана въ одно цѣлое. Отдавъ изъ своей профессорской дѣятельности 34 года провинціальнымъ университетамъ, Григоровичъ тѣмъ самымъ скрылъ отъ большинства читателей неспеціалистовъ смыслъ своихъ ученыхъ открытій, истинное значеніе своего научнаго авторитета. Преданный исключительно разрѣшенію научныхъ вопросовъ, вращаясь въ ихъ идеальной области, онъ спокойно отдавалъ обнародованіе открытыхъ имъ памятниковъ старославянской литературы другимъ, и въ числѣ этихъ „другихъ“ былъ и знаменитый П. І. Шафарикъ. Можетъ быть, поэтому имя профессора Григоровича не имѣетъ у насъ ни въ университетской сферѣ подобающей ему популярности. Симпатіи Григоровича, какъ ученаго, обращены были по преимуществу къ первымъ вѣкамъ славянской письменности и культуры. Его обильныя содержаніемъ монографіи: „*Изъясненія о славянскихъ апостолахъ въ Европѣйской Турціи*“, „*Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка*“, „*Службы свв. апостоламъ Кириллу и Методію*“, „*О св. Климентѣ Болгарскомъ*“ и изслѣдованія о происхожденіи и памятникахъ Глаголицы освѣтили яркими лучами древнѣйшій періодъ исторіи старославянской литературы и вмѣстѣ съ трудами другихъ изслѣдователей легли въ основаніе историческихъ изысканій о блаженныхъ первоучителяхъ славянскихъ. Древне-русскіе паломники, отдаваясь порывамъ своего благочестиваго вѣрованія, стремились къ той святой землѣ „по которой Христосъ походилъ своими ногами“. Однимъ изъ первыхъ ученыхъ предпріятій Григоровича было также походить по *святой землѣ*, ознаменованной апостольскою дѣятельностію насадителей славянскаго просвѣщенія, и заботливою рукой ученаго, вѣрующаго въ судьбы славянской народности, бережно собрать и соблюсти отъ турецкой дикости и равнодушія Грековъ письменные остатки старославянской литературной старины.

„Не подъ ударомъ скорбной телеграммы, не падъ свѣжесю могилой товарища, говорить объ ученыхъ трудахъ Григоровича и оцѣнивать ихъ относительный вѣсъ. Не время опредѣлять и профессорскій трудъ почившаго. Между тѣмъ, въ жизни и дѣятельности Григоровича этотъ трудъ, въ силу особенныхъ обстоятельствъ, выдвинулся на первый планъ. Желаемъ искренно, чтобы слушатели покойнаго

передали намъ съ полною искренностію, безъ неприличной риторики, свои воспоминанія о преподаваніи Григоровича. Эти сообщенія дороги для оцѣнки ученой личности. Григоровичъ былъ ученый по преимуществу, въ особенномъ смыслѣ этого слова. Въ научной сферѣ для него, кажется, не существовало другаго міра, и онъ къ этому „другому“ міру былъ вполне равнодушенъ и безотвѣтенъ. На его вѣшности отражалось это аскетическое затворничество въ тихомъ пристанищѣ ученаго кабинета. Изъ своей келіи онъ любилъ выносить результаты своихъ изысканій не въ печать, а въ столь же тихую, какъ его кабинетъ, немногочисленную аудиторію своего университета или въ тѣсный кругъ своихъ товарищей.

„И, кто знаетъ? можетъ быть, сѣмена брошенныя въ скромныхъ аудиторіяхъ Казани уже успѣли принести плодъ, которымъ пользуется наша литература, не спрашивая о томъ, кому она обязана имъ. Ученые Казанской духовной академіи обогатили науку многими историческими трудами, которые были бы невозможны безъ умѣнья читать, и главное, почитать, то-есть, уважать рукописные памятники русской и общеславянской литературной старины. Эта особенность въ направленіи ученой пыливости профессоровъ Казанской духовной академіи не объясняется ли тѣмъ, что Щаповъ, Павловъ, Добротворскій и Порфирьевъ испытали на себѣ вліяніе профессора Григоровича?“

Этими теплыми строками считаемъ всего лучше заключить некрологъ В. И. Григоровича, и вполне сочувствуя желаніямъ почтеннаго Московскаго профессора, чтобы собраны были сочиненія покойнаго слависта и обстоятельными свѣдѣніи о его жизни, позволимъ себѣ также пожелать, чтобы принадлежавшія Григоровичу рукописи (сверхъ подаренныхъ имъ при жизни Царскосинскому университету) обогатили собою одно изъ нашихъ общественныхъ книгохранилищъ.

ОБЪ ОТНОШЕНИИ ВИДОВЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ВРЕМЕНАМЪ ¹⁾.

О Т С Т У П Л Е Н И Я.

Указаннаго въ предыдущихъ §§-ахъ общаго соотвѣтствія не имѣется въ слѣдующихъ случаяхъ (число которыхъ, однако, едва-ли превышаетъ 15—20%):

§ 7. Русскій (и вообще славянскій) языкъ въ отрицательныхъ предложеніяхъ обыкновенно ставитъ *продолженный* (и многократный) видъ вмѣсто *однократнаго* вида (и многократный *ви.* продолженнаго) утвердительнаго предложенія;

напримѣръ: увидѣлъ — не видѣлъ;
видѣлъ — не видалъ;
видалъ — не видывалъ.

Такъ какъ, напротивъ, въ греческомъ языкѣ вообще не существуетъ разницы въ употребленіи временъ (какъ падежей) ²⁾ между утвердительнымъ и отрицательнымъ предложеніемъ, то такое русское отрицательное предложеніе должно сперва представить себѣ утвердительнымъ, чтобы по получаемому такимъ образомъ русскому виду выбрать соотвѣтствующую этому греческую временную форму (*praesens—imperfectum* съ одной, *aorist* съ другой стороны) по выше (§ 1 п. 2) приведеннымъ правиламъ.

¹⁾ *Продолженіе*. См. ноябрьскую и декабрьскую книжки Ж. М. Н. П. за прошлый годъ.

²⁾ То-есть, между тѣмъ какъ русскій языкъ при отрицательныхъ переходныхъ глаголахъ ставитъ родительный падежъ вмѣсто винительнаго утвердительнаго предложенія, — греческій языкъ ставитъ *accusativus* одинаково въ томъ и другомъ случаѣ. Напримѣръ: далъ ему войско, не далъ ему войска: ἔδωκεν (и οὐκ ἔδωκεν) αὐτῷ στρατόν.

Напримѣръ:

1. утверд. *δύλλαι* это (продолжительно или часто)
 μὴ ποίει τοῦτο
Не δύλλай этого = 2. утверд: не *сдѣлай* μὴ ποιήσῃς τοῦτο,
 это = не *сдѣлай* этого (объ *одномъ-краткомъ-случаѣ*)

Никто не давалъ денегъ
 „ не бралъ „

утверд. давалъ (бралъ) деньги,
 οὐδεὶς εἰδίδου (ἐλάμβανε) χρήματα.
 утверд. далъ (взялъ) деньги,
 = не далъ (не взялъ) денегъ,
 οὐδεὶς ἔδωκε (ἔλαβε) χρήματα.

Я ничего не видѣлъ (не видалъ, не видывалъ) и не слышалъ (не слыхалъ, не слыхивалъ), въ значеніи=не увидѣлъ, не услышалъ: οὐδὲν εἶδον οὐτ' ἤκουσα или οὐτ' εἶδον οὐδὲν οὐτ' ἤκουσα (Nec *vidi* neque *audivi* quidquam). Хеп. Anab. I. 9. 3: ἐνθα αἰσχροὺς οὐδὲν οὐτ' ἀκούσαν οὐτ' ἰδεῖν ἔστι. Здѣсь нельзя ни слышать ни видѣть (здѣсь не слыхать и не видать) чего нибудь постыднаго (собств.=услышать, увидѣть). Хеп. Anab. II. 2. 18: οὐτε ὑποζύγιον ἔτ' οὐδὲν ἀφάνη οὐτε στρατόκεδον οὐτε χαπνὸς οὐδαμῷ πλησίον: и нигдѣ больше не являлся ни лагерь, ни дымъ гдѣ нибудь вблизи. Хеп. Anab. II. 4. 23: καὶ οὐτε ἐπέθετο οὐδεὶς οὐδαμῷθεν οὐτε πρὸς τὴν γέφυραν οὐδεὶς ἤλθε τῶν πολεμίων, ὥς οἱ φολάττοντες ἀπήγγελλον: никто ни откуда не нападалъ и никто изъ непріятелей не приходилъ, какъ доносили стражи.

Такое несоотвѣстствіе, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, чаще всего встрѣчается при отрицательныхъ выраженіяхъ съ нарѣчіями: больше не (οὐκέτι, μηκέτι), еще не (οὐπω, μήπω), нигдѣ (οὐδαμῷ, μηδαμῷ), никуда (οὐδαμῷ, μηδαμῷ), ни откуда (οὐδαμῷθεν, μηδαμῷθεν)¹⁾, или въ случаяхъ, гдѣ ихъ по смыслу можно дополнить, напримѣръ: οὐκ εἶδον οὐτ' ἴδωμαι.... вм. οὐκέτι εἶδον.... (еще, досихъ поръ) не видѣлъ и не увижу.... Ср. II. I. 262: οὐ γάρ πω τοίους ἀνέρας ἶδον οὐδὲ ἴδωμαι (я никогда еще не видалъ такихъ мужей и не увижу).

¹⁾ Другіе примѣры: aoristus: Хеп. Anab. I. 9. 25: λέγων ἔτι οὐπω δὲ πολλοῦ χρόνου τοῦτου ἡδίωνι οἷνφ ἐπιτύχοι, говоря, что онъ съ давнихъ поръ *еще не отрпчалъ* вина пріятѣе этого; IV. 5. 18: οὐδεὶς ἔτι οὐδαμῷ ἐφθέγγετο и нигдѣ никто больше *не издавалъ* звука; VI. 1. 28: εὐθὺς ἐπαύσαντο πολεμοῦντες καὶ οὐκέτι πέρα ἐπολιόρηνσαν τὴν πόλιν: тотчасъ перестали воевать и *не осаждали* больше города; Cug. VIII. 7. 18: οὐπω хатеноύσατε: вы *еще* (до сихъ поръ) *не зажмчали*. Thus. I. 86: οὐδαμῷ ἀντίπον: *нигдѣ не опровергали*. Imperfectum при тѣхъ же частицахъ также удерживаетъ свое значеніе утвердительнаго предположенія въ слѣдующихъ мѣстахъ: Хеп. Anab. II. 6. 11: οὐκέτι χαλεπὸν ἐφαίνετο; IV. 5. 30: οὐδαμῷθεν ἀφίσσαν; Thus. II. 21. 2: οὐκέτι ἀνασχέτων ἐποιοῦντο, οὐπω ἐωράκεισαν (plaq. = imperf.).

Примѣчаніе. Русский (и вообще славянскій) языкъ для обобщенія отрицанія любитъ ставить продолженный или многократный видъ въ отрицательномъ предложеніи, однако не „для означенія сильнѣйшаго отрицанія“ (какъ, кромѣ другихъ, утверждаетъ г. Буслаевъ, Истор. грам. русск. яз. §. 188. 3.), а потому, что онъ привыкъ отрицать собственно многократность дѣйствія, т. е. не дѣйствіе одного раза, а многихъ или всѣхъ (возможныхъ) разовъ. Напротивъ, Грекъ и при обобщеніи отрицанія отрицаетъ дѣйствіе только *одного раза*. Поэтому, если по русски вѣсто: „я никогда (или: еще ни разу) не давалъ ему денегъ“, говорю короче: „я не давалъ ему денегъ“,—то отрицаю многократность слова „давалъ“, то-есть, отрицаю наглядное: . . . или: — — — — . Напротивъ, если вѣсто „обѣта (ὀφεί) ἔδωκα“ Грекъ говоритъ просто „ὄχι ἔδωκα“ (въ такомъ же обобщающемъ смыслѣ), то отрицаетъ только „потѣ“=одинъ разъ, т. е. отрицаетъ положительное ἔδωκα *потѣ* (я далъ разъ, однажды) или наглядное: или—; то-есть, Грекъ говоритъ: не было ни одного такого случая, чтобы (въ которомъ бы) я далъ; напротивъ, Русский и вообще Славянинъ говоритъ: во всѣхъ случаяхъ, которые были (или могли быть), я ни первый, ни второй, ни третій (и т. д.) разъ не далъ,—и потому вообще: я не давалъ. Славянинъ тутъ, очевидно, обобщаетъ отрицаніе тѣмъ, что распространяетъ его на всѣ случаи (которые только могли встрѣтиться—встрѣчаться); напротивъ, Грекъ ограничиваетъ отрицаніе однимъ разомъ, котораго (какъ онъ говоритъ) именно не было, и поэтому не было и другихъ, тѣмъ достигается того же обобщенія, только другимъ путемъ, другимъ взглядомъ на одну и ту же вещь.

Если же отрицаніе не обобщается, а ограничивается *однимъ случаемъ*, на который обращается исключительное вниманіе и который бываетъ то кратокъ (краткаго—однократнаго—вида), то продолжителенъ (протяженнаго—продолженнаго вида): то оба языка сходятся въ употребленіи видовъ, такъ что, отрицая одинъ краткій фактъ, говорю по русски, „я не далъ, я не взялъ“, точно такъ же какъ по гречески „ὄχι ἔδωκα“, „ὄχι ἔλαβον“;—а отрицая одинъ продолженный (протяженный) фактъ, говорю „я не давалъ, я не бралъ“ (въ одномъ, но продолжительномъ случаѣ): κοὐ ἐδίδοον, οὐχ ἔπρεον. Въ послѣднемъ случаѣ „давалъ, бралъ“ выражаютъ продолжительность, а въ упомянутомъ выше случаѣ—многократность дѣйствія (см. таблицу). Объ „усиленіи“ отрицанія чрезъ продолженный или многократный видъ—и согласно съ этимъ сравнительно большей слабости отрица-

ніа черезъ такъ называемый однократный (краткій) видъ—рѣчи быть не можетъ, какъ по самому понятію отрицанія, такъ и по изобилію примѣровъ, къ которымъ это положеніе вовсе не примѣнимо. Если, напримѣръ, кто-нибудь на вопросъ „далъ тебѣ А. книгу?“ отвѣтитъ: „не далъ“, то это высказано не менѣе сильно отвѣта „не давалъ“; разница только та, что онъ въ первомъ случаѣ („не далъ“) отрицаетъ одинъ (краткій) фактъ, а во второмъ случаѣ („не давалъ“), обобщая свое отрицаніе на всѣ (возможные) случаи, говоритъ то же самое, что высказалъ бы полнѣе словами: „никогда или ни разу не давалъ“. Вообще же объясненіе всевозможныхъ явленій языка, особенно синтаксическихъ, чрезъ „усиленіе“—есть общій (потому что по своей легкой примѣняемости къ чему угодно весьма привлекательный) недостатокъ ученыхъ грамматиковъ, котораго слѣдовало бы старательно избѣгать. См. § 5 Правилъ.

§ 8. На основаніи сказаннаго въ предыдущемъ §-фѣ греческій языкъ особенно при отрицательномъ нарѣчіи: никогда (οὐποτε, οὐδέποτε, οὐπόποτε; μήποτε, μήδέποτε μήπωποτε), а также при утвердительномъ: часто πολλάκις πολλάχου, и равняющихся имъ по смыслу выраженій, которыя на русскомъ языкѣ въ прошедшемъ времени соединяются только съ глаголами продолженнаго вида,—предпочитаетъ ставить аористъ ¹⁾ (рѣже perfectum), по всѣмъ его наклоненіямъ, вмѣсто ожидаемаго, гораздо рѣже попадающагося, imperfectum. То же

¹⁾ Это явленіе нѣкоторые, кажется, объясняютъ тѣмъ, что нарѣчія *часто* и *никогда* (и другія отрицательныя нарѣчія, упомянутыя въ § 7) уже сами по себѣ достаточно выражаютъ повтореніе дѣйствія, первое утвердительно, второе отрицательно, такъ что казалось достаточнымъ поставить глаголъ въ praeteritum хат' ἐξοχῶν, какое въ греческомъ языкѣ aoristus, а въ латинскомъ perfectum. При этомъ однако возникаетъ вопросъ: если такъ, то почему же это не бываетъ по всѣхъ случаяхъ безъ исключенія и почему при нихъ встрѣчаемъ иногда также imperfectum? По моему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе, на основаніи выводовъ этой статьи, особенно § 5, для объясненія употребленія нарѣчія πολλάκις съ аористомъ, въ противоположность русскому продолженному виду при нарѣчіи «часто», принять исходною точкою учащательныя греческ. глаголы іоническаго діалекта (verba iterativa, упомянутыя въ § 5, замѣною которыхъ впоследствии на аттич. діалектѣ является именно πολλάκις съ прошед. врем.) на—σχω и—σκόμην отъ аористической основы. Если напримѣръ ἴδωσχω, δόωσχω, φύγωσχω значать сами по себѣ собственно: я часто или нѣсколько разъ «увидѣлъ» (видѣлъ), «далъ», (давалъ), «убижалъ» (бѣжалъ), т. е. повтореніе или многократность дѣйствія краткаго (I вида), или же наглядно: . . . . ., — въ отличіе отъ βρασχω, δίδωσχω, φύγωσχω: я часто, нѣсколько разъ видѣлъ или давалъ, бѣжалъ, то-есть, повтореніе дѣйствія протяженнаго (II) или продолженнаго вида,

самое встрѣчаемъ при латинскомъ *nunquam* и *saepe* ¹⁾, соединяющихся правильно съ *perfectum* (*historicum*—греческ. аористу). См. § 12.

II. Напр.: никто *никогда* не видѣлъ и не слышалъ, чтобы Сократъ дѣлалъ или говорилъ что-либо безбожное или нечестивое: *Oûdeis pôpote Σωκράτους οὐδὲν ἀσεβὲς οὔτε ἀνόσιον οὔτε πράττοντος εἶδεν οὔτε λέγοντος* (оба *partic. imperf.*) *ἤκουσεν* Xen. Mem. I. 1. 11.) *Nemo unquam Socratem imprii quidquam aut nefarii vel facere vidit vel audivit dicere.*

Сравни: Xen. Mem. I. 1. 20. *τὸν (Σωκράτην) ἀσεβὲς μὲν οὐδὲν ποτὶ οὐτ' εἰπόντα οὔτε πράξαντα* (который никогда не говорилъ и не дѣлалъ ничего безбожнаго); напротивъ, далѣе утвердительно (безъ оупоте): *τοιαῦτα δὲ καὶ λέγοντα καὶ πράττοντα* (*part. imperfecti*)... но (всегда) говорилъ и дѣлалъ то... Или подобное мѣсто: изъ страха божіа вы никогда не дѣлайте и не задумывайте ничего безбожнаго или нечестиваго: *Θεοὺς φοβούμενοι μήποτε ἀσεβὲς μηδὲν μηδὲ ἀνόσιον μήτε ποιήσητε μήτε βουλεύσητε.* Напротивъ, утвердительно тамъ же немного выше: *ποιεῖτε, ἃ ἐγὼ δεόμεναι: δέλαιτε (исполняйте) то, о чемъ я прошу васъ.* (Xen. Cyr. VIII. 7. 22.)

или же наглядно: — — — —; то при замѣнѣ многократной утѣшительной, императивной формы описательнымъ выраженіемъ чрезъ *πολλάκις* получаемъ:

1) <i>ἴδε-σхов</i>	=	<i>πολλάκις</i> (вмѣсто -σхов)	<i>εἶδον</i> (= <i>ἴδε-</i>)
2) <i>δόσхов</i>	=	»	» <i>ἔδωκα</i> (= <i>δο-</i>)
3) <i>φύγ-ε-схов</i>	=	»	» <i>ἔφυγον</i> (<i>φύγ-</i>); напротивъ:
1) <i>δρα-схов</i>	=	»	» <i>ἑώραν</i> (<i>δρα-</i>)
2) <i>ἰδῶсхов</i>	=	»	» <i>εἰδίδουν</i> (<i>ἰδο-</i>)
3) <i>φεύγ-ε-схов</i>	=	»	» <i>ἔφευγον</i> (<i>φεύг-</i>)

То обстоятельство, что *πολλάκις* (и отрицательныя нарѣчія *οὔποτε* и др.) гораздо чаще встрѣчаемъ съ аористомъ, чѣмъ съ *imperfectum*, основывается просто на томъ явленіи, что и аористъ самъ по себѣ вообще чаще употребляется въ языкѣ, чѣмъ *imperfectum*. Употребленіе отрицательныхъ частицъ *οὔποτε* (и другихъ, названныхъ въ концѣ § 7) съ аористомъ объясняется отчасти тѣмъ, что сказано о *πολλάκις* въ примѣненіи того же самаго къ отрицательному значенію послѣднихъ; отчасти же тѣмъ обстоятельствомъ, что такъ какъ (по § 7) греческій языкъ не знаетъ разницы въ употребленіи временъ между предложеніями утвердительными и отрицательными, а утвердительно говорить на примѣръ *ἤκουσα* *ποτὲ* (Xen. Mem. II. 3. 1 и 5. 1.) и слышалъ однажды (разъ), то Греки послѣдовательно ставили также: *οὔποτε ἤκουσα* (никогда—ни разу не слышалъ; собственно: не слышалъ), отрицая собственно только—*ποτὲ*, а не глаголъ.

¹⁾ Примѣры: *nunquam*. Cic. de senect. § 80: *mihi nunquam persuaderi potuit*; pro Arch. § 13: (*nequa facultas*) *nunquam amicorum periculis defuit*;—*saepe*: pro Arch. § 11: *testamentum saepe ficit*; de sen. § 43: *saepe audivi ex maioribus natu* (напротивъ въ томъ же смыслѣ безъ *saepe*: *audiebam* § 78) и *audiebamus* pro Lig. § 33—*saepe audivi* или *audivimus*.

Я никогда не вѣрилъ (не убѣждался) и тому, что душа... когда отлучится отъ тѣла, мертва: Οὔτοι ἔγωγε οὐδὲ τοῦτο πώποτε ἐπέσθην, ὡς ἡ ψυχὴ... ὅταν τοῦ σώματος ἀπαλλαγῇ, τέθνηκεν (Cyr. VIII, 7, 19). Сравни переводъ Цицерона de sen. § 80: Mihi quidem nunquam persuaderi potuit, animos... cum excessissent ex corporibus emori. См. также второй и третій примѣры въ слѣдующемъ примѣчаніи¹⁾. Я часто удивлялся (дивился): πολλάκις ἐθαύμασα (начало Xen. Mem. и Isocr. Panegyric.) saepe numero miratus sum.—Я часто и въ другое время замѣчалъ, что хорошій начальникъ ничѣмъ не отличается отъ хорошаго отца: Πολλάκις καὶ ἄλλοτε κατενόησα, ὅτι ἀρχὼν ἀγαθὸς οὐδὲν διαφέρει πατρὸς ἀγαθοῦ (Xen. Cyr. VIII. 1. 1.): Equidem saepe animadverti. Ср. Thuc. III. 37. 1: πολλάκις μὲν ἤδη ἔγωγε καὶ ἄλλοτε ἔγων δημοκρατίαν

¹⁾ Другіе примѣры: 1. οὔποτε никогда: съ аористомъ: II. I. 106: οὐ πώ ποτε μοι τὸ κρήνην εἶπας; 108: ἐσθλὸν οὔτε τί πω εἶπας ἔπος οὐτ' ἐτέλεσας; 154: οὐ γάρ πώ ποτ' ἐμὰς βοῦς ἔλασαν—οὐδέποτε—καρπὸν ἐδηλήσαντο; 262: οὐ γάρ πω τοίους ἴδον ἀνέρας.—Xen. An. I. 4. 6. οὐπώποτ'—ἐγένετο; I. 6. 11: εἶδε и ἐφάνη (imperf. ἐλεγεν поставлено, хотя тоже въ отрицательномъ предлж., но безъ пώποτε). Такъ же самые аористы indic. Mem. I. 2. 63: ἐγένετο, ἀπεστέργειν, περιέβαλεν, καὶ ἐσχες; I. 2. 3: οὐδεπώποτε ὑπέσχετο... напротивъ ἄλλὰ ἐποίει (утвердительно); I. 2. 8: ἐπηγγείλατο; II. 2. 8: εἶπα, ἐποίησα; IV. 2. 4. и 5.: ἐμ.θον, ἐζήτησα; Oec. III. 7: παρεκάλεσα; X. 9: τοιοῦτον μὲν οὐδὲν πώποτ' ἐτι ἐπραγματεύσατο,—καθαρὰν δὲ ἐπειράτο ἐαυτὴν ἐπιδεικνύουσαι. Hell. II. 4. 40: ὁ δῆμος οὐδὲν πώποτε ὑμᾶς—ἠδίκησεν; Dem. IV. 51: οὐτ' ἄλλοτε πώποτε πρὸς χάριν εἰλόμην λέγειν. Plato Apol. 32. B. ἦρξα, 33. A. B: ἐγενόμην, ἐφθόνησα, ὑπεσχόμην, ἐδίδαξα;—Lys. XIII. 62: ἔσχον,—протѣмъ наклоненія аог. Xen. Mem. I. 2. 19: ἂν γένοιτο; Anab. III. 1. 35. и III. 2. 3: γενώμεθα; II. 5. 7: ἂν εὐδαιμονίσαιμι; I. 4. 18: γένοιτο.—Съ perfectum: II. VI. 124: οὐ μὲν γάρ ποτ' ὅπωπα;—Isocr. XIII. 5: ὦν οὐδεπώποτε διδάσκαλοι γεγόνاسи; Plato Gorg. 448. A: οὐδεὶς μέ πω ἠρώτηκε καινὸν οὐδὲν πολλῶν ἐτῶν (еще никогда до сихъ поръ). Symp. 220. A: Σωκράτη μεθύοντι οὐδεὶς πώποτε ἑώρακεν ἀνθρώπων. Напротивъ съ imperfectum очень рѣдко: Xen. Ages. XI. 2 и 7: οὔποτ' ἐληγεν и οὐδέποτε ἐπαύετο (оба—утверд. διατέλει); Anab. III. 1. 19: οὔποτε ἐπαυόμην (=утверд. διατέλου).

2. πολλάκις, часто съ аористомъ: II. 1. 396: πολλάκι γάρ—ἄκουσα;—Xen. Apol. § 4: ἀπέκτειναν и ἀπέλυσαν; Anab. IV. 1. 28: πολλαχοῦ ἐγένετο; Plato Apol. 40. B. πολλαχοῦ με ἐπέσχε λέγοντα μεταξὺ. Crito 43. B. πολλάκις σε καὶ πρότερον ἐν παντί τῷ βίῳ εὐδαιμόνησα τοῦ τρόπου; Dem. Ol. II. 24: πολλάκις οὐκ ἠθέλησате; Xen. Oec. XI. 25: πολλάκις ἐκρίθην; Lys. II. 37: πολλάκις ἐδεξιώσαντο, ὠλοφύραντο. Plato Gorg. 524. E: πολλάκις κατείδεν.—Съ perfectum: Xen. Cyr. II. 4. 16: π. τεθήρακα; Dem. Ol. II. 4: π. σεσώκατε; Philipp. I. 1: π. εἰρήκασιν; Plato Apol. 31. C. π. ἀνηκόεσι; 35. A. π. ἑώρακα.—Съ imperf. рѣдко: Xen. Anab. I. 9. 25. и 26. π. ἐπεμπε; Cyr. III. 3. 25: π. ἐκυρπόλουν; Mem. I. 2. 50: π. ἐσχόκει; Lys. XIII. 62: π. παρεδίδουσαν.

ὅτι ἀδύνατόν ἐστιν ἐτέρων ἄρχειν ¹⁾. Dem. Phil. I. 28. ὅπως μὴ ποιήσεται, δὲ πολλάκις ὑμᾶς ἐβλάψεν: не дѣлайте того, что часто вредило вамъ.

Примѣчаніе: Въ противоположность латинскому *semper*, которое правильно соединяется съ *perfectum* (Cic. pro Arch. § 31: qui populi Romani res gestas *semper* ornavit; pro Lig. § 28: pacis equidem *semper* auctor fui; § 37: populi voluntatem carissimam *semper* habuisti), и греческимъ частицамъ (съ значеніемъ дѣйствія съ перерывами) *πολλάκις* и *οὐποτε* (съ аористомъ),—*ἀεί* (означая непрерывное собствен. дѣйствіе) ставится исключительно съ *imperfectum*, соотвѣтственно русскому нарѣчію „всегда, постоянно“ съ прошедшимъ временемъ продолженнаго вида; напримѣръ, Σωκράτης περὶ τῶν ἀνθρώπων ἀεί διαλέγεται (*semper* disseruit), Xen. Mem. I. 1. 16: Сократъ всегда (постоянно) бесѣдовалъ (разговаривалъ) о человѣческихъ дѣлахъ.—Κῦρος οὐδὲν ἰώποτε ἀχάριστον αἰεὶ τὴν προθυμίαν... οὐδὲν (ἀν) ἰώποτε ἀφείλετο, ἀλλ' ἀεί πλείω προσεδίδου (Anab. I. 9. 19): Киръ ничьего усердія никогда не оставлялъ безъ награды... ни у кого никогда ничего не отнималъ, напротивъ, всегда еще больше прибавлялъ.—'Εγὼ ἡδίκησα μὲν οὐδὲν ἰώποτε ἀνθρώπων οὐδὲ χεῖρω ἀποίησα, βελτίους δὲ ποιεῖν ἀπειρώμην ἀεί (Mem. IV. 8. 10): Я никогда никого не обижалъ и не дѣлалъ худшимъ, но постоянно старался дѣлать (всѣхъ) лучшими. Такъ же: Xen. An. VI. 3. 6: ἀεί συνέρρεον; Hell. VI. 5. 33. ἀεί ποτε ἀλλήλοις ἐν τοῖς μεγίστοις χαιροῖς παρίσταντο ἐκ' ἀγαθοῖς. На томъ же основаніи ставятся глаголы, выражающіе начало, окончаніе или продолженіе непрерывнаго (*ἀεί*) дѣйствія или состоянія, съ *particip.* или *infin.* одного только *praesens*'а дополнительнаго глагола, по русски: съ неопред. склоненіемъ одного продолженнаго вида; именно глаголы, ἄρχεσθαι, ἄρχειν, ὑπάρχειν (начинать), παύειν, παύεσθαι, λήγειν (прекращать, -ся, останавливать, -ся, переставать), διατελεῖν, διαγίγνεσθαι, διάγειν (продолжать, проводить время). Примѣры см. Curt. § 591. а. 592. Григ. § 276. 1. 2. Krüg. Att. Synt. § 56, 5 A. 1. 2. 3. Миклошича сравн. грам. слав. яз. синтаксисъ, стр. 275. Нѣмецкія и русскія грамматики говорятъ только объ *part.*, не прибавляя того важнаго обстоятельства, что оно при означенныхъ глаголахъ должно быть непременно *partic. praesentis*.

¹⁾ Исходною точкою для уразумѣнія *aoristus gnomicus* слѣдуетъ именно считать очень часто встречающіеся случаи употребленія его съ *πολλάκις*: Xen. Mem. II. 4. 7; Cyn. VII. 5. 76; Isocr. I. 33; Soph. Ant. 221—222 (см. грамматики и § 15).

§ 9. Въ русскомъ языкѣ есть нѣсколько глаголовъ, которые, будучи по формѣ и собственному значенію продолженнаго вида, ставятся также въ значеніи вида однократнаго, вмѣсто рѣже употребляемыхъ или совсѣмъ вытѣсненныхъ изъ употребленія глагольных формъ послѣдняго вида. Такіе суть:

1. *обѣщать* = { (объ-вѣщать) давать обѣщаніе, ὁπισχεύειν,
(объ-вѣтить) дать обѣщаніе, ὁποσχεύειν,
2. *отвѣчать* = { а) давать отвѣты ἀποκρίνεσθαι, Хер. Сугор. I, 4, 3.
б) употребляемая на ряду съ „отвѣчать“ форма
однокр. вида: = отвѣтить = дать отвѣтъ ἀποκρίνασθαι.
3. *оселъ* = { а) приказывать, вызывать κηλεύειν;
б) повелѣть, приказать, вызвать, κηλεύσαι. (Впрочемъ, см. § 12. с. № 3).
4. *бѣжать* = { а) быть на бѣгствѣ φεύγειν;
б) также употребл. *убѣжать* φουγεῖν; (впрочемъ, см. § 12. б. № 6 и 7).
5. *просить* = { а) высказывать просьбу δεῖσθαι, αἰτεῖν, ἀξιοῦν;
б) попросить, высказать просьбу δεηθῆναι, αἰτῆσαι, ἀξιώσαι; (впрочемъ см. § 12. с. № 4).
6. *ранить* = { а) наносить раны τιτρώσκειν, (Хер. Ап. III. 3. 7. и 10);
б) (поранить), нанести рану τρώσαι.
7. *угрожать* = { а) угрожать, высказывать угрозы ἀπειλεῖν;
б) погрозить, пригрозить, высказать угрозу ἀπειλῆσαι.
8. *казнить* = { а) убивать, осуждать на смерть, θανατοῦν, ἀποκτείνειν, ἀνακραῖν;
б) убить, осудить на смерть θανατώσαι, ἀποκτεῖναι, ἀνελεῖν (см. Сборникъ I. ч. § 53. № 6); (объ ἀπέκτειναι см. § 12. II. прим. 3).
9. *образовать* = { а) воспитывать, учить; творить: παιδεύειν, διδάσκειν, πλάττειν;
б) воспитать, выучить, сотворить: παιδεύσαι, διδάξαι, πλάσαι.

Къ этимъ—*безвидовымъ*—русскимъ глаголамъ по неразличію видовъ относятся глаголы *женить-ся*, *родить-ся*, *быть* (см. § 11) и греч. *ίναи* (см. § 10).

Такіе глаголы переводятся въ значеніи продолженнаго вида: формами греч. *praesens* и *imperfectum*, а въ значеніи однократнаго вида

формами аориста. Напримѣръ: Павзаній общалъ (=часто) млотамъ свободу и право гражданства, если они возстанутъ съ нимъ и будутъ поддерживать всѣ его предпріятія. Παυσανίας ἐλευθέρωσιν τε ὀπισχναίτο τοῖς Εἰλωσι καὶ πολιτείαν, ἣν ξυνεπαναστῶσι καὶ τὸ πᾶν ξυγκαταργάσωνται (Thuc. I. 132. 4); или: Развѣ теперь не ведется война съ тѣми, которымъ мы (неоднократно) общали помощь въ случаѣ если начнутъ войну (возникновенія войны): Οὐχ οὖς, εἰ πολεμήσαιεν, ἐτοίμως ὥσπερ ὀπισχνοῦμεθα, οὗτοι νῦν πολέμουσινται (Dem. ol. III. 16);—напротивъ: Киръ общалъ (однажды) дать каждому солдату по 5 минъ серебра, когда придутъ въ Вавилонъ: Κύρος ὑπέσχετο ἀνδρὶ ἐκαστῷ δῶσθαι πέντε ἀργυρίου μνᾶς, ἐπὶν εἰς Βαβυλῶνα ἦκωσι (Xen. Anab. I. 4. 13). Ср. также Thuc. I. 138. 4.

Примѣчаніе 1. Къ этимъ глаголамъ присоединяются также: мочь = а) быть въ состояніи, имѣть возможность, δύνασθαι или εἶχειν,—и б) получить, возмимѣть возможность, смочь, δυνήθηται; но никогда σchein) и хотѣть = а) желать θέλειν, εἰθέλειν, βούλεσθαι, и б) пожелать, захотѣть, θελήσαι, βουλήθηται), особенно въ прошедшемъ времени, въ которомъ русское *могъ* и *хотѣлъ*—смотря по своему значенію, то продолжительнаго хотѣнія и возможности, то краткаго начала или наступленія ихъ, переводится: въ первомъ значеніи чрезъ *imperfectum* съ *infinit. praesentis* или *aoristi* дополнительнаго глагола, а во второмъ чрезъ *indic. aoristi* съ *infinit. одною аориста* (никогда *praesens* а):

МОГЪ	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ἐδύνατο} \\ \text{εἶχε} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{дѣлать} \\ \text{писати;} \end{array} \right\}$
ХОТѢЛЪ	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ἐβούλετο} \\ \text{ἠθέλε} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{сдѣлать} \\ \text{поѣхати.} \end{array} \right\}$
МОГЪ = <i>смочь</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ἐδυνήθη} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ТОЛЬКО:} \\ \text{поѣхати} \end{array} \right\}$
ПОЛУЧИЛЪ ВОЗМОЖНОСТЬ		
ХОТѢЛЪ = <i>захотѣлъ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ἐβουλήθη} \\ \text{(пожелалъ)} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{сдѣлать или дѣлать } ^1) \\ \text{(никогда писати)} \end{array} \right\}$

(См. Бусл. Ист. грам. § 186. Прим. 1).

1) Другіе примѣры: ἐδυνάμην etc. съ *infinit. praesentis*: Xen. Anab. I. 9. 30, III. 1. 11, III. 3. 13, VII. 2. 33; Thuc. I. 103. 1, Lys. VII. 7; въ отношеніи къ другому наклоненію продолжительнаго вида: Xen. An. I. 6. 7; VII. 2. 3; VII. 5. 6; Cyr. VII. 2. 4; Thuc. I. 103. 1; II. 52. 4; IV. 48. 3; Dem. XIX. 149; съ *infinit. aoristi*: Xen. An. V. 2. 5; Mem. I. 2. 24; Thuc. I. 3. 2; VIII. 105. 2; Her. IV. 100. 1; IV. 114. 1; IX. 70. 1; Plato Prot. 315. E; Phaedo 60. C; Lys.

Примѣчаніе 2. Подобнымъ образомъ переводятся повелительныя наклоненія русскихъ глаголовъ продолженнаго вида, означающихъ болѣею частью движеніе: бери, давай (подавай), приходи, въ подлинномъ значеніи продолженнаго вида чрезъ αἶραι (λαμβάνε), δίδω, (προς)έρχοο; когда же (усиливая только повелѣніе?) замѣняютъ по значенію формы однократнаго вида: „возьми, дай (подай), приходи“—чрезъ ἔλα (λαβέ), δός, (προς-) ἔλθέ.—Такъ же вставай, ἀνίστασο; но= встань, ἀνάστηθι. Продолженный видъ imperativ'a на обонхъ языкахъ ставится при: ἄγε и φέρε, давай! (ну-же!), ἄκαγε (σεαυτόν) убирайся, ступай (пошелъ!) Впрочемъ, см. § 12. I. b. примѣч.

§ 10. Глаголь ἵναи (идти) и сложные съ нимъ глаголы имѣютъ одну общую временную форму для всѣхъ прошедшихъ временъ изъяснительнаго наклоненія, именно (такъ называемое) imperfectum ἦεν или ἦα и т. д.—*Indicativus praesentis* этого глагола, простаго и сложнаго, ставится въ одномъ значеніи будущаго времени: εἶμι=пойду (а не: иду или хожу); ἄκαμι уйду и буду уходить ¹⁾ (а не: ухожу). Praesens indicat. послѣднихъ глаголовъ (т. е. иду, хожу; ухожу) переводится чрезъ ἔρχομαι или βαίνω и сложные.—Такимъ образомъ употребляется imperfectum (indicativ) глагола ἵναи для выраженія русскаго прошедшаго времени, какъ продолженнаго, такъ и однократнаго вида: ходилъ, шелъ, пошелъ=ἦε; уходилъ, ушелъ=ἄκηε (первое=ἀπῆρχετο, второе=ἀπῆλθεν) ²⁾. Всѣ другія наклоненія (за

XII. 99. — ἐδυνήθην съ infin. aoristi: Xen. Cyr. I. 1. 5; III. 1. 30; Thuc. IV. 33. 2; IV. 129. 4; Dem. XXI. 80, Isocr. IV. 102; V. 108; Lys. III. 42; XIV. 46; Pias V. 621—622: δυνήσασθαι ἀφελίσθαι; въ отношеніи къ другому наклоненію однократнаго вида: Dem. XVIII. 237; Isocr. I. 5;—εἶχον съ infin. praesentis: Xen. Anab. II, 2. 11; Her. I. 24. 4; съ infin. aor.: Xen. Anab. III. 2. 12; VII. 6. 39.—ἔβουλόμην, ἤθελον etc. съ infin. praes. Dem. XIX. 149; Xen. Cyr. VII. 4. 7; Thuc. II. 5. 4; Her. VI. 12. 3; Xen. Anab. II. 6. 6;—въ отношеніи къ другому наклоненію продолженнаго вида: Xen. Cyr. II. 4. 19.—съ infin. aoristi: Thuc. II. 2. 3.—ἔβουλήθην, ἠθέλησεν съ infin. aoristi: Her. I. 59. 3; Dem. Ol. II. 24; Philipp. I. 7 (два раза); Lys. II. 12; Xen. Anab. VII. 1. 29; Mem. I. 1. 18.

¹⁾ Примѣры: Ilias I. 420. 426. V. 256 εἶμι (пойду, уйду);—Xen. Anab. I. 3. 11. (σχεπτέον) ὅπως ὡς ἀσφαλίστατα ἄκιμεν καὶ ὅπως τὰ ἐπιτήδεια ἔχομεν; I. 4. 15; II. 2. 10: ἄκιμεν (уйдемъ); II. 3. 29; Cyr. VI. 1. 5: ἄκαμι (уйду); Plato Gorg. 505. E: δίστιμι (пойду).

²⁾ Примѣры: II. I. 307. ἦε (шелъ или пошелъ); VI. 120 συνίτην (сходившись, сошавшись); такъ и: χίεν I. 348, VI. 399. 422. Xen. Anab. I. 2. 17, I. 10. 10; IV. 3. 27: ἐκῆσαν (шли, наступали, или: пошли, выступили); IV. 4. 22. ἀκῆσαν (отступали или отступили),—на равнѣ съ непосред. слѣд. καὶ ἀφίκοντο; VI. 3. 25:

исключеніемъ упомянутого indicat.) и participium praesentis этого глагола—обща для всѣхъ вообще временъ его, т. е. могутъ выражать дѣйствіе всѣхъ временъ продолженнаго и однократнаго (аористическаго) вида, смотря по связи мысли; такъ что:

ходить, идти, пойти=ίέναι¹⁾

говорятъ, что онъ ходитъ, идетъ

..... ходилъ, шелъ, пошелъ

..... будетъ ходить, пойдетъ

будемъ-те ходить, пойдемъ-те=ἴωμεν;

ходи, иди, поди=ἴθι

ходи, иди,

ходивъ, вши, шедши, пошедши, пойдя=ἰών, ἰούσα, ἰόν²⁾.

Тоже самое бываетъ при глаголахъ сложныхъ съ ίέναι.

Многочисленный видъ *ходить* (хаживать) ближе переводится формами греческаго многочисленнаго глагола φοιτᾶν³⁾; см. § 5.

ἀπῆσαν (=предыдущ. ἀπῆλθον ушли); VI. 5. 4. ἐξῆσαν (вышли, выступили); I. 10. 10: συνῆαι (сходился, сошелся); Her. I. 80. 4: συνῆσαν; Cypor. II. 1. 1. ἀπῆαι (ушелъ), VII. 2. 4. εἰσῆαι (вошелъ, вступилъ).

¹⁾ Примеры: вместо infinit. aoristi: Xen. Anab. I. 4. 8; IV. 4. 22: ἀπιέναι; уйти, возвратиться; I. 7. 4. ἀπιέναι=свѣдующ. затѣмъ ἀπελθεῖν; VII. 6. 24: εἰσινέναι (войти, вступить); VI. 5. 3; Dem. Ol. II. 24. и III. 20: ἐξιέναι Thuc. II. 21. 2. и 3. (выступить; у Xen. на ряду съ слав. καταλιπεῖν). Вместо infin. futuri Xen. Anab. II. 1. 3: ἀπιέναι (что отправится); I. 3. 1. и I. 4. 12: οὐκ ίέναι (что не пойдутъ); Thuc. II. 21. 1: ἐλπῖδα εἶχον αὐτοὺς μὴ προϊέναι (надѣялись, что они не пойдутъ впередъ) и V. 7: ἀπιέναι (se abiturum esse); imperativus: Ilias I. 335 ἄσσον ἴτε (поидите ближе).

²⁾ Примеры: въ знач. particip. imperfecti и aoristi: II. I. 138. 179. 185, V. 14. 135. 611. 630. 850, VI. 221. 375. (ἰών=ἐλθών, ἀπελθών, προσελθών); VI. 490: ἀλλ' εἰς οἶκον ἰούσα (=ἀπελθοῦσα пойдя, уйдя) τὰ σαυτῆς ἔργα κόμιζε. (Такъ и κίων X. 148); Xen. Anab. II. 2. 17; IV. 5. 15: προϊόντες (приходившіе или пришедшіе); I. 2. 17: προϊόντων (когда пошли впередъ); I. 2. 11: ἰόντες (когда шли); IV. 4. 20: προϊόντες (καὶ κατιδόντες) пошедши впередъ; IV. 5. 4: ἐξιόντων (когда другіе выступаютъ или выступили); Cyp. VII. 1. 15: παριών (подошедши); VI. 2. 40: ἀπιόντες (поидите и ..., ушедши); Xen. Anab. II. 2. 11: ἀπιόντες (=поидя, уйдя, если поидемъ назадъ); II. 1. 39: ἰών (поидя) ἄξω (ἐλθών);—вмѣсто particip. futuri. Xen. An. II. 3. 29 и II. 4. 8: ὡς (ἀπάξων καὶ) ἀπιών (чтобы идти, уйти); I. 4. 7: ὡς ἀπιόντας и I. 10. 6: ὡς προϊόντος καὶ δεξιόμενοι; Cyp. I. 3. 13: ὡς ἀπιούσα πάλιν.

³⁾ Примеры: ходить въ школу: εἰς διδασκάλων φοιτᾶν. Plat. Lach. 201. B; Xen. Cyp. I. 2. 8: εἰς τὰ διδασκαλεῖα φοιτῶντες; Cyp. VIII. 1. 8: ἐφοίτων ἐπὶ τὰς θύρας Κύρου = πολλάκις ἰόντες ἐπὶ τὰς θύρας (Anab. I. 2. 11); Her. IV. 116; Plato Gorg. 456. D: (φοιτήσας ходившіи); Ilias XX. 6. См. словарь.

§ 11. Глаголь εἶναι=быть (находиться) имѣеть—подобно глаголу ἵσταναι—по характеру своего двойнаго значенія какъ продолжительнаго, такъ и однократнаго вида (см. § 9), одно общее прошедшее время, такъ называемое imperfectum ἦν=былъ (находился) и многократ. бывалъ, которое равняется ἐγίγνετο; но и ἐγένετο. Это двойное продолженное и однократное значеніе одной и той же формы яснѣе обнаруживается у сложныхъ съ нимъ глаголовъ, которыхъ форма imperfect'a обща также значенію indicativi aoristi (прошедшему времени однократнаго вида); такъ что παρῆναι=быть, присутствовать, находиться при...; παρῆν=присутствовалъ, находился при... или (воз)можно было (Xen. Hell. III. 4.16) (imperf.), и: прибылъ или пришелъ (aorist). Впрочемъ, вмѣсто παρῆν въ послѣднемъ значеніи (=прибылъ, пришелъ) ставится также aoristus глагола παρὰγίνεσθαι, который имѣеть вообще то преимущество передъ глаголомъ παρῆναι, что образуетъ всѣ наклоненія и времена: такъ что παρὰγίνεσθαι=прибывать, приходить, а παρὰγενέσθαι=прибыть, придти, и παρὰγένετο=παρῆν (въ аористич. смыслѣ)=прибылъ, пришелъ. Такъ, напримѣръ, Xen. Anab. I, 2, 2 и 3 на ряду какъ синонимы: παρῆσαν, ἔβριάζοντο и Πρόξενος παρῆν (послѣднее еще I, 2, 9).—Indicativus, infinitivus и imperativus praesentis имѣють также значеніе многократности: εἶσιν=есть, находится и бываетъ; εἰσίν=суть, находятся и бываютъ; εἶναι быть, находится и бываетъ; ἵσθι=будь, находишься и бывай. Впрочемъ, многократный видъ „бывать, бываетъ“ переводится иногда также чрезъ φιλῆι съ прибавленіемъ γίγνεσθαι или εἶναι, напримѣръ, οἷα δὲ ἐν πολέμῳ φιλῆι (γίγνεσθαι или εἶναι): какъ бываетъ на войнѣ. Въ іоническомъ діалектѣ (Гомера) была многократная форма imperf. indicat. ἔοικον = бывалъ (см. § 5. № 2): II. V. 536, VI. 19 и 153. Прочія наклоненія praesentis (coniunctivus, optativus, infinitivus и participium) какъ простаго глагола εἶναι, такъ особенно сложныхъ съ нимъ, принадлежать также imperfect'у (по § 1. 6. и прим.) и аористу; такъ что напримѣръ, partic. ὦν, οὖσα, ὄν=будучи (сущій), находясь, ящійся; бывъ, вши, вшій; находившись, ийся¹⁾; — παρῆναι присутствовать и прибыть: ὅτι παρῆν, что прибыло (посольство, Xen. Cyr.

¹⁾ Примѣры: Xen. Anab. I. 1. 5. εἶναι (inf. imperfecti=что былъ); Thuc. I. 41. 4: ἦ (conjunct. imperfecti); Xen. Hell. VI. 5. 34: εἶη (optativus imperfecti); Thuc. II. 2. 3: οὖσαν (particip. imperfecti); также: Ilias V. 609: ἰόντες; Xen. An. I. 1. 11: ὄντας, I. 9. 19: ὄντα; II. 4. 5: οἱ πρόσθεν ὄντας; Xen. Mem. IV. 8. 10. и 11: συνόντας, ὄντα, ὦν, εἶναι. Her. I. 23. ἰόντα, ἰόντων. Plat. Gorg. 516. C (ὦν). (См. § 1. в. и прим.).

II. 4. 1). Большею же частью недостающія простому глаголу εἶναι формы аориста (perfect. и plusquamperfect.) пополняются формами глагола γίγνεσθαι (fieri дѣлаться), аор. indic. ἐγένονην, infinit. γένεσθαι, part. γενόμενος; напримѣръ, Plato Apol. 33. et. ἐγὼ διδάσκαλος οὐδενὸς πώποτε ἐγένονην: я никогда не былъ ничѣмъ учителемъ; (сравни церк.-слав. аор. бы или бысть: χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲν, ὃ γέγονεν: безъ него ничтоже не бы, еже бы) и Xen. An. I. 8. 23 и 24;—perfect. γεγένημαι и γέγονα; plusquamperf. ἐγεγηνήμεν и ἐγεγόνειν. Для *будущаго* времени глаголѣ εἶμι. (есмъ) имѣеть въ противоположность глаголу εἶμι (пойду, отъ εἶναι, § 10) свои собственные формы, именно: indicat. futuri: ἔσομαι (на ряду съ нимъ γενήσομαι); optativus: ἐσοίμην (γενήσοίμην), infinitivus: ἔσεσθαι (γενήσεσθαι) и partic. ἔσόμενος -η, -ον (γενησόμενος), будущій, futurus (на ряду съ μέλλων, -ουσα, -ον).

§ 12 α. Вообще когда, кромѣ упомянутыхъ уже случаевъ, не соблюдено означенное въ § 1—5 соотвѣтствіе русскаго однократнаго вида греческимъ наклоненіямъ аориста, а продолженнаго вида греческимъ формамъ praesens'a и imperfect'a, то этому всегда бываетъ извѣстная причина, особенно другой взглядъ двухъ этихъ языковъ на одно и тоже дѣйствіе или состояніе. Именно, Грекъ во многихъ случаяхъ любитъ чрезъ imperfectum наглядно рисовать, осматривать дѣйствіе или состояніе, указывать на его развитіе и ходъ, желая при томъ остановить вниманіе на продолженіи дѣйствія или состоянія, или также указывая на множество лицъ-исполнителей или предметовъ, подлежащихъ исполненію, чѣмъ и получается своего рода многократность дѣйствія (только не чрезъ одного, а большее число дѣятелей), подобно употребленію множественнаго числа именъ отвлеченныхъ для выраженія множества отдѣльныхъ проявленій какого-нибудь качества и т. под. на разныхъ лицахъ и предметахъ или въ разное время, между тѣмъ какъ единственное число тѣхъ же именъ выражаетъ такое понятіе въ собирательной общности наравнѣ съ аористомъ глаголовъ. См. Plato Menex. 246. D. и грам. Крюгера атт. синт. § 44. 3. и Curt. § 362. 2. а). При этомъ замѣтно, что есть извѣстные, приведенные ниже, глаголы, дѣйствіе которыхъ Грекъ преимущественно привыкъ и любитъ представлять себѣ въ его продолжительномъ видѣ исполненія, напримѣръ, σκοπεῖν, δέχεσθαι, ὀρμᾶν, ἱεσθαι, ἐλκύνειν, πέμπειν и другіе. Напротивъ, Русскій, ставя (чаще греческаго языка, допускающаго, впрочемъ, также аористъ) въ тѣхъ же случаяхъ прошедшее время глаголовъ однократнаго (аористическаго) вида, предпочитаетъ собирательно осматрѣть дѣйствіе, какъ однократное, кратковременное,

или, хотя и продолжительное, но уже совершенное, законченное проявление; а при глаголахъ состоянія (ощущенія и чувства) привыкъ болѣе обращать вниманія на наступленіе, чѣмъ на самое продолженіе его,—почему и весьма часто ставитъ на мѣстѣ греч. imperfect. описательное выраженіе наступленія чрезъ „сталъ“ съ прошедшимъ временемъ продолженнаго вида (см. § 14. Прим.), — и вообще любить, чаще греческаго, означать дѣйствія и состоянія какъ наступившій или совершенный (историческій) фактъ въ сосредоточенномъ его проявленіи.

β. Такое несоотвѣтствіе видовъ двухъ этихъ языковъ чаще всего и преимущественно является при слѣдующихъ глаголахъ (при которыхъ, однако, допускается въ греч. языкѣ и время, соотвѣтствующее виду русскаго глагола): при самомъ характеристичномъ въ этомъ отношеніи глаголѣ σκοπεῖν, σκοπέει (разсматривать, обдумывать), гдѣ русскій переводъ или исключительно или, по крайней мѣрѣ, предпочтительно ставитъ однократный видъ: Isocr. II. 45: εἰ θέλομεν σκοπεῖν τὰς φύσεις τὰς τῶν ἀνθρώπων, εὐρήσομεν: если мы желаемъ разсмотрѣть природу (замѣть греч. множ. число) людей, то найдемъ...; Xen. Apol. 2: οὐκ ἐχρήν σκοπεῖν, ὃ Σώκρατες, καὶ ὅτι ἀπολογήσῃ; не слѣдовало ли бы тебѣ, Сократъ, обдумать теперь то, что ты имѣешь сказать въ свое оправданіе? Dem. Phil. I. 1: περὶ ὧν πολλὰς εἰρήχασιν (см. § 8 „Правилъ“) οὗτοι πρότερον, συμβαίνει καὶ νυνὶ σκοπεῖν; то, о чемъ эти часто прежде говорили, приходится и теперь разсмотрѣть. Aoristъ въ этомъ случаѣ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не извѣстенъ.

γ. Подобно тому въ греческомъ языкѣ особенно замѣтно колебаніе у глаголовъ, выражающихъ ощущеніе, которые онъ ставитъ какъ въ imperfect'ѣ, такъ и въ aorist'ѣ, но чаще въ первомъ, обращая болѣе вниманія на продолжительность, чѣмъ на наступленіе чувства или ощущенія, которое, напротивъ, Русскій предпочитаетъ означать своимъ однократнымъ видомъ. Напримѣръ, въ предложеніи: ἐχαλέπαινον καὶ ὀργίζοντο можно вм. „гнѣвались и сердились“ удобнѣе переводить: „разгнѣвались и разсердились“; такъ и Thuc. VIII. 1. 1: ἐς τὰς Ἀθήνας ἐπαυδὴ ἡγγέλθη, (ἥ ἐν Σικελίᾳ συμφορά, οἱ Ἀθηναῖοι) ὀργίζοντο τοῖς χρησμολόγοις τε καὶ μάντεσι... когда въ Аѳинахъ допесено было извѣстіе, то Аѳиняне вознегодовали (по гречески: негодовали, какъ можно, впрочемъ, переводить и по русски) на предсказателей и гадателей.... Ср. напротивъ: Xen. IV. 6; 2. Χειρίσοφος αὐτῷ ἐχαλεπάνθη, ὅτι οὐκ εἰς χώρας ἤγαγεν (Х. разсердился на него, что онъ не повелъ ихъ въ деревни). Xen. III, 1, 11. Σανοφῶν

ἔλυπεῖτο οὖν τοῖς ἄλλοις καὶ οὐκ ἐδύνατο καθεύδειν: Кс. опечалился (но и: печалился) и не могъ спать (но можно переводить и: уснуть). Οἱ στρατιῶται ἡθόρου: солдаты *стали* унывать, приуныли,—но и какъ по гречески: унывали, здѣсь и по гречески можно бы поставить ἡθόμηνσαν (приуныли) по примѣру Xen. An. III, 5, 3: τῶν Ἑλλήνων μάλα ἡθόμησάν τινες; Lys. II, 23: (Ἐπεὶ) οἱ βάρβαροι ἀπέβησαν εἰς Μαραθῶνα.... οἱ ἡμέτεροι πρόγονοι οὐκ ἐφοβήθησαν τὸ πλῆθος τῶν ἐναντιῶν, ἀλλὰ τῇ αὐτῶν ἀρετῇ μᾶλλον ἐπίστευσαν: буквально: когда Персы дошли до Марафонской равнины.... наши предки не устрашились (но можно и: не страшились) многочисленности испріятелей, но еще болѣе положились... но и: полагались на свою храбрость. Ср. Xen. Anab. I, 8, 24: δείσας. Подобно тому, встрѣчаемъ то ἡδέτο, то ἡοῦη, радовался — об-радовался, такъ какъ тутъ разница тоже не существенна. См. также § 12, II, прим. 2. Далѣе замѣчательны еще слѣдующіе примѣры: Xen. Anab. I, 8, 27: ὁπόσοι τῶν ἀμφὶ βασιλέα (Ἀρταξέρξη) ἀπέθνησκον (многіе!) Κτησίας λέγει· Κύρος δὲ αὐτὸς ἀπέθανε (одинъ!) καὶ ὅχτῳ οἱ ἄριστοι τῶν περὶ αὐτὸν ἔχειντο ἐπ' αὐτῷ: сколько пало (собственно падало, умирало) изъ свиты царя, это говоритъ Ктезій. Киръ самъ палъ (умеръ) и на немъ лежали восемь знатнѣйшихъ изъ свиты его. Въ этомъ примѣрѣ ἀπέθνησκον=собственно умирали, „падали“ живописнѣе чѣмъ русское „пали“, именно послѣ нѣсколькихъ praesentia histor. § 24: ἐλαύνει, νικᾷ; 25: διασπεύρονται, 26: καθορᾷ, ἴετο (см. § 12. b.), παίζει τρωάσκει, 27: ἀκοντίζει); замѣть, напротивъ, объ одномъ Кирѣ ἀπέθανε.—Подобно тому: Anab. IV, 2, 7: φεύγοντες ὀλίγοι ἀπέθνησκον: только немногіе пали (собственно падали мертвыми) на бѣгу. Ср. также: Anab. II, 6, 15: ἦν δὲ (Κλέαρχος) ὅτε ἐτελεύτα ἀμφὶ τὰ παντήχοντα ἔτη, и далѣе § 20: ὅτε (Πρόξενος) ἀπέθνησκειν ἦν ἐτῶν ὡς τριάκοντα: Когда Клеархъ (Проксенъ) умеръ, ему было около 50 (30) лѣтъ; то-есть собственно: когда умиралъ = при смерти. Тутъ Грекъ, очевидно, выражается точнѣе и болѣе логически Русскаго. Ср. Lys. II, 62: ἀποθνήσκειν и Plato Menex. 246. D: ἡμῖν δ' ἐξὸν ζῆν μὴ καλῶς, καλῶς αἰρούμεθα μᾶλλον τελευτᾷν, πρὶν ὑμᾶς τε καὶ τοὺς ἑπειτ' εἰς ὄνειδον καταστῆσαι. Такъ какъ намъ представляется одна возможность жить безчестно, то мы скорѣе предпочитаемъ честно умереть (въ греческомъ умирать, то-есть, каждый отдѣльно), чѣмъ навлечь позоръ (замѣть греч. plur. имени отвлеченнаго) на насъ и на наше потомство. Такъ пишетъ Thuc. въ концѣ II, III, IV и V кн. (115—4) и VI, 93, 4. ὁ χειμῶν (трѣтій, ѣхтон, ѣнатов, дѣхатов ѣτος, τὸ θέρος) ἐτελεύτα (кончилось; собственно: кончалось). Далѣе: Herod. I, 125: Ἀκούσας ταῦτα ὁ

Κῦρος ἐφρόντιζε (обдумывалъ), δευτ' τρόπῳ σοφωτάτῳ Πέρσας ἀναταίσει ἀπιστασθαι (отложиться, множество лицъ!), φροντίζων δὲ εὗρισκέ (находилъ, вм. нашелъ) τε ταῦτα χαριώτατα εἶναι καὶ ἐποίεε (дѣлалъ вм. сдѣлалъ; см. § 12, I, а) δὴ ταῦτα.

в. Глаголь χρῆσθαι тоже колеблется между imperf. и aorist'омъ по причинѣ примѣнимости значенія его въ томъ и другомъ видѣ почти къ каждому мѣсту; такъ что χρῆσθαι, ἐχρήτο, равно какъ и χρήσασθαι, ἐχρήσατο переводимъ то продолженнымъ видомъ: пользоваться, то однократнымъ: воспользоваться. Ср. Xen. An. VII, 2, 32; II, 1, 14; I, 3, 18; III, 1, 30; V, 4, 9; V, 1, 6; IV, 1, 22, Dem. Phil. I, 6: (Φίλιππος) ταύτῃ χρῆσάμενος τῇ γνώμῃ πάντα κατέστραπται καὶ ἔχει Φ. *пользуясь* (вм. воспользовавшись) этою мыслію (съ этимъ убѣжденіемъ) покори́лъ себѣ все. Isocr. I, 5: μέλλομέν σοι συμβουλεύει ὥν χρὴ τοὺς νεωτέρους ὀράγασθαι καὶ τίνων ἔργων ἀπέχεσθαι. Мы намѣреваемся тебѣ посовѣтовать (или совѣтовать, разумѣется: въ слѣдующемъ сочиненіи).

г. Сравни еще слѣдующіе примѣры: Οἱ Ἀθηναῖοι ἐψηφίσαντο (τοῖς Ἀθηναίοις ἔδοξε) πολεμεῖν: Аѳиняне рѣшили предпринять войну; хотя бы могло стоять и πολεμῆσαι (начать войну, см. § 13; № 10), или ἔδοξε αὐτοῖς μάχεσθαι или μαχέσασθαι: то и другое можно переводить одинаково: рѣшили сразиться или сражаться. Lys. II, 62: Οἱ Ἀθηναῖοι εἰς τὸν Πειραιᾶ κατῆλθον θάνατον μετ' ἐλευθερίας αἰρούμενοι (предпочитая) ἢ βίον μετὰ δουλείας (καὶ) μᾶλλον βουλευθέντες ἐν τῇ αὐτῶν ἀποθνήσκειν (умереть, собственно: умирать) ἢ ζῆν τὴν ἄλλοτρίαν οἰκοῦντες; здѣсь и въ греческомъ текстѣ можно времена глаголовъ αἰρούμενοι и βουλευθέντες замѣнить одинъ другимъ безъ всякаго ущерба для смысла, то-есть, поставить на первомъ мѣстѣ ἐλόμενοι, а на второмъ βουόμενοι.

Э. Черный.

(Продолженіе будетъ).

ДВА РУССКИХЪ ИЗДАНІЯ СОФОКЛОВОЙ ТРАГЕДІИ ФИЛОКТЕТЪ.

1888 • 1876.

Истекшій годъ ознаменовался въ исторіи классической филологіи въ Россіи замѣчательнымъ событіемъ: появилась въ свѣтъ греческая трагедія съ русскими примѣчаніями подъ слѣдующимъ заглавіемъ „Φιλοκλέτης Σοφοκλέους“. „Филоктетъ, драма Софокла. Греческій текстъ съ объясненіями, анализомъ драмы и греческо-русскимъ словаремъ. Обработалъ по Вундеру и Шнейдевину М. Г. С.-Петербургъ, 1876“.

Какъ заглавіе такъ и внѣшній видъ книги несомнѣнно располагаютъ читателя въ пользу неизвѣстнаго автора. Вотъ, думаешь, нашелся же наконецъ скромный русскій ученый, радѣющій о пользѣ просвѣщенія своего отечества! Вѣдь согласитесь: сблизить нашу учащуюся молодежь съ великими твореніями Софокла—развѣ это мало-важная заслуга? Тѣмъ болѣшая честь и слава тому, кто сдѣлаетъ на этомъ пути первый шагъ. И что же? Нашъ первый издатель Софокла скромно отказывается отъ этой чести и славы: на заглавномъ листѣ онъ называетъ нѣмецкіе источники, по которымъ составилъ свой трудъ, а самъ скрывается облеченный въ строжайшее инкогнито! Таинственные знаки М. Г. не даютъ намъ ни малѣйшаго указанія на личность автора. А между тѣмъ трудъ его, по видимому, былъ серьезенъ и не легокъ. Чего только, онъ намъ не даетъ: и греческій текстъ, исправленный великимъ Вундеромъ, и анализъ драмы съ характеристикой дѣйствующихъ лицъ по не менѣе великому Шнейдевину, и объясненія къ тексту обработанныя по Вундеру отчасти и по Шнейдевину, и схему размѣровъ по Вундеру и наконецъ — а это самое важное—греческо-русскій словарь, который конечно ужъ пришлось обработать самому неизвѣстному автору. И до чего же дохо-

дять его скромности! Въ своемъ предисловіи онъ чистосердечно объясняетъ, что именно и какъ онъ заимствовалъ у Вундера и Шнейдевина, а о своемъ собственномъ, самостоятельномъ трудѣ, о словарѣ— не говоритъ ни слова! Прибавьте къ этому, что книга при всемъ обиліи содержанія занимаетъ собою всего 105 страницъ въ 8-ю долю, напечатана изящнымъ шрифтомъ на прекрасной бумагѣ и стоитъ въ продажѣ только 60 коп. и вы непременно при первомъ взглядѣ на нее воскликните: „какой почтенный, драгоценный трудъ до идеальности скромнаго автора!“

Къ величайшему моему сожалѣнію я долженъ заявить, что восклицаніе это можетъ вырваться только при самомъ бѣгломъ взглядѣ на книгу. Стоить только перевернуть нѣсколько страницъ и всѣ надежды читателя разлетаются въ прахъ. На послѣдней страницѣ обертки мы читаемъ слѣдующее „объявленіе“: „Цѣна 60 коп. Складъ книги: С.-Петербургъ, Литейная, домъ № 34, квар. № 4 (М. Григоревскаю). Уступка 20%, а при требованіи свыше 100 экземпляровъ уступка 25%. Въ томъ же складѣ имѣются: Практическій курсъ греческаго языка, Сборникъ примѣровъ для упражненія въ переводахъ съ греческаго на русскій и обратно и другія изданія г. М. Григоревскаго“. Такъ вотъ оно значеніе кабалистическихъ знаковъ М. Г.—М. Григоревскій! Оригинальный способъ облекаться въ инкогнито! На первой страницѣ обертки выставить двѣ буквы, а на четвертой сообщать не только полное имя, но и подробный свой адресъ! Подобное фивитивное инкогнито употребляется, на сколько мнѣ извѣстно, только путешествующими высокопоставленными особами. Но если мы имѣли право называть графа донъ-Петро д'Алькантара его величествомъ императоромъ Бразильскимъ, то, мнѣ кажется, я имѣю такое же право называть въ моей рецензіи г. М. Г. по-просту г. *Григоревскимъ*.

Итакъ, судьба опять свела меня съ г. Григоревскимъ! Познакомившись съ симъ ученымъ мужемъ, при разборѣ его перваго изданія „Сборника примѣровъ для упражненія въ переводахъ съ греческаго на русскій и обратно“ (кстати, моя рецензія перваго изданія можетъ служить таковою же рецензіей вышедшаго теперь 2-го изданія) и изучивъ многія характеристическія особенности таланта г. Григоревскаго, я съ удвоеннымъ интересомъ принялся за разборъ его изданія Филоктета и тотчасъ же встрѣтилъ на каждой страницѣ все старыя, знакомыя мнѣ черты: небрежность, грубые промахи, происшедшіе отъ незнанія греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и даже русскаго языковъ, такъ и зацестрѣли передъ моими глазами, какъ три

года тому назадъ пестрѣли они предо мною на страницахъ его Сборника. Одно только озадачило меня: текстъ объясненія, анализъ драмы, характеристика лицъ, схема размѣровъ—все это рабски, механически, подъ часъ безтолково, скопировано съ нѣмецкихъ подлинниковъ и подобная копировка давно мнѣ извѣстна какъ характеристическая черта изданій г. Григоревскаго. А греческо-русскій словарь! Вѣдь это трудъ самостоятельный! А г. *Григоревскій и самостоятельный трудъ*—это два понятія совершенно несовмѣстимыя! Я, слѣдовательно, а priori рѣшилъ, что и словарь долженъ быть откуда нибудь не только что заимствованъ, а, по обычаю г. Григоревскаго, рабски списанъ, и принялся искать тотъ подлинный греческо-русскій словарь, съ котораго г. Григоревскій списалъ „свой“ словарь. Искать, искать и съ Божіею помощію нашелъ.

Въ 30-тыхъ годахъ при С.-Петербургской второй гимназій состоялъ учителемъ греческаго языка скромный, аккуратный, трудолюбивый нѣмецъ Карлъ Кюльштетъ (Kühlstaedt), добрая память о которомъ сохранилась, какъ мнѣ лично извѣстно, во многихъ изъ бывшихъ учениковъ его. Этотъ-то нѣмецъ и издалъ въ 1838 году дѣйствительно первую греческую трагедію въ Россіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Sophoclis tragoedia Philoctetes. Ad optimarum editionum fidem recensuit, brevi annotatione tam grammatica quam exegetica explanavit, atque cum indice copioso in usum patriae juventutis graecarum litterarum studiosae edidit Dr. Carolus G. Kühlstaedt, litt. gr. in Gymnasio Petropolitano Sec. praeceptor. Mosquae. Typis Caesareae Universitatis. 1838. (8. XIII 383).“

Это трудъ въ высшей степени замѣчательный и совершенно самостоятельный. Введеніе написано по латыни, точно также какъ и весьма обильныя примѣчанія съ постоянными ссылками на грамматики Бутмана, Маттіэ и Бернгарди съ нѣкоторыми довольно счастливыми конъектурами и критическимъ разборомъ конъектуръ, предложенныхъ другими учеными. Словарь (Index) занимаетъ изъ 383 страницъ 160 и составленъ съ образцовою нѣмецкой тщательностью. При каждомъ словѣ указываются стихи, въ которыхъ оно встрѣчается, при глаголахъ помѣщены неправильныя формы, вездѣ, гдѣ нужно, приведены цѣликомъ особыя фразы и выраженія, употребленныя Софокломъ, и, наконецъ, при каждомъ словѣ и выраженіи находится его значеніе по русски и по латыни, а иногда и по нѣмецки. И какова была участь этого почтеннаго автора? Сорокъ лѣтъ спустя о книгѣ его забыли до такой степени, что г. Григоревскій могъ,

повидимому, безнаказанно присвоить себѣ многолѣтній трудъ петербургскаго учителя 30-хъ годовъ и издать его подъ своимъ именемъ въ самомъ жалкомъ, искаженномъ видѣ. Возьмемъ на удачу рядъ словъ изъ словарей Кюльштета и г. Григоревскаго и сравнимъ ихъ между собой:

КЮЛЬШТЕТЪ.

Παρέρχομαι, прохожу мимо, praetereo; τὰ παρελθόντα, прошедшее, praeterita, 1358.

Παρέχω, подаю, praeebeo, 957.

Παρίημι, оставляю, позволяю, передаю, препоручаю, permitto, concedo, trado, committo, 132, 1967; оставляю, omitto; unterlasse, 661.

Παρίστημι, представляю, propono; part. perf. παριστάς, настоящій, нынѣшній, praesens, instans, 731, 1340.

Πάρος, прежде, antea, 1192.

Πᾶς, Πᾶσα, Πᾶν, весь, цѣлый, каждый, omnis, totus, summus, πᾶν κράτος, 142; cf. 396, 622, 927; οἱ πάντας, ceteri omnes; πᾶς τις, i. e., ἕκαστος, unusquisque, 174.

Πάσχω, aor. 2. ἔπαθον (v. Buttm. gr. p. 905) терплю, претерпѣваю, patior, perfero; παθεῖν ἀντίποινα, ruinas perpeti, luere, 816; παθών, injuria affectus, laesus, offensus, 323; τί ποτε πέπονθας, что случилось съ тобою? quid accidit tibi? 740; εὖ παθεῖν, въ благополучіи находиться, счастливымъ быть, bene agere, felicem esse, 503; παθεῖν θάτερα, i. e. κακῶς, несчастливымъ быть, 503; εὖ παθών, benevolentiam expertus, beneficiis affectus, 672.

Πατάσσω, бью, рублю, колю, ударяю, percutio, ferio, 748.

Πατέω, ступаю, хожу, прогуливаюсь, eo, ingredi.r, ambulo; χαῖρε τὴν Λῆμνον πατῶν, vale et Lemnum tuam obambula, i. e. in Lemno remaneas, 1060.

Πάτρα, ἡ, отечество, patria, 222. 1430.

Πάτριος, ἰα, ἰον, отеческій, отечественный, paternus, patrius, 365. 724.

ГРИГОРЕВСКИЙ.

Παρέρχομαι, прохожу мимо; τὰ παρελθόντα прошедшее.

Παρέχω, подаю.

Παρίημι позволяю, передаю, препоручаю.

Παρίστημι представляю, perf. παριστάς настоящій.

Πάρος, прежде.

Πᾶς, πᾶσα, πᾶν, весь, цѣлый.

Πάσχω, терплю, претерпѣваю; εὖ παθεῖν, счастливымъ быть.

Πατάσσω, бью, рублю, колю.

Πατέω, ступаю, хожу, прогуливаюсь.

Πάτρα, ἡ, отечество.

Πάτριος, 3: отечественный.

КЮЛЬШТЕТЪ.

Πατρῷος, а, он, отцовскій, отъ отца наследуемый, paternus, 365, 724.

Παῦλα, ης, ή, покой, отдыхъ, утешеніе, усмиреніе, конецъ, cessatio, quies, finis, 1329.

Παυστήρ, ἡρος, ό, прекратитель, оканчивающій, утешающій, облегчающій что нибудь, τῆς νόσου, 1438, medicus mali s. morbi, врачъ, который излечить твой недугъ.

Παύω τινα τινος, прекращаю, оканчиваю, утешаю, останавливаю, finem impono, reprimo, соѣрσο, lenio, sedo; παύειν τὴν βάειν ἄλγους pedem dolore liberare s. pedis doloribus mederi, 1379; παῦε desine, 1275; med. перестаю, отстаю, τινός, отъ чего, cesso, desino, quiesco; νόσου, 1424; избавляюсь отъ болѣзни, morbo levor; perf. κέκαυμαι, destiti, conticui, i. e. verbum non amplius addam, dann kein Wort mehr! сей часть замолчу, 1280. V. Buttm. gr. p. 906.

Πεδίον, ου, τό, поле, равнина, страна, campus, ager, regio, 920.

Πῆδον, ου, τό, нязъ, земля, страна, solum, terra, regio, 69, 546.

ГРИГОРЕВСКІЙ.

Πατρῷος, 3. отцовскій.

Παῦλα, ή, покой, отдыхъ, конецъ.

Παυστήρ, ἡρος, ό, облегчающій; τῆς νόσου, врачъ.

Παύω τινα τινος, прекращаю, утешаю, останавливаю; общ. перестаю, отстаю; τινός, отъ чего.

Πεδίον, τό, поле, страна.

Πῆδον, τό, нязъ, земля, страна.

О Т Д Ъ Л Ы Н Ы Я С Л О В А.

КЮЛЬШТЕТЪ.

Ὀνομάζω, зову, называю, именую, appello, voco; ὄνομα δ' ὀνομάζωτο "Ελενος, nomine appellabatur Helenus, 605.

Νεμεσσητός, ή, όν, достойный негодованія, осужденія, reprehensione dignus, vituperandus, 1194.

Στιχτός, ή, όν, пестрый, пѣгій, varius, maculosos, gefleckt, scheckig, 184.

Τοξευτός, ή, όν, adjunct. verb., изъ лука убитый, telo confixus, 335.

ὑπόστεγος, он, подъ кровлею, въ домѣ находящійся; οὐδέν ἐστ' ὑπόστεγον; nec quidquam sub tecto s. intus est. 34.

Ἀγαμέμνων, Agamemnon, rex Mycenarum, Atrei filius, frater Menelai, summus Graecorum dux, Troiam obsidentium, 794.

ГРИГОРЕВСКІЙ.

Ὀνομάζω, называю; ὄνομα δ' ὀνομάζωτο (sic) "Ελενος.

Νεμεσσητός, достойный негодованія, осужденія.

Στιχτός, пестрый, пѣгій.

Τοξευτός, изъ лука убитый.

ὑπόστεγος, подъ кровлею, въ домѣ находящійся.

Ἀγαμέμνων, Агамемнонь.

(*Παράρρημα-πίδον*). Эти 17 словъ занимають у Кюльштета цѣлыя двѣ страницы, а у г. Григоревскаго только 1/4 страницы. Благодаря гениальному способу сокращенія, изобрѣтенному и примѣненному г-мъ Григоревскимъ, состоящему просто-напросто въ выпущеніи латинскихъ значеній, отдѣльныхъ греческихъ выраженій, указаній на стихи и пѣкоторыхъ русскихъ значеній—всѣ 160 страницъ обильнѣйшаго и полезнѣйшаго словаря Кюльштета превратились въ 19 страницъ скуднаго и пегоднаго словарика г. Григоревскаго. Не знаешь чѣмъ тутъ возмущаться: безцеремонностью, съ которою г. Григоревскій присвоилъ себѣ чужую литературную собственность, или же отвагою, съ которою онъ обошелся съ ней.

Теперь намъ становится понятнымъ, почему г. Григоревскій выбралъ именно *Филоклету* для изданія, а не *Антифону*, не *Царя Эдипа*, не *Аякса*. Дѣло въ томъ, что пока у насъ не существуетъ греческо-русскаго словаря, приспособленнаго для гимназій, не мыслимо издавать греческихъ классиковъ безъ специальныхъ словарей; а такъ какъ г. Григоревскій не въ состояніи составить собственный словарь къ чему бы то нибыло, то онъ, задумавъ издать трагедію Софокла, и наткнувшись на единственную драму, снабженную русскимъ словаремъ, а именно на *Филоклету*, въ изданіи Кюльштета, силою этихъ обстоятельствъ былъ принужденъ издать именно *Филоклету*. Но онъ сдѣлалъ лишь выписку изъ словаря Кюльштета для того, чтобы замаскировать свой подвигъ и, выѣсть съ тѣмъ, уменьшить стоимость изданія своей книги. Вотъ почему и появилась въ предисловіи г. Григоревскаго та идеальная скромность, которая насъ съ перваго взгляда такъ поразила. Составивъ свою книжку по Вундеру и Шнейдевицу, онъ не могъ не указать на этихъ ученыхъ, извѣстныхъ всему учебному міру, но прибавивъ къ этой жалкой компиляціи искаженный словарь д. Кюльштета, онъ не считалъ нужнымъ упомянуть объ этомъ, полагая, что всѣ давно уже забыли о „какомъ-то“ петербургскомъ гимназическомъ учителѣ 30-хъ годовъ и о его книгѣ. Однако, совѣсть все-таки не позволила г. Григоревскому печатно и прямо назвать чужой трудъ своимъ, а потому онъ предпочелъ не сказать ни слова въ своемъ предисловіи объ этомъ словарѣ, тѣмъ болѣе, что никто, не зная довольно рѣдкой въ настоящее время книги д-ра Кюльштета, не могъ бы догадаться, что г. Григоревскій совершилъ означенный поступокъ, а потому многіе и могли бы ему вѣнчать въ заслугу составленіе перваго греко-русскаго словаря къ Софоклову *Филоклету*. Но, возразятъ при этомъ, сход

ство словаря г. Григоревского со словаремъ г. Кюльштета могло быть чисто *случайное*? Противъ такого возраженія, не смотря на его нелѣпость, я былъ бы безоруженъ, если бы г. Григоревскій самъ не выдалъ себя своею *крайнею небрежностью*; эта небрежность и помѣшала ему скоронить всѣ концы въ воду. Дѣло въ томъ, что текстъ др. Кюльштета въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнится съ текстомъ Вундера и Шнейдевина, принятаго г. Григоревскимъ. Списавъ словарь Кюльштета, г. Григоревскій не сообразилъ, что словарь этотъ не будетъ подходить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ измѣненному тексту Вундера и Шнейдевина, такъ что въ его изданіи очутились такіе куріозы, что, напр., иное слово въ текстѣ (Вундера или Шнейдевина) не находится въ словарѣ (Кюльштета) и, на оборотъ, нѣкоторыя слова, помѣщенные въ словарь, не встрѣчаются вовсе въ текстѣ. Такъ, примѣръ: ст. 486 Кюльштетъ читаетъ *Τραχύναν τε δαφάδα*, а Вундеръ *Τραχύναν τε σπλάδα*.

Такъ, какъ г. Григоревскій, слѣдуя Вундеру, выбросилъ изъ текста слово *δαφάδα*, которое нигдѣ болѣе во всей драмѣ не встрѣчается, то его нечего было и помѣщать въ словарь. Между тѣмъ, оно находится въ словарѣ г. Григоревского только потому, что оно находится въ словарѣ др. Кюльштета:

К.

Г.

δαφάς, ἄδος, ἡ χρεβὴς, *jugum montis* 491. *δαφάς, ἄδος, ἡ χρεβὴς*.

Съ другой стороны, вставивъ въ текстъ конъектуру Вундера *σπλάδα*, онъ долженъ былъ бы помѣстить это слово въ своемъ словарѣ, еслибъ только составилъ его самостоятельно, но слова *σπλάς* въ словарѣ г. Григоревского не находится, по той простой причинѣ, что оно не существуетъ ни въ текстѣ, ни въ словарѣ д-ра Кюльштета.

Точно также ст. 1,067 Кюльштетъ читаетъ *καὶ θυήσονται συνοίστη*, а Шнейдевинъ, которому слѣдуетъ г. Григоревскій, *καὶ θυήσονται συνείστη*; но глагола *συνειδέναι* г. Григоревскій въ своемъ словарѣ не помѣстилъ, потому что его нѣтъ въ словарѣ д-ра Кюльштета, который, написавъ *συνοίστη*, не нуждался въ словѣ *συνειδέναι*.

Бываетъ и такъ, что въ примѣчаніи подъ текстомъ г. Григоревскій даетъ къ извѣстному слову одно значеніе (по Вундеру), а въ словарѣ помѣщаетъ при томъ же словѣ совершенно другое (по Кюльштету). Такъ, примѣръ, въ стихѣ 204 онъ велитъ переводить по Вундеру встрѣчающееся только здѣсь слово *φθογγά* не *юлось*, а *шумъ*,

а въ словаряхъ Кюльштета и Григоревскаго мы находимъ слѣдующее „случайное“ совпаденіе:

К.

Г.

φδογγή, dog. φδογγά ή голосъ, vox | φδογγή, ή голосъ.
205.

Подобное же несчастіе случилось съ г. Григоревскимъ при стихѣ 697; въ примѣчаніи онъ объясняетъ эпитетъ ἀλφρηταί по Шнейдевину такимъ образомъ: „отъ ἀλφ и ἰδαίν называются люди по главному предмету пищи въ противоположность богамъ, питающимся нектаромъ и амброзіей“. А въ словарѣ стоитъ по Кюльштету: „ἀλφρητῆς ὁ, изобрѣтательный, трудолюбивый“, т. е. предполагается происхожденіе этого слова отъ глагола ἀλφάνω *добываю*.

Этихъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно для опредѣленія того, въ какой мѣрѣ самостоятельно дѣйствовалъ г. Григоревскій при составленіи своего греческо-русскаго словаря.

Обратимся теперь къ введенію и къ подтекстнымъ примѣчаніямъ, которыми г. Григоревскій снабдилъ своего Филоктета. Эту часть его работы я назвалъ жалкою компиляціею, испещренною ошибками, происшедшими отъ небрежности и отъ незнанія греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и даже русскаго языковъ. Обвиненіе мое не будетъ голословно. Я приведу въ доказательство его наглядные примѣры, при чемъ долженъ замѣтить, что могу сообщить только выдающіеся примѣры, такъ какъ всѣхъ ихъ перечислить нѣтъ физической возможности, и къ тому же разбираемая мною книжка не стоитъ даже половины того труда, который я на нее посвятилъ.

Итакъ, начнемъ съ небрежности,—самой выдающейся черты издательской дѣятельности г. Григоревскаго.

Небрежность видна всюду: въ составленіи введенія, въ выборѣ и изложеніи комментаріевъ, въ нумераціи стиховъ, въ обиліи опечатокъ.

Введеніе составлено не по Вундеру, а по Шнейдевину, по той простой причинѣ, что Вундеровское введеніе написано по латини, а Шнейдевиновское по нѣмцки; г. же Григоревскій, какъ мы увидимъ ниже, самъ считаетъ себя слабымъ въ знаніи латинскаго языка, хотя его познанія и по нѣмецкому языку, какъ мы тотчасъ убѣдимся, далеко не завидны.

Если бы г. Григоревскій взялъ Шнейдевиновское введеніе, перевелъ бы его цѣликомъ, и при томъ вѣрно, то въ этомъ не было бы большой бѣды. На дѣлѣ же оказывается, что г. Григоревскій, совершенно невзвѣстно почему, пропустилъ весьма существенную часть

Шнейдевиновскаго введенія. Читатель съ трудомъ повѣритъ тому, что я тотчасъ ему сообщу: изъ введенія г. Григоревскаго *совершенно нельзя узнать* такихъ необходимыхъ вещей, какъ, на примѣръ: кто такой Филоктетъ? какимъ образомъ ему достались лукъ и стрѣлы Геракла? Какъ онъ попалъ на островъ Лемносъ? За что онъ ненавидитъ Одиссея? Почему у него на ногѣ рана? Читатель спроситъ меня: о чемъ же послѣ этого говорится во введеніи г. Григоревскаго? А говорится тамъ только о томъ, почему Ахейцы послали Одиссея съ Неоптолемомъ за Филоктетомъ, о томъ, что и другіе авторы писали трагедіи на ту же тему, и, наконецъ, о томъ, въ которомъ году былъ поставленъ на сцену Софокловъ Филоктетъ. Затѣмъ идетъ, по Шнейдевину, подробный „анализъ драмы“, то-есть, по просту сказать, разказъ о томъ, что въ каждой сценѣ происходитъ, и заканчивается введеніе „характеристикой дѣйствующихъ лицъ“, также по Шнейдевину. Анализъ драмы и характеристика эта далеко не столь необходимы для пониманія драмы, какъ именно сообщеніе тѣхъ фактовъ изъ времени предшествовавшаго началу дѣйствія, о которыхъ г. Григоревскій по невѣроятной своей небрежности считъ лишнимъ упомянуть. Напротивъ, онъ долженъ былъ бы выбросить именно этотъ „анализъ“ и эту „характеристику“, если бы прочелъ и понялъ совершенно вѣрные слова, которыми Вундеръ заканчиваетъ свое предисловіе: „Diligenter cavi ne aut de singularum partium fabulae argumento aut de personarum vitiis et virtutibus aut de arte et consilio poëtae ea proferrem, quae verbis recte intellectis cum ceteri lectores sua sponte, tum etiam discipuli duce ac moderante magistro facile per se ipsi possent investigare“.

Но и это бы еще ничего, если бы г. Григоревскій перевелъ *вѣрно* хотя ту часть Шнейдевиновскаго введенія, которую онъ заблагоразсудилъ не забравывать. Но тутъ мы паталиваемся на такія несообразности, что просто руки опускаются. Такъ, на примѣръ, на первой же страницѣ мы узнаемъ слѣдующія открытія г. Григоревскаго: „Лесхесъ Лесбоскій“ (кто онъ такой? ученику неизвѣстно) „въ произведеніи своемъ *Ἰλιάς* (sic!) *μικρά* передаетъ, что по смерти *Αχιλλεῦς* греческіе предводители стали уже сомнѣваться въ возможности овладѣть Троей“: этого Лесхесъ никогда не говорилъ. Справляемся съ Шнейдевиномъ и видимъ, что г. Григоревскій хотѣлъ въ своемъ переводѣ написать „по смерти *Αχαις*“, а написалъ почему-то *Αχιλλεῦς*. Вообще собственныя имена — слабая сторона г. Григоревскаго; такъ, на примѣръ, послѣднее изданіе Вундеровскаго Филоктета сдѣлано

ученымъ Веклейномъ, а г. Григоревскій называетъ его Welcklein; во 2-мъ изданіи его „Сборника примѣровъ“ мы все еще читаемъ знаменитую фразу, на которую я уже указывалъ въ своей рецензій 1-го изданія: „Мы удивляемся *Θεμιστοκλῷ*, сильному оратору Аѳинянъ и врагу Филиппа, царя Македонянъ“. А нѣсколько строчекъ ниже, на 1-й страницѣ введенія къ Филоклету, находимъ, что „Неоптолемъ былъ сынъ Ахиллеса отъ *Δεινιπῆρας*, дочери царя Ликомеда“. Открываемъ Шнейдевина и читаемъ: „Neoptolemus, Achilleus Sohn von *Deidameia*, Tochter des Königs Lykomedes“. Какая мелочная придирчивость! подумаетъ г. Григоревскій. Развѣ для ученика въ сущности не все равно — *Θεμιστοκλῷ*, *Δημοσθένῃ*, *Αἰάκῃ*, *Αχιλλεΐ*, *Δεινιπῆρᾃ*, *Δειδάμῃ*? Конечно ученику это все равно, если онъ будетъ имѣть несчастье учиться по учебникамъ г. Григоревскаго. Дальше мы читаемъ, все на той же первой страницѣ, что „Парисъ былъ храбрѣйшій защитникъ Троянцевъ“. Что за странность! Опять открываемъ Шнейдевина и читаемъ: „*der seit Hektors und Memnons Fall die Troer am kräftigsten schützende Paris*“. Почему же г. Григоревскій не упомянулъ о Гекторѣ и Мемнонѣ? Все потому же, что для него собственныя имена — ничто иное какъ пустые, ничего не значущіе звуки.

Въ такомъ же родѣ составлены и остальные страницы введенія; всѣ онѣ исполнены неточностями, недомолвками, несообразностями, противорѣчіями, въ которыхъ можно убѣдиться всякій, сличивъ подлинникъ Шнейдевина съ переводомъ г. Григоревскаго. Не могу, однако, не упомянуть о слѣдующемъ примѣрѣ, который ясно покажетъ степень знакомства г. Григоревскаго съ нѣмецкимъ языкомъ, съ котораго онъ взялся переводить свое введеніе. На страницѣ XI, въ концѣ, онъ пишетъ: „*Когда вновь появился Одиссей, Филоклетъ направляетъ противъ него стрѣлу, которую удерживаетъ Неоптолемъ, и Одиссей уже болѣе не показывается на сценѣ, такъ какъ положеніе его при характерѣ Филоклета и Неоптолема совершенно обрисовано*“. Неужели и у Шнейдевина такая же путаница? Посмотримъ: „*Als Odysseus wiederum aus seinem Versteck hervorkommt, richtet Philoktet den Bogen gegen ihn, doch hält Neoptolemos ihn ab und Odyseus entkommt, um fortan nicht wieder einzugreifen, da sein Anschlag an dem Charakter des Philoktet und Neoptolemos vollständig gescheitert ist*“. И такъ слово *Anschlag* значить, по мнѣнію г. Григоревскаго, не замыселъ, а положеніе, глаголъ же *scheitern* — не терпѣть крушеніе, а обрисовывать! И такіе промахи противъ нѣмецкаго языка встрѣ-

чаются у г. Григоревскаго на каждомъ шагѣ. Такъ, во 2-мъ изданіи его „Сборника“ при греческомъ словѣ ἀέλτος, переведенномъ Везенеромъ unverhofft, то-есть, *неожиданный*, все еще красуется небывалое значеніе *безнадежный*. О томъ, на сколько г. Григоревскій знаетъ греческій и латинскій языки, мы поговоримъ ниже. Теперь же, при разборѣ его введенія невольно приходится обратить вниманіе на ту небрежность, съ которою онъ трактуетъ русскую стилистику. Какъ вамъ понравятся періоды въ родѣ слѣдующихъ?

Страница VII: „До сихъ поръ Неоптолемъ только *общимъ образомъ* (im Allgemeinen) зналъ о цѣли своего путешествія. Одиссей теперь сообщаетъ ему въ подробности о предназначенной для него роли, именно онъ долженъ обмануть Филоктета. Одиссей, склонивши Неоптолема дѣйствовать по указанному плану, уходитъ со сцены, обѣщая, въ случаѣ Неоптолемъ слишкомъ замедлитъ, выслать къ нему переодѣтаго слугу, изъ разговоровъ котораго онъ долженъ брать то, что необходимо его цѣли“.

Или на той же страницѣ внизу:

„Филоктетъ въ подробности описываетъ собственныя страданія, на которыя выше указано“ (нигдѣ выше ничего объ этомъ не говорится) „и честный, полный довѣрія разказъ его кажется тѣмъ болѣе трогательнымъ, сравнительно съ извѣстными намъ хитрыми замыслами противъ него“.

Или на стр. X-й:

„Но высшею судьбою назначенъ этому дѣлу совсѣмъ иной исходъ, при чемъ стремленія и расчеты человѣка, не смотря ни на какія усилія, должны остаться безуспѣшными; поэтому оказывается необходимымъ вмѣшательство божественной силы, чтобы распутать этотъ dignus vindice nodus“. Это, видите ли, г. Григоревскій пытается оправдать появленіе Геракла въ концѣ драмы какъ deus ex machina.

Вотъ еще мѣсто на стр. XIII: „Филоктетъ оказывается достойнымъ товарищемъ Геракла, сдѣлавшись по своимъ нравственнымъ силамъ *юстидиномъ страданій и лишеній въ безпомощномъ одиночествѣ и отъ мучительныхъ физическихъ болѣй*. Поэтому нисколько не роняетъ его достоинства то, что онъ рѣшительно и упорно отказывается врагамъ своимъ (въ чемъ?), которыхъ нужда заставила наконецъ вспомнить объ немъ“.

Всѣ эти стилистическія ошибки объясняются неумѣніемъ г. Григоревскаго переводить съ нѣмецкаго языка на русскій. Итакъ, мы

видимъ, что г. Григоревскій, при переводѣ введенія Шнейдевина, самое существенное пропустилъ, а совершенно лишнее удержалъ и перевелъ безобразнѣйшимъ образомъ. Но есть еще свѣдѣнія, которыхъ Шнейдевинъ въ своемъ введеніи не даетъ, а нѣкоторые не худо было бы сообщить въ своемъ введеніи г. Григоревскому.

Я разумѣю нѣкоторые реальныя свѣдѣнія о греческомъ театрѣ, о дѣленіи греческихъ драмъ на составныя части и, наконецъ, о значеніи хора въ греческихъ трагедіяхъ. Въ изданіяхъ, предназначенныхъ для нѣмецкихъ гимназій, подобныя свѣдѣнія, можетъ быть, лишниши, но для русскихъ гимназій они положительно необходимы. Что такое хоръ? Что такое оркестра? (г. Григоревскій пишетъ „въ ниже расположенномъ оркестрѣ“; онъ при этомъ думаетъ объ *оркестрѣ*). Что такое *θαιλούσιον*? Что такое протагонистъ, девтерогонистъ (г. Григоревскій пишетъ девтерогонистъ), тритагонистъ? Далѣе: что такое *Эпизодіонъ*, *Стазимонъ* (г. Григоревскій пишетъ *стизимонъ*), *Коммосъ*, *Экзодосъ*? Эти слова то и дѣло встрѣчаются во введеніи Шнейдевина, переведенномъ г. Григоревскимъ, но у переводчика нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на ихъ значеніе, а между тѣмъ эти слова пока еще не понятны не только для нашихъ учащихся, но и для многихъ изъ учащихся.

Пора, однако, перейти къ подтекстнымъ примѣчаніямъ.

При тщательномъ сличеніи ихъ съ примѣчаніями Вундера и Шнейдевина, я пришелъ къ тому неопровержимому убѣжденію, что въ примѣчаніяхъ г. Григоревскаго *положительно нѣтъ ни одной буквы, написанной имъ по собственному, самостоятельному побужденію*: всѣ его примѣчанія отъ перваго до послѣдняго представляютъ только болѣе или менѣе неудачный переводъ примѣчаній Вундера и Шнейдевина. Но это еще не все. Здѣсь все-таки видна строго выдержанная съ начала до конца система воздержанія отъ собственнаго мнѣнія. Но вотъ гдѣ я старался найти систему и не могъ пайдти ее—это въ выборѣ примѣчаній. Почему такое-то примѣчаніе взято у Вундера, а такое у Шнейдевина, почему одно изъ нихъ удержано, а другое выброшено? Возможнымъ представляется только одинъ отвѣтъ: потому что въ выборѣ примѣчаній дѣйствовалъ слѣпой случай. Для г. Григоревскаго было совершенно все равно, какія примѣчанія будутъ стоять подъ его текстомъ, лишь бы они стояли, и на оберткѣ можно было напечатать „греческій текстъ съ объясненіями, анализомъ, драмы и греческо-русскимъ словаремъ“. Въ одномъ отношеніи, однако, видно, что г. Григоревскій все-таки нѣкоторые примѣчанія предпо-

читалъ другимъ. Дѣло въ томъ, что Вундеръ, а отчасти Шнейдевинъ, снабдилъ свое изданіе весьма обильными сколіями и этимъ, конечно, только возвысилъ достоинство своей прекрасной книги. Но сколіи эти занимаютъ въ изданіи Вундера весьма скромное мѣсто въ сравненіи съ его собственными обильными и пространными объясненіями. Эти-то сколіи пришлись очень по вкусу г. Григоревскому и это весьма естественно. Сколіи представляли ему двойную выгоду: 1) ихъ не надо было переводить на русскій языкъ, а можно было прямо помѣщать цѣликомъ по гречески, и 2) примѣчанія, переполненные греческими сколіями, придали его тѣнижѣ весьма ученый видъ. Г. Григоревскій не могъ упустить изъ виду это выгодное свойство греческихъ сколій и воспользовался ими въ весьма обширныхъ размѣрахъ; примѣчанія, переведенныя имъ, очень и очень скудны въ сравненіи съ примѣчаніями Вундера и Шнейдевина, но нѣтъ ни одной страницы, на которой не было бы помѣщено *in extenso* по гречески то, что къ такому-то стиху замѣчаетъ „Сколіастъ“ (при этомъ нужно замѣтить, что г. Григоревскій постоянно пишетъ *Сколіастъ* съ прописною буквой, такъ что ученики, пользуясь книгой г. Григоревскаго, могутъ, подобно ему, легко вообразить себѣ, что сколіастъ—имя собственное). Что же оказывается въ результатъ? Оказывается, что слова „Сколіаста“ занимаютъ даромъ мѣсто въ книгѣ г. Григоревскаго. Чтобы воспользоваться ими, нужно сперва понять ихъ, чтобы понять—перевести, чтобы перевести—уразумѣть значеніе каждаго слова, а это-то невозможно, потому что др. Кюльштетъ составилъ свой словарь тодько къ словамъ Софокла, а не къ словамъ его греческихъ толкователей; отъ г. же Григоревскаго нельзя было и ожидать, чтобы онъ хоть въ этомъ доказалъ свою самостоятельность и прибавилъ къ словарю др. Кюльштета списокъ словъ, употребленныхъ „Сколіастомъ“. Гораздо бы лучше было, если бы онъ сообщилъ слова „Сколіаста“, въ русскомъ переводѣ, но ужъ это, конечно, ему не подъ силу. Безъ небрежности дѣло, конечно, и здѣсь не обошлось. Изъ многихъ примѣровъ самый разительный находится въ примѣчаніи къ стиху 397.

Въ текстѣ стоятъ слова: αἶψα ὑπέρτατον. Эти слова могутъ быть отнесены или къ богинѣ Реѣ, и въ такомъ случаѣ они будутъ стоять въ звательномъ падежѣ, или же это будетъ винительный падежъ и будетъ относиться къ оружію Ахиллеса, отданному Атридами Одиссею. Сколіастъ и объясняетъ это въ слѣдующихъ словахъ: αἶψα ὑπέρτατον ὡς Ῥέα. ἢ νοητέον τοῦτο ἐκὶ τῶν ὅπλων. Вундеръ стоитъ

за первое предположеніе, Шнейдевинъ за второе. А что дѣлаетъ г. Григоревскій? Онъ даетъ намъ къ названному стиху слѣдующее примѣчаніе: „397. Схол.: *αἶψα ὑπέρτατον* оружія, составляющія его величайшую гордость“. Что-же именно „Схолиастъ“ замѣчаетъ къ словамъ Софокла *αἶψα ὑπέρτατον*, и чьи это слова, поставленныя г. Григоревскимъ между вносными знаками? При сличеніи съ подлинниками Вундера и Шнейдевина оказывается, что первые три слова примѣчанія г. Григоревскаго „Схол. *αἶψα ὑπέρτατον*“ заимствованы имъ у Вундера, а послѣднія представляютъ переводъ мнѣнія Шнейдевина. Такихъ несообразностей у г. Григоревскаго очень много.

Итакъ, третья часть всѣхъ примѣчаній г. Григоревскаго, схолин, нигде не годятся, ибо ученикъ, не имѣя возможности понять ихъ, не можетъ ими воспользоваться. Они, слѣдовательно, не сближаютъ его съ Софокломъ, а только отталкиваютъ отъ него.

Перейдемъ теперь къ остальнымъ примѣчаніямъ, то-есть, къ тѣмъ отрывкамъ изъ комментарія Вундера и Шнейдевина, которые г. Григоревскій заблагоразсудилъ помѣстить въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ подъ изданнымъ имъ текстомъ Софокла. Что касается примѣчаній Вундера и Шнейдевина, *болѣе искаженныя* г. Григоревскимъ, то имъ и счету нѣтъ, а можно для наглядности вообще раздѣлить ихъ на три группы: 1., примѣчанія, искаженныя вслѣдствіе небрежности г. переводчика; 2., примѣчанія, искаженныя вслѣдствіе неуклюжаго или неточнаго перевода на русскій языкъ, и 3., примѣчанія, искаженныя вслѣдствіе незнанія языка подлинника.

Нужно отдать, впрочемъ, справедливость г. Григоревскому въ томъ, что большинство примѣчаній искажено все-таки вслѣдствіе простой, крайней небрежности его. Сюда относится, напримѣръ, весь легіонъ опечатокъ, изъ которыхъ самъ г. Григоревскій замѣтилъ только 11 довольно невинныхъ. Между незамѣченными имъ находятся, однако, нѣкоторыя весьма подозрительнаго свойства; а уже выше сказалъ, что г. Григоревскій пишетъ *Ἰλιάς* вмѣсто *Ἰλιάς*; кромѣ того весьма знаменательны слѣдующіе „*lapsus calami*“: прим., ст. 72. *Ελλάνη*; къ ст. 83-й *ἀναίδιαν* вм. *ἀναίδιαν* какъ стоитъ у Вундера и Шнейдевина; къ ст. 159 *apodosys* вм. *apodosis*; къ ст. 242 *τίς στόλος* *qua causa itineris* вм. *quae causa*; къ ст. 318 *καταθεῖς* вм. *καταθεῖς*.

Сюда же относятся такія, „обмолвки“, какъ напримѣръ, въ примѣчаніи къ ст. 254: „*μηδαμῶ γῆς γῆς*“ зависить „отъ нарѣчія *ερε*“

мени"; или къ ст. 1,040: „отрицаніе „относится къ *ad verbum finitum*“.

Если же случается ошибиться или обмолвиться самому Вундеру, то можно быть заранее увѣреннымъ, что г. Григоревскій этого никогда не замѣтитъ и скопируетъ ошибку съ рабскою тщательностію. Вотъ доказательство: въ примѣч. къ ст. 336 Вундеръ ошибочно написалъ *Philoctetes* вмѣсто *Neoptolemus*; въ примѣч. къ ст. 443 *Ἀλδοῦ* вм. *Ἄλδοῦ*; наконецъ, въ примѣч. къ ст. 830 *αὐδραχῆς* вм. *αὐδραχῆς*; всѣ эти ошибки тщательно воспроизведены г. Григоревскимъ.

На реальную сторону примѣчаній г. Григоревскій не обратилъ никакого вниманія, не сообразивъ, что наши ученики въ нихъ сильно нуждаются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ быть излишни для нѣмецкихъ гимназистовъ; такъ, напримѣръ: въ прим. къ ст. 134, 342, 484, 617, 1,007, 1,907, упоминаются безъ малѣйшаго объясненія *Ἀεῖνα Πολιάς*, *Ζεὺς Πολιεὺς*, *Φενίκης*, *Εὐβοϊκὰ σταθμά*, *Σίσυφος*, *Τροίης κεδίων*, хитрость Паламеда и т. п.

Весьма многочисленны примѣчанія, которыя совершенно непонятны вслѣдствіе произвольнаго выпущенія основаній и доказательствъ Вундера. Таковы примѣчанія къ ст. 131, 159, 229, 283, 357, 446, 560, 590, 617, 624, 696, 720, 801, 857, 938, 987, 1,096, 1,128, 1,133, 1,299, 1,390, 1,407. Иной разъ это краткословіе доводитъ г. Григоревскаго до несообразностей. Вотъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ: въ ст. 312, 313 *Филоктетъ*, жалуясь на обиды, испытанныя имъ отъ прочихъ Грековъ, говорить:

τοιαῦτ' Ἀτρεΐδαι μ' ἤ τ' Ὀδυσσεύς βία
ὦ παῖ δαδράχασιν.

Къ этимъ стихамъ г. Григоревскій даетъ слѣдующее объясненіе:

„312. Гомерическое выраженіе „βίη Διουμήδους“ здѣсь и ниже 592 употребляется собственно для указанія на производимыя имъ насилія“. Къ чему тутъ приплетенъ *Диомедъ*? На какія здѣсь указываются насилія и кѣмъ они произведены? Все это остается неразрѣшимымъ вопросомъ. Обращаемся къ ст. 592, на который ссылается г. Григоревскій, но и тамъ мы не находимъ отвѣта: тамъ также стоитъ ἤ τ' Ὀδυσσεύς βία. Приходится обратиться къ Вундеру, у котораго мы встрѣчаемъ, наконецъ, полное, очень ясное примѣчаніе, безпощадно искаженное г. Григоревскимъ. Вундеръ говоритъ: „*Acute poeta hic et infra 592 locutionem Homericam Αἰεΐδιο βίη, βίη Διουμήδους, in Ulixem potissimum transfert ita tamen, ut non robur et fortitudinem, sed vim aliis ab illo fieri solitam cogitet collocutor. Buttm.*“.

Къ ст. 551 и 552, φράσσον δ' ἔπει γ' ἔλθεις, ὡς παῖδες, τί μοι νεώτερον βούλειον' ἀπ' Ἀρτείου εὔχαι.

Г. Григоревскій замѣчаетъ „552 νεώτερον въ смыслѣ положительномъ.“ Что это значитъ? Неώτερον употреблено, слѣдовательно, въ положительномъ, а не въ отрицательномъ смыслѣ? Непонятно! Открываемъ Вундера и читаемъ: *Comparativi notio non urgenda sed ponitur fere pro positivo*“.

Въ ст. 711. Гераклъ называется
χάλκασις ἀνὴρ θαῖς.

Г. Григоревскій замѣчаетъ:

„711. χάλκασις выражается безсмертіе, достигнутое храбростію, и потому не упоминается о львиной шкурѣ, дубинѣ и лукѣ, съ которыми сражался Гераклъ“. Неправда ли какъ логично? Это, видите-ли, переводъ слѣдующихъ словъ Шнейдевина: „Das Epitheton χάλκασις stimmt zu der älteren Vorstellung der Poësie und Kunst, die den Herakles gleich anderen Heroen Kriegsthaten vollbringen liess, bis die lyrischen Dichter Alkman und Stesichoros und der Epiker Pisander die später stehend gewordene abenteuerliche Ausstattung mit Löwenhaut, Keule und Bogen aufbrachten, vgl. zu Trach. 510 ff. Hier soll wohl nur die durch Tapferkeit erworbene Unsterblichkeit ausgedrückt werden.“

Въ ст. 604 и 605 сказано:

αἰ μὴ τόνδε κείοντας λόγῳ
ἄγοντο νήσοο τῆοδ' ἐφ' ἧς ναῖσι τὰ νῦν.

Г. Григоревскій пишетъ:

„605. ἄγοντο νήσοο τῆοδε] Родительный въ зависимости отъ сложнаго ἄγεσθαι нерѣдко встрѣчается у Софокла. Напримѣръ: 630. νεὸς ἄγοντα, 1002 κέτρας κείων“.

Какъ эти два примѣра могутъ служить подтвержденіемъ такого правила, никто никогда не пойметъ. Что же сказано у Вундера? „Notandus genetivus, ex simplici verbo ἄγεσθαι aptus.—Ejusdem generis apud Sophoclem haec reperiuntur: v. 630 νεὸς ἄγοντα, 1002 κέτρας κείων“ и мн. друг.“

Курьозны также примѣчанія къ стихамъ 415, 491, 1405 и 1424.

Весьма комично бываетъ положеніе г. Григоревскаго, когда ему приходится имѣть дѣло съ какимъ нибудь испорченнымъ мѣстомъ. Критически разобрать всѣ конъектуры и остановиться на какой либо изъ нихъ — трудъ несоразмѣрный съ филологическими познаніями г. Григоревскаго; о возможности предложить какую нибудь собствен-

ную конъектуру и думать нечего; остается только одно средство, къ которому и прибѣгнулъ г. Григоревскій, отзываясь, напримѣръ, о стихахъ 419 и 549 (которые всѣми комментаторами разобраны по восточкамъ), — въ такихъ лаконическихъ выраженіяхъ, какъ „мѣсто испорченное и доселѣ не выясненное“ или же „вообще запутано“. Вотъ еще куріозъ: стихъ 1416 по своему смыслу противорѣчилъ предыдущему 1415 стиху. Вундеръ исправилъ 1415 стихъ и противорѣчіе исчезло. Г. Григоревскій вводитъ въ текстъ поправку Вундера, а въ примѣчаніи, выписанномъ на этотъ разъ изъ Шнейдевина (не принявшаго поправку Вундера), помѣщаетъ слѣдующія слова: „Стихъ 1416 считается не подлиннымъ и состоитъ въ примомъ противорѣчій съ предшествующимъ“. Изъ такихъ словъ видно, что г. Григоревскій даже не подумалъ *въ чемъ* именно состояло прототиворѣчіе этихъ стиховъ и такимъ образомъ попался въ просакъ, подобно ученику, списывающему у товарищей заданный письменный урокъ. Г. Григоревскій часто, ни къ селу, ни къ городу, помѣщаетъ въ свои примѣчанія полемику Вундера съ Готфридомъ Германомъ и Диндорфомъ. А въ примѣч. къ ст. 1435 онъ пишетъ: „Всѣма вѣроятна конъектура Германа (какой это „Германъ“? спроситъ ученикъ), который *возстановляетъ* λείπονεν οὐ δῆ“ и т. д. Что же *возстановляетъ* тутъ Германъ въ своей конъектурѣ? Не первоначальное же чтеніе, которое всѣма отличается отъ его конъектуры. Что здѣсь возстановлено Германомъ безъ помощи Вундера отъ г. Григоревскаго узнать нельзя. Оказывается же, что Германъ здѣсь возстановляетъ требуемый по размѣру *versus paroeniacus*, о которомъ г. Григоревскій не говоритъ ни слова.

Всѣ случаи небрежности г. Григоревскаго перечестъ и утомительно, и невозможно. Укажу только еще на то обстоятельство, что онъ почему-то нашелъ нужнымъ снабдить изданный имъ текстъ двойнымъ счетомъ стиховъ, при чемъ счетъ большими цифрами есть счетъ Вундеровскій, а меньшими—общепринятый. Это бы еще ничего, еслибъ онъ держался при этомъ въ своихъ примѣчаніяхъ только Вундеровскаго изданія, а то теперь выходитъ, что во введеніи, списанномъ съ Шнейдевина, ссылки на стихи дѣлаются по общепринятому счету, а въ примѣчаніяхъ и по тому, и по другому,—смотри потому, списано ли примѣчаніе у Шнейдевина или Вундера. Нигдѣ объ этой разницѣ ссылокъ у г. Григоревскаго не сказано, такъ какъ онъ, вѣроятно, и самъ ея не замѣтилъ и не подѣскивалъ тѣхъ стиховъ, на которые ссылается въ „своихъ“ примѣчаніяхъ; пользоваться же книгой г. Гри-

горевскаго, вслѣдствіе этой путаницы въ счету, весьма затруднительно.

Перейдемъ теперь къ примѣчаніямъ, искаженнымъ вслѣдствіе не- точности перевода. Ихъ чрезвычайно много; въ особенности отли- чаются въ этомъ отношеніи примѣчанія къ стихамъ: 1, 10, 13, 22, 32, 45, 58, 91, 137, 184, 191, 221, 229, 262, 269, 288, 290, 293, 300, 486, 511, 644, 659, 825, 844, 878, 956, 998. Неумѣлость г. Гри- горевскаго въ переводахъ на русскій языкъ и его невозможный стиль намъ давно уже знакомы и изъ его Сборника, и изъ его грамматики и наконоцъ, изъ нѣкоторыхъ вышеуказанныхъ примѣровъ. Сообщу только одинъ примѣръ, sed unum pro multis.

Въ ст. 511 и 513 Неоптолемъ, обращаясь къ хору, говоритъ: „Ты теперь просишь, чтобъ я взялъ Филоктета на нашъ корабль; смотри, чтобы ты впослѣдствіи не оказался несогласнымъ съ этими сло- вами“:

ῥα τό, μή νῦν μὲν τις εὐχέρης παρῆς,
τότ' οὐκέθ' αὐτός τοῖς λόγοις τοῦτος φατῆς.

Къ этимъ стихамъ г. Григоревскій даетъ такое примѣчаніе:

„513. Смыслъ: οὐκέτι ὁ αὐτός σοί τῷ ταῦτα λέγοντι. Поставляетъ предметъ вм. *субъекта*, какъ бываетъ при сравненіи“.

Гдѣ тотъ русскій учитель или ученикъ, который пойметъ это примѣчаніе? Что хотѣлъ сказать г. Григоревскій? Хотѣлъ онъ пере- вести слѣдующія слова Вундера: „Res (τοῖς λόγοις) pro homine (σοί) posita, ut in comparatione“.

Итакъ, г. Григоревскій переводитъ слово *homo* словомъ *субъектъ*; въ польскомъ языкѣ это, кажется, возможно, но по русски слово *субъектъ* кромѣ обыкновеннаго грамматическаго значенія „подлежа- щее“ употребляется только въ презрительно-насмѣшливомъ значеніи. Самостоятельныхъ примѣчаній, какихъ нибудь сближеній съ русскимъ языкомъ, даже тамъ, гдѣ эти сближенія сами напрашиваются, г. Гри- горевскій не дѣлаетъ по той простой причинѣ, что ни Вундеръ, ни Шисейдевинъ, не зная русскаго языка, не занялись этимъ. Такъ, на- примѣръ, въ ст. 1226 Филоктетъ восклицаетъ въ отчаяніи: „ἔστω τό μέλλον“, слѣдовательно, точь въ точь какъ мы говоримъ „пусть будетъ что будетъ!“ Нѣмецъ Вундеръ ожидалъ здѣсь восклицанія, соотвѣт- ствующаго нѣмецкому „Mag kommen was da will“, и потому и на- писалъ въ замѣчаніи „Pro ἔστω sensus postulat ἔτω“. И г. Григорев- скій не смѣетъ думать иначе и рабски копируетъ. „Вм. ἔστω, по смыслу требуется ἔτω“!!

Трудно повѣрить, но это такъ! Можно предположить, что г. Григоревскій переводилъ примѣчаніе Вундера и Шнейдевина, не имѣя предъ собой текста Софокла.

Теперь остается только указать на примѣчанія, искаженныя вслѣдствіе того, что г. Григоревскій взялся переводить ихъ съ нѣмецкаго и латинскаго, то-есть, съ языковъ, въ которыхъ онъ имѣетъ весьма шаткія познанія.

Начнемъ съ мелочей:

Примѣчаніе къ ст. 104. *ισχύος θράσος* Вундеръ переводитъ „*fiducia, quae praebent vires*“, а г. Григоревскій передаетъ слѣдующимъ образомъ: „увѣренность, дающая силы“.

Примѣчаніе къ ст. 271. Шнейдевинъ переводитъ „*φῶς δόσμορος*“ „*ein Mann an dem nichts zu verlieren war*“, то-есть, человѣкъ, который, если и пропадетъ, то не бѣда; а г. Григоревскій переводитъ „которому нечего уже терять“.

Въ примѣчаніи къ ст. 503 Вундеръ указываетъ на приносимыя Филоктетомъ слова: „*βοῶν μὲν εἰς τῶν ἐμῶν τόχαι φίλων*“ и называетъ ихъ „*precandi formula*“, то-есть, *формула проклинанія*, а г. Григоревскій переводитъ „просьба“.

Въ примѣчаніи къ ст. 844, Вундеръ переводитъ слова хора: „*καί-ρια φθιγγόν*“ „*tempestiva consilia nobiscum communica*“. Это, по мнѣнію г. Григоревскаго, значитъ: „держиcя нашихъ мыслей, сообразныхъ съ временемъ“,

Въ примѣчаніи къ ст. 575 Вундеръ, сообщивъ мнѣніе сколиаста, опровергаетъ его. Опроверженіе свое онъ начинаетъ словомъ *Itto*, то-есть „какъ разъ на оборотъ“. А г. Григоревскій переводитъ это слово „также и“.

Въ примѣчаніи къ ст. 570 Шнейдевинъ, объясняя употребленіе слова *διεμπολᾶν* *продавать* въ смыслѣ *предавать*, напоминаетъ, конечно весьма кстати, нѣмецкому ученику объ существующемъ въ нѣмецкомъ языкѣ стереотипномъ выраженіи *verrathen* и *verkauft*, которое, впрочемъ, употребляется только въ этой participiальной формѣ. Но этого, конечно, г. Григоревскій не знаетъ и полагаетъ, что Шнейдевинъ просто сообщаетъ переводъ глагола *διεμπολᾶν*, и потому и пишетъ *διεμπολᾶν* „измѣнить и продать“.

Въ прим. къ ст. 771, гдѣ упоминаются берега Сперхея, на которыхъ Гераклъ, сіяя божественнымъ огнемъ, приближается къ богамъ, *κλάδει θεοῖς θεῶν πορὶ παμφαῖς*, г. Григоревскій объясняетъ, что настоящее время *κλάδει* поставлено потому, что конецъ Геракла

всѣмъ извѣстенъ и представляется происходящимъ въ настоящій моментъ. Неужели Шнейдевинъ, у котораго г. Григоревскій списалъ это примѣчаніе, могъ сказать что либо подобное? Посмотримъ: „Das Praesens *πλάθαι*, weil das Ende des Sokrates jedermann bekannt und gleichsam stets gegenwärtig ist, wie Persius vom Sokrates sagt: *tol- it quem dira cicuta*.“—Mir ist etwas gegenwärtig значить: я *живо- сущи* помню, я *живо* себя представляю что *нибудъ*, но этого-то г. Григоревскій, очевидно, не знаетъ.

Все это, однако, пока мелочи, а какъ покажутся читателю слѣдующіе примѣры:

Въ стихѣ 1030 Одиссей говоритъ: „я могъ бы многое возразить на упреки Филоктета, еслибъ имѣлъ на это достаточно времени, но теперь я имѣю въ своемъ распоряженіи только одно слово и т. д.

πολλ' ἂν λέγειν ἔχοιμι πρὸς τὰ τοῦδ' ἔπη,
εἴ μοι παρείκοι· νῦν δ' ἐνὸς κρατὸς λόγου.

Вундеръ и Шнейдевинъ совершенно вѣрно переводятъ слова: νῦν δ' ἐνὸς κρατὸς λόγου: Nunc vero unius verbi potestas mihi est, W.; jetzt gebiete ich über *ein* Wort, ich vermag nur noch *ein* Wort zu sagen, da ich aufbrechen muss.“

Г. Григоревскій передаетъ эти слова такъ: „теперь я *ршу* од- нимъ словомъ (кратко)“. Смѣло рѣшено, нечего сказать! Но и это еще ничего въ сравненіи съ тремя перлами, бережливѣйшими мною для конца. Нужно сперва замѣтить, что г. Григоревскій самъ счита- етъ себя слабымъ въ латинскомъ языкѣ. Поэтому, если ему встрѣ- чается у Вундера какое нибудь трудное для него латинское примѣ- чаніе, онъ или совсѣмъ его выпускаетъ, или же оставляетъ непере- воденнымъ и помѣщаетъ его цѣликомъ по латинѣ въ своемъ коммен- таріи, падѣясь на то, что вѣсьма найдется ученикъ, который лучше что пойметъ смыслъ Вундеровскаго примѣчанія. Такъ, напр., въ прим. къ ст. 1002 стоитъ не переведенное, т. е. непонятное г. Григорев- скому латинское примѣчаніе Вундера, правда, нѣсколько запутанное. Что это дѣйствительно такъ, насъ убѣждаютъ три примѣра, въ ко- торыхъ скудость свѣдѣній г. Григоревскаго доходитъ до Геркулесо- выхъ столбовъ. Въ ст. 973 Филоктетъ говоритъ Одиссею: „о, неп- астинный человѣкъ, чего ты только не выдумаешь сказать?“

Ὁ μῦθος, οἷα καὶ ἀνευρίσκει λέγειν;

Къ этому стиху Вундеръ замѣчаетъ, что при *ἀνευρίσκειν* стоитъ inf. *λέγειν*, а не partic. *λέγων*, потому что Филоктетъ желаетъ, чтобы слушатели обратили вниманіе на то, какую рѣчь выдумываетъ Одис-

сей, а не на то, что онъ именно выдумываетъ въ своей рѣчи; слѣдовательно, рѣчь Одиссея, по мнѣнію Филоктета, вся вымышлена съ начала до конца, въ ней нѣтъ ни слова правды. Вотъ подлинныя слова Вундера; „ἐξαιρούμεν cum infinitivo λέγειν, non cum participio coniunctum est propterea, quod, *qualem* fingat Ulixes orationem, adverti Philoctetes ab auditoribus vult, non qualia in oratione fingat“. А вотъ переводъ этихъ словъ г. Григоревскаго: „ἐξαιρούμεν съ неопредѣленнымъ λέγειν, а не съ причастіемъ, потому что Филоктетъ *желаетъ отклонить отъ слушателей* и самую рѣчь Одиссея, а не то только, что содержится въ ней!“

Вотъ другой примѣръ: Неоптолемъ, по наущенію Одиссея, разказалъ Филокету, будто Атриды напесли ему, Неоптолему, смертельную обиду, не отдавъ ему оружія отца его, Ахиллеса. Филоктетъ возмущенъ этимъ извѣстіемъ и спрашивать, гдѣ же въ это время былъ Аяксъ? Неоптолемъ отвѣчаетъ: его уже не было въ живыхъ, а то бы у меня не похитили и оружіе.

405. Φιλ. ἀλλ' οὔτι τοῦτο θαῦρ' ἔμοιγ' ἀλλ' εἰ παρὼν
 Αἴας ὁ μείζων ταῦθ' ὁρῶν ἠνείχετο.
 Να οὐκ ἦν ἔτι ζῶν, ὃ ξέν'· οὐ γὰρ ἂν ποτε
 ζῶντος γ' ἀχαινοῦ ταῦτ' ἐσολήθην εἶπῶ.

Къ этимъ стихамъ Готфр. Германъ, а за нимъ и Вундеръ, замѣчаютъ: не слѣдуетъ забывать, что разказъ Неоптолема объ оружіи вымышленъ. Оно въ дѣйствительности было ему возвращено; едва-ли было бы вѣроятно, чтобы онъ принялъ участіе въ осадѣ Трои, еслибъ ему не возвратили отцовскаго оружія. То же самое говорить и Проклъ изъ Лесхеса: „Одиссей, приведя Неоптолема изъ Скироса, даетъ ему оружіе отца“. Вотъ подлинныя слова Германа и Вундера: Meminisse oportet ficta narrare Neoptoleum. Non enim veri simile est pugnaturum fuisse nisi armis illis sibi restitutis.

А вотъ какъ ихъ перевелъ г. Григоревскій: „Не должно забывать, что Неоптолемъ говоритъ вымышленное. Еслибы Аяксъ и вступилъ въ борьбу, то развѣ съ тѣмъ, чтобы самому завладѣть имъ“. Не правда-ли, какъ вѣрно переданы мельчайшіе оттѣнки подлинника?

И все-таки это опять ничего въ сравненіи съ слѣдующимъ: Неоптолемъ спрашиваетъ Филоктета, можно ли ему взять въ руки и разсмотрѣть лукъ и стрѣлы, подаренныя несчастному герою самимъ Геракломъ? Филоктетъ отвѣчаетъ: „Конечно, ты можешь это сдѣлать, ты, который“ и т. д.; затѣмъ перечисляются благодаренія, оказанныя Неоптолемомъ Филокету, и каждое благодареніе приводится Филок-

тетомъ все въ той же формѣ относительнаго предложенія: „ты, который то-то мнѣ сдѣлалъ, ты, который и т. д. Вотъ текстъ Софокла (ст. 654 — 658).

Φι. ὁπᾶ τε φωνεῖς, ἔστι τ', ὦ τέκνον, θέμις,
ὃς γ' ἡλίου τόδ' εἰσορᾶν ἐμοὶ φᾶος
μόνος δέδωκας, ὃς χθόν' Οἰταίαν ἰδεῖν,
ὃς πατέρα πρέσβον, ὃς φίλους, ὃς τῶν ἐμῶν
ἐχθρῶν μ' ἐνερθάνοντ' ἀνέστησας κέρα.

Объясняя эти стихи, Вундеръ обращаетъ особое вниманіе читателя на повтореніе относительнаго мѣстоименія, которое въ данномъ мѣстѣ такъ выразительно и такъ подходитъ къ общему тону и смыслу рѣчи. Вотъ его слова:

„Attende saepius repetitum pronomen relativum, cuius iteratio sententiae accommodatissima“.

Посмотримъ же теперь переводъ г. Григорьевскаго: „Достойно замѣчанія повтореніе относительнаго мѣстоименія, особенно свойственное сентенціямъ!!!“

Можетъ быть, нѣкоторые найдутъ, что моя рецензія написана слишкомъ рѣзко, но это происходитъ отъ того, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ относиться съ неумолимою строгостью къ произведеніямъ въ родѣ разобраннаго мною. Иначе мы унизили бы достоинство серьезной филологической науки въ Россіи, которая должна опредѣленно заявить разъ навсегда, что г. Григорьевскій не имѣетъ права выдавать себя за одного изъ ея представителей.

В. Грингмутъ.

ГРАМАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ¹⁾.

II.

О согласованіи мѣстоименій указательныхъ и относительныхъ съ подлежащими и сказуемыми.

Что мѣстоименіе указательное или относительное, на мѣстѣ подлежащаго, необходимо согласуется со сказуемымъ существительнымъ, если относится къ цѣлому предложенію, а часто и въ томъ случаѣ, если относится къ отдѣльному существительному; это упоминается въ большей части латинскихъ грамматикъ, и примѣчается также, что въ первомъ случаѣ по-русски мѣстоименіе ставится въ среднемъ родѣ единственнаго числа. Однако это правило нуждается въ нѣкоторомъ дополненіи. Вѣдь означенныя мѣстоименія согласуются, какъ подлежащія, съ своими существительными сказуемыми и въ томъ случаѣ, если относятся не къ выше употребленному существительному или предложенію, а къ предмету или дѣйствию въ рѣчи, на которыя указываетъ; какъ въ словахъ умирающаго Нерона (*Sueton Ner. 49*) *Haec est fides*, гдѣ *haec* относится къ дѣйствию центуріона, Нерономъ прежде не упомянутому, или *Terent. Andr. 787: Hic est ille*, гдѣ Давъ, говоря *hic*, указываетъ на Хремеса. Мало того, согласованное съ существительнымъ сказуемымъ мѣстоименіе, въ видѣ подлежащаго, встрѣчается и въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда оно не относится ни къ имени или предложенію предыдущей рѣчи, ни къ имени или дѣйствию указываемому въ рѣчи, но, будучи опредѣляемо чрезъ относительное предложеніе, заступаетъ мѣсто существительнаго, и 2) когда по-русски употребляется или средній родъ одного мѣстоименія или мѣстоименіе въ мѣстѣ съ какимъ нибудь существитель-

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1876 годъ.

нымъ. Мы имѣемъ въ виду примѣры, какъ *Cic. de inv. I, 5, 7. Materiam artis eam dicimus, in qua omnis ars et ea facultas, quae conficitur ex arte, versatur.* Предметомъ искусства мы называемъ то, чѣмъ все искусство и простирающаяся отъ искусства способность занимается. *ib. I, 6, 8. Quaestionem eam appellat, quae habeat in se controversiam in dicendo positam sine certarum personarum interpositione.* Вопросомъ онъ называетъ то, что заключаетъ въ себѣ предметъ спора, лежащій въ основаніи рѣчи, безъ вставленія опредѣленныхъ лицъ *ad Her. IV, 26, 35. Transitio vocatur, quae cum ostendit breviter, quid dictum sit, proponit item brevi, quid sequitur.* Переходомъ называется то (мѣсто), что (которое), вкратцѣ обозначая сказанное, также вкратцѣ обозначаетъ послѣдующее. *ib. 39, 51. Descriptio nominatur, quae rerum consequentium continet perspicuam et dilucidam cum gradatula expositionem.* Описаніемъ называется такая рѣчь, которая содержитъ ясное и ввѣстительно прозрачное изложеніе послѣдствій. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, какъ вообще при глаголахъ „называть“ и „называться“, названіе надобно принимать за сказуемое или дополненіе дѣйствительнаго или подлежащаго страдательнаго глагола. Средній родъ мѣстоименія *is*, въ означенномъ случаѣ, встрѣчается рѣже, какъ напримѣръ, *Cic. de inv. I, 5, 6. oratoris quid officium et quid finem esse dicamus intelligimus, cum id, quod facere debet, officium esse dicemus, illud, cuius causa facere debet, finem appellabimus.* Сюда же принадлежатъ *Cic. Phil. I, 10, 26. Quod crit ita gestum, id lex crit.*, хотя Дрэгерь (*Historische Syntax der lateinischen Sprache, p. 161. s.*) *id* принимаетъ за сказуемое. Дѣло не въ опредѣленіи понятія *lex*, а въ томъ, можно ли такому распоряженію дать предикатъ закона.

Равномѣрно въ грамматикахъ обыкновенно упоминается о томъ, что иногда прилагательное средняго рода единственнаго числа, замѣняющее собою существительное, употребляется въ видѣ сказуемаго, и въ доказательство тому приводятся извѣстныя слова: *triste lupus stabulis* или *Varium et mutabile semper femina*, но умалчивается о томъ, какъ въ этомъ отношеніи поступаютъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ. Слѣдовало бы упомянуть, что указательное мѣстоименіе, въ качествѣ сказуемаго, согласуется съ своимъ подлежащимъ не только, если у него подразумѣвается самое подлежащее, гдѣ и по русски ставится согласованное мѣстоименіе (*Verborum exornatio est—sc. ea exornatio—quae ipsius sermonis insignita continetur perpolitione*), но и тогда, когда подразумѣвается родовое понятіе подлежащаго. Та-

кимъ образомъ согласованное съ подлежащимъ указательное мѣстоименіе, какъ сказуемое, чаще всего употребляется въ дефиниціяхъ, гдѣ по латыни самое *genus proximum* гораздо рѣже называется чѣмъ по русски, но обозначается именно этимъ согласованіемъ, такъ что такіа дефиниціи все-таки ближе подходятъ къ дефиниціямъ съ названнымъ *genus proximum*, чѣмъ къ тѣмъ, гдѣ сказуемое состоитъ изъ отвлеченнаго средняго рода мѣстоименія. Когда говорится, на-примѣръ, *Definitio est, quae rei alicuius proprias amplectitur potestates breviter et absolute* (ad *Her.* IV, 25, 35), то это, конечно, менѣе опредѣленное выраженіе, чѣмъ: *definitio est oratio, quae* и пр. (*Topic.* 5, 26), но со всѣмъ тѣмъ болѣе опредѣленное, чѣмъ русскій переводъ: дефиниція—то, что и пр. Послѣдній оборотъ, то-есть, средній родъ указательнаго мѣстоименія, въ качествѣ существительнаго, какъ сказуемое, употребляется рѣдко, хотя есть мѣста, какъ: *idem voluptas est quod indolentia* (*Cic. de fin.* 2, 4, 11). Гораздо чаще мѣсто его заступаетъ *cum*, какъ: *Contentio est, cum ex contrariis verbis aut rebus oratio conficitur* (ad *Her.* IV, 15, 25). Правда, въ такихъ оборотахъ могло бы казаться, будто *esse* употребляется не какъ простая связка, но въ смыслѣ „имѣться“, а *cum* какъ темпоральный союзъ=когда, и ничто не препятствуетъ въ русскомъ переводѣ сказать, на-примѣръ, *contentio имѣется* (или *есть*), когда и т. д.; однако то обстоятельство, что съ точки зрѣнія латинскаго *cum* соотвѣтствуетъ подразумѣваемому указательному мѣстоименію, становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ въ виду мѣстъ, въ которыхъ дѣйствительно такое указательное мѣстоименіе поставлено, какъ: *Nulla est haec amicitia, cum aliter verum audire non vult, alter ad mentiendum paratus est* (*Cic. de amit.* 26, 98).—И такъ, согласованное съ подлежащимъ указательное мѣстоименіе, въ качествѣ сказуемаго, по латыни употребляется особенно часто въ дефиниціяхъ, если только возможно подразумѣвать при немъ родовое понятіе подлежащаго, и этотъ оборотъ обыкновенно предпочитается и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по русски ставятъ средній родъ мѣстоименія. Но и кромѣ дефиницій, при упоминаніи отдѣльных признаковъ, преобладаетъ согласованное указательное мѣстоименіе, Ливій IX, 3, 12: *ista quidem sententia ea est, quae neque amicos parat neque inimicos tollit*. Сюда же принадлежитъ *Cic. de fin.* I, 13, 43: *Sapientia est una, quae maestitiam pellat ex animis*—и подобныя же выраженія, приведенныя къ этому мѣсту Мадвигомъ. Гдѣ по латыни ставится средній родъ, тамъ ставится въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ, но и въ такихъ фразахъ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ поставленъ сред-

ній родъ, въ другихъ иногда встрѣчается согласованное мѣстоименіе; какъ, наприимѣръ, Ливій 30, 30, 12: *Quod ego fui ad Trasimenum, id tu hodie es*, и Цицеронъ: *pro Ligar.* 3, 6. *litteras misit, ut essem idem, qui fuisset.*

То же самое, что при указательномъ мѣстоименіи, соблюдается и при вопросительномъ, если оно служитъ сказуемымъ. Но объ этомъ упоминать нечего, такъ какъ о вопросительномъ мѣстоименіи обыкновенно говорится въ грамматикахъ. Извѣстно, что какъ сказуемое употребляется средній родъ вопросительнаго мѣстоименія, если вопросъ требуетъ дефиниціи, а какъ согласованная съ подлежащимъ форма, если идетъ рѣчь о какомъ-нибудь отдѣльномъ качествѣ.

А. Фохтъ.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. *12-го октября 1876 года.* О наименованіи реальнаго училища, содержащагося на средства церковнаго совѣта евангелическо-лютеранскаго общества въ г. Саратовѣ „Александро-Маріинскимъ“. 1
2. *12-го октября 1876 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Вольскомъ реальномъ училищѣ. . . . . —
3. *19-го ноября 1876 года.* О предоставленіи содержимой въ Москвѣ г-жею Фишеръ частной женской классической гимназіи правъ и преимуществъ, предоставленныхъ женскимъ гимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія 17
4. *19-го ноября 1876 года.* О наименованіи одного изъ воспитанниковъ существующей при лицѣѣ Цесаревича Николая въ Москвѣ Ломоносовской семинаріи стипендіатомъ Варвары Петровны Писемской . . . . . —
5. *19-го ноября 1876 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназіи 18
6. *19-го ноября 1876 года.* Объ учрежденіи стипендіи при Тамбовской мужской гимназіи . . . . . —

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

19-го ноября 1876 года. (№ 12) 19

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 30-го октября 1876 года. Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта А. П. Хрущева при Омской женской гимназіи почетныхъ гражданъ Поповыхъ 4
2. 25-го ноября 1876 года. Положеніе о Константино-Варваринской стипендіи, учрежденной при Московскомъ учительскомъ институтѣ 5
3. 25-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи имени Вѣры Григорьевны Еллинской, при Рижской женской Ломоносовской гимназіи. . . . . —
4. 23-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Оомы Ивановича Петонди, учрежденной при Казанской Маріинской женской гимназіи 20
5. 23-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи при Черниговской Маріинской женской гимназіи, имени Маріи Владиміровны Панчулидзевоы 21
6. 24-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Даниловича Можневскаго, учрежденной при Рижской Александровской гимназіи. 22
7. 27-го ноября 1876 года. Правила для испытательныхъ комитетовъ и учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ. . . . . —
8. 4-го декабря 1876 года. Правила о стипендіи имени Антона Ивановича Малиновскаго, учреждаемой въ г. Харьковѣ при Москалевской школѣ общества распространенія въ народѣ грамотности . . . . . 26.
9. 11-го декабря 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ гимназіяхъ уроковъ гимнастики. 27
10. 16-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени доктора медицины Михаила Бирунтова при учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа 28
11. 17-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени

тайнаго совѣтника Эдуарда Васильевича Лерхе при Николаевской Новгородской жепской гимназіи . . . . . —

12. 17-го декабря 1876 года. Правила о стипендіи при Казанскомъ университетѣ для сыновей лицъ почтоваго вѣдомства. 29

13. 21-го декабря 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о производствѣ испытаній лицамъ, поступающимъ въ военную службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда 30

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го октября 1876 года (№ 20). 6

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures des gymnases et des écoles“. Par *Aimé Guill Kercoff*. 9

О изданіи: „Систематическій атласъ растений“, составленный *И. Г. Гюбнеромъ* . . . . . —

О книгѣ: „Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій“. Составилъ *Θ. Гилмровъ* . . . . . —

О книгѣ: „Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ“. Составили *А. Малининъ* и *К. Буренинъ* . . . . . —

О книгѣ: „Французская хрестоматія, со статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полнаго спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ *Н. Фену* . . . . . —

О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ *Θ. Брандтъ* . . . . . —

О книгѣ: „Исторія русской словесности“. Составилъ *И. Порфирьевъ* 10

О книгахъ: 1) „Элементарная грамматика русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и другихъ училищъ“ и 2) „Статьи для диктанта, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ“. Составилъ *Н. Баталинъ* . . . . . —

О книгѣ: „Нравственная педагогика или общепонятное из-

ложение основных начал нравственного воспитания". Составилъ <i>К. Гюмбуртъ</i>	31
О книгахъ: 1) „Курсъ зоологій“, 2) „Курсъ ботаники“ и 3) „Курсъ минералогій“. Составилъ <i>А. Поплавскій</i>	—
О книгахъ: 1) „Сборникъ матеріаловъ для письменнаго и устнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій“. Составили <i>Э. Черный</i> и <i>Н. Баталинъ</i> , 2) „Méthode Robertson. Cours pratique le langue française à l'usage des écoles“ par <i>Aimé Constantin</i> , 3) „Пособіе при изученіи русской словесности, курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій“ и 4) „Учебникъ русской словесности для учениковъ и ученицъ V-го класса гимназій“. Составилъ <i>П. Смирновскій</i>	—
О изданіи: „Ботаническій атласъ“. Составилъ <i>Н. Животовскій</i>	32
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора“. Составилъ <i>Ө. Буслаевъ</i>	—
О книгѣ: „Руководство къ повторенію (Repertorium) латинской грамматики и стилистики для высшихъ классовъ гимназій, преимущественно для домашнихъ занятій“. Составилъ докторъ <i>Метс</i>	—
О книгѣ: „Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія“ Составилъ <i>Н. Любимовъ</i>	—
О книгѣ: „Учебный курсъ всеобщей исторіи“. Составилъ <i>А. Цытковъ</i>	—
О книгѣ: „Сборникъ русскихъ статей для перевода на латинскій языкъ“. Составилъ <i>К. Я. Бѣликинъ</i>	—
О книгѣ: „Руководство начальной геометріи“. Составилъ <i>А. Левъ</i>	33

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Записки по методикѣ русскаго языка“. Отдѣлы I-й и II-й. Состав. <i>П. Н. Соломинъ</i>	10
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Подосиновики“. Сост. <i>А. Поюс-скимъ</i>	—
О изданіяхъ подъ заглавіемъ: 1) „Книжки для чтенія“. Сост. <i>С. Плеловичъ</i> . 2) „День и ночь въ Севастополѣ. Сцены изъ бос-	

вой жизни" (изъ записокъ артиллериста). 3) „Чай и его польза" и 4) Что такое соль и гдѣ ее берутъ". Сост. <i>Е. Рейнботъ</i>	11
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Русская хрестоматія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ". Сост. <i>Кузьминимъ</i> .	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Отдыхъ. Два разказа для дѣтей". Сост. <i>Е. Васильевскою</i> .	—
О „портретѣ Государа Императора", исполненномъ масляными красками по способу, изобрѣтенному художникомъ <i>К. Добровольскимъ</i>	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Современная Черногорія Фрилея и Влохити"	33
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Ариѳметика". Сост. <i>Н. Т. Щеловымъ</i>	—
О изданіи подѣ заглавіемъ: „Воскресные разказы"	—
О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Краткое обозрѣніе предметовъ, отпосланныхъ къ богослуженію нашей православной церкви и римско-католической". Сост. <i>Самойло</i>	—
Официальныя извѣщенія	11 и 34

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ересь жиновствующихъ. <i>И. Панова</i>	1 и 253
Русско-византійскіе отрывки. <i>В. Васильевскаго</i> .	41 и 157
Балканскіе Славяне, въ эпоху покоренія ихъ Турками.	
<i>Владимира Качановскаго</i>	41
Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. <i>А. Веселовскаго</i> .	186
Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ на спряженія. <i>Н. П. Некрасова</i>	296
О торговлѣ Русскихъ съ Ригю въ XIII и XIV вѣкахъ. <i>М. Бережкова</i> .	330

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сочиненія Аполлона Григорьева. <i>А. Гамцова</i>	115
Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списовъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Составилъ <i>Григорій Геннадіи. Владиміра Самцова</i> .	127

Старославянская грамматика. Учебникъ для гимназій. Сост. <i>М. Колосовъ. А. Смирнова</i>	140
Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Состав. <i>Я. Гуревичъ</i>	149
Mélusine, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages, dirigée par <i>M. N. Gaidoz et E. Rolland</i> (<i>Мелюзина, журналъ по мифологіи, народной словесности, преданіямъ и обычаямъ, издаваемый подъ редакціей Т. Гедоца и Э. Роллана</i>). <i>А. Весселовскаго</i>	151
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. (Донесенія австрійскаго посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ графа Мерси-Аржанто императрицѣ Маріи-Терези и канцлеру графу Кауницю. Съ 5-го января по 24-е іюля 1762 года). <i>Н. И.</i>	358

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Обученіе пѣнію въ народной школѣ. <i>С. Миропольскаго</i>	1
О практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ учительской семинаріи въ начальномъ училищѣ. Протоіерея <i>М. Ивановскаго</i>	23
Острожское женское училище графа Д. Н. Влудова	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. <i>В. Смирнова</i>	1
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) ветеринарные институты, в) низшія училища, г) объ открытіи учительскаго института въ Бѣлгородѣ	26 и 90
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Л—ри</i>	68
Некрологъ.	115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

О nomine gentile автора Энеиды. <i>Л. Миллеръ</i>	1
Библиографія. <i>П. Тихановича</i>	6

Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ вре-	
менамъ. <i>Э. Чернаго</i>	43
Два русскихъ изданія Софокловой трагедіи <i>Филоктеть</i> . <i>В.</i>	
<i>Гриньмута</i>	59
Грамматическія замѣтки. <i>А. Фохта</i>	81

уяснить себѣ лишь принявъ во вниманіе, что въ то время люди, хотѣвшіе слѣть образованными, подразумѣвали подъ этимъ понятіемъ исключительно образованіе французское, такъ какъ Франція, давно уже считавшаяся отечествомъ вкуса и цивилизаціи, и теперь, въ періодъ революціи, сохранила свою обаятельную силу. «Русскіе (т. е. высшихъ слоевъ общества) почти всѣ воспитаны Французами», говоритъ одинъ современникъ въ 1800 г.; «съ дѣтства они приобрѣтаютъ очевидное предпочтеніе къ этой странѣ... они знаютъ Францію только en beau, какою она кажется имъ издали; считаютъ ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусствъ, изящныхъ наслажденій и любезныхъ людей; они считаютъ ее убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ и они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ сумрачное отечество. Французскіе эмигранты, загнанные къ новѣйшимъ Киммерійцамъ, съ удивленіемъ нашли здѣсь людей, которые лучше ихъ самихъ знали дѣла ихъ собственной родины», и т. д. „Печальная необходимость, отсутствіе порядочныхъ средствъ воспитанія, дѣлали то, что очень большая доля воспитанія въ среднемъ и высшемъ дворянскомъ кругу принадлежала иностранцамъ, преимущественно Французамъ, отчасти Нѣмцамъ... Происходило ли то дурное, что такъ легко и дешево было сваливать на французское воспитаніе, скорѣе отъ цѣлаго склада жизни, еще преисполненной крѣпостнымъ варварствомъ и стариннымъ невѣжествомъ, чѣмъ отъ французскаго гувернера“ ¹⁾, „привлекало ли Русскихъ къ Французамъ извѣстное сходство нравовъ и національнаго характера,“ какъ думаетъ Шторхъ (I, 260), это мы пока оставимъ въ сторонѣ; обратимъ только вниманіе, на „болѣе близкое знакомство съ французскимъ языкомъ и литературою“, о которомъ тоже говоритъ Шторхъ, чтобы по этому судить о цѣлп, имѣвшейся въ виду уставомъ учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, многіе считали тогда службу главною нѣлію образованія. Нагляднымъ доказательствомъ этого мнѣнія служитъ составленное въ 1797 г. княземъ Мещерскимъ положеніе объ учрежденіи въ Казани гимназій, цѣль коей въ § 3-мъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „цѣлью воспитанія и ученія въ гимназій полагается то, чтобы со временемъ можно было получать людей, способныхъ болѣе къ гражданской жизни и къ военной и гражданской службѣ, нежели къ состоянію, отличающему ученаго человѣка, для которыхъ есть въ государствѣ другія высшія училища.“ „Однако,“ сказано въ § 16, „не противно будетъ и для славы гимназій нужно, чтобы нѣкоторое число изъ учащихся, по ихъ и родителей ихъ желаніямъ, достигало состоянія, отличающаго ученаго человѣка. Сихъ-то учениковъ, въ коихъ окажутся достаточныя дарованія, полагается обучать, при прочихъ

¹⁾ Цитируя, стр. 67, 68.

наукахъ и языкахъ, латинскому языку, и для отправленія ихъ въ Московскій университетъ испрашивается Монаршая воля¹⁾. Гораздо выше поставлена была цѣль гимназій по новому уставу. „Учрежденіе гимназій имѣетъ двоякую цѣль: 1) приготовленіе къ университетскимъ наукамъ юношества, которое, по склонности къ онымъ, или по званію своему, требующему дальнѣйшихъ познаній, пожелаетъ усовершенствоваться въ университетахъ; 2) преподаваніе наукъ, хотя начальныхъ, но полныхъ въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои, не имѣя намѣренія продолжать оныя въ университетахъ, пожелаютъ приобрести свѣдѣнія, необходимыя для благочестиваго человека (ст. 4). Въ обоихъ случаяхъ, не нравственный идеалъ положенъ въ основу гимназій, а умственное образованіе; приобретеніе познаній составляютъ ея цѣль; объ упомянутомъ въ „Предварительныхъ правилахъ“ нравственномъ образованіи въ уставѣ нѣтъ и рѣчи. Замѣчательно, что все, содержащееся относительно этого въ уставѣ, вошло въ отдѣлъ „объ обязанностяхъ учителей.“

Дальнѣйшею задачею гимназій ст. 12-я, заимствованная изъ устава 1786 г., ставитъ слѣдующее: „Въ гимназіи сверхъ обыкновеннаго преподаванія наукъ, приготовляются къ учительской должности желающіе быть учителями въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищахъ“. „Обучась способу преподаванія, они испытуются въ знаніяхъ своихъ; послѣ чего съ вѣдома университета получаютъ свидѣтельства.“ Цѣль *уѣздныхъ училищъ*, по статьѣ 84-ой, состояла въ слѣдующемъ: „1) приготовить юношество для гимназій, если родители пожелаютъ дать дѣтямъ своимъ лучшее воспитаніе, и 2) открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности“. Значитъ, и здѣсь рѣчь идетъ только о полученіи свѣдѣній. Обративъ вниманіе на цѣль *приходскихъ* училищъ, т. е. низшей ступени знанія, вершину коего составляетъ университетъ,—учреждаемыхъ по ст. 119: „1) чтобы приготовить юношество для уѣздныхъ училищъ; 2) чтобы доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, *сдѣлать ихъ, въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими*, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣріе и предрассудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію,“ — мы находимъ, что только на этой первой ступени нравственное воспитаніе считается оконченнымъ, тогда какъ на дѣлѣ оно также вошло въ учебный планъ уѣздныхъ училищъ и притомъ съ относительно большимъ числомъ уроковъ.

Законъ открылъ школы *всѣмъ сословіямъ*; нѣтъ въ немъ ни одного постановленія, которое ограничивало бы право посѣщенія учебныхъ

¹⁾ См. Владимірова II. 1, 5. 9.

заведеній по сословіямъ; такъ, напимѣръ, Московскій университетъ, открывъ губернскую гимназію (2-го января 1804 г.), объявилъ въ мѣстныхъ Вѣдомостяхъ, „что въ ней могутъ получать свѣдѣнія въ языкахъ и наукахъ отроки всѣхъ состояній“ ¹⁾. Любопытно сопоставить съ этимъ взглядъ Главнаго Правленія Училищъ, выраженный въ журналѣ его отъ 8-го августа 1803 г. Тутъ сказано между прочимъ слѣдующее: „Почетитель Дерптскаго университета просилъ собраніе пройти нѣкоторыя статьи устава сего университета, которыя были нѣсколько перемѣнены его сіятельствомъ министромъ, при просмотрѣ имъ проекта, одобреннаго Правленіемъ. Въ томъ числѣ важнѣйшимъ оказалось соединеніе первой статьи съ второю, въ которой выражается право университета принимать студентами людей всякаго состоянія, и присовокупленіе къ слову—*состоянія* выраженія: *свободнаго*, котораго въ Высочайше подписанномъ актѣ не находится. Члены Правленія, сколько изъ уваженія сей причины, столько рассуждая, что злоупотребленія, которыя могли бы произойти отъ неограниченнаго принятія людей всѣхъ состояній, останавливаются сами собою въ пхъ началѣ мѣрами, выраженными въ послѣдствіи сего устава, какъ-то предписаніемъ не принимать иныхъ, кромѣ представляющихъ о себѣ законное свидѣтельство, опредѣляли: представить его сіятельству, не благоволитъ ли онъ выпустить упомянутое слово *свободнаго*, которое въ чужихъ краяхъ можетъ подать поводъ къ непріятнымъ заключеніямъ и толкамъ“. Въ литературѣ проявилось однако совершенно другое мнѣніе. Такъ, напр., И. Циннъ ²⁾ (1773—1805) въ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“ (изд. въ 1804 г.) говорить, что „въ училищахъ для *земледѣльцевъ* должно обучать чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ арифметики, сельской механикѣ, обработкѣ полей, осушенію болотъ, скотоводству и проч.; въ *мѣщанскомъ* училищѣ слѣдуетъ преподавать: русское чтеніе, чистописаніе, граматку, арифметику, введеніе во всеобщую исторію и географію, сокращеніе и главныя эпохи русской исторіи, геометрію и тригонометрію, математическое и физическое познаніе земнаго шара, физику, естественную исторію и технологию, практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и потребностей края. Къ этимъ предметамъ въ *купеческомъ* училищѣ присоединять: чтеніе, чистописаніе и граматку англійскаго языка, алгебру, купеческіе счета всѣхъ родовъ, простую и двойную бухгалтерію, исторію коммерціи и навигаціи, познаніе торговли и товаровъ, и наконецъ, сокращеніе всего человѣческаго познанія и діететику. Образованіе *дворянскаго* сословія усовершенствовать введеніемъ въ курсъ *кадетскихъ корпусовъ* преподаванія юридическихъ наукъ“ и т. п. Такой же взглядъ встрѣчаемъ

¹⁾ Шегиревъ, Ист. Моск. Унив. 340. ²⁾ Сухомяиновъ, Мат. III, 31. 91.

и у Мартынова: „Поселянину нужно сообщать только такія познанія, которыя сопряжены съ его отношеніями и нуждами состоянія его: все, что не принадлежитъ къ его званію, будетъ для него излишнимъ.... Вообще всякій человѣкъ, списывающій себѣ пропитаніе тяжелою работою, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражненіямъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, воображеніе участвуетъ несравненно болѣе разсудка“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ помѣщено извлеченіе изъ книги Д. Гельмана: „Повныя мнѣнія о воспитаніи“, въ которой, между прочимъ, говорится: „конечно не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе; науки, собственно такъ названныя, свободныя художества и всѣ тѣ упражненія, кои составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ неприличны черни, и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ, если въ немъ болѣе будетъ умствователей, нежели умныхъ. Но крайне было бы несправедливо отказать ему въ пособіяхъ начальнаго образованія, въ познаніи своихъ должностей, въ ясныхъ и точныхъ понятіяхъ о первыхъ основаніяхъ правосудія и ихъ отношеніи ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни“ ²⁾.

3. *Планъ ученія въ гимназіяхъ* „долженъ соответствовать сей двойной цѣли, заключаая въ себѣ начальныя основанія всѣхъ наукъ, потребныхъ къ достиженію оной, кромѣ полныхъ курсовъ трехъ языковъ“ (ст. 5). Планъ этотъ былъ слѣдующій:

---

¹⁾ См. *Силерный Вѣстникъ*, изд. Мартыновымъ 1804 г. I, 4.

²⁾ Тамъ же II, 158.

		К л а с с ы.				Всего.
		I низ- ший.	II.	III.	IV.	
Первый старшій учитель	Математика	6	6	6	—	18
Второй старшій учитель	Исторія, географія и статистика ...	6	6	4	2	18
Третій старшій уч- тель.....	Философія, изящ- ныя науки и по- литическая эконо- мія	4	4	4	8	20
Четвертый старшій учитель	Естественная исто- рія, технологія и коммерческія науки	—	—	4	12	16
Первый учитель...	Латинскій языкъ..	6	6	4	—	16
Второй учитель...	Французскій языкъ	4	4	4	4	16
Третій учитель ...	Нѣмецкій языкъ ..	4	4	4	4	16
Четвертый учитель	Рисованіе	2		2		4
		32	32	32	32	124

Преподаваніе математики заключаетъ въ себѣ въ I кл.: алгебру, геометрію и плоскую тригонометрію. Учитель сей долженъ стараться вести алгебру наравнѣ съ геометріею, дабы показать необходимость и пользу оной въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ. Во II классѣ учитель оканчиваетъ чистую и начинаетъ прикладную математику (по ст. 35 „Предв. Прав.“ механику и гидравлику) и опытную физику, которыя онъ оканчиваетъ въ III классѣ (ст. 21).

Преподаваніе исторіи. Въ I классѣ древняя исторія и географія, міеологія и древности. Во II классѣ исторія и географія новыя, и въ частности исторія и географія отечественныя. Въ III кл. общая статистика, въ IV кл. статистика Россійскаго государства (ст. 22); по „Предв. Прав.“—только общая географія и исторія.

Преподаваніе философіи, подъ конимъ „Предв. Прав.“ подразумѣвали только логику, было на столько расширено уставомъ, что въ I кл. преподается логика и всеобщая грамматика, во II кл. психологія и правоученіе, въ III-мъ эстетика и риторика, въ IV-мъ право естественное и право народное и политическая экономія (по 4 часа, ст. 23). По „Предв. Прав.“ политическая экономія поставлена предметомъ самостоятельнымъ.

Естественная исторія въ III классѣ должна быть преподаваема съ принаровленіемъ оной къ начальнымъ основаніямъ сельскаго и лѣснаго хозяйства; въ IV классѣ она раздѣляется на естественную исторію, технологію и науку о торговлѣ (каждая изъ этихъ наукъ преподается по 4 часа, ст. 24).

Языки. Латинскій языкъ. Для преподаванія сего языка былъ присоединенъ противъ „Предв. Прав.“, къ прежде назначеннымъ учителямъ, еще особый учитель, такъ какъ „министерство нашло это необходимо нужнымъ по множеству учебныхъ предметовъ, конимъ обучаютъ въ гимназіяхъ“ (Докладъ 5 ноября 1804 г.). ¹⁾ Въ I классѣ—учитель обучаетъ читать, писать, латинской грамматикѣ, приобщая къ каждому правилу объясняемаго имъ словосочиненія примѣры, взятые изъ лучшихъ авторовъ, могущихъ занимать понятіе учащихся въ самое то время, когда они затверживаютъ въ памяти правила словосочиненія. Послѣ христоматіи (въ прим.: избранныя мѣста изъ лучшихъ писателей) онъ задаетъ переводы съ латинскаго языка на отечественный; во II классѣ изъясняетъ классическихкихъ прозаическихкихъ писателей, начиная съ легчайшаго и доходя къ труднѣйшимъ, съ раздробленіемъ красоты слога. По крайней мѣрѣ одна часть въ недѣлю посвящается для приобученія учениковъ къ переводамъ съ природнаго языка на латинскій. Въ III классѣ онъ изъясняетъ вышепозазаннымъ порядкомъ латинскихъ стихотворцевъ и приобучаетъ учениковъ на семъ языкѣ сочинять. Лучшія сочиненія или мѣста въ латинскихъ сочиненіяхъ писателей должны быть выучиваемы наизусть для изощренія памяти учащихся (ст. 25).

Нѣмецкій и французскій языки. Въ I-мъ классѣ обучаютъ читать, писать и начальнымъ основаніямъ грамматикъ; во II-мъ — продолжая грамматическія правила, занимаютъ учащихся переводами съ нѣмецкаго и французскаго языковъ на природный. Въ III-мъ изъясняютъ прозаическихкихъ писателей и занимаютъ переводами съ природнаго на нѣмецкій и французскій языки. Въ IV-мъ изъясняютъ стихотворцевъ и заставляютъ на сихъ языкахъ сочинять (ст. 26).

Относительно *отечественнаго языка* Главное Правленіе Училищъ считало достаточнымъ предполагаемое при поступленіи въ гимназію

¹⁾ Сборн. Пост. I, 292 (2-го изд.).

знаніе курса уѣзднаго училища. Это явствуетъ и изъ того, что, по просьбѣ Клингера подтвердитъ „сдѣланное имъ послѣ обозрѣнія Дерптскаго учебнаго округа предписаніе о введеніи при ономъ въ большее употребленіе русскаго языка“, въ засѣданіи 14 іюня 1804 г. „положено было сдѣлать постановленіе въ уставѣ учебныхъ заведеній, дабы всякій ученикъ, начиная отъ самыхъ пансіоновъ до гимназій, былъ обучаемъ русскому языку, такъ чтобы вступающіе въ университеты имѣли уже довольное свѣдѣніе въ ономъ“. Не смотря на это, русскій языкъ не былъ включенъ въ учебный планъ.

„Дабы лучше соединить теорію съ практикою и дать ученикамъ ясное понятіе о многихъ предметахъ, которые они проходили въ классахъ, учителя должны съ болѣе успѣвными изъ своихъ учениковъ ходить во время вакаціи за городъ; сіе послужитъ тѣмъ ученикамъ нѣкотораго рода вознагражденіемъ. Учитель математики пріобучаетъ учениковъ къ главнѣйшимъ дѣйствіямъ практической геометріи и показываетъ имъ въ сихъ прогулкахъ различныя роды мельницъ, гидравлическихъ машинъ и другихъ механическихъ предметовъ, если оныя находятся въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ состоитъ гимназія. Учитель естественной исторіи и технологіи собираетъ травы, различныя роды земель, камней и изъясняетъ ихъ свойства и отличительныя признаки. Въ зимнее время, сей же учитель съ частію своихъ учениковъ осматриваетъ въ городѣ фабрики, мануфактуры и мануфактуры художниковъ, ибо рисунки и описанія не могутъ дать яснаго и достаточнаго о томъ понятія“ (ст. 28).

„Гимназія можетъ также содержать учителей танцованія, музыки и тѣлесныхъ упражненій (гимнастики), если то позволитъ доходы опол“ (ст. 8), и „съ позволенія высшаго начальства умножить число учебныхъ предметовъ и учителей (ст. 11). Всѣ науки преподаются по начальнымъ книгамъ. Главное Правленіе училищъ приметъ мѣры къ изданію сихъ книгъ (ст. 29). Число учебныхъ пособій составляетъ 23“ (ст. 30).

Для каждаго курса назначается годъ и ученіе въ гимназіяхъ продолжается 4 года (ст. 19).

Учебный планъ уѣздныхъ училищъ (ст. 85—97).

	Классы.	
	I. (низшій).	II.
Первый учитель (28 часовъ):		
Законъ Божій, священная исторія, катехизисъ, евангеліе	4	3
Должности человека и гражданина	4	—
Грамматика русская и мѣстныхъ языковъ	6	—
Чистописаніе	5	—
Правописаніе	3	—
Правила слога	—	3

Второй учитель (28 часовъ).

Арифметика	6	4
Всеобщая географія	—	3
Географія російскаго государства	—	1
Всеобщая исторія вмѣстѣ съ географіею древ-		
няго свѣта.	—	3
Россійская исторія.	—	2
Начальныя правила геометріи	—	3
Сокращеніе естественной исторіи и физики	—	3
Начальныя правила технологіи	—	3
Рисованіе	4	4
	32	32

Рисованію, для занятія коимъ оба класса соединяются вмѣстѣ, обучаетъ особый учитель, если не захочетъ принять на себя этой обязанности ни одинъ изъ преподавателей уѣзднаго училища. Подъ „мѣстными языками“ подразумѣваются въ „Предв. Прав.“ польскій, нѣмецкій и др. Трудно понять зачѣмъ было это включено, ибо учебные округи Виленскій и Дерптскій имѣли уже свой уставъ, отличный отъ уставовъ остальныхъ округовъ. Ко всеобщей географіи были отнесены основанія географіи математической, а ко всеобщей исторіи—географія древняго свѣта; къ элементамъ технологіи принадлежали тѣ, которые имѣли отношеніе къ мѣстности и промысламъ той губерніи, гдѣ находится училище.

Учебный планъ испыталъ странную судьбу. Въ „Предварительныхъ Правилахъ“ (ст. 34) законъ Божій въ числѣ предметовъ не значился: лишь наставленія въ „Должностяхъ человѣка и гражданина“ (о которыхъ см. ниже) должны были представлять собой высшія курсы общественной нравственности сравнительно съ приходскими училищами, гдѣ обучали, кромѣ чтенія, письма, первыхъ дѣйствій арифметики и главныхъ началъ закона Божія, также основнымъ началамъ нравовъ (ст. 120). Но еще страннѣе то, что „правила слога“, отнесенныя въ нашей таблицѣ къ учебнымъ предметамъ во II классѣ и упомянутыя въ ст. 85 и 86, статьею 96, распределяющею занятія учителей по классамъ, пропущены (ихъ также нѣтъ въ копіи устава, посланной въ Харьковъ; въ первомъ офиціальному изданію кромѣ того въ ст. 86 нѣтъ „правописанія“; а въ Сборникѣ Пост. 1865 г. I, 325, и 1875 г. I, 354, оно даже пропущено въ ст. 96). За то въ 96 ст., послѣ „5 часовъ чистописанія и 3 часовъ правописанія“, сдѣлана прибавка: „удѣляя изъ сихъ послѣднихъ восьми часовъ нѣсколько времени для занятія чтеніемъ и письмомъ латинскаго и нѣмецкаго языка учениковъ, готовящихся къ продолженію наукъ въ гимназіяхъ“,—прибавка, пропущенная въ Харьковской ко-

пін устава. Это постановленіе, по коему оба языка представляют собой не имѣющую существеннаго значенія вставку, а еще болѣе то обстоятельство, что въ планѣ ученія гимназій значится чтеніе и письмо этихъ обоихъ языковъ, что сильно вредитъ внутренней связи системы преподаванія, которой уставъ придаетъ важное значеніе,— представляетъ, по видимому, неразрѣшиму загадку. Книжка VIII „Пер. Соч.“, въ которой помѣщенъ уставъ 5-го ноября 1804 г., была напечатана и издана въ 1805 г. Въ маѣ же этого года Шторхъ писалъ (VI, 207): „Издатель позволяетъ себѣ предложить лишь два вопроса, такъ какъ они будутъ поставлены большинствомъ публки: 1) *отчего преподаваніе латинскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ совершенно исключено?* Конечно, училища эти ближайшимъ образомъ предназначены для промышленнаго сословія; но вѣдь не зачѣмъ при- нуждать къ изученію латинскаго языка. Будутъ ли юноши въ гимназіяхъ имѣть достаточно времени основательно познать этотъ языкъ, и не предполагается ли знаніе его при самомъ поступленіи въ гимназію? 2) *Зачѣмъ узкая система табелей перенесена.... изъ нашихъ канцелярій въ учебный міръ?* Вотъ скромныя сомнѣнія, высказанныя уже многими, весьма разумнымъ учеными“. Нельзя, кажется, объяснить все это не предположивъ, что Шторху въ маѣ еще не была извѣстна редакція устава, и что упомянутая оговорка относительно латинскаго и нѣмецкаго языковъ была вставлена дополнительно въ ст. 96 во вниманіе къ совѣтамъ „разумныхъ ученыхъ“.

И въ уѣздныхъ училищахъ съ позволенія начальства можетъ быть умножено число учебныхъ предметовъ и учителей, когда есть довольные къ тому способы (см. 89).

На подобіе того, какъ при преобразованіи гимназій два старшіе класса прежнихъ главныхъ народныхъ училищъ сдѣлались двумя младшими классами гимназій (въ такомъ отношеніи находились между собой планы ученія) и старшій классъ малыхъ, двухклассныхъ народныхъ училищъ преобразовывался въ первый классъ уѣздныхъ училищъ ¹⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что учебный планъ былъ составленъ Фусомъ; имъ же, и притомъ однимъ, подписанъ экземпляръ, отправленный въ Харьковъ. Менѣе извѣстно то, что и вообще самый уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, былъ „сочиненъ на основаніи его мнѣнія“, какъ это выражено въ журналѣ засѣданія 11 августа 1804 г., въ коемъ происходило послѣднее чтеніе проекта устава. Кое-гдѣ высказываемо было мнѣніе, будто образцомъ учебнаго плана гимназій служили французскіе лица. Какъ ни неправдоподобно оно уже само по себѣ, мы можемъ указать на тотъ фактъ, что въ представленной Фусомъ, въ засѣданіи 27 сентября 1802 г., запискѣ

¹⁾ Вороновъ I, 94.

принимается во внимание только уставъ 1786 г.; въ этой запискѣ сказано: „мнѣ кажется, что планъ оному (т. е. ученію), изображенный въ уставѣ, нужно нѣсколько распространить, дабы выполнить совершенно генеральное къ тому начертаніе, предполагаемое комиссіею въ разсужденіи всей системы народнаго просвѣщенія... Къ предметамъ ученія, назначеннымъ для 4-го класса губернскихъ училищъ, присовокупить нужно руководство къ алгебрѣ при геометріи, физикѣ и механикѣ, такожъ обучать риторикѣ и сочиненію. Не бесполезно бы такъ же было продолжать ученіе и латинскаго языка, чтобъ учащіеся могли разумѣть легчайшихъ классическихъ авторовъ“. Сверхъ того прибавлены статистика, философія, изящныя и политическія науки.

4. *Учители и ихъ обязанности* (см. 32—53). Перечисленіе общихъ обязанностей учителей начинается весьма характеристично, чѣмъ-то вѣнчимъ: прежде всего сказано, что „учители должны съ точностію наблюдать учебныя часы и никогда не пропускать классовъ, не вѣдомя о томъ заблаговременно и не представя важныхъ къ отлучкѣ своей причинъ“. Затѣмъ предписывается: Въ случаѣ отсутствія начальники поручаютъ учить другому кому либо, имѣющему потребныя качества къ заступленію мѣста отсутствующаго учителя, или же заставляютъ болѣе успѣвшаго ученика повторять съ прочими прежніе уроки (ст. 32, 33). Затѣмъ требуется, чтобы учитель окончилъ курсъ ученія въ теченіе года (ст. 34). Каждый учитель долженъ вести книгу, которая по приложенному образцу имѣетъ 16 графъ, между прочимъ слѣдующія: имена учениковъ; бѣденъ или достаточенъ ученикъ; поведеніе его; способности; сколько разъ не былъ въ классѣ; сколько разъ учитель не былъ въ классѣ и по какой причинѣ, съ вѣдома ли директора, и пр. (ст. 35). Учитель долженъ наблюдать, чтобы ученики ходили въ классъ въ назначенныя часы исправно (ст. 36). Учитель въ первое число каждаго мѣсяца подаетъ подробный отчетъ (разумѣется, тотъ, о которомъ говорятъ Исторхъ) о способностяхъ, прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи всѣхъ учениковъ, отмѣчая предметы ученія, которые онъ проходилъ (ст. 37). Для наглядности приложена форма съ 11-ю графами. Если г. Вороновъ находитъ (I, 96), что эти постановленія въ сущности сходны со статьями устава 1786 г., то можно сказать, что большею частию они даже дословно взяты изъ него. Доказательствомъ служить между прочимъ четвертая графа, гдѣ подъ заголовкомъ „когда вступилъ въ классъ“ значится: сентября 3, 1786; ноября 17, 1786. Равнымъ образомъ въ десятой графѣ остались еще старыя названія четырехъ классовъ главныхъ народныхъ училищъ. Очевидно, торопились съ уставомъ...

Учитель долженъ обучать, не требуя отъ учениковъ никакой платы за ученіе; при самомъ же обученіи не долженъ пренебрегать дѣтьми

бѣдныхъ родителей, но всегда имѣть въ памяти, что онъ приготовляетъ членовъ обществу (ст. 38). При *обученіи* онъ (учитель) не долженъ вмѣшиваться ничего посторонняго (ст. 39), стараться, дабы ученики преподаваемые имъ предметы понимали ясно и правильно; быть терпѣливымъ и исправнымъ и полагаться больше на свою прилежность и порядочныя правила, нежели на чрезмѣрный трудъ учениковъ своихъ. Для малолѣтнихъ дѣтей онъ старается сдѣлать ученіе свое легкимъ, пріятнымъ и болѣе забавнымъ, нежели тягостнымъ (ст. 40). При наставленіи возрастныхъ учитель долженъ стараться болѣе о образованіи и изощреніи разсудка ихъ, нежели о пополненіи и упражненіи памяти, не теряя изъ виду главнаго предмета юношескаго наставленія, состоящаго въ томъ, чтобы пріучить дѣтей къ трудолюбію, возбудить въ нихъ охоту и привязанность къ наукамъ, показать имъ путь къ наукамъ, дать почувствовать цѣну оныхъ и употребленіе п чрезъ то сдѣлать ихъ способными ко всякому званію; особливо же дать уму и сердцу (эти наставленія составляютъ переходъ къ *нравственной* сторонѣ дѣла) ихъ надлежащее направленіе, положить въ нихъ твердыя основанія честности и благонавія, исправить и преодолѣть въ нихъ худыя склонности (ст. 41). Ибо учителя занимаютъ у своихъ учениковъ мѣсто родителей; строгость ихъ не должна имѣть въ себѣ ничего суроваго, благосклонность ничего мягкосердаго, дабы не привлечь на себя ни ненависти, ни подозрѣнія. Они не должны быть ни сердиты, ни вспыльчивы; но не должны также пропускать безъ замѣчанія проступковъ учениковъ своихъ (ст. 42). Съ другой стороны они не должны почитать себя за самовластныхъ судей надъ дѣтьми. Сообщая свою власть учителямъ, родители не думаютъ сами лишиться оной (ст. 43). Первымъ предметомъ попеченія учителя должно быть то, чтобы хорошо вызнать свойства и нравы дѣтей, дабы можно было лучше управлять ими. Онъ долженъ всегда какъ говорить правду, такъ дѣтей наставлять говорить оную, поощрять ихъ къ чести, употреблять похвалы, награжденія, ласковость (ст. 44). При этомъ указывается на Руководство для учителей 1 и 2 классовъ, ч. III и IV (изданное Коммиссіею въ 1783 г.). ¹⁾

Требуется, чтобы учителя другъ другу помогали дѣломъ и совѣтомъ и оказывали бы предъ учениками должное другъ другу почтеніе. Учители высшихъ классовъ отнюдь не должны пренебрегать учителями нижнихъ классовъ, и не унижать преподаваемыхъ ими предметовъ предъ учениками или посторонними людьми. Съ другой стороны и учителя нижнихъ классовъ должны учтивствомъ своимъ предвѣщать тѣхъ учителей, которые наукою ихъ превосходятъ (ст. 45). Учителямъ дозволяется содержать у себя воспитанниковъ. Для сохраненія невин-

¹⁾ Вороновъ, I, 15.

ныхъ нравовъ надлежитъ учителямъ остерегаться и остерегать воспитанниковъ своихъ отъ всѣхъ суевѣрныхъ баснословныхъ и развратныхъ дѣлъ и разговоровъ; бесѣдовать съ ними, а особливо при столѣ, о такихъ предметахъ, которые могутъ расположить сердце къ добродѣтели, а душу къ благомыслию (ст. 46, 47). Запрещается учителямъ воспитанниковъ употреблять въ постороннее дѣло, домашнюю работу или въ посылки. Препоручается также учителямъ подавать воспитанникамъ своимъ наставленія вѣжливости, показывая, какъ сидѣть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково даже со слугами и служанками (ст. 48).

Къ частнымъ обязанностямъ учителей гимназій относится прежде всего слѣдующая: въ первое воскресенье каждаго мѣсяца они должны собираться къ директору для педагогическихъ совѣтовъ. Собранія эти имѣютъ двоякую цѣль: сообщеніе примѣчаній о прилежаніи и успѣхахъ учениковъ, равно какъ мнѣнія объ удобнѣйшемъ усовершенствованіи способа ученія. Сіе взаимное сообщеніе мнѣній, снѣпенія о способѣ ученія, труднѣйшемъ всѣхъ искусствъ, подаютъ директору случай узнать совершенно свѣдѣнія учителей, прилежаніе ихъ къ должностямъ и педагогическія способности (ст. 49. См. ниже о директорѣ). Какъ учителя гимназій могутъ поступать на мѣста въ университетѣхъ, то они должны стараться о распространеніи своихъ познаній въ наукахъ (ст. 50). Учителямъ гимназій, и именно старшимъ, надлежитъ вести записку объ успѣхахъ наукъ въ губерніи, о заведенныхъ и впредь заводимыхъ училищахъ и т. д. (ст. 51); имъ же препоручается вести историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки (ст. 52). Ищущимъ мѣстъ учительскихъ учителя гимназій должны въ томъ способствовать (ст. 53). Къ учителямъ уѣздныхъ училищъ примѣняются только ст. 49 и 50.

5. Всѣмъ *учащимся* должно наблюдать правила, изданныя для нихъ бывшею Коммиссіею народныхъ училищъ, и каждый ученикъ обязанъ снабдить себя сею книжкою (ст. 54). Они должны почитать своихъ учителей, повиноваться ихъ приказаніямъ и исполнять оныя съ точностію; за ослушаніе же, непочтеніе и лѣтность подлежатъ взысканіямъ, предписаннымъ въ руководствѣ учителямъ 1 и 2 класса, части IV во 2 главѣ, объ училищной строгости (ст. 55). Этимъ руководствомъ запрещены слѣдующія способы наказаній: 1) „Ремни, палки, плети, линейки и розги. 2) Пощечины, толчки и кулаки. 3) Драніе за волосы, за уши и ставленіе на колѣни. 4) Всякія посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя и названія скотины, осла п т. п.“ Равнымъ образомъ не слѣдуетъ наказывать за „слабоуміе, худую память и природную неспособность; за недостатки душевные, какъ-то робость, вѣтренность, непримѣтливость (невниманіе), если только она происходитъ не отъ нерадѣнія или шалости; за погрѣш-

ности, происходящія отъ тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзней“ ¹⁾. Высшее наказаніе составляетъ исключеніе изъ училища (объ этомъ см. ниже). Наконецъ, ученики должны снабдить себя книгами, и притомъ имѣть съ собою въ готовности бумагу, перья и другія къ писму, рисованію и инымъ наукамъ принадлежности. Непущимъ ученикамъ книги раздаются безденежно (ст. 56). Они обязаны не прежде оставить училище, какъ пройдя всѣ классы наукъ. Оставляющіе училище прежде сего не получаютъ аттестата о своихъ успѣхахъ въ ученіи (ст. 57). Въ частности всякій ученикъ, вступающій въ гимназію, долженъ прежде представить аттестатъ уѣзднаго училища о своихъ успѣхахъ въ ученіи и добропорядочномъ поведеніи. Ученившійся въ другомъ училищѣ не можетъ быть принятъ иначе въ гимназію, какъ по испытаніи учителями гимназій, которые, если одобритъ его знаніе и способность, то директоръ вноситъ имя принимаемаго въ списокъ учениковъ того класса, въ который, сообразно приобретеннымъ имъ познаніямъ, онъ можетъ быть помѣщенъ (ст. 58). Каждый ученикъ обязанъ имѣть по одному экземпляру начальныхъ курсовъ, преподаваемыхъ въ гимназій, въ которыхъ между печатными листами должны быть вклеены листы бѣлыя, дабы каждый ученикъ во время преподаванія ученія, или по выходѣ изъ классовъ, могъ на оныхъ записывать объясненія и замѣчанія учителя, который долженъ разсматривать, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ недѣлю, сія примѣчанія (ст. 59). Для уѣздныхъ училищъ тоже постановлено соотвѣтствующее испытаніе при приѣмѣ.

6. *Открытія испытанія* ежегодно производятся предъ начатіемъ новаго курса (ст. 60). За недѣлю до испытанія (въ уѣздныхъ училищахъ за мѣсяцъ) учителя подаютъ отчетъ, сообразный тому, который обязаны давать ежемѣсячно, но гораздо подробнѣйшій, наипаче объ успѣхахъ учениковъ (ст. 60). Директоръ для каждой науки назначаетъ извѣстное число шаровъ соразмѣрно важности и обширности оной. Напримѣръ, числомъ 90 можно означить степень совершенства въ алгебрѣ; такъ, знаніе ученика, окончившаго уже первоначальныя дѣйствія съ количествами простыми и сложными, учитель означаетъ числомъ 20. Для тѣхъ учениковъ, кои знаютъ рѣшеніе уравненій первой степени, прибавляетъ 10 шаровъ, второй — 15, третьей — 20, четвертой — 25 шаровъ. Сумма же чиселъ, назначенныхъ каждому ученику, опредѣляетъ мѣсто, какое онъ долженъ занимать между товарищами. Поелику же такое мѣсто назначается посредствомъ нѣкотораго баллотированія, то и дано симъ числамъ наименованіе шаровъ.

---

¹⁾ Руководство учителямъ народныхъ училищъ. С. Петербургъ, 1789 г. изд. 2-е, стр. 106—108, у Воронова, Янков. стр. 103 или въ *Журн. для вос.* Чумикова, 1858, IV, 115, 116.

Опытомъ дознано, что таковыя мѣры, открывая успѣхи каждаго ученика, служатъ къ возбужденію въ нихъ соревнованія (ст. 61). Ученикамъ, наиболѣе отличившимся, раздаются награды послѣ открытаго испытанія (ст. 62, по ст. 80 книги); окончившіе совершенно теченіе науки получаютъ аттестаты о знаніи и поведеніи (ст. 63), съ означеніемъ числа наградъ, ими полученныхъ. Такіе аттестаты даютъ право на поступленіе въ университетъ; прочіе же, выѣ гимназій обучавшіеся, испытываемы быть должны, по § 110 устава университетовъ, при университетѣ.

7. Отъ *директора*, постановленія о которомъ только теперь, въ VII главѣ, слѣдуютъ, требовались по уставу 1786 г. слѣдующія качества: „онъ долженъ быть любитель наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующій юношеству и знающій цѣну воспитанія“. Уставомъ 1804 требуется, вмѣсто перваго изъ этихъ качествъ, слѣдующее: „чтобы онъ былъ *свѣдушъ* въ наукахъ, могъ исправно судить объ искусствѣ учителей и успѣхахъ учениковъ“, — и далѣе „былъ бы дѣятеленъ и благонамѣренъ“ (ст. 65). Ибо случалось, что люди, не только безъ отличныхъ познаній и нравовъ, но даже безъ добраго имени и безизвѣстнаго происхожденія назначались директорами. Вотъ почему уже указомъ отъ 20 іюня 1801 г. (однимъ изъ первыхъ указовъ императора Александра) повелѣвалось сенату сдѣлать „напточнѣйшія подтвержденія, дабы въ директоры опредѣляемы были люди не только съ отличными свѣдѣніями въ наукахъ, но и съ наилучшими правилами въ жизни и съ тѣми свойствами, какія въ нихъ предполагаются по уставу. Если же гдѣ въ губерніи назначеніе такихъ будетъ затруднительно или и невозможно, въ таковыхъ случаяхъ начальники оныхъ должны относиться въ Комиссію объ учрежденіи училищъ, которая по симъ представленіямъ имѣетъ назначать лучшихъ изъ учителей“. И такъ министръ нар. просв., убѣждаясь тѣмъ, что преобразование училищныхъ заведеній въ губерніяхъ требуетъ осмотрительнаго выбора въ людяхъ, (13 іюня 1803 г.) отнесся къ попечителямъ всѣхъ университетскихъ округовъ, дабы они ускорили отобрать вѣрныя свѣдѣнія о качествахъ всѣхъ директоровъ училищъ, и гдѣ найдутся они не имѣющими потребныхъ свѣдѣній, на мѣста таковыхъ избравъ людей способныхъ, представили бы ему на утвержденіе ¹⁾. Уставъ 1804 г. нѣсколько умѣрилъ требованія относительно научнаго образованія директора, ст. же 70-я, напротивъ, требуетъ болѣе: „Проходя свое служеніе съ усердіемъ и рачительностію, онъ подаетъ добрый примѣръ въ порядкѣ и благонравіи своимъ подчиненнымъ, и настоитъ, чтобы и они, подражая ему въ томъ, исполняли долгъ свой съ точностію“. Директоръ, который непосредственно за-

¹⁾ Сборн. Расп. I, 10.

висить отъ университета, имѣть въ непосредственномъ вѣденіи своемъ всѣ училища въ губерніи и наблюдаетъ, дабы всѣ предписанныя постановленія и правила во всѣхъ ввѣренныхъ ему училищахъ были исполняемы въ точности (ст. 66, 67, 69). Слѣдовательно, онъ самъ не преподаетъ ученія. Онъ наблюдаетъ, чтобы представляемые имъ на утвержденіе университета учителя были благонравны, имѣли бы потребныя къ сей должности свѣдѣнія, знали способъ преподавать ученіе, въ чемъ ихъ, вмѣстѣ съ учителями гимназій, и испытуетъ, и даетъ испытанному свидѣтельство на способность его. Онъ наблюдаетъ: дабы никто, не имѣющій такого свидѣтельства, не обучалъ, исключая непосредственно опредѣляемыхъ университетомъ (ст. 71). Принимая смотрителей и учителей ласково, не оставляетъ ихъ дѣломъ и совѣтомъ; нерадивыхъ же и въ поведеніи неблагонравныхъ убѣждаетъ; но, не усмотря ихъ исправленія, доноситъ о томъ безпристрастно университету (ст. 72). Онъ наблюдаетъ, чтобы училища снабжены были учебными книгами и пособіями и дабы ни одинъ учитель не обучалъ по другимъ книгамъ (ст. 74, 75), имѣть смотрѣніе за благонравіемъ учащихся. Бude же кто изъ учениковъ, по многократнымъ увѣщаніямъ, останется непреклоненъ, то увѣдомляетъ о томъ его родственниковъ съ объявленіемъ, что въ случаѣ его неисправленія исключенъ будетъ; и если онъ послѣ того еще не перемѣнитъ своего поведенія, то исключаетъ его (ст. 76). Директоръ, въ случаѣ своего отсутствія, препоручаетъ должность свою одному изъ старшихъ учителей (ст. 79). И директоръ, конечно, обязанъ представлять отчеты. Получая чрезъ каждые полгода отъ учителей гимназій вѣдомости по учебной части (объ этихъ вѣдомостяхъ впрочемъ не было упомянуто въ обязанностяхъ учителей), отъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ по учебной и хозяйственной, а отъ содержателей пансіоновъ по учебной только части оныхъ, пресповаждаетъ оныя, равно какъ ежегодныя вѣдомости, въ университетъ, съ приложеніемъ таковыхъ же отъ себя вѣдомостей (ст. 81). Въ донесеніяхъ университету онъ долженъ представлять объ учителяхъ, кои стараются объ усовершеніи себя въ которой нибудь изъ наукъ и можетъ прилагать къ своимъ донесеніямъ сочиненія, или диссертациі, писанныя таковыми учителями.

Смотритель уѣздныхъ училищъ (ст. 104—117) опредѣляется университетомъ по представленію директора гимназій, или и непосредственно (ст. 104). И онъ долженъ быть дѣятеленъ, благонравенъ, знать цѣну воспитанія и имѣть совершенныя свѣдѣнія по крайней мѣрѣ въ тѣхъ наукахъ, которыя предписано преподавать въ уѣздныхъ училищахъ (ст. 105). Слѣдовательно, отъ него требуется болѣе, чѣмъ отъ директора гимназій! Это требованіе состоялось вслѣдствіе отчета академика Севергина объ осмотрѣ училищъ, представленнаго попечи-

телемъ 10 октября 1803 г. Главному училищъ правленію. По уставу 1786 г. смотритель уѣздныхъ училищъ выбирался изъ „гражданъ“. Севергинъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что, вмѣсто купцевъ и мѣщанъ, не имѣющихъ вообще нужныхъ познаній для отправленія сей должности, полезнѣе было бы назначать заслуженныхъ учителей. Въ его вѣденіи состоятъ уѣздныя и приходскія училища. Отъ него требуется, чтобы въ случаѣ отсутствія какого либо учителя, онъ по надобности самъ на время занималъ его мѣсто (ст. 110). Въ случаѣ нерадѣнія учителей и о неисправныхъ ученикахъ онъ доноситъ директору гимназіи (ст. 109, 112); получая чрезъ каждые полгода вѣдомости по учебной и хозяйственной части, препровождаетъ оныя, съ приложеніемъ таковой же отъ себя вѣдомости, къ директору гимназіи (ст. 116). Онъ производитъ открытыя испытанія, награждая отличившихся учениковъ книгами и (чего не постановлено для гимназій) похвальными аттестатами (ст. 115). Прочія постановленія о смотрителѣ училищъ согласуются съ вышеприведенными.

8. *Права учителей по службѣ и по пенсіямъ.* Начальники и учителя учебныхъ заведеній состоятъ въ государственной службѣ, носятъ мундиръ (въ учебныхъ округахъ Московскомъ и Харьковскомъ съ 1804, Виленскомъ съ 1806, С.-Петербургскомъ и Казанскомъ съ 1809 г.) ¹⁾ и считаются въ извѣстныхъ классахъ должностей.

Уставомъ 1804 г. должность директоровъ гимназій (если они „выше чина не имѣютъ“) положена въ VII классѣ, учителей наукъ (старшихъ) въ IX, учителей языковъ (младшихъ) въ X, учителей рисованія въ XII; въ уѣздныхъ училищахъ должность смотрителей въ IX, учителей въ X, учителей рисованія въ XIV (ст. 3, 9, 88); по дѣйствовавшимъ до этого времени законамъ, учитель младшихъ классовъ долженъ былъ прослужить 36 лѣтъ, а старшихъ— 22 года для полученія VIII класса, ²⁾ а ранѣе они не могли быть увольняемы въ отставку безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства ³⁾.

Постановленія о пенсіяхъ, по 23 ст. „Предварительныхъ Правилъ“, посвятившимъ себя учительскому званію въ общественныхъ училищахъ, и которыя желательны, какъ выражено во всеподданнѣйшемъ докладѣ Главнаго Правленія Училищъ „къ доставленію покойной и беззаботной старости многочисленному и полезному классу государ-

¹⁾ Это много способствовало къ возвышенію ихъ въ глазахъ общества; на нихъ стали смотрѣть теперь какъ на дѣйствительныхъ чиновниковъ, пользующихся всеми правами службы. *Вороновъ* I, 170.

²⁾ *Вороновъ*, Янков. стр. 112—Жури. для воспит., IV, 124.

³⁾ *Вороновъ*, Обзор. С.-Петерб. Уч. О. I, 64 и Янков., ib. *Вещель*, Рук. I, 197.

ственныхъ служителей“, ¹⁾ были Высочайше одобрены 7 сентября 1805 г. Въ силу этихъ постановленій всѣ учителя по 20-ти лѣтнемъ непорочномъ и непрерывномъ служеніи получаютъ въ пенсіонѣ одну треть, прослужившіе 25 лѣтъ—двѣ трети жалованья, прослужившіе же 30 лѣтъ—полное жалованье. Вдова, мужъ коей умереть во время службы, получаетъ, если онъ прослужить 20 лѣтъ, одну шестую, 25 лѣтъ—одну треть и 30 лѣтъ—половину жалованья умершаго. Вдова чиновника, умершаго прежде 20 лѣтъ службы, получаетъ одновременно полное жалованье умершаго. Такъ какъ по расчету, сдѣланному по правиламъ исчисленія вѣроятностей, оказалось, что ежегодно понадобится 64,447 р. тогда, когда число пенсіонеровъ дойдетъ до самаго большаго количества, то съ 1 января 1806 г. опредѣленъ въ теченіе 20 лѣтъ непрерывно ежегодный отпускъ министерству 30,000 руб. (для пенсіонеровъ по новымъ штатамъ) 12,000 р. (для пенсіонеровъ по прежнимъ штатамъ) и 20,000 р. для одновременной выдачи полного жалованья вдовамъ чиновниковъ, умершихъ до истеченія 20 лѣтъ ихъ службы. Деньги, оставляемыя на производство пенсіоновъ, должны были составлять особую сумму, подъ названіемъ *пенсіонной*. Такъ какъ до того времени ни сами учителя, ни вдовы ихъ „не имѣли права на пенсію въ случаѣ, если бы они за дряхлостью или болѣзнію принуждены были оставить службу“, то вышеприведенное постановленіе представляло собой значительное улучшеніе для учительскаго сословія. ²⁾

9. *Каникулы и праздники*. Лѣтнія вакаціи продолжаются 4 недѣли (въ іюль), пасхальныя—съ великаго четверга до воскресенья на Оминой недѣлѣ, зимнія—съ 23 декабря до 1 января. Кромѣ того, учебныя занятія прекращались еще и въ другіе церковныя и царскіе праздничные дни. Постановленіе объ этомъ состоялось 14 ноября 1804 г., послѣ того какъ „просвѣщенный митрополитъ Новгородскій Амвросій согласился на просьбу министра объ обращеніи 30 табельныхъ дней въ дни учебныя съ готовностью, которая дѣлаетъ ему самую большую честь, если принять во вниманіе положеніе его и предразсудки толпы“ ³⁾. Но изъ числа отмѣненныхъ 30 праздниковъ семь опять были восстановлены (21 октября 1812 г.) „по тому уваженію, что Грековосточная Церковь издревле чествуетъ особенно сіи великіе дни и что числомъ ихъ только семь“.

10. О *пансіонатахъ* (частныхъ школахъ) въ уставѣ заключаются слѣдующія постановленія (ст. 141—158): желающій завести у себя пансіонъ, долженъ явиться прежде къ директору, приложивъ прошенію

¹⁾ Сб. Пост. изд. 2-ое, I, 432.

²⁾ *Вороновъ*, Яков. 114.

³⁾ *Шторха*, VIII, 17.

своему имѣющіася у него свидѣтельства (о выдержаніи экзамена) и обстоятельный планъ, какія науки онъ въ училищѣ своемъ завести намѣренъ, кто таковы тѣ, кои въ ономъ обучать будутъ, имѣютъ ли они надлежащіа свидѣтельства о тѣхъ занятіяхъ, которыми другихъ учить хотятъ, равно какъ и о способѣ учебномъ и какую плату полагаетъ за содержаніе и ученіе своихъ воспитанниковъ. Поданное такое прошеніе директоръ препровождаетъ въ университетъ (ст. 141). По полученіи дозволенія, проситель имѣетъ право завести у себя такое училище по плану, отъ него представленному. Буде же пожелаетъ открыть ученіе какой-нибудь науки вновь, на то долженъ опять просить дозволенія, также означивъ и часы, имъ для оной опредѣляемые (ст. 142). Хотя при заведеніи пансіона назначеніе учебныхъ предметовъ и оставляется на волю содержателя, однако языкъ русскій долженъ быть необходимо въ числѣ оныхъ (ст. 143). Содержатель долженъ стараться обучать дѣтей закону Божію не иначе какъ по исповѣданію той вѣры, къ которой дѣти принадлежатъ (ст. 144). Онъ обязанъ принимать въ пансіонъ только учителей честнаго и добропорядочнаго поведенія, имѣющихъ письменныя свидѣтельства о способностяхъ и знаніяхъ своихъ и притомъ знающихъ способъ преподаванія въ гимназіяхъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ употребляемый: ибо образъ преподаванія наукъ въ пансіонахъ совершенно долженъ сходствовать съ принятымъ въ означенныхъ училищахъ (ст. 145). На сей конецъ всякъ желающій обучать въ пансіонѣ долженъ въ гимназіи подвергнуть себя испытанію. Для испытанія же въ такихъ учебныхъ предметахъ, въ которыхъ нѣтъ свѣдущихъ учителей въ гимназіи, директоръ находитъ стороннихъ, знающихъ тѣ предметы людей (ст. 146). Содержатели и учителя пансіоновъ обязаны учить, употребляя къ тому я книги, принятія въ общественныхъ училищахъ Россійской имперіи (ст. 148); впрочемъ, не запрещается учителямъ почерпать нужныя изъясненія и изъ другихъ хорошихъ писателей (ст. 149). Прочія постановленія, въ существѣ сходныя съ приведенными выше, касаются нравственнаго воспитанія и внѣшнихъ приличій, на которыя слѣдуетъ обращать вниманіе въ частныхъ школахъ.

11. Главныя постановленія о *хозяйственной части* состояли въ слѣдующемъ: гимназіи и уѣздныя училища содержатся отъ казны на штатномъ положеніи съ дополненіемъ (для гимназій) суммъ, понимъ отъ приказовъ, а также (для уѣздныхъ училищъ) суммъ отъ городскихъ обществъ отпускаемыхъ (ст. 160, 161). Суммы, слѣдующія на содержаніе означенныхъ заведеній изъ приказовъ и городскихъ обществъ, отпускаются по третямъ года впередъ (ст. 163). Директоры гимназій и смотрители уѣздныхъ училищъ производятъ жалованье всѣмъ къ училищамъ принадлежащимъ чинамъ ежемѣсячно и снабжаютъ

училищные дома и учителей дровами, свѣчами и прочими надобностями (ст. 168). Директоръ препоручаетъ надсматриваніе въ каждомъ домѣ одному изъ учителей, въ сихъ домахъ живущихъ (ст. 166). Въ концѣ полугода, равно и при истеченіи года, свѣренныя счеты о приходѣ и расходѣ суммъ по училищамъ, за подписаніемъ директора, отсылаются въ университетъ (ст. 169).

11. *Штаты*. Уже въ 1803 г. (17 марта) Высочайше утвержденное „Примѣрное исчисленіе суммъ“, коимъ положено на каждый университетъ по 130,000 руб., уставами 5 ноября 1804 г. было нѣсколько измѣнено для прочихъ учебныхъ заведеній. Такъ, для 43 губернскихъ гимназій назначено 259,450 р., для 422 уѣздныхъ училищъ 586,680 руб. Прибавивъ къ суммѣ назначенныя 16 января 1804 г. на содержаніе коммерческой гимназій въ Одессѣ 6,500 р. и исключивъ изъ нея 9,150 р. (ибо гимназія и уѣздное училище въ землѣ войска Дюпскаго содержались на войсковыя суммы, а Пензенское дворянство вносило 2,250 р. на свою мѣстную гимназію), получится 843,800 р. Сюда не включенъ Дерптскій учебный округъ, на содержаніе коего отпускалось изъ казны 118,000 р., и губерніи Виленская, Гродненская, Минская, Волынская, Подольская и Кіевская (кромя гимназій и уѣзднаго училища въ г. Кіевѣ), которыя имѣли свои собственные источники. Штатъ училищъ раздѣленъ былъ на три разряда по тремъ поясамъ: сѣверному, среднему и южному. Къ первому отнесены 9 гимназій со штатомъ въ 6,650 р. каждая, ко второму 15 съ 6,150 р., къ третьему 19 съ 5,650 р.; соотвѣтственно сему 90 уѣздныхъ училищъ имѣли штатъ въ 1,600 р., 173 училища въ 1,410 р. и 159 училищъ въ 1,250 р. каждое.

Содержаніе служащихъ по тремъ разрядамъ училищъ выражается въ слѣдующей таблицѣ ¹⁾:

		Для гимназій.		
		1-го разр.	2-го разр.	3-го разр.
Порозну для всѣхъ 3 разр.	Директору	1000 р.	900 р.	800 р.
	4 учителямъ наукъ, каждому по ...	750 „	650 „	550 „
	3 учителямъ языковъ	400 „	—	—
	1 учителю рисованія	300 „	—	—
	На библіотеку	250 „	—	—
	На содержаніе дома, на служителей и проч.	900 „	—	—
Итого.....		6650 р.	6150 р.	5650 р.

¹⁾ Сборн. Пост., изд. 2-е, I, 33.

Для уѣздныхъ училищъ:

	1-го разр.	2-го разр.	3-го разр.
Смотрителю.....	400 р.	350 р.	300 р.
2 учителямъ по	300 „	275 „	250 „
За наставленіе въ законъ Божіемъ.	100 „	80 „	75 „
За рисованіе.....	100 „	80 „	75 „
На содержаніе училищнаго дома			
и проч.	400 „	350 „	300 „

Итого....1600 р. 1410 р. 1250 р.

Сумма эта составляла значительное увеличеніе ¹⁾ въ сравненіи съ прежде отпускавшейся, изъ коей на содержаніе 500 главныхъ и 540 малыхъ народныхъ училищъ приходилось 342.700 р. (на одно главное народное училище 3,000, одно двухклассное народное училище 500, и одно одноклассное 210 р.), а директоръ получалъ 500, учителя наукъ 300—400, учителя языковъ 300, учитель рисованія 150 р., учителя же малыхъ народныхъ училищъ часто я того не получали ²⁾. Означеннымъ возвышеніемъ окладовъ объясняется восторгъ, съ которымъ прославлялась въ Россіи и за границей щедрость монарха. Въ Геттингенѣ, Мейнерсѣ, находившіяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Муравьевымъ, въ писалъ въ тамошнемъ періодическомъ изданіи ³⁾: „Всѣ ординарные преподаватели въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ получаютъ не только титулъ и чинъ дѣйствительныхъ надворныхъ (?) совѣтниковъ, но и потомственное дворянство... Даже усердіе сего (Муравьева) и другихъ отличныхъ государственныхъ людей, заставляющихъ въ высшемъ правленіи училищъ въ С.-Петербургѣ, принесло бы мало пользы безъ безпримѣрной щедрости Александра I, вызвавшего къ новой жизни и возстановившаго высшія, среднія и низшія учебныя заведенія необъятной своей Имперіи“... „По истинѣ“, пишетъ изъ Петербурга достовѣрный наблюдатель, „нельзя вообразить себѣ явленія болѣе отраднаго и благодатнаго, какъ такого Монарха на такомъ престолѣ! Духъ его царствованія сообщается всѣмъ классамъ народа. Вѣжливость, гуманность, мягкость и споспѣшествованіе всему доброму,—вотъ цѣль всеобщаго соревнованія“.

Но было ли жалованье въ 250 — 300 р., по выше приведеннымъ словамъ Карамзина, „избыткомъ челоѣка, воспитаннаго въ незнаніи прихотей“, или же учитель долженъ былъ пополнить его „признательностью благодарныхъ родителей“,—мы оставляемъ вопросъ этотъ нерѣшеннымъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что само правительство до-

¹⁾ Шторхъ, I, 191.

²⁾ Вессель, Ручов. I, 198 прим. 2.

³⁾ Göttinger gelehrte Anzeigen, 1804, кн. 70, стр. 639.

вольно скоро пришло къ убѣжденію, что штаты не были достаточны, и, можетъ быть, сильнѣе всего высказано было это соображеніе въ запискѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 1-го февраля 1819 г. Во вступленіи къ ней мы читаемъ: „при составленіи въ 1804 году училищныхъ штатовъ, сумма на училища отъ казны назначена весьма скудно, въ томъ предположеніи, что она будетъ дополняема отъ градскихъ обществъ“. Кромѣ того, слѣдуетъ указать, что штатныя суммы отпускались изъ государственнаго казначейства, а тѣ суммы, уплата коихъ требовалась отъ городскихъ обществъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, должны были употребляемы на сверхштатныя расходы, какъ напр. на постройки и необходимыя къ нимъ потребности. Но, сказано во вступительномъ къ уставу докладѣ ¹⁾, изъ представленія попечителя училищъ Харьковскаго округа, который, будучи на мѣстѣ, узналъ состояніе оныхъ, равно и изъ представленій другихъ попечителей, явственно, что снабженіе училищъ отъ городовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія весьма скудно, даже плата учителямъ не производится исправно, чѣмъ весьма отягощаются въ бѣдномъ своемъ состояніи, а причину того поманутыя мѣста относятъ къ недостатку своихъ доходовъ. По уваженію такового неудобства, министерство находитъ единымъ и надежнымъ средствомъ прибѣгнуть къ щедротамъ Монарха, прося... и сіе монаршее благотвореніе по крайней мѣрѣ продолжить дотолѣ, пока вообще въ народѣ возрастетъ вкусъ къ наукамъ и вкушаемое отъ нихъ благо воздѣйствуетъ на общества приносить охотно пособія полезному учрежденію“. Затѣмъ уже 24 іюня 1805 г. утверждѣнъ былъ особый штатъ для С.-Петербургской губерніи съ возвышенными окладами содержанія для учителей. По этимъ штатамъ директоръ гимназій получалъ 1500, учителя языковъ, наравнѣ съ учителями наукъ, по 750 р., учителя 5 уѣздныхъ училищъ 400 и 350 р.; на гимназію было назначено 10,755, а всего на гимназію, уѣздныя и приходскія училища 71,350 р., изъ коихъ отпускалось изъ государственнаго казначейства 24,500, отъ города 25,000 и изъ приказа общественнаго призрѣнія 21,000 р. По усмотрѣнію директора и съ утвержденія попечителя было дозволено прибавлять содержаніе тѣмъ изъ учителей, кои отличные въ обученіи юношества будутъ оказывать успѣхи, убавляя, напротивъ того, у менѣе старательныхъ къ должностямъ своимъ, но не выходя однако изъ общей суммы, на жалованье учителямъ назначенной. 9-го декабря 1810 былъ увеличенъ штатъ и для Московской губерніи.

Наконецъ, если общій расходъ на содержаніе училищъ составлялъ приблизительно 2 милліона рублей (съ точностію трудно опредѣлить цифру, отпускавшуюся изъ государственнаго казначейства, такъ какъ

---

¹⁾ Сборн. Пост. изд. 2-е, 1, 293.

министерство располагало известными особаго рода доходами), то при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что, по отзыву г. Богдановича въ 1804 г. государственные доходы простирались до 103 милліоновъ и въ казначействѣ находилось 132 мил., тогда какъ расходы составляли 122 милл. Шторхъ опредѣляетъ доходъ, по „весьма вѣрнымъ источникамъ“, приблизительно въ 109 мил., изъ коихъ ежегодно бываетъ остатокъ отъ 4 до 6 милліоновъ ¹⁾).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ учебная организація въ *Виленскомъ округѣ*, установленная въ главныхъ основаніяхъ уже уставомъ или „общими постановленіями Вил. унив. и училищъ его округа“ 18-го мая 1803 г. По 4-й главѣ устава гимназій имѣютъ шесть классовъ и для преподаванія въ оныхъ наукъ шесть старшихъ учителей, а именно: 1) физическихъ знаній, 2) математики, 3) нравственныхъ наукъ, 4) словесности и латинскаго языка, 5 и 6) для первыхъ классовъ по одному учителю латинской и польской грамматики, начальныхъ правилъ ариметики, географіи и правоученія; четырехъ младшихъ учителей: 1) рисованія, 2, 3, 4) руссійскаго, французскаго, нѣмецкаго языковъ; затѣмъ директора гимназій и его помощника, выбираемаго изъ числа старшихъ учителей, и, наконецъ, духовника. Въ уѣздномъ училищѣ имѣеть быть три класса наукъ и три старшихъ учителя: 1) физики и геометріи, 2) правоученія, словесности и латинскаго языка, и 3) латинской и польской грамматики, начальныхъ правилъ ариметики, географіи и правоученія; три младшихъ учителя: 1) рисованія, 2) руссійскаго языка, 3) французскаго или нѣмецкаго языковъ; кромѣ того полагается смотритель уѣзднаго училища и духовникъ. Болѣе точныя постановленія даны были „Предначертаніемъ устройства училищъ въ округѣ И. Вил. Унив.“ 20-го августа 1804 г. ²⁾, коимъ полагается въ гимназій 7 старшихъ, а въ уѣздномъ училищѣ 4 старшихъ учителя (ст. 3). Въ двухъ низшихъ классахъ гимназій учителя изъ одного класса въ другой не переходятъ и продолженіе наукъ идетъ одинаковымъ порядкомъ. Въ каждомъ изъ сихъ классовъ состоитъ по одному учителю, который преподаетъ: грамматику латинско-польскую 9 ч., ариметикъ 6 ч., обученіе письму 2 ч., начальные правила географіи, правоученіе и латинскія выписки изъ авторовъ 1 часть въ недѣлю. Въ слѣдующихъ пяти классахъ ученикамъ преподаются пять учебныхъ предметовъ пятью особыми учителями, по слѣдующему плану:

---

¹⁾ Исторія Алекс. I, 271; ср. съ 254. Шторхъ, II, 326.

²⁾ Сборн. Пост. изд. 2-е, I, 269, и Штаты и приложенія, стр. 7.

	К Л А С С Ы:				
	III.	IV.	V.	VI.	VII.
Словесность и латинскій языкъ . . .	9 ч.	3 ч.	3 ч.	3 ч.	2 ч.
Математика (геом., алгебра) и (въ VII классѣ) логика	4 "	6 "	4 "	4 "	2 "
Естественная исторія и физика . . .	3 "	5 "	6 "	4 "	2 "
Нравоученіе, право и пол. экономія .	2 "	3 "	3 "	5 "	7 "
Исторія и географія	2 "	3 "	4 "	4 "	7 "

Учители языковъ: руссiйскаго, французскаго, нѣмецкаго и рисованія раздѣляютъ свое преподаваніе на 4 класса, т. е., для начинающихъ обучаться два класса, одинъ (3-й) для успѣвающихъ и одинъ (4-й) для оканчивающихъ обученіе.

	I.	II.	III.	IV.
Руссiйскій языкъ	5 ч.	4 ч.	3 ч.	4 ч.
Французскій	4 "	5 "	4 "	3 "
Нѣмецкiй	4 "	3 "	5 "	4 "
Рисованіе	3 "	4 "	4 "	5 "

Въ каждое воскресенье христiанское ученіе преподается пополудни 1 часть.

Въ уѣздномъ училищѣ расположеніе учебнаго времени и наукъ устроено совершенно по той же системѣ, а именно: въ 1 классѣ одинъ учитель латинско-польской грамматики—3 часа, ариометики и чистописанія—8 час., географіи—2 часа, нравоученія—1 часть. Три старшіе учителя преподають въ классахъ:

	II.	III.	IV.
Латинскій языкъ и словесность	9 ч.	7 ч.	4 ч.
Математику, физику и естеств. исторію .	7 "	7 "	6 "
Нравоученіе, исторію и географію, право, политическую экономію и логику	4 "	6 "	10 "

Три младшіе учителя языковъ: руссiйскаго, нѣмецкаго или французскаго, и рисованія, также раздѣляютъ свои предметы на классы, но только на три.

Эта учебная реформа, которую можно назвать исполнскимъ шагомъ впередъ, конечно, не могла быть проведена безъ содѣйствія *учительскихъ* институтовъ. Самымъ естественнымъ подспорьемъ, прежде всего, служили тутъ университеты ¹⁾, а потому и съ этой точки зрѣнія оказалась необходимою замѣстить каведры возможно способными къ тому людьми. Приходилось вызывать иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ, — мѣра, которая часто подвергалась порицанію; лишь немногіе относились къ ней такъ справедливо и безпристрастно,

¹⁾ Только мимоходомъ упомянемъ объ опытѣ, сдѣланномъ въ 1779 г. проо. Шварцемъ въ Москвѣ, см. *Шварцен* Ист. Моск. Унив., 219, и *Бюграо*. Слов. II. 551.

какъ это сдѣлалъ г. Пыпинъ, который говоритъ: „въ числѣ ихъ многіе были хорошими представителями своихъ специальностей, а иные имѣли уже заслуженное имя въ европейской ученой литературѣ. Эти вызовы иностранцевъ, подвергшіеся потомъ мнимо-патріотическимъ нападеніямъ, служатъ прекраснымъ памятникомъ той солидарности просвѣщенія, какую должны были сознать люди образованные“ ¹⁾. Съ цѣлю подготовленія учителей въ XII главѣ устава университетовъ постановлено слѣдующее: „*педагогическій или учительскій институтъ* образуетъ учителей для гимназій и училищъ, округъ университета составляющихъ, подъ начальствомъ директора, изъ ординарныхъ профессоровъ общимъ совѣтомъ избраннаго“ ²⁾. Въ институтъ должно поступать въ Москвѣ и Харьковѣ по 24, въ Казани 40 воспитанниковъ, на казенномъ иждивеніи содержащихся и притомъ кандидатовъ, т. е. студентовъ, прослушавшихъ въ теченіе трехгодичнаго курса „самыя необходимыя науки, кон должны слушать всѣ, желающіе какимъ бы ни было образомъ быть полезными отечеству“. Директоръ, наблюдая за поведеніемъ учащихся, руководствуетъ ихъ въ ученіи, показывая лучшихъ писателей о наукахъ, главный предметъ ихъ составляющихъ, и наставляя въ искусствѣ преподавать науки яснымъ и систематическимъ образомъ (Уст. §§ 126, 127). Кандидаты, пробывшіе въ институтѣ три года и при новомъ испытаніи оказавшіе ясныя опыты, что приобрѣли знанія другихъ обучать наукамъ и способность преподавать наставленія, получаютъ вторую университетскую степень (магистра), или опредѣляются учителями младшими, или старшими, смотря по достоинствамъ, и должны обязаться подпискою, что не оставятъ учительской должности по крайней мѣрѣ 6 лѣтъ (§§ 128, 129). Изъ магистровъ, болѣе отличившихся, совѣтъ каждые два года избираетъ двухъ для отправленія въ чужіе края (§ 131). Впрочемъ, предварительный курсъ ученія, который каждый долженъ былъ пройти и бывшій въ началѣ существеннымъ условіемъ учительскихъ институтовъ, впоследствии былъ сокращенъ на одинъ, затѣмъ на два года, а въ 1826 г. призванъ палишимъ.

Для *С. Петербурскаго учебнаго округа*, гдѣ не такъ скоро могла возникнуть рѣчь объ учрежденіи университета, уже въ третьемъ засѣданіи Главнаго Правленія училищъ 27 сентября 1802 г. Фусъ заявилъ, что „важнѣйшимъ предметомъ предполагать должно, чтобы привести въ совершенную дѣятельность учительскую гимназію“, или семинарію, которая съ конца 1801 г. существовала только по имени.

¹⁾ Пыпинъ, Общ. движ. при им. Александрѣ, 101.

²⁾ Основую для изложенія исторіи учительскихъ институтовъ намъ послужила прекрасная статья В. В. Игнатова (Ж. М. Нар. Пр. СХХХІV, 191—219, 526—614, 867—887).

Сообразно этому заявленію министр во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ о возобновленіи этого заведенія, между прочимъ, объяснилъ, что „въ послѣднее время, по малому вниманію на учебную часть, оно до того оскудѣло, что въ немъ не находится ни единого воспитанника, приготовленнаго наукою къ занятію учительскаго мѣста. А какъ пачѣ планъ народнаго просвѣщенія Вашему Императорскому Величеству благоугодно было содѣлать несравненно обширнѣе, то и выходя есть необходимость возобновить опустѣвшую здѣшнюю учительскую гимназію, удостовѣрившись долгимъ опытомъ, сколько существованіе оной было полезно“. Докладъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ 20 мая 1803 года. Съ требованіемъ же о присылкѣ учениковъ въ учительскую гимназію изъ духовныхъ семинарій министерство отнеслось, какъ это было въ 1783 и 1784 гг., въ синодъ, „дабы епархіальныя семинаріи удѣлили отъ себя по мѣрѣ возможности учениковъ, которые бы какъ природными своимъ дарованіямъ, такъ и склонностью къ наукамъ, въ коихъ отличились уже въ высшей степени, тѣмъ болѣшую и вѣрнѣшую подавали надежду къ успѣхамъ предуготовленія“¹⁾. „Таковаго же содѣйствія“, сказано дальше, „требовалъ министр отъ Московскаго и Виленакаго университетовъ и Казанской гимназій“. Уже 10 октября явившіеся, по представленію попечителя, 11 студентовъ и 8 гимназистовъ изъ Москвы не могли быть приняты „кромя двухъ, которые нужны къ дополненію предназначеннаго числа“ (100 чел.). Выплаченныя семинаристамъ путевыя деньги въ количествѣ 2,816 руб. были возвращены синоду. 23 января 1804 г. министр могъ донести, что „учительская гимназія“ открыта (открытіе послѣдовало 3-го января); 16 апрѣля 1804 были утверждены правила для *Педагогическаго Института*, который долженъ былъ составлять „отдѣленіе имѣющагося учредиться въ С. Петербургѣ университета“.

„Можетъ быть“, говоритъ Шторхъ (VI, 202), „ни одной изъ мѣръ, касавшихся споспѣшествованія народному образованію, не при-

---

¹⁾ Сборн. расп. I, 9. Впрочемъ о томъ, какъ отчасти были подготовлены семинаристы, Арсеньевъ говоритъ по собственному опыту слѣдующее (см. II. Пекарскій, О жизни и ученыхъ трудахъ академика К. И. Арсеньева, въ Сборн. отд. русскаго языка и слов., IX, 1—78, стр. 2): «Познаній я приобрѣталъ мало. Причиной тому—невѣжество и неспособность учителей. О развитіи понятій дѣтей они не заботились, учили чему учились сами за 20, 30 лѣтъ; за успѣхами въ наукахъ не слѣдовали и не могли; держались старинныхъ руководствъ и заставляли твердить все на память; просматривать или прослушивать заданный урокъ считали они единственною своею обязанностію. Не могу вспомнить теперь безъ сожалѣнія объ отроческихъ лѣтахъ моихъ, почти бесполезно прожитыхъ; только частыя упражненія въ сочиненіяхъ и знанія въ нѣмецкомъ языкѣ, приобретенныя мною въ классѣ, послужили мнѣ въ пользу въ послѣдующіе годы моей жизни».

ходилось побѣждать болѣе препятствій и при томъ имѣть болѣе прочный и дѣйствительный успѣхъ, какъ той, о которой идетъ рѣчь. Не доставало пособій, никакихъ пособій, даже здашя... Все, что было въ наличности—это ветхій домъ и два учителя, уволенные въ отставку; только умъ, неутомимая дѣятельность и твердая воля попечителя Новосильцова были въ состояніи сдѣлать возможными всѣ чудеса, которые были сотворены". Зданіе было возстановлено въ одно лѣто, студенты прійсканы. „Для пріобрѣтенія искусныхъ профессоровъ было вызвано нѣсколько ученыхъ славянской народности изъ австрійскихъ земель (Лѣбди, Кукольникъ, Балугьянскій), и только низшіе предметы поручены туземнымъ учителямъ". По уставу Педагогическаго Института, состоявшему изъ 10 главъ (о внутреннемъ устройствѣ; о конференціи; директорѣ; профессорахъ; ученомъ секретарѣ; бібліотекарѣ; студентахъ; экономѣ; смотрителѣ; лѣкарѣ), въ немъ готовятся молодые люди въ учителя для губернскихъ гимназій. Для сего надлежитъ: 1) принимать въ Педагогическій Институтъ учениковъ съ отличными дарованіями и достаточными въ словесныхъ наукахъ и иностранныхъ языкахъ свѣдѣніями; 2) преподавать въ ономъ положенныя въ губернскихъ гимназіяхъ науки съ возможною обширностію.

Слѣдовательно, указанное здѣсь образованіе учителей не основано было, какъ при университетскихъ институтахъ, на общемъ научномъ образованіи: это скорѣе образованіе адънос. Таковъ былъ принципъ предшествовавшаго періода, когда во главѣ школъ стоялъ Янковичъ. Если онъ и не принималъ дѣйствительнаго участія въ учебно-законодательныхъ работахъ, то принципъ его продолжалъ все-таки дѣйствовать. Планъ ученія, частности коего заключаются въ IV главѣ, обнимаетъ предметы гимназическаго курса, причемъ только нѣкоторые, не поименованные изъ нихъ, напр. общую грамматику, естественное право и право народовъ, слѣдуетъ разумѣть какъ предметы, отнесенныя къ логикѣ или политической экономіи. Преподавался лишь одинъ предметъ, не вошедшій въ гимназическій учебный планъ, а именно химія.

Профессоры и учителя относительно преподаванія должны были соблюдать слѣдующія предписанія:

1. Профессоръ *логики и метафизики* (4 ч.) объясняетъ психологическія предварительныя понятія о душѣ и ея способностяхъ, какъ о предметѣ своей науки. Въ ученіи своемъ онъ заимствуетъ пособіе изъ логики Кизенеттера; по методу Канта написанной. По окончаніи сей науки, продолжать будетъ метафизику по рукописи собственнаго сочиненія, и преподаваніе сихъ наукъ окончить въ теченіе одного года. Онъ же во второмъ отдѣленіи преподаетъ правоучительную философію (3 часа) по Баумейстеровой правоучительной философіи; но поелику сей авторъ, по нынѣшнему состоянію философіи, недостаточенъ, то дѣлаетъ къ оному собственныя дополненія.

2. Второй профессор преподаает *химию и опытную физику* (4 ч.), а *сельское домоводство* (3 ч.) только во второмъ отдѣленіи по тетрадямъ своего сочиненія.

3. Профессоръ *политической экономіи*, слѣдую въ своихъ преподаваніяхъ порядку Зонненфельса, въ 1-й части будетъ читать о родахъ гражданскихъ обществъ, покажетъ начала политическихъ, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и объяснитъ о гражданскомъ благоустройствѣ; во 2-й части о существѣ народнаго богатства и источникѣ оного по правиламъ Смита, Руйша, Герреншвенда и Канара, разбирая и другихъ авторовъ; потомъ предложитъ способы къ распространенію земледѣлія, фабрикъ, коммерціи и мореплаванія; будетъ говорить объ обращеніи денегъ, довѣріи въ торговлѣ, о банкирскихъ векселяхъ и равновѣсіи коммерціи; въ 3-й—о государственныхъ доходахъ и способахъ, какъ привести оныя въ лучшее состояніе, объ обыкновенныхъ доходахъ и какъ можно увеличить оныя, и объяснить объ управленіи помѣщичьихъ и государственныхъ волостей. Потомъ, дошедши до податей, покажетъ какіе могутъ быть сборы съ недвижимыхъ имѣній, съ домовъ, съ приѣма и раздачи суммъ въ процентъ; наконецъ о довѣріи самаго гражданства, банковыхъ и гербовыхъ листахъ и другихъ источникахъ государственной казны.

4. Обучающій *эстетики и латинской словесности* преподаетъ свои предметы одинъ разъ въ недѣлю и курсъ его продолжается два года. Онъ составляетъ курсъ, примѣняясь къ расположенію Мейнерсову и пользуется Эбергардомъ, Эшенбургомъ, Лонгиномъ, Баттѣ, Влеромъ, Лагарпомъ, Жиаромъ и пр. Проходя правила эстетики своимъ порядкомъ, онъ между тѣмъ разбираетъ древнихъ греческихъ и латинскихъ классиковъ; раздробляетъ сочиненія российскихъ прозаическихъ писателей и стихотворцевъ, какъ давно уже извѣстныя, такъ и вновь выходящія. Онъ также занимаетъ учащихся разнаго рода сочиненіями на российскомъ и латинскомъ языкахъ и изрѣдка переводами съ сего послѣдняго.

5. Преподающій *естественную исторію* (3 ч., 2 года) имѣетъ въ виду предназначенное для преподаванія въ губернскихъ гимназіяхъ Начертаніе Естественной Исторіи, изданное Коммиссіею о народныхъ училищахъ. Но какъ въ сей книгѣ минералогія крайне недостаточна, то проходятъ систему Blumenbacha, примѣняясь притомъ къ минералогіи г. Севергина. Для пополненія ботаники и зоологіи и отчасти для присоединенія къ упомянутому начертанію Линнеевой системы, онъ руководствуется переводомъ Ботаники г. Севергина и Зоологіею г. Озерецковскаго. Поелику же важнѣйшее дѣло состоитъ въ наглядномъ упражненіи, то показываетъ онъ минералы въ натурѣ, растенія въ натурѣ или по крайней мѣрѣ на гербаріи и въ рисункахъ, а животныя въ натурѣ и въ рисункахъ. Студенты въ лѣтнее время ходятъ

не только съ профессоромъ, но и безъ него въ кунсткамеру и академической ботанической садъ. Во всѣхъ своихъ наставленіяхъ онъ (профессоръ) изъясняетъ техническія наименованія, новопринятія на русскомъ языкѣ.

6. Преподающій *математику* (4 ч., 2 года) проходитъ: чистую по курсу г. Осиповскаго, а смѣшанную, поелику полного курса на руссiйскомъ языкѣ еще нѣтъ, по курсу Кестнера, употребляя при томъ и другихъ писателей, на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ извѣстныхъ, какъ-то: Вольфа, Цолингера, Метцбурга и имъ подобныхъ.

7. *Всемирная исторія* (3 ч., 2 года). Какъ всемирная исторія г. Шлецера почитается наилучшею ручною книгою, то обучающій исторіи руководствуется симъ авторомъ, изъясняя историческія ея положенія чтеніемъ лучшихъ писателей по сей части, древнихъ и новыхъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и прочихъ. При чтеніи древней исторіи соединяетъ оную съ древнею географіею и проходитъ мифологію каждаго народа, смотря по связи, какую она имѣетъ со словесностію. Онъ наставленія свои сопровождаетъ здравою критикою и философіею, изображаетъ великія картины государствъ, вникая въ причины ихъ славы, счастья и паденія, и вообще ознакамливая слушателей своихъ съ судьбою человѣческаго рода.

8. *Географія* (3., 1 годъ). Преподающій географію, проходя сію науку по книгѣ, изданной для народныхъ училищъ, относительно европейской географіи всевозможно долженъ привести въ большую извѣстность новыя названія мѣстъ и раздѣленіе владѣній, оную составляющихъ, предваряя о обстоятельствахъ, служившихъ къ тому поводомъ. Статистическія и топографическія описанія, особливо Россійскаго государства, суть важнѣйшіе предметы.

9. *Французскій языкъ* (по 4 ч. 3 года) и *нѣмецкій* (по 3 ч. 3 года). Въ 1-й годъ пройдя грамматическія правила и синтаксисъ французскій, учитель показываетъ отличительное свойство языка, слитый въ примѣрахъ, взятыхъ съ латинскаго и руссiйскаго языковъ. Во 2-й годъ, составивъ для себя энциклопедію изъ прозаическихъ писателей и стихотворцевъ, разбираетъ ихъ не только грамматическимъ, но и риторическимъ образомъ. Между тѣмъ онъ изрѣдка занимается учащихся краткими сочиненіями на семъ языкѣ и переводами съ русскаго на иностраннiй языкъ. Сіи упражненія продолжаетъ онъ и въ теченіе 3-го года, съ тою только разницею, что разбираетъ авторовъ труднѣйшихъ. Сверхъ сего, въ свободное отъ ученія время, удѣляетъ нѣсколько часовъ въ недѣлю для препровожденія въ разговорахъ съ учащимися, особливо же во время ихъ прогулки и раздыховъ.

10. *Рисованіе и черченіе* (3 ч.). Научивъ студентовъ рисовать лица и части тѣла человѣческаго, учитель занимается ихъ предметами бли-

жайшими къ естественной исторіи, архитектурѣ и вообще случающимися чаще при руководствѣ, ремеслахъ и искусствахъ.

Только политическія науки преподавались на латинскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ, прочія же по русски (Шторхъ, IV, 330).

По учебному плану образованіе студентовъ долженствовало быть окончено въ три года. Въ первые два обучаются они всѣмъ преподаваемымъ наукамъ, дабы въ случаѣ нужды въ состояніи были замѣнить каждаго учителя. Въ концѣ каждаго года студентамъ дѣлается открытое испытаніе; испытаніе въ концѣ втораго года рѣшаетъ какими науками каждый изъ студентовъ преимущественно долженъ заняться, чтобы приготовить себя къ преподаванію оныхъ въ гимназіяхъ. По таковомъ расположеніи учебныхъ предметовъ, профессоры въ послѣднемъ году занимаютъ студентовъ педагогіею или способомъ ученія. Въ концѣ третьаго года дѣлается строгое открытое испытаніе въ тѣхъ предметахъ, коимъ обучать они приготовлялись (§§ 5 — 9). „Студенты приготовляются быть наставниками юношества въ своемъ отечествѣ, которое даровало имъ воспитаніе и доставило всѣ выгоды общежитія. Они должны исполнить надежды правительства... распространить во всѣхъ состояніяхъ просвѣщеніе... Не надо раздѣлять понятій о познаніяхъ отъ понятій о благонравіи въ истинномъ просвѣщеніи. Почему студенты должны приложить все стараніе, чтобы приготовить нравственность свою въ примѣръ другимъ, а познанія въ наставленіе (ст. 90).

Способъ ученія въ институтѣ. Диктованіе въ классахъ уроковъ запрещается, ибо отъ такого способа обыкновенно происходятъ двѣ невзгоды, 1, предметы наукъ по своей обширности ни довольно объяснены, ни къ назначенному времени окончены быть не могутъ; 2, юношество по большей части удерживаетъ въ памяти только то, что можетъ написать по диктованію, не заботясь о томъ, чтобы напрягать силы разума и стараться размышленіемъ приводить оныя въ совершенство (§ 57). Но дабы не впасть чрезъ то въ другую крайность излишнимъ довѣріемъ къ памяти и старанію учащихся, всякій обучающій долженъ по окончаніи лекціи, или когда ему заблагоразсудится, давать студентамъ списывать вкратцѣ труднѣйшія мѣста пройденныхъ ими матерій (§ 58). Кромѣ того студенты должны кратко записывать лекціи (§ 59).

Въ обхожденіи съ учащимися обучающій долженъ употреблять самыя кроткія мѣры; онъ долженъ быть благосклоненъ, спускающійся и въ словахъ разборчивъ, всегда держа въ памяти, что всякое слово наставника глубоко впечатлѣвается въ сердца молодыхъ людей (§ 60). Наконецъ, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что по § 12 не возбраняется, поелику позволить пространство классовъ,

принимать слушателей, приходящих со стороны, какъ изъ любопытства, такъ и въ намѣреніи посвятить себя учительскому званію.

Офѣйка устройства этого заведенія не трудна: стоятъ только сравнить его съ постановленіями о педагогическихъ институтахъ при университетахъ, въ которые принимались преимущественно казенные воспитанники, „окончившіе трехлѣтнее ученіе въ университетѣ и выслушавшіе нужные курсы для продолженія въ которомъ нибудь отдѣленіи“ (§ 120). Конечно, кажется страннымъ, что студенты должны были слушать всѣ преподаваемые предметы въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ. Изучить сколько нибудь основательно въ два года 15 учебныхъ предметовъ (кромѣ рисованія и черченія), принадлежащихъ къ столь различнымъ областямъ знанія, едва ли физически возможно для учащихся съ обыкновенными способностями. Отличнѣйшія дарованія конечно могли успѣвать и при такой системѣ, но изъ большинства выходили безъ сомнѣнія довольно плохіе энциклопедисты. Правда, имъ оставался еще третій годъ для изученія какого-либо спеціальнаго предмета; но кромѣ того, что подобный срокъ слишкомъ недостаточенъ, студенты, по смыслу §§ 8 и 9, въ теченіе означеннаго года не столько изучали свой спеціальный предметъ, сколько приготавлились обучать ему въ гимназіяхъ¹⁾. Это, безъ сомнѣнія, представляло громадные затрудненія для студентовъ перваго приѣма, — затрудненія, которыя существенно уменьшались, какъ только являлась бы возможность принимать воспитанниковъ изъ преобразованныхъ гимназій, и притомъ такихъ которые уже прошли бы начальныя основанія наукъ; на нихъ то были возлагаемы главныя надежды. Едва ли можно было предвидѣть, что надежды эти не осуществятся; но, во всемъ этомъ выражается только обратная сторона — небывалое до того времени усердіе къ возвышенію уровня народнаго образованія. Противъ сомъ теорій являлись тутъ факты: въ теченіе 13 лѣтъ, съ 1803 по 1816, было три выпуска (300 учителей, „изъ коихъ большая часть поступила въ учительское званіе“); послѣдній же курсъ начался съ 1811 г. и продолжался до 1817 г., около 6 лѣтъ. Причина такого отступленія отъ устава заключалась въ томъ, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ этого курса, „по слабости своихъ познаній, не могли успѣть пройти полный курсъ въ опредѣленное время“²⁾. Кромѣ того упоминается о предписаніи гимназіямъ 1810 года, въ силу коего присланные въ институтъ ученики, если при приѣмѣ окажутъ слишкомъ слабыя познанія, должны быть отсылаемы обратно на счетъ лицъ, подписавшихся на гимназическомъ свидѣтельствѣ³⁾.

¹⁾ *Илатовичъ*, стр. 556.

²⁾ *Вороновъ*, I, 114.

³⁾ *Петровъ*, 2, 9.

Дальнѣйшею заботою Главнаго Правленія Училищъ было составленіе *учебныхъ пособій*. Само собою разумѣется, что бібліотека, собраніе географическихъ картъ, глобусовъ и армілярныхъ сферъ съ небольшимъ атласомъ древней географіи, для пользованія имъ при чтеніи латинскихъ классиковъ и на урокахъ исторіи и географіи, коллекція естественныхъ вещей изъ всѣхъ трехъ царствъ природы, чертежи, модели и машины, геометрическія тѣла, геодезическія орудія, астролябія, компасы и проч., наконецъ собраніе орудій по предмету физики (ст. 30, 31), — все это не могло быть приобрѣтено сразу, хотя кое-что и сохранилось, быть можетъ, отъ прежняго времени. Учебники, напротивъ того, нужны были немедленно, и изъ нихъ весьма большую часть пришлось составить вновь. Такъ, наприимѣръ, въ засѣданіи 15 декабря 1804 года, было прочитано отношеніе Малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина „о томъ, что въ разсужденіи предположенной устроеномъ своимъ и скоро имѣющей открыться въ Черниговѣ гимназій нужны книги для философскихъ наукъ и политической экономіи, коммерціи и для французскаго языка, хотя на первый разъ по числу 100 человекъ гимназистовъ“. На просьбу Куракина „не оставить предметъ сей начальственнымъ покровительствомъ“ послѣдовало опредѣленіе: „хотя книгъ такого рода отъ Главнаго Училищъ Правленія, кромѣ Кестнеровой математики, другихъ не издано, но какъ нѣкоторые изъ оныхъ существовали при Московскомъ университетѣ, то и предоставить и. попочителю сего округа предписать университету, дабы оный... отправилъ прямо отъ себя каждой книги по 100 экземпляровъ въ комитетъ правленія Харьковскаго университета, для доставленія ихъ въ Черниговскую гимназію“. Уже 27 іюня 1803 года былъ образованъ комитетъ, которому поручено озаботиться этимъ дѣломъ. Самымъ дѣятельнымъ членомъ его былъ Фусъ ¹⁾, а вмѣстѣ съ нимъ Румовскій и Озерецковскій. 1 декабря 1804 года, Фусъ представилъ списокъ книгъ, необходимыхъ по новому учебному плану; въ мартѣ 1805 г. была одобрена и опубликована въ газетахъ составленнымъ же программа, въ коей помѣнованы названія книгъ, удобныхъ для перевода на русскій языкъ, а также такихъ, которыя слѣдовало вновь

¹⁾ Какихъ основаній придерживался Фусъ, просматривая учебники, видно изъ представленнаго имъ 10 ноября 1826 г. мнѣнія: „По 22-хъ лѣтней привычкѣ я все свое вниманіе прилагаю къ точному рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: написаны ли учебники по зрѣло обдуманному плану, изложены ли въ нихъ науки по современному ихъ состоянію ясно и основательно, расположены ли въ нихъ предметы методически, не слишкомъ ли они пространны или сжаты въ сравненіи съ временемъ и предѣлами учебнаго курса тѣхъ занятій, для коихъ назначены. Рѣшеніе этихъ задачъ составляло одну изъ самыхъ главныхъ и трудныхъ сторонъ въ занятіяхъ моихъ по Главному Правленію Училищъ съ 1803 г.“

составить или сократить, и сдѣланъ вызовъ желающимъ заняться этою работою; 15 книгъ предполагалось перевести съ нѣмецкаго, изъ нихъ: книгу для чтенія на латинскомъ языкѣ для начинающихъ Гедике, энциклопедію Клюгеля, его же учебникъ нѣмецкаго языка, психологію и правоученіе; сокращенную всемірную исторію Ремера, опытъ логики Эберлинга, начертаніе всеобщей грамматики Фатера. Руководства по политическимъ наукамъ, русской статистикѣ и зоологіи были обѣщаны русскими учеными ¹⁾. Министерство взяло на себя издержки по изданію, равно какъ плату за трудъ, составлявшую обыкновенно 15 рублей съ печатнаго листа. Такимъ образомъ курсъ философскихъ наукъ въ четырехъ частяхъ (всеобщая грамматика и логика, психологія и мораль, эстетика и риторика, естественное и народное право съ приобщеніемъ политической экономіи), вышедшій отъ 1809 по 1814 г., доставилъ автору, профессору—сперва въ Харьковѣ, затѣмъ въ Петербургѣ—Якобу (1807—1816) 5,000 рублей.

Но и здѣсь дѣло шло не достаточно быстро, ибо оказался недостатокъ въ способныхъ людяхъ. Только въ 1807 году были отпечатаны переводы Ремера, Эберлинга, Фатера и въ томъ же году Опытная Физика Шрадера, переведенная при содѣйствіи бывшаго впоследствии академикомъ Петрова ²⁾ и первый трудъ русскаго ученаго, составленный примѣнительно къ новому уставу, „Сокращенная Географія Россійскаго Государства“ Зябловскаго. Нѣкоторые предметы остались, впрочемъ, безъ вниманія: такъ въ 1814 году слышались жалобы на недостатокъ французской грамматики и лексиконъ, „такъ какъ ни Главное Правленіе Училищъ, ни университетъ не издавали словарей, а книгопродавцы продавали ихъ по чрезмѣрно дорогой цѣнѣ“ ³⁾.

Изъ книгъ, оставшихся въ употребленіи отъ прежняго времени, заслуживаетъ наиболѣе вниманія та, которая имѣла цѣлью дополнить преподаваніе закона Божія правилами правоученія и сверхъ того сообщить разныя познанія, необходимыя для гражданина. Книга эта продержалась слишкомъ тридцать лѣтъ, а именно до 1819 года, и въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Заглавіе ея: „О должностяхъ чловѣка и гражданина, книга къ чтенію, опредѣленная въ народныхъ городскихъ училищахъ Россійской Имперіи“ (общаго между нею и сочиненіемъ Пуффендорфа *De officiis civis et hominis* только одно названіе ⁴⁾). Въ основѣ ея лежитъ поло-

¹⁾ *Шторхъ*, IX, 1—46.

²⁾ *Журналъ М. И. Пр.* V, 487.

³⁾ *Сухомлиновъ*, Черн., стр. 42.

⁴⁾ По *Воронову* Янков. 132—Журн. для восп. 1858 г. Т. IV, и *Сухомлиновъ*, Ярослав., 120.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ

Предварительный Комитетъ Высочайше разрѣшеннаго IV Археологическаго Съѣзда спѣшитъ извѣстить всѣхъ желающихъ въ немъ участвовать лично или присылкою своихъ трудовъ и находокъ, что Съѣздъ положено открыть въ Казани 31-го іюля 1877 года, и проситъ посылать всѣ заявленія для Съѣзда на имя Предсѣдателей Предварительнаго Комитета Его Сіятельства, Графа А. С. Уварова, — въ Москвѣ (въ Московское Археологическое Общество) и Его Превосходительства, Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа П. Д. Шестакова — въ Казань, а послыки — въ Казань, на имя Секретаря Предварительнаго Комитета, Доцента Императорскаго Казанскаго Университета Д. А. Корсакова.

Подробная программа Съѣзда будетъ публикована въ непродолжительномъ времени.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ВЪ ШЕСТНАДЦАТИ ВЫПУСКАХЪ

издаваемый

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. Н. Березинымъ.

Выпускъ XII, тетрадь 2, окончаніе II.

Цѣна за полное изданіе 60 руб., за восемь выпусковъ 30 руб. Отдѣльно по годамъ: годъ первый (выпуски I, II, и III) 13 руб., годъ второй (выпуски IV, V, и VI) 13 руб., годъ третій (выпуски VII, VIII IX и X) 16 руб., годъ четвертый (выпуски XI, XII и XIII) 12 р.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разслана подписчикамъ II-я,
ФЕВРАЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Волненія крупнотныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II. очеркъ В. М. Сетовскаго.—II. Преобразователи русскаго войска въ царствованіе императора Павла.—III. Отечественная война: событія съ 16-го октября по 6-е ноября 1812 г., изслѣдов. А. Н. Попова.—IV. Россія сто лѣтъ тому назадъ, путешестіе въ 1778 г. англ. историка Кокса.—V. Война Россіи съ Турціей въ 1854 г.: донесенія и записки кн. М. Д. Горчакова и кн. И. О. Паскевича: письма императора Николая Павловича.—VI. Кн. А. С. Меншиковъ и событія въ Севастополѣ, рассказы А. А. Панаева. VII. Стихотворенія М. Ф. Рыльского вновь найденныя. Сообщ. П. А. Ефремовъ.—VIII. А. Н. Стровъ: его очерки и замѣтки.—IX. Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, біографическій очеркъ.—X. Записная книжка «Русской Старины»: очерки, историческіе рассказы и анекдоты.—XI. Перечень русско-историческихъ книгъ.

При этой книгѣ приложенъ портретъ графа А. М. Мамонова, генералъ-адъютанта Екатерины II, гравированъ на мѣди акад. И. П. Поналестинъ.

Гг. многогородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подписчики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленія Главной Конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами при каждой книгѣ 8 руб. съ пересылкой.

Лица и учрежденія подписавшіяся на «Русскую Старину» 1877 г. до перваго мая сего года получаютъ бесплатно портретъ Н. В. ГОГОЛЯ, отпечатанный красками, точный снимокъ съ портрета писаннаго съ натуры знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ.

Въ редакцію и въ ея конторы можно получить: „Русскую Старину“ 1876 г. въ 12 книгъ съ портретами Александрія, Екатерины II, Пугачева, кн. Зубова, Михельсона, Ермолова, Билинскаго и друг. Цѣна 8 руб. съ пересылкой. Также можно получить третье, значительно исправленное, изданіе «Русской Старины» 1870 г. (годъ первый), 12 книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ выписками, снимками и портретами. Цѣна 8 руб. съ пересылкой (имѣется не много экземпляровъ).

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ
греческимъ временамъ. . . . . Э. Чернаго.

Два русскихъ изданія Софокловой трагедіи
Филоклетъ . . . . . В. Грингмута.

Грамматическія замѣтки . . . . . А. Фохта.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Продолженіе) . . . . . Е. Шмида.

РЕДАКТОРЪ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-я февраля)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и науки, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

7

6019
21

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts

1994**

3 2044 022 671 739

